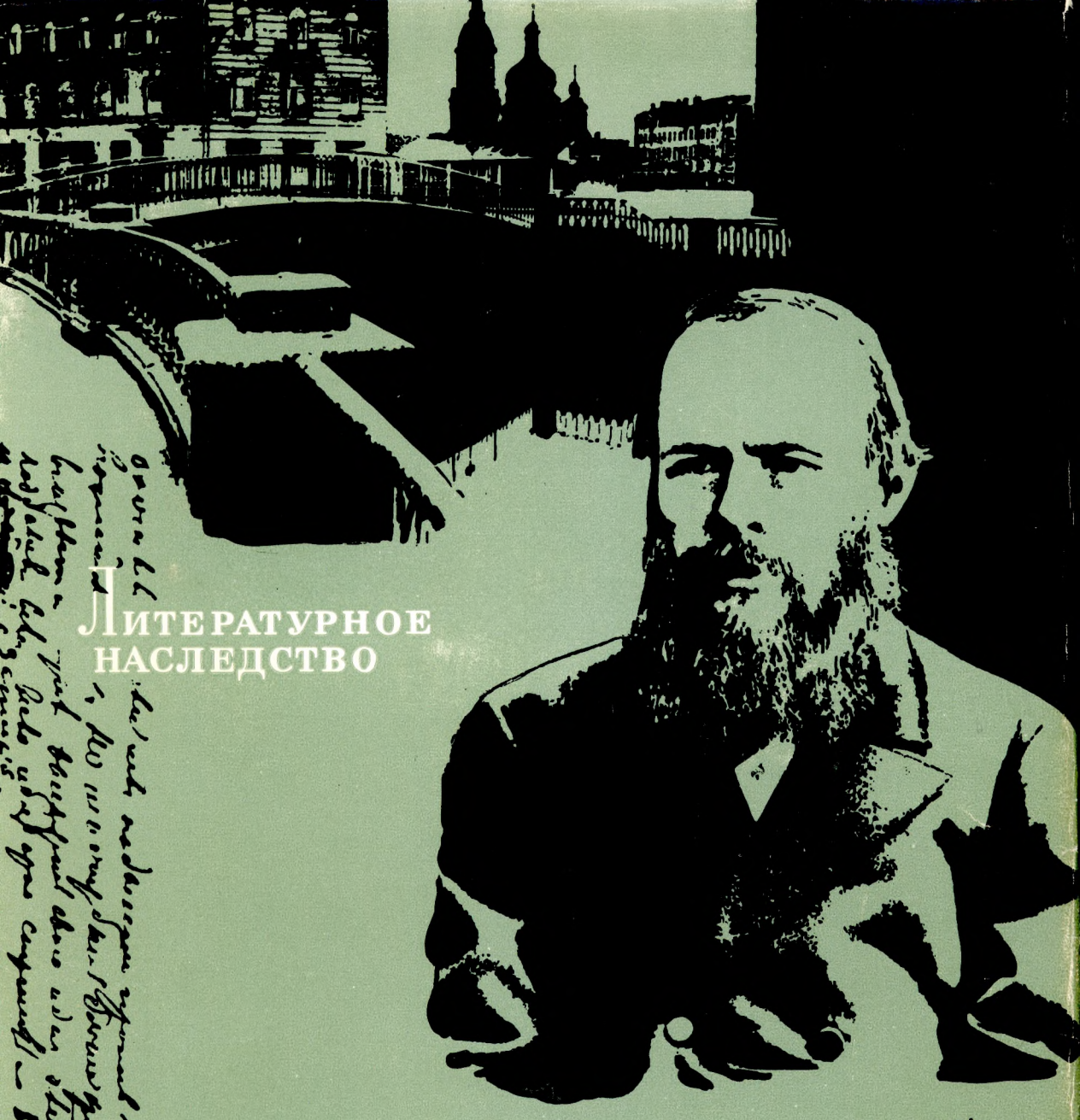


Литературное наследство

НЕИЗДАННЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

В томе «Неизданный Достоевский» публикуются записные книжки и тетради писателя за два десятилетия (1860—1881 гг.).

Записными книжками и тетрадями Достоевский постоянно пользовался в работе над романами, повестями и публицистическими статьями; здесь бесчисленные отклики на общественные события, газетные сообщения, журнальные выступления, биографические записи, а также деловые заметки, связанные, в частности, с редакторской работой писателя.

Материалы тома значительно обогащают представление об идейной эволюции и творческом пути Достоевского, о трагических противоречиях его мировоззрения.

Большое место в тетрадях занимают размышления о литературе и искусстве, о русских и зарубежных писателях; в них содержатся наброски неосуществленной статьи об истории мировой литературы от античности до современности, заметки о связи сатиры и трагедии, о реализме и натурализме.

Среди записей, относящихся к художественным замыслам, до сих пор оставались совершенно неизвестными ранние наброски к «Братьям Карамазовым» и повести «Кроткая», планы романов «Отцы и дети» и «Мечтатель».

Комментарий к записным книжкам и тетрадям Достоевского подготовлен коллективом литературоведов. Публикации предпосланы две исследовательские статьи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

НЕИЗДАННЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ

РЕДАКЦИЯ
В. Г. БАЗАНОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, С. А. МАКАШИН, К. Д. МУРАТОВА,
Р. М. САМАРИН, Л. И. ТИМОФЕЕВ, Н. А. ТРИФОНОВ,
М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА (ГЛАВ. РЕД.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 1

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО — ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

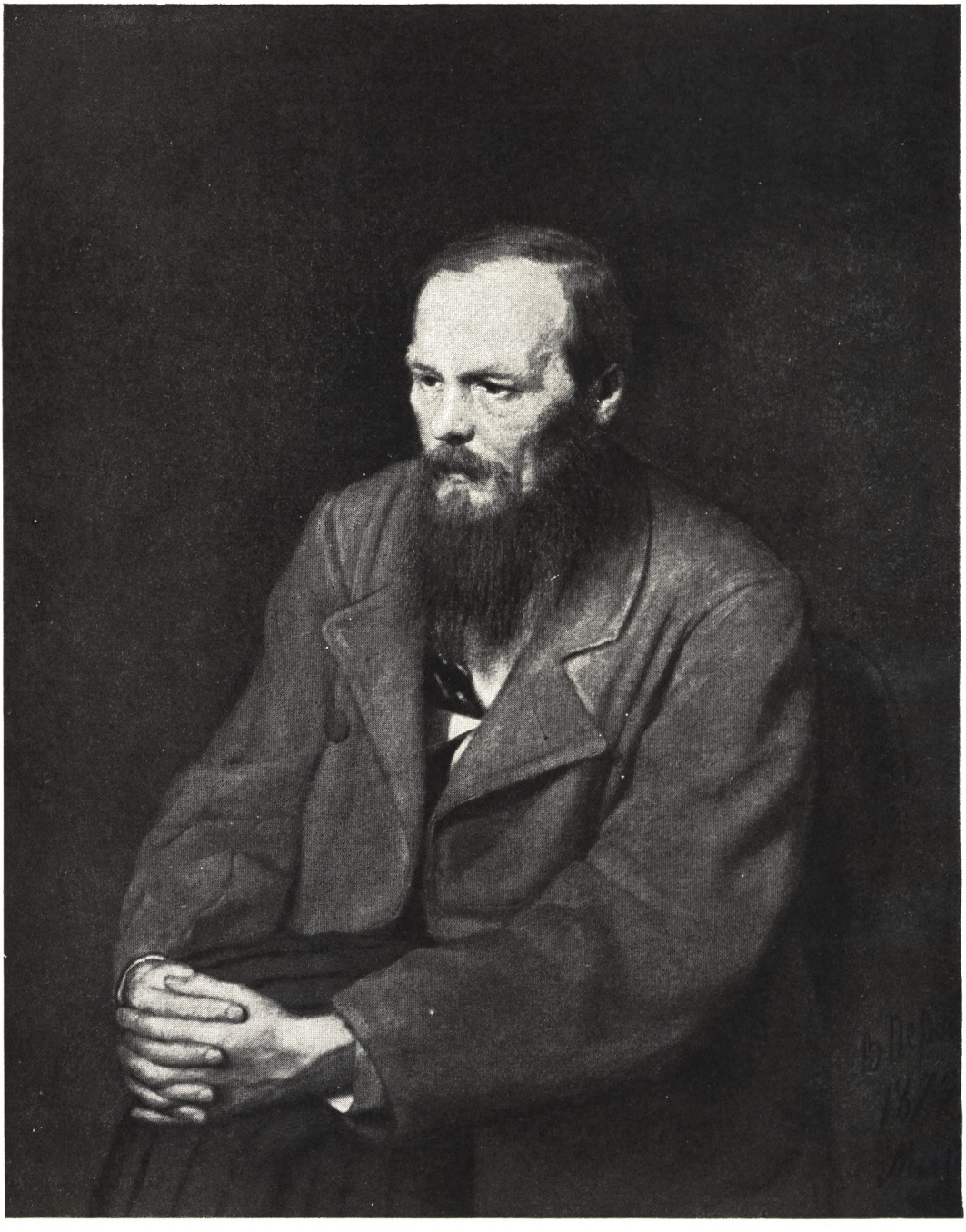
НЕИЗДАННЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ И ТЕТРАДИ
1860—1881 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 1

7—2—2
122—71 (II)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОКОВОЙ



Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ
Портрет маслом кисти В. Г. Перова, 1872
Третьяковская галерея, Москва

ОТ РЕДАКЦИИ

В рукописном наследии Ф. М. Достоевского записные книжки и тетради занимают особое место. В них отражена работа Достоевского над воплощением художественных и публицистических замыслов в течение двух самых значительных десятилетий его деятельности — 1860—1881 гг., наглядно представлен сложный творческий процесс великого писателя. Здесь находятся также заметки для памяти, биографические записи, деловые дневники редактора журналов «Время», «Эпоха», а позднее — «Гражданин», но главное содержание книжек и тетрадей — записи творческого характера. Причем это не только «заготовки», сделанные впрок, не отдельные наблюдения, мысли, зарисовки, которые могут пригодиться впоследствии, а главным образом вдохновенный и обычно мучительный процесс работы над созданием произведений.

Своеобразие записных книжек и тетрадей Достоевского — в разносторонности их содержания: они представляют собой и собственно записные книжки, и дневники писателя, и прежде всего — его творческие рукописи. По-видимому, сам Достоевский считал записные книжки и тетради наиболее ценной частью своего архива и старался сохранять их. Показательно, что из всех творческих рукописей Достоевского первой половины 60-х годов за исключением одиночных маленьких отрывков из «Униженных и оскорбленных» и «Записок из Мертвого дома», до нас дошли лишь записные книжки и тетради.

В 1871 г. перед возвращением в Россию из-за границы, опасаясь таможенного осмотра, Достоевский сжег рукописи «Идиота», «Вечного мужа» и первой редакции «Бесов». По воспоминаниям А. Г. Достоевской, писатель в ответ на ее настойчивые просьбы согласился взять с собой записные тетради к этим произведениям.

Отношение Достоевского к записным тетрадям как наиболее важной части его творческих рукописей было в полной мере воспринято и Анной Григорьевной Достоевской, которая в 1899 г. сдала на хранение в Государственный банк тетрадь с первоначальными набросками к «Братьям Карамазовым». (Через восемь лет она передала туда и полную рукопись романа.) Материалы эти до нас не дошли, и их местонахождение в настоящее время неизвестно.

Публикация записных книжек началась почти 90 лет назад, когда в 1883 г. в отдельном томе посмертного собрания сочинений Достоевского были напечатаны биография, некоторые письма и часть записей из тетради 1880—1881 гг. Это была наиболее значительная дореволюционная публикация творческих рукописей Достоевского. В советские годы началось их систематическое научное изучение. Из записных тетрадей были извлечены и изданы черновые рукописи романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» и, наконец, «Подросток», творческие материалы которого целиком составили 77-й том «Литературного наследства» (1965 г.).

Часто Достоевский пользовался двумя или даже тремя тетрадями одновременно, причем одна тетрадь могла заполняться в течение нескольких лет и, естественно, что в нее попадали записи, сделанные в разное время и на разные темы. Так, в тетрадях с черновиками к «Преступлению и наказанию» находятся полемические записи

к статьям против «Современника», редакторские заметки по журналу «Эпоха» и другие наброски, сделанные в 1864 г., когда не существовало даже замысла романа о Раскольникове. Разумеется, подобные записи не могут включаться в публикации, специально посвященные творческой истории романа (об этом свидетельствует, в частности, недавно вышедшее полное и серьезно научно подготовленное издание рукописей «Преступления и наказания» в серии «Литературные памятники» (М., «Наука», 1970). Все тексты, находящиеся в тетрадях с творческими рукописями «Преступления и наказания», но не связанные с созданием романа, печатаются в настоящем томе «Литературного наследства».

То же следует сказать и о тетрадях, содержащих рабочие материалы к «Подростку». Под одним переплетом с ними находятся записи, сделанные значительно раньше, в 1873 г., когда Достоевский был целиком занят редактированием журнала «Гражданин» (см. «Дневник по журналу», стр. 304—305) и работой над статьями «Дневника писателя». Первоначальные же наброски к роману «Подросток» относятся лишь к 1874 г. Исходя из этого, редакция «Литературного наследства» поместила в томе 77, который называется «Ф. М. Достоевский в работе над романом „Подросток“. Творческие рукописи», все материалы, связанные с историей создания романа, и перенесла в настоящий том остальные записи, не имеющие к «Подростку» прямого отношения. Редакционное предисловие к тому 77 заканчивалось следующим сообщением: «В настоящем томе публикуются лишь те рукописи Достоевского, которые непосредственно связаны с его работой над „Подростком“. На многих страницах записных тетрадей находятся заметки Достоевского об исторических событиях прошлого и о текущей современности, о литературе и о собственном творчестве. В тех случаях, когда эти заметки не связаны с созданием „Подростка“, они не включаются в настоящую публикацию и будут напечатаны отдельно в одном из следующих томов „Литературного наследства“, озаглавленном „Неизданный Достоевский“». Поэтому глубоко ошибочно утверждение Б. И. Бурсова в статье «Достоевский неизвестный» («Литературная газета», 23 сентября 1970 г.) по поводу издания черновых рукописей «Подростка»: «Как теперь выяснилось (?!) эту публикацию нельзя признать полной». Очевидно критик не прочитал редакционного предисловия к той публикации, о которой пишет. В статье Б. И. Бурсова по какой-то весьма неточной копии, с серьезными погрешностями приводятся записи о Толстом и Михайловском, о Ростиславе Фадееве и Фурье. Связанные с самостоятельными публицистическими замыслами Достоевского, эти наброски закономерно входят в настоящий том, а не в книгу, посвященную истории создания «Подростка», отнюдь не теряя своего значения для общей характеристики духовных интересов писателя середины 1870-х годов.

Научная публикация записных книжек и тетрадей Достоевского представляет значительные сложности. Известно, что писатель заполнял тетради не подряд. Он мог открыть любую страницу, иногда частично исписанную, чтобы торопливо зафиксировать на ней новые мысли и образы. Нередко он переворачивал страницы слева направо, открывал тетрадь с обратной стороны и писал некоторое время в порядке, противоположном принятому ранее, а потом вновь переходил к началу тетради или к любой случайной странице другой тетради. При изучении и публикации записных книжек и тетрадей Достоевского необходимо было восстановить реальную последовательность творческой работы писателя и тот хронологический порядок, в котором сделаны его биографические и деловые записи. В результате материалы записных книжек и тетрадей предстали своеобразной, хотя и отрывочной, летописью духовной жизни Достоевского за двадцать лет.

Публикуемые в настоящем томе материалы одиннадцати записных книжек и тетрадей Достоевского — наиболее значительная часть его рукописного наследия, до сих пор остававшегося еще не изданным. Из книжки 1864—1865 гг. (№ V) печатаются записи литературного и биографического содержания (редакторские заметки по журналу «Эпоха», которые представляют варианты уже имеющихся в предыдущей тетради, в публикацию не входят). Не печатаются также приходо-расходные дневники по продаже книг Достоевского (кассовые счета) из трех последних тетрадей; для иллюстрации даются фотографии таких страниц (стр. 494, 495 и 689).

Часть записей из последней тетради Достоевского, как уже было сказано, напечатана в книге «Биография, письма и заметки из записной книжки», представлявшей первый том «Полного собрания сочинений Достоевского» (СПб., 1883). С тех пор многие из этих записей стали предметом изучения и они часто цитируются в работах о Достоевском. Однако большое количество записей, находящихся в последней тетради, никогда не публиковалось и печатается нами впервые. Кроме того, полностью публикуются все записи, которые раньше были напечатаны с изъятиями или неточно.

Материалы тома существенно обогащают представление об идейной эволюции и творческом пути Достоевского. Оказывается, что еще в середине 60-х годов в основных чертах сложилась та социально-историческая и философская концепция, которая характерна для позднего Достоевского. Об этом свидетельствует, в частности, конспект незаконченной статьи «Социализм и христианство», которой писатель придавал программное значение. В это время были уже сформулированы некоторые темы, нашедшие отражение лишь через десять лет в «Дневнике писателя», да и первый замысел оригинального издания, где бы печатались одновременно художественные и публицистические произведения Достоевского,— прообраз будущего «Дневника» — относится также к середине 60-х годов.

Записные тетради дают возможность лучше понять трагические противоречия мировоззрения Достоевского, его демократизм, страстное стремление к справедливости, истоки его великих открытий и глубоких заблуждений.

Вновь и вновь обращается Достоевский к основным вопросам века: о революции и социализме, о вере и атеизме, о судьбе человека и грядущих судьбах народа и всего человечества.

Тетради Достоевского содержат бесчисленные отклики на общественные события, газетные сообщения, а также конспекты и наброски публицистических статей (часто неосуществленных).

Большое место в тетрадях занимают размышления о литературе и искусстве, о писателях русских и зарубежных. Здесь находятся наброски статьи об истории мировой литературы от античности до современности, заметки о внутренней связи сатиры и трагедии, о реализме и натурализме.

Среди записей, относящихся к художественным замыслам, до сих пор оставались совершенно неизвестными ранние наброски к «Братьям Карамазовым» и повести «Кроткая», планы романов «Отцы и дети» и «Мечтатель» (оба относятся к 1876 г.), а также наброски к повести, предназначенной для «Отечественных записок» (начало 1877 г.).

Известно, что 21 декабря 1876 г. Салтыков-Щедрин, ведавший отделом прозы «Отечественных записок», обратился к Достоевскому с просьбой дать рассказ для февральского номера журнала 1877 г. Вероятно, это предложение было связано с тем сильным впечатлением, которое произвела на Салтыкова повесть «Кроткая», только что напечатанная в «Дневнике писателя» (ноябрьский выпуск 1876 г.). Салтыков писал Достоевскому: «Не можете ли Вы дать февральской книжки хоть небольшой рассказ. Я бы лично приехал просить Вас об этом, но вспомнил, что в конце месяца Вы не имеете свободного времени. Ежели Вы доставите Вашу работу даже к 1-му февраля, то будет не поздно. Пожалуйста, не оставьте это письмо без ответа». Из материалов записной тетради 1876—1877 гг. мы впервые узнаем, что Достоевский откликнулся на просьбу Салтыкова. В январе 1877 г. он сделал ряд набросков для повести с обозначением; «Некрасову» (т. е. в журнал «Отечественные записки»). Но, как видно, работа была прервана из-за большой занятости Достоевского «Дневником писателя».

Комментарий к записным книжкам и тетрадям Достоевского подготовлен коллективом исследователей. Публикации предпосланы две вступительные статьи.

Тексты Достоевского даются в основном по современной орфографии и пунктуации (за исключением тех случаев, где существенно сохранить авторское написание).

Подготовлен к изданию также том «Литературного наследства» «Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования» (т. 86). Здесь будут напечатаны ранее не

публиковавшиеся творческие рукописи Достоевского: единственный дошедший до нас черновой набросок к «Униженным и оскорбленным», фрагменты рукописей «Дневника писателя», «Братьев Карамазовых», «Речи о Пушкине». В томе впервые печатаются недавно обнаруженные в делах цензурного ведомства две запрещенные статьи журнала «Время» о петербургских пожарах 1862 г.; в них писатель решил выступить в печати в защиту студентов, которых обвиняли в поджогах. В разделе неизвестных и забытых воспоминаний большой интерес представляет сохранившийся в стенографической записи А. Г. Достоевской ее дневник, который она вела осенью 1867 г. за границей, куда после замужества поехала вместе с Федором Михайловичем. В разделе разысканий будет напечатана обширная публикация «Достоевский в неизданной переписке современников», которая сделает достоянием исследователей и читателей сотни неведомых фактов из жизни писателя. Там же будут напечатаны сообщения об отношении к его творчеству русских писателей, обзоры материалов о влиянии Достоевского на зарубежную литературу и театр.

В подготовке настоящего тома к печати принимала участие Ф. И. Гринберг. Подбор иллюстраций — Н. Д. Эфрос.

Редакторы тома: И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм.

ТВОРЧЕСКИЕ ДНЕВНИКИ ДОСТОЕВСКОГО

Статья Л. М. Розенблюм

Достоевский не вел дневников в обычном смысле. В отличие, например, от Толстого или Герцена (в 40-е годы) он почти не испытывал потребности изо дня в день записывать пережитое и перечувствованное, заниматься самоанализом с пером в руке. Многое в характере писателя объясняет это: его болезненная застенчивость и скрытность, нежелание доверять самое сокровенное даже бумаге, его способность отдаваться волнениям жизни целиком, до предела, до полного изнеможения, так что на записывание впечатлений недоставало ни времени, ни душевных сил, наконец, его преимущественный интерес к событиям исключительным, к впечатлениям настолько ярким, что они и без того оставались в памяти навсегда вместе с надеждой когда-нибудь рассказать о них читателю. На основе именно таких воспоминаний созданы биографические главы и эпизоды в «Дневнике писателя» 1873, 1876 и 1877 гг.

Нужно иметь в виду также, что Достоевский не принадлежал к числу литераторов, которые любят писать много и легко берутся за перо. Подчас ему трудно было сесть за письмо, особенно если предстояло говорить о своем душевном состоянии. (Письмо было как бы критерием трудности. Так во вступлении к «Дневнику писателя» 1876 г. сказано: «...Я вижу, что я не мастер писать предисловия. Предисловие, может быть, так же трудно написать, как и письмо» [1]).

Нередко, чтобы написать небольшое ответное письмо, Достоевский преодолевал некий внутренний барьер,— боязнь, что слова исказят, упростят мысль и чувство: «Ну, вот и все обо мне,— сообщал он Е. А. Штакеншнейдер,— кроме внутреннего, душевного, но ведь это в письме не опишешь, потому-то и ненавижу писать письма» [2]. Объясняя причины своего молчания В. В. Михайлову, Достоевский признавался: «Вторая причина — мое страшное, непобедимое, невозможное отвращение писать письма. Сам люблю получать письма, но писать самому письма считаю почти невозможным и даже нелепым: я не умею положительно высказываться в письме. Напишешь иное письмо, и вдруг вам присылают мнение или возражение на такие мысли, будто бы мною в нем написанные, о которых я никогда и думать не мог. И если я попаду в ад, то мне, конечно, присуждено будет за грехи мои писать по десятку писем в день, не меньше ⟨...⟩ просто — не умею писать писем» [3]. И в письме к Е. Ф. Юнге о том же самом: «Но если б Вы знали, до какой степени я не умею писать писем и тягочусь писать их» [4].

Разумеется, между письмом и дневниковой записью есть существенная разница. Письмо рассчитано на чужое восприятие, дневник же пишется для себя. Но, видимо, Достоевского более всего затрудняло не то, чем письмо отличалось от дневника, а то, в чем они были сходны: трудна была необходимость прямого монологического выражения своих мыслей и чувств. (Насколько Достоевскому был внутренне чужд монологический тип мышления, прекрасно показал М. М. Бахтин [5].)

И все же Достоевский создал своеобразный дневник: не только известный журнал под названием «Дневник писателя», но его далекий «прообраз»— дневник для себя, который он сам называл «письменной книгой». «Письменные книги»— это записные тетради Достоевского, которые он регулярно вел в течение двух последних десятилетий своей жизни.

Главное содержание каждой тетради составляют рабочие записи к будущим произведениям — художественным и публицистическим,— ради них собственно и заводилась тетрадь. Но рядом или вперемежку с ними — заметки глубоко личного характера, деловые и бытовые записи.

Писатель никогда не расставался с этими тетрадями. Уезжая, он брал их с собой. 15/27 июля 1876 г. Достоевский сообщал жене из Эмса: «Приготовляясь писать, перечитываю мои прежние заметки в моих письменных книгах» [6]. Обращение к прежним книжкам и тетрадям естественно для рабочего процесса Достоевского: начиная с середины 60-х годов в основных чертах определился тот круг проблем, который он разрабатывал и развивал в своем последующем творчестве. Поэтому Достоевскому могли пригодиться наброски мыслей или художественных образов, сделанные много лет назад.

Часто он пользовался двумя или тремя тетрадями параллельно, не соблюдая внешнего порядка, густо испещряя страницу записями самого различного содержания. Предположительный подсчет числа подписчиков, которое мог бы собрать журнал «Время» в 1863 г., дается рядом с наброском неосуществленной статьи «Гоголь и Островский», черновому тексту редакционного «Объявления» предшествуют наметки маршрута первого заграничного путешествия Достоевского. На одном и том же листе, как бы перебивая друг друга, лепятся наброски к «Преступлению и наказанию» и повести «Крокодил». Сверху на листе с первоначальными записями к повести «Кроткая» отмечено, что цензору Ратынскому нужно послать (или послан) экземпляр «Записок из Мертвого дома» и т. д.

Записи биографические, особенно те, что касаются душевной жизни Достоевского, делаются, как правило, очень кратко, здесь есть своя «тайнопись». Например, после полемических рассуждений о том, национальна ли наука, написана одна фраза: «Станция Тверь, profession de foi» (стр. 176 настоящ. тома), которая, очевидно, и без подробностей должна была многое напомнить Достоевскому. 1864 год был очень тяжелым в жизни писателя, 15 апреля умерла его жена, а в июле — любимый старший брат Михаил Михайлович. Событиям этого года и душевному состоянию Достоевского посвящен маленький «дневничок» в записной книжке:

«25 ноября 63 выезд из Москвы. 16 апреля ⟨...⟩. 10 июля, в 7 часов утра — смерть брата Миши. ⟨...⟩ Маша и брат, будущность, потом настоящее» (стр. 188).

Среди набросков к очередному выпуску «Дневника писателя» 1876 г. находим такую запись: «Неискренность в общественных сходках. (Страхов у меня на вечере.)» — стр. 466.

Если Достоевский считал, что событие его личной жизни имеет более широкий психологический или общественный интерес, он писал подробнее, как бы заранее предусматривая возможность литературного воплощения этих переживаний (на двух таких записях мы остановимся ниже). Дневник «для себя», не теряя своей непосредственности и искренности, мог стать и дневником «для других». Таких примеров больше в тетрадях 70-х годов, когда Достоевский поставил перед собой новую, оригинальную творческую задачу создания «Дневника писателя».

Иногда, в силу внешней необходимости, Достоевский прибегал в записных тетрадях и к традиционной форме дневника.

Будучи редактором «Времени» и «Эпохи», а затем — «Гражданина», он должен был изо дня в день вести дела, подытоживать результаты, давать поручения сотрудникам, оценивать поступающие рукописи, отвечать корреспондентам. Поначалу Достоевский стремится организовать свои записи, придать им характер настоящего дневника. Но этого желания хватает не надолго. См., например, «Дневник по журналу ⟨„Гражданин“⟩» (стр. 304). Деловые записи редактора «Эпохи», которые вначале ведутся подряд, в хронологическом порядке, затем приходится разыскивать на далеких от «дневника» листах, среди посторонних заметок. Видимо, по настоянию врачей в июне—июле 1874 г. Достоевский вел «Дневник леченья в Эмсе» с подробным описанием своего самочувствия и всех изменений погоды.

Но такой тип записей не характерен для Достоевского, не для него создан, и он каждый раз оставляет дневник обычного типа, чтобы погрузиться в свой привычный «беспорядок», в котором почти всегда легко и свободно ориентируется.

Основа всех «письменных книг» Достоевского — творческие записи, отражающие повседневный процесс первоначального накопления материала, его вдохновенного превращения в сюжеты и образы новых произведений, процесс интенсивной работы мысли великого писателя, охватывающий проблемы социальные, политические, философские. Духовная жизнь Достоевского отражается здесь предельно непосредственно и подлинно, разумеется, в той мере, в какой это вообще возможно при передаче мыслей и чувств в беглых заметках и набросках. Многочисленные записи дают возможность увидеть Достоевского в делах и заботах журнальных и семейных, в его отношениях с окружающими людьми, понять до конца ту мучительную борьбу с нуждой и болезнью, которую он вел всю жизнь.

Напрашивается сравнение тетрадей Достоевского с записными книжками Л. Н. Толстого, потому что по внешней структуре они необычайно похожи. Например, в записной книжке Толстого 1858—1863 гг. рядом с философскими размышлениями о смерти и бессмертии, о любви, о социальной психологии, о вопросах современной политики находятся заметки к повести «Казаки» и другим произведениям. А рядом с этим — собственно дневниковые записи.

«*2 февраля.* Для каз⟨аков⟩ след⟨ующая⟩ форма. Соединение рассказа Еп⟨ишки⟩ с действ⟨ием⟩.

17 февраля. Есть правда личная и общая ⟨...⟩

23 марта. Заутреня. Я не одет, иду домой.— Толпы народа по мокрым трот⟨уарам⟩. Я не чувствую ничего, что дала жизнь взамен. Истину. Да она не радует, истина. А было время. Белое платье, запах вянувшей ели. Счастье. ⟨...⟩

28 марта. Устаревш⟨ий⟩ Генерал помещик. В комедию. ⟨...⟩

30 марта. ⟨...⟩ Запинки перед проектом Суэцкого канала. ⟨...⟩

11 апреля.— Я видел во сне, что в моей темной комнате вдруг страшно отворилась дверь и потом снова неслышно закрылась. Мне было страшно, но я старался верить, что это ветер. ⟨...⟩ Я проснулся, я был счастлив пробуждением. Чем же я был счастлив? Я получил сознание и потерял то, которое было во сне. Не может ли так же быть счастлив человек, умирая? ⟨...⟩ Ничто не умрет, и я не умру никогда и вечно буду счастливее и счастливее. ⟨...⟩»

И несколько позднее: «*К К⟨азакам⟩*. Ему кажется, что он не любит ее, кажется, что он притворяется. Вдруг она изменяет» [7].

В другой книжке после набросков к «Войне и миру» (октябрь-ноябрь 1865 г.): «Долохов солдатом наблюдает солдат в сражении...» идут, сделанные примерно через год, заметки об искусстве и критике: «1) Критика искусства есть то же, что органическая химия. Она дает анализ, а знание выводов анализа ничего не дает. 2) Поэт лучшее своей жизни отнимает от жизни и кладет в свое сочинение. Оттого сочинение его прекрасно и жизнь дурна» [8].

Толстой, так же как и Достоевский, делает заметки о визитах, бывших и предстоящих, о неотложных делах, о книгах, которые нужно прочесть, ведет хозяйственные расчеты.

Однако при внешнем сходстве еще очевиднее становятся различия. Для Достоевского записи в тетрадях — важнейшее звено творческого процесса, а сама тетрадь — единственное место, куда помещаются дневниковые записи.

У Толстого иначе. С 1858 по 1865 гг. он одновременно с записными книжками вел дневник, отражающий его духовную жизнь гораздо подробнее, чем книжки. Вместе с тем, главная творческая работа Толстого сосредоточена не в книжках. Все ее этапы в полном объеме представлены другими рукописями. Записные книжки в этом случае — «промежуточный» жанр: в них есть и дневниковые элементы, и творческие наброски, и теоретические размышления, и заготовки материала, и просто «разные записи». Интересно сопоставить записи Толстого в дневнике, книжке и творческой рукописи, сделанные одновременно. 23 апреля 1858 г. Толстой отмечает в «Дневнике»: «Ветер, холодный, почки надуваются, 3-го дня были подснежники. Соловей поет 2-й день. Писал немного письмо Ржавского». И 24 апреля: «Писал п⟨исьмо⟩ Р⟨жавского⟩. Идет на лад... Я спокойнее, работал в саду, и лучше стало. Уже и желтые цветы показались. Был дождичек теплый утром. На березах желтый, зеленый нежный по-

кров» [9]. В записной книжке под датой 23 апреля читаем: «Дождь был ночью. На березах волнами зеленеет; трава стала расти с индивидуальностью; тучки еще ходят ночные дождевые, но чувствуешь, что будет жарко... Предлагает жениться Марьяне» [10]. В эти дни Толстым было написано второе письмо Ржавского, которым заканчивалась первая часть «Кавказского романа» (будущей повести «Казаки»). Затем, 25 апреля, Толстой заносит в дневник: «⟨...⟩ С утра покопался в хозяйстве, перечитывал военные рассказы. Последние плохи. Получил письма от Алексеева, Ник⟨олиньки⟩, Дружин⟨ина⟩ о журнале, Колбасина и Alexandrine. ⟨...⟩ Писал конец письма. Небрежно, но идет. Теперь все переделать надо в лето» [11]. В записной книжке с 23 апреля до 9 мая никаких заметок нет.

Роль записных книжек значительно возросла для Толстого в период, когда он перестал регулярно вести дневник (с 12 ноября 1865 г.). 17 апреля 1878 г. он пишет: «После 13 лет хочу продолжать свой дневник» [12]. При отсутствии дневника его функцию несли, как и у Достоевского, только записные книжки. Заметно увеличилась их роль и в творческом процессе. Громадная работа Толстого по созданию «Азбуки» и «Русских книг для чтения» отражена в записных книжках. Сюда занесено множество сюжетов для народных рассказов, а также пословиц и поговорок. Но работа над романами, как и прежде, ведется отдельно (за исключением единичных набросков) и лишь философское осмысление некоторых тем, в частности исторической темы «Войны и мира», имеется в книжках [13]. В 1881 и 1884 гг., когда Толстой ведет дневник постоянно, записи в книжках носят эпизодический характер, сведены к минимуму. В эти годы, отказавшись от художественного творчества, Толстой, естественно, не заносит в книжки и литературных «заготовок». Таким образом, для сравнения с Достоевским наиболее интересны записные книжки Толстого конца 60-х — начала 70-х годов.

Содержание самих записей дает возможность увидеть глубокие психологические различия между их авторами. Огромное внимание Толстого приковано к его собственной жизни, к его внутреннему миру, к малейшим движениям души. Для Толстого — это неисчерпаемый источник познания человека. Не то у Достоевского, который почти не занимается самоанализом, а если пишет о себе, то обыкновенно в связи с какими-то конкретными событиями, происшедшими вне его жизни, но его затронувшими. Вот характерное признание в «Дневнике писателя»: «Я заговорил теперь про себя, чтоб иметь право говорить о других» [14].

В дневниках и записных книжках Толстой всегда пишет о природе, с поразительной чуткостью подмечая все, что ежедневно происходит в этом великом и таинственном мире. Вне природы человек для Толстого непонятен и немыслим. В записных тетрадях Достоевского природы в сущности нет (за исключением нескольких описаний в «Дневнике лечения», которые носят сугубо «прикладной» характер). И хотя автор «Карамазовых» пропел гимн «клейким весенним листочкам» и «голубому небу», наблюдать, подобно Толстому, как «трава растет с индивидуальностью», он не умел.

Зато неизмеримо сильнее, чем Толстой, Достоевский связан с политической, журнальной борьбой своего времени. В его тетрадях эта тема не прерывается ни на один день, в записных книжках Толстого она почти не присутствует. Поэтому записи Достоевского, как правило, обостренно полемичны. Открывая первую же тетрадь 60-х годов, мы сразу входим в атмосферу полемики: «Куда вы торопитесь? (Чернышевск.) Общество наше решительно ни к чему не готово. Вопросы стоят перед нами. Они созрели, они готовы, но общество наше отнюдь не готово. Оно разъединено» (стр. 126). Проходит десятилетие. Многое изменяется во взглядах Достбевского, в его судьбе, но полностью сохраняется манера формировать и отстаивать свои убеждения в горячем споре с идейными противниками, а подчас и с самим собой: «Вспомните Дидро, Вольтера, [Руссо], их век и их веру... О какая это была страстная вера. У нас ничего не верят, у нас tabula rasa» (стр. 367). И вот последние записи в последней тетради: «Вы изолгались и избарабанились. Не всякому же Градовскому отвечать» (стр. 398). Тетради Достоевского наглядно иллюстрируют верность теории М. М. Бахтина об основополагающем значении диалога во всей идейно-художественной системе писателя, в картине мира, им созданной: «Быть значит общаться диалогически»; «Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса — минимум

жизни, минимум бытия» [15]. Толстой во многих записях своих книжек анализирует чуждые ему концепции (например, историка Соловьева), опровергает их, обосновывая свой взгляд, но именно опровергает, а не открывает полемики. При всем могучем правдоискательстве Толстого, у него нет темперамента журнального бойца. Если журнальные баталии для Достоевского-мыслителя — необходимая питательная среда, то для развития философии Толстого они помеха, как всякая суета сует.

Мы видим, что записные книжки и по составу, и по значению в творческом процессе, и по характеру записей глубоко отражают личность автора.

До сих пор записные книжки и тетради Достоевского привлекали внимание исследователей главным образом потому, что они содержат ценнейшие материалы творческой лаборатории писателя, которые дают возможность изучить историю создания его великих романов, некоторых повестей и публицистических статей. Такой подход и закономерен и безусловно плодотворен. Но важен и другой аспект изучения, особенно теперь, когда завершается публикация всех дошедших до нас записных книжек и тетрадей Достоевского. Мы рассматриваем их как своеобразные дневники, где работа над конкретным произведением представляется частью духовной жизни автора в высшем ее проявлении.

Особенно ясно обнаруживается здесь связь полифонизма у Достоевского с авторским сознанием, которое органически вбирает в себя многоголосие эпохи.

I. «ПРАВДА ЛИЧНАЯ И ОБЩАЯ». ИСТОКИ ЖАНРА «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Записные книжки и тетради Достоевского в какой-то мере предопределили жанровые особенности «Дневника писателя», поскольку и для них, и для «Дневника» характерно свободное чередование художественных, публицистических и биографических заметок, отражающих и современную действительность, и жизнь самого автора.

Иногда внутренняя связь «личного» и «общего» выявляется в результате тесного «территориального» соседства разных записей, сделанных в одно и то же время. В других случаях, переживая и осмысливая события собственной судьбы, Достоевский затрагивает на их основе проблемы большого, общечеловеческого значения.

«16 АПРЕЛЯ...»

Среди «дневниковых» заметок Достоевского особое место занимают его философские размышления, записанные на другой день после смерти жены, М. Д. Исаевой, 16 апреля 1864 г. Смерть эта не была неожиданной. Здоровье Марии Дмитриевны, болевшей туберкулезом легких, резко ухудшилось при переезде из Сибири в Петербург. В последние два года положение стало критическим, и по совету врачей, предлагавших изменить климат, она переселилась сначала во Владимир, затем в Москву. Достоевский оставался в Петербурге, он был поглощен редактированием журналов «Время» и «Эпоха», своей литературной работой. В это же время он пережил страстное чувство к А. П. Сусловой. Его отношение к жене в ту пору очень мало напоминало прежнюю безумную любовь, но оставалось сердечное сострадание к близкому человеку, постоянная забота о ее лечении и благополучии, о ее сыне и, главное, ощущение глубокой, вечной связи с женщиной, еще недавно так много значившей в его судьбе.

«Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?» Поразительна чистота и искренность тона! Достоевский нигде, ни единым словом не пытается преувеличить свое страдание, обнаружить «надрыв», его действительно нет. Но громадность проблем, которые он стремится сейчас уяснить: личное бессмертие, причины развития человеческого общества, возможность будущей мировой гармонии,— сами говорят о масштабах переживаемого события. Рассуждая об извечном противоборстве в душе человеческой эгоизма и жертвенности, пронизывающем решительно все отношения между людьми, и в особенности отношения семейные, Достоевский исходит из откровенного бескомпромиссного анализа своей жизни. «Итак, человек стремится на земле к идеалу,—

противоположному его натуре. Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, т. е. не приносил *любовью* в жертву своего *я* людям или другому существу (я и Маша), он чувствует страдание и назвал это состояние грехом. Итак, человек беспрерывно должен чувствовать страдание, которое уравновешивается райским наслаждением исполнения закона, т. е. жертвой. Тут-то и равновесие земное. Иначе Земля была бы бессмысленна» (стр. 175). Главное нравственное стремление отдельного человека и всего человечества Достоевский определяет так: «Закон *я* сливается с законом гуманизма», «И это величайшее счастие». Однако будущее царство гуманизма мыслится лишь по образцу евангельскому (рай Христов): «Не *женятся* и не *посягают*,— ибо не для чего; развиваться, достигать цели посредством смены поколений уже не надо» (стр. 173).

Таким образом «величайшее счастье» оборачивается мировой катастрофой, ибо полностью завершившееся развитие означает конец земного существования человечества («„времени" больше не будет»). И здесь очень ясно проявляется та особенность мышления Достоевского, на которую обычно не обращают внимания исследователи: отсутствие склонности к мистицизму. Как только мысль доходит до этой границы, тема перестает увлекать писателя: «Все себя тогда почувствует и познает навечно. Но как это будет, в какой форме, в какой природе, — человеку трудно и представить себе окончательно» (стр. 174—175). Исследователи обычно ссылаются на идею соприкосновения с «мирами иными» в «Братьях Карамазовых» — в проповеди Зосимы и в знаменитой сцене духовного возрождения Алеши: «Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю ⟨...⟩ „Облей землю слезами радости твоея и люби сии слезы твои..." ⟨...⟩ Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, „соприкасаясь мирам иным". Простить ему хотелось всех и за все ⟨...⟩ Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг...»[16] Но даже и здесь благодатный смысл мистического мироощущения сводится к тому, что оно укрепляет духовные силы человека, делая его борцом за справедливость в делах земных.

Важно заметить, что в записных тетрадях середины 70-х годов Достоевский с большой энергией подчеркивает отсутствие мистических идеалов в своем религиозном сознании: «Я вам ни одного мистического верования еще не дал»,— пишет он, обращаясь к воображаемому оппоненту (стр. 563). И далее: «Я православие определяю не мистической верой, а человеколюби⟨ем⟩, и этому радуюсь» (там же). Эта же мысль повторена в «Дневнике писателя»: «В русском христианстве, по-настоящему, даже и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ,— по крайней мере, это главное»[17].

Несколько раньше он утверждал, что к религии обращается лишь в поисках нравственных оснований жизни: «Всякая нравственность выходит из религии, ибо *религия есть только формула нравственности*» (подчеркнуто мной.— *Л. Р.*— стр. 449). Вскоре Достоевский вновь возвращается к этой теме: «Отделить судьбу мистическую от гражданской. Тут речь вовсе не о [вере] том, об чем вы думаете. Хотя элемент веры очень важен в народе. Здесь же, в настоящем случае, элемент веры в живой жизни есть честь, совесть, человеколюбие, источник всего — Христос ⟨...⟩ Я вам не представлял ни одной мистической ⟨идеи⟩» (стр. 565). Именно так. Самые значительные художественные воплощения христианского идеала Достоевского: Соня Мармеладова, Мышкин, Макар Долгорукий, Алеша Карамазов далеки от мистицизма. Христос для них олицетворяет высшие земные добродетели: самоотверженную гуманность, истинную нравственность.

Очень существенно, что и явление Христа, и мистическое мироощущение человека Достоевский готов подвергнуть научному изучению. В одной из полемических записей, сделанных в конце жизни, он заявляет: «...Огромный факт появления на земле Иисуса и всего, что за сим прошло, требует, по-моему, и научной разработки. А между тем не может же погнушаться наука и значением религии в человечестве,

хотя бы и в виду исторического только факта поразительного своею непрерывностью и стойкостью. Убеждение же человечества в *соприкосновении мирам иным*, упорное и постоянное, тоже ведь весьма значительно» (стр. 695). Познакомившись, видимо, с теорией Лобачевского, Достоевский пытался связать доказательство пересечения параллельных линий в бесконечном пространстве с мыслью о существовании «миров иных» (стр. 699).

Возвращаясь к записи по поводу смерти М. Д. Исаевой, подчеркнем еще раз, что даже в этом случае, наиболее казалось бы подходящем для размышлений мистического свойства, Достоевский не намерен им предаваться. И даже сама мысль о бессмертии («Увижусь ли с Машей?») воспринимается как ощущение непрерывной нравственной связи человека с ушедшими и грядущими поколениями: «Есть ли в таком случае будущая жизнь для всякого *я*? Говорят, человек разрушается и умирает *весь*. Мы уже потому знаем, что не весь, что человек, как физически рождающий сына, передает ему часть своей личности, так и нравственно оставляет память свою людям (№ *пожелание вечной памяти* на панихидах знаменательно), т. е. входит частию своей прежней, жившей на земле личности, в будущее развитие человечества» (стр. 174).

Но если Достоевский без труда мог отстраниться от мистических вопросов, то он никогда не упускал возможности еще раз высказать свои возражения идейным противникам. Такова была неизбежная логика его полемически развивающейся мысли: «Учение материалистов — всеобщая косность и механизм вещества, значит смерть. Учение истинной философии — уничтожение косности, т. е. мысль, т. е. центр и синтез вселенной и наружной формы ее — вещества, т. е. бог, т. е. жизнь бесконечная» (стр.175).

Личность Достоевского — человека и мыслителя с большой силой и полнотой предстает перед нами на тех страницах записной книжки, которые посвящены смерти М. Д. Исаевой.

РАСЧЕТЫ И ПРОЕКТЫ АВТОРА «ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ»

Параллельно с черновыми набросками к роману «Преступление и наказание», сделанными торопливой, нервной скорописью, на соседних свободных страницах Достоевский тщательно ведет подсчеты своих долгов и расходов.

После смерти М. М. Достоевского журнал «Эпоха» остался в крайне тяжелом материальном состоянии, и еще долго, вследствие краха «Эпохи», приходилось платить кредиторам и даже скрываться от них, мечтая о конце этой кабальной зависимости. В записной тетради мы находим «Подробный счет всем долгам». Здесь: «Векселя просроченные, уплата по предъявлению...», «Срочные векселя...» и «Долги на слово...» «Итого всех долгов 〈...〉 15786» (стр. 215—219). А рядом — список расходов, самых необходимых; среди них: «Мне на жизнь — 250» (стр. 216). И как попытка выйти из кризиса — мысль об издании нового журнала или газеты. Рядом с черновиками «Преступления и наказания» четким каллиграфическим почерком ровными столбцами записываются и подсчитываются прибыли от задуманного издания, если оно пойдет успешно. Предусмотрены все издержки и затраты: «при значительном успехе», «в случае весьма значительного успеха» с учетом распространения каждого из двенадцати номеров журнала в Петербурге, Москве и провинции (стр. 219—234).

Личные «дневниковые» записи Достоевского не только соседствуют, но как бы смыкаются с огромной творческой темой социальной неустроенности мира и мучительных стремлений человека найти хоть какой-нибудь выход. Достоевский — плоть от плоти того мира, в котором живут и страдают его герои, он сердцем чувствует их боль и вместе с ними решает «роковые вопросы». Именно такое душевное состояние писателя, когда напряженная работа над романом перебивается отчаянными попытками выйти из собственного кризиса, очень сильно выражено в письме Достоевского А. Е. Врангелю 18 февраля 1866 г.: «Добрейший и старый друг мой, Александр Егорович,— я перед вами виноват в долгом молчании, но виноват без вины. Трудно было бы мне теперь описать вам всю мою теперешнюю жизнь и все обстоятельства, чтобы дать вам ясно понять все причины моего долгого молчания. Причины сложные и много-

численные, и потому их не описываю, но кой-что упомяну. Во 1-х, сижу над работой как каторжник. Это тот роман в „Русский вестник". Роман большой в 6 *частей*. В конце ноября было много написано и готово; я все сжег; теперь в этом можно признаться. Мне не понравилось самому. Новая форма, новый план меня увлек, и я начал сызнова. Работаю я дни и ночи и все-таки работаю мало. По расчету выходит, что каждый месяц мне надо доставить в „Русский вестник" до 6-ти печатных листов. Это ужасно; но я бы доставил, если б была свобода духа. Роман есть дело поэтическое, требует для исполнения спокойствия духа и воображения. А меня мучат кредиторы, т. е. грозят посадить в тюрьму. До сих пор не уладил с ними, и еще не знаю наверно — улажу ли?— хотя многие из них благоразумны и принимают предложение мое рассрочить им уплату на 5 лет; но с некоторыми не мог еще до сих пор сладить. Поймите, каково мое беспокойство. Это надрывает дух и сердце, расстраивает на несколько дней, а тут садись и пиши. Иногда это невозможно. 〈...〉 Упомянув вам о моих хлопотливых дрязгах, я ни слова не сказал о неприятностях семейных, о хлопотах бесчисленных по делам покойного брата и его семейства и по делам покойного нашего журнала. Я стал нервен, раздражителен, характер мой испортился. Я не знаю, до чего это дойдет. Всю зиму я ни к кому не ходил, никого и ничего не видал, в театре был только раз на первом представлении „Рогнеды". И так продолжится до окончания романа,— если не посадят в долговое отделение»[18]. Достоевский признается, что не хочет брать денег вперед у «Русского вестника», чтобы оставаться нравственно свободным: «жмусь и живу нищенски» (там же, стр. 432). И при этом — жгучее желание обогатиться сразу, «вдруг»: «Ведь я мечтаю знаете об чем: продать его (роман — *Л. Р.*) нынешнего же года книгопродавцу вторым изданием, и я возьму еще тысячи *две* или *три* даже. 〈...〉 Но я слишком разболтался о себе. Не сочтите за эгоизм: это бывает со всеми, которые слишком долго сидят в своем углу и молчат» (совсем, как Раскольников!).

Далее Достоевский, по-видимому, намекает на свой проект нового журнального издания, который, судя по записной тетради, был всесторонне обдуман: «Не знаю еще, что буду делать, когда кончу роман. Главное, тогда подновится мое литературное имя и можно будет к осени что-нибудь предпринять. У меня есть план, но надо быть благоразумным.— Вот вам еще факт: страшно усиливается подписка на все журналы и книжная торговля. Это последние сведения от книгопродавцев, да и сам имею факты»[19]. Из суеверного чувства Достоевский не решается посвятить в свой план даже друга, но наедине с собой, молча «в углу», в редких перерывах лихорадочной работы над романом, он лелеял и записывал этот план во всех подробностях.

«...ИХ НАДО ОБЛИЧАТЬ И ОБНАРУЖИВАТЬ НЕУСТАННО»

В тетради 1876—1877 гг. рядом с «Критическими замечаниями» Достоевского о романе Золя «Чрево Парижа» в нижней части листа и на полях мелким, бисерным почерком сделана большая запись. Она касается одного из близких к Достоевскому людей, но при этом имеет отнюдь не только личное, а существенное литературное значение. Это запись о Николае Николаевиче Страхове.

Многое в отношениях Достоевского со Страховым хорошо известно. Не говоря уже о книжках «Времени» и «Эпохи», которые отражают их совместную деятельность в течение пяти лет, напечатаны письма Достоевского к Страхову и Страхова к Достоевскому, их отзывы друг о друге в письмах к другим лицам (особое место среди них занимают письма Достоевского к А. Г. Достоевской и письма Страхова к Толстому). В 1883 г. вышли в свет и до сих пор (несмотря на неточности и умолчания) сохраняют ценность биографического источника «Воспоминания» Страхова о Достоевском. Тем не менее характер дружбы—вражды Достоевского со Страховым, причины постоянно возникавших между ними глубоких разногласий далеко еще не выяснены.

Начнем с 60-х годов. А. С. Долинин, автор статьи «Достоевский и Страхов», считал, что «период существования „Времени" и „Эпохи" 〈...〉 был периодом наибольшей близости между Достоевским и Страховым»[20]. Сравнительно с 70-ми годами это,

конечно, справедливо, но даже и здесь вряд ли можно говорить о единомыслии Достоевского со Страховым, тем более о том, что страховское гегельянство укрепило «веру Достоевского в свой реализм», так как дало ему «философское подтверждение».

В архиве Страхова, который находится в Библиотеке Украинской Академии наук (Киев), сохранился очень интересный документ — незаконченная рукопись его статьи «Наблюдения. Посвящается Ф. М. Достоевскому» [21]. (Полный текст будет напечатан в томе «Литературного наследства» «Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования».) Статья написана в эпистолярном жанре, излюбленном авторами «Времени» и «Эпохи», над чем немало иронизировали публицисты «Современника». Поводом для статьи был большой принципиальный спор Достоевского со Страховым летом 1862 г., когда они вместе жили во Флоренции.

Даже в первом своем заграничном путешествии Достоевский, как известно, был менее всего туристом. В Европе его занимали характеры людей, социальные отношения, политическая жизнь, что ярко отразилось в публицистическом цикле «Зимние заметки о летних впечатлениях». Будучи в Лондоне, Достоевский встретился с Герценом, их беседа оставила доброе впечатление у обоих. «Вчера был Достоевский,— сообщал Герцен Огареву 17 июля 1862 г.,— он наивный, не совсем ясный, но очень милый человек. Верит с энтузиазмом в русский народ» [22]. Страхов отмечает, что тогда Достоевский к Герцену «относился очень мягко и его „Зимние заметки" отзываются несколько влиянием этого писателя» [23]. Мысли о России не оставляют Достоевского. Он уехал из Петербурга в тревожные дни, сразу после пожаров. Две редакционные статьи «Времени» о пожарах были запрещены цензурой. (Их текст будет опубликован в томе «Литературного наследства» «Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования».) «Современник» и «Русское слово» приостановлены на восемь месяцев. Журналу Достоевских удалось избегнуть этой участи; как было сказано в сообщении министра внутренних дел министру народного просвещения: «...Государь император соизволил разрешить не прекращать ныне издания журнала „Время", но с тем, чтобы за ним иметь надлежащее наблюдение» [24]. 7 июля был арестован Чернышевский. Все эти факты нужно иметь в виду, чтобы понять, в каком состоянии душевного напряжения находился Достоевский во время флорентийских бесед со Страховым.

Еще накануне отъезда из Парижа в Лондон Достоевский в теплом дружеском письме звал Страхова за границу, жалуясь на одиночество: «Тоскливое, тяжелое ощущенье. ⟨...⟩ чувствуешь, что как-то отвязался от почвы и отстал от насущной родной канители, от текущих собственных семейных вопросов» [25]. Судя по «Воспоминаниям» Страхова, его долгие беседы с Достоевским за границей и, в частности во Флоренции, где они пробыли неделю, происходили в очень приятных, мирных тонах: «Но всего приятнее были вечерние разговоры на сон грядущий за стаканом красного местного вина» [26]. Так писал Страхов через много лет после смерти Достоевского. Но то, что написал он, обращаясь к самому Достоевскому, сразу же после одного из таких разговоров, и, по-видимому, наиболее важного, воссоздает картину совсем иную.

«В одну из наших прогулок по Флоренции,— пишет Страхов,— когда мы дошли до площади, называемой Piazza della Signoria, и остановились, потому что нам приходилось идти в разные стороны,— вы объявили мне с величайшим жаром, что *есть в направлении моих мыслей недостаток, который вы ненавидите, презираете и будете преследовать всю свою жизнь*. Затем мы крепко пожали друг другу руку и разошлись». (Подчеркнутые нами слова перекликаются с той характеристикой Страхова, которую даст Достоевский в записной тетради почти через полтора десятилетия.)

Страхов отмечает далее, что его радует точность и определенность идейных разногласий с Достоевским: «Знаете ли? Ведь это очень хорошо; ведь это прекрасный случай, лучше которого желать невозможно. ⟨...⟩ Мы нашли точку, на которой расходимся». В чем же эта точка? Страхов доказывает, что существуют идеологи, убежденные, что $2 \times 2 = 4$ и иначе быть не может; те, кто считает, что $2 \times 2 = 5$, заслуживают безоговорочного осуждения, поскольку их увлечения не имеют ничего общего с истиной. По словам Страхова, Достоевский выступил непримиримым противником такого взгляда, с его точки зрения безнадежно ограниченного, ибо нет людей, которые сознательно стремятся к ошибке, и нередко те, кто приходит к неверным выводам, искренне

ищут истину. Страхов следующим образом передает рассуждение Достоевского: «По самой сущности дела всякая мысль имеет свой повод и свое основание, всякая мысль, как широкая и глубокая, так и мелкая и узкая, движется по одним и тем же логическим законам и, следовательно, самое грубое заблуждение носит в себе элементы истины. Следовательно, обвинять кого бы то ни было в абсолютной нелепости совершенно несправедливо».

Нет сомнения, что в таком изложении Страхова есть полемические передержки, присущая ему способность доводить любой аргумент до «логического конца», в данном случае — до абсурда. «И в самом деле,— продолжает он,— смотрите, кого вы против меня защищаете? Ведь вы защищаете решительно всех; вы приносите меня в жертву каждому, кто только ни вздумает открыть рот, потому что что бы он ни сказал и как бы он ни сказал, по-вашему, я обязан непременно понять, что он хочет сказать, и не имеет ли этот желаемый смысл какого-нибудь тайного основания». Страхов считает, что Достоевский предписывает ему такой взгляд на тех, кто не прав: «Хотя и ошиблись, но не хотели ошибиться».

Вряд ли Достоевский считал, что нельзя обвинять в нелепости «кого бы то ни было». Но существо его позиции Страхов передает точно.

Да, действительно, Достоевский был убежден, что нельзя судить идеолога, да и вообще человека по одним лишь последним выводам, к которым он пришел, необходимо понять человека в целом, почувствовать его пафос, внутренний смысл его исканий, найти их «тайное основание». Спор во Флоренции затронул один из главнейших вопросов мировоззрения Достоевского и его творчества. Еще не был написан ни один из великих романов-диспутов, где Достоевский стремился отыскать «зерно истины», некую субъективную правду в жизненной позиции героев, выступающих идейными противниками, но теоретически его художественный метод, как видим, был полностью подготовлен. И не благодаря Страхову, а вопреки ему и в резкой полемике с ним.

Судя по контексту статьи Страхова, в дискуссии между ним и Достоевским вопрос об отношении к «инакомыслящим» стоял вовсе не абстрактно. Речь шла, конечно, о журнальной полемике и прежде всего с лагерем революционной демократии, поскольку «Время» и «Современник» вели ее из номера в номер, и основным теоретиком почвенничества выступал Страхов. В «Воспоминаниях» Страхов отмечал стремление Достоевского в начале 60-х годов не обострять полемики, но приписывал это лишь тактическим соображениям. Статья «Наблюдения» говорит о большем. Достоевский, исходя из глубоких и принципиальных своих убеждений, хотел вести идейную полемику в ином русле, именно так, как он ее начал в статье «Г.—бов и вопрос об искусстве». Совершенно очевидно, что до лета 1862 г. Достоевского не покидало желание вернуться к тому тону полемики, который существовал при жизни Добролюбова и который заметно изменился, когда главными ее участниками стали Антонович и Страхов. Страхов же стоял на своем. Продолжая рассказ о разногласиях с Достоевским, он пишет в той же статье: «Часто возбуждала неудовольствие и недоумение ожесточенная полемика, которую у нас так охотно ведут журналы. Одна из самых чистых и явственных струй в том мутном потоке, без сомнения, та, которую я указываю, то есть, с одной стороны, увлечение до $2 \times 2 = 5$, а с другой стороны,— вражда против всякого 2×2 — *не 4*. Среди многих разделений образовалось, между прочим, в нашей литературе и такое разделение. Оно должно было образоваться, и столкновение между двумя его сторонами было неизбежно и неизбежно будет повторяться».

Однако не нужно думать, что последующий переход самого Достоевского к ожесточенной полемике есть результат влияния Страхова. Процесс борьбы захватывал Достоевского, и в полемическом гневе он доходил до таких крайностей, которые уравновешенному Страхову были неведомы. «А хуже всего, что натура моя подлая и слишком страстная,— признавался Достоевский А. Н. Майкову в письме 28/16 августа 1867 г.—Везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил»[27]. Конечно, полемический азарт Достоевского объяснялся не только его темпераментом, он был продиктован тревогой, как бы ошибочные теории не принесли непоправимого вреда общественному движению, русскому народу. Но и в тех случаях,

когда Достоевский писал в стиле памфлета, его властно тянуло заняться другим — глубоким психологическим исследованием. Об этом, на наш взгляд, выразительно свидетельствует творческая история «Бесов»[28]. Внимательного читателя Достоевского не может удивлять его переход от «Бесов» к «Подростку», от изображения нечаевцев в романе к тому, что написано на эту тему в «Дневнике писателя» 1873 г. Страхова раздражала эта двойственность, он видел в ней лишь дурное противоречие и даже желание подыграть молодому поколению. Салтыков и вслед за ним вся редакция «Отечественных записок» в начале 70-х годов поняли Достоевского лучше, увидев, что главный смысл его произведений заключается в поисках истины, «сущности вещей» и что негодование часто мешает ему «отделить сущность вещей от тех внешних и не всегда приятных для глаз потуг, которыми всегда сопровождается нарождение нового явления»[29]. Салтыков отмечал, что «дешевое глумление над нигилизмом» противоречит главной «творческой силе» Достоевского — «высокой художественной прозорливости».

Обязанность писателя обладать такой прозорливостью, внимательно изучать логику чужой мысли, ища и в ней зерно истины, отстаивал Достоевский перед Страховым как основу своего творческого метода.

Страхов прекрасно понял, что суть разногласий между ним и Достоевским восходит к самой краеугольной и, как сказал бы Достоевский, капитальной проблеме: об отношении к природе человека. Здесь Страхов высказался весь и тем самым очень точно определил противоположное убеждение Достоевского. «Разве хорош человек?— восклицает Страхов.—Разве мы можем смело отвергать его гнусность? Едва ли! Каких бы мнений мы ни держались, когда дело идет об этом вопросе, в нас невольно отзовутся глубокие струны, с младенчества настроенные известным образом. Все мы воспитаны на Библии, все мы христиане, вольно или невольно, сознательно или бессознательно. Идеал прекрасного человека, указанный христианством, не умер и не может умереть в нашей душе; он навсегда сросся с нею. И потому, когда перед нами развернут картину современного человечества и спросят нас, хорош ли человек, мы найдем в себе тотчас решительный ответ: „Нет, гнусен до последней степени“». «Остается сказать еще одно,— заявляет Страхов в заключение:—я не верю ни в философию, ни в экономию, и вообще ни в одну сторону цивилизации, потому что я не верю в *человека*».

Вот самая важная причина, заставившая Достоевского объявить, что есть в убеждениях Страхова нечто, что он будет ненавидеть, презирать и преследовать всю свою жизнь. Христианство без веры в человека представлялось Достоевскому жестоким и оскорбительным, что он позднее покажет в системе Великого инквизитора. Достоевский был художником, который в своих произведениях постоянно развертывал «картину современного человечества»; в отличие от Страхова на вопрос «хорош ли человек» он затруднялся ответить «тотчас». Но с самой юности, вдохновленной идеалами утопического социализма, и до конца дней Достоевский сохранял веру в человека. Иначе, говоря словами его героя, он бы «истребил себя».

Страхов, спокойно прокламирующий презрение к человеку, был идейным антагонистом Достоевского в гораздо большей мере, чем революционные демократы, хотя и выступал в качестве его союзника. От рассуждений Страхова веяло ненавистным Достоевскому схематизмом отвлеченной мысли, пренебрежением к живым интересам человека. Такие взгляды и некоторые неприятные психологические черты (честолюбие, завистливость и одновременно поклонение славе) Достоевский обычно приписывал «семинаристам». «Семинаристом» впоследствии назовет он и Страхова.

Страхов, не верящий в человека, а значит и в народ, должен был казаться Достоевскому *почвенником без почвы*.

Разногласия Достоевского и Страхова не повлияли на их сотрудничество, оно продолжалось. Вероятно, уступая редактору журнала, Страхов в статье «Тяжелое время» («Время», 1862, № 10) пишет о человеческой природе совершенно в его духе: «...Тот оскорбляет человеческую природу, кто воображает, что можно устроить благополучное человеческое общество без содействия его сознания и свободы»[30].

Страхов писал в «Воспоминаниях», что впервые разошелся с Достоевским из-за денежных неприятностей после закрытия «Эпохи». На самом деле отношения еще

задолго до этого стали трудными. 25 июня 1864 г. Страхов писал брату: «С Достоевскими я чем дальше, тем больше расхожусь. Федор ужасно самолюбив и себялюбив, хотя и не замечает этого»[31]. Дружеские связи оживились, как считал Достоевский, после выхода в свет «Преступления и наказания».

В годы пребывания Достоевского за границей (1867—1871) Страхов и Аполлон Майков были самыми регулярными и идейно близкими его корреспондентами. Однако по возвращении писателя на родину многое изменилось. Первоначальная причина расхождения между Достоевским и Страховым не вполне ясна, но сам Страхов свидетельствует об этом разладе недвусмысленно: «Редакция „Гражданина" была предложена Федору Михайловичу князем Вл. П. Мещерским 〈...〉 Со своей стороны, несмотря на несколько охладившиеся отношения, я считал долгом усердно писать тогда в „Гражданине", в котором, впрочем, был сотрудником с самого его начала»[32].

Очевидно в это время духовное общение между Достоевским и Страховым прекратилось совсем, поскольку даже об обстоятельствах, при которых Достоевский стал редактором «Гражданина», Страхов принужден был узнавать от третьих лиц: «Судя по рассказам, он принял на себя редакторство впопыхах, не подумавши»,— сообщал Страхов Н. Я. Данилевскому 11 июня 1873 г.[33] А вот письмо тому же адресату 6 января 1874 г.: «Несчастный Достоевский совсем измучился. Я его очень ценю и многое ему прощаю, но при его теперешней раздражительности просто избегаю с ним видеться»[34]. Некоторые причины недовольства Достоевского названы в письме к нему Страхова 30 января 1874 г.: «...Не вздумайте винить меня в лености, бессердечии апатии и неблагодарности; право, я стараюсь вести себя хорошо и остаюсь вашим искренне преданным и глубоко уважающим. Н. Страхов»[35].

В это же время Достоевский внес в тетрадь едкую характеристику Страхова как «затолстевшего человека»: «Если не *затолстеет*, как Страхов» (стр. 312).

Решение Достоевского передать новый роман («Подросток») в «Отечественные записки» Некрасова и Салтыкова, в журнал, по адресу которого он изливал столько злой иронии в своих письмах из-за границы, еще более отдалило его от Страхова. Но здесь Страхов почувствовал возможность «взять реванш» и выразить Достоевскому свою неприязнь как отступнику. Осуждал Достоевского и Майков.

6 февраля 1875 г. Достоевский так описывал жене свои впечатления от визита к Майкову: «Он же встретил меня по-видимому радушно, но сейчас же увидал я, что сильно со складкой. Вышел и Страхов. Об романе моем ни слова и, видимо, не желая меня *огорчать*. Об романе Толстого тоже говорили немного, но то, что сказали — выговорили до смешного восторженно. Я было заговорил насчет того, что если Толстой напечатал в „Отеч〈ественных〉 записках", то почему же обвиняют меня, но Майков сморщился и перебил разговор, но я не настаивал. Одним словом я вижу, что тут что-то происходит и именно то, что мы говорили с тобой, т. е. Майков распространял эту идею обо мне. Когда я уходил, то Страхов стал говорить, что вероятно я еще зайду к Майкову и мы увидимся, но Майков, бывший тут, ни словом не выразился, что ему бы приятно видеть меня. Когда я Страхову сказал, чтоб он приходил ко мне в Знаменскую гостиницу вечером чай пить в пятницу, то он сказал: вот мы с Аполлоном Ник. и придем, но Майков тотчас отказался...»[36] В другом письме, 11 февраля, Достоевский продолжает: «был 〈...〉 вечером у Страхова. Страхов знает о моем неудовольствии на Майкова, и, кажется, передал ему, потому что Майков прислал мне письмо и приглашает сегодня во вторник к себе обедать. Но я еще вчера вечером его видел у Страхова. Было очень дружелюбно, но не нравятся они мне оба, а пуще не нравится мне и сам Страхов, они оба со складкой»[37]. На следующий день Достоевский опять возвращается к этой неприятной теме: «Я Страхову у Корнилова выразил часть моей мысли, что Майков встретил меня слишком холодно, так что я думаю, что он сердится, ну а мне все равно.— Страхов тогда же пригласил меня к себе в понедельник, а пригласительное письмо Майкова было вследствие того, что Страхов ему передал обо мне. Майков, Анна Ивановна (жена Майкова. — *Л. Р.*) и все были очень милы, но зато Страхов был почему-то со мной со складкой. Да и Майков, когда стал расспрашивать о Некрасове и когда я рассказал комплименты мне Некрасова,— сделал грустный вид, а Страхов так совсем холодный. Нет, Аня, это скверный

семинарист и больше ничего; он уже раз оставлял меня в жизни, именно с падением „Эпохи", и прибежал только после успеха „Преступления и наказания". Майков несравненно лучше, он подосадует, да и опять сблизится и все же хороший человек, а не семинарист»[38]. Эта характеристика Страхова отдаленно предвосхищает то, что Достоевский написал почти через два года.

Отзыв о Страхове в записной тетради касается не только личных его качеств, но и литературной деятельности. Отзыв желчный, презрительный, уничтожающий.

«Н. Н. С. Как критик очень похож на ту сваху у Пушкина в балладе „Жених", об которой говорится:

Она сидит за пирогом
И речь ведет обиняком.

Пироги жизни наш критик очень любил и теперь служит в двух видных в литературном отношении местах, а в статьях своих говорил *обиняком*, по поводу, кружил кругом, не касаясь сердцевины. Литературная карьера дала ему 4-х читателей, я думаю не больше, и жажду славы. Он сидит на мягком, кушать любит индеек и не своих, а за чужим столом. В старости и достигнув 2-х мест, эти литераторы, столь ничего не сделавшие, начинают вдруг мечтать о своей славе и потому становятся необычайно обидчивыми. Это придает уже вполне дурацкий вид, и еще немного, они уже переделываются совсем в дураков — и так на всю жизнь» (стр. 619—620). «Кушать сладко и сидеть на мягком» — на языке Достоевского — привычная формула для обозначения буржуазной сытости и душевной успокоенности. Ср. в той же «Записной тетради»: «Развлечен⟨ие⟩: Жрать, да спать, да гадить, да сидеть на мягком» (стр. 610). В декабрьском выпуске «Дневника писателя» Достоевский, говоря о людях, чьи главные интересы сводятся к удовлетворению плотских потребностей, буквально повторяет эти слова: «О, жрать, да спать, да гадить, да сидеть на мягком — еще слишком долго будут привлекать человека к земле, но не в высших типах его».

Достоевский утверждает, что главный двигатель тщеславия Страхова — это воспоминания о четырех скучненьких брошюрках и многих «обиняковых критиках», да еще два казенные места. Достоевский как будто вовсе забыл, как высоко отзывался он об этих брошюрках и «критиках» Страхова в письмах к нему несколько лет назад: «Вы в эти два-три года *почти* молчания вашего сильно выиграли, Николай Николаевич. (Имеется в виду период после закрытия «Эпохи» до появления журнала «Заря», который редактировал Страхов.— *Л. Р.*) Это мое мнение, судя по вашим „Бедность" (брошюра «Бедность нашей литературы», 1867.— *Л. Р.*) и статье в „Заре". Я всегда любовался на ясность вашего изложения и на последовательность; но теперь, по-моему, вы стоите несравненно крепче. Жаль, что не „Бедностью" вы начали в „Заре", т. е. жалею, что „Бедность" была напечатана раньше. ⟨...⟩ Кстати, заметили вы один факт в нашей русской критике? Каждый замечательный критик наш (Белинский, Григорьев) выходил на поприще непременно как бы опираясь на передового писателя, т. е. как бы посвящал всю свою карьеру разъяснению этого писателя ⟨...⟩ Белинский заявил себя ведь не пересмотром литературы и имен, даже не статьею о Пушкине, а именно опираясь на Гоголя, которому он поклонялся еще в юношестве. Григорьев вышел, разъясняя Островского и сражаясь за него. У вас бесконечная, непосредственная симпатия к Льву Толстому с тех самых пор, как я вас знаю. Правда, прочтя статью вашу в „Заре", я первым впечатлением моим ощутил, что она *необходима* и что вам, чтоб по возможности высказаться, иначе и нельзя было начать, как с Льва Толстого, т. е. с *его последнего сочинения*».

Некоторый элемент заведомого преувеличения в этих словах, конечно, чувствуется. Достоевский хочет быть беспристрастным, заглушить свое ревнивое отношение и к Страхову и к автору «Войны и мира», которого он вовсе не считал представителем «нового слова» в той мере, каким был Гоголь. Достоевский упрекает Страхова за некоторую пассивность, отсутствие интереса к полемике, но в целом горячо хвалит его как критика; «Ясно, логично, твердо сознанная мысль, написанная изящно до последней степени. ⟨...⟩ В конце концов я считаю вас за единственного представителя нашей теперешней критики которому принадлежит будущее. ⟨...⟩ Вы должны непре-

менно написать в год три или четыре большие статьи...»[39] И, наконец, Достоевский признается Страхову: «Вы один из людей, насильнейше отразившихся в моей жизни, и я вас искренно люблю и вам сочувствую»[40].

В характере Достоевского не удивляют такие поистине поразительные контрасты. Достаточно вспомнить, как резко менялось на протяжении трех десятилетий его отношение к Белинскому, не только к идеям Белинского, что нетрудно понять в свете эволюции самого Достоевского, но именно к его личности. Охваченный враждебным отношением к Страхову, Достоевский как бы зачеркивает все доброе в прошлом как нелепость, как заблуждение. Вот его заключительные слова о Страхове в записи 1877 г.:

«Чистейшая семинарская черта. Происхождение никуда не спрячешь. Никакого гражданского чувства и долга, никакого негодования к какой-нибудь гадости; несмотря на свой строго нравственный вид, втайне сладострастен и за какую-нибудь жирную грубо-сладострастную пакость готов продать всех и все, и гражданский долг, которого не ощущает, и работу, до которой ему все равно, и идеал, которого у него не бывает, и не потому, что он не верит в идеал, а из-за грубой коры жира, из-за которой не может ничего чувствовать. Я еще больше потом поговорю об этих литературных типах наших, их надо обличать и обнаруживать неустанно» (стр. 620). Значит, у Достоевского было намерение изобличить Страхова — как некий литературный тип, общественную фигуру, поговорить о подобных лицах в «Дневнике писателя». Желание это высказано весьма энергично.

Трудно не заметить, что кое-что в этой оценке напоминает слова Страхова о Достоевском в печально-памятном письме его к Толстому: «Все время писанья я был в борьбе, я боролся с подымавшимся во мне отвращением, старался подавить в себе это дурное чувство. 〈...〉 Пособите мне найти от него выход. Я не могу считать Достоевского ни хорошим, ни счастливым человеком (что, в сущности, совпадает). Он был зол, завистлив, развратен, и он всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали его жалким и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен. 〈...〉 Я много раз молчал на его выходки, которые он делал совершенно по-бабьи, неожиданно и непрямо; но и мне случалось раза два сказать ему очень обидные вещи. Но, разумеется, в отношении к обидам он вообще имел перевес между обыкновенными людьми, и всего хуже, что он этим услаждался, что он никогда не каялся до конца во всех своих пакостях. 〈...〉 Заметьте при этом, что, при животном сладострастии, у него не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести. Это видно в его романах. Лица, наиболее на него похожие,— это герой „Записок из подполья“, Свидригайлов в „Преступлении и наказании“ и Ставрогин в „Бесах“; одну сцену из Ставрогина (растление и пр.) Катков не хотел печатать, но Д〈остоевский〉 здесь ее читал многим»[41].

Вполне вероятно, что именно в то время, когда Катков, ссылаясь на соображения моральные, отказался печатать в «Русском вестнике» десятую главу «Бесов» («исповедь Ставрогина») из-за эпизода с растлением малолетней девочки, а Достоевский, несогласный с обвинением в безнравственности, «читал ее многим», возникла версия об автобиографичности этого сюжета. По уверению Страхова, Висковатов будто бы слышал признание самого Достоевского. А вместе с тем в той же записной тетради Достоевский сделал заметки, свидетельствующие о желании выступить в печати с объяснением характера Ставрогина, указать на связь его духовной опустошенности с самым тяжким из преступлений. Говоря о «грязном поступке» Ставрогина, Достоевский решительно отвергает рассуждения о «грязи» самого автора, которую якобы «поправляет „Русский вестник“». «В „Подростке“ находил Ав〈сеенко〉 грязь. Это в рассказе-то матери. Неправдоподобность, но это снято с истинного происшествия. Это после-то сыщика и двух девиц. Это после-то повторившейся в Москве истории с дамой, на Сенной две дамы. Возвестил, что „Русский вестник“ поправлял мою грязь. Я не отвечал. Этого не было. Из каких источников. Ставрогин (неверующий, и торжество новой жизни, укор одного грязного поступка)» (стр. 555—556).

Если Достоевскому довелось узнать (а это вполне могло случиться), что в разговорах о «грязи» принимал участие и Страхов, его недавний друг, то становятся понятны-

ми гневные слова писателя: «он и сам делает гадости; несмотря на свой строго нравственный вид, втайне сладострастен и за какую-нибудь жирную грубо-сладострастную пакость готов продать всех и все». Отзыв Достоевского звучит пророчески, как бы предостерегая каждого, кто захочет довериться будущим наветам Страхова.

Можно предположить, что Страхов видел эту запись Достоевского. В то время, когда готовился первый том посмертного собрания сочинений писателя, Анна Григорьевна Достоевская предоставила ему и О. Ф. Миллеру возможность ознакомиться со многими материалами архива писателя. Было решено издать большую часть последней тетради Достоевского, просматривались, видимо, и другие тетради. Об этом косвенно говорит и следующая фраза из «Воспоминаний» Страхова: «В одной из его (Достоевского.— *Л. Р.*) записных книг сохранился листок...»[42] и т. д. Страхов, который был далек от Достоевского в последние годы жизни, вероятно, особенно интересовался его записями, сделанными для себя. То, что А. Г. Достоевская не заметила антистраховской записи Достоевского ни в то время, ни даже впоследствии,— совершенно очевидно, иначе она каким-нибудь образом упомянула бы о ней в заявлении по поводу письма Страхова Толстому. Но как знать, не попалась ли эта страница на глаза самому Страхову и не потому ли, в частности, он писал «Воспоминания» о Достоевском, борясь с «подымавшимся отвращением», стараясь «подавить в себе дурное чувство»?

То, что письмо к Толстому написано Страховым не в порыве горького чувства, а было результатом заранее продуманного намерения, доказывает запись, сделанная им на отдельном листе под заглавием: «Для себя». Она почти текстуально совпадает с началом письма к Толстому: «Во все время, когда я писал воспоминания о Достоевском, я чувствовал приступы того отвращения, которое он часто возбуждал во мне и при жизни и по смерти; я должен был прогонять от себя это отвращение, побеждать его более добрыми чувствами, памятью его достоинств и той цели, для которой пишу. Для себя мне хочется однако формулировать ясно и точно это отвращение и стать выше его ясным сознанием»[43].

Страхов, конечно, понимал, что со временем не только последняя тетрадь Достоевского, но и все остальные будут опубликованы. Знал он также, что когда-нибудь будет издана и переписка Льва Толстого. Быть может, и эту мысль отчасти имел он в виду, направляя письмо Толстому, своеобразный «ответ» Достоевскому.

Рассматривая запись Достоевского о Страхове, важно подчеркнуть, что ее «личное» содержание неуклонно возводится к общественному. Страхов изображен как тип литератора-семинариста, как явление почти нарицательное. С этой темой внутренне связаны и следующие наброски Достоевского о психологии семинариста (стр. 622).

В БОРЬБЕ С ТЯЖКИМ НЕДУГОМ

Даже в таких сугубо интимных записях, как перечень и описание эпилептических припадков Достоевского, обнаруживаются «выходы» в общую, литературную тему. Достоевский систематически записывал дни и часы припадков, свое самочувствие при этом, отмечал влияние погоды и т. д.

Необычайную силу духа проявляет Достоевский в эти минуты. Превозмогая жестокую физическую боль, он при первой же возможности возвращается к работе, подвергает внимательному самоконтролю все свои поступки и душевные движения. Если учесть, что иногда припадки учащались настолько, что их приходилось ждать каждую неделю, можно понять, какую истинно-героическую жизнь вел Достоевский. Вот характерная запись (1875 г.): «8 апреля. Припад⟨ок⟩ в $^1/_2$ первого пополуночи. Предчувствовал сильно с вечера, да и вчера. Только что сделал папиросы и хотел сесть, чтоб хоть две страницы написать романа, как *помню* полетел, ходя среди комнаты. Пролежал 40 минут. Очнулся сидя за папиросами, но не делал их. Не помню, как очутилось у меня в руках перо, а пером я разодрал портсигар. Мог заколоться. Всю неделю сырость, нынче (ночью) лишь полнолунье и, кажется, морозец. *8 апреля* полнолуние. ⟨...⟩ Голова же болит не так чтобы очень. Теперь почти час после припадка. Пишу

это и сбиваюсь еще в словах. Страх смерти начинает уже проходить, но есть все еще чрезвычайный, так не смею лечь. Бока болят и ноги. Пошел будить уже 40 минут спустя Аню и удивился, услышав от Лукерьи, что барыня уехала. Подробно расспрашивал Лукерью, когда и зачем она уехала. За полчаса до припадка принял opii benzoedi: 40 капель с водою. Во время полного беспамятства, т. е. уже встав с полу, сидел и набивал папиросы, и по счету набил их 4, но не аккуратно, а в последние две папиросы почувствовал сильную головную боль, но долго не мог понять, что со мною, пока не пошел к Лукерье» (стр. 350). Такие состояния Достоевский считал еще сравнительно легкими, так характеризует он второй припадок князя Мышкина, случившийся в вечернем собрании на даче Епанчиных: «Припадок, бывший с ним накануне, был из легких; кроме ипохондрии, некоторой тягости в голове и боли в членах, он не ощущал никакого другого расстройства. Голова его работала довольно отчетливо, хотя душа и была больна»[44]. Страх смерти, который отмечает в записной тетради Достоевский, есть результат этой «ипохондрии», временной «болезни души». Вообще же Достоевскому отнюдь не свойственно было это чувство. При страстной, «карамазовской» жажде жизни, при опасной болезни, которая ежечасно грозила катастрофой, Достоевский, в отличие от Толстого, не испытывал мучительного страха смерти. Не случайно эта тема почти не присутствует в его произведениях, столь богатых вечными мировыми проблемами. Если в конце 70-х годов Достоевский, думая о близости конца, с тревогой спрашивает врачей: скоро ли, то только потому, что боится оставить необеспеченными малолетних детей,— понятная забота бедняка! 10 марта 1876 г. он писал брату Андрею Михайловичу: «Моя же ⟨семья⟩ так мала, что и не знаю, что будет. Чрезвычайно бы хотелось прожить лет хоть 7 еще, чтобы хоть немного ее устроить и поставить на ноги. Да и мысль, что детки мои будут помнить мое лицо, по смерти моей, была бы мне очень приятна»[45]. После визита к врачу в Эмсе Достоевский успокаивал Анну Григорьевну: «Затем на мой усиленный вопрос, сказал, что смерть еще далеко, и что я еще долго проживу, но что, конечно, петербургский климат,— надобно брать предосторожности и т. д. и т. д.» [46] И в другом письме: «Все это, милый мой ангел, пишу тебе в такой подробности, чтоб ты за меня не беспокоилась (что видно из письма твоего): все, стало быть, по-старому; болезнь хоть не пройдет, но будет действовать медленно, разумеется, при некоторых мерах всегда иметь предосторожности»[47].

Через три года Достоевский, находясь в Эмсе на лечении, где обычно бывал в подавленном настроении, писал Победоносцеву: «Здесь я уже 3-ю неделю лечусь и не знаю, что будет, между тем при нашем курсе поездка обошлась мне в 700 руб., которые очень и очень могли бы быть сохранены для семейства, я здесь сижу и беспрерывно думаю о том, что, разумеется, я скоро умру, ну через год или через два, и что станется с тремя золотыми для меня головками после меня?»[48] От Победоносцева был получен холодный наставительный ответ: «А что Вы пишете о детях: что с ними станется? На это я скажу Вам — а почему вы знаете, что с ними станется, когда Вы будете живы? Кто из нас, сколько ни заботься, может прибавить себе росту на один локоть? И от чего Вы убережете их, если бог не убережет? Будут терпеть? Но и при Вас разве нет терпения? И Вы сами разве не терпели? И всякому разве не положено терпеть? Предоставьте их богу и себя не смущайте. Мир во зле лежит и полон злых людей, но есть и добрые — их бог посылает в нужную минуту. Не говорю — к чему заботиться, чего опасаться? Но говорю — смерти из-за того не стоит трепетать, что малые дети останутся. И мать у них есть, мать попечительная, а впрочем бог всем отец и все ведает, что неведомо никому»[49]. И хотя Достоевский в общем разделял эти мысли, сам он никогда не был бы способен ответить на душевную боль человека подобной церковнической проповедью. Здесь, как и во многом другом, лежит бездна между Достоевским и Победоносцевым.

Итак, только при мысли о будущем семьи или в болезненном состоянии сразу же после припадков Достоевский испытывал страх смерти. Записи о припадках, которые Достоевский вел в строго хронологическом порядке, мы можем сопоставить с другими фактами его биографии,— и увидим редкую самоотверженность человека, всегда готового забыть о собственном страдании во имя того большого литературного дела, которому посвящена его жизнь. Исследователи обращали внимание на особенную важ-

ность для концепции «Братьев Карамазовых» письма Достоевского к В. А. Алексееву 7 июня 1876 г. В этом письме сформулированы основные проблемы «поэмы» о «Великом инквизиторе»: «В искушении диавола слились три колоссальные мировые идеи, и вот прошло 18 веков, а труднее, т. е. мудренее этих идей нет и их все еще не могут решить...»[50] Письмо Алексеева, вызванное статьей «Дневника писателя» о самоубийстве Писаревой (май 1876 г.) и датированное 3 июня, было получено Достоевским накануне припадка, случившегося 6 июня. В тетради Достоевского находим такую запись: «Июня 6-го из средних, утром, во сне». «Из средних»,— следовательно более сильный, чем тот, так называемый «легкий», а на самом деле достаточно серьезный, который описан 8 апреля (см. стр. 625). Но уже 7 июня, т. е. на другой день, Достоевский пишет Алексееву обширное философское письмо, которое начинается извинением за задержку ответа: «Извините, что отвечаю только сегодня на письмо Ваше от 3-го июня, но был нездоров припадком падучей болезни»[51]. 19 февраля 1877 г., судя по заметке в тетради (стр. 625), Достоевский перенес тяжелый припадок, но через день, 21 февраля, он уже вновь занят «Дневником писателя» и посылает прошение в Главное управление по делам печати: «Продолжая уже второй год издание книги моей „Дневник писателя“, которую я пишу один без сотрудников ежемесячными выпусками, по подписке, имею честь покорнейше просить Главное управление по делам печати разрешить мне издавать оную книжку под тем же заглавием, в те же сроки и в том же объеме, впредь без предварительной цензуры». В публикуемых тетрадях Достоевского отмечены припадки 8 октября 1874 г. и 11 января 1875 г. (стр. 349). Просматривая черновые записи к «Подростку», мы видим, что уже 9 октября (т. е. на следующий день) и 13 января писатель продолжал свою интенсивную творческую работу «как ни в чем не бывало»[52]. Так иногда самые интимные заметки в тетрадях, соприкасаясь с фактами литературного значения, рисуют жизнь Достоевского во всей ее сложности, в непрерывной смене «испытаний» и «преодолений», которые наполняли ее до краев.

А. С. Суворин, хорошо знавший Достоевского в последние годы и однажды видевший его сразу после припадка, писал: «Конечно, мы все знаем, что когда-нибудь умрем, что, может быть, завтра умрем, но это общее положение: оно не страшит нас или страшит только во время какой-нибудь опасности. У Достоевского эта опасность всегда присутствовала, он постоянно был как бы накануне смерти: каждое дело, которое он затевал, каждый труд, любимая идея, любимый образ, выстраданный и совсем сложившийся в голове,— все это могло прерваться одним ударом. Сверх обыкновенных болезней, сверх обыкновенных случаев смерти, у него был еще свой случай, своя специальная болезнь; привыкнуть к ней почти невозможно — так ужасны ее припадки. Умереть в судорогах, в беспамятстве, умереть в пять минут — надобна большая воля, чтоб под этой постоянной угрозой так работать, как работал он»[53].

ЛИЧНОСТЬ ДОСТОЕВСКОГО И ОБРАЗ АВТОРА В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ»

Внутренняя связь между дневниковым и творческим, литературным материалом в записных тетрадях способствовала возникновению того нерасторжимого единства личного и общего, которым отличается жанр «Дневника писателя», созданный Достоевским в 70-е годы. До «Дневника» тоже появлялись статьи, написанные Достоевским от первого лица. Но это авторское «я» другого рода. В предшествующей публицистике Достоевского мы встречаемся с двумя типами повествования от первого лица. Один из них назовем условно собственно-публицистическим: «я сейчас говорил о чистосердечии. Я совершенно уверен... и т. д.» («Свисток» и «Русский вестник», 1861), «Я действительно смеялся (кроме шуток)... Извините, молодой рецензент, но у меня болит сердце» («Молодое перо», 1863 г.), «Я хочу вас изобличить. Я хочу выставить всему свету: кто вы и какой вы именно деятель в отечественной словесности...» («Опять „Молодое перо“», 1863 г.), «Я понимаю, что можно смеяться над болезнию какого-нибудь больного человека...» («Необходимое заявление», 1864 г.), «Я решительно восстаю против одного старинного и укоренившегося в русской литературе предрассуд-

ка насчет А. А. Краевского...» («Каламбуры в жизни и литературе», 1864 г.). Наряду с этим Достоевским написаны статьи, где употребляется авторское «мы» («Г.—бов и вопрос об искусстве», «Книжность и грамотность», «Последние литературные явления. Газета „День“» — 1861 г., «Два лагеря теоретиков» — 1862 г., «Необходимое литературное объяснение, по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» — 1863 г. и ряд других).

Разница между авторским «я» и авторским «мы» здесь существует, но она настолько невелика, что статья «Щекотливый вопрос» начинается с «мы» («Мы тоже с крайним любопытством прочли...»), а заканчивается авторским «я» («Это наводит меня на мысль, что я, может быть, действительно, вижу сон»). Потребность выступать от первого лица появилась у Достоевского в 1863—1864 гг. во время полемики со Щедриным, острой, полной личных нападок. За исключением отдельных мест, где Достоевский говорит о себе самом, в частности, о своей болезни, поскольку о ней упоминали критики «Современника», во всех других случаях его авторское «я»— голос публициста, выражающего определенную позицию, и только. Образа автора как человека со своим характером и судьбой в статьях Достоевского 60-х годов еще нет.

Другой тип повествователя от первого лица в публицистике до «Дневника писателя» — это автор, несколько стилизованный под героя Достоевского (таков он в «Петербургской летописи» 1847 г., в фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе» 1861 г., в «Зимних заметках о летних впечатлениях» 1863 г.).

Только в «Дневнике писателя» Достоевский предстает как живой конкретный человек со всеми событиями большой и трудной жизни, начиная от картин детства и кончая визитом к больному Некрасову, от «Старых воспоминаний» до сегодняшних впечатлений.

Издание «Записная книга», которое было задумано еще в 60-е годы, после закрытия «Эпохи» (см. стр. 226) предваряло «Дневник писателя», вероятно, лишь в том смысле, что должно было стать журналом лично Достоевского, без других сотрудников. Но судя по намеченному проспекту: 6 листов (3 листа романа и 3 — публицистики), «Записная книга» мыслилась как издание, где печатались одновременно статьи и художественные произведения, не составляя при этом какого-то нового жанра. Само название «Записная книга», быть может, связано было с представлением Достоевского о своей «Записной тетради» (там находились рядом рукописи статей и романов).

Достоевский очень ясно осознавал, что говорить в печати о себе самом он начал только с «Дневника писателя» 1873 г. Вслед за статьей «Старые люди», где речь шла о встречах с Белинским («Гражданин», № 1, 1 января), появилась статья «Нечто личное» (№ 3, 15 января). В ней Достоевский делает такое важное признание: «Теперь, в эту минуту, я всего во второй раз, в двадцать семь лет моей литературной деятельности, говорю о себе лично»[54]. Известно, что художественное творчество Достоевского насыщено личными, даже глубоко интимными мотивами. Не говоря уже о рассказчике в «Записках из Мертвого дома» или в «Униженных и оскорбленных», даже в таких разных героях, как Мышкин и Ставрогин, есть нечто авторское («Я из сердца взял его»,— сказано о Ставрогине)[55]. Прототипами многих героинь: Катерины Ивановны в «Преступлении и наказании», Полины в «Игроке», Настасьи Филипповны в «Идиоте» были женщины, близкие Достоевскому. Следует отметить, в какой мере полно осуществлялся этот принцип. Можно сказать без преувеличения, что в процессе творчества Достоевский отдавал своим созданиям решительно весь опыт собственной жизни, не оставляя ничего сокровенного, к чему не могло бы прикоснуться его художественное воображение. Его, видимо, не смущало, что в мире, созданном его фантазией, обстоятельства его собственной судьбы приобретут какой-то чуждый им смысл и что такое превращение могло бы оскорбить его воспоминания. В момент творчества Достоевский жил только в мире создаваемого произведения, и все, что сохранила память его сердца за целую жизнь, принадлежало этому миру вполне и до конца. Вспомним гротескный, сатирический рассказ «Бобок», герой которого «ходил развлекаться, попал на похороны». Вот он прогуливается по кладбищу, осматривает могилы: «Не люблю читать надгробных надписей; вечно то же. ⟨...⟩ Я нагнулся и прочел надпись на памятнике: „Здесь покоится тело генерал-майора Первоедова... таких-то и таких

орденов кавалера. Гм. Скончался в августе сего года... пятидесяти семи... Покойся, милый прах, до радостного утра!“»[56] Но ведь эти последние слова — надпись на могиле матери Достоевского, горячо им любимой и почитаемой! Надпись, взятая из Карамзина, была выбрана самим Федором Михайловичем вместе с братом М. М. Достоевским. В воспоминаниях младшего брата, А. М. Достоевского, читаем: «Отец, по возвращении своем из Петербурга, намеревался совсем переселиться в деревню (он подал уже в отставку), а потому до поездки в Петербург желал поставить памятник на могиле нашей матери. Избрание надписи на памятнике отец предоставил братьям. Они оба решили, чтобы было только обозначено имя, фамилия, день рождения и смерти. На заднюю же сторону памятника выбрали надпись из Карамзина: „Покойся, милый прах, до радостного утра“. И эта прекрасная надпись была исполнена»[57].

Но если многое из биографии Достоевского уже давно стало предметом художественного изображения в его сочинениях, то непосредственно о себе самом он начал говорить лишь в «Дневнике писателя». Объясняется это тем, что именно в 70-е годы, особенно во второй половине, и чем дальше тем больше, Достоевский стал рассматривать себя как одного из «руководящих писателей» современности. В 1879 г. он писал: «Они (т. е. молодежь.— *Л. Р.*) объявили уже, что от меня одного ждут искреннего и симпатичного слова и что меня одного считают своим *руководящим писателем*»[58]. Достоевский, конечно, заблуждался, преувеличивая успех своей неославянофильской теории у передовой молодежи. «Отечественные записки» по-прежнему оказывали мощное влияние на молодые умы, сохраняя безусловное первенство в этой области. Вместе с тем читательский интерес к Достоевскому, его популярность были действительно очень велики. Однако передовую молодежь привлекала не проповедь примирения сословий и политических партий, не идея о будущей мессианской роли православной России, а прежде всего — горячая постановка самых острых проблем общественной жизни, высокий моральный пафос «Дневника писателя». Особенно притягивала личность самого автора — бывшего революционера и каторжника, гениального художника-гуманиста, защитника униженных и оскорбленных, который сам объявлял, что считает себя всех либеральнее, так как не желает успокаиваться. За этим человеком признавалось право быть учителем, обращаться к обществу со словом судьи и гражданина. Писательница Е. П. Леткова-Султанова, примыкавшая к революционным народникам, так вспоминает о своей встрече с Достоевским: «И я забыла про различие направлений и политических идеалов, о которых так много говорилось у нас на Высших курсах среди молодежи, забыла о „Бесах“, которых мы все ненавидели. Я сознавала только, что передо мной стоял *Достоевский*»[59]. Сам же Достоевский иногда, особенно в последние годы жизни, склонен был рассматривать успех у молодежи как победу своего политического направления.

13 сентября 1879 г. он писал Победоносцеву: «Мое литературное положение (я вам никогда не говорил об этом) считаю я почти феноменальным: как человек, пишущий зауряд против европейских начал, компрометировавший себя навеки „Бесами“, т. е. ретроградством и обскурантизмом — как этот человек, помимо всех европействующих, их журналов, газет, критиков — все-таки признан молодежью нашей, вот этою самою расшатанной молодежью, нигилятиной и проч.? Мне уж это заявлено ими из многих мест, единичными заявлениями и целыми корпорациями»[60].

В центре «Дневника писателя» — образ автора, который внимательно собирает и анализирует многочисленные и разрозненные факты быстротекущей жизни, стараясь найти в них характерные приметы времени. Еще в заключении романа «Подросток» Достоевский назвал себя писателем, одержимым «тоской по текущему». Задумав новый роман (будущих «Братьев Карамазовых»), он, по его собственным словам, с помощью «Дневника» стремился сблизиться с молодым поколением, глубже понять его духовные искания: «... готовясь написать один очень большой роман, я и задумал погрузиться специально в изучение — не действительности, собственно, я с нею и без того знаком, а подробностей текущего. Одна из самых важных задач в этом текущем для меня, например, молодое поколение и вместе с тем современная русская семья, которая, я предчувствую это, далеко не такова, как двадцать лет назад. Но есть и еще многое кроме того. Имея 53 года, можно легко отстать от поколения при

первой небрежности»[61]. Достоевский был дорог молодежи этой близостью ее кровным интересам. С молодым поколением его психологически роднило ощущение нерешенности самых важных проблем в жизни отдельного человека и всего человечества и желание самому, сейчас же, искать их решение. Редко кому удавалось пройти такой мучительный путь, какой прошел Достоевский, и не почувствовать душевной усталости. «...Несмотря на все утраты, я люблю жизнь горячо,— писал будущий автор «Карамазовых»,— люблю жизнь для жизни и, серьезно, все еще собираюсь начать мою жизнь. Мне скоро пятьдесят лет (Достоевскому в этот момент было уже 52 года.— *Л. Р.*), а я все еще никак не могу распознать: оканчиваю ли я мою жизнь или только лишь ее начинаю. Вот главная черта моего характера; может быть и деятельности»[62].

Именно в это время, в 1873 г., Достоевский почувствовал, что его жизненный опыт, все сделанное в литературе дают ему моральное право апеллировать к этому опыту в публицистических выступлениях. Если прежде душевную исповедь Достоевского можно было найти в письмах, записных тетрадях, а в творчески преобразованном виде — в художественных произведениях, то теперь она становится неотъемлемой частью нового публицистического жанра, названного «Дневник писателя»: «Я не летописец: это, напротив, совершенный дневник в полном смысле слова, т. е. отчет о том, что наиболее меня заинтересовало лично»[63]; «Я пишу дневник, дневник отчасти личных моих впечатлений»[64].

Но эти «личные впечатления» Достоевский считал поучительными для нового поколения по многим причинам: ученик Белинского и представитель той плеяды замечательных литературных талантов, которые начинали в натуральной школе (Некрасов, Тургенев, Салтыков, Гончаров, Островский), революционер 40-х годов, приговоренный к смертной казни, проведший четыре года в сибирской каторжной тюрьме и столько же — на солдатской службе, узнавший таким образом народную жизнь и людей из народа в ежедневном общении, переживший глубокий кризис политических взглядов, но оставшийся убежденным демократом, активный участник журнальной борьбы 60-х годов, редактор и публицист, а главное истинно современный художник, раскрывающий «глубины души человеческой» в «наше смущенное время»[65],— таким рисуется образ автора в «Дневнике». Он мыслит себя представителем сложного общественного и литературного развития в России за три десятилетия. Потому так постоянно и естественно в процессе обсуждения самых горячих вопросов современности Достоевский переходит к рассказу о себе. Дело не только в том, что в «Дневник» включены целые биографические главы: «Старые люди», «Нечто личное», «Одна из современных фальшей» (1873 г.), «Одно слово по поводу моей биографии», «Мужик Марей», «За умершего» (1876 г.), «Русская сатира. Старые воспоминания», «История глагола „стушеваться“» (1877 г.). «Биографизмом» проникнуто все повествование «Дневника»: «Я помню, в моей молодости, как ужасно заинтересовало меня известие...»[66]. «Я на днях мечтал, например, о положении России...»[67]. «Я люблю ⟨...⟩ присматриваться к иным совсем незнакомым прохожим ⟨...⟩ Вот маленькая трехлетняя девочка спешит к матери ⟨...⟩ Я подошел и учтиво осведомился, сколько девочке лет ⟨...⟩ Я сказал, что и у меня такая же девочка...»[68] «Мне самому случилось выслушать недавно, сидя в вагоне, целый трактат о классических языках, в продолжение двух часов дороги»[69]. «Я был в колонии малолетних преступников, что за пороховыми заводами. Я давно порывался туда, но не удавалось, а тут вдруг и свободное время, и добрые люди, которые мне вызвались все показать»[70]. «Я сам испытал это ощущение, когда однажды, редактируя одну газету, вдруг нечаянно, по недосмотру (что со всеми случается), пропустил одно известие...»[71]. «Эту излишнюю „отзывчивость“ Белинский, в одном разговоре со мной, назвал „блудодействием таланта“ и презирал ее очень»[72]. «В детстве моем, в деревне, я знал одного дворового мальчишку...»[73] и так далее, постоянно.

Наряду с «открыто»-биографическими признаниями, есть много страниц в «Дневнике», где Достоевский пишет о своем, личном, не объявляя об этом прямо. Полемизируя с доводами адвоката Спасовича, который в судебном деле Кронеберга стремился оправдать отца, истязавшего семилетнюю дочь, Достоевский говорит: «Ну что ж из того, что она, может быть, даже и поиграла на другой день, еще с сине-багровыми пятнами на теле. Я видел пятилетнего мальчика, почти умиравшего от скарлатины,

в полном бессилии и изнеможении, а между тем он лепетал о том, что ему купят обещанную собачку, и попросил принести ему все его игрушки и поставить у постельки: „хоть погляжу на них“» [74]. Пятилетний мальчик — это, конечно, сын Достоевского Федор, родившийся в 1871 г., а в декабре 1875 г. перенесший тяжелую скарлатину. И еще, в том же контексте: «Я вам расскажу один маленький анекдот, г. защитник. Сидит за столом отец, добывающий деньги тяжелым трудом. Он сочинитель, так же как и я, он пишет. Вот он положил перо, и к нему подходит его девочка, дочка, шести лет отроду и начинает говорить ему, чтоб он ей купил новую куклу, а потом коляску 〈...〉 — счету не было покупкам 〈...〉 Отец слушал с улыбкой:— Ах, Соня, Соня,— сказал он вдруг полушутливо, полугрустно,— накупил бы тебе всего, да негде денег взять; не знаешь ты, как трудно они достаются!» [75] Здесь описан разговор Достоевского с дочерью Лилей (Любовью Федоровной), которой в это время было как раз шесть лет, но названа она именем другой дочери писателя, умершей в младенчестве,— Сони. По-видимому, в минуту «полушутливых, полугрустных» размышлений о том, как нелегко достаются деньги, рядом с подсчетами расходов Достоевский набросал такие стишки в записной тетради: «Дорого стоят детишки, /Анна Григорьевна, да,/Лиля да оба мальчишки — /Вот она наша беда!» (стр. 630).

Глава «Столетняя», сюжет которой, как сообщает автор «Дневника писателя», он взял из рассказа «одной дамы», написана на основе истинного происшествия, случившегося с Анной Григорьевной Достоевской.

В «личной» теме «Дневника» особенно выделяются Достоевским те события прошлого, которые, будучи вехами его собственной жизни, имеют «назидательный» смысл: «Человек 〈...〉 уже по самой необходимости наклонен отмечать как бы точки в своем прошедшем, чтобы по ним потом ориентироваться в дальнейшем и выводить по ним хотя бы нечто целое, для порядка и собственного назидания» [76]. Но, конечно, «собственное назидание» в «Дневнике» становилось общественным. Такие «точки» биографии, к которым чаще всего обращается писатель,— годы детства и юности, с немеркнущей памятью о мужике Марее и фельдъегерской тройке, блестящее вступление в литературу с романом «Бедные люди» и встречи с Белинским, незабываемые минуты «смертного страха» на Семеновском плацу и годы сибирской каторги. Судя по записи в тетради, Достоевский был намерен написать о своем пребывании в Алексеевском равелине и о следствии по делу петрашевцев, но не осуществил замысла, видимо, по цензурным соображениям: «Алексеевский равелин.— Ростовцев, Филиппов 〈...〉. Зачем к „Дневнику писателя“? Как зачем? Мне это снится до сих пор» (стр. 420).

Однако Достоевский совсем не затронул в «Дневнике» важнейшую тему, к которой хотел было обратиться, но не смог. Это — вопрос о том, каким образом изменялись его убеждения после 40-х годов. «Мне очень трудно было бы рассказать историю перерождения моих убеждений, тем более, что это, может быть, и не так любопытно, да и не идет как-то к фельетонной статье» [77]. После этих слов в статье «Одна из современных фальшей» (1873 г.) Достоевский поставил три строки точек, может быть, символизирующих значительность, но неосуществимость такого рассказа. В записной тетради 1876 г. писатель вновь обращается к этой теме, но уже с других позиций. Он утверждает, что никакого «перерождения» в сущности не было, что основа верований его не изменилась. Под рубрикой «О направлении», опровергая Незнакомца (Суворина), он пишет: «Но вы скажете, теперешний Достоевский и тогдашний не то, но приняв убеждения иные (христианские и несла〈вя〉нофильские) и соединясь по возможности с нашим народом (еще в каторге я почувствовал разъединение с ним, разбойник многому меня научил), но я нисколько не изменил идеалов моих и верю, но лишь не в коммуну, а в царство божие. Вам меня не понять, и потому я не объясняюсь точнее, но знайте, что я все-таки „либеральнее вас“ и даже гораздо» (стр. 400). В окончательном тексте «Дневника писателя» из всего этого рассуждения, в высшей степени важного для понимания Достоевского середины 70-х годов, осталось лишь заявление о том, что он считает себя «всех либеральнее».

Только частично воплотился на страницах «Дневника» и другой большой замысел Достоевского — написать литературные воспоминания: «Все это дает мне мысль написать литературные воспоминания мои. Все же я могу кое-что рассказать, ровно

30 лет, как я литератор. Я давно думал, может быть, стану помещать и в „Дневнике", по главам» (стр. 417). «Я серьезно хочу написать мои записки, но уже написать с полной правдой, но до сих пор боялся затронуть самолюбия ⟨...⟩ Я серьезно хочу написать мои заметки» (стр 408—409). Летом 1879 г., думая о возобновлении «Дневника писателя» после перерыва, Достоевский писал Е. А. Штакеншнейдер: «По окончании романа уже в будущем году, отвечу разом всем критикам. За 33 года литературной карьеры надобно, наконец, объясниться» [78]. И почти через год — Суворину: «Если сам что-нибудь напишу, то когда-нибудь потом, когда начну мои „Литературные воспоминания" (а их начну непременно)» [79].

Дневниковый (и обычно полемический) характер носят заметки Достоевского о своих сочинениях, об оценке их критикой: «„Болезненные произведения". Но самое здоровье ваше есть уже болезнь. И что можете знать вы в здоровье?» (стр. 367), «Ф. И. Тютчеву, напротив, казалось „Преступление и наказание" выше («Отверженных» Гюго.— *Л. Р.*). Я горячо защищал свое мнение» (стр. 409). Об этом примерно тогда же Достоевский писал Х. Д. Алчевской: «Victor Hugo, которого я высоко ценю как романиста (за что, представьте себе, покойник Ф. Тютчев на меня даже рассердился, сказавши, что „Преступление и наказание" (мой роман) выше „Misérables"» [80]. Такие записи мелькают постоянно: «Боборыкин о моем лиризме» (стр. 537), «Буренин требует современных типов в литературе, большего вникновения в жизнь ⟨...⟩. В то же время в „Голосе" ряд статей о критике и искусстве. А только что появившееся замечательное произведение искусства, моя повесть («Кроткая».— *Л. Р.*) о ней ни слова» (стр. 604). «NB. Меня всегда поддерживала не критика, а публика, кто из критики знает конец „Идиота" — сцену такой силы, которая не повторялась в литературе. Ну а публика ее знает... и т. д.» (стр. 605). Писатель выражает справедливое недовольство тем, что «Записки из Мертвого дома» иногда воспринимаются лишь как описание острога (стр. 605). Некоторые из этих записей получили отражение в статьях Достоевского, но многие предназначались для себя и сохранились только в рукописи. Все они имеют, разумеется, большой общий интерес, выражая эстетическую концепцию автора.

В письме к Х. Д. Алчевской 9 апреля 1876 г. Достоевский признавался, что «еще не успел уяснить себе форму „Дневника" ⟨...⟩ Например: у меня 10—15 тем, когда сажусь писать (не меньше). Но темы, которые я излюбил больше, я поневоле откладываю: места займут много, жару много возьмут (дело Кронеберга, например), номеру повредят, будет неразнообразно, мало статей, и вот пишешь не то, что хотел» [81].

Считая форму «Дневника» еще не вполне установившейся, Достоевский все же подчеркивал одно ее безусловное свойство: автор присутствует в повествовании как конкретное лицо, его интересами, его симпатиями и антипатиями, даже его «капризом» определяется выбор тем. «...Это именно относится к „Дневнику", потому что это все волновало меня», — записывает он в тетради (стр. 401). «И уж, конечно, все это слишком личное и частное, но дело в том, что я пишу иногда мой „Дневник" не только для публики, но и для себя самого — (вот потому-то, вероятно, в нем иногда и бывают иные как бы шероховатости и неожиданности, т. е. мысли мне совершенно знакомые и длинным порядком во мне выработавшиеся, а читателю кажущиеся совершенно чем-то вдруг выскочившим без связи с предыдущим)» [82]. Разумеется, такое заявление — всего лишь декларация литературного приема, кстати, хорошо знакомого читателям Достоевского еще со времен «Зимних заметок о летних впечатлениях». В «Зимних заметках» многие мысли автора тоже как бы «выскакивали» без внешней связи с предыдущим. Читатель ждет описания заграничных впечатлений, а перед ним возникает критическая статья, он следит за рассуждениями о дворянстве XVIII века, а ему здесь же преподносят факты из современной жизни и даже как будто на другую тему. Наконец, читатель, после неоднократных объявлений автора, хочет уже узнать его впечатления о Париже, но в самое начало рассказа вторгается описание Лондона и т. д. «Да когда же это, господи, я приучусь к порядку»,— восклицает автор. В действительности, отсутствие порядка в «Зимних заметках», как впоследствии в «Дневнике писателя», и есть тот единственно нужный Достоевскому порядок, который он специально создает с публицистической целью. Ему нужно захватить читателя,

приковать его внимание к мысли, для которой отдельные сцены и образы служат лишь подтверждением. Но в отличие от «Дневника», как мы уже отмечали раньше, «Зимние заметки» не создают образа автора как живого, конкретного лица. Этот образ очерчен слегка, приблизительно, «намёчно», как выражался Достоевский. Кроме того, он несколько стилизован под героев Достоевского. Отдельные черты автора «Зимних заметок» предвосхищают кое-что в характере «человека из подполья» (у обоих подчеркнута склонность к многословию, раздражительность как следствие болезни и др.). В «Дневнике писателя» образ повествователя многогранен и подлинно автобиографичен. Но и здесь, естественно, сохранялось различие между «Дневником» реальным и литературным, «Дневником» для себя и для читателя. Сам Достоевский вполне осознавал это: «...я слишком наивно думал, что это будет настоящий „Дневник". Настоящий „Дневник" почти невозможен, а только показной, для публики», и объяснял причину: «Я встречаю факты и выношу много впечатлений, которыми бываю очень занят,— но как об ином писать? Иногда просто невозможно» [83]. Мы уже упоминали о двух дорогих для писателя замыслах, которые ему не довелось воплотить (рассказ о перемене убеждений и литературные воспоминания). К ним в большой степени могут быть отнесены слова: «Иногда просто невозможно». По разным причинам «Дневник» «для публики» не включал многие темы, намеченные в «настоящем „Дневнике"», т. е. в «Записных тетрадях».

В тетрадях Достоевского, хотя и фрагментарно, с большими перерывами, запечатлены его идейные искания 60—70-х годов, его эстетические взгляды и вкусы. Сравнительно меньшее место в публикуемых материалах принадлежит черновым записям к художественным произведениям. Но следует иметь в виду, что это особенность не самих тетрадей, а данной публикации, поскольку творческие рукописи к большим романам Достоевского уже напечатаны ранее.

Изучая разнообразный и многопланный материал черновых тетрадей, нужно очень ясно представить себе, что перед нами не только заготовки к будущим произведениям Достоевского, но в большой степени его дневник. В статье Г. М. Фридлендера справедливо отмечается «предварительность» формулировок Достоевского, часто далеких от своего окончательного вида, поскольку перед нами «лаборатория мысли» писателя (стр. 95). Нам хотелось бы отметить и другое: стиль многих записей, заведомо не рассчитанных на публикацию, носит подчеркнуто интимный, «дневниковый» характер.

II. ДОСТОЕВСКИЙ В ИДЕЙНОЙ БОРЬБЕ ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ (1860—1881)

Живой процесс идейных исканий писателя в течение двух самых значительных десятилетий его деятельности раскрывают «письменные книги». Противоречия мысли Достоевского, его реальные взаимоотношения с соратниками и противниками оказываются еще более сложными, чем это представлялось прежде. Записи Достоевского дают возможность полнее и конкретнее осознать связь художественных замыслов со всей системой его социально-политических и историко-философских воззрений.

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

Раскрывая записные тетради Достоевского первой половины 60-х годов, мы сразу же погружаемся в атмосферу взволнованной журнальной полемики, сначала с Чернышевским и Добролюбовым, затем — с Антоновичем и Салтыковым-Щедриным. Хотя в напечатанных статьях Достоевского этого времени большое место принадлежит выступлениям против «англизированного» «Русского вестника» и «доктринеров» из славянофильской газеты «День», записей к этим статьям в книжках очень мало. В одной из них славянофилы характеризуются как нечто вечнославящееся и ограниченное (стр. 186).

Наиболее значительными не только в плане формирования общественной позиции журналов «Время» и «Эпоха», но в духовном развитии самого Достоевского были отношения с «Современником». Продолжительность полемики, резкость оценок объясняются не только отталкиванием, но и притяжением, общностью проблем, которые по-разному решали Достоевский и руководители органа революционной демократии. Известно, что полемика Достоевского с Добролюбовым и тем более с Чернышевским во «Времени» была сдержанной, во многом доброжелательной, что редактор почвеннического журнала не раз и с большим воодушевлением отбивал яростные нападки Каткова на «Современник». С помощью цитат из самого «Русского вестника» Достоевский блестяще показывал, что бывший либерал Катков прочно занял теперь необулгаринскую позицию. «Несчастный, безнравственный „Свисток"! — иронизирует Достоевский.—〈...〉 Взгляни, что ты сделал с „Русским вестником"! Но „Русский вестник" ополчается и хорошо делает, между прочим, он говорит в заключение: „Мы не откажемся также от своей доли полицейских обязанностей в литературе и постараемся помогать добрым в изловлении беспутных бродяг и воришек; но будем заниматься этим искусством не для искусства, а в интересе дела и чести"» [84]. В статье «Ответ „Русскому вестнику"» Достоевский писал: «Клеветать, извращать идею и грубо насмехаться над нею, — это главное средство всех льстецов большинства (имеется в виду консервативная часть общества.— *Л. Р.*) 〈...〉 К этому способу обыкновенно прибегал Фаддей Булгарин с компаниею. Помню тоже, как на театре глумились у нас над прогрессом и тогдашними современными идеями» [85]. Впоследствии Достоевский ставил в заслугу «Времени», что оно «обличало г. Каткова и предрекало ему ново-булгаринский путь» еще тогда, когда многие «млели перед г. Катковым» [86]. В статье «По поводу элегической заметки „Русского вестника"» Достоевский высмеивал попытки этого журнала опорочить Чернышевского: «Ведь это вас г. Чернышевский разобидел недавно своими „полемическими красотами", вот вы и испустили свой элегический плач» [87]. В фельетоне «Щекотливый вопрос» с характерным подзаголовком: «Статья со свистом, с превращениями и переодеваньями» (таким образом, Достоевский сам выступал в качестве «свистуна»!) выведена сатирическая фигура Каткова, воспевающего все английское, равно ненавидящего «мальчишек» из «Современника» и почвенников из «Времени». «Замечательно,— говорит он,— что все наше юношество полно скептицизма и недоверия к авторитетам. Это, кажется, закон нашей почвы. Но кому они вверятся, кто заслужит их уважение, за тем они и идут с энтузиазмом. Признаюсь, мне некогда было заслуживать их энтузиазм к моей персоне» [88]. Здесь Катков заодно с Н. Ф. Павловым, тоже в прошлом либералом, а теперь противником Чернышевского. Позднее, в 1863 г., когда «Время» стало нападать на «свистунов», оно противопоставляло им Чернышевского и Добролюбова: «Но, господа, мы вовсе не принимаем вас за Чернышевских и Добролюбовых. Что же касается до справедливой идеи, которою вы прикрываетесь, то надо признаться — это наиболее употребительный в нашей литературе прием» [89]. И далее: «...Чернышевский и Добролюбов были другое дело. Добролюбов особенно: это был человек глубоко убежденный, проникнутый святою, праведной мыслью и великий боец за правду» [90].

Характерно, что в данном случае, как и во многих других, Достоевский не забывает напомнить о своих разногласиях с вождями революционной демократии: «Да, „Время" начало с того, что не соглашалось и даже нападало на Чернышевского и Добролюбова, а они в то время были боги. 〈...〉 И мы знали, что делали и на какую опасность шли нашими нападениями на авторитеты. 〈...〉 Мы не согласны были с некоторыми уклонениями Добролюбова и с теоретизмом его направления. Он мало уважал народ: он видел в нем одно дурное и не верил в его силы. Мы противоречили ему, а ведь опять-таки тогда он был бог. Вот это так авторитеты!» [91] Действительно, публицистический цикл Достоевского «Ряд статей о русской литературе», которым открывался журнал «Время» (вторая статья «Г.—бов и вопрос об искусстве» помещена в февральском номере 1861 г.) запомнился читателю прежде всего как горячий спор с Добролюбовым о сущности и задачах искусства. Защищая «свободу искусства» от идеологов «утилитарной» эстетики, Достоевский, по всей вероятности, имел в виду и Чернышевского, автора «Эстетических отношений искусства к действительности».

Об этом свидетельствует редакционное примечание к первому номеру «Времени»: «„Ряд статей о русской литературе“ (в первой книге мы напечатали лишь введение) будет следовать, по возможности, непрерывно. Со второго же номера мы обратимся к одному из самых современных вопросов нашей литературы, вопросу *о значении искусства и о настоящем отношении его к действительной жизни*» [92] — слова, подчеркнутые редакцией, почти повторяют название известной диссертации Чернышевского.

В первой же статье об искусстве Достоевский затронул и центральную тему современности — отношение к народу, тем более, что речь шла о статье Добролюбова «Черты для характеристики русского простонародья». Достоевский упрекает публицистов «Современника» за якобы недостаточное знание действительности, называя их «кабинетными мечтателями». Но при этом Достоевский все время подчеркивает свое полное сочувствие демократическому направлению журнала: «Основное начало убеждений его (Добролюбова. — *Л. Р.*) справедливо и возбуждает симпатию публики; но идеи, которыми выражается это основное начало, часто бывают парадоксальны и отличаются одним важным недостатком — кабинетностью» [93].

Достоевский решительно отвергал революционные устремления идеологов «Современника», их надежды на активность народных масс, но прямо обсуждать эти вопросы в подцензурной печати было невозможно, и редактор «Времени» пользовался своеобразным эзоповым языком: «Г.—бов — теоретик, иногда даже мечтатель и во многих случаях плохо знает действительность; с действительностью он обходится подчас даже уж слишком бесцеремонно: нагибает ее в ту и другую сторону, как захочет, только б поставить ее так, чтоб она доказывала его идею» [94]. В контексте всей статьи более широкий смысл приобретает и термин «кабинетный скачок», употребленный применительно к литературному развитию: «Перейдет г. Никитин через Пушкина, и если у него действительно есть талант,— поверьте, Г. — бов, дойдет, как и мы, до современных вопросов и будет писать с направлением. А требовать от него теперь, ведь это... ведь это будет... как бы это выразиться: ведь это будет кабинетный скачок...» [95]. Ровно через год тот же спор с «Современником» и почти в тех же выражениях Достоевский продолжает в статье «Два лагеря теоретиков»: «Теория хороша, но при некоторых условиях. Если она хочет формулировать жизнь, то должна подчиняться ее строгому контролю. Иначе она станет посягать на жизнь, закрывать глаза на факты, начнет, как говорится, нагибать к себе действительность» [96]. Достоевский обвинял «теоретиков» в нежелании считаться с законами исторического развития и особенностями русского национального характера и даже в пренебрежении к народу. «Мы ли к народу должны подойти, говорит „Современник“, или он к нам?» «Народ должен подойти к нам, или лучше мы должны подвести его к себе, потому что в нас, собственно, витают общечеловеческие идеалы, мы представители на Руси прогресса и цивилизации. А народ глуп, ничего до сих пор не выработал; среда народная бессмысленна, тупа» [97]. Рассказы Н. Успенского, высоко оцененные Чернышевским как новое, правдивое изображение народа, Достоевский воспринял сдержанно, а в рассказе «Обоз» он усмотрел даже «клевету на народ». В «Объявлении» об издании журнала «Время» на 1862 г. Достоевский опять укорял революционных демократов в антиисторизме, в том, что они будто бы хотят найти одну-единственную формулу развития для всего человечества.

Анализируя все печатные выступления Достоевского против «Современника» в 1861—1862 гг., даже самые тенденциозные, нетрудно заметить, что тон их обычно — доброжелательно-сдержанный. Объясняется это прежде всего тем, что Достоевский не рассматривал разногласия между «Временем» и «Современником» как непримиримые. Напротив, он был убежден, что в развернувшейся журнальной полемике «почвеннический», демократический журнал «Время» ближе всего стоит к «Современнику», к тому же примирение славянофилов и западников было заветной целью «почвенников». При обсуждении путей будущего развития России Достоевский, как уже говорилось, был стеснен цензурными соображениями и упоминать о революционных идеалах мог лишь намеками, в противном случае возникала опасность невольно приобщиться к «полицейским обязанностям» «Русского вестника». Наконец, к каждому выступлению по адресу Чернышевского и Добролюбова Достоевский относился с осо-

бой ответственностью, предусматривая то впечатление, какое оно произведет на молодое поколение, горячо преданное знамени «Современника». Все это необходимо иметь в виду, приступая к рассмотрению тех страниц записных тетрадей Достоевского, где критика ведется в гораздо более откровенной и резкой форме.

Как всегда у Достоевского, в заметках, сделанных для себя, многое утрируется, намеренно огрубляется, чтобы подчеркнуть свое отношение, свою мысль. Здесь много несправедливых, желчных обвинений и нападок на личность идейного противника («невежество» Чернышевского, «самоуверенность» его и Добролюбова). Тон Достоевского в записях явно отличается от тона статей, и в нем, разумеется, полнее выражено эмоциональное неприятие позиции руководителей «Современника». Но как только за раздраженной интонацией выступают реальные идейные разногласия, мы отчетливо видим, что в основном они все те же — уже известные нам по статьям во «Времени». «Куда вы торопитесь? (Чернышевск⟨ому⟩). Общество наше решительно ни к чему не готово» (стр. 126). «Вы утверждаете, что общество созрело, а вопрос о Пирогове — как вы, дозревшие, его разрешили? Если б вы дозрели, то так бы не разрешили» (там же)— это уже Добролюбову, автору статей «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» и «От дождя да в воду». И опять о невозможности насильственно ускорить исторический процесс: «На свете ничего не начинается и ничего не оканчивается» (стр. 128). В черновых записях руководителям «Современника» приписывается нигилистическое отношение к человеческой личности. «*Чернышевскому.*— Вы хотите, чтоб вас не слушали, а слушались.— Всеобщими гражданами мы не сделаемся. Стертые пятиалтынные. Да ведь как и скучно-то» (стр. 150). Без упоминания Чернышевского этот упрек полностью перешел в текст «Объявления» на 1862 г.: «...лепят общую всенародную форму, в которую хотят отлить всеобщую жизнь, без различия племен и национальностей, т. е. обратить человека в стертый пятиалтынный» [98]. Впоследствии, пытаясь дискредитировать будущее общество, созданное на основе науки и разума, Достоевский будет уподоблять его членов «муравьям в муравейнике».

Добролюбова Достоевский также обвиняет в «уравнительном подходе» к выдающейся личности знаменитого педагога-гуманиста Н. И. Пирогова. Убежденный противник применения «розги», Пирогов неожиданно, будучи попечителем Киевского учебного округа, утвердил «Правила», разрешавшие в некоторых случаях применять телесные наказания. При всем уважении к имени и деятельности Пирогова Добролюбов решительно осудил этот его поступок и высмеял либералов, вставших на его защиту. Достоевский, готовивший, как видно из записей, ответ на обе статьи Добролюбова, объективно сомкнулся с либералами: «Да человека-то вы просмотрели, деятеля. Он ошибся, и за ошибку, за одну ошибку, вы уж не уважаете его более» (стр. 142). И дальше: «Вы набросились на г. Пирогова как на человека, совершенно потерянного, забросав его грязью, и в лице Пирогова оскорбили всех. Общество благодарнее, чем вы думали. Оно может простить заблуждение, Вы не простили, т. е. вы человека не цените, люди без гуманности» (там же).

Искажая таким образом позицию Добролюбова, Достоевский даже стилю его статьи приписывает антигуманный смысл: «*Главное.* NB. Слишком уж мало было благодарности, слишком много замечалось удовольствия в выставлении языков и в показывании шишей. Попался, наконец. Ведь точно вы рады были, наконец, что *попался* человек. Поймали, наконец, и этого!» (стр. 142). В сущности это единственное возражение Достоевского Добролюбову: «Вы во всем совершенно справедливы. Кроме злости и тона» (там же). Но в «злом тоне» Достоевский усматривает пренебрежение материалистов и социалистов к человеческой личности, будто бы желающих лишить ее самостоятельности, подчинить единым правилам поведения.

В записных тетрадях гневно, с заведомыми передержками, высказано неприятие Достоевским революционных, атеистических и социалистических идеалов «Современника». «Социалисты хотят переродить человека, *освободить* его, представить его без бога и без семейства. Они заключают, что, изменив насильно экономический быт его, цели достигнут. Но человек изменится не от *внешних* причин, а не иначе, как от перемены *нравственной*. Раньше не оставите бога, как уверившись математически, а семейство прежде, чем мать не захочет быть матерью, а человек не захочет обратить любовь

в клубничку. Можно ли достигнуть этого оружием? И как сметь сказать заранее, прежде опыта, что в этом спасение? И это рискуя всем человечеством. Западная дребедень» (стр. 180). «Революционная партия тем дурна, что нагремит больше, чем результат стоит, нальет крови гораздо больше, чем стоят все полученные выгоды. (Впрочем, кровь у них дешева.) Всякое общество может вместить только ту степень прогресса, до которой оно доразвилось и начало понимать. К чему же хва⟨та⟩ть дальше с неба-то звезды? Этим все можно погубить, потому что всех можно испугать. В сорок восьмом даже буржуа согласился требовать прав, но когда его направили было дальше, где он ничего понять не мог (и где в самом деле было глупо), то он начал отбиваться и победил» (стр. 176).

Поразительно, с какой полнотой и определенностью уже в первой половине 60-х годов Достоевский формулирует свое отношение к идеям революции и социализма, то отношение, которое отныне и до конца жизни писателя так или иначе будет присутствовать в каждом из его сочинений. Но с такой отчетливостью непосредственно от имени автора оно выражается разве только в заграничных письмах А. Н. Майкову и Н. Н. Страхову (1868—1871 гг.), да еще в статьях «Дневника писателя».

Полемические записи, обращенные к «Современнику», имеют первостепенное значение для понимания взглядов Достоевского. Достоевский отнюдь не оригинален в той системе упреков, которую он выдвигает против социализма и революции, приписывая первому утилитарный, потребительский принцип общественного устройства, а второй — отрицание опыта живого исторического развития. Однако позиция Достоевского этим не исчерпывается. Он спорит не только с противником, но и с самим собой, он ищет истину, жаждет новых доказательств. Борясь с революционерами, он вспоминает несомненно и о крушении собственных иллюзий, ссылается, как мы видели, на результаты западноевропейских революций, показавших, что буржуазия узурпировала демократические завоевания народа. Он мечтает о сближении с «Современником» отнюдь не только из тактических соображений, как иногда полагают исследователи, а из внутренней потребности собственной веры. «Теоретикам и нигилистам можно сказать: вы проповедуете социализм, но сами же вы верите в *опыт*. Знайте же, что никогда вам не убедить никого в социализме путем голословного убеждения. Нужен опыт. А следственно надо хлопотать только об усилении и о прогрессе в теперешней жизни, которую вы презираете, а между тем этим усилением вы будете приобретать все более и более опытов, через которые *народы сами дойдут до социализма, если только правда, что он представляет универсальное лекарство всему обществу*» (стр. 180. Подчеркнуто мной.—*Л. Р.*).

«В основе мы с вами согласны, но ⟨что⟩ вы построили на этой основе,— все вздор.— Вы хоть и шут и невежда, но вы честны и в основании верны» (стр. 150). Характерно, что, при всей желчности своих возражений руководителям «Современника», Достоевский не терпел ничего подобного со стороны «Русского вестника», считая его органом официозным: «Г-н Катков не находит разницы между нашим официализмом и русскими основными народными силами. Тут г. Катков сломит ногу» (стр. 186). В другой книжке также подчеркивается официальный характер «народности» Каткова, который пользуется «русским духом» как государственный человек «для вызова идейным противникам» (стр. 286). Когда Катков ополчался в печати на материалистов и социалистов в выражениях, кстати сказать, довольно близких терминологии Достоевского, писатель выступил с такой отповедью, которая обнаруживала, насколько еще не решены в его сознании все «роковые вопросы». В статье «Ответ „Русскому вестнику“» (май 1861 г.) Достоевский писал: «„Так точно,— продолжает „Вестник“,— кто видит в человеке не более как химические щелочи, кислоты и соли, в том самом смысле и силе, как они открываются нам в реторте, тот не говори о правах человека, об его пользе, об улучшении его быта ⟨...⟩“

Вот ведь охота-то говорить!

Уверяю вас, что я, пишущий эти строки, отнюдь не думаю и не верю, что я вышел весь из реторты. Я не могу этому верить. Но если б я и верил именно так, почему же тогда я не мог бы говорить о правах человека, об его пользе и об улучшении его быта? Для чего было бы мне „смеяться в глаза моему единоверцу и жить, как случилось“? Да из одной механической выгоды люди, для того только, чтобы существовать, должны бы были со-

гласиться между собою, условиться, а, следственно, и связать себя взаимно долгом друг другу. Вот уж и долг, а, следственно, и цель в жизни. Без этого немыслимо общество. Каковы бы их убеждения ни были, ведь они все-таки остались бы людьми, природу свою не могли бы уничтожить? ⟨...⟩ По крайней мере это вопрос мудреный, и решить его так вдруг, как вы решаете — невозможно. Это: „вопрос, которого не разрешите вы!" А вы решаете его что-то слишком спокойно, слишком торжественно, уж это одно подозрительно...»[99] Вот чем ненавистен Катков Достоевскому: слишком спокойно, слишком «торжественно» решает он самые сложные и больные вопросы! Для Достоевского эти вопросы — источник беспрерывной внутренней борьбы и страдания. Вспоминаются слова из письма его Фонвизиной 1854 г.: «Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить...» [100] Не вера даже, а только лишь — «жажда верить». Если впоследствии Достоевский утверждал, что человек не может быть гуманистом без уверенности в личном своем бессмертии и, следовательно, в существовании бога, то в «Ответе» Каткову он выразил мысль о возможности разумного устройства общества, исходя из земных интересов людей.

Иногда разногласия с «Современником» представлялись Достоевскому даже легко разрешимыми, поскольку оба «в основании верны». В одной из записей читаем: «И чего мы спорим, когда дело надо делать. Заговорились мы очень, зафразировались, от нечего делать только языком стучим, желчь свою, не от нас накопившуюся, друг на друга изливаем, в усиленный эгоизм вдались, общее дело на себя одних обратили, друг друга дразним, ты вот и отстал, ты вот не так общему благу, а надо вот так, я-то лучше тебя знаю (главное, *я-то лучше тебя знаю*). Ты любить не можешь, а вот я-то любить могу, со всеми оттенками,— нет уж как-то не по-русски. Просто заболтались. Чего хочется? Ведь, в сущности, все заодно. Нашу же сами разницу выводим, насмех чужим людям. Просто от нечего делать дурим» (стр. 149).

Таким образом, в записях Достоевского, относящихся к первой половине 60-х годов, в форме азартного спора с Чернышевским и Добролюбовым изложены его основные убеждения этих лет. Это — первый из дошедших до нас набросков будущей философской и общественно-политической концепции писателя. Между отдельными положениями, как мы заметили, существуют противоречия, здесь нет окончательных выводов, последнего слова. Кроме статьи о Добролюбове и Пирогове, Достоевский, судя по заметкам, намерен был написать статью широкого плана, затронув литературно-критические и исторические работы Чернышевского, а также его эстетический трактат. Оставить в стороне он, видимо, предполагал только вопросы политической экономии, в которых был несведущ (но даже такая оговорка делается в форме иронической: «Мы не успели себя особенно заявить в политической экономии; но мы не помещали статей пол⟨итико⟩-экон⟨омических⟩, хотя бы потому только, что и у вас уж *их* слишком много» — стр. 150). Своеобразным ответом на «Очерки гоголевского периода русской литературы» Чернышевского должен был быть цикл статей Достоевского: «Но рассмотрим идею нашей литературы и в следующих статьях с Гоголя» (стр. 126).

Трудно сказать, почему эти публицистические замыслы Достоевского не были завершены. Выступление против Добролюбова в острой, полемической форме не могло уже состояться после смерти критика в ноябре 1861 г. Полемика с Чернышевским была насыщена столь острыми политическими вопросами, что вряд ли их возможно было с достаточной определенностью разъяснить в подцензурном издании. Не потому ли в «Объявлении» журнала «Время» на 1862 г. и в статье «Два лагеря теоретиков» (февраль 1862 г.) мы встречаемся с возражениями «Современнику» все в той же привычной для Достоевского иносказательной форме. Здесь дается не разъяснение, а скорее формула разногласий. Недостаточно было бы сказать, что до середины 1862 г. Достоевский соблюдал лояльность в отношении революционных демократов. Считая себя так же, как и их, прогрессивным деятелем журналистики, он искренно заботился о взаимопонимании, пытался склонить их симпатии к «почве».

На этом пути Достоевскому приходилось преодолевать упорное сопротивление главных сотрудников «Времени» — Страхова и А. Григорьева. В одном из писем Григорьев сетовал, что «„Время" имеет наклонность очевидную к Чернышевскому с компанией. Пусть их прочахнут и протрезвеют немного от симпатий к „Современнику". Там

у меня есть верный глаз, молодой философ, идеалист, Николай Николаевич Страхов»[101] (в мае 1861 г. отчасти из-за расхождений с общим курсом редакции Григорьев уехал в Оренбург). Самому же Страхову он заявлял в конце 1861 г.: «„Времени", чтобы быть самостоятельным, нужно: или 1) окончательно изгнать меня и тебя и постараться переманить Чернышевского или 2) быть последовательным в своей вере в поэзию и жизнь, в идею народности вообще...»[102]. В «Воспоминаниях» Страхова сочувствие Достоевского к «Современнику» рассматривается как проявление журнальной тактики: «В моих статьях иногда редакция приставляла к имени автора, на которого я нападал, какой-нибудь лестный эпитет, напр. *талантливый*, *даровитый*, или в скобках: (*впрочем*, *достойный уважения*). Были и вставки; так, в статье „Нечто о полемике" было вставлено следующее место: „Вольтер целую жизнь свистал и не без толку и не без последствий. (А ведь как сердились на него, и именно за свист)". Эта похвала свисту вообще и Вольтеру в частности нарушает тон статьи и выражает вовсе не мои вкусы. Но редакция не могла не вступиться за то, что имело силу в тогдашних нравах и на что признавала и за собою полное право. Вставка принадлежит Федору Михайловичу, и я уступил его довольно горячему настоянию. Скоро, впрочем, все поправки такого рода вовсе прекратились»[103].

Для «горячего настояния» отдавать должное «Современнику» — вождю молодого поколения у Достоевского, как мы знаем, были причины более глубокие. Они вскоре обнаружились с полной ясностью, когда во время страшных петербургских пожаров весной 1862 г., послуживших сигналом к наступлению реакции, братья Достоевские представили в Цензурный комитет две статьи, посвященные этому народному бедствию. Пафос статей — в защите студентов и всей передовой молодежи от обвинений в поджигательстве, зловещие слухи о котором, быть может, исходили из III Отделения. Независимо от того, писал ли эти статьи один Федор Михайлович, или они были написаны совместно с М. М. Достоевским, честность и мужество редакторов «Времени», проявленные в тот момент, трудно переоценить. «Современник» и «Русское слово» были уже приостановлены на восемь месяцев правительственным распоряжением. Ежедневно пресса разносила и множила нелепые сведения об арестованных «виновниках» поджогов. Редакционные статьи журнала «Время» не только восставали против ложных обвинений молодежи, они требовали розыска истинных виновников и недвусмысленно намекали на провокационную роль правительственных учреждений (см. об этом подробно в статье Н. Г. Розенблюма в томе «Литературного наследства» «Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования»). Обе статьи были запрещены цензурой по прямому указанию царя.

Несмотря на уверенность в благородных целях многих участников освободительного движения, Достоевский воспринял кризис революционной ситуации как подтверждение своих трагических предчувствий. Еще в статье «Пожары» с нескрываемым отвращением упоминалось о прокламациях. А в заметке «О новых литературных органах и о новых теориях» («Время», 1863, № 1) Достоевский противопоставляет «подметную литературу» прогрессивному движению: «Поверьте, что саморазвивающееся общество само сумело бы остановить и подметную литературу. Не стало бы оно легкомысленно жертвовать своими собственными интересами и не потерпело бы и у себя легкомыслия, а следовательно и подметной литературы, которая была бы буквально невозможна»[104]. Здесь характерен успокоительный тон, которым говорит Достоевский о прокламациях, обращаясь к Каткову и другим обличителям революционеров. Он подчеркивает, что никакой угрозы государству и обществу «подметная литература» не представляет. Компанию реакционных журналистов он называет «кудактающими» курами во главе с «петухом» — Катковым. Он вспоминает печально памятную историю с пожарами и повторяет одно из главных положений запрещенных редакционных статей «Времени», что, видимо, может служить дополнительным доказательством авторства Достоевского: «Господин Скарятин („Русский листок", № 1) намекает даже на подметную литературу, на зарево пожаров и удивительно высоким слогом все это расписывает. С господином Скарятиным, по крайней мере, в направлении, очевидно сходятся отчасти и прочие новые и обновленные издания. А ведь такое смешение фактов по-нашему неверно. Что общего с прогрессивным движением общества вообще и подметными листками неиз-

вестной кучки? 〈...〉 Говорить, что народ прямо обвинил в пожарах наше юношество, опять неверно. И хоть г. Скарятин и прибавляет, что между юношами виновников не нашлось, соболезнует, жалеет о том, что народ обвинял юношество, но, видимо, намекает, что народ и не мог не обвинить. По крайней мере в длинной диатрибе он прямо завершает несостоятельность нашего прогрессивного движения пожарами и о пожарах он заговорил, видимо, не просто для эффекта. А между тем и о народе тут не так. Совсем не так, прямая клевета. Народ действительно обвинял, но кто подвигнул его к этому обвинению, кто надоумил — а? Хохлатки и тогда уже бегали в паническом страхе? Закудактали они первые? Не они ли всему и виною, они, которые теперь перемешивают факты и трубят победу...»[105].

Достоевский заявляет, что обществу должна быть предоставлена свобода развития, деятельности, искания новых путей, на которых неизбежны ошибки и даже поражения. «Но, позвольте, господа: где, когда, в каких снах, в каких доктринерствах видели вы, чтоб общество, столетиями отучавшееся от дела, сразу, без науки, с первого шагу своего стало бы действовать, не ошибаясь, не падая, солидно и безошибочно? Бывало ли такое общество когда на всей земле? Разверните какую вам угодно историю и справьтесь,— французскую, английскую. Ведь это только г. Катков никогда не падает, так ему и Теймс в руки. А мы люди простые, обыкновенные» [106]. Идейную борьбу с революционным лагерем Достоевский считал делом демократической журналистики, участие же в этой полемике Каткова и его адептов он до определенного времени с презрением отвергал.

И нужно было обладать политическим чутьем Салтыкова, чтобы почувствовать, что время это кончится и что журнал Достоевского, сегодня выступающий против Каткова, в ближайшем будущем сам начнет «катковствовать». Именно об этом предупреждал Салтыков в фельетоне «Тревоги „Времени“» («Современник», 1863, № 3, хроника «Наша общественная жизнь»). Еще до возобновления «Современника» Достоевский предусматривал новый этап борьбы с «обличителями». В «Объявлении» на 1863 г. он называл направление «Современника» «западничеством в самом крайнем своем развитии и без малейших уступок». И хотя он при этом добавлял: «Мы понимали и умели ценить и любовь, и великодушие чувства этих искренних друзей народа, мы уважали и будем уважать их искреннюю и честную деятельность, несмотря на то, что мы не во всем согласны с ними» [107], программа почвенников формулировалась вполне ясно и неприемлемо для «Современника». Дело не только в резких выпадах против обличителей («свистунов из хлеба»), не только в намеках на то, что «свист» имеет успех у публики и потому им выгодно пользоваться (кстати, первые наброски отдельных частей объявления находятся в записной тетради — см. стр. 156—158).

Дело в общественной позиции журнала «Время» в целом: в оптимистической оценке возможностей пореформенного развития страны, в отрицании «скачков» и опасных «salto mortale», т. е. революционных преобразований, в утопических надеждах на мирное слияние интересов всех сословий и партий, благодаря животворному значению русской национальной «почвы». Уповая на обращение прогрессистов к почве, Достоевский был поначалу искренне огорчен и удивлен, когда Помяловский и Некрасов отказались печататься во «Времени» по идейным причинам. «Разве наш журнал ретроградный? — писал он Некрасову.— Уж кажется нет даже и для врагов наших. Можно все говорить, но только не об ретроградстве» [108]. И тут же предлагал такой практический выход: «По крайней мере сдержите Ваше обещанье после выхода „Современника“ (письмо датировано 3 ноября 1862 г., когда «Современник» был еще закрыт.— *Л. Р.*). Уж тогда, конечно, Вас ни в чем не заподозрят. Всего лучше обругайте нас в Генварском №-ре „Современника“, а на Февральский наш номер дайте нам Ваших стихов» [109].

Но оправдался прогноз Салтыкова: в условиях наступающей реакции пути журналов братьев Достоевских и «Современника» расходились все более заметно, а идейная борьба между ними углублялась и обострялась.

Первая половина 60-х годов была временем формирования не только общественно-политических взглядов Достоевского. В эти годы складывалась и философская концепция писателя, и его представление о мировом историческом развитии. Не зная записных тетрадей, невозможно было представить себе, что одна из центральных для Достоев-

ского проблем — «Социализм и христианство» — рассматривалась им в 1864 г. примерно так же, как в «Дневнике писателя» 1877 г., в рассказе «Сон смешного человека», что его отношение к католицизму как основе всей жизни Запада определилось уже тогда, что тогда же он с полной определенностью выразил свои упования не только на грядущую роль русского государства, но и русской церкви: «Сущность папства. Умирание его. *Доказать*, что папство гораздо глубже и полнее вошло *во весь Запад*, чем думают, что даже и бывшие реформации есть продукт папства, и Руссо, и французская революция — продукт западного христианства, и, наконец, социализм со всей его формалистикой и лучиночками — продукт католического христианства. ⟨...⟩ Нарисовать идеал папы: жизнь, Христов наместник, владыка). Переход к русскому духовенству. Братство» (стр. 244).

Религиозно-утопический характер теории Достоевского выражается в том, что весь исторический путь человечества он рассматривает с точки зрения самосознания личности: сначала патриархально-первобытное состояние, когда человек живет в массе, не выделяя себя из нее, затем расцвет индивидуализма — обособление личности и, наконец, высшая форма взаимоотношений человека с обществом, когда он вновь «возвращается в массу», но уже обогащенный могущественным сознанием и развитием. Идеал человечества по Достоевскому: «вполне сознать свое я — и отдать это все самовольно *для всех*» (стр. 248). Поскольку внешне эта формула похожа на мечту социалистов, Достоевский решительно отделяет себя от них, заявляя, что там дело идет о насыщении «бога-чрева», а у него «о бессмертии души» (стр. 248—250).

Так записи 1864 г. проливают свет на все дальнейшие идейные искания Достоевского и одновременно на те глубокие затруднения, которые испытывал великий психолог-реалист, утверждая свою утопию. Одно из них — важнейшее (с ним мы отчасти соприкоснулись в записи по поводу смерти М. Д. Исаевой): невозможность для человека как земного существа с его «эвклидовским разумом» осознать, «вместить» идею о личном бессмертии. Ответить на этот «роковой вопрос» Достоевский считал абсолютно необходимым, ибо, только разрешив его, он мог сохранить веру в свою этическую и социально-историческую теорию. В противном случае приходилось признать правоту революционеров и социалистов, предлагавших земному человеку земные пути переустройства жизни, или даже согласиться со словами самоубийцы материалиста, чье письмо приведено в «Дневнике писателя»: «ну что, если человек был пущен на землю в виде какой-то наглой пробы, чтоб только посмотреть: уживется ли подобное существо на земле или нет?» [110] Вспомним Ивана Карамазова, его слова о русских мальчиках, которые, как сойдутся, так и начнут рассуждать: «О мировых вопросах, не иначе: есть ли бог, есть ли бессмертие? А которые в бога не веруют, ну те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца» [111].

Это была одна из самых мучительных и краеугольных для Достоевского проблем, волновавшая его всю жизнь и, как видим теперь, четко обозначенная в конспекте статьи о «Социализме и христианстве» еще за четырнадцать лет до «Карамазовых». Чувствуя абсолютную невозможность логически доказать существование бога и бессмертие души и вместе с тем признавая их единственной опорой этики, Достоевский страстно искал выхода из этой трагической коллизии. Как художник он одержал здесь немало побед, обусловленных молчаливым признанием необязательности идеи личного бессмертия для тех, кто умеет чувствовать и делать добро. Это и Лиза в «Записках из подполья», и Катерина Ивановна в «Преступлении и наказании», и Лизавета Прокофьевна Епанчина в «Идиоте», и Аркадий Долгорукий в «Подростке», и Коля Красоткин, и Раскольников, пока не затмила его сердце безумная «наполеоновская» идея, и даже атеист Кириллов, почти накануне самоубийства развлекающий игрой в мяч маленькую девочку (чтоб не плакала). В сущности ведь и Алексей Карамазов не так тверд в своей вере в бога и бессмертие, хотя и твердо отвечает на вопрос отца, Федора Павловича. Лизе Хохлаковой он неожиданно признается: «А я в бога-то вот, может быть, и не верую» [112]. Независимо от этих колебаний любовь к людям и желание отдавать им себя не ослабевают в нем ни на мгновение. Так значит не в бессмертии души здесь дело, а в великом и естественном желании человека жить для людей и с людьми. Именно такое

толкование человеческого идеала предлагает Достоевский в записи 1864 г., понимая очевидно, что, строго говоря, оно не является подтверждением необходимости идеи бога: «В чем закон этого идеала? Возвращение в непосредственность, в массу, но свободное и даже не по воле, не по разуму, не по сознанию, а по непосредственному ужасно сильному, непобедимому ощущению, что *это* ужасно *хорошо*» (стр. 248). Как когда-то говорил добрый, наивный Ростанев (тоже по-своему «смешной человек») в повести «Село Степанчиково и его обитатели»: «Господи! почему это зол человек? почему я так часто бываю зол, когда так хорошо, так прекрасно быть добрым?» [113] Но в таком повороте темы Достоевский по существу апеллировал к доброй природе человека, хотя и сказал впоследствии, что зло таится в душе человеческой «глубже, чем предполагают лекаря-социалисты». Большой этот спор так и не завершился в творчестве Достоевского. Как он продолжался в 70-е годы, мы увидим по материалам тетрадей к «Дневнику писателя».

В набросках статьи «Социализм и христианство» есть и другая важнейшая для Достоевского тема — характеристика человечества, объятого индивидуализмом в эпоху цивилизации: «человек в этом состоянии чувствует себя плохо, тоскует, теряет источник живой жизни, не знает непосредственных ощущений и все сознает. Если б не указано было человеку в этом состоянии цели,— мне кажется, он бы с ума сошел всем человечеством» (стр. 248). Слова эти могли бы служить эпиграфом ко многим картинам действительности, написанным Достоевским. Они предваряют целую галерею больных и тоскующих его героев — от подпольного человека и Раскольникова до Версилова и Ивана Карамазова.

Таким образом, конспект статьи «Социализм и христианство», сделанный, по всей вероятности, осенью 1864 г., развивающий основные идеи записи от 16 апреля этого года, представляет собой краткое изложение системы взглядов Достоевского, отраженных во всем его последующем творчестве. На основе этой концепции в середине 70-х годов Достоевский, как увидим, рассматривал и всю историю мировой литературы от древнего мира до современности (см. стр. 442—448).

Сам характер конспекта «Социализм и христианство» и соседних с ним набросков к политическим статьям, в которых на конкретном материале писатель стремится раскрыть ту же тему (с упоминанием номеров прочитанных газет и названий нужных книг), естественный переход от событий западноевропейских к русскому западничеству, к судьбам буржуазной цивилизации в России и, конечно, к спорам с атеистами и социалистами,— весь этот нерасторжимый комплекс вопросов, затронутых вместе, сразу, на нескольких страницах записной тетради, чрезвычайно напоминает черновые материалы к «Дневнику писателя».

ПОЛЕМИКА С САЛТЫКОВЫМ-ЩЕДРИНЫМ

Чтобы вполне понять смысл и значение публицистических выступлений Достоевского против Салтыкова в 60-е годы, заготовками к которым являются записи в тетрадях, чтобы понять сочувственные отзывы Достоевского о Салтыкове и новую полемику в условиях середины 70-х — начала 80-х годов, необходимо иметь в виду не только совокупность отдельных высказываний, но всю сложность идейных и творческих взаимоотношений обоих писателей.

Жизненные и литературные пути Достоевского и Салтыкова во многом сходны, и эта близость еще резче обнажала разногласия. Оба писателя, вступив в литературу в середине 40-х годов, прошли общую школу идей. Под воздействием идей Белинского, теорий французских утопических социалистов, в обществе петрашевцев, куда входили и Достоевский, и Салтыков, формировались основы их мировоззрения.

Несоизмеримы по тяжести физической и моральной «вятский плен» Салтыкова и сибирская каторга и ссылка Достоевского, ранее приговоренного к расстрелу. И все же в характере духовного кризиса, пережитого обоими писателями, в том жизненном опыте, которым обогатились они за эти годы, есть много сходного. Глубокое разочарование в теориях, создаваемых в узких интеллигентских кружках Петербурга, оторванных от народной жизни, характерно и для Достоевского и для Салтыкова. Первое

серьезное соприкосновение с действительностью, глубокое знакомство с народом, с его психологией, возникает у Салтыкова именно в вятский период. Достоевский впоследствии писал, что «г. Щедрин едва только оставил северный град, Северную Пальмиру (по всегдашнему выражению г. Булгарина — мир праху его!), как тотчас же у него и замелькали под пером и Аринушки, и несчастненькие с их Крутогорской кормилицей, и скитник, и Матушка Мавра Кузьмовна, и замелькали как-то странно, как-то особенно... Точно непременно так уж выходило, что как только выедешь из Пальмиры, то немедленно заметишь всех этих Аринушек и запоешь новую песню, забыв и Жорж Занд, и „Отечественные записки", и г. Панаева, и всех, и всех» [114]. Достоевский впервые по-настоящему познакомился с народом в Омской каторжной тюрьме, где целых четыре года прожил с ним общей жизнью.

Результатом этих лет явились две замечательные книги эпохи: «Губернские очерки» и «Записки из Мертвого дома». Каждая из них представляет широкую картину народной жизни, написанную с демократических позиций, в каждой слышен суровый приговор социальному строю, губящему великие народные силы. С особенной наглядностью идейная близость обоих писателей выступает в изображении острога. Жанровое своеобразие обеих книг (серия очерков, объединяемых в тематические циклы, фигура автора-мемуариста — свидетеля и участника событий) помогают создать широкую панораму русской действительности и собирательный образ народа. Жизненные впечатления этих лет во многом определили дальнейшее творческое развитие и Достоевского и Салтыкова. Салтыков отзывался о «Мертвом доме» как об истинно русском произведении, Достоевский назвал автора «Губернских очерков» «настоящим художником» и поставил его в литературе рядом с Гоголем. Поначалу Салтыков так же, как и Достоевский, приветствовал крестьянскую реформу (см., например, «Невинные рассказы»), но вскоре пришло разочарование. Салтыков делает вывод, что главная сила, вызвавшая необходимость реформы,— народ: «...Несмотря на всю забитость и безвестность, одна только эта сила и произвела всю реформу» [115]. Когда стало ясно, что надежды на народную революцию тщетны, Салтыков с горечью писал во вступлении к «Сатирам в прозе»: «... Именно оттого ее (толпу.—*Л. Р.*) и не прорвало, что она не доросла до этого понятия» [116]. Достоевский же идеализировал эту пассивность как свидетельство народной мудрости и христианской добродетели.

В литературе 60-х годов были темы, которые и Достоевский и Салтыков решали единодушно. Это, в частности,— сатирическое обличение новоявленных либералов из правительственного лагеря, после короткого периода «всеобщей хлестаковщины» возвратившихся к прежнему деспотизму. Таковы герои «эпохи конфуза» Зубатов и Удар-Ерыгин («Сатиры в прозе»), Вася Чубиков из мартовской хроники 1864 г. Васина эволюция завершается словами: «дисциплина: дисциплина и дисциплина!», что очень напоминает эволюцию генерала Пралинского из рассказа Достоевского «Скверный анекдот» (1862 г.). После неудачной попытки «сближения с народом», превратившейся в скверный анекдот, Пралинский возвращается в департамент с убеждением: «Нет, строгость, одна строгость и строгость!»

Крушение надежд на ожидавшуюся революцию вызвало глубокий кризис идей крестьянской демократии. Салтыков теперь окончательно утверждается в той мысли, которую сформулировал в итоге вятского периода: «Не хочу ровно никакого идола» [117]. Он стремится к предельной трезвости, к отказу от иллюзий в области общественного развития. Достоевский, напротив, еще более энергично проповедует почвенничество как единственное средство спасения от зол «европеизма» (т. е. капитализма и революции). Эту свою концепцию он наиболее подробно развивает в «Зимних заметках о летних впечатлениях», напечатанных на страницах журнала «Время» в самом начале 1863 г. Салтыков не мог примириться с тем, что Достоевский, обладая поразительной силой анализа трагических противоречий жизни, искал выхода из них в нравственно-религиозной проповеди. Журнальная борьба Салтыкова и Достоевского, несмотря на полемические излишества, несправедливые личные нападки и общее «понижение тона» в публицистике сравнительно с периодом Чернышевского — Добролюбова, по существу явилась выразительным свидетельством большой духовной драмы, которую переживала русская демократия в середине 60-х годов.

В тетрадях Достоевского записи, направленные против Щедрина, относятся к заключительному этапу полемики, преимущественно к тому времени, когда писались статьи «Необходимое заявление» («Эпоха», июль 1864) и «Чтобы кончить. Последнее объяснение с „Современником“» («Эпоха», сентябрь 1864 г.)— стр. 209—212; 250—256. Кроме тех набросков, которые нашли отражение в окончательном тексте статей, есть записи, свидетельствующие о желании Достоевского в объяснении с «Современником» еще раз коснуться основных теоретических разногласий. «Поймите же нас. Мы почвенники, во 1-х, потому, что верим, что ничего на свете не происходит отвлеченно (вне настоящей, исторической жизни) и скачками. ⟨...⟩ во 2-х. Путь ваш к достижению общечеловеческого идеала нам кажется неправильным; ибо чтоб *выжить* из прежних идей и усвоить, *нажить* себе новые идеи, влечения и стремления,— нужно действительно жить, настоящей жизнью, а не одним только мозгом, общим мышлением. ⟨...⟩ А в 3-х и главное (что собственно составляет не одну идею почвы, а нашу, собственно отличительную характеристику нашего журнала) — мы верим, что наш, собственно наш, русский почвенный идеал несравненно выше европейского (что он только сильнее развовьется от соприкосновения и сравнения с европейским), но что он-то и возродит все человечество» (стр. 257).

Здесь впервые у Достоевского появляется мысль, что нигилизм — это барская затея, позиция «лишнего человека» на новом этапе, мысль которая через много лет отзовется в концепции «Бесов»: «А с Белой Арапией все сказано, дальше некуда,— в безвоздушное пространство. Это остатки прежнего либерализма, имевшего свой исторический склад, но совершенно отжившего и присутствующего еще в огромной массе отживших людей, ходячих трупов ⟨...⟩ отделили отставших и никуда не приставших, которые представляют из себя вялое, пошлое поколение наших шатающихся ⟨по⟩ дорогам лишних людей. Теперь наступают совсем другие идеи, идеи почвы, единства...» (стр. 210). Но по-видимому, «чтобы кончить», Достоевский решил более не удаляться в рассуждения, которые способны лишь затянуть и усложнить спор, и ограничился коротким ответом на обвинения «Современника». Достоевский не был вполне ориентирован, какова степень участия Салтыкова в этой полемике.

Вторым и последним выступлением Салтыкова против почвеннических журналов была драматическая быль «Стрижи» в составе статьи «Литературные мелочи» («Современник», май 1864 г.). Из-за разногласий внутри редакции, не одобрявшей, в частности, полемику с «Русским словом», которую одновременно вел сатирик, шесть его статей и одна рецензия, направленные против журнала «Эпоха», остались в то время ненапечатанными. Продолжал полемику Антонович. Его статья «Стрижам. (Послание обер-стрижу, господину Достоевскому)» начиналась первым абзацем отвергнутой статьи Салтыкова. Подпись под статьей: «Посторонний сатирик, автор „Стрижей“», должна была ввести в заблуждение редактора «Эпохи». Однако Достоевский заподозрил мистификацию и отметил в записной тетради: «Только „Стрижей“ не вы писали, в „Стрижах“ есть веселость. А что, если вы солгали?» (стр. 252). И в другом месте: «Я не прячусь, я ни от кого не прячусь. Нет ни одной статьи, от которой бы я отказался, потому что от редакции выражал мнение редакции. Писали сообща. А вот вы так прячетесь, вы говорите, что „Стрижей“ написал не Щедрин. А [вот] что ж, если это писал Щедрин. Значит вы солгали и т. д.». Достоевский заканчивает запись знаменательными словами, которые он и для себя всегда имел в виду: «Что если когда-нибудь откроется. Ведь все открывается (стр. 256). Даже здесь Достоевский не отказывает Щедрину в таланте сатирика: «У г-на Щедрина (М. Е. Салтыков) бывает иногда ядовитая веселость,— все же лучше, чем совсем уж плоская бездарность; прочтет кто-нибудь у нас вслух и мы смеемся. Об этом человек 20 могут засвидетельствовать. А вы так вот напротив, и какие вы унылые теперь стали. ⟨...⟩ Какой вы сатирик! Вы ругатель, а не сатирик!» (там же).

Главный упрек Салтыкова Достоевскому в этой полемике относился к неясности, межеумочности идеологии почвенников, желающих «сидеть между двух стульев» и рискующих «скатиться в болото реакции». Такой взгляд был основан на трезвом анализе тенденций общественной борьбы. Что же касается главной линии нападок Достоевского на Салтыкова, то в пей много «фантастического», и не в деталях, что характерно для этой полемики с обеих сторон, но по существу. Имея в виду разногласия в редакции

«Современника» и сложное положение Салтыкова, Достоевский придал этим фактам неожиданный смысл. Он приписал Салтыкову безыдейность, готовность петь с чужого голоса, прибавлять к своим сочинениям мысли, подсказанные редакцией. Такова тема памфлета «Господин Щедрин, или раскол в нигилистах», в который входит «Отрывок из романа „Щедродаров"». И об этом же пишет Достоевский в записной тетради:

«Как кому угодно.

Учитесь, милые дети.

Нет, не дается нигилизм г-ну Щедрину, не дается. Он в таком же затруднении, поступив в нигилисты, как и генерал Зубатов, в его собственной повести, когда он хочет следовать за веком, биржу придумывает и даже выразиться не умеет. Сам г. Щедрин назвал такого сорта людей умирающими. Нет уж, пусть г. Щедрин пишет по-прежнему повести, не заботясь о нравоучениях к ним. *Нравоученье ему всегда подскажут*» (стр. 186). Достоевский, следовательно, считал «Слово к читателю», которым открывалось произведение Щедрина «Как кому угодно» и заключительную главу «Размышления» чем-то инородным и несамостоятельным. Сам Салтыков с полным основанием отмечал, что «Как кому угодно» выражает его собственный взгляд на отношение действительности к социальным утопиям, что в отличие от автора романа «Что делать?» он думает, что «нужно начинать не с намерений, а с разбора самых простых и ходячих общественных истин» («Гг. „Семейству М. М. Достоевского", издающему журнал „Эпоха"»). С общей тенденцией Достоевского связаны и другие черновые наброски: «Дешевый гуманизм Щедрина», «Я ничего лично не имею против г. Щедрина, он мне отнюдь не враг. Но я преследовал в нем литератора продажного (что я слыхал лично от г-на Щедрина)» (стр. 250, 255).

Последнее заявление, загадочное и неправдоподобное, заслуживает, однако, быть рассмотренным. Известно, что в 1862 г. братья Достоевские пригласили Салтыкова участвовать в журнале «Время». Салтыков предложение принял и печатался во «Времени», будучи сотрудником «Современника» и затем, когда «Современник» был закрыт. По свидетельству Салтыкова, М. М. Достоевский прислал ему «письменное приглашение сотрудничать далее, с предложением *каких угодно условий...*» [118]. На этот раз Салтыков отклонил предложение редакции «Времени». Последнее его произведение «Наш губернский день» появилось в сентябрьском номере этого журнала. Возможно, что в личном разговоре («слыхал лично от г-на Щедрина») Салтыков сослался на то, что «условия» «Современника» его устраивают больше. А так как в начале следующего года развернулась полемика между обоими журналами, у Достоевского родилась версия о «продажности» «не имеющего своих убеждений» Щедрина. К этим его рассуждениям примыкает, видимо, и следующая запись: «...Помещать статью хотя бы и в журнале с враждебным направлением. Тут ровно ничего дурного — если вы помещали то именно, что вы в каждом журнале поместили бы. Другое дело начать петь с чужого голоса» (стр. 254).

Самые резкие взаимные нападки, которыми изобиловала полемика Достоевского и Салтыкова, не поколебали в каждом из них представления о художественном таланте и огромном масштабе деятельности другого. Рассматривая полемические статьи и черновые наброски, нельзя забывать, что полемика Достоевского и Салтыкова — это тоже своеобразный литературный жанр, и широко употреблявшиеся в ней гиперболы и карикатуры были лично оскорбительными в пределах данной полемики, в рамках определившихся условий журнального спора. В известном отзыве о романе «Идиот» Салтыков несколькими словами сумел показать несоизмеримость сферы журнальной полемики с теми «исканиями человечества», которым отвечает подлинно великое произведение искусства: «Укажем хотя на попытку изобразить тип человека, достигшего полного духовного и нравственного равновесия, положенную в основание романа „Идиот" — и, конечно, этого будет достаточно, чтобы согласиться, что это такая задача, перед которою бледнеют всевозможные вопросы о женском труде, о распределении ценностей, о свободе мысли и т. п. Это, так сказать, конечная цель, в виду которой даже самые радикальные разрешения всех остальных вопросов, интересующих общество, кажутся промежуточными станциями». С тем большей досадой замечает Салтыков, как неверное решение «частных» вопросов, карикатурное изображение деятелей прогресса,

подрывает движение к той прекрасной цели, которую преследует Достоевский. Знаменательны последние строки этого отзыва, как бы завершающие сравнение между сегодняшней разноголосицей споров и высокими идеалами человечества: «Жизненные вопросы, занимающие в данную минуту общество, могут, конечно, представлять большую запутанность и с этой точки зрения подвергаться критике, но не о правах критического отношения к ним идет здесь речь (незыблемость этих прав необходима в видах дальнейшего прогрессирования жизни), а о том, что за этими запутанными и невыясненными вопросами стоит нечто, не представляющее уже никакой запутанности и неясности. Это ясное и незапутанное — есть стремление человеческого духа придти к равновесию, к гармонии» [119]. Слова эти могут служить ориентиром для изучения сложных отношений между Салтыковым и Достоевским, в чем-то глубоко близких, исполненных взаимопонимания, в чем-то антагонистических, непримиримых до ненависти.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЗАМЫСЛЫ. ПОПЫТКА НОВОЙ РЕДАКЦИИ «ДВОЙНИКА»

В записных тетрадях Достоевского 60-х годов запечатлен важный этап творческого пути писателя, когда публицистические проблемы и образы стали неотъемлемой частью его художественных произведений. Первым таким произведением был «Скверный анекдот» («Время», ноябрь 1862 г.). В записной книжке сохранился единственный небольшой набросок к этому рассказу. Он (вместе с маленькой заметкой для «Записок из Мертвого дома») находится между «заготовками» второй редакции «Двойника». Работа над всеми этими произведениями шла параллельно.

До «Скверного анекдота» злободневные публицистические темы были предметом журнальных статей Достоевского и в его художественные сочинения входили лишь отдельными мотивами (например, карикатура на либеральной кружок Безмыгина в «Униженных и оскорбленных» и там же полемика с «Антропологическим принципом в философии» Чернышевского). «Скверный анекдот» весь проникнут публицистикой, как и следующие за ним «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863 г.), «Записки из подполья» (1864 г.) и «Крокодил» (1865 г.). Характерно, что художественное творчество Достоевского широко «вобрало» в себя проблемы политические в период кризиса революционной ситуации, когда писатель активно противопоставлял революционной демократии свой анализ исторических путей России и без этих вопросов не мыслил ни жизни своих героев, ни своего собственного существования. «Скверный анекдот» открывается иронической фразой об эпохе 60-х годов, которая дает ключ ко всему дальнейшему повествованию: «Этот скверный анекдот случился именно в то самое время, когда началось с такою неудержимою силою и с таким трогательно-наивным порывом возрождение нашего любезного отечества и стремление всех доблестных сынов его к новым судьбам и надеждам». Сатира Достоевского захватывает и высокопоставленных либералов, и ничтожных чиновников, привыкших тащить свою ношу наподобие муравья (сравнение для Достоевского символическое!), и самонадеянных сотрудников из журнала «Головешка» (т. е. «Искра»). Вне сатирического изображения остается лишь мать Пселдонимова, простая, добросердечная старуха — воплощение почвеннических симпатий Достоевского. Рассматривая набросок к «Скверному анекдоту» среди множества публицистических заметок в той же книжке, мы отчетливо видим идейные истоки рассказа.

Судя по характеру записи к «Скверному анекдоту» (первоначальное название «Несчастный случай»), сюжет рассказа, его главные характеры были найдены писателем сразу. В нескольких фразах черновой записи обозначен основной конфликт: либеральный генерал, пожелавший обняться с подчиненным, но не выдержавший «подвига» («Сначала генерал говорил ты Пселдонимову, а потом незаметно съехал на вы»), и мелкий чиновник в крайней нужде, готовый все стерпеть от благосклонного начальства («Пселдонимов был желчный чиновник, решившийся примириться и выиграть кусок насущного хлеба»). Здесь же намечен и парадоксальный финал — генерал, испортивший свадьбу несчастного чиновника, «великодушно» прощает его: «Передайте ему (ска-

зал генерал), что я не желаю ему зла. Скажу более: я даже готов забыть все прошедшее... да, я готов» (стр. 138).

По-видимому, характер работы Достоевского над произведениями малых жанров (рассказами, повестями) существенно отличался от процесса создания романов. В этом убеждают и черновые записи к рассказу «Кроткая», публикуемые в настоящем томе. Если важнейшей стадией работы Достоевского-романиста было «выдумывание планов», когда сюжеты непрерывно сменяли друг друга, и в результате окончательная редакция оказывалась совсем не похожей на первый замысел, то сюжет небольшого рассказа складывался в воображении писателя единовременно. Изменения, которые замысел рассказа претерпевал в дальнейшем, сводились по преимуществу к более углубленной характеристике персонажей, но не затрагивали, видимо, основной конструкции произведения.

Замысел рассказа «Крокодил» тоже, по всей вероятности, сложился сразу. В записной тетради очень много набросков к этому сюжету, но сам сюжет остается неизменным. Рассказ этот не был закончен Достоевским, а его напечатанная часть породила слухи о том, что в нем якобы изображены обетоятельства жизни Чернышевского (ссылка, семейные отношения и т. п.). Впоследствии, в «Дневнике писателя» 1873 г. Достоевский горячо отвергал такую трактовку: «Значит, предположили, что я сам бывший ссыльный и каторжный, обрадовался ссылке другого „несчастного", мало того — написал на этот случай радостный пашквиль» [120]. Материалы записных тетрадей полностью подтверждают справедливость слов Достоевского и дают, наконец, возможность документально опровергнуть вымысел, против которого протестовал писатель. В черновиках «Крокодила» упоминается по ходу сюжета много имен: Степанов, Краевский, Зайцев, Катков, Милюков, даже Игдев и Косица (Долгомостьев и Страхов), но имени Чернышевского там нет. Для записей Достоевского вообще характерно упоминание о прототипах, тем более, если речь идет о главном персонаже. Ситуация с крокодилом, проглотившим чиновника, облечена таким количеством конкретных деталей, которые никак не вяжутся с мыслью о ссылке Чернышевского. Чиновник Иван Матвеевич накануне заграничной командировки решил посмотреть в Пассаже крокодила и был крокодилом проглочен. Друг Ивана Матвеевича обращается за помощью к его сослуживцу, чтобы пребывание в крокодиле оформить как командировку в его недра: «Для естественного так сказать изучения-с. Нынче все пошли естественные науки. И для сообщения фактов-с» (стр. 270). Почтенный сослуживец, видя, что случай беспрецедентный, отказывается ходатайствовать по начальству, считая, что лучше всего выждать, поскольку Иван Матвеевич (в черновиках — Осип Федорович) «числится за границей, ну и довольно с него. Пусть осматривает европейские земли» (там же). Большое значение в сюжете имеют взаимоотношения с немцем — хозяином крокодила, чьи интересы ревностно оберегают сторонники процветания в России иностранных капиталов: «Восточный квиетизм чиновника несравненно ниже цивилизаторской палки немца и его супруги» (стр. 269). «Теймс решает, что нам нужно среднее сословие, стало быть капитал и права капитала, стало быть привилегия,— а без того не будет и финансов. Ну-с надо и крокодильщику дать привилегию. Если проглотившее существо либеральнее проглоченного» (стр. 263).

Достоевский был вполне искренен, заявляя, что ему «вздумалось написать одну фантастическую сказку, в роде подражания повести Гоголя „Нос"» [121]. В предисловии от редакции, которое он набросал в записной тетради, говорилось: «такой дерзостной лжи еще было не слыхано в нашей литературе, кроме правдивейшего случая о том, как пропал нос у майора Ковалева» (стр. 268). Фантастический сюжет нужен был Достоевскому, чтобы вывести все направления современной публицистики, показав их отношение к происшедшему. В записях упоминаются «Своевременный» («Современник»), «Головешка» («Искра»), «Чайник» («Будильник»), «Волос» («Голос»). В обсуждение происшествия включались и «Русское слово» и «Эпоха». Интересна страничка записной тетради под названием: «Журнальные споры о крокодиле. „Волос" и „Известия"». Здесь намечено шестнадцать точек зрения на необычайное событие, случившееся в Пассаже. Вот, например, реакция Зайцева: «Я не понимаю, что товарищ детства; да и что такое детство? Отсутствие хряща и недостаток фосфора в мозгу» (стр. 264). В «Эпохе» происходило следующее: «Сотрудник Игдев доставил в редакцию по сему поводу полемическую

статью. Но редакция, справедливо опасаясь, что статья сия будет направлена против „Современника", прилично отказалась от сей статьи. Естествоиспытатель Косица. Но он ответил, что он может только решить: глотают ли своих сотрудников крокодилы на планетах, но о земле еще надо сообразить» (стр. 263).

Эти записи, как и многие другие, связанные с выступлениями прессы, не вошли в окончательный текст, но они очень важны для понимания замысла писателя — полемического, пародийного, но не памфлетного. В окончательном тексте рассказа есть место, которое дает возможность усмотреть намек на пребывание Чернышевского в Петропавловской крепости: «Из крокодила выйдет теперь правда и свет. Несомненно изобрету новую собственную теорию новых экономических отношений и буду гордиться ею — чего доселе не мог за недосугом по службе и в пошлых развлечениях света. Опровергну все и буду новый Фурье» [122]. Но и здесь, на наш взгляд, сатирический образ философа, блаженствующего во чреве крокодила, может быть понят в привычном для Достоевского смысле: «кабинетным» теоретикам, оторванным от жизни, пребывание в крокодиле, откуда можно, привлекая всеобщее внимание, проповедовать прогресс, должно казаться идеалом.

Хотя «Крокодил» не является памфлетом и в нем не подразумеваются обстоятельства политической и личной судьбы Чернышевского, хотя его сатирические стрелы направлены против журналов и газет разных направлений,— в центре рассказа полемика с «Современником» и, главным образом,— с идеями Чернышевского. Характеристика основного персонажа в записях и в окончательном тексте не совпадает в некоторых существенных моментах. Так, Иван Матвеевич из печатного текста еще до своего переселения в крокодила был отчасти вольнодумцем и даже за границу собирался с мыслью посетить Швейцарию — родину Вильгельма Телля. Вначале же предполагалось, что он человек «рутинный, бездарный» и «стал нигилистом из самолюбия, боясь свистунов» (стр. 258—259). Наготове был каламбур: «Крокодил пустой. Боюсь стать нигилистом» (стр. 262). Став «нигилистом поневоле», Иван Матвеевич начинает философствовать с чувством исключительного собственного достоинства. Здесь Достоевский явно пародирует идеи Чернышевского: «Где разумная причина, где выгода?» (стр. 266), «Трагическое так же смешно, как и комическое» (стр. 272) и, наконец: «Стало быть, вы ничего не читали — это все я написал. „Как?" — То есть как-с? — Роман „Как?"» (стр. 259). Подобно руководителям «Современника», как изображал их Достоевский, Иван Матвеевич начинает мнить себя Сократом или Диогеном. У Достоевского возникла даже «игривая» мысль: не обратить ли симпатии Ивана Матвеевича к почве? Быть может, эта тема появилась бы во второй половине рассказа: «Я был нигилистом поневоле. Всякий нигилист — нигилист поневоле.— Не примкнуть ли мне к почве?» (стр. 262). Интересно, что среди откликов на историю с крокодилом Достоевский сначала предполагал упомянуть и сочинение Козьмы Пруткова (которого Достоевский любил и постоянно цитировал): «Слышал тоже, что Кузьма Прутков хочет писать по поводу этого приключения повесть под названием „Лиза и мед". Это не совсем вероятно, потому что Кузьма Прутков умер еще третьего года, о чем благородным образом известил в „Современнике" тогда же собственный племянник его Прутков Воскобойников 2-ой и приложено было посмертное сочинение его: „Опрометчивый турка, или приятно ли быть внуком"» (стр. 272).

В жанровом отношении с «Крокодилом» сходен рассказ Достоевского «Тритон (Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова и его друга)», 1878 г. В центре сюжета — тоже «необычайное приключение»: на Елагином острове перед гуляющей великосветской публикой неожиданно показался Тритон, всплывший на поверхность пруда. Это происшествие, подобно тому, как было в «Крокодиле», вызвало оживленные отклики у публики и в прессе. Достоевский приводит «отзывы» «„Биржевых ведомостей" и исторического романиста г. Мордовцева, Щедрина и русских ученых-естествоиспытателей (Сеченова, Менделеева, Бекетова, Бутлерова и tutti quanti)» [123].

Неосуществленный замысел романа «Брак» с подзаголовком «Современный человек» связан, по-видимому, с размышлениями Достоевского об основных чертах «нигилистического романа» (стр. 251 и 256). В противоположность благополучному решению проблемы любовного «треугольника» Достоевский набросал канву трагического сю-

жета, со сложной психологией людей, глубоко страдающих, с центральным образом героини, которая становится жертвой инфернального чувства и умирает, благословляя своего несчастного мужа (стр. 272). В этом замысле нет ничего от «антисхемы», это — эскиз типичного сюжета Достоевского. Интересно, что при характеристике героини упоминается о грациозности княжны Кати (очевидно, из «Неточки Незвановой»). В образе Кати писатель впервые воплотил те черты обаятельной и смелой женской натуры, одновременно склонной и к мучительству, и к благородному подвигу, которая всю жизнь его привлекала. Забыв многие сюжеты и лица своих ранних повестей, Достоевский, видимо, навсегда запомнил княжну Катю (о ней упоминается в рукописях «Подростка»).

Одно из центральных мест в тетрадях Достоевского 60-х годов принадлежит наброскам к новой редакции его ранней повести «Двойник». Повесть эта достаточно хорошо изучена, черновые записи к ней были извлечены из тетрадей Достоевского и напечатаны более сорока лет назад Р. И. Аванесовым. Тем не менее в полной мере понять значение для Достоевского нового творческого обращения к старой повести можно лишь на фоне тех записей философского, исторического и социально-политического содержания, о которых только что шла речь. Известно, что еще в 1845 г. Достоевский, окрыленный успехом «Бедных людей», особые надежды возлагал на повесть о приключениях Голядкина: «Голядкин выходит превосходно; это будет мой chef d'œuvre» [124]. При первом чтении «Двойник» очень понравился в кружке Белинского: «Голядкин в 10 раз выше Бедных людей. Наши говорят, что после Мертвых душ на Руси не было ничего подобного, что произведение гениальное и чего-чего не говорят они! С какими надеждами они все смотрят на меня! Действительно, Голядкин удался мне донельзя. Понравится он тебе, как не знаю что! Тебе он понравится даже лучше Мертвых душ, я это знаю»,— писал Достоевский брату 1 февраля 1846 г. [125]

Вероятно, «Двойник» даже в большей мере, чем «Бедные люди», определил отличие творческой манеры Достоевского от Гоголя: «Во мне находят новую оригинальную струю (Белинский и прочие), состоящую в том, что я действую Анализом, а не Синтезом, т. е. иду в глубину, а разбирая по атомам, отыскиваю целое, Гоголь же берет прямо целое и оттого не так глубок, как я. Прочтешь и сам увидишь. А у меня будущность преблистательная, брат» [126].

Достоевский вспоминал впоследствии, что у Белинского он прочел «Двойника» неполностью, непрочитанными остались как раз последние главы, менее удавшиеся автору. При полном и более углубленном чтении впечатление от «Двойника» в кружке Белинского оказалось далеко не восторженным: «Свои, наши, Белинский, и все мною недовольны за Голядкина. Первое впечатление было безотчетный восторг, говор, шум, толки. Второе: критика. Именно: Все, все с общего говору, т. е. наши и вся публика нашли, что до того Голядкин скучен и вял, до того растянут, что читать нет возможности. ⟨...⟩ У меня есть ужасный порок: неограниченное самолюбие и честолюбие. Идея о том, что я обманул ожидания и испортил вещь, которая могла бы быть великим делом, убивала меня. Мне Голядкин опротивел» [127].

В печати Белинский оценил вторую повесть Достоевского как произведение необычайно значительное по мысли, но художественно не вполне совершенное: «В „Двойнике" автор обнаружил огромную силу творчества, характер героя принадлежит к числу самых глубоких, смелых и истинных концепций, какими только может похвалиться русская литература, ума и истины в этом произведении бездна, художественного мастерства тоже; но вместе с тем тут видно страшное неумение владеть и распоряжаться экономически избытком собственных сил» [128]. Этот отзыв Белинского Достоевский, по-видимому, принял безоговорочно, он и сам именно так понимал причину двойственного впечатления, которое произвела его повесть. И через тринадцать лет, когда, вернувшись из Сибири, писатель задумал переделать повесть для собрания своих сочинений, он высказался о ней примерно в том же духе, как когда-то Белинский: «Поверь, брат, что это исправление, снабженное предисловием, будет стоить нового романа. Они увидят, наконец, что такое „Двойник"! ⟨...⟩ Зачем мне терять превосходную идею, величайший тип по своей социальной важности, который я первый открыл и которого я был провозвестником» [129].

«Величайшая» социальная идея «Двойника» в значительной мере обозначена заглавием. В фантастической форме существования двойников Достоевский показал жестокий процесс обезличивания человека в бюрократическом, чиновничьем государстве. Доселе скромный и смирный помощник столоначальника Яков Петрович Голядкин заболевает манией преследования. В безумии ему внезапно открывается очень многое из того, что по своей патриархальной наивности не замечал он раньше. Теперь ему становится ясно, что, несмотря на усердие по службе и добрый нрав, положение мелкого чиновника в обществе настолько ничтожно, что все равно его не принимают за человека и в любой момент готовы выбросить, как тряпку, и заменить кем-нибудь другим: «И подменит человека, подменит подлец такой,— как ветошку человека подменит и не рассудит, что человек не ветошка». Главный враг Якова Петровича — некто «Голядкин-младший»— удачливый двойник героя, плод его расстроенного воображения. «Младший»— интриган,циник, карьерист и подхалим, готовый поминутно лететь «по особому поручению». Похожий на старшего как две капли воды, он нагло присваивает его доброе имя и все результаты его трудов, перекладывая на плечи тихого собрата свои долги и неприятности. Наконец, кошмар Голядкина достигает гиперболических размеров: ему снится, что народилась «страшная бездна совершенно подобных — так что вся столица запрудилась, наконец, совершенно подобными ⟨...⟩ Тоска подходила такая, как будто кто сердце выедал из груди...» Так Достоевский показал трагедию личности, значение которой в современном обществе все более и более сводится на нет. Несчастный чиновник поднимает бунт против бесчеловечного закона жизни, при котором возможно существование двух Голядкиных, против порядка вещей, позволяющего «безобразному и поддельному», «бесполезному и фальшивому» господину Голядкину постоянно брать верх над «настоящим и невинным господином Голядкиным». С новой трагической силой и буквально в тех же словах, что Макар Девушкин, выражает свой протест Голядкин: «Да как же? по какому же праву все это делается? кто разрешил такого чиновника, кто дал право на это?» [130]. В письме на имя губернского секретаря Вахрамеева Голядкин клеймит «неблагородное фантастическое желание» некоторых лиц «вытеснять других из пределов, занимаемых сими другими своим бытием в этом мире, и занять их место». Он считает, что такой образ действий достоин сумасшедшего дома, но неумолимый ход событий приводит в этот дом его самого. Попытки Голядкина протестовать встречают всеобщий отпор и воспринимаются как недопустимое вольнодумство. Впрочем, твердостью духа Голядкин отнюдь не отличается. Он «мог смело надеяться, что в настоящую минуту даже простой комар, если бы только он мог в такое время жить в Петербурге, весьма бы удобно перешиб его крылом своим».

Интересно, что совсем иначе чувствовал себя Девушкин в «Бедных людях»: «Вы не смотрите на то, что я такой тихонький, что, кажется, муха меня крылом перешибет. Нет, маточка, я про себя не промах, и характера совершенно такого, как прилично твердой и безмятежной души человеку» [131].

Но «двойничество» Голядкина имеет и еще один важный смысл. В какие-то минуты одинокому безумцу начинает казаться, что, может быть, напрасно он жил честно, не подличал, не третировал других. И не начать ли прямо сейчас вместе с «младшим» интригу вести «в пику им»? Может быть, это единственная возможность «в наш промышленный век», как он выражается, отстоять свое право и место под солнцем? Протест Голядкина приобретает в этом случае сугубо индивидуалистический характер. Достоевский подводит читателя к мысли, что «младший» Голядкин выражает какие-то тайные, глубоко запрятанные желания «старшего», который и хотел бы, да не в силах их осуществить. В записной тетради эта мысль точно сформулирована самим автором: «Младший, оказывается, что знает все тайны старшего, точно он олицетворенная совесть старшего» (стр. 138). Очень характерна другая заметка, рядом: «Младший — олицетворение подлости» (стр. 137). Отсюда начинается тема душевного подполья, болезненной раздвоенности человека. «Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться»,— писал Достоевский во время работы над «Подростком» [132]. Тема подполья началась в «Двойнике». Так думал сам Достоевский. «...Мой главнейший подпольный тип,— писал

он о Голядкине, (надеюсь, что мне простят это хвастовство в виду собственного сознания в художественной неудаче типа)» (стр. 310—311). И далее: «Подпольный человек есть главный человек в русском мире. Всех более писателей говорил о нем я, хотя говорили и другие, ибо не могли не заметить» (стр. 314).

В 1861—1864 гг., когда Достоевский много работал над новой редакцией повести (для собрания своих сочинений), «подполье» интересовало его не только со стороны социальной и психологической, но также — философской и политической. Главный замысел Достоевского в 1864 г.— «Записки из подполья». Об этом свидетельствуют его размышления о тоскующем, больном сознании человека в эпоху цивилизации, о глубинных противоречиях между личностью и обществом, о недостижимости этического идеала в условиях земного существования, о страдании как необходимой форме переживания этих противоречий, о социализме, атеизме и христианстве,— размышления, которые мы находим в его тетрадях того времени.

Фантастический сюжет о приключениях Голядкина давал Достоевскому неограниченные возможности демонстрировать двойничество во всех аспектах, раскрывая «сокровеннейшие тайны чиновничьей души à la Толстой» (стр. 137). В такой «неограниченности» была и огромная привлекательность для художника и в ней же таилась большая трудность: необходимо было овладеть всем многообразием возможных ситуаций, ввести их в единое русло, создать эстетически завершенное целое. С этой задачей Достоевский, по его собственному признанию, не справился. Еще в 40-е годы, когда Достоевский писал «Двойника», сюжет, определявшийся характером героя, увлекал его в некую бесконечность, не давая окончить произведение. «Яков Петрович Голядкин,— писал Достоевский брату,— выдерживает свой характер вполне. Подлец страшный, приступу нет к нему; никак не хочет вперед идти, претендуя, что еще ведь он не готов, а что он теперь покамест сам по себе, что он ничего, ни в одном глазу, а что, пожалуй, если уж на то пошло, то и он тоже может, почему же и нет, отчего же и нет? Он ведь такой, как и все, он только так себе, а то такой, как и все. Что ему! — Подлец, страшный подлец! Раньше половины ноября никак не соглашается окончить карьеру. Он уж теперь объяснился с Е. Превосходительством, и пожалуй, (отчего же нет) готов подать в отставку. А меня, своего сочинителя, ставит в крайне негодное положение» [133]. Даже по «голядкинскому» стилю этого абзаца чувствуется, что самому автору доставляло удовольствие продолжать рассказ и следить за новыми и новыми приключениями героя.

Но дело, конечно, не столько в увлеченности Достоевского сюжетом, сколько в том, что трагикомическую исповедь Голядкина нелегко остановить, так как по сути своей она стремится к дурной бесконечности. Вспомним, что исповедь человека из подполья Достоевский прервал механически: «Впрочем здесь еще не кончаются „записки“ этого парадоксалиста. Он не выдержал и продолжал далее. Но нам тоже кажется, что здесь можно и остановиться» [134].

Как же развивал Достоевский «голядкинскую» тему в 1861—1864 гг.? Достоевский предполагал значительно усилить социально-обличительный пафос повести. Голядкин-младший как воплощение подлости выступает апологетом существующих общественных отношений, тех самых, которые свели с ума старшего. Он превозносит русский бюрократический стиль за его патриархальность, ему мало, что «юридически начальство только по законам поступает, это только грубая подчиненность и послушание начальству. Но если за отца, тут семейственность, тут подчинение всего себя и всех домашних своих вместо начальства. Начало детских отношений к отцу. Детский лепет невинности, а это приятнее начальству» (стр. 137). «Г-н Голядкин младший растолковывает старшему: что значит принимаю благодетельное начальство за отца и что тут рыцарское. Юридическое и патриархальное отношение к начальству и что правительство само добивается *за отца*». Сатирический размах темы, намеченной еще в первой редакции «Двойника», пожалуй, ни в одном из прежних произведений Достоевского не был так велик, как в этом замысле. Голядкин-младший не только распространяет мнения, выгодные начальству и даже правительству, но еще действует как провокатор и в личных отношениях со старшим, и в сфере политической. Младший подталкивает старшего вызвать генерала на дуэль, хотя понятно, что из этого может выйти или

катастрофа или конфуз. Осуществляя свой «подлый расчет», Голядкин-младший действует на старшего почти гипнотически, увлекая его своим «товариществом».

В другом случае он обольщает его надеждами относительно дочери начальника департамента Клары Олсуфьевны и дает явно пагубные советы: «Младший помогает ему, но по-настоящему мешает высказать, все не удается» (стр. 138). Достоевский впервые использует здесь игру пети же (которую потом изобразит в «Идиоте» и в рассказе «Бобок»), когда каждый участник рассказывает о себе что-то сокровенное и обычно все лгут. Если в «Идиоте» правду сказал лишь Фердыщенко и потому остался в дураках, то в «Двойнике» единственно искренний человек — Голядкин-старший. Пользуясь этим, младший «вырывает у старшего признание в любви к Кларе Олсуфьевне (младший уже знает это и без старшего). Он начинает учить его, как победить Клару Олсуфьевну, подучивает, как быть развязным...» (там же). Эпизод заканчивается полным предательством Голядкина-младшего: «Наконец, младший жестоко высказывает все и высказывает, как они подыскивали bon mot, хотели пленить девицу и проч., одним словом все, что было у Голядкина, даже рукомойник и Петрушку. Хохот». Любое интимное признание старшего младший немедленно обращает ему во вред, использует для очередного предательства: «N . Бедная, очень бедная хромоногая немка, отдающая комнаты внаймы, которая когда-то помогала Голядкину и которую младший проследил, которую боится признать старший. История его с ней, патетически рассказанная младшему. Тот изменяет и выдает» (стр. 140). Но мало этого. Голядкин-младший, как уже сказано, выступает провокатором и предателем в сфере политической. На собрании у Петрашевского он произносит речи, «обнимается», льет «благородные слезы», но ясно, что «он донесет» (стр. 179). «На другой день г. Голядкин идет к [Петрашевскому] и застает, что тот читает дворнику и мужикам своим систему Фурье и уведомляет его, что тот донесет» (там же).

Достоевский, как это видно из записей, намерен был раскрыть внутреннюю борьбу в душе Якова Петровича Голядкина, понимающего, что Голядкин-младший — его смертельный враг и вместе с тем готового соглашаться с ним «из романтизма и из восторга стадности» и даже писать «рыцарское письмо» с просьбой о «руке помощи», но в решительную минуту способного изобличить предателя. Характерно, что даже здесь младший делает попытку спрятаться за старшего, но Петрашевский, видимо, изобличает его: («П⟨етрашевс⟩кий уже предупрежден младшим, что этот донесет, да и говорит: вы-то и есть доносчик» — стр. 179).

Начатый еще в первой редакции «Двойника» мотив самозванства («Гришка Отрепьев только один, сударь вы мой, взял самозванством, обманув слепой народ и то ненадолго» [135]) переведен в записях 60-х годов в современное политическое русло:

«Вдвоем с младшим. Мечты сделаться Наполеоном, Периклом, предводителем русского восстания. Либерализм и революция, восстановляющая со слезами» (стр. 138). Прямо к теме революции примыкает и слух о появлении в городе разбойника Гарибальди, который в полном соответствии со всепроникающей темой двойничества оказывается «статским советником в отставке», проживающим в Кирочном переулке № 31-й. Как и в других записях Достоевского, мысли о революции соседствуют с полемически-карикатурным изображением социализма, основанного якобы на личном материальном интересе, доведенном до крайности с благословения естественных наук и философии атеизма: «Кислород и водород перевертывают ему голову. Нет более Всевышнего Существа. Что же будет с министерством и начальством? Сон. Все упразднено. Люди вольные. Все бьют друг друга явно на улице. Обеспечивают себя (откладывают копейку)» (стр. 179).

В записях к «Двойнику» есть и полемические «уколы», направленные против «Современника».

«Протестуйте.— Да как протестовать? — Да вот, например, мальчиков секут в школах розгами» (стр. 178 — это к спорам по поводу Пирогова); «Ну-с, я вам скажу, что это изменится, когда наступят новые экономические отношения, а больше ничего не скажу» (там же).

Мы видим, что Достоевский считал сюжет «Двойника» достаточно емким, чтобы вместить все главные проблемы, волновавшие его в 1861—1864 гг. Фантастический рассказ, изображающий социальную беззащитность и духовную раздвоенность человека как

трагикомический процесс вытеснения одного близнеца другим, представлялся очень подходящим для этой цели и привлекал Достоевского даже после того как «Записки из подполья» вышли в свет. Но осуществить задуманное, особенно в короткий срок, оказалось нелегко. На этот раз Достоевский уже навсегда отказался от своего желания. Найденное в «Двойнике» было по-своему продолжено во всех решительно произведениях Достоевского. Вероятно поэтому он так высоко оценивал идею своей ранней повести и в «Дневнике писателя» 1877 г.: «Повесть эта мне положительно не удалась, но идея ее была довольно светлая, и серьезнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил» [136].

СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

В записных тетрадях 70-х годов отражен новый этап творческого пути Достоевского. После восьмилетнего перерыва писатель опять вступает на поприще публицистики. С 1865 по 1873 г. он не писал публицистических статей, за исключением не дошедшей до нас статьи «Знакомство с Белинским». Эта статья, судя по письму Достоевского к Майкову 15 сентября 1867 г., была не только мемуарной. Писатель хотел, очевидно, еще раз заявить о своем направлении, со всей резкостью, присущей его политическим антипатиям этих лет, выступить против идей Белинского и его последователей. Живя за границей, Достоевский вынашивал мысль о возвращении к публицистике, причем одновременно проектировал разные издания (см., например, письмо С. А. Ивановой 6 февраля 1869 г.). С большим интересом следил он за тем, как составляются книжки журнала «Заря», наиболее близкого ему по направлению, и писал длинные письма Страхову, где давал редакторские советы. В журнальной и газетной работе Достоевский искал не только возможность пропагандировать свои идеи, но видел средство ежедневного соприкосновения с текущей жизнью, вне которой не мыслил творчества.

Вернувшись в Россию и завершив роман «Бесы», Достоевский принимает предложение издателя «Гражданина» В. П. Мещерского стать редактором этого еженедельного журнала. Политические убеждения писателя за время пребывания за границей настолько эволюционировали вправо, что альянс автора «Бесов» с Мещерским, Победоносцевым, Т. Филипповым оказался закономерным. Если в начале 60-х годов Достоевский враждебно относился к «Русскому вестнику», если даже в период создания «Преступления и наказания» он испытывал большую внутреннюю неловкость, предлагая роман Каткову, то в 1869 г. он заявлял, что «Русский вестник» «решительно лучший и твердо сознающий свое направление журнал у нас в России» [137]. Никогда ни до, ни после Достоевский не говорил о Белинском в таком грубо оскорбительном тоне, как в письмах Майкову 11 декабря 1868 г. и 9 октября 1870 г. и Страхову — 5 и 18 мая 1871 г. Достаточно вспомнить, с каким озлоблением писал он из-за границы о революционном движении, о Парижской Коммуне, о передовой журналистике («минаевщине и салтыковщине»), называя себя «для России,— совершенным монархистом» [138].

Достоевский редактировал «Гражданин» с 1873 г. до начала 1874 г. Его авторское участие в журнале не ограничилось «Дневником писателя», ему принадлежит также ряд статей и заметок об иностранной политике и текущей жизни. Достоевский предполагал сделать «Гражданин» органом, вполне выражающим его программу. 26 февраля 1873 г. он писал М. П. Погодину: «Моя идея в том, что Социализм и Христианство — антитезы. Это бы и хотелось мне провести в целом ряде статей...». Считая, что социализм «проел почти все поколение», Достоевский был намерен «бороться, ибо все заражено» [139]. Но Достоевский—мыслитель и писатель не укладывался в рамки журнала Мещерского, так как истоки его убеждений были совсем иного рода. Защищая свою политическую утопию единения народа с монархом, Достоевский имел в виду прежде всего интересы народа, а не самодержавного государства. Призывая революционную молодежь отбросить нигилизм и обратиться к национальному духу, он заботился о нравственном состоянии общества, а не о сохранении порядка. Для достижения своей цели Достоевский считал допустимыми лишь средства убеждения, а не принуждения, тем более полицейского сыска. А главное все убеждения свои он непрерывно продолжал обсуждать, поэтому полемика — самая естественная для Достоевского и по существу единственная форма

его журнальной деятельности. Как бы ни был Достоевский консервативен в иных своих убеждениях, он не мог быть официозным. Характерно, что Победоносцев впоследствии стремился привить Достоевскому отвращение к «истасканному грязному плащу журнальной полемики» и даже получил от него заверение о намерении писать «именно как вы бы желали — без бесплодной общекелейной полемики, а твердым, небоящимся словом» [140]. Но напрасно! Без полемики, во всяком случае без внутренней полемики, Достоевский не писал никогда. Одной из причин ухода Достоевского из «Гражданина» было сознание невозможности вести его по собственному пути: «Принимаясь за редакторство, год тому, воображал, что буду гораздо самостоятельнее. От этого лишаюсь энергии к делу» [141]. Но Достоевский не только ушел из «Гражданина», но передал свой новый рóман «Подросток» в «Отечественные записки». Можно согласиться с писателем, что этот шаг не изменил его направления, однако он с поразительной ясностью показал, что Достоевский всегда был несравнимо шире своего направления.

В справедливости такого взгляда мы еще раз убеждаемся, читая записные тетради к «Дневнику писателя» 1876 г. Наконец, впервые в жизни, Достоевский осуществляет издание, о котором мечтал более десяти лет. «Лицо» издания отражает личность Достоевского, слияние достигнуто почти полное. По сравнению с предшествующей публицистикой Достоевского «Дневник писателя» 1876 г. отличается большей независимостью от существующих идейных направлений и органов печати. С первых же строк выражается решительное неприятие и консерваторов и либералов. «Наша консервативная часть общества не менее говенна, чем всякая другая. Сколько подлецов к ней примкнули» (стр. 367). «...Либерализм даже ретроградeн, за него Станислава дают, другое дело славянофильство» (стр. 372). Но Достоевский не ограничивается критикой собственно либералов. Это понятие он расширяет безмерно. К разряду «либералов» Достоевский по-прежнему причисляет всех, по его терминологии, «прогрессистов» и «западников» — от Салтыкова, Михайловского и Елисеева до Тургенева, от Кавелина до Суворина, от «Отечественных записок» до «Вестника Европы». Обычный упрек Достоевского «либералам», что, не зная русской действительности, они готовы служить либерализму во имя одного лишь отрицания, что, не имея в «подкладке» ничего положительного, они «боятся краснее себя» (стр. 607). «*Либералы*. Они связали себя как веревками, и когда надо высказать свободное мнение, трепещут прежде всего: либерально ли будет? Все трепещут, все до единого и выкидывают иногда такие либерализмы, что и самому страшному деспотизму и насилию не придумать»,— записывает Достоевский, как бы возвращаясь к концепции «Бесов» (стр. 406). В лагере «западников» Достоевский отмечает разную социальную психологию. Для него Незнакомец (Суворин) и Тургенев — «аристократы и барчуки», а Пыпин и Елисеев — «дети священников наших», однако их отношение к народу оценивается одинаково отрицательно. Противоестественно объединяя Суворина и Тургенева, Достоевский пишет: «они сердятся и говорят, что они истинные народники, но с тем только, чтоб этот народ не имел ничего своего, но они ошибаются, ибо они не народники» (стр. 384). А несколько ниже, перефразируя Пушкина, Достоевский замечает по поводу «прогрессистов» из разночинцев: «Семинарист, как вам известно (и в этом смысле — демократ). Но может ли семинарист быть демократом, даже если б захотел?» (стр. 385).

Несмотря на предельно расширенное толкование либерализма, более всего враждебны Достоевскому так называемые «успокоенные либералы», равнодушные к народной трагедии и попросту спекулирующие на прогрессе. Вспомним известную формулу во вступлении к «Дневнику писателя» 1876 г.: «...считаю себя всех либеральнее, хотя бы по тому одному, что совсем не желаю успокоиваться» [142]. В записных тетрадях находим разоблачительные характеристики Суворина, не попавшие в текст «Дневника»: «Суворину — Я вам скажу, что ваш либерализм есть ремесло или дурная привычка. Сама собою эта привычка не дурная, но у вас она обратилась в дурную. Вы скажете, что, напротив, не ремесло, а что вы были согреты чувствами и т. д. А я скажу, что ничем вы не были согреты, а просто запросто отправляли выгодную профессию, и что вообще нам далеко до нагревания. 〈...〉 Сравнение [Незнакомца с Булгариным] либерального фельетона с бывшим булгаринским» (стр. 381). И несколько дальше: «Незнакомец находится в фальшивом положении, потому что вдруг вообразил себя почему-то гением, и

главное один: никто ему не помогал в этом. Теперь во всяком фельетоне слышится препротивненькая фальшь: хочется говорить игриво и просто, но хочется также говорить нечто чрезвычайно премудрое, до того премудрое, что никому и в голову не прийдет, хочется подавлять остроумием. И вот, к удивлению нашему, ни игривости не видно, ни мудрости не заметно. А какое-то таращение, какое-то теребление богом данной порции ума и таланта, чтоб раздать их в размеры Сухаревой башни» (стр. 390).

И опять возникает сравнение с произведениями Тургенева, будто бы «исписавшегося за последние десять лет и все продолжающего теребить свой талантишко ежегодно в „Вестнике Европы“» (стр. 390). Судя по тому, что записи о Тургеневе и Суворине перемежаются, можно предположить, что Достоевский сразу же после заявления о своей неуспокоенности намерен был подробно заняться «успокоенными либералами», но от большого полемического замысла в окончательном тексте «Дневника» осталось лишь беглое и вполне корректное упоминание о Незнакомце. Это вообще характерное соотношение между записями в тетрадях и текстом «Дневника» 1876 г., сознательно направленным на убеждение инакомыслящих, на обращение многих из них в свою веру.

Хотя «Русский вестник» остается изданием, близким Достоевскому по духу, но и против него нередко вырывается раздражение: «Я за роман („Подросток“) не в претензии, в „Русском вестнике“, конечно, могли не читать, не знать моего романа» (стр. 461). И в другом месте: «Я не хочу унижаться ни до одного ругательного слова, но „Русскому вестнику“ стыдно было бы писать, в приложении ко мне, о пустопорожних сосудах („Преступление и наказание“ и пр.)» (стр. 460). Дважды в разных местах тетради Достоевский высмеивает пошлые рекламные стишки о Льве Толстом, помещенные в декабрьской книжке «Русского вестника» 1875 г. Стишки написаны так, будто «граф Лев Толстой — конфетный талант и всем по плечу» (стр. 402). «Два очень странные стиха и против которых никто не протестовал» (там же). Особая, не сливающаяся ни с одним из направлений современной журналистики, позиция автора «Дневника» подчеркивается его критическим отношением к недавним единомышленникам, к тем, на кого он ориентировался, будучи за границей. «Банкротство консервативной партии, бойцы были Катков и Леонтьев — устарели. Н. Данилевский, написав правильную книгу „Россия и Европа“, уехал наслаждаться, вместо того, чтоб стать бойцом за правду. («Боец за правду» — излюбленная формула Достоевского для определения передового общественного деятеля; когда-то он так называл Добролюбова.— *Л. Р.*) Славянофилы в Москве исчезли. „Русский мир“ — позор бессилия и неумения вести дело» (стр. 404). «„Русский мир“ — приют всех бездарностей»,— дважды подчеркивает Достоевский.

Таким образом, не только либералы, копирующие «французскую форму», но и консерваторы, повторяющие зады своей старой программы, Достоевскому не по душе. Теперь он вынашивает иллюзию непосредственного единения народа с монархом, через головы всех партий, независимо от сумятицы всех журнальных споров, ибо нигде не видит понимания народных интересов и исторической роли России. Отсюда его дружба с Победоносцевым и надежды на наследника престола. Отсюда его упование на православную церковь как нравственную силу, способную скрепить навечно союз «народа-богоносца» с самодержавным государством. Если в конце 60-х годов (в «Идиоте», например) Достоевский считал русское дворянство мощной социальной и культурной силой, которая может во многом определить дальнейшие пути России, если «Подросток» с фигурой Версилова в центре представляется своего рода элегией о русском дворянстве, чья историческая роль уже в прошлом, то в «Дневнике» автор идет значительно дальше. Он находит, что судьба дворянского сословия завершена («в наше царствование уничтожился формальный чин лучших людей»), и теперь выдвижения лучших людей нации следует ждать прежде всего из массы простого народа: «Лучшие люди. Где теперь и что такое теперь лучшие люди. Чины — пали, дворянство пало. Все форменные установки лучшего человека — пали. Остались народные идеалы (юродивый, простенький, но прямой, простой). Богатырь Илья Муромец, тоже из обиженных, но честный, правдивый, истинный» (стр. 575).

В решении проблемы «лучших людей» наглядно проявились глубокие противоречия идеологии Достоевского. Он верно оценивал обреченность русского дворянства и морально-политическую несостоятельность молодой буржуазии (купцов и биржевиков), возлагая все надежды на народ. Но выдвигая вопрос о лучших людях как самый главный для русской жизни, Достоевский обращался лишь к области нравственной. Более того, его идеалом, как и в 60-е годы, оставался Илья Муромец, своеобразно понятый как богатырь-смиренник. Образ Ильи Муромца переходит из записных тетрадей в «Дневник». Иванище — символ пошлости, духовной нищеты, эгоизма и ограниченности: «Калика-Иванище есть средина, полуобразование, Калика-Иванище — ученый, литератор — он пишет о чем угодно. ⟨...⟩ Иванище теперь решает, а прежде решали сильные и лучшие. Скажут, что пусть и теперь решают лучшие люди. Да так и есть и за ними всегда окончательное слово, но Иванище многого не понимает, оттого много смуты» (стр. 449). «Иванища вредны»,— подчеркивает автор. Иванище, в его толковании, олицетворяет «среду» (стр. 396). Путь в «лучшие люди», по мысли Достоевского, не закрыт теперь и для дворян, равно как и представителей других сословий, но это должно происходить только в силу личных достоинств, вне зависимости от классовых преимуществ: «Если он действительно лучший человек, то вот он теперь, когда он потерял все привилегии лучшего человека — вот он теперь и останется лучшим человеком, вот он теперь и будет хранить честь и совесть» (стр. 579). Такова социальная утопия Достоевского.

В этой связи характерно обращение писателя к теме войны (хотя и от лица некоего «парадоксалиста»). Не забывая об ужасах войны, Достоевский, однако, отмечает другую ее сторону — возможность каждого человека, независимо от социального положения, проявить вполне свою личность, обнаружить храбрость, мужество, великодушие. Для подтверждения своей мысли он намерен был «ввернуть встречу Ильи со Каликою-Иванищем» (стр. 440). Особенный энтузиазм вызвала у Достоевского война за освобождение балканских славян от турецкого ига. Русские добровольцы, отправляющиеся на фронт защищать братьев-славян, воспеты в «Дневнике» как подлинно лучшие люди, долгожданное воплощение моральных, политических и религиозных идеалов автора.

В окончательный текст «Дневника» не вошло глубоко реакционное противопоставление войны и революции: «Кроме войны я никак не вижу проявлений для массы, ибо везде талант, ум и лучшие люди. Массе иногда остается лишь бунт, чтобы заявить себя. Иногда и заявляет, но это неблагородно и мало великодушия. ⟨...⟩ Умирать вместе это соединяет. О, другое дело гражданская усобица. Как ни уравнивай права революциями, но до этого удовлетворения не доровняешь» (стр. 387). Правда, констатируя, что признанные «талант, ум и лучшие люди» находятся вне народной массы, и поэтому ей остается проявлять свои великие возможности лишь в войне, автор считает такое положение преходящим и, в сущности, даже уходящим. Он свято верит, что народ неисчерпаемо богат талантами и что они должны проявиться во всех сферах жизни.

У Достоевского были не только любимые идеи, но навсегда отчеканенные формулы этих идей. Так, еще в черновиках к «Преступлению и наказанию» он записал: «Часто рождалась во мне мысль: мужик пашет, а он может Ньютон аль Шекспир. Падает яблоко, зарождается мысль и угасает. Кабы общее-то образование-с». Почти теми же словами Достоевский выражает свою идею в набросках к «Дневнику»: «Но как странно: мы, может быть, видим Шекспира. А он ездит в извозчиках. Это, может быть, Рафаэль, а он в кузнецах. Это актер, а он пашет землю. Неужели только маленькая верхушечка людей проявляется, а остальные гибнут (податное сословие для подготовки культурного слоя). Какой вековечный вопрос и однако он во что бы ни стало должен быть разрешен» (стр. 396).

Мечтая о свободном развитии людей из народа, о полном равноправии всех членов общества, Достоевский отвергал революционный путь демократизации России, его ужасала «гражданская междоусобица». Итогом многолетних раздумий писателя о судьбе народа звучат слова, начертанные в записной тетради: «Я никогда не мог понять смысла, что лишь $^{1}/_{10}$ людей должны получать высшее развитие, а что остальные $^{9}/_{10}$ служат лишь матерьялом и средством. Я знал, что это факт и что пока иначе невозможно, и что уродливые утопии лишь злы и уродливы, и не выдерживают критики. Но я никогда

не стоял за мысль, что $^{9}/_{10}$ надо консервировать и что это-то и есть та святыня, которую сохранять должно. Эта идея ужасная и совершенно антихристианская» (стр. 408). Достоевский равно не приемлет идеи революционного, социалистического преобразования, называя их «злыми и уродливыми» утопиями, и намерения крепостников и биржевиков законсервировать угнетенное положение народа. Полемическая направленность черновой записи в печатном тексте значительно приглушена. В набросках к «Дневнику» большое место занимают споры с Авсеенко как жалким эпигоном аристократических взглядов и вкусов: «...народ жаждет науки, из народа, бывали примеры, выходили даже своего рода самоучки европейской науки ⟨...⟩ Это дело каких-нибудь десятков лет весьма малых, и увидите, что из народа явится чрезвычайно много научных деятелей и тогда народ сравняется с вами» (стр. 524).

Борясь с идеологами революции, Достоевский-публицист всегда занимал свою особую позицию. Прежде всего он считал естественным и закономерным неприятие существующих социальных отношений: «„лик мира сего“ мне самому даже очень не нравится».

Все общественные институты Достоевский готов был подвергнуть самому требовательному анализу: «...Никакая из святынь наших не боится свободного исследования⟨ ..⟩— писал он в тетради 1876 г.— Мы хотим, чтоб святыня наша была настоящая святыня, а не условная, не то пусть не стоит, не стóит она того» (стр. 436—438). Правительственные учреждения писатель неизменно расценивал с точки зрения их служения народному благу: «Нет, те, коим принадлежит высокая забота о человечестве и о его будущем, тем принадлежит власть, кто бы они ни были, а от других отымать» (стр. 456). Это сказано применительно к Западной Европе, но имеет обобщающий смысл.

Отрицание, и не в одном лишь социальном, но и в философском смысле Достоевский считал непременным фактором всякого движения вперед: «Отрицание необходимо, иначе человек так бы и заключился на земле, как клоп» (стр. 404). Он был решительным противником внешних препятствий любому развитию идей и по сочувствию свободной мысли, и по убеждению, что всякий подобный запрет влечет за собой общественную борьбу. Критикуя увлечение спиритизмом, Достоевский между прочим замечает: «О черти знают, что значит запрещенная мысль, для них это сущий клад. Черти отлично хорошо знают, что иная запрещенная мысль есть тот самый петролей и т. д.» (стр. 417).

Не только в художественном творчестве Достоевский изображал несправедливый, трагический мир, населенный одинокими страдальцами,— вся его публицистика проникнута стремлением найти выход из этого мрака к свободе и счастью человечества. Бунтари и «бойцы за правду» близки сердцу писателя, как бы ни отвергал он избранных ими путей.

Всегдашняя мысль Достоевского о том, что к теоретикам нигилизма примазываются Лебезятниковы, Бурдовские и Ракитины, а проходимцы и авантюристы типа Петра Верховенского подчас овладевают движением, не мешала ему ясно видеть: к идеям революции и социализма устремляется в каждую историческую эпоху лучшая, передовая часть молодого поколения. В записных тетрадях достаточно подробно затронута вовсе не освещенная в «Дневнике» тема декабризма. Начинается с резкого осуждения: «14-ое декабря было диким делом западнического уродливого. Зачем мы не лорды? ⟨...⟩ Освободили ли бы декабристы народ? Без сомнения, нет. Они исчезли бы, не продержавшись и двух-трех дней. Михаилу, Константину стоило бы показаться в Москве, где угодно, и все бы повалило за ними.— Удивительно, как этого не постигли декабристы» (стр. 380). Правильно понимая исторически обусловленную слабость декабристов — оторванность их от народа, Достоевский, однако, абсолютизирует эту черту, считая ее равно присущей любому революционному движению в России. И все-таки он замечает далее: «Меж тем с исчезновением декабрист⟨ов⟩ — исчез как бы чистый элемент из дворянства. Остался цинизм: нет, дескать, честно-то, видно, не проживешь. ⟨...⟩ Это до того опоганило, что, когда раскусили Белинского,— все повалило за ним...» (там же). Так Достоевский признает, что после краха декабризма, на следующем этапе революционного движения «чистый элемент» общества пошел за Белинским. И в другом месте он вновь пишет: «Что такое 14 декабря? Бунт русских помещиков, пожелавших стать лордами, тем не менее к ним примкнуло все великодушное и молодое» (стр. 430).

В записях 70-х годов, так же как и в «Дневнике» 1876 и 1877 гг., имя Белинского окружено ореолом выдающегося мыслителя и вдохновителя дум русской молодежи, несмотря на все возражения ему, которые постоянно делает Достоевский: «Но знайте, что Белинский прав, когда и виноват — нужно иметь ум» (стр. 466). «Белинский в каторге,— я благоговел» (стр. 402). В полемике с либералами: «самые заблуждения Белинского, если только есть они, выше вашей правды, да и всего, что вы натворили и написали» (стр. 526). И в современной молодежи Достоевский видит отнюдь не только «плоды нигилятины 60-х годов»,— он пишет об «оптимизме бросившейся в народ молодежи» (стр. 457). «А так как молодежь чиста, светла и великодушна, то и не может она [кроме разве великосветской] так прямо начать жизнь с цинизма и разврата, а, напротив, начинает с жертвы, с отпора, с великодушных стремлений, и не виновата же она в том, что в стремлениях этих не видно ни толку, ни связи, ни конца, ни начала...» (стр. 458).

Достоевский, по его собственным словам, признает «реальность и истинность требований коммунизма и социализма» (стр. 446). Одна из записей, сделанная в конце 1876 г., поражает казалось бы не свойственным Достоевскому жизнерадостным тоном и твердой уверенностью, что для будущего счастья человечества необходимы не только нравственное самосовершенствование, но общие преобразования. «Жизнь хороша, и *надо так сделать*, чтоб это мог подтвердить на земле всякий» (стр. 623; подчеркнуто мной.— *Л. Р.*). В тетрадях размышления писателя о проблемах революции и социализма порой даны значительно подробнее и многограннее, чем в завершенных произведениях. Интересно, что в одной из записей, говоря о «неизбежности европейского потрясения», автор серьезно анализирует его последствия и допускает (хотя и с большим сомнением) возможность создать «новый нравственный порядок» «вне Христа»: «Должны быть открыты такие точные уже научные отношения между людей и новый нравственный порядок (нет любви, есть один эгоизм, т. е. борьба за существование) — наука верит твердо. Массы рвутся раньше науки и ограбят. Новое построение возьмет века. Века страшной смуты. А ну как все сведется лишь на деспотизм за кусок. Слишком много отдать духа за хлеб. Если любить друг друга, то ведь сейчас достигнешь» (стр. 446). Как видим, главным аргументом против революционеров Достоевский считал возможность («если любить друг друга») осуществить братство без жертв и немедленно, а не через несколько веков. Однако же способность людей сразу полюбить друг друга, при всем стремлении Достоевского к этому идеалу, представлялась ему мало реальной. Характерно, что, формулируя свой идеал, писатель пользуется известными словами Некрасова из поэмы «Рыцарь на час»: «От ликующих, праздно болтающих, /Обагряющих руки в крови, /Уведи меня в стан погибающих/За великое дело любви!». «Великое дело любви и настоящего просвещения.— Вот моя утопия!»,— пишет Достоевский (стр. 523).

В мечтах о будущем Достоевский видит Россию судьей европейского коммунизма: «Я убежден, что судьей Европы будет Россия. Она придет к нам с коммунизмом, рассудить ее. И Россия решит вовсе не в пользу одной стороны. Ни одна сторона не останется довольна решением. Все в будущем столетии» (стр. 430). Пафос Достоевского, отрицающего коммунизм, атеистов и революционеров — в горячем желании доказать, что коммунистические идеалы человечества призвана воплотить православная Россия. Писателю хочется верить: русские революционеры лишь потому вступили на этот путь, что принимают Россию за Европу, мало знают свою родину, а «если бы сумели отнестись к себе сознательно, то в России эти революционеры должны бы стать консерваторами» (стр. 531). Предчувствуя, что и ему самому могут быть сделаны подобные же возражения, поскольку картина русской действительности в его собственных произведениях не вселяет надежд на близость христианского братства, Достоевский со страстной жаждой веры восклицает: «Вы скажете — это сон, бред: *хорошо, оставьте мне* этот бред и сон» (стр. 611). Вспомним: «Мало того; если б кто мне доказал, что Христос вне истины и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [143]. Это признание Достоевского хорошо известно и часто цитируется. Но есть другое высказывание, очень мало известное, хотя и напечатанное в «Дневнике писателя»: «... у нас совершенно утратилась аксиома: что истина —

поэтичнее всего, что есть в свете, особенно в самом чистом своем состоянии» [144].

Разумеется, с точки зрения Достоевского здесь не было большого противоречия: допуская возможность логически доказать, что истина «вне Христа», он всей силой души стремился поверить: истина заключена именно в Христе. Тем не менее Достоевский настолько дорожил истиной «в самом чистом состоянии», так бескомпромиссно жаждал подлинной справедливости, что его анализ действительности не только в художественных произведениях, но и во многих публицистических статьях «Дневника писателя» поражает непредвзятостью и глубиной. Сравнивая период крепостнический с современным, пореформенным, Достоевский рисует и тот и другой достаточно мрачными красками.

«Фельдъегерь в 37 году» — воспоминание-символ с юных лет и навсегда осталось в памяти писателя. «Фельдъегерь», «курьер» — мелькают записи в тетради. Тяжелые, методические, беспричинно жестокие удары кулаком в затылок кучера, который выносит их безропотно, но при этом каждый раз с новой силой бьет по спине и без того загнанную лошадь,— вот страшная цепь социального зла в изображении Достоевского. К ней причастен даже и любимый писателем мужик Марей. (Этого важного штриха и «связи» Марея с фельдъегерем нет в окончательном тексте «Дневника».) «Марей. Он любит свою кобыленку и зовет ее кормилицей. Если же есть в нем минуты нетерпения и прорывается в нем татарин, и начнет он хлестать свою завязшую в грязи с возом кормилицу кнутом по глазам, то вспомните про фельдъегеря, тут: воспитание, привычки, воспоминания, зелено вино» (стр. 416). Так образ Марея, казалось бы идеализированного Достоевским, неожиданно перекликается с мужиком из сновидения Раскольникова, который бил свою кобыленку по кротким глазам. Деньги, водка, произвол буржуазных хищников,— вот что сменило фельдъегеря на новом этапе. Достоевский твердо прочерчивает эту линию развития, указывая на преемственность двух периодов истории: «Теперь нет фельдъегеря? Вы думаете? Положим, я вам уступлю фельдъегеря, хотя про себя знаю, что он только в новом мундире и никуда не пропал. Но вместо фельдъегеря есть что-нибудь хуже, есть зелено вино, есть 200-миллионный побор с вина, и тут же рядом самосуд» (стр. 412). И опять — характерная деталь: провозглашая идеал народный, Достоевский не приукрашивает мужика в его нынешнем состоянии: «*Дали власть самосуда*. Но если они были так измяты и унижены крепостным состоянием умственно, то как же вдруг они так умственно оказались трезвыми, что им дан самосуд. Суд вещь не текущая, не теперешняя. Суд, как идея, выше мужика, выше современного поколения» (стр. 398).

Достоевский считает вполне возможным, что и народу, подобно интеллигенции, придется пройти в период цивилизации путем «разврата и лжи». «Я бы желал ошибиться или чтоб вы мне сказали что-нибудь утешительнее. А если с ним это и случится то давайте-ка способствовать вместе, чтоб обошлось дело легче и прямее к цели» (стр. 419). Обличая капиталистический миропорядок как царство меркантильных интересов, в угоду которому человек уничтожается не только нравственно, но и физически, Достоевский сближается со Щедриным и прямо приводит его слова: «„Ведь до чего ж это дойдет?“ — сказал Салтыков» (стр. 398).

Достоевский предпринял издание «Дневника» именно для того, чтобы, изучая разрозненные, иногда внешне незаметные события текущей действительности, познать общую закономерность развития. Записные тетради гораздо более наглядно, чем «Дневник», показывают, как писатель, читая газеты, связывал единой концепцией события совершенно разнородные: «„Голос“. 1-е декабря. Дело Овсянникова и статья о перемене карты Европы, признанная за сумасшествие» (стр. 372). Или: «„Голос“. 5 декабря. Пятница. Реферат об здании для хранения редких и драгоценных вещей в Лондоне, с выкачиванием воздуха из главных подвалов. Тот же №. Зверство доктора над девушкой, которая застрелилась» (стр. 373). Ужасающий рост самоубийств, особенно среди молодежи, духовно неприкаянной или разочарованной, разложение семейных устоев («случайное семейство»), физические и моральные страдания, которые в этих условиях несут ни в чем не повинные дети,— вот наиболее важные факты, служащие для Достоевского неопровержимым доказательством трагического состояния общества.

Неверно было бы думать, что писатель в решение нравственных проблем не всегда включает критерии социальные. Как подлинный реалист Достоевский стремится к максимальной полноте социального объяснения характера, но, исчерпав его в пределах своего понимания, считает эти критерии недостаточными (полемика с теорией «среды» и другими попытками «точно» детерминировать психологию): «Человек принадлежит обществу. Принадлежит, но не весь» (стр. 428); «наука есть дело великое, но всего человека она не удовлетворит» (стр. 447). И несколько ниже: «Наука — теория. Знает ли наука природу человеческую? Условия невозможности делать зло — искореняют ли зло или злодеев?» (стр. 454). Однако, несмотря на это, Достоевский считал абсолютно необходимым исследовать все социальные условия, порождающие зло. То, что хорошо известно по художественным произведениям писателя, четко сформулировано в одной из черновых записей: «Ясно, что общество имеет предел своей деятельности, тот забор, ⟨на⟩ который оно наткнется и остановится. Этот забор — есть нравственное состояние общества, крепко соединенное с социальным устройством его, способствующим делу» (стр. 395).

Отличительная особенность «Дневника» и тем более подготовительных записей к нему, как мы уже отмечали,— в неразрешенности многих жгучих вопросов современности. Иные из своих идей Достоевский называл «аксиомными» (стр. 573): «Я мог наговорить вздору, хотя я еще и не представляю плана, но основные мысли ⟨...⟩ из которых я выхожу,— *безошибочны*, я верю в это» (там же). Но к ним не принадлежали даже те мысли, на которых Достоевский очень темпераментно настаивал. Заявляя: «У нас никогда монархия не может быть тиранией в идеале, а лишь — в уклонении», Достоевский тем самым оставлял возможность для критики реально существующей самодержавной власти. Скептическая интонация проникала и в рассуждения о православной церкви: «Французы ухлопали свою веру ради энциклопедии ⟨...⟩ Мы еще можем надеяться! Народ у нас еще верует в истину... если только наши „батюшки" не ухлопают нашу веру окончательно» (стр. 394). Ср.: «Церковь в параличе с Петра Великого». (Бгр., 356). Эта тема начата Достоевским еще в 1873 г., в подробном конспекте неосуществленной статьи, приуроченной к двухсотлетию со дня рождения Петра I. Касаясь изменений сословных, экономических, нравственных, возникших в результате петровских реформ, Достоевский отмечает, что священники стали превращаться в чиновников (стр. 292). Подлинно: не было ни одного убеждения и даже верования, которое Достоевский в глубине души не подвергал бы беспощадному анализу. Записные тетради свидетельствуют об этом борении его духа с удивительной наглядностью. Утопист, мечтатель уживались в Достоевском с мыслителем, жаждущим истины во что бы то ни стало, во имя человека и человечества: «Я неисправимый идеалист,— признавался он с горечью в «Дневнике писателя» 1876 г.— Я ищу святынь, я люблю их, мое сердце их жаждет, потому, что я так создан, что не могу жить без святынь, но все же я хотел бы святынь хоть капельку посвятее, не то стоит ли им поклоняться?» [145].

Даже при характеристике собственного направления Достоевский абсолютно тверд лишь в субъективной уверенности, что оно посвящено «благородной цели». Желание объединить западников и славянофилов («Миллер провозгласил славянофильское учение народным. А я выдумал примирить славянофилов с западниками» — стр. 531), наивысшим выражением которого была речь о Пушкине, затем сменилось убеждением, что такой мир невозможен. «Две партии в бою, в настоящем организованном бою. Ложно, если говорят, что нет партий» (стр. 696). И хотя к концу 70-х годов Достоевский все сильнее ощущал себя идеологом «партии» Победоносцева, глубокие сомнения не оставляли его до конца жизни. И, быть может, точнее всего Достоевский определил свой пафос в такой записи: «Я хочу оставаться свободным не только с той, но и с другой стороны. Мой девиз: за правое дело, а кто неправ, пусть сам на себя пеняет». Конечно, логика борьбы подчас оказывалась сильнее желания Достоевского быть независимым, многие его выступления активно поддерживали правительственный курс, но вполне надеяться на солидарность великого мученика мысли и совести Победоносцев не мог. В 1934 г. в томе 15 «Литературного наследства» Л. П. Гроссман впервые напечатал письма Победоносцева к Достоевскому как свидетельство большой близости писателя к правительственным кругам. Вместе с тем письма дают выразительный мате-

риал для понимания очень серьезных, принципиальных расхождений между Достоевским и Победоносцевым. Так, Победоносцеву не понравился в «Братьях Карамазовых» рассказ Ивана о страданиях детей, имевший для Достоевского первостепенное значение: «Зачем вы так расписали детские истязания!» [146]. Не найдя в романе должного ответа на главу «Великий инквизитор», Победоносцев недвусмысленно намекает автору, что хорошо было бы переделать книгу «Русский инок»: «Когда художнику не удалась его статуя, или он не доволен, весь металл идет опят в горнило» [147]. Достоевский не последовал этому совету.

Известно, что сведения о самоубийстве дочери Герцена сообщил Достоевскому Победоносцев. Но как разнится тон письма Победоносцева с тоном «Дневника писателя», где речь идет об этом событии. Победоносцев с грубой неприязнью отзывается о Герцене и Огареве, а самоубийство дочери Герцена называет «трагикомедией» [148]. Достоевский, напротив, видит здесь истинную трагедию. Сравнивая это самоубийство с самоубийством бедной швеи, выбросившейся из окна с образом в руках, он задает вопрос: «А которая из этих душ больше мучилась на земле?..». Более того, когда один из корреспондентов Достоевского, ссылаясь на предсмертную записку дочери Герцена, заявил: «смею думать, что человек, желающий приветствовать свое возвращение к жизни с бокалами шампанского в руках, не много мучился в этой жизни» [149], писатель гневно на него ополчился: «Какая смешная мысль и какое смешное соображение!» И далее: «Но именно эта-то записка ⟨...⟩ именно это и наводит на мысль, что жизнь ее была безмерно чище этого грязного выверта» [150]. В черновой рукописи «Дневника» Достоевский с искренней симпатией пишет о Герцене, о величии его духовных исканий, что представляет резкий контраст письму Победоносцева.

И, наконец, еще один, пожалуй, самый значительный пример. Победоносцев пишет Достоевскому: «Я про себя скажу, что у меня на душе нелегко: меня крепко гнетет и давит все то, что я вижу и слышу в доступном мне кругу и во всей мимотекущей жизни. Притом многое, что знаешь и чувствуешь, *приходится таить в себе и не поверять людям, чтобы не нарушить в них оставшееся верование в правду людей и событий.* Великое дело вера — и в делах человеческих. *Мы сами иной раз не подозреваем, какую силу отнимаем у людей, легкомысленно передавая им свои впечатления и сомнения*» [151] (подчеркнуто мной.— *Л. Р.*). Но ведь это позиция Великого инквизитора, столь ненавистная Достоевскому и высказанная, заметим кстати, после прочтения соответствующей главы «Карамазовых». Здесь Победоносцев выступает по существу прямым антагонистом Достоевского. «Тайна» и «авторитет», которыми идеолог отгораживается от людей, заботясь якобы об их душевном спокойствии, воспринимались писателем как беспримерное унижение человеческой личности и народа в целом. В теории вдохновителя испанской инквизиции Достоевский разоблачил деспотизм и насилие, выступающие под покровом «заботы о людях». Пафос Достоевского в обратном — в полном отсутствии «тайных» идей, в открытом обращении к читателю с обсуждением самых острых и сложных проблем современности, в беспредельном доверии к свободной мысли. Ради такого широкого обсуждения всех наболевших вопросов Достоевский и издавал свой «Дневник». Записные тетради показывают, что все проблемы, волновавшие Достоевского, он предлагал читателю для обдумывания и решения, не утаивая ни одной. Он не щадил читателя («жестокий талант»), и в этом проявилась высочайшая степень уважения к человеку вообще, а не только к «посвященным» и «избранным». В этом еще одно доказательство истинного демократизма Достоевского.

СПОР С Н. К. МИХАЙЛОВСКИМ

Среди оппонентов Достоевского в начале 70-х годов одно из ведущих мест принадлежит Николаю Константиновичу Михайловскому.

Для Достоевского Михайловский был не только талантливым и влиятельным публицистом, возглавившим, вслед за Салтыковым, литературно-критический отдел «Отечественных записок», но прежде всего выразителем дум нового, молодого поколения народнической интеллигенции. Писателя привлекал энтузиазм Михайловского, горячо защищавшего интересы народа, провозгласившего от имени всего поколения: «Мы

пришли к мысли, что мы должники народа. 〈...〉 Мы можем спорить о размерах долга, о способности его погашения, но долг лежит на нашей совести, и мы его отдать желаем» [152].

Еще до появления известной статьи Михайловского о «Бесах» [153] Достоевский, судя по записям в тетради, как бы ждет подобного критического выступления: «*Нечаев* — неужели нет, кто бы сказал, что это действительно гнусно» (стр. 289). В набросках незавершенного послесловия к «Бесам» Достоевский рассматривает трагедию страдающего «русского идеалиста» Кириллова, который в мире всеобщего цинизма и хаоса, когда «убеждений нет, науки нет, никаких точек упора» (там же), хочет «своим умом» найти истину. «...Молодежь без руководства бросается. Как можно, чтоб Нечаев мог иметь успех» (там же). Достоевский сетует на то, что литература выражает свой гнев и свои цели так глухо, «удержимо». Он хотел бы услышать слово духовных вождей молодежи об этих проблемах.

В статьях Михайловского Достоевский чутко улавливает главную тему разногласий с почвенниками: слово «народ» для критика «Отечественных записок» применительно к «пирамидальному» (классовому) обществу означает два разных понятия: «Народ как нация и народ как совокупность трудящихся классов общества». Михайловский пишет: «С первого взгляда кажется, что эти понятия совпадают и что, если различие их важно, то только в том отношении, что понятие нации, совмещающей в себе все классы общества, шире понятия народа, который есть только сумма известных классов. Но это далеко неверно. Что понятия нации и народа в своем практическом выражении иногда действительно совпадают, т. е. что национальное дело бывает иногда тождественно с народным делом, — это так. Но это бывает только иногда. Что же касается до сравнительной широты понятия нации, то это просто оптический обман»[154]. Очевидно с этим тезисом Михайловского Достоевский спорит, записывая в книжке: «И когда там даже самые общие философские и социальные учения принимают национальный оттенок, у нас Н. М. толкует о том, что *национальное* вредно народу.— Все способные молодые силы обрекли себя на слепоту и глухоту социализма» (стр. 290). (Заметим, что классового антагонизма в самом крестьянстве народники 70-х годов так же, как и Достоевский, не видели, ограничиваясь противопоставлением кулаку или мироеду его жертвы — крестьянина. В этом отношении Ленин выделял лишь Глеба Успенского, который «одиноко стоял со своим скептицизмом, отвечая иронической улыбкой на общую иллюзию» [155].)

Достоевский готов к дискуссии, но предполагает, что критика намеренно замалчивает поставленные им вопросы: «об Нечаеве никто не смеет высказаться» (стр. 290).

И вот появляется запись: «Н. М. Февр〈аль〉» (там же). Она относится к статье Михайловского «Литературные заметки» в февральском номере «Отечественных записок» 1873 г. Статья взволновала Достоевского и душевно расположила к ее автору. Об этом свидетельствуют следующие записи, несколько иронические, но исполненные искреннего доброжелательства: «Мне так приятно, что я имею возможность говорить с человеком благодушным и горячим, так мило горячим» (там же), «Н. М. Напрасно говорят легкомысленный», «Кажется, вас определяют человеком лет 30, т. е. в первой молодости» (стр. 291).

Значение статьи Михайловского для автора «Бесов» в период его работы над «Подростком» впервые отметил А. С. Долинин [156]. Михайловский заявлял, что «Нечаевское дело есть до такой степени во всех отношениях монстр, что не может служить темой для романа с более или менее широким захватом», и далее призывал писателя обратить свой взор на «бесов» национального богатства, буржуазного хищничества.

Но, быть может, всего важнее для Достоевского было то, что статья Михайловского, написанная проникновенно, с глубоким уважением к таланту писателя, с пониманием особенностей его художнической индивидуальности, была одновременно и исповеданием веры самого критика. Несмотря на враждебность автора «Бесов» к революционерам и социалистам, Михайловский остро ощущает трагизм Достоевского, понимает гуманистические истоки этого трагизма и потому откровенно (в рамках, допустимых в подцензурной печати) раскрывает перед писателем свои убеждения. Михайловский оспаривает почвеннический идеал преклонения перед

«народной правдой», противопоставляя ему служение народным интересам даже в том случае, если самим народом они еще не осознаны. В «Дневнике писателя» Достоевский называет Герцена gentilhomme russe et citoyen du monde (русский дворянин и гражданин мира). Именно так, с горьким чувством досады и каким-то вызовом хотел подписать свое предсмертное письмо Кириллов в романе «Бесы». Вопреки отрицательному отношению Достоевского к citoyen'ству, Михайловский охотно принимает этот титул для себя и своих единомышленников («...я... вменяю себе в честь стоять в рядах этих citoyen'ов»). Более того — Михайловский обнаруживает, что и самому Достоевскому вовсе не чужда «общечеловеческая» позиция: «Да, г. Достоевский, и вы citoyen du monde, как и мы все грешные. И тут, пожалуй, не об чем печалиться, потому что разные бывают citoyens, точно так же, как и народная правда бывает разная»[157]. В том, что почвенники почитают за «народную правду», Михайловский отмечает и сильные и слабые стороны, и разум и предрассудки, а главное — называет слабостью то, что Достоевский идеализирует как силу: долготерпение. Цитируя некрасовские стихи о бурлаках, Михайловский выделяет курсивом две строки: «*Чем хуже был бы твой удел, /Когда б ты менее терпел*?». «Я думаю,— пишет он далее,— что г. Достоевский возмущается именно подчеркнутыми мною строками. В них выражается протест против страданий бурлака, и, может быть, протест против отсутствия протеста с его стороны»[158]. Обращая внимание Достоевского на истинных поборников народного дела, Михайловский верит, что писатель не посмеется над ними и даже отыщет среди них «характер, достойный его кисти по своим глубоко трагическим моментам»[159].

Если говорить о влиянии современной критики на духовную жизнь Достоевского, статья Михайловского о «Бесах» и первых главах «Дневника писателя» 1873 г. должна быть поставлена в ряд с выступлениями Добролюбова и Салтыкова (статьи Белинского в судьбе Достоевского заняли совершенно особое, ни с чем не сравнимое место).

Как видно по записной тетради, Достоевский сразу же приступил к обдумыванию ответа Михайловскому. Противопоставляя молодого критика «староверам» типа Пыпина, «считающим себя молодыми и новыми», Достоевский упоминает «Н. М., открывшего народ (при самых добрых, впрочем, намерениях и с самыми похвальными, впрочем, целями)» (стр. 292). Достоевский вспоминает свою революционную молодость: «Мы стояли на эшафоте с верою... уезжали с надеждою» (стр. 293). Облик народолюбца Михайловского он противопоставляет «отцам»-западникам, которые развратили молодежь идеями материализма, атеизма: «Атеизм есть болезнь аристократическая, болезнь высшего образования и развития, стало быть, должна быть противна народу ⟨...⟩», «О злодеи, отравившие поколение. Не вы, Н. М., корни глубже!» (стр. 294).

Достоевский хотел ответить Михайловскому с той же искренностью, с какой была написана его статья, коснуться самых основ своих убеждений, сформулировать их точнее, и поэтому не торопился. 27 июля 1873 г. в «Гражданине» (№ 2) появились «Две заметки редактора». Во второй из них Достоевский писал о необходимости отвечать разным критикам: «В конце концов и не знаешь, на что отвечать и — зачем отвечать. Такие есть; я собственно про летучую литературу нашу говорю. Но есть и не из летучих; есть, напротив, очень искренние. В этом случае я не могу забыть г. Н. М. из „Отечественных записок“ и о „долгах“ моих ему. Я не имею чести знать его лично и ровно ничего не имел удовольствия слышать о нем как о частном человеке. Но я всею душою убежден, что это один из самых искренних публицистов, какие только могут быть в Петербурге»[160]. Намечая основную тему будущего ответа, Достоевский пишет: «Г-н Н. М. в первый раз поразил мое внимание своим отзывом о моих отзывах о Белинском, социализме и атеизме, а потом о моем романе „Бесы“. Отвечать ему по поводу моего романа я немного упустил время, хотя и хотел было, но о социализме непременно отвечу. И вообще о социализме буду писать во второе полугодие моего редакторства»[161]. Сравнивая взгляды Шатова с рассуждениями о Белинском в «Дневнике писателя», Михайловский выражал недоумение по поводу того, что Достоевский усматривает прямую связь между социализмом и атеизмом. Критик отметил одно из главных убеждений Достоевского, которое он как романист

и публицист продолжал отстаивать и в дальнейшем. Достоевского озадачило рассуждение Михайловского: «Смею уверить г. Н. М., что „лик мира сего" мне самому даже очень не нравится. Но писать и доказывать, что социализм не атеистичен, что социализм вовсе не формула атеизма, а атеизм вовсе не главная, не основная сущность его,— это чрезвычайно поразило меня в писателе, который, по-видимому, так много занимается этими темами. Пишу теперь обо всем этом к слову, именно, чтоб показать на примере, как трудно теперь у нас в литературе рассуждать или спорить с кем-нибудь и о чем-нибудь, даже с непритворяющимися и простодушнейшими людьми. (NB. Простодушие вовсе не исключает ни ума, ни таланта.) Об г. же Н. М. я именно вспомнил потому, что все хочу ему ответить, но никак не удается» [162]. И хотя специальной статьи по этому поводу Достоевский так и не написал, его ответ Михайловскому содержится во всех последующих произведениях. Размышлениям о внутренней связи между социализмом и атеизмом посвящены многочисленные записи в публикуемых тетрадях 70-х годов. Некоторые из них прямо обращены к Михайловскому: «...Новая вера, новые основания нравственности, старые отвергнуты, напрасно Н. М. сердится за то, что атеисты» (стр. 441); «Церковь атеистов. Знает ли наука натуру человека. За хлеб захочет ли отдать жертвы. 〈...〉Атеизм из „Подростка"〈...〉 Зачем у нас Михайловский. Это закон» (стр. 450); «О Европе мы можем теперь, после 2-х веков заключить, что христианством они не взяли, хотят взять наукой, социализмом. Отрицание христианства не во гнев Н. Михайловскому» (стр. 547).

Зато другой важный вопрос, затрагивающий уже не теорию, а практику социалистов с полемической ориентацией на рассуждения Михайловского был поднят Достоевским в последней главе «Дневника писателя» 1873 г. Но еще до этого Достоевский спорил с Михайловским, не называя его имени, о проблемах эстетических в статье «По поводу выставки» («Гражданин», 1873, № 13, 26 марта). В январской книжке «Отечественных записок» Михайловский выступил с защитой тенденциозного искусства, отводя собственно художественному творчеству подчиненную роль. «Я утверждаю,— заявлял он,— что пока литература не станет голосом общественной совести в самом широком смысле, пока она не сделает интересов народа центром своих исследований, помыслов и образов, ей не помогут никакие таланты...» [163]. Михайловский заявлял, что не знает стихотворения более высокохудожественного и вместе с тем более тенденциозного, чем «Песня о рубашке» Томаса Гуда. В набросках для ответной статьи Достоевский отмечает основную ошибку критика — недооценку идейной силы подлинного искусства, если в нем нет открытой тенденции: «...Не все эстетические вопросы суть вопросы праздного любопытства. В этом смысле какая великая вещь искусство?» (стр. 292). «Я ужасно боюсь „направления", если оно овладевает молодым художником, особенно при начале его поприща,— пишет Достоевский, обращаясь к Михайловскому в уже законченной статье,— и как вы думаете, чего именно тут боюсь: а вот именно того, что цель-то направления не достигнется. Поверит ли один милый критик, которого я недавно читал, но которого назвать теперь не хочу,— поверит ли он, что всякое художественное произведение, без предвзятого направления, исполненное единственно из художнической потребности, и даже на сюжет совсем посторонний, совсем и не намекающий на что-нибудь „направительное",— поверит ли этот критик, что такое произведение окажется гораздо полезнее для *его же целей*, чем, например, все песни о рубашке (не Гуда, а наших писателей), хотя бы с виду и походило на то, что называют „удовлетворением праздного любопытства"?» [164] (Слова о «праздном любопытстве» и в записной тетради Достоевского, и здесь — взяты из статьи Михайловского).

И наконец, последнее выступление Достоевского в «Гражданине» на темы, поднятые Михайловским,— статья «Одна из современных фальшей». Главный адресат статьи не назван, даже «засекречен». Сначала речь идет о нелепой попытке газеты «Русский мир» «защитить» молодежь, обвиняемую реакционной прессой после нечаевского дела. Ограждая молодежь от нападок, «Русский мир» называет нечаевцев шалопаями, «идиотическими фанатиками» и т. п. Достоевский решительно возражает против такой огульной характеристики нечаевцев, вспоминает о своих товарищах-петрашевцах, людях образованных и высокоидейных. Исследователи Достоевского

давно обратили внимание на эту новую оценку революционеров автором «Бесов», который, вернувшись на родину, имел возможность лучше узнать русскую передовую молодежь. Однако концепция статьи Достоевского не исчерпывается этой важной ее особенностью. Для понимания точки зрения Достоевского в целом нужно иметь в виду, что она прежде всего обращена к Михайловскому. Именно о нем говорят первые строки статьи: «Некоторые из наших критиков заметили, что я, в моем последнем романе „Бесы", воспользовался фабулой известного Нечаевского дела». Мы уже видели, что первые наброски воспоминаний о том, как петрашевцы стояли на эшафоте, сделаны сразу же после прочтения статьи Михайловского. Достоевский не согласен с теми, кто относится к нечаевцам как явлению случайному, «уединяя случай и лишая его права быть рассмотренным в связи с общим целым» [165]. Ему кажется, что слово «монстр», употребленное Михайловским, мало отражает смысл явления: «даже настоящие монстры из них могут быть очень развитыми, прехитрыми и даже образованными людьми» [166]. Впрочем, «„монстров" и „мошенников" между нами, „петрашевцами", не было ни одного»,— утверждает Достоевский. Он проводит грань между «теоретическим социализмом» своей молодости и современным «политическим социализмом», преследующим, по его мнению, лишь цели разрушения. Высоко ценя прекрасные душевные стремления молодежи, мечтающей о переустройстве несправедливого мира, Достоевский, в отличие от Михайловского, не считает возможным противопоставить ее нечаевцам: и Нечаеву могли поверить и верили люди, чистейшие сердцем, да и само убийство Нечаев без сомнения представлял своим жертвам как акт необходимый для «общего и *великого* дела». Наконец,— самый сильный аргумент, личное признание писателя: «*Нечаевым*, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но *нечаевцем*, не ручаюсь, может, и мог бы... во дни моей юности» [167]. Да, Достоевский не посмеялся над революционной молодежью, что предчувствовал Михайловский, он признал подвижников социализма людьми близкими себе психологически, чья судьба в современных условиях действительно трагична. Все это сближало его с критиком «Отечественных записок», но до определенного предела, ибо конечный результат всех благородных усилий революционеров он по-прежнему отвергал как «мрак и ужас, готовимый человечеству, в виде обновления и воскресения его» [168].

В записных тетрадях к «Дневнику писателя» 1876 г., адресуясь уже прямо к Михайловскому, Достоевский вновь горячо доказывает, что невозможно изображать революционеров людьми непричастными к кровопролитиям, ибо революции никогда не происходят без крови и огня. Достоевский считает нелепостью самую мысль, что пожар Тюильри возник случайно или из-за шалости каких-то бездельников. По его мнению, думать так — значит лишать событие его грандиозных масштабов и низводить революционеров на уровень мелодраматических героев Коцебу. «...Не лишайте исторического факта его величавости» (стр. 379). Дискуссия с Михайловским имела немалое значение для последующего творчества писателя. Выводы, к которым пришел Достоевский в результате размышлений над психологией нового поколения передовой русской молодежи, побудили его отказаться от памфлетного («с плетью в руках») изображения революционеров, социалистов и атеистов. Не только в «Подростке», но главным образом в «Братьях Карамазовых» преобладает глубокий интерес к сложному интеллектуальному и душевному миру «желторотых» русских «мальчиков», которым прежде всего нужно «мысль разрешить» (Иван) или же найти исход «из мрака мирской злобы к свету любви» (Алеша). Свидетельство Суворина о том, что в дальнейшем развитии романа Алеша должен был стать революционером, лишний раз подчеркивает характерную направленность идейных исканий позднего Достоевского, хотя его отношение к «политическому социализму» оставалось неизменным.

Вероятно в произведениях Достоевского нет более выразительного примера глубоко противоречивой и вместе с тем близкой, «интимной» связи писателя с молодым поколением бунтарей, чем фигура Ивана Карамазова. С неменьшим правом, чем о Ставрогине, Достоевский мог бы сказать об Иване: «Я из сердца взял его». Неотразимые аргументы гуманиста против несправедливо устроенного мира, основанного на страдании человечества, страстная защита ни в чем неповинных детей, бескомпромиссная жажда истинной гармонии, как и самый масштаб философской мысли,—

все это перешло к Ивану непосредственно от автора. В этом дополнительно убеждают нас и многие главы «Дневника писателя» и, как будет показано ниже, записные тетради к нему. Но круг интересов Ивана, образ его мысли одновременно соотнесены с духовным обликом того поколения русской молодежи, одним из выдающихся деятелей которой был Михайловский (кстати, Иван — ровесник его, в 1865—1866 гг., когда происходит действие романа, Ивану тоже было 23 года). Ни о какой «прототипности», разумеется, здесь нет речи, и вместе с тем Ивана трудно себе представить, не учитывая этой связи. Юноша гениальных способностей, естественник по образованию, широко начитанный в области гуманитарных наук, журналист, известный в литературных кружках, Иван Карамазов подчас оперирует теми же понятиями, с которыми мы встречаемся в статьях Михайловского. Возьмем для примера две из них: «Вольтер-человек и Вольтер-мыслитель» (1870) и «Что такое счастье?» (1872). В обеих рассматривается отношение разумного и нравственного человека к миру, построенному на несправедливости и страданиях.

Для Михайловского, как впоследствии для Ивана, неприемлема телеологическая точка зрения, идея, что мир устроен целесообразно и в конце концов его развитие завершится счастьем и всеобщим примирением. Михайловский восстает против всех подобных теорий от Марка Аврелия до Спенсера. «...Уже самые термины „предуставленная гармония", „предопределенное счастье" не вяжутся с именем Спенсера»,—заявляет критик [169]. Несколько ниже Михайловский цитирует «Социальную статику» Спенсера: «Сомневаться в предусмотрительности и в действительности законов природы и предполагать с бесконечною самоуверенностью, что человеческое суждение может быть безошибочным,— вот настоящее неверие, вот истинный атеизм, пусть человек оставит свою неуместную претензию критиковать великий божий мир с точки зрения своего кусочка мозга» [170]. И вот отповедь «истинного атеиста» Михайловского: «...Я вполне удерживаю за собой право „критиковать великий божий мир с точки зрения своего кусочка мозга". Я утверждаю, что ни в природе, ни в обществе нет такого равновесия, в силу которого за преступлением само собой следует наказание. Я утверждаю, что нравственный закон существует только в нашем сознании. Я, грешный человек, которого вы не хотите знать, я дошел до этой истины не только отвлеченными рассуждениями, я на своих плечах вынес ее из жизни» [171]. Иронизируя над «великим счастьем» вольтеровского Панглосса, Михайловский пишет: «мы можем только стоять у врат „потерянного рая", стоять и вздыхать» [172].

Вспомним теперь Ивана Карамазова, разговор его с Алешей в главе «Бунт»: «О, по моему, по жалкому земному, эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страдание есть, что виновных нет, что все одно из другого выходит прямо и просто, что все течет и уравновешивается,— но ведь это лишь эвклидовская дичь, ведь я знаю же это, ведь жить по ней я не могу же согласиться! Что мне в том, что виновных нет и что я это знаю,— мне надо возмездие, иначе ведь я истреблю себя. И возмездие не в бесконечности где-нибудь и когда-нибудь, а здесь уже на земле, и чтоб я его сам увидал 〈...〉 Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу 〈...〉 Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно» [173].

В литературе о Достоевском отмечалось сходство идей Ивана Карамазова с программным письмом Белинского Боткину 1 марта 1841 г. Впервые это письмо в сокращенном виде было опубликовано Пыпиным в «Вестнике Европы» 1875 г., № 2 в работе «Белинский. Его жизнь и переписка». Отвергая «разумную действительность», Белинский писал, как бы обращаясь к Гегелю: «...если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, — я и там попросил бы вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции, Филиппа II, и пр. и пр.; иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою. Я не хочу счастия и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братий по крови...» [174] Конечно, Достоевский прочитал это письмо в «Вестнике Европы», но обратим внимание и на то, что через несколько месяцев, в ноябрьской книжке «Отечественных записок» он увидел, с каким горячим сочувствием цитирует его Михайловский (статья «Прудон и Белинский»). Несколько ниже Михайловский писал, что присоединяет

«свой голос к голосу великого критика»[175]. Это было очень важно для Достоевского. Внимание писателя, конечно, привлекли и слова Михайловского о современных русских юношах, ищущих правды вслед за Белинским: «Как ни велик Белинский, но он — не исключительная единица, а русский тип. ⟨...⟩ Я думаю, что даже именно теперь, среди отвратительных кувырканий из-за целкового и безобразнейшего забвения самых элементарных нравственных правил,— мучается в разных углах России много маленьких невидных незаметных Белинских, без его блестящего таланта, без его других умственных качеств, но не менее его жаждущих цельной правды и готовых ей отдаться. Литература этими людьми не занимается, отчасти по причинам от нее независящим, отчасти по привычке сосредоточивать свое внимание на явлениях, всплывающих на поверхность общественной жизни»[176]. «Европейских людей поражает смелость русского отрицания»,— добавлял Михайловский, формулируя свою мысль в словах, столь близких сердцу Достоевского.

Прямое отношение к трагедии «русского Фауста» Ивана Карамазова имеют и следующие слова Михайловского из статьи «Что такое счастье?»: «Велико несчастье человека, которому приходится расставаться с утешительным и давно усвоенным верованием. Горько смотреть, как ветер разносит во все стороны обрывки идеала. Не все даже способны перенести это глубокое несчастье; известно, что моменты крутых переломов в истории отмечаются большим количеством самоубийств. (Ср. «иначе ведь я истреблю себя».— *Л. Р.*) Возможны, конечно, различные колебания и старания задержать улетучивание счастья, сопряженного с тою или другою иллюзией. Но, в конце концов, Фауст не возьмет счастия Вагнера...»[177].

В той же статье Михайловского Достоевский мог обратить внимание на его критику Спенсера, который отвергал стремление «утилитаристов» «поправлять ошибки Всеведущего»[178]. В «поэме» Ивана Великий инквизитор, в деятельности которого, по мысли Достоевского, соединены идеи социализма и католицизма, говорит Христу: «Я воротился и примкнул к сонму тех, которые *исправили подвиг твой*»[179].

Достоевскому дорог Иван, как и все «русские мальчики», ищущие справедливости, он показывает, к какому глубокому душевному кризису привело его героя осознание внутренней связи между атеистической теорией и принципом «все дозволено», развязавшим руки Смердякову («монстр»!). Он хотел бы увести молодежь в область религиозной нравственности. Этому посвящены многие страницы «Дневника писателя» и непрекращавшийся диспут с Михайловским.

В записных тетрадях Достоевского мы встречаем полемические заметки, относящиеся и к другим выступлениям Михайловского. В 1875 г. Достоевский спорит с некоторыми положениями статьи «Десница и шуйца Льва Толстого» («Отечественные записки», 1875, № 5). Михайловский сочувственно отнесся к мысли Толстого из статьи «Прогресс и определение образования», что из всей русской истории только 1612 г. и 1812 г. могут сыграть роль в патриотическом воспитании[180]. Достоевский видит в таком мнении отголоски «западничества». «...Всякий факт нашей жизни, если осмыслить его в русском духе, будет драгоценен детям...»,— замечает он (стр. 310).

Почвеннический взгляд на народное счастье отстаивает Достоевский и в следующей записи: «№. Ренан — славянофил. Крестьяне смотрят на пышную свадьбу своего господина и радуются, Михайловский и Толстой негодуют на мужиков на том основании, что пышность свадьбы их господина нисколько не увеличивает их благосостояния...» и т. д. (там же).

В сентябрьской книжке «Отечественных записок» 1872 г. Михайловский критиковал рецензию Страхова в «Гражданине» на книгу Ренана «La réforme intellectuelle et morale». Поскольку Ренан «ставил прошлое выше настоящего», Страхов назвал его чем-то «вроде французского славянофила». Ренан идеализировал патриархальные времена, когда крестьянин, глядя на свадьбу своего господина, ему не завидовал. «В настоящем состоянии общества,— писал Ренан,— преимущества, которые один человек имеет над другими, стали вещами исключительными и личными: наслаждаться удовольствием или благородством другого кажется дикостью; но не всегда так было». Полемику со Страховым Михайловский продолжил в уже цитированной статье о Толстом: «Любопытно, что г. Страхов ⟨...⟩, которого нельзя себе представить рядом с

гр. Толстым иначе, как в коленопреклоненной позе и который, впрочем, столь же охотно преклоняет колени перед г. Н. Данилевским и — я не знаю — может быть, даже перед кн. Мещерским; любопытно, что г. Страхов вполне согласен с Ренаном ⟨...⟩ Но, говорит г. Страхов, Россия гарантирована от толков об „общем благосостоянии" и от духа зависти, гарантирована глубокими началами русского народного духа, которому противен „житейский материализм". Увы! На эти гарантии положил руку не кто иной, как — horribile dictu*! — Лев Толстой» [181]. Достоевский в этом споре — на стороне Страхова.

Полемику между Достоевским и Михайловским характеризует спокойствие тона, личная благожелательность, внимание к аргументам друг друга. Этим она до определенного времени резко отличалась от взаимного раздражения и оскорбительных нападок, которыми была переполнена журнальная борьба «Современника» и «Эпохи».

Нет сомнения, что основную направленность критики Михайловским Достоевского разделяли руководители «Отечественных записок» Некрасов и Салтыков. Сближению Достоевского, так же как и Толстого, с передовым органом русской демократии в большой мере способствовали статьи Михайловского. Анализируя глубокие противоречия творчества Достоевского как одного из выдающихся писателей современности, Михайловский шел вслед за оценкой Салтыковым романа «Идиот» в рецензии 1869 г. Приглашение печататься в «Отечественных записках», сделанное Некрасовым Достоевскому в апреле 1874 г., было, разумеется, одобрено Салтыковым, ведавшим отделом прозы. В январской книжке журнала за 1875 г., где появились первые главы «Подростка», напечатаны и «Записки профана» Михайловского, в которых критик пишет, что его суждения о Достоевском разделяются всей редакцией. Видимо, редакция «Отечественных записок» сочла необходимым разъяснить читателю, почему она печатает новое произведение автора «Бесов». «Я уже говорил однажды,— пишет Михайловский,— именно по поводу „Бесов", о странной и прискорбной мании г. Достоевского делать из преступных деяний молодых людей, немедленно после их раскрытия, исследования и наказания, тему для своих романов. Повторять все это тяжело, да и не нужно. Скажу только, что редакция „Отечественных записок" в общем разделяет мой взгляд на манию Достоевского. И тем не менее „Подросток" печатается в „Отечественных записках". Почему? Во-первых, потому, что г. Достоевский есть один из наших талантливейших беллетристов, во-вторых, потому, что сцена у Дергачева со всеми ее подробностями имеет чисто эпизодический характер. Будь роман на этом именно мотиве построен, „Отечественные записки" принуждены были бы отказаться от чести видеть на своих страницах произведение г. Достоевского, даже если б он был гениальный писатель» [182].

Два года спустя в статье о романе Тургенева «Новь» («Отечественные записки», 1877, № 2) Михайловский причисляет Достоевского к «нашим любимым писателям». «Есть у нас и другие крупные таланты, не ниже тургеневского, с которыми, однако, читатели не обходятся так деспотически. Если новое произведение, например, Толстого, Достоевского вызывает иногда сожаление, что автор взял не ту тему, которую, по тем или другим соображениям, должен был взять, если даже кое-кто берется при этом указывать им сюжеты, достойные их пера (здесь, видимо, Михайловский имеет в виду и свою статью о «Бесах».— *Л. Р.*), то все эти требования, сожаления, указания предъявляются применительно к свойствам таланта писателя или в кругу знакомых ему явлений. В общем мы своих наличных любимых писателей знаем удовлетворительно» [183]. Далее следует характерное перечисление. Говоря об отзывчивости больших русских писателей на вопросы, которые волнуют общество, Михайловский пишет: «Это-то мы рассчитываем получить и от Толстого, и от Достоевского, и от Островского, и от Некрасова, и от Щедрина» [184]. Сотрудничество в «Отечественных записках, судя по наброскам повести о современном человеке (с указанием — «Некрасову»), Достоевский предполагал продолжить и в 1876—1877 годах (см. стр. 618, 623).

Михайловский открыл для историков русской литературы очень значительную тему: сопоставление творчества Толстого и Достоевского. «Я не помню,— отмечал

---

* страшно сказать (*лат.*).

он,— чтобы кому-либо из наших критиков приходило на мысль изучать их вместе, параллельно, а это было бы весьма плодотворно. Оба они заняты в своих произведениях психологическим анализом, но светлый, ровный, жизнерадостный мир одного и мрачный, исключительный, напряженный, мистический мир другого могли бы очень рельефно оттеняться» [185]. Для самого Достоевского, особенно в середине 70-х годов, также характерно стремление осознать свою деятельность рядом с творчеством Толстого. В «Подростке», например, прямо заявлено намерение показать «случайное семейство» и изменчивую, «текущую» действительность в отличие от картин устоявшегося быта, которые до сих пор изображал «историограф русского дворянства» Лев Толстой. В первой записной тетради к «Дневнику писателя» 1876 г. есть две интересные заметки Достоевского о себе и о Толстом. В одной речь идет об изображении народного характера: «Ибо кто не верит в красоту народа, тот ничего в нем ⟨не⟩ понимает. Не в сплошную красоту народа, а в то, что он в нем уважает. ⟨...⟩ Я Макара. Лев Толстой Каратаева» (стр. 430). В другой записи упоминается сотрудничество обоих писателей в «Отечественных записках»: «Лев Толстой напечатал лишь самую суть своих убеждений, а я лишь роман, поэму, образный вымысел» (стр. 400).

Михайловский проявлял серьезное внимание к тем философским вопросам, которые волновали и Достоевского. Проблема отношения личности к миру, «я» и «не я», как она формулируется в классической немецкой философии, стала предметом статьи Михайловского «Борьба за индивидуальность» (1875). Причем, как и у Достоевского, интерес Михайловского к этой проблеме имеет не умозрительный характер, а продиктован задачами социальной борьбы и нравственного воспитания.

Неослабевающий взаимный интерес, сближение и отталкивание определяют сложные литературные отношения Достоевского и Михайловского на протяжении 70-х годов.

Одним из самых серьезных пунктов разногласий был вопрос о роли народа и передовой интеллигенции в судьбе России. В то время, когда целые десятилетия отделяли «носев от жатвы», когда крестьянская масса «спала глубоким сном», а первые хождения в народ показали, что его заступники остаются непонятыми и принимаются даже враждебно, Достоевский все более утверждался в мысли о необходимости принять «народную правду». Ему казалось, что, пропагандируя идеи революции, интеллигенция действует вопреки лучшим традициям народной жизни, что, безгранично доверившись силе разума, она проявляет неуважение к народным идеалам. «Лик мира сего вы своими теориями разума мало измените»,— записал Достоевский в тетради, обращаясь к Михайловскому и его единомышленникам. «...Если народ вас не послушается, то вы тотчас же на него рассердитесь и от него отступитесь. И какие же вы деспотики! ⟨...⟩ Да он прямо скажет вам, что это неразумно, потому что вы предрешаете природу его» (стр. 290). В идеологии и практике народничества 70-х годов Достоевский с тревогой улавливал те элементы, из которых впоследствии выросла теория «героя и толпы»: противопоставление активной личности пассивной массе. Но обличая «гордыню» интеллигенции, писатель приписывал эту черту русским революционерам вообще. Он обвинял их в пренебрежении к народу, готовности распоряжаться его судьбой, без всякой на то санкции самого народа.

27 декабря 1877 г. умер Некрасов, его похороны превратились в событие огромного общественного значения. Речь Достоевского на похоронах была первым публичным выступлением, где он страстно, лицом к лицу с демократической молодежью пропагандировал свои убеждения. Перед ним были поклонники великого поэта, горячие приверженцы направления «Отечественных записок», единомышленники Салтыкова и Михайловского. В речи Достоевского, которую он подробно пересказал в последнем выпуске «Дневника писателя» 1877 г., в оценке Некрасова — поэта и гражданина отчетливо сказалось и то, чем Достоевский был близок к «Отечественным запискам», и то, чего он не мог «уступить» нигде, даже у открытой могилы человека, с которым так тесно связала его судьба. Говоря о Некрасове, Достоевский воссоздает образ «кающегося дворянина», человека «чести и долга» из той плеяды подвижников, о которой так часто писал Михайловский. Самого Достоевского, как это можно видеть из цикла статей «В перемежку» (1876—1877 гг.), Михайловский причислял к людям

«чести и долга». Анализируя взгляды Николая Семеновича на дворянство (в романе «Подросток»), Михайловский отделяет его от автора. «Николаи Семеновичи ищут совсем не того,— пишет критик,— что можем представить мы, кающиеся дворяне» [186]; «Ясно, что Николай Семенович и г. Достоевский— два совсем разные лица. Николай Семенович — просто преданный дворовый, а г. Достоевский, может быть, даже согласится со мной, что мы, дворяне, недавно только *начали*, то есть начали вырабатывать формы чести и долга и начали именно покаянием» [187].

Некоторые мотивы поэзии Некрасова и образ «кающегося дворянина» во многом определили характеристику Некрасова Достоевским: «Нет, Некрасов пока еще — лишь поэт русской интеллигенции, с любовью и со страстью говоривший о народе и страданиях его той же русской интеллигенции. Не говорю в будущем,— в будущем народ отметит Некрасова. Он поймет тогда, что был когда-то такой добрый русский барин, который плакал скорбными слезами о его народном горе и ничего лучше и придумать не мог, как, убегая от своего богатства и от грешных соблазнов барской жизни своей, приходить в очень тяжкие минуты свои к нему, к народу, и в неудержимой любви к нему очищать свое измученное сердце,— ибо любовь к народу у Некрасова была лишь *исходом его собственной скорби по себе самом...*» [188]. Как известно, в речи о Некрасове Достоевский решительно разошелся с теми, кто ставил покойного поэта выше Пушкина. Защите своего общественного и литературного идеала он посвящает много места и в статье о Некрасове. Но в рукописи этой статьи сохранились замечательные строки, не вошедшие в печатный текст и представляющие как бы формулу высших исканий истины, которые не могут считаться ни с какими кумирами, как бы велики они ни были: «Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего, и потому надо желать одной правды и искать ее, несмотря на все те выгоды, которые мы можем потерять из-за нее, и даже несмотря на все те преследования и гонения, которые мы можем получить из-за нее» [189]. Но мужественное стремление к высшей правде в реальной практике Достоевского нередко уступало тяжелым заблуждениям.

События первых месяцев 1878 г. обнаружили, что Россия вступила в новый период общественного развития, который Ленин определил как время второго демократического подъема в России. Волна революционных настроений стремительно нарастала. 24 января Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова. 31 марта петербургский окружной суд вынес ей оправдательный приговор. На заседании суда среди других представителей печати был и Достоевский. Как писал Степняк-Кравчинский, «оправдание Веры Засулич было торжественным осуждением всей системы произвола, которая заставила эту девушку поднять на палача свою мстительную руку. Печать и общество единодушно приветствовали приговор присяжных» [190]. Достоевский видел тысячную демонстрацию, которая возле здания суда встречала освобожденную Засулич. 3 апреля в Москве состоялась студенческая демонстрация, над которой учинили жестокую расправу мясники и торговцы Охотного ряда.

Перед нами два документа. Не требуя комментариев, они обнаруживают глубокую пропасть, что легла после первых революционных событий между Достоевским и Михайловским.

Один из них — подпольный «Летучий листок», написанный Михайловским в апреле 1878 г. [191], второй — письмо Достоевского группе студентов (18 апреля) [192]. Достоевский называет настоящее время «мучительным», Михайловский — «тревожным», но «решительным». Михайловский славит героизм молодежи, «гибнущей в тюрьмах и на каторге», Достоевский называет ее «Панурговым стадом», которое попало «в руки какой-то совершенно внешней политической партии», использующей ее как материал. Михайловский недвусмысленно намекает на то, что действия охотнорядцев поощрялись правительством: «Оно вызывает Засулич на суд за расправу над генералом Треповым и безмолвно назначает генерал-губернатором Москвы цех мясников и Охотный ряд». Достоевский, напротив, отождествляет охотнорядцев с народом: «Почему мясники не народ? Это народ, настоящий народ, мясник был и Минин». Наконец, на вопрос, что делать, Михайловский отвечает: «*Общественные дела должны быть переданы в общественные руки*. Если этого не будет достигнуто в формах представительного

правления с выборными от русской земли, в стране должен возникнуть тайный комитет общественной безопасности. И тогда горе безумцам, становящимся поперек путей истории!» Достоевский в это же время призывал студентов «разучиться презирать народ», «уверовать и в бога». И еще одно: автор «Листка» настроен приподнято, оптимистически, Достоевский мрачен, подавлен.

Поворот молодежи к революции противоречил социальной утопии Достоевского о реальной возможности братского единения всех сословий современной России. Эта мечта казалась ему особенно близкой к осуществлению летом 1876 г., в начале войны за освобождение славян, когда патриотический подъем охватил все слои общества и самые разные по направлению органы печати поддерживали энтузиазм русских добровольцев. Однако дальнейшее развитие событий отнюдь не сгладило социальных противоречий внутри страны, а, напротив, обострило их. «Не щадя своих сил и проливая свою дорогую кровь за свободу и независимость других народностей,— писала газета «Русское обозрение» 23 ноября 1877 г.,— русский народ вправе желать также жить полной свободой в европейском смысле этого слова». На вопрос: «Чем же Засулич стала так дорога обществу?» Михайловский отвечал: «Она не могла допустить мысли, чтобы ⟨...⟩ русский генерал мог безнаказанно совершать турецкие зверства в столице державы-освободительницы».

В «Дневнике писателя» 1877 г., видимо осознав иллюзорность своей надежды на то, что в результате войны в России возникнет социальная гармония, Достоевский с особенным жаром обсуждает проблемы внешней политики, поддерживая правительственный курс, заявляя, что «Константинополь должен быть наш». «Все без сомнения помнят,— писал Михайловский,— гениальную простоту, с которою г. Достоевский в „Дневнике писателя“ же разрешал восточный вопрос. Он тогда тоже прорицал и именно прорицал, что мы возьмем Константинополь, и что все это произойдет чрезвычайно просто. Помните, писал он, как с Казанью было: взяли русские Казань, и татары стали торговать мылом и халатами, так и с Константинополем будет. Прорицание немножко не осуществилось...» [193].

Революционные события развели Достоевского и Михайловского в противоположные стороны, они осознали себя деятелями двух разных партий. И хотя впоследствии Достоевский будет еще много размышлять и о земском соборе, включая его в свою политическую программу («призовите серые зипуны»), и о многих других вопросах, поставленных народниками на очередь дня, его отношение к Михайловскому не станет прежним.

Но как ни глубоки и жестоки были заблуждения писателя, ими невозможно определить ту огромную сферу противоречивой, мучительной мысли, которая называется «идеология Достоевского».

Достаточно сказать, что именно весной 1878 г., прекратив на время издание «Дневника», Достоевский погружается в работу над романом «Братья Карамазовы», в котором приговор гуманиста несправедливо устроенному миру прозвучал с такой силой, как никогда прежде. И одним из непреложных оснований для этого приговора был рассказ о затравленном ребенке. Видимо, и Достоевский, говоря словами Михайловского, «не мог допустить мысли, чтобы ⟨...⟩ русский генерал мог безнаказанно совершать «турецкие зверства...»

«ОТЦЫ И ДЕТИ». НА ПОДСТУПАХ К «БРАТЬЯМ КАРАМАЗОВЫМ»

Из всех общественных и нравственных тем, затронутых в «Дневнике писателя» и соответственно в записных тетрадях, одной из самых значительных представляется тема «отцов и детей». Она имеет несколько аспектов: социальный, исторический и философский. Начатая, по словам Достоевского, еще в «Подростке», а в сущности даже в «Бесах» и в неосуществленном замысле «Жития великого грешника», она затем широко развернулась в «Братьях Карамазовых». «Дневник» явился своеобразной подготовкой нового решения этой темы в последнем романе. В записях сохранился план романа под названием «Отцы и дети», первым толчком к которому было, очевидно,

сообщение в газете «Голос» «об убийстве мещанки Перовой и о самоубийстве ее убийцы»[194]. Как и в рассказе «Кроткая», в плане романа «Отцы и дети» исходный реальный сюжет до неузнаваемости преобразован. Если в «Бесах» проблема «отцов и детей» ставилась исключительно в плане социально-историческом: два этапа русского «прогрессизма», либералы 40-х годов и революционеры 60-х годов (отец и сын Верховенские), то в «Подростке» она рассматривается значительно шире. В уже ином авторском освещении здесь опять-таки присутствуют два поколения русского общественного движения — Версилов и долгушинцы.

Появление нового и центрального героя, Аркадия Долгорукого, дает читателю возможность увидеть, как с детских лет под влиянием различных обстоятельств, в процессе напряженной внутренней борьбы определяется психологический склад подростка. Но чтобы решить центральный вопрос о сущности человеческой природы, Достоевский должен был спуститься еще «ниже», исследовать не только подростковый, но детский и даже ранний детский возраст, что он и делает в «Дневнике писателя» и записных тетрадях к нему. Достоевский ставит перед собой труднейшую задачу — раскрыть психологию ребенка, чтобы понять первоначальную сущность природы человеческой, и здесь его вывод на редкость определенен и как бы возвращает нас к истокам мировоззрения писателя — утопическому социализму и, в частности, к ранней повести «Неточка Незванова».

Достоевский настаивает на изначальной безгрешности человеческой души — чистой и доверчивой души ребенка. «Дети странный народ, они снятся и мерещатся»,— признается писатель. Излюбленные герои «Дневника»—дети от шести до двенадцати лет. «Мальчик с ручкой»—«не более как лет семи», «мальчик у Христа на елке»— «еще очень маленький, лет шести или даже менее». В воспоминаниях о себе: «Мне было тогда всего лишь девять лет отроду»[195]; о Кронеберге: «отец высек ребенка, семилетнюю дочь»[196]. В воспитательном доме — «группы пяти- и шестилетних девочек»[197]. Корнилова выбросила из окна «маленькую падчерицу, шести лет»[198]. В рассказе «Анекдот из детской жизни»: «Живут на краю Петербурга и даже подальше, чем на краю, одна мать с двенадцатилетней дочкой»[199]. (Этот возраст (двенадцати или тринадцатилетний) необычайно интересен, в девочке еще больше, чем в мальчике»,—замечает автор.) В главе «Именинник» «Дневника писателя» 1877 г. приводится сообщение о самоубийстве «12—13-летнего отрока, воспитанника прогимназии». Во второй главе февральского выпуска рассказывается о «девочке лет восьми или девяти», которая часто падает в обморок от воспоминания: своими глазами видела, как с отца ее сдирали кожу». В «Сне смешного человека» большую роль играет «девочка лет восьми». Дети всегда волновали воображение Достоевского. Из русских писателей прошлого века он, вероятно, более всех был занят этой темой. Неточка Незванова, «маленький герой», Илюша и Сашенька в «Селе Степанчикове», Нелли в «Униженных и оскорбленных», дети Мармеладовых в «Преступлении и наказании» и т. д. и т. д. вплоть до мальчиков в «Братьях Карамазовых».

Физические и нравственные страдания детей были в глазах Достоевского неопровержимым обвинением порочно устроенной жизни всего остального человечества. В испорченности, озлобленности и ожесточенности ребенка Достоевский, как правило, видел следствие пагубного влияния взрослых, а в детском, часто отчаянном протесте— голос совести и справедливости. Анализ детской психологии был необходим Достоевскому ввиду той высшей нравственной цели — «найти человека в человеке», которую он ставил перед собой. Вот его кредо: «Слушайте: мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже. И если мы учим их чему-нибудь, чтоб сделать их лучшими, то и они нас учат многому и тоже делают нас лучшими уже одним только нашим соприкосновением с ними. А потому мы их должны уважать и подходить к ним с уважением к их лику ангельскому (хотя бы и имели их научить чему), к их невинности, даже и при порочной какой-нибудь в них привычке,— к их безответственности и к трогательной их беззащитности»[200]. В «детской теме» «Дневника писателя» полностью подготовлена концепция Ивана Карамазова о природной чистоте и безгрешности детской души и решительный отказ оправдать ту систему общественных отношений, которая приносит страдания детям, равно как и религиозную догму, готовую признать нормальным

существующий порядок вещей. В этой важнейшей области бунт Ивана Карамазова поддержан Достоевским безоговорочно. Нигде, как в «Дневнике писателя», убеждение Достоевского, что ребенок (человек) от природы добр, не заявлено с такой определенностью. Вместе с тем, по мере того как ребенок растет и приобщается к миру взрослых людей, он становится им подобным, вступая на путь «обособления», эгоизма, лишаясь непосредственности. Достоевский внимательно изучает все социальные, исторические и национальные влияния на психологию человека, но считает, что они одни не исчерпывают природы эгоизма.

«Ясно и понятно, до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла»,— заявляет он в известной статье об «Анне Карениной»[201]. При цитировании этой статьи обычно обращается внимание на слова о том, что «душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой и что, наконец, законы духа человеческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределенны и столь таинственны, что нет и не может быть еще ни лекарей, ни даже судей *окончательных*, а есть тот, который говорит: „Мне отмщение и аз воздам“».

Однако Достоевский не останавливается на констатации вечного трагизма человеческой жизни, в его интонации нет обреченности. Ссылаясь на сцену родов Анны, Достоевский обращает внимание на «исход», указанный здесь Толстым, «*чтоб не погибнуть в отчаянии от непонимания путей и судеб своих, от убеждения в таинственной и роковой неизбежности зла*» (подчеркнуто мной.— *Л. Р.*). Как всегда, Достоевский связывает этот исход с христианским идеалом, воплощающим для него истинную нравственность. Нам важно, в отличие от обычной трактовки этого рассуждения Достоевского, подчеркнуть, что при всем убеждении в глубинных истоках зла писатель вовсе не считал обреченной борьбу со злом. По его мнению, эта борьба — в силах человеческих. Он отмечает, что в романе Толстого «враги вдруг преображаются в существа высшие, в братьев все простивших друг другу». Даже в картине самоубийства Анны Достоевский не видит окончательного торжества зла, поскольку «страсть отмщения» была принимаема «душой вместо света»[202].

Отношение к детям всегда было для Достоевского важнейшей характеристикой человека. В этом смысле особый интерес представляют две записи о Салтыкове, сделанные в 1876 г.: «Он прав: *Без детей нет ни брака, ни семейства, ни жизни*». С полным сочувствием к этим словам, сказанным очевидно в личной беседе, Достоевский продолжает: «Благородного подвига жаждут, ни бог, ни судьба не пошлет, а дети и неспособного на благородный подвиг дадут сделать благородное.— Дети благородят» (стр. 629). Вероятно, во время этой встречи Достоевский видел Салтыкова с сыном или дочерью (им было в то время соответственно пять лет и три года). Может быть, даже в этой связи и начался разговор о детях. Во всяком случае Достоевскому запомнился «Щедрин, ласкающий ребенка» (там же). Нужно знать Достоевского, чтобы понять, как много желчных полемических нападок перевешивает эта короткая запись.

По мнению Достоевского, известному нам еще из записей 60-х годов («Маша лежит на столе...», «Социализм и христианство»), в сознании цивилизованного человека существует мучительное единоборство эгоизма и альтруизма, «я» и «не я». В той мере, в какой человек способен достичь нравственного совершенства, он, отнюдь не жертвуя своей «взрослостью», всем богатством сложного интеллектуального мира, сближается с ребенком в чистоте и непосредственности восприятия. С точки зрения Достоевского, этапы духовной жизни отдельного человека как бы повторяют периоды исторического развития человечества. Соприкосновение с ребенком заставляет звучать тот нравственный камертон, по которому человек, даже оказавшийся на грани катастрофы, может настроить свой внутренний мир на представления высшие, подлинно гуманные. Таков сюжет «Сна смешного человека». Решив покончить самоубийством, герой рассказа оттолкнул несчастную девочку, обратившуюся к нему с мольбой о помощи. Оттолкнул потому, что уже решил покончить все счеты с жизнью, был уверен, что теперь ему уже «все равно». Но именно девочка и спасла его, так как неожиданно пробудила чувство боли, похожее на угрызения совести. «Смешной человек» недооценил того, говоря словами Достоевского из другой статьи, «нравственного фонда», который

был в его душе. Увидев во сне две стадии истории человечества: детски-счастливое патриархальное общество и соблазнительную, но трагическую цивилизацию, герой рассказа уверовал в возможность третьей стадии — счастья цивилизованных людей. Характерно, что одной из первых при пробуждении была мысль о девочке — виновнице нравственного воскресения героя: «Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей. 〈...〉 А ту маленькую девочку я отыскал...» [203]

Самое страшное преступление для Достоевского, не имеющее никаких оправданий,— это оскорбление, истязание ребенка. Поэтому нет большего злодеяния, чем то, что лежит на совести Ставрогина.

Знаменитый вопрос Ивана Карамазова, согласился ли бы Алеша быть архитектором прекрасного здания будущего общества, если бы в его фундамент пришлось положить одного невинно замученного ребенка, вырастает из всей логики детских образов Достоевского и ближайшим образом из многочисленных рассуждений о детях в «Дневнике писателя» и записных тетрадях к нему.

В январском выпуске «Дневника писателя» 1876 г. Достоевский говорил: «Я и прежде всегда смотрел на детей, но теперь присматриваюсь особенно. Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и конечно о теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их состоянии. Поэма готова и создалась прежде всего, как и всегда должно быть у романиста» [204]. Но та «поэма» (этим словом Достоевский называл общий замысел произведения), которая тогда была готова и отразилась в плане романа «Отцы и дети», напоминает будущих «Карамазовых» лишь одним — темой, обозначенной в заглавии.

Весной 1878 г., непосредственно приступая к работе над «Братьями Карамазовыми», Достоевский особенно озабочен изображением детей: «...Я замыслил и скоро начну большой роман, в котором, между другими, будут много участвовать дети и именно малолетние, с 7 до 15 лет примерно. Детей будет выведено много. Я их изучаю и всю жизнь изучал, и очень люблю и сам их имею» [205].

Обратившись теперь к разрозненным наброскам в записных тетрадях середины 70-х годов, отдаленно предвосхищающим содержание «Братьев Карамазовых», посмотрим, какое место среди них принадлежит теме детей.

Первые черновые заметки, сюжетно и тематически связанные с «Карамазовыми», относятся к 1874—1875 гг.: известная запись «13 сент〈ября〉 74. Драма. В Тобольске, лет двадцать назад, вроде истории Иль〈ин〉ского» (см. стр. 356), упоминание о беседе «молодого человека» с сатаной: «Меня все более бесит, что ко мне приставлен ты» (стр. 317), наброски о Лизавете Смердящей, появляющиеся сначала в рукописях к «Подростку», затем — к «Дневнику писателя» и «Братьям Карамазовым». Естественно, что во время работы над «Дневником писателя», которую Достоевский сам считал своеобразной творческой лабораторией романа, количество таких заметок увеличивается (см. об этом в статье Г. М. Фридлендера в настоящ. книге). Сюда можно было бы присоединить и некоторые записи, внешне связанные с другими темами, но потом получившие отклик в «Карамазовых». Например, представляя себе отношение каторжников из народа к Чацкому («если б его сослали»), Достоевский пишет: «Ты всего-то из банной мокроты зародился, сказали бы ему, как говорили ругаючись покойники из Мертвого дома. (А ведь половина, должно быть, теперь уж покойнички), когда хотели обозначить какое-нибудь бесчестное происхождение» (стр. 624). Эта народная метафора реализовалась в сюжетной ситуации «Карамазовых»: «бесчестное происхождение» Смердякова подчеркнуто тем, что Лизавета Смердящая родила его в «банной плесени». Связь между записью о Чацком и историей Смердякова более зло характеризует героя Грибоедова, чем все критические оценки, данные ему Достоевским в других местах.

В записной тетради упоминаются и «самарские ребятишки, умершие с голоду у иссохших грудей матерей» (стр. 412). Это, конечно, прообраз той картины, которая привиделась Мите Карамазову: «А при выезде выстроились на дороге бабы, много баб, целый ряд, всё худые, испитые, какие-то коричневые у них лица. Вот особенно одна с краю, такая костлявая, высокого роста, кажется ей лет сорок, а может, и всего только двадцать, лицо длинное, худое, а на руках у нее плачет ребеночек, и груди-то, должно быть, у ней такие иссохшие, и ни капли в них молока» [206].

Размышляя о виновности отцов в связи с делом Кронеберга, истязавшего семилетнюю дочь, Достоевский записывает в тетради: «Я тебя родил.— Ответ Франца Мора. Рассуждение этого развратного человека я считаю правильным. — А не знаете, так справьтесь. Шиллер ведь так давно писал, да и драма так давно не дается на сцене» (стр. 422). С Францем Моором старик Карамазов сравнивает своего сына Дмитрия. Ненависть сына к отцу в такой ситуации Достоевский оправдывает, говоря это непосредственно от себя, чего нет в «полифоническом» романе, где отсутствует прямой голос автора. Таким образом, в записях 1876 г. созревание замысла «Карамазовых» ощущается еще отчетливее, чем в печатном тексте «Дневника писателя» 1876 г.

Анализируя все наброски записных тетрадей, так или иначе связанных со структурой будущего романа, можно заметить, что особое место среди них занимает дело Кронеберга. И не потому, чтобы мысли, высказанные здесь Достоевским, были важнее для «Братьев Карамазовых», чем рассуждения о «камнях и хлебах» или спор Великого инквизитора с Христом. Если говорить о фабуле романа, то гораздо бо́льшую роль для нее сыграла запись о трагедии Ильинского.

Записи Достоевского к статье по поводу суда над Кронебергом яснее, чем она сама, показывают значение этой темы для будущего романа. Из записей становится очевидным, что истязание дочери Кронеберга — не просто одно из слагаемых в будущей аргументации Ивана Карамазова. Дело Кронеберга, сравнительно с другими материалами, имеющими отношение к «Карамазовым», в этот ранний период работы вызвало наибольший эмоциональный отклик писателя и послужило толчком для его творческого воображения. Поскольку план романа об «отцах и детях» первоначально складывался так, как он запечатлен на стр. 445, Достоевский предполагал «всю историю Кронеберга» использовать «в эпизоде романа» (там же). Но даже когда план романа неузнаваемо изменился, история Кронеберга продолжала для автора символизировать неотмщенные страдания ни в чем неповинных детей.

Среди набросков статьи о Кронеберге, представляющей отрывки взволнованной речи в защиту ребенка («Кто же за нее заступится? Дайте хоть в печати заступиться!») внезапно, как всегда у Достоевского, возникает громадное историческое и философское обобщение. Его нет в окончательном тексте статьи. Но оно не было забыто, и, как будто специально оставленное для будущего романа, претворилось потом в исповеди Ивана Карамазова: «Людовик 17-й. Этот ребенок должен быть замучен для блага нации. Люди не компетентны. Это бог. *В идеале* общественная совесть должна сказать: пусть погибнем мы все, если спасение наше зависит лишь от замученного ребенка,— и не принять этого спасенья. Это нельзя, но высшая справедливость должна быть *та*. Логика событий действительных, текущих, злоба дня, не та, что высшей идеально-отвлеченной справедливости, хотя эта идеальная справедливость и есть всегда и везде единственное *начало жизни, дух жизни*, жизнь жизни» (стр. 422—424). Мысль о том, что абсолютный идеал справедливости нереализуем и вместе с тем необходим как высшая совесть человечества, что развитие жизни на земле неизбежно происходит в форме трагической,— характерна для Достоевского. Эта мысль значительно сложнее, чем прямолинейный отказ Ивана Карамазова от гармонии, купленной страданиями, и вместе с тем она включает нравственный идеал Ивана. В набросках о деле Кронеберга—этом «эмбрионе» большой темы будущего романа, взгляд Ивана — поборника «идеально-отвлеченной справедливости» существует в системе авторской диалектики. В дальнейшем, когда из первозданного творческого хаоса возникнет сюжет и герой, этический максимализм соединится в сознании Ивана Карамазова с ненавистной Достоевскому идеей превращения «камней в хлебы», «дух жизни» — с духом смерти.

Таким образом, дело Кронеберга, лишь вскользь упомянутое в окончательном тексте романа, для его творческой истории имело, на наш взгляд, первостепенное значение. Оно не может идти ни в какое сравнение с убийством мещанки Перовой или впечатлениями от посещения воспитательного дома, о которых говорится в первоначальном плане «Отцов и детей». В процессе Кронеберга перед Достоевским предстали вместе две важнейшие социальные темы будущего романа: «случайное семейство» и страдания малолетних детей, а гневное обличение виновников в речи самого Достоев-

ского стало прототипом идеи его героя. «Чтобы написать роман,— утверждал Достоевский,— надо запастись одним или несколькими сильными впечатлениями, пережитыми сердцем автора действительно» [207]. Одним из таких сильных «романообразующих» впечатлений стало дело Кронеберга.

У самых ранних истоков «Братьев Карамазовых» мы видим образ замученного ребенка. Он получит большое значение не только в идеологии, но и во всем построении уже законченного романа. Кроме Ивана, с темой и судьбой погибающего ребенка (Илюши Снегирева) связаны все братья. Дмитрий, жестоко надругавшийся над отцом мальчика, становится невольной причиной его несчастий (ожесточение, ссора с товарищами, смертельная болезнь после удара камнем). И есть, вероятно, по Достоевскому, некая связь этих обстоятельств с тем, что в ночь после первого следствия невиновному «в крови отца своего» Мите снится сон о голодных, изможденных детях и он внезапно решает пострадать «за дите». Как для Ивана страдания детей символизируют все слезы человечества, которыми пропитана земля «от коры до центра», так и для Мити плач голодного крестьянского ребенка олицетворяет судьбу народную. В обоих случаях голос писателя сливается с голосом героя.

К жестоким душевным страданиям Илюши прямое отношение имеет и Смердяков: это он научил мальчика подбросить собаке хлебный мякиш с иголкой внутри. Настоящим другом Илюши и всех детей становится «ранний человеколюбец» Алексей Карамазов.

Так «детская тема» из «Дневника писателя» и записных тетрадей к нему перешла в последний великий роман Достоевского.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД

С лета 1880 г. Достоевский все время находился в крайнем нервном возбуждении, на пределе духовного напряжения.

Началось с ожидания Пушкинского праздника. Достоевский готовился к выступлению как акту историческому, надеясь высказать вполне свое кредо и принести моральную победу «своей партии». «Мой голос будет иметь вес, а стало быть и наша сторона восторжествует»,— писал он жене из Москвы [208]. В другом письме ей же Достоевский сообщает, что на обеде, устроенном в его честь московскими литераторами, он с успехом читал конспект своей будущей речи[209]. Достоевский тяготился ожиданием праздника, день которого откладывался, но считал выступление своим долгом: «Я всю жизнь за это ратовал, не могу теперь бежать с поля битвы. Уж когда Катков сказал:„Вам нельзя уезжать, вы не можете уехать“ — человек вовсе не славянофил,— то уж конечно мне нельзя ехать» [210]. В письмах Достоевского этих дней постоянно фигурируют термины «их партия» (т. е. «западников») и «наша партия»,«их направление» и «наше направление». Но ощущая себя в данный момент деятелем и оратором «партии», Достоевский достаточно ясно видит, что его популярность и успех определяются во многом «Братьями Карамазовыми»: «Одним словом я убедился, что Карамазовы имеют колоссальное значение» [211]. Накануне речи Достоевский пишет Анне Григорьевне: «Завтра мой главный дебют» (там же).

Триумфальный успех речи на короткое время заставил писателя поверить: «Это великая победа нашей идеи над 25-летним заблуждением» [212]. В действительности то была победа отнюдь не партии, а лично Достоевского, гениального художника и вдохновенного оратора, человека больной совести, горячо верящего в историческое призвание своего народа. Вскоре Достоевский понял, что его речь не убедила противников и не удовлетворила союзников. Победоносцев отозвался очень сдержанным письмом и позднее переслал Достоевскому «Варшавский дневник» со статьей К. Леонтьева «О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике». Леонтьев упрекал Достоевского в стремлении апеллировать к образу Христа независимо от церкви: «В речи г. Достоевского Христос, по-видимому, по крайней мере до того помимо церкви доступен всякому из нас, что мы считаем себя вправе,— даже не справляясь с азбукой катехизиса, т. е. с самыми существенными положениями и безусловными требованиями православного учения, приписывать спасителю никогда не вы-

сказанные им обещания „всеобщего братства народов", „повсеместного мира" и „гармонии"» [213]. Все это Леонтьев воспринимал как уступку европейской демократии.

Ересь Достоевского Леонтьев противопоставил ортодоксии Победоносцева, который в те же дни произнес «благородно-смиренную» речь в Ярославской епархии на выпуске в училище для дочерей священно- и церковнослужителей. Косвенным откликом на Пушкинскую речь Достоевского были слова Победоносцева по поводу предстоящего выпуска «Дневника писателя»: «В добрый час и благослови вас боже! Лишь бы ваша мысль стояла в вас самих ясно и твердо, *в вере*, а не в колебании, тогда нечего обращать внимание на то, как она отразится в разбитых зеркалах — еже есть журналы и газеты наши» [214]. Готовя к печати текст Пушкинской речи и свой ответ Градовскому, «наш profession de foi на всю Россию», Достоевский был угнетен мыслью, что «знаменательный и прекрасный, *совсем новый* момент в жизни нашего общества, проявившийся в Москве на празднике Пушкина, был злонамеренно затерт и искажен» в прессе, особенно петербургской [215]. Как видим, Победоносцев и Леонтьев не разделяли этого взгляда, не резко, но недвусмысленно адресуя главный упрек самому Достоевскому. Достоевский пробовал возражать: «Леонтьев в конце концов немного еретик — заметили Вы это?» — писал он Победоносцеву [216], но сочувствия, по-видимому, не встретил.

В последней записной тетради Достоевский полемизирует с Леонтьевым: «(Не стоит добра желать миру, ибо сказано, что он погибнет.) В этой идее есть нечто безрассудное и нечестивое. Сверх того, чрезвычайно удобная идея для домашнего обихода; уж коль все обречены, так чего же стараться, чего любить, добро делать? Живи в свое пузо» (Бгр., 369). Кроме того, он подозревает, что у оппонента после «Дневника» и речи в Москве было нечто к нему завистливое» (там же).

После речи о Пушкине Достоевский, говоря его же собственными словами, был «как в лихорадке», всеми силами пытаясь возвратить и закрепить успех незабываемого дня 8 июня. По поводу специального выпуска «Дневника» с речью о Пушкине он заявлял: «То, что написано там — для меня роковое» [217], «меня проклянут на семи соборах» [218], «на меня подымут все камения» [219]. Азарт борьбы, ожесточение, озлобленность, отразившиеся в письмах Достоевского этого времени, во многом определили тон полемических записей в его последней тетради.

«Отечественные записки» по инициативе Салтыкова не раз выступали с критикой речи о Пушкине. Первой корреспонденцией Г. И. Успенского, присутствовавшего в Москве на Пушкинском празднике, Салтыков остался недоволен, и очевидно по его предложению Успенский написал заключительную часть статьи, которая была помещена в той же июньской книжке журнала под названием «На другой день». Основываясь не только на впечатлении от живой речи Достоевского, но главным образом на тексте ее опубликованном «Московскими ведомостями», Успенский подчеркивает теперь, что «г. Достоевский к всеевропейскому, всечеловеческому смыслу русского скитальчества ухитрился присовокупить великое множество соображений, уже не всечеловеческого, а всезаячьего свойства» [220]. В письме 27 июня Салтыков просил Михайловского охарактеризовать речи Достоевского и Тургенева в следующем номере «Отечественных записок». Михайловский сделал это в статье «Литературные заметки» [221]. Выражая мнение редакции, он отметил, что «увлеченный общим настроением минуты, г. Г. У〈спенский〉 подслушал в речи г. Достоевского то самое, что ему подсказало его собственное сердце, и только затем, посмотрев на дело „с холодным вниманием рассудка", разобрал, что речь эта есть пустая и не совсем умная шутка. Да, пустая, потому что человек не дал ни одного твердого вывода, ни одной неколеблющейся мысли...» [222]. Достоевский почувствовал руководящую роль Салтыкова в той единой позиции, которую заняли публицисты «Отечественных записок» по отношению к его политической программе. В последней тетради он изливает свое раздражение по этому поводу: «*Щедрин* — всю свою стаю Глебовых, Михайловских, Елисеевых. „Отечественные запи〈ски〉". Вас трепещет вся литература, особенно Сатирического старца. Никто против него не посмеет: дескать либерал, проеден либерализмом» (стр. 670).

Заметим, что при обсуждении речи Достоевского в обоих враждующих лагерях подчеркивалась нестройность, противоречивость его концепции. О «колебаниях мысли» Достоевского говорят и Михайловский, и Победоносцев.

В чем же особенность позиции Достоевского, как она выразилась в Пушкинской речи, двух последних выпусках «Дневника писателя» и последней записной тетради?

Несмотря на то, что в речи о Пушкине и даже «Дневнике писателя» 1880 г. эта позиция выражена с гораздо бо́льшим оптимизмом, чем в «Дневнике» 1881 г. и тем более — в записях, сделанных для себя, когда в последние месяцы жизни Достоевский особенно остро ощущал свое идейное одиночество, мы все-таки можем говорить о его концепции в целом. Важное значение для ее понимания имеет записная тетрадь 1880—1881 гг.

Положение в стране в 1880 г. представляется Достоевскому крайне тяжелым. По мрачному тону большинства его записей мы видим, что он в отличие от многих либеральных идеологов не разделял надежд на те меры, которые принимало правительство Лорис-Меликова. Освобождение крестьян,— по словам Достоевского,— произвели «отвлеченно», жалея крестьянина «и сочувствуя ему как рабу, но отрицая в нем личность» (стр. 680). Экономическое и правовое положение народа, его нравственное состояние вызывают у Достоевского, как он сам говорит, «болезненно-тревожное внимание»: «У нас прежнее земледелие разрушено освобождением. Закона о рабочих и даже об обозначении владений нет. Крестьянин срамит и позорит почву, убивает скот некормлением, пьянством, и не может (не видно по крайней мере в будущем), чтоб он возвысился над minimum'ом, который дает ему земля». И вывод: «Неразрешимые задачи, стоящие грозой в будущем» (стр. 673). Поборы и налоги, лежащие тяжелым бременем на крестьянине, беззакония правительственной администрации и превращение земских учреждений в придаток бюрократической машины,— все это делает жизнь народа нестерпимой. Связанный по рукам и ногам, народ, хоть и жаждет выхода, но не может двинуться с места, как «муха в патоке». «Это безначалие и отсутствие законности имеет развращающее свойство не менее пьянства. Доведет до отчаяния, до бунта» (стр. 670). Слово «отчаяние» применительно к положению народа часто повторяется в записях Достоевского. В течение 1878—1880 гг. среди крестьянства упорно распространялись слухи о том, что в ближайшее время будет произведен передел земли. Особое совещание — правительственный орган, созданный специально для борьбы с революционным движением по указанию Александра II, рассматривало вопрос о пресечении слухов и толков по поводу «черного передела». В «Объявлении», подготовленном с этой целью, говорилось, что «слухи... разносятся по селениям или людьми злонамеренными, которые имеют в виду лишь дурные и преступные цели ⟨...⟩ или же людьми из среды крестьян, наслушавшихся лживых рассказов» [223]. Достоевский не обвиняет в распространении слухов ни революционных пропагандистов, ни простодушных крестьян, якобы им поверивших. Он видит, что вопрос о наделах назрел в самой крестьянской жизни («войдут в отчаяние, подымут вопрос о наделах» — стр. 670), а деревенская буржуазия воспользуется этим в своих корыстных целях: «Тоже кулаки начнут агитировать, сбивать и волновать насчет новых царских и злостных грамот и начнут это делать, чтоб отвлечь внимание народа от своих же повинностей» (там же).

Резко отрицательно оценивает Достоевский деятельность государственного аппарата. Понятия «чиновник» и «попиратель свободы народной» для него — синонимы. Под ироническим заглавием «Машина важнее добра» он излагает типичную точку зрения чиновников, мечтающих лишь о сохранении существующего порядка вещей: «Правительственная административная машина — *это все, что нам осталось*. Изменить ее нельзя, заменить нечем без ломания основ. Лучше уж мы сами сделаемся лучшими,— говорят чиновники. Канцелярский порядок воззрения и управления Россией, даже хоть бы и было гибельно, все-таки лучше добра» (стр. 678). Да, Достоевский во многих отношениях не был консерватором, как он не раз заявлял своим читателям. «Канцелярский порядок воззрения» он ненавидел. Известно, что, высмеивая идею Достоевского об «оздоровлении корней», Салтыков в третьем письме «к тетеньке» вывел в качестве делопроизводителя комиссии по «оздоровлению корней» Расплюева. Но мы видим, что сам Достоевский очень боялся, как бы за исполнение его любимой мысли не взялись, если и не Расплюевы, то во всяком случае бездушные бюрократы. Вот что записал он в тетради: «К оздоровлению корней — это можно приступить, и определить даже на то миллион-другой в год ⟨...⟩ комиссию составить для исследования способов к оздоровле-

нию корней, и подкомиссию для собрания сведений, а так, чтобы все бросить и только о корнях думать, нет, это нельзя» (стр. 688).

«Корни» — это народ, его жизненные интересы, но прежде сего, по Достоевскому,— дух народный. Они отравлены всеми условиями современного существования и все-таки еще достаточно здоровы. Чтобы добиться полного оздоровления «корней», а значит и всего «дерева», необходимо, с точки зрения Достоевского, решительно порвать с европеизмом во всех областях русской жизни. Само понятие европеизма трактуется крайне широко, как никогда прежде у Достоевского. «Европейцы» — это и правительственные чиновники, и земцы, и капиталисты, и вся интеллигенция. Пользуясь терминами «западники» и «славянофилы», Достоевский считает, что первые выступают как огромная сплоченная партия (поскольку к ней он причисляет всех «европейцев» без разбора), а вторые только лишь нарождаются в новом качестве. Идею конституции Достоевский рассматривает как барскую затею русских европейцев, презирающих народ и желающих распоряжаться его судьбой («господчина»).

В 1880 г. Верховная распорядительная комиссия во главе с Лорис-Меликовым получала большое количество проектов «спасения России». Они писались представителями разных партий и просто частными лицами. Пародией на один из таких проектов должно было, по-видимому, стать сочинение героя Достоевского — «мечтателя, сумбуриста», о чем свидетельствуют наброски в записной тетради. Автор «Проекта» издевается над готовностью поклонников Европы разбазарить все русское, вплоть до территории страны, отказаться от своей самобытности, лишь бы услужить кумиру. В угоду Европе они готовы предаваться только праздности и веселости, подчинив этой цели даже русскую литературу: «Тургеневых, Львов Толстых, заставить их, велеть. 〈...〉 Плеяду, плеяду заставить. 〈...〉 Ну Островский не годится, не тот род, нейдет, Писемский тоже, тебя тоже не надо, ты мрачен» (стр. 690). Вероятно, Достоевскому вспомнились слова известного консерватора, историка Д. И. Иловайского, сказанные в Обществе любителей российской словесности, когда читалась глава из «Анны Карениной». «Иловайский громко провозгласил,— писал Достоевский жене,— что нам (любителям) не надо мрачных романов, хотя бы и с талантом (т. е. моих), а надо легкого и игривого, как у графа Толстого» [224].

Утопический идеал Достоевского, его собственный «проект спасения России» заключался в единении народа с царем, без участия бюрократии и интеллигенции, принятие интеллигенцией, в том числе и революционерами, «народной правды». «А потому, чтоб интеллигенция, когда услышит от народа всю правду, поучилась бы сама этой правде, прежде чем свое-то слово начать говорить. 〈...〉 Как осиротеют доктринеры, вся молодежь от них отшатнется, даже взрыватели отшатнутся и примкнут к русской правде»,— читаем в записной тетради (Бгр., 364—365). Противопоставляя народ интеллигенции, Достоевский защищает в споре с Кавелиным христианское понятие нравственности, построенное на чувстве, а не на убеждении.

Революционным террористам, равно как и тем, кто пытается пресечь террор с помощью казней, Достоевский предлагает идею суда церковного: «Казнь Квятковского, Преснякова и помилование остальных №!〈...〉 Что такое казнь? В государстве — жертва за идею. Но если церковь — нет казни» (стр. 672—673). Однако он не идеализирует современную церковь, считая, что она «в параличе», не идеализирует и царя: «Еще больше буду слуга ему, когда он действительно поверит, что народ ему дети. Что-то очень уж долго не верит» (Бгр., 366).

Утопия Достоевского противоречива. Антиправительственная во многих отношениях, она одновременно и антиреволюционна. Враждебная консерватизму, она в итоге оказалась глубоко консервативной. Нужно иметь в виду также, что никакой завершенной концепции у Достоевского не было. «Все это у нас страшно насущно и страшно не решено. И вообще у нас все теперь в вопросах»,— писал он незадолго до смерти [225]. Но при всех колебаниях и заблуждениях, характерных для социально-политического мечтательства Достоевского в последних выпусках «Дневника писателя», в одном он был непоколебим — в искреннем и страстном желании народного блага. Об этом, в частности, говорят и многие черновые записи, не вошедшие в книгу «Биография, письма и заметки из записной книжки» 1883 г. и публикуемые нами впервые.

В сентябрьском номере «Отечественных записок» 1880 г. появились одновременно «Литературные заметки» Михайловского и та глава из книги Щедрина «За рубежом», где происходит разговор «мальчика в штанах и мальчика без штанов». Щедрин и Михайловский полемизируют с идеями Достоевского, высказанными в Пушкинской речи и ответе Градовскому. Подобно тому, как в самом начале спора, в 1873 г. Михайловский разъяснял Достоевскому убеждения и принципы своего поколения, он делает это и теперь, как бы подводя итоги прошедшего десятилетия. Это исповедание веры выдающегося представителя русского народничества 70-х годов, обращенное к Достоевскому, обнаруживает не только резкое различие в убеждениях, но и очень важную близость некоторых исходных положений. «...Интересы народа стали для нас краеугольным камнем политического мышления»,— дважды подчеркивает Михайловский. Мысль о возможности избежать европейского, капиталистического пути развития в России Михайловский называет «одной из интимнейших и задушевнейших идей нашего времени; ту именно, которая придает семидесятым годам оригинальную физиономию, ради которой они, эти семидесятые годы, принесли страшные неисчислимые жертвы, о чем, впрочем, говорить еще рано» [226]. Несомненно Достоевский прочел эти слова с сочувствием, равно как и следующие: «Благонамеренные представители центральной власти и народ, в нашем предположении, должны были положить почин новому, особливому историческому пути для России. Но если между этими элементами протискивается всемогущий братский союз местного кулака с местным администратором, то наша теоретическая возможность обращается в простую иллюзию» [227]. Это сходство тревог и надежд заставило Достоевского, вероятно, внимательно прислушаться и к горьким упрекам Михайловского. Михайловский обвинял Достоевского в том, что он не разглядел настоящих героев своего времени: «О, г. Достоевский, если бы вы только могли догадаться, какую глубоко комическую непроницательность обнаруживаете вы, утверждая, что только после вашей речи и под ее влиянием „объявились ярко и ясно" люди, жаждущие подвига и обетования дела: много, много раньше они объявились» [228]. Призыв «искать себя в себе» Михайловский назвал фарисейским, а самого Достоевского — «господином, именующим себя любителем народа и из-за начальства не видящим этого самого народа». «Мы себя в себе не искали,— писал Михайловский,— что греха таить, если это только в самом деле грех, а не просто напыщенная бессмыслица. Это вовсе не значит, что идеалы личной нравственности — дело пустое и внимания не стоящее, но ставить их в независимость от „учреждений" значит или нечисто играть или дела не понимать» [229]. С предложением «потрудиться на ниве народной» Михайловский обращается к самому Достоевскому. И все же, несмотря на суровость той отповеди, которую Михайловский дает Достоевскому-проповеднику, здесь нет полного антагонизма. Иначе не мог бы, вероятно, Михайловский, сформулировав свои основные убеждения, иронически заметить, что Достоевский «*нашу же идею* заливает деревянным маслом из лампадки» [230] (подчеркнуто мной.— *Л. Р.*).

Говоря о душевном состоянии Достоевского после Пушкинской речи, нельзя не обратить внимания на одно важнейшее обстоятельство его творческой жизни. Сразу же после триумфа в Москве, Достоевский с особенным вдохновением бросился писать «Карамазовых» и именно девятую главу четвертой книги «Черт. Кошмар Ивана Федоровича», главу, где «колебания в вере» проявились с новой силой. Он признавался Н. А. Любимову, что писал эту главу «почему-то с удовольствием», и настоятельно просил сохранить выражение «истерические взвизги херувимов» и рассказ об «исповедальных будочках» [231]. Тема атеизма, гениально воплощенная в пятой книге романа «Pro и contra», была продолжена Достоевским в изображении ночной беседы Ивана с чертом. Именно так определял эту связь сам автор. Возражая Кавелину, он сделал в тетради знаменитую запись: «Инквизитор и глава о детях. ⟨...⟩ И в Европе такой силы атеистических выражений нет и не было. Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла, как говорит у меня же, в том же романе черт» (Бгр., 375). Характерно, что, хотя «осанна» уже прошла через «горнило сомнений», у Достоевского каждый раз являлась неистребимая потребность начать как бы сначала, вновь и вновь испытывая свою веру логикой «эвклидовского» разума.

Духовный крах и одновременно первые проблески освобождения Ивана от идеала «человекобога» и от теории «все дозволено» рисует Достоевский в сцене ночного диалога с чертом. Дьявольский двойник героя все время держит его «между верой и безверием». Атеистические аргументы разума неопровержимы: бессмысленным представляется путь в квадриллион мучительных километров, чтобы в конце его провозгласить: «Осанна!» Поэма Ивана под названием «Геологический переворот» рисует соблазнительную картину «золотого века» без бога и бессмертия. Однако убеждения Ивана, оставаясь непоколебленными, вызывают в нем внутренний протест, муки совести. «Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос, верны ли мои убеждения? Проверка же их одна — Христос. Но тут уж не философия, а вера»,— записывает Достоевский в последней тетради (стр. 675). И далее: «Инквизитор уж тем одним безнравственен, что в сердце его, в совести его, могла ужиться идея о необходимости сожигать людей. ⟨...⟩ Все Христовы идеи оспоримы человеческим умом и кажутся невозможными к исполнению» (там же). Достоевский ни в чем не погрешил перед художественной правдой, изображая пробуждение души Ивана Карамазова. Он не обратил его взора к церкви, отождествив (в который раз!) идею Христа с понятием совести.

Если в иных записях и статьях «Дневника писателя» Достоевский рисовал «золотой век» как нечто близкое, легко достижимое, то все его творчество в целом свидетельствует о другом. Необычайно тяжелым и мучительным представлялся ему путь человека к истине и справедливости. И не потому ли, провозгласив свой положительный идеал в речи о Пушкине, он снова погрузился в пучину сомнений?

III. ЭСТЕТИКА. ТЕОРИЯ И ТВОРЧЕСТВО

Наименее противоречив был Достоевский в своих взглядах на искусство. Размышления писателя о литературе, рассыпанные в записных тетрадях, складываются в целостную концепцию. Достоевский воспринимает литературную деятельность как великое общественное служение. Несмотря на резкие высказывания о Тургеневе и Салтыкове, на критические замечания о Толстом и Некрасове, продиктованные часто глубокой идейной враждой, мы всегда ощущаем, что Достоевский нерасторжимо связан с крупнейшими деятелями русской литературы. Связан прежде всего высоким представлением о задачах искусства, о роли художника в духовной жизни своего народа. Именно поэтому в период полного разрыва отношений с Тургеневым, после Кармазинова в «Бесах», испещряя страницы записной тетради обличительными суждениями о Потугине и его создателе, Достоевский с полной искренностью прославляет «вековечные и прекрасные» типы «Дворянского гнезда». Как бы ни полемизировал Достоевский с Салтыковым, он всегда признавал в нем талантливейшего художника, выдающегося сатирика. Расходясь во взглядах с Толстым, он считал его одним из «учителей наших». Одного не мог представить себе Достоевский — сознательного ухода Толстого из литературы: «Толстой почти с ума сошел и даже, может быть, совсем сошел» [232].

В успехах литературы, воплощающих идеалы народа, Достоевский видел залог его духовного расцвета в будущем. Призвание писателя предполагало не только талант, но и высокий строй мыслей и чувств: «Литература — знамя чести» (стр. 544—545); «*Как только* художник захочет отвернуться от истины, то тотчас же станет бездарен» (стр. 429). И хотя Достоевский поместил этот свой тезис под рубрикой «новый закон», он выступил в данном случае как прямой ученик Белинского, некогда читавший перед петрашевцами «Письмо к Гоголю». Талант — непременное условие всякого творчества, никакие справедливые идеи не искупят его отсутствия; «Талант, да, во всем нужен талант, даже в направлении» (стр. 428 и 552),— дважды повторяет Достоевский. Утверждая, что «художественностью пренебрегают только лишь необразованные и туго развитые люди» (стр. 376), Достоевский пишет далее: «Вопрос о художественности решается просто: худо иль лучше написать» (стр. 421). Однако в этой незамысловатой формуле «лучше писать» есть серьезный смысл: любая сложная идея или «проклятый вопрос» лучше воспринимаются сознанием, когда перед ним действительно художественное изображе-

ние: «Если этот факт рассказать художественно (имеется в виду сюжет рассказа «Столетняя».— *Л. Р.*), т. е. вдохновился бы им великий художник, то могла бы выйти прехорошенькая картинка, с мыслию, с умением и даже с „проклятыми вопросами", но под обаянием картинки вы не побоитесь „проклятого вопроса"» (стр. 449). Сама по себе художественность никогда не привлекала Достоевского, он усматривал в ней способность служить не только благим целям. Блестящий образец анализа ораторского мастерства Спасовича, его «ловких приемов» находим в «Дневнике писателя» 1876 г. [233] Достоевский показывает, как умелое владение стилем помогает «замечательно талантливому» адвокату провести антигуманную идею: «...в этих маленьких, тонких, как бы мимолетных, но беспрерывных намеках г. Спасович величайший мастер и не имеет соперника» [234]; «г. Спасович великий мастер закидывать такие словечки; казалось бы он просто обронил его, а в конце речи оно откликается результатом и дает плод». Присяжные заседатели находятся под воздействием «неотразимого давления таланта: Il en reste toujours quelque chose,— дело старинное, дело известное, особенно при группировке искусной, изученной». Такой тип таланта неприемлем для Достоевского. В записной тетради настойчиво повторяется ироническое определение, вошедшее затем в статью о Спасовиче: «Ce n'est pas l'homme, c'est une lyre!» (Это не человек, это лира!) [235].

Многие из эстетических проблем, затронутых в набросках Достоевского, нашли отражение в его публицистических статьях, и, естественно, даны там более развернуто и аргументированно. Многие, но далеко не все. И среди них есть записи, имеющие для понимания эстетической теории и художественного творчества Достоевского первостепенное значение. Остановимся на трех центральных проблемах.

Первая: об отношении искусства к действительности.

Еще в записных тетрадях и статьях Достоевского 60-х годов встречается противопоставление «яблока натурального» и «яблока нарисованного» (стр. 251, 616). Есть оно и в набросках к «Дневнику писателя». Эти записи полемически направлены против эстетической теории Чернышевского в той ее части, где, по мнению Достоевского, превосходству действительности над искусством придается абсолютное значение и самобытность искусства определена недостаточно. Вместе с тем при всей «фантастичности» своего реализма Достоевский видел в действительности единственную основу искусства, основу неисчерпаемую и значительно превосходящую богатством содержания фантазию даже гениального художника: «А насчет Шекспиров и Гомеров, то искусство, без сомнения, ниже действительности» (стр. 419). «Никогда фантазия не может выдержать сравнения с действительностью. *Щедрин. Я это знал*» (стр. 578). Эти наброски предваряют известный рассказ Достоевского о беседе с Салтыковым, когда они признались друг другу в одном из главных своих эстетических убеждений: «что бы вы ни написали, что бы ни вывели, что бы ни отметили в художественном произведении,— никогда вы не сравняетесь с действительностью» [236].

Достоевский подчеркивает, что талант художника нужен не только для того, чтобы воссоздать факты действительности, но чтобы приметить их, выделить по значению среди массы других, понять смысл явления. «Действительно, проследите иной, даже вовсе и не такой яркий на первый взгляд факт действительной жизни,—и если только вы в силах и имеете глаз, то найдете в нем глубину, какой нет у Шекспира. Но ведь в том-то и весь вопрос: на чей глаз и кто в силах?» (там же). Эта мысль Достоевского достаточно хорошо известна. Однако нужно проследить развитие этой мысли, которое имеет очень важное значение. Достоевский продолжает: «Для иного наблюдателя все явления жизни проходят в самой трогательной простоте, и до того понятны, что и думать не о чем, смотреть даже не на что и не стоит. Другого же наблюдателя те же самые явления до того иной раз озаботят, что (случается даже и нередко) — не в силах, наконец, их обобщить и упростить, вытянуть в прямую линию и на том успокоиться, — он прибегает к другого рода упрощению и просто-запросто сажает себе пулю в лоб, чтоб погасить свой измученный ум вместе со всеми вопросами разом. Это только две противуположности, но между ними помещается весь наличный смысл человеческий» [237]. Очевидно обе крайности: ординарная, пошлая простота понятий и трагически безысходное стремление к прямолинейности, по мнению Достоевского, исключают возможность

художественного творчества. Поскольку «весь наличный смысл человеческий» располагается между двумя этими крайностями, задача художника, не рассчитывая на простые и окончательные ответы, как можно более глубоко проникнуть в существо явлений реальной действительности.

Но каким бы глубоким, даже гениально прозорливым ни был художник,— действительность в принципе неисчерпаема (в этом смысле «Шекспиры и Гомеры» ниже действительности). «Но, разумеется,— пишет Достоевский,— никогда нам не исчерпать всего явления, не добраться до конца и начала его. Нам знакомо одно лишь насущное, видимо-текущее, да и то по наглядке, а концы и начала — это все еще пока для человека фантастическое» [238]. Поэтому, с точки зрения Достоевского, явление жизни, правдиво воспроизведенное художником, всегда обширнее, многозначительнее идейного толкования, которое имеется у автора. Более того, не только сам писатель, человек своей эпохи, не может «исчерпать» явления, этого не могут сделать и последующие поколения читателей и интерпретаторов. Поэтому великое произведение искусства при новом чтении, особенно в новую эпоху, можно как бы «открыть» заново. Передавая свой разговор с Салтыковым, Достоевский пишет: «Я именно заметил ему перед этим, что *я*, чуть не сорок лет знающий „Горе от ума", только в этом году понял как следует один из самых ярких типов этой комедии, Молчалина, и понял именно, когда он же, т. е. этот самый писатель, с которым я говорил, разъяснил мне Молчалина, вдруг выведя его в одном из своих сатирических очерков» [239].

Исходя из убеждения о неисчерпаемом, безграничном богатстве действительности как вечного источника для искусства, Достоевский отдавал предпочтение необычным, исключительным явлениям, «фантастическим», по его терминологии, и при этом взятым из самой жизни. Отсюда его огромный интерес к газетной хронике, к истинным происшествиям и характерам, которые по своей необычности превосходят любое воображение, и вместе с тем концентрированно, почти символически воплощают основные тенденции времени. Чрезвычайный интерес Достоевского к документальности как бы предвосхищает то значение, которое приобретет документализм в искусстве XX века.

Говоря о «фантастическом реализме» Достоевского, необходимо иметь в виду, что многие факты, им изображаемые, находясь на грани реального, никогда не переходят за эту грань, всегда остаются в пределах возможного. Писатель был озабочен тем, чтобы всякий раз с абсолютной точностью, реалистически мотивировать «фантастику». Высылая в «Русский вестник» главу «Черт. Кошмар Ивана Федоровича», Достоевский писал Н. А. Любимову: «Долгом считаю, однако, Вас уведомить, что я давно уже справлялся с мнением докторов (и не одного). Они утверждают, что не только подобные кошмары, но и галюсинации перед „белой горячкой" возможны. Мой герой, конечно, видит и галюсинации, но смешивает их с своими кошмарами» [240]. В письме к врачу А. Ф. Благонравову, подтвердившему абсолютную верность картины психического заболевания Ивана, Достоевский сообщал: «За ту главу Карамазовых (о галлюцинации), которою Вы, врач, так довольны, меня пробовали уже было обозвать ретроградом и изувером, дописавшимся „до чертиков". Они наивно воображают, что все так и воскликнут: „Как? Достоевский про черта стал писать? Ах какой он пошляк, ах как он неразвит!" Но кажется им не удалось! Вас, особенно как врача, благодарю за сообщение Ваше о верности изображенной мною психической болезни этого человека. Мнение эксперта меня поддержит, и согласитесь, что другой этот человек (Ив. Карамазов), при данных обстоятельствах, никакой иной галлюцинации не мог видеть, кроме этой. Я эту главу хочу впоследствии, в будущем „Дневнике", разъяснить сам критически» [241]. Соответственно в последней записной тетради отмечено: «*Черт.* (Психологическое и *подробное* критическое объяснение Ив. Федоровича и явления черта)» (Бгр., 369). Достоевский считал: «Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что Вы должны почти поверить ему» [242].

Очень интересные разграничения между разными видами фантастики провел он еще во вступительной статье к «Трем рассказам Эдгара Поэ», напечатанным в январской книжке «Времени» 1861 г. Сопоставляя По и Гофмана, Достоевский отмечает «внешний», «материальный» характер фантастики первого и высокий смысл явно неправдоподобной фантастики второго. Хотя Достоевскому импонирует реалистическая мотивировка

необычайных сюжетов По, их неодухотворенность его разочаровывает. Из двух названных писателей Достоевский отдает свои симпатии Гофману, но характерно: более всего — тем его произведениям, в которых есть «красота действительности», «сила действительная» [243]. Сам Достоевский в самых фантастических своих сценах всегда остается на почве действительности. Выражаясь языком современным, Достоевский настойчиво предпочитает изображение жизни в формах самой жизни, каких бы конкретных тем это ни касалось. Неисчерпаемость реальной действительности притягивает его, так как дает безграничные возможности познания человека. Можно с уверенностью сказать, что Достоевского не увлекло бы условное искусство XX века, в котором изображается по существу только познанная действительность, ибо весь жизненный материал, входящий в произведение, соответствует авторской концепции.

Вместе с тем Достоевского отталкивал реализм, граничащий с натурализмом. В нем он критиковал самоцельность подробнейших описаний внешних сторон жизни, заслоняющих главный предмет искусства — человека. В записной тетради 1876—1877 гг. Достоевский сделал заметки о романе Золя «Чрево Парижа» (стр. 618—619). Он строго судит роман с позиций своей эстетики: «стран. 30 о капусте и моркови (натянутый восторг). ⟨...⟩ Все это вздор, все это картины преувеличенные (Вот, дескать, как я описываю капусту!) — Глупости» (стр. 619). Достоевский критикует и положительный идеал Золя, находя его недостаточно нравственным: «Florent умирает с голоду и с гордостью отвергнул помощь честной женщины. Zola считает это подвигом, но в этом сердце нет братства» (там же). Противопоставленная фигуре Золя, еще ближе и роднее оказывается Достоевскому Жорж Занд, способная «заронить прекрасное в душу» (стр. 543).

Не только натурализм, но и реализм, ограничивающийся анализом действительности («фактицизмом»), не овеянный высокой мечтой («идеализмом»), представляется Достоевскому неполноценным искусством. «Чем больше вы удаляетесь от „фактицизма", тем лучше» (стр. 624). Достоевский подчас недооценивал те положительные устремления, которые не были прямо выражены в суровых и трезвых сочинениях шестидесятников. Он полемически противопоставлял «Решетниковым» другие произведения, где «великая идея передается таким душам, которые по-видимому и подозревать невозможно, что они заняты высшими идеями жизни: Фома-мученик, Влас, Жан Вальжан» (стр. 615). Вероятно, когда Достоевский совершенно искренне отстаивал перед Тютчевым превосходство «Отверженных» над «Преступлением и наказанием», он имел в виду, что создателю Жана Вальжана в большей мере удалось воплотить свой положительный идеал, чем ему. С таким отношением к задачам искусства связана замечательная мысль писателя, чеканно выраженная в тетради 1876 г.: «В поэзии нужна страсть, нужна *ваша идея* и непременно указующий перст, страстно поднятый. Безразличие же и реальное воспроизведение действительности ровно ничего не стоит, а главное — ничего и не значит» (стр. 610). Соответственно Достоевский различает верность художника правде факта и правде поэтической: «У Шекспира не было верности истории, а лишь верность *поэтической правде*. Верностью поэтической правде несравненно более можно передать об истории нашей, чем верностью только истории» (стр. 613). Этот тезис, сам по себе справедливый, в творчестве Достоевского далеко не во всех случаях приводил к художественным удачам. Говоря его же словами о критиках «Современника», он нередко «нагибал действительность», трактуя ее в духе своей политической концепции. Его «поэтическая правда» не всегда совпадала с правдой истории. Но субъективно Достоевский во всех случаях стремился быть на почве действительности, открывать ее законы, исследовать бездонные глубины души человеческой. Развитие литературы воспринималось им как исторически обусловленный ряд художественных открытий, каждое из которых отражает определенный уровень познания мира и человека. Поэтому подлинно великими писателями Достоевский считал «поэтов и пророков» человечества, сказавших ему «новое слово». Свое собственное творчество он неизменно ощущал как определенную ступень в направлении этих духовных исканий, чувствуя глубокую связь с предшественниками и современниками на почве общего литературного дела.

Как мы уже упоминали, в записной тетради 1876 г. находится краткий конспект очерка истории мировой литературы от античности до современности. Основной критерий для периодизации Достоевского — нравственное состояние общества. «Древняя

трагедия — богослужение, а Шекспир отчаяние. Что отчаяннее Дон-Кихота. Красота Дездемоны только принесена в жертву. Жертва жизни у Гете. 〈...〉 Шекспир наших времен тоже вносил бы отчаяние. Но во времена Шекспира была еще крепка вера. Теперь же все действительно хотят счастья. Надо всем науки. Но наука еще захватила так мало людей. Общество не хочет бога, потому что бог противоречит науке.— Ну вот и от литературы требуют плюсового последнего слова — счастья. Требуют изображения тех людей, которые счастливы и довольны, воистину без бога и во имя науки и прекрасны,— и тех условий, *при которых все это может быть...*» (стр. 442). Итак, Шекспир и Сервантес особенно дороги Достоевскому, поскольку сохраняли высокий идеал в отличие от современной литературы отчаяния.

Достоевский понимает закономерность появления такой литературы, к которой во многом принадлежит и сам. В этой связи на других страницах он упоминает и своих героев, «придавленных камнем», как инженер в «Бесах» (т. е. Кириллов). Понимая, что наука уничтожает веру в бога, Достоевский признает естественность этого процесса, но, как всегда, восстает против попыток объяснить человека одной наукой. «Человек шире своей науки» (стр. 447). Современную литературу, доверившуюся разуму и пропагандирующую социальное переустройство мира как основу человеческого счастья, Достоевский упрекает в ограниченности. Это — так называемая литература *Дела*: «Дело, Писаревы, хотели поскорее решить, но не удалось». Не удалось не только у них, но и у талантливых утопистов Запада.

В противовес Достоевский выдвигает другой идеал — литературу красоты: «Прекрасное в идеале недостижимо по чрезвычайной силе и глубине запроса. Отдельными явлениями. Оставайтесь правдивыми. Идеал дал Христос. Литература красоты одна лишь спасет» (стр. 448). В исторической перспективе развитие мировой литературы, по убеждению Достоевского, делится на несколько основных направлений: «литература богослужения», «литература отчаяния», «литература дела» и «литература красоты». Хронологически некоторые из этих направлений могут совпадать, например, «литература отчаяния» и «литература дела». По-видимому уже с начала 60-х годов Достоевский считал своим призванием, воссоздав подлинно трагическую картину действительности, противопоставить настроению отчаяния идеал красоты («Литература красоты одна лишь спасет»). Хотя идеал этот осознавался Достоевским как следование заветам Христа, по собственному же объяснению писателя, он был прежде всего олицетворением высшей нравственности, гармонической личности. Еще в 40-е годы Герцен употреблял термин «путеводная нравственность». Воплощением «путеводной нравственности» для Достоевского еще на каторге стал Христос. Силой Достоевского был не только бунт против страшного мира неотмщенного страдания, не только его «больная совесть», не позволявшая принимать такой мир, но и мечта о прекрасном человеке, о светлом будущем России и всего человечества. Всеми силами души и поэтического творчества Достоевский стремится преодолеть «литературу отчаяния». Его человек из подполья, автор «Записок» — гениально воссозданный образ именно такого литератора, а сами записки — крик безысходного отчаяния. О таких людях Достоевский писал с горькой жалостью во время работы над романом «Подросток»: «Причина подполья — уничтожение веры в общие правила. „*Нет ничего святого*“». Героям «подполья» представляется что и все таковы, а, стало быть, не стоит и исправляться! Что может поддержать исправляющихся? Награда, вера? Награды — не от кого, веры — не в кого? Еще шаг отсюда, и вот крайний разврат, преступление (убийство). Тайна» [244]. Преодоление философии отчаяния и литературы отчаяния было пафосом Достоевского, главнейшим устремлением его эстетической мысли. Это необходимо иметь в виду, сопоставляя Достоевского с теми писателями XX столетия, отечественными и зарубежными, в творчестве которых его влияние отразилось лишь со стороны психологии и философии отчаяния.

Нет сомнения, что основной пафос заметок Достоевского о путях истории искусства, находящихся в тетрадях к «Дневнику писателя»,— в утверждении литературы красоты. Может быть, Достоевский так и не написал своей статьи потому, что уж слишком многое собирался вложить в нее. 4 февраля 1876 г. он, очевидно по этому поводу, писал Я. П. Полонскому: «„Дневником“ моим я мало доволен, хотел бы в 100 раз больше сказать.— Хотел очень (и хочу) писать о Литературе,— и об том именно, о чем никто с

тридцатых еще годов ничего не писал: *О чистой Красоте*. Но желал бы не сесть с этими темами и не утопить „Дневник“» [245]. Отталкивание от «литературы отчаяния» и утверждение «литературы красоты»— глубоко противоречивый, даже трагический процесс в сознании Достоевского. Уповая на христианские добродетели как единственную «точку опоры», которая даст возможность преобразовать мир, Достоевский постоянно убеждался в зыбкости такой опоры, в том, что нравственные силы отдельного человека, как бы могучи они ни были, не в состоянии помешать всевластию социального зла. И Достоевский вновь возвращается в сферу отчаяния, и опять собирает духовные силы для борьбы с ним. Таков путь его исканий в пределах каждого романа и от романа к роману. «Весь борьба»,— сказал о Достоевском Толстой, и это следует отнести также к той титанической борьбе между «литературой отчаяния» и «литературой красоты», которая происходила в его творчестве.

То, как решал Достоевский-теоретик две предыдущие проблемы: об отношении искусства к действительности и об эстетическом идеале, дает возможность перейти к третьей. Это вопрос о «реализме в высшем смысле» (так называл свой творческий метод сам писатель). Широко известна запись Достоевского из последней тетради, напечатанная еще в первом томе его посмертного собрания сочинений в 1883 г.:

«*Я*. При полном реализме найти в человеке человека. Это русская черта по преимуществу, и в этом смысле я, конечно, народен (ибо направление мое истекает из глубины христианского духа народного) — хотя и неизвестен русскому народу теперешнему, но буду известен будущему.

Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т. е. изображаю все глубины души человеческой» (Бгр., 373).

Начнем с этого, последнего тезиса. Исследователи толковали его по-разному. Справедливо указывали, в частности, на неприязненное отношение Достоевского к психологическому псевдоанализу. М. М. Бахтин писал: «К современной ему психологии — и в научной, и в художественной литературе, и в судебной практике — Достоевский относился отрицательно. Он видел в ней унижающее человека *овеществление* его души» [246]. Далее говорится о том, что преодолеть «овеществляющее обесценивание» человека дает возможность, по мнению Достоевского, лишь полифонический роман. Но вряд ли последнее верно. Достоевский не раз одобрительно высказывался о психологическом анализе Толстого, считая, например, сцену болезни Анны гениальным раскрытием «глубин души». Еще в 60-е годы, во время работы над второй редакцией «Двойника» его увлекала психология души «à la Толстой» (стр. 137). Психологический анализ в «Дворянском гнезде» и «Обломове» вызвал восторженные отзывы Достоевского. Бесспорно другое: всякое вульгарно-механистическое или примитивно-социологическое объяснение человека Достоевского отталкивало. «Достоевский постоянно и резко критиковал механистическую психологию,— отмечает Бахтин,— притом как ее прагматическую линию, основанную на понятиях естественности и пользы, так в особенности и ее физиологическую линию, сводящую психологию к физиологии» [247]. Об этом же говорит и Б. С. Мейлах в книге «Талант писателя и процессы творчества» [248]. Достоевский, по-видимому, отказывался называться писателем-психологом в обычном значении этого слова. Изображение сложного духовного мира человека, борьбы идей и страстей было для него не самостоятельной творческой задачей, а лишь средством проникнуть в «глубины души человеческой», понять природу этой сложности. Считая, что в самой природе человека заложено вечное противоборство двух начал — «я» и «не я», идеала Содомского и идеала Мадонны, что земной человек есть существо переходное, Достоевский был поглощен изучением самых разных вариантов «переходности», мучительных метаний человека между добром и злом. Слова Достоевского не следует понимать так, что он «не считал себя психологом ни в каком смысле» (Бахтин) [249]. Напротив, отвечая знаменитому актеру В. В. Самойлову, назвавшему Достоевского великим психологом, он писал 17 декабря 1879 г.: «Благодарю вас глубоко за ваше любезное письмо. Слишком рад такому автографу, а ваше мнение обо мне дороже всех мнений и отзывов о моих работах, которые мне удавалось читать. *Я слышу мнение это тоже от великого психолога*» (подчеркнуто мной.— *Л. Р.*) [250].

Оставаясь великим психологом, но в пределах другой творческой задачи — быть

«реалистом в высшем смысле», Достоевский рисует сложнейший духовный мир своих героев, в котором много осознанного и еще больше подсознательного, «таинственного». Человек показан в его многообразных и часто неуследимых связях с другими личностями, обществом, народом, человечеством, вселенной. Достоевского особенно интересует человек в минуты катастроф, когда эти сложные и противоречивые связи острее обнажены и ярче осознаны. Понять природу душевных движений человека в эти роковые мгновения значило (по Достоевскому) приблизиться к решению «загадки человека». Но только приблизиться, ибо «начала и концы» он всегда полагал «фантастическими», хотя именно к ним стремилось его творческое воображение. Вряд ли Достоевский считал реалистом в этом высшем понимании одного себя. Наверное, он причислил бы к реалистическим «в высшем смысле» произведения и Сервантеса, и Пушкина, создателя Алеко, Татьяны, Германна, Дон-Гуана, имена которых настойчиво упоминаются в записных тетрадях. Сюда же конечно, отнес бы он и Гюго — автора «Последнего дня приговоренного к казни», и Толстого, написавшего трагические картины болезни и самоубийства Анны Карениной.

Рассуждения Достоевского в записных тетрадях о соотношении сатиры и трагедии важны для понимания его взгляда на «реализм в высшем смысле». В обличении зла Достоевский видел великую силу искусства и высоко ценил сатиру, но требовал от нее непременно положительного идеала, если и не прямо выраженного, то находящегося в подтексте, или, как тогда любили говорить, в «подкладке». Достоевский признавал лишь обличителей страдающих, чувствующих личную ответственность за все, что совершается в мире. В этом качестве он несправедливо отказывал Чацкому и современным сатирикам («Сатира наша, высказавшись положительно, боится потерять свое обаяние, боится, что скажут ей: „А, так вот, что у вас в подкладке, немного же“» — стр. 608). Достоевский, судя по черновым заметкам, хотел написать большую статью о сатире и трагедии, сопоставив, в частности, Алеко и Чацкого. Симпатии Достоевского принадлежат здесь Алеко; этот герой внутренне очень близок творцу Раскольникова: «№. Алеко — убил. Сознание, что он сам не достоин своего идеала, который мучает его душу. Вот преступление и наказание. (Вот сатира!)» — стр. 606. И несколько дальше: «№. Алеко. Разумеется, это не сатира, а трагедия. Но разве в сатире не должно быть трагизма? Напротив, в подкладке сатиры всегда должна быть трагедия. Трагедия и сатира — две сестры и идут рядом, и имя им обеим, вместе взятым: *п р а в д а*» (стр. 608).

В той формуле «реализма в высшем смысле», которую записал в тетради Достоевский, есть еще один аспект: «Найти человека в человеке». Это значит обнаружить в современном человеке, изуродованном всей системой существующих отношений, хоть каплю подлинной человечности. Будучи верным правде жизни («при полном реализме»), показать условия проявления такой человечности. Здесь, как и везде, где Достоевский касается своего положительного идеала, он говорит о христианстве («ибо направление мое истекает из глубины христианского духа народного»). И как везде, Достоевский вкладывает в это понятие прежде всего высокий нравственный смысл. «„Образить“ — слово народное: дать образ, восстановить в человеке образ человеческий», — записывает Достоевский (стр. 414). Здесь речь все о том же — о желании найти «человека в человеке». В более ранней записной тетради Достоевский дает характерное определение эстетики, исходя из главной задачи собственного творчества: «Эстетика есть открытие прекрасных моментов в душе человеческой самим же человеком для самосовершенствования» (стр. 292). Идея эта в несколько иной форме была выражена писателем еще в начале 60-х годов в редакционном предисловии «Времени» к роману Гюго «Собор Парижской богоматери». Достоевский пишет о Гюго: «Его мысль есть основная мысль всего искусства девятнадцатого столетия и этой мысли Виктор Гюго как художник был чуть ли не первым провозвестником. Эта мысль христианская и высоконравственная; формула ее — восстановление погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков. Эта мысль — оправдание униженных и всеми отринутых парий общества. 〈...〉 Виктор Гюго чуть ли не главный провозвестник этой идеи „*восстановления*“ в литературе нашего века» [251]. Совершенно очевидно, что между идеей «восстановления» и стремлением «найти человека в человеке» существует глубокое различие, запечатлев-

шее идейный путь, пройденный Достоевским за два десятилетия. В первом случае пафос Достоевского — преимущественно социальный, направленный на общественные преобразования, во втором — преимущественно нравственный. Но весь этот путь Достоевский прошел с мечтой о свободном и прекрасном человеке, который когда-нибудь станет героем лучшего произведения XIX столетия: «Проследите все европейские литературы нашего века, и вы увидите во всех следы той же идеи, и, может быть, хоть к концу-то века она воплотится, наконец, вся, целиком, ясно и могущественно в каком-нибудь таком великом произведении искусства, что выразит стремления и характеристику своего времени так же полно и вековечно, как, например, „Божественная комедия" выразила свою эпоху средневековых католических верований и идеалов» [252].

Откроем вновь записную тетрадь 1876 г.: «...дурной человек, делающийся вдруг прекрасным в обороте жизни при наитии нормальных, естественных чувств» (стр. 447). В этой небольшой черновой записи заключено несколько дорогих для Достоевского мыслей. Достоевский считает, что путь к добру и справедливости не заказан ни одному человеку, даже дурному, что в этом следует видеть нормальное явление, победу естественных чувств. Большое значение он придавал внезапности душевного переворота («человек, делающийся вдруг прекрасным»). Впечатление неожиданности происходящей перемены («вдруг») в значительной степени внешнее. Так оно подчас воспринимается окружающими и даже самим героем, но Достоевскому-психологу удается показать, как исподволь подготавливалось это «вдруг», «наитие» новых мыслей и чувств. Не «вдруг» принес покаяние Родион Раскольников, не «вдруг» восстала против своих оскорбителей Настасья Филипповна (хотя всем показалось, что именно так), не «вдруг» решил пострадать за «дите» Митя Карамазов, не «вдруг» брат его Иван явился в суд дать показания об истинном убийце Федора Павловича. И не «вдруг» герой рассказа «Кроткая» пришел одновременно и к духовному возрождению и к полной катастрофе.

«Кроткая», по словам Салтыкова-Щедрина,— «жемчужина», каких «немного в мировой литературе» [253]. Действительно, в этом небольшом рассказе самые сильные стороны Достоевского отразились выпукло, концентрированно, в совершенной форме. И окончательный текст рассказа, занимающий весь ноябрьский выпуск «Дневника писателя» 1876 г., и творческие рукописи к нему обнаруживают, в частности, как полно проявились в этой работе эстетические убеждения Достоевского. Рассказ, названный «фантастическим», основан на реальном трагическом происшествии. Из газетного сообщения о самоубийстве бедной швеи взят лишь один, но важнейший для Достоевского факт: девушка выбросилась из окна с образом в руках; все остальное — характеры обоих героев, их взаимоотношения идут только от Достоевского и не связаны с реальным событием. Но необычный характер самоубийства возбуждает творческую фантазию писателя. Первая запись: «С образом из окна» (стр. 572). Постепенно характер будущей героини вырисовывается при сопоставлении с другой самоубийцей — дочерью Герцена. Следующая запись: «1) Две смерти. Дочь Герцена. Холодный мрак и скука. 2) Потом из окна с образом. Смиренное самоубийство. Мир божий не для меня. Как-то потом долго думается» (стр. 578). И несколько ниже опять: «Герцен./ С образом» (стр. 583). На этой стадии самоубийство девушки с образом мыслится, по-видимому, как тема публицистической статьи, подобно статье о дочери Герцена. Но вскоре, сохраняя внутреннюю связь с общей темой о двух самоубийствах, сюжет о девушке с образом приобретает самостоятельность и превращается в художественный замысел. Самое раннее свидетельство об этом — такая запись: «Осмотреть старый материал сюжетов повестей (из романа, Дети, Девушка с образом)» (стр. 588). Как можно судить по дальнейшим записям, в очень скором времени основное содержание повести и даже ее форма (исповедь героя) сложились достаточно определенно, и в той редакции, которая близка к окончательной.

Уже в связи с повестями 60-х годов мы отмечали, что творческая работа Достоевского над малыми жанрами существенно отличалась от работы романиста. Замысел и стиль рассказа в основных чертах возникали сразу, на едином дыхании. Приступив к воплощению замысла рассказа под названием «Кроткая» («Запуганная»), Достоевский записывает характерные реплики сбивчивой исповеди героя. Это — «опорные» записи

для создания связного текста (с указаниями себе, автору, как лучше использовать их в композиции рассказа, которая тоже определилась): «С строгим удивлением — С горстку — Все это будет возрастать (т. е. впечатление в дальнейшем)» —стр. 594. В самом деле, эти записи очень значительны для характеристики душевного состояния героев. Первая относится к *ней* и с пронзительной точностью, одной лишь деталью передает трагическое самочувствие героини, по-детски целомудренной, удивленной тем, что после всего происшедшего можно еще надеяться на любовь. «Она опять вздрогнула и отшатнулась в сильном испуге, глядя на мое лицо, но вдруг,— *строгое удивление* выразилось в глазах ее. Да, удивление и *строгое*. Эта строгость, это строгое удивление разом так и размозжили меня: „Так тебе еще любви? любви?" — как будто спросилось вдруг в этом удивлении, хоть она и молчала» [254]. Так развернута короткая заметка черновой рукописи в окончательном тексте. По записям к «Кроткой», как бы пунктиром прочерчивающим всю линию исповеди героя, ясно ощущается, что каждая определяет большой комплекс чувств и отношений, уже продуманных автором.

Часто одна деталь обозначает для Достоевского целый художественный образ, сложившийся в его представлении. Емкость такой детали очень велика. Следующая фраза — «С горстку» многое говорит о характере переживаний рассказчика. Это обрывок фразы, которую кто-то произнес над трупом самоубийцы: она лежала совсем как живая, только немножко крови вылилось, «с горстку». Эти слова неотвязно мелькают в мозгу несчастного, выражая его полную растерянность, душевное смятение. И еще одно — невозможность поверить в то, что случившееся непоправимо: ведь она лежит совсем как живая, никаких царапин, и крови после падения было всего лишь «с горстку». Как мало еще писалось о необычайном лаконизме Достоевского, умевшего маленькой деталью обозначить столь многое! Характерное свойство Достоевского — определять сложный образ одним или несколькими, почти нарицательными словами (подполье, мечтательство, люди из бумажки и т. д.) и, наоборот,— маленькое наблюдение, даже поговорку, развертывать в большую художественную картину.

Интересна запись, не получившая отражения в тексте повести: «Портрет Папы, в Эрмитаже». Речь идет, конечно, о портрете Иннокентия X Веласкеса. Подобно тому, как картины Г. Гольбейна-младшего «Снятие с креста» (в «Идиоте») и «Ассиз и Галатея» Клода Лоррена (в «Подростке») символически воплощали важные темы этих произведений, портрет Иннокентия X соотнесен с характером героя «Кроткой». В повести говорится, что, утверждая свою полную власть над «кроткой» в качестве некоего загадочного и сильного существа и держа ее почти в заточении, муж считал, однако, нужным изредка выводить ее из дому, бывать, например, в театре. Может быть, однажды не без умысла он должен был привести ее в Эрмитаж, чтобы насладиться тем впечатлением, которое произведет на юную душу лицо умного и жестокого властителя с выражением превосходства и какой-то неразгаданной тайны. Для Достоевского характерно стремление обнаружить внутреннюю связь между подпольным мечтательством (с гордыней обособления, жаждой власти над людьми) и идеями католицизма.

Публикуя первоначальные наброски к рассказу «Кроткая», мы имеем возможность проследить все этапы создания произведения. Рукопись, напечатанная в 1925 г. А. С. Долининым [255], представляет уже связный текст. Но текст этот еще далек от окончательного, в частности, там нет всех названий глав. Продолжая работу, Достоевский вновь обратился к записной тетради и здесь дал полный и уже последний перечень заглавий (стр. 600).

Изучение творческих рукописей этого шедевра Достоевского дает возможность увидеть, как обретали плоть любимые идеи автора. Перед нами две сильные человеческие личности, показанные в самые трагические минуты жизни, не только в своем «прямом», но, как говорит рассказчик, и в «обратном характере» [256]. Бунт «кроткой» и духовное возрождение «подпольного мечтателя». Социальная атмосфера обрисована исчерпывающе глубоко. Но дело не только в том, что героине «уж некуда было идти» [257], а ее муж, с юности желавший отомстить обществу, избрал жертвой самого близкого человека. Еще важнее, что каждый из них со своей болью, надеждами, добрыми порывами, фатально одинок, между ними стена непонимания, косность, а все люди вместе

слагаются в одинокое во вселенной человечество. Как сказано у Тютчева: «Нам мнится: мир осиротелый / Неотразимый Рок настиг! / И мы, в борьбе, с природой целой / Покинуты на нас самих». Трагедия личная и социальная перерастает в трагедию народную и даже вселенскую (таков, по Достоевскому, «реализм в высшем смысле»): «Косность! О, природа! Люди на земле одни — вот беда! „Есть ли в поле жив человек?" — кричит русский богатырь. Кричу и я, не богатырь, и никто не откликается. ⟨...⟩ Одни только люди, а кругом них молчание — вот земля!» [258]. «Молчание» было системой поведения героя рассказа по отношению к «кроткой» («Я на молчание напер»), но, видимо, это и система существования всего общества (построенная на равнодушии и косности) и всего мироздания. Прорвать этот «заговор молчания» может, по убеждению писателя, лишь человек своим подвигом нравственности, душевной красоты. «Найти человека в человеке». Достоевский находит его в обоих героях рассказа. Оказалось, что в душе мрачного ростовщика, любившего скрашивать свою неприглядную роль цитатами из Гете, жила мечта о настоящей большой любви, ради которой он готов был навсегда бросить кассу ссуд и уехать в далекий, прекрасный край, в Булонь: «Весна, Булонь! Там солнце, там новое наше солнце...». Казалось, счастье было так возможно, так близко... Но вспомним слова Достоевского: «при полном реализме». «При полном реализме» оказывается, что даже «рай» герой мыслит не иначе, как в пределах привычного обособления: «Не знаешь ты, каким бы раем *я оградил* тебя» [259] (подчеркнуто мной.— *Л. Р.*). Трудно пробить косность в окружающем мире, не легче пробить ее и в себе самом. «Всего только пять минут опоздал!». «Я великодушен, она тоже — вот и точка соединения! Еще бы несколько слов, два дня не больше, и она бы все поняла» [260]. В порыве безумного страдания герой искренне заблуждается, думая, что все происшедшее — результат чистого случая. Это страдание в глазах Достоевского дает ему моральное право на бунт в финале исповеди и даже на богоборчество, хотя и не снимает с него трагической вины. Как бы ни стремился Достоевский приблизить «возрождение» человека, он не желал подменять трагедию идиллией. Так «литература отчаяния» и «литература красоты» продолжали в его творчестве свой вечный поединок.

В статье о рассказе «Кроткая», напечатанной в 1925 г., А. С. Долинин писал: «Наш анализ, к сожалению, очень беглый, должен здесь на этом остановиться: по причинам, не от нас зависящим. Но вырастет новый серьезный читатель, настанут лучшие дни для истории литературы: к тому времени Московский Центрархив уж опубликует свои варианты к большим произведениям Достоевского. И тогда станет возможным шире и глубже решать вопросы, касающиеся приемов его творчества» [261]. Теперь все материалы из дошедших до нас рабочих тетрадей Достоевского, относящиеся к его большим романам, изданы. Завершилось это издание выпуском в свет тома 77 «Литературного наследства», где напечатаны все творческие рукописи «Подростка». Материалы, публикуемые в настоящем томе, и по объему, и по содержанию представляют самую значительную из той части рукописного наследия Достоевского, которая до сих пор оставалась еще неизданной.

Перед исследователями открывается новый, богатейший источник для изучения личности и творчества Достоевского.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ф. М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений, XI, стр. 146.
[2] «Письма», IV, стр. 62.
[3] Там же, стр. 6—7.
[4] Там же, стр. 137.
[5] См. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. М., «Сов. писатель», 1963.
[6] «Письма», III, стр. 225.
[7] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 48, стр. 73—77.
[8] Там же, стр. 114—116.
[9] Там же, стр. 14.
[10] Там же, стр. 76.

[11] Там же, стр. 14.
[12] Там же, стр. 69.
[13] Там же, стр. 107 и далее.
[14] XI, 134.
[15] М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского, стр. 338—339.
[16] X, 40.
[17] XI, 408.
[18] «Письма», I, стр. 430—432.
[19] Там же, стр. 433.
[20] А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. М.— Л., «Сов. писатель», 1963, стр. 325 и 327.
[21] Сообщено Л. Р. Ланским.
[22] А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах. М., Изд-во АН СССР, т. XXVII, кн. 1, стр. 247.
[23] Ф. М. Достоевский. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883, стр. 240.
[24] «Жизнь и труды Достоевского», стр. 115.
[25] «Письма», II, стр. 311.
[26] «Биография...», стр. 244.
[27] «Письма», II, стр. 29.
[28] Этот вопрос рассмотрен нами в статье «Творческая лаборатория Достоевского-романиста» в т. 77 «Лит. наследства» (стр. 29—32).
[29] М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в 20 томах, т. 9. М., «Художественная литература», 1970, стр. 413.
[30] Н. Страхов. Из истории литературного нигилизма. 1861—1865. СПб., 1890, стр. 167.
[31] ЦНБ АН УССР, III, 19095. Сообщено Л. Р. Ланским.
[32] «Биография...», стр. 299.
[33] «Русский вестник» 1901, № 1, стр. 130.
[34] Там же.
[35] ЦНБ АН УССР, III, 19007.
[36] «Письма», III, стр. 148.
[37] Там же, стр. 154.
[38] Там же, стр. 155.
[39] «Письма», II, стр. 166—167.
[40] Там же, стр. 366.
[41] «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым». Изд. Об-ва Толстовского музея. СПб., 1914, стр. 307—308.
[42] «Биография...», стр. 302.
[43] ЦНБ АН УССР, I, 5239а.
[44] VI, 489.
[45] «Письма», III, стр. 204—205.
[46] Там же, стр. 219.
[47] Там же, стр. 233.
[48] «Письма», IV, стр. 93.
[49] «Лит. наследство», т. 15, стр. 139.
[50] «Письма», III, стр. 211.
[51] Там же.
[52] «Лит. наследство», т. 77, стр. 208 и 274.
[53] «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников», т. 2. М., 1964, стр. 416.
[54] XI, 27—28.
[55] «Письма», II, стр. 289.
[56] XI, 44—45.
[57] «Биография...», стр. 28.
[58] «Письма», IV, стр. 109.
[59] «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников», т. 2, стр. 383.
[60] «Письма», IV, стр. 108—109.
[61] «Письма», III, стр. 206.
[62] «Письма», IV, стр. 339.
[63] «Письма», III, стр. 202.
[64] XI, 29.
[65] Там же, 70.
[66] «Письма», III, стр. 267.
[67] XI, 93.
[68] Там же, 115.
[69] Там же, 125.
[70] Там же, 158.
[71] Там же, 194.
[72] Там же, 196.
[73] Там же, 204.

[74] XI, 208.
[75] Там же, 212—213.
[76] XII, 200.
[77] XI, 139.
[78] «Письма», IV, стр. 63.
[79] Там же, стр. 143.
[80] «Письма», III, стр. 206.
[81] Там же, 206—207.
[82] XI, 333.
[83] «Письма», III, стр. 207.
[84] XIII, 198.
[85] Там же, 206.
[86] Там же, 285.
[87] Там же, 234.
[88] Там же, 267.
[89] Там же, 281.
[90] Там же, 285.
[91] Там же.
[92] Там же, 503.
[93] Там же, 73.
[94] Там же, 74.
[95] Там же, 95.
[96] Там же, 235—236.
[97] Там же, 238.
[98] Там же, 505.
[99] Там же, 212—213.
[100] «Письма», I, стр. 142.
[101] «А. А. Григорьев. Материалы для биографии». Под ред. Вл. Княжнина. Пг., изд. Пушкинского Дома, 1917, стр. 267.
[102] Там же.
[103] «Биография...», стр. 235.
[104] XIII, 293—294.
[105] Там же, 288.
[106] Там же, 290.
[107] Там же, 508.
[108] «Письма», III, стр. 312—313.
[109] Там же.
[110] XI, 427.
[111] IX, 231.
[112] Там же, 219.
[113] II, 459.
[114] XIII, 51—52.
[115] М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в 20 томах. М., 1968, т. 6, стр. 85.
[116] Там же, т. 3, стр. 288.
[117] Там же, т. 1, стр. 324.
[118] Там же, т. 6, стр. 528.
[119] Там же, т. 9, стр. 413.
[120] XI, 28.
[121] Там же, 25.
[122] IV, 214.
[123] XIII, 476.
[124] «Письма», I, стр. 85.
[125] Там же, стр. 87.
[126] Там же, стр. 86—87.
[127] Там же, стр. 88—89.
[128] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., Изд-во АН СССР, 1956, т. X, стр. 40.
[129] «Письма», I, стр. 257.
[130] I, 183—189.
[131] Там же, 152.
[132] Там же, стр. 244 и 8.
[133] «Письма», I, стр. 82.
[134] IV, стр. 195.
[135] I, стр. 176.
[136] XII, стр. 297—298.
[137] «Письма», II, стр. 174.
[138] Там же, стр. 100.
[139] «Письма», I, стр. 198.
[140] Там же, стр. 108.
[141] «Письма», IV, стр. 303.

142 XI, 147.
143 «Письма», I, стр. 142.
144 XI, 123.
145 Там же, 215.
146 «Лит. наследство», т. 15, стр. 138.
147 Там же, стр. 139.
148 Там же, стр. 131.
149 XI, 425.
150 Там же, 493.
151 «Лит. наследство», т. 15, стр. 139.
152 Н. К. Михайловский. Сочинения. Изд. редакции журнала «Русское богатство». СПб., 1896, т. I, стр. 868.
153 Там же, стр. 840—872.
154 Там же, стр. 828.
155 В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. I, стр. 262—263.
156 А. С. Долинин. Последние романы Достоевского, стр. 9—13.
157 Н. К. Михайловский. Сочинения, т. I, стр. 866.
158 Там же, стр. 865.
159 Там же, стр. 869.
160 XIII, 449.
161 Там же.
162 Там же, 450.
163 Н. К. Михайловский. Сочинения, т. I, стр. 826.
164 XI, 74—75.
165 Там же, 132.
166 Там же.
167 Там же, 134.
168 Там же, 135.
169 Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч. СПб., 1909, т. III, стр. 136.
170 Там же, стр. 149.
171 Там же, стр. 151.
172 Там же, стр. 177.
173 IX, 242—243.
174 В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 23.
175 Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 678, 685.
176 Там же, стр. 683.
177 Там же, стр. 178.
178 Там же, стр. 154.
179 IX, 257.
180 Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 449.
181 Там же, стр. 457—458.
182 Там же, стр. 301—302.
183 Там же, стр. 889.
184 Там же, стр. 890.
185 Там же, стр. 302.
186 Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., СПб., 1909, т. IV, стр. 235.
187 Там же, стр. 222.
188 XII, 355—356.
189 См. публикацию Г. С. Померанца в томе «Литературного наследства» «Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования».
190 С. Степняк. Подпольная Россия. СПб., 1906, стр. 29.
191 Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч. СПб., 1913, т. X, стр. 67—70.
192 «Письма», IV, стр. 16—19.
193 Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 942.
194 XI, 148.
195 Там же, 187.
196 Там же, 191.
197 Там же, 298.
198 Там же, 414.
199 Там же, 494,
200 Там же, 211.
201 XII, 210.
202 Там же.
203 Там же.
204 XI, 147.
205 «Письма», IV, стр. 7.
206 X, 178.
207 «Лит. наследство», т. 77, стр. 64.
208 «Письма», IV, стр. 157.
209 Там же, стр. 148.

[210] «Письма», IV, стр. 157.
[211] Там же, стр. 170.
[212] Там же, стр. 171.
[213] «Варшавский дневник», 1880, № 169, 7 августа.
[214] «Лит. наследство», т. 15, стр. 145.
[215] «Письма», IV, стр. 182.
[216] Там же, стр. 195.
[217] Там же, стр. 189.
[218] Там же, стр. 186.
[219] Там же, стр. 189.
[220] Г. И. Успенский. Полн. собр. соч. М.— Л., Изд-во АН СССР, т. 6, стр. 427.
[221] Щедрин. Собр. соч. в 20 томах. М., 1939, т. 19, стр. 159—160.
[222] Н. К. Михайловский. Полное собр. соч., т. IV, стр. 922.
[223] Цит. по кн.: П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., Изд-во МГУ, 1964, стр. 108—109.
[224] «Письма», III, стр. 178.
[225] XII, 426.
[226] Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 949.
[227] Там же, стр. 957.
[228] Там же, стр. 947.
[229] Там же, стр. 956.
[230] Там же, стр. 949.
[231] «Письма», IV, стр. 190.
[232] Там же, 154.
[233] XI, 199—205.
[234] Там же, 201.
[235] Там же, 202—203.
[236] Там же, 423.
[237] Там же.
[238] Там же.
[239] Там же.
[240] «Письма», IV, стр. 190.
[241] Там же, стр. 221.
[242] Там же, стр. 178.
[243] XIII, 523—524.
[244] «Лит. наследство», т. 77, стр. 342—343.
[245] «Письма», III, стр. 203.
[246] М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского, стр. 82.
[247] Там же.
[248] Б. С. Мейлах. Талант писателя и процесс творчества. Л., «Сов. писатель», 1969, стр. 232.
[249] М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского, стр. 83.
[250] «Письма», IV, стр. 124.
[251] XIII, 526.
[252] Там же.
[253] «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1957, стр. 606.
[254] XI, 468.
[255] «Достоевский. Статьи и материалы». Сб. II. М.— Л., «Мысль», 1925.
[256] XI, 457.
[257] Там же.
[258] Там же.
[259] Там же, 474.
[260] Там же, 473.
[261] «Достоевский. Статьи и материалы». Сб. II, стр. 437.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ ХУДОЖНИКА И ПУБЛИЦИСТА

Статья Г. М. Фридлендера

1

С начала 1860-х годов Ф. М. Достоевский систематически пользовался записными книжками и рабочими тетрадями, куда он заносил черновые заметки, планы будущих произведений, записи и наброски к ним. Публикация отдельных заметок из записных книжек и рабочих тетрадей писателя началась уже вскоре после его смерти: в 1883 г., в первом томе посмертного полного Собрания сочинений Достоевского, изданного его вдовой под редакцией Н. Н. Страхова и О. Ф. Миллера, был помещен ряд отрывков, озаглавленных «Из записной книжки Ф. М. Достоевского». Другие разрозненные черновые заметки и наброски, извлеченные из записных книжек и тетрадей, были опубликованы А. Г. Достоевской (или с ее разрешения) в журналах «Северный вестник» (1891, № 11), «Новый путь» (1904, №№ 1, 2), «Былое» (1907, № 8), а также в VIII томе изданного А. Г. Достоевской в 1906 г. юбилейного издания сочинений писателя (часть черновых материалов к «Бесам»).

Новый период в истории публикации записных тетрадей, как и всего рукописного наследия Достоевского, начался после Октябрьской революции. В 1922—1931 гг. Н. Л. Бродский извлек из записных тетрадей план «Жития великого грешника» и ряд других черновых набросков неосуществленных творческих замыслов, Р. И. Аванесов в 1927 г. опубликовал заметки, связанные с проектом переработки «петербургской поэмы» «Двойник», а Н. Ф. Бельчиков в 1928 г.— материалы к «Крокодилу». В 1931 г. в издании Центрархива под общим названием «Из архива Ф. М. Достоевского» вышли неизданные материалы из записных тетрадей к «Преступлению и наказанию» (публиковавшиеся И. И. Гливенко с 1925 г.) и материалы к «Идиоту», изданные под редакцией П. Н. Сакулина и Н. Ф. Бельчикова. В 1935 г. издательством «Academia» были напечатаны полностью подготовленные Е. Н. Коншиной четыре «Записные тетради Ф. М. Достоевского», содержащие заметки и наброски к «Бесам», а также к другим творческим замыслам 1869—1872 гг. Тогда же А. С. Долининым в сборнике Института р усской литературы АН СССР «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования» в серии «Литературный архив» были изданы черновые записи к «Братьям Карамазовым» (сделанные большею частью на отдельных листках, а не в особой тетради, как в остальных перечисленных случаях). Наконец, в 1965 г. в томе 77 «Литературного наследства» А. С. Долининым были опубликованы и прокомментированы творческие рукописи «Подростка» [1]. Многие из названных текстов были впоследствии переведены на иностранные языки и в этом виде стали достоянием также и зарубежного читателя.

В настоящем томе редакция «Литературного наследства» печатает еще три записные книжки и восемь рабочих тетрадей Достоевского, публикация которых завершает в основном издание всего цикла его рукописных материалов, известных в настоящее время. (Сюда входят и заметки из записных тетрадей к «Подростку», тематически не связанные с романом, а потому перенесенные в настоящий том.)

Пять записных книжек и тетрадей относятся к первой половине 60-х годов, к периоду издания журналов «Время» и «Эпоха» (1861—1865), три — к 1872—1875 гг., две — к 1875—1877 гг., ко времени работы над «Дневником писателя», и одна — к 1880—1881 гг.

В отличие от ранее изданных материалов из записных тетрадей, содержавших, главным образом, наброски и черновые варианты художественных произведений (или заметки автобиографического характера), вновь публикуемая группа материалов включает как тексты, отражающие работу Достоевского над рядом его художественных замыслов — завершенных и не доведенных до конца, так и наброски к его литературно-критическим статьям и публицистике. Черновые заметки и наброски к статьям 1861—1865 гг. и к «Дневнику писателя» за 1876 и 1881 гг., планы очередных номеров «Времени», «Эпохи», «Дневника писателя», заметки, связанные с журнальной полемикой и отражающие часто непосредственную реакцию Достоевского на отдельные эпизоды литературно-общественной борьбы тех лет, составляют в количественном отношении бо́льшую часть материалов данных тетрадей, хотя, наряду с записями литературно-критического и публицистического характера, в них содержатся также и очень важные творческие и автобиографические материалы. Таковы впервые публикуемые здесь полностью планы романов «Отцы и дети» (1876) и «Мечтатель» (1876—1877), черновые материалы к «Двойнику», «Пьяненьким», «Крокодилу», «Скверному анекдоту», «Кроткой» и к другим произведениям. Рядом с ними в тетрадях содержатся многочисленные биографические заметки, без учета которых невозможна работа над научной биографией Достоевского и подготовка нового, расширенного издания летописи его жизни и творчества.

Таким образом, трудно переоценить важность вновь публикуемых материалов из записных тетрадей Достоевского. Они имеют первостепенное значение для решения многих вопросов жизни и творчества писателя, для понимания многих его замыслов, его общественных и литературно-эстетических позиций, особенностей его журнальной работы, его поэтики и литературного мастерства.

Несмотря на то, что записные книжки и рабочие тетради, публикуемые в настоящем томе, до сих пор не были разобраны и изданы полностью, часть заключенных в них черновых материалов уже и в прошлом многократно привлекала к себе внимание исследователей биографии и творчества Достоевского. Отдельные записи из этих тетрадей были изучены в советские годы Л. П. Гроссманом [2], Р. И. Аванесовым [3], Н. Ф. Бельчиковым [4], С. С. Борщевским [5] и другими. Однако каждый из поименованных исследователей подходил к содержанию записных тетрадей, руководствуясь частной, специальной темой своей работы. Л. П. Гроссманом были прочитаны и опубликованы несколько отрывков биографического характера; Р. И. Аванесов воспользовался для воссоздания творческой истории «Двойника» относящимися к проектам переработки этой повести черновыми материалами; Н. Ф. Бельчиков извлек из рукописного наследия Достоевского и напечатал черновые материалы к «Крокодилу», полемические отзывы о «Дыме» Тургенева и т. д.; С. С. Борщевский выделил из различных записных тетрадей и прокомментировал заметки, относящиеся к Щедрину и его произведениям, а также к идеологическим спорам между Щедриным и Достоевским. Однако записи, опубликованные этими и другими, не названными здесь учеными, составляют лишь незначительную часть материалов, содержащихся в публикуемых тетрадях. Кроме того, прежнее изучение этих записей и выводы, сделанные на его основании, носили во многом предварительный характер, поскольку не был расшифрован и тщательно изучен весь текст данной записной книжки (или тетради), а следовательно, не был определен и тот конкретный контекст, в котором находится в ней та или другая привлекавшая внимание исследователей запись. Поэтому можно с полным правом сказать, что лишь после настоящей — полной — публикации материал указанных тетрадей не только станет доступным каждому исследователю Достоевского, но и возникнет та прочная основа, которая поможет избежать субъективизма и возможных неточностей при его интерпретации.

Подчеркивая важное значение вновь издаваемых записных тетрадей великого русского романиста, нужно в то же время предостеречь читателя и от одного неправильного вывода, который может быть сделан при недостаточно вдумчивом изучении этих тетрадей. В 1920-е годы, когда впервые были собраны и прокомментированы письма Достоевского и опубликована большая группа его дотоле неизвестных рукописных материалов, в научной литературе о Достоевском нередко давала о себе знать односторонняя тенденция (которая в те времена была в известной мере характерна не только для изучения Достоевского, но и для изучения творчества других писателей XIX в.). Увле-

ченные новизной архивного материала, впервые ставшего благодаря Октябрьской революции достоянием науки, исследователи тех лет нередко подпадали под своеобразный гипноз, вызванный обилием этого материала, и в результате в их работах нарушались необходимое чувство меры и исследовательский такт. Исходя из того, что в письмах и черновиках Достоевский и другие писатели XIX в. могли не бояться цензуры и не были связаны литературно-тактическими соображениями, исследователи 20-х и 30-х годов нередко односторонне и неправильно освещали значение вновь открытых рукописных текстов, становясь на путь противопоставления их изданному самим писателем печатному тексту. Отзвуки подобного неправомерного противопоставления рукописных текстов печатным, противопоставления, приводившего исследователя к безосновательным упрекам по адресу писателя в «неискренности», сокрытии им будто бы в печати своих истинных суждений, к предпочтению ученым оценок, извлеченных из рукописей писателя, оценкам и суждениям, высказанным последним в его опубликованных произведениях,— можно порою встретить и в исследовательской литературе о Достоевском вплоть до последнего времени (примером здесь может служить весьма содержательная в целом, но часто односторонняя и спорная по истолкованию материала книга С. С. Борщевского «Щедрин и Достоевский»).

Приступая к изучению записных книжек и тетрадей Достоевского, мы, конечно, должны учитывать, что перед нами — не законченные и обдуманные произведения, а беглые рабочие записи, сделанные обычно наспех, под непосредственным впечатлением тех или других событий. Записи эти отражают не столько прочные, установившиеся результаты мысли писателя, сколько самый ход его размышлений, а нередко даже лишь первоначальную, предварительную их стадию. Они отражают процесс «нащупывания» и развития Достоевским важных и существенных для него в дальнейшем выводов, но одновременно и те «издержки», которые обычно присутствуют во всяком процессе мысли и во всякой творческой работе на первой, начальной ступени, когда мысль еще только зарождается и формируется. Писатель продолжал размышлять над теми же вопросами и впоследствии, привлекая новые факты и соображения. При этом многое из мыслей и оценок, зафиксированных в первоначальных записях, получало иную, более зрелую формулировку, а иногда и отбрасывалось вовсе как не соответствующее окончательным, итоговым выводам. Таким образом, для того, чтобы правильно оценить ту или иную черновую запись, содержащуюся в записной тетради, нужно всегда учитывать весь ход дальнейшего развития мысли Достоевского (отраженный в других, позднейших рукописях, а также в законченных писателем художественных произведениях и статьях) — с целью всесторонней оценки места и значения данной записи. Лишь в результате подобного подхода мы можем определить, получили ли выражение в интересующей нас черновой записи мысль или намерение, имевшие существенное, важное значение для писателя в процессе дальнейшего их обдумывания, или же, напротив, они были позднее пересмотрены и отброшены. Без этого обращение к записным тетрадям Достоевского может легко оказаться столь же бесплодным, сколь оно будет полезным и плодотворным для исследователя, исходящего из правильной оценки назначения и самого характера заметок Достоевского в его записных книжках и тетрадях,— исследователя, учитывающего «рабочий», предварительный характер этих заметок, зачастую сделанных романистом в процессе уяснения вопроса самому себе и предназначенных служить материалом для дальнейшего, более всестороннего и углубленного размышления.

2

В научной литературе о Достоевском уже не раз отмечалось своеобразие его записных книжек и рабочих тетрадей и давалась общая их характеристика [6]. Одна из особенностей записных книжек и тетрадей Достоевского — пестрота и разнообразие их содержания, другая — своеобразная «чересполосица», образовавшаяся в результате столкновения на одних и тех же страницах разновременных и разнохарактерных записей. Достоевский вносит в одну и ту же тетрадь весьма несходные по тематике, по характеру и назначению заметки и наброски. Поэтому в одних и тех же записных книжках 1860-х годов мы найдем и заготовки творческого порядка, и планы будущих статей, и просто

отрывочные заметки, сделанные впрок, для памяти, и, наконец, деловые записи, относящиеся к изданию «Времени» и «Эпохи». Точно так же в рабочих тетрадях 1870-х и 1880-х годов мы встретим рядом с записями, предназначенными для «Дневника писателя», планы неосуществленных художественных произведений, автобиографические заметки, разрозненные мысли, афоризмы и другие материалы.

Самая ранняя из записных книжек Достоевского, публикуемых в настоящем томе, относится к 1860—1862 гг., т. е. ко времени издания М. М. и Ф. М. Достоевскими журнала «Время». Из художественных текстов она содержит заметки к «Запискам из Мертвого дома», несколько записей к «Скверному анекдоту» и наброски, предназначенные для задуманной, но не доведенной до конца переработки «Двойника», продолжающиеся во второй, хронологически следующей книжке 1862—1864 гг. Последняя группа материалов, как указывалось выше, была опубликована в 1927 г. Р. И. Аванесовым в его исследовании «Достоевский в работе над „Двойником"». В настоящем томе материалы данной тетради впервые печатаются полностью, с исправлением неточностей и ошибок, допущенных в прежних публикациях.

Названные черновые записи, относящиеся к художественным произведениям Достоевского, занимают сравнительно небольшую часть записной книжки. Остальные ее страницы заполнены заметками, относящимися не к художественным замыслам Достоевского, а к его литературно-критическим и публицистическим статьям и к программным материалам журнала «Время».

Возвратившись в конце 1859 г. в Петербург, Достоевский вскоре становится идейным руководителем и фактическим редактором «Времени», издававшегося с января 1861 по апрель 1863 г. старшим братом писателя М. М. Достоевским. Кроме братьев Достоевских, ближайшими сотрудниками журнала были Аполлон Григорьев, Н. Н. Страхов, А. Н. Майков, Я. П. Полонский, В. В. Крестовский. Во «Времени» были помещены «Записки из Мертвого дома» (1861—1862), роман «Униженные и оскорбленные» (1861), «Скверный анекдот» (1862), «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863), а также значительное число имевших для журнала программное значение литературно-полемических статей Достоевского и написанных им редакционных заметок.

Свою позицию в общественной борьбе периода демократического подъема начала 1860-х годов Достоевский сформулировал в написанных им «Объявлениях об издании „Времени"» и в серии статей, печатавшихся на страницах журнала (наиболее важные из них — «Ряд статей о русской литературе», 1861; «Два лагеря теоретиков», 1862). Центральной идеей, выдвинутой Достоевским во «Времени», была идея «почвы». Петровская реформа, утверждал Достоевский в своих статьях, была для России исторической необходимостью, так как старая московская Русь изжила себя. Она переживала уже до Петра серьезный кризис. Но преобразования Петра были навязаны народу деспотически, насильственно, а потому имели свою вредную сторону. Они вырыли пропасть между высшими, правящими классами и народом, привели к мучительному и болезненному отрыву культуры образованных слоев от народной «почвы». Отрыв этот до определенного времени был исторически оправдан тем, что русской интеллигенции нужно было принять в себя наследие многолетнего развития европейской мысли, стать полноправной участницей движения общечеловеческой культуры и образованности. Но после того как результат этот был достигнут, задача образованной России, по мысли Достоевского и других сотрудников «Времени», состояла в том, чтобы преодолеть вековой разрыв с народом, сблизиться и соединиться с ним — возвратиться к родной «почве». Образованные классы должны научить народ грамоте, передать ему накопленные ими культуру и образование, содействовать уничтожению сословных перегородок, а сами взамен получить сохраненные народом и утраченные ими «почвенные» начала — нравственную стойкость, высокие идеалы общинной жизни, правды и справедливости.

Изложенная историко-философская концепция Достоевского эпохи «Времени» делала его в решении основных вопросов современной русской общественной жизни антагонистом революционной демократии 60-х годов. Чернышевский и Добролюбов исходили в своей оценке перспектив общественного развития из понимания непримиримой противоположности интересов господствующих классов интересам народных масс. Поэтому они сумели еще в годы до проведения крестьянской реформы гениально

понять, что подготовляемое правительством «освобождение» неизбежно будет отвечать интересам помещиков, подлинное же освобождение народа может явиться лишь результатом демократической, крестьянской революции. В противоположность этому в основе «почвеннических» идей Достоевского лежало ложное, в конечном счете — реакционное по своему историческому содержанию, утопическое представление о возможности *примирения* противоположных сословий и классов русского общества. Идеализируя, подобно либералам 60-х годов, самодержавие и крестьянскую реформу 1861 г., Достоевский в своих статьях во «Времени» утверждал, что реформа может положить в России начало сближению сословий, которое должно привести в дальнейшем дворянство и народ к духовному единению и братству. Опираясь на славянофилов, Достоевский пропагандировал мысль, что духовная связь между высшими классами и народом в России никогда не утрачивалась, в отличие от Западной Европы. В этом он видел преимущество исторического развития России перед Западом, преимущество, которое облегчит ей разрешение социальных антагонизмов не по западноевропейскому образцу — путем борьбы и революционных кризисов,— но путем примирения, духовного воссоединения господствующих классов и народа.

Полагая, что в России в противоположность западноевропейским странам не может возникнуть «взаимной вражды сословий», Достоевский доказывал, что особенность эта «заложена самой природой в духе русском, в идеале народном». Подобное отрицание объективной противоположности интересов народа и господствующих классов, стремление противопоставить отвлеченно понятые национальные начала социальной борьбе приближали Достоевского к позиции славянофилов и определяли его глубокое расхождение с революционным лагерем.

Призывая к «всеобщему духовному примирению» сословий, Достоевский и другие сотрудники «Времени» пытались взять на себя роль посредников между либералами и демократами 60-х годов, между славянофилами и западниками. Они утверждали, что журнал их открывает путь к взаимному сближению и примирению партий. На деле, однако, стремление встать выше общественной борьбы, выше противоположных, сталкивающихся идей и направлений неизбежно вело, в конечном счете, к поддержке реакции. Это и доказала та позиция, которую «Время», хотя и не сразу, но постепенно заняло в литературно-общественной борьбе 1860-х годов.

В своих полемических выступлениях, направленных против «Русского вестника» М. Н. Каткова, Достоевский не раз высказывался в 1861—1862 гг. за свободу печати, защищал от нападок Каткова добролюбовский «Свисток», отражал нападки его журнала на прогрессивную журналистику и демократическую молодежь. Но уже в первых номерах «Времени» Достоевский недвусмысленно заявил и о своем решительном, принципиальном, расхождении с идеями «Современника» и его руководителей, продолжая еще более резко подчеркивать это расхождение в дальнейшем. Уже с середины 1861 г. во «Времени» появляются статьи Н. Н. Страхова, направленные против материализма и всей системы революционно-демократических идей «Современника». В последующие годы полемика «Времени» с «Современником» и «Русским словом» принимает еще более упорный, резкий и ожесточенный характер [7].

Записная книжка 1860—1862 гг. содержит новый важный материал, освещающий замыслы Достоевского-публициста и уточняющий наше представление о его отношении к позиции «Современника» в эти годы.

Несомненный интерес и внимание исследователей привлекут, прежде всего, сделанные на первых ее страницах отрывочные записи, говорящие о том, что уже в 1861—1862 гг. Достоевский вынашивал замыслы статей, посвященных не только литературно-общественным вопросам, но и более широким темам, к публицистической разработке которых он обратился значительно позднее, в 70-е годы, в период редактирования «Гражданина» и издания «Дневника писателя». Таковы записи «Ряд статей о судах», «Аномалии Европы и России», «Что значит Рим для папы», «Мысль о назначении России в Азии и о ее естественных пределах». Заметки эти свидетельствуют, по-видимому, о желании Достоевского выступить в дальнейшем на страницах журнала со статьями по вопросам как внешнеполитического, так и внутриполитического («Ряд статей о судах») характера. Подтверждением этого намерения является то, что в тетрадях 1864—1865 гг.

мы найдем планы и наброски, развивающие эту идею. Тем не менее замыслы статей на международные и внутриполитические темы не получили в данный период осуществления и отражены лишь в виде беглых и отрывочных заметок. Более богатый и конкретный материал для суждения о неосуществленных замыслах Достоевского дают записи, относящиеся к планам литературно-критических статей того же времени.

Выше уже упоминался занявший центральное место в литературно-критическом отделе «Времени» в первый год существования журнала принадлежащий перу Достоевского «Ряд статей о русской литературе». Этот широко задуманный цикл (печатавшийся с января по ноябрь 1861 г.) явился развернутым выражением программы журнала, а также изложением отношения «Времени» к основным вопросам современной борьбы в литературе и журналистике.

Кончая в первом номере «Времени» введение к «Ряду статей о русской литературе», Достоевский писал, что в будущей статье он, после затянувшегося введения, перейдет, наконец, и «к русской литературе», будет говорить о «теперешнем ее положении» и «ее значении в теперешнем обществе». Но обещание это было выполнено автором в дальнейших статьях лишь частично. Посвятив вторую статью цикла полемике с Добролюбовым о задачах современной критики и изложению своих эстетических идей в связи с анализом переведенных И. С. Тургеневым «Народных рассказов» М. А. Марко Вовчок и их оценкой в статье Добролюбова «Черты для характеристики русского простонародья», Достоевский в следующих статьях перешел к полемике с «Русским вестником», с «Отечественными записками» и со славянофильской газетой «День» по вопросу о народном чтении и шире — об отношении литературы к народу. Обещанная же характеристика состояния «теперешней» русской литературы не нашла себе места в этих дальнейших статьях в связи с изменившимся составом цикла.

Из записной книжки Достоевского 1860—1862 гг. мы узнаем о темах статей писателя, задуманных в качестве продолжения цикла «Ряд статей о русской литературе», но оставшихся неосуществленными. Это, во-первых, статья о «нашей теперешней литературе и нашей теперешней публике» и, во-вторых, несколько очерков, в которых должна была, по мысли Достоевского, рассматриваться «идея нашей литературы» начиная «с Гоголя». Один из них, как видно из записей Достоевского, должен был получить название «Гоголь и Островский».

В качестве заготовки для задуманной статьи под этим названием мы находим в книжке заметку о героях комедии «Не в свои сани не садись». Подобно Аполлону Григорьеву, Достоевский увидел в этой комедии не картину нравов в одном из уголков всероссийского «темного царства» (так истолковал ее смысл Добролюбов в своем известном цикле статей об Островском), но «анализ русского человека», изображенного со свойственным ему «высоким целомудрием» и «чистым сердцем».

В отличие от статей о Гоголе и Островском, статья о «нашей теперешней литературе и нашей теперешней публике» была не только задумана Достоевским, но и начата им. Об этом свидетельствуют записи конца 1861 г. (или начала 1862 г.). Они содержат не только подробный план этой статьи (стр. 126 настоящ. тома), но и ряд относящихся к ней черновых набросков.

Из плана видно, что Достоевский намеревался дать в статье «портреты публики» и «портреты литераторов» с целью выяснить «кто кого опередил?»: публика литературу или литература публику (по-видимому, автор склонялся ко второму ответу на этот вопрос). Далее в плане намечена полемика с «Русским вестником» Каткова, с бывшим петрашевцем и старым знакомцем Достоевского А. П. Милюковым, печатавшимся в 1860—1862 гг. в журнале «Светоч»[8], и с «Современником», в частности, со статьями Н. А. Добролюбова (запись: «Пирогов») и Н. Г. Чернышевского (запись: «Чернышевск〈ий〉 — недавняя полемика. Что есть истинность в „Современнике“»). Заметками, относящимися к намеченному последнему разделу статьи, который должен был быть посвящен критическому разбору статей Добролюбова и Чернышевского и выяснению причин расхождения Достоевского с ними, заполнена значительная часть книжки.

Как свидетельствуют наброски Достоевского, непосредственным поводом, побудившим его к работе над неосуществленной полемической статьей против Чернышевского и Добролюбова, было появление в декабрьской книжке «Современника» 1861 г. статьи

М. А. Антоновича «О почве (не в агрономическом смысле, а в духе „Времени“)». Достоевский в записной книжке не называет этой статьи Антоновича прямо, но в одном из набросков, помеченном как «начало» (полемических заметок против «Современника») он пишет: «Вы начали первый. Мы начинать не хотели, хотя давно уже сердились. Но вы были нам дороги, мы вам сочувствовали, и мы решились лучше молчать, хотя я уж и не знаю, как у нас иногда щемило в душе, читая ваше шутовство... Но теперь вы начали, и теперь мы очень желали бы высказать вам все...» (стр. 150).

Приведенное «начало» задуманных Достоевским полемических заметок свидетельствует, что они были предназначены, по мысли автора, служить ответом на выступление «Современника» против «Времени». Первым таким выступлением и была статья Антоновича, помещенная в декабрьской книжке «Современника» за 1861 г. Как давно уже установлено исследователями, эта статья Антоновича послужила прологом к длительной идейной полемике между «Современником» и журналом братьев Достоевских.

Следует заметить, что, упрекая редакцию «Современника», что она «начала первая», Достоевский был не вполне прав. Выход в свет первого номера «Времени» редакция «Современника» приветствовала весьма сочувственной рецензией Чернышевского. Между тем, уже во второй книжке «Времени» была помещена статья Достоевского «Г. — бов и вопрос об искусстве», критиковавшая ряд методологических принципов Добролюбова и его оценку задач современной литературы. В июньской книжке 1861 г. «Время» поместило статью Н. Н. Страхова «Еще о петербургской литературе», в которой Страхов резко обрушился на статью Чернышевского «О причинах падения Рима», квалифицируя позицию Чернышевского как «отрицание истории». В следующих номерах «Времени» были помещены статьи Страхова «Нечто о полемике» (№ 8), «Об индюшках и о Гегеле» (№ 9) и «Литературные законодатели» (№ 11), также содержавшие полемические выпады против «Современника». Таким образом, «первым» полемику начал не «Современник», а «Время» [9]. Однако до появления статьи Антоновича полемика «Времени» с «Современником», хотя на деле отражала расхождения принципиального, программного характера, формально касалась частных вопросов. Появление статьи Антоновича явилось переломным пунктом в отношениях между «Современником» и журналом Достоевских. На многочисленные полемические выпады «Времени» в течение всего 1861 г. «Современник» в конце его ответил не возражениями по частным вопросам, но выступил с принципиальной общественно-политической оценкой самой программы «Времени», его направления, сформулированного в статьях Достоевского и других руководящих материалах журнала. В статье «О почве» Антонович поставил перед собою цель показать, что призывы редакции «Времени» к сближению с «почвой» на деле скрывали под собой весьма туманную и умеренную общественную программу, ничем существенно не отличавшуюся от программы либералов 60-х годов, так как путь к сближению с народом редакция «Времени» видела не в революционном преобразовании общества, а в распространении «книжности и грамотности». Теоретическую платформу «Времени», призыв Достоевского к мирному примирению народа и высших классов Антонович охарактеризовал как филантропическую, бессодержательную утопию, как набор прекраснодушных фраз, мешающих революционному просвещению народа.

Этот принципиальный характер статьи Антоновича, перенесший центр тяжести полемики между «Современником» и «Временем» с вопросов второстепенных и частных к основным вопросам программы и политической тактики обоих журналов, и вызвал, по-видимому, у Достоевского желание ответить Антоновичу и при этом дать развернутое изложение основных пунктов своей программы, критически противопоставленной позиции «Современника». Осуществлением этого замысла явились, как можно полагать, дошедшие до нас многочисленные наброски в записной книжке Достоевского 1860—1862 гг. Они сделаны в процессе обдумывания будущей статьи и могут рассматриваться как первоначальная, черновая разработка отдельных ее частей.

Достоевский избирает в качестве главной мишени своей полемики с руководителями «Современника» опубликованные в 1861 г. статьи Чернышевского «Полемические красоты» («Современник», 1861, №№ 6 и 7) и статью Добролюбова «Из дождя да в воду» («Современник», 1861, № 8). Кроме того, наброски в записной книжке содержат возражения, направленные против других выступлений Чернышевского и Добролю-

бова, опубликованных в «Современнике» с весны по осень 1861 г. и определявших программу и тактику журнала в этот период. Это — статьи Чернышевского «О причинах падения Рима» («Современник», 1861, № 5), «Граф Кавур» (там же, № 6) и написанный им некролог Добролюбова (там же, № 11), а также статья Добролюбова «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура» («Современник», 1861, № 6). Попутно Достоевский обращается и к более ранним сочинениям обоих руководителей «Современника» — к эстетической диссертации Чернышевского и статье Добролюбова «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» («Современник», 1860, № 1), тесно связанной по содержанию со статьей «Из дождя да в воду», и т. д.

В заметках для статьи против «Современника» Достоевский исходит из своего, уже известного нам убеждения, что между обществом и народом в России существует глухая стена почти двухсотлетнего исторического разъединения и взаимного непонимания. Образованные слои не знают народа и его потребностей, народ же не верит «фрачникам», не понимает, что среди них «не все» плантаторы, но «есть люди, ему сочувствующие» (стр. 156). Поэтому задачей литературы, по Достоевскому, является не подготовка общества к революции, но поиски путей «соединения с народом», «спасение единства». Важнейшее средство, ведущее к ним,— забота об образовании и грамотности народа.

Из этой общей оценки исторической ситуации, сложившейся после реформы, Достоевский делает два главных вывода. Руководители «Современника» не хотят ждать того времени, когда народ, получив от высших классов «образование» и «грамотность», скажет «свое слово». Не ожидая будущего народного слова, они стремятся активно воздействовать на народ, внести в его сознание революционные и социалистические идеалы, выработанные Западом. Отвергая эту позицию, Достоевский характеризует ее как проявление «самоуверенности» руководителей «Современника», их преувеличенной веры в идеалы «цивилизации», которую они ставят «над народом».

Отдавая должное уму и таланту Чернышевского и Добролюбова, Достоевский тем не менее утверждает, что руководители «Современника» — люди отвлеченной теории, рационалисты, взгляды которых имеют не живой, но «книжный» характер. Как и другие представители образованных классов, они не знают народа, судят о нем «свысока». Преобладание холодного рассудка, одностороннее увлечение идеалами «цивилизации» порождают у них недоверие к нравственно-религиозным устремлениям народа, выработавшимся под влиянием его многовекового исторического существования, устремлениям, которым сам Достоевский приписывал решающую роль для определения настоящего и будущего народных масс и всей России.

Другое возражение, выдвигаемое Достоевским против революционной программы «Современника», состоит в том, что Чернышевский и его единомышленники слишком «торопятся», между тем как «общество наше решительно ни к чему не готово. Вопросы стоят перед нами. Они созрели, они готовы, но общество 〈...〉 не готово» (стр. 126). Ибо «всякое общество может вместить только ту степень прогресса, до которой оно доразвилось и начало понимать» (стр. 176).

После реформы в России входит в жизнь «сознательная масса». «Мы накануне нового поколения» (стр. 127),— и именно к нему обращается теперь русская литература. Задача ее состоит в воспитании в этом поколении серьезного, глубокого отношения к вопросам общественной жизни, науки, литературы и искусства.

Между тем, увлекаясь революционными, но утопическими, «книжными», по оценке Достоевского, идеалами, руководители «Современника» неверно ориентируют молодежь, которая «горячо, с чувством, с сердцем бросается за крайними вождями» и «им верит». «Ведь нельзя же все отрицать. Надо ведь и об чем-нибудь сказать положительно, высказать энтузиазм кому-нибудь...» (стр. 144). «Современник» же склонен, по оценке писателя, «все отрицать». Так слишком резкая полемика Чернышевского и Добролюбова, направленная против «авторитетов», разрушает веру также и в тех немногих истинно честных и достойных представителей русского общества, к которым журналистике следует воспитывать уважение в читающей публике, уча ее на примере таких деятелей честности и строгому отношению к своим общественным обязанностям. В этой связи Достоевский специально останавливается на статьях Добролюбова «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» и «Из дождя да в воду». В них Добролюбов резко крити-

ковал Н. И. Пирогова, который (вступив в противоречие с идеями реформы школы, изложенными в прежних его статьях) на посту попечителя Киевского учебного округа, под давлением правительственной бюрократии и реакционной части учительства, санкционировал применение розги в киевских гимназиях. Достоевский усмотрел в статьях Добролюбова самолюбивое желание во что бы то ни стало принизить противника, не считаясь с огромными заслугами Пирогова, а вместе с тем — стремление зачеркнуть авторитет крупного прогрессивного общественного деятеля из-за одной ошибки, не дающей основания для пересмотра общей положительной оценки его деятельности.

Нетрудно видеть, что в вопросах, поднимаемых Достоевским, историческая правота была на стороне Чернышевского и Добролюбова, а не Достоевского. Заметки Достоевского подтверждают тот факт, что, как справедливо указали Щедрин и Антонович, в своей оценке исторической ситуации 60-х годов и в своей политической программе Достоевский в эпоху «Времени» оказался объективно не на стороне революционных демократов, а на стороне их идейных противников.

В статье «О почве» Антонович отчетливо выяснил иллюзорность надежд Достоевского на распространение в народе «книжности» и «грамотности» при существующей нищете и порабощении народных масс. Для того чтобы помочь народу получить образование, писал Антонович, мало составить для него азбуку и читальник. Для этого нужно, прежде всего, освободить его от помещичьего гнета, облегчить его экономическое положение и этим дать ему реальную возможность образования. Поэтому лучшая часть «образованного меньшинства», утверждал Антонович, не должна «сидеть и ждать у моря погоды», но обязана действительно бороться за улучшение социально-экономического положения и благосостояния широких масс [10]. Вследствие непонимания теснейшей связи между вопросом об «образовании», о моральном и культурном подъеме народа и революционной борьбы, надежды Достоевского и других сотрудников «Времени» на «образование» народа оказывались на деле бессильным пожеланием, реакционной утопией, которая мешала Достоевскому видеть реальный путь, ведущий к освобождению народа.

Неправ был Достоевский, как показала дальнейшая история русского общества, и в своей критике руководителей «Современника» за резкость их нападок на либералов.

Чернышевский и Добролюбов исторически правильно оценивали ситуацию, сложившуюся в России начала 60-х годов как ситуацию, таящую в себе возможность революционного взрыва. Они исходили из возможности в России революции и стремились своими статьями воспитать деятелей, способных возглавить революционное выступление народа. Отсюда, с одной стороны, пропаганда ими революционной тактики, а с другой,— неустанное разоблачение либеральной программы соглашения с самодержавием, либеральных взглядов и иллюзий.

Достоевский, напротив, в статьях 1860-х годов отвергал возможность революции в России, выражая при этом сомнение в идее демократических и социалистических преобразований. Он призывал передовые круги русского общества стремиться не к революционным действиям, не к борьбе с самодержавием, а к укреплению внутреннего «единства», к прекращению междоусобных «раздоров». Отсюда и вытекали его упреки по адресу Чернышевского и Добролюбова в «недопустимой» резкости их критики либеральной науки и публицистики, стремление способствовать объединению всех «честных людей», без различия политических взглядов и направлений. Эта программа Достоевского, делавшая его в политической борьбе 60-х годов не союзником «Современника», а его противником, отчетливо отражена в его записных книжках.

Достоевский был неправ, приписывая Добролюбову самолюбивое желание «уронить» авторитет Пирогова. Статья Добролюбова была направлена не против Пирогова — человека, ученого и общественного деятеля, а против тех нравственных компромиссов и сделок с собственной совестью, которые, как стремился показать Добролюбов на примере великого хирурга, были неизбежны для всякого деятеля — крупного или мелкого,— поскольку он в своей практической деятельности становился на почву «реальной» политики. Отвергая либеральную тактику соглашения с царской монархией, Добролюбов не только призывал русское общество к иной, революционной тактике,— он стремился воспитать в своих последователях неколебимую верность своим убеждениям, привить глубокое презрение ко всяким нравственным колебаниям

и компромиссам. Таким образом, в основе статей Добролюбова лежал именно тот нравственный пафос, горячий энтузиазм в утверждении идеи патриотического долга, высокое понимание роли общественного деятеля и его ответственности перед народом, в забвении которых Достоевский был склонен несправедливо обвинять Добролюбова и его единомышленников.

Думается, не случайно поэтому, несмотря на запальчивый тон заметок и набросков, направленных против «Современника», задуманный ответ Антоновичу не был завершен Достоевским. Вместо статьи Достоевского в качестве ответа Антоновичу во «Времени» была помещена статья Страхова «Пример апатии» («Время», 1862, № 1). Сам же Достоевский вместо задуманной статьи выступил в февральской книжке «Времени» с другой статьей «Два лагеря теоретиков», имеющей иной, более примирительный характер. Попытавшись заново изложить здесь программу «Времени», Достоевский под влиянием критики Антоновича внес в нее по сравнению со статьями 1861 г. ряд новых моментов. Кроме требования «распространить в народе грамотность», Достоевский сформулировал теперь более четко свое основное социальное требование — «облегчить общественное положение нашего мужика уничтожением сословных перегородок». Указывая на «раскол» и на «общинный быт», Достоевский доказывал, что «народ наш способен к политической жизни», призывал дать простор его «свежим силам» [11]. Критикуя взгляды «теоретиков» «Современника», с одной стороны, и славянофилов, с другой, Достоевский отказался от раздраженного тона своих первоначальных набросков, от возражений на те статьи Добролюбова и Чернышевского, на которые он ссылается в записной книжке.

На колебания Достоевского, предшествовавшие началу его журнальной полемики с «Современником», бросает дополнительный свет следующее любопытное обстоятельство.

В апрельской книжке «Времени» 1862 г. напечатана вместо статьи Достоевского обширная анонимная рецензия на собрание литературных и литературно-педагогических статей Н. И. Пирогова [12]. Последние десять страниц этой рецензии (стр. 16—26) почти целиком посвящены вопросу об инциденте, послужившем предметом статей Добролюбова против Пирогова. Причем оценка этого инцидента и статей Добролюбова во «Времени» иная, чем в более ранних заметках Достоевского в его записной книжке.

«Признавая г. Пирогова за одного из лучших наших общественных деятелей,— пишет «Время»,— мы во имя той же правды и добра, о приложении которых к нашему воспитанию и образованию он так много хлопочет, не признаем его вполне безукоризненным деятелем. Что его убеждения вполне благородны и честны, об этом мы упоминали уже несколько раз; но что он остался *совершенно* верен им на практике, этого мы не скажем, может быть именно из уважения к г. Пирогову. Читатели, вероятно, уже догадались, о чем мы хотим говорить. Им, конечно, небезызвестна *история* розог, подавшая повод к „Всероссийским иллюзиям, разрушаемым розгами“. Статья эта была бесспорно желчна, горяча, но была ли она в сущности несправедлива,— это вопрос» [13].

И далее анонимный автор заключает, оценивая деятельность Пирогова: «Никакая среда, никакие обстоятельства не должны заставлять человека делать уступки, если только он хочет быть верным своим убеждениям» [14]. К этой же мысли журнал возвращается в конце статьи:

«Итак при всем нашем уважении к личности г. Пирогова, к делу, которое он сделал делом своей жизни, ко многому, уже сделанному им, мы должны сказать, что и он, составив кодекс наказаний, установивший между прочим и телесные наказания, все-таки остался неправым пред своими убеждениями. Мы не прочь от того, что обстоятельства заставили г. Пирогова внести в свой кодекс такие вещи, которых он не признавал в принципе. Готовы согласиться и на то, что круг его власти был не настолько велик, чтобы заставить согласиться своих сослуживцев с своими убеждениями и что если бы он захотел *заставить*, то это было бы деспотизмом с его стороны, притязание на свою личную непогрешительность. Все это так. Но ведь никто же и не заставлял г. Пирогова принять на себя роль оратора и защитника *не своих* взглядов, никто не заставлял пустить их в дело от своего собственного мнения и поддержать их состоятельность собственным авторитетом. Повторяем, что мы готовы признать (и действительно признаем) в г. Пирогове честного и благородного деятеля, энергичного бойца. Но признаем его вовсе не потому, что он с киевскими педагогами ввел кодекс наказаний по киевским

гимназиям и между прочим признал на факте необходимость телесных наказаний, потому только, что их трудно заменить для сеченных дома детей чем-либо другим. Тут мы видим только уступку обстоятельствам, может быть не совсем и *нужную*,— факт страшной неподатливости среды, толстую рутинную кору, которую не может пробить сила одной, хотя бы и энергичной личности. Поэтому хвалить особенно за этот факт мы не чувствуем в себе особенного расположения. Репутацию честного и благородного деятеля г. Пирогов приобрел далеко не подобными вещами» [15].

Приведенная оценка Пирогова и статьи Добролюбова «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами», данная рецензентом «Времени», свидетельствует о том, что редактор журнала к апрелю 1862 г. в известной мере пересмотрел свою первоначальную позицию и был готов отдать должное Добролюбову, осудившему уступку Пирогова реакции (хотя политический смысл статей Добролюбова, связавшего «уступку» Пирогова с критикой либерализма и либеральной тактики компромисса с самодержавием, не был теперь, как и раньше, созвучен программе Достоевского). Известную роль здесь могла сыграть смерть Добролюбова в конце 1861 г., заставившая Достоевского вернуться к общему осмыслению его критической деятельности, что привело к изменению и прежней оценки его статей о Пирогове [16].

Вторая группа текстов 1860-х годов, входящих в настоящую публикацию, относится к периоду с 1863 по 1865 г. Это, во-первых, записная книжка 1862—1864 гг. [17], а во-вторых, датируемые 1864—1865 гг. записи тех двух рабочих тетрадей, из которых И. И. Гливенко были извлечены и опубликованы в 1931 г. черновые материалы к «Преступлению и наказанию» [18]. В настоящем томе печатаются опущенные Гливенко записи из двух названных тетрадей, не связанные с текстом романа.

В апреле 1863 г. «Время» было запрещено за помещение статьи Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», посвященной польскому восстанию. Статья Страхова не была антиправительственной: исторические взаимоотношения России и Польши освещались в ней с точки зрения славянофильской философии истории, суть которой сжато выражена в одной из публикуемых записей Достоевского: «Польская война есть война двух христианств — это начало будущей войны православия и католичества, другими словами — славянского гения с европейским» (стр. 186). Доказывая превосходство православия над католицизмом, России — над Западом, Страхов давал на этом основании отрицательную характеристику польского национального освободительного движения и высказывался за поддержку политики самодержавия в Польше. И все же в атмосфере, раскаленной польским восстанием 1863 г., попытка исторического рассмотрения польского вопроса и более сложная трактовка его по сравнению с той, которая давалась в официальных статьях и документах, уже сами по себе показались властям и цензуре проявлением недопустимого вольномыслия. Этим была вызвана неожиданная для братьев Достоевских враждебная реакция издателя «Московских ведомостей» М. Н. Каткова и правительственных сфер на статью Страхова.

В результате длительных хлопот братья Достоевские получили разрешение на издание с 1864 г. нового журнала «Эпоха». После смерти М. М. Достоевского (10 июля 1864 г.) Ф. М. Достоевский один продолжал издание этого журнала до февраля 1865 г., когда был вынужден прекратить выпуск «Эпохи» из-за долгов и отсутствия материальных средств, необходимых для продолжения журнала.

Позиция «Эпохи», выходившей в иной обстановке, чем «Время», после спада волны общественного подъема 1861—1863 гг., в условиях расправы победившей реакции над силами освободительного движения, во многом отличалась от позиции «Времени». «Время», выступая с критикой революционно-демократической программы «Современника», тем не менее по ряду вопросов общественной жизни (оценка крестьянской реформы, вопрос о судах и т. д.) занимало позицию, близкую к позиции либеральной, а порой — и демократической журналистики тех лет. В «Эпохе» же отразилась следующая ступень эволюции политических и философских воззрений Достоевского. После того как революционная ситуация начала 60-х годов ускорила процесс размежевания противоположных политических взглядов и направлений, Достоевский в условиях наступившей реакции переходит к все более резким возражениям идеологам русского революционного движения 1860-х годов. Эта ступень политической эволюции Достоев-

ского нашла отражение в его художественных произведениях, опубликованных на страницах «Эпохи» («Записки из подполья», «Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже»), а также в его статьях 1864—1865 гг., главным содержанием которых была полемика со Щедриным, продолжавшим в «Современнике» линию Чернышевского и Добролюбова. Она запечатлена и в публикуемых ниже рукописных материалах.

Из творческих материалов писателя в записной книжке 1862—1864 гг. мы находим продолжение планов и набросков, связанных с замыслом переработки «Двойника», а в рабочих тетрадях 1864—1865 гг.— упоминавшиеся выше черновые материалы к «Крокодилу». Кроме того, здесь содержатся отрывочные заметки к роману «Пьяненькие» (работа над которым была впоследствии оставлена Достоевским в связи с началом работы над новым, более обширным замыслом — «Преступлением и наказанием», где основная тема «Пьяненьких» нашла свое продолжение в обрисовке Мармеладова), заготовки и наброски для сатирико-пародийных и юмористических стихотворений («Фанданго», «Офицер и нигилистка»). Узнаем мы и название одного из неосуществленных замыслов Достоевского — «Кашкадамов».

Значительное место среди публикуемого ниже материала занимают также черновые заметки и наброски, связанные с работой над статьями Достоевского для «Эпохи» — с направленной против Краевского и его либеральной газеты «Голос» статьей «Каламбуры в жизни и литературе» (1864) и циклом полемических статей Достоевского, написанных в ответ на выступления публицистов «Современника» — Салтыкова-Щедрина и Антоновича («Необходимое заявление», «Чтобы кончить. Последнее объяснение с „Современником“» (1864) и др.). В тетрадях содержатся также многочисленные деловые записи, связанные с изданием «Эпохи» (планы ее номеров, денежные расчеты и т. д.).

Заметки и наброски в тетрадях 1864—1865 гг. отчетливо отражают реакционный характер общественно-политической позиции Достоевского, определившейся в период издания «Эпохи». В них содержатся многочисленные полные раздражения отзывы о «Современнике», о Чернышевском и Щедрине, о Писареве, Зайцеве, Антоновиче, демократической литературе и публицистике 60-х годов в целом. Яростная полемика с «теоретиками», «белоараповцами», «нигилистами», с революционно-демократическими и социалистическими идеями находится в центре публицистических заметок и набросков, занесенных в эти тетради. Ею же насыщены и находящиеся здесь художественные наброски, в особенности — черновые записи к «Крокодилу». Не только революционно-демократический лагерь, но и представители либерального направления в литературе, общественной мысли, журналистике 1860-х годов подвергаются нападкам Достоевского. В борьбе с ними он вырабатывает и формулирует свою литературно-эстетическую и общественно-политическую программу.

Идейная борьба и полемика между «Современником» и «Эпохой» не раз служили предметом специального научного рассмотрения [19]. Публикуемые заметки и заготовки к публицистическим статьям Достоевского вносят в уже известную картину этой борьбы ряд моментов, дополняющих и уточняющих наше представление об отдельных ее перипетиях. В частности, сопоставление черновых записей Достоевского с текстом статьи «Чтобы кончить», заключившей полемику «Эпохи» со Щедриным и Антоновичем, документально доказывает, что эта анонимная статья (включенная Б. В. Томашевским в 1930 г. в Собрание сочинений Достоевского на основании свидетельства Страхова) действительно принадлежит перу Достоевского.

Большой интерес представляют содержащиеся в рабочих тетрадях 1864—1865 гг. план «политической статьи», посвященной темам международной политики и вопросам внешнеполитического положения России, заметки о судах и адвокатуре в связи с подготовкой судебной реформы. Записи эти подтверждают сделанный выше, на основании содержания записной книжки 1860—1862 гг., вывод о том, что Достоевский в первой половине 60-х годов вынашивал мысль о статьях на обе указанные темы. Высказанные в набросках «политической статьи» мысли о восточном вопросе, об опасности растущего прусского милитаризма, о стремлении папского престола укрепить католицизм путем заигрыванья с «социальными идеями», с «революционерами и социалистами» вплотную подводят нас к идеям позднейшей внешнеполитической публицистики Достоевского периода «Дневника писателя».

В письме к племяннице С. А. Ивановой 11 октября/29 сентября 1867 г. из Женевы Достоевский, развивая перед нею план будущего «Дневника писателя», писал, что подобный замысел возникал у него уже и раньше [20]. Свидетельство это подтверждается рабочими тетрадями 1864—1865 гг. Страницы одной из них заполнены расчетами, связанными с проектом издания «Записной книги»— журнала, который должен был, по мысли писателя, весь, по-видимому, составляться им одним, без участия других сотрудников, и содержать статьи на темы, непосредственно связанные со «злобой дня». Замысел этот непосредственно предвосхищает будущий «Дневник».

Кроме черновых набросков, связанных с работой над завершенными и опубликованными полемическими статьями для «Эпохи», мы встречаем в тетрадях Достоевского заметки, отражающие названия и замыслы статей на общественно-литературные темы, оставшиеся неосуществленными. Это — план статьи о «современных направлениях» — западниках, славянофилах и «реалистах» (в писаревском смысле слова), наброски для статьи «Ответ „Современнику“» (замысел которой частично совпадает со статьей Достоевского «Необходимое заявление») и заметки для статьи о «нигилистических романах», резко враждебные по отношению к демократической беллетристике 60-х гг.

Борясь с революционно-демократическими идеями «Современника», Достоевский не ограничивается критикой этих идей. Он стремится в записных тетрадях уяснить и сформулировать для себя основные пункты собственного философского, религиозного, общественно-исторического мировоззрения. С этой точки зрения тетради первой половины 1860-х годов представляют для исследователя творчества Достоевского особую ценность: изучая их, мы оказываемся у истоков процесса формирования многих центральных, любимых идей позднего Достоевского, нашедших отражение в его романах 1860—1870-х годов, присутствуем при самом акте их рождения. Некоторые стороны общественно-исторических взглядов и философско-этического мировоззрения Достоевского выражены в публикуемых записях с такой четкостью и полнотой, с какой они нигде не формулировались впоследствии. Это в особенности относится к обширной и чрезвычайно интересной, опубликованной до сих пор неполно и с рядом неточностей, записи, сделанной Достоевским в записной книжке 16 апреля 1864 г., на другой день после смерти его первой жены, и к тематически развивающим эту запись заметкам в другой тетради 1864—1865 гг., озаглавленным «Социализм и христианство». Записи эти глубоко раскрывают ряд сторон мировоззрения Достоевского и его мучительные внутренние противоречия.

В первобытных патриархальных общинах,— пишет Достоевский в набросках «Социализм и христианство», развивая свою концепцию истории человечества,— человек жил «массами», «непосредственно». Но затем наступила «цивилизация», способствовавшая «развитию личности» и «личного сознания». Цивилизация привела к отрицанию личностью «непосредственных идей и законов»— «авторитетных, патриархальных законов масс»; она создала «враждебное, отрицательное отношение» личности к народу. Поэтому «это состояние, т. е. распадение масс на личности, иначе цивилизация», есть «состояние болезненное», «переходное» к более высокой ступени развития человечества, которая должна способствовать восстановлению нормальных, согласных взаимоотношений личности и народа. Разобщенный с народом человек эпохи цивилизации «чувствует себя плохо, тоскует, теряет источник живой жизни, не знает непосредственных ощущений и все сознает» (стр. 246—248).

Достоевский не ограничивается критикой современной ему цивилизации с точки зрения порожденного ею болезненного разобщения «личности» и «массы». Это разобщение писатель связывает с процессом возвышения буржуазии, в чем он усматривает одну из главных причин неудовлетворительности «европейской» цивилизации. А «с петровской реформой» Россия, как указывает писатель вслед за славянофилами, «приняла в себя буржуазию», вступила на тот же путь, что и Запад (там же, стр. 273).

Каков же путь, ведущий к освобождению человечества от власти буржуазии и к преодолению других «болезненных» явлений, неизбежно порождаемых «цивилизацией»? Русские революционеры 60-х годов, современные западноевропейские социалисты считали, что путь этот ведет через социальный переворот, они хотели, по словам Достоевского, «переродить человека», «изменив насильно экономический быт

его». Достоевский отвергает этот путь. Он считает, что человек должен измениться «не от *внешних* причин», а «не иначе как от перемены *нравственной*». Поэтому не социализм, а христианство должно стать краеугольным камнем освобождения человечества по Достоевскому. К «третьей и последней», свободной ступени общественного развития, по его мнению, должна привести не социальная борьба, а нравственное перерождение людей под влиянием христианского идеала.

«Социализм вовсе не обязательно общечеловечен»,— заявляет Достоевский. «Социализм есть органический продукт западной жизни и всех противоречий ее». Но «форма социальных стремлений, форма рисующегося вдали для России идеала, должны быть не те, а наши собственные ⟨...⟩, органический наш продукт» (стр. 202). На этом основании Достоевский вступает в резкую полемику с русскими и западными социалистами. Возражая Чернышевскому, Добролюбову, авторам прокламации «Молодая Россия», Достоевский обнаруживает нередко непонимание воззрений своих противников: толкуя многие из их идей вульгарно, он опускается временами до уровня Каткова и других представителей философской и политической реакции 60-х годов. Достоевский приписывает революционерам стремление уничтожить сложившиеся особенности национальной жизни и культуры различных народов, превратить общество в «муравейник», а всех людей — в «стертые» пятиалтынные. Подобные обвинения были опровергнуты Марксом и Энгельсом еще в «Манифесте Коммунистической партии».

Заявляя, что социалисты требуют якобы полной нивелировки индивидуального своеобразия, уничтожения семьи и брака, Достоевский — в противоречии с этим — утверждает, что социализм представляет собой продукт той же европейской буржуазной цивилизации, так как доводит будто бы до предела принцип «развития личности» в ущерб «массе», отрыв ее от народа. Материализм революционных демократов 60-х годов Достоевский характеризует как вульгарный материализм, в конечном счете представляющий грубую защиту интересов «бога-чрева» (стр. 248).

И все же при всей резкости, свойственной выпадам Достоевского против «социализма», горячности его защиты «христианства», в его записях отчетливо отражены глубокие сомнения в способности религии действенно помочь освобождению человечества, мучительное сознание слабости и отвлеченности тех самых морально-религиозных идеалов, которые он хотел противопоставить русским революционерам своего времени. Об этом особенно наглядно свидетельствует знаменитая запись, сделанная 16 апреля 1864 г. под свежим впечатлением смерти первой жены писателя М. Д. Достоевской.

Высший для человека нравственный идеал, утверждает Достоевский, выражен в заповеди Христа: «возлюбить человека, как самого себя». «⟨...⟩ Высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего *я*,— это как бы уничтожить это *я*, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно». Но полное реальное осуществление этого нравственного идеала на земле *невозможно*, с грустью заявляет писатель. Идеал этот мог воплотить в жизнь «один Христос», образ которого поэтому и представляет «вековечный идеал», «к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек». В жизни же реальных, земных людей уничтожение своего *я*, отказ от своих, личных интересов во имя любви к другим людям, неосуществимы. Осуществлению нравственного идеала на земле мешает «закон личности», «связывающий» человека.

Поэтому — таков вывод Достоевского — человек не есть высшая точка исторического развития, но лишь «существо переходное». Цель истории — осуществление идеала христианского братства. Но братство это осуществимо не «на земле», а «в лоне всеобщего синтеза», может быть «на другой планете». Где и когда будет реально возможен «всеобщий синтез» — предсказать невозможно, хотя стремление к нему и образует идеальную цель жизни человечества и отдельного человека (стр. 173—175).

В итоге оказывается, что нравственный идеал осуществим, по Достоевскому, лишь в неопределенном и отдаленном будущем, и не «на земле». «Христос проповедовал свое учение только как идеал»,— пишет Достоевский,— и «сам предрек, что до конца мира будет борьба и развитие». «Закон личности», грубые страсти, взаимная отчужденность и разъединение эгоистических человеческих «я» неотделимы от земной жизни,— таков глубоко пессимистический конечный вывод писателя; они образуют такой же вечный

«закон природы», как присущее человеку стремление отдать свою жизнь за других, осуществить идеал братства и справедливости.

Достоевский вынужден, таким образом, с болью сердца отказаться от мысли об осуществлении идеала свободы и справедливости «на земле». Это превращает его идеал будущего в нечто родственное кантовскому категорическому императиву, но в то же время и столь же бессильное и отвлеченное, как последний. Люди должны стремиться, по мнению Достоевского, подражать Христу и воплощенному в его личности, как она изображена в Евангелии, «вековечному» идеалу. И в то же время этот идеал неосуществим «на земле», он «противоположен» человеческой природе, а потому практически недостижим (если бы кто-нибудь его и достиг, то неизбежно натолкнулся бы на сопротивление других людей с их эгоизмом и разрушительными страстями, составляющими закон природы,— эту мысль Достоевский несколько позднее выразил в романе «Идиот») [21].

Писатель сам в известной мере признает здесь бессилие и немощь того христианского идеала, который он стремился полемически противопоставить идеям социализма. Он прославляет «вечную» красоту личности Христа и в то же время сознает неосуществимость его заповедей «на земле», прямо говоря о том, что они «противоположны» законам природы и натуре человека. Эта внутренняя противоречивость защиты «христианства» Достоевским отражает сомнения, о которых он писал еще в 1854 г. Н. Д. Фонвизиной: «Я скажу вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, *чем более во мне доводов противных*» [22].

Размышления Достоевского о неосуществимости заповедей Христа, нравственного идеала христианства «на земле» замечательны тем, что они освещают одно из центральных противоречий философского и этического мировоззрения Достоевского.

Достоевского не удовлетворяла идея христианства о примирении за гробом, о гармонии не на земле, а на небе, в «ином», потустороннем мире. Унаследовав от сенсимонистов и других утопических социалистов начала XIX в. веру в будущее наступление «золотого века» не на небесах, а на земле, Достоевский, несмотря на все свои нападки по адресу социалистов, не мог отказаться от этого великого идеала, который он до конца жизни защищал во всех своих произведениях вплоть до «Сна смешного человека» и «Карамазовых». Это, как известно, вызвало после появления «Карамазовых» гнев сторонника элитарного строя, реакционера К. Н. Леонтьева, которому писатель отвечает в последней печатаемой в настоящем томе записной тетради: Леонтьев язвительно (и не без основания) доказывал, что утверждаемый Достоевским в пушкинской речи и в «Братьях Карамазовых» идеал будущей «всемирной гармонии» и общечеловеческого братства ближе к учениям социалистов, чем церковников, ибо по христианскому учению мир погряз во грехе и «спасение» возможно только за гробом [23]. Сохранив после отказа от революционных убеждений молодости веру в реальность и осуществимость будущей земной «гармонии» и счастья людей, Достоевский стремился согласовать этот свой идеал с христианским вероучением — и в то же время мучительно сознавал их несоединимость. Это острое противоречие получило выражение в приведенных записях писателя.

3

Две следующие рабочие тетради Достоевского, к которым мы переходим, относятся к более позднему времени. Тетради эти, как уже было сказано выше, заполнялись с осени 1875 по начало 1877 г.— в период, когда, закончив работу над романом «Подросток», Достоевский отдался работе по изданию «Дневника писателя», возобновленного с января 1876 г., после двухлетнего перерыва. Основное содержание названных двух тетрадей и составляют материалы, связанные с изданием «Дневника писателя» — планы очередных номеров, наброски статей для «Дневника», многочисленные заметки, сделанные при чтении текущей периодики, с целью вернуться к ним позднее и воспользоваться в «Дневнике», черновые варианты отдельных мест. Кроме материалов, связанных с «Дневником писателя», в указанных записных тетрадях от-

разились, хотя и менее полно, творческие замыслы того же периода: в них содержатся записи к неосуществленным Достоевским роману о «теперешних», «современных» «отцах и детях» и к роману «Мечтатель». Наконец, в тетрадях отражена творческая работа Достоевского над теми беллетристическими произведениями и набросками художественного характера, которые вошли в состав «Дневника писателя» 1876 г.,— рассказами «Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей», «Столетняя», повестью «Кроткая».

Решившись в 1873 г. осуществить вынашивавшийся годами замысел «Записной книги», Достоевский смог сделать это лишь в урезанном и неполном виде, так как не обладал в это время собственным печатным органом. Как можно полагать, именно желание увидеть, наконец ,осуществленной свою давнюю мечту об издании «Дневника» было главной причиной, побудившей писателя в конце 1872 г. согласиться на предложение князя В. П. Мещерского и принять на себя редактирование его реформированной с 1873 г. (выходившей с этого времени в увеличенном формате, с привлечением новых сотрудников) консервативной «газеты-журнала» «Гражданин». Но в «Гражданине» Достоевский, как он вскоре должен был убедиться, не был и не мог чувствовать себя полным хозяином. Поэтому, взявшись вначале горячо за свои редакционные обязанности, он сравнительно скоро начал ими тяготиться, а с весны 1874 г. отказался от них. После завершения «Подростка» Достоевский решил возобновить издание «Дневника» уже на собственный страх и риск — не в виде серии еженедельных (а позднее — появлявшихся непериодически) фельетонов в журнале Мещерского, каким фактически был «Дневник» 1873 г., а в виде регулярно выходящего ежемесячного журнала, целиком принадлежащего перу самого издателя, журнала, в котором он чувствовал себя вполне независимым и мог свободно определять содержание и внешнюю форму своих статей.

Опытом такого, вполне оригинального тогда в России издания и стал «Дневник писателя» 1876 и 1877 гг., прерванный затем работой над «Братьями Карамазовыми» и возобновленный вновь почти перед самой смертью писателя, в 1880 (когда вышел лишь один его номер с пушкинской речью и ответом на вызванные ею отклики в печати) и 1881 гг.

Замысел «Дневника писателя» был глубоко органичен для Достоевского: с самого начала литературной деятельности его горячо волновала текущая «злоба дня», и у него определился постоянный, напряженный интерес к материалу газетной хроники, материалу, который — при аналитическом подходе к нему, наличии у писателя глубокого взгляда и творческого воображения — представлялся Достоевскому важнейшим, но мало использовавшимся его современниками, источником для философско-психологического и художественного познания современной действительности [24]. «Дневник писателя» 1876—1877 гг. явился завершением длительных размышлений Достоевского, связанных с решением проблемы нового для литературы его времени, синтетического — художественно-публицистического — жанра.

Возобновив прерванный после оставления «Гражданина» «Дневник писателя», Достоевский видоизменяет его жанр. «Дневник» 1873 г. представлял собой, в сущности, как уже сказано выше, своего рода еженедельный фельетон, посвященный в каждом случае одной теме общественного или литературного характера. «Дневник» 1876 и следующих годов получает другую форму. Он не только приобретает характер самостоятельного журнала, выходящего в виде отдельных ежемесячных выпусков, но имеет и иную, более сложную внутреннюю структуру. Каждый из месячных выпусков «Дневника» 1876—1877 гг., в отличие от «Дневника» 1873 г., посвящен не одной, а нескольким, различным темам. Причем Достоевский стремится затрагивать в «Дневнике», как правило, только такие вопросы, которые живо волновали современное общество, были непосредственно подсказаны текущей «злобой дня». Если темы «Дневника» 1873 г. по преимуществу связаны с тогдашней журнальной полемикой, то «Дневник» 1876 и 1877 гг. посвящен, главным образом, анализу и обсуждению таких фактов, которые находили широчайшее освещение на страницах газет этого двухлетия, откуда и извлекал их Достоевский.

Еще во второй половине 1860-х годов Достоевский приобрел привычку ежедневно внимательно прочитывать русские и иностранные газеты, пытаясь при этом проникнуть в скрытый смысл скупых газетных известий, рассматривая факты, сообщаемые

ежедневной прессой, как материал, драгоценный для психолога, философа и социолога, стремящихся понять основные черты современной эпохи. Такой метод работы над газетным материалом, метод, который начал складываться у него еще в период создания «Преступления и наказания» и «Идиота», Достоевский положил в основу своей работы над «Дневником писателя» 1876 г. и последующих годов. Публикуемые записные тетради позволяют проследить весь ход работы Достоевского над «Дневником» и раскрывают самую методику этой работы. Знакомясь с ними и перечитывая записи Достоевского, мы как бы незримо присутствуем в его рабочем кабинете и наблюдаем как он, читая текущие газеты, извлекает из них отдельные заинтересовавшие его факты. Мы узнаем, какие оценки и какую реакцию они у него вызывают, видим, как, обогащаясь различными ассоциациями и аналогиями, эти факты ведут писателя к более широким выводам и обобщениям и как эти обобщения, созревая в сознании романиста, постепенно приобретают ту законченную форму, которую они получили на страницах публицистики Достоевского. Наблюдения, почерпнутые из повседневной жизни, и скупые газетные сообщения на наших глазах обрастают психологической «кровью и плотью», а дальнейшие размышления над ними ведут автора «Дневника» порою к глубоким, а нередко и к парадоксальным, ошибочным выводам и заключениям. В сопоставлении, с одной стороны, с помещаемым вслед за текстом комментарием, где кратко охарактеризован основной газетный материал, привлекавший внимание Достоевского, а с другой, с текстом «Дневника» его заметки позволяют проследить весь ход его творческого процесса, определить, на какой материал опирался Достоевский в каждом конкретном случае, подготовляя очередной номер «Дневника».

Достоевский утверждал, что, в отличие от тех русских романистов его эпохи, которые посвятили себя преимущественно изображению жизни «средневысшего» дворянского круга (к числу таких романистов Достоевский относил Тургенева, Гончарова и молодого Льва Толстого), его собственное внимание привлекала вся современная ему «текущая» русская жизнь в ее пестрых и многообразных, порой уродливых, проявлениях, связанных с условиями жизни «переходной» эпохи, с резкой исторической «ломкой», которую жизнь эта претерпевала на глазах романиста. Широкий интерес к русской жизни пореформенной эпохи в самых разнообразных и пестрых ее проявлениях и получил свое отражение на страницах его рабочих тетрадей. Внимание Достоевского останавливает на себе не только центральная, но и местная печать, не только столичные, но и провинциальные известия. Его равно волнуют крупные события политической жизни, научные открытия, нашумевшие судебные процессы 70-х годов, железнодорожные катастрофы, незначительные на первый взгляд заметки хроники или помещенные в газете объявления, за сухими строчками которых Достоевский угадывает присутствие скрытой житейской драмы, требующей пристального анализа психолога и публициста. Наряду с взволнованными заметками о милитаризме бисмарковской Германии, о президенте Третьей республики (и монархисте в душе) Мак-Магоне, реакционном претенденте на испанский престол Дон Карлосе, об англиканской церкви и католическом Риме с его притязаниями на всемирное владычество и попыткой предложить новое, универсальное решение «социального вопроса», мы находим в тетрадях Достоевского краткое изложение его опытов морально-психологического, а порой и социологического истолкования многочисленных других вопросов русской и зарубежной жизни 70-х годов (частично использованные Достоевским в «Дневнике писателя») — от анализа распределения мест между партиями или итогов голосования во французской Палате депутатов до бегства из дому гимназиста, спрятавшегося «у Спаса под престолом».

Извлекая из газет факты и сообщения, которыми он намеревался воспользоваться в своей публицистике, Достоевский сопровождает их своими пояснениями и комментариями, подчиняет их развертыванию того комплекса политических, философских, литературно-эстетических взглядов, которые он проводил на страницах «Дневника писателя» в последний период своей жизни. Эти взгляды отчетливо отражены в рабочих тетрадях Достоевского.

Достоевский с самого начала издания «Дневника» горячо настаивал на независимости своего издания — в противовес другим органам русской журналистики 1870-х

годов, связанным со сложившимися и определившимися к этому времени устойчивыми направлениями и группировками. Но независимость эта была, разумеется, иллюзорной: несмотря на субъективное желание Достоевского остаться «вне» партий, способствовать их сближению и примирению непредвзятым, строго объективным анализом занимавших русское общество 70-х годов вопросов, он меньше, чем кто-либо другой из его современников, подходил для этой роли. Достоевский всегда был человеком крайностей — в этом состояла одна из главных психологических особенностей его личности, с которой связаны во многом трагические стороны его судьбы человека и писателя. «Никогда-то я не умел писать постепенно, подходить подходами и выставлять идею лишь тогда, когда уже успею ее всю разжевать предварительно и доказать по возможности»,— писал он о себе [25]. Горячо и фанатически отдавшись своим «почвенническим» убеждениям, Достоевский не мог не подчинить «Дневник писателя» пропаганде своих общественно-политических мыслей и идеалов, за которые он держался тем сильнее, чем больше подтачивали их постоянно мучившие его тайные сомнения. Поэтому неудивительно, что уже в первых номерах «Дневника» отчетливо определилась политическая окраска этого издания, и вокруг него начала разгораться шумная полемика. Как видно из записных тетрадей, эта полемика с начала 1876 г. все время находилась в поле зрения писателя. Вылавливая из газет и журналов различные отзывы о «Дневнике», он постоянно порывался ответить своим оппонентам, желая защитить свое издание и — в особенности — подчеркнуть глубокую искренность и неподкупность своих убеждений. Ряд подобных ответов на упреки критики и откликов на текущую полемику в русской печати вокруг «Дневника», не попавшие в окончательный его текст, также содержатся в записных тетрадях.

Как известно, философское и общественно-политическое мировоззрение Достоевского последних лет жизни поражает своими противоречиями. Многие основные тенденции его отличались глубокой, порою яростной политической реакционностью. Эти реакционные тенденции делали зачастую Достоевского как публициста прямым единомышленником правящих верхов царской России, хотя субъективно он руководствовался совсем иными мотивами и побуждениями, чем деятели реакционной печати.

Достоевский отказывается в «Дневнике писателя» от признания той стихийной ненависти народных масс России к господствующим классам, сложившейся в результате многовекового угнетения народа, которую он сам как художник проницательно показал и причины которой проанализировал в «Записках из Мертвого дома». Он игнорирует революционные традиции русских народных масс, те исторические сдвиги, которые произошли в жизни и сознании крестьянства после реформы, сдвиги, способствовавшие ломке патриархально-крестьянского мировоззрения, росту революционной ненависти народа к его угнетателям. Подобно другим тогдашним публицистам-неославянофилам, Достоевский смотрит на народ с метафизической, внеисторической точки зрения. Он не видит реального русского крестьянства, стихийно недовольного существующим строем, крестьянства, глубокое брожение которого с такой силой передал в своих последних произведениях Лев Толстой. Отрицая революционные традиции русских народных масс, Достоевский объявляет искания демократической интеллигенции «беспочвенными». Он продолжает утверждать, как и в период «Времени», что искания эти отражают отрыв интеллигенции от народа, явившийся результатом двухвекового «разъединения» в России народа и образованных классов, начало которому положила петровская реформа. Достоевский призывает интеллигенцию отказаться от революционной борьбы против самодержавия, склониться перед народной «правдой», воплощением которой для него являются православная церковь и «связь народа с царем». Он выступает в «Дневнике писателя» с поддержкой внутренней и внешней политики царизма, стремится обосновать ее бескорыстие и национальный характер, совершенно не понимая антинародности этой политики, глубочайшего противоречия между нею и подлинными, коренными интересами русских народных масс.

Достоевский ясно сознавал многие отрицательные черты политической и культурной жизни буржуазной Европы предимпериалистической эпохи. С поразительной зоркостью охарактеризовал он историю французского общества со времен революции

XVIII до конца XIX в., гениально уловив, что ключом для ее понимания является эволюция земельной собственности: «Конвент во Франции раздробил крупную собственность эмигрантов и церкви на мелкие участки и стал продавать в виду беспрерывного тогдашнего финансового кризиса Франции. Мера эта обогатила Францию и дала ей возможность через 80 лет (т. е. в 1871 г.— *Г. Ф.*) уплатить 5 мильонов. Но, способствовав временному благосостоянию, мера эта на страшно долгое время парализовала стремления демократические и раздавила революцию в самом корне, чего, разумеется, не хотели революционеры 〈...〉 умножилась армия собственников и наступило безграничное владычество буржуазии, первого врага демоса» (стр. 384). Достоевский обрисовал на страницах «Дневника писателя» не только упадок нравов буржуазной Третьей республики во Франции, но и проницательно указывал на реакционность политики Ватикана, разоблачал своекорыстный характер позиции Англии, Австро-Венгрии и Германии в восточном вопросе. Достоевский видел, что экономическое господство буржуазии в капиталистических странах Запада куплено ценой угнетения рабочего класса и широких трудящихся масс. Он дал на страницах «Дневника писателя» суровую критику классового общества и буржуазного государства. Великий русский писатель отказался признать «комедию буржуазного единения» «нормальной формулой человеческого единения на земле» [26]. Достоевский предчувствовал, что буржуазная Европа с ее «парламентаризмами», «накопленными богатствами», банками находится «накануне падения», что «стучится и ломится в дверь» «четвертое сословие» — пролетариат [27].

Но, разоблачая хищничество буржуазии, Достоевский выражал свое неверие в способность рабочего класса освободить человечество от эксплуатации, построить новый, справедливый общественный строй. Идеям социализма писатель противопоставлял свою христианскую утопию духовного единения и братства угнетенных и угнетателей, основанного на религиозных идеалах. Высоко оценивая историческую роль русской национальности, Достоевский, в противоположность революционным демократам, связывал великое будущее России не с революцией, не с победой народных масс над дворянством и буржуазией. Он утверждал, что русский народ, благодаря присущей ему всемирной отзывчивости, способности понимать идеалы других народов, поможет их духовному примирению и укажет им пути к общечеловеческому братству, к которому должно привести воздействие идеалов церкви.

Достоевский в своей публицистике зорко подмечал многие слабые черты старого, утопического социализма. Он сознавал, что для уничтожения наиболее глубоких основ общественной несправедливости необходимо не только преобразовать условия общественной жизни, но и изменить сознание самих людей. Однако Достоевский не понимал, что подлинное перевоспитание людей как раз и становится возможным в процессе революционного изменения и преобразования действительности. Он противопоставлял революции задачу духовного изменения людей и утверждал, что сознание людей может измениться лишь под влиянием православия.

Основные реакционные философские и общественно-политические мотивы, которыми проникнута публицистика «Дневника писателя», настойчиво звучат и со страниц рабочих тетрадей Достоевского. Среди занесенных сюда записей мы находим программу заметки «О самодержавии как о причине всех *свобод* России» (стр. 591—592). Закрывая глаза на происходящие перемены и возражая революционерам, Достоевский пишет, что «внутреннее состояние наше» крепко, «как нигде». Он упорно ждет от царя «будущего поворота на русскую почву»; отрицательно характеризует не только революционеров 60-х годов и народников, но и декабристов, рассматривая все освободительное движение против самодержавия как «дикое дело» «уродливого» западничества (стр. 380).

«Высшая нравственная идея, выработавшаяся 〈...〉 всей жизнью Запада, есть грядущий социализм и его идеалы, и об этом нет возможности спорить,— пишет Достоевский.— Но христианская правда, сохранившаяся в православии, выше социализма» (стр. 463). «Всякая нравственность выходит из религии, ибо религия есть только формула нравственности» (стр. 449). Выдвигая под влиянием Парижской Коммуны дилемму: «Коммуна» или «царство божие» (стр. 400), Достоевский отвергает идеалы Коммуны, становясь тем самым в исторической борьбе своей эпохи — вопреки

своему глубокому сочувствию «униженным и оскорбленным» — на сторону старого, обреченного на гибель мира собственности и классового порабощения.

Однако, если бы мировоззрение Достоевского, отраженное в «Дневнике» и его рабочих тетрадях, исчерпывалось этими реакционными мотивами, он не мог бы стать через три года автором «Карамазовых» — романа, в котором с особой силой изображен упадок русского дворянства в пореформенную эпоху, дан суровый, незабываемый образ голодающей русской деревни 70-х годов, отражены глубокие сомнения Достоевского во всех и всяческих религиозных догмах и страстная, никогда не покидавшая писателя ненависть к поработителям народа. Своеобразие записных тетрадей Достоевского, как и всего его творчества в целом, заключено в том, что на каждой странице их отражена внутренняя — драматическая по своему характеру — борьба, постоянно происходившая в сознании Достоевского — человека и писателя.

Стараясь убедить себя самого и читателя «Дневника» в незыблемости самодержавия и православия, Достоевский с ужасом видит, как на каждом шагу трещит, обнаруживает свою слабость старая, патриархальная, православно-самодержавная Россия. С гневом бичует он в своих записях развал и деморализацию высших классов, торжество буржуазного хищничества, господство «мамоны», которой в пореформенные годы была отдана на разграбление русская деревня. Самый фанатизм и упорство Достоевского в защите своих «коренных» убеждений, резкость его полемики против материалистов, против «либералов» и «социалистов» в значительной мере, как свидетельствуют его рабочие тетради, говорят о внутренних сомнениях писателя, о желании заставить замолчать в самом себе эти сомнения, от которых Достоевский никогда не мог избавиться, так как их неизбежно снова и снова вызывала в нем сама жизнь.

Достоевского горячо возмущает социальный гнет и порабощение, его гнев и протест вызывает презрение дворянской литературы и публицистики к народу. Отвергая революционные традиции народных масс, не веря в их революционное будущее, идеализируя патриархальные предрассудки и «смирение» крестьянства, Достоевский тем не менее с горячей любовью обращается к народу. Лишь от него одного он ждет появления «лучших людей», необходимых России, с ним связывает свои патриотические надежды и чаянья. «Нам всего ожидать от народа: он только даст нам лучших людей ⟨...⟩ Петр создал лучших людей из дворянства ⟨...⟩, а всех остальных связал податью. Теперь идея Петра раздвинута бесконечно — уже от народа требуют лучших людей...» «Но для этого нужны условия, при которых мог бы дать народ лучших людей» (стр. 382). Возвращаясь вновь и вновь с болью к мысли о порабощении народных масс, Достоевский горячо защищает необходимость освобождения их от угнетения и нищеты, призывает дать им возможность «высшего развития», открыть широкий путь для проявления народных способностей и талантов.

«...Как странно,— пишет в связи с этим Достоевский:—мы, может быть, видим Шекспира. А он ездит в извозчиках. Это, может быть, Рафаэль, а он в кузнецах. Это актер, а он пашет землю. Неужели только маленькая верхушечка людей проявляется, а остальные гибнут (податное сословие для подготовки культурного слоя). Какой вековечный вопрос, и однако он во что бы ни стало должен быть разрешен» (стр. 396).

К мысли о необходимости освободить народные массы от эксплуатации и дать им возможность свободного развития Достоевский не раз возвращается в той же тетради: «Я никогда не мог понять смысла, что лишь $^{1}/_{10}$ людей должна получить высшее образование, а что остальные $^{9}/_{10}$ служат лишь матерьялом и средством ⟨...⟩ я никогда не стоял за мысль, что $^{9}/_{10}$ надо консервировать и что это-то и есть та святыня, которую сохранять должно. Эта идея ужасная и совершенно антихристианская» (стр. 408).

Тревога за судьбу трудящихся масс, интерес и внимание к их настроениям и запросам, неприятие образа жизни и культуры господствующих классов — все эти лучшие стороны мысли и творчества Достоевского отчетливо отражены в его рабочих тетрадях. Они образуют здесь как бы второй, подспудный, глубокий и важный слой мыслей и чувств, постоянно волнующих писателя, несмотря на все его желание заглушить свои сомнения, искусственно подчинить свои мысли защите реакционных и отживших православно-самодержавных идеалов.

В своих художественных произведениях Достоевский нередко пользовался формой страстного, патетического философского монолога героя («Записки из подполья», «Кроткая», «Сон смешного человека»). Но излюбленной формой великого романиста с начала 1860-х годов становится диалог. Уже в «Униженных и оскорбленных» идеологическим центром романа является диалог между князем Валковским и Иваном Петровичем. И уже здесь выясняется главная особенность построения диалогов в романах Достоевского: так же, как в классическом шедевре диалектики XVIII в.— «Племяннике Рамо» Дидро, которым Достоевский увлекался еще в молодые годы [28], активную, наступательную роль в диалогах у Достоевского играет «зло», а не «добро». Импровизируя перед смущенным Иваном Петровичем, князь Валковский придает своим аморальным идеям увлекательную форму парадокса — и в софизмах этого первого в творчестве Достоевского «парадоксалиста» в причудливой «фантастической» форме отражаются реальные противоречия дворянско-аристократического общества и изнанка буржуазной морали.

Возобновив в 1876 г. издание «Дневника писателя», Достоевский переносит сюда разработанную им в романах 60-х годов и остро отточенную здесь диалогическую форму. В апрельском номере он вводит в «Дневник» фигуру своеобразного двойника и собеседника автора — «Парадоксалиста», который позднее несколько раз снова возникает на его страницах. Отталкиваясь не только от опыта диалогического построения у Дидро, но и от жанра платоновского сократического диалога, а также от вызвавшей его пристальный интерес еще на рубеже 60-х годов книги А. И. Герцена «С того берега», Достоевский делает своего «Парадоксалиста» носителем своеобразной иронической диалектики: в спорах между автором «Дневника» и «Парадоксалистом» получают выражение трагические, неразрешимые, в понимании Достоевского, антиномии буржуазного мира, его традиционные идеи и нравственные ценности. Высказываемые «Парадоксалистом» софизмы (например, защита и восхваление войны) всякий раз резко противоречат не только ходячим представлениям, но и коренным, заветным убеждениям автора «Дневника». И вместе с тем в этих вызывающих парадоксах есть своя логика, так как они обнаруживают относительность отвлеченной морали в обществе, где мир порождает не меньше преступлений, чем война, и где подавление всех возвышенных героических стремлений, унижение миллионов безвинно страдающих людей возведено в ежедневный «нормальный» закон жизни. Записи Достоевского к «Дневнику писателя» позволяют проследить его работу над созданием образа «Парадоксалиста», проследить постепенное развитие, расширение функций этого образа.

Значительное место в тетрадях последних лет занимают заметки, размышления и наброски, связанные с теми главами «Дневника», которые посвящены «восточному вопросу» — освободительной борьбе южных славян против турецкого ига и русскому добровольческому движению помощи славянским народам. Они позволяют проследить эволюцию во взглядах Достоевского, пережитую по поводу восточного вопроса и развития добровольческого движения: пока оно оставалось более или менее узким движением одних лишь образованных слоев общества, оно не вызывало исключительного интереса автора «Дневника». Но когда борьба угнетенного славянства вызвала отклик народных масс царской России, она глубоко захватила и увлекла Достоевского. В пробуждении сочувствия балканским славянам в народной среде, в вызванной им волне общенародных пожертвований и героизме русских солдат Достоевский увидел залог близости будущего пробуждения широких русских народных масс к активной политической жизни, о котором он мечтал с начала 1860-х годов. И хотя в заметках Достоевского-публициста о славянском вопросе в его рабочих тетрадях, как и в соответствующих главах «Дневника», ярко проявились также и реакционные, наивные и слабые стороны его политической мысли — Достоевский не мог провести различия между бескорыстным сочувствием балканским славянам русских народных масс и официальной политикой самодержавия,— страницы рабочих тетрадей и публицистики Достоевского, посвященные славянскому освободительному движению и русско-турецкой войне, все же в высшей степени знаменательны. Под влиянием настроений, пробужденных в нем борьбой за освобождение славянства, Достоевский подвергает сомнению отвлеченные заповеди христианской морали. Вместо терпения и всепроще-

ния он утверждает в «Дневнике» законность и необходимость вооруженного сопротивления, кровавой расправы с угнетателями. В этих настроениях, владевших Достоевским в годы русско-турецкой войны и отраженных в «Дневнике» 1876—1877 гг., следует искать истоки знаменитого ответа Алеши Карамазова в последнем романе Достоевского на вопрос Ивана о том, заслуживает ли казни или прощения помещик-садист, затравивший собаками крестьянского ребенка: «Расстрелять!».

Наряду с записями к осуществленным главам «Дневника писателя», в рабочих тетрадях 1875—1877 гг. мы встречаем немало записей, отражающих неосуществленные замыслы Достоевского-публициста.

Заканчивая первый (январский) номер «Дневника писателя» за 1876 г., Достоевский писал: «Но вот однако же я исписал всю бумагу и нет места, а я хотел было поговорить о войне, о наших окраинах; хотелось поговорить о литературе, о декабристах и еще на пятнадцать тем по крайней мере... Одним словом — многое приходится отложить до февральского номера» [29].

В тетрадях 1875—1877 гг. встречаются заготовки и наброски для неосуществленных глав «Дневника», посвященных как перечисленным, так и многим другим темам. Таковы ряд полемических набросков, направленных против Тургенева и его романа «Дым», с критикой Потугина и его западнических «бредней», размышление о «плюсовом» (положительном) герое в русской литературе (оно содержит весьма важную для понимания творческого самосознания Достоевского характеристику его центральных героев как «страдальцев от внутреннего недоумения»), наброски об общине, о русской сатире, о романах Золя и т. д. Большой интерес представляют страстные, патриотические размышления Достоевского о будущем Сибири, заметки, связанные с его постоянной настойчивой борьбой против обезлесения России. Все эти материалы пополняют и расширяют представление о круге замыслов и интересов Достоевского-публициста.

4

Публикация завершается рабочей тетрадью Достоевского, которая служила писателю для записей с осени 1880 г. до последних дней жизни. Ее основное содержание было напечатано вскоре после смерти Достоевского. В настоящем томе даются те записи указанной тетради, которые не вошли в публикацию 1883 г.

Достоевский приступил к заполнению этой тетради после завершения работы над «Братьями Карамазовыми», готовясь возобновить с 1881 г. издание «Дневника писателя». Часть содержащихся в ней заметок связана непосредственно с январским выпуском «Дневника» 1881 г.— последним, который автору удалось осуществить. Из других записей многие носят полемический характер — Достоевский страстно защищает в них свою литературную и общественно-политическую позицию и свой только что законченный роман, постоянно переходя при этом «от обороны к нападению» и резко обрушиваясь на своих многочисленных оппонентов из либерального и демократического лагеря.

По сравнению с записями в тетрадях 1875—1877 гг., заметки 1880—1881 гг. отличаются еще бóльшим фанатизмом в отстаивании своих убеждений. Но в самой их запальчивости ощущается присутствие трагического надрыва. Чувствуется, что Достоевский болезненно переживал в последние месяцы жизни свое одиночество, сознавая, что с годами разрыв между ним и большинством его современников не сгладился, а увеличился. Отсюда — оттенок личного раздражения, вызывающий тон, который сквозит в его полемических заметках, в частности, в отзыве о писателях-современниках — Гончарове, Лескове, Льве Толстом («до чего человек возобожал себя»), Щедрине. Даже наедине с собой, склонившись над листами записной тетради, писатель сознает себя окруженным подозрениями и враждой, испытывает потребность оскорбить своих противников — не только действительных, но и воображаемых,— нанести им возможно более чувствительный ответный удар.

В последней, предсмертной записной тетради писателя противоречия его мировоззрения проявляются с особой силой. Достоевский со страстным фанатизмом возражает в ней всем тем, кто корил его за «ретроградность» направления и «*необразо-*

ванную... веру в бога» (Бгр., 368). Он горячо настаивает на бескорыстии и искренности своих убеждений, бросая своим оппонентам упрек, что демократические и либеральные идеи, пользующиеся в обществе широкой поддержкой, им было защищать легче и выгоднее, чем ему его непопулярное «почвенническое» направление. Писатель не перестает уверять себя и других что «есть бог и мир другой, на иных законах, чем реальный (созданный) мир» (стр. 699). Он утверждает, что единственное спасение России и Европы состоит в торжестве самодержавия и православия.

И в то же время Достоевский трагически сознает свое особое положение в лагере реакции, где он всегда оставался «белой вороной». С новой силой писатель почувствовал это после пушкинской речи и «Карамазовых», вызвавших возражения не только «слева» — со стороны Кавелина, Градовского или Антоновича, но и «справа» — со стороны Константина Леонтьева.

В возражениях оппонентам Достоевский отчетливо раскрывает причины своего одиночества: его убеждениям не хватало наивной простоты и цельности, свойственной реакционерам, связанным с существующим строем своекорыстными классовыми интересами или же служившим ему пером ради денег и карьеры. «Осанна» Достоевского была куплена ценой сложных и мучительных исканий, прошла через «*горнило сомнений*» (стр. 696). И эти сомнения, как сознавал сам Достоевский, продолжали звучать в его романах, в частности в «Карамазовых». Более того, как видно из заметок Достоевского, он особенно гордился именно теми богоборческими мотивами своего последнего романа, которые тревожили Победоносцева и других реакционеров: «и в Европе такой силы атеистических *выражений* нет и *не было*» (там же).

Достоевский стремился в «Карамазовых» в конечном счете опровергнуть атеизм Ивана. Но он оставался при этом слишком объективным и глубоким мыслителем и великим писателем, чтобы думать, что победа над атеизмом может быть добыта легкой ценой. Он и сам прошел через «отрицание бога», а потому сознавал всю серьезность и глубину возражений, выдвигавшихся против религии революционерами и атеистами своего и прошлых времен. И в своем романе он пытался собрать и развернуть все аргументы не только в пользу христианства и православия, но и *против них*. Представители господствующей церкви и охранители «устоев» смотрели на дело иначе: твердо веря в незыблемость церковного учения, не подвергая его сомнению, они считали, что аргументы его противников не заслуживают серьезного внимания и что бороться с ними надо не путем тщательного анализа этих аргументов (что уже само по себе является уступкой противнику), но путем преследований и подавления инакомыслящих. Так же, как постоянно прорывавшаяся неудовлетворенность Достоевского существующим порядком вещей и его казавшаяся К. Леонтьеву подозрительной страстная тоска по гармонии и братству людей не на «небе», в потустороннем мире, а *здесь*, *на земле*, это обстоятельство определило наличие никогда не сглаживавшегося до конца жизни противоречия между Достоевским и тогдашними охранителями.

Противоречивость положения Достоевского между революцией и реакцией отражается не только в полемических заметках по адресу его критиков и из революционного и из охранительного лагеря, но и в его оценке существующего положения вещей в России.

Достоевский крайне мрачно смотрит на настоящее и будущее буржуазной Европы. «Богатство — усиление личности, механическое и духовное удовлетворение, стало быть отъединение личности от целого» — таков итог, к которому привело развитие капитализма на Западе (Бгр., 356). В результате Европа стоит на пороге грозных потрясений: «Конец мира идет. Конец столетия обнаружится таким потрясением, какого еще никогда не бывало...»,— с тревогой заявляет Достоевский.

Не приемля социализма, не веря в рабочее движение, писатель рисует фантастическую картину будущего: к социализму во Франции примкнут «иезуиты», «католики», «легитимисты», «бонапартисты». И вся эта пестрая и бесформенная громада рухнет у ног самодержавной России, в которой «социализма совсем нет» (там же). Такова картина, в которую Достоевский хотел бы заставить поверить самого себя и читателя своего «Дневника». Нетрудно видеть, что не менее судеб Западной Европы его заботят ближайшие, столь же тревожные, по его представлению, судьбы России.

Достоевский заявляет, что он, «как и Пушкин, слуга царю». Он готов в будущем приветствовать русского императора в качестве «царя и повелителя всего мусульманского востока». И в то же время Достоевский испытывает сомнение в том, что «царь действительно поверит, что народ ему дети». «Что-то уж очень долго не верит» (Бгр., 366).

В России «церковь как бы в параличе, и это уже давно», «в семействах лишь растление» (стр. 682, 668) — такова мрачная оценка Достоевским итогов царствования Александра II. «Это уже не беспорядок, это отчаянье беспорядка» (стр. 680). «Теперь еще валят леса, но скоро все и вся обратится в мошенника, зуд, аппетит капитана Копейкина»,— к этим безрадостным выводам приводят писателя размышления над начальной фазой российского капитализма. «Землевладение крякнуло, труда нет...» «Всеобщая бедность. Ничего не покупают» (стр. 679).

В итоге писатель приходит к выводу, который он пытался развить в последнем, январском номере «Дневника писателя» 1881 г.: для того чтобы Россия смогла успешно развить свою особую «русскую идею», миновав фазис капитализма, нужны серьезные реформы и притом не полумеры, а «оздоровление корней» (стр. 688—692). Несмотря на свою вражду к либералам, к социалистам и демократам, писатель вынужден заимствовать ряд пунктов из программы своих идейных антагонистов: он готов отныне признать пользу не только одного нравственного оздоровления личности, но и социально-экономических преобразований: нужно «непременно и неотложно обложить налогом высшие, богатые классы и тем снять тягость с бедного класса».

При всей недостаточности и утопичности этой, как и других политических и экономических реформ, предлагаемых Достоевским, указанное новое направление его мысли в последние месяцы симптоматично: оно свидетельствует о кризисе прежних надежд писателя на преобразование русского общества путем одной его моральной перестройки, на определенный поворот Достоевского в конце жизни к идее политических преобразований и политической активности. Смерть писателя помешала более отчетливо определиться этому новому повороту в его взглядах, и мы можем лишь гадать о тех сдвигах, которые могли бы произойти в развитии Достоевского (если бы судьба его сложилась иначе) в той новой, сложной обстановке, которая возникла в России после 1 марта 1881 г., в период наступившей после этого еще более глубокой, чем в последние годы жизни Александра II, полосы правительственной реакции.

5

Хотя, как сказано выше, основная часть записей, содержащаяся в публикуемых в настоящем томе записных книжках и тетрадях, связана с работой над литературно-критическими статьями и публицистикой Достоевского, в них содержатся также первостепенные по своему значению материалы, вводящие нас в творческую лабораторию Достоевского-художника. Эта вторая группа материалов знакомит нас с процессом работы Достоевского над его художественными произведениями 60—70-х годов и с некоторыми его неосуществленными творческими замыслами.

В набросках, связанных с проектом переработки «Двойника» (1861—1864), отражено намерение Достоевского внести в эту раннюю повесть ряд политических мотивов, актуальных в обстановке идейной борьбы 60-х годов и в то же время связанных с новым этапом в развитии мировоззрения писателя. Достоевский задумал дать в ней ироническую «анатомию всех русских отношений к начальству», ввести в повесть новые эпизоды, повествующие о знакомстве и встречах Голядкина-младшего с Петрашевским. Фигура наглого и безнравственного «самозванца»-карьериста Голядкина-младшего должна была превратиться в фигуру политического предателя (что отдаленно подготовляет замысел «Бесов» и образ Петра Верховенского).

Многочисленные записи к «Крокодилу» (1864—1865) дают возможность проследить творческую историю этой повести, насыщенной выпадами против «экономических теорий» «Современника», против демократической («Современник», «Искра», «Русское слово») и либеральной («Голос») публицистики 60-х годов и, в особенности, против Чернышевского и его круга.

В январском номере «Дневника писателя» 1876 г. Достоевский писал о плане «будущего романа», к работе над которым он собирался приступить после окончания «Подростка». «Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и конечно о теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их соотношении. Поэма готова и создалась прежде всего, как и всегда должно быть у романиста. Я возьму отцов и детей по возможности из всех слоев общества и прослежу за детьми с их самого первого детства.

Когда, полтора года назад, Николай Алексеевич Некрасов приглашал меня написать роман для „Отечественных записок", я чуть было не начал тогда моих „Отцов и детей", но удержался и слава богу: я был не готов. А пока я написал лишь „Подростка",— эту первую пробу моей мысли» [30].

В тетради 1875—1876 гг. мы находим ряд «мыслей», отражающих один из этапов обдумывания писателем плана романа «Отцы и дети» (стр. 445—446). Намечая сюжетные линии и ситуации будущего романа, Достоевский кладет в его основу те же факты русской общественной жизни и судебной хроники 70-х годов, которые стояли в центре его внимания как публициста и широко отражены в «Дневнике писателя» 1876 г. Среди персонажей романа намечены «мальчик», находящийся в колонии для малолетних преступников (описание этой колонии, которую он посетил 27 января 1875 г., Достоевский дал в январском выпуске «Дневника писателя» 1876 г.), муж, убивший свою жену на глазах у девятилетнего сына, мальчик-подкидыш, «дети, бежавшие сами от отца», и т. д. Как видно из заметок писателя, он хотел в одном из эпизодов романа художественно пересказать «всю историю Кронеберга» (героя нашумевшего судебного процесса, которому Достоевский посвятил ряд страниц «Дневника»), ввести в роман эпизод о «фребелевской школе», критическую характеристику «новейших учительниц» и т. д. Замысел особого романа о «русских теперешних» «отцах» и «детях» не был осуществлен, но тема эта получила вскоре широкое отражение в «Братьях Карамазовых», где изображены три поколения русских «отцов» и «детей» пореформенной эпохи.

О том, что Достоевский в 1876—1877 гг. собирался написать «роман о Мечтателе», мы знаем из письма этих лет к Достоевскому С. В. Ковалевской, которая пишет, что во время болезни ей «вспоминался» один «рассказ» Достоевского из «будущего романа», и предлагает писателю свой вариант развития его идеи [31].

В последних записных тетрадях отражено несколько последовательных эпизодов развития замысла романа «Мечтатель». Как видно из набросков Достоевского, гема «Мечтателя» одно время переплеталась в его сознании с замыслом романа об «отцах» и «детях»: в наброске (см. стр. 446) «Мечтатель», воспитывающий сына после смерти жены и «мало занимающийся» им, хотя и имеющий на него сильное духовное влияние, задуман как персонаж «Отцов и детей». В других, более поздних записях (того же 1876 г.), под рубрикой «Мечтатель» фигурирует сначала название будущего эпизода «Дневника писателя» (стр. 523, 526, 535), где тип «Мечтателя» должен был занять место, аналогичное типу оппонента Достоевского — «Парадоксалиста», а затем — как заглавие самостоятельного романа (там же, стр. 590—591). Наряду с явлениями текущей жизни («война», «спиритизм») в романе, в центре которого должна была находиться картина сложных, драматических взаимоотношений «Мечтателя» с женой и сыном, важное место автор хотел отвести психологической и морально-философской проблематике. Герой романа характеризуется в набросках как человек «правдивый и честный», долгое время не осмеливавшийся взглянуть в глаза «действительной жизни», спасавшийся в «мечтательном мире» лжи «от отчаяния и от ригоризма вопросов». Но наконец жизнь «втягивает» в себя «Мечтателя» и его жену, однако «Мечтатель» «все портит,— всякую действительность мечтами». Лишь в конце романа герой, по-видимому, должен был «стряхнуть паралич мечтательности и стать человеком» (к чему его и прежде призывал внутренний голос, от которого он «спасался мечтой», желая в мечте быть «идеалом благородства»). Освобождение от «мечтательства» примиряет «Мечтателя» и его жену, устраняет из их отношений мешавшие прежде фальшь и взаимное непонимание. Одна из записей к «Мечтателю» (так же, как тема «теперешних отцов и детей») вплотную подводит нас к замыслу «Братьев Карамазовых»:

«Мечтатель. Великий инквизитор и Павел. Великий инквизитор со Христом» (стр. 470). Следует заметить, что и некоторые другие записи обеих тетрадей (1875—1876 и 1876—1877 гг.) уже намечают отдельные темы и характеры будущих «Карамазовых» (упоминание Лизаветы Смердящей, замечания о безвинно замученном ребенке в связи с делом Кронеберга, размышления, высказанные по поводу спиритизма о «камнях» и «хлебах» и впоследствии получившие развитие в «Легенде о Великом инквизиторе», замысел «поэмы» о бунте и смирении). Это дает в руки исследователю ценнейший материал, позволяющий проследить первоначальный этап творческой истории последнего романа Достоевского, материал, неучтенный В. Л. Комаровичем, Л. П. Гроссманом и А. С. Долининым в их трудах о творческой истории «Братьев Карамазовых».

Основная часть черновых материалов к повести «Кроткая» была опубликована в 1926 г. А. С. Долининым [32]. Однако в своей публикации А. С. Долинин учел лишь рукописи, хранящиеся в рукописном отделении Пушкинского Дома, не использовав материалов, находящихся в записной тетради (так же, как и ряда отдельных набросков, хранящихся в Гос. библиотеке им. В. И. Ленина). Записи к «Кроткой» (стр. 594—597), в которых отражена более ранняя, по сравнению с опубликованной Долининым рукописью, стадия работы над рассказом, дополняет его публикацию. Они позволяют проследить путь от газетных страниц к повести Достоевского, раскрывают, как формировались постепенно в воображении писателя характеры героев и сюжет рассказа, как обдумывались им отдельные реплики, сцены и эпизоды. Некоторые более развернутые наброски представляют первоначальную разработку отдельных мест рассказа. Они знакомят с работой Достоевского над психологической и речевой характеристикой главного героя. Сопоставление записей, относящихся к «Кроткой», с заметками, сделанными непосредственно при чтении газет, позволяет более полно и конкретно, чем это было возможно до сих пор, охарактеризовать связь сюжета «Кроткой» с материалами тогдашней периодической печати. Анализ этого материала содержится в помещенной в настоящем томе статье Л. М. Розенблюм.

Внимание исследователей творчества Достоевского естественно привлечет краткая запись на стр. 397: «Елка, ребенок у Рюккерта, Христос спросить Владимир Рафаиловича Зотова». Как показал несколько лет назад автор настоящих строк, запись эта дает в руки изучающего творчество Достоевского новые данные, относящиеся к творческой истории рассказа Достоевского «Мальчик у Христа на елке», помещенного во второй главе январского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. Она позволяет установить, что при работе над этим единственным своим «святочным» рассказом писатель воспользовался сюжетными мотивами стихотворения немецкого поэта Ф. Рюккерта (1788—1866) «Елка сироты» (или «Елка ребенка на чужбине» — «Des fremdem Kindes heiliger Christ»). Сопоставление баллады Рюккерта и рассказа «Мальчик у Христа на елке», который автор насытил глубоким протестом против человеческого страдания и в который внес характерный для своих произведений «призрачный» петербургский колорит, проливает свет на вопрос об отношении Достоевского не к разработанному творчески им самим, а к «заимствованному» сюжету,— случай тем более интересный, что в творчестве Достоевского мы не встречаем других аналогичных примеров [33].

6

Огромный интерес представляют не только те страницы записных книжек и тетрадей Достоевского, которые содержат наброски произведений,— осуществленных и неосуществленных,— но и страницы, сохранившие для нас размышления писателя о русской и западной литературе, его литературно-эстетические суждения и оценки.

Литературно-эстетические взгляды Достоевского неотделимы от его мировоззрения. Поэтому в его мыслях о литературе и в его оценках творчества отдельных русских и зарубежных писателей отразились и те общие противоречия, которые характеризуют творчество Достоевского в целом. Борьба против революционно-демократической эстетики и связанных с нею явлений передовой, демократической литературы и искусства наложила свой отпечаток на многие литературные заметки и наброски Достоевского. В его записях о литературе и искусстве содержится немало несправедливых

суждений, односторонних и нередко, как показала последующая история, близоруких оценок. Убежденность в своей правоте там, где в действительности историческая правда была не на его стороне, а на стороне его идейных противников, зачастую ослепляла Достоевского, и он оказывался пристрастен и несправедлив не только в суждениях о своих выдающихся современниках — Чернышевском, Некрасове, Щедрине, Тургеневе, Островском,— но и о многих явлениях предшествующей русской и зарубежной культуры (таковы характеристика Пушкина как славянофила, ряд отрицательных отзывов о Чацком, резкие замечания о Рылееве и Лермонтове, о Байроне, политическое бунтарство и богоборчество которого Достоевский склонен объяснять мотивами личной обиды, желанием отомстить за свою хромоту и т. д., что резко расходится с оценкой поэзии Байрона и байронизма как великих культурно-исторических явлений, данной самим же Достоевским в «Дневнике писателя»).

Но в заметках писателя отражены и такие многочисленные литературные суждения и оценки, которые освещают для нас по-новому многие стороны идей Достоевского — великого реалиста, проникнутого острым сознанием громадной ответственности писательского дела, страстной тревогой за судьбы русского народа и всего человечества.

Достоевский неоднократно возвращается к мысли о долге писателя вообще и русского писателя в особенности, перед народом и обществом. Он требует от русского писателя глубочайшей честности, высокого представления о своей общественно-патриотической миссии: «Литературе в нашем веке, (в наше время) надо высоко держать знамя чести. Представьте себе, что бы было, если б Лев Толстой, Гончаров оказались бы бесчестными? Какой соблазн, какой цинизм и как многие бы соблазнились. Скажут: „если уж эти, то... и т. д." То же и наука» (стр. 544—545). Рассматривая литературу как ответственное национальное дело, писатель считает одной из важнейших ее задач — способствовать «расширению мысли». «Ибо в художественном изложении мысль и цель обнаруживаются твердо, ясно и понятно»,— пишет Достоевский.

Идея, мысль должны, по убеждению Достоевского, сочетаться в поэзии со «страстью»: он доказывает, что литература не терпит безразличия и равнодушия, что она требует от писателя горячего воодушевления и заинтересованности вопросами жизни, а не одного холодного наблюдения: «В поэзии нужна страсть, нужна *ваша идея*, и непременно указующий перст, страстно поднятый. Безразличие же и реальное воспроизведение действительности ровно ничего не стоит, а главное — ничего и не значит. Такая художественность нелепа: простой, но чуть-чуть наблюдательный взгляд гораздо более заметит в действительности» (стр. 610).

В то же время Достоевский горячо защищает значение художественности в литературе, видя в ней важнейшее орудие мысли. «Художественностью пренебрегают только лишь необразованные и туго развитые люди, — пишет он в связи с этим.— Художественность 〈...〉 помогает выражению мысли» (стр. 376). «Во всяком истинно художественном произведении, хотя бы оно толковало о других мирах, не может не быть истинного направления и верной мысли» (стр. 429). Продолжая и развивая традиции русской реалистической школы XIX в., Достоевский утверждает, что искусство и литература неотделимы от истины, без которой нет и подлинной художественности: «*Как только* художник захочет отвернуться от истины, тотчас же станет бездарен, и потеряет на ту же минуту весь свой талант» (там же).

В связи с вопросом о судьбе реалистических принципов в современной русской и западноевропейской литературе Достоевский в 1876 г. познакомился с романами Золя. В рабочей тетради он записывает свои критические замечания о французском натурализме. Подобно Гончарову, Щедрину, Глебу Успенскому, Льву Толстому, Достоевский рассматривает выдвинутое Золя и другими натуралистами понимание реализма как сужение его задач и возможностей. Достоевский порицает натурализм за отказ от изображения «красоты», от широкого, творческого понимания «истины» в литературе. «В одном только реализме (Достоевский имеет в виду реализм Золя.— *Г. Ф.*) нет правды»,— записывает Достоевский в связи с чтением романа Золя «Чрево Парижа»: «Фотография и художник. Золя просмотрел в Ж. Занде (в первых повестях) поэзию и красоту...» «Реализм есть фигура Германна (хотя на вид что может быть фантастичнее)...» (стр. 629). И в то же время Достоевский отмечает в «Чреве Парижа»

многочисленные уступки Золя романтической традиции, в особенности в изображении живописца Клода Лантье (стр. 619).

Еще в статье «Выставка в Академии художеств за 1860—1861 гг.» («Время», 1861, № 10) Достоевский выразил свое основное эстетическое убеждение: разбирая картину В. И. Якоби «Партия арестантов на привале», писатель сформулировал мысль, что первое условие всякого искусства —«точность и верность» натуре, «передача правды действительной»[34]. Но, стремясь в качестве необходимого условия к верной передаче природы, искусство *не может этим ограничиться*. Оно обязано заглянуть в природу глубже. В каждом представляемом им лице искусство должно «откопать человека»[35]. Именно в этом состоит, по мнению Достоевского, принципиальное различие между «фотографическим» (или «зеркальным») и подлинно-художественным изображением, свойственным только одному искусству, в отличие от всякого другого, чисто механического способа воспроизведения жизни.

«Зритель действительно видит на картине г. Якоби настоящих арестантов,— писал Достоевский,— так, как видел бы их, например, в зеркале или в фотографии, раскрашенной потом с большим знанием дела. Но это-то и есть отсутствие художества. Фотографический снимок и отражение в зеркале — далеко еще не художественные произведения»[36]. При всей кажущейся точности деталей и даже внешней характеристики отдельных персонажей, на картине Якоби, по мнению Достоевского, *нет людей*, в ней слабо проявилось внимание художника к их внутренней жизни. Все арестанты «у него равно негодяи и все одинакие, как будто потому, что в его мнении сравняла их этапная цепь. Все у него равно безобразны, начиная с кривого этапного офицера до клячи, которую отпрягает мужик...». Между тем, на каторге (так же, как везде, в любых других условиях) нет одинаковых людей, как нет людей, вполне потерявших человеческий облик. «Допустим, что большею частью арестанты так сживаются с своим безвыходным положением, что становятся ко всему равнодушны; но в то же время нельзя не допустить, что они люди. Так давайте же нам их как людей, если вы художник; а фотографиями их пусть займутся френологи и судебные следователи»[37].

«В зеркальном отражении,— продолжал Достоевский,— не видно как зеркало смотрит на предмет или, лучше сказать, что оно никак не смотрит, а отражает пассивно, механически». Истинный же художник видит природу «не так, как видит ее фотографический объектив, а как человек. В старину сказали бы, что он должен смотреть глазами телесными и, сверх того, глазами души, или оком духовным. Пусть же он видит в „несчастных" арестантах людей, да пусть же и нам покажет это»[38].

Ту же мысль Достоевский сформулировал в записной тетради 1880—1881 гг. в словах, заслуженно получивших широчайшую известность как лучшее выражение его художественного кредо. «При полном реализме найти в человеке человека... Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т. е. изображаю все глубины души человеческой» (Бгр., 373).

Большой интерес представляют суждения Достоевского о юморе и сатире в связи с задуманной, но неосуществленной статьей на эту тему:

«Дурной признак,— пишет он,— когда перестают понимать иронию, аллегорию, шутку. Упадок образования, ума, признак глупости» (стр. 557; ср. те же мысли на стр. 612 той же тетради). И в другом месте, в связи с анализом пушкинских «Цыган»: «Алеко. Разумеется это не сатира, а трагедия. Но разве в сатире не должно быть трагизма? Напротив и в подкладке сатиры всегда должна быть трагедия. Трагедия и сатира две сестры и идут рядом и имя им обеим, вместе взятым: *правда*» (стр. 608).

В записях Достоевского отражены горячая любовь писателя к русскому языку, забота о его развитии, неустанная работа над обогащением и совершенствованием языка и стиля своих художественных произведений и статей.

Достоевский выступает против французского языка высшего общества, про которое он гневно пишет: «Ломаный французский язык с акцентом и доживание доходов, а остальная огромная масса живет, перебиваясь копейками... Это даже и не буржуазия». Он записывает, подготовляя двойной номер «Дневника писателя» за июль — август 1876 г. (где получила развитие намеченная в приводимой записи тема о русском и французском языке): «Непременно о русских, говорящих по-француз-

ски... и учащих детей. Какая старая тема... Иностранные языки ужасно полезны, но не иначе как, когда заправился на русском. Тоже в классических языках — никакой пользы без русского языка. А русский язык именно в загоне — и по-французски мыслить научится и будет международный межеумок...» (стр. 552).

Как пример речи великосветского «международного межеумка», не знающего русского языка, Достоевский записывает комический пассаж, составленный из фраз, принадлежащих двум либеральным писателям и критикам — А. В. Дружинину и В. Г. Авсеенко: «Безукоризненно гантированный молодой человек, проглотивший множество модных увражей, но ум которого продолжает блуждать... в вечных тенебрах, а сердце жаждать всю жизнь одних аржанов» (стр. 626)

Защищая в борьбе с дворянско-аристократическим великосветским обществом и его презрением к родному языку достоинство последнего, его красоту и силу, значение для развития национальной культуры, Достоевский внимательно прислушивается к народной речи, записывая в тетради характерные яркие выражения, пословицы и поговорки, услышанные из уст народа.

Так в отношении Достоевского к русскому языку, как и в других его литературно-эстетических идеалах, отразились стихийный демократизм великого писателя, его скептическое отношение к культуре и эстетическим идеалам господствующих классов. Эти черты взглядов Достоевского неизменно составляли основу всего того лучшего, что было им создано в мучительной борьбе с самим собой, в постоянной, никогда не затухавшей внутренней полемике с реакционными заблуждениями и шатаниями мысли, уводившими его в сторону от истины, которую он страстно искал. В отражении этой борьбы и вызванных ею вопросов — одна из важных сторон, определяющих значение записных тетрадей Достоевского.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Еще до выхода русского издания черновых материалов к «Братьям Карамазовым» они были напечатаны В. Л. Комаровичем частично в немецком переводе в кн.: «F. Dostojevskij. Die Urgestalt der Brüder Karamasoff», Piper Verlag, München, 1928; В. Л. Комаровичем же была начата в 1920-х годах разработка и публикация материалов к «Подростку» по рукописи Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина («Начала», 1922, № 2).

[2] См. Л. П. Гроссман. Путь Достоевского. Л., Изд-во Брокгауз — Ефрон, 1924, стр. 130—131; ср. Б. Вышеславцев. Достоевский о любви и бессмертии. — «Современные записки», т. 50. (Париж), 1932, стр. 288—304.

[3] Р. И. Аванесов. Достоевский в работе над «Двойником». В кн.: «Творческая история. Исследования по русской литературе». Ред. Н. К. Пиксанова. М., «Никитинские субботники», 1927, стр. 161—167.

[4] Н. Ф. Бельчиков. Чернышевский и Достоевский. «Печать и революция», 1928, № 5, стр. 35—53; он же. Тургенев и Достоевский. Критика «Дыма». — «Литература и марксизм», 1928, № 1, стр. 63—94.

[5] С. С. Борщевский. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. М., Гослитиздат, 1956.

[6] Наиболее обстоятельная характеристика записных книжек и рабочих тетрадей Достоевского дана в статьях В. С. Нечаевой «Рукописное наследие Ф. М. Достоевского» (в книге «Описание рукописей Ф. М. Достоевского», под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957, стр. 12—14 и 24) и Л. М. Розенблюм «Творческая лаборатория Достоевского-романиста» («Литературное наследство», т. 77. М., 1965, стр. 22—50). В названном «Описании рукописей» дано и краткое архивное описание печатаемых в настоящем томе материалов (стр. 313—316, 320—323).

[7] Обстоятельный анализ литературно-общественной позиции журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» и общая характеристика полемики Достоевского с демократической журналистикой 60-х годов даны в статьях У. А. Гуральника «„Современник“ в борьбе с журналами Достоевского» («Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка», 1950, т. IX, в. 4) и «Ф. М. Достоевский в литературно-эстетической борьбе 60-х годов» (сб. «Творчество Ф. М. Достоевского». М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 293—329), а также в работе С. С. Борщевского «Щедрин и Достоевский».

[8] См. о журнале «Светоч» нашу статью «У истоков почвенничества» («Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1971, № 5).

[9] «Что бы ни говорили о недоброжелательстве наших журналов друг к другу, однако нужно к чести их сказать, что они обращались с „Временем" очень снисходительно, не обращали внимания на его выходки, не вступали с ним в строгую и серьезную полемику, несмотря на то, что критический отдел „Времени" почти весь исключительно посвящен был полемике»,— справедливо писал Антонович о позиции «Современника» по отношению к «Времени» до статьи «О почве» («Современник», 1862, № 4, стр. 248).

[10] «Современник», 1861, № 12, стр. 180, 184, 188.

[11] XIII, 250, 251.

[12] «Время», 1862, № 4. Критическое обозрение, стр. 1—26.

[13] Там же, стр. 16.

[14] Там же, стр. 17

[15] Там же, стр. 25—26.

[16] Колебания Достоевского в оценке революционных демократов «Современника» в 1862—1863 гг. отражает статья «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» («Время», 1863, № 1). Достоевский писал: «Мы несогласны были с некоторыми уклонениями Добролюбова и с теоретизмом его направления», но вместе с тем подчеркивал, что Добролюбов «был человек глубоко убежденный, проникнутый святою, праведной мыслью, и великий боец за правду» (XIII, 285).

[17] Начало датировки установлено по содержанию записей.

[18] «Из архива Достоевского. „Преступление и наказание" Неизданные материалы». М.—Л., ГИХЛ, 1931.

[19] См. публикацию В. Э. Боград «Салтыков-Щедрин. Полемика с Достоевским» и его же вступительную статью к названной публикации (где указаны также предшествующие работы на эту тему и дана краткая их оценка.— «Литературное наследство», т. 67. М., 1959, стр. 363—402).

[20] «Письма», II, стр. 44.

[21] См. об этом: Г. М. Фридлендер. Реализм Достоевского. М.— Л., «Наука», 1964, стр. 275—276.

[22] «Письма», I, стр. 142. Курсив мой— *Г. Ф.*

[23] См.: К. Н. Леонтьев. О всемирной любви. Варшавский дневник, 1880, №№ 162, 169, 173; он же. Наши новые христиане. СПб., 1883; перепечатано в кн.: К. Н. Леонтьев. Собр. соч., т. 8. М., 1912, стр. 175—215; ср.: В. Л. Комарович. «Мировая гармония» Достоевского.— «Атеней». Л., 1924, кн. 1—2, стр. 112—142.

[24] «Письма», II, стр. 168—170.

[25] XII, 429.

[26] Там же, стр. 412.

[27] Там же, стр. 410—411.

[28] См. об этом: А. Л. Григорьев. Достоевский и Дидро.— «Русская литература», 1966, № 4, стр. 88—102.

[29] XI, 173.

[30] Там же, стр. 147—148.

[31] С. В. Ковалевская. Воспоминания детства и автобиографические очерки. М., Изд-во АН СССР, 1945, стр. 117.

[32] См.: «Достоевский. Статьи и материалы», т. II. Л.— М., «Мысль», 1924, стр. 439—508.

[33] См.: Г. М. Фридлендер. Святочный рассказ Достоевского и баллада Рюккерта. В кн.: «Международные связи русской литературы». М.— Л., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 370—390; Г. М. Фридлендер. Реализм Достоевского. стр. 290—308.

[34] XIII, 532. Вопрос о степени авторского участия Достоевского в статье «Выставка в Академии художеств», приписанной ему впервые в 1918 г. Л. П. Гроссманом, до сих пор не решен окончательно. Возможно, что статья эта написана Достоевским в соавторстве с П. А. Кусковым (как полагал Б. В. Томашевский) или Я. П. Полонским (последнее предположение, высказанное В. С. Нечаевой, представляется нам более убедительным). Однако принципиальные эстетические положения этой статьи, без сомнения, принадлежат Достоевскому. Это видно из близости их аналогичным положениям статьи о рассказах Н. В. Успенского (XIII, 547—555) и публикуемым в данном томе более поздним записям рабочих тетрадей (ср. заметку на стр. 616: «Реализм, фотография. Фотография на себя не похожа»).

[35] Там же.

[36] Там же, стр. 531.

[37] Там же.

[38] Там же, стр. 531—532.

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ И ТЕТРАДИ ДОСТОЕВСКОГО

I и II записные книжки — подготовка текстов и комментарии Л. Р. Ланского и С. С. Борщевского; III и IV записные тетради — подготовка текстов Л. М. Розенблюм, комментарии К. Н. Полонской и С. С. Борщевского; V записная книжка подготовлена Л. М. Розенблюм; VI, VII, VIII записные тетради — подготовка текстов и комментарии Г. Ф. Коган; IX записная тетрадь — подготовка текстов Л. М. Розенблюм, комментарии Г. М. Фридлендера; X записная тетрадь — подготовка текстов Л. М. Розенблюм, комментарии И. З. Сермана; XI записная тетрадь — подготовка текстов и комментарии Л. М. Розенблюм.

I. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА
(1860—1862)

4 я⟨нваря⟩ 60//

Полезность и нравственность

Ряд статей

Шекспир. Его бесполезность. Шекспир как отсталый человек (по Шекспиру государственные люди, ученые, историки учились) (мнения «Современ⟨ника⟩»).

Нравственность (Щеглова). Мнения Чернышевского... //

Около Владимирской церкви. Дмитровск⟨ий⟩ (Поварской) переулок, дом Скобельцына, № 9, Лев Алек⟨сандрович⟩ Мей.
Серпухов⟨ской⟩ переулок, № 8, квартира № 7.
Дебу. Дом Полуектова у Пустого рынка. //

На Гагаринской улице у Пустого рынка в доме Полуектова, квартира № 10. *Дебу.*

Николай Львович Тиблен, на Васильевск⟨ом⟩ острове в 8-й линии, № 25.

25 50 50 8 50
25 4 71
3 $\frac{17}{29}$
1*

Ряд статей о судах. Судьи⟨?⟩
Аномалии Европы и России.
Что значит Рим для папы.//

[У Кокушкина моста дом Пестрины, № квартиры 7, № дома 16 **]

Нечто о современном *общественном направлен⟨ии⟩*.

Мысль о назначении России в Азии и в ее естественных пределах. //

---

* *Далее пять густо зачеркнутых строк.*

** *Цифру можно прочесть и как* 66. *Далее следует карандашная запись детским почерком*: У Васи Лодыгина одоны ⟨!⟩ оружие — сабля, ружье и барабан и знамя.

Проект расходов

Палибину всего по 1-е октября ⟨1861 г.⟩	—105
Новая кварт⟨ира⟩ с переездом и устройством	—170
Паша	— 60
Пальто	— 40
М⟨арьи⟩ Д⟨митриевны⟩ долг	— 21
Ей на одежду	—100
Портному	— 60
Рубахи	— 10
Мелочи	— 20
Житье по 1-е ноября	—.300—[100]
Итого	—886

Налич⟨ные⟩ 650 р.

586
5
[210]
[676]
200
1

586
300
а всех денег *550.*

Сократить расходы на 300 и 100 да *100 с рубашками,* то выйдет 300 сокр. *//

Будущие критиче⟨ские⟩ статьи

Наша теперешняя литература и наша теперешняя публика.
1) Публика и литература,— кто кого опередил?
2) Портреты публики, теперешнее ее состояние.
3) Портреты литераторов.
Эгоизм и так называемое направл⟨ение⟩.
Катков, Милюков, ambition rentrée **, промахи... 50 р. «Светоча», Пирогов, «Современник»—но что молчат рты из ⟨?⟩ «Р⟨усского⟩ вестн⟨ика⟩», личности и портреты à la Мюнхаузен.
4) Чернышевск⟨ий⟩ — недавняя полемика. Что есть истинность в «Современнике».
5) Правды, правды!

Но рассмотрим идею нашей литературы и в следующих статьях с Гоголя

Куда вы торопитесь? (Чернышевск⟨ий⟩). Общество наше решительно ни к чему не готово. Вопросы стоят перед нами. Они созрели, они готовы, но общество наше отнюдь не готово! Оно разъединено. //

NB. С циническою откровенностью говорить о вопросах и как они принимаются обществом (вопрос о женщине, все в голове, а не в теле).

Вы утверждаете, что общество созрело, а вопрос о Пирогове, как вы, дозревшие, его разрешили? Если б вы дозрели, то так бы не разрешили.

Вы препинаетесь о Кавуре, [вопрос] о «Р⟨усском⟩ в⟨естни⟩ке» нечего и говорить — журнал отпетый.

---

* *На след. стр. карандашная запись детским почерком*: Я сам собираю коробки и разную дребедень и картинки.
** подавленное честолюбие (*франц.*).

Главное оттого, что от литературы требуют журналистики. У литературы, как у могущества, свои законы, а ее накренивают в разные стороны, как попало. Достоинство литературы *. //

Расходы

Палибину	—105
Квартира	— 75
Переезд	— 10
Обои	— 21
Переправл⟨ение⟩ моего платья	— 10
Паша	— 90
Пальто	— 40
М⟨арья⟩ Д⟨митриевна⟩	— 21
Портной за все	— 75
Руб⟨ашки⟩ и *мелочи*	— 53
total	—500

Еще —100 от М⟨ихаила⟩ Г⟨авриловича⟩.

Итого — 100 р. на жизнь.
Задолжать портному.
Мебель. //

Палибину	— 70
Квартира с обоями и переездом	—150
Переезд	— 10
Паша	— 90
М⟨арья⟩ Д⟨митриевна⟩	— 21
Портной	— 20
Руб⟨ашки⟩ и мелочи	— 50
[450]	411 р.

Наверно 40

Палибину	— 70
Квартир⟨а⟩	—120
Паше	—125
М⟨арье⟩ Д⟨митриевне⟩	— 21
Коле	— 21
М⟨арье⟩ Д⟨митриевне⟩	— 15
Порт⟨ной⟩	— 20
	—392 р. 90 к.//

В объявление

Журналистика дает средства науке, потому что дает деньги.

Сознательная масса, входящая в жизнь (новое общество). Мы накануне нового поколения (с боярства).

Мы не исполнили, но будем работать, не внимая никаким *покиваниям*.

Мы были искренни и чистосердечны и будем таковы, мы не променяем *литературы*, мы ценим ее...

Литература — выражение всей жизни. Журналистика (№ 1).

* *Этот абзац написан чернилами и вставлен в карандашный текст — поперек двух страниц.*

Полемика, авторитеты. Мы не смотрели на лица, но, признаемся, нам дороги и милы лица честные, ⟨и мы⟩ готовы дать этим всевозможную поддержку. Зато, где мы видели равнодушие, нечестность (популярное), а главное — старое отжившего поколения, мы готовы хвалить все хорошее в противниках наших—

готовы быть храбрыми и за старину.

Всего в один год не сделаешь, — разве выскажешься. Но мы даже вполне не успели и высказаться.//

Литература погибает. Что значит для нас слово *. //

На свете ничего не начинается и ничего не оканчивается.

Чудо воскр⟨есения⟩ нам сделано нарочно для того, чтоб оно впоследствии соблазняло, но верить должно, так как этот соблазн (перестанешь верить) и будет мерою веры **.//

Особый последний счет

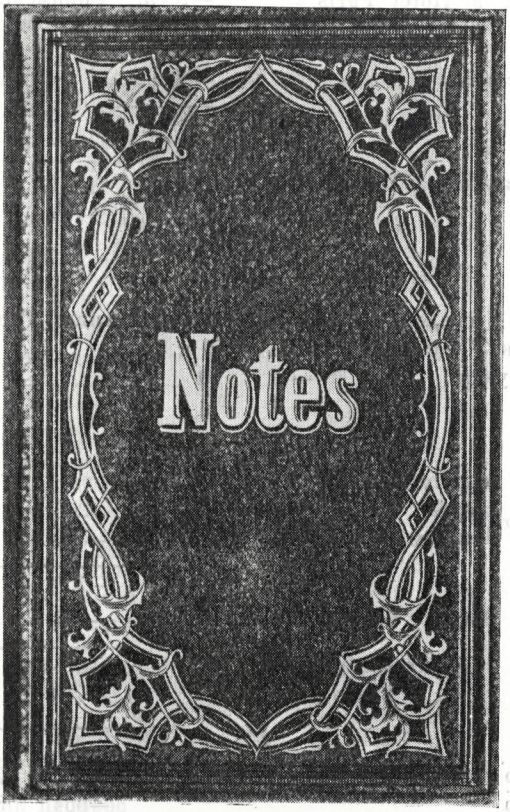
Взято	—15 р.
еще	—15
еще	— 6
еще	—25
еще	— 5
еще	—10
еще	—10
29 апреля еще	—10
1 мая	—10
потом	—60
У Эм⟨или⟩ Фед⟨оровны⟩	— 40
По приезде	— 14
еще	— 50
еще	— 10
еще	—100
Итого 15 мая	—385
еще	— 50
	—435
еще	—100
еще	—600
	—1135//

Окончательный счет *белья*

Рубашек ночных	— 6
Рубашек дневных	— 7
Платков носовых	—11
Подштанников	— 7
Носков	—10
Полотенец	— 6//

* *Эта строка вписана на полях поперек текста. След. стр. исписана детским почерком*: Наши солдаты: Иван Бровкин, Иван Плотников, Мишка Сытнин, Мишка Васильев, Сашка Васильев, Сашка Сытнин, 6 человек.

** *Весь текст на этой странице полустерт.*



ВНЕШНИЙ ВИД ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ДОСТОЕВСКОГО
1860—1862 гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

На углу Фонарного дом Зиберта, *Смирнов.* //

Мои расходы

Взял у Мих⟨аила⟩ Гаврилыча — 600 р.
500 отдал брату
75 р. М⟨арье⟩ Д⟨митриевне⟩ на расходы
Себе взял на расходы 25 р.
да потом у брата
из моих 700 р. взял 25 р.

Итого [взял у брата] —50 р.
Из этих пятидесяти:
Маклеру —6
Моллеру —6
Коле —9 р.
Еще Моллеру в Парголове —2 р. (Парголово и 25 июля к *старику*)
За коляску —3 р.

Около: дыни и вишни, Петров⟨ский⟩ воксал, Излер, извозчики все это время и проч., что за других заплатил по-дружески [как-то билл.] бильярд и т. д. [так] вино в погребке и проч.

[За езду] обед в Hôtel Paris —10 р. примерно (minimum)

Итого —36
За езду в Парголово — 2 р.

38 р.

Старухе — 1 50
Извозчик в Петер. — 1
В саду — 1
Итого 3.50//

38
3—50

41 р. 50 — Итого, истрачено из денег Мих⟨аила⟩ Гаврилыча *мною* к 31-му июля —41 р. 50 к.
Извозчик и фрукты — 1 50
Моллеру — 1

44

Моих денег у брата было:
Сперва —200 р.
И потом —500 р.

Итого —700 р.
Взято у б⟨рата⟩ — 25 р.

Итого *за ним* —675 р.
Взято — 10

—665
Взято детям — 20 к.
Итого —664 80 к.
13 августа взято у Э⟨милии⟩ Ф⟨едоровны⟩ — 25

—639 80 к.
Да прежде того для Баканина — 30
Итого —609 р. 80 к.
18 авгус⟨та⟩ — 50
да вчера взято — 3
При переезде —15

Итого —18 *

—559 р. 80 к.
504 — 25
18 — 30

486 —*504*

Другой счет

Итого, кроме счета портному:
Без сигар взято у брата *по 25 июля* —1219 р.
С сигарами — 126 50

Итого —1345 50
Счет портного 18 августа 61 года — 169 р.
Итого, к 20 августа —1345 р. 50 к.
Счет портн⟨ого⟩ — 169 р.

Итого —1514 50

* *Этот подсчет повторен рядом.*

Да еще сиг⟨а⟩р и папирос по последнему счету —11 20-го августа

Итого, *всего* 1525 50 *на всё*

Страница 17-я //

До рубля детям и проч.

Всего на все —1525-50

— 17-50 коп. Давыд⟨ову?⟩

Всего 1543— на все, кроме *нового счета* сигар

17 сентября 450
взято 120
330
15
315

12 сент⟨ября⟩ —504
— 18
—486
— 10
—476 р.

—471
— 20 14 сентября
—451

Театр 12 числа — 1

Итого —450

Да прежде — 5 р.
—471 р.

17-е сентября —450
Взято —120
—330
— 15
—315 //

Ст⟨арый⟩ долг —126 50 к. (вошел в общий счет).

Сигары и папиросы (новый счет)

От 25 июля ящик папирос — 1 25
сигар — 6
К 12 августа 2 ящ⟨ика⟩ папир⟨ос⟩ — 2 50
Итого — 9 р. 75
Папир⟨ос⟩ — 1 25
— 11 р.

По новому счету

К 30 августа 2 ящика папирос — 1 25
ящик сигар — 6
— 7 25
К 15 сент⟨ября⟩ еще 3 ящ⟨ика⟩ папир⟨ос⟩ — 3 75
Итого — 11 р.
К 25 ⟨сентября⟩ 2 ящика папир⟨ос⟩ — 1 25
сигар — 6
— 18 р. 25 к.
Сигар — 6
Папирос 5 ящик⟨ов⟩ — 6 25
30 р. 50 к.//

К 17 сентябрю оставалось за братом из взятых им 700 р.

—315 р.
Еще взято — 10
Еще — 14
Еще — 6
И к 25 сентябрю еще — 10

Итого, к 25 сентябрю остается за братом: —315 р.
— 40
—275 р.

Взято у Э⟨милии⟩ Ф⟨едоровны⟩ — 50
6 окт⟨ября⟩ взято — 4
У брата еще — 19

Итого — 73 —275
— 73
—202

Итого, всего за братом —202 р. серебр⟨ом⟩
9-го октября взято — 9

Итого —193 р.
Взято —132 75

— 61 р.
Или — 60 25
— 12

— 48 25 //

Итого —48 р. 25 коп.
Взято —19
—12
—20

Итого, 23 ок⟨тября⟩ —51 р.

Итак, к 23 октября весь долг взят, и остается 2 р. 75 коп. за мною.

23 октября.

Всех денег, взятых мною прежде у брата со времени основания журнала, было, без сигар и без счета портному —1219
да теперь — 2 р. 75

Итого —1221 р. 75 коп.

С 25 ок⟨тября⟩ новый забор, взято — 14 р. сереб⟨ром⟩
29 еще взято — 14 р.
31 взято — 10
Театр — 1
Взято — 15
3 ноября еще — 15
4 ноября — 5
7 ноября — 7
и еще — 7
9 ноября — 10
Еще 13 ноября — 15 р.//

23 октяб⟨ря⟩

Кроме того, к 23 октября счет сигар и папирос
Прежний долг за весь год —126 р. 50
Потом был *новый счет* — 11 р.
Потом еще счет по 23 ок⟨тября⟩ — 30 50

К 23 октября. Итого —168 р.
Еще папирос — 1 25 к.

Итого —169 25
За бинокль — 7 р. 50

—176 р. 75
К 26 ноября папирос 6 ящи⟨ков⟩ — 7—50
Сигар 2 ящика — 12 р.

26 ноября всего — 19 50

Еще 1 р. 25 к.
Еще 15 нояб⟨ря⟩ — 50 р.
Театр — 1 р.
Еще — 12
Еще — 12
Еще — 12
Еще — 15
Еще 26 ноября — 10 р.

Итого —225 р.

28— еще — 15 //

Вино

Куплено 30 бутыл⟨ок⟩ по 90 к. бут⟨ылка⟩.
Из них взято к 23 октября
18 бутылок —16 р. 20 к.
9
4 20
16 20 //

Счет портного 18 августа 61 —169 р., а еще за осенние заказы —158
Итого, всего забрано мною у брата, кроме последнего счета портного, к *23 октября 61*

Деньгами —1221 р. 75 к.
Сигарами — 168 р.
Портной — 169 р.
Вино — 16 20 к. //

К 23 окт⟨ября⟩, итого —1574 р. 95
Итого, к 23 октября счет весь (с сигарами и проч.) —1574 р. 95 к.

К 7-му декабря новый забор *чистыми деньгами* был —225 р.
Еще — 15 р.
Еще — 40 р.
(7 декабря) еще — 15

Итого —295 р. сереб⟨ром⟩

Сигарами и прочим

К 7 декабря сигар и папирос *всего* [195] по новому счету —27 р.
Да 2 *ящика папир⟨ос⟩* — 2 50

К 7-му декаб⟨ря⟩ сигар⟨ами⟩ и прочим* —29 р. 50 к.
Да еще *вино, студенты и клуб*
11 декабря.
Сигар — 6 р.
Папир⟨ос⟩ — 1 25

Итого —36 75 //

7-го декабря

Итого —1574 р. 95 к.
— 295 р.

Итого —1869 р. 95 к.
10 дек⟨абря⟩ еще — 15 р.

Итого, 11 дек⟨абря⟩ —1884 95 к.

Чистыми деньгами — 10
еще — 15

Итого 13 дек⟨абря⟩ —1909 р.
16 декабря — 10
17 ⟨декабря⟩ — 100

—2019 //

* *Эта строка вписана перпендикулярно к остальному тексту.*

За халат	— 30
	— 28
	— 26
Еще	—100
И еще	— 50
Еще 2 ящика папирос	— 39 25
За квартиру	—120 //
Итого, весь *долг к 22 декабрю*	
Итого, чистыми деньгами	—2019
Новый забор сигар и пап‹ирос›	— 39 25
Послед‹ний› счет Марбр	— 158 р.
За полотно	— 30
	— 28
	— 26
Квартира	— 120
	—2420 25
23 дек‹абря› еще 100 р. Палибину	— 100
	—2520 25
Еще	— 50
	—2570 25
Еще	— 32
	—2602 25
Еще	— 18
	—2620 25
Еще 3 *янв‹аря›*	— 100
	—2720 25
	— 30+ NB
	—2750 25
Долг Поляк‹ову›	— 700
Итого	—3450 25

Он дает
150 р.
700 долгу
850

2420 25
850
3270
800 //
4070

3450 р.
100 р. 25 *Святая*
3550 25

Сигар и папирос

С января сигар 1 ящик	— 6 р.	
папирос 2 ящика	— 2 50 к.	
К 7 апр‹еля› сигар 4 ящика	—24	—14
папирос 14 ящик‹ов›	—17 50	— 3 50 //
	50	17 50

Его Сиятельству
Князю Владимиру Федоровичу
Одоевскому,
в знак глубочайшего уважения
от автора.

БѢДНЫЯ ЛЮДИ.

РОМАНЪ

ѲЕДОРА ДОСТОЕВСКАГО.

РОМАН «БЕДНЫЕ ЛЮДИ» (СПб., 1847) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ДОСТОЕВСКОГО В. Ф. ОДОЕВСКОМУ:

«Его сиятельству князю Владимиру Федоровичу Одоевскому в знак глубочайшего уважения от автора»

Шмуцтитул

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

К Святой
7 апреля + новый забор сигар —50 р.

Итого—3600 + квартиру на себя — 120
— 3720 р.

—3720 р.
+ 22 р. сигар
—3742

вино 18 р.

От 1-го по 15 мая
папирос 8 ящ⟨иков⟩ —10
сигар 2 ящ⟨ика⟩ —12
Итого —22 р.

Итого, со всем, с вином и сигарами с 15 мая старого забора 3760 р.
NB. Тут перерыв, получил деньги от Гаврилова 200 и не беру некоторое время у брата.

3760
6 р. еще сигар 29 мая
3766//

Старово забора 3766
Нов⟨ого⟩ забора, по 29 мая. 3766
Итого, взято — 435
и
4201

Остав⟨алось⟩ 1799 или 1800
—1200 //

В статью «Гоголь и Островский»

Не в свои сани не садись, Бородкин, Русаков, да ведь это анализ русского человека, главное: *прямота* описаний. Он полюбит прямо, закорючек нет, прямо выскажет, сохраняя все высокое целомудрие сердца! Он угадает, кого любить и не любить сердцем *сейчас*, без всяких натянутостей и проволочек, а кого разлюбит, в ком не признает правды, от того отшатнется разом всей массой, и уж не разуверить его потом никакими хитростями: не примет и к вам не пойдет, не надует ничем, разве прямо с чистым сердцем назад воротитесь: ну тогда примет, даже и не попрекнет. //

Чернышевскому: Б-а, -ба и т. д. Весь комизм тут заключается в том, что ведь этого никак не может быть на деле, даже вообразить этого нельзя, а так только на бумаге у себя в кабинете Г. Чернышевский тешится тем, что призывает к себе, подзывает пальцем всех великих мира сего: Канта, Гегеля, Альбертини, Дудышкина, и начинает их учить по складам. Эта потеха очень невинная и, конечно, очень смешная, она напоминает Поприщина, вообразившего, что он испанский король.

Ведь мы знаем, что такое г. Чернышевск⟨ий⟩. Если у него есть идея, к чему он унизит ее, коверкая себя? Ведь вот теперь дошло до того, что даже Н. Ф. Павлов возвышается над г. Чернышевским и называет его азиатом, «Р⟨усский⟩ вестник» читает ему мораль,— а уж это выходит штука. И ведь аргументы Н. Ф. Павлова очень крепки, одна только сущность дела непроста[?], а ведь об ней не говорят да и говорить не будут. А нам жаль, ради г. Чернышевского жаль. Вы вредите сами себе. Мы вам это часто говорили. //

В Голядкина

Г. Голядкин погибает под чашей горестей и пишет письмо к Голядк⟨ину⟩ младшему, своему смертельному врагу, *о руке помощи* (рыцарское письмо). (Я у Бекетовых, иду к Тург⟨еневу⟩.)

Г. Голядкин младший сходится со старшим. Младший романтизирует и завлекает в романтизм старшего. Доходит чуть не до маниловских генералов. Иногда выказывает при этом ушко, т. е. какой-нибудь *подлый расчет*. Это коробит старшего, но он молчит *из товарищества*, и сам себя укоряет: зачем он молчит.

Мечты младшего вслух о дуэли с поручиком, с генералом (практический совет младшего — вызвать [старшего] генерала на дуэль). Удивление г. Голядкина, но он соглашается из романтизма и из восторга стадности. Г. Голядкин младший растолковывает старшему: что такое значит принимаю благодетельное начальство за отца и что тут рыцарское. Юридическое и патриархальное отношение к начальству и что правительство само добивается *за отца*.

№. Тут анатомия всех русских отношений к начальству. Взаимные мечты обоих Голядкиных под предводительством младшего, как генерал поймет рыцарственность и выйдет на дуэль, как он не будет стрелять; *можно стать на барьер и только*, сказать: я доволен, Ваше превосходительство. Как потом Голядкин женится на генеральской дочери. Манилов. Это была бы *райская жизнь*.

На другой день в присутствии. Г. Голядкин младший шепчет старшему, показывая генерала: «*Вызови-ка*».

Голядкин младший рассказывает о поручике, о старшем и, подло юля, смешит общество. Г. Голядкин старший слышит. Дуэль. Парголово. Г. Голядкин млад⟨ший⟩ дрался за него. //

В Голядкина

Эли де Бомон. На другой день взял за ухо: Ученые мы люди с тобой, Яков Петрович, Эли де Бомон.

Г. Голядкин с ненавистью смотрел на *младшего*, как он фыркал, плескаясь, в умывальнике.

Грубости Петрушки насчет умывальника, г. Голядкин стыдится, что у него нет хорошего умывальника.

Г. Голядкин с извозчиком: Через золото слезы текут. Извозчик и говорит: Да уж коли человек, так уж оно видно хорошего человека. *Намеднись у Захарки корову увели*.

Фырканье Петрушки (развить).

Голядкин Петрушке про младшего: «Он раскаивается»; опять фырканье.

Как он фыркал и плескался в рукомойнике. Ему казалось, что он [напрасно] нарочно фыркал с тем, чтоб его обидеть.

№. Юридически начальство только по законам поступает; это только грубая подчиненность и послушание начальству. Но если за отца, тут семейственность, тут подчинение всего себя и всех домашних своих вместо начальства. Начало детских отношений к отцу. *Детский лепет невинности, а это — приятнее начальству*.

Это теория *младшего*. Младший — олицетворение подлости.

Сокровеннейшие тайны чиновничьей души à la Толстой. //

В Голядкина
Их мечты

Голядкин накануне дуэли. Младший секундант дал тягу утром рано. Воровски надул. Секундант дрался за дуэлиста.

Петй же * у Клары Олсуфьевны. Голядкин за шута. Тут-то вызов поручика.

Вдвоем с *младшим*. Мечты сделаться Наполеоном, Периклом, предводителем русского восстания. Либерализм и революция, восстановляющая со слезами Louis XVI и слушающаяся его (от доброты).

Г. Голядкин младший укоряет старшего за то, что он прячет от него куски обеда.

Младший рассказывает про старшего в обществе все те штучки (таинственные и сокровенные, которые есть у каждого и которые каждый прячет, как тайны от всех), смешные мелочи, которые Голядк⟨ин⟩ старший ревниво прятал от младшего и вполне был уверен, что тот не узнает, но тот узнал. Г. Голядк⟨ин⟩ *младший* все знает про старшего и все узнаёт. Сверхъестественное могущество.

Младший, оказывается **, знает все тайны старшего, точно он олицетворенная совесть старшего. //

В «Несчастный случай»

Сначала генерал говорил *ты* Пселдонимову, а потом незаметно съехал на *вы*.

И однако ж: «А черт тебя возьми» проглядывало сквозь законный слой подобострастия, продавившийся на лице его.

Пселдонимов был желчный чиновничек, решившийся примириться и выиграть кусок насущного хлеба.

— Передайте ему (сказал генерал), что я не желаю ему зла. Скажу более: я даже готов забыть все прошедшее... да, я готов...

В «Мертвый дом»

Раз как-то на столе лежала раскрытая книга по форме присяги. //

В Голядкина, большая и *самая капитальная* сцена:

Младший решается помогать старшему насчет Клары Олсуфьевны. Petits jeux*** иносан ****, их принимают, как *игру природы*. Г. Голядкин смутно понимает, что его примут в общество, как *игру природы*, и не хочет того. Видит, что и младший *проговаривается*, что их зовут, как *игру природы*, но по стадности молчит.

Младший перед *пети же* вырывает у старшего признание в любви к Кларе Олсуфьевне (младший уже знает это и без старшего). Он начинает учить его, как победить Клару Олсуфьевну, подучивает, как быть развязным, теория о том, как *странно руки торчат бесполезные*. О необходимости сказать bon mot *****, подыскивают, какое бы сказать *bon mot*. Выдумывают каламбуры à la Кузьма Прутков. Подыскали *bon mot*. Г. Голядкин старший уже на вечере (видит смутно, что он как игра природы и что когда он начинает говорить, все замолкают, но шушукаются, смеясь, ожидая, что он скажет глупость),— старается вставить свое bon mot и не умеет. Младший помогает ему, но [как будто] по-настоящему мешает высказать; все не удается.

Наконец младший жестоко высказывает все и рассказывает, как они подыскивали *bon mot*, хотели // пленить девицу и проч., одним словом все,

---

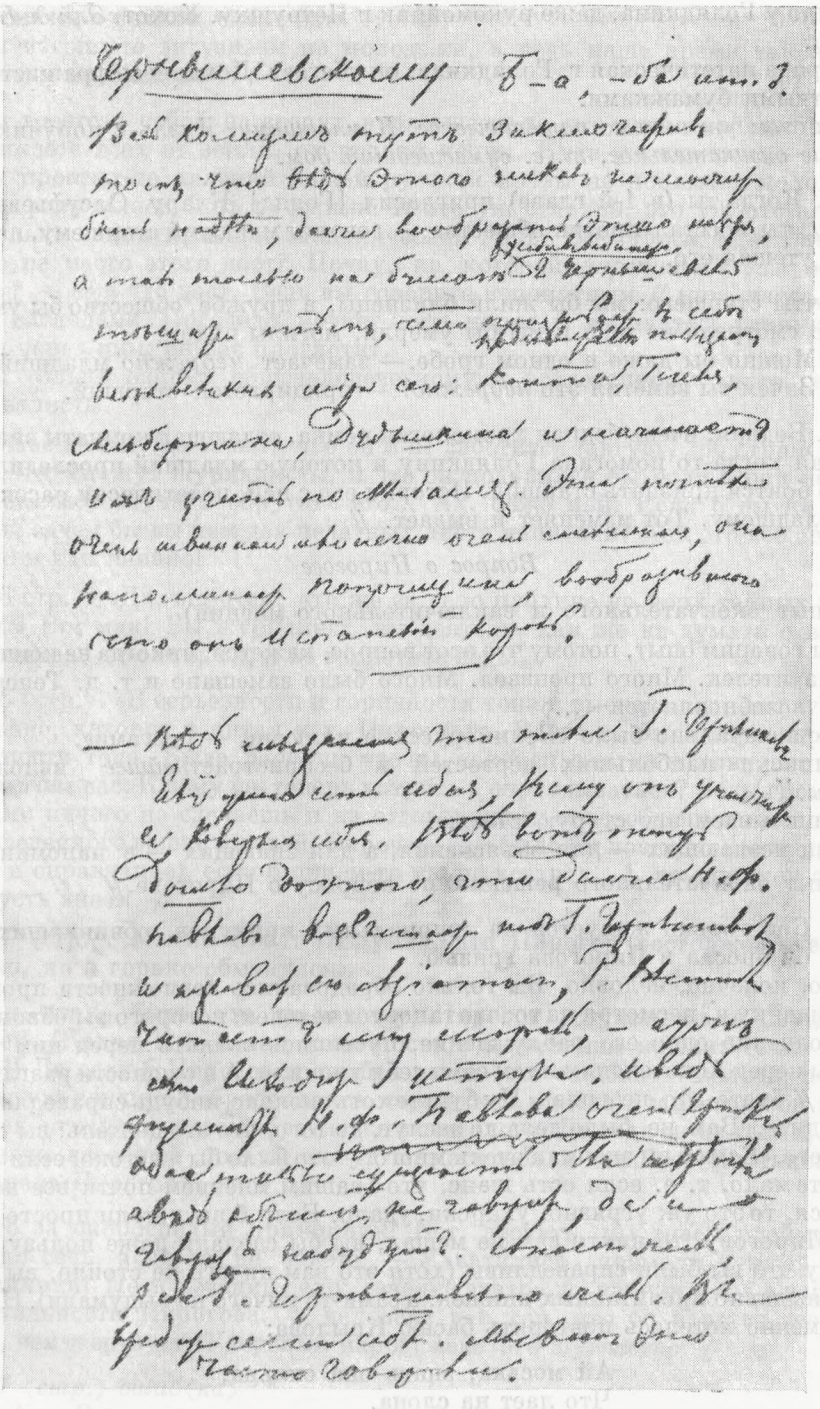
* Светские игры (*франц. petits jeux*).

** *Далее в автографе:* что, *по-видимому, ошибочно не вычеркнутое.*

*** *В подлиннике:* je *вместо* jeux.

**** невинные (*от франц. innocents*).

***** остроту (*франц.*).



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К ПОЛЕМИЧЕСКИМ СТАТЬЯМ ПРОТИВ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Записная книжка, 1861

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

что было у Голядкина, даже рукомойник и Петрушку. Хохот. *Эли де Бомон* и проч.

Тирада патетическая г. Голядкина, он убегает. Дома: весь фрак истыкан конфетными бумажками.

И потом уж письмо *патетическое. К младшему.* Дуэль с поручиком и *падение окончательное, т. е. сумасшедший дом.*

NB. Когда ты (в 1-й главе) пригласил [Голяд] Клару Олсуфьевну на *польку*, ты восстал против общества,— говорит младший старшему, патетически утешая его.

Мечты старшего: мы бы жили близнецы, в дружбе, общество бы умилительно смотрело на нас, и мы бы умерли, могилы рядом:

— Можно бы даже в одном гробе,— замечает *небрежно* младший.

— Зачем ты заметил это *небрежно*? — придирается старший.

NB. Бедная, очень бедная хромоногая немка, отдающая комнаты внаймы, которая когда-то помогала Голядкину и которую младший проследил, которую боится признать старший. История его с ней, патетически рассказанная младшему. Тот изменяет и выдает. //

Вопрос о Пирогове

(Опыт окончательного и заключительного мнений)

Мы говорим опыт, потому что этот вопрос, кажется, никогда не кончится. Он значителен. Много произвел. Много было замешано и т. д. Теперь он опять возобновляется 〈...〉

Первоначально было «Великорусские иллюзии — розгами».

Выписки наибольших дерзостей и беспристрастнейшее изложение *правды.*

Выписываем эту старую статью.

Для незнающих — для объяснения, а для знающих — в напоминание.

Опыт окончательного решения по вопросу о Пирогове. //

Г. Бов горько жалуется на журнальных крикунов, обвинивших, что будто он бросал в Пирогова грязью.

Это, конечно, неловко. Вы только обрадовались возможности провести свою идейку и, несмотря на то, что такое тот человек, которого вы обвиняете, вы, подцепив одно его заблуждение, пустились скакать перед ним точно как бы перед Аскоченским и тем сами себя уронили. А в сущности разглядите сами, // будто это не грязь. Ну будьте хоть сколько-нибудь справедливы — поглядите. Вам не было дела до заслуг, до того, что это деятель, вы освистали его. Если б вы значили очень много — это было бы жестоко, если же вы значите мало, т. е. если есть шанс, что с вашим мнением почти все не согласятся, то это уж угрязно, ухарски, удало. Если б вы хотели просто заметить Пирогову, то никто вам не мешал, вы бы сделали даже пользу всем, потому что вы были справедливы (хотя это вам ничего не стоило, вы говорили из давно прочитанных книжек, а сами-то ничего не выдумали). Но нет, вам именно хотелось повторить басню Крылова:

Ай моська, знать она сильна,
Что лает на слона.

Согласитесь, что это правда. Боже нас сохрани, разумеется, требовать от вас признания публичного. Вы // на такое признание неспособны, нимало. Нет, про себя-то сознайтесь, и то хорошо будет...

Чернышевскому. А ведь перед г.-то Буслаевым вы были неправы *.

* *На полях позднейшая помета:* №2.

В смехе, в вечном смехе есть сушь.

Вы изгоняете энтузиазм из молодежи, а ведь наше время такое, что энтузиазм необходим.

Вы зовете с собой на воздух, навязываете то, что истинно в отвлечении, и отнимаете всех от земли, от родной почвы. Куда уж сложных — у нас самых простых-то явлений нашей русской почвы не понимает молодежь, вполне разучились быть русскими. А это уж старина, это уж отсталость, это только самая крайняя западническая гиль. Вы спросите, что ж Россия-то на место этого даст? Почву, на которой *укрепиться вам можно будет* *,— *вот* что даст. Ведь вы говорите непонятным // нам, массе, языком и взглядами. Погодите, начнет жить народ, и вы явитесь такими пигмеями перед ним; он вас проглотит.

Вы только одному общечеловеческому и отвлеченному учите, а еще матерьялисты.

Г. Бов пишет [да зачем], что он и не заботится (август, 266 стран⟨ица⟩) о том, что скажут журналисты, и что он подивился бы, если б они не воспользовались случаем обругать его... Ах, боже мой! Если б вы не заботились, зачем бы вы нам два печатных листа написали? Как это все делаете скучно и как наивно!

266 стр.— «Да, впрочем, что же за дело публике до моих тайных намерений?» Вот как! Вы журналист, вы деятель, как же не думать о ваших намерениях, а во-вторых, и не запретите ведь. //

266 ⟨стр.⟩. «В серьезности и горячности тона и высказалось то глубокое уважение, которое я питал к г. Пирогову». Вовсе не было серьезности и горячности тона. Была *радость*, что вы, наконец, смогли накинуться на то, что *получше* вас. К чему уж теперь хитрить и оправдываться? Ведь громкими фразами ничего не сделаешь и не отговоришься от всеобщего впечатления, произведенного вашей статьей. Впрочем, еще было бы ловко (такое прикидывание и оправдание), если б прием-то уж не устарел. А то слишком старо. Наизусть знаем. //

267 ⟨стр.⟩. Мысль Бова: «Я думал, что Пирогов восторжествует над средою, но я горько обманулся».

Так, стало быть, уж, по-вашему, Пирогов уступил, он не передовой человек. (Какая шутовская мелочность в понимании жизни: точно дети, право!) Да если б Пирогов и ошибся раз и (эта ошибка — мелочь, потому что вы уж слишком обрадовались парижской идейке), так разве он такой человек, что может разом обратиться в отсталого? Да ведь он из таких, которые ради всеобщей пользы могут согласиться в ошибке. Из такого ли материала Пирогов?

Что за скороспелый принципик! Вот, дескать, мы знаем идейку, что не надо сечь, а вы-то не знаете! — Ухватились, поймали чужое! рады! именинники! Не в сечении дело: сечение завтра же изменится, а в взгляде, в деятельности Пирогова, в человеке и в том, что он борется, чего он хочет, чем жертвует. Угорелый народ! ведь это шутовство! //

367 ⟨стр.⟩ ошиб⟨ка⟩ **

Во-1-х. Зачем же человека выбрали за авторитетное, а во-2-х, вы из таких, что одна уступка — и уж у вас все пропало. Вам нужно разом всего. Да ведь это история ваша с Кавуром, почем вы знаете, чего стоила Пирогову его уступка?

---

* *Выделенный курсивом текст — позднейшее подчеркивание (другими чернилами). Здесь же помета:* × *(крестик).*

** *Цифра* 367 *переделана из* 267.

А *главное*, пусть вы правы.

Да *тон-то* вашей статьи с г. Пироговым неправ. Не в свисте должна была состоять она. Вы сами себе повредили. Не верите? Посмотрите на факт: ну кто с вами согласен?

370 ⟨*стр.*⟩ О том, что Пирогов сам заявил розги и *заслонил* комитет. Да ведь на это можно было отозваться сожалением, а не свистом. Тем более, что он это сделал неверно по *bonhomie* *.

371 ⟨*стр.*⟩ Убеждение — так. Да человека-то вы просмотрели, деятеля. Он ошибся, и за ошибку, за одну ошибку, вы уж не уважаете его более. Зачем же вы требовали от Пирогова более, чем он мог вам дать, вы сами увлеклись, как мальчик (ваши слова), и, увидя, что Пирогов в одном ошибся, тотчас же смешали его с грязью. Да ведь в нем, кроме этой // ошибки, было много прекрасного и великого, перед которым мог бы остановиться ваш свист.

— Да для чего я к человеку буду чувствовать уважение, если он действует не так? — скажете вы.

— Да, он ошибся; новая его деятельность [скажете вы].

Почему к человеку благородному и желающему добра — надо быть снисходительнее? почему, почему — этого не разъяснишь, если вам нечем понять.

[Важнее-то всего то, что Пирогов наверно не кривил душой, а действительно согласился на мнение комитета. Он ошибся, положим. Но действительность сшибает иногда и гениальных людей с ног. И это очень важно, что он не кривит душой. Вы захохочете: чем же // очень важно? Напротив, если б составили препятствия, согласиться было бы ему лучше, чем согласиться самому: во 2-м случае ума нет, а в 1-м — его принудили, ему руки связали, мало ли что бывает? Вы так и рассуждаете. А между прочим, так ли? Нет, не так. Если б он уступил — это было бы хоть и извинительно при известных обстоятельствах, но, во всяком случае, хуже, чем по убеждению. [В убеждениях] (Заметьте, что тут ошибка преувеличена: она даже и не в убеждении [а в вр]. Пирогов нигде не соглашает⟨ся⟩ с розгою как с принципом, даже в своем отчете, он только ошибается в применении, допускает как временное).

Это уж действительно ошибка. Но [Ведь] что важно в том, что это ошибка, а важно то, что если доказать ясно, что это ошибка, то Пирогов завтра же переменил ⟨бы⟩ свои убеждения и отбросил бы ошибку потому что человек-то все-таки бы остался. В человеке-то и главное, Пирогов же непременно бы согласился, на то он и Пирогов. А вы человека-то осмеяли, деятеля полезного стерли в прах и действительно забросали грязью.] //

Вы во всем совершенно справедливы. Кроме злости и тона. Вы набросились на г. Пирогова как на человека, совершенно потерянного, забросав его грязью, и в лице Пирогова оскорбили всех; общество благодарнее, чем вы думали. Оно может простить заблуждение. Вы не простили, т. е. вы человека не цените, люди без гуманности.

NB. Возраж⟨ения⟩ Бову «От⟨ечественных⟩ записок» слабы. Понять: лучше бы, если б Пирогов, не кривя душой, а по незнанию.

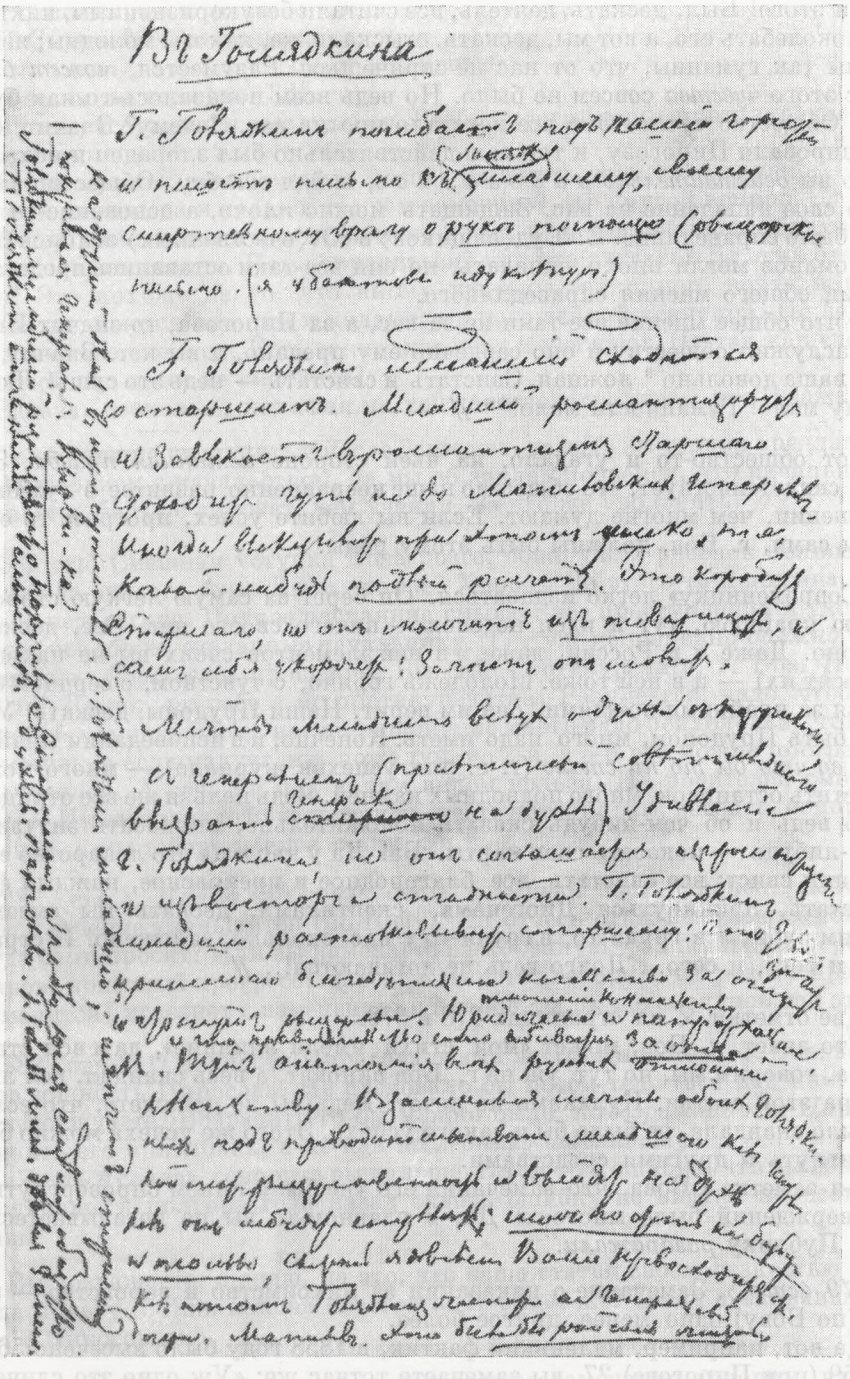
Главное **

NB. Слишком уж мало было благодарности, слишком много замечалось удовольствия в выставлении языков и в показывании шишей. Попался, наконец. Ведь точно вы рады были, наконец, что *попался* человек. Поймали, нако-

---

* добродушию (*франц.*).

** *Текст после:* Главное *отчеркнут на полях.*



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К НОВОЙ РЕДАКЦИИ ПОВЕСТИ «ДВОЙНИК»
Записная книжка, 1862
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

нец, и этого! Был, дескать, деятель, все считали безукоризненным, никто не мог поколебать его, а вот мы, дескать, отыскали же, каковы молодцы; нет, // уж мы так гуманны, что от нас не спрячешься! Разумеется, *может быть* у вас этого *чувства* совсем не было. Но ведь всем показалось-то как будто есть. Общество чутко. Оно все восстало против вас. Почему? Значит, симпатизировали Пирогову, и тон ваш действительно был злораден и нахален, точно вы *действительно р а д о в а л и с ь*, найдя *ошибку*. Общество защищало свое нападение на вас. Защищать можно плохо, а основание-то все-таки было справедливо. Е. Суд⟨овщиков⟩ в «От⟨ечественных⟩ з⟨аписках⟩», Драгоманов могли плохо нападать, но они все-таки оставались представителями общего мнения справедливого.

А что общее мнение все-таки не за вас, а за Пирогова, то значит Пирогов заслужил обществу и оно сердечно ему предано, а вы нет. Значит, дорога ваша довольно * ложная. Свистать и свистать — ведь это сушь! Любви к делу мало! Гуманности мало!** //

Вот общество-то и угадало, на чьей стороне *истинная правда*. Этот факт свидетельствует, что общество наше несравненно развитее в гуманном отношении, чем многие думают. Если вы любите успех, прогресс то есть, то вы сами, г. Бов, должны быть этому рады.

«Современнику» легко издаваться. Он берет за самую легкую сторону: самую крайнюю, тут и идея не своя — ничего своего нет. Все, дескать, скверно. Даже и в России, даже и в ней элементов своих вы не находите ⟨спросят их⟩ — и в ней тоже. Молодежь горячо, с чувством, с сердцем бросается за крайними вождями, она им верит. Наши Прудоны, дескать. Увы! чтоб быть Прудоном, много надо иметь. Конечно, и в исповедании крайней идеи *во что бы то ни стало* (т. е. для успехов журнала) — много можно встретить остановок, много подводных камней. Ведь нельзя же все отрицать. Надо ведь и об чем-нибудь сказать положительно, высказать энтузиазм кому-нибудь — показать свои карты. Ба! Да у нас и на это лекарство есть, крайний свист: все свистать, все благородное и прекрасное, каждый факт освистать, прикинуться Диогенами, скептиками, дескать мы смеемся, скалим зубы, а в груди-то, в груди-то у нас сколько заложено! И страданий, и того, и сего... Долго ведь не догадаются!.. //

Две отметки × на страницах 378 и 379.

Кто знает, г. Бов, может «мои стихи имели влияние», да и вся статья имела, говорим мы, но тут уж не г. Бов виноват, а весь скандал, вся литература этой статьи. Кулаками не лечат. Ведь вы не докажете, что если б не было скандала, не было бы и такого успеха. Этого же успеха можно было достигнуть и другими средствами.

2-я заметка × Бова, что замечания его «не были никем опровергнуты, а подтверждений было много...» Да, в главном-то вы не догадываетесь — *тон*. Публику *раздражали*.

379 ⟨стр.⟩. Замечание о наказании за лихоимство и воровство — значит (по Бову) одно менее, другое более.

Да вот, например, маленький фактик, в 1858 году было высечено 561, а в 1859 (при Пирогове) 27, вы замечаете тотчас же: «Уж одно это сличение цифр показывает, что розгу совсем можно вывесть», и сердитесь, что не вывели. А почему, однако же, такая перемена с 561 на 27? А потому, что тут был Пирогов. За это вы и не подумали поблагодарить. Пирогов ошибся, положим, но ведь *что же-нибудь* да сделал.

---

* *В автографе:* довольная.

** *Текст:* уж мы так гуманны ∞ Гуманности мало! *отчеркнут на полях.*

I С последней страницы. //
II С *последней страницы.*

Бов и Пирогов

И затем на странице 381.

Далее рассуждение *увольнением.* Разбор этого (наш), противуречие себе Бова в выписке.

Наше мнение: чем заменить розги. Заменить, конечно, трудно. Самое лучшее: не сечь да и только. Но чем заменить? Это другой вопрос.

Когда сами педагоги исправятся, тогда и на мальчик⟨ов⟩ будут действовать нравственно. Как исправиться? как это сделать? Да, как это сделать? Это похоже на то, что иному учителю, например, войти в класс нельзя: и смеются над ним и кидаются в него всякой всячиной. Но ведь не над всеми же смеются. Есть такие, которых и уважают. Ну так как сделать тем, чтоб над ними не смеялись?

Задача, несколько похожая на то: как сделать, чтобы нас уважали.

Тоже смешно увольнять и после *дерзости*, да ведь вы террор предлагаете. Антагонизм с начальством, да мы об заклад побьемся, что начальник, в сущности, больше виноват, чем ученик. За что же увольнять? //

382 стр. Смешная уступка Бова розге: обнаружил ребенок полное раскаяние да еще его сечь. Да за что же? Хорош. Да этого-то и должна добиваться педагогика. Полное раскаяние смывает все преступления и удовлетворяет все *обиды*, сделанные начальнику. Тут уж непременно *должно быть* прощение, *безусловное* прощение. Вы себе противуречите, г. Бов. Полно, так ли? Да нет, вы себе и не противуречите... Разумеется, надо, чтоб раскаяние было искренное; но, по-нашему, не много надо психологии, чтоб это подметить, а если надует, ну, пожалуй, во 2-й, в 3-й раз можно пострадать *исключением.* А сечь ни под каким видом нельзя. На родителей смотреть нечего. Им самим надо начальству прочесть нотации: вы, дескать, испортили ребенка, а мы теперь маемся с ним... и т. д.

382 ⟨стр.⟩. *Прямо за этим*: отцы возымеют же, наконец, амбицию. След., сечение уменьшится (по Бову). Да отчего отцы возымеют амбицию, когда сами просят? Или вы намекаете на коренную, радикальную перемену нравов, конечный прогресс: но ведь и Пирогов говорил, что розга в нравах и [изменится] исчезнет с изменениями нравов, да вы же смеялись над этим. //

382 ⟨стр.⟩. О личности Пирогова. Сами же соглашаетесь, г. Бов, какова была личность Пирогова. Не следовало бы потом тешиться над ним. Сами себя осуждаете. Возразить-то бы можно было, но *возразить как Пирогову*, уличить его в ошибках, а не как *последнему шарлатану.*

«Честь и слава», говорите вы дальше. В том-то и ошибка, что вы говорите это теперь, а полтора года назад сквозь ошибку не видали ни чести, ни славы.

Вы возражаете, я знаю, на это, что ваша статья своею резкостью и сделала пользу... Ишь какова строгость! И с кем же? точно с мальчишками, нет, с Пироговым.

Говоря об личности, мы не против вашего замечания говорим, что личность не обеспечивает. Это полнейшая правда. Но мы только хотели сказать, что вы личность-то Пирогова пропустили. Хотя, впрочем, на стран⟨ице⟩ 383 вы хоть и говорите, что «Конечно, так, Пирогов говорил это», т. е. что педагоги одних с ним убеждений,— вы хоть и говорите, повторяю, что правила лучше, чем личность. Конечно, так, правила хорошо, но ведь писанные правила — *нуль*, нарушить их всегда можно, ну а при хорошей // лич-

иости и дурные правила не [в правило] стеснят. Любопытно знать, не польстил ли Пирогов своим сотрудникам, верно ли он сказал о них? Но одно бесспорно: его влиянием дан росток делу и хоть не полный, но он не умрет. А ведь это тоже результат.

386 ⟨стр.⟩. (В начале страницы.) Эманципаторы получают от таких голосов, как Бова, новую силу (будто бы), то-то и есть, служите делу, обрушивайтесь на факт, но щадите лицо, не будьте бесстыдны, отдайте каждому по заслуге. Чему вы удивляетесь, что все на вас? Нет, такие голоса не подмога. (Если ваш голос и [дал] сделал хорошее (силою факта), то он больше бы сделал, если б раздался строго, а не шутовски.)

386 ⟨стр.⟩. «*И разумные приверженцы эманципатора радуются возражениям*».

Хорошо-с; но вот и вы, стало быть, должны радоваться нашему возражению. Ведь мы вам почти ни в чем не противуречим. Мы только призываем вас à la pudeur *. //

386 ⟨стр.⟩. Выписка бранчивая Бова, чем оскорбились последователи Пирогова?

Ответ наш: нет. Вы не отнимали ничего у Пирогова, но вы уж слишком обрадовались, скакали на одной ножке и действительно были негуманны— оскорбили всех

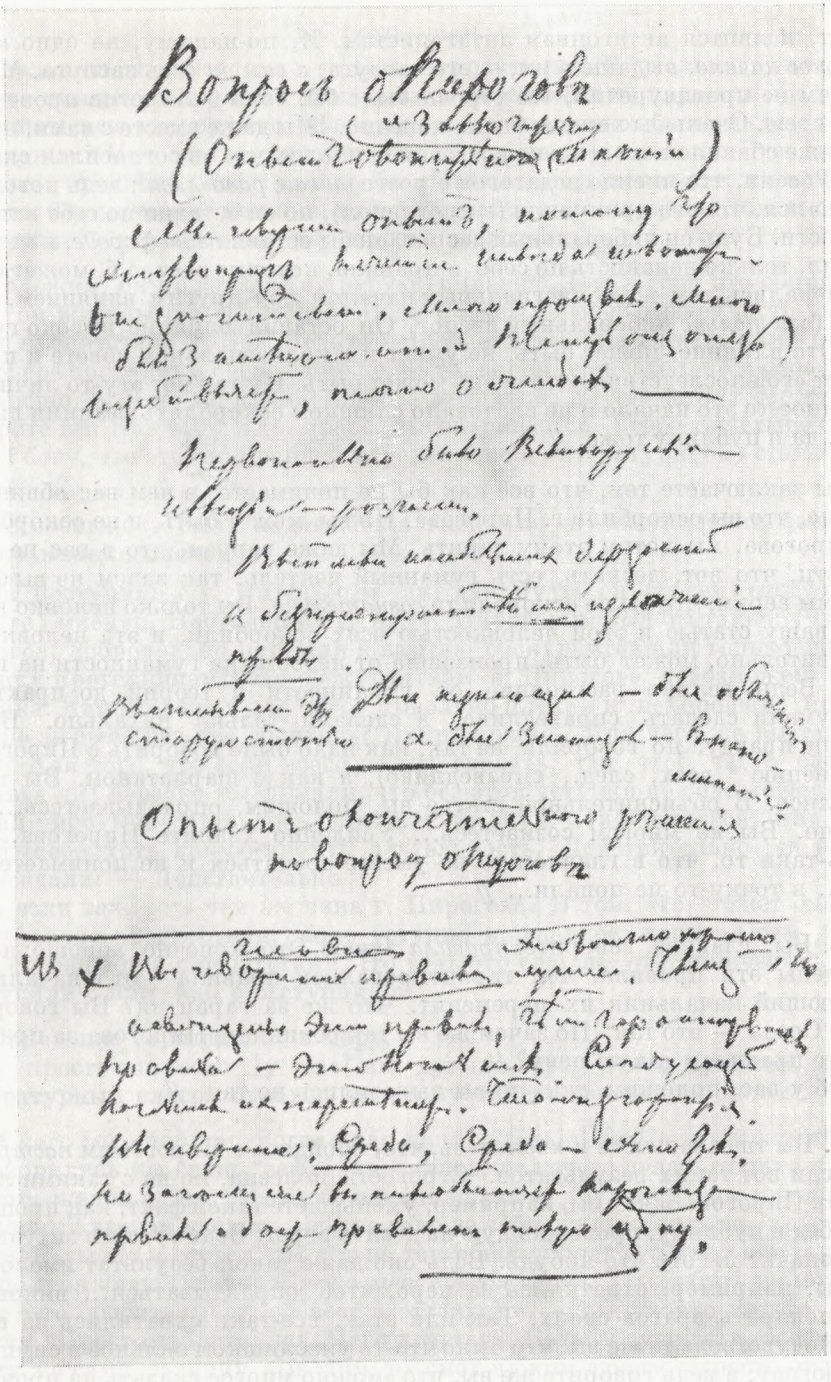
(и тут-то эти выписки).

388 ⟨стр.⟩. Если хотите, ваша статья, по нашему глубокому убеждению, должна была не уничтожить уважение к Пирогову, а *еще* более возбудить к нему симпатич. (NB. *Сам Пирогов* упал,— говорите вы в оправдание,— да это недостаточно. Это и в насмешку принять можно. Неловко изъяснились.) Но [бывает] вот что было: все побоялись, что теперь падет уважение к Пирогову, и восстали на вас. [Этого боятся] Конечно, боязнь была ложная, и если явилось несколько людей, отвернувшихся от Пирогова, то ведь они слишком плохой были народ, должно быть так, такой, что и внимания обращать не стоило. Г. Драгоманов говорит о них как об факте, как о бывшем впечатлении после вашей статьи. Как нам кажется, и он один из оскорбленных, один из тех, которые испугались, что поколеблется авторитет Пирогова, и придает слишком большое значение факту. //

391 ⟨стр.⟩. Заключение Бова, зачем, дескать, Пирогов не направил всех сил на *решительное* и *коренное* изменен⟨ие⟩ и т. д.

Ответ наш: вероятно оттого, что рассудил, что ничего бы не сделал. Вы сами об этом свидетельствуете, что один человек не сделал; *среда*, *дескать*. След., Пирогов рассудил, что лучше сделать хоть *что-нибудь*, если не всё. Вы недовольны этим «хоть что-нибудь», г. Бов? Но ведь оно все же лучше, чем ничего. Наконец, по-вашему, нужно, чтоб все общество, чтоб сама среда обратила внимание на свое положение и почувствовала необходимость изменить его. Помилуйте, да если вся среда будет хороша, то тогда все само собой изменится, а если часть, то, конечно, вы правы, поднимая ваш голос. Но ведь мы сказали, в чем ваша была ошибка. А теперь скажем наше мнение, вот что все-таки сделано *хоть что-нибудь*, а это лучше, чем ничего, а во-вторых, нравственное влияние Пирогова осталось хоть не на коллегию, не на педагогов (а может, и на них), а на всю Россию. Деятельность Пирогова заявлена перед Россией, и дело только этим пошло вперед. Вот 1-й шаг, дело сейчас, после Пирогова, по-нашему, // конечно, пойдет хуже, может быть, явится отъявленный антагонизм Пирогову, но дело Пирогова не

* к стыдливости (*франц.*).



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К НЕОСУЩЕСТВЛЕННОЙ СТАТЬЕ О ПИРОГОВЕ (ПОЛЕМИКА С ДОБРОЛЮБОВЫМ)
Записная книжка, 1861
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

умрет, и явится антагонизм антагонистам. И, по-нашему, не одно *коллегиальное начало*, выданное им,— его заслуга, а *сам он* есть заслуга. Мы вовсе вам не противуречим, что хорошо было бы, если б Пирогов провел всю свою идею. Очень бы хорошо было, конечно. [Мы даже вместе с вами, но мы] Мы даже обвиняем его, только вот в чем наиболее, что он согласился сказать всей России, что мнение педагогов о розге *он сам разделяет*; ведь потом сам признался, что его принудили (в противном), но он оставил по себе влияние личности. Будь он либеральный деспот, он бы оставил *в той среде*, в которой он жил, только ненависть по себе и правила, которые завтра б, может быть, переделались тем же коллегиальным началом под другим влиянием. Нет, он не был *только* либеральный деспот. Он оставил влияние высоко гуманное. Это влияние, может быть, не умрет и в коллегиальном совете и преобразует его впоследствии. Это очень может быть. Ну так вот эту-то личность, гуманное-то это начало и не следовало слишком оскорблять резкими выходками, да и публику тоже. //

Вы заключаете тем, что всё как бы не понимаете, в чем вас обвиняют, именно, что вы оскорбили г. Пирогова. Но вы, может быть, и не оскорбляли г. Пирогова, мы хотим этому верить. Мы даже веруем, что в вас не было зависти, что вот, дескать, есть гуманный деятель, так зачем не вы один? Нет, мы верим, что вы не оскорбляли *сознательно*. Вы только неловко написали вашу статью и этой неловкостью всех оскорбили, и эта неловкость, действительно, может быть, произошла от недостатка гуманности на практике. Ведь велико расстояние от гуманности в теории до практики. Вы думали сделать справедливо, а сделали только нахально. Вы говорили правду, но говорили не так, как надо было говорить с Пироговым (по мнению * всех, след., справедливо), а как с шарлатаном. Вы тоном ошиблись. В объяснительной статье вы, положим, оправдываетесь... Это хорошо. Вы во многом сознаетесь... Усиленно хвалите Пирогова... Но опять-таки то, что в главном-то не умеете сознаться и не понимаете, что надо... в точку-то не попали... //

NB. Вы, главное, говорите: *правила* лучше. Это, конечно, хорошо; но чем освящены эти правила, чем гарантировались правила — это начальник. Следующий начальник их переменит. Что же за гарантия? Вы говорите: *среда*. Среда — это так. Но зачем же вы так обвиняете Пирогова за правила и даете правилам такую цену? //

Всё у вас, положим, так, но вы выразились не так. //

NB. Вы тщеславитесь и хвалитесь, что, обойдясь с Пироговым *построже*, достигли вот таких результатов. Строгость полезна, но не с такими людьми, как Пирогов. Зачем вы, например, уменьшаете такой факт, как прощальный обед и публику, провожавшую на десять верст. Ведь тут был энтузиазм. Ведь значит же это что-нибудь. Ведь оно даже такой результат имело, что вот вы, например, схватились за перо, чтоб оправдываться... виноваты, чтоб покарать врагов своих. Так или этак, все-таки схватились за перо. Ведь почувствовали же вы, что было что-то уж слишком сильное в симпатии к Пирогову: а ведь говорите же вы, что «можно многое сказать на проводах лестного, можно сказать то, что нравится Пирогову». Зачем же вы как бы умаляете размер и значение этих проводов, говоря об них таким тоном. Хорошо ли это? Вы вот смеетесь, что обвиняют вас за тон вашей первой статьи, не понимаете, в чем была ваша ошибка. Ну так вот вам для примера этот ваш // отзыв, с улыбочкой, о проводах, не поймете ль чего-нибудь?

---

* *Первоначально:* приговору (*не вачеркнуто. Слово* мнению — *над строкой*).

Об увольнении

Увольнять. Непрактично, г. Бов, непрактично! И увольнять, когда вы сами-то говорите, что, может быть, мальчик сшалил по глупости. Зачем же разрушать всю карьеру его, зачем же делать его, может быть, на всю жизнь несчастным? Мне, право, кажется, что вы это на смех сказали. Это, значит, выходит: погибай всё, только бы принцип был исполнен, в этом-то и комизм. Французские книжки, наигранная гуманность, только бы не секли. Ведь даже и непрактично, это просто зверство.

Положим, он может еще в другую гимназию. Ну, а если это сопряжено с местом жительства родителей? Ведь у бедных людей бывает часто ужасно много препятствий, г. Бов. Ведь его, пройдет время, и в юнкера или в писцы, и карьера погибнет и сделает, может быть, вором окончательно и серьезно... Нехорошо, г. Бов, по крайней мере, неудачно. *Нечего за них держаться*, говорите вы. Как это легко, право, выговаривается. Всего-то четыре слова. Слава богу, что это, по крайней мере, только в литературн⟨ой⟩ статье, а не на деле. //

Не соблюдена была надлежащая экономия в выставлении языков и в показывании шишей.

Вы поступили с г. Пироговым так, как будто он совсем отступил от свое⟨го⟩ мнения. Настоящий суд над г. Пироговым был бы таков: «Что вы, Пирогов, добровольно перешли в партию обскурантов или только сделали уступку противникам?» Но обскурантизм в Пирогове невозможен, след., уступка. Какого рода и для чего? Довольно плохая и нехорошая, правда. Можно ли было без нее обойтись? Почти можно. Для чего же вы так сделали? Для того, что если всего не мог сделать, так чтоб часть сделать. [Правда ли] А разве вы думали, что без этой уступки не спасете части? — Думал, ибо мне оставалось выбирать из двух: или удалиться, или обеспечить себе хоть какую-нибудь деятельность. Действительно ли вы так рассуждали? — Действительно.

А если так, то в чем же вина г. Пирогова? В том, что, может быть, он преувеличил препятствия, скоро уступил и, главное, написал сам, что во всем соглашается с педагогами. Но ведь это еще не отступничество. А вы поступили с ним, как с отступником. //

Наказание-то вышло не в меру.

А просто-запросто [у вас] вы думали, что другим приемом, другим литературным слогом будет не так, и пустились свистящим слогом.

И чего мы спорили, когда дело надо делать! [Нет! это уж как-то нер] Заговорились мы очень, зафразировались, от нечего делать только языком стучим, желчь свою, не от нас накопившуюся, друг на друга изливаем, в усиленный эгоизм вдались, общее дело на себя одних обратили, друг друга дразним, ты вот и отстал, ты вот не так общему благу, а надо вот так, я-то лучше тебя знаю (главное: *я-то лучше тебя знаю*). Ты любить не можешь, а вот я-то любить могу, со всеми оттенками,— нет, уж это как-то не по-русски. Просто заболтались. Чего хочется? Ведь, в сущности, все заодно. Нашу же сами разницу выводим, на смех чужим людям. Просто от нечего делать дурим.

— (утонченности разные выводим)

— ведь только чертей тешим раздорами нашими! //

Общее чувство возбудили против себя (статьей о Пирогове). Мы не преувеличиваем, говоря про общее чувство, мы его не по журналам меряем, не по «Отечеств⟨енным⟩ запискам», не по «Русскому вестнику». Журналам-то мы, пожалуй, бы и не поверили. Нет, мы от посторонних людей слышали.

Я знаю, вы думаете, что молодежь за вас, [но я-то] значит, вы угодили делу вашим тоном статьи. Не знаем, неужели молодежи нравятся такое лаяние? То же можно бы сказать, да не теми словами; сердечная разборчивость ведь есть и в молодежи. Неужели ей нравится только грубость? Не верим.

Говорят, г. Чернышевскому нельзя было и отвечать иначе г. Громеке, как: «Благороднейший г. Громека, ваши увлечения и т. д.». Это, впрочем, становится даже немного понятно, особенно если припомним некоторые «Соврем⟨енные⟩ хроники» или «Современные летописи» по поводу недавних событий в «Отеч⟨ественных⟩ записках», но и т. д. //

Чернышевскому

Вы хотите, чтоб вас не слушали, а слушались.

Всеобщими гражданами мы не сделаемся. Стертые пятиалтынные. Да ведь как и скучно⟨-то⟩ *.

Если кто с вами согласен, что Кавур был человек довольно дюжинный, так это мы.

Если кто мог негодовать тоже вместе с вами, что такая дюжинная душа властвует над всеми, вопреки гениальным, из умения воровски пользоваться гениальными мыслями, так это мы.

Но вы уж слишком размахались.

(NB. Французы бы не пошли против Гарибальди.) //

Sic.

Плоды не едят на картине. Вы, пожалуйста, не думайте, что мы шутим. Нет, вы столько писали о политической экономии, что — и т. д.

Положим, вам позволено похвастаться, потому что вы защищаетесь против тех, которые вам говорят, что вы ничего не знаете, но нельзя же быть шутом.

В основе мы с вами согласны; но вы построили на этой основе всё вздор.

Вы хоть и шут и невежда, но вы честны, и в основании верны.

Мы не успели себя особенно заявить в политической экономии; но мы не помещали статей пол⟨итико⟩-экон⟨омических⟩, хотя бы потому только, что и у вас уж их слишком много. //

У нас есть убеждения, и мы тоже вас никого не боимся.

Начало:

[М. г.] Вы начали первый. Мы начинать не хотели, хотя давно уже ежились. Но вы были нам дороги, мы вам сочувствовали, и мы решились лучше молчать, хотя я уж и не знаю, как у нас иногда щемило в душе, читая ваше шутовство... Но теперь вы начали, и теперь мы очень желали бы высказать вам всё, не так, как прежде, чуть-чуть.

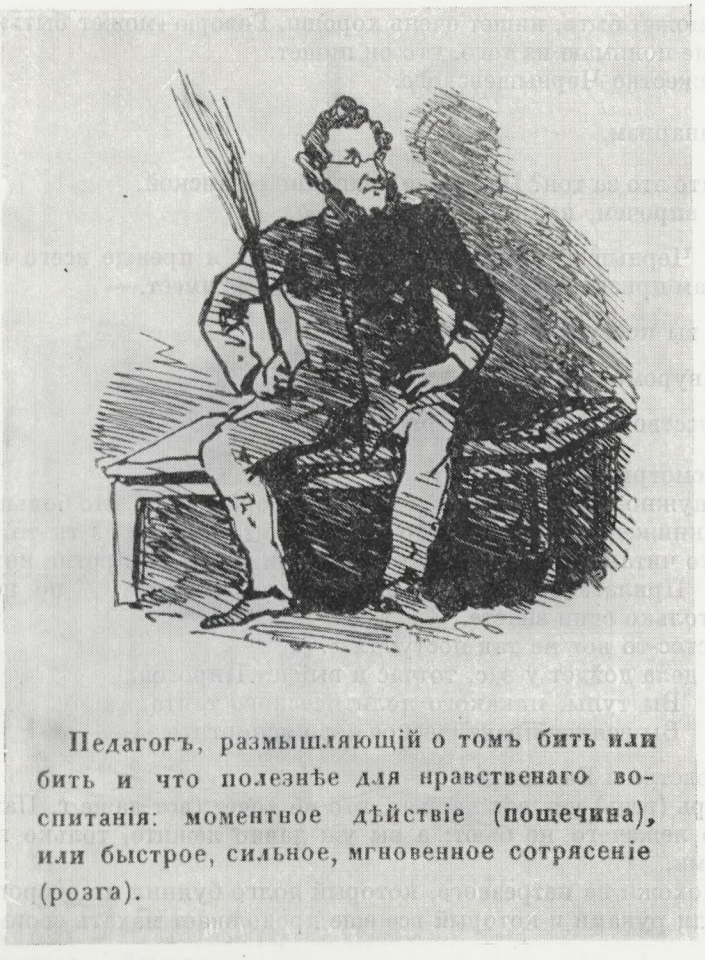
И высказать всё:

вы желчевик
вы смешно разнузданный
и *развернулись* //

Чернышевск⟨ий⟩ говорит, что он семинарист.

[Зачем семинаристы привносят в нашу литературу особенное отрицание, слишком [полное] враждебное и слишком резкое — потому слишком ограниченное.]

* *Рукопись повреждена.*



КАРИКАТУРА НА ПЕДАГОГОВ

Сатирический отклик на полемику в печати о телесных наказаниях в школе

«Искра», 1860, № 10

Чернышевскому. К чему это слишком выделанное высокомерие и назойливость в ваших статьях, чтоб прельщать [гимназистов]?

... и с [бессовестною] малосовестною скоростию разрешать вопросы.

Чернышевскому. Г. Чернышевск⟨ий⟩ что-нибудь вычитает и ужасно обрадуется новому знанию — до того обрадуется, что ему тотчас же покажется, что другие еще ничего не знают из того, что он узнал. Он так и сыплет познаниями и учит всех бе-а-ба. Это, // разумеется, простительно, если только от радости, простительно и хвастовство его. Все это из доброго источника (Падение Запад⟨ной⟩ Римск⟨ой⟩).

Пародия Крестовых походов.

Вот г. Писарев пошел дальше.

[Спрашивается всеми порядочными людьми: ужели с г. Писаревым, г. Чернышевским ⟨?⟩]

Он, может быть, пишет очень хорошо. Говорю «может быть», потому что ничего не понимаю из того, что он пишет.
Невежество Чернышевского.

Семинаризм.

Ну что это за тон? Пад⟨ение⟩ Западной Римской.
Мы, впрочем, написали пародию. //

У г. Чернышевского всё значат книжки и прежде всего книжки.
Он сам признает. Об жизни он понятия не имеет.

Как вы поступили с Пироговым?

С Кавуром?

Искусство, а Марко Вовчок и Бов?

И посмотрите что выходит:
Тут нужно служить делу, а у нас раздоры, о том, кто больше знает, кто больше книжек прочитал. Я-то десять [читал] знаю, а ты-то вот не знаешь, я-то читал эту книжку, а ты-то не читал. Я не против книжек ваших говорю. Прилагайте к делу, распространяйте их, // но не радуйтесь, что вы только одни знаете.
Христос-то вот не так поступал *.
А до дела дойдет у вас, тотчас и выйдет Пирогов.
Вы тупы, никакого политического такта.
Вы всякое практическое дело испортите.

Шутовство и Балакирев.
Теперь (ведь) уж вас не бьет, кто не хочет (вот даже г. Павлов), забывая, что лежачего не бьют; а вы уж давно лежите, только не замечаете этого сами.
Вы похожи на нетрезвого, который долго буянил и которого, наконец, обхватили руками и который все еще продолжает махать своими руками и кричит.

Во многих статьях своих вы походили на человека, у которого недостает аргументов в споре и который с досады начинает плеваться. **//

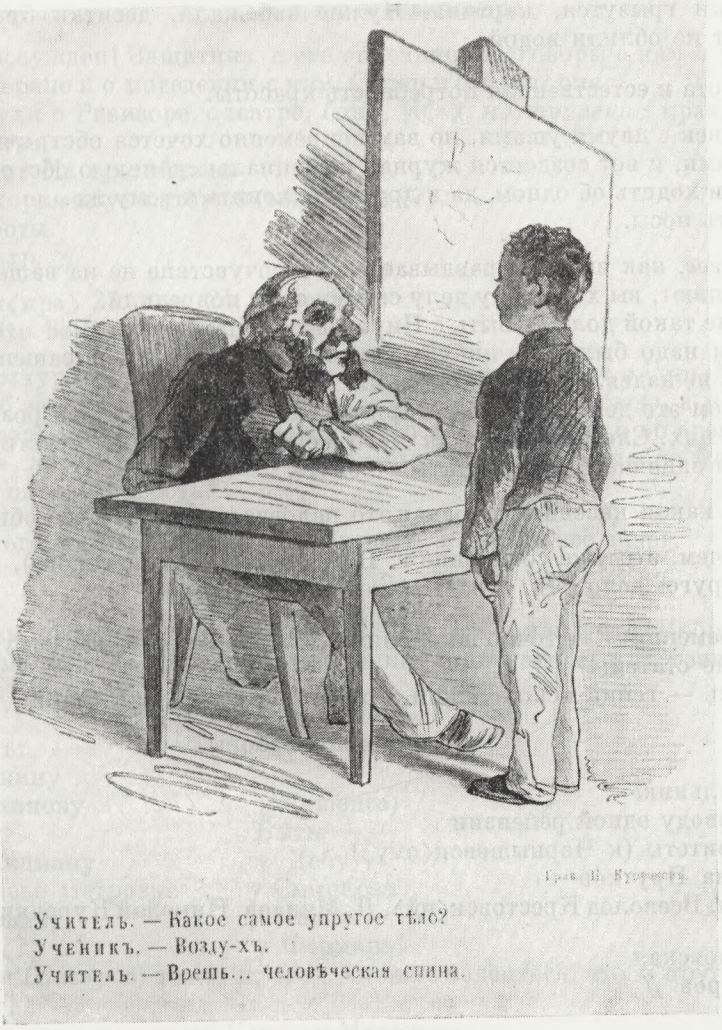
Вы ударились в шутовство; это ловкий прием. Всякий скажет: что он ведь шут, свистун, что́ взять с свистуна; пишет он зато забавно. Вы действительно пишете забавно.

Мы приглядывались к вам; мы думали, что вы на многое благородно осмелились, что вы не хотите педантизма. Мы были последние, которые вас отстаивали и защищали.
Нам даже ваш тон, ваш неслыханный по безбоязненности и нарушению приличий слог, казался значительным. Именно нам казалось, что вы нарочно хотите поставить себя выше известных приемов литературных, выше слога, что вы даже с намерением нарушаете и разбиваете китаизм литературных отношений, чтоб именно показать тем, что вам истина дороже всего и чтоб испугать этим врагов своих, чтоб они сказали: «Этот человек ничего не боится, он страшен, он плюет на наши приемы, обычаи, нет, // его ничем не опутаешь». Эта смелость нам нравилась. Но увы! Мы поэтизировали. Павлов прав, говоря про ваше самолюбие.

---

* *Другими чернилами помета:* NB

** *Текст:* Теперь ∽ плеваться *отчеркнут на полях карандашом*; *текст:* Вы похожи ∽ кричит — *чернилами.*



Учитель. — Какое самое упругое тѣло?
Ученикъ. — Возду-хъ.
Учитель. — Врешь... человѣческая спина.

КАРИКАТУРА НА ПЕДАГОГОВ

Сатирический отклик на полемику в печати о телесных наказаниях в школе

«Искра», 1862, № 13

Уверяем вас, что прием ваш был превосходен; вы навели страх. Но вы не поддержали его и упали с бесславием. А знаете, чем можно было поддержать: сознаньем в своих промахах, в своей заносчивости, в своем невежестве. Нет, вы не решились. Плохо. Вы бы показали тогда, что вы выше мелочного самолюбия, что вы благородно-самолюбивы, что истина для вас — всё, что для вас прежде всего — основная мысль, была бы она верна. Но вы этого не сделали, и мы убеждены теперь, что никогда не сделаете.

Следы необъятного самолюбия, которому вы всем жертвуете.

И вышло, что все это от безобразного самолюбия.

Стукотня в литературе, последняя литературная грызня. //

Собаки грызутся, картина. Чужие забежали, десятки бросаются *, покамест не облили водой.

Красота и естественная потребность красоты.

Человек с двумя ушами, но вам непременно хочется обстричь одно ухо ножницами, и вот создается журнал с специальною целью обстричь у себя это ухо и ходить об одном, да и других склонить к тому же.
Резать носы.

Пирогов, как вы ни оправдываетесь, а сочувствие не на вашей стороне, вас обвиняют, вы хорошему делу своему сами повредили.
Тон не такой должен быть с Пироговым. //
Розги надо было чем-нибудь заменить,— хорошим обращением, ну а Пирогов не надеялся найти умеющих.
Притом это дело прошлое, старина. Надоели нам уж эти розги и ваши статьи о них. Следственно, для чего же вы вспомнили? Чувствуете сами, что хвост запачкан, и оправдаться хотите.

Ведь какая казенщина-то, как это надоедает, как это все обнажено. //

Впрочем, это уже сочинение г. Бова (а не Чернышевского), ну это уж совсем другое дело (NB., т. е. это уже не Чернышевского).

«Современник» — точно школьники, от которых отвернулся учитель. //
В ряде статей:
Гоголь — гений исполинский, но ведь он и туп, как гений. //

Непременно разборы

«Читальник»
По поводу одной рецензии
Авторитеты (к Чернышевск⟨ому⟩)
Кузьма Прутков
Поэты. Всеволод Крестовск⟨ий⟩, Д. Минаев, Николай Курочкин и проч.

Кохановская
Гончаров //

«Современнику»

Нет, уж вы слишком размахались (о Кавуре)

[NB. Съездить в контору насчет билета Авдотьи]

В загибании перед Григорьев⟨ым⟩

Наши критики до сих пор силятся не понимать Пушкина.

«Русская речь», № 64, 10 августа. //

Припадки

1-го апреля — (сильный)
1-го августа — (слабый)
7-го ноября — (средний)
7-е генваря — (сильный)
2 марта — (средний)//

---

* *В автографе:* бросается.

4-я и 5-я в сентябре

6) [Рассужден] Защитник и его описание, разговоры с ним и рассуждения о генерале и о поведении с ним, Сапер и его история.
7) Слухи о Ревизоре, о театре, баня, Исай, *наступление* праздников.— Первое утро.
[Толки] На третий день
8) История двух каторжн⟨ых⟩ песен ⟨?⟩
работы.
9) Театр. //

Кварт⟨ира⟩ 27, дом. 24, Раусен.
Strepito belli propelentur artis *.

Литература в упадке, напрасно г. Антонович говорит о Гете. Мы готовы биться об заклад, что он не развернет Гете всю жизнь свою, а может быть и не развертывал. Мы даже уверены, что г. Антонович и во времена процветания литературы не развернул бы Гете: ведь надобно же и врагам отдавать справедливость.

Ну этого и Петр Лаврыч не разрешит, который все знает.

2

Теперь поступки дороже статей. Вы говорили, что Добролюбов — гений, умаливали, упрашивали нублику признать его за гения. След., не выдет. //

Написать:
— Баканину
— Валиханову
— поэту
— Штрандману
— Настасье Петровне
— Гейбовичу
— тому ⟨?⟩

[(Memento)
Быть:
у Дебу
у Смирнова
у Кашина
у Фермора]

[Если (Базаров) тоже, и, след., можно надеяться, что и другие ⟨?⟩ так поступят] ** //
[Прочесть и перечесть Бокля и Молешота
«Contradictions économiques» *** Прудона
«De la science économique» **** de Proudhon

Подписчики по вероятн⟨ому⟩ расчету

к 1-му ноября ⟨1861 г.⟩	— 30	Всего—	
к 10-му ноября	— 50	Траты	—43 000
— 20-му ноября	— 100	Издание	—36 000
— 1-му декабря	— 200	Барыш	— 7 000
— 10-му декабря	— 400		+ 1 000
			17 000
к 20 декабря	— 700		
к 1-му января ⟨1862 г.⟩	—1300	Десять тысяч на долги	
к 10 января	—1700	Остал⟨ось⟩ 7000 — 3000	
к 20 января —2000	—2000	+ плата —5000	

* Грохот войны разгоняет искусства (*лат.*).
** *Далее стерты две строки текста, не поддающиеся прочтению.*
*** «Экономические противоречия» (*франц.*).
**** «Об экономической науке» (*франц.*).

до выхода книжки

к 1-му февр⟨аля⟩ ⟨1862 г.⟩	—2500	
к 10-му февр⟨аля⟩	—2700	
к 20-му	—2850	
к 1 марта	—3000	
к 15 апреля	—3250	
к 1 мая	—3400	В действительности к
к 1 июня	—3500	15 мая 4050 подписчиков
к 1 августа	—3600	
к 1 января 63 ⟨г.⟩.	—3700	

№. По загадочному расчету
от 1-го мая ⟨1862 г.⟩ к 1-му января ⟨1863 г.⟩ 300 подписчиков.
Что-то будет к 1-му января 63-го в действительности? //

Дрезден
Франкфут am Mein
Гейдельберг
Мангейм
От Мангейма по Рейну до Кёльна
Из Кёльна в Брюссель
Париж.

В объявление

Мы хотим того же, что и вы, совершенно того же, но только с тем условием, чтоб это тоже было *толковее* сделано.

Что делать, если мы принимаем, что непосредственное соединение с народом есть средство к спасению единства, а на образование и грамотность мы смотрели как на средство к соединению, не единственное, но бесспорно одно из главнейших.

Вы же, может быть и нехотя, но отвергая спасение единственно в непосредственном соединении, смотрите// на народ поневоле свысока. [Ведь] Ставя цивилизацию единственным рычагом и средством к выходу, говоря, что он fara da se *, вы уже тем самым презирали народ, хоть не по чувствам, но de facto **, презирали тем уже, что не видели в нем прямой//необходимости для дела.

[В вас] Это уже почти было презрение высшего сословия. А между тем вы *даже и языка такого не выработали, чтоб заговорить с народом*, чтоб растолковать себя народу, чтоб доказать ему, что не все же плантаторы между фрачниками, а есть люди, ему сочувствующие. Не верит он вам до сих пор, не поверит и в будущем и даже просто понять не может, из-за каких вам причин заступаться за него. Вы хотите все растолковать ему в 10 минут: нутка подите-ка растолкуйте ***.//

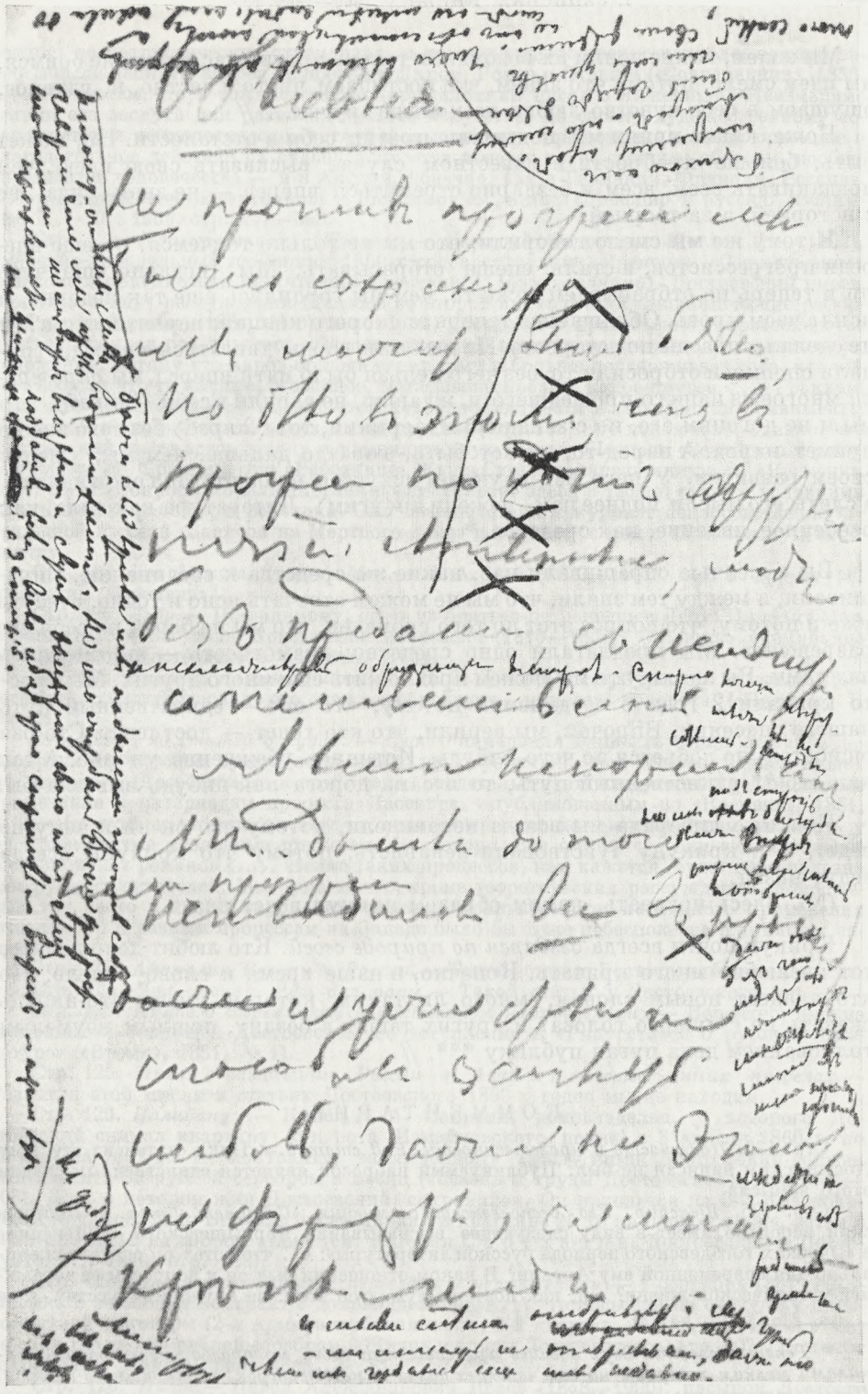
Объявление

Не против прогресса мы, боже сохрани, а мы, может быть, больше, но дело в том, что в прогресс-то идут стертые пятиалтынные, люди без предания, с ненавистью, а ненависть есть явление ненормальное. Мы дошли до того, что наш прогресс ненавидят все в прошедшем [даже] и уже стали неспособны заслужить любовь, даже не эгоисты, не фразеры, а многие крепкие люди. Что же касается до фразеров и эгоистов, мы ненавидим их — («Р⟨усский⟩ ве⟨стни⟩к»).

Наша фраза об авторитетах и авторитете этих деятелей ****.

---

* справится сам (*итал.*).
** фактически (*лат.*).
*** *Текст на этой странице отчеркнут сбоку. Наверху страницы пометы*: 2 и ××× (*крестики*).
**** *Позднейшая помета*: №3.



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО ДЛЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ ЖУРНАЛА «ВРЕМЯ» НА 1862 г.
Записная книжка, 1861
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Мы знаем, какие вопли их возбудили теперь против нас, но мы не боимся, мы идем смело, потому что знаем, что поступаем чисто и честно, и, главное, ощущаем в себе чувство любви не меньше других... //

Боже, какие крики мы подымали против себя в отсталости. Но, может быть, больше храбрости в известном случае высказать свою идею, чем поддакивать всем, всем и бездарно стремиться вперед — не зная куда, не с историей, а за теорией.

К тому же мы смело говорили, что мы не только топчемся, но еще впереди прогрессистов, и стали спеша отбрасывать. Мы [недавно еще] чуть ли и теперь не отбрасываем даже то, чем мы гордились еще так недавно, и исключаем кровь. Обращаемся теперь от скорого конца к вероятностям. Мы не сделали погоды под старость. Но мы были горды двигаться вперед, отрицали спешку и отбросили то, без чего нельзя было идти вперед, мы *опровергли* многое из нашего прошедшего и, ждавши, не верили в себя ⟨3 *нрзб*⟩, что мы и не догоним его, но с западными теориями, тот ⟨2 *нрзб*⟩ без того нас не примет народ. А народ-то, может быть, гораздо дальше, чем мы, ушел в своем развитии. У него нет наук, нет искусств, но он отстоял свои начала, а следы его мысли виднее нам, нежели др⟨угим⟩. Литература как сила, как особенное явление, как средство. *

Вы с желчью спрашивали нас, какие же средства к соединению. Спрашивали, а между тем знали, что мы не можем отвечать ясно и точно, отчасти уже и потому, что вопрос этот до того громаден, что мы не берем на себя его разрешение. Мы предлагали одно средство: грамотность — вы смеялись над нами. Вы знали, что мы можем предложить еще много других. Мы просто кричали 2 года о соединении потому, что оно — единственный путь нашего спасения. Впрочем, мы верили, что кто хочет — достигнет. Сто раз ошибется, но добьется до чего-нибудь. Истинное убеждение упорно. А так как это ** единственный путь, то и сама дорога как-нибудь вывезла бы.

Пошлого либерала мы всегда ненавидели, потому что он ни к чему не ведет, а к крикуну чувствовали ненависть, потому что крикуны всегда ведут назад.

(NB. Здесь показать, каким образом крикун ведет назад.)

Крикун почти всегда *бездарен по природе своей*. Кто любит дело делать, тот не любит много кричать. Конечно, в наше время и слово — дело. Но кто владеет новым словом, много ли таких, которые умеют что-нибудь сказать не с чужого голоса? и других тащат в бездну, пошлым, неумелым толкованием дела пугая публику ***. //

КОММЕНТАРИИ

Стр. 125. *Полезность и нравственность. Ряд статей.*— Цикл статей на эту тему Достоевским написан не был. Публикуемый набросок является единственным следом этого замысла.

Стр. 125. *Шекспир. Его бесполезность ∞ мнения «Современ⟨ника⟩».* — Достоевский, вероятно, имеет в виду следующее высказывание Чернышевского о Шекспире в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «... что хотел он сделать специально для современной ему Англии? В каком отношении был он к вопросам ее тогдашней исторической жизни? Он, как поэт, не думал об этом: он служил искусству, а не

---

* *Текст последних двух абзацев представляет собой малоразборчивую запись чернилами мелким почерком на всех четырех полях и между строк карандашного текста. Последовательность этих записей и чтение некоторых слов не могут считаться окончательно установленными. На этой странице есть позднейшая помета Достоевского:* ХХХХХ (*крестики*).

** *Наверху страницы помета:* ХХХ (*крестики*).

*** *Позднейшая помета:* №3.

родине; не патриотические стремления, а только художественно-психологические вопросы были двинуты вперед Макбетом и Лиром, Ромео и Отелло» («Современник», 1856, № 4). Отметим, что в той же статье Чернышевский писал о Шекспире: «Неизмеримо велики его заслуги для развития чистого искусства: по своему художественному совершенству и психологическому глубокомыслию его произведения имели огромное и благодетельное действие на судьбу искусства и через то, косвенным образом, вообще на развитие человечества — и в Англии, конечно, как в Германии, Франции, России». Об отношении «шестидесятников» к Шекспиру см. в кн.: «Шекспир и русская культура». М.— Л., 1965, стр. 407—543.

Стр. 125. *Нравственность* (*Щеглова*).— Дмитрий Федорович Щеглов (? — 1902), умеренно-либеральный публицист 1860-х годов, сотрудник «Времени», «Отечественных записок» и «Библиотеки для чтения» (псевдоним: *Охочекомонный*). Достоевский имеет, вероятно, в виду рассуждения Щеглова во второй из его статей «Экономические реформы Рима» («Время», 1861, № 6), в которой, упоминая о нравственном превосходстве братьев Гракхов над другими, Щеглов писал: «В этом же заключается и невыгода их положения, потому что народ больше верит тому и больше поддерживает того, кто выдает себя за что-то высшее, особенное, метафизическое или какое другое ‹...› Гракхам, если чего недоставало, то именно этой недобросовестности и способности обманывать. Но за это, надеюсь, никто вслух их не осудит» (стр. 115). Не исключено, однако, что Достоевский имеет здесь в виду и компилятивную статью Щеглова «Семейство в рабочем классе во Франции» (по «Работнице» Жюля Симона), напечатанную во «Времени», 1861, № 11. Вопросы морали Щеглов рассматривает здесь в тесной связи с условиями жизни и быта рабочих и работниц. Статья напечатана в журнале непосредственно перед одной из глав «Записок из Мертвого дома» и вступает с ней в своеобразную перекличку.

Стр. 125. *Лев Алек‹сандрович› Мей.*— Л. А. Мей (1822—1862), поэт и драматург, сотрудник «Времени».

Стр. 125. *Дебу.*— По-видимому, один из братьев-петрашевцев Дебу: Ипполит Матвеевич (1828—1890) или Константин Матвеевич (1810—1868). См. ниже упоминание о намерении Достоевского посетить Дебу.

Стр. 125. *Николай Львович Тиблен...*— Н. Л. Тиблен, петербургский издатель. Достоевский характеризовал его как «добрейшего, милого» человека («Письма», I, стр. 311).

Стр. 125. *Ряд статей о судах.* — Своего намерения написать серию статей о дореформенном русском суде Достоевский не осуществил (см. также записи ниже). Об интересе Достоевского к этой теме свидетельствует следующее редакционное примечание к материалам процесса Ласенера, опубликованным во «Времени», 1861, № 2: «Мы думаем угодить читателям, если от времени до времени будем помещать у себя знаменитые уголовные процессы. Не говоря уже о том, что они занимательнее всевозможных романов ‹...›, чтение таких процессов, нам кажется, будет небесполезно для русских читателей. Мы думаем, что, кроме теоретических рассуждений, помещаемых так часто в наших журналах, узнание практического, наглядного применения этих теорий к разным процессам на Западе было бы тоже небесполезно для наших читателей...»

Стр. 125. *Аномалии Европы и России.*— Такой статьи Достоевский не написал.

Стр. 125. *Что значит Рим для папы.*— Такой статьи у Достоевского нет.

Стр. 125. *Нечто о современном общественном направлен‹ии›.*— Вероятно, именно этот замысел воплощен Достоевским во вступлении к «Ряду статей о русской литературе» («Время», 1861, № 1).

Стр. 125. *Мысль о назначении России в Азии и в ее естественных пределах.*— Развития этой мысли в статьях Достоевского 1860-х годов мы не находим.

Стр. 126. *Палибину...*— Купец Н. А. Палибин, домовладелец, у которого Достоевский снимал квартиру (3-я рота Измайловского полка) с 3 апреля 1860 г. по 15 августа 1861 г. По контракту, заключенному между ними, Достоевский должен был платить 35 рублей серебром в месяц («Жизнь и труды Достоевского», стр. 101—103). Дом, в котором жил Достоевский, сохранился. Он находится на 3-й Красноармейской улице, № 5. Вначале писатель жил в квартире № 10 на первом этаже, затем в квартире № 12 на втором этаже (см. Евгения С а р у х а н я н. Достоевский в Петербурге. Л., 1970, стр. 125).

Стр. 126. *Новая кварт‹ира› с переездом и устройством.*— 1 сентября 1861 г. Достоевский заключил контракт с домовладелицей А. А. Астафьевой на сдачу ему пятикомнатной квартиры (2-я Адмиралтийская часть, 3-й квартал, № 118, кв. 4, 2-й этаж) на один год за 480 рублей серебром («Жизнь и труды Достоевского», стр. 107). Дом этот сохранился: Канал Грибоедова, № 61.

Стр. 126. *Паша.*— Павел Александрович Исаев (1848—1900), пасынок Достоевского, получавший от него в течение многих лет материальную помощь.

Стр. 126. *М‹арьи› Д‹митриевны›...*— Марья Дмитриевна Достоевская (1825—1864), первая жена Достоевского.

Стр. 126. *Будущие критиче‹ские› статьи ∞ направл‹ение›.*— Во Введении к «Ряду статей о русской литературе» («Время», 1861, № 1) Достоевский писал: «В буду-

щей же статье мы перейдем, наконец, и к русской литературе, будем говорить о теперешнем ее положении, о ее значении в теперешнем обществе, о некоторых ее недоразумениях, спорах, вопросах». Программа эта писателем осуществлена не была.

Стр. 126. *Катков...*— Михаил Никифорович Катков (1818—1887), редактор-издатель «Русского вестника». В 1861 г. между Катковым и Достоевским на страницах их журналов велась ожесточенная полемика.

Стр. 126 ... *Милюков...*— Александр Петрович Милюков (1817—1897), историк литературы и педагог, впоследствии — автор воспоминаний о Достоевском. Приятельские отношения завязались между ними еще в 1840-х годах (Милюков поддерживал знакомство со многими из петрашевцев) и возобновились по возвращении Достоевского из Сибири. В 1860—1862 гг. Милюков печатал свои критические статьи в журнале «Светоч». Быть может, Достоевский собирался полемизировать с какими-то его статьями.

Стр. 126... *ambition rentrée, промахи...*—В «Ответе „Русскому вестнику“» («Время», 1861, № 5), откликаясь на выпады Каткова, Достоевский писал по поводу своей статьи «„Свисток“ и „Русский вестник“»: «В нашей статейке мы, видите ли, осмелились подивиться, что „Русский вестник“ придает слишком большое значение „Свистку“ „Современника“, до того, что даже боится за будущность всей России. Скажите, как можно было не смеяться над таким преувеличением, тем более, что самая комическая сторона его было оскорбленное самолюбие? В этом промахе „Русского вестника“ выразилось самое наивное самолюбие и самым наивнейшим образом: он до того себя возвеличил в собственных самодовольных мечтах и грезах о самом себе, что уж невольно, бессознательно придал и противнику своему необыкновенные размеры ...» (стр. 16). В той же статье Достоевский отмечал, что Катков «желчно завидует Белинскому». Внесенные в книжку записи, очевидно, связаны с этой темой.

Стр. 126. *50 р. «Светоча»...*— Автор заметки «Новые правила приема в университеты» в № 8 ежемесячного петербургского журнала «Светоч», одобрительно отозвался о введении в университете пятидесятирублевой оплаты слушанья лекций. «Если эта мера,—писал он,—и покажется для иных стеснительна, все-таки она не замедлит оказать благодетельное действие на университет, конечно, не прямым, а косвенным образом; она вызовет некоторую самодеятельность в студентах. Одно то, что избавит университет от лишних, ненужных дармоедов — и это на первый раз заслуга». См. возмущенный отклик И. А. Пиотровского на это и другие ретроградные высказывания о студенчестве автора «Русской хроники»: «Студенты пред судом „Светоча“» — «Современник», 1861, № 9, стр. 29—36.

Журнал «Светоч» выходил в 1860—1862 гг. под редакцией Д. И. Калиновского. Своей задачей он ставил примирение славянофилов и западников — «Востока и Запада» («И только „Светоча“ фонарь/Чадил, кого-то примиряя», — так охарактеризовал Д. Д. Минаев это издание в «Искре»). Ведущими сотрудниками «Светоча» были А. П. Милюков, Н. Н. Страхов, Вс. В. Крестовский, Л. А. Мей и другие авторы из окружения братьев Достоевских, печатавшиеся также и во «Времени». В 1860 г. свои стихотворения и прозаические переводы помещал на страницах «Светоча» М. М. Достоевский.

А. П. Милюков писал Достоевскому 28 сентября 1859 г.: «Позвольте вам представить подателя этого письма — Дмитрия Дмитриевича Минаева. Уполномоченный издателем нового литературного журнала „Светоч“, он весьма желает познакомиться с вами и просит вашего участия в новом издании. Зная вашу готовность помочь всякому доброму предприятию, я надеюсь, что вы не откажете в своем содействии; а издатель, владея значительными средствами, конечно предложит вам вознаграждение, никак не меньшее против других журналов. Я с нетерпением ожидаю возможности повидаться с вами, но до сих пор каторжная учительская служба никак не позволила мне вырваться даже на два дня из Петербурга. Когда же мы увидим вас в Петербурге? С каким бы удовольствием пожал руку человеку, которого так искренно уважаешь и любишь и так давно не видал...» (ЛБ, ф. 93, II.6.93).

Стр. 126. *Пирогов...*— О полемике Добролюбова и Чернышевского с известным хирургом и общественным деятелем Н. И. Пироговым по вопросу о телесных наказаниях в низших и средних учебных заведениях см. стр. 164.

Стр. 126 ... *личности и портреты à la Мюнхаузен.*— Вероятно, имеется в виду статья Каткова «Виды на entente cordiale с „Современником“» в «Русском вестнике», 1861, № 7; в ней содержатся озлобленные нападки на Чернышевского (который, по словам критика, берет, «где покажется нужным», «тон русского национального юродства» и т. д.), и постоянно подчеркивается самомнение и «хвастовство» критика «Современника» (стр. 60—95).

Стр. 126. *Чернышевск‹ий› — недавняя полемика.*— Достоевский намекает на статьи Чернышевского «Полемические красоты» («Современник», 1861, № 6—7), в которых подверглись осмеянию публицисты «Русского вестника», «Отечественных записок» и других либеральных изданий. О своем намерении отозваться на эту полемику Достоевский сообщал Я. П. Полонскому 31 июля 1861 г., после выхода в свет № 6 «Современника»: «В литературном мире много полемики, но не об литературе, а в публицистическом смысле. Чернышевский начал ряд статей о современной журналистике; преимущественно отвечает своим неприятелям. Очень бойко и, — главное,—

возбуждает говор в публике, а это важно. Поставил себя очень рельефно и оригинально. В этой оригинальности, разумеется, и недостатки его. Мы, может быть, скажем что-нибудь по поводу его полемики и скажем с полным беспристрастием» («Письма», I, стр. 303). Отношение Достоевского к этой журнальной полемике раскрывается в следующих записях.

Стр. 126. *Куда вы торопитесь? ∞ Оно разъединено.*— См. вступительную статью, стр. 34.

Стр. 126. *Вы препинаетесь о Кавуре...*— Беспощадная характеристика графа Камилло Бензо Кавура (1810—1861) и его роли в итальянском национально-освободительном движении, которая легла в основу статьи Чернышевского «Граф Кавур» («Современник», 1861, № 6), произвела взрыв возмущения в русской либеральной печати. И это выступление Чернышевского, и появившаяся в следующих двух книжках «Современника» обширная статья Добролюбова «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура» (за подписью *Н. Т — нов*) вызвали ряд откликов в печати с обвинением «Современника» в оскорблении итальянского народа и его свободолюбивых идеалов. «Ярость на нас за Кавура повсюду неописанная»,— сообщал Чернышевский Добролюбову 1 июля 1861 г. (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 436; ср. т. VII, стр. 736).

Стр. 126... *о «Р⟨усском⟩ в⟨естни⟩ке» нечего и говорить — журнал отпетый.*— Отношение Достоевского к «Русскому вестнику» в начале 1860-х годов наглядно характеризуется следующим высказыванием в его статье «Книжность и грамотность»: «„Русский вестник“, вступив благополучно на свою новую, булгаринскую дорогу, дошел, наконец, до того, что ⟨...⟩ усомнился даже в существовании русской народности». 31 июля Достоевский писал Я. П. Полонскому: «С „Русским вестником“ у нас продолжается баталия. Многое бы можно рассказать, да уж лучше сами прочтите» («Письма», I, стр. 303).

Стр. 127. *Еще 100 от М⟨ихаила⟩ Г⟨авриловича⟩.*— Михаил Гаврилович Гаврилов, фактор типографии Праца, «человек так себе, пожилой, не без некоторых достоинств, хитроватый и имеющий деньжонки» («Письма», II, стр. 124). Достоевский брал у Гаврилова деньги взаймы под крупные проценты. «Мы с ним имели дела денежные, и с ним я всегда был точен» (там же, стр. 119). Сто рублей и ряд других сумм, зафиксированных Достоевским ниже, по-видимому, причитались в счет издания «Униженных и оскорбленных», приобретенного у него Гавриловым за 1000 р. (там же, стр. 124).

Стр. 127. *Коле.*— Брат Достоевского Николай Михайлович (1831—1883).

Стр. 127. *В объявление.*— Эти тезисы частично использованы Достоевским в объявлении об издании «Времени» на 1862 г. («Время», 1861, № 9).

Стр. 128. *У Эм⟨илии⟩ Фед⟨оровны⟩.*— Жена брата Достоевского, Михаила Михайловича, Эмилия Федоровна Достоевская, рожд. Дитмар (1822—1879).

Стр. 129. *Смирнов.*— Вероятно, Владимир Яковлевич Смирнов, которому Достоевский преподнес в 1861 г. экземпляр «Униженных и оскорбленных» с дарственной надписью (см. «Жизнь и труды Достоевского», стр. 107).

Стр. 129. *500 отдал брату.*— Михаил Михайлович Достоевский (1820—1864), соредактор «Времени».

Стр. 129. ... *к старику.*— О ком идет речь — неясно. Возможно, к Н. Адамову, письма которого хранятся в ИРЛИ. Достоевский оказывал ему в это время материальную помощь и снабжал книгами. См. «Вопросы литературы», 1971, № 11, стр. 240.

Стр. 129. *Излер.*— Увеселительный сад «Искусственные минеральные воды» на окраине Петербурга (Новая деревня), принадлежавший Ивану Ивановичу Излеру (1811—1877). По словам Страхова, это «загородное гулянье» долго было «единственным и модным» («Биография...», стр. 241).

Стр. 130. *Для Баканина.*— Баканин, корректор «Времени».

Стр. 130 ... *Без сигар.*— М. М. Достоевский был владельцем небольшой табачной фабрики, снабжавшей своими изделиями и Достоевского.

Стр. 131. *Давыд⟨ову?⟩.*— Вероятно, книготорговец-комиссионер Алексей Иванович Давыдов. В его книжном магазине на Невском принималась подписка на все основные периодические издания, в том числе на «Время».

Стр. 134... *долг Поляк⟨ову⟩...*— Возможно, Василий Петрович Поляков (? — 1875), петербургский издатель и книгопродавец. Упоминания о сношениях с ним в переписке Достоевского не встречаются.

Стр. 136. *В статью «Гоголь и Островский».*— Эта статья Достоевским написана не была.

Стр. 136. *Чернышевскому.*— Запись вызвана статьей Чернышевского «Полемические красоты. Коллекция вторая.— Красоты, собранные из „Отечественных записок“» («Современник», 1861, № 7).

Стр. 136. *Б-а, -ба и т. д.*— Имеется в виду следующее место из статьи Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения» («Современник», 1858, № 12): «...если вы не были учителем приходского училища, то, пробежав эту статью, можете чувствовать, как утомительна, тяжела обязанность этого бедного труженика. Согласитесь, редко приходилось вам испытывать такую страшную

скуку, какая производится чтением нашей статьи, весь характер которой выражается такою формулою: бе - а ба, бе - а ба, баба.

Повторим еще. Это что? — б. А это? — а. Что же выходит? — ба. А это? — тоже б. А это? — тоже а. Что же выходит? — тоже ба. Ну, что же выходит, если сложить вместе? — баба. Повторим еще ... и т. д.»

Этот отрывок взял в качестве эпиграфа к своей статье, направленной против Чернышевского, Н. Ф. Павлов. См. ниже.

Стр. 136. *Г. Чернышевский тешится тем, что призывает к себе, подзывает пальцем всех великих мира сего: Канта, Гегеля, Альбертини, Дудышкина...*— Откликаясь на полемические выступления сотрудников «Отечественных записок» Н. В. Альбертини, С. С. Дудышкина и др., упрекавших его в невежестве, самомнении, саморекламе, Чернышевский с подчеркнутым высокомерием и с нескрываемым сознанием своего умственного превосходства обличал скудоумие своих антагонистов и недобросовестность их полемических приемов. На Достоевского этот тон статьи произвел неприятное впечатление; ему показалась недопустимой параллель, которую проводил обвиняемый в невежестве Чернышевский между собой, Гегелем и Кантом (ср. в статье Чернышевского: «Изволите ли вы знать, что называли невеждой — не то что меня, а, например, Гегеля? Известно ли вам, за что его называли невеждой? За то, что он имел известный образ мыслей, не нравившийся некоторым ученым. Как вы полагаете, невежда был Гегель или нет? ⟨...⟩ Известно ли вам, что называли невеждою Канта?»).

Стр. 136. *...напоминает Поприщина...*— Героя «Записок сумасшедшего» Гоголя.

Стр. 136. *...даже Н. Ф. Павлов возвышается над г. Чернышевским и называет его азиатом.*— Редактор субсидируемой правительством «политической и литературной» газеты «Наше время» беллетрист и публицист Николай Филиппович Павлов (1803—1864) выступил 22 августа 1861 г. с полемической статьей, занявшей почти весь № 28 газеты: «Г. Чернышевский и его время (исторический очерк)». В этой статье, посвященной разбору «Полемических красот» Чернышевского, а также его рецензий на книги Гизо и Токвиля, Павлов заявлял, между прочим, будто Чернышевский «в продолжение своей литературной деятельности касался всех отраслей человеческих знаний и хозяйничал в области наук истинно с каким-то азиятским самовластием, не только выводил произвольные заключения, но сочинял данные, факты, которые не существуют, о которых ученые и не слыхивали» (стр. 467). «Он вообще немилосерд,— продолжал Павлов.— Его мысль крута. Характер, приемы, сущность этой мысли носят на себе признаки не европейского, а азиятского происхождения» (стр. 472).

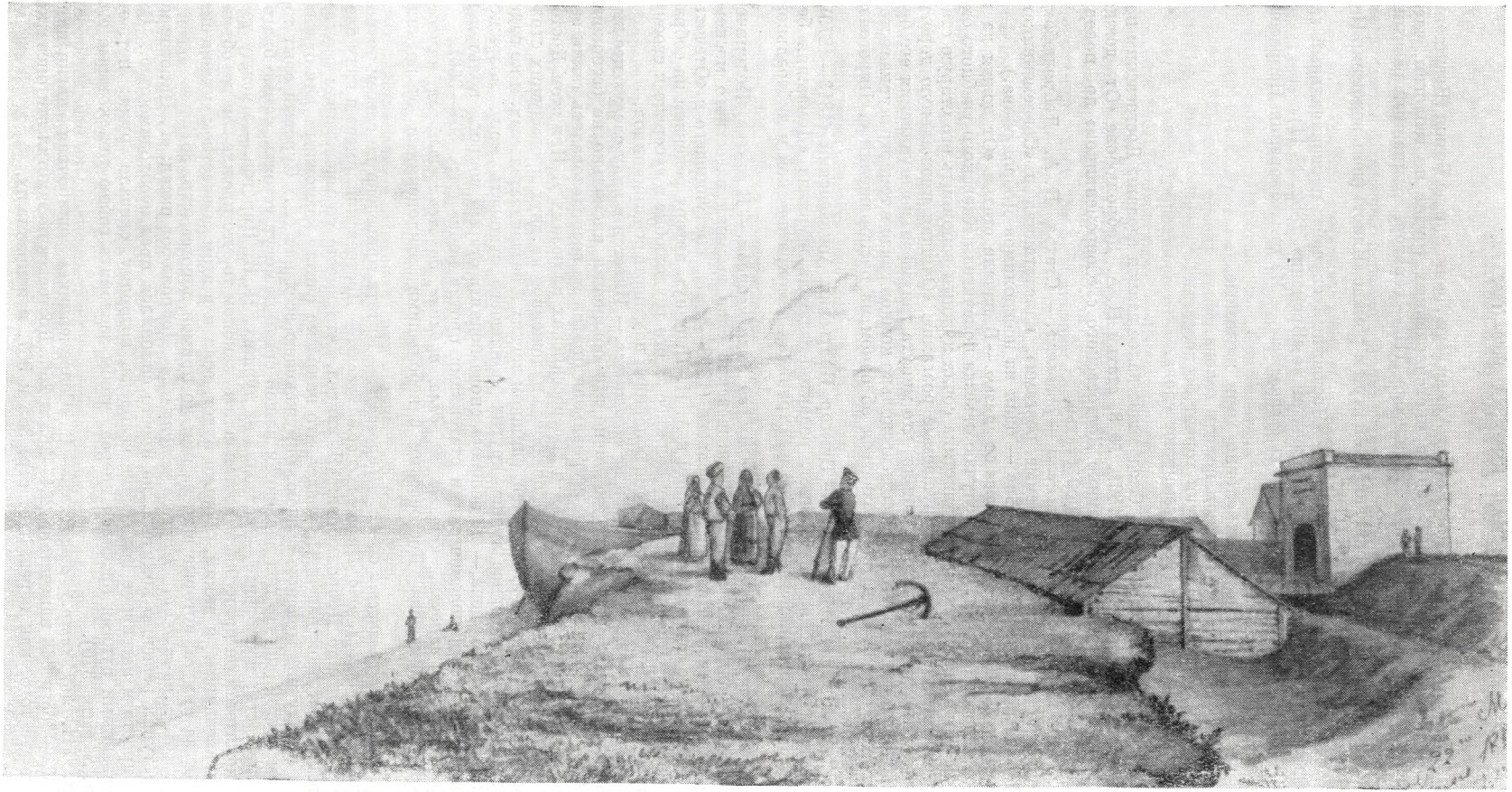
Стр. 136. *«Р⟨усский⟩ вестник» читает ему мораль.*— Имеется в виду полемическая статья М. Н. Каткова в «Русском вестнике», 1861, № 7 (без подписи) — «Виды на entente cordiale с „Современником“» (см. выше). В ней делалась попытка отчитать «почтенного редактора„ Современника“» в связи с появлением «второй коллекции „Полемических красот“». См. в начале статьи: «Г. Чернышевский прежде всего произносит общий приговор об „Отечественных записках“. Он объясняет, что это журнал ничтожный, бесхарактерный, издаваемый неспособною рукой, сшивок нескольких журнальцев. Хорошо ли это? У него с „Отечественными записками“ были некоторые определенные вопросы для препирательства: зачем же он не ограничился этим? Зачем он пустился в общие отзывы о редакции этого журнала?» и т. д.

Стр. 136... *аргументы Н. Ф. Павлова очень крепки...*— Павлов пытался доказать, что в статьях Чернышевского проявляется «не отрицанье, а скорее безмыслие, не деятельность, а праздность ума», что ему «мало было воплотить в себе общественные недостатки, обнажить глубокие язвы, он лично сам с своими особенностями не захотел остаться за кулисами, а вздумал стать на сцене в великолепную позу. Это-то, по нашему мнению, и повредило ему ⟨...⟩ Наше просвещение в лице г. Чернышевского сдернуло с себя маску, сорвало покровы, обнажило свои сокровенные красоты и явилось на глаза людей, что называется, как мать родила: все, что мы нахватали без разбора, чего не переварили, чего не поняли, во что нарядились, как в павлиньи перья, выложилось перед нами на стол, в громадном изобилии...» и т. д.

Стр. 136. *Мы вам это часто говорили.*— См. «предостережения», сделанные Чернышевскому в ряде полемических статей «Времени», в частности, в статьях Н. Н. Страхова (Косицы) «Еще о петербургской литературе» и «Литературные законодатели» («Время», 1861, №№ 6 и 11).

Стр. 136. *В Голядкина.*— См. вступительную статью.

Стр. 136. *Я у Бекетовых...*— С братьями Бекетовыми (Алексеем, Андреем и Николаем) Достоевский был очень дружен в 1840-х годах. 26 ноября 1846 г. он писал о них М. М. Достоевскому: «Это люди дельные, умные, с превосходным сердцем, с благородством, с характером. Они меня вылечили своим обществом» («Письма», I, стр. 103). Несколько десятилетий спустя, 23 февраля 1877 г., Н. Н. Бекетов, знаменитый ученый-химик, писал Достоевскому: «Не забыл я вас, хотя мне было всего 19 лет, когда я с вами расстался — с тех пор вы все продолжали ваш неустанный труд изучения человеческой души; чтение ваших произведений — это беседа с собственною совестью — до того они имеют общечеловеческий, всеобъемлющий смысл...» (ЛБ, ф. 93, II. 1.75. «Лит. газета», 1971, № 33, 11 августа, стр. 6. См. также «Письма», IV, стр. 344).



ОМСКИЙ ОСТРОГ
Акварель М. С. Знаменского, 1870-е годы
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

Стр. 137. *Эли де Бомон.*— Жан Батист Арман Луи Леонс Эли де Бомон (Beaumont, 1798—1874), французский ученый, автор многочисленных трудов по геологии, член Французской академии наук; при Наполеоне III — сенатор, осыпанный разными милостями и орденами.

Стр. 138. *Петй же* ... См. описание этой игры в романе «Идиот» (день рождения Настасьи Филипповны, ч. I, гл. XIII).

Стр. 138. *В «Несчастный случай».* — «Несчастный случай», первоначальный замысел «Скверного анекдота» (впервые напечатан во «Времени», 1862, № 11).

Стр. 138. *...странно руки торчат бесполезные.*— Из стихотворения Некрасова «Застенчивость» (1852):

На ногах словно гири железные,
Как свинцом налита голова,
Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова.

Стр. 140. *Вопрос о Пирогове.*— Следующие далее записи сделаны Достоевским после появления в «Современнике», 1861, № 8, статьи Н. А. Добролюбова «От дождя да в воду». Об ожесточенной полемике Достоевского с «Современником» по поводу Н. И. Пирогова см. во вступительной статье.

Стр. 140. *...«Великорусские иллюзии — розгами».*— Статья Н. А. Добролюбова «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами», напечатанная в «Современнике», 1860, № 1, за подписью Н.—бов. (Бов — один из псевдонимов Добролюбова.)

Стр. 140. *Г. Бов горько жалуется ∽ грязью.*—В начале статьи «От дождя да в воду» Добролюбов отмечал, что по случаю отъезда попечителя Киевского учебного округа Н. И. Пирогова русская журналистика сочла нужным вспомнить его старую статью «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами». «Очищая прощальную дорогу знаменитому хирургу и педагогу, нашли, что минута триумфального удаления его будет очень удобна для того, чтобы бросить несколько комков грязи в темного журналиста, осмелившегося когда-то жестко отозваться об одном из распоряжений г. Пирогова» («Современник», 1860, № 1, стр. 363).

Стр. 140. *...перед Аскоченским.*— Виктор Ипатьевич Аскоченский (1813—1879), воинствующий реакционный публицист, редактор-издатель журнала «Домашняя беседа», часто подвергавшийся осмеянию на страницах демократической и либеральной печати.

Стр. 140. *А ведь перед г.-то Буслаевым вы были неправы.*— В статье «Полемические красоты. Коллекция вторая» Чернышевский едко высмеял известного московского филолога Федора Ивановича Буслаева (1818—1897), выступившего в «Отечественных записках» с открытым «Письмом к А. Н. Пыпину», автору рецензии на собрание его сочинений. Отдавая Буслаеву должное за его трудолюбие и «усердие к своему предмету», Чернышевский в то же время оспаривал научность его принципов.

Стр. 141. *Г. Бов пишет, что он и не заботится.*— Имеется в виду следующее высказывание Добролюбова: «Меня же лично эти обвинения нисколько не беспокоят ‹...› Я бы очень удивился, если бы журнальная братия не воспользовалась таким великолепным случаем, как моя статья о „Всероссийских иллюзиях“». При этом Достоевский игнорирует объяснение Добролюбова, изложенное на двух предыдущих страницах его статьи: «Не ради этих статей, слишком легких и бездоказательных, и не ради самого г. Пирогова, наверное лучше других понявшего сущность моих возражений,— но ради самого дела,— я решаюсь снова поднять старый вопрос, пользуясь для своих объяснений полемическими статейками против меня» (стр. 364—366).

Стр. 141. *«Да, впрочем, что же за дело публике до моих тайных намерений?»*— Цитата приведена Достоевским с небольшими отклонениями от подлинника.

Стр. 141. *«В серьезности ∽ к г. Пирогову».*— Цитата приведена не совсем точно.

Стр. 141. *«Я думал, что Пирогов ∽ обманулся».*— Достоевский имеет в виду следующее высказывание Добролюбова: «Я увидел, что вместе со множеством других я преувеличивал свои надежды, увидел, что напрасно считал возможным для одного человека победу над мрачною средою, окружающею всех нас ‹...› Суровый опыт говорит нам постоянно, что под давлением нашей среды не могут устоять самые благородные личности; посмотрите — вот одна из лучших, Н. И. Пирогов,— а между тем с своим комитетом он принужден постановлять законом то, что прежде сам же объявлял несправедливым и диким. Горько будет, если и в этом несчастном уклонении последуют за ним те, которые шли за ним по прямой дороге» (стр. 367).

Стр. 141. *...по-вашему, Пирогов уступил...*— Добролюбов писал: «Г. Пирогов не просто уступил решенью комитета, не просто склонился пред необходимостью... Он не стал просто в пассивное положение человека, которому связали руки; нет, он и со связанными руками бросился вперед, чтобы заслонить собою тех, которые его связали...» (стр. 370).

Стр. 141. *367 ‹стр.› ошиб‹ка›.*— В «Современнике» ошибочная пагинация: вместо 364—365 и 366 напечатано 264—265 и 266. Достоевский заметил эти опечатки только после того, как перешел от стр. 365 к 367, и исправил их.

Стр. 142. *Убеждение...* — Из статьи Добролюбова: «В одном месте своей статьи (стр. 170) я говорил: «*Только совершенным несогласием истинных убеждений г. Пирогова с принятою мерою можно* до некоторой степени *оправдать* те *противоречия*, какие встречаются в каждой строчке „Правил" там, где говорится о телесном наказании» (стр. 371).

Стр. 142. *Возраж⟨ения⟩ Бову «От⟨ечественных⟩ записок» слабы.*— В «Отечественных записках», 1861, № 6, было напечатано письмо Е. Суд⟨овщикова⟩ из Киева в «защиту» Пирогова от Добролюбова и Чернышевского. Ее цитировал Добролюбов в статье «От дождя да в воду». Публикации предшествовала заметка от редакции, озаглавленная «Пирогов и „Современник"».

Стр. 144. *...Драгоманов...*—Речь идет о статье Михаила Петровича Драгоманова (1841—1895) «По поводу заметки о Н. И. Пирогове в № 4 „Отечественных записок" в 1861 г. „Обед в Киеве"», опубликованной в московской газете «Русская речь», 1861, № 54, 6 июля. Добролюбов отвечал ему в цитируемой статье «От дождя да в воду».

Стр. 144. *Две отметки...*— По-видимому, имеются в виду подстрочные примечания в статье Добролюбова (см. ниже).

Стр. 144. *«стихи...»*— Достоевский имеет в виду стихотворение Добролюбова «Грустная дума гимназиста лютеранского исповедания и не Киевского округа» («Современник», 1860, № 3, «Свисток», стр. 27—28), упоминаемое Добролюбовым на стр. 378—379 его статьи.

Стр. 144. *... вся статья.*—Статья Добролюбова «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами».

Стр. 144. *2-я заметка.*—Цитата приведена Достоевским не совсем точно, с некоторыми сокращениями.

Стр. 144. *... за лихоимство и воровство — значит (по Бову) одно менее, другое более.*— Отклик на следующее замечание Добролюбова: «Но почему же за *воровство* — телесное наказание? Какое соответствие между тем и другим? Вот что спрашивал я еще в прошлом году и чего никто до сих пор не объяснил хорошенько» (стр. 379).

Стр. 144. *«Уж одно это сличение цифр...»* — Добролюбов привел в своей статье «таблицу высеченных» за 1858 и 1859—1860 гг. по южнорусским губерниям, отметив при этом: «Одно сличение цифр в этой таблице показывает, как несправедливы уверения, будто розгу нельзя вывести из воспитания, будто общественное мнение этому противится» (стр. 380).

Стр. 145. *Далее рассуждение увольнением.*— Отклик на следующие строки из статьи Добролюбова: «Отчего бы прямо не заменить розги увольнением? Жестоко, скажете? — Нет, не так жестоко, как кажется. Ведь вы только раз допускаете розги, а потом увольняете...» (стр. 381).

Стр. 145. *... смешно увольнять и после дерзости...*— Добролюбов писал в своей статье: «Относительно дерзости тоже надо сказать: или это вспышка дитяти, и тогда не безрассудно ли пороть за нее, как бы становиться самому ребенком и вымещать свою обиду? Или же дерзость, или всякое другое оскорбление, имеет серьезный вид, происходя либо от испорченного нрава ученика, либо от его антагонизма с начальником. В этих случаях увольнение — самое лучшее...» (стр. 381).

Стр. 145... *Прямо за этим: отцы возымеют же, наконец, амбицию.*— Добролюбов писал: «Но, говорят, сами родители часто просят, чтобы их детей секли... Ну, вот для этих случаев и сохраните вашу розгу, если уж вам так жалко с нею расстаться ⟨...⟩ Наверное количество случаев сеченья будет быстро уменьшаться, потому что отцы возымеют же, наконец, амбицию» (стр. 382).

Стр. 145. *Сами же соглашаетесь, г. Бое, какова была личность Пирогова.*— Из статьи Добролюбова: «Пока г. Пирогов был в Киеве, все шло отлично,— слова нет. И произвола было меньше, и секли меньше, и учились лучше, и пр. и пр. Но что тут действовало,— „Правила" или Личность?» (стр. 382).

Стр. 145. *«Честь и слава», говорите вы дальше.*— Добролюбов писал: «Честь и слава Н. И. Пирогову, и горько, что он не остался дольше на своем месте. Мы вполне сочувствуем его и общему желанию, чтоб его влияние продолжалось как можно дольше в Киевском учебном округе и во всей России, если можно» (стр. 382—383).

Стр. 145. *«Конечно, так, Пирогов говорил это».*— Приведенная фраза Добролюбова относилась к словам Пирогова, сказанным киевским педагогам: «Мои убеждения, в сущности — ваши убеждения; моя заслуга только в том, что я угадал ваши взгляды» и пр. (стр. 383).

Стр. 146. *Эманципаторы ∞ возражениям».*— В указанном месте статьи Добролюбов сравнивает свое выступление с «обличительным голосом», который во времена крепостного права стал бы укорять «эманципатора», собирающегося отпустить на волю своих крепостных, но не решающегося сделать это. «Как вы думаете, что почувствуют при этом голосе искренние, сознательные приверженцы эманципации? ⟨...⟩ Не могут они не сообразить, что ведь в этом голосе для них помощь, новое средство обороны, что он увеличивает их силу, что с ним они смелее могут идти против обскурантов, мешающих делу эманципации» (стр. 385—386).

Стр. 146. *... à la pudeur.*— Ср. название известной статьи Герцена в «Колоколе», л. 30-31, 15 декабря 1858 г.: «Appel à la pudeur (издателям русских газет)».

Стр. 146. *...чем оскорбились последователи Пирогова? ∽ выписки.* — Добролюбов писал о «последователях Пирогова»: «Они, как оказывается, поняли все дело совершенно *лично* ⟨...⟩ Возражений на мои замечания, серьезного разбора статьи никто не напечатал, а напечатали только какие-то беззубые выходки против моей *негуманности* (!) в обращении с г. Пироговым...» (стр. 386).

Стр. 146. *Сам Пирогов упал, говорите вы в оправдание.* — Добролюбов опровергал мнение «последователей Пирогова», будто его статья подорвала во многих читателях уважение к почтенному деятелю. «А в статейке-то,— замечает он,— между тем, даже среди самых горячих тирад, при выражениях, которые могли бы показаться наиболее неприятными для самолюбия,— все-таки беспрестанно проглядывает мотив всей этой горячности, состоящий в том, что автор чрезвычайно высоко ценит Пирогова и что именно такого-то человека тяжело ему видеть слабеющим и падающим под гнетом среды, в которую он поставлен». Далее он приводит выражение из своей предыдущей статьи: «Тут *сам Пирогов* упал» (стр. 388).

Стр. 146. *Наконец, по-вашему, нужно ∽ изменить его.*— Слова Добролюбова: «А дело могло бы пойти успешно только тогда, когда бы—Пирогов ли, или кто другой—направил все свои усилия на решительное и коренное изменение того положения, которое оказалось препятствием для г. Пирогова на пути более широких реформ» (стр. 391).

Стр. 148. *Вы заключаете ∽ оскорбили г. Пирогова.*— Завершая свою статью, Добролюбов писал: «Ведь если прежде сказали, что я написал статью для оскорбления г. Пирогова, так теперь решат, пожалуй, что я писал для оскорбления всех киевских педагогов, всего учебного округа ⟨...⟩ Я сгруппировал лишь некоторые черты, сообщенные самими киевлянами. А зачем я группировал их?.. Да, положим, хоть затем, чтоб иметь удовольствие видеть потом ошибочность своих мрачных предположений...» (стр. 392).

Стр. 148. *Вы, главное, говорите: правила лучше ∽ даете правилам такую цену?* — Добролюбов утверждал: «При Пирогове, разумеется, гимназии старались отличить себя малым количеством или отсутствием экзекуций. Но чем, кроме подобного гуманного влияния начальства, обеспечено такое стремление на будущее время? Ведь только благодарною памятью о Пирогове. А „Правила"-то дают полную волю — пороть за дерзость ⟨...⟩ А все было бы вернее, кабы правила-то получше существовали» (стр. 383).

Стр. 148. *NB. Вы тщеславитесь ∽ результатов.*— Добролюбов писал о Пирогове: «Я указал на его ошибку, положим даже преувеличив ее значение; я надеялся, что это выяснит дело и поможет торжеству новых, разумных начал над рутиною; но, признаюсь, никак не рассчитывал я на такой эффект, какой указывается г-м Е. Суд⟨овщиковым⟩» (стр. 388) —т. е. что от Пирогова под воздействием статьи Добролюбова отвернется публика в Киеве.

Стр. 148. *... такой факт, как прощальный обед.*—Торжественный обед, данный Н. И. Пирогову в Киеве 4 апреля 1861 г. в связи с его отъездом, подробно описывался в столичных периодических изданиях как выдающееся общественное событие.

Стр. 148. *... а ведь говорите же вы ∽ нравится Пирогову».* — Из статьи Добролюбова: «На торжественных проводах можно говорить что угодно, особенно если это приятно г. Пирогову: отчего же не воздать честь человеку? Но честь честью, а дело делом».

Стр. 149. *«Нечего за них держаться...»*— Слова Добролюбова: «Отчего бы прямо не заменить розги увольнением? Жестоко, скажете? — Нет не так жестоко, как кажется. Ведь вы только раз допускаете розги, а потом увольняете; сечете за воровство, во-первых. За воровство мальчика сечь вы сами присуждаете только тогда, когда оно имеет не характер шалости, а обнаруживает испорченность воли. В таких мальчиках, имеющих серьезную наклонность к чужому с детства, прок бывает редко; держаться за них нечего» (стр. 381).

Стр. 150. *Говорят, г. Чернышевскому ∽ ваши увлечения и т. д.*— Полемизируя с либеральным публицистом Степаном Степановичем Громекой (1823—1877) в статье «Полемические красоты» (см. выше), Чернышевский обращался к своему оппоненту с подчеркнутой почтительностью, сквозь которую, однако, явственно проглядывали презрительные нотки и намеки, касающиеся их прежних отношений.

Стр. 150. *... если припомним некоторые «Соврем⟨енные⟩ хроники» или «Современные летописи» по поводу недавних событий в «Отеч⟨ественных⟩ записках», но и т. д.*—См. в статье Достоевского «Петербургские сновидения в стихах и прозе» («Время», 1861, № 1): «В одном из прошлогодних объявлений об издании „Отечественных записок" в шестьдесят первом году сказано, что отделом критики будут заведовать с будущего года гг. Дудышкин и Краевский. Это объявление произвело некоторый говор ⟨...⟩ Меня даже просили уведомить публику, что объявление о будущих критиках г. Краевского должно считать самым важным и самым назойливым литературным скандалом за весь прошлый год» (стр. 18).

Стр. 150. *... Кавур был человек довольно дюжинный ...*—Один из основных тезисов статьи Чернышевского «Граф Кавур».

Стр. 150. *Плоды не едят на картине.*— Полемический выпад против одного из основных положений магистерской диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности»: «Действительность не только живее, но и совершеннее фантазии. Образы фантазии — только бледная и почти всегда неудачная переделка действительности» (Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. II, стр. 91).

Стр. 150. *...вы столько писали о политической экономии.*— Отклик на следующее высказывание из «Полемических красот» Чернышевского: «...вам угодно знать, ученый ли я человек? Извольте. Давно уж не занимаюсь я специально ничем, кроме политической экономии. Прежде занимался я кое-какими другими предметами довольно усердно ‹...› Или вам все не то хочется узнать, а то, как обширны мои знания? На это могу отвечать вам только одно: несравненно обширнее ваших. Да это вы и сами знаете».

Стр. 150. *...желчевик...*— Термин, которым Герцен охарактеризовал «свистунов» «Современника» — в первую очередь Чернышевского и Добролюбова — в статье «Лишние люди и желчевики», опубликованной в «Колоколе», л. 83, 15 октября 1860 г. О происхождении этого термина см.: Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XIV, стр. 573.

Стр. 150. *Чернышевск‹ий› говорит, что он семинарист.*— В статье «Полемические красоты» Чернышевский несколько раз декларативно заявлял, что он семинарист.

Стр. 151. *...учит всех бе-а-ба.*— См. стр. 161—162.

Стр. 151. *...Падение Запад‹ной› Римск‹ой›.*— Нашумевшая статья Чернышевского «О причинах падения Рима (подражание Монтескье)» — «Современник», 1861, № 5.

Стр. 151. *Вот г. Писарев пошел дальше.*— Вероятно, имеется в виду статья Д. И. Писарева «Схоластика XIX века», появившаяся в «Русском слове», 1861, № 5. О ней А. В. Никитенко записал в своем дневнике 14 октября 1861 г.: «В „Русском слове" появился новый пророк в модном направлении — Писарев. Он в прошедшем году кончил курс в нашем университете и теперь поместил в „Русском слове" статью „Схоластика XIX века и процессы жизни". Прочитав ее, признаюсь, я даже раздражился и в этом расположении я говорил ‹в Главном управлении цензуры› слишком горячо...» (А. В. Никитенко. Дневник, т. II. М., 1955, стр. 227). В официальном докладе Никитенко заявил, что «Русское слово» «разрушает все авторитеты власти, нравственности, верований, науки ‹...› Материализм — его главная, единственная доктрина. Из этого само собой уже проистекает такое прекрасное, отрадное явление, как анархия, или, лучше сказать, проистекает всевозможная анархия — политическая, нравственная, умственная, эстетическая» («Русский архив», 1895, № 2, стр. 225—228).

Стр. 152. *Искусство, а Марко Вовчок и Бов.*— Запись относится к статье Достоевского из цикла «Ряд статей о русской литературе» «Г.—бов и вопрос об искусстве», в которой по поводу рецензии Добролюбова на рассказы Марко Вовчок («Черты для характеристики русского простонародья») Достоевский, упрекая Добролюбова в утилитаризме, в частности, писал: «Г.—бов почти прямо выказывает, что художественность он считает ничем, нулем, и выказывает именно тем, что не умеет понять, к чему полезна художественность» и т. д.

Стр. 152. *... Балакирев.*— Иван Александрович Балакирев (1699— ?), придворный шут при Анне Иоанновне.

Стр. 152. *Вы действительно пишете забавно ∞ казался значительным.*— См. стр. 196.

Стр. 152. *Павлов прав, говоря про ваше самолюбие.*— В статье о Чернышевском (см. стр. 162) Н. Ф. Павлов писал по поводу «Полемических красот»: «... Статья г. Чернышевского написана чрезвычайно бойко, изворотливо, в иных местах язвительно и забавно, лучше, чем какая-либо из других его статей. Видно, что достоинства собственной персоны, что желание побеседовать о них и доказать то, что он доказывает, составляет для него более живой интерес, чем все то, что он проповедывал до сих пор и над чем трудился неусыпно. Так вот она, сущность-то дела, так вот на что сводятся заботы о благоденствии родины и всего человечества» и т. д.

Стр. 153. *...последняя литературная грызня.*— Достоевский имеет в виду ожесточенную полемику «Современника» с «Отечественными записками» и «Русским вестником».

Стр. 154. *Человек с двумя ушами ∞ Резать носы.*— См. в статье Достоевского «Г.—бов и вопрос об искусстве»: «Нельзя же так обстричь человека, что вот, дескать, это твоя потребность, так вот нет же, не хочу, живи так, а не этак».

Стр. 154. *...это уже сочинение г. Бова.*— О статье Добролюбова «От дождя да в воду» см. выше.

Стр. 154. *В ряде статей: Гоголь ∞ гений...*— В Введении к «Ряду статей о русской литературе» эта мысль не встречается. О Гоголе там сказано: «Гоголь умирает ‹...›, уморив себя сам в бессилии создать и в точности определить себе идеал, над которым бы он мог не смеяться».

Стр. 154. *«Читальник».* — О «Читальнике», проекте книги для народного чтения, опубликованном Н. Ф. Щербиной в февральской книжке «Отечественных записок»

1861 г., Достоевский написал статью «Книжность и грамотность», включенную в цикл «Ряд статей о русской литературе» («Время», 1861, № 8—9).

Стр. 154. *По поводу одной рецензии.* — Вероятно, статья Достоевского о рецензии Добролюбова на сборник рассказов Марко Вовчок.— «Г.—бов и вопрос об искусстве».

Стр. 154. *Кузьма Прутков.*—Об отношении Достоевского к Пруткову см. во вступительной статье.

Стр. 154. *Поэты ∞ и проч.*— Вероятно, неосуществленный замысел статьи о поэтах-«шестидесятниках».

Стр. 154. *Кохановская.*— Надежда Степановна Соханская (Кохановская, 1825—1884), известная в свое время писательница. См. «Письма», IV, стр. 270. Ср. стр. 188 наст. тома.

Стр. 154. *Григорье⟨вым⟩.*— Вероятно, Аполлон Григорьев.

Стр. 154. *Наши критики до сих пор силятся не понимать Пушкина.*— Из статей Достоевского, относящихся к этому времени, видно, что особенное возмущение у него вызвали высказывания о Пушкине в «чудовищной статье» «Пушкин — народный поэт» Дудышкина, отрицавшего народность Пушкина («Отечественные записки», 1860, № 4; ср. № 6), а также высказывания Каткова в статье «Наш язык и что такое свистуны» («Русский вестник», 1861, № 3). В первой статье «Книжность и грамотность» («Время», 1861, № 7) Достоевский выразил намерение «тиснуть особую статью в ответ на мнения г. Дудышкина». Отвечая на рассуждения Каткова: «Пушкин ⟨...⟩ бесконечно дорог для нас,— но, к сожалению, только для нас, и ни для кого более ⟨...⟩ Что значит Пушкин для остального мира, между тем, как везде, а равно и у нас, видим мы могущественное влияние Байронов и Шиллеров», Достоевский в той же статье писал: «„Русский вестник", между прочим, не отдает чести Пушкину, потому что он неизвестен в Европе; потому что Шекспир, Шиллер, Гете проникли всюду в европейские литературы и много привнесли в общечеловеческое европейское развитие, а Пушкин нет. Какое детское требование! ⟨...⟩ Да, Шиллер, действительно, вошел в плоть и кровь русского общества ⟨...⟩ Шекспир тоже. Даже Гете известен у нас несравненно более, чем во Франции, а может быть и в Англии ⟨...⟩ Но „Русский вестник" только плюет на эти факты; для него они не факты, потому что не подходят под его мерочку. Ему указывают на факт необыкновенного общечеловеческого стремления русского племени, указывают на одного из провозвестников этого стремления— Пушкина, говорят ему, что — явление это неслыханное и беспримерное между народами, что оно может свидетельствовать о чрезвычайно оригинальной черте русского характера, что оно, может быть, есть главная сущность русской народности. Но „Русский вестник" не слушает, а говорит, что и самой-то народности нет». Ср. основной тезис «Речи о Пушкине» (1880).

Стр. 154. *«Русская речь», № 64, 10 августа.*— Во «Внутреннем обозрении» этой газеты напечатаны критические замечания по поводу статьи Достоевского «Книжность и грамотность».

Стр. 154. *Припадки.*— Достоевский перечисляет здесь эпилептические припадки, случившиеся с ним в 1861—1862 гг.

Стр. 155. *4-я и 5-я в сентябре.*— Речь идет о «Записках из Мертвого дома». В сентябрьской книжке «Времени», после большого перерыва, были напечатаны пятая и шестая главы (части первой) этого произведения.

Стр. 155. *Слухи о «Ревизоре» ∞ день.* — См. главы девятую — одиннадцатую (части первой) и главу пятую (части второй) «Записок из Мертвого дома».

Стр. 155. *История двух каторжн⟨ых?⟩ песен⟨?⟩, работы.* — Последние два слова этой записи читаются предположительно. Соответствующего эпизода в «Записках из Мертвого дома» нет.

Стр. 155. *Театр.*— Глава XI части первой «Записок из Мертвого дома».

Стр. 155. *...напрасно г. Антонович говорит о Гете.*—Достоевский имеет, вероятно, в виду высказывание М. А. Антоновича в статье «Асмодей нашего времени», посвященной разбору «Отцов и детей» («Современник», 1862, № 3, отд. II, стр. 71): «Г. Тургенев через какого-то из своих фаворитов спрашивает героя: „Вы отрицаете всё? не только искусство, поэзию... но *и* ... страшно вымолвить..."— „Всё",— с невыразимым спокойствием отвечал герой» (стр. 517). «Конечно, ответ неудовлетворительный; но как знать, живой-то герой, может быть, ответил бы: „Нет", и прибавил бы: мы отрицаем только ваше искусство, вашу поэзию, г. Тургенев, ваше *и*; но не отрицаем и даже требуем другого искусства и поэзии, другого *и*, хоть такого *и*, какое представлял себе, например, Гете, такой же поэт, как и вы, однако отрицав ший ваше *и*». Н. Н. Страхов в анонимной рецензии на роман Тургенева в № 4 «Времени» иронически отозвался об Антоновиче, который «объявляет себя поклонником Гете и утверждает, что молодое поколение признает поэзию *великого старца*» (стр. 61).

Стр. 155. *Ну этого и Петр Лаврыч не разрешит, который все знает.*— Ироническое замечание о философе Петре Лавровиче Лаврове (1823—1900), редакторе «Энциклопедического словаря». Непосредственным поводом для насмешки, вероятно, явилось чтение Лавровым публичных лекций о философии в петербургском Пассаже 22, 25 и 30 ноября 1860 г. (текст лекций см. в «Отечественных записках», 1861, № 1, стр. 91—142).

ВСКРЫТИЕ ЯЩИКА С РУКОПИСЯМИ ДОСТОЕВСКОГО

Исторический музей, Москва, 6 февраля 1922 г. Председательствовал П. Н. Сакулин

Фотография

Среди присутствовавших: С. М. Городецкий, П. Н. Сакулин, Н. Л. Бродский, Л. П. Гроссман, Ю. М. Соколов, И. Н. Розанов, М. А. Голубцова, Н. К. Гудзий и др.

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

Стр. 155. *Вы говорили, что Добролюбов — гений...*— По-видимому, полемическое переосмысление высказывания Чернышевского в его некрологе «Н. А. Добролюбов» («Современник», 1861, № 11): «Ему было только 25 лет. Но уже четыре года он стоял во главе русской литературы». Достоевскому, конечно, известны были и устные высказывания Чернышевского о своем молодом друге, которого он в отношении талантливости ставил гораздо выше себя.

Стр. 155. *Баканину.*— Это письмо Достоевского неизвестно.

Стр. 155. *Валиханову.*— Чокан Чингисович Валиханов (1835—1865), выдающийся казахский просветитель-демократ, путешественник и этнограф. Достоевский подружился с ним во время своего пребывания в Сибири. В 1861 г. Валиханов приезжал в Петербург и, вероятно, встречался с Достоевским. Среди сохранившихся писем Достоевского к Валиханову письма, относящегося к этому времени, нет. Нет на него отклика и в сохранившихся письмах Валиханова (см. Ч. Ч. Валиханов. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947).

Стр. 155. *...поэту.*— Кого имеет здесь в виду Достоевский — неясно. Возможно, какого-то стихотворца, приславшего свои сочинения в редакцию «Времени».

Стр. 155. *Штрандману.*— Вероятно, литератор-петрашевец Роман Романович Штрандман (ок. 1823 — ?). Переписка с ним Достоевского остается неизвестной.

Стр. 155. *Настасье Петровне.*— Личность Настасьи Петровны не установлена.

Стр. 155. *Гейбовичу.*— Артемий Иванович Гейбович, ротный командир Достоевского во время его военной службы в 7-м Сибирском линейном батальоне (Семипалатинск). Известно только одно письмо к нему Достоевского — от 23 октября 1859 г. («Письма», I, стр. 269—277) и ответное письмо Гейбовича 25 марта 1860 г. (ЛБ).

Стр. 155. *У Кашина.*— Вероятно, Александр Петрович Кашин (1813—1869), врач, сотрудник журнала «Архив судебной медицины». Достоевский поддерживал с ним дружеские отношения.

Стр. 155. *У Фермора.*— Павел Федорович Фермор (1810—1888), военный инженер. См. о нем и его семье в «Лит. наследстве», т. 49-50, стр. 211—212.

Стр. 155. *...Бокля.*— Обширное сочинение английского социолога-позитивиста Генри Томаса Бокля (1821—1862) «История цивилизации в Англии» пользовалось в 1860-х годах большой популярностью у радикальной молодежи. В 1861 г. «Историю цивилизации в Англии» начали печатать на своих страницах «Отечественные записки».

Стр. 155. *...Молешота.*— Якоб Молешотт (1822—1893), голландский философ и физиолог, видный представитель вульгарного материализма. Возможно, что интерес к нему у Достоевского связан с появлением в «Русском слове», 1861, № 7, статьи Писарева «„Физиологические эскизы" Молешота».

Стр. 155. *«Contradictions économiques» Прудона.*— Одно из наиболее известных сочинений П. Ж. Прудона «Système des Contradictions économiques, ou la Philosophie de la Misère» («Система экономических противоречий, или Философия нищеты», 1846). Книга эта, как известно, подверглась уничтожающей критике К. Маркса в его работе «Нищета философии, или Философия нищеты» (1847).

Стр. 155. *«De la science économique».*— Так называется первая глава сочинения Прудона «Contradictions économiques».

Стр. 156. *Подписчики по вероятн‹ому› расчету.*— Запись о подписчиках «Времени».

Стр. 156. *Дрезден ∞ Париж.*— Предполагаемый маршрут заграничной поездки Достоевского, выехавшего из Петербурга 7 июня 1862 г.

Стр. 156. *В объявление.*— Следующие далее записи частично использованы Достоевским в объявлении об издании «Времени» на 1863 г. («Время», 1862, № 11).

Стр. 156. *Fara da se* — из крылатого выражения «Italia fara da se» («Италия справится сама»), приписываемого Кавуру.

Стр. 158. *Вы с желчью спрашивали нас, какие же средства к соединению.*— Полемизируя с «почвенническими декларациями» редакторов «Времени», М. А. Антонович писал в своей статье «О почве (не в агрономическом смысле, а в духе „Времени")» — «Современник», 1861, № 12: «Говорят вообще, наше общество разорвано на две части, на две народности, а на самом-то деле оно состоит не из двух, а, пожалуй, из целого десятка народностей; на это наши сближатели не обращают никакого внимания ‹...› Они и видят в нашем обществе только две части: с одной стороны, верхний слой его, куда относятся более или менее образованные и полуобразованные люди ‹...›; с другой стороны, масса простого народа, без науки, искусства, культуры и других атрибутов цивилизации. Между ними будто бы существует огромная непроходимая пропасть, ров, бездна ‹...› Но как бы то ни было, теперь требуется соединить эти две различные или, пожалуй, противоположные части, сблизить их между собою ‹...› Этим и оканчивается относительная ясность и определенность дела и общее согласие во взглядах на предмет. А вот уж самое сближение — совершенная темень, вещь мудреная и весьма смутно понимаемая. Каково должно быть это сближение, в каком смысле оно возможно, кто и как должен сделать первый шаг, с чьей стороны должно быть больше уступок, какие элементы внесет в будущее общее соединение та и другая сторона, — на эти вопросы вы нигде не найдете определенного ответа; ими не занимаются люди, толкующие о почве и народности...» (стр. 175—176).

II. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА
(1863—1864)

Харьковской губерн⟨ии⟩ по Чугуевскому тракту, на станцию Теплинку, Надежде Степановне Соханской (Кохановская). //

В Москве на Живодерке дом Глаголевой, Алексею Андреяновичу Головачеву. //

Близ Таврического сада [на углу Се], в улице NN, пересекающей Сергиевскую, [где] дом Бажанова и его канцелярия. //

1) В⟨арваре⟩ Д⟨митриев⟩не посылать все Маше.
2) Отдать В⟨арваре⟩ Д⟨митриев⟩не письма.
3) Цветные бумажки.
4) Написать в Москву, когда ворочусь.
5) Соню попросить убедительно в Москве заехать к М⟨арье⟩ Д⟨митриевне⟩.
6) «Горе от ума».
7) Зубочистка. //

Actif *

У брата	—400	
Еще	—480	
Еще	—150	
Еще	— 30	
	1060	
600	117	
800		
	1700 | 6 //	
А⟨лександру⟩ П⟨авлови⟩чу	—100	
Брату	—100	
Жизнь и voyage **	— 50	
и д.⟨?⟩	— 15	
Шестакову	— 20	
Паше	— 25	
Коле	— 25	
В доме за квартиру	— 30	1
Непредвиденных	— 30	2
до Берлина	— 50	
	445	
В Берлине	—100[N]	
или	—117 //	

* наличность (*франц.*).
** поездка (*франц.*).

Гражданские слезы:
штатские. *Откуп нар⟨одных⟩ слез.*
Слезоточивость не нравится.
Окарикатурили. Сука.
Гамалиил.
Разбор слов Гамалиила, свобода мы⟨сли⟩. //

Воротиться к почве.
Никто не может быть *чем-нибудь* или достигнуть *чего-нибудь*, не быв сначала самим собою. //

Мы хотим дело делать, а не теории испускать.

Г. Костомаров, который не всегда пожинал лавры от нигилистов, хлопочет, может быть, о возвращении этих аплодисментов.— Потому-то, вероятно, он и Пушкина пошляком выругал.— Русский-то историк! Пушкина-то!
Чтоб быть русским историком, нужно быть, прежде всего, русским.
Вы [ненавидите] не русского духа, я сужу это по фактам и говорю в глаза. Имейте мужество, чтоб говорить это тоже в глаза.
Я люблю роль Москвы в русской истории и говорю об этом прямо. //

Костомарову

Да и время наше есть время опошленных истин.

Вы не такой пошляк, как Пушкин, писавший пошленькие стишонки; вы петербургский историк, которого изыскивают даже в академических календарях.
Так что ж; кто боится Тохтамыша, а кто боится потерять популярность «Искры» и у Абличительного поэта.

«Современ⟨ник⟩», что у вас за мизерный либерализмик.

Костом⟨аров⟩ служит многим господам. //

Рой

Девственник. Оно, положим, отлично — но глупо. Слово девственность как-то нейдет к этому увальню с маркизскими кудрями, к этой *держиморде* с хрусталями. //

Кохановск.

Мы многое научились что бранить на Руси и иногда бранимся дельно. Но мы совершенно не знаем и не имеем * до сих пор что̀ хвалить на Руси, за что, впрочем, и нас похвалить не следует.

Не в господине же Каткове совокупилась русская красота. //

Заметка

В литературе мы до такой степени еще дети, что ни один почти наш литературный орган не в силах признать того хорошего, что действительно хорошо у врагов наших.

В полемику:

...Мы ведь этому, хоть бы нигилистскому или естественно-научному, направлению даже рады. Оно придает некоторую смелость мысли рутинно-чиновничьей забитости (хотя и омерзительно одностороннюю). Но не беспо-

* *В автографе:* имеем

койтесь, все это, перейдя через эту некоторую смелость мысли, придет на почву и к народным началам. Да и единственное [правило] единственный ведь это путь. Нигилисты, стало быть, отстали. Ничего, догонят. //

Наши либеральные тупицы провозглашают Пушкина отсталым сравнительно с Рылеевым. Рылеев был только Карамзин в стихах — и только. А Пушкин был русский человек и отыскал Белкина. //

16 апреля. Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?

Возлюбить человека, *как самого себя* по заповеди Христовой,— невозможно. [Личн] Закон личности на Земле связывает. *Я* препятствует. [Между тем] Один Христос мог, но Христос был вековечный, от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек.— Между тем, после появления Христа, как *идеала человека во плоти*, стало ясно как день, что[разв.] высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того (в самом конце развития, в самом пункте достижения цели), // чтоб человек нашел, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего *я*,— это как бы уничтожить это *я*, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастие. Таким образом, закон *я* сливается с законом гуманизма, и в слитии оба, и *я* и *все* (по-видимому, две крайние противоположности), взаимно уничтоженные друг для друга, в то же самое время // достигают и высшей цели своего индивидуального развития каждый особо.

Это-то и есть рай Христов. Вся история как человечества, так отчасти и каждого отдельно есть только развитие, борьба, стремление и достижение этой цели.

Но если это цель окончательная человечества (достигнув которой ему не надо будет развиваться, т. е. достигать, бороться, прозревать при всех падениях своих идеал и вечно стремиться к нему,— стало быть, не надо будет жить) — то, следственно, человек, достигая, и оканчивает свое земное существование. Итак, человек есть на земле существо, только развивающееся, след., не оконченное, а переходное. //

Но достигать такой великой цели, по моему рассуждению, совершенно бессмысленно, если при достижении цели все угасает и исчезает, т. е. если не будет жизни у человека и по достижении цели. Следственно, есть будущая, райская жизнь.

Какая она, где она, на какой планете, в каком центре, в окончательном ли центре, т. е. в лоне всеобщего синтеза, т. е. бога? — мы не знаем. Мы знаем только одну черту будущей природы будущего существа, которое вряд ли будет и назы//ваться человеком (след., и понятия мы не имеем, какими будем мы существами). Эта черта предсказана и предугадана Христом — великим и конечным идеалом развития всего человечества — представшим нам, по закону нашей истории, во плоти.

Эта черта:

«Не женятся и не посягают, а живут, как ангелы божии».— Черта, глубоко знаменательная.

1) Не *женятся* и не *посягают*,— ибо не для чего; развиваться, достигать цели, посредством смены поколений уже не надо и

2) Женитьба и посягновение на женщину есть как бы величайшее оттолкновение от гуманизма, совершенное обособление пары от *всех* (мало остается для всех). Семейство, //т. е. закон природы, но все-таки ненормальное, эгоистическое в полном смысле состояние от человека. [Это] Семейство — это величайшая святыня человека на земле, ибо посредством этого закона природы человек достигает развитием (т. е. сменой поколений) цели. Но в то же время человек по закону же природы, во имя окончательного идеала своей цели, должен беспрерывно отрицать его. (Двойственность.)

NB. Антихристы ошибаются, опровергая христианство следующим главным пунктом опровержения: 1) «Отчего же христианство не царит на земле, если оно истинно, отчего же человек до сих пор страдает, а не делается братом друг другу?» //

Да очень понятно, почему: потому что это идеал будущей, окончательной жизни человека, а на земле человек в состоянии переходном. Это будет, но будет после достижения цели, когда человек переродится по законам природы окончательно в другую натуру, который * не женится и не посягает, и, 2-е, сам Христос проповедовал свое учение только как идеал, сам предрек, что до конца мира будет борьба и развитие (учение о мече), ибо это закон природы, потому что на земле жизнь развивающаяся, а там — бытие, полное синтетически, вечно наслаждающееся и наполненное, для которого, стало быть, «времени» больше не будет.

NB_2. Атеисты, отрицающие бога // и будущую жизнь, ужасно наклонны представлять все это в человеческом виде, тем и грешат. Натура бога прямо противоположна натуре человека. Человек, по великому результату науки, идет от многоразличия к Синтезу, от фактов к обобщению их и познанию. А натура бога другая. Это полный синтез всего бытия [вечно], саморассматривающий себя в многоразличии, в Анализе.

Но если человек не человек — какова же будет его природа?

Понять нельзя на земле, но закон ее может предчувствоваться и всем человечеством в непосредственных эманациях (Прудон, происхождение бога) и каждым частным лицом. //

Это слитие полного *я*, т. е. знания и синтеза «со *всем*». «*Возлюби в с ё, как себя*». Это на земле невозможно, ибо противуречит закону [личности, т. е.] развития личности и достижению окончательной цели, которым связан человек. След., это закон не идеальный, как говорят антихристы, а нашего идеала.

NB. Итак, все зависит от того: принимается ли Христос за окончательный идеал на земле, т. е. от веры христианской. Коли веришь во Христа, то веришь, что и жить будешь вовеки.

Есть ли в таком случае будущая жизнь для всякого *я*? Говорят, человек разрушается и умирает *весь*. Мы уже потому знаем, что не весь, что человек, как физически рождающий сына, передает ему часть своей личности, // так и нравственно оставляет память свою людям (NB, *пожелание вечной памяти* на панихидах знаменательно), т. е. входит ** частию своей прежней, жившей на земле личности, в будущее развитие человечества. Мы наглядно видим, что память великих развивателей человека живет между [ними] людьми (равно как и злодеев развитие), и даже для человека величайшее счастие походить на них. Значит, часть этих натур входит и плотью и одушевленно в других людей. Христос весь вошел в человечество, и человек стремится преобразиться в *я* Христа, или в свой идеал. Достигнув этого, он ясно увидит, что и все, достигавшие на земле этой же цели, вошли в состав его // окончательной натуры, т. е. в Христа. (Синтетическая натура Христа изумительна. Ведь это натура бога, значит Христос есть отражение бога на земле.) Как воскреснет тогда каждое *я* [трудно пр] в общем Синтезе — трудно представить. Но живое, не умершее даже до самого достижения и отразившееся в окончательном идеале должно ожить в жизнь окончательную, синтетическую, бесконечную. Мы будем жить, не переставая сливаться со всем, не посягая и не женясь, и в различных разрядах [обов] (в дому отца моего обители многа суть). // Всё себя тогда почувствует и познает [но] навечно. Но как это будет, в какой форме, в какой природе,— человеку трудно и представить себе окончательно.

---

* *В автографе:* которые

** *В автографе:* входят

ДОСТОЕВСКИЙ
Фотография М. Б. Тулинова. Петербург, 1861
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

Итак, человек стремится на земле к идеалу,— *противуположному* его натуре. Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, т. е. не приносил *любовью* в жертву своего *я* людям или другому существу (я и Маша), он чувствует страдание и назвал это состояние грехом. Итак, человек беспрерывно должен чувствовать страдание, которое уравновешивается райским наслаждением исполнения Закона, т. е. жертвой. Тут-то и равновесие земное. Иначе Земля была бы бессмысленна.

Учение материалистов — всеобщая косность и механизм вещества, значит смерть. // Учение истинной философии — уничтожение косности, т. е. мысль, т. е. центр и Синтез вселенной и наружной формы ее — вещества, т. е. бог, т. е. жизнь бесконечная.

Путаница и неопределенность теперешних понятий происходит по самой простейшей причине: отчасти оттого, что правильное изучение природы происходит весьма недавно (Декарт и Бекон) и что мы еще собрали *до крайности* мало фактов, чтоб вывести из них хоть какие-нибудь заключения. А между тем торопимся делать эти заключения, повинуясь нашему закону развития. Выводить же окончательные // результаты из теперешних фактов и *успокоиваться* на этом могут разве только самые ограниченные натуры, кто бы они ни были и как бы ни назывались.//

Революционная партия тем дурна, что нагремит больше, чем результат стоит, нальет крови гораздо больше, чем стоит вся полученная выгода. (Впрочем, кровь у них дешева.) Всякое общество может вместить * только ту степень прогресса, до которой оно доразвилось и начало понимать. К чему же хва⟨та⟩ть дальше, с неба-то звезды? Этим все можно погубить, потому что всех можно испугать. В сорок восьмом даже буржуа согласился требовать прав, но когда его направили было дальше, где он ничего понять не мог (и где и в самом деле было глупо), то он начал отбиваться и победил. В настоящее время в Европе нужно только возможно больше самоуправления и свободы // прессы. Но там и это не достигнешь. Общество подозрительно и не в состоянии вынесть свободы. Вся эта кровь, которою бредят революционеры, весь этот гвалт и вся эта подземная работа ни к чему не приведут и на их же головы обрушатся. //

Освобождая в Польше крестьян и уделяя им землю, Россия тем уделила Польше свою мысль, привила ей свой характер, и эта мысль — *цепь*, с которой теперь Польша с Россиею ** связана нераздельно. //

из лучиночек
[Чей ⟨?⟩ Христос]
Бедные жалкие дурачки!
Мы не за то ругаемся с ними, что они проповедуют общечеловека (способность России к синтезу), а за то, что они проповедуют общечеловека на чужих помочах. C'est plus qu'un crime, c'est une faute ***.

У них великий аргумент, что наука общечеловечна, а не национальна. Вздор, наука везде и всегда была в высшей степени нацио // нальна — можно сказать, наука есть в высочайшей степени национальность.
$2 \times 2 = 4$ — не наука, а факт.
Открыть, отыскать все факты — не наука, а работа над фактами есть наука и т. д.

Станция Тверь, profession de foi. **** //

Из католического христианства вырос только социализм; из нашего вырастет братство. //

Социализм основан на неуважении к человечеству (стадность) и механизм (а сентиментальность, которою вы берете,— вздор). //

Вы обращаете литературу, все убеждения литературные в одну только личность. Вы мстительны, как г. Музовкина...
И чем вы хвалитесь? Что у вас нет никаких убеждений.
Гадко видеть, в наше время особенно, человека безо всяких убеждений и проч. ...
Эта страница блестящая. Она показывает, как надо прошпиговывать молодых литератор⟨ов⟩ с неблаговидными свойствами и идолопоклонствующих своей личности...
Кто не согласен с вами, тот и осел. (Уважение к человеческому достоинству.)
(Сальяс, палку).

---

* *Слово*: вместить *написано над незачеркнутым:* получить
** *Далее повторено:* Польша
*** Это больше чем преступление, это ошибка (*франц.*).
**** исповедание веры (*франц.*).

О монастырях (в «Современнике» разбор «Проклятого»). «Глупа, потому что религиозна». Ну не дико ли это? Ну разве неправду мы написали в условиях? //

— Ты не многим задайся, братец, и лучше немного, да хорошо сделай.
— Нельзя русскому человеку задаваться немногим. Это немецкая работа. Русский человек лучше сделает много, да нехорошо. //

«Современник». Июнь. Статья о романе «Проклятый»: «Умственные способности Терезы плохи, потому что она ходила по монастырям».
Так только слуги могут разговаривать о своих господах...
7524 //

Для июля		[8]
«Мудр‹еное› дел‹о›»		—9 лист‹ов›
«Токеа»		—9 л‹истов›
Пись‹мо› Серова		—$^1/_2$ ли‹ста›
Страхова ст‹атья›		—$1^1/_2$ ‹листа›
Григорьева		—2 ‹листа›
Филиппова		—2—$2^1/_2$ ‹листа›
Древние религии		—2 листа
Милюков		—4 листа
	4	—24
		8
Крити‹ка› и	3	1
		33
«Наши дом‹ашние дела›»	—	4
Almeno *		33

Письма об органическ‹ой критике› //

Литейная, Захарьевская улица, дом Попова № 7 (дома) П. Ф. Фермор. //

Было	
Из «Русск‹ого› инвал‹ида›»	— 15 р.
«Голос»	— 15,60
В почт‹у›	—428
	52,50
Корректору	—[20 р.]
Филиппову	—160
Демису [2] 1 вексель	—140 |848
Серову	— 50
«Мудр‹еное› дело»	—275 р.
«Проза жизни»	— 75
«Озорков»	— 70
«Предки европейцев»	— 25
«Высшее обучение»	— 15
Авер‹киев›	— 80
За «Летопись»	— 50 р.
«Гипотеза»	— 35 8
«Токеа»	—145
	1370
Переплеты	200
	1370

* По меньшей мере (*итал.*).

848
810
1658
[1001]
2000 //

848
2218
1147
1071

было

С Базунова	— 180 р.
С почты	— 222
Еще с почты	— 87
От Черенина	— 120
Самарский	— 600
Зак ‹?›	—[400]
	1547 р.
	1147
	[73]
	1220 р.

80
10
140
230
1570
200
1770

1658
200
1858
230 уплачено
1628
1216
412
400//

Голядкин. Двери в департаменте, их ужасный стук и гул наводили всегда тоску на г. Голядкина и обращали его в тряпку.

Г. Голядкин был *стыдлив.* //

Г. Голядкин зовет директора в секунданты.

Проект о благоденствии России, сочиненный г. Голядкиным.

Г. Голядкин сближается с почвой у писарей.

Директор на Невском ночью. Калоши, фантастическая сцена.

Красивый поручик.

Обвинение Голядкина в том, что он Гарибальди.

Г. Голядкин у графини в высшем обществе.

Г. Голядкин вступает в прогрессисты. Кислород и водород.

Г. Голядкин подслушивает и за перегородкой слышит рассказы о перепелах (у Ломовского).

Котяты. //

Г. Голядкин у [Петрашевского].

Младший говорит речи, Тимковский как приехавший. Система Фурье. Благородные слезы. Обнимаются. Ой, донесет.

На другой день г. Голядкин идет к [Петрашевскому и], застает, что тот читает дворнику и мужикам своим систему Фурье, и уведомляет его, что *тот* донесет.

— Не понимаю.

— Да ведь нас двое.

— Протестуйте.

— Да как протестовать?

— Да вот, например, мальчиков секут в школах розгами.

— Да и все это не ответ на вопрос.
— Ну-с, я вам скажу, что все это изменится, когда наступят новые экономические отношения, а больше ничего не скажу.
(П⟨етрашевс⟩кий уже предупрежден младшим, что этот донесет, да и говорит: вы-то и есть доносчик). *//

Важнейший психологический случай поэмы: **

Замечательно, что г. Голядкин-старший во всех своих ужасах и затруднительных состояниях кончает тем, что прибегает [непрем] всегда к совету и, если возможно, к покровительству *младшего*, тогда как сам против него интригует, а потому и свидания (даже назначает свидания заране: в кондитерской, у немки и т. д.).
Наконец последний совет *младшего*:
просите прощения.
(Головоломное известие, во-1-х) о Гарибальди, а, во-2-х, о кислороде и водороде. Кислород и водород перевертывают ему голову. Нет более Всевышнего Существа. Что же будет с министерством и с начальством? *Сон.* Все упразднено. Люди вольные. Все *бьют друг друга* явно на улице. *Обеспечивают себя* (откладывают копейку).//

Голядки⟨на⟩ продолжение. 24 июля. ⟨1 *нрзб*⟩

Голядк⟨ин⟩. Позвольте же спросить, что все это означает? Я вот все добиваюсь, мне бы хоть капельку узнать, что это все означает.
Младший. Зачем всё добиваетесь? Пребывайте покойны, и все будет ладно.
— Мне бы хоть только капельку.
— Да зачем? И притом это, может быть, ровно ничего не означает.
— Как-с?
— Так-с. Все может случиться и ровно ничего не означать.

О появлении знаменитого в городе разбойника Гарибальди.

В Голядкине видно, как человек путается, потому что, кроме администрации, никто ничего не знает.
(Ну что, есть вот Гарибальди, а я о нем ничего не знаю.)//

Справляется о Гарибальди в разных министерствах. Секрет-с. За гривенник достает адрес: Статский советник, в отставке, в Кирпичном переулке, № 31-й.

Идет в Кирпичный переулок. Ждет. Лакей выпроваживает. (Я у Гайбурского.)
Затем глава ночь, рассвет, мертвецы.

Г. Голядкин думает: «Как можно быть без отца; я не могу не принять кого-нибудь за отца».

Мы не общество. Простой народ общество, а мы — публика (в проект).

Г. Голядкин [вызвав] вызвал на дуэль, разговаривает с Петрушкой о законах чести и учит его (ударил 1-й — моя инициатива). Петрушка же, из самолюбия, перебивает его, не дает ему сказать и его учит законам чести. //

---

* *На полях сбоку:* Достоевский (*с росчерком*).
** *Перед этим заголовок, тщательно вачеркнутый.*

Rue Faussé S. Victor, 39, Chez m-me Stuard. *

На углу Ковенского переулка и Лиговки дом Селезнева, № 33 или 9 — квартира № 7, спросить г. Будаевского. //

Социалисты хотят переродить человека, *освободить* его, представить его без бога и без семейства. Они заключают, что, изменив насильно экономический быт его, цели достигнут. Но человек [не] изменится [и] не от *внешних* причин, а не иначе как от перемены *нравственной*. Раньше не оставите бога, как уверившись математически, а семейства прежде, чем мать [будет] не захочет быть матерью, а человек не захочет обратить любовь в клубничку. Можно ли достигнуть этого оружием? И как сметь сказать заране, прежде опыта, что в этом спасение? И это рискуя всем человечеством. Западная дребедень. //

Теоретикам и нигилистам можно сказать: вы проповедуете социализм, но сами же вы верите в *опыт*. Знайте же, что никогда вам не убедить никого в социализме путем голословного убеждения. Нужен опыт. А следственно, надо хлопотать только об усилении и о прогрессе в теперешней жизни, которую вы презираете, а между тем этим усилением вы будете приобретать все более и более опытов, чрез которые народы сами собою дойдут до социализма, если только правда, что он представляет универсальное лекарство всему обществу. //

В политич‹ескую› статью.
Об изобрет. оружий.
Эмиль Жирарден в «Голосе» (le *Droit*).
Статейка о естественных границах.
Из этой статейки переход на почву и о ложных идеях.
Ж.-Ж. Руссо (оставался молодым).
Главное развитие. //

Между нами и цивилизацией *вера*. Начало католическое и византийское.

Шедо-Ferroti «Opinion publique en Russie».— X. «Que fera-t-on» //
У Егорья на всполье.

На Зубовском бульваре дом кн. Волконского.
Одоевский. //

Во всех животных поражает нас одно [в] их свойство, именно их *правда*, а след., *правдивость*, наивность. Они никогда не притворяются и никогда не лгут. Животные разделяются по обыденному отношению к человеку на *три* разряда: 1) одних мы любим, 2) других боимся и 3) которых мы не замечаем (насекомые и проч.). //

Июльская книжка
Ахшарумов —
Милюков — 12 ли‹стов›
Шпильгаген — 9
О Беляеве Аверкиев — 3 ли‹ста›
Григорьев — 2 ли‹ста›
(я подпишу)
«Наши домашние дела» — 2 ‹листа›
«Заметка летописца» — 1 ‹лист›
Критика — 2 ‹листа›
Колошин о польских книгах — 2 ‹листа›
Две перевод‹ные› статьи — //

* Улица Faussé S. Victor, 39, квартира г-жи Стюар (*франц.*).

М. Д. ИСАЕВА — ПЕРВАЯ ЖЕНА ДОСТОЕВСКОГО
Фотография начала 1860-х годов
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

№. С Филипповым о наборе.
Никол⟨ай⟩ Петр⟨ович⟩ Второв о векселе.
Август Алек⟨сандрович⟩— о «Загад⟨оч⟩ных натурах».
О цензуре — с Турунов⟨ым⟩.
Быть в заседании Литературного фонда.
Спросить у Августа расход и приход.
К Ламанскому и объявить ему об отъезде.
К Базунову.
Гинтерлах. №.

Со Страховы⟨м⟩. О переводн⟨ых⟩ статьях.
О романе, продолж⟨ение⟩, Шпильгаг⟨ена⟩. //

Августу об оригиналах к корректурам.
Августа спросить о тех 2000-х недопечатанных экземплярах майск⟨ого⟩ номера для провинции.
Спросить у * Августа об оригинале при корректуре.

---

* *В автографе описка:* о

О «Токее» (Долгомостьева спросить).
По статье о железн⟨ых⟩ дорогах компилятор. //
Требование на бумагу в типографию.
О «Белой розе».
О Гаврилове. //

И выхныкивала эту тысячу у тетки. //

Рудин. *Волынцев* * (в этой тупице аристократической)

У Поцелуева моста дом Воронина кварт⟨ира⟩ № 14 двор⟨ник⟩ Евграф Данилыч.
Рассказы Фатеева отыскать.
Статью Григорьева отыскать.
О «Разладе» — Полон⟨ско⟩го.
3700 экзем⟨пляров⟩, а не 4000 **. //

Страхова еще		— 1
Григорьева		— 1
Аверк⟨иева⟩		—19
Долгом⟨остьева⟩ —	Итого	—21 //

У Казанского моста по каналу дом № 24 Соболевой в 1-м этаже и в 4-м г. *Нейшеллер.* //
Черенин.

Дом Рогова на углу Невского и Михайловск⟨ой⟩ улицы. //

На Аптекарском проспекте на даче Миллера № 16. //

В среду и в субботу в Ценз⟨урный⟩ ком⟨итет⟩.
За переговор⟨ами⟩ о цензорах.
Корректура. //

Ну, и надо его погасить. //

Б. Подьяческая, дом Бурдо № 36, Маша.
Б. Подьяческая, дом Аш, № 1, Марья Петровна. //

В Лесном корпусе дача Симоновского [дом], г-жа Коломенцева.

У Синего моста Мин⟨истерство⟩ госуд⟨арственных⟩ имуществ.
Порецкий, в канцелярии министра — от 12 до 3. //

по 582 включитель⟨но⟩
Кончен расчет с Базунов⟨ым⟩ 25 июля. //

На углу Фредерицынской улицы на даче Урусова. *Капнист* Петр Иванович. //

Эм⟨илия⟩ Федоровна должна подать прошение в Дворянскую опеку о назначении опекуншей и попечительницей над несовершеннолетними и малолетними детьми.

Подать прошение в уездный суд об утверждении в правах на наследство.

---

* *В автографе:* Волонцев
** *Внизу страницы два рисунка, сделанных неустановленным лицом.*

Губернское присутствие. * //
Дворянская опека.
30 июля за № 2655. //
«I Misteri del chiostro napoletano». Errieta Caracciolo **. //

Пьяненькие
— Оттого мы пьем, что дела нет.
— Врешь ты оттого что нравственности нет.
— Да и нравственности нет, оттого что дела долго (150 лет) не было. //

Марье Иван‹овне›	—5
За сено	—5,50 р. //

Да я жить хочу.
1) Да, но жизнь есть роскошь.
Мальтус, Писарев.

Яблоко нарисованное и яблоко действительное.

«Книжный вестник» — не то что уж золотушная, а *скрюченная* газетка. //

[Порецкий. В Стрельне. На речке дача Бобрикова.] //

Заседатель Чебакинск‹ий›.
Судья Лурьянской. //
Дожевывать Данию. //

Мои счеты с журналом
24 июля 64.

Выдано за все время	—1656
Еще выдано	— 25
От Эмил‹ии› Федор‹овны›	— 50
Еще	— 10
Получил я	—1741
Заработал	—1325
Еще	— 90
Выдал деньгами брату	— 830
	—2245
	—1741
	— 504
Э‹милии› Ф‹едоровне›	— 12
Мне *должны*	— 516 //

31) Коле дано 3 р. //

Итого, 10 августа
Взял я 128
Дорога 75
150
353
150 + (13)
503 //

---

* *Слова:* Губернское присутствие *вписаны на полях у текста:* Дворянскую опеку ∞ детьми.

** «Тайны неаполитанского монастыря, Эриэты Карачоло» (*итал.*).

Счеты

18 июля взял у Эмилии Федоровны —50 р.
—10 р. на взят‹?›

Еще 5.90— 26 июля
50— 28 ‹июля›
[Еще] 10—10
[Еще] 6— 6
На журнал издерж‹ано› мною //
4
[96,25] 3
96,250
5
4812 р. //
4882.

Расход в Москве

11-го августа.
Было 50 р.
23 р.— вексельная бумага.
3 р.— маклеру.
Получил — с билета 4812 р.
+ проценты 69.45 к., 500.
отдал тетке *4312*
500 р. пропентов с теткин‹ых› денег за полгода отдал тетке. Итого 4312
А в кармане 4332
След., моих —20
[Итак, истрачено] на извозчика —
50
23 [процентов] вексель‹ная› бумага
3 маклеру
3 бумажник
20 осталось
49. Итого, рубль на извозчиков. //

Belgique. Spa, Rue Hôtel de Ville 90. A. Souslowa.*//

Расчет Гаврилова

Квартира	— 70
Жалование фактору	— 75
Чернорабочие при машине	— 65
Наборщик — по 5½ лист	—165
Освещ‹ение› и отопление	— 30
Рассыльный	— 15
Краски	— 25
	—445

16 августа. Если теперь заводить, надо денег:

Машины 2	— 750 р. (750 р. в долг)
Столяру	— 340 р.
Словолитцу	— 250 р.
Квартиру	— 250 (вперед)
3 месяца содерж‹ания›	—1500
	—3090
Тиблену в 3 мес‹яца›	—1050
	—1000
	—[201] в долг

* Бельгия. Спа, ул. Hôtel de Ville, 90. А. Сусловой (*франц.*).

Варенье из поленики (Момуря)
1500— Гинтерлах
1300— Чумиков
4000— по разн⟨ым⟩ векселям
2000— Майкову по векселю
3000— Бенардаки
11800 //

Фактору 75 и кварт⟨ира⟩	—100
Машинист с квартир⟨ой⟩	— 50
3-х на машину: приправ⟨щик⟩	— 10—50
вертельщик	
откладчик	— 26 р.
тискальщик	— 15 р.
Квартира с отоплени⟨ем⟩ и освещен⟨ием⟩	— 75
30 листов по 8 руб. за лист	—240
Краски, поташ	— 25
Рассыльный *	— 12 //

Сдано в типографию Тиблена
19 августа **

«Мудреное дело» 3-я часть
№. «Токеа» —3-я часть
Письмо Серова
Страхова статья
№ Соколовского
Григорьева
Филиппова
«Теория безобразия»
Фатеева
Петр III
«Из мрака в свет»
2 моих [(13,14)]
Еще Страхова

{ Григорьева
2 ст⟨атьи⟩
на 2 раза

№. О «Токее»
для авг⟨уста⟩. Cicero

Итого, 15 ⟨листов⟩
Переводных наук —2 ⟨листа⟩,
«Древ⟨ние⟩ рел⟨игиозные⟩ учения»
Итого, 17 ⟨листов⟩ //

Страхова еще	1
Григорьева	1
	19
Аверк⟨иев⟩	
Долгом⟨остьев⟩	
	Итого 21 //

Август

Филиппова	—2
Фатеева пов⟨есть⟩	—2 №.
«Из мр⟨ака⟩ в све⟨т⟩»	—8
Соколовского	—*3* №.
Крестовс⟨кого⟩	—2 листа (повесть)
Критика	—2 л.
Григорьева	—2 л.
«Н⟨аши⟩ дом⟨ашние дела»⟩	—2 л.
Бладиславлев	—2 листа
«Летописец»	$1^1/_2$ листа
«Перевод⟨ные⟩ науки»	2 листа
Милюков	—$3^1/_2$ //

* *На этой странице рисунок пером: наборная касса.*
** *В записи* 19 августа *проставлены крестики у 7, 8, 9, 10 и 11 строк.*

Как кому угодно.
[Нет не д] Учитесь, милые дети.
Нет, не дается нигилизм г-ну Щедрину, не дается. Он в таком же затруднении, поступив в нигилисты, как и генерал Зубатов, в его собственной повести, когда он хочет следовать за веком, биржу придумывает и даже выразиться не умеет. Сам г. Щедрин назвал такого сорта людей умирающими. Нет уж, пусть г. Щедрин пишет по-прежнему повести, не заботясь о нравоучениях к ним. *Нравоученье ему всегда подскажут.* //

Кто слишком крепко стоит за насильственную целость России, во что бы то ни стало, тот не верит в силу русского духа, не понимает его, а если понимает, то явно ему зла желает. Я сам буду стоять за политическую целость этой громады, до последней капли крови, потому что это единственный хороший результат, приобретенный Россией тысячелетними своими страданиями. Но главное не в том: (в чем главное). //

«Contradictions économ⟨iques⟩» Proudhon.

Мы не считаем национальность последним словом и последнею целью человечества.

Только общечеловечность может жить полною жизнью.

Но общечеловечность не иначе достигнется как *упором в свою национальность* каждого народа.

Идея почвы, национальностей есть точка опоры, *Антей.*

Идея национальностей есть новая форма демократии.

Она явилась spontanément *.
Мы верим в spontanneité ** идей человечества. *Proudhon.* //
— Отчего у нас заблуждаются?
— Потому что дела не знают.
— Позвольте вас спросить, откуда мы узнàем дело?
При незнании дела вечные беспорядки.

Укроти голову.
Речь архангельского протопопа. *** //

Хотелось бы хоть немножко правды сказать.

Славянофилы, нечто торжествующее, нечто вечно славящееся, а из-под этого проглядывает нечто ограниченное.

Что такое настоящая война?
Польская война есть война двух христианств — это *начало* [и это от] будущей войны православия с католичеством, другими словами — славянского гения с [правите] европейской цивилизацией. Итак, развитие у нас и развитие не официальное (по голландской программе), а народное. //

Наши петербургские газеты виляли туда и сюда, некоторые просили у каждого нового сотрудника «сыскать им направление» (sic) и либеральничали против г. Каткова.

Навьюченный книгами г. Дудышкин.

Г. Катков не находит разницы между нашим официализмом и русскими основными народными силами. Тут г. Катков сломит ногу. //

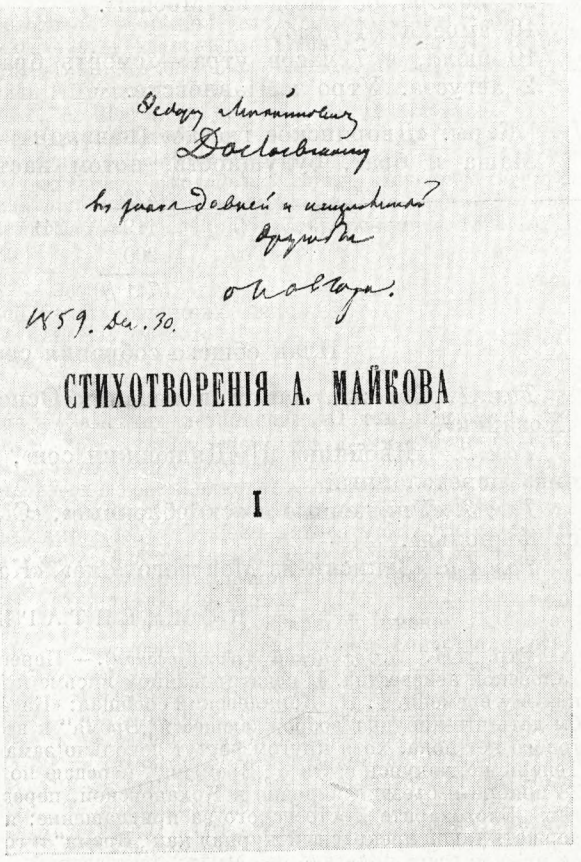
---

* самопроизвольно (*франц.*).
** самопроизвольность (*франц.*).
*** *Запись:* «Отчего ∽ протопопа» *обведена рамкой.*

СТИХОТВОРЕНИЯ А. МАЙКОВА (СПб., 1858) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА ДОСТОЕВСКОМУ

Шмуцтитул, вырванный из книги

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва



Память чувства (статья Сеченова).

[Contradictio⟨ns⟩]

Как не догадаться, что общечеловеческий дух и есть отличительная, личная способность нашей нации. (Славянофилы.)

Погодина защита Петра I-го — суконная фабрика. //

15
16 3
90
15
248

10 — кварт⟨ира⟩
9 75 кв⟨артира⟩
25 — папир⟨осы⟩
1 — полоте⟨нце⟩
1 — ставень
3 75 лампы⟨?⟩
30 —
7 10 — жилет
50 — ключ
1 40 — обед
20 — булки
60 — масло
70 — проезд
25 — стекло
150 — дворнику //

25 ноября 63 выезд из Москвы.
16 апреля ⟨1 *нрзб*⟩.
10 июля, в 7 часов утра — смерть брата Миши.
2 августа. Утро в Павловске.

[Жары. «Дворянское гнездо» (начало).
Маша и брат,* будущность, потом настоящее.] *

422
119 241
200
741 //

План общего собрания сочинений

Том 1. Тот же, как и в издании Основского, с присовокуплением «Хозяйки».

Том 2. [«Двойник» и] «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково», «Двойник» переделанный.

Том 3. «Униженные и оскорбленные», «Скверн⟨ый⟩ анекдот», «Записки из подполья».

Том 4-й. «Записки из Мертвого дома», «Кашкадамов». «Из подполья». //

КОММЕНТАРИИ

Стр. 171. ...*Соханской* (*Кохановская*).— Переписка Достоевского с Н. С. Кохановской неизвестна. В недатированном письме к М. М. Достоевскому, относящемся к этому времени, Г. П. Данилевский сообщал: «Касательно вашей обязательной просьбы дать что-нибудь в возрождающееся „Время" к весне, могу сказать одно: ничего готового нет пока, хотя кругом растут довольно заманчивые идеалы. Но об этом после. Теперь же, радуясь вести о „Времени", передаю по другой вашей просьбе следующее: 28 ноября я съездил нарочно к Кохановской, передал ей ваши слова и получил в ответ: „Благодарите Достоевского за приглашение; я в особенности теперь готова поддержать такой прекрасный журнал как „Время" и готова дать им мой труд. Но для этого прежде всего полагаю, что М. М. Достоевский должен ко мне обратиться письменно с условиями, на которые тотчас я отвечу". Адрес ее: Надежде Степановне Соханской (т. е. Кохановской), Харьк. губ., по Чугуевскому тракту, на Теплинскую станцию. Я застал ее сильно в духе, за работой. Она кончает (но, не получая от вас прежде предложения, кажется, для „Дня") повесть „Рой Федосей Саввич на спокое". Она мне прочла первые главы. Это времена Елизаветы ⟨...⟩ На сцене разбойник Минка-Родимка, попадающий ночью, голодный, к Федосею Саввичу, который из Питера приехал в деревню к матери, с иконописцами, золотарями и резчиками, строить церковь; помещик кормит и поит разбойника, застающего его за чтением книги „Четь-минеи". Друг другу они передают свою жизнь, хотя довольно вяло. Что вам сказать? Вещь мне по первым главам не вполне понравилась. Мало движения, везде проглядывает византийство, слог ходульный, вроде гоголевских описаний природы,— и, главное, автор все говорит от себя языком песен и сказок того времени. Предрекаю: вещь эта не понравится и публике, если далее не искупит себя другими достоинствами. Как знаете. Просите у нее другое что, а хоть и эту вещь. Может быть, отдаст и вам. Для „Дня" будет, вероятно, велика...» (ЛБ, ф. 93. II. 3.7). См. примеч. к стр. 154.

Стр. 171. ...*Головачеву*. — А. А. Головачев (1819—1903), публицист, сотрудник «Эпохи».

Стр. 171. ...*Бажанова*...— Василий Борисович Бажанов (1800—1883), духовник Александра II, главный священник двора и гвардии.

Стр. 171. *В⟨арвар⟩е Д⟨митриев⟩не посылать все Маше.*— Варвара Дмитриевна Констант, сестра первой жены Достоевского Марьи Дмитриевны.

Стр. 171. *Написать в Москву, когда ворочусь.*— Это письмо Достоевского (вероятно, к кому-нибудь из родственников) неизвестно.

Стр. 171. *Соню*...— Софья Александровна Иванова (в замужестве Хмырова, 1847—1924), старшая племянница Достоевского, «славная, умная, глубокая и сердечная душа» («Письма», II, стр. 616). С. А. Ивановой в первом, журнальном издании был посвящен роман «Идиот». Известны письма к ней Достоевского.

Стр. 171. *Actif*.— Далее следует бюджетная запись, связанная с предстоящей заграничной поездкой Достоевского (выехал в начале августа 1863 г.).

* *Текст полустерт.*

Стр. 171. *У брата.*— Брат Достоевского Михаил Михайлович Достоевский.

Стр. 171. *А⟨лександру⟩ П⟨авлови⟩чу.*— Александр Павлович Иванов (1813—1868), врач, муж сестры Достоевского Веры Михайловны, «редкий и благороднейший человек», по характеристике писателя («Письма», II, стр. 86).

Стр. 171. *Шестакову.*— Педагог И. А. Шестаков, приятель Н. Н. Страхова.

Стр. 171. *Паше.*— Павел Александрович Исаев.

Стр. 171. *Коле.*— Николай Михайлович Достоевский.

Стр. 172. *...гражданские слезы ∞ Откуп нар⟨одных⟩ слез.*— Непосредственным поводом для возникновения замысла полемического выступления, по-видимому, явилось стихотворение И. И. Гольц-Миллера (без названия) в «Современнике», 1864, № 2, где встречаются следующие строки:

Позади — бесцветная
Дней былых равнина;
Спят в ней безответные
Грезы гражданина.

«Весьма любопытный образчик нашей современной поэзии ⟨...⟩,— писал по поводу этого стихотворения Н. Н. Страхов в «Заметках летописца» («О том, как слезы спят в равнине»), как и Достоевский, переменив слово *грезы* на *слезы* («Эпоха», 1864, № 4, стр. 368).— Весьма метко говорит поэт, что у него *нет сил расстаться* с грустью: так мила ему эта грусть, так она его греет и вдохновляет! *Слезы гражданина* заменяют теперь *луну*, *деву*, *мечту* прежних поэтов». В другой статье Страхов замечал: «Эти слезы не случайность; они — органический продукт нашей литературы. Эти слезы, по всей вероятности, есть цветок, выросший на почве многих стихотворений г. Некрасова» («Эпоха», 1864, № 12, стр. 16). Это стихотворение высмеивается Достоевским в одном из черновых вариантов повести «Крокодил». См. ниже.

Стр. 172. *Гамалиил.*— По евангельскому преданию, «фарисей, именем Гамалиил, законоучитель, уважаемый всем народом», рекомендовал членам синедриона освободить из тюрьмы апостолов: «Ибо если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, а если от бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» («Деяния святых апостолов», 5, 34—39).

Стр. 172. *Г. Костомаров, который не всегда пожинал лавры от нигилистов...*— Достоевский намекает на обструкцию, устроенную революционным студенчеством Н. И. Костомарову во время его публичной лекции в Думе 8 марта 1862 г. («думская история»). См. Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, стр. 258—270.

Стр. 172. *...он и Пушкина пошляком выругал.*— Отклик на высказывание Н. И. Костомарова, писавшего в своем ответе «М. П. Погодину»: «... если что мне действительно антипатично, так это тот патриотизм, который может, не краснея, говорить о себе:

„Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман".

Вы же сами, после этих стихов, сознаетесь, что историк не может так говорить. Не только историк, но всякий честный человек должен гнушаться такими понятиями. Для чего же вы привели эти пошлые стишонки?» («Голос», 1864, № 32, 1 февраля).

Эпитет, которым Костомаров охарактеризовал стихотворение Пушкина «Герой» (1831), возмутил Достоевского. В ответе Костомарову Погодин заявил: «„Пошлые стишонки", как вы их честите, принадлежат Пушкину.— Пожалеешь вновь и вновь, что его нет на свете. О, какою смертоносною эпиграммою хватил бы он в висок иного оратора за подобные общие места о грошовом беспристрастии, алтынной честности и пятикопеечном благородстве, о которых насвистано нам столько в последнее время!» («День», № 7, 15 февраля).

На полемику Погодина и Костомарова отозвался в «Эпохе» Н. Н. Страхов, напечатавший в отделе «Заметки летописца» заметку «Пушкина ругают» («Эпоха», 1864, № 4). Не исключено, что приводимый ниже отрывок из нее, близкий по тону и характеру к комментируемым записям Достоевского, носит на себе следы его влияния или даже соавторства: «Факт презнаменательный. Появились, изволите ли видеть, нынче точки зрения, с которых стихи Пушкина кажутся пошлыми, исполненными странностей и т. п. ⟨...⟩ Кто же не одобряется ими? Пушкин; не одобряется, самое прекрасное, светлое явление нашей литературы. Пушкин у нас есть явление, выходящее из ряду вон; он был воплощенный поэт; все движения его души и мысли носят на себе глубокий поэтический характер, носят на себе печать красоты и гармонии. И вдруг — его стихи оказываются пошлыми!» (стр. 384).

Стр. 172. *...нужно быть, прежде всего, русским.*— Костомаров был украинцем.

Стр. 172. *Я люблю роль Москвы в русской истории и говорю об этом прямо.*— Отклик на слова Костомарова в его полемической статье против Погодина (см. выше): «С чего это вы, многоуважаемый Михаил Петрович, вздумали писать, будто я не люблю Москвы? Уверяю вас, что я люблю вашу Москву и признаю за нею звание *собирательницы земель русских и основательницы государства.* Я не могу не признавать этого, потому что это — совершившийся факт».

Стр. 172. *Костомарову.*— 29 февраля 1864 г. Достоевский писал брату из Москвы: «С завтрашнего же дня сажусь за статью о Костомарове. Через неделю уведомлю о ходе дела» («Письма», I, стр. 349). 5 марта Достоевский сообщал ему же: «Писать что-нибудь теперь я *физически* не могу. Буквально — невозможно: и если б знал ты, как это меня тяготит! Критику надобно, а статей нет ⟨...⟩ Статья моя (будущая) о споре Погодина с Костомаровым будет во всяком случае — большая статья и не может быть сокращена. Я смотрю на нее с надеждою. Я не знаю историю так, как они оба, а между прочим мне кажется, что есть что сказать и тому и другому. Во всяком случае, я статью теперь написать,— не могу. Физически не могу». Из того же письма: «Брат, голубчик, упроси Страхова, чтоб написал хоть что-нибудь с общим взглядом в критику еще. Я же, как только поправлюсь, примусь уже за повесть и, кончив ее, напишу о Костомарове и о Кохановской, если успею» («Письма», II, стр. 270). Замысел статьи о Костомарове связан с полемикой, которую последний вел с М. П. Погодиным по поводу своей статьи «Куликовская битва» (см. ниже). Статья Достоевским написана не была, вследствие крайней занятости; по его предложению, статью на эту тему написал Д. В. Аверкиев («Г. Костомаров разбивает народные кумиры».— «Эпоха», 1864, № 3, стр. 276). В записной книжке (здесь и ниже) мы находим ряд заготовок к задуманной Достоевским статье.

Стр. 172. *...вы петербургский историк, которого изыскивают даже в академических календарях.*— См. в статье Д. В. Аверкиева «Г. Костомаров разбивает народные кумиры»: «Г. Костомаров, ученый, пользующийся в Петербурге большой известностью, любимец петербургской публики, написал, как известно, по поручению здешней Академии наук, статью для „Месяцеслова“ на 1864 г. Эта статья успела в короткое время прославиться чуть ли не больше всех других трудов почтенного *ex*-профессора и по справедливости заслужила позорную известность. Статья эта вызвала замечание г. Погодина в № 4 „Дня“ и таким образом повела к длинной полемике, окончившейся 2 марта статьею г. Костомарова, напечатанной в № 62 „Голоса“» («Эпоха», 1864, № 3, стр. 276).

Стр. 172. *...кто боится Тохтамыша...*— Тохтамыш (? — 1406), хан Золотой Орды, потомок Чингисхана, напавший на Москву (1382 г.) и подчинивший ее власти татар. В своей полемике с Погодиным Костомаров пытался развенчать героизм Дмитрия Донского.

Стр. 172. *...кто боится потерять популярность «Искры»...*— Революционно-демократический журнал «Искра», подвергавший обличению как консерваторов, так и либералов, пользовался огромным влиянием в прогрессивном лагере. «... нельзя себе и представить, как жадно набрасывалась эта публика на каждый номер „Искры“, какой авторитет завоевала она себе на самых первых порах, как боялись ее все имевшие основание предполагать, что они могут попасть или под карандаш карикатуристов, или под перо ее поэтов и прозаиков,— с какою юношескою горячностью, наконец, относились к своему делу и мы сами...» (П. И. Вейнберг. Безобразный поступок «Века».—«Исторический вестник», 1900, № 5, стр. 476).

Стр. 172. *...Обличительного поэта.*— Обличительный поэт, псевдоним виднейшего поэта-«искровца» Дмитрия Дмитриевича Минаева (1835—1889).

Стр. 172. *Рой ∞ держиморде с хрусталями.*— Феодосий Саввич Рой — герой одноименной повести Н. С. Кохановской («День», 1864, № 5—15, 1 февраля — 11 апреля), «добродетельный помещик», генерал-майор в отставке. См. стр. 188.

Характерно следующее упоминание об этом произведении в письме Достоевского к А. Н. Майкову 1868 г.: «„Роя“ Кохановской, которой имя я увидел с ужасом, после всей мерзости и всего срама, которые я вынес два года назад, читая „Роя“— эту алилую с маслом, от которой даже Аксаков морщился» («Письма», II, стр. 143—144).

Стр. 172. *Мы многое научились ∞ что хвалить на Руси...*— Эта запись почти дословно повторена в объявлении об издании «Эпохи» в 1865 г. («Эпоха», 1864, № 8).

Стр. 172. *Заметка.*— Ср. в объявлении об издании «Времени» на 1863 г.: «Мы хвалим хорошее и во враждебных нам изданиях и никогда из кумовства не похвалили худого у друзей наших. Увы! ужели такую простую вещь приходится в наше время ставить себе в заслугу?» («Время», 1862, № 10).

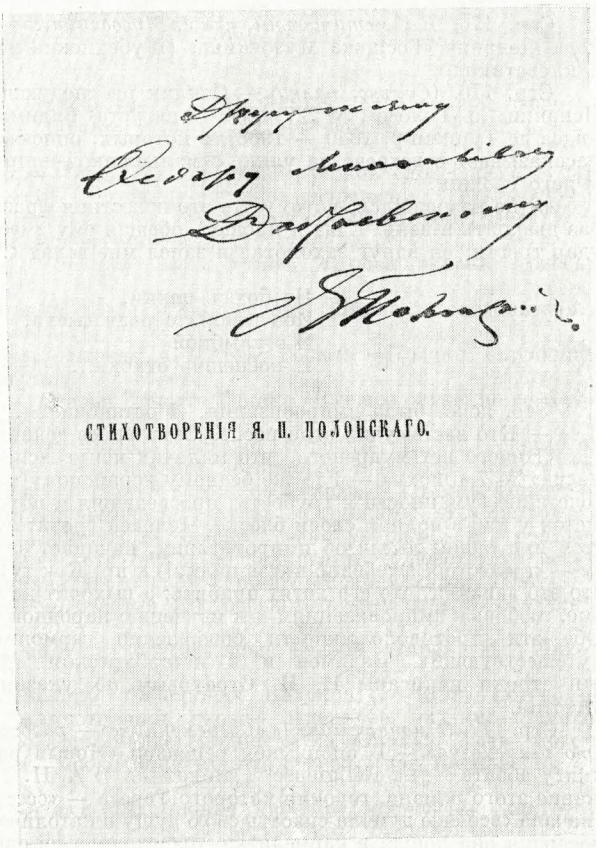
Стр. 172. *В полемику.*— 29 февраля 1864 г. Достоевский писал брату Михаилу: «Выдумал еще великолепную статью на теоретизм и фантастизм теоретиков („Современника“). Она не уйдет, особенно если они нас затронут. Будет не полемика а дело» («Письма», I, стр. 349). Быть может, далее следуют «заготовки», относящиеся к этой статье.

Стр. 173. *16 апреля. Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?* — Марья Дмитриевна Достоевская умерла 15 апреля 1864 г. в Москве, где находился в это время Достоевский. «Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь. Когда она умерла,— я, хоть мучился, видя (весь год), как она умирает, хоть и ценил и мучительно чувствовал, что я хороню с нею,— но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землею. И вот уж год, а чувство все то же, не уменьшается...» (из письма к А. Е. Врангелю 31 марта 1865 г.— «Письма», I, стр. 398).

СТИХОТВОРЕНИЯ Я. П. ПОЛОНСКОГО (СПб., 1859) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА ДОСТОЕВСКОМУ

Шмуцтитул, вырванный из книги

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва



СТИХОТВОРЕНІЯ Я. П. ПОЛОНСКАГО.

Стр. 173. «*Не женятся и не посягают, а живут, как ангелы божии*».— По евангельской легенде, изречение Христа: «В воскресении ни женятся, ни выходят замуж; но пребывают, как ангелы божии на небесах» (Матф., 22, 30).

Стр. 174. ...*Прудон, происхождение бога*...— Достоевский имеет в виду пролог к книге П. Ж. Прудона «Système des Contradictions économiques, ou Philosophie de la Misère» (см. стр. 155), в которой он подробно излагает свою «гипотезу бога». Маркс, подвергший резкой критике эту книгу, писал в предисловии к «Нищете философии»: «Труд г-на Прудона не просто какой-нибудь политико-экономический трактат, не какая-нибудь обыкновенная книга, это — своего рода библия; там есть все: „тайны", „секреты, исторгнутые из недр божества", „откровения"...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 70).

Стр. 174. «*Возлюби всё, как себя*».— Перефразировка известной евангельской заповеди Христа: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Матф., 22, 39).

Стр. 176. *Освобождая в Польше крестьян и уделяя им землю*...— 19 февраля 1864 г. был обнародован указ Александра II о крестьянской реформе в Польше. Указом устанавливался обязательный выкуп крестьянами находившейся в их пользовании до реформы земли, которая переходила им в полную собственность. «В сущности, новый указ свидетельствует,— отмечал в связи с этим Герцен,— что ‹...› правительство русское не может сладить с восстанием в Польше» (А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XVIII, стр. 107).

Стр. 176. ...*из лучиночек*.— См. стр. 275.

Стр. 176. *C'est plus qu'un crime, c'est une faute*...—Крылатое выражение, вызванное беззаконным расстрелом Наполеоном I герцога Энгиенского в 1804 г. Оно приписывалось Фуше, Талейрану и др. политическим деятелям. По утверждению Сент-Бева, Талейран только повторил это изречение, принадлежащее Буле де ля Мёрту (см. O. Guerlac. Les Citations françaises. Paris, 1961, p. 273). Достоевский приводит это выражение неточно (plus — вместо: pire).

Стр. 176. *Станция Тверь, profession de foi*.— Вероятно, запись вызвана воспоминанием о какой-то беседе Достоевского при возвращении его из Москвы в конце апреля 1864 г.

Стр. 176. *Вы мстительны, как г. Музовкина...*—Героиня рассказа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Госпожа Музовкина» («Губернские очерки») — сутяжница, сплетница и клеветница.

Стр. 176. (*Сальяс, палку*).— Отклик на следующий эпизод из «Путевых очерков Испании» (в «Голосе», № 227, 1864, 18 августа) Вадима (графа Евгения Андреевича Салиаса де Турнемир, 1840 — 1908), в которых, описывая свою поездку по Испании, он рассказывает о встрече на улице с мальчишкой-попрошайкой, пытавшимся выманить у него грошик.

«Я не разнежился, потому что это известная фраза мальчишек, которую слышишь раз двадцать в день. Едва я прошел, обещая ему вместо chavico — uno paliza, то есть удар трости, он вдруг захохотал и запел мне вслед (...):

Не боюсь палки,
Ибо говорите ради смеха,
И с улыбкой
И поспешно отходя...

Это, ясно, была импровизация. Я остановился.

— Кто вас выучил этой песне? Сами вы ее сочинили, сейчас же?»

«Ничего нет мудреного, что мальчик испугался,— отмечалось в «Заметках летописца» № 7 «Эпохи».— Где же бедному испанскому мальчику понять то удивительное сочетание гуманности и грубости, просвещения и потемок, которое нет-нет да и выкажется у нас в полном своем блеске. Человек грозит ему палкой; но вдруг разнеживается при одной *мысли* об импровизации, начинает заговаривать, говорит ему *вы* (это *вы* — прелестно! Особенно после палки!) и пр. Как тут не испугаться! Мальчик думал, что это западня, что его хотят прибить; а выходит не западня, а тончайшее просвещение, любовь к импровизациям и к изучению народной жизни. Но главное: *вы* и *палка*. Обе эти противоположности совершенно гармонируют одна с другой у наших путешествующих Вадимов и в петербургском „Голосе“». Не исключено, что эти строки написаны Н. Н. Страховым по указанию Достоевского или при его участии.

Стр. 177. *О монастырях (в «Современнике» — разбор «Проклятого»). «Глупа, потому что религиозна».*— В анонимной рецензии «Новый роман автора „Проклятого“ — на книгу аббата × „La Réligieuse“ („Монахиня“)» А. Н. Пыпин подробно изложил содержание этого романа, героиня которого Тереза — «сестра милосердия и полумонахиня» сначала «все еще думала спасать свою душу в католических монастырях. Из сестер милосердия она пошла в кармелитки, переходила из одного монастыря в другой, нигде не уживаясь с фанатизмом или лицемерием и нравственным рабством, которые отличают закулисную жизнь католических орденов. Она увидела, наконец, что не может найти удовлетворения в подобной жизни, и отказалась от монашества». И далее: «Автор изображает Терезу женщиной с сильным здравым смыслом, чувством правды и нежным сердцем, хотя ее похождения и не доказывают первого из этих качеств. Перебывавши в трех или четырех монастырях, она все еще не может составить себе о них понятия...» («Современник», 1864, № 6, Отд. II, стр. 142—143).

Стр. 177. *Умственные способности Терезы плохи, потому что она ходила по монастырям.*— См предыдущее примеч.

Стр. 177. *Для июля.*—Речь (здесь и ниже) идет о составе № 6 (а не № 7) «Эпохи» (цензурное разрешение 20 августа).

Стр. 177. «*Мудр*⟨*еное*⟩ *дел*⟨*о*⟩».— «Очерк из летописей русской словесности» Н. Д. Ахшарумова. Часть 2-я. «Между словом и делом».

Стр. 177. «*Токеа*».— «Токеа, или Белая роза. Повесть из последней англо-американской войны» Чарльза Сильсфильда, начавшая печататься в приложении к майской книжке «Эпохи».

Стр. 177. *Пись*⟨*мо*⟩ *Серова.*— Статья А. Н. Серова «Музыка, музыкальная наука, музыкальная педагогика».

Стр. 177. *Страхова ст*⟨*атья*⟩.— «Опыты изучения Фейербаха».

Стр. 177. *Григорьева.*— Вероятно, статья Ив. Григорьева (псевдоним И. Г. Долгомостьева) «Заметки по истории книжного (школьного) просвещения в России». Помещена в № 8 «Эпохи».

Стр. 177. *Филиппова.*— Осип Авраамович Филиппов, сотрудник «Эпохи», брат публициста и романиста М. А. Филиппова (см. «Лит. наследство», т. 51-52, стр. 542). Среди бумаг Достоевского (ИРЛИ) сохранилось три письма к нему Филиппова (16 августа, 2 ноября 1864 г. и без даты) по делам «Эпохи», для которой он писал обозрение «Наши домашние дела».

Стр. 177. «*Древние р*⟨*елигии*⟩».— Статья Эрнеста Ренана (напечатана в № 7).

Стр. 177. *Милюков.*— Вероятно, «Посмертные записки одного скитальца» (напечатаны в № 8).

Стр. 177. *Крити*⟨*ка*⟩.— Статья Ап. Григорьева «Парадоксы органической критики (письмо второе)». Далее Достоевский вторично упоминает об этой статье — «Письма об органической критике».

Стр. 177. *П. Ф. Фермор.*— См. примеч. к стр. 155.

Стр. 177. *Из «Русского инвал‹ида›» 15 р.*— Очевидно, подписная сумма за «Эпоху».

Стр. 177 *«Голос».*— То же.

Стр. 177. *Демису [2] 1 вексель.*— Речь идет о Л. Н. Демисе, снабжавшем «Время» и «Эпоху» бумагой. Достоевский 11 октября 1864 г. дал ему вексель («Жизнь и труды Достоевского», стр. 140).

Стр. 177. *«Мудр‹еное› дело».*— «Очерк из летописей русской словесности в трех частях» Н. Д. Ахшарумова. В № 5 «Эпохи» (цензурное разрешение 7 июля 1864 г.) напечатана первая часть этого произведения, озаглавленная «Отсталой». Перечисляемые далее произведения также напечатаны в № 5 журнала.

Стр. 177. *«Проза жизни».*— Новелла Льва Утина «Проза жизни (рассказ Немирова)».

Стр. 177. *«Оворков».*— Из цикла Н. М. Соколовского «Записки следователя.— Немногие из убылых.— Озорков».

Стр. 177. *«Предки европейцев».*— Статья Альберта Ревиля «Предки европейцев по исследованиям новейшей науки».

Стр. 177. *«Высшее обучение».*— Статья Эрнеста Ренана «Высшее обучение во Франции, его история и будущность».

Стр. 177. *Авер‹киев›* — «Вильям Шекспир (статья первая)» Д. В. Аверкиева.

Стр. 177. *За «Летопись».*— Отдел «Заметки летописца» в «Эпохе» 1864 г. вел Н. Н. Страхов. В № 5 помещены его статьи «Русские немцы» и «Немцы сердятся». М. Е. Салтыков-Щедрин отмечал в полемической статье «Стрижам»: «Г. Страхов‹...› кропает статейки под рубрикою „Заметки летописца“; меня уверяли, что большая часть их принадлежит г. Страхову, хотя они и не подписаны; и действительно, во многих из них г. Страхов так и пахнет из каждой строки» («Современник», 1864, № 7, отд. II, стр. 169—170). Не исключено участие Достоевского в этом отделе, созданном по его инициативе.

Стр. 177. *«Гипотеза».*— «Гипотеза о будущей судьбе мира» М. Лисовского.

Стр. 178. *С Базунова.*— Александр Федорович Базунов (?—1899), петербургский издатель и книготорговец, выпустивший первое отдельное издание «Записок из Мертвого дома». В его конторе принималась подписка на «Эпоху». Быть может, здесь указан дядя А. Ф. Базунова, московский книготорговец Иван Васильевич Базунов (1786—1866).

Стр. 178. *От Черенина.*— Михаил Михайлович Черенин, московский книготорговец.

Стр. 178. *Самарский.*— Вероятно, Владимир Васильевич Самарский-Быховец, обер-секретарь Четвертого департамента Правительствующего сената, кредитор Достоевского.

Стр. 178. *Голядкин.*— См. стр. 136—140.

Стр. 178. *...у Ломовского.*— Ломовский, преподаватель математики в пансионе Чермака; у него учился Достоевский.

Стр. 178. *...Тимковский...*— Константин Иванович Тимковский (1814—1881), петрашевец.

Стр. 180. *Rue Faussé S. Victor...*— Вероятно адрес Аполлинарии Прокофьевны *Сусловой* (1839—1918), близкого друга Достоевского.

Стр. 180. *... спросить г. Будаевского.*— Будаевский — корректор «Эпохи».

Стр. 180. *Одоевский.*— Писатель кн. Владимир Федорович Одоевский (1803—1869), в 1862 г. переехавший в Москву. Достоевский познакомился с ним еще в 1840-х годах («Письма», I, стр. 84 и 86). Как отмечает А. С. Долинин, отношения между Достоевским и Одоевским были ближе, чем простое литературное знакомство, о чем «свидетельствует отчасти письмо к нему Достоевского из Сибири» («Письма», I, стр. 486). Состоялась ли встреча Достоевского с Одоевским в Москве, не установлено.

Стр. 180. *Ахшарумов.*— Третья часть «Мудреного дела», озаглавленная «На деле» («Эпоха», № 7).

Стр. 180. *Милюков.*— Здесь и далее перечисляются материалы № 8 «Эпохи» (цензурное разрешение 22 октября 1864 г.).

Стр. 180. *О Беляеве Аверкиев.*— О какой статье идет речь — неясно. В № 8 «Эпохи» напечатан некролог Аполлона Григорьева, принадлежащий перу Д. В. Аверкиева.

Стр. 180. *Григорьев.*— «Заметки по истории книжного (школьного) просвещения в России» (см. выше).

Стр. 180. *...я подпишу.*— Смысл этих слов неясен.

Стр. 180. *Критика.*— В № 8 «Эпохи» критических статей нет. Возможно, что у Достоевского описка и он имел в виду отдел «Политика» (анонимный).

Стр. 180. *Колошин о польских книгах.*— Эта статья С. П. Колошина в «Эпохе» не появилась. До того, в № 6, была напечатана его компилятивная статья «Иезуиты и их уложение».

Стр. 180. *Две перевод⟨ные⟩ статьи.*— В № 8 «Эпохи» переводные статьи не помещены.

Стр. 181. *Никол⟨ай⟩ Петр⟨ович⟩ Второв о векселе.*— О ком идет речь, не установлено.

Стр. 181. *Август Алек⟨сандрович⟩ о «Загад⟨оч⟩ных натурах».*— Август Александрович Бергман, по-видимому, помощник Достоевского по типографии. См. упоминание о нем в «Письмах», I, стр. 375, и в настоящей книге. «Загадочные натуры» («Die problematische Naturen»)— роман Ф. Шпильгагена, печатавшийся в приложении к «Эпохе», 1864, №№ 1—4. 5 апреля 1864 г. Достоевский писал о нем брату Михаилу: «Прочел половину „Загадочных натур". По-моему, ничего необыкновенного. Натуры *совсем-таки* не загадочные, слишком обыкновенные. Где дело касается до современных идей, то видна молодость и некоторое нахальство. Много истинной поэзии, но какое же колбасничество! Хорошо только, что не скучно» («Письма», I, стр. 358). Разговор с Бергманом, вероятно, был связан с проектом выпуска отдельного издания «Загадочных натур».

Стр. 181. *...с Турунов⟨ым⟩.*— Михаил Николаевич Турунов (1813—1890), председатель С.-Петербургского цензурного комитета. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 51-52, стр. 532.

Стр. 181. *Быть в заседании Литературного фонда.*— Достоевский был членом комитета Литературного фонда.

Стр. 181. *К Ламанскому ...* — Вероятно, Владимир Иванович Ламанский (1833 — 1914), известный славист.

Стр. 181. *Гинтерлах.*— 26 января 1865 г. Достоевский вместе с Э. Ф. Достоевской выдали вексель в 500 р. сроком на 12 месяцев жене петербургского купца Елене Гинтерлах. В архиве Достоевского (ЛБ) сохранилась адресованная ему повестка петербургского коммерческого суда по иску Е. Гинтерлах, копия векселя, протоколы суда и пр. материалы («Жизнь и труды Достоевского», 145).

Стр. 181. *О романе, продолж⟨ение⟩ Шпильгаг⟨ена⟩.*— См. выше.

Стр. 182. *По статье о желез⟨ных⟩ дорогах компилятор.*— Статья о железных дорогах в «Эпохе» 1864 г. помещена не была.

Стр. 182. *И выхныкивала эту тысячу у тетки.*— Речь идет о сестре Достоевского Варваре Михайловне Карепиной (1822—1893). 23 апреля 1864 г. Достоевский писал брату Михаилу из Москвы о «теперешнем ее собственном клянчении тысячи рублей» («Письма», I, стр. 374). *Тетка* — А. Ф. Куманина, у которой жила до замужества в качестве воспитанницы В. М. Карепина.

Стр. 182. *Рудин, Волынцев...*— Герои романа Тургенева «Рудин».

Стр. 182. *Рассказы Фатеева отыскать.*— Кроме очерка «Ералаш», в «Эпохе» 1864 г. произведения А. Фатеева не появлялись.

Стр. 182. *Статью Григорьева отыскать.*— О какой статье идет речь, неясно.

Стр. 182. *О «Разладе» Полон⟨ско⟩го.*— Драматическое произведение Я. П. Полонского «Разлад», стихотворные «сцены из последнего польского восстания», были напечатаны в «Эпохе», 1864, № 4 (цензурное разрешение 3 июня 1864 г.). В конце того же года О. А. Филиппов писал Достоевскому, выпускавшему в это время отдельное издание «Разлада»: «Посылаю вам пробную обложку для драмы г-на Полонского. Если вы найдете, что она удовлетворит вкусу автора, то пришлите ее обратно, вместе с уведомлением о том, какую цену вы ставите на ней? Также покорнейше прошу, известите, к какому сроку необходимо изготовить статью о земстве и земских учреждениях. Текст драмы печатается⟨...⟩ Вчера я был у Турунова и говорил ему о статье „Мотивы русского уголовного права". По его воззрению, к напечатанию она не встретит препятствий со стороны цензуры» (ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 98).

Стр. 182. *Аверк⟨иева⟩.*— Может быть, статья «Значение Островского в нашей литературе» за подписью «Один из почитателей Островского» («Эпоха», 1864, № 7.— Ср. «Письма», I, стр. 573).

Стр. 182. ... *Маша.*— Вероятно, Марья Михайловна Достоевская (в замужестве Владиславлева, 1843—1888), племянница писателя, пианистка, ученица А. Г. Рубинштейна.

Стр. 182. ... *Марья Петровна.*— Возможно, племянница Достоевского Марья Петровна Карепина (1842—193?), в замужестве Смирнова.

Стр. 182. *...г-жа Каломенцева.*— Не исключено, что имеется в виду Александра Карловна Каломейцева, сестра жены А. У. Порецкого. См. письмо к ней Достоевского 16 августа 1861 г.— «Письма», I, стр. 304—305.

Стр. 182. *Порецкий...*— Александр Устинович Порецкий (1819—1879), приятель Достоевского с 1840-х годов. Он вел «Внутреннее обозрение» во «Времени» и являлся официальным редактором «Эпохи» после смерти М. М. Достоевского. Ему адресован ряд писем Достоевского. В конце 1864 г. Достоевский писал Порецкому: «...умоляю вас, присядьте поскорее за *Внутреннее обозрение.* Филиппов написал ужасную дичь. Надобно спешить⟨...⟩ Главное — надо как можно скорее. Сядьте теперь же, умоляю

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ ДОСТОЕВСКОГО «СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ»

Рисунок В. А. Милашевского, 1935

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

вас. Главнейшее дело в том, чтоб выдать ноябрьск‹ую› книгу до Рождества‹...› Страшное дело: написать совершенно некому „Внут‹реннего› обозрения", и я поневоле должен беспокоить вас» («Письма», I, стр. 379).

Стр. 182. ... *Капнист Петр Иванович.*— Писатель и переводчик, крупный чиновник министерства внутренних дел П. И. Капнист (1830—1898), один из составителей конфиденциального сборника «Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 годы». СПб., 1865. В этом сборнике, изданном для служебного пользования по распоряжению министра внутренних дел, представляет интерес характеристика, данная Достоевскому:

«Рядом с стремлением развивать теории Жоржа Санда, заметна у прозаических писателей наших минувшего десятилетия *особенная забота о низших слоях нашей бюрократии* того времени. В этом отношении одни писатели устремились на бедность и загнанность чиновников, а другие — стали бичевать взяточничество и другие злоупотребления этой среды. Первая категория как бы примыкает к произведениям Гоголя, и лучшее *по концепции*, что было в этом отношении написано, это роман *Достоевского* „Бедные люди". Несмотря на то, что в этом романе слишком силен элемент преувеличения и карикатуры,— в нем есть тот ингредиент, которым отличается *истинное гоголевское направление*, в нем есть „видимый миру смех и невидимые ему слезы". Карая чиновника, писатель любит в нем человека. Если бы это свойство присутствовало *постоянно* в произведениях наших обличителей несовершенств бюрократической среды, то, с одной стороны, творчество и художественность не были бы забыты совершенно (как это произошло); а с другой стороны, в направлении этом не было бы ничего предосудительного...» (стр. 183).

В этом же сборнике напечатано «Извлечение из отчетов Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания и направление повременных изданий». О «Времени» там говорится: «Журнал „Время" имел целью быть органом русского рационализма, быть беспристрастным отражением русской действительности и исключительно русского направления, без нетерпимости и без идеализма, отличающих направление газеты „День"; но на четвертой книге, где явилась статья „Роковой вопрос", это периодическое издание прекращено» (стр. 222). См. также любопытную оценку «Эпохи»: «Эклектический характер этого журнала препятствует вывести сколько-нибудь определенное заключение об общем его направлении.— Может быть, у редакции „Эпохи" (а прежде „Времени") было и есть другое, более серьезное желание быть органом какой-нибудь новой мысли, строгого убеждения. По крайней мере, в программах и объявлениях о журнале много говорилось о разработке русской почвы. Но мысль эта в дело не перешла, и журнал явился простым складом рассказов, повестей, стихов, иногда статей с претензией на ученость, а также и мелочной полемики с другими журналами.

Некоторым отличительным признаком „Эпохи" от других петербургских журналов служит то, что журнал этот как будто по временам вспоминает о своем обещании относительно разработки русской почвы и подлаживается под направление некоторых московских журналов, задавшихся мыслию о старых русских началах и т. п. Но из этого ничего определенного не выходит, кроме только того, что петербургские журналы обличают „Эпоху" в подражательности газете „День" и в угодливости „Московским ведомостям". В цензурном отношении журнал ничего вредного не представляет» (стр. 286—287).

Стр. 183. *«I Misteri del chiostro napoletano». Errieta Caracciolo.*—«Тайны неаполитанского монастыря», автобиография итальянской монахини Эриэты (Генриэтты) Карачоло, княгини ди Форино (1864), бежавшей из бенедиктинского монастыря, куда она была заключена насильно. В книге обличались разврат и злоупотребления монашества.

Стр. 183. *Пьяненькие ∞ дела долго (150 лет) не было.*— Запись эта является «заготовкой» к «Преступлению и наказанию». Часть этого романа, посвященная семье Мармеладовых, была задумана вначале как самостоятельное произведение (вероятно об этом именно романе было объявлено в августовском номере «Эпохи» 1864 г.: «Ф. М. Достоевский, кроме постоянного, непосредственного своего участия в „Эпохе", поместит в ней в будущем году свой роман». 8 июня 1865 г. Достоевский писал А. А. Краевскому: «Роман мой называется „Пьяненькие" и будет в связи с теперешним вопросом о пьянстве. Разбирается не только вопрос, но представляются и все его разветвления, преимущественно картины семейств, воспитание детей в этой обстановке и проч., и проч.— Листов будет не менее 20, но, может быть, и более» («Письма», I, стр. 408). Диалога, внесенного Достоевским в свою записную книжку, в «Преступлении и наказании» нет. Ср., однако, высказывание Разумихина: «Деловитость приобретается трудно, а с неба даром не слетает. А мы чуть двести лет от всякого дела отучены».

Стр. 183. *...жизнь есть роскошь. Мальтус, Писарев.*— Имеется в виду известное изречение английского буржуазного экономиста Томаса Роберта Мальтуса (1776—1834) из его книги «An Essay on the Principle of Population» («Опыт о законе

народонаселения», 1798): «Человек, пришедший в занятый уже мир, если родители не в состоянии прокормить его или если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности — он лишний на земле. На великом жизненном пиру нет для него места». Ср. слова Лебедева в «Идиоте» о Мальтусе как «людоеде человечества» и в «Дневнике писателя» (1876, июль-август). Писарев в «Очерках из истории труда» («Русское слово», 1863, №№ 9, 11—12) разоблачил узкоклассовый характер взглядов Мальтуса. Упоминание о Писареве в данном контексте, вероятно, имеет и другую направленность и должно подчеркнуть лишь «утилитаризм» молодого критика «Русского слова». Так, в начале статьи «Очерки из истории труда» «первой потребностью жизни» Писарев называет «квартиру, стол, одежду и разные другие материальные обеспечения жизни».

Стр. 183. *Яблоко нарисованное и яблоко действительное.* — Намек на известное высказывание в магистерской диссертации Чернышевского (см. выше): «...надобно признаться, что наше искусство до сих пор не могло создать ничего подобного даже апельсину или яблоку, не говоря уже о роскошных плодах тропических земель<...> Лучше действительной розы воображение не может ничего представить; а исполнение всегда ниже воображаемого идеала» (Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. II, стр. 38 и 58—59).

Стр. 183. *«Книжный вестник»— не то,что уж волотушная,а скрюченная газетка.*— «Книжный вестник», «журнал книжно-литературной деятельности в России», выходил в Петербурге с 1860 г. под редакцией П. А. Ефремова. В нем печатались преимущественно библиографические данные о выходящих книгах, сопровождаемые скупыми аннотациями, и небольшие статьи, рецензии и обзоры.

Стр. 183. *Дожевывать Данию.*— См. стр. 243.

Стр. 183. *...10 августа ∞ дордга.*— 10 августа, по-видимому, дата выезда Достоевского из Петербурга в Москву, куда он отправился на несколько дней для получения денег у А. Ф. Куманиной.

Стр. 184. *Расход в Москве ∞ на извозчиков.*— 11 августа 1864 г. Достоевским были подписаны два векселя А. Ф. Куманиной на 10 000 р., выданные ему в счет наследства («Жизнь и труды Достоевского», стр. 137).

Стр. 184. *Belgique, Spa, Rue Hôtel de Ville, 90. A. Souslowa.*— Адрес А. П. Сусловой. В июне 1864 г. Суслова лечилась на бельгийском курорте Спа, куда, вероятно, Достоевский писал ей (письма эти остаются неизвестными). См. стр. 193.

Стр. 184. *Расчет Гаврилова.*— Об И. Г. Гаврилове см. выше.

Стр. 185. *Чумиков.* Александр Александрович Чумиков (1819—1902), редактор «Журнала для воспитания», автор многочисленных работ по вопросам педагогики, корреспондент Герцена. См. о нем подробно в «Лит. наследстве», т. 62, стр. 710—716. 30 января 1865 г. кончался срок векселя на 1450 руб., выданного М. М. Достоевским Чумикову. В ответ на требование Чумикова оплатить вексель, Достоевский сообщил ему 13 января 1865 г.: «После брата остался журнал — весь в долгах<...> Я, на собственные деньги, продолжаю его. Если мы с Эмилией Федоровной будем уплачивать теперь, когда самим страшно нужны деньги, долги не наши, а покойника, то очень себя обессилим. И однако же и она и я — мы положили общими силами заплатить *все* долги дорогого нам покойника. Вследствие чего и предлагаем вам (если захотите) 30 января получить от нас 450 р. деньгами, а на остальную тысячу рублей взять вексель...» («Письма», I, стр. 392—393). 24 января Достоевский сообщил Чумикову, что его «вексель подоспел в самое тяжелейшее время года»; что, как он «ни бился, как ни разрывался», ему не удается выплатить даже обещанные 500 р., и он предлагает пока частичную выплату этой суммы (там же, стр. 393—395).

Стр. 185. *Майкову по векселю.*— Вероятно, речь идет о петербургском книгопродавце Майкове.

Стр. 185. *Бенардаки.*— Крупный петербургский капиталист Дмитрий Егорович Бенардаки (?—1870), послуживший Гоголю прототипом для двух персонажей второго тома «Мертвых душ»— Костанжогло и Муразова. 31 марта 1864 г. Бенардаки писал М. М. Достоевскому: «Вы известили главную мою контору, что по выданным вами на имя Л. Н. Демиса векселям, суммою на 6070 р. 20 к., дисконтированным за моим ручательством у г. Гинцбурга и мною по миновании срока уплаченным, вы сможете заплатить: 3000 руб. в мае и 3070 р. 20 к. в декабре сего года. Соглашаясь на эту отсрочку, я прошу вас покорнейше выполнить платежи в означенные сроки, так как я приказал моей конторе рассчитывать на них при соображениях по моим делам...» (ЛБ, ф. 93, II, 1.81).

Стр. 185. *Сдано в типографию Тиблена 19 августа.*— Речь идет о № 7 «Эпохи» (цензурное разрешение 19 сентября 1864 г.). Начиная с № 7 «Эпоха» стала печататься в типографии Н. Тиблена и К° (до этого журнал печатался в типографиях Праца и Рюмина).

Стр. 185. *«Мудреное дело».*— «Очерк из летописей русской словесности» Н. Д. Ахшарумова. Часть 3-я. «На деле».

Стр. 185. *Письмо Серова.*— «Заметка современного знаменитого мыслителя (из не музыкантов) о Девятой симфонии Бетховена. Перевод и комментарии А. Серова» («Девятая симфония Бетховена и ее поклонники.— Музыкальное письмо ограниченного человека» — Д. Ф. Штрауса).

Стр. 185. *Страхова статья.*— «Естественные науки и общее образование».

Стр. 185. *Соколовского.*— Статья за подписью Соколовского в ближайших номерах «Эпохи» не появилась. См. ниже.

Стр. 185. *Григорьева...*— Статьи Ап. Григорьева «Отживающие в литературе явления. Г-н Григорович» и «Голос старого критика».

Стр. 185. *Филиппова...*— Статьи за подписью Филиппова в ближайших номерах «Эпохи» нет.

Стр. 185. *«Теория безобразия».*— Статья Н. И. Соловьева.

Стр. 185. *Фатеева.*— Очерк А. Фатеева «Ералаш».

Стр. 185. *«Петр III».*— Статья о Петре III ни в этом, ни в следующих номерах «Эпохи» напечатана не была.

Стр. 185. *«Из мрака в свет».*— Роман Ф. Шпильгагена «Из мрака в свет» («Durch Nacht zum Licht») начал печататься в приложении к «Эпохе» с № 8.

Стр. 185. *Cicero.*— Название крупного типографского шрифта (цицеро).

Стр. 185. *2 моих.*— Достоевский имеет в виду свою статью «От редакции», открывающую № 7 «Эпохи», и «Необходимое заявление».

Стр. 185. *Переводных наук 2 ⟨листа⟩, «Древ⟨ние⟩ рел⟨игиозные⟩ учения».*— См. стр. 177.

Стр. 185. *Август.*— Следующий далее перечень статей представляет собой, очевидно, «портфель» редакции «Эпохи» к августу 1864 г.

Стр. 185. *Филиппова.*— Вероятно, статья О. А. Филиппова «Об особых родах гражданского судопроизводства» (начала печататься с № 10).

Стр. 185. *Фатеева повесть.*— В «Эпохе» повесть Фатеева не появилась.

Стр. 185. *Соколовского.*— Вероятно, «Записки следователя» Н. Соколовского (печатанье их возобновилось с № 11 «Эпохи»).

Стр. 185. *Владиславлев.*— Статья М. И. Владиславлева «Реформаторские попытки в психологии» (напечатана в № 9).

Стр. 186. *Нет, не дается нигилизм г-ну Щедрину, не дается.*— О многолетней полемике Достоевского с М. Е. Салтыковым-Щедриным см. подробно в книге С. С. Борщевского «Щедрин и Достоевский». М., 1956.

Стр. 186. *...Он в таком же затруднении, поступив в нигилисты, как и генерал Зубатов, в его собственной повести...*— Герой рассказа Салтыкова-Щедрина «Зубатов» («Невинные рассказы»), самодур и бюрократ, внезапно перешедший на позиции крайнего либерализма и щеголяющий либеральной фразеологией; в конце концов сходит с ума.

Стр. 186. *Сам г. Щедрин назвал такого сорта людей умирающими.*— Рассказ Салтыкова-Щедрина «Зубатов» был впервые напечатан в «Московском вестнике», 1859, № 3, под заглавием «Из книги об умирающих».

Стр. 187. *Память чувства (статья Сеченова).*— В № 47—48 «Медицинского вестника» (1863) была напечатана известная работа И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», ранее предназначавшаяся для «Современника», но не разрешенная цензурой.— Достоевский имеет в виду одно из положений второй половины статьи.

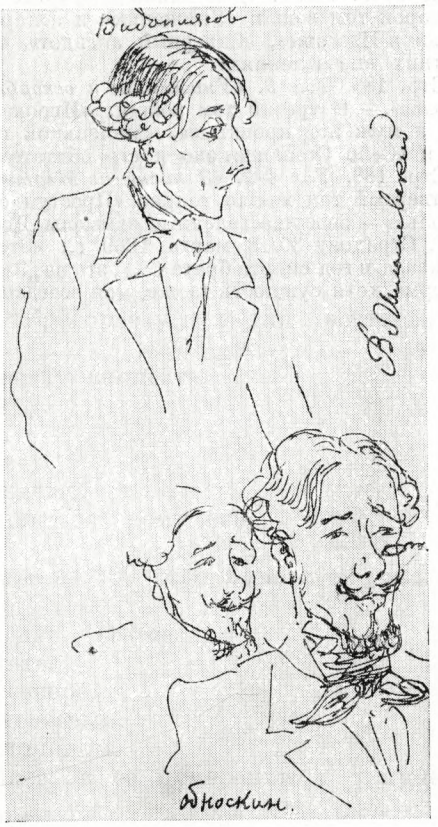
Стр. 187. *Погодина защита Петра I-го — суконная фабрика.*— В июльской книжке «Русского вестника» 1863 г. была напечатана статья М. П. Погодина под заглавием «Петр Первый и национальное, органическое развитие». «Слава Петрова,— отмечал Погодин в предисловии,— находится ныне в ущербе: многие вновь открытые документы из архивов тайной канцелярии бросили, в последнее время, мрачную тень на его личный характер, а пробуждающееся народное сознание проясняется в некоторых негодованием на него за насильственное подчинение России иностранному, европейскому влиянию». Далее Погодин отмечал: «Мы не можем открыть своих глаз, не можем сдвинуться с места, не можем оборотиться ни в одну сторону, без того, чтобы везде не встретился с нами Петр⟨...⟩ Мы просыпаемся. Какой нынче день? 18 сентября 1863 года. Петр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Петр Великий велел считать месяцы от января. Пора одеваться — наше платье сшито по фасону, данному первоначально Петром I, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завел он; шерсть настрижена с овец, которых развел он» и т. д. (стр. 373 и 377).

Стр. 188. *25 ноября 63 выезд из Москвы.*— Далее следует итоговая запись о важных для Достоевского событиях 1863—1864 гг. В середине ноября 1863 г., после возвращения из-за границы он перевез свою больную жену Марью Дмитриевну из Владимира в Москву и, оставив ее там, выехал 25 ноября в Петербург («Жизнь и труды Достоевского», стр. 128).

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ ДОСТОЕВСКОГО «СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ»

Рисунок В. А. Милашевского, 1935

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва



Стр. 188. *10 июля ∞ смерть брата Миши.*— Брат Достоевского умер в Петербурге 10 июля 1864 г., «прохворав всего месяц и слегка, так что кризис, перешедший в смерть, случился почти неожиданно, в три дня». По словам Достоевского, ему после смерти жены и брата стало «просто страшно». «Вся жизнь переломилась разом надвое. В одной половине, которую я перешел, было все, для чего я жил, а в другой, неизвестной еще половине, все чудное, все новое, и ни одного сердца, которое бы могло мне заменить тех обоих. Буквально — мне не для чего оставалось жить. Новые связи делать, новую жизнь выдумывать! Мне противна была даже и мысль об этом. Я тут *в первый раз* почувствовал, что *их* некем заменить, что *я их* только и любил на свете и что новой любви не только не наживешь да и не надо наживать. Стало все вокруг меня холодно и пустынно» («Письма», I, стр. 398).

Стр. 183. *«Дворянское гнездо» (начало).*— Здесь зафиксировано перечитывание, а не первое чтение романа Тургенева, о котором Достоевский в 1859 г. писал: «Я, наконец, прочел. Чрезвычайно хорошо» («Письма», I, 246), и позднее отзывался об этом романе с большой похвалой (см., например, «Письма», II, 251); героиню романа Лизу в речи о Пушкине, произнесенной в присутствии Тургенева (1880), Достоевский, как известно, поставил в один ряд с пушкинской Татьяной.

Стр. 188. *План общего собрания сочинений.*— Это собрание сочинений, задуманное Достоевским, было выпущено Ф. Т. Стелловским в Петербурге в 1865—1870 гг. («Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Вновь просмотренное и дополненное самим автором издание»). Состав каждого из вышедших томов заметно отличался от задуманного.

Стр. 188. *Том 1. Тот же, как и в издании Основского, с присовокуплением «Хозяйки».*— В первый том издания Стелловского вошли: «Хозяйка», «Господин Прохарчин», «Слабое сердце», «Записки из Мертвого дома», «Бедные люди», «Белые ночи» и «Честный вор». Издание Основского — вышедшее в 1860 г. в Москве — «Сочинения Ф. М. Достоевского». Издание Н. А. Основского (тт. I—II). В т. I вошли: «Бедные люди», «Неточка Незванова», «Белые ночи», «Честный вор», «Елка и свадьба», «Чужая жена и муж под кроватью», «Маленький герой».

Стр. 188. *Том 2.* «*Дядюшкин сон*», «*Село Степанчиково*», «*Двойник*» *переделанный*.— Во второй том вошли «Униженные и оскорбленные», «Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже», «Скверный анекдот», «Записки из подполья» и «Зимние заметки о летних впечатлениях».

Стр. 188. *Том 3.* «*Униженные и оскорбленные*», «*Скверный анекдот*», «*Записки из подполья*».— В третий том вошли: «Игрок», «Двойник», «Елка и свадьба», «Чужая жена и муж под кроватью», «Маленький герой», «Неточка Незванова», «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели».

Стр. 188. *Том 4-й.* «*Записки из Мертвого дома*», «*Кашкадамов*», «*Из подполья*».— В четвертый том вошло только «Преступление и наказание».—«Кашкадамов» и «Из подполья»— неосуществленные замыслы Достоевского. О втором из них он писал Н. Н. Страхову 30/18 марта 1869 г.: «Этот рассказ я еще думал написать четыре года назад, в год смерти брата ⟨...⟩, это не „Записки из подполья“, это совершенно другое по форме, хотя сущность та же, моя всегдашняя сущность» («Письма», II, стр. 183).

III. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ
(1864—1865) *

21 авг⟨уста 1864 г.⟩ Memento. Григорьеву дал для прочтения рукописи «Прихоть» и Кояловича.
22 авг⟨уста⟩. Memento. Тургеневу написать.
22 *августа*. Написать: Колошину.
Серову.
Тургеневу.
Островскому.
№ Справиться, кому еще.
Ап. Григорьеву написать.
23 августа. Написать требование на 100 стоп бумаги в типографию Тиблена.
О переводчике с английского для «*Токеа*».
24 августа. О Филиппова статье.
О задатках и Лесенере.
О шпионах с Пантелеевым.
О «Токее» с Филипповым.
Пантелееву о «Токее» и ее нумерации и о нумерации «Мудрена дела».
Об объявлениях об «Эпохе».
О повести Крестовского.//
25 августа
Справиться о повести: «*Прежде и теперь*» Савича, еще: «История билета в ложу» Луганьян, о векселе Мошарскому (Демис) 18/25.
Статью о Петре 3 дать Порецкому.
26 ⟨августа⟩ 3 часа ночи. Сосчитать статьи, данные Тиблену по листам.
К Веселаго съездить объясниться.
Спросить Аверкиева о продолжении Серова.
Прочесть Колошина о литературе по польскому вопросу.
№. Завтра же составить объявление в «*Голос*» и проч.
Рукопись Кояловича, данная Григорьеву.
20 р. и Благосветлов.
3700 экз⟨емпляров⟩.
«Наши браконьеры».
Справиться, нет ли рукописей в типографии? (потеряны рукописи: Неклюдова о влиянии возраста на уголов⟨ные⟩ преступл⟨ения⟩ и 2-я Луганьян — «История билета в ложу»). //
Около 10 октября дать ответ о повести «Выкрест» — г-ну Торчинскому.//
29 ⟨августа⟩. О прошении Горского.
Говор⟨ить⟩ с Будаевским в 12 часов.
30 ⟨августа⟩. Пересмотреть завтра рукописи для выдачи авторам.
«Песни о женщинах» и проч.
1 сентября. К 15-му числу просмотреть и дать ответ о статье «*История одного еврея*».

---

* *Большая часть тетради занята записями к роману «Преступление и наказание», которые опубликованы.*

«Дети корчмаря» дать ответ через месяц
Повидать Порецкого («Наши домашние дела»).
Завтра быть в Обуховской, у Гаевского и у С-й, у Порецкого и у Тиблена.
2 ⟨сентября⟩. Письмо Головачеву.
Отыскать повесть в рукописях (поскорее).
3 ⟨сентября⟩. Собрать для Порецкого газеты. *Завтра раньше.*
Корректуру Филиппову послать (остальное).
Головачеву письмо и деньги.
Собрать завтра утром материалы для статьи: ответ «Совр⟨еменни⟩ку».//
4 ⟨сентября⟩. Статью Аверкиева в типографию (немедленно).
«Политическое обозрение» не забыть тоже в типографию скорее.
О наших изданиях.
Разузнать, где находится рукопись *«Из огня в полымя».*
О Колошине.
5 ⟨сентября⟩. Островскому отвечать.
6 ⟨сентября⟩. О Колошине. Отвечать на его письмо. Завтра же утром *.
Страхова статью «Заметки летописца» в типографию.
8-е сентября.
7 ⟨сентября⟩. Засвидетельствовать в первой же статье о чрезвычайном множестве незнающих грамоте кандидатов университета и студентов.
№ 36 «Дня» ответил о кафедрах «русск⟨ого⟩ дух⟨овенства⟩».

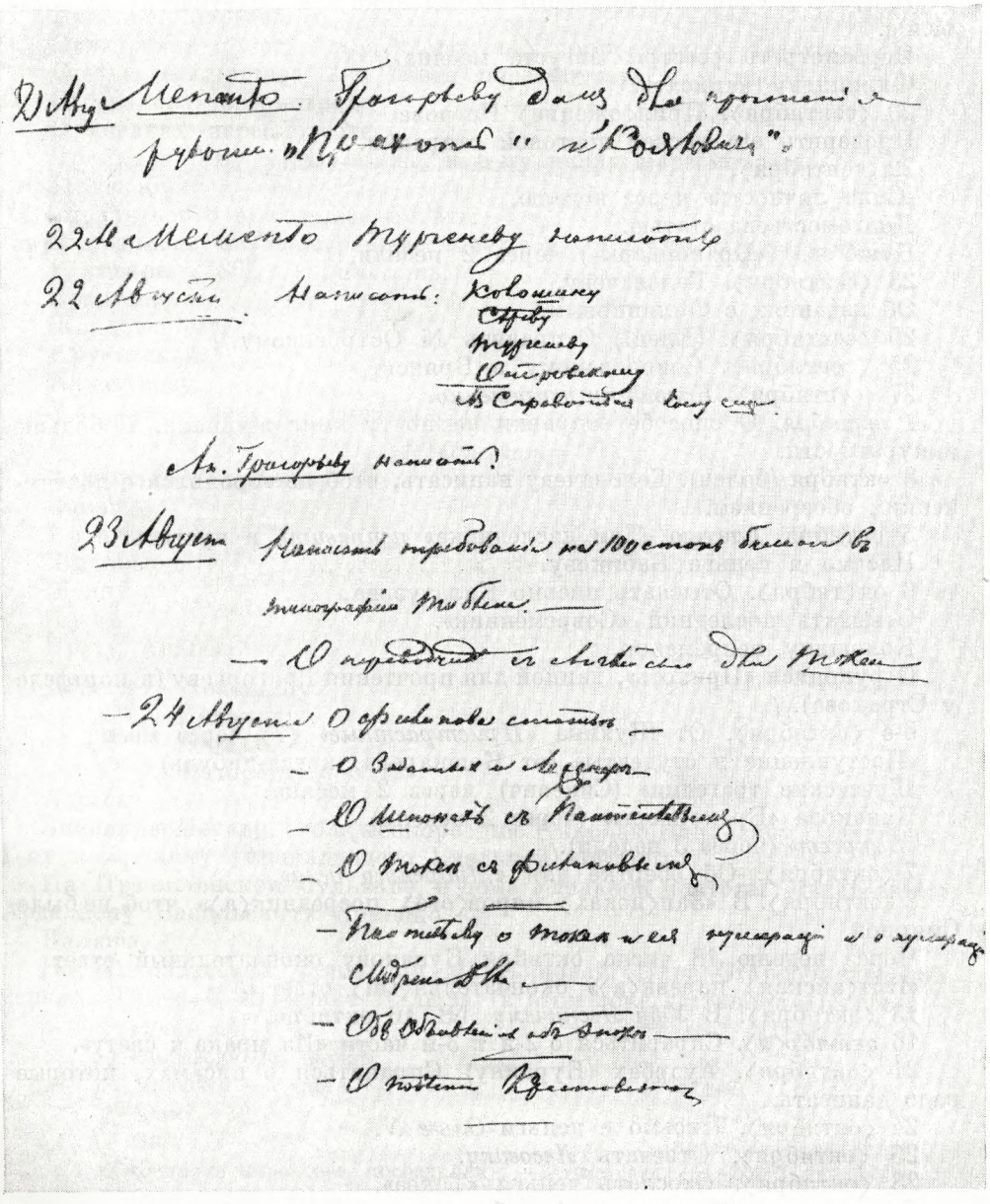
вы смеетесь?... $^1/_2$ дела будет сделана, не будет и паршивой Белой Арапии.

Белоараповцы не замечают, что социализм вовсе не обязательно общечеловечен, что идеал общечеловечия вовсе не тот (а христианск⟨ий⟩), что социализм только есть органический продукт западной жизни и всех противоречий ее. Учение белоараповцы принимают, а то из чего произошло оно (т. е. почву, органическое начало этого учения) отвергают. Ведь только на Западе и только на одном// Западе могло оно явиться. Форма социальных стремлений, форма рисующегося вдали для России идеала должны быть не те, а наши, собственные наши, органический наш продукт. Хоть кол теши, не понимают!! «Хотя бы кто из мертвых воскрес, и того не послушают».

7 ⟨сентября⟩. С Аверкиевым о Бабикове.
8 ⟨сентября⟩. О наших изданиях (Полонского).
Заголовок статьи Григорьева (Григорович) или Филиппова (NB. Поставить *Статья первая*).
10 ⟨сентября⟩. В субботу дослать кавказск⟨ому⟩ офицер⟨у⟩ 3 рубля.
У Григорьева — статью Кояловича и другую рукопись.
12 ⟨сентября⟩. К Ковалевскому.
14 ⟨сентября⟩. К Порецкому сходить.
15 сент⟨ября⟩. Польша и ее конфедерация. Через 3 недели ответ.
Пылины — через 2 недели ответ.
15 *сент⟨ября⟩*. «Пустозерск⟨ие⟩ фарисеи» — через 2 недели.
15 сен⟨тября⟩. [Об экономич⟨еской⟩ степени развития России].
Через неделю NB.
«Сила личности»
Бунаков «Браконьеры». } 2 недели
17 ⟨сентября⟩. Завтра утром — письма все написать.
Завтра приготовить и сдать печатать на август.
19 сентября. Отыскать *«Пустозерск⟨ие⟩ фарисеи».*
Завтра — подыскать повесть.

---

* Завтра же утром — *сбоку справа.*



СПИСОК ОЧЕРЕДНЫХ ДЕЛ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПО ЖУРНАЛУ «ЭПОХА», СОСТАВЛЕННЫЙ ДОСТОЕВСКИМ ДЛЯ ПАМЯТИ

Записная тетрадь, 1864—1865 гг.

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Исправить «Записки мирового посред⟨ника⟩» и политическ⟨ое⟩ обозрение.
Пересмотреть реестры августа месяца.//
Филиппову написать.
20 ⟨сентября⟩. Прил⟨ожение⟩ Петрова ⟨?⟩
Проверить etc насчет почтовой отправки.
22 ⟨сентября⟩.
«Сила личности» через неделю.
Долгомостьева статью.
Бунакова («Браконьеры») через 2 недели.
23 ⟨сентября⟩. Головачеву.
Об изданиях с Филипповым.
25 ⟨сентября⟩. (Елец!) Отправить № Островскому.//
25 ⟨сентября⟩. Соколовскому в Брянск.
27 ⟨сентября⟩. *Колошину непременно.*
1 октября. О способе отправки на почту книг журнала. Побольше аккуратности.
3 октября (болен). Головачеву написать, чтоб не торопился с политическим обозрением.
5 октября. Статью «Три наследника» *исправить* и пустить.
Письмо и деньги Бабикову.
6 ок⟨тября⟩. Отыскать письмо Калатузова.
Отыскать последний «Современник».
Колошину непременно.
О рукописи «Прихоть», данной для прочтения Григорьеву (в портфеле у Страхова).//
6-е ⟨октября⟩. От Щукина «*Пристрастные*» ⟨?⟩ через месяц.
«Поступление в студенты» (от Кошкарева, когда-нибудь)
«Греческие трагедии» (Сикевич) через 2 месяца.
Бунакова «Браконьеры» (через 2 недели).
«*Выкрест*» (через 3 недели).//
7 ⟨октября⟩. Об обертке для «*Мудреного дела*».
8 ⟨октября⟩. В «Зап⟨исках⟩ миров⟨ого⟩ посредник⟨а⟩» чтоб не было Смирнов.
Через неделю 18 числа октября Бунакову окончательный ответ.
«Кит⟨айская⟩ царевн⟨а⟩» окончательн⟨ый⟩ ответ.//
13 ⟨октября⟩. В *Уфу Лесничему* №. 16 октября.
16 *октябр⟨я⟩*. Справиться о 2-й и 3-й части «Из мрака к свету».
21 ⟨октября⟩. Ауэрбах (Бурдину). Справиться о письмах, которые надо написать.
24 ⟨октября⟩. Письмо и деньги *Ольге N.*
25 ⟨октября⟩. Отвечать *Лесовику.*
28 ⟨октября⟩. Отослать деньги «Токеа».
Спросить о статье г-жи Ауэрбах.//
29 ⟨октября⟩. *Лесная часть в набор.*
30 ⟨октября⟩. Отыскать письмо Круковской.
2 ноября. Список статьям в обеих типографиях и по скольку листов.
4 ноябр⟨я⟩. Зотову отвечать.
5 нояб⟨ря⟩. О двух подписчиках. «Мудреное дело». Сводку.
16 ⟨ноября⟩. Оттиски «Об уголовн⟨ых⟩ наказ⟨аниях⟩».
22 декабря.
Ответ Врангелю.
Ответ Головачеву.
Ответ С.
Ответ Зименко.
Ответ Ушакову.

Подробнее пересмотреть самые последние рукописи.
Бунакова переделать.
Цензорские пометки и цензорск⟨ая⟩ корр⟨ектура⟩ *Аверкиева.*
Статью Филиппова 2-ю часть пересмотреть и в набор.
Стрекалова пересмотреть.
О казаках пересмотреть.
Драма [к 6-му у] Булкина, к 6-му числу пересмотреть. //
31 декабря.
Справиться о выходящей бумаге.
О подписке на иностранные газеты и журналы справиться.
1 января ⟨1865 г.⟩ *написать.*
Врангелю.
Шидловскому.
Круковской.
Калатузову.
5 января — деньги *Колошину.* //

Отвечать.

2 февраля. Тургеневу.
Зименко.
Врангелю.
Шидловскому.
Шейну.
Чаеву.
Брату Андрею.

Деньги — Колошину.
» Бунакову.
» Гериху.
» Федорову. //

Адресы.

Зименко в Москву, его в⟨ысокоро⟩дию Николаю Павловичу Горбунову. Г-ну помощнику управляющего Удельной конторы.

На Пречистенском бульваре, в доме Удельной конторы с передачею Ардальону Васильевичу Зименко.

Балюра.

На Николаевской улице дом Мартьяновой. Близ Старообрядческой церкви. Тимофей Иванович Балюра (в этом доме гостиница Петрова).//

«Учитель» —1½		
«Переводн⟨ые⟩ науки»	8	
Милюков —3 листа	—3	
«Рим» —2½	—2½	
Ольги N —1¼	—1¼	
«Записки миров⟨ого посредника⟩» —2 л⟨иста⟩	—2¼	
Соколовского —1½	—1½	
«Монтаны» —2	—2¾	
Владисл⟨авлев⟩ —1½		
«Что делать?» —1½	—1½	
Летопис⟨ец⟩ —1	1¼	25
Наши отве⟨ты⟩ —1		
Григорьева —1		
«Нашн⟨и⟩ дом⟨ашние дела⟩» —2	2	
Полит⟨ическое обозрение⟩ —2	1	
Перев⟨одной⟩ ром⟨ан⟩ —6	6	
«Ап. Григ⟨орьев⟩» Аверк⟨иева⟩	1 лист	
Еще: Повесть —2½ листа		
Науки нужны.		

Июльский №

«Мудреное дело» —8 лист<ов>
«Токеа» —9 лист<ов>
Письмо Серова —1/2 листа
«Естеств<енные> науки» Страхова —1 1/2 листа
Григорьева. Григоров<ич> —2 1/2 л<иста>
«Ералаш». Фатеев [Филиппова] —2 листа
№. «Древние религии» (Ренана) —2 листа
Милюков —3 1/2
«Наши домашн<ие> дела» —2
Критика Солов<ьева> —1
[Моя —1 1/2]
Еще —1/2 листа

О театре —1/2 листа
Летописец —1 1/2

1) «Мудреное дело» —8

[М. Д.]

8 1) «Мудреное дело»
2 2) Филиппов
2 3) [«Древние религии» Р<енана>]
1 1/2 4) [Повесть В. Крестовского
1/2 5) [«Естеств<енные> науки» Страхова]
1/2 5) Письмо Серова
[6) Статья Соколовского]
1 6) Статья Соколовского
[7) О Григоровиче]
2 7) «Естеств<енные> науки» Страхова.
2 8) О Григоровиче [органич<еская> критика]
1 1/2 9) *Соврем<енный> роман (моя)*
1/2 10) Летописца
[1/2 11) Театраль]
2 12) [«Наши домашн<ие> дела»]
1/2 13) «Современнику»
9 14) «Токеа»
[1 15) Письмо орган<ического> крит<ика>//

Август

1) «Рим» —3 листа (cicero) 3
2) Милюков —3 1/2 листа 4
3) Владиславл<ев>
4) Соколовского —2 листа — прочь 2 1/2
5) Переводные науки 2 листа 2
6) Пов<есть> Крестовского — прочь 2
7) Филиппова —2 листа 2
Фатеева —2 листа 2
Ответ «Современн<ику>» (моя) —2 листа 2
Воспоминания Григорьева —2 листа 1 1/2
Григорьева. Орг<анического> критик<а> —1 лист
Летописца —1 1/2 листа 2
Владиславлева —2 листа
«Наши домашние <дела>» —2 листа

№. { Серова —1 1/2; Григорьева —1 лист; Аверкиева —1 лист } №.

«Из мрака к свету» —9

№. Колошина

Милюков —3 1/2 листа
«Рим» —2 листа
Филиппова —2 листа
Соколовского —2 листа
Переводн<ые> науки —2 листа
Владиславлев —2 листа
Фатеева —2 листа

1) «Мудреное дело» —8
2) Ренана —2,4
3) «Естеств<енные> науки» —2
4) [Пись] «Ералаш» —2,4
5) Теория безобр<азия> —1
6) Серова —1

Воспом<инания>
Григорьева —2
Прогрессист поручик <?>
—1½ листа
О писателях совр<еменных> (моя) —2 листа
Орг<анического> кр<итика> —1 лист
Летописец —1½
«Наши домашние дела» —2 листа
«Из мрака к свету» —9 листов//

Июль

«Мудреное дело» —8
Филиппова —2
«Древние религии» Ренана —2
[Письмо Серова]
«Естеств<енные> науки» —2

[«Рим»]
Письмо Серова —4
[Григорьева]
Теория безобразия —1½
Григорьева —3
Летописца —1½

Моя —1
Театр —1

«Наши домашн<ие дела>» —2
«Токеа» —9

Август

[Ольга N] —2
Филиппов —2
Мил<юков> —4
[«Р<им>» —3]
Фат<еев> —3
Вун<дт> —2
Моя —2
Аверк<иев> —1½
Лет<описец> —1½
Ор<ганического критика> —1½
«Дом<ашние дела>» —2
Полит<ическое обозрение> —3
«Из мрака к свету» —9

7) Григорьева —1¾
8) Летописец —1,2
9) Моя —4
10) Театр —1½
11) «Наши домаш<ние дела>» —2
12) «Токеа» —10
33,2

«Мудр<еное дело>» —8
Фил<иппов> —2
«Древн<ие религии>» —2
«Ест<ественные> науки» —2
Серова —1
Теор<ия> безобр<азия> —1½
Григорьев 3

1
1
2
9

24
9

33 листа

[Милюков]
Милюков —4
Ольга N —2½
[«Рим» —3]
[Милюк] 27
«Рим» —3 9/36 35½
Филиппов —2
Фатеев —3 33
О Вундте 2
[«Рим» —1½]
[Фатеева —2]
[Григорьев —1½]
Моя —2
Летописца —1½
Аверк<иев> —1½
Органич<еского критика> —1½
«Наши дом<ашние дела>» —2
Полит<ическое обозрение> —3
«Из мрака к свету» —9//

Г. Смуров
Ольга N
«Нежная мать, между двух огней» — я
[Август]

Июль
«Мудреное дело» — 8
[Филиппова — 2]
«Древние религии» Ренана — 2
«Ералаш». Фатеев — 3

Милюк⟨ов⟩ —4
«Рим» —3
Филиппов —2 листа
Перевод. нау⟨ки⟩ —2 листа я
Владисл⟨авлев⟩ —2 листа
Фатеев —3
Воспом⟨инания⟩ Гр⟨игорьева⟩ —2 я
Григ⟨орьев⟩ —1½
Моя —2½ листа
Летоп⟨исец⟩ —1½ листа
Остр⟨овский⟩ Аверк⟨иева⟩ —1½
«Наши дом⟨ашние дела⟩» —2
Полит⟨ическое обозрение⟩ —3
«Из мр⟨ака⟩ к св⟨ету⟩» —9 лист⟨ов⟩ 2-я Ред.
Органич⟨еского критика⟩ —1½

Милюков —4
«Рим» —3

Филиппов —2
Вун⟨дт⟩. Владиславлев —2

Повесть —3 листа
Григорьев —1½
Моя —2
Летопис⟨ец⟩ —2½ [? 1½]
Органич⟨еская критика⟩ —1½
Аверк⟨иев⟩ 1½
Н⟨аши⟩ дом⟨ашние дела⟩ — 2
Полит⟨ическое обозрение⟩ — 3
Из мр⟨ака⟩ к св⟨ету⟩ — 9
36

Письмо Серова — 1
«Естеств⟨енные⟩ науки» — 2
Григорьева — 2½
Соловьева — 1½
[Моя — 1]
Летописец — 1½
Моя — 1 лист
Театр — 1
«Наши домаш⟨ние дела⟩» — 2
«Токеа» — 9 листов
35

8 ⟨август⟩
«Мудреное дело» — 8
Филиппов — 2
«Древн⟨ие⟩ религ⟨нн⟩»
Рен⟨ана⟩ — 2

«Ест⟨ественные⟩ науки и
общее обр⟨азование⟩» — 2

«Ералаш» — 3
Серова — 1½
[Григорьев — 1½]
Соловьев — 1½
Григорьев — [1½] 3
Летописец — 2
Моя — 1
Театр — 1
Наши дом⟨ашние дела⟩ — 2
«Токеа» — 9
34 //

Сентябрь

1) «Из мрака к свету» — 8 листов
2) Институтки — 2¾
3) Плещеева — 3⅜
4) «Послушник» — 3½
5) Вундт — 4½
6) Политич⟨еское⟩ обозр⟨ение⟩ — 1¾
7) Полонского — [⅓] 5
8) Очерк из морской жизни — 2
9) » » » » 5
10) Ап⟨оллон⟩ Гр⟨игорьев⟩ Ст⟨рахова⟩ — 3
11) Моя о «Голосе» — 1¼
12) Внутр⟨еннее⟩ обозр⟨ение⟩ — 1¼
13) Аверк⟨иев⟩. Театр — 1¼
14) «Из фор⟨точки⟩» — 1¼
36½

Октябрь

1) [Аверкиев] Бабиков —7 листов
2) Аверкиева —8 листов
3) «Из мрака к свету» —7½

4) «Угол‹овные наказания›» Филиппова —2½
5) Соколов‹ского› —2
6) «Замет‹ки› летоп‹исца›» —1½
7) Внутр‹еннее обозрение› —1¼
8) Политич‹еское обозрение› —1½
9) «Из форточк‹и›» —1¼
10) О земских учрежд‹ениях› —1½
Владиславлев —1½ //

Ноябрь

Чаева —4½ [5½]
Бабикова —6½
Куно Фишера —2

Долгомостьева —1½
«Рионская долина» —1¼, ¼
Пекин —1
Соколовского —2½, ¼
Летописца —1
Владиславлева —1
Аверкиева —1
Зарубина —1
Внутр‹еннее› обозр‹ение› —1½, ¼
[Ст] «Из мрака к свету» —5½
Стихотворения — //

Но нет человека, который бы, читая о чашке, не понял, что это просто литературная выходка, может быть злая (аллегория и т. д.), но не прямо случившаяся лично, а только обрисовывающая известную степень его литературного настроения, а следств., и характер его полем‹ического› ответа, здесь желчный и личный. Сплетня, где выдумано и прилгано, а то ясные, правдивые слухи, в которых ничего нет бесчестного и кто прочтет мою статью *. Зато нет человека, который бы, прочитав слова «ракальи», «шваль», «плюнуть на вас» и «что докажет вам такая же дуракова плешь»,— не принял этого прямо, что вы прямо ругаетесь и ругательствами отстаиваете свои литературные мнения. [К это] Обе вещи далеко не то же самое. А кстати об авторе. Вот ваши отговорки. Это смешные отговорки. Он уверяет, что это то же самое.

(Мальчик прибить хочет насмерть в школе.) И однако ж, милостивый государь, [вот] я-то вот только три страницы пишу, а вы мне на эти 3 страницы ровно *60* страниц [отвеч] пишете. Если бы мальчик только ‹?› бил, к чему бы так много прудить **. Не так это все у вас выходит. Действительно, вы похожи на мальчиков, не сердитесь, пожалуйста.

Сами же признались в такой гадости (без убеждений), а ведь это все оттого, что вы думаете, что в вас публика *влюблена*. Тем-то вы и смешны, что думаете до сих пор, что вы владыки и представители науки и общ‹ественного› мнения. Не замечаете своего падения. Это очень комично. Шиши. Тьер. Я более самолюбив, чем вы думаете. И он спрашивает меня, отчего вы то-то и то-то. Наивный вы человек. //

Разжалобить.

Нет-с, меня с этой стороны знают хорошо, и вам тут ничего не сделать. Если ж вы думаете, что уж вы так добили меня, то ведь это опять шиши в беспредельное пространство.— Уверяю вас, что вы нам еще много чести придаете, что пишете по 50 страниц на 3 —

* а следств. ∽ прочтет мою статью — *сверху над словом:* настроения.
** Если бы ∽ прудить — *сверху над словами:* ровно 60.

NB Наивный человек оправдывается тем, что их подшпиговывает.

Положим, оно и выражает и идет к ним, но как, скажите, говорить и писать: обер-шиш господин Пыпин?

Может быть, оно даже и идет, но как сказать частному человеку: ты шиш, выговорить, напр⟨имер⟩: редакт⟨ор⟩ «Сов⟨ременного⟩ обозр⟨ения⟩»— шиш г. Пыпин или это маленький шиш? или крошечный шишик с гражданской слезой такой-то*. Это мерзость, как бы ни было метко это прозвище. Ни за что я их не стану называть обер-шишами,— от гражданских слез у них болят глаза, и все они с красными слезливыми глазами, точно в насморке.

Я, положим, согласен, что стена и чашка — резки но, однако ж, он литературным образом обокрал меня (беззастенч⟨иво⟩).

Final. Над вами только можно смеяться или шутить, но говорить с вами серьезно нельзя, неприлично.

Тут перо дрожит и слюни на губах.

Это и должно было тем кончиться, дальше уж им нечего говорить; они кончили, как кончали все баричи. Потому что это баричи (quelques gentilhommes qui se sont occupés de la litterature **). Белая Арапия — барская затея. А с Белой Арапией все сказано, дальше некуда,— в безвоздушное пространство. [Когда] Это остатки прежнего либерализма, имевшего свой исторический склад, но совершенно отжившего и присутствующего еще в огромной массе отживших людей, ходячих трупов, свободных от земли, отставших и никуда не приставших, которые представляют из себя вялое, пошлое поколение наших шатающихся даром лишних людей. Теперь наступают совсем другие идеи, идеи почвы, единства, неразрыв⟨ной⟩ связь сделать с народом.

Они только еще зарождаются, но те уже чуют их и проклинают. //

Вы не выносите убеждений вам противоположных?

Что нами скверно сделано, то так и скажем, что скверно сделано. Мы честны, мы прямы, мы лгать не хотим-с, а не лгать теперь это, знаете,— подвиг.

Вы на него не решитесь.

Человек, когда узнает свой интерес, перестанет и т. д.

Прекрасная *фраза*. Но тут-то именно забыт ответ на ясно поставляющийся сам собою вопрос: что такое свой интерес и в чем он состоит.

Они разом решили: всеобщее материальное богатство.

Этот [вопрос] пункт у них бесспорный и даже не требует разрешения. В Белой Арапии это поставлено идеалом. Для этого нужно было всем смириться и согласиться жить в обществе, весьма похожем на муравейник.

Но так как они предчувствовали, что им возразят: что человек не согласится столько пожертвовать — то они прямо ударились в нигилизм и стали отрицать человека: чувство, душу, религиозность, искусство, свободу — все — отрицать как мальчики, не давая никаких решений и следст⟨венно⟩ только шиши в беспредельное пространство. //

Щедрин о вислоухих прислуживателях, но главное он не подозревал. что написал на «Современник» же.

Стрижи. И назвать то вы не умели остроумнее. Стрижи *** ровно ничего не означают в том смысле, в каком вам бы хотелось. А вам, очевидно, очень хотелось. Вот и ракальями, швалью — вы браниться умеете, но ведь это вовсе не остроумие, но недостаток аргументов ****. Jupiter — и хоть вы не Юпитеры.

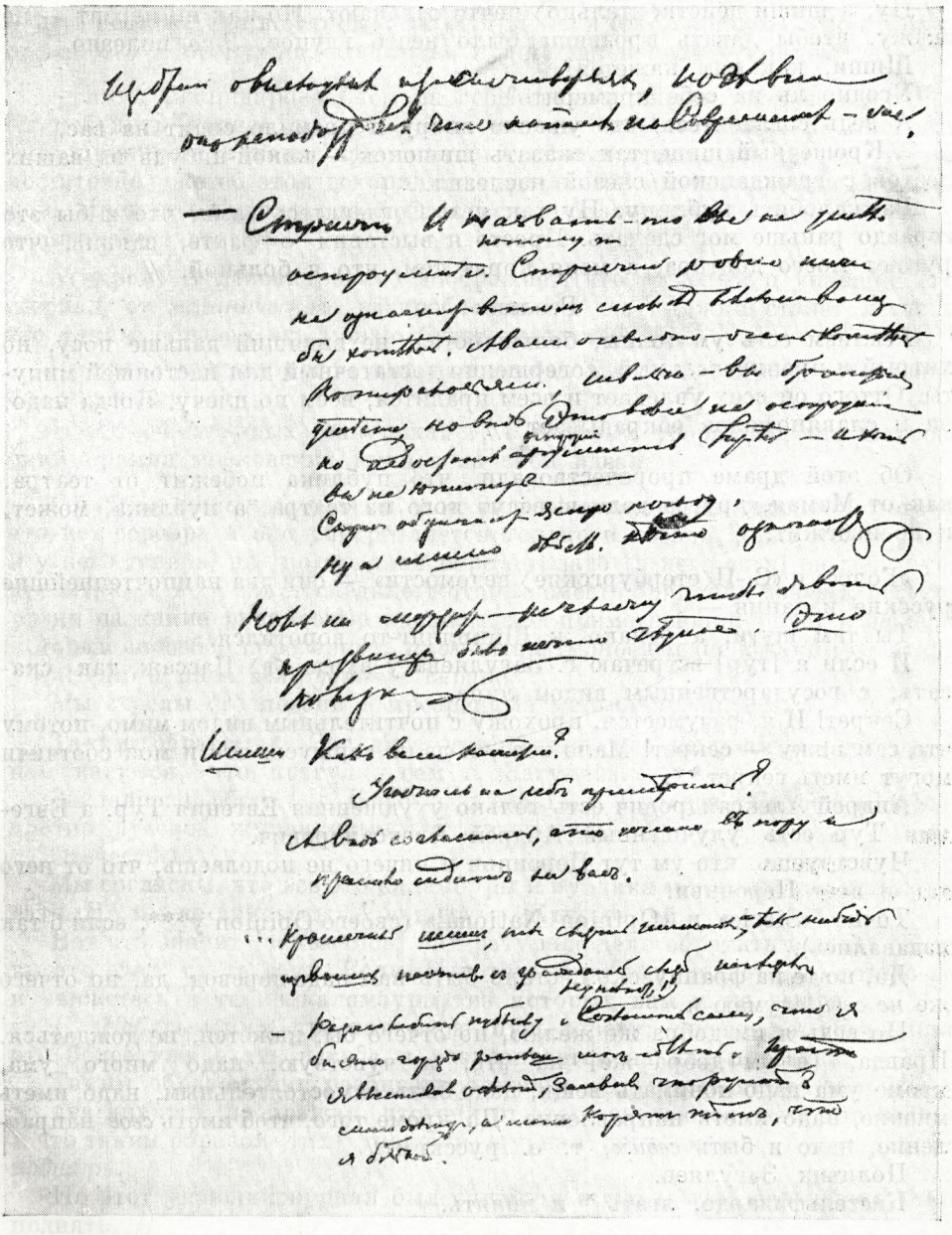
---

* Или ∽ слезой такой-то — *сверху над словом:* Пыпин

** Несколько господ, занятых литературой (*франц.*).

*** *Над строкой:* потому же

**** *Над строкой:* остроумия



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К ПОЛЕМИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ ПРОТИВ САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Записная тетрадь, 1864

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Стрижи обозначают ясную погоду.

Ну, а шиши действ⟨ительно⟩ нечто означают. Но как ни мерзит — не скажу, чтобы давать прозвища было нечто глупое. *Это* полезно.

Шиши, как вам кажется?

Угодно ль на себе примерить?

А ведь согласитесь, что ужасно впору и премило сидит на вас.

...Крошечный шиш, так сказать шишонок,— какой-нибудь из ваших поэтов с гражданской слезой наслезил.

Разжалобить публику. Ну так нет! Согласитесь сами, что я бы это гораздо раньше мог сделать. Просто я выставил о факте, заявив, что ругают моего доктора, а меня корят тем, что я больной. //

Реализм

Реализм есть ум толпы, большинства, не видящий дальше носу, но хитрый и проницательный, совершенно достаточный для настоящей минуты. Оттого он всех увлекает и всем нравится, всем по плечу. Когда надо, он и славянофилов обкрадывает*. //

Об этой драме пророчествовали, что публика побежит от театра, как от Мамая, другое дело выведут кого из театра, а публика, может, и не побежит. //

«Голос» и «С.-П⟨етербургские⟩ ведомости» — сии два наипочтеннейшие русские издания —

Ты там шути, а однако ж Шпирлинг-то воротился.

И если я [тур] встречаю г. Загуляева у входа ⟨в⟩ Пассаж, так сказать, с государственным видом лица.

Секрет! И я, разумеется, прохожу с почтительным видом мимо, потому что сам вижу — секрет! Мало того, я даже горжусь, что и мои соотчичи могут иметь секрет**.

Андрей Александрович есть только ухудшенная Евгения Тур, а Евгения Тур есть улучшенный Андрей Александрович.

Чувствуешь, что ум тут Персиньи и ничего не поделаешь, что от него так и веет Персиньи.

Точно «Siècle» и «Opinion National» (своего Opinion'у***, если б так издавались).

Да, но те на французском, стало быть нам надо перевод, да, но отчего же *не свои*, думаю я.

Но ведь я им добра же желаю, но отчего бы, кажется, не дождаться. Правда, [я им добра же] на это, я чувствую, надо много ума, кроме ума надо понимать вещи, надо быть самостоятельным, надо иметь мнение, надо иметь направление. Да кроме того, чтоб иметь *свое* направление, надо и быть *своим*, т. е. русским. //

Политик Загуляев.

Кастельфидардо, лгать × и вилять.

×мы, конечно, не позволили бы себе употребить такое резкое слово, если б на всей этой лжи не лежало того оттенка совершенно детской невинности, который характеризует ложь, сказанную в первом детском возрасте, [и] не лишенную даже детской грациозности.

Но всего смешнее, когда они начнут: мы предсказывали, мы смотрим на претензии принца Аугустенбурга, или недалеко с этим уедет Тьер... Или Шлиммер Шнапс, министр княжества Зигхарственкера, воротился в Эшен. Да вам-то, вам-то что до этого за дело? Вы-то тут при чем. Из чего

* *Эта запись относится к замыслу статьи «Наши направления» (см. стр. 234).*

** *Над строкой:* быть в секрете

*** opinion — мнение (*франц.*).

вы горячитесь, хлопочете, узнаете, волнуетесь, вы просто играете в «Теймс» или в «Opinion National», потому что у вас, во 1-х, никакого опиньона и быть не может, [а во-вторых, вы не при чем и дело с концом], а во-вторых, от вас его и не нужно, просто не нужно, да и дело с концом*.

Афимья Скапидарова сломала себе ногу. Кажется, этот пример мог бы побудить хозяев наших домов чинить свои лестницы, но прогресс туго проникает в наши национальные обычаи, несмотря на то, что мы достаточно уже об этом говорили и недаром же мы называем себя Европой. Протест о Скапидаровой прекрасен и благороден, но ведь [выраже] написано же это //

А⟨ндрей⟩ А⟨лександрович⟩ воображает, что тяжелый и упавший его журнал от *механического* раздробления на две книжки станет легче и что таким образом его можно будет легче *поднять*.

Принц Августенбург — высокая особа. Датский вопрос, достодолжное уважение.

В «От⟨ечественных⟩ зап⟨исках⟩», в которых уверялось, что Островский принял московских купцов за свой идеал.

Серебром лишь побряцал он, т. е. он хоть и не бряцал серебром, потому что нет серебра и оно употребляется только в поэзии, даже может быть и у него теперь, но [по крайней мере но] зато [у него есть] он действует кредитками, но и сии последние, которые вместо бряцания издают, несмотря ни на какие финансовые кризисы, тот приметнейший хруст и шелест, который способен перевернуть *иное* литературное сердце к каким хотите** убеждениям иное *сотрудничье* сердце.

Мы стрелы ⟨?⟩ поэзии и презренный металл презираем. //

Таким образом г. Загуляев утверждает, что загулял корректор, а нам кажется, что подгулял сам г. Загуляев.

Заглавие: [Собств.] [г. Краевск. в собств. г. Краевск.] Голос в «Голосе» против русской журналистики и литературы.

Отечествен.

Мы согласны, что все это каламбуры и публика может на нас подосадовать. Но мы не виноваты. А виноват г. Краевск⟨ий⟩.

Вот что значит [занимаясь] литературное дело обратить в делà. [Если вы это сдел. пусть всяк. Если] Как только вы это сделаете, то тотчас же и ввяжетесь в такие каламбуры, из которых вам и не выдти.

Г. Боборык⟨ин⟩, проехав свою путь-дорогу, дошел до убеждения, что более уже ехать *некуда* и раздваивается на два проселка.

Таким образом они разбивают тяжелые «От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩» на две книжки, воображая, что они от этого сделаются *легче* для чтения и что таким образом [их] упавший журнал легче можно будет [легче] *поднять*.

Но этот упавший журнал был слишком *тяжел*, чтоб его можно было поднять. //

А что такое «Голос»? Прихвостень.

Пусть бы [это] статьи писал какой-нибудь наш политик вроде г. Загуляева и проч. или г. Краев⟨ский⟩, которому за делами некогда заняться литературой. Тогда можно еще простить, но очевидно писал эту статью не литератор, человек с делом не знакомый и грубо не понимающий того, о чем пишет.

Насчет Тургенева «Зап⟨исок⟩ охот⟨ника⟩» отзыв «Голоса».

---

* *Первоначально:* Ну точно большие играют в «Теймс» или в «Opiniol National». Между строк: говорим — так настоящие, большие. И издают — как большие.

** *Над строкой:* к стопам каких угодно

Г. Краевский за делами не успел заняться литературой. Мы г. К⟨раевско⟩му вовсе и не ставим этого в упрек. Смешно было бы утверждать, что всякий, кто * не литератор, дурной ** человек. Можно быть очень честным человеком и ровно ничего не смыслить в литературе ***.

Зато он человек, делал дела ****. То же самое случилось и с г. Краевским, и мы вовсе не теряем от этого надлежащего к нему уважения.

Да и что такое Кастельфидардо и Каталафими, что их не знать бесчестье. Эка важность!

Г. Краевский написал объявление.

Г. Краевск⟨ий⟩ издает теперь «Голос» против ***** русской литературы, т. е. я вовсе не хочу теперь сказать этой фразой, что он издает «Голос» (т. е. газету «Голос») в ущерб русской литературе (хотя впрочем [оказывается гол] по совести говоря, помещая такие ****** объявления действительно [от] издает [свой] ******* «Голос» в ущерб русской литературе). Нет, я хочу сказать в эту минуту, что // господин Краевский издает свой собственный натуральный голос в ущерб русской литературе. (А впрочем и ненатуральный «Голос» ведь тоже «собственный» «Голос» г. Краевского.) Одним словом, он издает два голоса в ущерб русской литературе. Ну что ж, он хоть и в ущерб русской литературе издает голос (натуральный), но этим самым он делает хоть и не дело, но зато дела,— но уметь обделывать свои дела, разумеется, дело, а не пустяки. Таким образом, не делая *дела*, он делает дело и обратно. Фаворизир⟨ованный⟩ человек. Одним словом, он обделывает свои делишки и довольно с вас. Ему, видите ли, надобно, чтоб на журналы не подписывались, и вот он издает свой натуральный голос в своем ненатуральном «Голосе», что не надо подписываться на журналы.

Таким образом и натуральный голос становится ненатуральным, хотя впрочем ******** вовсе не «Голосом». Черт возьми, опять запутал.

Таким образом, в объявлении об «Отечественных записках» помещается в сущности хвала «Голосу» и о порицании «Отечественных зап⟨исок⟩» и [тем] вместе с тем это объявление в «Голосе» служит в то же время объявлением к подписке на «Отечеств⟨енные⟩ записки», и в этом объявлении говорится, что журнал ********* вздор, подписываться не стоит, а надо подписываться на «Голос». Одним словом, тут столько каламбуров.

Хоть и не дело, но зато дела, и это принимает за дело. Таким образом, не делая дело, а делая дела, он делает дело, и это дело выходит вовсе не дело и, как нам кажется, не поможет ему [уст] обделать его дела.

[Что говорит дело уверен что] что [ж.] обделает этим не делом свои дела [которые и считает за дело, хотя все это, повторяю, вовсе не дело. Одним словом тут], выходят какие-то каламбуры и загадка, которую и Краевский задает публике, вроде je suis ce que je suis ********** и посмотр., н⟨а⟩прим⟨ер⟩, это объявление (объявление)

И потом — таким образом выходит, что [в «Голосе» поселился голос]

Ну, и в одном «Голосе» ненатуральном помещается другой голос натуральный, в ненатуральном натуральный голос, который помещается совсем впрочем ненатурально. Ну и довольно. Устал.

---

* *Над строкой:* ровно, нич

** *Первоначально:* пустой

*** *Первоначально:* не быв литератором

**** Зато он человек, делал дела — *над строкой.*

***** *Над строкой:* в ущерб

****** *Над строкой:* [впрочем он]

******* *Над строкой:* [газету]

******** *Над строкой:* ненатуральным

********* *Над строкой:* на «От. Зап.»

********** Я — то, чем я являюсь (*франц.*).

Подает натуральный голос против литературы.
Голос его от этого становится ненатуральным, но вовсе не обращается в ненатуральный «Голос», т. е. в газету «Голос», хотя и помещается в газете «Голос» *.
Один собственный его голос, а другой тот «Голос», в котором помещается его собственный голос в ущерб русской литературе. //

Остригла волосы и избегает родительской власти.
Следующий мне гонорарий.
И в пику ей, чтоб наказать ее гласностью.
Офицер и нигилистка. Гоф-фурьер, почтовая марка.
Рубль серебром.
Направление в Басковом переулке. Газета «Волос».
Голенькая ножка.
Застрелись.
Русский заграницей теряет употребление русского языка и русских мыслей.
О итальяне, итальянке.
О муже, съеденном крокодилом.
Говорит крокодил.
Говорит муж оттудова.
Газета «Весть».
Надо д⟨ействовать⟩ через Управу благочиния.
с женою и свояченицею.
Не могу продолжать моей службы отечеству.
Пенсию. Содержатель крокодила хочет получать пенсию лежебокой. Или чины.

Эпиграмма на [одного] баварского полковника.

Я лечу лечу обратно,
Я хочу упасть назад.
Так на свете все превратно,
Нынче шах, а завтра мат.

Формулярный список русских литераторов.
Основание Вавилона.
Росс
не рос
не вырос
Россий
Евпраксий **
О итальянах и итальянках
Скажи зачем ты так разорил.
Или за то, что ошень рано
Во мне все ошень рано убил
Твой холод очень рано меня убил ***⟨...⟩ //

[Освободитель]

	2000
	1500
Итого	3500
Да еще в году на	3000
	6500

* Подает ∽ в газете «Голос» — *сбоку слева.*
** Росс ∽ Евпраксий — *сбоку слева.*
*** О итальянах ∽ убил — *сбоку справа.*

[Рейслер Пантелеевой —3000]
Ян‹варь› — 260
Чемод‹ан› — 60
Вранг‹елю› — 150
Хозяину — 100
За вещи — 150
Эм‹или› Фед‹оровне› —150
На вещи — 50
[еще за вещи — 50] actif —1500
Мне на жизнь — 250 +300
Итого —1170 1800
Экон‹омия›— 110
1060

700 на долги
Рейслер —150
Благоева —150
Фили‹ппов› — 50
Пантелеевой —243 2
Соловьеву — 75
668
Аверк‹иев› —100 [720]
768

Если Far., то заплатить:

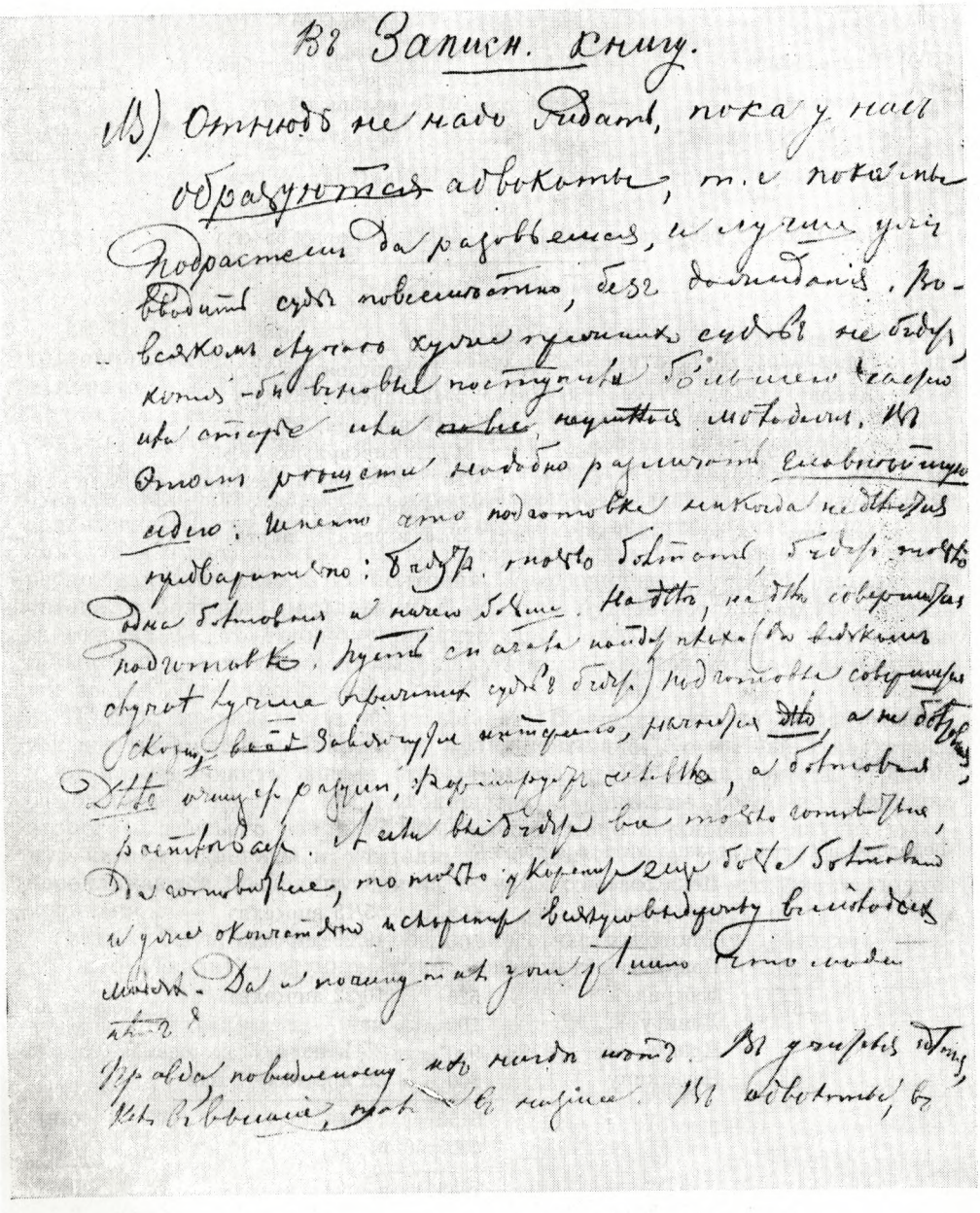
Рейслер — 300
Евреинову — 114
Лескову — 150
Аверкиеву — 250
Соловьеву — 125
Филиппову — 75

Бабикову — 250
Куканову — 200
Потехину — 200
Печаткину — 300
Демису — 100
Гинтерлах — 500
Проценты —1000
3564
3564
Благоева — 150
3714
Жизнь —2500
Итого 6214 //

Подробный счет всем долгам.

Векселя просроченные, уплата по предъявлению:

Благосветлову	— 250	25/4 мар‹та› 64 ‹г.›
Покровской фабрике	— 49 р. 40 к.	1/10 мар‹та› 64 ‹г.›
Покр‹овской› фабрике	—1352	1/10 фев‹раля› 64 ‹г.›
Покр‹овской› фабрик‹е›	— 413	1/10 март‹а› 64 ‹г.›
Покр‹овской› фабрик‹е›	— 700	1/11 март‹а› 64 ‹г.›
Працу	— 720 90 к.	22 ф‹евраля›/4 март‹а› 64 ‹г.›
Працу	— 468 р. 75 к.	от 13 ф‹евраля› 64 ‹г.›
Працу	— 574	12/22 м‹арта› 64 ‹г.›
Гинтерлах	— 500	24/6 марта
Итого	*5477* 5 к.	



СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ ДОСТОЕВСКОГО 1864—1865 гг.
Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Срочные векселя

	Рейслер	— 300	5 июля / 15 окт‹ября› 64 ‹г.›	863
				814
[100]	Пантелеевой	— 743 50	11 июля / 25 ок‹тября› 64 ‹г.›	1100
	Печаткину	— 263 94	16/26 ноября 64 ‹г.›	1777
				500
	Покров‹ской› фабрике	— 300	5/15 янв‹аря› 65 ‹г.›	2777
				1500
	Покров‹ской› фабрике	— 300	10/22 янв‹аря› 65 ‹г.›	2377
		1907 46		

Транспорт 1907 р. 46 к.

Евреинову	— 114	1/12 янв‹аря›/65 ‹г.›
Лескову	150	2/12 янв‹аря›/65 ‹г.›
Бабикову	250	2/12 янв‹аря›/65 ‹г.›
Куканову	300	12/22 янв‹аря›/65 ‹г.›
Гинтерлах	500	26 генв‹аря›/5 февраля ‹18›65‹г.›
Бабикову	300	22/4 март‹а›/65 ‹г.›
Потехину	300	25 фев‹раля›/7 марта

Итого, всех долгов *по векселям*:

5477
7059
1100

Итого 13636
На слово 2150
15786 //

Федорову в Оренбург заплатить в январе.//

252	Покр‹овской›			
200	фаб‹рике›	552	5/15 апр‹еля›	
100	Гинтерлах	500	19/29 апр‹еля›	
126	Покр‹овской›			
678	фаб‹рике›	526	10/22 апр‹еля›	
	Демису	100	май	
	Працу	900	25/4 июля	
	Печаткину	660	26 апр‹еля›/7 мая	
		5152		
		+1907,46 к.		
		7059,46 к.		

1500
300
1800

[Из 1500]— 700 Если отдать [600] 700, *3200 недостает*
[300] 600
2500
3800 //

Долги на слово

Аверкиеву	—400
Порецкому	—600
Вас. Оф.	—400
Филиппову	— 75
Чаеву	—250
Соловьеву	—125
Полонскому	—300
	2150

Да еще Базунову по векселю 1100 //

В Записн⟨ую⟩ книгу

NB. Отнюдь не надо ждать, пока у нас *образуются* адвокаты, т. е. пока мы подрастем да разовьемся, а лучше уж вводить суды повсеместно, без дожидания. Во всяком случае хуже прежних судов не будет, хотя бы в новые поступили большею частию или старье или [повсе] неумелая молодежь. В этом решении надобно различать *главнейшую* идею: именно что подготовка никогда не делается предварительно: будут только болтать, будет только одна болтовня и ничего больше. На деле, на деле совершится подготовка! Пусть сначала пойдет плохо (во всяком случае лучше прежних судов будет), подготовка совершится скоро: [войд] завяжутся интересно, начнется *дело*, а не болтовня. *Дело* очищает разум, формирует человека, а болтовня растлевает. А если вы будете все только готовиться, да готовиться, то только укорените еще более болтовню и уже окончательно искорените всякую выдержку в молодых людях. Да и почему так уж решено, что людей нет?

Правда, по-видимому, их нигде нет. В учителя — нет, как в высшие, так и в низшие. В адвокаты, в// судьи тем паче. Но мы еще переживаем и не можем дожить совсем старые порядки. Куда же денется страшно обедневшее и не при чем находящееся дворянское сословие, особенно второго и третьего разряда? Безденежье скоро доконает и научит выходу: явятся адвокаты и учителя, а покамест они переговариваются и перекликаются по-французски на земских сходках. Но это уже последние могикане...

Может быть, всеобщее-то обеднение отчасти и пользу принесет. Правда, кто говорит,— и множество мошенников образуется. //

По 3 руб.

1-ые 10 номеров по $3^1/_2$ листа — $\frac{7}{2}$ $4801 = \frac{960}{7}$ $\frac{4}{1}$

137	— 2		23		960	7
1370	27		3		7	137
2			69		26	
2740	54		12		21	
2			81		50	
5480	108		120		49	
	12		201	печать и бумага		
	120	бумаги	9	брошюр⟨овка⟩		
			210	публик⟨ация⟩		
			16			
			225			
			25	авт⟨орам⟩		
			250			

10 номеров — 38 ном⟨еров⟩ по 2 листа 2400 27
Остальные 2500 4800 54
номера по 5700 6000 13
2 листа 8200 8000 67 бумага

печать 47
113
120 брошюров⟨ка⟩
15 публик⟨ация⟩
135
15 авт⟨орам⟩
150

1-е полгода 4600
весь год 8000
3000 экзем⟨пляров⟩
по 2,60 7800
След., 3000 экз⟨емпляров⟩
окупают издание
Экономии 7150
С долгом 6150
1000 за роман
отдельн⟨о⟩ 5150
С займов 4500

Возможность экономии вместо 6000 — при небольшой удаче печатать 4000, тогда бумага для 1-х 10 экземпляров 81 и потому 27 руб. экономии да в брошюровке и в авторе 10

Итого 37.

Эконом⟨ии⟩ положим 35. Итак, каждый номер при эконом⟨ии⟩ 215 и 10 номер⟨ов⟩ 2150.

Затем, при 4000 экземпл⟨ярах⟩

2400	27	130	1300
4800	54	30	4
4200	48	3900	5200
			500

Печать 46
Брош⟨юровка⟩ 5 да 1-е 10 2150
Публ⟨икация⟩ 15 7150
66
48
114
16 7150 //
130

Итого до 1-го № — 100 подписч⟨иков⟩//

К 1-му января	—100	100	
После 1-го номера	—200	200	После 1-го № — 200
После 2-го номера	—200		после 2-го № — 400
Из Моск⟨вы⟩	—100		
Из пров⟨инции⟩	—100		
После 3-го номера	Петерб⟨ург⟩	150	после 3-го № — 350
	Москва	100	
	провин⟨ция⟩	100	
		350	
После 4-го номера	Петерб⟨ург⟩	150	после 4-го № — 350
	Москва	100	
	провин⟨ция⟩	100	

После 5-го номера	Петербург	150	после 5-го №	— 350
	Москва	100		
	провин‹ция›	100		
После 6-го	Петерб‹ург›	100	» 6-го №	— 250
	Москва	50		
	пров‹инция›	100		
» 7-го	Петер‹бург›	50	» 7-го №	— 200
	Москва	50		
	пров‹инция›	100		
» 8-го №	Петерб‹ург›	—	» 8-го №	— 150
	Москва	100		
	провин‹ция›	50		
» 9-го №				200
» 10-й №				200
И потом всего в году				600
				3350

Если 4000 подп‹исчиков›, то сбору [10], 10, 400

Долгу в типограф‹ии›	1500
Роман	1000
Сэкономить на 1000 экз‹емплярах›	1000
Занять	1000
	4500

да 1400 больш. 5400//

Журнал в 6 печатных листов в 2 недели.

480 6 80 2 р 70 330
80 800 27 3 6
5 5 1980
4000 135 Итак, бумаги 135 р.

Печать	— 6	Печать	138 р.
	23	Брошюровка и обертка	15 р.
	138	Публикация	15
		Автор‹ам› для 1-х 6 номер‹ов› по 25 р.	
		Итого	328

Остальные 18 №-ров — 303
Каждый №, кроме авторов — 170
автор 473
475
6
2850

Итого, 1‹-е› шесть ном‹еров›

по 330	1980 или 2000
10 № по 475	4750
6 № по 475	2850
	9580
	10000

по 5		по 6
4750		5700
2		2
9500		11400
5700		
3	7100	11400
17100		2850
		14250 //

Подписка по 6 листов

До выхода 1-го №— 100 подп. Итого 100

После 1-го № Петерб⟨ург⟩ — 100
Из Москвы — 50
Из провин⟨ции⟩ — 100 250

После 2-го № Петерб⟨ург⟩ — 100
Москва — 50
Из провин⟨ции⟩ — 100 250

После 3-го № Петерб⟨ург⟩ — 100
Москва — 50
провинц⟨ия⟩ — 100 250

После 4-го № Петерб⟨ург⟩ — 50
Москва — 25
провинц⟨ия⟩ — 50 [9]135

После 5-го № Петерб⟨ург⟩ — 50
Москва — 25
провинц⟨ия⟩ — 40 115

После 6-го № Петерб⟨ург⟩ — 40
Москва — 20
провин⟨ция⟩ — 40 100

Во весь год — 400 400

1600 1600
5700 ⟨?⟩
2850
475

9025 ⟨?⟩

12 № по 3½ листа

960 7
7 137
26
21
50
49

1350— 27
2700— 54
5200—108
15
123

123 бумага
80 печать
20 брош⟨юровка⟩ и публикация
223

40 по 150 27
250

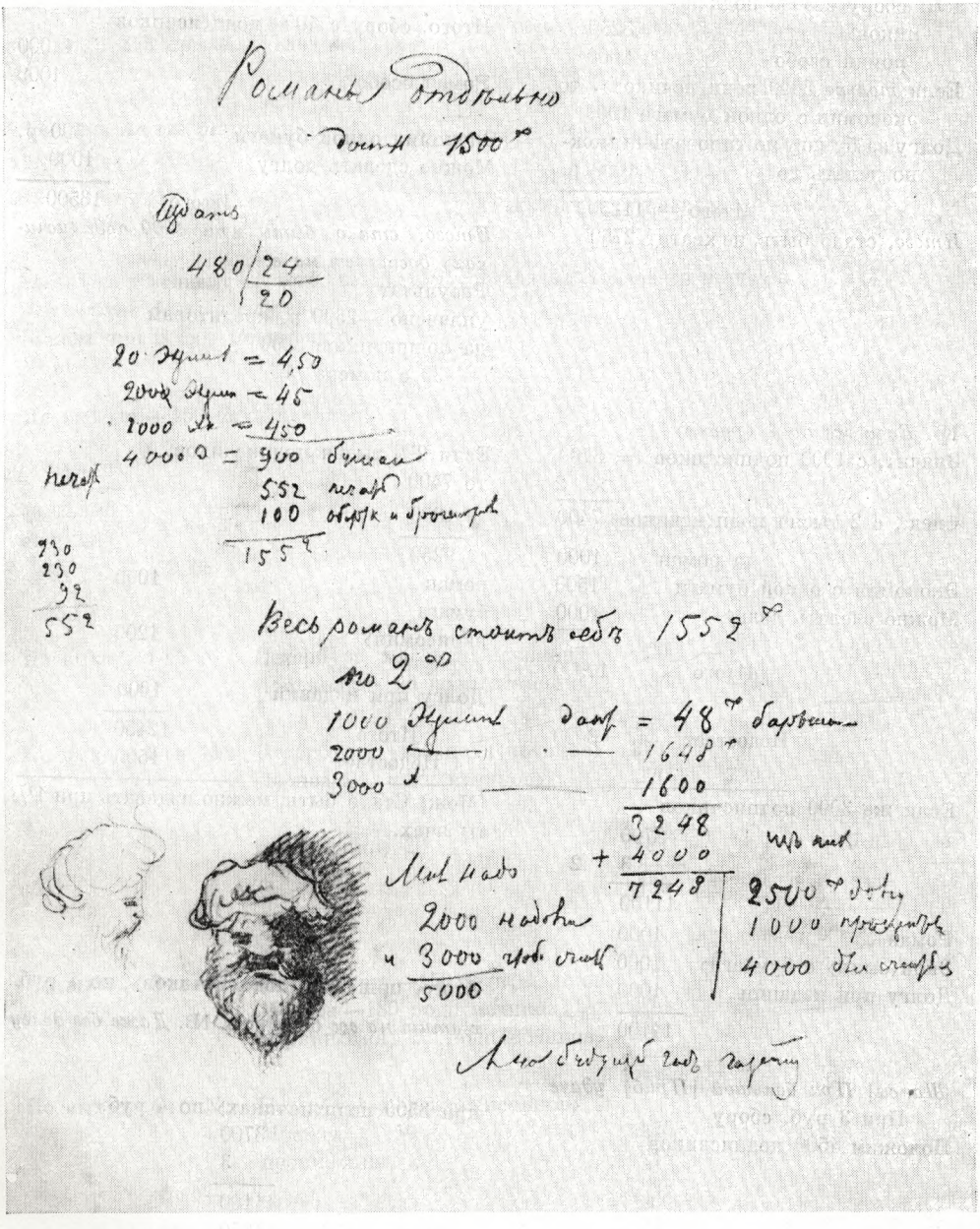
2400 27
4800—54
14
68 бум 114 150 №

12 № по 250 = 3000
40 № по 150 = 6000

Итого, стоимость издания от 8 до 10 000 — [8250 сб] *по 3 руб.* — 2750 [тысяча] экземпляров

3
8250

3000 подп⟨исчиков⟩ могут окупить издание.
[Если же по 4 До]
Средств при 3000 подписчиков:



ПОДСЧЕТЫ РАСХОДОВ ПО ЗАДУМАННОМУ ДОСТОЕВСКИМ ПЕРИОДИЧЕСКОМУ ИЗДАНИЮ «ЗАПИСНАЯ КНИГА»

Записная тетрадь, 1865

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

passif мне надо в год всего 14000 р.
actif сбору с 3000 подп⟨исчиков⟩ 8250
роман особо 1000
Если *только* 3000 подп⟨исчиков⟩, то экономии с одной бумаги 1000
Долгу за бумагу по типографии можно делать до 1000 р.
Итого — 11250
Итого, стало быть, не хватит 2750

Если 4000 подписчиков, то 2750 × 4=11000
Итого, сбору с 4000 подп⟨исчиков⟩ 11000
Роман особо 1000
Экономия одной бумаги 500 р.
Можно сделать долгу 1000
Итого 13500
Итого, стало быть, при 4000 подп⟨исчиках⟩ достанет на все.
Результат
уплачено —2500 р. кредиторам
да подписчиков 3000
30 с номера //

NB. *Если же по 4 ⟨рубля⟩*
Значит, с 1000 подписчиков = 3700
× 2
След., с 2 тысяч подп⟨исчиков⟩ 7400
да роман 1000
Экономия с одной бумаги 1500
Можно сделать долгу 1000
Итого 10900
Недостает 3000

Если $2^1/_2$ тысяч подписчиков,
то 7400
1850
9250
роман 1000
бумага
экон⟨омия⟩ 1200
Долгу при издании 1000
Итого 12450
Недостает 1500

Если же 3000 подписчиков
3700
3 2
11100
Роман 1000
Экон⟨омия⟩ с бум⟨аги⟩ 1000
Долгу при издании 1000
14100

[Мож] Стало быть, можно издавать при $1^1/_2$ тысячах.

Итого, при 3000 подп⟨исчиков⟩ по 4 руб. *хватит на все* слишком. NB. *Даже без долгу*

Шансы] *При большой* [*Приб*] *удаче*
При 3 руб. сбору
Положим 4500 подписчиков

2750
4
11000
1375
12375

при 3500 подп⟨исчиках⟩ по 4 руб.
3700
3
11100
1850
эконом⟨ия⟩ 500
роман 1000
14450 хватит на все
с лишком без долгу
Можно напечатать еще на
1000 автору
при 4000 же тысячах по 4

Роман 1000 3700

Эконом‹ия› 4 14000 на все

Итого, 13375 при 4500 подписчиков 14800 2300

+ ром‹ан› 1000

1300 *автору*

Хватит на все без долгу. экон‹омия› 500

1000 на долги

Итого 16300

Результат: отдано долгу —3500

4000 подписчиков //

Весь успех зависит от того, как будут составлены 1-е шесть номеров.
Как можно более известий.
Шансы при 3 ‹р.› подписки
№ по 250

До выхода — 150 под‹писчиков› 270 / 135 405

Стоит 250

еще 250

250 — 2 №

250

По выходе 1-го № Петербург 100 подп‹исчиков› 270 27
провинция 20 подп‹исчиков› 54 324 7

324 189

По выходе 2-го № Петербур‹г› 150 подп‹исчиков› 270 27
Москва 100 подп‹исчиков› 270 729 8

214

провин‹ция› 20 189 270 4

729 24 64

30

По выходе 3-го № Петерб‹ург› —150 подп‹исчиков› 270
Москва —180 подп‹исчиков› 270 635
провин‹ция› 20 подп‹исчиков› 135

635

По выходе 4-го № Петербург 100 подп‹исчиков›
Москва 50 270
провин‹ция› 30 214 484

484

5‹-го› № Петерб‹ург› — 60 270
Москва — 35 67 337
провин‹ция› — 30

5

6-го № Петерб‹ург› — 40
Москва — 25 243 243
пров‹инция› — 25

7-го № Петерб‹ург› — 30
Москва — 20 189 189 //
пров‹инция› — 20

9-го №	Петерб⟨ург⟩ — 25		
	Москва — 20	162	162
	пров⟨инция⟩ — 15		
10-го №	Петерб⟨ург⟩ — 25		
	Москва — 20	175	175
	пров⟨инция⟩ — 20		
	65		
11-го №	Петерб⟨ург⟩ 30		
	Москва 25	214	214
	пров⟨инция⟩ — 25		
12-го №	Петерб⟨ург⟩ — 30		
	Москва — 30	243	243
	провин⟨ция⟩ — 30		
13⟨-го⟩ №	Петерб⟨ург⟩ — 25		
	Москва — 20	214	214
	провин⟨ция⟩ — 35		

Остальных номеров — до 1000 в году.

Итого — 540
250
180
125
90
70
70
60
65
80
90
80
1700
1000

2700 104 //

Проект «Записной книги» без подписки.

По 6 печатных листов в 2 недели.

3 листа «Записной книги».

3 листа романа.

Pagination suivie *

NB. Итак, всего будет 6 листов в месяц.

Полная книга, *первая* будет в *36* листов в шесть месяцев.

Роман же прилагается с особым *pagination*.

Расчет

480	6	Цена		Итак		
48	80	80— 2	70	бумага	— 81	
		800—27		печать	—138	
Печать		2400—27		обертка	— 10	
23		3		брошюр⟨овка⟩	15	
6		81		объявл⟨ение⟩	15	
138				Итого	259	260

Итак, каждый выпуск по 6 листов —260. Итак, каждый выпуск в 3 листа — 150

* пагинация сплошная (*франц.*).

А по 3 листа — 1600 — 27
14
41 бумаг⟨а⟩
69 печать
10
Брош⟨юровка⟩ 10 145 150 //
Объяв⟨ление⟩ 15

По 6 листов [260 себе]*
по 40 к. —32

1000 экзем⟨пляров⟩ —320 р.— 60 барыш в 2 недели [в] } с 1000
2000 » —640 р.—120 барыш в месяц }

А с 2000 экземпляров
120
640
760 в месяц
6 ⟨в⟩ 3 ⟨месяца⟩
4560 в полгода барыша

160 —
2280 в три месяца
1020
3300

Если 2000 170
2 —340 в месяц
340 3
1020 //

Романы отдельно**
достать 1500 р.

Издать
480 24
20

20 экземпл⟨яров⟩ — 4,50
200 экземпл⟨яров⟩ — 45
2000 эк⟨земпляров⟩ —450
4000 900 бумага
552 печать
100 обертка и брошюровка
1552

230
230
92
552

Весь роман стоит себе 1552
по 2
1000 экземпл⟨яров⟩ дают 48 барыша
2000 » » 1648
3000 » » 1600
3248
4000 Из них
7248 2500 р. долгу
1000 процентов
4000 для житья

---

* *На листе рисунок Достоевского: женская голова.*
** *На листе рисунок Достоевского: две головы стариков.*

Мне надо
2000 на долги
и 3000 чтоб жить
5000
А на будущий год газету. //

При 4-х рублях подписки.
Стоимость издания себе до 9000.
Шансы при *значительном* успехе
До выхода 1-го № —200 подп‹исчиков›

370
2 --740
740

После выхода 1-го № Петерб‹ург› — 150 под‹писчиков›
Москва — 70 подп‹исчиков› — 740
провинц‹ия› — 30 подп‹исчиков› — 185 925
250 925

После выхода 2-го № Петерб‹ург› — 150 740
Москва — 80 185 962
провинц‹ия› — 30 37
260 962

» » 3-го № Петерб‹ург› — 150 подп‹исчиков›
Москва — 80 962 962
— 30
260

По выходе 4-го № Петерб‹ург› — 150
Москва — 70 925 925
пров‹инция› — 30
250

5-го № Петерб‹ург› — 100
Москва — 50 703 703
провинц‹ия› — 40
190

6-го № Петерб‹ург› — 70 370
Москва — 40 185 555
пров‹инция› — 40 555
150
1460 //

По выходе 7-го № Петерб‹ург› — 40
Москва — 30 370 370
провин‹ция› — 30
100

По выходе 8-го № Петерб‹ург› — 25 —370 4
Москва — 20 36 92 278
10
провин‹ция› — 30 8
75

По выходе	9-го №	Петерб⟨ург⟩ —	20			
		Москва —	10	185		185
		провин⟨ция⟩ —	20			
			50			
По вых⟨оде⟩	10 №	Петерб⟨ург⟩ —	20			
		Москв⟨а⟩ —	10	185		185
		провин⟨ция⟩ —	20			
			50			
»	» 11 №	Петерб⟨ург⟩ —	20			
		Москва —	10	185		185
		провин⟨ция⟩ —	20			
			50			
»	» 12 №	Петербург —	25			
		Москва —	15	185		
		провин⟨ция⟩ —	90	37		222
			60	222		

И потом в продолжение года 500 подп⟨исчиков⟩ 385

1460

1845

500

2345 //

В случае *весьма* значит⟨ельного⟩ успеха

300	300	До выхода 1-го № — 250 под⟨писчиков⟩ —925—925					
200	200	По выходе 1-го №	Петерб⟨ург⟩ — 150 под⟨писчиков⟩				
120	120						
50	50		Москва — 70				
370	370		провин⟨ция⟩ — 40	—962	—962		
			260				
300		250	по выходе 2-го №	Петерб⟨ург⟩ —200 подп⟨исчиков⟩			
150		150					
50		50		Москва —	80	370	
500		450		провинц⟨ия⟩ —	40	3	
					320	1110	1184
						74	
						1184	
200		170	по » 3-го №	Петерб⟨ург⟩ —	150		
150	Моск⟨ва⟩	100		Москва —	80	962	
50	пров⟨инция⟩	40		провин⟨ция⟩ —	40	37	999
400		310			270	999	
150		120	по » 4-го №	Петерб⟨ург⟩ —	120		
100		70		Москва —	60	370	
60		50		провинц⟨ия⟩ —	40	2	
310		240			220	740	814
		1670				74	
						814	

100	90	5-го №	Петерб⟨ург⟩ —	90	370	
70	60		Москва —	40	185	592
60	50		провинц⟨ия⟩ —	30	37	
230	200			160	592	
90	70	6-го №	Петерб⟨ург⟩ —	70	370	
50	45		Москва —	35	111	481
60	45		провинц⟨ия⟩ —	25	481	
200	160			130		
60	60	7-го №	Петерб⟨ург⟩ —	60		
30	30		Москва —	30	370	444
60	50		провинц⟨ия⟩ —	30	+ 74	
2160				120	444	
=150	140			1730 //		
500						

	50	По вых⟨оде⟩ 8-го №	Петерб⟨ург⟩ —	50	370	
	30		Москва —	25	37	407
	40		провинц⟨ия⟩ —	35	407	
	120			110		
	40	9-го №	Петерб⟨ург⟩ —	40		
	30		Москва —	20	370	370
	40		провинц⟨ия⟩ —	40		
	110			100		
Пе⟨тербург⟩	40	10-го —	Петерб⟨ург⟩ —	40		
	25		Москва —	20	370	333
	35		провинц⟨ия⟩ —	30	?37?	
	100			90	333	
	40	11-го	Петерб⟨ург⟩ —	40	370	
	25		Москва —	20	37	315
	35		провинц⟨ия⟩ —	25	16	
	100			85	55	
	40	12-го	Петерб⟨ург⟩ —	40		
	30		Москва —	25	333	333
	30		пров⟨инция⟩ —	25		
	100			90		
	530	500 за весь год.				
Итого	1670					
	500					
	530					
	500					
	3200					
	1730					
	475					
	+ 500					
	2705 //					

Если же по 3 р. при весьма значитель⟨ном⟩ успехе
До выхода 1-го № 300 под⟨писчиков⟩

11› выходе	1-го №	Петерб‹ург› —	250	250	300
					470
		Москва —	150	150	700
		пров‹инция› —	50	70	625
					500
			450	470	475
»	2-го №	Петерб‹ург› —	300	350	425
		Москва —	200	250	325
		пров‹нция› —	50	100	260
			550	700	4080
					750
»	3-го №	Петерб‹ург› —	250	300	500
		Москва —	150	175	5330
		пров‹инция› —	50	150	1300
			450	625	
»	4-го №	Петерб‹ург› —	200	225	
		Москва —	120	150	
		пров‹инция› —	60	125	
			380	500	
»	5-го №	‹Петербург› —	150	200	
		Москва —	100	125	
		пров‹инция› —	70	150	1150
			320	475	
»	6-го №	Петерб‹ург› —	150	175	
		Москва —	70	100	
		провпн‹ция› —	70	150	
			290	425	
»	7-го №	Петерб‹ург› —	100	125	
		Москва —	50	45	
		провин‹ция› —	70	125	
			220	325	
»	8-го №	Петерб‹ург› —	90	100	
		Москва —	50	60	
		провин‹ция› —	70	100	720
			210	260	
»	9-го №	Петерб‹ург› —	90		
		Москва —	50		
		провин‹ция› —	***70***		
			210		
»	10-го №	Петерб‹ург› —	80		
		Москва —	40		
		провин‹ция› —	60		
			180		
»	11-го №	Пет‹ербург› —	80		
		Москва —	40		
		провпн‹ция› —	60		
			180		

По выходе 12-го № Петерб⟨ург⟩ — 80
Москва — 40
провин⟨ция⟩ — 60

180 750

500

2700 Итого 1300
4 1150
10800 720
1350 750
500
12150 4420 //

Газета в $1^1/_2$ листа без приложений, а роман отдельно

Целый год = 5000

По 2 лист⟨а⟩ 2400 27
4800 54 бум⟨ага⟩
Печать 46
Брош⟨юровка⟩
н публик⟨ация⟩ 20

120 6000 в год
в Петербурге — 1000
в Москве — 500 2700
в пров⟨инции⟩ — 500 2700
2000 5400

20 4
200 40
2000 400
4000 800

по 2

Печать 500
1000—1600
100 еще 1000—1600 //
1400

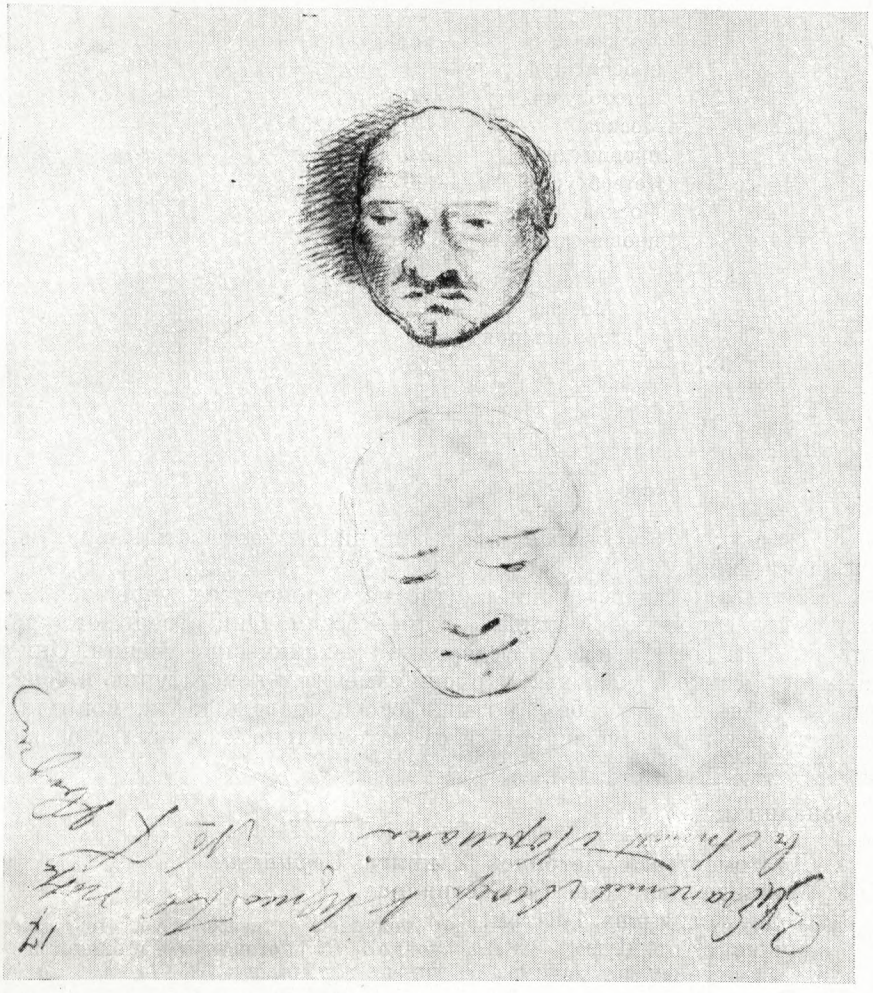
Проект газеты в 2 листа в неделю без приложения.

Бумага: 2400— 27
4800— 54
— 9

45 бумага
46 печать
20 брошюровка и публикация
10 непредвид⟨енные⟩ расходы
120 каждый № стоит.
50
6000

Всего газета стоит в год 6000

2700 [5400]
2700
1350
6450



РИСУНКИ ДОСТОЕВСКОГО В ЕГО ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ, 1864—1865 гг.
Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

2300 подписчиков окупают издание.

До выхода 1-го №	50 подп⟨исчиков⟩		
По выходе 1-го №	Петерб⟨ург⟩	— 50	
	Москва	— 20	90
	провин⟨ция⟩	— 20	
2-го №	Петерб⟨ург⟩	— 70	
	Москва	— 30	120
	провин⟨ция⟩	— 20	
3-го №	Петерб⟨ург⟩	— 80	
	Москва	— 30	120
	провинц⟨ия⟩	— 10	
4-го №	Петерб⟨ург⟩	—100	
	Москва	— 40	150
	провин⟨ция⟩	— 10	

5-го №	Петерб⟨ург⟩	— 80	
	Москва	— 40	140
	провин⟨ция⟩	— 20	
6-го №	Петерб⟨ург⟩	— 60	
	Москва	— 40	125
	провин⟨ция⟩	— 25	
7-го №	Петерб⟨ург⟩	— 40	
	Москва	— 25	95
	провин⟨ция⟩	— 30	
9-го №	Петерб⟨ург⟩	— 30	
	Москва	— 15	85
	провин⟨ция⟩	— 40	
10-го —		60	
11		50	
12		40	
И всех остальных		400	
около		1600 //	

[В статью: «*Наши направления*. Западники, славянофилы и реалисты»]// Славянофилы.

Славянофилы не верят ни в одно из европейских учреждений, ни в один вывод европейской жизни — для России. Они отвергают и конституционные, и социальные, и федерально-механические учения. Они верят в начала русские и уверены, что они заменят и конституцию и социализм сами из себя, нося в себе зародыши своей правды, и уж, конечно, имея право так же жить и развиваться самостоятельно, как жил и развивался самостоятельно Запад. //

Западники*. //

У Долгомостьева Летопись 2 книги *Софийские*.
У Майкова два тома (4) Устрялова.
У Коли Устрялова 1-й том.
Аверкиев «Кот Мур»

На Васильевском остр., 2-я линия дом Буха. //

За Египетск⟨им⟩ мост⟨ом⟩ к Измайлов⟨скому⟩ полку в аптеке Нормана — № 7 квартира. //

На Петербургской стороне, дом 1-й Военной гимназии. Кадетск⟨ий⟩ корпус, 1-ый подъезд от Большого проспекта. Восп⟨итанник⟩ Федорченко.//

КОММЕНТАРИИ

Стр. 201. Отсюда и до конца книжки содержание записей связано с подготовкой к печати, редактированием и изданием журнала «Эпоха», единоличным редактором которого Достоевский оказался после после смерти брата. В письмах Достоевский рассказывает о напряженной работе по изданию журнала. Например, в письме к А. Е. Врангелю он сообщал, что на издание каждой книги журнала объемом в 35 листов он имел в среднем всего по 16 дней («Письма», I, стр. 396—403). В письме к Тургеневу 14 декабря 1864 г. Достоевский пишет: «Сижу день и ночь, езжу, пишу, корректую, вожусь с типографиями и цензорами и проч. ⟨...⟩ Никогда я еще не был в такой каторге, как теперь...» (там же, стр. 380—381).

Стр. 201. *21 авг⟨уста⟩ 1864 г. Memento, Григорьеву дал для прочтения рукописи...*— А. А. Григорьев (1822—1864) был ближайшим сотрудником «Времени» и «Эпохи», одним из главных теоретиков «почвенничества».

---

* *Под этим заголовком записи нет.*

ИГРАЛЬНЫЙ ЗАЛ КУРЗАЛА В ВИСБАДЕНЕ
Гравюра, 1850-е годы

Стр. 201. *...Кояловича.* — Очевидно, речь идет о профессоре духовной академии, историке и публицисте М. И. Кояловиче (1828—1891), который в газете «День» (1864 г., №№ 14—29) публиковал лекции по истории западной России. В «Эпохе» статьи Кояловича не появлялись.

Стр. 201. *22 августа*: *Написать*: *Колошину.*— С. П. Колошин (1822—1869), писатель славянофильского толка, связанный с «молодой редакцией» «Москвитянина». Ап. Григорьев в письме к М. П. Погодину причисляет Колошина вместе с Е. Н. Эдельсоном, Б. Н. Алмазовым и Л. А. Меем к кругу «наших коренных», видит в нем «силу». Колошин сотрудничал в «Эпохе», где были напечатаны его статьи «Рим, папа и Антонелли» (1864, № 3), «Иезуиты и их уложения» (1864, № 6). В 1864 г. Колошин был в Италии, итальянские впечатления и послужили ему материалом для этих статей.

Стр. 201. *Серову.*— Композитор А. Н. Серов; его статьи о музыке печатались в «Эпохе». См. также стр. 192, 198.

Стр. 201. *Тургеневу*, *Островскому.*— Письмо к А. Н. Островскому датировано 24 августа («Письма», т. I, стр. 376). В этом письме Достоевский просит драматурга помочь журналу своими произведениями. Очевидно, Островский ответил согласием, так как 19 сентября Достоевский снова писал Островскому и благодарил его за обещание (там же, стр. 377). Вероятно, с такой же просьбой Достоевский хотел обратиться или обращался к Тургеневу, но писем не сохранилось.

Стр. 201. *Ап. Григорьеву написать.*— В это время Григорьев находился в заключении в долговой тюрьме.

Стр. 201. *О переводчике с английского для «Токеа».*— Роман Ч. Сильсфильда «Токеа, или Белая роза» печатался в «Эпохе» (см. стр. 192). Деньги за этот перевод были уплачены Гериху 29 октября.

Стр. 201. *24 августа. О Филиппова статье.*— Очевидно, речь идет о статье Филиппова «Об особых родах гражданского судопроизводства» («Эпоха», 1864, № 10).

Стр. 201. *О задатках и Ласенере.*— Речь идет о нашумевшем в 30-е годы деле преступника Пьера Франсуа Ласенера (1800—1836). Материалы процесса были напечатаны во «Времени», 1861, № 2, с редакционным предисловием, автором которого был Достоевский. О психологических задатках преступника он писал следующее:

«В предлагаемом процессе дело идет о личности человека феноменальной, загадочной, страшной и интересной. Низкие инстинкты и малодушие перед нуждой сделали его преступником, а он осмеливается выставлять себя жертвой своего века» (XIII, 525).

Стр. 201. *...с Пантелеевым ∞ Филипповым.*— Очевидно, речь идет о работниках типографии. Филиппов — доверенное лицо, он получал деньги, следуемые типографии за набор и печатание журнала.

Стр. 201. *...о нумерации «Мудрена дела».*— Роман Н. Д. Ахшарумова «Мудреное дело» печатался в «Эпохе», №№ 5, 6, 7. См. стр. 193, 197.

Стр. 201. *Об объявлениях об «Эпохе».*— Текст объявления был помещен в «Эпохе», 1864, № 8 (цензурное разрешение 22 октября 1864 г.).

Стр. 201. *О повести Крестовского.*— Очевидно, Достоевский хотел получить новую повесть Вс. Крестовского. В «Эпохе», 1864, №№ 1—2, печатался отрывок из «Петербургских трущоб» Вс. Крестовского под названием «Ерши».

Стр. 201. *25 августа. ...«Прежде и теперь» Савича, еще: «История билета в ложу» Луганьян...*— Такие произведения не появлялись в «Эпохе».

Стр. 201. *...о векселе Мошарскому (Демис)...*— Достоевский постоянно кредитовался у Мошарского (Демиса) и регулярно выплачивал ему крупные суммы (Приходо-расходный журнал по изданию «Эпохи».— ЛБ). 8/20 мая 1871 г. Достоевский писал В. И. Губину: «Много я надавал векселей, между прочим (сейчас после смерти брата) одному Демису; этот Демис пришел ко мне (этот Демис доставлял брату бумагу) и умолял переписать векселя брата на мое имя и давал честное слово, что он будет ждать сколько угодно. Я сдуру переписал. Летом 65 года меня начинают преследовать по векселям Демиса и еще каким-то (не помню)» («Письма», II, стр. 359).

Стр. 201. *Статью о Петре 3 дать Порецкому.*— Статья о Петре III в «Эпохе» опубликована не была. А. У. Порецкий — номинальный редактор «Эпохи» после смерти Михаила Михайловича Достоевского. См. о нем письмо Достоевского Тургеневу 20 сентября 1864 г. («Письма», I, стр. 378), а также настоящий том, стр. 194—196.

Стр. 201. *26 ⟨августа⟩...Тиблену...*—Т. е. в типографию Тиблена.

Стр. 201. *К Веселаго съездить объясниться.*— Ф. Веселаго, член Цензурного комитета, с которым Достоевскому в это время неоднократно приходилось иметь дело. См., например, письмо Достоевского к Веселаго 23 августа 1864 г. («Письма», I, стр. 375).

Стр. 201. *Спросить Аверкиева о продолжении Серова.*— Первая часть статьи А. Н. Серова «Музыка, музыкальная наука, музыкальная педагогика» была напечатана в «Эпохе», 1864, № 6, вторая появилась только в № 12.

Стр. 201. *Прочесть Колошина о литературе по польскому вопросу.*— Такая статья С. П. Колошина в журнале не появилась.

Стр. 201. *№. Завтра же составить объявление в «Голос»...*— Объявление о выходе седьмой книжки «Эпохи» (цензурное разрешение 19 сентября) появилось в «Голосе». № 269, 29 сентября.

Стр. 201. *Рукопись Кояловича, данная Григорьеву.*— См. стр. 235.

Стр. 201. *...Благосветлов.*— О каком Благосветлове идет речь, установить не удалось. Благосветлову систематически выплачивались разные суммы, в одном случае указано, что выплачивается по счетам. Очевидно, это расходы по изданию журнала.

Стр. 201. *«Наши браконьеры».*— Произведение Н. Бунакова «Наши браконьеры» напечатано в «Эпохе», 1864, № 12.

Стр. 201. *Неклюдова, ∞ Луганьян, ∞ Торчинскому.*— Статьи и повести этих авторов не появились в «Эпохе».

Стр. 201. *29⟨августа⟩. О прошении Горского.*— П. Н. Горский, беллетрист, сотрудник журнала «Эпоха». В «Эпохе», 1864, №№ 1—2, был напечатан рассказ его «Бедные жильцы. В больнице и на морозе». Достоевский, живший тогда в Москве, прочитав первую книгу журнала, так писал о рассказе Горского: «„Бедные жильцы“: статья Горского мне очень понравилась. В защиту на все нападения на Горского можно сказать, что это совсем не литература и с этой точки глупо рассматривать, а просто *факты* и полезные» («Письма», I, стр. 352). В другом письме неделей позже: «Статья Горского производит здесь некоторый эффект. Это любят. Голая дескать правда, а публика — младенец» (там же, стр. 356). В том же 1864 г. вышли сатирические очерки и рассказы Горского в двух частях, куда вошли и очерки, опубликованные в «Эпохе». Книга эта пользовалась большим успехом, и отзывы о ней появились во всех журналах: «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения» и др.

Пять писем Горского Достоевскому с сентября 1864 г. по январь 1865 г. напечатаны в сб. «Достоевский и его время». Л., 1971, стр. 255—267.

Стр. 201. *Говор⟨ить⟩ с Будаевским...*— Будаевский держал корректуру в «Эпохе». См. также стр. 180.

Стр. 201. *«Песни о женщинах»...*— В «Эпохе» не появились.

Стр. 201. *1 сентября ∞ «История одного еврея». «Дети корчмаря».*— В «Эпохе» напечатаны не были.

Стр. 202. *Завтра быть в Обуховской...*— В Обуховской больнице, в психиатрическом отделении, находился в это время Горский. Достоевский навещал его.

Стр. 202. *...у Гаевского...*— В. П. Гаевский (1826—1880), литератор, один из основателей и руководителей Литературного фонда.

Стр. 202. *Головачеву письмо и деньги.*— А. А. Головачеву за политическое обозрение. По кассовым книгам Головачев получал деньги 4 сентября, 23 октября и 27 ноября 1864 г.

Стр. 202. *Собрать завтра утром материалы для статьи: ответ «Современнику».*— Для статьи «Необходимое заявление», напечатанной в «Эпохе», 1864, № 7.

Стр. 202. *4 ⟨сентября⟩. Статью Аверкиева в типографию...*— Статья Д. В. Аверкиева «Значение Островского в нашей литературе (Письмо к редактору „Эпохи“)», за подписью «Один из почитателей Островского», напечатана в «Эпохе», 1864, № 7.

Стр. 202. *«Политическое обозрение»...*— Появилось в «Эпохе», 1864, № 8.

Стр. 202. *5 ⟨сентября⟩. Островскому отвечать.*—Хотя запись сделана 5 сентября, но ответ А. Н. Островскому с благодарностью за обещание пьесы Достоевскому удалось написать только 19 сентября («Письма», I, стр. 377).

Стр. 202. *Страхова статью «Заметки летописца» в типографию.*— Статья напечатана в «Эпохе», 1864, № 7.

Стр. 202. *№ 36 «Д⟨ня⟩» ответил о кафедрах «русского духовенства».*— Очевидно, имеется в виду статья М. Ю—на «Из деревни» в №№ 34—36 славянофильской газеты «День». В № 36 от 5 сентября проводится любимая мысль Достоевского о необходимости связи интеллигенции с народом на почве национальной общности: «без живого сочувствия и содействия простого, сельского русского населения русскому образованному человеку для внутренней русской жизни делать уже нечего»,— пишет автор и продолжает: «*образованные русские люди* и *крестьянство* — суть две единственные силы, которые только и могут двигать нашу *внутреннюю* общественную жизнь вперед. Пока они разъединены, и, еще страшнее, пока они враждебны, внутренняя жизнь стоит нема и неподвижна. Она только мертвит и бьет все, что просит света и свободы. Представить их соединенными и идущими рука об руку,— это представить идеал такого социального величия, перед которым закружилась бы голова, даже и у отъявленного фурьериста».

Стр. 202. *7 ⟨сентября⟩. С Аверкиевым о Бабикове.*— В «Эпохе», 1864, №№ 10—12, печатался роман К. И. Бабикова (1841—1873) «Глухая улица».

Стр. 202. *Заголовок статьи Григорьева (Григорович).*— Статья Ап. Григорьева, напечатанная в «Эпохе», 1864, № 7, названа «Отживающие в литературе явления. Д. В. Григорович».

Стр. 202. *15 сент⟨ября⟩. «Пустозерские фарисеи»...*— «Пустозерские фарисеи» в «Эпохе» не появлялись.

Стр. 204. *Исправить «Записки мирового посред⟨ника⟩» и политическое обозрение.*— Отрывки из записок мирового посредника за подписью Вл. Нарпенского были напечатаны в «Эпохе», 1864, № 8 и 1865, № 2. Автор записок — Поливанов. «Политическое обозрение».— «Эпоха», 1864, № 8.

Стр. 204. *«Сила личности»....*— Такой статьи в «Эпохе» нет.

Стр. 204. *Долгомостьева статью.*— Очевидно, речь идет о статье И. Г. Долгомостьева «Заметки по истории книжного (школьного) просвещения в России», напечатанной в «Эпохе», 1864, №№ 8 и 11, за подписью: Иван Григорьев.

Стр. 204. *25 ⟨сентября⟩. Соколовскому...*— Очевидно, автору «Записок следователя», печатавшихся в «Эпохе», 1864, №№ 3, 5 и 11.

Стр. 204. *1 октября. О способе отправки на почту книг журнала. Побольше аккуратности.*— Страхов в своих воспоминаниях свидетельствует о том, что «беспорядок в хозяйственной части, в рассылке журнала, в скором и точном удовлетворении подписчиков» «необыкновенно вредил делу». Об этом говорилось даже в объявлении о подписке на 1865 г.

Стр. 204. *3 октября (болен). Головачеву написать, чтоб не торопился с политическим обозрением.*— В «Эпохе», № 8, вышедшем в последней декаде октября 1864 г., напечатано «Политическое обозрение», возможно, запоздавшее в № 7. Тогда понятно, почему не надо было торопиться с новым обозрением для № 9.

Стр. 204. *5 октября. Статью «Три наследника» исправить и пустить.*— Такой статьи в «Эпохе» нет.

Стр. 204. *6 ок⟨тября⟩. Отыскать письмо Калатузова.*— В. Калатузов напечатал в «Эпохе» статьи: «Монтаны» (1864, № 8) и «Очерк быта и верований скопцов» (1865, № 1).

Стр. 204. *8 ⟨октября⟩. В «Зап⟨исках⟩ миров⟨ого⟩ посредник⟨а⟩ чтоб не было Смирнов.*— Очевидно, автор «Записок» Поливанов хотел подписать их псевдонимом Смирнов, за этой подписью в «Эпохе», 1864, № 12, напечатаны его очерки «Из старинной бывальщины. I. Майданы. II. Полотенце. III. Меркулыч». Этот псевдоним был почему-то нежелателен для Достоевского, и «Записки» были подписаны Вл. Нарпенский.

Стр. 204. *16 октябр⟨я⟩. Справиться о 2-й и 3-й части «Из мрака к свету».*— Перевод романа Ф. Шпильгагена «Из мрака к свету» печатался в «Эпохе», 1864, №№ 8—12, 2-я часть — № 9, 3-я — в № 10.

Стр. 204. *21 ⟨октября⟩. Ауэрбах (Бурдину).*—Черновик очень резкого ответа актеру Ф. А. Бурдину, упрекавшему Достоевского в том, что в статье Ап. Григорьева были допущены нападки на его личность, датируется ноябрем — декабрем («Письма», I,

стр. 390—392). Достоевский утверждает, что в статье Григорьева насмешки относятся лишь к плохой игре Бурдина, а не к его личности.

Стр. 204. *24 ⟨октября⟩. Письмо и деньги Ольге N.*— Повесть Ольги N (С. В. Энгельгардт) «Лиза» напечатана в «Эпохе», 1864, № 8.

Стр. 204. *28 ⟨октября⟩. Отослать деньги «Токеа».*— Очевидно, переводчику романа Сильсфильда — Гериху.

Стр. 204. *29 ⟨октября⟩. Лесная часть в набор.*— Никаких статей на тему о лесе в «Эпохе» не появлялось.

Стр. 204. *30 ⟨октября⟩. Отыскать письмо Круковской.*— А. В. Корвин-Круковская (1847—1887) — писательница, впоследствии — участница Парижской Коммуны, напечатала в «Эпохе», 1864, № 8, «Сон» и в № 9 повесть «Михаил» за подписью Ю. О—ва. См. письмо Достоевского с оценкой этих повестей («Письма», I, стр. 381—382).

Стр. 204. *16 ⟨ноября⟩. Оттиски «Об уголовн⟨ых⟩ наказ⟨аниях⟩».*— Очевидно, речь идет об оттисках статьи О. Филиппова «Об особых родах гражданского судопроизводства», напечатанной в «Эпохе», 1864, № 10. Достоевский всюду в наметке планов номеров именует эту статью «Об уголовных наказаниях».

Стр. 204. *Ответ Врангелю.*— Ответ Врангелю так и не был написан ни в декабре, ни в январе, ни в феврале, хотя напоминания о необходимости ответить Врангелю датированы еще 1 января и 2 февраля. Из-за занятости работой по изданию и редактированию журнала Достоевский написал Врангелю только в конце марта — первой половине апреля. В этом письме Достоевский пишет: «Можете ли Вы мне поверить, Александр Егорович, что в эти 3 месяца после Ваших обоих писем, и особенно после второго, при котором мне больно стало от мысли, что Вы обо мне подумаете — можете ли Вы мне поверить, что я ни одной минуты буквально не мог уделить, чтоб отвечать, и оттого молчал до сих пор?» («Письма», I, стр. 398—399).

Стр. 205. *Цензорские пометки и цензорск⟨ая⟩ корр⟨ектура⟩ Аверкиева.*— Очевидно, речь идет о статье Д. В. Аверкиева «По поводу самокритики двух петербуржцев», печатавшейся в «Эпохе», 1864, №№ 11 и 12.

Стр. 205. *Статью Филиппова 2-ю часть пересмотреть и в набор.*— Очевидно, речь идет о второй статье О. Филиппова «Системы русских исправительных наказаний», опубликованной в «Эпохе», 1864, № 2; первая же статья «Об особых родах гражданского судопроизводства» была напечатана в «Эпохе», 1864, № 10, с указанием «Продолжение следует». В журнале допущена опечатка: в № 10— М. Филиппов, в № 2 — О. Филиппов.

Стр. 205. *Стрекалова пересмотреть. О казаках пересмотреть.*— Ни такого автора, ни статей на такую тему в эти месяцы в журнале не появлялось.

Стр. 205. *Драма Булкина, к 6-му числу пересмотреть.*— Драма Булкина в «Эпохе» не печаталась.

Стр. 205. *Шидловскому.*— Иван Николаевич Шидловский (1816—1872) был в 1839 г. большим другом Достоевского, оказавшим «самое благодетельное влияние» на писателя, как он сам признавался на склоне лет Н. Соловьеву. (О Шидловском см. М. П. Алексеев. Ранний друг Достоевского. Одесса, 1921.) У нас нет сведений о том, что Достоевский поддерживал переписку с Шидловским. Возможно, что Достоевский так и не собрался написать Шидловскому, хотя дважды — 1 января и 2 февраля 1865 г.— собирался это сделать.

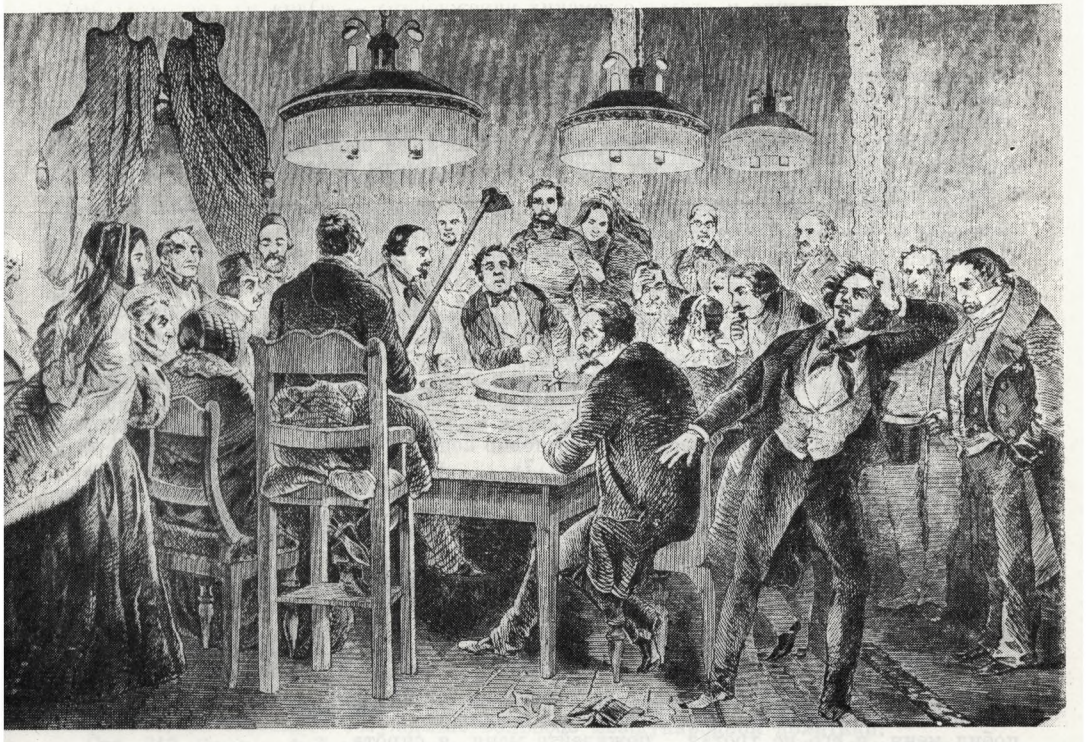
Стр. 205. *Калатузову.*— Очевидно, в связи со статьей В. Калатузова «Очерк быта и верований скопцов», напечатанной в «Эпохе», 1865, № 1.

Стр. 205. *5 января — деньги Колошину.* — Гонорар С. П. Колошину за июньскую статью 1864 г. был переведен 25 февраля 1865 г.

Стр. 205. *2 февраля. Тургеневу.*— Отвечал 13 февраля 1865 г. о высылке денег за «Призраки» («Письма», I, стр. 395).

Стр. 205. *Чаеву.*— Н. А. Чаев (1824—1914), драматург и романист, печатался в «Библиотеке для чтения», «Эпохе», «Русском вестнике». Запись сделана, очевидно, в связи с печатанием в «Эпохе», 1865, № 1, его пьесы «Дмитрий Самозванец». Еще 20 марта 1864 г. Достоевский писал брату: «Здесь есть некто Чаев. С славянофилами не согласен, но очень ими любим. Человек в высшей степени порядочный. Встречал его у Аксакова и у Ламовского. Он очень занимается историей русской. К удовольствию моему я увидал, что мы совершенно согласны во взгляде на Русскую Историю. Слышал я и прежде, что он пишет драматические хроники в стихах из Русской Истории (Князь Александр Тверской). Плещеев хвалил очень стихи. Теперь в „Дне“ (№ 11-й) объявлено о публичном чтении хроник Чаева с похвалою, я поручил Плещееву предложить ему напечатать в „Эпохе“. Хорошо ли я сделал?» («Письма», II, стр. 614). В письмах 5 и 13 апреля 1865 г. Достоевский снова возвращается к вопросу о печатании хроник Чаева в «Эпохе» и приводит характеристику Островского: «Островский сказал, что драматизма нет, но что это *хроника*, а стихи прекрасные и есть удачные сцены... Чаев сам хотел тебе писать. Человек он очень хороший. Но драму его прочти со вниманием. Ведь может быть и действительно все-то вместе и тяжело. А такие вещи не дают подписчиков. Ну вот и все о Чаеве» («Письма», I, стр. 366).

Стр. 205. *Деньги — Колошину. Бунакову. Гериху. Федорову.*— О гонораре Колошину см. примеч. выше. Бунакову за легенду «Наши браконьеры» в «Эпохе», 1864.



РУЛЕТКА В ГОМБУРГЕ
Гравюра, 1860-е годы

№ 12; Гериху за перевод романа Сильсфильда «Токеа» деньги были уплачены еще 29 октября 1864 г., вероятно, Герих делал и другие переводы для «Эпохи»; Федорову — возможно, что речь идет о старом долге М. М. Достоевского еще по журналу «Время»; имеется черновик письма Федорову, датированный 25 февраля 1865 г., в котором Достоевский отказывается оплачивать этот долг.

Страницы 205—209 — планы номеров «Эпохи», которые Достоевский готовил одновременно. Наметки планов июльского и августовского номеров «Эпохи» 1864 г. составлены исходя из содержания портфеля редакции и произведений, обещанных авторами.

План сентябрьского номера мало расходится с содержанием вышедшей девятой книги.

Кроме материалов, указанных в плане, в № 9 были напечатаны: «Материалы для размышлений. Из рассказов моего приятеля» Н. Воронова; «Лондонский пансион. Очерки из жизни наших туристов» его же; стихотворение К. Бабикова; полемическая статья Достоевского «Чтобы кончить. Последнее объяснение с „Современником“» (статья более важная и срочная, чем предполагавшаяся статья о «Голосе», перенесенная на № 10); «Несколько слов по поводу книги А. В. Лохвицкого». Книга А. В. Лохвицкого (1830—1884) «Губерния, ее земские и правительственные учреждения», защищенная в качестве докторской диссертации, вызвала оживленные отклики во всей современной прессе, и «Эпоха» не могла оставаться в стороне.

Из материалов, намеченных Достоевским в сентябрьскую книгу, были передвинуты в № 10 очерк М. Дол—евой «Институтки» и статья Достоевского о «Голосе» «Каламбуры в жизни и литературе». Очерк А — и «Из петербургской форточки», намечавшийся сначала в № 9, затем в № 10, появился только в 1865 г., в № 2.

Состав октябрьского номера также близок к намеченному.

Дополнительно, кроме перечисленных Достоевским и перешедших из № 9, в № 10 были напечатаны также переводная статья проф. Лотце «Наслаждение в жизни и труд»; стихотворения Я. Полонского и Д. Аверкиева; продолжение статьи Д. Аверкиева «Русский театр в Петербурге»; статья А. Фабрициуса «Записка о начале почты в России».

Из намеченных в книгу материалов перешло в № 11 продолжение очерков Соколовского «Записки следователя», начало которых печаталось в №№ 3 и 5. В № 12 —

политическое обозрение и статья о земских учреждениях — «Одна из настоятельных потребностей для многостороннего изучения России», принадлежащая Воронину. Кроме того, в № 11 включена статья М.В⟨ладиславлев⟩а «Литературные впечатления новоприезжего». Не вошли в номер намеченные в плане стихотворения и передвинулась в первую книгу 1865 г. статья М. Владиславлева о современном материализме.

Все рукописи, названные на страницах 205—209, за исключением «Браконьеров» Бунакова (1864, № 12), очевидно, или не были приняты к печати, или намечались в последующие номера.

Стр. 209. Отсюда начинаются записи к ответу «Современнику», частично использованные в статьях «Необходимое заявление» («Эпоха», 1864, № 7) и «Чтобы кончить. Последнее объяснение с „Современником“» («Эпоха», 1864, № 9).

Стр. 209. *Но нет ∞ читая о чашке...*— Имеется в виду следующая «литературная выходка полуторагодовой давности» в статье «Опять „Молодое перо“», полемически направленная против Щедрина (1863, № 3). Там Достоевский писал: «Помните ли, как вы разломали стул, разбили вдребезги чайную чашку, стоявшую на вашем столе, и, в ярости колотя что есть силы обоими кулаками в стену, вы клялись с пеной у рта написать такую статью, такую ругательную статью, что стоял мир и будет стоять — а такой статьи еще не бывало до сих ни на земле, ни в литературе!» Эта фраза была Антоновичем переадресована Достоевскому и дословно вошла в статью «Стрижам» Постороннего сатирика («Современник», 1864, № 7).

Стр. 209. *Сплетня, где выдумано и прилгано...*— Достоевский возражает на брошенное ему Антоновичем (в статье «Стрижи в западне» — «Современник», 1864, № 9) обвинение в распространении ложных слухов о М. Е. Салтыкове-Щедрине. Эта запись использована в статье «Чтобы кончить».

Стр. 209. *...«ракальи», «шваль»...* — Все эти выражения действительно есть в статьях Антоновича («Современник», №№ 7 и 8), направленных против Достоевского.

Стр. 209. (*Мальчик прибить хочет насмерть в школе*).— Ответ на слова Антоновича: «Известно, что в школах самые слабосильные школьники бывают самыми драчливыми, драчун пристает ко всем и часто нарывается на силача, который и отколотит его как следует. Драчун в слезах сейчас же с жалобою к учителю: г. учитель, такой-то побил меня, я его не трогал... пожалейте меня, я сирота...»

Стр. 209. *И однако ж, милостивый государь, я-то вот только три страницы пишу, а вы мне на эти 3 страницы ровно 60 страниц пишете.*— Статья «Чтобы кончить» была напечатана в «Эпохе» без подписи как редакционная и не включалась ранее в собрания сочинений Достоевского. Эта запись не оставляет сомнений в том, что статья принадлежит ему. В заблуждение вводило начало этой статьи: «Господа Современники, в июльской книге нашей, по поводу двух ваших статей об „Эпохе“, сотрудник наш Ф. Достоевский написал о вас заявление, самое необходимое — в три страницы. На это вы отвечаете полемикой ровно в сорок восемь страниц!»

Стр. 209. *Сами же признаетесь в такой гадости...*— Имеется в виду редакционное примечание к статье Антоновича «Стрижам»: «Мы решительно не одобряем ни чересчур резкого тона этого „послания“, ни его бесцеремонных полемических приемов, а печатаем его единственно во уважение его цели, которая действительно стбит того, чтобы для ее достижения употребить те неодобрительные средства, какие употребил автор послания». Смысл этого примечания разъяснен в статье Антоновича «Стрижи в западне» следующим образом: «Редакция „Современника“ не одобряла моего „послания“, даже сначала не соглашалась печатать его и согласилась только после того, как я сказал свою заднюю мысль, свою цель — поймать стрижей в западню, и представил редакции печатные документы в доказательство того, что самые безобразные места моего „послания“ буквально заимствованы из полемических статей г. Достоевского». О «неодобрительных средствах» Достоевский сказал ранее, в «Необходимом заявлении», и эту запись уже не ввел в статью «Чтобы кончить».

Стр. 209. *И он спрашивает меня, отчего вы то-то и то-то.*— Ответ на ироническое замечание Антоновича в названной выше статье: «Если вы больны, несчастны, находитесь в дурных обстоятельствах, зачем же вы ведете полемическую войну и вступаете в сражение со своим противником?» Эта запись не включена в статью «Чтобы кончить».

Стр. 209. *разжалобить*: «*Нет-с, меня с этой стороны знают хорошо...*»—Это возражение (также не включенное Достоевским в статью «Чтобы кончить») вызвано следующим полемическим выпадом Антоновича: «Не надеясь на свои силы, стрижи ищут посторонней помощи, прибегают к жалобам, не имея возможности подействовать на ум и мысли читателей, они стучатся в сердца читателей, стараются возбудить в них чувствительность, вызвать чувства жалости и сострадания к себе».

Стр. 210. *Может быть, оно даже и идет, но как сказать честному человеку: ты шиш...* — В заключительном абзаце статьи «Чтобы кончить» говорится: «В том-то и вся разница между нами: мы ясную погоду предвещаем, а вы—посылаете шиши в беспредельное пространство. Итак, пусть мы будем *стрижи*, а вы— угадываете ли теперь, кто вы такие?» (XIII, 349—350).

Стр. 210. ... *редакт‹ор› «Сов‹ременного› обозр‹ения›» —шиш г. Пыпин...*— Ср. стр. 250.

Стр. 210. *...от гражданских слез у них болят глаза...*—См. стр. 264 и 281.

Стр. 210. *Я, положим, согласен, что стена и чашка — резки, но, однако же, он литературным образом обокрал меня...*— Эта претензия была предъявлена Достоевским ранее (в «Необходимом заявлении») в такой форме: «Посторонний сатирик‹...› перепечатал и присвоил себе из одной моей прошлогодней полемической статьи против Щедрина несколько строк целиком, но без всякого обозначения вводным знаком заимствованного места». В статье «Стрижи в западне» Антонович писал: «Г. Достоевский жалуется, что я „присвоил себе..." тирады его ‹...› Помилуйте, есть чего присваивать — такие плоскости! Возьмите их, пожалуйста, назад, возвращаю вам их с благодарностью...» В статье «Чтобы кончить» Достоевский своей претензии не повторил.

Стр. 210. *Стрижи. И назеать-то вы не умели остроумнее.*— Эта запись частично вошла в статью «Чтобы кончить». Достоевский отвечает на полемический вызов Антоновича, который писал в статье «Стрижи в западне»: «Очень жаль, что г. Достоевский привел так мало примеров моих ругательств, всего только два... и проч. ‹...› Я догадываюсь, что под словом „и проч." — разумеется слово „стриж" ‹...› Но я очень хорошо знаю природу стрижей и уверен, что они ни за что на свете не решатся произнести слово „стриж"».

Стр. 212. *«Голос» и «С.-П‹етербургские› ведомости»*...—Наброски к полемической статье против А. А. Краевского и его газеты «Голос», частично использованные в статье «Каламбуры в жизни и в литературе» («Эпоха», 1864, № 10, цензурное разрешение 24 октября).

Стр. 212. *...встречаю г. Загуляева...*— Имеется в виду секретарь редакции «Голоса», именем которого подписан протест, опубликованный в «Indépendence Belge». См. стр. 282.

Стр. 212. *Чувствуешь, что ум тут Персиньи...*— Персиньи (1808—1872), министр внутренних дел Франции в 1860—1863 гг., убежденный бонапартист, упорно, но тщетно боровшийся с оппозицией, с газетами «Siècle» и «Opinion National».— Все это намеки на то, что «Голос» пытается подражать французским газетам, претендует на либерализм, на свободное обсуждение вопросов международной политики.

Стр. 212. *Кастельфидардо, лгать и вилять.*—См. об этом на стр. 263 и 280. В статье «Каламбуры в жизни и в литературе» Достоевский отказался от таких резкостей и прямых нападок на беспринципность Краевского.

Стр. 212. *Но всего смешнее, когда они начнут: мы предсказывали, мы смотрим на претензии принца Аугустенбурга...*— В 1864 г. между Пруссией, Австрией и Данией шла война за герцогства Шлезвиг и Гольштейн (южная часть Ютландского полуострова). Газеты «Голос» и «С.-Петербургские ведомости» в сентябре 1864 г. много писали о Шлезвиг-Гольштейне и принце Фридрихе Аугустенбургском, претендовавшем на престол этих герцогств (например, «Голос» 6 сентября или «С.-Петербургские ведомости» 29 сентября). В 1866 г. в результате австро-прусской войны Шлезвиг-Гольштейн перешел к Пруссии.

Стр. 213. *Афимья Скапидарова сломала себе ногу.*— Этот образец «благодетельной гласности» либеральных газет Достоевский продемонстрировал в «Крокодиле»: в корреспонденции «Волоса» наряду с сообщением о событиях в Пассаже говорилось и о прискорбном происшествии с солдаткой Афимьей Скапидаровой. Эта корреспонденция удачно пародирует политические известия и передовые «Голоса», которые Достоевский высмеивал в предшествующих записях.

Стр. 213. *А‹ндрей› А‹лександрович› воображает, что тяжелый и упавший его журнал от механического раздробления на две книжки станет легче...*— В объявлении об издании «Отечественных записок» на 1865 г. издатели журнала А. Краевский и С. Дудышкин сообщали, что со следующего года журнал преобразуется из ежемесячного в двухнедельный, мотивируя это желанием быстрее откликаться на события и тем лучше удовлетворять интересы читателей.

Стр. 213. *Серебром лишь побряцал он.*— Имеются в виду строки из баллады А. Мицкевича «Воевода» в переводе Пушкина:

«Не искал он, не страдал он,
Серебром лишь побряцал он,
И ему ты отдалась».

Стр. 213. *Голос в «Голосе» против русской журналистики и литературы.*— Имеется в виду статья «Переворот в журналистике», см. стр. 279—280, 282.

Стр. 213. *Г. Боборык‹ин›, проехав свою путь-дорогу, ∞ раздваивается на два проселка.*— Речь идет о «Библиотеке для чтения», редактируемой П. Д. Боборыкиным (1836—1921), в которой в 1864 г. из номера в номер (№№ 1—5, 7—8, 10—12) параллельно печатались два длинных романа—«В путь-дорогу» Боборыкина и «Некуда» Стебницкого (Н. С. Лескова).

Стр. 213. *Насчет Тургенева «Зап‹исок› охот‹ника›» отзыв «Голоса».*— Очевидно, имеется в виду следующая, мимоходом брошенная, фраза в рецензии на стихотворе-

ния М. Розенгейма: «С освобождением крестьян кончились все те романы, рассказы и стихотворения, которые были направлены против крепостного права, и теперь даже самые талантливые произведения в этом смысле — „Записки охотника", „Антон Горемыка" и многие стихотворения Некрасова — сделались анахронизмами» («Голос», 1864, № 235, 26 августа).

Стр. 214. *Да и что такое Кастельфидардо и Каталафими, что их не знать бесчестье.* —См. об этом на стр. 280.

Записи на странице 215 относятся к повести «Крокодил» и перекликаются с соответствующими страницами следующей записной тетради (см. стр. 258—272). Тема «Офицер и нигилистка» не была забыта Достоевским. Сохранился черновик 1873 г., периода редактирования Достоевским «Гражданина», где писатель возвращается к этой теме.

Подсчет долгов на стр. 215—219 включает личные долги и платежи Достоевского, в том числе давний долг А. Е. Врангелю, деньги, необходимые для обеспечения семьи брата, затем долги ростовщикам, типографии, бумажной фабрике и т. п., расходы по изданию «Эпохи», а также долги авторам: Соловьеву за статьи «Бесплодная плодовитость» и «Женщины» в «Эпохе», 1864, № 12, а также «Дети» в «Эпохе», 1865, № 1; Н. С. Лескову за «Леди Макбет Мценского уезда», опубликованную в «Эпохе», 1865, № 1 за подписью Стебницкий; Аверкиеву, статьи которого печатались в каждом номере; Бабикову за роман «Глухая улица» («Эпоха», 1864, №№ 10—12); Н. Потехину за рассказ «Уездное дитя» (1864, № 1).

Стр. 219—234. Записи на этих страницах свидетельствуют о желании Достоевского приступить к изданию журнала «Записная книга». Эта мысль в значительно преобразованном виде была осуществлена позже, в «Дневнике писателя».

IV. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ (1864—1865)*

Политические статьи. Заметки.

19 августа. В политическую статью.

1) Entente cordiale. Поплатилась покамест Дания. Но на восточном вопросе они сошлись против России. Разногласие будет тогда, когда кто-нибудь из них обеих, или Англия, или Франция, приобретет слишком уж большой перевес перед другой державой и entente cordiale нарушится. Этого нам должно желать. Тогда ввяжется и Россия. Наверно, кончится разделом Турции между 3-мя державами: Францией, Англией и Россией, и этот раздел поставит нас во вражду с Австрией. Но это в отдаленном будущем. Но мало ли что будет в отдаленном будущем. Не забудем того, что отдаленное будущее теперь какие-нибудь 30—40 лет (супрематия Пруссии).

NB. Пока французы будут ждать, что больной человек цивилизуется **.

2) Ну а случай в отдаленном будущем (оружие) (Америка изобрела). Тогда все переменится. [О крепост] Границы нарушатся (о внутренней племенной национальной силе, которая должна заменить границы естественные). Почва, дух народный.

3) Эмиль Жирарден в «Droit» («Голос»).

4) Статейка о естественных границах (из этой статейки переход на почву). Ложь Руссо (в «Droit»), Эм. Жирарден. Историческая правда. Социалисты; два миллиона голов. Польша и социалисты. Банкет Гарибальди //.

Полит. 19 августа

5) Наша цивилизация и европейская. Не хотим европейской. Все различие: вера, будущее; разумеется, не такие гадания, как книга Шедо-Ферротти. О книге Шедо-Ферротти.

6) Обо всех европейских державах порознь. *Крупная* история дел за все лето (Пальмерстонова речь избирателям. См. газеты за 19-е августа). Кто умен.

Талер, деньги, идол, бог.

Падение идеалов Европы.

Французы давно не первенствовали, их идеал — обособление.

Илья Муромец. Смирение.

21 августа. Статья «Morning Post», хвалебная Наполеону, по поводу именин его (см. «Московск⟨ие⟩ ведомости», 19 августа).

В том же № «М⟨осковских⟩ вед⟨омостей⟩» статья из «Journal des Débats» (ставшего официозным) о похищении в Риме мальчика Коэна: грозятся папе. ***

---

* *Большая часть тетради занята записями к роману «Преступление и наказание», которые опубликованы.*

** «Пока ∞ цивилизуется» — *на полях слева.*

*** *На полях слева рисунок: мужская голова.*

NB. Папская власть падет. Может быть, падением поднимется и очистится, но не пойдет впрок; ибо очистится кунштиком. Нет веры в самом // папе. В служителях церкви — разве суеверие. (Попытки обновленного христианства в величайших представителях католицизма, Ламене, Лакордер.) Наивные богомольцы во всем свете будут поражены падением светской власти папы, и их теплое сочувствие к падшему папе дойдет до энтузиазма и, наверно, будет иметь сильное влияние на дела Европы. У них явятся такие поклонники, на которых Римские Двери даже и не рассчитывают теперь. Помутится Европа, и много сил в Европе уйдет на это движение в пользу папе и на противудействие этому движению. Этого надобно ожидать. С другой стороны, и церковь обновится, но не иначе, как в кунштик, как в два фазиса — в иезуитизм и в социализм. Она соединится прямо с революционерами и с социалистами — в искренних представителях своих искренно, в неискренних — разбойнически (вроде того как теперь помогает разбою в Италии), но не иначе, как в том и другом случае привнеся в революцию [социализм] иезуитизм.

NB.— О социалистах (глубокая противуположность // социализму христианства). Лучиночки и братство. [Ниде] По крайней мере католики (церковь) [не остановит] допустят *все средства* (после падения власти) и этим одним уже примут и внесут иезуитизм. (Нидерланды и прошлое католической партии.) Хомяков, гадкая статья Гандаева.

21 августа. «Голос» 20 августа (отмечено).

23 августа. «Московские ведомости», суббота 22 августа.

NB. Уж если Австрия поступает под покровительство Пруссии, то это даром не кончится. Со временем, пожалуй, она вся войдет в состав прусской территории, как и Шлезвиг-Гольштейн. Пруссия разыгралась. Нет чувства меры. Бредит военными делами. Маршируют в ряд.

Смотри NB, поставленное мною в *Москов⟨ских⟩ ведом⟨остях⟩*.

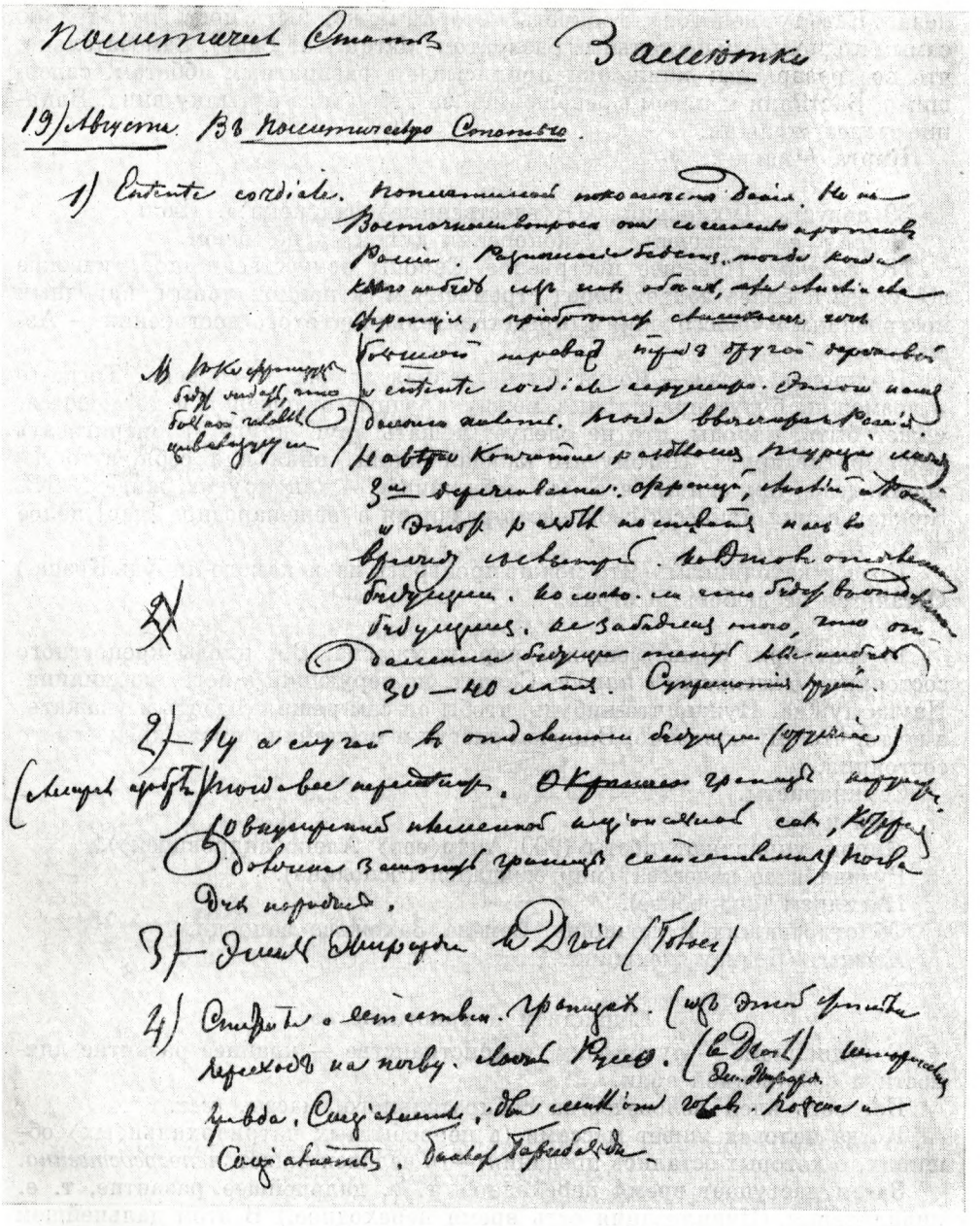
(выписка)

NB. «Если б я был [ловким] дипломатом, я на месте России не дарил бы никого своим союзом, а показывал бы величайшее равнодушие быть или не быть в том и другом союзе. Загадочное положение придало бы мне много интересу. Меня бы начали куртизанить. С другой стороны, я бы много наблюдал и не давал бы завязываться чему-нибудь мне невыгодному и, если б дошло *до дела*, вдруг связался бы в союз там, где и не ожидали и где по расчетам было бы мне всего выгоднее. Но главное — реформы внутри и чугунка». //

29 августа. «Journal de St. Pétersbourg» 27—28 августа. О поляках. Между прочим: иезуитизм сгубил их. Что такое иезуитизм? Перевести эту статью и перейти к иезуитизму и папству. Сущность папства. Умирание его. *Доказать*, что папство гораздо глубже и полнее вошло *во весь Запад*, чем думают, что даже и бывшие реформации есть продукт папства, и Руссо, и французская революция — продукт западного христианства и, наконец, социализм со всей его формалистикой и лучиночками — продукт католического христианства. Совершенная логичность в постройке идеи: что если папа владыка духовный и если церковь совмещает в себе ответы на все и ключи будущего, то ясно, стало быть, что кому ж и подчинены должны быть все, как не папе (логистика в характере римской постройки. Хомяков). Папство как бы должно* было восстановиться. Нарисовать идеал папы: жизнь, Христов наместник, владыка. Переход к русскому духовенству. Братство.

Ссора принца Вельского с матерью. Речь Персиньи. *Католицизм (сила ада)*. Безбрачие, отношение к женщине на исповеди. Эротические бо-

* *Над строкой:* могло



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИМ СТАТЬЯМ

Записная тетрадь, 1864

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

лезни. Есть тут некоторая тонкость, которая может быть постигнута только самым подпольным постельным развратом (Marquis de Sade). Замечательно, что все развратны; книжонки приписывают развратным аббатам, сидевшим в Бастилии и потом в революцию, за табак и за бутылку вина. Влияние через женщин.

Книга Мишле*. //

30 августа Духинский («От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩». Июль).

Россия, ее назначенье. О покорении духом, а не мечом.

№ *главное*. Прежнее построение Европы искусственно-политическое все более и более падает перед стремлением к национальным народным построениям и обособлениям (представительница этого построения — Австрия).

Построить иначе — может быть главная задача 19-го века. Тогда-то и возможны будут правильные международные отношения и догадаются, может быть, народы, что не следует мешать друг другу и интриговать друг против друга. Потому что каждая нация, живя для себя, в то же время, уже тем одним, что *для себя* живет,— для других живет. (№. Каждая нация принесет свою часть развития в общенародное [час] целое и проч.). //

Коэн и католицизм. (Что можно проиграть из-за какого-нибудь Коэна.) Останется не любовь, а страх.

14 сентября. Нравственность народа ужасна. Вот плоды крепостного состояния. *Нигилисты в народе*. Солдат, не верующий в бога, кормилица. Наука нужна. Нужно что-нибудь, чтобы он сам решил любить и уважать, а не то, что ему навязано. Впрочем разгул и масляница после крепостного состояния. //

Семинаристы.

Пеш и бос.

Миром управляют поэты (900 Андр⟨еев⟩ Алекс⟨андровичей⟩).

Рутина и ее качества (мир заждался господина).

Нигилизм (подробнее).

Об отношениях к женщине. Семена Захожева записки.

Именье. (Бедная женщина. Статья Сол—ва.)//

Социализм и христианство

В социализме — лучиночки, в христианстве — крайнее развитие личности и собственной воли.

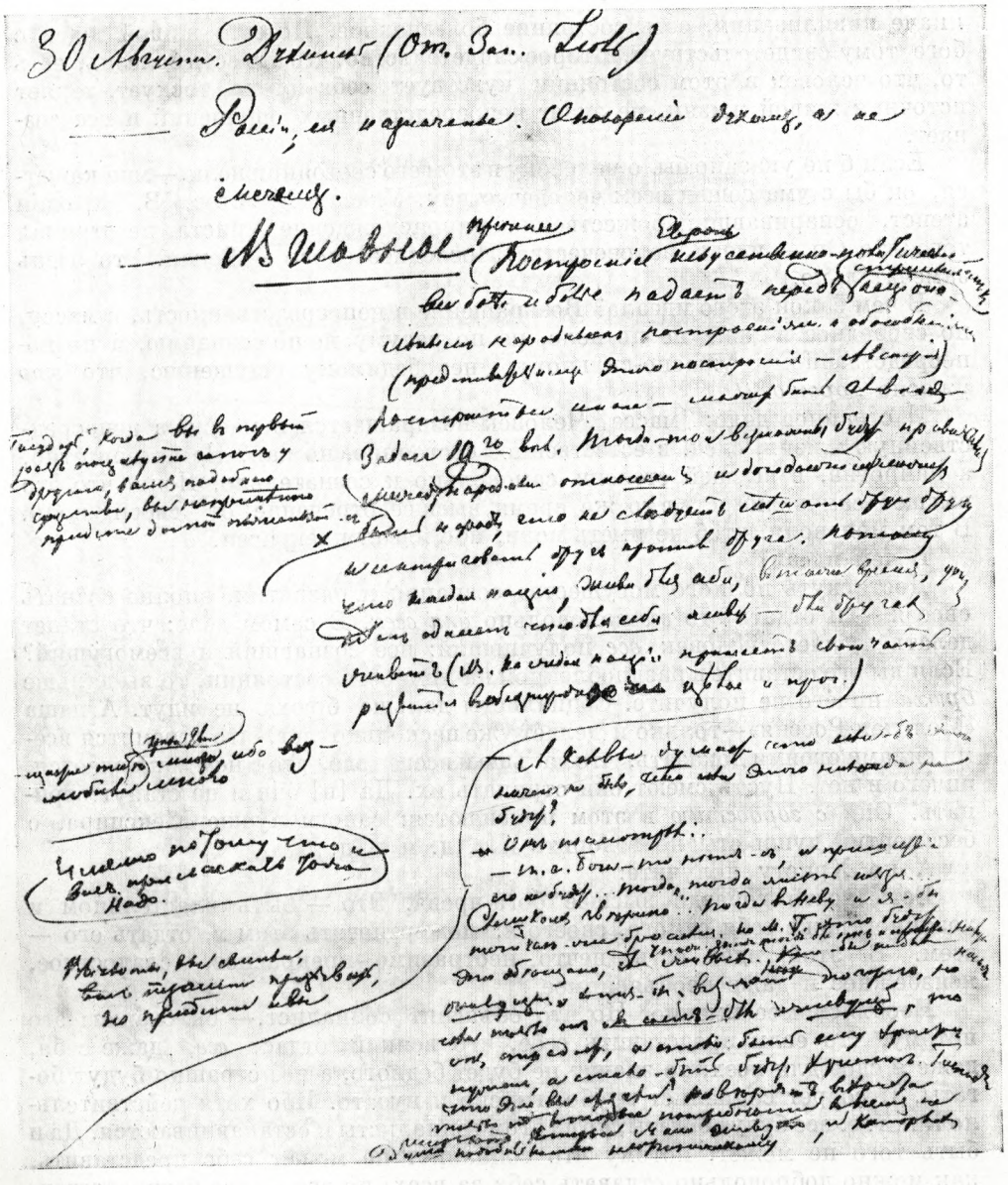
Бог есть идея человечества собирательного, массы, *всех*.

Когда человек живет массами (в первобытных патриархальн⟨ых⟩ общинах, о которых остались предания)—то человек живет *непосредственно*.

Затем наступает время переходное, т. е. дальнейшее развитие, т. е. цивилизация. (Цивилизация есть время переходное.) В этом дальнейшем развитии наступает феномен, новый факт, которого никому не миновать, это развитие личного сознания и отрицание непосредственных идей и законов (авторитетных, патриархальных, законов масс). Человек, как личность, всегда в этом состоянии своего общегенетического роста — становился во враждебное, отрицательное отношение к авторитетному закону масс и *всех*. Терял поэтому *всегда* веру и в бога. (Тем кончались всякие цивилизации. В Европе, например, где развитие цивилизации дошло до крайних пределов, т. е. до крайних пределов развития лица,— вера в бога в личностях пала.) Это состояние, т. е. распадение масс на личности,

---

* «Книга Мишле» — *на полях слева*.



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИМ СТАТЬЯМ

Записная тетрадь, 1864

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

иначе цивилизация, есть состояние болезненное. Потеря живой идеи о боге тому свидетельствует. Второе свидетельство, что это есть болезнь, есть то, что человек в этом состоянии чувствует себя плохо, тоскует, теряет источник живой жизни, не знает непосредственных ощущений и все сознает.

Если б не указано было человеку в этом его состоянии цели,—мне кажется, он бы с ума сошел всем человечеством. Указал Христос (NB. Ни один атеист, оспаривавший божественное происхождение Христа, не отрицал того, что Он — идеал человечества. Последнее слово — Ренан. Это очень замечательно.)

В чем закон этого идеала? Возвращение в непосредственность, в массу, но свободное и даже не по воле, не по разуму, не по сознанию, а по непосредственному ужасно-сильному, непобедимому ощущению, что *это* ужасно *хорошо*. //

И странное дело: [массе] Человек возвращается в массу, в непосредственную жизнь, след. в естественное состояние, но как? Не авторитетно, а напротив, в высшей степени самовольно и сознательно. Ясно, что это высшее самоволие есть в то же время высшее отречение от своей воли. В том моя воля, чтоб не иметь воли, ибо идеал прекрасен.

В чем идеал?

Достигнуть полного могущества сознания и развития, вполне сознать свое я — и отдать это *все* самовольно *для всех*. В самом деле: что станет делать лучшего человек *все* получивший; все сознавший и всемогущий? Если вы его оставите в раздробленном на личности состоянии, то вы дальше *брюха* ничего не получите. Социалисты дальше брюха не идут. А наша «Молодая Россия»—только и делает уже несколько лет, что стремится всеми силами своими доказать, что дальше и всего того, что в нем заключается, ничего и нет. Пусть смеют они отрицать их. Да [и] они и не станут отрицать. Они *с гордостию* в этом признаются: сапоги лучше Шекспира, о бессмертии души стыдно говорить и т. д. и т. д.

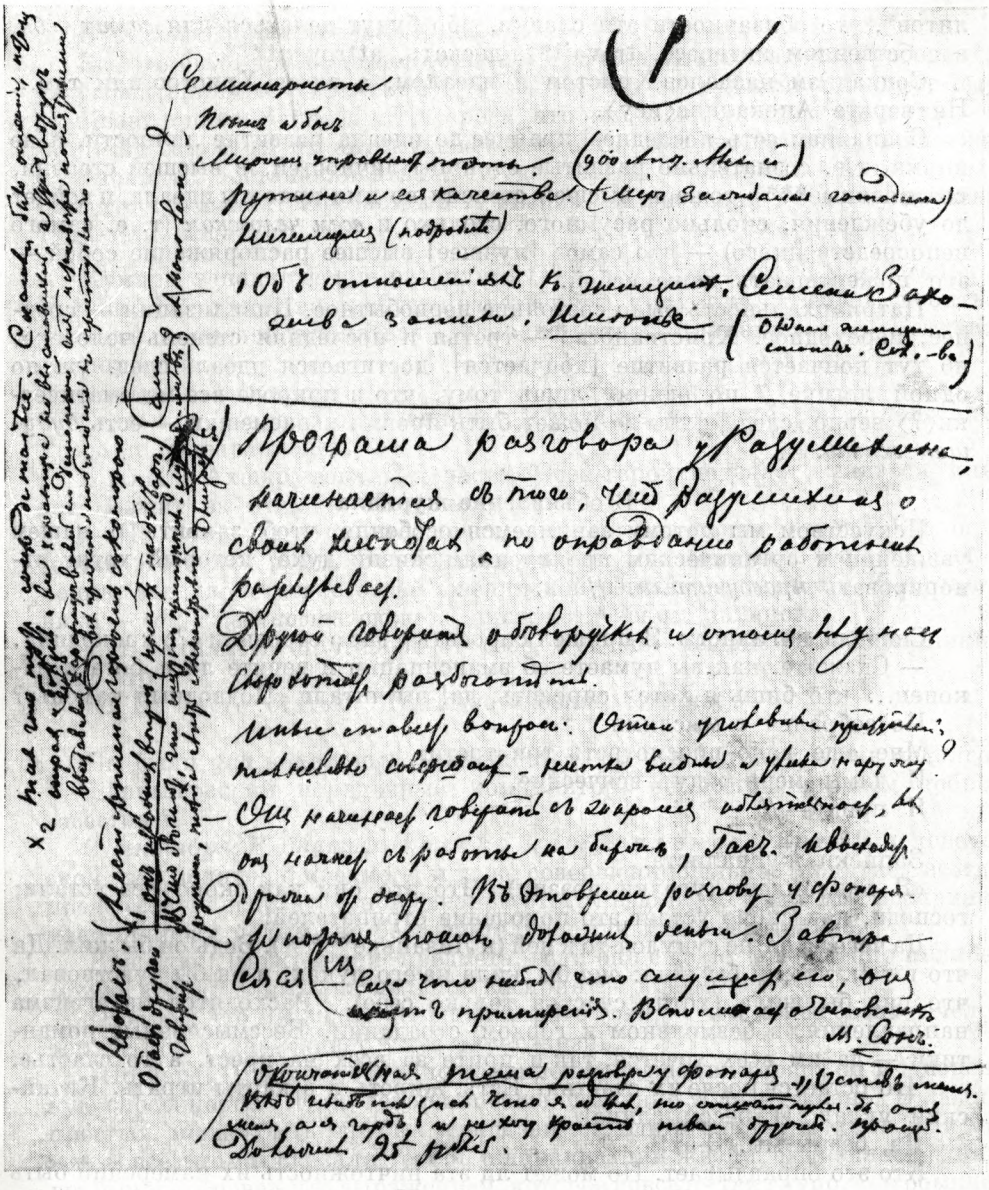
А по Христу получите:

Есть нечто гораздо высшее бога-чрева. Это — быть властелином и хозяином даже себя самого, своего *я*, пожертвовать этим *я*, отдать его — всем. В этой идее есть нечто неотразимо-прекрасное, сладостное, неизбежное и даже необъяснимое.

Необъяснимое именно. Но что объяснит социалист,— он скажет: это потому, что если представить себе, что всякий отдаст *все*, даже себя, даже *я* свое для всех, то значит не будет бедного, а все страшно будут богаты. И соврет социалист грубо, гнусно и пузато. Ибо хотя действительно так, т. е. все будут богаты, но на этом социалисты и останавливаются. Да и быть того не может, потому что социалист не может себе представить, как можно добровольно отдавать себя за всех, по его — это безнравственно. А вот за известное вознаграждение — вот это можно. Вот это нравственно. А вся-то штука, вся-то бесконечность христианства над социализмом в том и заключается, что//христианин (идеал), все отдавая, ничего себе сам не требует.

Мало того: даже враждебен к идее о вознаграждении, о гонораре, не понимает ее как бессмыслицу и просит вознаграждения только от любви к дающему или потому только, что чувствует, что после этого еще сильнее будет любить дающего (новый Иерусалим, объятия, зеленые ветви).

Впрочем социализм даже и до [этого] такого объяснения христианства рационально не доходил, а доходили только некоторые его представители, да и то поэты. Все же будущее основание и норму социального муравейника социализм полагает в цели — в сытом брюхе, а для этого в беспрекословных муравьиных объединениях, и высшая его мораль при этом, высшее ободрение человечеству состоит в том [что], уверении и ободрении прозе-



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИМ СТАТЬЯМ И К РОМАНУ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Записная тетрадь, 1865

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

литов*, что обязанности эти сладки, ибо будут делаться для *самих себя*, в собственном интересе, travail**, дескать, attroyant***.

Социализм назвался Христом и идеалом, а здесь Христос или там... Не верьте Апокалипс‹ису›.

Социализм есть последнее, крайнее до идеала развитие личности, а не норма, т.е. сознательно развитые единицы личностей, в высшей степени, соединенные**** тоже в высшей степени во имя красоты идеала, и дойдет до убеждения, сколько разумного, столько и *всем человеком* (т. е. самого непосредственного) — что самое [лучшее] высшее распоряжение собой — это пожертвовать даже собой.

Патриархальность было состояние первобытное. Цивилизация — среднее, переходное. Христианство — третья и последняя степень человека, но тут кончается развитие [кончается], достигается идеал, след. уж по одной логике,// по одному лишь тому, что в природе все математически‹?› верно, след. и тут не может быть иронии и насмешки — есть *будущая жизнь*.

В объявление журнала

Искусством мы потому занимаемся особенно, чтоб заявить о нашем уважении к органическим проявлениям жизни духа, который хотят игнорировать *нравоучители*. //

Сначала нигилисты. Я пришел спросить у вас о строении ‹?› крокодила.

— Скажите, как вы думаете об эмансипации и верите ли в бога и наконец... что бишь я хотел спросить, да! вы читали «Подводный камень»?

Не собрался с мыслями.

Мне еще надо просмотреть три трети.

И дамы меня ждут всяческие.

Я приду—//

Записки журналиста.

«Я надломлен» (уголки поэзии). Что это они как скоро все устали; господи, как скоро устает это поколение отрицателей!

Да чего ж он не сунулся-то к ней (к Лизаньке*****). Ведь он бы жил. Да что в том, что он бы жил: *она* бы жила на его руках, и он бы чувствовал, что она бы жила (хотят счастья только себе). Расходятся из эгоизма направления, в безмолвном и гордом] страдании. Бессмысленные романтики — да им всех хочется, так и прите за всех на крест, а то счастье.

Что остается после их счастья? Есть, жиреть и в карты играть. Китайский уклад. О бессмыслица!

Да, бедны мы. Э-эх!

Кто это оправдывает. Но может ли эта ничтожность их намерений быть счастливыми мешать. Их счастью помешает.Но намерение... нет, не должно. Немецкий это расчет, а не гуманный. Да даже и расчет на их стороне. Ведь работает же Лизанька, работает же и он,— ну работайте вместе.

Письма *об исходе* (отрывки и намеки, планы******).

Некрасова продернуть.

Дешевый гуманизм г. Щедрина.

Г. Пыпин есть только либеральный барабан и больше ничего.//

---

* *Над строкой:* увещании.
** труд (*франц.*).
*** привлекателен (*франц.*).
**** *Над строкой:* христиан.
***** *В оригинале:* Липыньке (*вероятно, описка*).
****** планы — *над строкой.*

В статью *ответ «Современнику»*.

Все это было чрезвычайно комично: Сначала уничтожался Тургенев*, из угожд⟨ения⟩ «С⟨овременни⟩ку» за то, что он художник и вдруг выдумывает про гг. Зайцева и Писарева, что они засидели идею как мухи, — за то же самое, за их антихудожественность. Все это комично. Зачем же на полпути останавливаться? А где выход? — Зайцев.— А г.-то Пыпин что тут делал? Несчастный г. Пыпин, не знающий куда ему деться: туда или сюда?//

Кумиры западнические разбились (Гер⟨цен⟩), но внутри у нас только Катков. Но общество требует нравственной приманки, требует любить, уважать и идолопоклоняться. А нравственной приманки у г. Каткова нет никакой.

Остается Акс⟨ако⟩в.

Статья о Тьере «Современника» — развить в статье образ действий Тьера и белоараповцев.

В романе Ахшарумова, 3-я часть. Осел-герой не знает жениться или нет? Бежит за этим к Иверскому.

— Не хочу жить на твой счет,— говорит героиня герою. Все они боятся этого как чумы. Это безнравственно. Это делиться, начала разделения, это хлопотать о своей ювелирской вещице — личности. Еще правило — *единственность* сюжета нигилистических романов.

Тут нигилисты противоречат себе, тут они мещане и собственники. Еще что

NB. Из этого статью: Нигилистические романы.//

Вы были ряд нахальных бездарностей, вы и простояли очень недолго.

Чернышевский порядочный компилятор, не всегда впрочем добросовестный.

9 сентября. В статью Яблоко натуральное и проч. В человеческом уме понятие о предмете, и даже совершенно цельное понятие, всегда предшествует основательному знанью этого предмета. Итак, мы воспринимаем природу целым, но бессознательно или малосознательно.

Даже так: [мож] знание предмета, если оно еще не совершенно полное, может вредно влиять на цельное восприятие предмета.

(Вопрос: что мы знаем цельно?) Строго говоря: чем менее сознает человек, тем он полнее живет и чувствует жизнь.

[По мере] Пропорционально накоплению сознания теряет он и жизненную способность. Итак, говоря вообще: сознание убивает жизнь. В людях простых, может быть, грубых и неразвитых, одним словом в таких, как мы все,— всё, что мы сказали теперь о парализации жизни, выразилось одним грубым и откровенным выражением, которое вовсе не так глупо, как обыкновенно на него смотрят: «Э, да все это философия!» говорят иногда эти люди и говорят правду, глубокую правду. Замечательно, что эта [выражение] поговорка существует у всех цивилизова⟨нных⟩ народов. Как люди [трону] свежие, не окалечившиеся мыслью, они не могут без смеху смотреть, как сознание хотят нам выдать за жизнь. Но сознание идет иногда еще дальше и еще смешнее: это когда оно хочет заменить жизнь теориями о ней, основанными на знании, прямо вытекшими из знания. Не мешает об этом подумать нашим теоретикам и белоараповцам. Тип этих чревовещателей белой арапии — это евнух Пушкина (которого они так не любят) в «Бахчисарайском фонтане». Это⟨т⟩ евнух смотрит так же [равнод] холодно и метафизически на настоящую горячую жизнь и так же хорошо понимает ее, как и наши белоараповцы. Сознанье — болезнь. Не от сознания происходят болезни (что ясно, как аксиома), но само сознание — болезнь. //

* *Над строкой:* вошел в интерес «С⟨овременни⟩ка».

Мне нужно то, что у меня есть, а чего нет, я не хочу присвоять себе. Может быть, у меня есть талант, может быть я когда-нибудь докажу, что у меня [был] талант даже значительный, может быть окажется, что талант был только посредственный. Пускай!

«А вот отделал я их». А вы тут, верно, стояли, да мне поддакивали. Я редко в таком смысле бываю откровенен с людьми, не разделяющими моих убеждений, и потому вы, верно, делали вид, что разделяете мои убеждения и поддакивали. А теперь вот сплетничаете. И только это-то вы и могли найти на меня из фактов? Да кто ж не [сплетнич] рад, когда удалось отделать. Признаюсь, я очень бывал рад иногда.

Только «Стрижей» не вы писали, в «Стрижах» есть веселость... [Вы] А что если вы солгали?

Капитолий

Вы ошибаетесь, г. Посторонний сатирик. Смотрите, не подставляете ли вы свою физиономию под публичный плевок.

Забезобразничались. Да разве не возмутительно видеть шулера-сатирика, который годился бы разве в маркеры и проч.

Вы исчезаете, вы исчезнете, яко прах,— и беситесь и злитесь — вы, относившиеся с презрением и ненавистью к народному духу, к народным силам и ко всему русскому.

Вы не понимаете в искусстве *ничего, в высшей степени ничего.* //

Во-1-х, эту статью вашу я не читал двадцать дней после ее появления, потому что мне было некогда, и этому есть свидетели. Даже и № «Современника» я отдал в чужие руки. Вы очень интересуетесь, ну так я вам это и объявляю.

«А вы и рады». Мне жаль их как людей и литераторов. Про это мы и говорить не будем. В этом отношении меня знают хорошо другие люди, люди *честные*, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, и мне говорить с *вами* об этом значит унижать себя.

Во мне много есть недостатков и много пороков. Я оплакиваю их, особенно некоторые, и желал бы, чтоб на совести моей было легче. Но чтоб я вилял, чтобы Федор Достоев⟨ский⟩ сделал что-нибудь из выгоды или из самолюбия,— никогда вы этого не докажете и факта такого не представите. (Вы меня вынудили сказать это. Вы лично меня назвали, вы лично напали на меня.) Наперед вам я это говорю, я бы не стал унижаться, а перед печатью *. С гордостью повторю это. Не стану защищать себя фактами. Об этом другие за меня засвидетельствуют, что я не предал ⟨ни⟩ разу в жизни ** — за выгоду, на это есть фактические доказательства, и желаю, чтоб вы о себе тоже могли представить. [Но вот]

А между тем неизвестно даже, кто вы такой? //

А между тем вы своим изменили (когда на нас клеветали, что мы просили прощения). Ведь чем тогда вы маскировались?

«*Били кулаком в стенку*». Я соглашаюсь, что с моей стороны это было тогда легкомысленно, была юмористика — именно то, в чем я упрекал г. Щ⟨едрина⟩.

Но теперь, теперь я уже не скажу, что это легкомысленно. Теперь я думаю, что это действительно было так.

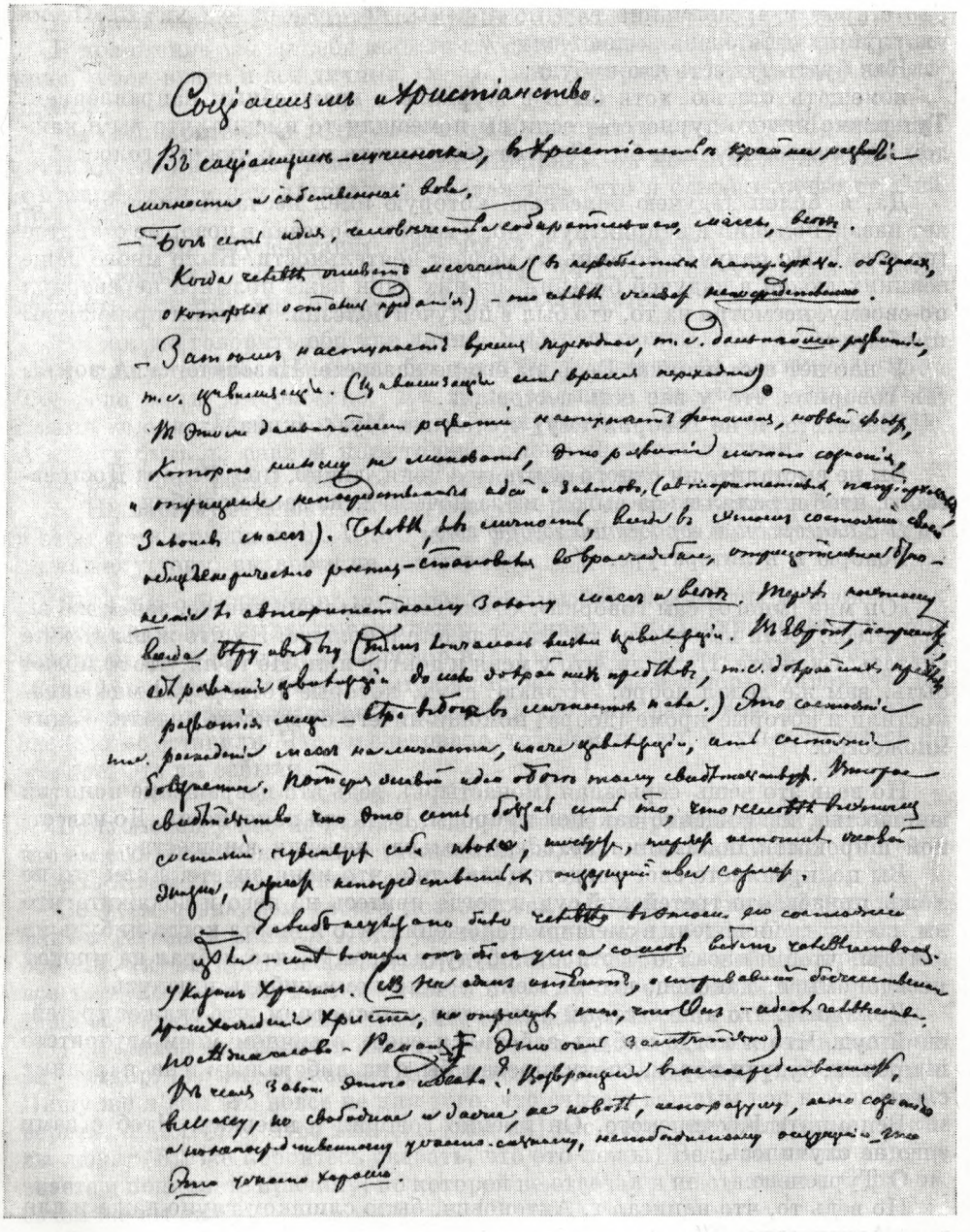
Об искусстве. Финал. Не беспокойтесь, это вовсе не так глупо. Я *знаю, что пишу правду и д е л о.* Только поняли ли вы-то меня? [Насчет]

Вы теперь погибли, вы теперь раздавлены и проч. Сам трубит победу.

---

* Наперед ∞ а перед печатью — *над строкой.*

** разу в жизни — *над строкой.*



Соціализмъ и Христіанство.

Въ соціализмѣ — лучиночка, въ Христіанствѣ крайнее развитіе личности и собственной воли.

— Богъ есть идея, человѣчества собирательнаго, массы, всѣхъ.

Когда человѣкъ отливаетъ массами (въ первобытныхъ патріархахъ, обязанныхъ, о которыхъ остались преданія) — то человѣкъ отливаетъ непосредственно.

— Затѣмъ наступаетъ время переходное, т. е. дальнѣйшее развитіе, т. е. цивилизація. (Цивилизація есть время переходное).

Въ этомъ дальнѣйшемъ развитіи наступаетъ феноменъ, новый фактъ, которого никому не миновать, это развитіе личнаго сознанія, и отрицаніе непосредственныхъ идей и законовъ, (авторитетныхъ, патріархальныхъ законовъ массъ). Человѣкъ, въ личности, всегда въ этомъ состояніи своего общеэкономическаго роста — становится во враждебное, отрицательное отношеніе къ авторитетному закону массъ и всѣхъ. Теперь поэтому всегда вѣру въ бѣгу (тѣмъ кончалось всякая цивилизація. Въ Европѣ, напримѣръ, сдѣлавшись цивилизаціи до сего добрыхъ предѣловъ, т. е. добрыхъ предѣловъ развитія мира — вѣра въ богъ въ личности пала.) Это состояніе т. е. расхожденіе массъ на личности, иначе цивилизаціи, есть состояніе болѣзненное. Потеря живой идеи обогъ тому свидѣтельствуетъ. Второе свидѣтельство что это есть болѣзнь есть то, что человѣкъ въ этомъ состояніи чувствуетъ себя плохо, тоскуетъ, теряетъ истомленъ живой жизни, нежелаетъ непосредственныхъ ощущеній или сознаетъ.

Давно неуказано было человѣкъ въ этомъ его состояніи цѣли — мнѣ важно отъ бѣсъ ума сошелъ всѣмъ человѣчествомъ. Указанъ Христосъ. (NB Не одинъ отвѣтъ, а спорившій безчестивыми происхожденіями Христа, не отрицаетъ того, что Онъ — идеалъ человѣчества. Послѣдняго — Ренанъ. Это очень замѣчательно)

Въ чемъ законъ этого идеала? Возвращеніе въ непосредственность, въ массу, но свободное и далѣе, не новѣе, непоразумно, но сознательно а не непосредственному ученно-сознанному, непобѣдимому ощущенію — это Это ученно хорошо.

КОНСПЕКТ НЕОСУЩЕСТВЛЕННОЙ СТАТЬИ ДОСТОЕВСКОГО «СОЦИАЛИЗМ И ХРИСТИАНСТВО»

Записная тетрадь, 1865

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Это старые и чрезвычайно глупые приемы, которые надо бросить. Очень уж глупо и себя очень выдают они. //

Как будто тут есть что-нибудь:

помещать статью хотя бы и в журнале с враждебным направлением. Тут ровно ничего дурного — если вы помещали то именно, что вы в каждом журнале поместили бы. Другое дело начать петь с чужого голоса * //

Да, я болен падучею болезнью, которую имел несчастье получить 12 лет назад, получил в неприятную эпоху жизни. Болезнь в позор не ставится [но если]. Но падучая болезнь не мешает деятельности. Было много даже великих людей в падучей болезни, из них один даже полмира перевернул по-своему, несмотря на то, что был в падучей болезни. К каким приемам вы прибегаете.

У нас нет вестовщика. Ведь вы его не назовете. Назовите-ка. А вот вы так говорите, что у вас есть вестовщик.

[Заметьте, я не говорил ему, что он г-а Муз⟨овкина⟩].

Вы не выставите ни одного факта про меня, лично, про Федора Достоевского, чтоб я вилял из-за выгод, из-за почестей, из-за самолюбия.

Я с благородной гордостию говорю это.

Говорю и в литературе. //

«Он мне [много] сам говорил». Стало быть, вы меня знаете, зачем же вы прячетесь. Если вы знаете, то [дол] знаете и больше. Ну что ж вы можете сказать. Скажите. Не то ли, что у меня и доктор пил. Не то ли, что я, может быть, вам же делал добро. Я знаю двух, которые [отвернул] мне напакостили и которые кроме [добра] помощи ничего от меня не видели. Таких множество.

Но ведь это вещь серьезная (монастырь), ведь это извращение понятий юношества, извращение законов природы. Ведь эти понятия яд. До известной широкости понимания *доходят только*, перейдя юношество.

Вы подкрепляете свое свидетельство тем, что меня знаете. Если это не ложь, призовемте третейский суд, и тогда явитесь на него и докажите: что вы, во 1-х, меня видели в смешном положении, что я вилял когда-нибудь из выгоды, чтоб я писал о честности, будучи вором**, что я брал на прокат псевдонимы и, наконец, что на меня можно кому-нибудь плюнуть.

Докажите, что я не честный литератор, и посмотрим, что скажет третейский суд. Что я когда-нибудь заботился очень о личном моем авторитете и проч. и, будучи вором, спекулировал бы и на либерализм и на народные слезы.

Вспомните Кречинского. Он именно говорил о плевках. Чтоб с вами того не случилось.

О Тургеневе.

Но ведь то, что написал г. Антонович, было слишком глупо даже и для г-на Антоновича. //

«Современнику».

«Дорого бы дали и проч.»— нет-с, дорого нельзя дать.

Во-вторых, вы до того озлились, что подставляете бока (вы сначала учите злости: одна баба наговорит, а другая обдаст одним словом), а выдержать не умеете, тотчас же всю подноготную и секреты высказываете. И выходит баба, которая ничего в себе удержать не умеет. (Теория яблока.)

Ведь он опять солгал. (Если когда-нибудь окажется, что это он написал «Стрижей», значит, он опять солгал.)

---

* *Здесь же записи* (*проба пера*): Литература, Семипалатинск, Семипола, Семипол, Семиполати. Петербург *и т. п. и рисунок* (*голова старика*).

** Чтоб ∞ вором — *над строкой.*

А лгать подло. Оставляю его при его совести.

В положение это вы себя поставили себя и навек себя замарали, Музовкина, у вас враги и все личные. У вас нет литературных врагов, у вас все личные.

Не беспокойтесь, я знаю себе цену в литературе, я не г-а Музовкина.

Я ничего лично не имею против г. Щедрина, он мне отнюдь не враг. Но я преследовал в нем литератора продажного (что я слыхал лично от г-на Щедрина).

Кто ж и мог ему выставить весь позор его положения.

Вам нельзя со мной об этом говорить. Да и я не буду с вами об этом говорить. Об этом другие могут свидетельствовать.

Вы хотите говорить обо мне лично. Вы проиграете.

Я пишу теперь серьезно, без малейшей претензии на юмористику. Тут дело не в юмористике. Да и неприлично мне *теперь* заниматься с вами юмористикой. Это значит на равную ногу себя с вами поставить. А я могу быть на равной ноге только с порядочными людьми.

А вы этому рады? Чему-с? Не смешивайте двух вещей.

...Но вашему замешательству, конечно, рад. А что вы замешались, то вы в этом сами признаетесь. И это меня удивляет, что вы признаетесь. Судя по вашему тону, вы вовсе не замешались.

Я жалею о безвременно умершем Добролюбове и о других и лично и как о писателях. Но из этого сожаления не скажу, чтоб они не врали. Мы говорили это и прежде, и разговор наш был с уважением ко всякой статье друг друга. Но у них был талант, а у вас нет... в вас и теперь комизм, что вы их именами прикрываетесь и думаете, что они вам свою репутацию в наследство оставили. Что им следовало, то и вам, но вы, друзья, годитесь на жаркое. Это вы забыли.

Психологии у вас не достало. Свое должно понравиться уж тем одним, что вы его так высоко цените (не ценили бы, так не цитовали бы).

Это я вам* с насмешкой говорю **.//

Со всем сознанием своего достоинства говорю: вы не найдете таких фактов (чтобы я вилял). Хотя уж теперь дело идет о г-не Страхове, а не обо мне, [и] вы продолжаете, [мы] точно мне говорите, чтоб мне приписать все то худое, что вы хотите сказать о г. Страхове. Ловкий маневр. Если теща есть, так чтоб и теще. Но я все-таки заступлюсь за г. Страхова.

Г. Страхов не побоится сказать, что все ваши «слухи» о сдерживании пера — вздор. [То что он сказал] Подтвердят, что это вздор и другие свидетели. Пишу же я вам это вовсе не для того, что считаю важным вас в этом разуверять, а для того, чтоб вывести [вам на] вас перед читател⟨ем⟩ — какие вы люди: (Вы же побоитесь сказать, что это ложь.) Ведь вы очень хорошо знаете и понимаете причину, по которой не отвечал и не отвечает г. Страхов, зачем же вы лжете.

О дураковой плеши в этих случаях говорят *наверно*. Так делают честные люди по крайней мере.

За что ж вы моего доктора-то обругали? Это ведь в вас злоба. Если теща, так чтоб и теще***. Знал бы, так не связывался. [Я] Хотите я уговорю моего доктора навестить вас?

Воняет, воняет! (поговорка Суворова).

Нет, г. Страхов обращался к г. Каткову с письмом как к своему знакомому и имел полное право обращаться именно с таким письмом.

---

* *В оригинале*: вас.

** *На полях:* Монастырь, Политическ. ⟨?⟩ глупа

*** Если ∞ и теще — *над строкой.*

Г. Катков глубоко ошибается. Он теперь сам говорит, что надобно *глубже* смотреть на это дело, не одним внешним образом. Крик у славянофилов.

Каткову не отвечаем. Ведь вы знаете почему? Знаете отлично хорошо, а пишете. Ведь это в высшей степени не честно.

Впрочем вы сами говорили *от Ред⟨акции⟩*, что всеми средствами (беспрерывное bis)

Нет ни одной статьи, которой бы я скрыл, и не то что по запросам каким-нибудь, а так по первому спросу объявить готов. Что ж запрещено что ли писать под псевдонимом. Да вот вы же пишете и даже на раз взяли имя. Я не прячусь, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩. Я не прячусь, я ни от кого не прячусь. Нет ни одной статьи, от которой бы я отказался, потому что от редакции выражал мнение редакции. Писали *сообща*. А вот вы так прячетесь, вы говорите, что «Стрижей» написал не Щедрин. А[вот] что ж, если это писал Щедрин. Значит, вы солгали и т. д.

Что если когда-нибудь откроется. Ведь все открывается. //

«Современнику».

И до чего вы дошли: две статьи, две статьи разом, в одном номере двумя авторами! Даже скрыть не умели, как вы раздражены!

Соберемся в кружок и хохочем. Если есть словечки, мы хвалим. У г-на Щедрина (М. Е. Салтыков) бывает иногда ядовитая веселость,— все же лучше, чем совсем уж плоская бездарность; прочтет кто-нибудь у нас вслух, и мы смеемся. Об этом человек 20 могут засвидетельствовать. А вы так вот напротив, и какие вы унылые теперь стали.

«Угрюмый, верный и тупой...»

Ослом; да я из одного уважения к самому себе не захочу так ругаться.

Кто вас в огород пустил?

Вы мещане социализма, точно так же, как «Голос» — мещанин либерализма.

По обыкновенному, по мещанскому, по вашему понятию (жену не надо любить, и дурак, что любит).

Какой вы сатирик! Вы ругатель и не сатирик.

Вы ничего не можете доказать про меня. Я же вот представил два доказательства: одно математическое, а другое теперь, которое и оставляю на совесть.

Письмо к Каткову. Ведь вы же не можете сказать, что г. Страхов тут унижался, что он неискренно говорил, что он просил прощения. Он излагал свои убеждения в этом письме сознательно, ясно и с достоинством.

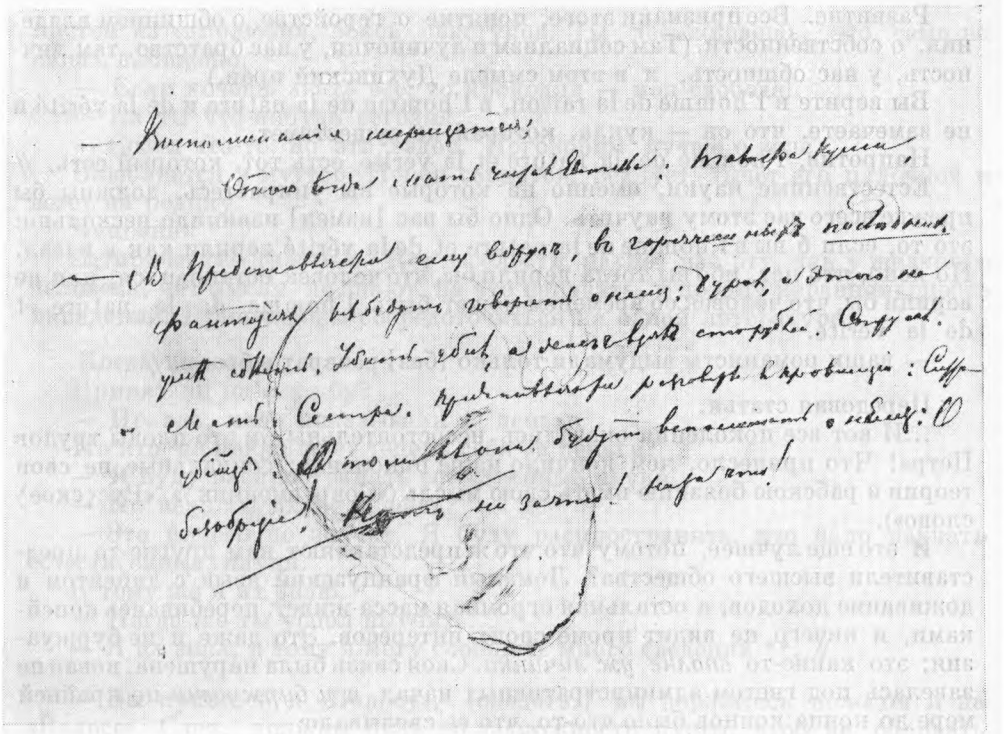
Но я вовсе не признаю за авторитет г. Каткова. Он ошибается положительно, да! да! да! Глубоко. Катков брал у нас все. //

NB. Нигилистический роман. Его концепции всегда одно и то же: муж с рогами, жена развратничает и потом опять возвращается. Дальше и больше этого они ничего не могли изобресть.

NB. Об обеспечении духовенства. *«День» 29 августа.*

Финал моей статьи: в ответ «Современнику» на его майскую выходку против «Дня».

Мы вовсе не такие почвенники, чтоб отвергать общечеловеческий идеал и, призывая к почве,— тупить людей, суживать их горизонт и стеснять горизонт. Мы потому, главное, не таковы, что христиане, вполне христиане. А первый догмат христианства — общность закона для всех, общность идеала, все братья. «Шедше научите вся языцы» и проч. Поймите же нас. Мы почвенники, во 1-х, потому, что верим, что ничего на свете не проис-



НАБРОСОК ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
Записная тетрадь, 1865
Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

ходит отвлеченно (вне настоящей, исторической жизни) и скачками. Если можно согласиться с идеями Бокля о влиянии климата и других вещей на образ развития и круг понятий народов, то ясно из этого же, что по прекращении этих условий прекратятся и понятия народов, образовавшиеся под этими условиями. Почва обработанная изменяет климат (население), железные дороги сближают расстояния и т. д. Если в самом деле правда, что народы магометанские и не могли быть не магометанами, то правда и то, что обращаться в христианство они не могли раньше срока *всем народом*, а только разве // отдельными личностями. (Теперь все обращаются.) Следственно, и мы, прежде чем не выживем всего своего и не станем общечеловеком, [и] во 2-х. Путь ваш к достижению общечеловеческого идеала нам кажется неправильным; ибо чтоб *выжить* из прежних идей и усвоить, *нажить* себе новые идеи, влечения и стремления,— нужно действительно жить, настоящей жизнью, а не одним только мозгом, общим мышлением. (NB. Прим⟨ер⟩, общая идея сострадания и человеколюбия и более частная: сожалей, дескать, вот этого — понятнее, в 1-м случае мышление, во 2-м действительная жизнь.) А чтоб настоящим образом, т. е. взаправду жить,— надо быть у себя, своим, почвенным; земским и проч. и выжить все на практике (и потому ваш прием ложен). А в 3-х и главное (что собственно составляет не одну идею почвы, а нашу, собственно отличительную характеристику нашего журнала) — мы верим, что наш, собственно наш, русский почвенный идеал несравненно выше европейского (что он только сильнее разовьется от соприкосновения и сравнения с европейским), но что он-то и возродит все человечество.

Развитие. Все признаки этого, понятие о геройстве, о общинном владении, о собственности. (Там социализм и лучиночки, у нас братство, там личность, у нас общность, и в этом смысле Духинский прав.)

Вы верите в l'homme de la raison, в l'homme de la nature и de la vérité и не замечаете, что он — кукла, которая не существует.

Напротив, l'homme de la nature et la vérité есть тот, который есть. //

Естественные науки, именно на которые вы упираетесь, должны бы прежде всего вас этому научить. Одно бы вас [измен] извинило несколько: это то, если б вы в l'homme de la nature et de la vérité верили как в идеал. Но ясно, что нет, ибо вы тогда верили бы, что человек остановился, или не верили бы, что человек со временем может быть l'homme de la nature et de la vérité.

— ваши романисты выдумали только [без] разврат в браке. //

Передовая статья.

...И вот все поколения оказались несостоятельны, и это плоды трудов Петра! Что принесло, чем кончило наше поколение: социальные не свои теории и рабскою боязнию иметь свою мысль («Совр⟨еменник⟩», «Рус⟨ское⟩ слово»).

И это еще лучшее, потому что что ж представляют нам другие-то представители высшего общества? Ломаный французский язык с акцентом и доживание доходов, а остальная огромная масса живет, перебиваясь копейками, и ничего не видит кроме своих интересов. Это даже и не буржуазия; это какие-то *вполне уж личинки*. Своя связь была нарушена, новая не завелась под гнетом административных начал, а *у буржуазии* по крайней мере до конца концов было что-то, что ее связывало.

Есть еще доктора, студенты; эти—или *отмучиваются* как-нибудь и где-нибудь или идут в социалисты-западники. До того нравственная связь плоха, что нигилистки родят и вытравляют. //

Журнальные споры о крокодиле. «Волос» и «Известия».

1) Не либерально утеснять животных.
2) Экономически обеспеченное лицо.
3) Даровые квартиры.
4) Существо проглоченное либеральнее проглотившего.
5) Эксплуатация крокодила.
6) Экономический принцип ассоциации.
7) Это все вздор, в наш век никого не удивишь.
   Требуется, так сказать, направление, а это уж ретроградство.
8) Мы бы и могли согласиться, но он лежебока.
9) Цивилизаторская палка немца и квиетизм русского чиновника. Квиетизм или лежебочество.
10) Сего млекопитающего.
11) Кладут яйцы, спор, Кастельфидардо, наборщик «Соврем⟨енника⟩».
12) Ассоциация крокодила с чиновником, впрочем мы поговорим об этом, когда настанут новые экономические отношения и определятся отношения чиновников к крокодилам, а теперь это дает нам повод написать еще, 55-ую статью, об ассоциации рабочих во Франции.
13) Fandango.
14) Степанов.
15) «Чайник» не гуманно и не мило.
16) «Искра» о казенных квартирах. //

Ты можешь быть * примером, как какая-нибудь идея отражается на человеке рутинном, бездарном [пустом]. На мещанине. Ведь ты стал ниги-

---

* *Над строкой:* служить

листом из самолюбия, боясь свистунов. Ты досиживаешь, что само на яйцах высижено.

— Если хочешь знать все, то крокодил — моя свобода.

— Ел ты что-нибудь сегодня.

— Сосал что-то, но это вздор. Поговорим лучше о деле.

Влюбляется в муттер. Немец сердится, ревнует, тычет его палочкой и везет на родину.

Чиновник *

Сатирические газеты-с. Нет веселости, пахнет изо рту, как у желчного человека, нет мысли, не знают, на что нападать, и потому неравномерность нападений. Принуждены сосредоточиться на одной литературе.

Когда вылез:

Принят ли на службу?

— Правда, меня показывали за деньги.

Но кто не показывает теперь себя за деньги?

— Я буду распространять естественные науки.

— Но ведь ты их не знаешь?

— Это ничего не значит. Я буду распространять, что надо изучать естеств⟨енные⟩ науки.

К тому же я их знаю.

— Когда же ты успел выучить...

— Я их знал, к тому я могу сообщить много сведений **. //

— Вы привесок к «Волосу», [следств.] вы держитесь волосом и на «Волосе». След., должны быть по возможности пусты, чтоб не оборвать «Волос».

— Постараюсь. Я утопил уж «Читальню».

Он. Выдумал лекцию о воспитании.

Нигилисты: Читали «Откуда», «Покуда», «Накануне», «Послезавтра»***, «Зачем», «Почему».

— Стало быть, вы ничего не читали. Это все я написал. «Как»?

— То есть как-с?

— Роман «Как?»

Нигилисты: Узнай подробнее, в чем состоит сие пагубное учение.

Что ж такое нигилисты, никто не мог узнать; одни говорят, что в стрижении женских волос, другие, что в отрицании всего существующего на свете.

— Надо думать, что последнее справедливее.

— Но однако ж это нелепо. Ну как, н⟨а⟩прим⟨ер⟩, отрицать, что ты находишься в крокодиле.

— Разве только этого они отрицать не будут, но все остальное для них трын-трава.

Достал стишки.

Офиц⟨ер⟩ и нигилистка.

С учением соглашаюсь.

— Но ведь написано, что она несчастна, проводит жизнь в несчастье****.

— Это для соблюдения нравственности. Но остальное все справедливо и, признаюсь, поражает меня своим остроумием.

В самом деле, для чего служат крокодилы. //

Стрижка волос. Стрижи, стрижи. Все это мелькало. Поищи-ка — не тут ли нигилисты.

---

* Чиновник — *на полях слева.*

** *На полях:* Чиновник *и рисунки: две мужские головы, орнамент.*

*** «Накануне», «Послезавтра» — *над строкой.*

**** проводит ∞ несчастье *над строкой.*

Дети.
№. Если у гусей нет теток, стало быть тетки предрассудок *. //

Да и вообще вся Елена Ивановна есть только милая нелепость и больше ничего.

Немец серьезно уж считает себя полковником.

«*Своевременный*». Впрочем все это не может объясниться раньше, чем настанут новые экономические отношения.

«Петерб⟨ургский⟩ листок».— Статья незначительная и без всякого направления! Заметил Ив⟨ан⟩ Мат⟨веевич⟩. Что же касается до разведения крокодилов в Павловске, то, сколько мне кажется, оно неудобоисполнимо; ибо хотя оно и очень красиво, но испугает дам, [а это] что очень некомфортно среди дачной жизни.

— Немец, показывая крокодила**, вносит цивилизующее начало и несравненно полезнее Рафаэля.

Родные «Выписки», привесок к «Волосу».

— Я уж утопил жур⟨нал⟩ «Читальню». Утоплю и «Выписки».

— Да для чего ж?

— Да для того, чтоб все подписчики «Выписок» устремились на «Волос». Таким образом «Волос» длиннее станет.

— В самом деле, пресчастливая мысль! А что, утопите-ка в самом деле.

— Непременно, я с тем и взялся. //

Я хотел ехать с милыми анекдотами, а он меня так встречает.

— Теперь я могу мечтать об улучшении судьбы всего человечества и, наученный опытом, давать уроки.

Глава 3.

Необузданные проекты. Русск⟨ий⟩ полковник.

Поезжай к жене. У жены был утром, много народу. На другой день: стихи на нигилистов — что обо мне пишут (И с «Петерб. листком») Читай газеты. (Из газет) №. Высокомерие и некоторая боязнь, что намерения не сбудутся. Признаки ревности, узнай в газетах.

Был в редакции «Волоса». Заболел. У него роль смирения. Газеты. Боюсь сделаться нигилистом. Тоска о судьбе своей. Жалобы на деспотизм и на хозяев. Полная экспансивность и малодушное раскаяние.—

Как бы я служил, сходи, умоляй [Чин русск].

Все газеты.

Их отзывы.

Полное разочарование. Увлечение Елены Ивановны.

Застал Зайцева. Нигилисты. Опять поднятие носа, обращение в нигилиста. Тот его ломает и не сламывает. Елена Ивановна загуляла.

Изрыгновение.

Елена Ивановна. Надоел мне ваш Иван Матвеич. Не хочу. Я буду развода просить, потому что муж должен дома жить, а он живет в крокодиле. Мне говорят, что мне развод дадут, потому что он теперь жалования не получает. Всякий муж должен получать жалование. А он там баклуши бьет. И что он такое говорит, что его будут ко мне приносить, ко мне в гости сюда в ящике. Я не хочу, чтоб моего мужа носили в ящике. Это стыдно.— Подите перескажите ему, коль хотите, теперь уж он ничего мне не сделает.

---

* Стрижка ∽ нигилисты *и* «№ ∽ предрассудок — *на полях слева.*

** *Над строкой*: (естеств⟨енные⟩ науки)

НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К ПОВЕСТИ «КРОКОДИЛ»

Записная тетрадь, 1865

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

(NB. Но, имея любовника, обиделась, что муж позволил ей иметь любовника.)

После 1-го дня публичной выставки: *неблагородно как-то.*
Маркиз del crocodillo или еще лучше что-нибудь двойное.
Маркиз этак: маркиз crocodillo del *crocodillo.*

Жалобы на хозяина, составляю ли я юридическую собственность? Боюсь, что срастусь.
Немец тычет палочкой, распускает нюни, плачет, малодушничает, просит хоть на половинном окладе. //
Crocodillo слово итальянское, croquer [св] — совершенно пустой.
3) Буду приходить читать газеты. Чтение газет.
— Будь я на месте начальника, я бы тоже подумал.
— Наша русская Евгения Тур.
Чин полковника — карамзин⟨ский⟩ слог.
— Крокодил пустой.
— Боюсь стать нигилистом.
— Самое лучшее время моей жизни.
— Я добр от природы, но не могу не раздражаться при виде неестественности (описание характера)
— Люди дикие любят независимость и т. д.
Ему хочется поверить, что он Сократ.
— Трагическое так же смешно, как и комическое.
— Боюсь смешного.
Русская Евг. Тур.
Просьбы и совещания.
Чтение газет.
Полковник.
— Не перевертываюсь от гуманности.
— Боюсь смешного.
— Самое лучшее время моей жизни.
— Я могу быть светилом смирения и проч.
— Вопрос: Я ли принадлежу крокодилу, или крокодил мне?
— Боюсь сжиться с крокодилом.
NB. Заболел через три дня. Сократ и блаженный.
Дружеские излияния, характер.
— Боюсь, что скажут, что это на министров.
— Теперь крокодила можно не кормить несколько лет.
— Таким образом мы временно питали друг друга.
— Я же от него получаю питание.
— К удивлению моему, он совершенно пустой.
— Я полагал, что у него есть желудок, но ничего этого нет.
— Это совпадает с его прожорливостью, ибо он весь желудок. //

— Я был нигилистом поневоле. Всякий нигилист — нигилист поневоле.
— Не примкнуть ли мне к почве?
— Чем хозяин крокодила ниже Мурильо.
— Я боюсь, чтоб не подумали, что это что-нибудь на министров или на каких-нибудь лиц.
— Э, как можно, ведь они же люди.
— Друг мой, ты бестолков, а я сужу по себе: будь я на месте начальства, я бы то же подумал.
— иной современно-прогрессивной мокрицы.
— Если крокодил либерален

— «Теймс» решает, что нам нужно среднее сословие, стало быть, капитал и права капитала, стало быть, привилегия,— а без того не будет и финансов.

Ну-с, надо и крокодильщику дать привилегию.

— Если проглотившее существо либеральнее проглоченного. //

Карамзинский слог.

Такие общие места.

Но из сострадания не возражал.

Он заметил это и отвечал мне весьма грубо.

— Как глуп ты, Семен Иванович, если б я любил зелень, я бы более горевал теперь. Тебе бы надо было радоваться, если ты, как ты говоришь, друг мне, потому что я менее несчастен в таком расположении.

— Это счастливейшее время моей жизни.

— Что такое философ? Слово философ у нас на Руси есть слово бранное и означает: дурака.

— Укройтесь в малинник и напейтесь на ночь.

— Тот век видел Александра Андреевича Чацкого.

— Наш век видел Андрея Александровича Краевского.

— Крокодил совершенно пустой. Это невероятно, и полагаю, что он тут прихвастнул из тщеславия, чтоб показать, что он более знает, чем все философы и натуралисты.

— Я напротив приношу пользу: 1) я могу сообщить факты о крокодиле, 2) увеселяю публику, 3) доставляю выгоду.

— *Кастельфидардо*, о слове вспороть, чтоб либеральнее, а я думал что, а вы говорите, чтоб анатомическим инструментом.

— Вы материалист〈?〉 * //

Журнал «Чайник» («Будильник»). «Головешка».

Чиновник в должности. Вот посмотрите (передает лист «Будильника»). Утеснять так собой крокодила.

Крокодилам. Помилуйте, а Польша.

Волос хоть не тонок, зато ум короток (Катков).

Зайка маленький бежит,
Зайка маленький кричит:
Ах, большущий крокодил,
Почему не уходил.

Приходил фельетонист «Русского инвалида». Кто знает фельетониста «Русского инвалида». Никто не знает фельетониста «Русского инвалида».

Но не стесняясь этим обещанием

Экспедиция воротилась с неподдельным негодованием.

Сотрудник Игдев [обещал] доставил в редакцию по сему поводу ученополемическую статью. Но редакция, справедливо опасаясь, что статья сия будет направлена против «Современника», [ум] прилично отказалась от сей статьи. [Глотают ли на план] Естествоиспытатель Косица. Но он ответил, что он может только решить: глотают ли своих ** сотрудников крокодилы на планетах, но [не] о земле еще надо сообразить.

Пассаж в Пассаже, но не боле.

И хоть редакция не верит ничему, но весьма желала бы, чтоб публика поверила.

---

* *На поле рисунок: голова.*

** *Над строкой:* что это может быть только где-нибудь на планетах, но не в Пассаже и что все это только

Carolus. Потом перевернулся, полагал, что желудок его не переварил. //

Друг и товарищ детства. Телячьи нежности. Гм. Глупая и сладенькая причина. Друг и товарищ детства. Я не понимаю, что такое товарищ детства; да и что такое детство? Отсутствие хряща, недостаток фосфора в мозгу...

Встретил нигилиста.

— Вы как экономически обеспеченный человек представляете пункт зависти.

Эксплуатация крокодила.

Не гуманно совсем и не мило
Утеснять так собой
Эксплуатировать так крокодила.
И пришлось крокодилу не в мочь
Дай же руку подняться помочь.

В долину слез гражданских
Ударила гроза.

Милюков, рассказы. Зверинец, обезьян немцы всяких показывают. Кормить извозчиков крокодила. Для ча... и пошла лягаться кобыленка задними ногами.

В долину слез гражданских
Ударила гроза.
У всех сирот казанских
Течет своя слеза *.

И так обильны слезы,
Что вышел целый пруд.
Ударили морозы,
Каток устроен тут.

[Скользят] И ездят офицеры,
Студент, поэт, хирург,
Салонные моншеры
Заезжий праздный турк. //

Не имея статьи для 1-го №, я сделал то, что всякий бы сделал на моем месте, а именно присвоил себе, подписал под ним мое имя и отправил в типографию. Таким образом я достиг двух выгод, а именно: если сочинение найдется хорошим, то, стало быть, похвала будет относиться ко мне. Если же дурным, то я прямо скажу, что это не я написал, а кто-нибудь, а я только подписал.

Одушевленный этот прекрасной идеей, я отправился в редакцию, но редакция нашла нужным сделать следующую оговорку, которую и прочли мне.

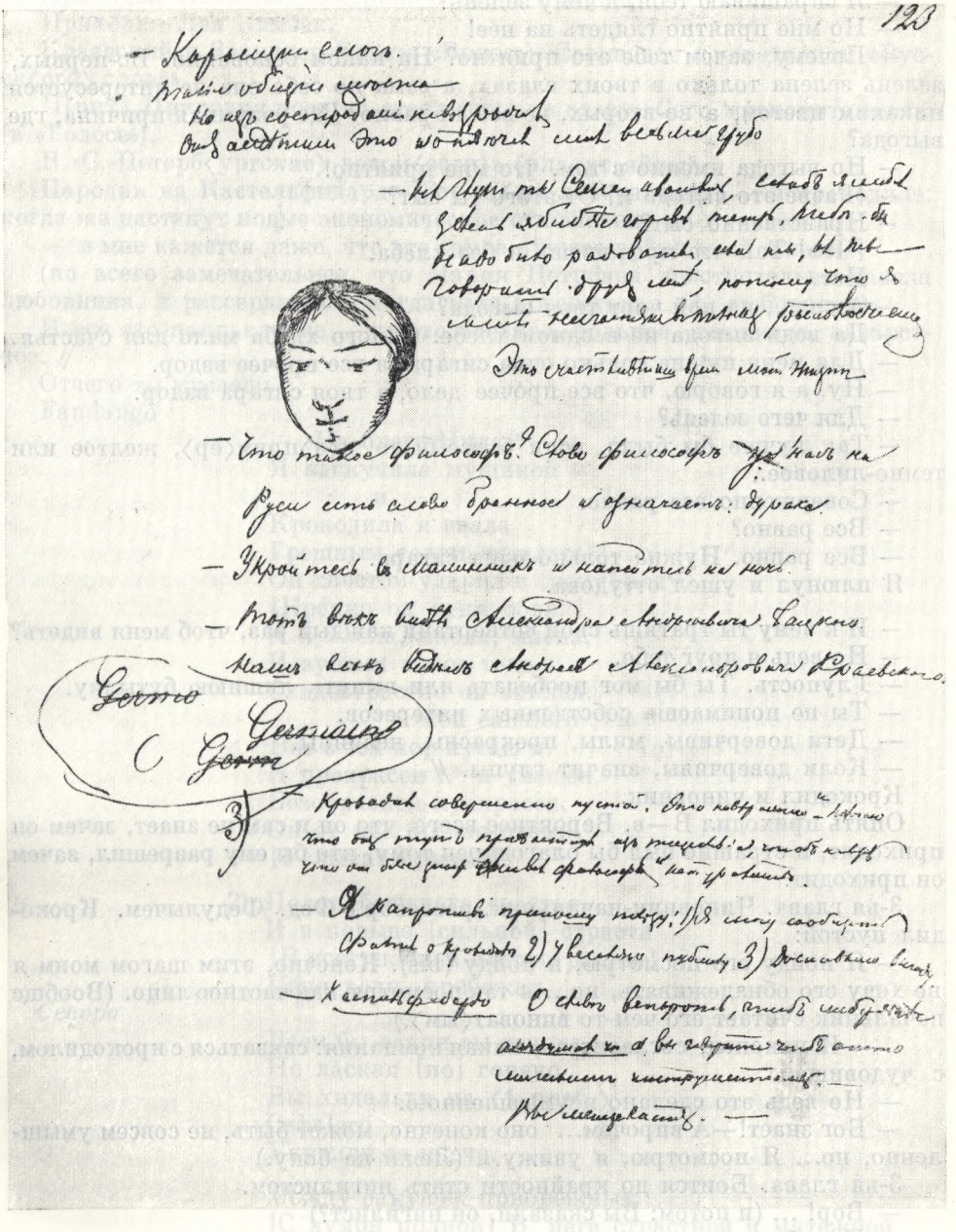
А теперь прямо начинаю дневник.
Милост⟨ивый⟩ государь
возьмусь присоединить⟨?⟩ буду доставлять. //

— Я чувствую, наконец, что это (в крокодиле) нормальное мое состояние.

— Никогда еще я не был более счастлив и спокоен духом, как теперь, удаленный от всех предрассудков.

— Я спрашиваю тебя, к чему зелень?

* *Ниже:* заискрилась.



ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО ОБ А. А. КРАЕВСКОМ И НАБРОСКИ К ПОВЕСТИ «КРОКОДИЛ»

Записная тетрадь, 1865

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

— Но, друг мой...
— Я спрашиваю тебя, к чему зелень?
— Но мне приятно глядеть на нее!
— Почему, зачем тебе это приятно? На каком основании. Во-первых, зелень зелена только в твоих глазах, а сама по себе она не интересуется никаким цветом, а во-вторых, не все ли равно? Где разумная причина, где выгода?
— Но выгода именно в том, что мне приятно!
— [Разве это выгода и] От этого ты сыт?
— Нравственно сыт?
— [Что] Так что проживешь и без хлеба.
— Нет.
— А след., на кой черт твоя выгода?
— Да ведь выгода не в одном хлебе. Одного хлеба мало для счастья.
— Для меня нужна только одна сигара, а все прочее вздор.
— Ну, а я говорю, что все прочее дело, а твоя сигара вздор.
— Для чего зелень?
— Так лучше бы было, если б все было, н⟨а⟩прим⟨ер⟩, желтое или темно-лиловое.
— Совершенно все равно.
— Все равно?
— Все равно. Нужна только одна сигара.
Я плюнул и ушел оттудова.

— И к чему ты тратишь свои четвертаки каждый раз, чтоб меня видеть?
— Но ведь я друг тебе.
— Глупость. Ты бы мог пообедать или выпить лишнюю бутылку.
— Ты не понимаешь собственных интересов.
— Дети доверчивы, милы, прекрасны, невинны.
— Коли доверчивы, значит глупы. //
Крокодил и чиновник.
Опять приходил В—в. Вероятнее всего, что он и сам не знает, зачем он приходит, и страшно был бы благодарен тому, кто бы ему разрешил, зачем он приходит.
3-ья глава. Чиновник-начальник, разговор с Фед. Федулычем. Крокодил пустой:
— Я пойду его посмотрю, я пойду (bis). Конечно, этим шагом моим я не хочу его обнадеживать, но... я так посмотрю как частное лицо. (Вообще начальник считает его чем-то виноват⟨ым⟩.)
— И наконец, согласитесь, какая компания: связаться с крокодилом, с чудовищем.
— Но ведь это сделано неумышленно-с.
— Бог знает!—А впрочем... оно конечно, может быть, не совсем умышленно, но... Я посмотрю, я увижу... (Лежи на боку.)
3-ья глава. Боится до крайности стать нигилистом.
— Вор! ... (и потом: Вы сказали, он нигилист?)
— Нет, боится и только.
— А! боится; все-таки это не обнадеживает (Дело замять. Еще что из этого выйдет.) //

Посетитель. Это все вздор... В наш век никого не удивишь. Требуется так сказать направление. А это [не] уж ретроградство (лежебока).
[Мило]
Приходил Извойников.
Приходил литератор (Лаубе сообщил [что] свои убеждения и что потом скажет свою фамилию).
Приходил гаденький чиновник (на нигилистов). Племянница.

Просил содействия к помещению.
Приходил Квашнин-Самарин. 3 roubl d'argent.
Приходил Лев Камбек.
Краевский и Загуляев (газета «Волос»). Совпадает с квиетизмом «Рус-ск⟨ого⟩ слова».
[Прих] Приходил поэт со стеклышком в глазу. Сего млекопитающего (в «Голосе»).
В «С.-Петерб⟨ургские⟩ ведом⟨ости⟩» (кладут яйцы).
Пародии на Кастельфидардо (Это вы из либерализма) — в крокодиле: когда же настанут новые экономические отношения
— и мне кажется даже, что это самое лучшее время моей жизни.
(но всего замечательнее, что Мария Петровна действительно завела любовника, а рассердилась, когда муж посоветовал ей любовника).
И все это направление — что-то бледное, больное, плешивое, лазаретное. //
Отчего ты кусаешь?
Fandango

На бреге Нила *
Я наскучила мущиной
и
Крокодила я звала
Грешным телом отдалась
Он хвостом ударил в [реку] воду,
[Крепко он меня обвил]
А я млела, млела, млела,
И зубами в мое тело
Сладострастно он впился.
мой cabalero
Вот с тех пор кусаю я.
И прекрасен ** и ужасен,
Безобразием прекрасен.
Он от них тотчас отвык
[Услыхав призыв]

2) Полон бешеного счастья
И в порыве [сильной] страсти
[В исступленьи сладострастья]
Пеня воду, пробежал

Сенора

Всем бы взяли вы сенора
Но лаская [но] горячо
Вы хидальгу на ⟨1 нрзб.⟩
Cabalero
Укусили за плечо.

Между ракушек прибрежных
[С думой полной] В неге страстной и мятежной
Я долиной Нила шла
[И наскучивши напр
в пену]
И в тревоге [дум] дум ужасных
Безобразных и прекрасных.
В тревоге страстной
Крокодила позвала

---

* *Под строкой:* ракушек прибрежных.
** *Над строкой:* прелестен.

Помня ласки крокодила,
Я кусаю за плечо
Я к мужчине cabalero
Относилась [так] горячо
И — Нила
Вспоминая крокодила
[Я кус]
Укусила за плечо.

Мой любезный cabalero
Не в меру
Экспортеро.

Острота без зубов, все тот же бесконечный г. Степанов.
До какой степени пошлые люди пошло принимают ученья.
(А вот готовлю прошение, чтоб жену по этапу.)
— А гуманность?
— *Какая гуманность*? *Всякий живет для себя.*
— Зачем тебе нужна?
— Она мое имя марает.
— А! имя? А где ж либерализм? Ты стоишь за настоящий порядок. //

Так и должен делать всякий. Я должен стоять за то, чтоб мне было как можно выгоднее, и если общество сознает о выгоде других экономических отношений, мы и соединимся на равных правах.
— Да ведь нужно знать в чем настоящая выгода?
— А не захочет.
— [И не надо] Принудим.
— Ты стоишь за принуждение?
— Разумеется. Крепкая и сильная администрация — 1-е дело.
— Кто же пойдет сам собою в крепостное рабство.
— Никто лучше не может знать, что мне выгодно.
— Выгоднее мне всего — я, я сам. //

Неслыханное приключение или, вернее сказать: пассаж в Пассаже [о том], состоящий в том, как некий почтенный господин [был] пассажным крокодилом был проглочен живьем и что из этого вышло.
Семеном Захожим доставлено.
Редакция с удивлением печатает сей почти невероятный рассказ (и т. д....) Нисколько впрочем не сомневаясь, что рассказ эт⟨от⟩ сочин⟨ил⟩ Г. Д...
Газеты зачитываются. Нужно посылать справляться, абонироваться * к г. Вольфу.
И хотя редакция не пожалела бы издержек, но так как мы выпускаем свои книги в последнее время в две недели по номеру, чтоб выйти в сроки, то и некогда было справиться. Не думаем, чтобы чиновник, сообщивший сие и с такой вероятностью все сие рассказывающий, мог солгать: такой дерзостной лжи еще было не слыхано в нашей литературе, кроме правдивейшего случая о том, как пропал нос у майора Ковалева. Во всяком случае, редакция очень желала бы, чтобы публика всему поверила [и т. д.], ибо если не поверит, то [от] все будут упрекать редакцию во лжи. [чего] А этого мы отнюдь не хотим. В заключение скажем, что мы ходили справляться в пассаж о крокодилах, но... Впрочем, может быть, это перевод с французского.
Был послан секретарь, на что получил четвертак на расходы (составляющий самую законную собственность редакции и приобретенный законным путем) [что в] — посланные возвратились с негодованием

* *Над строкой:* объясняется и тем *и* по крайней мере

— и донесли, что верить сему не только невозможно, но даже нелепо, но что, впрочем, кто его знает, могло и случиться, такой резкий и односторонний *отзыв секретарей* и романиста побуждает печатать, ибо, кто его знает, могло и случиться. Если эти крокодилы не велики, то может быть больше.

Такой резкий приговор показался нам многознаменательным, вследствие чего мы и решили печатать единственно с той оговоркой, что это не те крокодилы.

все-таки вселили в нас светлую надежду, что крокодил нет-нет и проглотит кого-нибудь целиком и таким образом оправдает своим поступком редакцию.

Должно быть, он разозлил одним своим видом крокодила.

— Осторожней, мой друг.

— Не проглотит.

— Вспороть.

— И до того у меня ум смешался, что, я помню, возразил тут же, что телесные наказания уже уничтожены, так что Марьи Алексеевны свояченица, особа весьма смешливая, тут же фыркнула.

— Он мне пропитание доставляет,— твердил немец.

— Ехать по начальству.

[У пр Бе] я жив и здоров и покамест чувствую себя [очень] хорошо; [как только можно чувствовать себя хорошо] не знаю, дальше что будет.

Но так как для входа нужен был четвертак, то публики и не вошло много.

3) — И хотя я мог бы перевертываться часто, но не перевертываюсь из гуманности, чтобы не доставлять крокодилу боли. (Я полагаю, что он хвалился [соб] своими человеколюбивыми чувствами; впоследствии он проговорился, что с [крокодилом делались судороги и спазмы в животе, отчего его сильно сжимало и доставляло наружную боль...)

3) — Боюсь сжиться с крокодилом.

— Это слезы крокодиловы (сострил начальник).

— Я нашел необходимым усмехнуться тоже, после чего он стал гораздо сговорчивее.

— (Начальник) Нынче экономический интерес на первом плане и вознаграждение неминуемо *.

— Естеств⟨енные⟩ науки.

— Даже... некоторые говорят вспороть...

— Какое ретроградство!//

Крокодил и чиновник

3) — Я добр от природы, но не могу не раздражаться при неестественностях. (Карамзинский слог.)

— Ледрю-ролленовского чего-нибудь подпустите. Главное либеральнее. Отыщите либеральную черту и воспользуйтесь ею. Я упру на гуманность.

Книгопродавцы дают деньги. *Записки из крокодила.*

Карикатура г. Степанова (генерал и дворник). Стих. «Искры» Всеволода Крестовского (отличаются пылкостью в «Сыне отечества»).

Восточный квиетизм чиновника несравненно ниже цивилизаторской палки немца и его супруги.

Зайцев. Вы не имеете права требовать от него даже жизни. К тому же вы, наверно, почернели, а след. стали похожи на негра, а след. должны уступить высшей расе западноевропейца.

---

* *Над строкой:* дорога решена на Харьков.

Вантрилок.

— И прилично ли ему, как какому-нибудь юноше, в его летах идти осматривать крокодила... (А впрочем, я желал бы тоже посмотреть.)

— Да, я знал его, он был всегда легкомыслен. Вообще в этом трудно сообразиться. Примера не было.

— Командировать же чиновника в недра крокодила для каких-нибудь особых поручений и невозможно-с и ... нелепо-с.

— Согласитесь сами: какие могут быть // туда поручения?

— Для естественного, так сказать, изучения-с. Нынче все пошли естественные науки [И для сообщения фактов-с.]

— Т. е. это по части статистики. Ну это уж я не знаю. Я не философ. Мы и без того завалены фактами и, по правде сказать, не знаем, что с ними делать...

— Вы знаете: я исполнитель. Я бы душой рад, но...

— [И потом] Нынче лежа на боку нельзя служить-с, и я начальника беспокоить не стану-с.

— Вот и главное, я не начальство. Да ведь и крокодилов не было *. что с появлением живых крокодилов

— Дда! Если хотите, это справедливо и, можно сказать, дает точку опоры.

— Притом же эта статистика опасна.

— Прежде всего прошу вас предуведомить, что я в самом деле сторона.

— Прежде всего возьмите во внимание, что я не начальство, я человек частный, Андрей Осипович —в, подавать и ходатайствовать по начальству об этом факте не намерен. Это только личное мое мнение. Осип Федорович числится за границей,— ну и довольно с него. Пусть осматривает европейские земли. //

— Не было примера-с. Пример небывалый-с, новый.

— Надобно время сообразиться.

3) — Люди дикие любят независимость, люди мудрые ищут спокойствия...

— Итак, ты спокоен.

— И так уже обличают нас в «Ведомостях», [уверя], прилагая к нам мужицкую пословицу, что у бабы волос долог, а ум короток.

— Это на нас, это прямо на нас.

— Этой пословицей они хотят щегольнуть народностью.

— А я хочу-с не издавать «Волос», чтоб все говорили обратно, т. е. что у бабы ум долог, а волос короток. Т. е. у нас, а не у бабы**.—Ну да у нас, не у бабы же. Да и нейдут к бабе короткие волосы. //

— Лучше уж: у «Волоса» ум долог, а у бабы ум короток.

— Ну да, ... именно... [я это], только как же у волоса ум? Какой же у волоса ум?

— А по-моему, лучше у «Волоса» ум долог.

[Правда]

— Или у бабы.

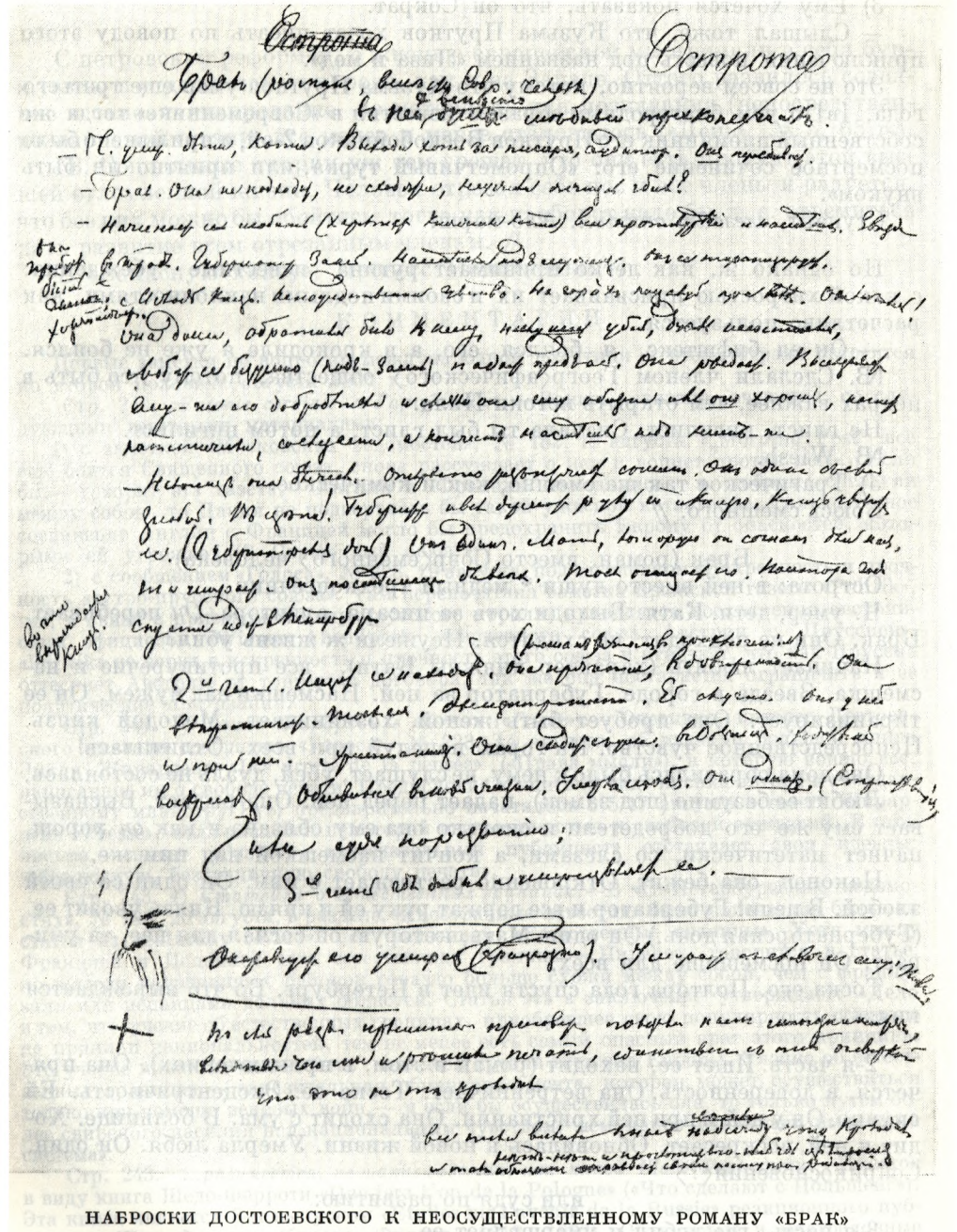
— Ну, я, по правде, не литератор, а вы знаете народность. Как-нибудь одолейте, только либеральнее, либеральнее.

Вы все возражаете, [и хотите показать вашу образованность] так либеральнее, прошу вас.

---

* *Над строкой:* живого.

** *Над строкой:* разумеется.



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМУ РОМАНУ «БРАК»
Записная тетрадь, 1864—1865 гг.
Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

3) Ему хочется показать, что он Сократ.

— Слышал тоже, что Кузьма Прутков хочет писать по поводу этого приключения повесть под названием «Лиза и мед».

Это не совсем вероятно, потому что Кузьма Прутков умер еще третьего года, [в] о чем благородным образом известил в «Современнике» тогда же собственный племянник его Прутков Воскобойников 2-ой, и приложено было посмертное сочинение его: «Опрометчивый турка, или приятно ли быть внуком».

Ступайт, *влезайт опять*... Ало-марш!

Но однако ж, как легко принимает рутина известные убеждения: с какой хитростью присваивает их и своими подлыми наклонностями, как расчетливо пользуется.

— Он ел бифштекс, я боялся его, а в крокодиле я уже не боялся.

NB. Сделали членом Геогр⟨афического⟩ общества, потому что быть в недрах важнее, чем открыть истоки Нила.

Не глист, нигилист. Сначала ты был глист, а потом нигилист.

NB. Wiesb.

3) Трагическое так же смешно, как и комическое.

Боюсь смешного. //

Брак (роман, вместо Совр⟨еменного⟩ человека)

Острота: в ней вместо души * медный трехкопеечник.

Ч. умер, дети, Катя. Выходи хоть за писаря, аудитора. *Он* перебивает. Брак. Они не подходят, не сходятся. Неужели ж жизнь убил?

Начинает любить (характер княжны Кати), все противуречие и насмешка. Звезда в городе. Губернатор за ней. Насмешки над мужем. Он ее тиранизирует. Она пробует быть женой, хозяйничает. Молодой князь. Непосредственное чувство. На горах поцелуй при всех. Отличилась!

Она дома обратилась было к нему, не слушает, убей, дуэль не состоялась.

Любит ее безумно (под замок), падает перед ней. Она рыдает. Высказывает ему же его добродетели и сколько она ему обязана и как *он* хорош, начнет патетически, со слезами, а кончит насмешкой над ним же.

Наконец, она бежит. Откровенно разъезжает с ним. Он один со своей злобой. В цепи! Губернатор и все держат руку ей и князю. Князь увозит ее. (Губернаторская дочь.) Он один. Мать, которую он согнал для нее, та умирает. Он посмешище для всех.

Тоска его. Полтора года спустя идет в Петербург. Во что вырождается князь.

2-я часть. Ищет ее, находит (роман в этом, в приключениях). Она прячется, в доверенность. Она ветренничает. Тоска ее. Эксцентричность. Ей скучно. Он у ней и при ней христианин. Она сходит с ума. В больнице. Ходит к ней, воскресает. Обновилась к новой жизни. Умерла любя. Он один. Соприкосновения⟨?⟩

или судя по развитию:

3-я часть, где добил и умерщвляет ее.

Она ревнует его умирая (грациозно). Умирает со словом ему: *Живи*. //

2 янв⟨аря⟩. Аверкиев взял Хомякова и 2-я часть Греч ⟨?⟩

«Кот Мур».

Кояловича Долгомостьев взял (Ипатьевск⟨ая летопись⟩, 1 том)

Итого с прежними 2 тома.

«Русский архив» [конч.], № 5 и № 2. //

6 мая. 1) Попову [Через] до 25 мая, известие об уплате помесячно. //

* *Первоначально:* в ней душа

1

С петровской реформой, с жизнью европейской мы приняли в себя буржуазию и отделились от народа, как и на Западе. Оттого развилось сознание и самоанализирование, но материалу для познавания (непосредственно народной жизни) все менее и менее становилось («День», № 5, 65 г.).

NB. Социальные теории уж тем грешат, что они есть продукт этой высшей отломленной жизни. Человек отрезал себе нос и все члены и радуется, что без них можно бы обойтись, тогда как наоборот надо бы, т. е. стремиться дать развитие всем отрезанным членам. //

В «Записную книгу». Процесс Никитченко. //

КОММЕНТАРИИ

Первые заметки по вопросам международной политики в этой тетради относятся ко второй половине августа 1864 г.

Стр. 243. «*Entente cordiale* ∽ *Гарибальди*».— Запись связана, очевидно, со следующими газетными материалами:

1) с заметкой «Московских ведомостей», № 182, 19 августа: «„Morning Post" все еще боится Священного союза, снова рассуждает о нем и вопиет против него. „Если бы,— говорит эта газета,— Англия и Франция находились в добром согласии между собою, то Дания не подверглась бы такой ужасной катастрофе. Только тесное соединение Англии с Францией могло бы предохранить Европу от опасностей, которыми ей угрожает (!) Священный союз"»;

2) с сообщением «Голоса», № 228, 19 августа, под заголовком «Искренность и прочность австро-прусского союза». Там перепечатана заметка пражской газеты «Politik», где, в связи с приездом в Вену прусского короля, приводятся восхваления австрийским официозом «Wiener Abendpost» «сердечного союза Австрии с Пруссией». «Politik» не верит в искренность и прочность этого союза и отмечает, что как Пруссия оттесняет Австрию от торгового договора, так же она постарается ограничить и ее политические притязания.

Стр. 243. *3) Эмиль Жирарден в «Droit» («Голос»).*— Очевидно, интерес Достоевского вызвало сообщение «Голоса», № 223, 14 августа, об издании большой книги Эмиля Жирардена «Les droits de la pensée» («Права мысли»), в которую вошло все, написанное им о свободе печати. Предисловие к книге (в виде письма автора к государственному министру Руэ) предварительно печаталось с 5/17 августа в газете Жирардена «Presse», отличавшейся некоторой независимостью и свободой суждений. В этом письме,— пишет «Голос»,— «замечательный публицист» отстаивает свои идеалы: «абсолютную, безграничную свободу печати».

Стр. 243. *4) Статейка о естественных границах.*—В «С.-Петербургских ведомостях», № 183, 20 августа, в разделе «Иностранные известия» была напечатана большая статья из «Saturday revieu» под названием «Естественные границы». Хотя между Францией и Испанией есть естественная граница — Пиренеи, говорится в статье, но жители пограничных районов гораздо больше схожи между собой, чем с французами или испанцами дальних областей. Статья эта в заключение утверждает: «Дело в том, что учение об естественных границах, приобревшее свою популярность ссылкою на принцип национальностей, тем не менее есть самый опасный враг этого принципа. Это учение никак не может быть панацеей против всех зол Европы. Учение об естественных границах — заразительная обманчивая мечта, которая может осуществиться только при помощи вековых войн,— и если бы осуществилась она, то только путем более свирепого насилия над национальным чувством, чем какое оказывает нынешняя система».

Стр. 243. *...разумеется, не такие гадания, как книга Шедо-Ферротти.*—Имеется в виду книга Шедо-Ферроти «Que fera t'on de la Pologne» («Что сделают с Польшей?»). Эта книга является 8-м выпуском «Etudes sur l'avenir de la Russie» реакционного публициста Шедо-Ферроти (барона Фиркса, 1812—1872). Объемистые и многословные писания Шедо-Ферроти о дальнейших отношениях России и Польши вызывали ироническую оценку либеральной прессы. В «Голосе», № 225, 16 августа, была напечатана корреспонденция из Брюсселя, критически излагающая содержание книги Шедо-Ферроти.

Стр. 243. *...Пальмерстонова речь избирателям...*— 10/22 августа Пальмерстон произнес в Тивертоне речь перед своими избирателями. 18 августа она была опубликована в «Голосе» и «С.-Петербургских ведомостях». Передовая статья «С.-Петербургских ведомостей» охарактеризовала эту речь премьера, «известного до последних событий своей воинственностью», как «манифест мира». В этой речи Пальмерстон говорит, что он вовсе не стоит за мир «во что бы то ни стало ‹...› Если интересы, честь или достоинство страны в опасности», то нельзя останавливаться ни перед какими средствами защиты. Но Пальмерстон считает, что ни события в Польше, ни война между Севером

и Югом в Америке, ни защита «несчастных датчан» — не «достаточно английское дело», чтобы вовлекать страну в издержки. Сохранение мира — основа прогресса в Англии за последние годы. Эта речь, вероятно, послужила основанием для замысла статьи, в которой Достоевский хотел ставить вопрос о падении идеалов Европы, о том, что деньги, материальное благополучие ставится во главу угла.

Стр. 243. *21 августа. Статья «Morning Post», хвалебная Наполеону...*— В «Московских ведомостях», № 182, 19 августа, сообщалось, что «в „Morning Post" напечатан длинный и до приторности хвалебный гимн императору французов и его правлению». В статье этой, которая в большей части перепечатана «Московскими ведомостями», говорится: «Правительство империи неоспоримо соответствует потребностям и желаниям большинства французского населения. ‹...› Положение дел в Европе заставляет нас желать прочного и тесного союза с Францией. Может быть, Франции предстоит великая роль в решении европейских затруднений». «Indépendance Belge» 25 августа сообщала, что еще до опубликования ее в Англии статья «была одобрена в Тюльери».

Стр. 243. *В том же № ∞ о похищении в Риме мальчика Коэна... грозятся папе.*— О похищении 10-летнего мальчика Иосифа Коэна, находившегося в гетто в учении у башмачника, писали все газеты («Русские ведомости», № 94, 8 августа; «С.-Петербургские ведомости», № 178, 13 августа; «Голос», №№ 222 и 224, 13 и 15 августа и «Московские ведомости», № 182, 19 августа). «Русские ведомости» свидетельствуют, что «недавний случай похищения католическим аббатом еврейского мальчика Коэна и помещение его, без ведома родителей, в римскую школу оглашенных для насильственного обращения в католическую веру столько наделало шума в Италии, что французский посланник в Риме, г. Сартиж, счел нужным обратить на этот поступок внимание папского правительства». Римская же правительственная газета сообщала, что было произведено следствие, которое доказало полную добровольность обращения мальчика.

Достоевский ссылается на заметку из «Journal de Débats», опубликованную в «Московских ведомостях», № 182, 19 августа. Она любопытна открытой враждебностью по отношению к папскому правительству. В ней, в частности, говорилось: «Мы не имеем ни малейшего желания произносить суровые речи; но можно ли представить себе что-нибудь возмутительнее явной и открытой оппозиции, в которую становится высокая религиозная и нравственная власть не только против гражданских законов, но против высочайшего из всех законов, против элементарных начал нравственности всеобщей, вечной? ‹...› Правительство французское и правительство папское находятся теперь в отношениях несколько несходных с тем положением, в котором они находились шесть лет тому назад, в то время, когда Европа была взволнована похищением маленького Мортары. Шесть лет тому назад, в 1858 году, светская власть папы, главная и истинная причина этих возмутительных насилий,— она одна дает духовной власти материальные средства к их выполнению,— не была еще потрясена в своем основании; она не была еще предметом обсуждений в советах европейской политики. С 1858 года события двинулись вперед; светская власть папы поколебалась и теперь быстро склоняется к своему падению. В настоящее время только от одного покровительства французской армии она заимствует и свою жизненную силу и средства совершать свои недостойные насилия. Если похищение маленького Коэна так же гнусно, как и похищение маленького Мортары, то можно сказать, что в настоящих обстоятельствах оно гораздо менее извинительно, гораздо менее может быть допущено политикой, и что в настоящем случае Франция должна блистательным образом подвергнуть его порицанию. Указать источник болезни, значит указать и средство для ее излечения. Средство это в руках французского правительства».

Нашумевшее дело о похищении Коэна послужило мишенью для иностранного юмора. Одна такая сценка из французского юмористического журнала «Charivari» была перепечатана «Голосом», № 254, 14 сентября, в конце сентября та же газета (№ 269, 29 сентября) привела строки из клерикальной газеты «Unita Cattolica», с торжеством сообщавшей о победе папской власти над французской дипломатией: «Дело Коэна, как величают его некоторые газеты, придающие себе важность, кончено. В скором времени юный оглашенный примет святое крещение; он вступит в церковь Иисуса Христа, назло всем безбожникам мира, всем так называемым принципам 1789 г. и всевозможной дипломатии, основанной на этих принципах».

Стр. 244. (*Попытки обновленного христианства в величайших представителях католицизма, Ламене, Лакордер*).— Гюи Фелисите Ламенне (1782—1854) — философ, проповедник христианского социализма. Его книга «Слова верующего» (1834), в которой он страстно выступает против капитализма, обрекающего миллионы трудящихся на тяжелейшие страдания, была очень популярна среди последователей утопического социализма в России.

Жан Батист Лакордер (1802—1861) — французский проповедник, пытавшийся соединить требования ортодоксального католичества с учением о политической свободе и правах народа. В 1831—1832 гг. Лакордер вместе с Ламенне и другими представителями либерального католичества принимал участие в журнале «Avenir» («Будущее»).

Стр. 244. *...привнеся в революцию* [*социализм*] *иезуитизм.*— Концепция о сходстве иезуитизма и социализма, противостоящих истинному христианству, столь характерная для Достоевского последних лет жизни («Дневник писателя», «Бесы», «Легенда

о Великом инквизиторе»), нашла, оказывается, свое выражение уже в записях 1864 г.

Стр. 244. №. *О социалистах* (*глубокая противуположность социализму христианства*). *Лучиночки и братство.*— Противопоставляя христианство социализму, Достоевский часто говорит о «лучиночках» (см. стр. 246, 250). Вероятно, он имеет в виду притчу о том, что связку лучинок или прутьев сразу разломать нельзя, а по отдельности легко. В социализме писатель видит соединение отдельных индивидуальностей, «лучинок», которые легко переломить, в противовес христианской общности, связанной идеей бога, которую, по его мнению, невозможно разрушить.

Стр. 244. *Хомяков...* — А. С. Хомяков (1804—1860), известный поэт, крупный деятель славянофильства. Достоевский имеет в виду его богословские сочинения, в частности, три брошюры под общим заглавием «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях» (изданы на французском языке в 1853 г. в Париже, в 1855 и 1858 гг. в Лейпциге; разрешены святейшим синодом к обращению в России лишь в 1879 г.). Хомяков считал, что только православие гармонически сочетает «единство» и «свободу» и верно духу христианства; католичество же изменяет началу «свободы» во имя единства, протестантство — чрезмерно ценит «свободу».

Стр. 244. *23 августа. «Московские ведомости», суббота, 22 августа*—Запись относится, очевидно, к передовой статье «Московских ведомостей», № 185, 22 августа, посвященной прусско-австрийскому союзу. Там говорится о далекоидущих планах Бисмарка, который стремится подчинить Пруссии и в военном, и в морском, и в дипломатическом, и в торгово-политическом отношениях все германские государства, начиная с Шлезвиг-Гольштейна. Присоединение Шлезвиг-Гольштейна — «начало политического конца автономии мелких германских государств». Газета считает, что Австрия потому согласилась не противиться могуществу Пруссии, что последняя, очевидно, обещала «отстаивать неприкосновенность» итальянских, венгеро-славянских и польских областей не только против революционных партий и против предводительницы их, Франции, но даже и против России.

Затем следует рассуждение, которое, как показывают и последующие записи Достоевского, особенно заинтересовало писателя: «В какое же отношение может стать Россия к тем последствиям прусско-австрийского союза, которые так благоприятны для Пруссии, и к тем, которыми при случае может воспользоваться Австрия? И те и другие находятся в явном противоречии с нашими существенными интересами в Балтийском море и на Востоке». Статья продолжает: «Но если России нечего добиваться *чести* быть в союзе с великими германскими державами, то нет ей надобности искать союза и с Францией. На всякий случай мы должны сохранять возможность равномерного сближения с каждою из трех групп, на которые распалась теперь Европа; но сами должны устремлять все свои помыслы и все свои силы к внутреннему преуспеянию России. В настоящее время ‹...› все политические задачи России сосредоточены в ней самой, а отнюдь не в ее внешних отношениях».

Стр. 244. *29 августа.* ∞ *О поляках.*— Статья, на которую ссылается Достоевский, опубликованная в «Journal de St. Pétersbourg», № 193, 27—28 августа, взята газетой из «Dziennik Warszawski», 22 августа/3 сентября. В статье этой приводится ряд выдержек из «революционной» брошюры, вышедшей в 1862 г. в Хельме, которые газета считает «замечательными признаниями» о прошлом Польши и о причинах ее падения, попадающимися между «ворохом абсурда и смешной похвальбы». Автор брошюры видит причины падения Польши не только во внешних обстоятельствах, но и в том, что Польша не проявила себя как сильная и цельная нация, не смогла противостоять раздроблению и захвату. «Великие добродетели наших предков незаметно исчезли, простота нравов, прямодушие, любовь к родине, самопожертвование и самоотверженность также пропали, и на их месте воцарился обскурантизм, шарлатанство, материализм, надувательство, торговля совестью личной и общественной ‹...›. Гангрена иезуитизма, родиной которой является Рим, так глубоко проникла в высшие слои общества, что магнаты и богатая аристократия потеряли даже наследственные добродетели — мужество, рыцарство, которыми отличались их предки».

Стр. 244. *Речь Персиньи.*— Речь бывшего министра внутренних дел Франции Персиньи, произнесенная им на банкете по поводу открытия Генерального совета департамента Луары, вызвала резкие возражения французской прессы («La France», «Temps», «Journal de Débats»), о чем сообщали русские газеты. Персиньи пытался в своей речи обрисовать политику Наполеона III как расцвет свободы во Франции. «La France» с возмущением указывает, что «его теорию свободы гораздо приличнее было бы назвать *теорией власти*. Любовь и уважение к власти доходит у г. де Персиньи до страстных увлечений». Он отстаивает «централизованное могущество власти» («Московские ведомости», № 182, 19 августа). «С.-Петербургские ведомости», № 184, 21 августа, посвятили речи Персиньи, провозгласившего тост «за здоровье Наполеона III — основателя свободы во Франции», передовую статью. В газете сообщалось, что руководители генеральных советов других департаментов выступили с возражениями Персиньи и требовали «ограничения всепоглощающей силы централизации». Газета Эмиля Жирардена «Presse» отмечает, что Персиньи смешивает свободу с всеобщим избирательным правом, которое является только одним из ее проявлений. На деле же он стоит не за свободу, а за уничтожение партий («Голос», № 228, 19 августа).

Стр. 246. *Книга Мишле.*— В центре многих книг Мишле стоит вопрос о женщине и ее положении в обществе («Любовь», 1859; «Женщина», 1860). Взгляд на семью и положение женщины изложен и в его очерке нравственных учений «Библия человечности» (1864). Высказывания Мишле широко популяризировались в русской прессе. В «Современнике» печатались статьи Мишле по женскому вопросу, а также статьи М. Михайлова, полемизировавшего с Мишле.

Стр. 246. *30 августа Духинский* (*«От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩»*. *Июль*).— В «Отечественных записках», 1864, № 7 (цензурное разрешение 20 августа), была опубликована статья «Историк Духинский из Киева и его ученики из французских сенаторов» резко критикующая книгу Духинского, вышедшую в Париже: «Peuples aryas et tourans. Agriculteurs et Nomades. Necessité de reformes dans l'exposition de l'histoire des peuples aryas — européens et tourans particulierement de Slaves et de Moscovites». В этой книге Духинский относит русских или, как он их называет. «московитов» не к европейцам, а к азиатам, к «туранской расе».

Стр. 246. *...(900 Андр⟨еев⟩ Алекс⟨андровичей⟩)* — Андрей Александрович Краевский (1810—1889). См. стр. 241, 279—280, 282.

Стр. 246. *Семена Захожева записки.* — Это первое упоминание о «Крокодиле» — записках Семена Захожева или Захожего. См. стр. 282.

Стр. 246. (*Бедная женщина. Статья Сол — ва*).— Возможно, что речь идет о статье Н. Соловьева «Женщинам», опубликованной в «Эпохе», 1864, № 12.

Стр. 248. *Последнее слово — Ренан.* — Имеется в виду книга Эрнеста Ренана «Жизнь Иисуса» (1863), широко популярная на Западе и в России. В июльском номере «Эпохи», 1864 г., который в это время подготавливался редакцией (цензурное разрешение 19 сентября), печаталась статья Ренана «Древние религии».

Стр. 248. *А наша «Молодая Россия»...*— Здесь Достоевский имеет в виду не только авторов прокламации «Молодая Россия» (1862), но и весь революционный лагерь, в частности, Писарева и его последователей, к которым и относятся слова: «сапоги лучше Шекспира» (Статья Писарева «Базаров».— «Русское слово», 1864, № 2).

Стр. 250. *В объявление журнала ∽ нравоучители.*— Эта мысль не нашла себе места в объявлении об издании журнала «Эпоха» на 1865 г., может быть, из-за резкой полемичности ее по отношению к «дидактикам», «нравоучителям», т. е. к «Современнику», что для объявления было тактически неудобно.

Стр. 250. *Скажите, как вы думаете об эмансипации и верите ли в бога ∽ да вы читали «Подводный камень»?*— Упоминается роман Авдеева «Подводный камень» (1860), в котором ставится вопрос о свободной любви, проблема эмансипации женщины.

Стр. 250. *Да чего же он не сунулся-то к ней* (*к Лизаньке*). *Ведь он бы жил. Да что в том, что он бы жил: она бы жила...*— Возможно, что речь здесь идет о романе Н. С. Лескова «Некуда», печатавшемся в 1864 г. в журнале «Библиотека для чтения», герои которого Лиза Бахарева и Райнер, любящие друг друга, гибнут из-за приверженности к новым идеям, так и не соединив свои судьбы.

Стр. 251. *В статью ответ «Современнику»*.— Здесь подразумеваются иронический отзыв Щедрина о Тургеневе в заметке «Литературная подпись» («Современник», 1863, №№ 1—2) и его полемика с «Русским словом» 1864 г., использованная Достоевским в «сатирическом романе» «Щедродаров» («Господин Щедрин, или раскол в нигилистах».— «Эпоха», 1864, № 5). В печатном ответе «Современнику» («Необходимое заявление».— «Эпоха», 1864, № 7) Достоевский больше не касался этой полемики, но упомянул «об осмеянии г. Тургенева, как частного лица, единственно в угоду редакции „Современника“».

Стр. 251. *Сначала уничтожился Тургенев...*— Достоевский говорит о статье Антоновича, направленной против «Отцов и детей» Тургенева («Асмодей нашего времени»).

Стр. 251. *А нравственной приманки у г. Каткова нет никакой. Остается Акс⟨ако⟩в.* — При всех расхождениях почвенников с славянофилами (см. Полемику с газетой «День» конца 1861 г.— начала 1862 г.), И. С. Аксаков с его патриархальными устремлениями, утверждением православия и христианской морали был Достоевскому гораздо ближе, чем Катков.

Стр. 251. *Статья о Тьере «Современника»...*— Очевидно, имеется в виду политическое обозрение в «Современнике», 1864, № 5, направленное против деятельности французских либералов, в частности Тьера, выступления которого характеризуются как «пустая болтовня и громкая трескотня фраз», как «длинное и, по отзывам поклонников его, блистательное упражнение в элоквенции».

Стр. 251. *В романе Ахшарумова, 3-я часть.*— Третья часть романа Д. Н. Ахшарумова «Мудреное дело» печаталась в «Эпохе», 1864, № 7. Герой этого романа Бубнов, горячо любя девушку, обманутую ранее нигилистом, никак не решается жениться на ней, так как он не признает церковных браков, и обращается за советом к ее старому другу — Иверскому. Героиня отказывается переехать к любимому человеку, чтобы не зависеть от него.

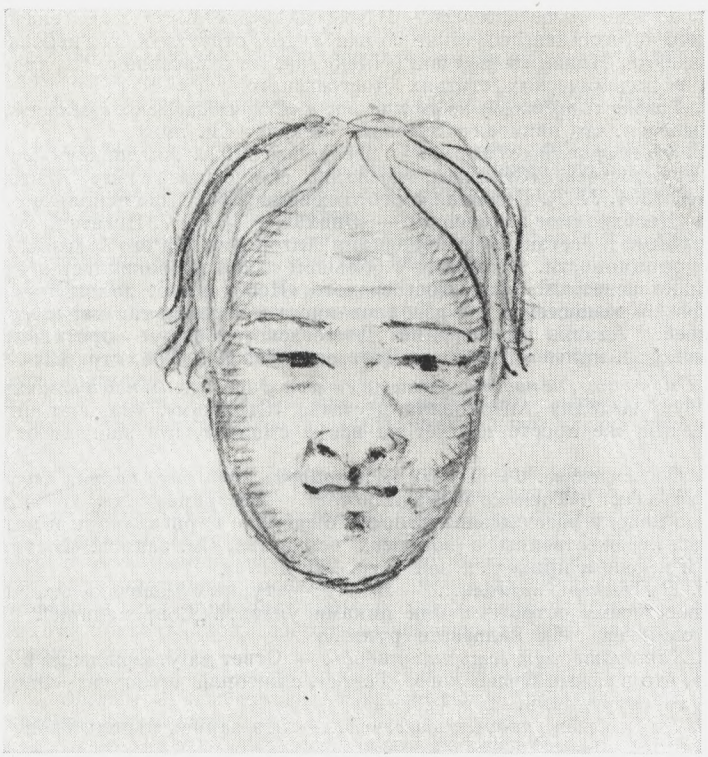


РИСУНОК ДОСТОЕВСКОГО В ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ, 1864—1865 гг.
Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Стр. 251. *Из этого статью: Нигилистические романы.*— Размышления над романом Ахшарумова, вероятно, привели Достоевского к замыслу статьи о «нигилистическом» романе, так и не осуществленной писателем. Выше Достоевский указывает на однотипность сюжетов «нигилистического» романа, в котором обязательно имел место адюльтер, а затем возвращение виновной жены к мужу.

Стр. 251. *9 сентября. В статью Яблоко натуральное и проч.*— Рассуждение об эстетической теории Чернышевского и ее материалистической основе не вошло в «Необходимое заявление». Достоевский ограничился примечанием о важности этой теоретической проблемы. Достоевский хотел продолжить это примечание следующим образом. (Отрывок чернового автографа этой статьи, хранящейся в Отделе рукописей ЛБ, ф. Достоевского, I, 3/5): «Редко „Современник“ высказывался в чем-нибудь положительно и серьезно, он действовал до сих пор отрицательно и с юмором и таким образом всегда умел показать вид, что знает и мог бы высказать гораздо больше, чем с виду кажется. Тактика ловкая, именно отрицательная. Но так умели действовать только одни недавние прежние коноводы „Современника“, которые подчас хоть и много говорили вздору, но зато были несравненно умнее и талантливее теперешних. Если и завирались они, то завирались с талантом. Характеристика же теперешней осиротелой редакции есть та, что все эти сироты врут без таланта (исключая г-на Щедрина, разумеется, который в вышепоименованных статьях „Современника“ не участвовал). Вот хоть бы настоящий вопрос о „яблоке“. Первое дело, не следовало бы высказываться положительно. Но они высказались, и мы непременно им ответим. Вопрос слишком серьезный...». На этом рукопись обрывается, причем весь этот текст зачеркнут и заменен последней фразой примечания, имеющейся в опубликованном тексте.

Стр. 251. *Не мешает об этом подумать нашим теоретикам и белоараповцам.*— «Теоретиками» в 60-е годы называли идеологов революционно-демократического журнала, белоараповцами же именовали их только почвенники — Достоевский и Ап. Григорьев.

Стр. 252. *Мне нужно то, что у меня есть, а чего нет, я не хочу присвоять себе. Может быть, у меня есть талант...*— В статье «Стрижам» («Современник», 1864, № 7) Антонович писал: «И воображает он ‹Достоевский›, что такую полемику в состоянии вести только он один, что только у него одного хватит ума и умения на собирание слухов и художественного таланта на жевание острот».

Стр. 252. *«А вот отделал я их».*— В той же статье Антоновича сказано: «Я сам слышал от него ‹Достоевского› такие слова: а что, отделал я их, небось прикусили язык, не отвечают». Намек на молчание Щедрина, не отвечавшего на личные выпады против него в полемических статьях Достоевского.

Стр. 252. *Только «Стрижей» не вы писали, в «Стрижах» есть веселость...*— Достоевский догадывался, что написал «Стрижей» Щедрин. См. ниже.

Стр. 252. *«Посторонний сатирик»* — псевдоним М. А. Антоновича (автора статей «Торжество ерундистов», «Стрижам, послание обер-стрижу г-ну Достоевскому».— «Современник», 1864, № 7). Большая часть этих записей не была использована Достоевским в статье «Необходимое заявление».— «Эпоха», 1864, № 7. Писатель был возмущен не столько грубыми и бестактными нападками Антоновича на его болезнь, сколько упреками в беспринципности. Последнее с большой силой и проявилось в публикуемых записях. Однако печатный ответ Достоевского «Необходимое заявление» был совершенно свободен от резкостей и той взволнованности, которая так характерна для черновых записей. Анализ возражений Достоевского своим противникам сделан С. С. Борщевским в книге «Щедрин и Достоевский». М., 1956, стр. 131—137.

Стр. 252. *Смотрите, не подставляете ли вы свою физиономию под публичный плевок.*— Ответ на грубую выходку Антоновича в статье «Стрижам»: «Захочет он ‹Щедрин› отвечать вам, или же просто плюнет на вас и смолчит, это зависит от его доброй воли».

Стр. 252. *Об искусстве. Финал. Не беспокойтесь, это вовсе не так глупо.*— В «Литературных мелочах» («Торжество ерундистов».— «Современник», 1864, № 7) Антонович писал по поводу рассуждений «Эпохи» о «яблоке нарисованном и натуральном», что почвенники невежественны в вопросах искусства. См. запись: «В статью Яблоко натуральное и проч.» и примеч. к ней (стр. 251 и 271).

Стр. 252. *Вы теперь погибли...* — В «Литературных мелочах» сказано: «Ужели вы думаете подобными остротами или пиками уязвить „Современник“? Опомнитесь, стрижи, вы сами на себя налагаете руки...»

Стр. 254. *Как будто тут есть что-нибудь.* — Ответ на утверждение в «Литературных мелочах», что в газете Краевского «Голос», с которой враждует «Эпоха», «инкогнито» пишут ее сотрудники.

Стр. 254. *Да, я болен падучею болезнью...*— Эта запись использована в «Необходимом заявлении».

Стр. 254. *У нас нет вестовщика.*—В статье «Стрижам» Антонович писал: «Вероятно, это г. Щедрин, подумали вы; обратились к вашему вестовщику, он подтвердил ваше предположение...»

Стр. 254. *...Муз‹овкина›* — персонаж «Губернских очерков» Щедрина, сплетница и сутяжница, именуемая «Скорпионой Аспидовной».

Стр. 254. *Вы не выставите ни одного факта ∽ чтоб я вилял из-за выгод...*— Ответ на слова Антоновича в статье «Стрижам»: «Как ловко виляете теперь перед „Русским вестником“».

Стр. 254. *«Он мне [много] сам говорил».*—См. выше запись: «А вот отделал я их» и стр. 252.

Стр. 254. *Вспомните Кречинского. Он именно говорил о плевках.*— Имеется в виду ответ Кречинского Нелькину на вызов на дуэль: «...с одним условием извольте, что на всякий ваш выстрел я плюну вам в глаза. Вот мои кондиции» (А. В. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского, III д., 6 явл.).

Стр. 254. *...вы до того озлились, что подставляете бока (вы сначала учите злости: одна баба наговорит, а другая обдает одним словом)...*— Ответ на следующую полемическую тираду в «Литературных мелочах»: «...если кто-либо обидел вас в печати... то не беритесь за перо в первую минуту... и успокойтесь, дайте простыть вашей горячке... Горячка и злоба ослепляют человека... пример посмотрите на вашей статье по поводу „раскола в нигилистах“. Видали ли вы когда-нибудь, как ссорятся горячие деревенские бабы... ты такая, ты сякая... кричит горячая своей спокойной противнице, которая на целый поток подобной брани ответит только одним словом, но это слово точно огнем обожжет горячую...»

Стр. 255. *Я ничего лично не имею против г. Щедрина...*— См. стр. 40—44.

Стр. 255. *Но вашему замешательству, конечно, рад.*— Замешательство «Современника» Достоевский усмотрел в том, что на его короткое заявление Антонович ответил пространной статьей. «Действительно, — писал Достоевский в статье «Чтобы кончить. Последнее объяснение с „Современником“» («Эпоха», 1864, № 8),— ведь только от смущения и замешательства можно попасть в такую однообразную и скучную колею... и не замечать этого».

Стр. 255. *Хотя уже теперь дело идет ∽ о г. Страхове.*— Пародируя одно место в полемическом выступлении Достоевского, направленном против Щедрина, Антонович писал в статье «Стрижам»: «Говорят, г. Страхов вовсе не хотел писать письма „Русскому вестнику“, но стрижи, и между прочим г. Достоевский, заставили его, и таким образом сделали насилие его перу. Потом пронесся еще один потрясающий слух, будто даже г. Страхов обиделся ответом „Русского вестника“ и хотел возражать на него, но стрижи, между прочим и г. Достоевский, не хотели печатать возражения...»

Стр. 255. *Нет, г. Страхов обращался к г. Каткову ∞ с письмом...*— Речь идет о письме Страхова в «Московские ведомости», в котором он разъяснял подлинный смысл своей статьи «Роковой вопрос», публикация которой во «Времени» (1863, № 3) явилась причиной запрещения журнала.

Стр. 256. *Каткову не отвечаем. Ведь вы знаете почему?* — Намек на цензурные условия.

Стр. 256. *Нет ни одной статьи, которой бы я скрыл.∞ Что ж запрещено что ли писать под псевдонимом.*— Статью «Стрижам» Антонович заключил словами: «Если вы хотите, чтобы ваши противники выступали перед вами с настоящими фамилиями, то делайте и вы сами это, не скрывайтесь...»

Стр. 256. *«Современнику». И до чего вы дошли: две статьи, две статьи разом...*— Эта запись использована в «Необходимом заявлении».

Стр. 256. NB. *Об обеспечении духовенства «День», 29 августа.*— Имеется в виду статья «О православном духовном ведомстве в России (составлено в 1859 г. по официальным источникам)», которой открывается № 35 газеты «День». В статье говорится о жалованье и доходах духовенства и отмечается недостаточность содержания священников бедных приходов.

Стр. 256. *...в ответ «Современнику» на его майскую выходку против «Дня».* — Имеются в виду «Литературные мелочи» Щедрина, целый раздел которых посвящен газете Аксакова «День».

Стр. 257. *Если можно согласиться с идеями Бокля о влиянии климата...*— Речь идет о книге английского историка Бокля «История цивилизации в Англии» (русский перевод выходил в 1864—1866 гг.), которая была очень популярна в России.

Стр. 258. *l'homme de la raison, l'homme de la nature et de la vérité.*— Руссоистское представление о естественном человеке, не испорченном неправильными условиями жизни. Слова эти — несколько искаженная цитата из «Исповеди» Руссо: «Je veux montrer à samblables un homme dans toute la vérité de la nature, et cet homme — se sera moi» (Я хочу показать своим собратьям человека во всей правде его природы,— и этим человеком буду я).

Стр. 258. Наброски к «Крокодилу» («Эпоха», 1865, № 2).

Стр. 258. «Волос» и «Известия».— Пародируются названия газет «Голос» и «С.-Петербургские ведомости».

Стр. 258. *...55-ую статью об ассоциациях рабочих во Франции.*— Иронический намек на большую работу Ю. Жуковского «Историческое развитие вопроса о рабочих ассоциациях во Франции», опубликованную в «Современнике», 1864, №№ 4 и 6.

Стр. 258. *Степанов* — Н. А. Степанов (1807—1877), известный карикатурист «Искры» и «Будильника».

Стр. 258. *«Чайник»*...— Пародируется название сатирического журнала «Будильник».

Стр. 259. *Влюбляется в муттер.*— Этот мотив не нашел своего осуществления в печатном тексте «Крокодила».

Стр. 259. *Я утопил уже «Читальню».* — Пародируется название журнала «Библиотека для чтения».

Стр. 259. *Нигилисты: Читали «Откуда», «Покуда», «Накануне», «Послезавтра», «Зачем», «Почему».∞ «Как?»* — Достоевский пародирует названия романов «Накануне» Тургенева (1860), «Некуда» Лескова («Библиотека для чтения», 1863), «Что делать?» Чернышевского (1863).

Стр. 259. *Это все я написал.* — Достоевский использует слова Хлестакова.

Стр. 259. *Стрижи, стрижи. Все это мелькало.* — Запись подчеркивает полемический характер «Крокодила». «Стрижи» — так назвал Н. Щедрин «драматическую быль» о редакции «Эпохи» («Современник», 1864, № 5), и это название неоднократно обыгрывалось в полемике обеими сторонами.

Стр. 260. *«Своевременный».*— Пародируется название журнала «Современник».

Стр. 260. *Немец, показывая крокодила ∞ несравненно полезнее Рафаэля.*— Пародийная перефразировка Писарева.

Стр. 260. *Родные «Выписки», привесок к «Волосу».*— Имеются в виду «Отечественные записки», редактором-издателем которых был издатель «Голоса» А. А. Краевский.

Стр. 260. *Утоплю и «Выписки» ∞ для того, чтоб все подписчики «Выписок» устремились на «Волос».*— Краевский в «Голосе» (1864, № 293, 23 октября) поместил большую статью (два подвала) под названием «Переворот в журналистике. (Заметки постороннего наблюдателя)» за подписью А. М—в. В статье утверждалось, что ныне, в связи с повышенным интересом к международным событиям и расцветом газет, ежемесячные журналы с их неизбежно запаздывающими политическими обозрениями теряют свое значение: «Будущность нашей журналистики принадлежит несомненно ежедневным газетам и литературным ученым обозрениям». С 1865 г. «Отечественные записки» стали двухнедельным изданием, о чем заблаговременно, еще до публикации статьи в «Голосе», широко оповещали объявления Краевского.

Беззастенчивая самореклама Краевского в период подписной кампании вызвала возмущение в литературных кругах. Особенно негодовали редакторы толстых журналов. Подробно Достоевский писал об этом в статье «Каламбуры в жизни и в литера-

туре» («Эпоха», 1864, № 10). О ловкости Краевского писал и Антонович («Современник», 1864, № 11, «Литературные мелочи»): «Читай „Отечественные записки", ибо только они выдвинулись вперед, отказавшись от рутинной толстоты, только у них есть ловкий редактор с ловкостью в своем роде неподражаемою, только они одни все делают в „твою пользу, не жалея ни трудов, ни издержек"».

Стр. 260. *Застал Зайцева.*— Имеется в виду известный критик «Русского слова» В. А. Зайцев.

Стр. 260. *Изрыгновение.*— Этот эпизод освобождения Ивана Матвеича из недр крокодила должен был, очевидно, составить продолжение «Пассажа в Пассаже», так и оставшегося незаконченным вследствие закрытия «Эпохи».

Стр. 262. (NB *...обиделась, что муж позволил ей иметь любовника*).— Достоевский иронизирует над требованиями женской эмансипации и свободы чувства, провозглашенными в романе Чернышевского «Что делать?». Позже, в «Преступлении и наказании», Лебезятников пародирует эти требования новых людей, заявляя, что если бы он женился, то бы «кажется сам привел к жене любовника, если б она долго его не заводила».

Стр. 262. *...Евгения Тур* — псевдоним русской писательницы Е. В. Салиас де Турнемир (1816—1892), в эти годы систематически сотрудничавшей в «Голосе».

Стр. 262. *Люди дикие любят независимость и т. д.*— Имеются в виду слова Карамзина: «Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок: а нет порядка без власти самодержавной» («Марфа Посадница»).

Стр. 263. *Кастельфидардо, о слове вспороть, чтоб либеральнее...* — В первой статье «Голоса» 1864, № 288, 18 октября, автор называет Гарибальди борцом за свободу Италии, «героем Марсалы и Кастельфидардо» и в то же время осуждает итальянского патриота за несогласие с франко-итальянской конвенцией, за требование «выгнать французов из Италии не в два года, а в два часа», называет его «выходку» тем роковым шагом, который отделяет великое от смешного.

В статье «Каламбуры в жизни и в литературе» («Эпоха», №10), обличающей пустоту, беспринципность и меркантильность Краевского, Достоевский упоминает, в частности, о «последних штучках с героем Кастельфидардо». Краевский допустил грубую ошибку, спутав победу генерала Чиальдини при Кастельфидардо с победой Гарибальди в Сицилийском походе при Калатафими 15 мая 1860 г., расположенной недалеко от Марсалы. Сам Гарибальди писал о том, что «победа при Калатафими была бесспорно решающей в походе 1860 г.» (Гарибальди. Мои мемуары. М., 1931, стр. 103). Энгельс также характеризует битву при Калатафими как «поистине один из наиболее удивительных военных подвигов нашего столетия» (т. 15, стр. 63). Грубая ошибка Краевского осталась в памяти Достоевского.

«Современник» неоднократно писал о беспринципности Краевского и его сотрудников. «Заговорит, например, „Голос" о Гарибальди и воображает, что говорит либерально, а на деле слова его таковы, что даже „Петербургские ведомости" упрекают их в нелиберализме. Видит Краевский, что дело плохо, спешит исправиться, снова начинает говорить о том же предмете, но уже до того либерально, до того пересолит, что выходит комедия» («Современник», 1864, № 12. Посторонний сатирик. «Литературные мелочи»).

Стр. 263. *«Головешка».*— Пародируется название демократического журнала «Искра» (ироническое наименование, принятое в кругу сотрудников «Времени»). Уже в «Скверном анекдоте» (1862) фигурирует «сотрудник Головешки», в письмах Ап. Григорьева «Искра» не имеет другого названия.

Стр. 263. *Сотрудник Игдев...*— Постоянный сотрудник журналов Достоевского И. Г. Долгомостьев (см. стр. 237). Он был включен в список «всегдашних сотрудников» журнала в объявлении об издании «Эпохи» на 1865 г. (единственное объявление, в котором перечислены постоянные сотрудники). Долгомостьев принимал деятельное участие в полемике с «Современником»; так во «Времени», 1863, № 3, напечатана его резкая статья (по поводу критики «Современником» педагогического журнала Л. Н. Толстого «Ясная Поляна») под названием «Сказание о дураковой плеши». В связи с этой статьей В. А. Зайцев в «Русском слове» (1863, № 8) издевался над непониманием Игдевым Молешотта. В «Необходимом заявлении» Достоевского, написанном в то же время («Эпоха», 1864, № 7, цензурное разрешение 19 сентября), Достоевский раскрывает псевдоним автора этой «научно-полемической статьи», а в следующей заметке, завершающей полемику: «Чтобы кончить. Последнее объяснение с „Современником"» («Эпоха», 1864, № 9, цензурное разрешение 22 ноября), Достоевский приводит выдержки из новой, неопубликованной редакцией «Эпохи» «учено-полемической статьи» Игдева, где автор не только спорит с «Современником», а и «с ними схватывается и даже ругается».

Весь абзац «*Сотрудник Игдев* [*обещал*]» вместе с предшествующей фразой и текстом на стр. 264 (абзац «*Не имея статьи для 1-го №*») является наброском редакционного предисловия, которым начиналась публикация «Крокодила» в журнале «Эпоха».

Стр. 263. *Естествоиспытатель Косица.*— Косица, псевдоним Н. Н. Страхова, одного из основных сотрудников «Времени» и «Эпохи». Диапазон интересов Страхова был очень широк: он писал философские, естественнонаучные, критические статьи.

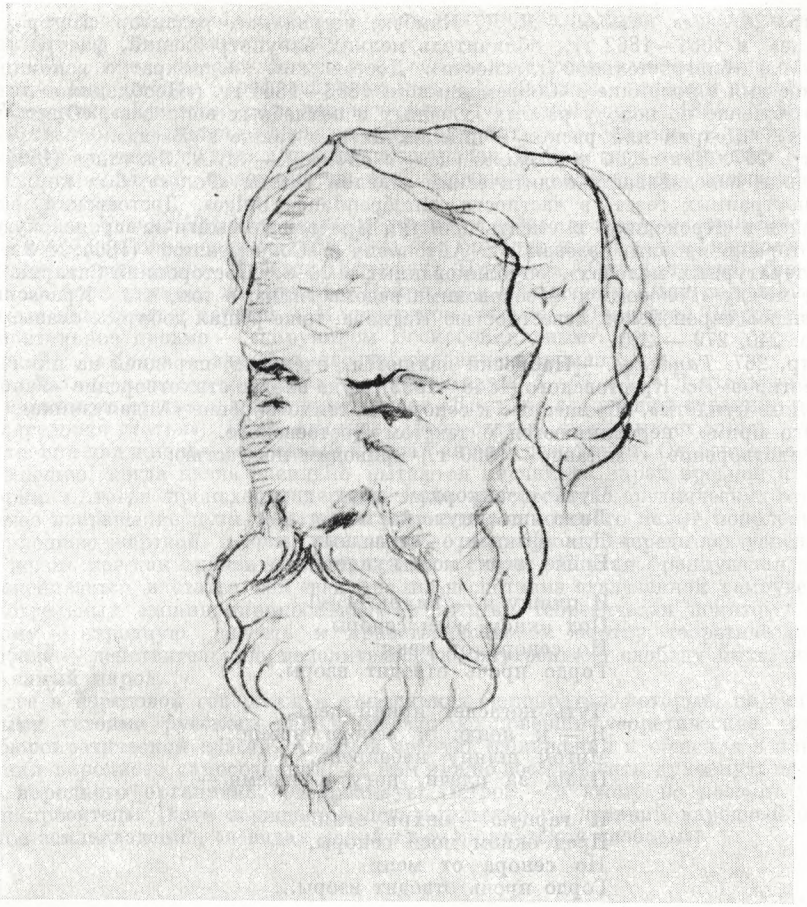


РИСУНОК ДОСТОЕВСКОГО В ЕГО ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ, 1864—1865 гг.
Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Стр. 264. *...да и что такое детство? Отсутствие хряща и недостаток фосфора в мозгу....*— Здесь пародийно использовано рассуждение В. А. Зайцева о вредном влиянии на умственные способности человека употребляемой им пищи с недостаточным содержанием «фосфорного жира и белка» (рецензия о переводе «Учения о пище, общепонятно изложенного Молешоттом» — «Русское слово», 1863, № 8).

Стр. 264. *В долину слез гражданских / Ударила гроза.*—Выражение «гражданские слезы» (из стихотворения И. Гольц-Миллера «В сердце грусть тяжелая».— «Современник», 1864, № 2) высмеивалось Достоевским в статье «Г-н Щедрин и раскол в нигилистах» («Эпоха», 1864, № 5), а также Страховым в «Заметках летописца» («Эпоха», 1864, № 4). В стихотворении есть следующая строфа:

Позади бесцветная
Дней былых равнина,
Спят в ней безответные
Грезы гражданина.

Стр. 264. *Милюков, рассказы.*— А. П. Милюков не только был в дружеских отношениях с Достоевским, но и печатался в его журналах: так, в «Эпохе», 1864, № 8 (цензурное разрешение 22 октября) был напечатан рассказ Милюкова «Посмертные записки одного скитальца».

Стр. 266. *Где разумная причина, где выгода?* — В этом диалоге пародируется рационализм Писарева и его единомышленников.

Стр. 266. *Для меня нужна одна только сигара, а все прочее вздор.*— Этим намеком на «гнусную слабость» «особенного человека» Рахметова заканчивается диалог, направленный против «новых людей».

Стр. 267. *Лев Камбек.*— Л. Л. Камбек, журналист, редактор «Петербургского вестника» в 1861—1862 гг., обличитель мелких злоупотреблений, фигура типичная для эпохи «благодетельной гласности». Достоевский неоднократно вспоминает это одиозное имя в полемике с «Современником» 1863—1864 гг. («Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов», «Опять молодое перо», «Г. Щедрин или раскол в нигилистах»), а также в «Бесах».

Стр. 267. *Краевский и Загуляев (газета «Волос»).*— М. А. Загуляев (1834—1900), публицист, заведовавший политическим отделом газеты «Голос», был корреспондентом иностранных газет, в частности «Indépendance Belge». Достоевский, вероятно, собирался в «Крокодиле» высмеять попытки Краевского выйти на европейскую арену, над которыми ядовито издевался и Антонович в «Современнике» (1864, № 8 и № 12). В «Литературных мелочах», опубликованных в № 8, Посторонний Сатирик писал о распре между «Голосом» и «Московскими ведомостями», о том, что Краевский, соблазнившись европейской известностью Каткова, тоже решил добиться славы. См. также стр. 240, 279 — 280.

Стр. 267. *Fandango.*— Наброски являются, очевидно, пародией на цикл «Испанских мотивов» Вс. Крестовского (1840—1895), куда входит стихотворение «Fandango»— «страстные куплеты», обращенные к сеноре, и стихотворение «Андалузянка», строки которого прямо перекликаются с текстом Достоевского.

Стихотворение «Fandango» (1860 г.) приводим полностью:

Чуть с аккордом двух гитар
Лихо щелкнут кастаньеты —
Для фанданго страстных пар
Бойче всех мои куплеты.

И пляшу я — вихрь огня!
Под окном моей сеноры,
Но сенора от меня
Гордо прочь отводит взоры.

Чуть погаснет яркий день,
Я — к коню: к сеноре время!..
Мигом шляпу набекрень,
Плащ за плечи, ногу в стремя —

И гарцую — вихрь огня!
Пред окном моей сеноры,
Но сенора от меня
Гордо прочь отводит взоры...

Эй, сенора! не пугай! —
Что за чванство! род твой знают,—
Но к высоким башням, знай,
Тоже лестницы бывают!..

Стр. 268. *Я должен стоять за то, чтоб мне было как можно выгоднее. ∽ Выгоднее мне всего — я, я сам.*— Эта и ей подобные записи — пародийная интерпретация теории разумного эгоизма Чернышевского. См. также в «Преступлении и наказании» рассуждения Лужина.

Стр. 268. *Семеном Захожим доставлено.*— В журнальной публикации: «Семеном Стрижовым доставлено».

Стр. 269. *...дорога решена на Харьков.*— В обозрении внутренней жизни «Эпохи» (№ 7, «Наши домашние дела») сообщалось, что 15—18 июля 1864 г. праздновалась закладка железной дороги «от Москвы к Черному морю».

Стр. 269. *Ледрю-ролленовского чего-нибудь подпустите* — т. е. чего-нибудь либерального. Александр Огюст Ледрю-Роллен (1808—1874) — французский политический деятель демократического направления.

Стр. 269. *Книгопродавцы дают деньги. Записки из крокодила.*— Мотив издания записок из недр крокодила не был использован в окончательном тексте повести, может быть, он должен был войти во вторую часть.

Стр. 269. *Карикатура г. Степанова (генерал и дворник).*— Очевидно, имеется в виду карикатура в № 1 сатирического журнала «Будильник», начавшего выходить под редакцией Н. Степанова в 1865 г. Целая серия карикатур в первом номере иллюстрировала задачи нового журнала — будить общество. Одна из них изображает «Будильник» в виде дворника с метлой в руках, который будит спящего. Подпись под карикатурой гласит:

«Будильник — разоряется на подарки.
— Динь, динь!..
— Что надо?

— За мудрое изречение наше: „У меня нигилистов не будет — всех вымету", я приношу в дар дворницкую метлу».

Стр. 269. *...стали похожи на негра, а след. должны уступить высшей расе западно-европейца.*— Пародийная перефразировка мысли В. Зайцева, который в рецензии на книгу Катрфажа «Единство рода человеческого» («Русское слово», 1864, № 8) писал, что в умственном отношении негры не могут сравниться с белыми. В рабовладении Зайцев видел «лучший выход» для цветных народов. В «Заметках летописца» («Эпоха», 1864, № 8) приводятся выдержки из этой рецензии, справедливо вызывающие насмешки Страхова.

Стр. 272. *...Кузьма Прутков умер еще третьего года ∽ посмертное сочинение его...*— В «Свистке» № 9 («Современник», 1863, № 4) был опубликован «Краткий некролог» и два посмертные произведения Кузьмы Петровича Пруткова «Опрометчивый турка, или приятно ли быть внуком» и «Проект». Некролог и примечание были подписаны «племянниками покойного»: первый — Калистратом, второе — Тимофеем Шерстобитовым, сопроводительное письмо — «поручиком Воскобойниковым».

Стр. 272. *«Брак»* — замысел неосуществленного романа.

Стр. 273. *С петровской реформой ∽ («День», № 5, 65 г.).*— Достоевский имеет в виду передовую статью в указанном номере «Дня» (на следующей странице им отмечено: «передовая статья»). И. С. Аксаков, автор статьи, высказывает мысль, что «деспотизм теории над жизнью есть самый худший из всех деспотизм». Особенно же вредно, по его мнению, когда извне насильно пытаются подчинить народ вредной и чуждой ему теории: «...тогда происходит нередко такое расстройство органических отправлений, такое извращение пути народного развития, от которого целые поколения гибнут бесплодною жертвой, и разве только после долгой-долгой череды лет успевает народная жизнь кое-как оправиться и наладиться снова». Первая французская революция расценивается в статье как «вакханалия деспотизма отвлеченной самоуверенной мысли отдельных единиц, приносившего в жертву теоретически понятому идеалу народному — народную совесть и нравственность, в жертву теоретически понятой свободе — действительную, неполитическую, внутреннюю свободу быта, идее народа — самый народ...»

Далее в передовой говорится о чиновниках-бюрократах, которые, не считаясь с коренными устоями русского народа, насаждают новейшие теоретические принципы путем бюрократической власти. Аксаков требует «сближения и общения с народом», понимания народного самосознания: «...нам нужно восстановить духовную цельность нашего народного организма, разорванную Петром,— и этому не пособит вдруг... никакой проектец». Далее осуждается посягательство на древний народный быт, на общинное землевладение, «в видах какой-то экономической свободы».

V. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА (1864—1865)*

Политическое обозрение

Новые изобретения вроде пороха.

В то время, когда Гольштейн со Шлезвигом, у нас Кавказ покорился. Все наши искусственные границы (Финляндия, Польша) — суть естественные и приобретенные бессознательно. ⟨...⟩ Другое дело — Пруссия. Силой она соберет Германию. В то время, когда Австрия будет разрываться, Западная Германия частию примкнет к Пруссии, частию — к Франции. Тогда изменится карта Европы. //

Весь реализм Писемского сводится на знание, куда какую просьбу нужно подать.

Сила не нуждается в ругательствах.

Обломов. Русский человек много и часто грешит против любви; но и первый страдалец за это от себя. Он палач себе за это. Это самое характеристичное свойство русского человека. Обломову же было бы только мягко — это только лентяй, да еще вдобавок эгоист.

Это даже и не русский человек. Это продукт петербургский. [Это] Он лентяй и барич, но и барич-то уже не русский, а петербургский.

«С⟨овременни⟩ку». Все из лучиночек, взгляд комический. Вы так сделали, что ваш взгляд уважать нельзя.

Все мещанство социализма проявилось в вас, так же как // в «Голосе» все мещанство петербург⟨ско⟩го либерализма. //

Н⟨игилистка⟩. Куда стремишься, офицер?
Оф⟨ицер⟩. Стремлюсь ослободить Россию!
Н. Давно ли ты ротный командир и влопался в сию стихию?
Оф. Давно ль власы остригла ты?
Н. С тех пор, как о вопросе женском
Познала первые мечты.
Оф. Служа при Бантыше-Каменском,
Средь деревенской простоты,
Не мог познать я сих вопросов.
Во всем полку один лишь Носов,

---

* *Эта книжка открывается записью, сделанной карандашом на первой странице. Большая часть текста стерта и требует специальных средств для полной расшифровки. Запись посвящена той же теме о «естественных границах», о которой идет речь в предыдущей тетради (см. стр. 243).*

Поручик, «Сына» получал,
Но о вопросах «Сын» молчал.
Спрошу теперь, как истый Росс,
Что значит женский сей вопрос.
Н. Мне кажется, что ты не рос
Оф. Я Росс!
Н. Но ты меня не понял,
Я говорю, что ты не рос
Лишь в смысле том, что не дорос.
Оф. Твой каламбур меня не пронял.
Н. Но я сейчас тебя пройму;
Представь сознанью своему,
Что лучше резать нам лягушек //
И этим обществу служить,
Чем лишь в печении ватрушек
По-рабски время проводить.
Я жить хочу по убежденьям,
Хочу любить, хочу свистать,
Служить по земским учрежденьям
И в парламе́нте заседать.
Когда же мне закон природы
О лоне брачном возвестит,
Тогда хочу обресть свободы,
Приди хоть сам митрополит!
Вы нас учили рукодельям
И танцевать и приседать,
И ретроградно, от безделья,
Послушно вам * детей рожать
Не верю я всем этим штукам,
Из нас вы сделали тетерь!..
Поверь естественным наукам
И Благосветлову поверь!
В природе есть ли кринолины
Иль перед формулой дрожа **
Идет ли гусь на именины?
Ну есть ли тетки у ежа? *** //
Стушевался
Огрибел
Готовые барышни. //

25 августа ⟨1864 г.⟩ ночь в типографии
21 августа — припадок. //
Припадки.
5 июля — припадок средний.
21 августа — из *сильных*.
18 сентября — *средний*.
29 сентября — *средний*.
15 ноября — средний.
12 декабря — большой.
22 февраля — большой.
2 мая — большой.
9 мая — средний. //

---

* *Над строкой*: Вам каждый год
** *Над строкой*: Предрассудком дорожа
*** *Далее следуют наброски новых строф, большей частью перечеркнутые автором*

Он Пилат студентской дружбы,
Он ученый зрелых лет,
Он полковник русской службы,
Русской мысли он кадет. //

Пишущий с акцентом вроде того, как говорит с акцентом.

Ант⟨онович⟩
Мало того разрушил — сдунул г-на Тургенева с русской литературы.

Свою мертвящую хронику прогресса.

Малоизвестный г. Пыпин
Оберни⟨?⟩
Простой шиш г. Ант⟨онович⟩ и маленький шиш Г. М. с гражданской слезой на глазах //

Передовые *статьи в генваре*
О помещичестве и белоручничестве в нашей литературе
О примирении *общечеловека с почвой*//
Рама есть удел Запада, от формулы они и погибнут, формула тянет к муравейнику. Как можно больше оставить на ⟨?⟩ живого духа — [тогд] это русское достояние. Мы приняли святого духа, а вы к нам несете формулу. //

Тема

То, что называется в России *обществом*, набиралось и составлялось из помещиков. В последнее время из чиновников (буржуазия).
— Теперь помещиков нет. Наше общество должно быстро измениться.

Яблоко натур⟨альное⟩

Вы хотите заставить человечество не объясняться образами (режь нос). Человек с самых первых времен объяснялся образами. Каждый язык полон образами и метафорами. Вы посягаете на образное изложение мысли, вы заговорщики против прогресса, бедные, несчастные невежды.

Формальность — достояние. //

Каткову.
Вы пользуетесь теперь русским духом как государственный человек, в виде хорошего средства для вызова, но вы этим не вызовете.

Для «Голоса»
Серебром лишь побряцал он.
На небе много звезд прекрасных — одним словом ровно столько же, сколько может явиться в Петербурге политических обозревателей (серебром лишь побряцал он).
Нашелся же для известных идей г. Скарятин. Найдутся и Анд⟨рея⟩ Краевского [писатели] люди, которые будут ему писать все что угодно и *как* ему угодно, одним словом будут развивать его литературные мысли и даже мечты, так // как самому ему, за делами, некогда. //

Ал. Толстой — 3
Дудышкин — 4
Анненков — 2
Бенедиктов — 5
Стасюлевич ⟨?⟩

С.-Щедрин ⟨?⟩ — 6
Шеншин — 8
Лавров — 7 //

Получено с разменного билета в 5000
по 96 р. 35 к. [с %
с тетки 962 р. 50 к.

5
4810
2,50
4812,50

Из них 3480 р. — отдал Эмилии Федоровне
300 р. — в редакции
200 — Нейшеллеру
50 — Филиппову
20 — Александрову
35 — переводчику
500 — процентов тетке
4585

4812
4585
227

Следовательно я оставил у себя 227 р.

Счет 227 р.

№ { 65 р. — в кармане
3 — отд. Паше
15 — получу от Страхова
150 — Александ⟨ру⟩ Павловичу

Итого 233

След. передержал своих — *6 р.*

Мой счет с Эмилией Федоровной

взял — 50
еще — 10
50
10
6
на поездку 45

Сверх того — 3
Под вексель брал — 26
в «Голос» — 4
30

Алек⟨сандру⟩ Павловичу 150
+ 83
436
Reste 120 р.

436
— 30
406 //

60
440
— 60
380

380 р. я должен в редакцию. 15 августа
15 августа 2240 р. получил у Эмилии Федоровны на журнальные расходы.
28 августа получил 900 р. //

8 сентября взял у Эмилии Федоровны 500 р. для журнала.
У ней осталось 2575 р. //

17-го полотерам — 1 р. 50 к.
— чаю — 1 р. //

КОММЕНТАРИИ

Поскольку эта записная книжка велась Достоевским параллельно с тремя предыдущими, комментарий ко многим материалам, находящимся в ней, имеется в примечаниях к записной книжке II и записным тетрадям III и IV.

Стр. 284. *Все из лучиночек.* — См. стр. 246, 250, 275.

Стр. 284. *Все мещанство социализма проявилось в вас...* — См. стр. 256.

Стр. 285. Наброски к пародии «Офицер и нигилистка» см. также на стр. 250, 304.

Стр. 285. *...Благосветлов.* — Г. Е. Благосветлов в 1860—1866 гг. — редактор журнала «Русское слово», органа радикально-демократического направления.

Стр. 286. *...сдунул г-на Тургенева с русской литературы.*— Имеется в виду статья М. А. Антоновича «Асмодей нашего времени». Об ироническом отношении к ней Достоевского см. также на стр. 251 и 276.

Стр. 286. *...Г. М. с гражданской слезой на глазах.* — Имеется в виду И. Гольц-Миллер, автор стихотворения «В сердце грусть тяжелая» (см. стр. 281).

Стр. 286. *Яблоко натуральное.*— См. стр. 251 и 277.

Стр. 286. *Серебром лишь побряцал он.*— Эту строчку из баллады А. Мицкевича «Воевода» в переводе Пушкина не раз использует Достоевский, высмеивая продажность сотрудников газеты «Голос». (См. стр. 213 и 241).

Стр. 286. *Нашелся же для известных идей г. Скарятин.*— Против статьи В. Д. Скарятина («Русский листок», 1863, № 1), обвинявшей в петербургских пожарах 1862 г. передовую молодежь и студенчество, Достоевский резко выступил в статье «О новых литературных органах и новых теориях» («Время», 1863, № 1).

VI. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ (1872—1875)*

23 декабря 72.//
Текучие фразы.
Белинск⟨ий⟩: он тосковал только. Зачем не сейчас, зачем не так скоро. Он, конечно, имел самолюбие, но саморисования в нем не было. Он предвидел высшую цель.

Ведь общегражданe все показали тыл; они вам изменили, захватили свои деньги и убежали в Европу.
И с удовольствием ощущали в Евр⟨опе⟩ ** свою обеспеченность.//

О том кто здоров и кто сумасшедший. Ответ критикам.
Предрешить заране. Таков Кириллов русский идеалист. Чутье-то верное (вроде Белинского: Сначала решим о боге, а уж потом пообедаем).
Гороховый князь.
№. Статья о многоразличии современного общества, потеряли образы, тотчас стерлись, новые же прячутся. Дворянство, крепостные, за это давало правительству службу и образование преданья, дворянская литература, понятия, вдруг хаос, люди без образа — убеждений нет, науки нет, никаких точек упора, уверяют в каких-то тайнах социализма — Люди, как Кириллов, своим умом, страдающие. Главное, не понимают друг друга. Всю эту кисельную массу охватил цинизм,— молодежь без руководства бросается. Как можно, чтоб Нечаев мог иметь успех. Меж тем несколько предвзятых понятий, чувство чести — ложное понятие о гуманности. Самое мелкое самолюбие. Взгляните на литературу, как она удержимо выражает свои цели, свой гнев, свою брань, свою торопливость.
Кириллов. Он прекрасен, ему не вколотите в голову, что он более вреден, чем полезен ***.
Когда-нибудь мы выразим их торопливость.
«Гражданин» обязан представить картину.
Нечаев — неужели нет, кто бы сказал, что это действительно гнусно.
Колупали!
Совсем некого уважать (вот язва теперешнего), как несерьезно у нас принялось просвещение прежнее. Лица без образов —

С другой стороны, штундисты.//
Но неужели вы не заметили, что [все] даже величайшие дела в мире начинались с ужасно простодушных и наивных прим⟨еров⟩.

---

* *Бóльшая часть тетради занята записями к роману «Подросток», которые опубликованы.*
** *Над строкой:* заграницей
*** *Сбоку:* Послесловие к роману «Бесы».

Человек весьма часто принадлежит известному ⟨роду⟩ убеждений вовсе не потому, что разделяет их, а потому что принадлежать к ним красиво, дает мундир, положение в свете, зачастую даже доходы.

Они уехали без сознания вины своей [перед], да и не могло быть иначе. Они сами не понимали, что сделали. Так как в слове европеец уже заключается отрицание — француза, немца — и проч., то и у нас обратно, перешло в отрицание русского,— приготовили отвлеченность высшего сословия нашего.

Все реформы были сделаны прежними людьми, мимо помощи нашей молодежи,— она только свистела.

Декабристы бунт помещичий (западники).

Этих распотешившихся помещиков.

(совершенная правда ⟨?⟩)//

Затем. Мы приняли все дары Европы и приняли с яростию тем с большею, что сердцевину-то мы никак не могли принять, т. е. непосредственную живую жизнь Европы. И когда там даже самые общие философские и социальные учения принимают национальный оттенок, у нас Н. М⟨ихайловский⟩ толкует о том, что *националььное* вредно народу.

— все способные молодые силы обрекли себя на слепоту и глухоту социализма, не имеют мнения ни в чем, ложь и противуречие, об Нечаеве никто не смеет высказаться (даже о Татьяне).

Дуэль самоубийц. Греков. Юнгдорф — прилежная мать.//

Достоинство появлений ⟨?⟩ Нечаева совершенно равняется достоинству умолчания о Нечаеве, т. е. в том смысле, что одно другого стоит, и обозначает всю нетвердость нашего либерализма, всю несмелость, рабскую боязнь, что скажут и проч.//

У Успенья на Могильцах, дом Прибытковой.

Н. М⟨ихайловский⟩ Февр⟨аль⟩.

Вот почему: ни одно монашеское общество, ни в одном монастыре не было хорошо, даже с самых начал христианства, а отдельные монахи, отдельные святые были всегда, есть и теперь.

Национальность не нужно.

А из этого следует, что если народ вас не послушается, то вы тотчас же на него рассердитесь и от него отступитесь. И какие же вы деспотики! Нет вот желай этого, потому что это разумно. Да он прямо скажет вам, что это не разумно, потому что вы предрешаете природу его,

Мне так приятно, что я имею возможность говорить с человеком благодушным и горячим, так мило горячим.

Я бы желал, чтоб это было опровергнуто, как и корреспонденция о губернаторе-охотнике, который вдруг вышел совсем невинен.

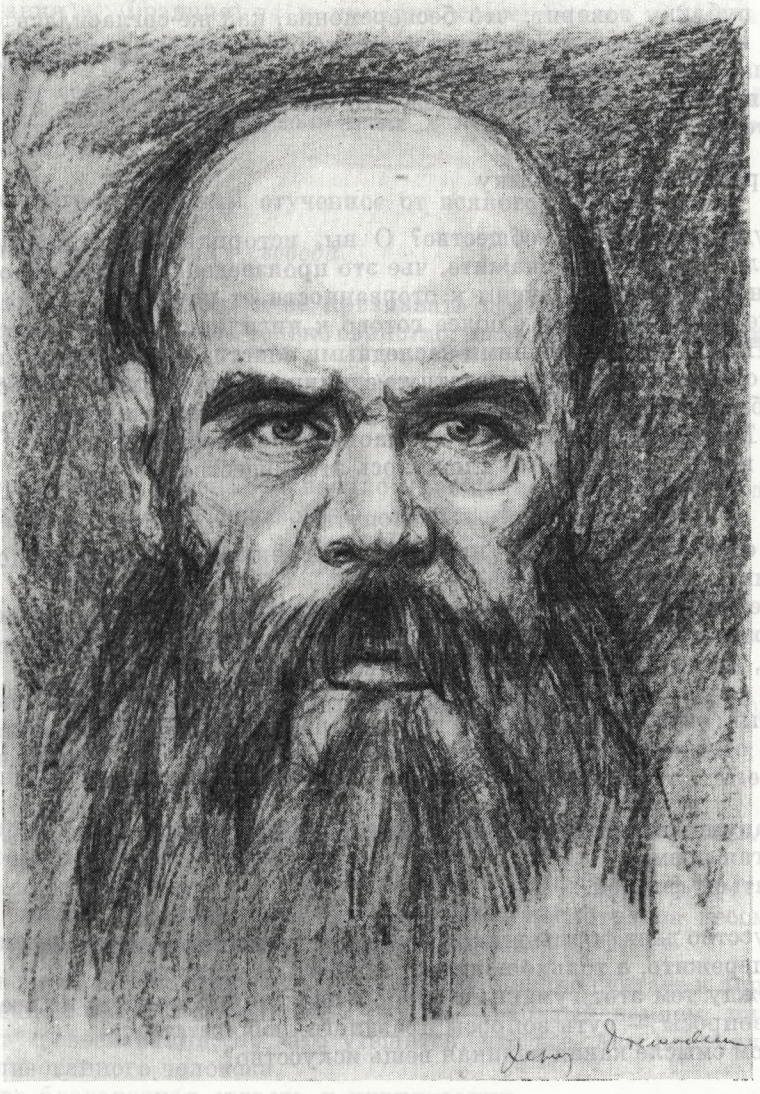
Средина же, новейшие либералы живут черт знает чем и довольствуются я уж и не знаю чем.

Что лик мира сего вы вашими теориями (разума) мало измените.

Н. М⟨ихайловский⟩ Напрасно говорят «легкомысленный».

Г. Пыпин. Пыпин не легкомысленный, г. Пыпин — тупица, угрюмая тупица. Что он прочел — это только воз с сеном — пока развалится телега. Староверы, считающие себя молодыми и новыми. В этом смысле славяноф⟨ильство⟩, конечно, есть обновление и новая мысль.

Социализм — это тоже христианство, но оно полагает, что может достигнуть разумом.



ДОСТОЕВСКИЙ

Рисунок (эскиз) В. Д. Фалилеева, 1921

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

К счастью, вас определяют человеком лет 30, т. е. в первой молодости.// Замечат⟨ельно⟩.

Червячок
Если без него нельзя, имел же, кроме питья, достоинства.
Нет я хочу идеала, то есть я всего хочу разом.

Вероятно, не имел, ponny и угодливость капризам. Он безобразник, но это безобразие то же самое, даже не ужаснее битья зеркал и тарелок *.
Жаль, но негодование, отвращение.
Надо было газет и публики —

* *Слева на полях:* Среда

О зачем вы не видывали ничего умнее.

Про публику говорят, что бесцеремонна, как же согласилась прийти?

Нет, настоящего живого чувства тут не было, тут была книжка в голове (если она образованная барышня).

Своенравие и современная идея, что все мне принадлежит, а я никому и ничего не должна.

Застрелиться под музыку

Откуда взялось это общество? О вы, историки наши, празднующие двухсотлетние юбилеи, скажите, чье это произведение, какие основания и возможности были положены к оторванности от почвы.

Наше общество — всех более готово к нигилизму. Слава богу, что не народ. Народ иными древними наследными властителями нашими их уродливою волей обращен был в податную единицу. Вера их та же: мне все равно, только бы двойной оброк платился. Но мы прерываем, эта песня не споется теперь. Мы знаем, что это еще слишком ранняя песня.

Под какими элементами сложилось это общество.

Шелопуты

Что если он посмотрит, наконец, на священника единственно как на чиновника от правительства.

Что если это движение имеет именно мысль самоспасения от растления, тогда возможно, что охватит всю Россию. Шелопутинское может умереть и нейти, но другое может подобное явиться.

Салтык⟨ову⟩. Это тайна, но только простая.— До того простая, что я даже и отгадываю: я подозреваю, что Гамбетта... Нет, впрочем, я не скажу ее.//

Аввакум: Задача женщины не в красивом виде.

Другая поэма.

Заняться формой.

Искусство дает формы выжитому чувству или пророчит, когда чувство еще не пережито, а только начинает загораться в народе.

А между тем этот гуманный глубок⟨ий⟩ вопрос, так что не все эстетические вопросы — суть вопросы праздного любопытства.

В этом смысле какая великая вещь искусство?

Буренина очень тонкие отметки, но допускает возможность поклониться и вершины Алтая.

Многое случилось великими предначертаниями Петра, обратившего священника почти что в чиновника.

Карл Фридрих Вильгельм dans le ventre *.

Эстетика есть открытие прекрасных моментов в душе человеческой, самим человеком же для самосовершенствования.

Я не удивлюсь, что самые жгучие вопросы смахивают на испанские дела.

Об России как об Испании.

И Н. М⟨ихайловского⟩ открывшего народ (при самых добрых, впрочем, намерениях [и с похвальной целью] и с самыми похвальными, впрочем, целями).//

* в желудке (*франц.*).

В сущности, республики —правительства аристократические (см. 35 №, «Гражд⟨анин⟩». Франция) да и продукт классического образования.

Коммунисты, уничтожение собственности, хотят общего благосостояния и отнятием собственности хотят ограничить порочную волю людей, но мне именно нужна *моя порочная воля* и *все к ним средства*, чтобы *мочь* от них отказаться.

Наше Петром Великим отученное от всякого дела общество.

Мысль статьи: *Полная свобода.*

Подавлять в себе долг и не признавать обязанности, требуя в то же время всех прав себе— есть только свинство, но это ведь так соблазнительно.

Хорошим примером человек живет.

Полтинная трущоба.

Матерьялисты признают начало (движение, теплота). Следственно признают *до начала.* Следство их, *все* не всегда бывало.

Дева — роза. Червячок. Ей надо было публики и газет.

Да отзовется же, наконец, трезвое понимание. *Среда.*
Страдание.

Графиня Гейдельберг. Так ведь там антихрист говорит языком, которому трудно противустать.

А у нас «Голос».

Национальность есть более ничего как — народная личность. Народ, ставший нацией, вышел из детства.//

Есть теперь р⟨усские⟩ писатели, которые, несмотря на несомненное дарование их, построили себе литературой дома.

Ибо всякий немец, прибитый русским, несомненно считает в лице своем оскорбленною и всю свою нацию. Русский, прибитый немцем, ничего не подумает* о своей нации, но зато утешится, что все-таки получил плюху от цивилизованного человека.

Такова благородная страсть к цивилизации.

Ибо все западники — есть лишь доживающее поколение помещиков.— Это все их мысли, их направление и их занятие. Отвлеченность и проч.

И к тому же находясь при собственном капитале.

Оба стыдящиеся подлеца. Стыдящийся собственной подлости, но при намерении подлость все-таки докончить. Что лучше: быть наивным подлецом или стыдящимся подлецом — что предпочтительнее. Ответ прямой: быть просто подлецом.

Это из так называемых стыдящихся подлецов, через крепостное право разъединившихся с народом.

NB. Вы довели до того, что идеи свои они больше не любят. Мы стояли на эшафоте с верою... уезжали с надеждою. А ваши питомцы стреляются не только безо всякой надежды, но и идеи никакой не имея, мало того, считая за глупость ее иметь **. Ему жизнь скучна!

---

* *Над строкой*: обвинит среду.
** Хотят ∽ иметь — *между строк.*

О злодеи, отравившие поколение.
Не вы, Н. М⟨ихайловский⟩, корни глубже!
Чего ему желать? Зачем ему жить? Кухарка 5 руб⟨лей⟩ потеряла.
Какая пустая и глупая шутка.
Самоубийца хочет убить себя, ищет мести.
В простенке умирающая мать спорила с дочерью, чтоб та ее содержала. Мировой присудил не содержать.

Дочь взрезала мать.
Эта страстная жажда науки! К каким блестящим результатам приведет она!
Мать, просящая обеспечить себя, этот трезвый взгляд на жизнь — к чему приведет нас!

NB. Настолько общине, насколько самому себе.
Решит жизнь и опыт.

Старые постарели.
А старье стареет с ужасающею быстротою.
NB. Где писатели, где поэты?

Бедное старье, ничего-то оно не сумело даже ответить. Смешнее всех старье, приписавшееся к молодым.

Атеизм есть болезнь аристократическая, болезнь высшего образования и развития, стало быть, должна быть противна народу. (Этой мыслью хотят воспользоваться, наконец, иезуиты. Смотри № 153 (20 июня) «Москов⟨ские⟩ ведом⟨ости⟩». Известие римского корреспондента «Times» по поводу посещения папы королевой Изабеллой.) (NB. что я предсказывал еще в «Бесах» и всегда.)

Неужели независимость мысли, хотя бы и самая малая, так тяжела.

О стихах. Легче мыслить. Л. П⟨апко⟩ва.

Классические языки — европеизм, либерализм.
(Бесплотный и беспредметный либерализм г. Пыпина,— мертвый либерализм.)
Когда-то была идея о mésalliance. Но уже вечные исключения из общего правила показывали [одну] ее несостоятельность.
Женщина [если достойна того нравственно] родится аристократкой и, если достойна того нравственно, всем равна, равна королям.//
Вот именно поэтому-то, что с меня требуется часть моего своеволия, я и не захочу его отдать.
Таким образом, в сущности, социализм возбуждает протест личности и никогда не осуществится...
Ваша разумность совсем неразумна; ибо она не укажет, что делать с протестом личности, кроме деспотического к нему отношения.
Но она перевоспитается в разумность и личностей не будет.
Но чем же вы мне докажете, что личность неразумна.
Все ваши доводы сводятся на ту новую часть серединной выгоды, которую мне даст ваша разумность. Но ни вы, ни наука ваша не докажет, что это исчерпывает всю личность человека.
Куда вы денете протест?
Какой протест?

Всякий. Дурной или хороший протест личности против стадности и вообще протест во что бы ни стало — прямо признать за нормальное, что этот протест порочен и карать за него. Это уже Китай.

(NB. Что она опозорена? Экая глупость, устройте только ваше глупое общество, иначе и два 0-о не будут смущать.)

Протест личности. Он всегда будет, а вы это пропустили.

Если хотите, я вас разрешу, всю вашу задачу сейчас вам формулирую. Я все слушал вас и допустил это прение так, от нечего делать, но чтобы кончить и развязать вас, я вам все скажу в двух словах: значит: есть и остается все-таки что-то, что возмущает вас (сундучок) и несмотря на все доводы о несуществовании нравственности — существует. Ну вот в этом вся и сила.

Программа к 10 № «Гр⟨аждани⟩на».

Из письма «одного лица».

Эту странную статью доставило лицо. Это лицо, то самое лицо, которое

Что за лицо? (Описание и биография.)

Что такое мысль о могилках.

40 писем в редакцию. Человек беспокойный. Его мучит тон — тон фельетонов.

Нападки на меня его взорвали. Он делал предложение написать. Я отклонил.

Но вот доставляет сам, не унялся. Странное письмо: сила слога равняется лишь наивности мыслей.

Не переделаешь, так пусть заявит. Но он даже думает переделать и пишет решительное увещание.

Первая половина статьи — моя защита. Я еще раз и уже резко объявил ему, что сам в силах себя защитить, но и не хочу даже пробовать

— и потому первой половины письма я не помещаю.

Да к тому же и несвоевременно.

Нападки прекратились в последнее время.

Н. М⟨ихайловский⟩ и Z — Этот Т. З.

Инсинуация иезуита. Но на нее я непременно намерен ответить, т. е. не прямо, ибо и не стоит говорить мне самому о моем романе, а по поводу того, ибо я все пишу, но лишь «по поводу». Отвечать же не позволил себе. Ругательства прекратились: 3 недели *назад* по меньшей мере несвоевременно, да и к чему тревожить муравейник? Но зато в письме есть вторая часть. Но вторая, хоть и дикая, но заслуживает внимания. В ней преподаются правила, так сказать, нравственности. Тут не называют

Я не скрою, что она писана для Петербурга и Москвы, но она может идти в правило для фельетонистов всех времен и народов.

Прибавлю, что сила слога равняется лишь наивности мыслей. Чтобы не огорчить человека и избавиться от 41 письма, я эту 2-ю половину письма его помещаю, выкинув у него, по праву, несколько резкостей, ибо «Гр⟨аждани⟩н» публикует, что он, в случае надобности, поправляет статьи.

Слог этот возьми до «*ты*», но тут никого лично.

В одах и императрице говорилось «*ты*».

Но, признаюсь, я удержал из первой половины письма лишь несколько слов в разъяснении свиньи.

Итак: «Письмо одного лица».

... И неужели слово свинья имеет столь притягательный смысл?//

Будемте порядочными людьми, господа. Приобрети же стыд и хотя бы маленькую воздержность в гневе твоем. И тогда уже буду уважать тебя не за ум только, а и за честность твою. Пожертвованное поколение.

Показывать свои части.

Ну что же в том, если я объявлю в афишках, что по субботам али по воскресным дням буду показывать одно обнаженное место.

Верю, что найдутся любители * и приедут во множестве **, но [ведь] будут ли уважать вас. Спроси себя сам: для того ли приедут они, чтоб уваж⟨ать⟩ тебя,— приедут, чтоб плюнуть и рассмеяться, ибо зрелища все более и более в ходу. Но того ли желал ты! Напротив, желал пленить, сколько я разумею, и ⟨пеняешь⟩ даже сам на себя. Скажи опять, что думать мне об уме твоем.

А ведь вы все показываете каждое воскресенье обнаженное место.

Вы бьете кулаками.

Это вы бьете кулаками.

Я адмирал.

Вр-р-ешь.

Ты меня дерзнул.

Врр-е-шь!

Ну а если Авсеенко — я прощу, ну что же ему бедному делать.

Пусть огорченный отказами редакции романический писатель ищет быть критиком ***.

Скандал — Нечаев — Костомаров.

Мысли у вас нет.

Караул.

Индюк.

Кто же не знает, что подписка, и вы травитесь— по приказу хозяев.

Масленица.

Караул!

Вы обязаны своим семейством и заборами у редактора, он же на кого натравит тебя, на того и бросаешься.

Но согласись, бесчестность мерзит.

Но согласись, что тем мерзее, что не из собственной обиды бросаешься, а науськанный лишь редактором, из карманных выгод его.

В порядочном обществе иногда остроумны.

Ну если вы встретитесь в обществе.

Фотографические картинки.

Ты меняешься в лице и садишься в угол — происходит потасовка и вас выводят.

Не уважаете общество. Однажды тип хорош, другой раз дурен, одноидейны все.

Не знают, что либерально, что нет.

Кудлатая ****.

Кто же не знает, что ты ругаешь газету-соперницу, потому что боишься, не отобьют ли твоих подписчиков.//

Дети дерутся именно тогда, когда еще не научились выражать свои мысли.

Кто бранится всеми словами разом.

Прием невозможный, наивный, у первобытных народов лишь замечающийся.

---

* *Над строкой:* приедут к тебе, опытные и любители зрелищ.

** *Запись сделана позднее другими чернилами.*

*** *Вписано позднее.*

**** *Вписано позднее, поверх старого текста.*

ГРАЖДАНИНЪ

ГАЗЕТА-ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

Журналъ „Гражданинъ" выходитъ по понедѣльникамъ, исключая 4-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (Мая, Іюня, Іюля и Августа), когда еженедѣльное изданіе замѣняется выпускомъ большой книги (30—32 п. л.). Въ случаѣ чрезвычайныхъ политическихъ событій будетъ выходить, кромѣ означенной книги, и еженедѣльное изданіе.

Объявленія принимаются, по 10 коп. за строчку петита: въ Редакціи, въ главной конторѣ при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова и въ Office de publicité russe, Михайловская улица № 2.

Редакція (Николаевская ул. № 9, кв. 1) открыта для личныхъ объясненій отъ 12 до 2 ч. дня ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ.

Рукописи доставляются исключительно въ редакцію; непринятыя статьи возвращаются только по личному требованію и сохраняются три мѣсяца; принятыя, въ случаѣ необходимости, подлежатъ сокращенію.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ „Гражданина" при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева; въ Кіевѣ, въ книжномъ магазинѣ Гинтера и Малецкаго. Иногородные адресуютъ: въ Редакцію „Гражданина", въ С.-Петербургъ.

Подписная цѣна:

За годъ, безъ доставки	7 р.	съ доставкой и пересылк.	8 р.
„ треть года „ „	3 „	„ „	4 „

(На другіе сроки подписка не принимается. Служащіе пользуются разсрочкою чрезъ гг. казначеевъ).

Подписчики, желающіе получить полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова приплачиваютъ два рубля.

Отдѣльные №№ продаются по 20 коп.

№ 34 1872 25 Декабря.

СОДЕРЖАНІЕ: О подпискѣ на 1873 годъ.—О перемѣнѣ редакціи.—Извѣстіе о болѣзни Государя Наслѣдника Цесаревича.—Взглядъ назадъ. Кн. В. Мещерскій.—Петербургское обозрѣніе.—Московскія замѣтки.—Наше юридическое образованіе. Окончаніе. Пуцыковичъ.—За-камская сторона. Очеркъ. Н. Казанцевъ.—Обвинителямъ земства. Одинъ изъ гласныхъ.—Изъ Одессы.—«Задачи психологіи». К. Кавелина. Ѳ. Гусевъ.—Ералашъ.—По поводу записокъ о всемірной исторіи А. Хомякова.—Изъ Гейне. Стихотворенія. М. Праховъ.—О статуѣ Петра Великаго, Антокольскаго. Висковатовъ.—Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЖУРНАЛЪ „ГРАЖДАНИНЪ"

НА 1873 ГОДЪ

Изданіе будетъ выходить разъ въ недѣлю, по понедѣльникамъ, въ размѣрахъ отъ 1½ до 2-хъ большихъ листовъ, въ теченіе всего года, безъ прерывовъ.

Введены будутъ значительныя улучшенія; но направленіе остается неизмѣннымъ.

Цѣна годовому изданію журнала „ГРАЖДАНИНЪ":

безъ пересылки и доставки	7 руб.
съ пересылкою и доставкою	8 „
За полгода: безъ пересылки и доставки	4 р.
„ съ пересылкою и доставкою	5 „
За треть года: безъ пересылки и доставки	3 „
„ съ пересылкою и доставкою	4 „

Для лицъ служащихъ допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ чрезъ казначеевъ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ редакціи журнала „ГРАЖДАНИНЪ"—Николаевская улица, № 9, и въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова. Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева. Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Гинтера и Малецкаго.

Иногородные адресуются въ редакцію „Гражданина", въ С.-Петербургѣ.

Первые пятьсотъ новыхъ подписчиковъ годовыхъ, на 1873 годъ, получатъ безплатно, въ видѣ преміи, или полное недѣльное изданіе за 1872 годъ, или лѣтнюю книгу въ 37 печатныхъ листовъ.

При редакціи предполагается, въ теченіе 1873 года, выпустить особымъ изданіемъ слѣдующія книги:

а) Романъ „Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ", съ иллюстраціями.

б) Романъ Б. М. Маркевича „Забытый вопросъ".

в) Англійскій романъ въ переводѣ: „Томъ Брауна школьные дни".

Всѣ годовые подписчики на 1873 годъ будутъ пользоваться правомъ пріобрѣсти каждое изъ этихъ изданій на 1 р. дешевле противъ продажной цѣны.

Сверхъ того, всѣ годовые подписчики на 1873 годъ будутъ имѣть право, предположенный къ изданію „Альманахъ", въ составъ коего войдутъ лучшія беллетристическія произведенія,—пріобрѣсти за полъ-цѣны противъ продажной.

Въ теченіе 1873 года, редакція надѣется помѣстить въ журналѣ „Гражданинъ" новое произведеніе Ѳ. М. Достоевскаго.

На обмѣнъ изданій съ редакціями, предложившими и имѣющими предложить таковой,—редакція согласна.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «ГРАЖДАНИН» НА 1873 г.

Первая страница журнала

«Гражданин», 25 декабря 1872 г., № 34

Новая газета, но выражается, как [какая-нибудь] некая петербургская торопыга.

Проницательности я с вас не спрошу. Лик общества быстро меняется, и никто вам не верит. Зачем же ты веришь.

Зачем вы так наивны и легкомысленны, вот чего не прощу тебе.

Ты войди с ним в литературную дружбу, не показывай виду, похвали его, подстереги и вдруг накрой ладонью — с сожалением, долго, дескать, крепился, но не мог, извините, и уж тут прихлопни. Бесчестно и подло, но хитрее и умнее твоего, то-то и есть, что не имеешь возможности выждать.

Внутренняя ярость выжигает тебя и ты поминутно пробалтываешься.

Идеи у вас нет.

Не прощу тебе, что ты веришь, что она у тебя есть.

Пиши: уверяй, клянись и божись, что имеешь их,— прощу тебе, ибо это твое ремесло. Но не верь себе самому. Если же веришь, что можешь иметь и идеи,— что подумаю об уме твоем. И я примирюсь с тобой, ибо докажешь тем ум. Уважать не могу тебя, но за ум примирюсь с тобой.

Но как же рассчитываешь после сего на мое уважение? *

Как же тебя били и как тебя еще обещались бить.

Подписчики. Свиньи. (Одесса.) Предположение до того уже нелепое, что даже и иные петербургские газеты не решились им воспользоваться,— что, по-видимому, означает, что в нелепости даже и для них существует предел,— явление во всяком случае утешительное **.

Ведь вы же не верите, что вам верят, или верите? Глупо. Стало быть, пишете так, потому что зудит, так сказать, искусство для искусства.

Это преувеличено.//

Зап⟨иски⟩ одного лица.

Сила слога его равняется лишь наивности мыслей, ибо он [серьезно удивляется тому] как бы вновь открыл то, что давно уже знают, и удивляется тому, чему давно уже перестали все удивляться.

Пишут некрологи один другого.

Мерещится мне, что вы, как те пьяница и адмирал, лежите в грязи, обиженные один другим, а прибиты каждый под окошком своей редакции. И далеко раздается ваш глас по зловонным улицам Петербурга,— но не приходит городовой вытащить вас из грязи, и продолжаете лежать в ней, мараясь и в ней захлебываясь.

Ибо вовсе вы уже не так подлы, как друг друга рисуете.

И добро бы ты сам за себя стоял, а то ведь для антрепренера, который нанял тебя.

Ведь ты знаешь, что тебе никто не поверит, ибо из честного человека никогда не сделаешь ты подлеца.

Неужели в слове свинья заключается столь магический и заманчивый смысл, что ты никак не мог не принять его на себя, почему бы это? //

Веский шандал из бронзы, которым гордится хозяин.

Редакция признает эту картину немного преувеличенною, несмотря на дальнейшие доказательства автора.

И твой партнер объявляет корону.

---

* *Запись сделана позднее.*

** Подписчики ∽ утешительное — *Запись сделана на полях позднее.*

Случай, может быть, даже совсем невозможный.

Его, так сказать, беспокоит и потрясает характер отношений.

Шандал, направляешь его в лоб.

Партнерка твоя, молодая дама, ожидавшая от тебя столько остроумия, когда садилась с тобою играть, спасется с криком под крыло своего супруга, значительного инженер-подполковника, который, [смотря] взирая с прочими гостями на поведение ваше, говорит ей: Видишь сама теперь, миленькая, чего можно ожидать от [них] сих «руководителей общества». Выпихнули. Ты лишился светского удовольствия, приятных хотя и невинных минут с петербургск⟨ими⟩ дам⟨ами⟩ и — ужина. Но ты бежишь вознаградить себя. Каждый из вас стремится [в раз] за свой письменный стол и к утру строчит об⟨иду⟩, наиядовитейшую статью с подробнейшим описанием всего происшествия (ибо по глупости своей ты сделаешь это наверно) с поминовением отца и матери, супруги и даже невинных детей его. Затем происх⟨одит⟩ то, что тебя допекает редактор —

Ибо бываешь же и ты в порядочном обществе. Если судить по твоим фельетонам, то ты запросто говоришь с генералами, с аукционерами, с половыми трактиров, с путешественниками иностранцами и даже читаешь наставления министрам... Мы встретились с генералом таким-то, я был у князя такого-то, у Палкина я встретил такого-то, говорил с такими-то, сказал он мне то-то, а я высказал ему это-то.

По твоим словам, распространенность твоя в свете поистине удивительна и равняется разве необходимости твоего присутствия в обществе, ибо по смыслу фельетонов твоих никакое дело без тебя и острых слов твоих не делается, но ты неловок и тут.

За обилием многих не имеешь ни одного. //

В фельетон свой ты напихиваешь столько генералов и акционеров, в тебе и в острых словах твоих имеющих нужду, что поневоле заключаешь, что нет у тебя ни одного, что ни с кем ты не говорил и никто твоего мнения не спрашивал, а просто закусываешь где-нибудь селедкой с луком у Палкина.

Будешь показывать себя нагишом или, что еще лучше, какое-нибудь свое секретное, но обнаженное место.

Кудлашку и в фельетонной грызне испытанную.

Сей гениальный возглас к Антропке и надрыв — может повториться не только между провинциальными мальчишками, но и между взрослыми, дошедшими уже до последних седин, членами современного, но взволнованного реформами и не установившегося нашего общества. Ибо между сими двумя антрепренерами-издателями двух современных газет разве не замечаешь Антропки! Знают, что нападения их друг на друга, брань, и даже самые рассуждения их совершенно останутся втуне, ибо никто их не слушает и никому до их дела нет в стремящемся к прогрессу обществе, а между тем ежедневно с надрывами и злобою повторяют их — и разве это не тот же Антропка?

Все знают, что ругаете⟨сь⟩ из⟨-за⟩ подписчиков, что ни за что не отобьют они друг у дру⟨га⟩ подп⟨иску⟩, поддерживая сих двух столичных Антропок.

Своим пером ты впадаешь в положение унизительное, ибо, судя по твоему литературному нетерпению и неумению владеть собою, имею право заключить и о нетерпении твоем в частных обществах.

Хозяин, чувствуя себя столь виноватым, просит общество забыть происшедшее, как бы его совсем не было.

Нагишом, т. е. совершенно без малейшего платья, причем каждый [заплат] из посетителей, заплативший деньги, может рассматривать тебя в сокровеннейших [отвратительных] твоих подробностях.

Тут главное надрыв: ибо он знал, что Антропка ему более не откликнется и практического результата из его восклицаний не выйдет, но он продолжал кричать, сколько лет, одолеваемый бессильною злобою: Антропка.//

Я согласен, что в приеме сем много безнравственного, и даже и безнравственнее всего, что ты написал. Но согласись, что умнее. Прошу тебя, недоум, сиди.//

Редактор объявляет, что он посмотрел, но противники отвергают статью твою, каковы ярость и унижение твои.

Каждый летит на извозчике, погоняя его в спину, домой*. Ты стремишься на легковом извозчике, который, погоняя невинную клячу свою, ви⟨ляющую⟩ от кучера своего, не понимает твоих волнений и, увы, не знает, что такое литература.

Мимоходом завидуешь его невинности и сознаешь к нему долг свой как богатого класса к народу.

Но идиллические чувства сменяют⟨ся⟩ фурьями. //

Орган людей с независимым убеждением
403 за билет 105 minimum.

Моя редакция.

«Дневник писателя». Текущая жизнь. С.-Петерб⟨ургское⟩ обозрение.
Политич⟨еское⟩ обозр⟨ение⟩. Текущ⟨ая⟩ жизнь.
«Дневник писателя». Текущ⟨ая⟩ жизнь.
Внутреннее обозр⟨ение⟩. Текущ⟨ая⟩ жизнь.
Есть статьи Юркевича?
Погодина?
Кельсиева?
Что-нибудь Пуцыкович.
Романы.
Комедия
и роман дамы.
Ожидается:
Что-нибудь от Филиппова.
Непременно от Мещерского.
Что-нибудь Соколов.
Постоянное сотрудничество Страхова.
Иметь в виду *Порецкого.*
Секретарь Соловьев.

Иметь в виду Богданова
и кто-нибудь пришлет —

Нумер более или менее будет являться постоянно с следующими именами

Мещерский
Страхов
Пуцыкович
Я
Кельсиев и т. д.
Текущая жизнь
Роман.

---

* *Сверху:* Или добытую за четвертную в уланском полку из бракованных.

Есть рукописи:

О монахах	— Фадеева
О земстве	— Незнакомца
№.Об открытии школы	— Странствование Парфения
Письмо дамы	— Правила Апостольские
Кельсиев	— С Филипповым
Белов	— Взять *Жития* и Полевого
Страхов	— Мою тетрадку каторжн⟨ую⟩
Повесть (Мещерского)	— Часть «Войны и мира»
М⟨осковские⟩ заметки	— N Гражданина Стенли
	— Силлабус *

Сообщить Мещерскому, нет ли рассказа у Горбунова?
Ответить Шитову//

31 декабря. Приходила дама: на гумне и о *духовенстве между* инородцами. Ответ ей в среду наверно.
Легенда о Булгакове — пропала.
Богоявленский семинарист, о воспитательной части семинарий — оставил статью на неопределенное время. Придет в феврале (в 3-месячный срок статьям).//

Счет статей замечательных, находящихся в редакции.
Роман московской дамы
×О Пугачеве Сальяса
×Квартиры
×О славянах
?Николаевского *Вена***
?Статья Данченка
?Генслера
?Мещерского «Бисмарк»
?О лондонской жизни
?Николаевского разбор. Панславизм и греки.
?Библиография Страхова —
?Мои
Просмотреть:

Куль хлеба
Гимнастика и воспитание
Кустарная промышленность
Женский вопрос

Memento.
Март 73.
1-е март⟨а⟩. Получены две статьи: Богданова о выставке и *одной дамы* по женскому вопросу.//

Memento.
(Общество всякой полезной инициативы.)
Общество взаимного страхования успехов в жизни — чтения Коховского в Соляном городке *Труд — Отдых*. Чтения Певцова, Рогова, Шалфеева, Геника и Тарапыгина.
Корреспонденция о питомцах воспитательного дома в «Голосе». Свящ⟨енни⟩к Иоанн Никольский в «Петербургском листке». —«Голос», 9 марта, № 68.

---

* *Записи правого столбца сделаны позднее.*
** *Очевидно крестиками отмечены статьи, уже имевшиеся в редакции.*

Письмо от Прежевского из Вологды, просит об Тошме. Просит уведомить. может ли рассчитывать на работу в «Гражданине».
13 ⟨марта⟩. Г-жа Грунильон, рассказ, «по старости лет», ответить в город Рогачев, Могилевской губернии.
16 ⟨марта⟩. Легенда о Булгакове *Бутагова* — в пятницу. Субб⟨ота⟩.
⟨Рукопись?⟩ — отдана.
Далее в понедельник (на гумне).
О быте сельского чувашского духовенства.
Богданову отдана.
Лицо и изнанка мастерства⟨?⟩, взято две повести.
Глинка, повесть
Московск⟨ий⟩ театр, отдано.//

Москва, 4 апреля. Что пользы на могильный камень
Лить солнцу свой горячий луч?

В статью.
Церковь отрицательная — протестантская. Падет Рим и raison d'être лютеранства исчезнет.
«Московские ведомости». Апрель IV—11.//

Насущный материал. 1-го июня 73 ⟨г.⟩
Беллетристика. Драма
«Лот⟨ерейный⟩ билет» (повесть)
Может быть, еще драма (?)
Большой роман
Повесть Казанцева (отвечать ему)

Другие статьи — Филиппова
Кельсиева
Венская выставка
Дневник писателя
Порецкого
Пуцыковича
Нового предлагающего
И потом — Страхова
Будет присылать Мещерский
Юркевич?
Текущая жизнь

NB. Статьи ожидаемые.—
Московские заметки //

Следующий № (24)
«Хива» × *
Московск⟨ие⟩ заметки ×
Дневник писателя
Филиппова ×
Венская выставка ×
Кельсиева
2-й акт драмы ×
Стишки
Пуцыковича ×
Текущая жизнь ×

---

* *Очевидно, крестиком отмечеы статьи, уже имеющиеся в редакции.*

СООБЩЕНИЕ О ПРИНЯТИИ ДОСТОЕВСКИМ С 1-го ЯНВАРЯ 1873 г. РЕДАКТОРСТВА ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН»

«Гражданин», 25 декабря 1872 г., № 34

Съ 1-го января 1873 года редакторомъ журнала „ГРАЖДАНИНЪ“ будетъ Ѳ. М. Достоевскій.

Редакція переводится на Невскій проспектъ, № 77, кв. № 8.

Хива Пуцыковича —500
Московск‹ие› заметки —350
Стишки —100
Филиппов —400
2-й акт драмы —750
Венская выставка —800
Текущая жизнь —600

№ 25 «Хива»
Филиппова
Об‹ластное› обозрение
Драма
Дневник писателя
Стихи

Проект 26 №
Хива 300 сейчас
×М‹осковские› заметки 400
×В‹енская› выставка 800
Белов 500
×Страхов 450
×Мещерск‹ий› 600
Стихи 35
Монах Кельсиев или открыт‹ие› школы, дама.//

Дневник по журналу

21 июня. Среда. Возвратился из Старой Руссы. От отсутствия моего ничего не потерпело в журнале. Пуцык⟨ови⟩ч ничего не делает, даже о Хиве из других газет составить не может полюбопытнее. Просил представить квитанции розданных денег и то не представил; надо напомнить опять. Напомнить тоже, чтобы письма, получаемые редакцией, все мне показывали. Сто раз уже говорил.

Видел Страхова. Видел Филиппова, говорил об издании №№ «Гражданина», где его статья во многих 1000-х экземплярах. Говорил, что князь будет в Усове, около 20.

22 июня. Четверг. Страхов говорил о статье: немецкие книги. Хорошо бы хоть раз в месяц помещать «Европейское обозрение». Но Страхов может взять лишь литературную часть.

Статья Белова дельная, но уже слишком скромна, и, кажется, небольшой он литератор; но человек полезный. //

Замечательные статьи по журнал⟨у⟩.

«*Московск⟨ие⟩ ведом⟨ости⟩*», № 153. 20 июня. О прусской армии из Зиновьева и известие из римск⟨ой⟩ корреспонд⟨енции⟩ «Times» о готовности католицизма перейти без царей к народу.

«С.-П⟨етербургские⟩ ведомости», № 169 (22 июня). О книге *Бобровского* «Юнкерские училища» и известие о тамбовских ремонтерах. Из Франции и Пруссии. И об аресте в Одессе в один день 300 праздношатающихся.

«*Москов⟨ские⟩ ведомости*», № 154, июня 21.
Передовая статья о возвращении Красноводского отряда.
Извлечение из «Инвалида» о том же.
Вамбери о Хивинском походе.
Шах в Манчестере.
Судебный приговор о продаже жены в варшав⟨ском⟩ суде. //

Проекты статей в «Гражданин».
Статьи: Газета «Голос», готовиться все лето (перед подпиской).//

32 № «Гражданина». Текущая жизнь.
О народных книжках. //

Memento *Memento*

Последняя страничка

Нигилистка с гордостью и без запинки:
С тех пор как о вопросе женском
Познала первые мечты

2 августа, четверг, фельетон в «Голосе» W — похвала гражданским похоронам.

Четверг, 9 августа. Wimpfen, «Голос», о чтении в «Истории древностей российск⟨их⟩» (на Катков⟨а⟩). //

О том, как преподавать закон божий в первоначальных школах детям (NB. Самарин и Мещерский, №№ 34 и 35 «Гражданина» и 33.)

Пожары. Число пригов⟨оров⟩ Пензенск⟨ой⟩ губер⟨нии⟩ (современность).
Мать и дочь
Монах («Русские ведомости»). Переселение.

Ослабели.
Убиение жены. M-me Bovari (прошлого года на плите сжарил). //

Расходы

За № 23	Страхову десять руб. 50 к.	— 10 50 к.	
	Пуцыковичу	13 20 к.	
			23 70 к.
За № 24	Пашковой	2 40 к.	
	Страхову	27 20 к.	
	Пуцыковичу	18 76 к.	48 36 к.
За № 25	Пуцыковичу	4 80 к.	
	Порецкому	21 60 к.	
	Кишенскому за всю драму 142, но за вычетом 8 подпис‹ных›	134	169 60 к.
	Издержки по пересылке денег и размен	1 20 к.	
	Гладкову *Подпись Кишенского*	8	
За № 26	Пуцыковичу	10 40 к.	
	Страхову	48 32 к.	
	Белову	23 90 к.	
	Данченке за все	24 90 к.	
	15—16 № Личкову ‹?›	4 36 к.	
	На отправку денег	98 к.	
	Некрасову	24 25 к.	
№	За мою работу		
За № 27	Канцеляр‹ские› расходы	22 к.	
	Порецкому	19 50 к.	
137 р. 11 к.	Пуцыковичу	11 28 к.	30 78
№	Пуцыковичу, жалованье 5 июня	50	+50
	[Папковой]		80 78
			+ 22
			81
За № 28	Белову	30 25 к.	
	Пуцык‹ови›чу	7 20 к.	
	Порецкому	15 60 к.	
	Некрасову с досылкой по 2 к. за 26 №	38 58 к.	
	Страхову за 27 и 28 №	34 44 к.	
	Кулакову за «Лотер‹ейный› бил‹ет›»	23 25 к.	149 32 к.
За № 29	Белову	18 70 к.	
	П‹апко›ва	3	
	Порецкому	25 30 к.	
	«Хива»	22 16 к.	
	Шторх	8 80 к.	
	Страхов	21	
?	«Лот‹ерейный› билет»		
	Мелкие расходы	54 к.	
?	Моя		
	Итого	113 50	

За № 30 Пуцыковичу 12
Шторх 14 20 к.
«Лот‹ерейный› билет» за
№ 29 и 30 43 50 к.
Белову 25 45 к.
Порец‹кому› 11 25 к.
Итого 106 40 к.

169,60
48,36
23,70
241,66
134,97
376,63

9 июля 376,63 к.
81
149,32 к.
Итого 606,95
16 июля 113,50 к.
Итого 720,45 к.
23 июля 106,40
826,85

За № 31 Областн‹ое› обозр‹ение› 21 90 к.
Шторх 19 64 к.
Монаст‹ырц› 24 44 к.
Пришвицыну 8
Белову 22 80 к.
96 78 к.
№. Страхову вперед 25
121 78
Итого 23 июля 826,85
30 июля 121,78
948,03
За мою работу с 23 № 106,71
Итого 1055,34 к.

(Нем‹ирович› Данченко)
Пуцык‹овичу› к 1-му авгу‹ста›
жалование 50
Итого, к 1-му 1105,34 к.

За № 32 [Пелешевскому] 17
Шторху 20 80 к.
Бунаеву 10 20 к.
Порецкому 9
Пуцык‹ози›чу 17 50
Итого 57 50 к.

За № 33 Порец‹кому› 14 10 к.
Шторху 24
Пуц‹ыкови›чу 10 58
Казанцеву 7
Данченко 32 70
Белову 42
Страхову 17
Ему же прежнего долгу 2 70 к.
Данченке прежнего долгу 14 40 к.
Размен и отправка денег 90
Итого 165 36 к.

Шторху	44,50
Порец‹кому›	23,10
Пуц‹ыковичу›	28 6
Бун‹аеву›	10,20
Казанц‹еву›	7
Данчен‹ке›	47 10
Стр‹ахову›	19 70
Белову	42
М‹елкие› расх‹оды›	90 к.
	222—86

Итого, к 13 августа всего 1105 34 к.
за № 32 57 50
за № 33 165 36
[и прежний] долг
Итого 1328 20 к.

К 20 августа
за № 34 Порецкому 8 40 к.
Пуцыковичу 11 55
Кишенскому (с пересылкой денег) 59 25
Итого 79 20 к.

[у Пуц‹ыкови›ча 70 к.]

№. С 32 № я свои статьи не считал.
К 27 августа
за № 35 Порецкому 22,50 к.
моя статья 33 39 к.
Итого 55,89

Всего к 1-му сентября израсходовано:
С 23 № по 33 № включительно 1328 20 к.
за № 34 79 20 к.
за № 35 55 89 к.
Да за мою работу в № 32 и в № 34 28 70 к.
Итого, по 1 сентября 1491 99
Страхову вперед 15
1506 99
или 1507

298 долгу
1491
298
1789

Мои статьи 266 стр., 32 № 266
144 34 № 144
477 35 № 410

1220 р. Пуц‹ыковичу› жа‹лованье›
1105,34

114,66	1270
162,5	1105
276	185
	165
	133
	298

Итого, к 19 августа долг был — 165
Недотратил к 1 сент‹ября› — 133

Итого, долг к 1 сент‹ября› — 298

28,77
5,32

5,39
33,39

57 50
165 36 700
79 20 570
55 88 520

получил 1790
истр‹атил› 1491

Итого август стоил 357,95

520 — 357,95 = 162,5
357,95 — 28 70 = 386,65
386,65 — 250 = 136,65
520 — 386 65 = 133—65

За № 36 Пуцыковичу 31 35 к.
Некрасову 34 44 к.
Страхову дополнительных 2 8 к.
Порецкому 12

Итого 79 87
Сверх того старого долгу Пелешевскому 14
Пуцыковичу жалованья к 1-му сент‹ября› 50

143 87

10 сентября за № 37 Порецкому 24 10 к
Страхову 5 80
Пуцыковичу 13 44
В Германию Болдакову 32 80
Г-же Лободе 34 15
Наумову 9 60 к.

Итого, за № 37 119 89 к.
NB. Шкляревскому вперед 20

Итого 139 89 к.

Итого: по 1-е сентября расходов состояло на 1507
Затем к 3-му сентября (за 36 №) с жалов‹аньем› 143 87
К 10 сент‹ября› за № 37 119 89 к.
Да *вперед* Шкляревскому 20

Итого, total 1790 76

13 сентября. За напечатанную в марте статью г-жи Кохновой, по внезапному ее требованию за 1550 строк по 4 коп.—62

17 ‹сентября› за № 38 Шторху — 22 20 к.
Данченке — 20 90 к.
Пуцыковичу — 8 19 к.
Порецк‹ому› — 7 40 к.
Наумову — 3

61 69

Итого, к 17 сентября всего расхода 1790 76

NB. Моя статья в 38 №, 495 строк не считана.
Кохновой 62
за № 38 61 69 к.

СЕННАЯ ПЛОЩАДЬ В ПЕТЕРБУРГЕ (ТЕПЕРЬ ПЛОЩАДЬ МИРА)
Фотография В. С. Молчанова, 1958
Близ Сенной, в Столярном переулке, в доме Алонкина в 1860-е годы жил Достоевский; в этой части города происходит действие романа «Преступление и наказание»
Государственный литературный музей, Москва

Моя статья в 38 № [по 5 к.] 34
по 7 коп [30] 9 к [490]

[490 / 7 / 3430]

2360
2313 31

193
1948 75

346 49 к. в остатке

Июнь — 520
Июль — 570
Ав⟨густ⟩ — 700
Сен⟨тябрь⟩ — 570

2360

24 сентяб⟨ря⟩ за № 39 Пуцыковичу 7 50 к.
Порецкому 14 85 к.
Ему же за Посл⟨еднюю⟩ ст⟨раничку⟩ в 38 № 2 10 к.
Пелешевскому 12 90 к.
Страх⟨ову⟩ 14 50 к.
Моя работа за 2 статьи 22 33 к.
Итого 74 18 к.

Итого, к 24 сент⟨ября⟩ всего 1939—20
74—11
2013—31

Получено 2360
2036 86 *Итого* 2024 85
323 14 Моя в 40 № 14
2036 86

К 1-му октября всего за мною *321 15 к.*//

Толстой говорит: Если, преподавая детям историю, удовлетворять патриотическому чувству, то выйдет 1612 и 1812 годы, и более ничего. Глубоко неверно и ужасно грубо: всякий факт нашей жизни, если осмыслить его в русском духе, будет драгоценен детям, не потому вовсе, что мы там-то и тогда-то отбились, приколотили, прибили, убили, а потому что мы всегда и везде в 1000 лет в доблестях наших и в падении нашем, в славе нашей и в унижении нашем были и оставались русскими, своеобразными, сами по себе. Русский дух драгоценен будет.

Не мысль славянофильская о том, что Россия предназначена к великой роли в будущем относительно западной цивилизации противна западникам, а идея, одна мечта о том, что Россия тоже может подняться, быть чем-нибудь хорошим, благообразным, Россию они ненавидят, — вот что прежде всего. //

NB. Ренан — славянофил. Крестьяне смотрят на пышную свадьбу своего господина и радуются, Михайловский и Толстой негодуют на мужиков на том основании, что пышность свадьбы их господина нисколько не увеличивает их благосостояния. И Толстой и Михайловский даже считают священным долгом своим образумить скорее мужика и разъяснить ему, что он глуп, если счастлив счастьем своего господина, и что счастье господина не увеличивает его благосостояния. Таким образом, и Толстой и Михайловский забывают, что крестьянин *этот ведь все-таки счастлив же* и, вразумляя его, отнимают у него счастье. Почему? Враги они что ли его? Нет, а потому, что задавлены ложною мыслию, что счастье заключается в материальном благосостоянии, а не обилии добрых чувств, присущих человеку.

7 августа 75

Техники из классиков всегда становятся вперед, в голове и дают мысль и движение науки, тогда как прежние необразованные наши техники и специалисты (профессора) всегда были только жалкой срединой, исполнителями и *поддакивателями*.

Человек, так сказать, с беспрерывной соплей на носу.

Чудный край, через Алтай... и т. д.

в этих стихах, в которых есть как бы нечто танцующее, изображено величие России.

Исповедания же был православно-лютеранского, как и все русские нашего времени, еще продолжающие верить в бога.

— *Дарвалдая*. Я предлагаю принять за новый глагол. Смешнее представить себе нельзя чего-нибудь, как город Валдай, дарящий колокольчики. К тому же глагол этот известен всей России, трем поколениям, ибо все знают *тройку удалую*, она удержалась не только между культурными, но даже проникнула и в стихийные слои России, говоря слогом Ростислава Фадеева. Но все, во всех слоях пели дар Валдая, не как дар Валдая а как дарвалдая, т. е. в виде глагола, изображающего что-то мотающееся и звенящее,— можно говорить про всех мотающихся и звенящих или стучащих — он дарвалдает. Можно даже сделать существительное Дарвалдай и приложить его ко всем сочинителям брошюр: «Быть или не быть». Что мы такое, чем мы будем. В прошедшем време⟨ни⟩ будет странно: дарвалдаял, особенно в женском роде: сидела — сидела у меня, дарвалдаяла — дарвалдаяла. Но почему же странно? Ведь говорит же народ: Сидела — сидела, стучала — стучала у меня, или настучала — настучала и ушла. Я изобрел или, лучше сказать, ввел одно только *слово* в русский *язык*, и оно принялось, все употребляют: *глагол стушевался* (в Голядкине)... (У Белинского, в *восторге*), *слишком известные литераторы* мой главнейший подпольный тип (надеюсь, что мне простят

это хвастовство в виду собственного сознания в художественной неудаче типа).

Сидела — сидела, надарвалдаяла такого вздору! (Ведь недурно, право.)

Можно взять и фамилью Дарвалдаев, в роман или водевиль, для изображения неосновательного молодого человека, с претензиями человека консервативного или либерального, все равно.

Стушевать — на нет; затушевать другое. Вот пустил словечко, не знаю что-то будет. Я дарвалдаял, ты— он — мы дарвалдаяли, вы дарвалдаяли, они дарвалдаяли.//

Кто слишком любит человечество вообще, тот, большею частию, мало способен любить человека в частности.

Кто очень уж жалеет злодея (вора, убийцу) и проч., тот весьма часто не способен жалеть жертву его.—Верить же в то, что злодей, вследствие давления среды, *не мог* не убить, я не в состоянии, и допускаю, в сем случае, лишь самое малое [ничтожное] число исключений, у нас же сделали общее правило.

— «Чем хуже, тем лучше»,— тоже общее правило.

Шипучки. Каждый журнал у нас есть гнездо завистливых шипучек, уединившихся для... и проч.

Наши фельетонисты все сплошь подписываются псевдонимами. Неужто их имена заключают в себе так много чего-то драгоценного, что их так тщательно требуется укрывать от позора под псевдонимами? Неужто так уж срамно все, что они пишут, что им непременно надо скрываться, и неужели их имена заключают в себе так много драгоценного.

Ростислав Фадеев и Фурье. Нет, я за Фурье... Я [когд] даже отчасти потерпел за Фурье наказание... и давно отказался от Фурье, но я все-таки заступлюсь. Мне жалко, что генерал-мыслитель трактует бедного социалиста столь свысока. Т. е. все-то эти ученые и юноши, все-то эти веровавшие в Фурье, все такие дураки, что стоило бы им прийти только к Ростиславу Фадееву, чтоб тотчас поумнеть. Верно тут что-нибудь другое, или Фурье и его последователи не до такой степени все сплошь дураки, или генерал-мыслитель уж слишком умен. Вероятнее, что первое.

М-lle Ищенко и граф Толстой.

Говорят северное и южное направления согласились, наконец, обратиться в Ясную Поляну, и как граф Толстой решит, так и будет. Давно бы так.//

1) Полная свобода прессы необходима, иначе до сих пор дается право дрянным людишкам (умишкам) не высказываться и оставлять слово с намеком: «дескать пострадаем». Таким образом, за ними репутация не только «страдальцев», «гонимых произволом деспотизма», но и умных людей. Предполагается добрым читателем, что вот в том-то, что они не высказали, и заключаются перлы.—И пренеприятнейшим сюрпризом для них была бы полная свобода прессы. Вдруг бы они увидали, что ведь нельзя врать, что над ними все рассмеются. Испугались бы — и этот испуг был бы для них посильнее цензуры, ⟨посильнее⟩, чем все 1-е, 2-е и даже 3-и предостережения, только бодрящие их и становящие на пьедестал (они бы принуждены были прямо весь свой вздор выложить наружу).

⟨...⟩

Вся интеллигенция России, с Петра Великого начиная, не участвовала в прямых и текущих интересах России, а всегда тянула дребедень отвлеченно-европейскую (Алек⟨сандр⟩ I, Мордвиновы, Сперанские, декабристы. Герцены, Белинские и Чернышевские и вся современная дрянь)*.

Драматическая сцена: Доктор NN (с глупою, но нахальною улыбкой) или с неидущим к нему видом собственного достоинства — и вошел с видом лакея в барском платье. С немытыми руками и с папироской.

Если не *затолстеет*, как Страхов, *затолстел* человек.

2) Люди, умеющие профильтроваться и присосаться.

3) Очень многоглаголиво пишут (в «От⟨ечественных⟩ з⟨аписках⟩»), а уж это большой порок. Намекает на некоторое вредное самодовольствие.

⟨...⟩//

Все реформы нынешнего царствования суть прямая противуположность (по существу) реформам Петра Великого и упразднение их во всех пунктах. Освобождение народа есть, н⟨а⟩прим⟨ер⟩, прямая противуположность взгляду Петра (закрепившего народ) на русский народ как на матерьял, платящий подати, деньгами и повинностями, и не более. Самоуправление есть прямая противуположность (узенькому) взгляду Петра на Россию как на помещичью экономию на крепостном основании, где народ «не живи» и где все управляется несколькими управляющими от помещиков, т. е. чиновниками с помещиком Петром во главе, получающим доходы для войны с шведом.

Классическое образование, наконец, есть прямая противуположность взглядам Петра на образование, никогда не возносившимся дальше техники и насущной полезности, требовавшему мичманов, литейщиков, кузнецов, слесарей и проч. и даже не ставившему никогда и вопроса о том, что такое человек образованный.— Нынешнее царствование решительно можно считать началом конца петербургского периода (столь длинного) русской истории. (Задыхание России в тесных петровских рамках.)

NB. Там, где образование начиналось с техники (у нас реформа Петра), никогда не появлялось Аристотелей. Напротив, замечалось необычайное суживание и скудость мысли. Там же, где начиналось с Аристотеля (renaissance, 15-е столетие), тотчас же дело сопровождалось великими техническими открытиями (книгопечатание, порох) [астро] и расширением человеческой мысли (открытие Америки, реформация, открытия астрономические и проч.). //

Мир ожидают в весьма скором времени страшные новости и перемены. Хотя бы с точки зренья населений (NB. Франция и Россия, число жителей в той и другой лет через 40). ⟨...⟩ Подъем [средне]азиатских царств вдруг (Тамерлан) по издревле существующему там фактор⟨у⟩.

Лермонтов, зеркало, шлюпик, *давление личности самой на себя* («Голос». Фельетон 18 сентября 75), драма «Маскарад» — начало, дуэль Лермонтова — конец.

---

* *На полях:* Идея

Не столь Петр Великий виноват, сколько его хвалители, следуя взгляду Петра Великого на русский простой народ, как на матерьял, платящий деньги, и не более. //

4) Нам укажут, может быть, в пример расширение и нашей русской мысли после Петровской реформы, на нашу европейскую славу, и на наше европейничание вообще. Но наша европейская слава произошла вовсе не от Петровской реформы, [ибо трудно представить, что] (иначе надо бы было сузить всю реформу на технические заимствования, которые могло бы сделать и Московское царство) — а именно от древненародного русского взгляда на власть царскую (как неограниченного повелителя) — власть, на которую не посягнул Петр, ввиду уж слишком явной для себя же невыгоды и которая изумила Европу и мир своею силою и целокупностью (последнее проявление этой силы — освобождение крестьян по одному лишь царскому слову); но слава военная и сила наша не пошли нам впрок, именно по узости мысли, не могшей развиться в народный взгляд и оторвавшейся от народа. Примеры: война с Наполеоном кончилась в пользу Европы, поляков освободил Александр, чего бы никогда в жизни не сделала прежняя московская политика и все правительства после Петра, да и общество наше дошло до того, что считало самою величайшею для себя честью и целью — стать европейцами, оевропеиться окончательно; тогда как, напротив, если б было расширение русской мысли от реформы Петра, то не делала бы она таких политических промахов, как в 19-м столетии (т. е. имея и успех и силу, но не зная, как их направить в свою пользу), — и не считала бы ни целью, ни особою честью быть европейцами, а, напротив, именно приняла бы идею, что русский — прежде всего — не европеец, прежде всего не должен им быть ни за что, а есть особь статья и не более. // И когда иностранцам приходилось заявлять об нас (неоднократно) вслух и в разных видах, что мы не европейцы и что они, европейцы, отнюдь не признают нас за своих братьев европейцев, то мы начинали сердиться (от узости мысли) и не понимали (да и до сих пор не можем понять), что европейцы, не признавая нас за своих, тем самым оказывали нам великую честь и признавали в нас самостоятельность и главенство в великой славянской семье народов и ведущими их к самостоятельным целям и хоть бранили нас, но все же боялись. Мы этого не понимали и сердились от сужения русской мысли с Петра Великого.

5) Русские, говорящие по-французски изо всех сил для моды, не зная языка, мучаются, чтоб как-нибудь выразить на чужом языке свою мысль. Те же из русских, которые говорят по-французски с легкостью (высшие сословия), большею частию имеют легкие мысли, другими словами: не имеют никаких мыслей.

(До классической реформы.) В университетах наших преподавалось бог знает что, всего понемногу и без системы, какие-то обрывки наук; можно быть и специалистами (с грехом пополам, ибо необразованный человек редко бывает первоклассным и хорошим специалистом), но все же людьми глубоко необразованными. Я помню талантливейших людей, вышедших из университетов (Майков, Крестовск⟨ий⟩). Эти люди до сих пор ничего не знают и ничего не умеют, не защищены ни от какого соблазна и умственного совращения наукой, а если чему и выучились, то разве впоследствии сами. ⟨...⟩

Укажут на литературу, но Пушкин (обожатель Петра) был в сущности отрицатель Петра любовью к русскому старому народному духу («Капитанская дочка», Белкин и проч.).

Это начало и начальник славянофил⟨ов⟩. А Гоголь был прямой отрицатель всех последствий Петра, что же до последовавших за ними писателей, то все они, например, не явили ни одной новой формы искусства (не сказали ничего нового и пробавлялись европейскими). //

6) Общие принципы только в головах, а в жизни одни только частные случаи.

7) Нравственность, устой в обществе, спокойствие и возмужалость земли и порядок в государстве (промышленность и всякое экономическое благосостояние тоже) зависят от степени и успехов землевладения. Если землевладение и хозяйство слабо, раскидисто, беспорядочно,— то нет ни государства, ни гражданственности, ни нравственности, ни любви в боге*. По мере того как землевладение и хозяйство крепчает, устанавливается и все остальное**(NB. У нас при перемене всех [прочих] прежних законов землевладения начался хаос). Там же, где землевладение уже скрепчало, но уже привлекается народонаселение и являются уже люди без земли, и пролетарии, там зарождается промышленность (а с ней крепчает такая вещь, как, например, образование, а от образования крепчает и все). Если же уж очень превысится народонаселение земли, то являются революции. Но это только доказывает, что все должны иметь право на землю и что чуть лишь это право нарушено, является сотрясение и распадение общества. У нас русских понял декабрист Якушкин — искреннейший человек.

Промышленность и капитал действуют развратительно; отторгнувшись от земли, стало быть, от родины и от своих, надо, чтоб каждый работник имел землю. Ergo: не в земле ли уж все дело.

Желают землевладельцев непременно русских ⟨...⟩ Энергическое землевладение это подвиг всей России из великих ⟨?⟩ подвигов, науки всего ⟨?⟩ ставлю на вид молоде⟨жи⟩.

8) Идеал, присутствие его в душе, жажда, потребность во что верить, что обожать и отсутствие всякой веры. Из этого рождаются два чувства в высшем современном человеке: безмерная гордость и безмерное самопрезиранье. Смотрите его адские муки, наблюдайте их в желаниях его уверить себя, что и он верующий...

А столкновения с действительностью, где он оказывается таким смешным, таким смешным и мелочным... и ничтожным. Он догадывается, что надо работать над собой, смирять себя и что это стоит безмерного труда. И вот он возлагает на себя долг самосовершенствования и рад ему, и в восторге... выбирает смешные вериги. Чувства мучительного неверия и скептицизма посещают его иногда, но он стоит твердо и наконец как будто достигает цели... И вот при столкновении с действительностью падает ужасно, страшно, немощно. Почему? Оторван от почвы, дитя века...

Вы сердитесь, что есть такие люди. Чтоб вглядеться в них, открыть их,— надо иметь любовь к людям. Тогда будете иметь и глаза и увидите, что их множество.

Подпольный человек есть главный человек в русском мире. Всех более писателей говорил о нем я, хотя говорили и другие, ибо не могли не заметить

Мы из тех, что не можем оставаться спокойными в пустоте.⟨...⟩

---

* *Сбоку:* Аксиомы. Кеплеровы законы. Эмиграция дворянства ⟨...⟩. Крым.
** *Над строкой:* хозяйство.

ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К ИНСЦЕНИРОВКЕ РОМАНА «БЕСЫ»
Картина маслом М. В. Добужинского, 1913
Государственный театральный музей им. А. А. Бахрушина

Брошюра Фадеева, совершенное уничтожение дворянства и дворянского духа вытеснением их прав или обезземелением мелких владельцев, в которых именно и приютились старые знатные роды и дух дворянства, наплывут и сядут на место них толстопузые купцы, которые скупят мелкие имения. Тогда именно прекратится образование. Всякий купец скажет: 1000 лет⟨ие⟩ дворянского духа оказалось, стало быть, пшиком. Пришли да поклонились капиталу-то. Когда я при собственном капитале-то, что хочу, то и делаю, очень надо образование, когда сами признали, что деньги *выше всего* (NB. глава IV. Право купца просить с требованием стать дворянином.)

Итак, сам ратующий и за единство и объединение (централизацию) русской духовной силы через дворянство, сам оказывается первым врагом дворянства. Так-то развито наше дворянство. А впрочем, может быть, генерал Фадеев всего только генерал и ничего больше. (Генерал-мыслитель)...

— А впрочем, кроме этой (впрочем, самой существенной и важной ошибки), мысли Фадеева верны и достойны полного сочувствия, т. е. две главные: объединение духовных сил и роль дворянства (только не в подробностях, не крупного и не купцов). Без этого объединения — все

пшик, у всех честных отваливаются руки, все позор, все лишь торжество говняков.

Неистощимый цинизм сверху (т. е. от придворных, окружающих царя). //

Дворянство и его сохранение необходимо, ибо оно все-таки выражало своим установлением форму *живой связи* царя (знамени) с народом и заключало в себе все возможности дальнейших социальных развитий земли. Сохраняло дух связи, *дух*, в котором должна была пониматься *служилость*. Заменить его некем. Без лучших людей невозможно (декабристы и проч. ошибки, происшедшие от грубой реформы Петра, основанной на презрении к самостоятельности исторической России).

«Московские ведомости», № 229.— Интересная статья о старокатоликах.

«Голос», № 251, о том, как крысы съели ребенку ручку в Пензе.

Двуличная статья Маркова: Упразднители современного общества.

Фадеева 174 стр. Верховная власть без преданного сословия (дворянства) на одних равнодушных грабителях и ленивых чиновниках, не имеющих политической идеи, с народом и развращаемых в чувстве своем семинаристами — не удержится долго и не уедет далеко. Самодержавие, разрушая дворянство, подняло на себя руку.

Я обнаружу врага России, — это семинарист.

Этих круглых генералов с трубкой, все закончивших. (Все собой закончивши⟨е⟩ генералы у нас всегда были во всякое время.)

Фадеев, стр. 120. Власть, создавшая все в России. Фадеев забыл, что под условием православия. Если власть изменит православию, то народ выберет другую. Православие, т. е. форма исповедания Христа, — есть начало нравственности и совести нашей, а стало быть, общественной силы, науки, всего. С другой стороны, в Европе науки и развитие всегда становили общество атеистическим. Но это единственно лишь благодаря католицизму. Но так как с Петровской реформы (воспитательный период) воспитанники периода учились лишь презирать Россию и какать на нее, то и у них явился атеизм по мере образования. Теперь пусть круглый генерал с трубкой вообразит, что образование в европейском смысле прорвалось в народ: падет для него (образования) православие — и зачем ему тогда верховная власть (православному)?

Смотреть же на декабристов и нигилистов, как на мелкие случаи,— глупо.

Не все желающие в Сибирь и на виселицу восполнили число: многие и остались. Русские европейцы неминуемо атеисты, пока оторваны от народа. Это самое существенное и важное последствие реформы Петра.

Мир ожидают

Я ⟨:⟩ если и ваш успех нуля сто́ит, мысли романов. [падаю, но со славой, а у вас] Убийство жены. Дети от него убежали. «Детки, детки, кто вам сказал?»//

Козлову.

Дрезденская Мадонна, Лизав⟨ета⟩ Кузьминишна. Я. Неровен-то пес навяжется. Страхов. Сватовство. Не устоял перед обедом. Покушал. Не объяснился. Плачет. Я на вас женюсь. Хохочет. etc.//

9 марта 75.
Странные сказки (сумасшедшего).
1) Перемена голов.
2) Чудеса в России.
3) Чудеса в Париже (длинная рука).
4) Унгерн-Штернберг.
5) Стрела и нос Наполеона III-го.
6) Le grand Orient.
7) Распятые в наше время, 4 мученика.
8) ... Феодор —
9) Дуэль с Кр—м, пуля в заднице.

Композитор. Великий музыкант. Приговорен судом дать оперу. Дал pastoral. Леди, вы меня любили. Истратил эффект. //

Сороковины.

Книга странствий

Мытарства 1 (2, 3, 4, 5, 6 и т. д.)
(Сатана: Вы все были обмануты.)
М⟨олодой⟩ человек. Меня всего более бесит, что ко мне приставлен ты. Я дезорганизацион... Такая пустая и глупая шутка, как ты глуп.
—Да ведь вы и бога принимали в виде чего-то *разлитого* (пролитого).

1 августа 1875.—Пушкин.
—Дети. Мучения детей (что ж ты не помог?)
— На лестнице (я забыл).
— Что ты все ближайшее, покажи дальнее.
—Давид.
—Ависог⟨?⟩
—Пароход на Атлантическом океане.
—Butte aux Caèlles
—Будущий мир, коммуна, золотой телец, рабство, теснота и теснота (горе плодоносящим).
—Протест самоубийцы.
—Суд и желание.
—Дух добрый, обращающийся в злого.
—Клоповник (русская интеллигентная грязь).
—Картины мира. Папа. Соприкосновение вещей, миллионная капля на весах мира.

История Петра Великого: ошибка историка Соловьева та, что всю историю у Петра нет ошибок. Это не история, а панегирик.

Книги необходимые
1) «История императора Александра I-го» Богдановича.
2) «Великия Минеи Четии», Макария (в Москве) у С. Т. Большакова в Малом Охотном ряду (пять выпусков).
Выпуск 1—5
2—3
4 — 3
3-й — печат. экз.
5-й — 3
3) Дворянство в России — Романович-Славатинский. «Сын отечества», № 35 (воскресенье 31 августа), 75.

Контора редакции Невский проспект, на углу Караванной, дом Медниковой, кв. № 4.
«Что нужнее?»

Ответ Юрия Самарина Ростиславу Фадееву на книгу его: «Чем нам быть?»

«Московские ведомости», № 242, вторник, 23 сентября ⟨1875 г.⟩, замечательная передовая статья о переселенцах.
«Россия и Сербия», книга Нила Попова.

Припадки

После перерыва в $5^1/_2$ мес⟨яцев⟩ ⟨в⟩

1873	1874	1875
20 апреля	28 января	4 января
4 июня	16 апреля	19 января
1-го августа	13 мая	8 апреля
3-го и 19-го ноября	27 июня	4 июля
27 декабря	8 октября	
28 января 1874 г.*	18 октября	
	28 декабря	

Еще в четверг
2 рубашк⟨и⟩
3 платк⟨а⟩
3 чист⟨ых⟩ руб⟨ашки⟩, 1 получил
2 ноч⟨ных⟩ руб⟨ашки⟩
3 подштанн⟨иков⟩
5 платков

А. Н. Плещеев, в Троицком переулке, у Пяти углов, дом № 27, кварт. 30.

На Гребецкой (Ямской) дом Тулякова кв. № 47. Рудин.

Конст⟨антин⟩ Ив⟨анович⟩ Иванов, на Поварской (или в Поварском переулке) близ Владимирской, дом № 13.

Эмилия Федоровна. Петербургская, Съезженская улица, дом Данилова (ближе к парку, рядом с свечным заведением Бородулина).//

5 апреля 1875.
Из Сумы. Телеграмма № 92 (ответ 20 слов от Сумы до Бологое Ник⟨олаевской⟩ ж. д. уплачено)
Ильинская улица дом Леонтьева Достоевскому.
Федор Михайлович, дайте мне возможность *повидать* Нюту в Петербурге, *где я буду вторник 8 утром.* Если нельзя, то пусть скорее вышлет заказным письмом Елизавете Сниткиной чистый чек, отвечайте на станцию Бологое до востребования ответ уплачен.
Иван С н и т к и н
Верно П и в о в а р о в//

4 февраля

К 1-му апреля —	Замыслов⟨скому⟩	— 1000
	Печаткину	— 2300
	Варгунину	— 600
	Гойжевск⟨ому⟩ и дома	— 600
		4500

* *Запись сделана позднее. Перенесена из другой тетради. На полях:* 1 сентября 75 Банк ⟨?⟩ дворянск⟨ий⟩

19 сентября по векселям Печатк‹ину› — 266, 2-й вексель Печат‹кину› — 954 (без процентов)

Алонкину	— 425	
Вещи	— 86	
За мебель	— 140	
Варгунин‹у›, Прац‹у›		— 156
Триш‹иным›		— 104
Ив‹ану› Гр‹игорьевичу›		—2240
19 сентяб‹ря› наличных		
остатку	— 137	
Еще	— 1000	
Еще	— 85	
	1222	

Объявления	— 100
Полякову	— 25
Шуба	— 15
Хозяину	— 50
Жизнь	— 300
	490

Буду иметь [могу получить]

С журнала	— 700
дома	— 400
Исакова	122
Из Москвы	— 245
Вексель Кожанчик‹ова›	— 350
Надеина	— 245
Могу продать еще на	— 300
Итого	—2162

При хорошем ходе дела	—2500
К 1 апреля	
Замысл‹овскому›	— 500
Полякову	— 125

Мои собственные расходы с *6-го июня*

6 июня. Хозяину	— 50
Александре на мои расходы	— 3
Обед и мелкие расходы	— 2
7 июня. Вексель Печаткину	—100
Просрочка векселя	— 1 80 к.
Ив‹ану› Григорь‹евичу›	— 50
Ане	—100
Тришины	— 10
Извозчик и мелк‹ие› расходы	—150

Приход с *10 августа*

От Анны Николаевны данные ей на сохранение:		— 500
	своих	— 150
	от Вольфа за 25 экз.	— 61 25
	Итого	711 25
	от Клейна 12-го	— 75
		786 25

Расход

Коле	—	10
Кате	—	3
В.	—	5
Расходы	—	5
Мелочь	—	3
		26
Паше	—	8
Прежде дано Мише	—	10
№ 165	—	36
79	—	20
Дано К‹оле›	—	10
Кате	—	3
Вер‹?›	—	5
Паше	—	8
		270 56
		286
		270
		516

134. Было 137

Ив‹ану› Г‹ригорьевичу›	—	5
Истрачено	—	3
Итого	—	129
еще	—	200
Итого		329
45		
30		
18		329
		150
40		
20		179

Итого 329

Расходы

Переезд		17
Дворнику		5
За квартиру	—	7
Новому хозяину	—	25
Переезд	—	25
За дачу	—	60
За выезд		15
		154

Роман

450 листов по 2 листа в неделю

выпуск — 25

240 экзе‹мпляров›	—	8
2400	—	80
Всего	—	45
		155

$17\frac{1}{2}$ к.

1 75 к.

17 50 = 100

175 = 1000

420

175

245 245

15

1225

245

3675

ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К ИНСЦЕНИРОВКЕ РОМАНА «БЕСЫ»
Акварель М. В. Добужинского, 1913
Местонахождение оригинала неизвестно

240 — 8
2400 — 80
Печать — 40
Итого 150

4800 — 160
Печат‹?›
и все 80
240

400 380
240 70
160 420
150
240

3000 по 25 в 2 листа дадут 3250
650
3900

48 — 8
480 — 80
6
2880 —480

650
300
950

700
700
560
1960
750
2210

Печать 200

Брош<юровка> пуб<ликации> 60

320 740 4000 экз. =950 2800
64 740 или 750 1800
384 =5400
=5000

480 экз<емпляров> — 80 700
5 5 700
2400 экз. 400 280
Остающ<иеся> 250 1680
650

Год. — По 3 листа № 3 листа

15 мая 160 — 8
15 июля 1600 — 80
15 сент<ября> Печать и все — 50
130
15 ноября Публик<ация> — 30
15 января 160
15 марта

1600 160
30
320,00 Бума<га> экз<емпляров>
320 — 160

60 экз<емпляров> Печать
600 — 8 Публикац<ия> 50
5 и все 40
3000 5 250
400

Печать —150
Публ<икация> — 50
Ширококладя —600 1500 2700

Каждые 3 месяца

80 — 8
800 — 80 400 для 4 тысяч 8050 850
3200 4
320 350 270 820
6 6 4
Типогр<афия> —110 2100 1620 3280
Публик<ация> — 40 1300
470 4
80 5200
550

600
150 печать
50 пуб‹ликация›
800 издание
60 экз — 8
600 80
4 4
2400 320
Печать —150
Обертк‹а› пуб‹ликации› — 50 75 500
520 500
Раз‹ные› изд‹ания› = 550 200
700 1200
400 520
280 680
1680
550
1130

3000 т.
600 80
5 5
3000 400
Печать —150
—50
600

160 — 8 65 30
6 6 55 125
960 48 = 50 10 205
125 200 барыша

Бум‹ага› 1600 — 80 1600 270 27
Все остальн‹ое› 80 100 162 6
Итого 160 185 432 162

270 3550 220
270 710 220
540 4260 440
185

8 февраля. Расходы в Петербурге с 5-го (не подробно).

Приехал было 30
Еще от Нек‹расова› 200
230

Расходы 8-го февраля
В гостинице за все 17 (с 5-го до 8)
Симонову 17 50
Да Корнилову внест‹и› 45
79 50

Должно бы оставаться —150,
но у меня в кармане —139

Значит, 11 р. издержано в Петербурге по 8 число на извозчиков
— табак
— сигары
— обед у Вольфа
— на водку слугам
— на баню
— на покупку мелочей — марки
помада
конфеты
и проч.

Оставалось — 139 р.

9 февраля выдал *Полякову* — 50
10
Обед, извозчик и мелкая трата 5

Итого 65

Остается — 74
Коле — 10
Кате — 20

44
14

30

13— Вексель Кожанчикову ⟨?⟩ 202
Мише 3
На почте на ⟨?⟩ 4,20
[Алонкину 100] Прачке 1
Табаку и мелочи 4
14— Варгунину 159
Тришину 30
Бунтингу 3
Покупки 46
35

14 февраля. Общий итог трат

Симонову 17,50
Корнилову 45
Полякову 50
Няне 50
Коле 10
Кате 10
Во ⟨?⟩ 202
Мише 3
На почте 4,20
Прачке 1
Сигары и табак 9
Варгун⟨ину⟩ 159
Бунтингу 3
Покупки 46
Игрушки 35
В гостин⟨ице⟩ за 3 дня 17,40

Обед и мелочи	14
Извозчик	12
	688,20
	900
	293
	1881,20
Мише	3
Бунт⟨ингу⟩ ⟨?⟩	3
Ко⟨ле?⟩	1

КОММЕНТАРИИ

23 декабря 72.—Запись на обороте первой обложки тетради. Самая ранняя дата в тетради, начатой, очевидно, в декабре 1872 г. в те дни, когда Достоевскому стало известно о назначении его редактором «Гражданина».

Тетрадь в основном и заполнена записями, связанными с редакторской деятельностью Достоевского в «Гражданине», и набросками полемических статей Достоевского, опубликованных в «Гражданине», 1873 г., в его «Дневнике писателя» 1873 г. Записи, относящиеся к «Гражданину», сделаны на различных и часто очень отдаленных друг от друга листах, на обложках, тетради не всегда датированы. В более последовательном порядке и наиболее точно датированы записи, связанные с составлением программы (проектов) номеров журнала и расчетами с его авторами. Среди этих записей, еще до ухода Достоевского из «Гражданина» в феврале 1874 г., стали появляться первые наброски к «Подростку». Наброски полемических публицистических статей Достоевского, записи личного характера, выписки из книг и газет продолжаются в тетради и в 1874 и в 1875 гг.

Стр. 289. *Текучие фразы.*— Быть может, так называл Достоевский примечательные фразы, выражения, словечки, которые он постоянно записывал в своих тетрадях и книжках. Так, и в этой тетради, среди черновых набросков к «Подростку», имеется запись: «...обдумывать в вагоне и собирать записанное. Да и фразы были казенные, *заслышанные*» («Лит. наследство», т. 77, стр. 155). Вслед за этой записью на этой же странице идут наброски к «Дневнику писателя» 1873 г., к главе «Старые люди», опубликованной в «Гражданине», 1873, № 1, т. е. 1 января.

Стр. 289. *Белинск⟨ий⟩: он тосковал только. Зачем не сейчас...* — См. в «Дневнике писателя»: «...грусть... была особого рода,— не от сомнений... а вот почему не сегодня... Белинский никогда не рисовался...» (XI,10). К этим высказываниям Достоевского о Белинском обращается в статье о Белинском и М. П. Погодин («Гражданин», 1873, № 9) в споре с А. Н. Пыпиным, выступившим еще в ноябре-декабре 1872 г. в «Вестнике Европы» со статьей о славянофилах и западниках. С Достоевским и Погодиным спорит на страницах «Отечественных записок» Н. К. Михайловский (Н. М.). Записи Достоевского о Белинском, о славянофилах и западниках, о социализме и христианстве на дальнейших страницах тетради связаны с этой полемикой, происходившей в первые месяцы вступления Достоевского на поприще редактора «Гражданина». «С нового года редактором „Гражданина" состоит наш известный и талантливый беллетрист г. Достоевский. Что он сделает из „Гражданина" неизвестно. Поживем, увидим. А пока в „Дневнике писателя" г. Достоевского (в № 1) обратили на себя наше внимание следующие слова: „Я застал Белинского страстным социалистом..."» («Литературные и журнальные заметки», январь 1873 г.— «Отечественные записки», 1873, № 1, стр. 161. Подпись: Н. М.).

Стр. 289. *...ощутили в Евр⟨опе⟩ свою обеспеченность.*— Имеется в виду А. И. Герцен: «Отрицал собственность, а в ожидании успел устроить дела свои, и с удовольствием ощущал за границей свою обеспеченность» («Дневник писателя», 1873, XI, 7).

Стр. 289. *О том, кто здоров и кто сумасшедший. Ответ критикам.*— Отклик Достоевского на критику его романа «Бесы». Так, Н. К. Михайловский писал в феврале 1873 г.: «Его любимые герои держатся на границе ума и безумия, нормального и ненормального состояния воли...» («Литературные и журнальные заметки».— «Отечественные записки», 1873, № 2, стр. 317. Подпись: Н. М.). Очень резкой была статья П. Н. Ткачева о романе «Бесы» в 1873 г. в журнале «Дело» (№№ 3 и 4), появившаяся под заглавием «Больные люди». О сумасшедшей компании «Бесов» писал критик В. Буренин. — «С.-Петербурские ведомости», 1873, 6 января, № 6. Очевидно, как ответ критикам и было задумано «Послесловие» к роману «Бесы».

Стр. 289. *...штундисты.*— Религиозная секта. Достоевский отмечал: «Очень странное явление случилось недавно в одном углу России—немецкое протестантство в среде православия, новая секта штундистов. „Гражданин" о ней сообщал своевременно. Явление почти уродливое, но в нем как бы слышится пророчество...» («Дневник писателя», 1873 г., гл. VII, «Смятенный вид», XI, 59).

Стр. 290. *У Успенья на Могильцах...* — Московский адрес писательницы В. Прибытковой. См. о ней на стр. 330.

Стр. 290. *...как и корреспонденция о губернаторе-охотнике, который вдруг вышел совсем невинен.* — Имеется в виду нашумевшая в начале 1873 г. история о рязанском губернаторе. В № 7 «Гражданина» была опубликована «Заметка», где рассказывалось об охоте, устроенной губернатором — любителем охоты, в одной «замосковной деревне». Охотники (в числе их были мировые судьи, исправники, посредники) наехали на большое стадо, принадлежавшее селу N; потоптав скотину, стали топтать и поля. Село переполошилось. Крестьяне остановили наездников силою и обошлись с губернатором не совсем почтительно. Началась дикая расправа с крестьянами. Молодой прокурор начал дело против губернатора. Однако, как сообщалось в следующем номере «Гражданина», губернатор оказался оправданным — в честь его благополучного возвращения из Петербурга в Рязань, в знак того, что слухи об его увольнении оказались несправедливыми, а эпизод об охоте выдумкой и бессмыслицей, был дан ему обед с представителями всех сословий губернии, даже крестьянского («Губернаторские обеды (мысли по поводу обеда в честь рязанского губернатора)».— «Гражданин», 1873, № 12, 19 марта.

Стр. 292. *...двухсотлетние юбилеи....*— Юбилей Петра I (200 лет со дня рождения), отмечавшийся в России в 1872 г.

Стр. 292. *Шелопуты.*— Запись сделана, очевидно, в начале февраля 1873 г. под впечатлением сообщений о появлении и быстром распространении в среде православного населения Кавказа секты шелопутов (см. «Гражданин», 1873, № 5, 29 января, «Областное обозрение», стр. 129). Секта опиралась в своих догматах на священное писание, «искажаемое невежественным толкованием безграмотных ее вождей». «Почему безграмотный толковник так легко занимает известное авторитетное положение среди собрания верующих людей... Почему эти люди ... остались глухи к тем благовествованиям, какие предлагались им их законными пастырями?.. Факт о шелопутах совершенно похож на другой, нами прежде приведенный — о штундистах,—...всему причина плохое материальное положение нашего духовенства...» («Гражданин», 1873, № 5, 29 января, стр. 129).

В связи с выяснением причин возникновения подобной секты в журналистике обсуждался вопрос о материальном положении духовенства, проводилась параллель между земскими служащими, учителями, врачами и духовенством. Размышления о положении священников в России имеются и в «Дневнике писателя», 1873, и в других записях данной тетради.

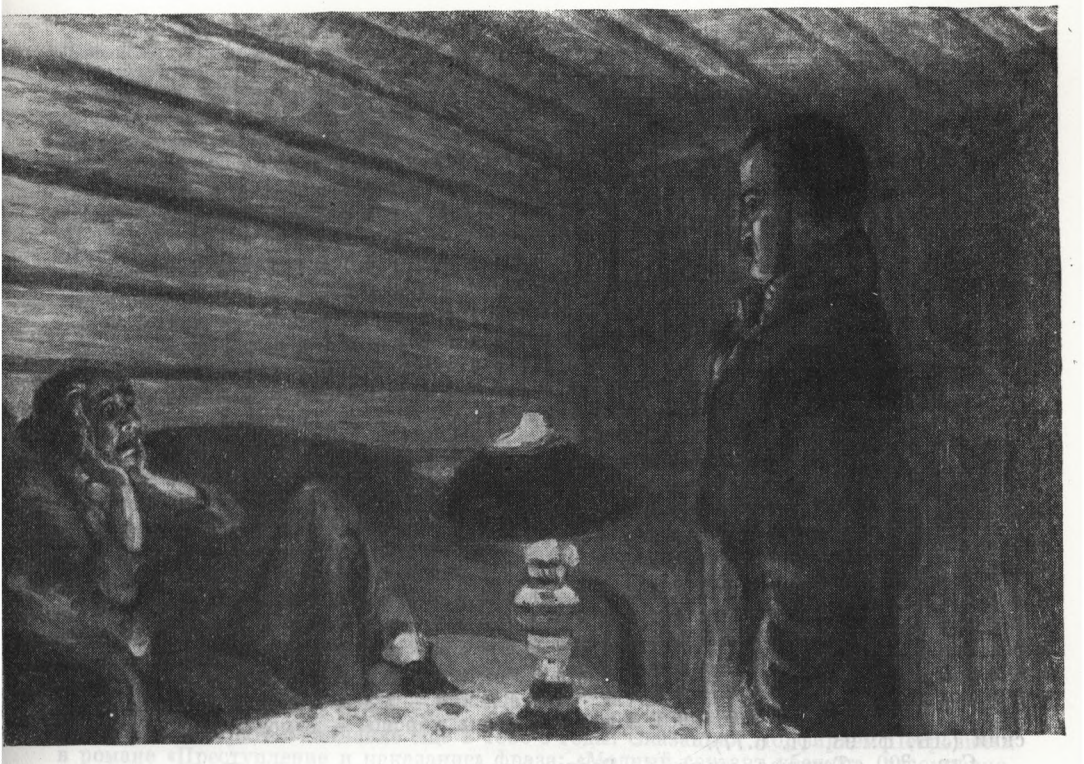
Стр. 292. *Салтык⟨ову⟩. ∽ Гамбетта...* — Леон Гамбетта (1793—1882), известный французский политический деятель, один из основателей Третьей Республики. В 1873 г. имя Гамбетты не сходило со страниц русских и зарубежных газет в связи с вопросом о том, кто явится преемником Тьера на посту президента Франции. «Гражданин» в своих политических обозрениях писал о том, что Гамбетта «не таит уже своих связей с социалистами и коммунистами» («Гражданин», 1873, № 14, стр. 432), что покровительствуемые им коммунисты и социалисты «стремятся унизить человека до полудикой простоты, т. е. лишить его благ религии и просвещения и низвести до низкой степени существа, остающегося при одних только грубых животных инстинктах» («Гражданин», 1873, № 17, стр. 525).

Щедрин под именем «российского Гамбетты», слывущего между своими даже «красным», в 1873 г. вывел русского либерала, умеренного радикала, западника и противника почвенничества, героя своих очерков Тебенькова в очерке «По части женского вопроса» из цикла «Благонамеренные речи» («Отечественные записки», 1873, кн. 1). Достоевский прочел этот очерк и заметил в нем насмешливое рассуждение Щедрина по его адресу «по части женского вопроса» и собирался на него ответить. «Я кое-что прочел из текущей литературы и чувствую, что „Гражданин" обязан упомянуть о ней... прочел... поэму Некрасова и статью г. Щедрина» (XI, 55). Очевидно, данная запись является наброском будущей полемической статьи Достоевского, в которой он намеревался ответить Щедрину не только «по части женского вопроса».

Стр. 292. *Аввакум: задача женщины не в красивом виде.*— Очевидно, имеются в виду опубликованные в «Русском архиве» «Письма Аввакума», где в посланиях своих к боярыне Феодосии Морозовой, княгине Евдокии Урусовой и Марии Даниловой Аввакум восхвалял подвиг женщин и их филантропические деяния. К этим письмам обращался и А. П. Щапов в статье «Положение женщины в России по допетровскому воззрению» («Дело», 1873, № 4).

Стр. 292. *Искусство дает формы...*— Запись появилась в начале 1873 г. в связи с впечатлениями о петербургской художественной выставке и обсуждением в журналистике вопроса о художественном восприятии жизни (см. «Дневник писателя», 1873 г., гл. IX «По поводу выставки», XI, 70—79). Достоевский выступил против «направления» в искусстве и в качестве примера «мундирности сюжета», «мундирности приема» привел из поэмы Некрасова «Русские женщины» строки «С высокой вершины Алтая».

Стр. 292. *Буренина очень тонкие отметки... ∽ вершины Алтая.*— Достоевский имеет в виду отзыв Буренина о поэме Некрасова «Русские женщины», сделанный им в обзоре журналистики за январь 1873 г. («С.-Петербургские ведомости», 1873, № 27,



ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К ИНСЦЕНИРОВКЕ РОМАНА «БЕСЫ»
Картина М. В. Добужинского, 1913
Местонахождение оригинала неизвестно

27 января). Поэма Некрасова была опубликована в «Отечественных записках». Буренин осуждал попытку Некрасова «соединить документальную точность с поэтическим творчеством» и в качестве одного из примеров приводил строки:

А ночью ямщик не сдержал лошадей,
Гора была страшно крутая,
И я полетела с кибиткой моей
С высокой вершины Алтая.

«Героиня, летящая кубарем с „вершины Алтая“,— указывал *Z*,— производит впечатление комическое, а между тем поэт желал сказать о подвиге и самопожертвовании». «И вот для большего впечатления он вставляет в свою поэму факт, весьма возможный и по всей вероятности имевший место в действительности, думая этим усилить впечатление читателя. Выходит наоборот, подробности являются карикатурой...» Буренин отметил также в поэме Некрасова фальшивый «гражданский» эффект — целование оков. Достоевский также считал эти строки Некрасова фальшивыми: «...никакая женщина, даже преисполненная первейшими гражданскими чувствами, приявшая, чтобы свидеться с несчастным мужем, столько трудов, проехавшая шесть тысяч верст в телеге... и... слетевшая „с высокой вершины Алтая“ (что, впрочем, совсем уже невозможно)... ни за что не поцелует сначала цепей любимого человека, а поцелует непременно сначала его самого, а потом уже его цепи...» («Гражданин», 1873, № 13, 26 марта. «Дневник писателя». IX. По поводу выставки.— XI, 75).

Стр. 292. *Карл Фридрих Вильгельм dans le ventre.*— В марте 1873 г. в Петербург приезжал в сопровождении Бисмарка прусский император Вильгельм. Все петербургские газеты, в том числе и «Гражданин», подробно сообщали об этом (№№ 15—16, 17, 18).

Стр. 294. *мать спорила с дочерью.* — Достоевский имеет в виду материалы известного в 1873 г. в Петербурге процесса об иске вдовы надворного советника Е. А. Эсиповой против ее дочери артистки А. Н. Эсиповой, отказавшейся обеспечить материально свою мать и брата, «впавших в бедность». Суд в иске матери отказал («Петербургский листок», 1873, № 97, 19 мая. Судебная хроника «Мать и дочь»).

Стр. 294. *Атеизм есть болезнь аристократическая....*— См. XIII, 415—416.

Стр. 294. (*Этой мыслью хотят воспользоваться* ∞ *всегда.*)—См. XIII, 375, 389.

Стр. 294. *Программа к 10 № «Гр‹аждани́на›». Из письма «одного лица»* ∞ *Н. М‹ихайловский› и Z* ∞ *Этот Т. З.*— Черновые наброски к «Дневнику писателя», 1873 г., гл. VIII. «Полписьма одного лица» (XI, 61—69). Опубликовано в «Гражданине», 1873, № 10, 5 марта. Сам Достоевский объясняет, что эта глава является ответом критикам романа «Бесы»: «Чтоб не раздражать неугомонного человека, я признался ему, что может быть отвечу г-ну *Z* (разбиравшему мой роман в „Петербургских ведомостях", и г-ну Н. М., говорившему обо мне на ту же тему, в „Отеч‹ественных› з‹аписках›"» (ЛБ, ф. 93, II.9.2, л. 4, отрывки из черновых набросков к гл. VIII «Полписьма одного лица» «Дневника писателя»,1873 г.).Статья о романе«Бесы» за подписью«*Z*» печаталась в «С.-Петербургских ведомостях» 6 и 13 января 1873 г., №№ 6 и 13. За подписью Н. М. печаталась в 1873 г. в февральском номере «Отечественных записок» статья Н. Михайловского «Литературные и журнальные заметки. „Пурриры" „Гражданина"». В. Буренина, скрывавшегося под псевдонимом «*Z*», Достоевский сравнивает с критиком «Т. З» (псевдоним Н. В. Шелгунова), с которым он полемизировал по поводу судеб молодого поколения еще в середине 1860-х годов в «Преступлении и наказании».

Стр. 299 *возглас к Антропке* ... — из «Бежина луга» Тургенева.

Стр. 300. *Орган людей с независимым убеждением.*— Очевидно, тезис полемической статьи в адрес тех, кто отрицательно относился к редакторской деятельности писателя: «Когда стало известно, что г. Достоевский делается ответственным редактором „Гражданина", „органа русских людей, стоящих вне всякой партии", многие были этим обстоятельством весьма заинтересованы... Что сделает из „Гражданина" г. Достоевский и сделает ли что-нибудь?» («Литературные и журнальные заметки». Февраль, 1873. Н. М.— «Отечественные записки», 1873, № 12, стр. 314).

Стр. 300. *Моя редакция.*— Очевидно, Достоевский как редактор нес особую ответственность за те разделы, которые он называет своей редакцией.

Стр. 300. «*Дневник писателя*» (см. стр. 300 «*Я*», стр. 301 и др.: «Мои»). В «Гражданине» с № 1 1873 г. начали печататься первые главы «Дневника». «Многое нужно сказать, для чего и к журналу примкнул» (Достоевский — М. П. Погодину, 26 февраля 1873 г. «Письма», IV, стр. 298). «Дневник очень хорош», — отмечал В. П. Мещерский (ЛБ, ф. 93, II. 6.77).

Стр. 300. *Текущая жизнь...*— Раздел велся коллективно В. П. Мещерским, Достоевским, А. У. Порецким и, вероятно, В. Ф. Пуцыковичем. «Из текущей жизни на всех нас (4 части) одно и то же впечатление: неясно, не знаешь, что именно хотелось сказать автору, а фактов слишком мало!» — писал В. П. Мещерский Достоевскому на первых порах его редакторской деятельности в июльских письмах из Москвы (ЛБ, ф. 93, II. 6.77).

Стр. 300. ... *обозрение.*— Достоевский называет: Петербургское, Внутреннее, Политическое обозрения. Кроме них, в «Гражданине» велись еще Областное обозрение (автор В. Пуцыкович), «Московские заметки» (писал Мещерский, принимали участие М. П. Погодин, В. М. Каченовский.— См. письмо его Достоевскому — 31 января 1874 г.— ЛБ, ф. 93, II, 5.56), «Еженедельные хроники».

Стр. 300. *Юркевича*?— Философ и педагог Памфил Данилович Юркевич (1827—1874). В 1869—1873 гг. он был деканом историко-филологического факультета Московского университета. Вл. Соловьев был его слушателем. Достоевский, несомненно, знал о происходившей в 1860-е годы полемике Юркевича с Чернышевским. В 1860 г. Юркевич выступил в печати с опровержением статьи Чернышевского «Антропологический принцип в философии» («Труды Киевской духовной академии. Из науки о человеческом духе»). Чернышевский отвечал статьей «Полемические красоты». «Гражданин» напоминал об этом читателям в некрологе «На память о профессоре Московского университета П. Д. Юркевиче» («Гражданин», 1874, № 41, 14 октября. Подпись: *Z*): «...Помянем о публичных лекциях против научной состоятельности материализма,читанных Юркевичем ... Как ни была значительна „дерзость" профессора восстать против ультраотрицательной quasi философии в такую пору, когда это восстание должно было почесться в известной среде и ханжеством и желанием отличиться официальною благонамеренностью и „мракобесием"... ‹среда› сочла помянутый... курс кровным оскорблением для себя... но покойный профессор нанес... сокрушительные удары помянутой quasi философии». Статьи Юркевича в 1873 г. в «Гражданине» не появились, очевидно, из-за его нездоровья (скончался 4 октября 1874 г.).

Стр. 300. *Погодина*? — В феврале 1873 г. Погодин обещал «Гражданину» статьи о славянофилах и требовал оттиски номеров «Гражданина», где помещены были его статьи «За Пожарского» (1872, №№ 27 и 29), «Еще за Минина» (1873, № 4). Погодиным была написана статья «К характеристике Белинского».

Достоевский просил позволения у Погодина подписать его статью его именем: «Клянусь вам, подумают, что это я сам сочинил... Здесь многие меня обвиняли за эту статью» (Достоевский — М. П. Погодину. 21 февраля 1873 г.— «Письма», IV, стр. 297). Статья появилась в 1873 г. в № 9 «Гражданина» за подписью «Старый читатель журналов М. П о г о д и н».

О деятельном участии Погодина в «Гражданине» свидетельствует еще одно неопубликованное письмо Погодина к Достоевскому 29 марта 1873 г. (ЛБ, ф. 93, II. 7. 100).

«Отвратительные опечатки.

Прошу всенепременно отметить их в след‹ующем› нумере.

Они записаны на другой страничке.

„Феодосию" надо поместить к весне, потому что теперь сбираются в Крым, и устремить общество для содействия путешественникам.

Застрял у вас разбор Кохановской [пьесы], которым я хотел утешить автора, впрочем по достоинству.

Огорчившись на минуту выходками Пыпина, я написал заключение к статейке, а теперь почти раскаиваюсь в малодушии. Черт возьми!

Да что вы не спрашиваете ничего у князя Вяземского? И Майкова нет давно, Полонского.

У Кохановской ведь есть большой роман: вы бы поубедительнее написали к ней и предложили свои условия. Она не из богатых, Сердит я на вас. М. П о г о д и н.

Хотел было написать для улики, что было говорено о Петре, и о том, что не все мертвечина, но раздосадовали вы меня, и не хочу. Статьи мои („Белев", „Киев", „Феодосия", „Кохановской") или печатайте, или возвратите немедленно.

Вы исключаете некоторые вещи, не зная, с какою целью они помещены, напр., об ответственности за злоупотребления. Два раза употреблено слово серьезный — неужели я сам употребил его?

Статьи напечатаны безобразно — пробелы нелепые» (ЛБ, ф. 93, II. 7).

В марте 1873 г. Погодин был намерен отказаться от сотрудничества в «Гражданине», но общность идеологических позиций заставила его изменить свое решение, о чем Т. И. Филиппов сообщал Достоевскому из Москвы 6 июня 1873 г. («Лит. наследство», т. 15, стр. 152). Достоевский писал о Погодине в первой главе «Дневника писателя» 1873 г.

Стр. 300. *Кельсиева?* — Василий Иванович Кельсиев (1835—1872), вернувшийся, по выражению Герцена, «после длительного блуждания в дебрях западной культуры и русского всеотрицания» в лоно чистого славянофильства, должен был особенно интересовать Достоевского в 1870-е годы. На Кельсиева как на знатока русского раскола Достоевский обратил внимание еще в 1860-е годы. Сказанная Порфирием Петровичем в романе «Преступление и наказание» фраза: «Модный сектант убежит», несомненно, относится к Кельсиеву, объявившему себя в 1862 г. эмигрантом и начавшему издавать в Лондоне материалы, относящиеся к расколу. Образ этого, по определению Герцена, «нигилиста с религиозными приемами», «бегуна» в душе, мучимого тоской неустоявшейся мысли, мог привлечь внимание Достоевского при создании образа Раскольникова, поддавшегося «некоторой шаткости понятий», охватившей интеллигенцию 1860-х годов. А. С. Долинин отмечал некоторую параллель между основными чертами Кельсиева и Шатова («Письма», II, стр. 398—399). Но еще до романа «Бесы» имя Шатов впервые появляется у Достоевского в черновиках романа «Преступление и наказание».

В 1867 г. Достоевский «с умилением прочел» сообщение А. Н. Майкова об исповеди Кельсиева: «только в славянском вопросе и в роли России в славянстве разрешились все его идеальные беспочвенные стремления к свободе и деятельности» (А. Н. Майков — Достоевскому. 20 сентября 1867 г. — Сб. «Достоевский», II. Л., 1925, стр. 340—341). «Вот дорога, вот истина, вот дело», — писал Достоевский А. Н. Майкову в 1867 г. из Женевы 21/9 октября («Письма», II, стр. 47).

В 1868 г. вышли воспоминания Кельсиева «Пережитое и передуманное», в 1872 г. печатались его исторические повести. В «Гражданине», 1873, №№ 44 и 45, печатались его «Заметки о татарском влиянии на великоруссов» («Из посмертных записок»). 15 января 1873 г. в «Некрологе 1872 г.» «Гражданин» писал о Кельсиеве: «Известный авантюрист и литератор, русский эмигрант, мечтавший произвесть агитацию между русскими раскольниками в России и заграницей. Разочаровавшись в мечтах, он добровольно вернулся в Россию и занимался до конца жизни литературными трудами в Петербурге» («Гражданин», 1873, № 3, стр. 81). «Исповедь» Кельсиева впервые напечатана в «Лит. наследстве» (т. 41-42). См. о Кельскиве также «Лит. наследство», т. 62.

Стр. 300. *Романы.* — В редакции «Гражданина» находилась рукопись романа в 4-х частях А. В. Круглова («роман касался семейного счастья»), которая была возвращена ему. При встрече с автором Достоевский сказал ему: «Вы еще слишком мало жили, чтобы дерзать так много говорить о таком большом предмете» (см. «Первые шаги (Из воспоминаний) А. В. Круглова». — «Исторический вестник», 1894, т. 56, стр. 91).

Многие номера «Гражданина» были заполнены романами и повестями самого издателя князя В. П. Мещерского.

Об отношении Достоевского к беллетристической деятельности В. П. Мещерского, романы которого в то время выдерживали по два и даже по три издания, рассказывает М. А. Александров в своих воспоминаниях:

«...Федор Михайлович предсказывал давно уже сбывшуюся недолговечность этого успеха ‹...› потому, что К. В. М. пишет свои романы смаху, то есть не обработы-

вая идейную и не отделывая литературно-техническую сторону их ⟨...⟩ Теперь он пока в моде ⟨...⟩ Продержится еще лет пять, шесть, а там и забудут его ⟨...⟩ А жаль будет, потому что у этого был несомненный талант» («Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 годах».—В кн.: «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников», т. 2. М., 1964, стр. 249—250).

На страницах «Гражданина» в 1874 г. печатался роман Мещерского «Женщины из петербургского большого света». Другой большой его роман «Один из наших Бисмарков» выдавался годовым подписчикам «Гражданина» по удешевленной цене («Гражданин», 1874, № 1, 7 января). В 1873 г. он печатался в №№ 1, 3, 7, 11, 17, 19 и 20).

Стр. 300. *Комедии.*— В «Гражданине» в 1873 г., №№ 7—10, печаталась комедия в 5 действиях А. Ф. Писемского «Подкопы», в №№ 23—25—комедия Д. Кишенского «Пить до дна — не видать добра». См. стр. 336, 442—443.

Стр. 300. *...роман дамы.*— Повесть и драму «На волнах» предлагала журналу Н. П. Шаликова (см. ее письмо Ф. М. Достоевскому в мае 1873 г. и в апреле 1874 г. (ЛБ, ф. 93, II, 9. 130). Возможно также, речь идет о романе Кохановской, о котором Достоевскому писал М. П. Погодин 29 марта 1873 г. Также не без содействия М. П. Погодина появилась на страницах «Гражданина» со своими рассказами писательница С. М. Лобода (псевдоним С. Крапивина). Но, скорее всего, это роман В. И. Прибытковой. На внутренней стороне нижней крышки переплета записной книжки Достоевским записан ее московский адрес: «У Успенья на Могильцах, дом Прибытковой» См. стр. 290. 26 октября 1873 г. Прибыткова напоминала Достоевскому о своей рукописи (см. ПД, ф. 100, № 29826, ССХІб. 9). В декабре 1873 г. Достоевский передал рукопись романа Прибытковой «Болезнь нашего времени» в редакцию «Русского вестника», полагая, что она слишком велика по объему для «Гражданина» (Достоевский — Н. А. Любимову, 13 декабря 1873 г.— «Письма», III, стр. 89).

Стр. 300. *Что-нибудь от Филиппова.*— Тертий Иванович *Филиппов*, один из видных членов редакции «Гражданина»; участвовал в нем со дня его основания. Ободряя Достоевского на его новом поприще редактора журнала, Филиппов писал 6 июня 1873 г.: «Надобно только перенести время испытания... Необходимы временные жертвы, и трудом, и самолюбием, и разными счетами, дабы нам не явиться недостойными знамени, под которое мы стали» («Лит. наследство», т. 15, стр. 152). Филиппов принимал участие в организационных делах журнала, подбирал сотрудников, собирал статьи. Сам он выступал со статьями по вопросам церковной истории. К написанию некоторых статей «возбуждал его» К. П. Победоносцев (так, по совету последнего была написана статья о покойном обер-прокуроре Синода — Д. А. Толстом). Филиппов стремился чаще помещать в журнале статьи духовных лиц. Очевидно, не без его совета обращался к Достоевскому архимандрит Григорий Палама, настоятель Старо иерусалимского в Москве подворья, с просьбой напечатать его статью о конфликте между константинопольским патриархом и болгарским духовенством (письмо к Достоевскому 7 марта 1873 г.— ЛБ, ф. 93, II, 7.65). Статья Паламы «Еще о болгарском вопросе» была опубликована в № 12 «Гражданина» 19 марта 1873 г. с редакционным примечанием, которое, по всей вероятности, написано Достоевским (письмо архимандрита к Достоевскому и примечание от редакции близки по содержанию). О своем отношении к болгарскому вопросу Достоевский писал М. П. Погодину (см. письмо 26 февраля 1873 г.— «Письма», IV, стр. 299—300).

Достоевский поддерживал Филиппова в его спорах «о судьбах единоверия», о расколе, бывал на заседаниях духовного общества и по предложению Филиппова поместил в «Гражданине» статью «Заседание общества любителей духовного просвещения 28 марта»(1873, № 14, 2 апреля. Подписано: Ф.Д.Авторство указано А.Г.Достоевской). В непосредственной связи с этим отчетом находится и заметка от редакции в № 18 «Гражданина» (XIII, 437—439) к письму профессора духовной академии Нильского, возражавшего против рассуждений Филиппова. Очевидно, Достоевскому принадлежит также появившаяся в 1874 г. редакционная заметка к отчету: «Чтение Т. И. Филиппова в заседании Петербургского общества любителей духовного просвещения 26 февраля» («Гражданин», 1874, № 10, 11 марта), напоминавшая читателям о материалах заседаний этого Общества, изложенных в журнале еще в прошлом году, и публиковался ответ Филиппова Нильскому (там же).

«Чтения» Филиппова печатались в «Гражданине», 1873, №№ 11, 12, 15. В № 16, 22 апреля, в редакционной заметке был подведен итог спорам, в № 24, 17 июня, дано «Разъяснение некоторых сторон вопроса о нуждах единоверия». По стилю и содержанию они близки к первым статьям Достоевского о деятельности Филиппова.

Стр. 300. *Постоянное сотрудничество Страхова.*— Страхов сотрудничал в «Гражданине» и при редакторе Мещерском. На постоянное его сотрудничество рассчитывал и Достоевский: «Меня мучит многое, например, совершенное отсутствие сотрудников по библиографическому отделу. Воротился на этой неделе из Крыма Страхов, я обрадовался (будет критика), а он вдруг серьезно заболел....» (Достоевский— Погодину, 26 февраля 1873 г.— «Письма», IV, стр. 298). «Заметки о текущей литературе» Н. Страхова стали появляться в апрельских номерах «Гражданина» (№№ 15—16, 18).

Стр. 300. *Иметь в виду Порецкого.*— О Порецком см. стр. 194—196.

В «Гражданине», как и в журналах 60-х годов, Достоевский поручает раздел «Текущей жизни» А. У. Порецкому. Возможно, этот раздел и был введен Достоевским, имевшим в виду участие Порецкого (в 1872 г. в «Гражданине» этого специального раздела не было). Достоевский подсказывал Порецкому и некоторые темы его заметок:

«Многоуважаемый Федор Михайлович, посылаю статейку, сочиненную вследствие вашего замечания „о необходимости провожатых для девочек". Это выводы из моих личных наблюдений. Не навязывая никому этого вывода, я сделал из него особую статейку — не редакционную, а „текущую жизнь" (на 150 или 200 строк) пришлю уже завтра прямо в типографию» (А. У. Порецкий — Достоевскому, 11 октября 1873 г.— ЛБ, ф. 93, II.7.113). В «Гражданине», № 43, 22 октября, появилась заметка «По поводу вопроса „о провожатых"». Ссылаясь на № 41 «Гражданина», где в заметке под заглавием «Детские вопросы», ставился вопрос о «провожатых», т. е. о том, нужны ли провожатые ученицам женских гимназий, Порецкий пишет: «По поводу этого места статейки мне случилось услышать такое суждение: „А жаль, что тут упущена из виду одна сторона дела".—„Какая?"—„Такая, что провожатые в самом деле необходимы, благодаря нашим общественным нравам: ведь у нас девочка, если только она не совсем ребенок, идя по улице одна, ничем не гарантирована от поползновений известного сорта господ, от которых легко может услышать известного же сорта приглашение"» (стр. 1152).

Порецкий составлял «Областное обозрение», подыскивал «антракт какой-нибудь капельки для последней страницы» (Достоевский — А. У. Порецкому 15—20 июля 1873 г.— «Письма», III, стр. 64).

Стр. 300. *Секретарь Соловьев.*— Возможно, Достоевский имел в виду Всеволода Соловьева, с которым он познакомился в самом начале своего вступления на должность редактора «Гражданина». Первая встреча произошла 1 января 1873 г., затем Соловьев «спешил к нему каждую минуту» и, если они не виделись в продолжение недели, Достоевский писал ему. Близкое участие в деятельности журнала принимал и Владимир Соловьев. Сохранилось его январское письмо 1873 г. к Достоевскому, где он высказывает свои размышления по поводу программы «Гражданина»:

«Милостивый государь Федор Михайлович!

Вследствие суеверного поклонения антихристианским началам цивилизации, господствующего в нашей бессмысленной литературе, в ней не может быть места для свободного суждения об этих началах. Между тем такое суждение, хотя бы и слабое само по себе, было бы полезно, как всякий протест против лжи.

Из программы „Гражданина", а также из немногих ваших слов в №№ 1 и 4 я заключаю, что направление этого журнала должно быть совершенно другим, чем в остальной журналистике, хотя оно еще и недостаточно высказано в области общих вопросов. Поэтому я считаю возможным доставить вам мой краткий анализ отрицательных начал западного развития: внешней свободы, исключительной личности и рассудочного знания — либерализма, индивидуализма и рационализма.

Впрочем, я приписываю этому маленькому опыту только одно несомненное достоинство, именно то, что в нем господствующая ложь прямо названа ложью, и пустота — пустотою.

С истинным уважением имею честь быть вашим покорнейшим слугою Вл. Соловьев. Москва 24 января 1873» (ЛБ, ф. 93, II.8.120 б). Вл. Соловьев печатался на страницах «Гражданина». См., например, «Несколько слов о настоящей задаче философии» (сказано на философском диспуте в С.-Петербургском университете 24 ноября).— «Гражданин», 1874, № 48.

Но, скорее всего, обязанности секретаря редакции Достоевский предполагал возложить на Николая Ивановича Соловьева (1831—1874). В 1871 г. Соловьев по поручению редакции вновь основанного в Москве журнала «Беседа» обращался к Достоевскому с просьбою поддержать этот журнал своим содействием. «Что касается до направления „Беседы", то она, сколько могу теперь судить, есть как бы возобновление или продолжение того, что проводилось у вас когда-то во „Времени" и „Эпохе"» (Н. И. Соловьев — Достоевскому, 17 февраля 1871 г.— «Письма», II, стр. 501). Журнал «Беседа» просуществовал всего два года и, очевидно, в 1873 г. Достоевский думал пригласить на должность секретаря редакции своего старого сотрудника и единомышленника по журналу «Эпоха». Здесь Соловьевым были напечатаны статьи «Разлад», «Женщинам». Его статья «Теория безобразия», направленная против Чернышевского, напечатанная в «Эпохе», 1864, № 7, сопровождалась примечанием от редакции: «Основная его идея разделяется нами». Об этой статье Достоевский вновь говорит в 1873 г. в «Дневнике писателя» в главе «Нечто личное», называя ее «замечательною» («Гражданин», 1873, № 3, 15 января).

В некрологе Н. И. Соловьева, помещенном в «Гражданине», 1874, № 2, 14 января, отмечалась «библиографическая ошибка», сделанная газетами: «Везде сказали, что он начал свою литературную деятельность в „Отечественных записках" (прежних, под редакцией А. А. Краевского). Это несправедливо; он начал свое литературное поприще в журнале „Эпоха" покойного М. М. Достоевского. Туда он прислал (кажется из Тулы, где служил) свою первую статью — несколько критических заметок о современной литературе,— весьма талантливо написанную. Она тотчас же была поме-

щена в „Эпохе“ с отметкой от редакции, весьма приветливой для начинавшего автора. Через два месяца Николай Иванович был уже в Петербурге, куда перевелся на службу, и — по собственным словам его пишущему эти строки — эта-то лестная для него отметка редакции и вызвала его тогда на литературную деятельность».

Н. И. Соловьев писал Ф. М. Достоевскому 17 января 1871 г.: «...вы некоторым образом отворили мне узкие и тесные двери литературной арены» (ЛБ, ф. 93, II.8.125). Эти строки подтверждают авторство Достоевского — некролог несомненно написан им. Ранее отмечалась лишь причастность Достоевского к этим строкам (XIII, 591).

Об авторстве Достоевского свидетельствует также и письмо Ф. В. Ливанова из Москвы на бланке редакции изданий «Раскольники и острожники» и «Любопытные процессы» 6 января 1873 г., в котором он просил Достоевского как редактора «Гражданина» почтить «некрологом» в «Гражданине» память литератора Н. И. Соловьева. «Литераторы и так в загоне у общества русского, по крайней мере сама литература должна ценить своих собратий, если не ценит общество» (ЛБ, ф. 93, II. 6. 24).

Стр. 300. *Иметь в виду Богданова...*— В феврале 1873 г. И. Богданов предлагал «Гражданину» очерк «В вокзале» (письмо Достоевскому 4 февраля 1873 г.— ЛБ, ф. 93, I.105).

Стр. 301. *О монахах.*— В «Гражданине», 1873, № 31, печаталась статья «К вопросу о монастырях», подпись: «Из монастырских», освещающая «несоответствие внутреннего устройства и быта наших монастырей с вековечною идеею монашества». В «Гражданине», 1873, № 4, была напечатана рецензия Достоевского на статьи в журнале «Беседа» за 1872 г. под заглавием «Наши монастыри». Возможно, Достоевский имел в виду именно эту свою рецензию.

Стр. 301. *Письмо дамы.* — В «Гражданине», 1873, № 2, 8 января, было напечатано письмо Кохановской из Малороссии «Гласное слово на всю Москву и ее округу» об отравлении жителей соленой рыбой. Об отношении Достоевского к письмам Кохановской корректор «Гражданина» рассказывает: «...Федор Михайлович говорил с добродушной усмешкой:— Наивно это немножко. Но ничего. Зато пафосу много. И пафос у этой почтенной старушки не чета нынешнему: настоящий, не выдуманный...» (В. В. Тимофеева (О. Починковская). Год работы с знаменитым писателем.— В кн.: «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников», т. 2. М., 1964, стр. 146).

В «Гражданине», 1874, № 1, напечатано «Письмо к редактору» Стефании Крапивиной (Лободы), приветствовавшей намерение литераторов издать литературный сборник в пользу голодающих самарцев и предлагавшей организовать с тою же целью публичные чтения. Достоевский в заметке от редакции одобрял это предложение.

Однако, скорее всего (судя по дате записи Достоевского в книжке), имеется в виду письмо Л. Ю. Кохновой.

В № 13 и № 14, 26 марта и 2 апреля 1873 г. было опубликовано письмо Л. Ю. Кохновой—«Ответ женщины на призыв „Гражданина“: „К делу!“». В примечании от редакции указывалось: «Эта статья г-жи Л. Ю. Кохновой есть собственно некоторый ответ на статьи кн. Мещерского по женскому вопросу, напечатанные в „Гражданине“ в прошлом году. Печатаем этот ответ без возражений и оговорок,— единственно, чтобы дать возможность высказаться энергической мысли русской женщины, принявшей на себя столько труда для защиты прав своего пола <...> Мы готовы согласиться на все требования автора <...> Пусть женщина будет адвокатом, аптекарем, бухгалтером и даже почтмейстером (правительственная должность!) <...>» («Гражданин», № 13, стр. 403). Читателям напоминают «остроумнейшую сатиру г. Щедрина» («Отечественные записки», январь, № 1), где также выясняется «сущность женского вопроса». Содержание редакционного примечания близко к рассуждениям Достоевского о женском вопросе. Записи об этом имеются и в данной записной книжке.

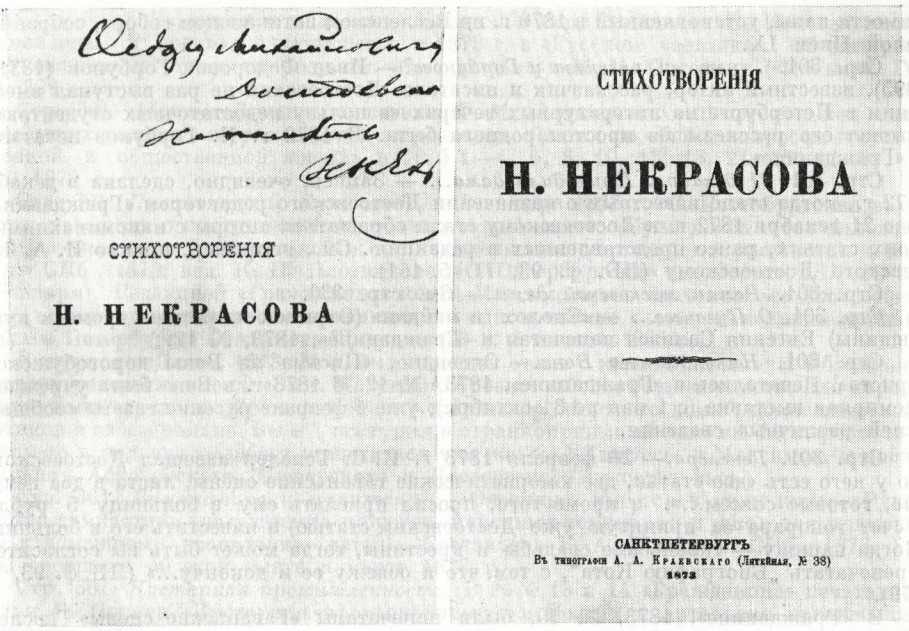
Стр. 301. *Фадеева.*— См. стр. 345.

Стр. 301. *Незнакомца.*— Псевдоним А. С. Суворина.

В «Дневнике писателя» 1873 г. Достоевский упоминает фельетон «всем известного Незнакомца». В тетради IX упоминается фельетон Незнакомца из «С.-Петербургских ведомостей».

В библиотеке Достоевского была книга Незнакомца «Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок», кн. I и II. СПб., 1879 (см. Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919, стр. 132).

Стр.301. *Странствование Парфения.*—Имеется в виду книга «Сказание о странствии по России, Молдавии, Турции и св. Земле постриженника Святыя Горы Афонския инока Парфения», в четырех частях. По свидетельству Н. Н. Страхова, Достоевский еще в 1867 г. брал эту книгу с собою за границу. Из этой книги писателем была заимствована сцена у Семена Яковлевича в романе «Бесы» (см. «Бесы», ч. II, гл. 2. Ср. указ. соч., ч. I, гл. 167 «О юродивом Иоанне Яковлевиче»). К этой книге Достоевский обращался и в период работы над романом «Подросток»: «Макар Иванов рассказывает о вечернях и стояниях, взять из Парфения» («Лит. наследство», т. 77, стр. 193). Достоевский рассказывал, что в романе «Братья Карамазовы» «наивность изложения» в главке «О священном писании в жизни отца Зосимы» (кн. шестая романа) «взята» им также «из книги странствований инока Парфения» (Достоевский— Любимову, 7/19 августа 1879 г.— «Письма», IV, стр. 92).


Ѳедору Михайловичу
Достоевскому
Некрасов
СТИХОТВОРЕНІЯ
Н. НЕКРАСОВА
СТИХОТВОРЕНІЯ
Н. НЕКРАСОВА
САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38)
1873

«СТИХОТВОРЕНИЯ Н. НЕКРАСОВА» (СПб., 1873)
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА ДОСТОЕВСКОМУ
Шмуцтитул и титульный лист
Собрание Ю. Г. Оксмана, Москва

Стр. 301. *Взять Жития...*— Избранные Жития святых, кратко изложенные по руководству Четьих Миней, по месяцам в 12 книгах. Выпускались в Москве о. Макарием в 1861 г. и 1862 г. по месяцам. В 1870-е годы издание повторилось. В библиотеке Достоевского было 11 выпусков (см. Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского, стр. 154). В январе 1873 г. «С.-Петербургские ведомости» извещали о новом издании «Житий».

Стр. 301. ...*Полевого.*—Очевидно, имеется в виду книга «Народные русские сказки» Н. А. Полевого, о которой писал «Гражданин»: «Педагогический вопрос: можно ли детям читать сказки? (по поводу издания Полевого „Народные русские сказки“». Евгений Белов.— «Гражданин», 1874, № 39, 30 сентября, стр. 975. «Гражданин» вел полемику с рецензентом «Голоса» (1874, № 265), заявившим, что «художественная правда сказок недоступна не только ребенку, но и взрослому». Спор о том, «следует ли детям давать читать сказки, следует ли в детское чтение допускать элемент фантастический», продолжался и в следующих номерах «Гражданина». Так, в № 47, 25 ноября, Е. Белов полемизировал по этому вопросу с фельетонистом «Отечественных записок» Иваном Непомнящим.

Стр. 301. *Мою тетрадку каторжн⟨ую⟩.*—Очевидно, Достоевский имел в виду свою записную тетрадь, которую он вел в Сибири, в остроге и по выходе из него. «В часы, когда мне нечего делать, я кое-что записываю из воспоминаний моего пребывания в остроге, что было полюбопытнее» (письмо А.Н. Майкову, 18 января 1856 г.— «Письма», I, стр. 164). Эту тетрадь с записями поговорок, присловий, «народного разговора с особенным каторжным оттенком» Достоевский читал по возвращении из Сибири М. М. Достоевскому (Тверь, 9 октября 1859 г.— «Письма», II, стр. 605). Тетрадь сохранилась (см. ЛБ, ф. 93, I. 2.5. См. также: Л. П. Гроссман. Первая записная книжка. Сибирская тетрадь.— «Звенья», VI, 1936). Многие записи из нее использованы писателем в романе «Преступление и наказание», в публицистических статьях.

Стр. 301. *Гражданина Стенли.*— Имеется в виду Генри Стенлей. Одновременно с сообщениями о выходе в свет романа Достоевского «Бесы» «С.-Петербургские ведомости» извещали об изданной в Англии книге Стенлея (или Стенли) «Как я отыскал Ливингстона», отыскавшего в Африке Д. Ливингстона и сообщившего о нем Европе, где его считали уже погибшим. Сочинение это должно было печататься в России в иллюстрированном журнале «Всемирный путешественник» и выйти отдельной книгой («С.-Петербургские ведомости», 1873, № 32, 1 февраля; № 39, 8 февраля).

Стр. 301. *Силлабус.*— Силлабус папы Пия IX был опубликован еще в 1864 г. Возможно, Достоевский имеет в виду новый догмат католической церкви — о непогре-

шимости папы, установленный в 1870 г. на Вселенском ватиканском соборе, собранном папой Пием IX.

Стр. 301. *...нет ли рассказа у Горбунова?* — Иван Федорович Горбунов (1831—1895), известный актер, рассказчик и писатель. Достоевский не раз выступал вместе с ним в Петербурге на литературных вечерах «в пользу недостаточных студентов» и слышал его рассказы из простонародного быта. В 1872 г. И. Горбунов печатался в «Гражданине».

Стр. 301. *31 декабря. Приходила дама...* — Запись, очевидно, сделана в декабре 1872 г., когда стало известным о назначении Достоевского редактором «Гражданина». Уже 21 декабря 1872 г. к Достоевскому стали обращаться авторы с напоминаниями о своих статьях, ранее представленных в редакцию. См., например, письмо И. А. Кущевского Достоевскому (ЛБ, ф. 93, II. 5. 161).

Стр. 301. *Роман московской дамы.*— См. стр. 330.

Стр. 301. *О Пугачеве...* — «Сполох и майдан» (Отрывок из романа времени пугачевщины) Евгения Салиаса напечатан в «Гражданине», 1873, № 12.

Стр. 301. *Николаевского Вена.*— Очевидно, «Письма из Вены дорогобужского туриста». Печатались в «Гражданине», 1873, № 12. В 1873 г. в Вене была учреждена Всемирная выставка (с 1 мая по 31 октября); уже в феврале русские газеты сообщали о ней различные сведения.

Стр. 301. *Генслера.*— 26 февраля 1873 г. И. С. Генслер извещал Достоевского, что у него есть «две статьи, две юмористические гаваньские сцены, листа в два печатные, готовые совсем...», и кроме того, просил прислать ему в больницу 5 рублей (в счет гонорара за принятую уже Достоевским статью) и навестить его в больнице. «Когда напишу — гаваньские свадьбы и крестины, тогда может быть вы согласитесь перепечатать „Биографию Кота", с тем, что я освежу ее и докончу...» (ЛБ, ф. 93, II. 2.79).

В «Гражданине», 1873, № 10, были напечатаны «Гаваньские сцены» Генслера («Литературные сценки Генслера (в сегодняшнем номере) я почти вновь пересочинил» (Достоевский — М. П. Погодину, 26 февраля 1873 г.— «Письма», IV, стр. 298). Очерки и рассказы Генслера были известны Достоевскому еще в 1860-х годах. В журнале «Время», 1861, № 2, была помещена рецензия на очерк «Гаваньские чиновники». О редакторской работе Достоевского над очерками Генслера см. В. В. Виноградов. Достоевский—редактор «Гаваньских сцен».— «Русская литература». 1964, № 2, стр. 91.

Стр. 301. *О лондонской жизни.*— Очевидно, Достоевский имел в виду статью К. П. Победоносцева «„Из Лондона". Пропаганда английского духовенства против России в пользу Персии — по поводу приезда в Лондон персидского шаха». Была напечатана в разделе политических статей в «Гражданине», 1873, № 27, с редакционным предисловием, написанным Достоевским: «Мы только что получили из Лондона от 19 июня корреспонденцию с новыми и весьма характерными подробностями о пребывании персидского шаха в столице Великобритании. Нам показались некоторые из этих подробностей особенно любопытными. Спешим сообщить их нашим читателям». О том, что эти подробности интересовали и Достоевского, свидетельствуют также его записи в тетради о персидском шахе, специально выписанные им из газеты . Статья появилась анонимно. «Припомните, что я не подписываю своего имени под статьями»,— напоминал Победоносцев Достоевскому в письме из Англии 21 июня/3 июля 1873 г., посылая статью в «Гражданин» («Лит. наследство», т. 15, стр. 124).

Победоносцев печатал в «Гражданине» все свои статьи анонимно. «...Еще раз, и в особенности по поводу этой вещи, прошу наблюсти величайшее молчание относительно автора. Это очень для меня существенно»,— писал Победоносцев Достоевскому в октябре 1873 г., посылая статью «Церковь и государство в Германии» («Лит. наследство», т. 15, стр. 127).

Статьи Победоносцева чаще всего шли за подписью *ZZ****. Достоевский старательно хранил эту тайну; «без означения» имени Победоносцева, переписанные «чужой рукой» рукописи его статей поступали в типографию (см. Достоевский — К. П. Победоносцеву, 23 октября 1873 г.— «Письма», III, стр. 87). Корректуры этих статей обычно просматривал сам Достоевский. Статьи Победоносцева появлялись почти в каждом номере «Гражданина», с редакционными примечаниями Достоевского.

«Нас сблизило время его редакторства в „Гражданине",— рассказывал Победоносцев И. С. Аксакову в 1881 г., — тогда, из участия к его отчаянному положению, я целое лето работал с ним вместе и мы весьма сошлись» («Новое время», 1909, № 12118).

Победоносцев помогал Достоевскому «несколько пополнить» своими статьями и «недостаток политического обозрения». Он писал в разделах журнала «Хроника за две недели» и «Петербургское обозрение» (см. К. П. Победоносцев — Достоевскому, 10 августа 1873 г.— «Лит. наследство», т. 15, стр. 125; Л. П. Гроссман. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов. «Из Лондона» (корреспонденция «Гражданина» за подписью: Энский (1874 г., № 48) также принадлежит Победоносцеву.

Стр. 301. *Панславизм и греки.*— Имеется в виду сочинение Н. Константинова «Панславизм и греки», печатавшееся в 1873 г. в «Русском вестнике». Об интересе Достоевского к этому вопросу см. в его письме к М. П. Погодину («Письма», IV, стр. 299—300).

Стр. 301. *Мои.*— «Дневник писателя Ф. М. Достоевского» печатался как один из ведущих разделов журнала вслед за разделом «Статьи по общим вопросам государственной и общественной жизни» в №№ 1—4, 6, 8, 10, 13, 18, 21, 25, 27, 29, 35 и 50 1873 г.

Стр. 301. *Просмотреть: Куль хлеба.*— В январе 1873 г. «С.-Петербургские ведомости» извещали о поступившей в продажу новой книге: «Куль хлеба и его похождения, рассказанные С. Максимовым, с 105 отдельными картинами и рисунками в тексте...» СПб., 1873, изд. К. Н. Плотникова («С.-Петербургские ведомости», 1873, № 11, 23 января). Редакцией «Гражданина» книга Максимова «по значению ее для познания России» ставилась выше появившегося одновременно с нею «Дневника провинциала в Петербурге» Салтыкова-Щедрина (№ 2, 8 января 1873 г.).

В журнале «Дело», 1873, № 4, был помещен отзыв о книге Максимова. Обращаясь к автору,рецензент писал: «Эх,г. Максимов, бросьте вы свое сочинительство для народа и поступайте лучше в „Гражданин“ ⟨...⟩ если автор „Мертвого дома“, дописавшись до чёртиков в своем романе „Бесы“, поступил в странноприимный дом кн. Мещерского,— то вам-то и подавно подобает приютиться там же. ⟨...⟩ Тщитесь, г. Максимов, и новая компания Аскоченского, Мещерского и Достоевского приютит вас».

Стр. 301. *Гимнастика и воспитание.*— Очевидно, имеется в виду книга «Руководство гимнастики (для детских приютов, народных семинарий и школ для применения к домашнему воспитанию детей)». Составлено К. А. Шмидтом. СПб., 1873. Газеты сообщали об этой книге в марте 1873 г.

Стр. 301. *Кустарная промышленность.* В №№ 13 и 14 «Гражданина» печаталась статья Р. Попова «Кустарная промышленность в России и артельная организация народного труда».

Стр. 301. *Чтения в Соляном городке ∽ о питомцах воспитательного дома ∽ в «Голосе».*—Имеются в виду сообщения в «Голосе», 1873, № 68, 9 марта, в разделе «Внутренние известия» об устройстве публичных народных чтений Певцова, Рогова, Шалфеева, Генике, Тарапыгина и издании их в виде дешевых брошюр («на днях доставлено и чтение г. Коховско—„О труде и отдыхе“») и письмо священника Иоанна в «Петербургском листке» о громадной смертности питомцев петербургского воспитательного дома.

Стр. 302. *Богданову отдана.*— Достоевский возвратил И. Богданову его первую статью, посланную в «Гражданин»,— этюд «Плотники», однако с обещанием поместить в «Гражданине» другие его работы, «если они не будут противоречить взглядам редакции» (Богданов — Достоевскому, 4 февраля 1873 г.— ЛБ, ф. 93, I. 105).

Стр. 302. *Что пользы на могильный камень*

Лить солнцу свой горячий луч?

Последние строки стихотворения Л. Папковой, напечатанного в «Гражданине», 1873, № 24, 11 июня, стр. 682. Стихи Л. Папковой подвергались значительной правке Достоевского, иногда строфы, ритм стиха создавались писателем заново. В письме к Достоевскому 8 июля 1873 г. Л. Папкова, посылая ему новые стихи, благодарила за внимание к «прежним» ее стихам (ЛБ, ф. 93, II. 7.67).

Стр. 302. *Следующий № (24).*— Этот номер «Гражданина» вышел 11 июня 1873 г.

Стр. 302. *«Хива».*— Из названных Достоевским статей, предполагавшихся в этом номере, был напечатан: «Хивинский поход» Пуцыковича (без подписи), продолжал печататься и в № 25.

Стр. 302. *Московские заметки.*— Печатался вместо этого раздела «Проект адвокатской реформы», где сообщались известия о предпринимаемой министерством юстиции реформе «относительно частной адвокатуры». В редакционном примечании указывалось, что сведения об адвокатской реформе заимствованы «Гражданином» из майской книжки «Журнала гражданского и уголовного права».

Стр. 302. *Филиппова.*— Продолжение статьи Т. И. Филиппова «Петербургское общество любителей духовного просвещения», начало в №№ 22 и 23.

Стр. 302. *Венская выставка.*— «Отчет о венской выставке» (№№ 20, 21, 22 и 23).

Стр. 302. *Кельсиева.*— В этом номере статьи Кельсиева не печатались.

Стр. 302. *2-й акт драмы.*— Второе действие драмы Д. Д. Кишенского «Пить до дна — не видать добра». См. стр. 336.

Стр. 302. *Стишки.*— Печатались стихотворения под общим названием «Мгновения»: В. Немировича-Данченко. Пережитая ночь (подпись: В. Н. Д.) и стихи Л. П—вой (Л. Папковой) «Когда ты лжешь...»

К «стишкам» Достоевский, очевидно, относит и стихотворения С. Константинова, П. Висковатова, печатавшиеся на страницах «Гражданина» после существенной правки Достоевского.

По поводу этих стихотворений, «перлов» поэзии, встречающихся в «Гражданине», иронизировала и современная журналистика. «С.-Петербургские ведомости», 1873,

№ 163, 16 июня, «Журналистика», подпись: *Z*, «из всех образцов конфектного стихотворства „Гражданина“» приводили стихотворение П. Висковатова «Ты моя радость, ты моя звезда». Сохранились автографы стихотворения Константинова (подпись: К. С. К.) «Осенние недуги» с правкой Достоевского (напечатано в «Гражданине», 1873, — ЛБ, ф. 93, II. 5. 115) и Л. Папковой «Вслед за мгновением мгновенье», «Когда вокруг меня несется говор смутный...», «Ветер дует жалобно свистя» (ЛБ, ф. 93, II. 7.67), посланные Достоевскому 8 июля 1873 г. Эти стихи Л. Папковой были напечатаны в «Гражданине», 1873, № 46 и № 27.

Сохранилась беловая рукопись с пометами для типографии стихотворения Л. Папковой «Вслед за мгновением мгновенье», полностью переписанного Достоевским после сделанной им правки. Последнюю строфу он выбросил. Стихи Л. Папковой переписаны Достоевским на листок со стихами Вс. Соловьева, которые также подверглись его правке. Достоевский изменил заглавие в стихотворении Вс. Соловьева «Картинка», назвав его «Зимнее утро». Дал подпись: Вс. С—въ (см. ЛБ, ф. 93, II. 8. 122). О дружеских отношениях Достоевского и Вс. Соловьева свидетельствуют письма Вс. Соловьева Достоевскому:

«Милостивый государь.

Многоуважаемый Федор Михайлович, вчера, выходя от вас, я еще на вашем дворе поправил понравившееся вам стихотворение; но было уже поздно возвращаться. Вот что у меня вышло:

Побледнели уж краски заката,
Звезды первые слабо зажглись,
И давно соловьиные песни
В тихий сумрак с кустов полились.

Нету сил наболевшему сердцу
Обвинять за уснувшие муки,
И к тебе, обливаясь слезами,
Простираю я трепетно руки.

Не знаю, как вам покажется эта поправка. Глубоко уважающий вас и сердечно вам преданный Вс. С о л о в ь е в.

24 генваря 73 г.»

Стихотворение было опубликовано в «Гражданине», 1873, № 51, 17 декабря. Вс. Соловьев присылал Достоевскому свои стихи и в письмах из Женевы. Так, в письме 12/24 июня 1873 г. он прислал стихотворение «Чуть шепчутся в полдень горячий / Лазурные воды Лемана...». Посылая эти стихи, Вс. Соловьев писал: «...устал страшно, а поговорить с вами все же хочется, хочется еще, по несчастной привычке, сказать вам то, что пригрезилось мне вчера на озере. Как вы это найдете?! Разорвете или напечатаете к моему приезду» (ЛБ, ф. 93, II. 8. 122). Стихотворение было опубликовано в «Гражданине» в 1874 г.

Стр. 303. *Пуцыковича.*— «Хивинский поход».

Стр. 303. *2-й акт драмы.*—В «Гражданине», 1873, № 24, 11 июня печатался 2-й акт драмы Д. Д. Кишенского «Пить до дна — не видать добра». Комедия в пяти действиях из народного быта (фабричного). Эпиграф: «Не весела ты, родная картина» из «Саши» Некрасова. Первый акт печатался в № 23, 4 июня; в № 25,18 июня, печатались действия третье, четвертое и пятое и статья Достоевского из «Дневника писателя» («По поводу новой драмы»), посвященная этой пьесе Кишенского. В письме к Достоевскому 23 июня Кишенский писал, что Достоевский в своем отзыве справедливо называет его пьесу драмой, а не комедией (хотя на конкурсе она получила награду как произведение комедийного жанра) и что Достоевский «первый отозвался тепло и радушно» о его таланте. «Не могу не сказать, что вы поняли мою драму. „Пить до дна“ писалось для народного театра, и я боялся, что театральная цензура поймет, что драма моя будет восстановлять народ на купцов, тем более, что в последнее время у нас стали трусить интернационалки, с которой, вы, вероятно, согласитесь с этим, у русского народа не может быть ничего общего. Этим добродетельным старцем я хотел закупить цензуру, выставив в нем доброго купца, не забывающегося перед народом; т. е. такого купца, какого на свете нет»,— писал он Достоевскому, сообщая, что пьеса, несмотря на это, была запрещена для сцены (ЛБ, ф. 93, II. 5.73).

Кишенский просил Достоевского прочесть и дать отзыв о другой его пьесе «Кормилицы-Саврасушки», напечатанной в «Сиянии», 1873, № 712: «В этой комедии выставлен другой крестьянский мир — мир хлебопашцев, который ни так пьян, ни так развратен, как фабричный. Мне дорог отзыв ваш, потому что вы, Некрасов, да Григорович действительно знаете народ русский, а не эта мелкота, как Левитовы, Успенские и пр., которые знают непотребные слова народа и — только».

Стр. 303. *Текущая жизнь.*— В этом разделе были напечатаны «Пожар в селе Измайлове», «Стена на стену», «История о. Нила» Ф. М. Достоевского. См. «Дневник писателя», 1873 г.— «Гражданин», № 24, 11 июня, стр. 694.

Стр. 303. *№ 25.*— Номер вышел 18 июня 1873 г. Печаталось «Областное обозрение», которое обычно вел Пуцыкович. «Дневник писателя», XII. «По поводу одной драмы» (о драме Д. Кишенского «Пить до дна— не видать добра»).

Стр. 303. *Хива.*— «Хивинский поход». В очерке использованы те газетные материалы, которые Достоевский отметил в своих записях. Возможно, что Достоевский сам подготовил этот материал о Хиве.

Стр. 303. *Стихи.*—«Мгновения». В горах. Желание. Подпись: В.Н.Д. Дата—1872.

Стр. 303. *Проект 26 №.*— «Гражданин», № 26, 26 июня 1873 г.

Стр. 303. *Хива.*— «Хивинский поход» Пуцыковича (без подписи).

Стр. 303. *М⟨осковские⟩ заметки.*— О появившейся в Москве брошюре Ф. Д. Самарина «Сокращение приходов и обеспечение духовенства».

Стр. 303. *Венская выставка.*— Отчет о Венской выставке (продолжение).

Стр. 303. *Белов.*— В разделе «Критика и библиография» рецензия Евг. Белова на научно-литературный сборник «Нашим детям», изд. А. Н. Якоби.

Стр. 303. *Мещерск⟨ий⟩.*— «Письма вольнодумца» (продолжение). Подписано: Село О... Московск. губ. июнь 1873 г. Начало в «Гражданине», 1873, № 26, 26 июня.

Стр. 303. *Стихи.*— В 1873 г. в «Гражданине» печатались стихотворения Ф. Тютчева («Наполеон III», в № 2), П. Козлова («Май», в № 5), неизданное стихотворение А. И. Одоевского («Якушкину, разделившему со мною кипарисовую ветку с могилы Лауры», в № 49), обещали прислать свои стихи А. Майков, Я. Полонский. Стихи Вс. Соловьева, Вас. Ив. Немировича-Данченко, Л. Палковой, П. Висковатова Достоевский, очевидно, относил к разряду «стишков». См. стр. 335.

Стр. 304. «*Московские ведомости*», *№ 153, 20 июня. О прусской армии из Зиновьева...*— Имеется в виду передовая статья, где говорилось о статье полковника М. Зиновьева «Заметки о германской армии», начало которой было помещено в майской книжке «Военного сборника», 1873 г.

В июньской книжке «Военного сборника» появилось продолжение этой статьи, подробно излагающее «ход обучения и воспитания прусского артиллериста».

«Все касающееся обучения и воспитания войск в Германии получает для нас в настоящее время, ввиду общей воинской повинности, особое значение,— указывает автор статьи,— так как германская армия есть пока единственная, где принцип этой повинности получил полное осуществление, где армия действительно сделалась армиею народною или, как любят выражаться в Пруссии, где она есть вооруженный народ (das Volk in Waffen)».

Особого внимания заслуживают сравнения, сделанные Зиновьевым, об образованности солдат Пруссии и рекрутов великороссийских губерний. Зиновьев отмечал большую сметливость, понятливость рекрутов Московской, Ярославской и Владимирской губерний. Это заявление Зиновьева автор статьи находил чрезвычайно интересным: оно указывало, как «неосновательны и шатки были доводы тех, кто требовал для наших солдат срока службы слишком вдвое больше, нежели в Пруссии, на том основании, что развитие наших рекрут „несравненно" будто бы ниже, чем рекрут прусских. На деле оказывается другое...» В связи с вопросом о грамотности солдат в статье ставился вопрос о народном образовании в России.

Стр. 304... *известие из рим⟨ской⟩ корреспонд⟨енции⟩.*— Имеется в виду сообщение римского корреспондента в «Tiemes» о посещении бывшей испанской королевой Изабеллой Ватикана и о его отношении к этому визиту. По словам корреспондента, «папа и Ватикан теперь весьма мало расположены рассчитывать на помощь государей, и гораздо вероятнее, что они постараются войти в союз с демократией». «Так как теперь дело решает число,— говорят клерикалы,— то мы должны стать во главе невежественных масс и показать либералам, что и мы сами умеем играть в эту игру».

Стр. 304. «*С.-Петербургские ведомости*», *№ 169, (22 июня).*— В разделе «Хроника» внимание критики обращалось на издание в прошлом году книги Бобровского «Юнкерские училища», составляющей «крупный вклад в нашу педагогическую литературу и в историю нашего просвещения». Бобровский в течение 10 лет внимательно изучал состояние юнкерских училищ; его книга дает представление об уровне общего образования и нравственности в военных училищах; автор предстает в ней не только как историк, но и как педагог.

Вскоре в июльском номере «Гражданина», 1873, № 30, 23 июля, в разделе «Критика и библиография» появилась статья: «Двадцатисеминедельное общее образование. Юнкерские училища, историческое обозрение их развития и деятельности» генерал-майора Бобровского. Подпись: Евгений Б е л о в.

Стр. 304. «*Москов⟨ские⟩ ведомости*», *№ 154, июня 21.* *О возвращении Красноводского отряда.— Извлечение из «Инвалида» о том же.*— См. «Хивинская экспедиция. Возвращение Красноводского отряда». Извлечения из «Русского инвалида» были даны в «Гражданине», № 26, 26 июня. См. также «Хивинский поход».

Стр. 304. *Вамбери о Хивинском походе.*—«Гражданин» писал, что самый достоверный свидетель «необыкновенной важности подвига наших хивинских отрядов» — это Вамбери, известный венгерский ученый, писатель и путешественник. «Нужно иметь в виду, что этот человек „враг русских", как он себя именует, и самый ярый поджигатель

английской печати на избитую тему о тех опасностях, какие внушает Россия англо-остиндским владениям, с усилением ее могущества» в Средней Азии

Стр. 304. *Шах в Манчестере.*—Имеется в виду заметка «Посещение персидским шахом Ливерпуля и Манчестера» 26 и 27 июня 1873 г.— «Гражданин», № 20, 14 мая, «Из текущей жизни» — «Приезд персидского шаха в Россию и пребывание его в Москве» («Московские ведомости», № 113).

Стр. 304. *Судебный приговор о продаже жены в варшав‹ском› суде.*— «Судебная хроника. Варшавский уголовный суд: дело Ивана Щепанского,38 лет, мельника из Новой Деревни, и Карла Борковского, 65 лет,о нарушении супружеских прав и особенно о продаже жены Щепанским Борковскому» (подобные случаи не предусмотрены законодательством в уголовном кодексе, принятом в 1864 г.). Суд решил «по аналогии» по статьям 156, 1077, 1078 Щепанского «за превышение супружеских прав и Борковского за соучастие» приговорить к тюремному заключению на четыре месяца и двадцать дней, а затем к церковному покаянию.

Стр. 304. *...о народных книжках.*— В № 32 «Гражданина» в разделе текущей жизни были отмечены с похвалой издания А. В. Морозова.

Стр. 304. *Похвалы гражданским похоронам.*— Имеется в виду ответ в газете «Голос», 2 августа 1873 г. в статье «Литература и жизнь» (подп. W) на высказывание «Гражданина» о том, что «лишение христианского погребения опившихся» явилось бы лучшим средством к прекращению пьянства: «Лионский префект Дюкро, преследующий гражданские похороны, находит себе достойных последователей в русской печати»,— иронизировал «Голос».

Стр. 304. *...на Каткова.*—В «Голосе», 9 августа 1873 г. также в обозрении «Литература и жизнь», (подп. W) сообщалось о вышедшей первой книжке «Чтений в Обществе истории и древностей России», где в статье «Трилогия на трилогию» осуждалось отношение бывшего профессора Каткова к уставу русских университетов. «Голос» поддерживал «Чтения» в их полемике с «Московскими ведомостями», которые «в свое время доносили по поводу журналистики».

Стр. 304. *Монах (Русские ведомости).*— Достоевский отмечает в «Петербургском листке» (1873, № 111, 9 июня) в разделе «Судебная хроника» сообщение о судебном процессе над монахом Сергиевской Лавры о. Нилом, впервые подробно излагавшемся в «Русских ведомостях». См. очерк Достоевского «История о. Нила» (т. XIII, стр. 440—446).

Стр. 305. *Расходы.*— Подсчеты расходов за №№ 23—30 «Гражданина». Все записи расходов по журналу сделаны разными чернилами. Страницы заполнялись по мере выхода номеров.

Летом 1873 г., когда Мещерский уезжал в свое имение, Достоевский оставался полным распорядителем журнала. Он занимался не только составлением номера, но и расплатой с сотрудниками, приезжая для этого из Старой Руссы по четвергам. «Еженедельный номер „Гражданина" мы делали в три дня»,— рассказывает метранпаж. Денежные расчеты доставляли Достоевскому большие неприятности: «У меня, всего на все, 50 р. Между тем номера Гражд‹анина› стали ужасно дорого оплачиваться. В следующий понедельник мне надо выдать 130 руб. (minimum), а где я возьму? Не выдать же ни за что нельзя: есть писатели новые и марать журнал неуплатой невозможно. Да и вообще никому нельзя задолжать: тотчас же разнесется слух, что Гражданин не платит» (Достоевский — А. Г. Достоевской, 12 июля 1873 г.— «Письма», III, стр. 63).

В письмах Мещерского к Достоевскому содержатся указания, где взять деньги, какая принята была в редакции расценка на статьи. Но управляющий имением Мещерского некто Дмитриевский и ведающий розничной продажей журнала Гладков, к которым Мещерский рекомендовал Достоевскому обращаться за деньгами, часто подводили его.

«...в понедельник расплата с сотрудниками. Сегодня встал в 10 часов и пошел по закладчикам...»,— писал он жене 23 июля («Письма», III, стр. 67).

Сохранилось обязательство Мещерского от 31 марта, выданное Достоевскому в том, что расходы по изданию и расчеты с подписчиками «Гражданина» за 1873 г. ложатся на Мещерского. Расчеты с авторами Достоевский вел по указаниям Мещерского, полученным им от него в письме 1 июля 1873 г.: «Во избежание недоразумений считаю нужным напомнить, что при расчетах за статьи принят мною был следующий порядок:

1. По 7 коп. оплачивается только Страхов, московский корреспондент и Дневник писателя.

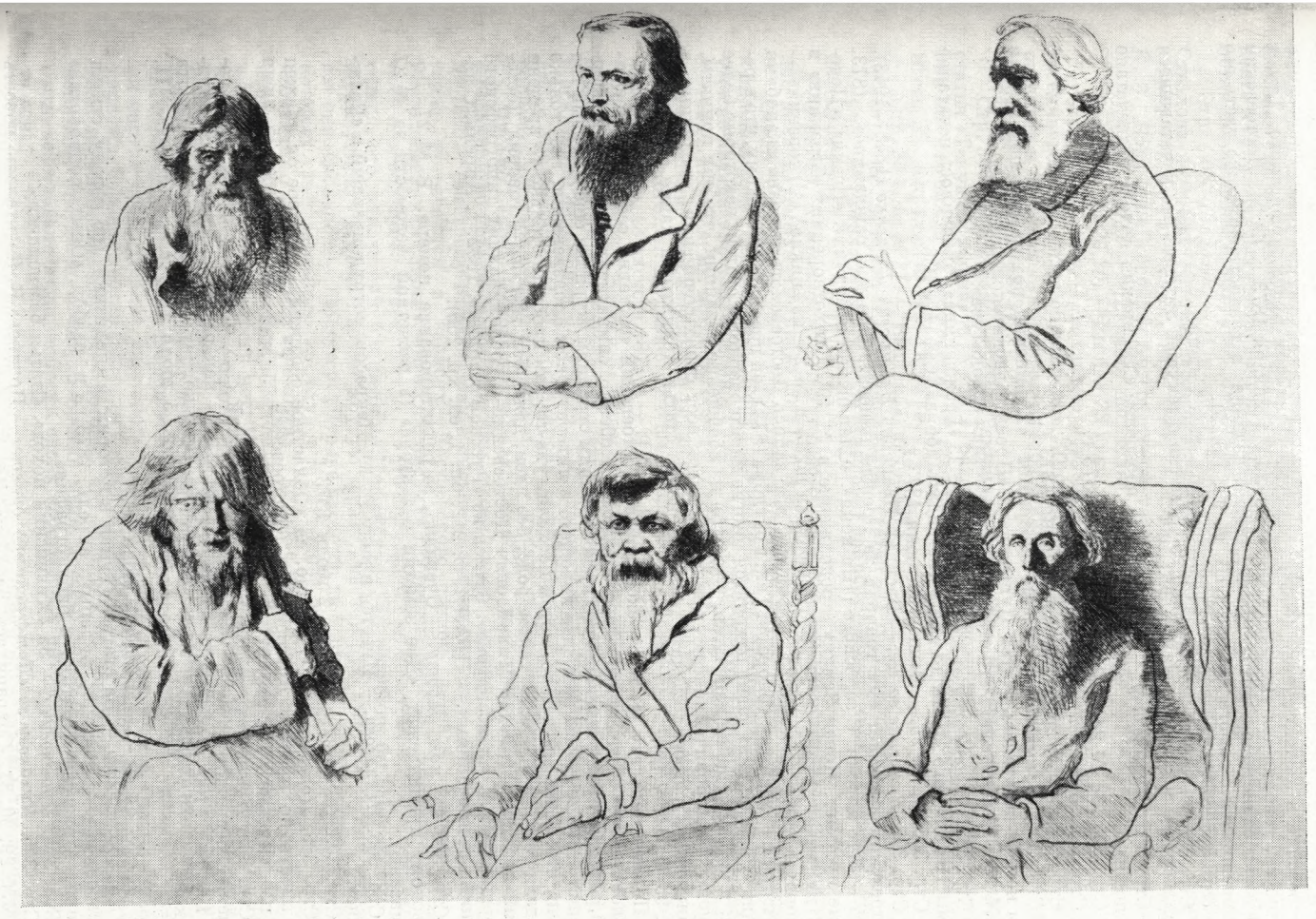
2. По 5 коп. все оригинальные статьи и беллетристические произведения, по коим от авторов не последовало предъявления условий.

3. Переводы и статьи компилятивные, как, напр‹имер›, о Хивинском походе,— 3 коп.

4. Корреспонденции — 4 коп.

5. Из текущ‹ей› жизни — бесплатно.

‹...› Расчет с корреспондентами производится каждые 2 месяца» (ЛБ, ф. 93, II.6.77).



«РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ»

Верхний ряд: Достоевский (в центре), И. С. Тургенев; нижний ряд: М. П. Погодин, В. И. Даль; слева типы крестьян

Офорт И. Н. Крамского. Альбом 2-й передвижной выставки, 1873

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

О том, что Достоевский как редактор, за редкими исключениями, не имел отношения к денежным расчетам по журналу, свидетельствует черновик обращения к читателям (в связи с предполагавшимся закрытием «Гражданина»), написанный Достоевским в начале апреля 1873 г., с двумя вставками рукой Мещерского. Там, в частности, говорилось: «Редактор же журнала с 1 января 1873 г. Ф. М. Достоевский заведывал единственно литературной частию издания; в хозяйственную же часть его не вмешивался с самого начала» (ЛБ, ф. 93, I.3.25).

Стр. 305. *За № 23.*— № 23 «Гражданина» вышел 4 июня.

Стр. 305. *Страхову.*— Очевидно, за «Заметки о текущей литературе», печатавшиеся в №№ 15—16, 19, 22 (с продолжением).

Стр. 305. *Пуцыковичу.*—Возможно, за обозрение «Хивинский поход». Напечатано без подписи.

Стр. 305. *За № 24.*— Вышел 11 июня 1873 г.

Стр. 305. *Папковой.*— За стихи. См. стр. 335.

Стр. 305. *За № 25.*— Вышел 18 июня 1873 г.

Стр. 305. *Пуцыковичу.*— Кроме обозрения «Хивинский поход» (без подписи), в этом номере печаталась статья Пуцыковича «Проект адвокатской реформы». В 1872 г. в №№ 13 и 14 печатались его статьи «Наша частная адвокатура».

Стр. 305. *Кишенскому за всю драму.*—В № 25 «Гражданина» закончилось печатание драмы Кишенского «Пить до дна — не видать добра». См. стр. 336.

Стр. 305. *За № 26.*— Вышел 26 июня 1873 г.

Стр. 305. *Данченке за все.*— Василий Иванович *Немирович-Данченко* (1848—1943). Достоевский высылает ему гонорар за прежде напечатанное в «Гражданине», 1873, № 15—16,16 апреля. С сербского («На коня». «Славянский праздник». «Песня»).«Неведомые пустыни. Новая Земля» (продолжение в № 19). Стихотворения: «Странник» в № 21; «Кандиот турку» в № 23; «Пережитая ночь» в № 24; из цикла «Мгновения» — «В горах», «Желание» в № 25. Очевидно, эта запись Достоевского вызвана жалобами Данченко на задержку гонорара. Так, в октябре 1873 г. он писал Достоевскому, что в редакции «Гражданина» давно находятся многие из его очерков и статей, некоторые более года, и ни один еще не напечатан, несмотря на сообщение редакции, что они приняты. К письму Немирович-Данченко прилагал список всех своих сочинений, посланных в «Гражданин», и просил сделать пометки, какие статьи приняты, а какие отвергнуты (ЛБ, 93, ф. II. 7.10).

По свидетельству М. А. Александрова, Достоевский «составил себе пренебрежительное мнение» об этом литераторе, которому особенно симпатизировал В. П. Мещерский,радушно предоставивший его произведениям страницы журнала еще в первый год издания его. «...Что вы находите хорошего в литературном произведении, где только и речи, что: были мы там-то, потом поехали туда-то, там пробыли столько-то времени и видели то-то, и прочее в таком роде, без идеи, даже без мысли»,— говорил Достоевский издателю («Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика М. А. Александрова». Оттиск из «Русской старины», 1892, г. Апрель. С авторскими примечаниями.— ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 256).

Стр. 305. *За мою работу.*— Очевидно, за редактирование номера. В № 27 Достоевскому принадлежат «Две заметки редактора» (в расчетной ведомости за № 27 не указаны).

Стр. 305. *Некрасову.*— Имеется в виду И. Ю. Некрасов, сотрудничавший в «Гражданине».

Стр. 305. *За № 27.*— Вышел 2 июля 1873 г.

Стр. 305. *Порецкому.*— Очевидно, за «Областное обозрение», которое он должен был писать по просьбе Достоевского (Достоевский — А. У. Порецкому, 25 июня 1873 г.— «Письма», III, стр. 57).

Стр. 305. *Пуцыковичу жалованье...*— «Мещерский ⟨...⟩ о деньгах пишет как о совершенно решенном деле ⟨...⟩ а между тем ⟨...⟩ я как рассчитал, так и ужаснулся: 100 тебе, 100 Печаткину, 50 жалованье Пуцыковичу, 100 журнального долга Гладкову...» (Достоевский — А. Г. Достоевской, 5 июля 1873 г.— «Письма», III, стр. 59).

Стр. 305. *За № 28.*— Вышел 9 июля 1873 г.

Стр. 305. *Белову.*— За статью «Туман в истории и политике (по поводу статьи г. Спасовича)».— «Вестник Европы», апрель, 1873 г., и разбор «Опыта социологии» Стронина в разделе «Критика и библиография».

Стр. 305. *Пуцыковичу.*— За «Хивинский поход». Статья без подписи.

Стр. 305. *Кулакову за «Лот⟨ерейный⟩ билет».*— Подпись: К. Печаталась повесть и в №№ 29, 30, 31. Сохранилась расписка Ив. Кулакова в получении 68 р. 50 к. (ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 120).

Стр. 305. *Порецкому*— «Гражданин», №№ 20, 21, 22, 23, 26 и 27.

Стр. 305. *За № 29.*— Вышел 16 июля 1873 г.

Стр. 305. *Белову.*—За статью «Что читает народ?» Статья датирована: 11 июля 1873 г.

Стр. 305. «*Хива*» — «Хивинский поход» с примечаниями редакции: «Составлено на основании подробного донесения генерал-адъютанта фон Кауфмана о действиях экспе-

диционных отрядов под стенами Хивы». См. «Русский инвалид», № 150. Статья без подписи.

Стр. 305. *Шторх.*— За статьи «О государственном долге». Начали печататься в № 19 с примечаниями редакции: «Под этим заглавием мы предполагаем поместить несколько статей, имеющих предметом исторический очерк нашего государственного долга и сопряженных с этим долгом финансовых мероприятий, начиная с прошлого столетия до последнего времени». Печатались и в №№ 30, 31, 32, 33.

Стр. 305. *Страхов.*— В разделе «Критика и библиография» помещены рецензии Страхова на книгу «О происхождении видов, сочинение Чарльса Дарвина. Перевел с англ. С. А. Рачинский, изд. 3-е», а также на статью: «К спору о дарвинизме» К. Э. Бэра (из «Всеобщей Аугсбургской газеты». Дерпт, 1873).

Стр. 305. *Моя.*— «Дневник писателя», XIII. Маленькие картинки.

Стр. 306. *За № 30.*— Вышел 23 июля 1873 г.

Стр. 306. *Белову.*— За статью в разделе «Критика и библиография» — «Двадцатисеминедельное общее образование. Юнкерские училища, историческое обозрение их развития и деятельности генерал-майора Бобровского». См. также стр. 337. Статья датирована: 19 июля 1873 г.

Стр. 306. *Порец⟨кому⟩.*— За «Текущую жизнь» (?). В статье имеется ссылка на статьи «Текущей жизни» в № 28 «Гражданина», написанные Достоевским,—извинение за неточность в сообщении о газетной полемике по вопросу о самоубийствах. Здесь же некролог Ф. И. Тютчева.

Стр. 306. *За № 31.*— Вышел 30 июля 1873 г.

Стр. 306. *Шторх.*— За продолжение статьи «О государственном долге».

Стр. 306. *Монаст⟨ыри⟩.*— За статью «К вопросу о монастырях». Подпись: «Из монастырских».

Стр. 306. *Пришвицыну.*— За статью «Олонецкие земские цивилизаторы и положение цивилизуемых». Подпись: Ив. П р и ш в и ц ы н.

Стр. 306. *Белову.*— За рецензию на книгу «Наш друг». Книга для чтения учащихся в школе и дома, барона Н. А. Корфа. 23 июля 1873 г. Достоевский писал жене: «Мне ужасно начинает нравиться один из новых моих сотрудников, Белов (пишет критические статьи)... кажется, мы могли бы сойтись...» («Письма», III, стр.67). Белову Достоевский поручал чтение присылаемых в редакцию статей. Сохранился отзыв Белова о статье Д. Кишенского: «... я удивлен, что вы нашли у него любопытные факты» (Е. А. Белов—Достоевскому, 13 августа 1873 г.— ЛБ, ф. 93, II.1.77).

В августе 1873 г. между Беловым и Достоевским произошла размолвка по идеологическим мотивам: «Не стыжусь сказать и не боюсь, что я был жарким последовательным и искренним фурьеристом (без маски) и, следовательно, тогда между моими убеждениями и убеждениями Н. И. Костомарова лежала целая бездна, но я знаю, как должно понимать костомаровский спиритизм...»,— писал он Достоевскому 22 августа (там же).

Письмо Белова Достоевскому 24 августа 1873 г. дает представление о разногласиях в редакции по историческим вопросам, об отношении «Гражданина» к событиям 4 апреля 1866 г. (выстрелу Каракозова); в письме упоминаются имена и сочинения, которые также встречаются в записях Достоевского данной тетради. Выражение: «меняете людей, как сапоги», имеется в письмах Достоевского 1873 г. «Кажется вы статьей моей недовольны за умеренность ⟨...⟩ Но я убежден только в том, что я не стал бы опасаться, что, напечатав о 4 апреля по Кишенскому, вы погубили бы вашу газету. Нет, но вы увидите в моем письме другую фразу, на которую вы не обратили внимания: вот она, сколько мне помнится: „Что же касается до 4 апреля, то излишнее усердие некоторых газет затемнило это глупое и постыдное дело". Говоря это, я думал, прошу извинить, о „Московских ведомостях", которые некоторыми своими статьями, сгоряча написанными, без сомнения, навредили много ⟨...⟩ и той тревоги, которую вы находите в моем письме, этой тревоги нет. Но, признаюсь, в нем досада ⟨...⟩ есть⟨...⟩ Что же касается до статьи г. Кишенского, то, признаюсь вам, она мне показалась карикатурой на мои собственные мнения. В разборе учебника Соловьева, который у вас в руках, я указывал на вред, который происходит оттого, что у нас недостаточно выясняется значение народного и общечеловеческого; в преподавании я всегда указывал, как гибли партии всех оттенков, ища опоры вне собственного государства. Одним словом, по мере сил, боролся против гангрены космополитизма и, увы, видел, что одни не понимают меня по глупости, другие — потому, что задались не понимать.— Я совершенно не понимаю, откуда шла чепуха против меня, и всего более опасаюсь, что тут, может быть, действовали люди вопреки своих собственных интересов. В этом-то и гадость-то вся!

Что же касается до того, что польская эмиграция пользовалась так называемыми нашими социалистами, то если бы об этом нигде и не было писано, я был бы в этом уверен à priori. Иначе и быть не могло. Но теперь дело не в этом; а в том, чтобы доискаться, кто эксплуатирует самих поляков? В этом направлении и должно писать о польском вопросе и показать, что во взглядах польской эмиграции и демократии нет никакого политического смысла...

Более всего меня огорчили следующие строки ваши: „Неужели вы меняете людей, как сапоги?" Увы! Я и сапоги-то не часто меняю!

„Вы можете смеяться над идеей моей о прежних отношениях и совершенно их отрицать?"

Бог с вами за эти нехорошие строки и остаюсь с искренним уважением к Федору Михайловичу Е. Б е л о в».

Приписка: «Еще забыл, Вы пишете, что у Костомарова мания пакостить дорогие русскому народу личности; но русский народ велик, и кому кажется дорог Дмитрий Донской, другому Петр Великий! В этом деле всякая мания исчезнет перед правдивостью доводов.

Еще о Пуцыковиче же скажу вот что: его слова, которыми он оправдывал Кишенского, что г. Костомаров, будучи спиритом, не имеет права отвергать видение Минина, мне показались почти личностью и намеком на мою статью о Димитрии. Как, будучи православным, я отвергаю святость Димитрия. Но это показывает только, что Пуцыкович не понимает, что такое православие.

Вы писали, что я хотел вам прочесть мой перевод Иоанна. Да: но, мне показалось, что вы, при личном свидании не напомнив мне об этом, как будто отклонились от этого чтения» (ЛБ, ф. 93, II.1.77).

Стр. 306. *За № 32.*— Вышел 6 августа 1873 г. В этом номере напечатана статья В. Пелешевского «Наши железнодорожные язвы и их значение относительно приплаты правительственных гарантий». Его имя Достоевский упоминает в тетради «сверх того старого долга Пелешевскому».

Стр. 306. *Шторху.*—За продолжение статьи «О государственных долгах» (с указанием: Продолжение будет).

Стр. 306. *Бунаеву.*— Очевидно, ему принадлежит статья «Экономические заметки», подписанная: «П. Б.».

Стр. 306. *Пуцык⟨ови⟩чу.*— В № 32 за подписью: В—р П—ч опубликованы рецензии на книги: «Письма из Америки М. Бутина». СПб., 1872, и «Письма об Америке и русских переселенцах» Николая Славинского. СПб., 1873 (Л. П. Гроссман считает, что подпись В—р П—ч — псевдоним К. П. Победоносцева).

Стр. 306. *За № 33.*— Вышел 13 августа 1873 г.

Стр. 306. *Порецкому.*— Очевидно, за «Областное обозрение».

Стр. 306. *Пуцыковичу* — за «Вести о Хиве». Подписано: «В—р П—ч».

Стр. 306. *Казанцеву.*— За корреспонденцию «Из Восточной России (еще несколько слов о переселении крестьян)» с примечаниями от редакции, автором которых был Достоевский: «Печатая настоящую корреспонденцию, мы, конечно, не считаем предложенный автором вопрос исчерпанным. Хотя одна сторона вопроса о переселении, т. е. возможность покупки незаселенных земель на основаниях правильной коммерческой ассоциации, и — что очень важно — исход и толчок, даваемый таким образом населениям к новым средствам для радикального изменения безысходного их положения,— предлагаемым проектом и достигается; но другая сторона вопроса, т. е. возможность переселения и капитал, необходимый для того (деньги на переезд, скот, земледельческие орудия и хотя бы какое-нибудь на первый раз помещение на новом месте), остается совсем не затронутою. И потому мы печатаем эту корреспонденцию лишь как проект почина дела, по нашему мнению, совершенно полезного и необходимого. Ред.» (XIII, 588).

Стр. 306. *Данченке.*— За стихотворение «Капуцин» (с итальянского).

Стр. 306. *Белову.*— За рецензии на «Заметки по поводу одного ответа на все вопросы» («Вестник Европы», август) и «Ученое скоморошество» (миросозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества с XVIII в. до сороковых годов XIX и с сороковых годов до настоящего времени А. Щапова).— «Отечественные записки» за февраль, март и июль 1873 г.

Стр. 306. *Страхову.*— За рецензию на книгу «История немецкой философии» Э. Целлера, 1873.

Стр. 307. *Итого к 13 августа.*— Дата выхода № 33 журнала.

Стр. 307. *К 20 августа.*— Дата выхода № 34 журнала.

Стр. 307. *Пуцыковичу.*— За «Вести из Хивы». Статья не подписана.

Стр. 307. *Кишенскому.*— К 20 августа ему мог быть выплачен гонорар за пьесу «Падение», в трех действиях с прологом и эпилогом. Достоевский допустил к печатанию лишь пролог («Пролог неизданной драмы». Указано в содержании журнала за 1873 г.). Эту пьесу Д. Кишенский предложил Достоевскому (письмо 23 июня 1873 г. Москва.— ЛБ, ф. 93, II.5.73). Из письма Кишенского к Достоевскому 27 июля 1873 г. видно, что Достоевский называл «идеи», которые проводит в пьесе Кишенский, неотчетливыми («не видны») и «непонятными». Письмо Достоевского к Кишенскому с критикой его драмы не сохранилось. Кишенский на замечания Достоевского отвечал 5 сентября 1873 г. (ЛБ, ф. 93, II.5.73). Это письмо дает возможность представить характер замечаний Достоевского и содержание новой пьесы Кишенского, злейшего пасквиля на молодое поколение:

«1-е. Гордеева вы ставите рядом с Ольгой и Бородиным? Но Гордеев не нигилист, а гражданин и человек. В Гордееве я хотел олицетворить всеобъемлющую любовь и прощение! Почему? Потому что у молодого поколения ничего нет этого, а есть ненависть, есть желчь и проклятье! И это, стало быть, мне не удалось.

2-е. Дошли мы до Веры. Вера, жена Гордеева, умирая, говорит, что у нее отняли основание, т. е. веру, семью. ⟨...⟩ нигилистам я выставляю их идеал, т. е. атеиста, отвергнувшего семью, обязанности и пр., и нигилисты робеют, сами ругают свой идеал ⟨...⟩ содрогаются при виде его!

Вы хотите, чтоб я вписал в мысль о необходимости брака в практичном отношении еще мысль о необходимости веры в брак? рассмотрим эту мысль, не в отношении веры или истины, высказываемой вами, а относительно общества. Кто читает в обществе Евангелие? Никто! ⟨...⟩ в обществе корчат все атеистов и книгу, где дело идет о вере, ту читать не будут. Поэтому-то, мне кажется, не следует помещать еще о вере в моей драме. Не лучше ли, чтоб понемногу проникала в общество мысль о вере, чем сразу отпугнуть ею многих? ⟨...⟩ Поправить, я вам доверяю ⟨?⟩, слова Гордеева в 1-м действии о том, что он дозволяет невесте любить другого и что он примет ее опять, вычеркните. Но вставить вставляйте, чтоб не испортить дело!

3-е. Дальше: Вы обвиняете меня в том, что я падаю ниц перед Бородиным и Ольгой; не доказывает ли вся драма их негодность, т. е. их принципов: Бородин сам себя признает никуда негодным лишним человеком, болтуном. Его убивают товарищи революционеры! Он, Ольга отвергают семью ⟨...⟩ нигилисты не ответят мне, что я вру, я выставляю честных и подлецов, и все падают, потому что основы нет! ⟨...⟩ В таком случае моя драма не удалась!

4-е. У меня тоже есть больное место — это народ русский и Россия! и мне гадко смотреть, как их грабят, как, напр., Губонин накрал 12 миллионов крови народной, да еще в дворяне пожалован. Не службу на железной дороге, а службу в конторах при постройке желез ⟨ных⟩ дорог хочу я хлестать, потому что это конторы грабежа!

5-е. Гордеев должен быть писатель, потому что иначе в его последнем монологе нет смысла! ...А остальное— делайте, что угодно, многоуважаемый Федор Михайлович, только примите к сведению и мои заметки, и в сих поправках я вам верю и, что вы посему законно учините, спорить и прекословить не буду! Не шутя, я прошу еще пощады всем конечным монологам! Не хочется мне их уменьшать. А все-таки грустно, что я обмахнулся и драма вышла не велика, не общечеловечна!..» (эти строки Достоевский цитирует в письме к Кашпенскому 5 сентября 1873 г.— «Письма», III, стр. 82).

Буквально на другой день Кашпенский пишет Достоевскому еще одно письмо по поводу драмы «Падение»: «...цели у нас с вами кажется одни, и мне необходим журнал, в котором я мог бы проводить свою пропаганду гражданства, основанного на истории чистой, а не немецко-русской послепетровской, основанного на православной вере, на демократии, на русском, но никак не немецко-прусском и пр. и пр. Вы проповедуете то же самое, но в способах проповедованья у нас есть разница. Вот об этой разнице мне и нужно поговорить с вами, и быть постоянным вашим сотрудником ⟨...⟩

Вы обвиняете меня в том, что я преклоняюсь перед Ольгой, Бородиным. Я нахожу это несправедливым. Вся жизнь их противоречие их принципам! ⟨...⟩ В противоположность им я ставлю нигилистов действительных, Пургина, Катю! Эти, напротив, пропитаны нигилизмом ⟨...⟩ Этими двумя парами я хотел сбить с толку нигилистов. Я думал написать что-нибудь действительно такое, что обратит внимание критиков, и если б это случилось — то нигилисты попались! Они должны хвалить Ольгу, Бородина, мы бы им указали на то, что они не нигилисты, не принадлежат основами молодому поколению!

Они будут ругать меня за поношение нигилистов в виде Пургина, Кати, мы им ответим, что я не виноват, Пургин, Катя олицетворение ваших мыслей ⟨...⟩ Моя драма не последнее слово нигилистам. Это, скорее, вызов им, перчатка брошенная, вызов на бой, и на смертельный к тому же! Одной драмой нельзя убить то, что приготовлялось, вырабатывалось 200 лет! Мой метод бить нигилистов их оружием, на их почве. ⟨...⟩ И Липочка делается рабой, наложницей всех. Т. е. нигилисты связали руки девочке да и выдали на изнасилованье развратника! Вторая плюха! Где же свобода-то, что они дали женщинам? Катя, Вера франтят, из-за этого продаются! Нигилисты не возвысили женщины над тряпицами, и это третья плюха! И эти плюхи они прими, и ответить не смей! Их товарищи идут служить у строителей железных дорог, их журналы называют строителей ворами! Чем же они, нигилисты, возвысились над чиновниками? „Мы чиновники, говорит Ольга, ⟨...⟩ брали взятки". Четвертая плюха...

Обратимся к Гордееву. По моему мнению, которое я не изменю никогда, литература не должна только бичевать общество или рисовать картины изящные,— литература должна давать идеалы, ставить перед обществом примеры, вот, мол, кому подражай! И я писал Гордеева с этой целью, и его борьба не отделяется от драмы, потому что тут честный гражданин в борьбе с нигилистами, в борьбе с партиями, которые не дают ему ходу, потому что он, как гражданин, не может быть особою стада! Я не знаю, удался ли мне он? Должно быть, нет! Но дело в том опять-таки,— чем могут цензурно упрекнуть Гордеева нигилисты? а он гибнет от них, от их принципов и находит друга в Иване Захарове, в народе, которого подлецы молодого поколения называют идиотами! Простоту этого Ивана мне хотелось сопоставить с искусственностью нигилистов. ⟨...⟩ мне грустно, что мне не удалось написать хорошо, а написал так, что вы, повыше публики, не поняли моих мыслей.

(...)Надо разбить их основы, доказать, что они ничего не сделали, кроме разврата, растления. Вы признаете в них жажду обновления. Я признаю в них невежество и жажду болтания. Но довольно! Вот что хотелось мне изложить вам!..» (Письмо 29 июня 1873 г.— ЛБ, ф. 93, II.5.73).

Стр. 307. *№. С 32 № я свои не считал. ∞ Да за мою работу в № 32 и в № 34.*— В № 32 печатался «Дневник писателя». XIV. «Учителю» и заметки «Из текущей жизни».

Стр. 307. В № 34 напечатана «Заметка от редакции», написанная Достоевским. Печаталась также статья К. П. Победоносцева «Борьба государства с церковью в Германии», подпись: *ZZ*. Статьи Победоносцева Достоевский всегда корректировал и просматривал особенно тщательно.

Стр. 307. *К 27 августа.*— Дата выхода № 35 журнала.

Стр. 307. *...Порецкому.*— Очевидно, за «Областное обозрение».

Стр. 307. *Моя статья.*— «Дневник писателя». XV. «Нечто о вранье».

Стр. 307. *Страхову вперед.*— За «Нечто о характере нашего времени (несколько слов по поводу одной журнальной статьи)».

Стр. 307. *Мои статьи 266 стр., 32 №.*— 266 строк составляет в № 32 статья Достоевского «Дневник писателя». XIV. «Учителю».

Стр. 307. *144—34 №.*— 144 строки в № 34 «Гражданина» составляет статья Достоевского «Заметка от редакции».

Стр. 307. *477—35 №.*— 477 строк в № 35 «Гражданина» составляет «Дневник писателя». XV. «Нечто о вранье».

Стр. 308. *28, 77.*— Достоевский подсчитывает строки 266 + 144 = 410, которые дают сумму, если по 7 коп. за строку,—28 р. 70 коп., т. е. за статьи в № 32 и в № 34. К этой сумме Достоевский прибавляет 5 р. 20 к. В № 30 статьей (без подписи), за которую могло быть уплачено 5 р. 20 к., является заметка без подписи «Хивинское восстание», состоящая из 175 строк. По указанию Мещерского, подобные компилятивные статьи оплачивались по 3 коп. за строку. Обычно под статьями «Вести о Хиве» давалась подпись Пуцыковича: «В—р П—ч» (см., например, «Гражданин», № 33, 13 августа). За № 34 Пуцыковичу было выплачено 11 р. 55 коп. Часто статьи «Хивинский поход» появлялись без подписи (№№ 23, 24, 25, 28), с указанием от редакции, что они составлены на основании газетных сообщений. В тетради имеются газетные выписки Достоевского о Хивинском походе. В письмах к А. Г. Достоевской Достоевский рассказывал, что ему иногда приходится самому составлять за Пуцыковича заметки о Хиве. Об этом же он говорит в «Дневнике по журналу». Возможно, что статья «Хивинское восстание» была написана Достоевским.

Стр. 308. *В Германию Болдакову.*— За корреспонденцию «Из Германии. Заметки об университетских занятиях в Германии». К ней помещено обширное примечание «От редакции», написанное Достоевским (XIII, 455—457).

Стр. 308. *Г-же Лободе.*— Стефания Матвеевна Лобода (1827—1887) печаталась под псевдонимом Крапивина. В письме к М.П.Погодину 21 апреля 1873 г. она сообщала, что в редакции «Гражданина» у Достоевского находится рукопись ее очерка о нигилистах. Судя по ее письму к Достоевскому 30 апреля 1873 г., он требовал «некоторых изменений»: «Вам угодно порицать, что я, в моих выводах, налегаю на слова „мозг", „ум"? Но, видите ли, я думаю, убеждена, что болячую болячку современного нам общества—нигилизм—опасно бередить напоминаниями ей о ее прежнем, здоровом состоянии; ее надо наводить только на прямую дорожку исцеления!..»

Очерк Лободы в «Гражданине» не появился. В № 37 впервые был напечатан ее рассказ «Заработалась!», возможно, также не без содействия М. П. Погодина, к мнению которого Достоевский прислушивался. С. М. Лобода писала Погодину 23 июня 1873 г.: «Федор Михайлович Достоевский напрямик говорит, что он с готовностью напечатает все, что бы ему ни дали, лишь бы вы заявили свое сочувствие к направлению автора. Одно ваше доброе словечко могло бы просто поставить меня на ноги!.. Не будь это злоупотреблением, я бы попросила у вас этого доброго словечка обо мне к Ф. М. Достоевскому! Я хочу и могу еще много работать, и не только с целью личного интереса, поверьте!..» (ЛБ, фонд М. П. Погодина. 231, II.19.30). В письме 26 сентября 1873 г. Лобода выражала признательность Достоевскому за «откровенную правду насчет ее писаний».

Достоевский поместил в № 41, 8 октября, ее рассказ: «Ты и вы (Из заметок одной дамы)»; в № 43 — «Мертвое дитя» (картинка); в № 45 — «Странное совпадение обстоятельств» (рассказ). Лобода не раз просила Достоевского об авансах: «... к вам можно обратиться за выручкой, потому что вы вообще сочувствуете страданиям бедняков и доверяете их добросовестности» (письмо 21 марта 1874 г. — ЛБ, ф. 93, II.7.30).

Стр. 308. *Наумову.*— За подписью Наумова имеется статья в № 38.

Стр. 308. *Шкляревскому вперед...*—Александр Андреевич Шкляревский. В письме 29 марта 1873 г. Шкляревский предлагал статью «Сосновская школа» и рукопись «Чрез преграды». Шкляревский получил письмо от Мещерского о том, что рукопись будет напечатана в № 11 «Гражданина». «Он мне пишет,— сообщал Достоевскому Шкляревский,— что ответ мне не послан, потому что рукопись моя была отдана вам на прочтение. Вы же уведомляете, что никогда не видали ее в глаза и понятия о ней до сих пор не имеете. Недоумеваю!.. Судя по вашему письму (это письмо Достоевского неизвестно), вы считаете себя, как бы обиженным». Говоря о том, что он принадлежит к

числу «жарких поклонников» сочинений Достоевского, Шкляревский пишет, что влияние писателя «слишком ясно даже отразилось» в его рассказе «Отчего он убил их? (рассказ следователя)», опубликованном в 1871 г. в «С.-Петербургских ведомостях», где он упомянул имя Достоевского. «Следовательно, обвинение ваше мне очень тяжело» (ЛБ, ф. 93, II.9.146).

Стр. 308. *Шторху.*— За статью «О государственном долге». Напечатана с примечанием редакции: «Этою статьею заканчивается обзор государственного долга Павловского времени. К новейшему времени мы не замедлим приступить».

Стр. 308. *Данченке.*— За статьи «Неведомые пустыни», «Вайгач-остров».

Стр. 308. *Пуцыковичу.*— За «Еженедельную хронику».

Стр. 308. *Моя статья в 38 №.*— «Иностранные события». Подпись: Д.

Стр. 308. *Кохновой.*— Очевидно, Л. Ю. Кохновой за напечатанную в марте в № 13 статью « вет женщины на призыв „Гражданина“: „К делу“».

Стр. 309. *Пуцыковичу.*— За «Еженедельную хронику».

Стр. 309. *Пелешевскому.*— За «Наглядный просмотр отчетов некоторых наших железных дорог за 1872 год».

Стр. 309. *Страхову.*— За статью «Старая и новая вера». Исповедание Давида Штрауса. 3-е изд. Лейпциг, 1872. Окончание в № 39.

Стр. 309. *Моя работа за 2 статьи.*— Очевидно, за «Иностранные события». Подпись: Д.

Стр. 310. *Чудный край через Алтай.*— Достоевский, очевидно, имеет в виду стихи «Чудный край через Алтай/бросил Локоть на Китай»... (см. «Лит. наследство», т. 77, стр. 413), которые он мог впервые услышать в Локтевском заводе, куда приезжал в годы военной службы из Семипалатинска.

Стр. 311. *Северное и южное направление.*— Очевидно, имеется в виду полемика по поводу народного образования, различные требования, предъявляемые к образованию в различных местностях России. См., напр., «Гражданин», 1875, № 35, «Областное обозрение».

Стр. 312. *Там, где образование начиналось с техники.* — Очевидно, полемика с Р. Фадеевым, утверждавшим в своей брошюре, что «развитие технического образования составляет одну из первых потребностей наших со всех точек зрения» (указ. соч., стр. 123). Вопрос об образовании горячо обсуждался в журналистике 1875 г. Так, Н. А. Любимов в статье «Университетский вопрос» («Русский вестник», 1875 г., № 1) писал о «недостатке общего образования, крайне ощутимом среди самих деятелей науки последних поколений, затрудняющих их деятельность» (стр. 341).

Стр. 312. *Лермонтов ∽ Голос 18 сентября.* — В 1875 г. в «Голосе» (№ 258) в статье «Очерки литературы» (подп. W) сообщалось о напечатанной в сентябрьской книжке «Русской старины» драме «Маскарад» по неизданной до сих пор рукописи с примечаниями Ефремова, где приводилось воспоминание Костенецкого о Лермонтове, о причине дуэли. *Конец* — статья кончалась словами «Пора бы, наконец, ради истины и исторического достояния разъяснить как самый факт смерти, так и загадочную личность автора».

Стр. 315. *Брошюра Фадеева.* — Имеется в виду брошюра «Русское общество в настоящем и будущем (чем нам быть?) Ростислава Фадеева». Издание газеты «Русский мир». СПб., типография т-ва «Общественная польза», 1874. См. полемические статьи Р. Фадеева по поводу рецензий на это сочинение, печатавшиеся в газете «Русский мир», 1874, №№ 272 и 273.

При первом издании этих статей отдельной книгой в 1874 г. автор просил читателей помнить, что это «собственно не книга ⟨...⟩ а ряд исправленных журнальных статей, соединенных в одно целое только по форме». В книге 250 стр. (В библиотеке Достоевского было первое издание ее. См. Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского, стр. 152.)

На статьи Р. Фадеева, печатавшиеся в «Русском мире», №№ 227, 236 и 237, в «Гражданине», 1874, № 38, 23 сентября, была напечатана рецензия Е. Белова «Несколько слов по вопросу „Чем нам быть?“». Р. Фадеев писал: «До сих пор разбор наших статей появился в двух журналах, противоположного направления, можно сказать, в двух журналах антиподах — в „Неделе“ и „Гражданине“ ⟨...⟩ „Гражданин“, недалеко расходящийся с нами в общих началах, выражает несогласие с нашими заключениями лишь по поводу частностей, не имеющих особенного значения в практическом применении. Главное различие между ними и нами заключается в теоретическом определении существенного значения русского дворянства».

Стр. 316. *Статья Маркова* — имеется в виду печатавшаяся в «Голосе» №№ 251, 252, 253 (сентябрь 1875 г.) статья Е. Маркова «Упразднители современного общества» (Критический этюд) о молодом поколении 1870-х гг., «избравшем своею миссией пресловутое „хождение в народ“», об основных принципах нового социального учения, составе партии и его образе действий.

Стр. 316. *Козлову.*— Павел Александрович Козлов (1841—1891) печатал на страницах «Гражданина» свои стихи и поэмы, а в 1874 г. приглашал Достоевского принять участие в подготавливаемом им «Литературном сборнике» «чисто беллетристического содержания», в котором должны были принять участие Полонский, Гончаров, Соллогуб,

Тургенев и др. Козлов предполагал издать этот сборник с портретами авторов, гравированными на меди в Англии и с рисунками Зичи и других художников «по сюжету статей». Козлов писал, что сборник он намерен издать в октябре, и просил Достоевского уведомить его, в каком месяце он пришлет ему статью, и в случае согласия прислать также свою «хорошую фотографическую карточку, с которой Маковский Илья Александрович сделает портрет, который будет гравирован в Париже или Лондоне» (ЛБ, ф. 93, II.5.84).

В набросках к роману «Подросток» имеется запись: «В рассказ Козлову. Февр‹аль›». «Может быть, для повести Козлову» («Лит. наследство», т. 77, стр. 98, 90). Возможно, данная запись является планом будущей повести для сборника Козлова.

Стр. 317. *Сороковины.*— Поэма о Христе. К замыслу ее Достоевский возвращается и в 1877 г.

В Евангелии, принадлежавшем Достоевскому, отмечены следующие строки: «Он был там в пустыне сорок дней, искушаем сатаною» (Марк, 1, 12).

Стр. 317. *...ошибка историка Соловьева...*— В «Гражданине», 1873, № 1, сообщалось о только что изданной в 1872 г. в Москве по распоряжению юбилейной комиссии Московской политехнической выставки книге известного историка С. М. Соловьева «Публичные чтения о Петре Великом»: «Лучшая до сих пор книга для общего ознакомления с характером лица и деятельности величайшего русского человека. Этот ценный вклад в наше общественное сознание вызван ближайшим недавним двухсотлетним юбилеем Великого Петра». С точки зрения Достоевского, Соловьев идеализировал деятельность Петра I.

Стр. 317. *«Сын отечества», № 34.*— Неясно, какой выпуск имеет в виду Достоевский: № 34 вышел 12(24) февраля в среду. Адрес конторы редакции, где принимается подписка: Невский проспект у Аничкова моста, дом Медниковой, № 66, кв. 4.

Стр. 318. *«Московские ведомости», № 242, вторник, 23 сентября,* ‹1875 г.›.— В передовой статье приводятся примеры благосостояния, которого иногда достигали вольные переселенцы из Малороссии в Сибири, и сведения о гибели переселенцев в Ставропольской губернии, где не было должных условий. Высказывалось соображение о необходимости создания особых учреждений для руководства переселением людей, «не находящих на родине условий для своего благосостояния даже при усиленном труде». По мысли автора, в России в переселении нуждаются честные земледельцы и подобное переселение принесло бы пользу государству более, чем продажа земель и сырья за границу. В статье говорилось также о ссыльнопоселенцах, исправляющихся в Сибири на земледельческих работах, и о том, как развращает поселенцев работа на золотых приисках.

Стр. 318. *«Россия и Сербия», книга Нила Попова.*—Книга Нила Попова «Россия и Сербия» вышла в 1869 г. Достоевский мог о ней слышать от Победоносцева, который с Н. А. Поповым, своим старым товарищем, находился в постоянной переписке. Получив от автора эту книгу, Победоносцев писал ему: «Когда успею прочесть, не знаю за своими заботами, но не надивлюсь труду вашему и ревности к славянскому делу» (ЛБ, НП, 16.15).

Стр. 318. *Конст‹антин› Ив‹анович› Иванов.* — Запись адреса появилась, очевидно, в связи с тем, что Достоевский получил письмо от петрашевца Н. А. Момбелли, сообщавшего ему, что «Ольга Ивановна, урожденная Анненкова, очень желает возобновить» с Достоевским знакомство (ЛБ, ф. 93, II.6.110). К. И. Иванов был женат на дочери декабриста Анненкова. Во время пребывания Достоевского в Омском остроге, Иванов, будучи адъютантом генерала, который заведывал всеми работами в крепости, оказывал содействие писателю-арестанту. «...Когда я и Дуров вышли из каторги, мы провели почти целый месяц в их (Ивановых) доме»,— писал Достоевский («Письма», I, стр. 162).

Стр. 318. *5 апреля 1875. Из Сумы.*— Близ города Сумы в 30 верстах (на границе Курской губернии) находилась усадьба Ивана Григорьевича Сниткина (см. ниже).

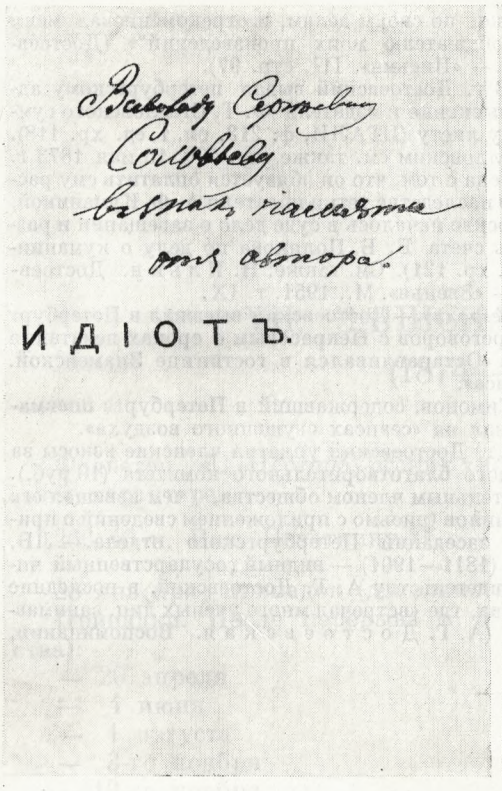
Стр. 318. *Ильинская улица дом Леонтьева.*— Здесь Достоевские жили в первые дни своего приезда в Старую Руссу.

Стр. 318. *Иван Сниткин.*— Иван Григорьевич Сниткин, младший брат Анны Григорьевны Достоевской. По рассказам Анны Григорьевны, Достоевский очень сошелся с ее братом, несмотря на разницу лет (он был моложе писателя на 28 лет), любил и уважал его. «Он искренно готовит себя на всю жизнь к сельскому хозяйству»,— писал Достоевский друзьям («Письма», II, стр. 342). «И‹ван› Григорьевич вчера уехал в Москву и далее выбирать имение», — сообщал Достоевский А. Г. Достоевской 15 августа 1873 г. («Письма», III, стр. 76).

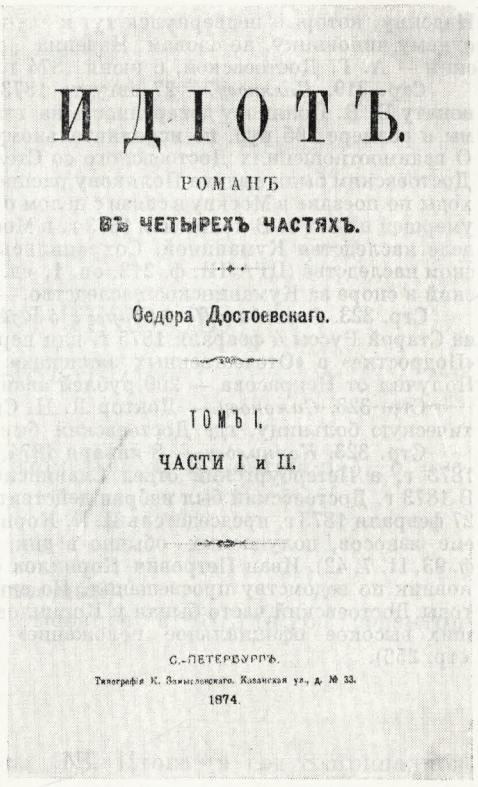
Имение было куплено в Курской губернии, Суджанском уезде, в 10 верстах от заштатного города Мирополье в деревне Малый Прикол. О покупке имения Достоевский упоминает и в письмах 1874 г. («Письма», III, стр. 123).

И. Г. Сниткин числился среди помещиков Суджанского уезда «имеющих в собственности более 25 десятин земли» и среди тех немногих землевладельцев Курского края, которые «хозяйство на земле ведут сами», т. е. барщины не имели, как подтверждают потомки тех крестьян, что жили в Малом Приколе близ усадьбы Сниткиных (Курский областной архив, ф. 4, оп. 13, ед. хр. 4).

В 1877 г. Достоевские провели лето в усадьбе Сниткиных.


Всеволоду Сергеевичу
Соловьеву
в знак памяти
от автора.

ИДІОТЪ.


ИДІОТЪ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Ѳедора Достоевскаго.

ТОМЪ I.

ЧАСТИ I и II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типография К. Замысловскаго. Казанская ул., д. № 33.
1874.

РОМАН ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» (СПб., 1874) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ В. С. СОЛОВЬЕВУ:

«Всеволоду Сергеевичу Соловьеву в знак памяти от автора»

Шмуцтитул и титульный лист

Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Стр. 318. *Печаткину.*— Вячеслав Петрович Печаткин, известный в Петербурге владелец книжного склада. Занимался комиссионерством. Получал для продажи отдельные издания романов Достоевского. Достоевский брал у него в долг деньги, так же как и у его брата Печаткина Евгения Петровича. Сохранилось письмо последнего к Достоевскому 4 марта〈?〉 о наступлении срока платежа по векселям (ПД, ф.100,№ 29810. CCXI, 9). В декабре 1873 г. он требовал у Достоевского оплату векселей Пантелеевой.

Стр. 319. *Алонкину.*— И. М. Алонкин, богатый купец-домовладелец. В его доме Достоевский жил в 1864—1867 гг. Алонкин никогда не торопил Достоевского напоминаниями о квартирной плате. «С Алонкиным,— писал Достоевский,— мы стали, наконец, знакомы приятельски» («Письма», II, стр. 153).

Стр. 319. *Вексель Кожанчик〈ова〉.*—Григорий Фомич Кожанчиков, известный в Петербурге владелец книжного склада и магазина. Брал у Достоевских на продажу роман «Бесы», «Записки из Мертвого дома» (см. объявления о книжной торговле Кожанчикова в «С.-Петербургских ведомостях» за 1873 и 1874 гг.). 6 марта 1874 г. Кожанчиков писал Достоевскому, что желал бы купить у него 100 экземпляров романа «Идиот», с уступкою 30% и под его вексель на 7 месяцев. «В случае вашего согласия, я сейчас же доставляю вам вексель на 7 месяцев суммою в 245 руб.» (ЛБ, ф.93,II.5.83). В письме 7 марта 1874 г. Кожанчиков просил Достоевского или отпустить ему 100 экземпляров романа или вернуть вексель. На письме рукою Достоевского сделана надпись: «Многоуважаемый Григорий Фомич, примите вексель и прошу Вас выдать 100 экземпляров Идиота. Весь Ваш Ф. Достоевский». В декабре 1874 г. Кожанчиков желал приобрести для продажи 100 экземпляров «Записок из Мертвого дома», также со скидкой 30% и спрашивал на чье имя написать вексель.

Стр. 319. *Надеина.*— Митрофан Петрович Надеин (1839—1916) основал в Петербурге «Книжный магазин для иногородних». Выручал Достоевского во время денежных затруднений: «В... банке дело *тотчас* уладилось, и отчасти благодаря книгопродавцу

Надеину, который подвернулся тут в банке, по своим делам, и отрекомендовал меня одному чиновнику, по словам Надеина „обожателю моих произведений“» (Достоевский — А. Г. Достоевской, 6 июня 1874 г.— «Письма», III, стр. 97).

Стр. 319. *Полякову.*— 27 августа 1873 г. Достоевский выдал петербургскому адвокату Б. Б. Полякову доверенность на взыскание с издателя Ф. Т. Стелловского суммы в размере 765 руб. по исполнительному листу (ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 118). О взаимоотношениях Достоевского со Стелловским см. также стр. 199. 16 мая 1873 г. Достоевским была выдана Полякову расписка о том, что он обязуется оплатить ему расходы по поездке в Москву в связи с делом о наследстве тетки писателя А. Ф. Куманиной, умершей в 1871 г. В конце мая 1873 г. в Москве началось в суде дело о завещании и разделе наследства Куманиной. Сохранились счета Б. Б. Полякова по делу о куманинском наследстве (ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 121). См. также: Н. Ильин. Достоевский в споре за Куманинское наследство.— «Звенья». М., 1951, т. IX.

Стр. 323. *Расходы в Петербурге с 5 ⟨февраля⟩.*—Достоевский выезжал в Петербург из Старой Руссы 4 февраля 1875 г. для переговоров с Некрасовым о сроках печатания «Подростка» в «Отечественных записках». «Останавливался в гостинице Знаменской. Получил от Некрасова — 200 рублей аванса».

Стр. 323. *Симонову.*— Доктор Л. Н. Симонов, содержавший в Петербурге пневматическую больницу, где Достоевский бывал на «сеансах сгущенного воздуха».

Стр. 323. *Корнилову.*— 8 января 1874 г. Достоевский уплатил членские взносы за 1873 г. в Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета (10 руб.). В 1873 г. Достоевский был избран действительным членом общества, о чем извещал его 27 февраля 1873 г. председатель И. П. Корнилов (письмо с приложением сведений о приеме взносов, получаемых обычно в дни заседаний Петербургского отдела.— ЛБ, ф. 93, II. 7, 42). Иван Петрович Корнилов (1811—1901) — видный государственный чиновник по ведомству просвещения. По свидетельству А. Г. Достоевской, в последние годы Достоевский часто бывал у Корнилова, где «встречал много ученых лиц, занимавших высокое официальное положение» (А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 256).

VII. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ (1874—1875)*

Фельетон «С.-П⟨етербургских⟩ в⟨едомостей⟩», 20 октяб⟨ря⟩, о русском характере.

266 43 к. Вяч. Печаткину **.

28 янв⟨аря⟩ припадок (довольно сильный).

Припадки. После перерыва в $5^1/_2$ месяцев в 1873 (в год редакторства):

— 20 апреля
— 4 июня
— 1 августа
— 3-го ноября
— 19-го ноября
— 27 декабря
— 28 января ⟨1874 г.⟩
— 16 апреля (из сильных, головная боль и избиты ноги).

NB. Итого, в год 8 припадков.

(NB. *Суббота, 20 апреля*, едва стало проясняться в голове и в душе; очень было мрачно; видимо был поврежден; 3-и сутки 19-е число было всего тяжелее. Теперь, 20 апреля, в 10 часов пополудни, хоть и тяжело, но как будто *начало* отходить.)

13 мая (из довольно сильных).

27 июня (довольно сильный).

9 июля (суббота, 29 июня. Очень тяжело в голове и в душе, и пока еще очень ноги избиты).

15/27 июля (довольно слабый.) Полнолуние. Погода сильно переменная, дней 5, солнце, ветер, дождь, затишье — все перебывает в день.

8 октября (ночью, сильный. В 5 часов утра).

Дни сухие и ясные.

18 октября припадок в пять часов утра, довольно сильный, но слабее предыдущего.

Дни ясные.

28 декабря, утром, в 8 часу, в постеле, припадок из самых сильных. Более всего пострадала голова. Кровь выдавилась на лбу чрезвычайно и в темя отзывается болью. Смутно, грустно, угрызения и фантастично. Очень раздражался. День ясный. Мороз до 1,5°.

Итого, в 1874 г. с 28 января в год 8 припадков.

С 28 декабря еще два припадка, один — 4 января ⟨1875 г.⟩ и другой — 11 января.

---

* *Большая часть тетради занята записями к роману «Подросток», которые опубликованы.*

** *Приписано сбоку.*

8-го апреля ⟨1875 г.⟩ Припад⟨ок⟩* [утром] в $^1/_2$ [второго] первого пополуночи. Предчувствовал сильно с вечера да и вчера. Только что сделал папиросы и хотел сесть, чтобы хоть 2 страницы написать романа, как *помню* полетел, ходя среди комнаты. Пролежал 40 минут. Очнулся сидя за папиросами, но не делал их. Не помню, как очутилось у меня в руках перо, а пером я разодрал портсигар. Мог заколоться. Всю неделю сырость, нынче (ночью) лишь полнолуние и, кажется, морозец. *8 апреля* полнолуние.

№. Час после припадка жажда. Выпил три стакана воды залпом. Голова же болит не так чтобы очень. Теперь почти час после припадка. Пишу это и сбиваюсь еще в словах. Страх смерти начинает уже проходить, но есть все еще чрезвычайный, так не смею лечь. Бока болят и ноги. Пошел будить уже 40 минут спустя Аню и удивился, услышав от Лукерьи, что барыня уехала. Подробно расспрашивал Лукерью, когда и зачем она уехала. За полчаса до припадка принял opii banzoedi: 40 капель с водою.

Все время полного беспамятства, т. е. уже встав с полу, сидел и набивал папиросы, и по счету набил их 4, но не аккуратно, а в последние две папиросы почувствовал сильную головную боль, но долго не мог понять, что со мною, пока не пошел к Лукерье.

Легкий геморрой, туго, начало геморроидальных шишек.

Печать
по 5 к.
4 000— 160
4
640
себе стоит — 160
480 в месяц,
а если только 2000 экз⟨емпляров⟩, то 240 р. в месяц.

900— 7
3600—28
4000 кр. ч. —32 с печатью
и все 40 р.

160
N=120 бар⟨ыша⟩,
если 4000 эк⟨земпляров⟩,
240 в месяц.

Если 800 экземп⟨ляров⟩, то каждый № стоит себе —75
В год — 1800
По 1-⟨ой⟩ подписке, в год — 7200
Около 2000 себе
5200

Если 12 тысяч ...., то каждый № себе [103]—110
Подписка — 10 800
В год себе — 2 500 (около)
барыша — 8 300

240— 6
2400— 60
4800—120
Бум⟨ага⟩, печать, брош⟨юровка⟩
и все — 200
Публика⟨ция⟩ 50
250
10 000 — 400 за экз.
в год изд. — 5000
Всего — 9000
Чистых — 4000

Если по 10 к. — 5000 эк. — 400
Чист⟨ый⟩ барыш — 150
Если подписка — 1
3000 — 2700
Если по 15 к.,
значит, с 1000 — 120
с 4000 — 480
250
барыш 230
с 5000 600
250
Чист⟨ых⟩ 350

* *В подлиннике:* еще

А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ
Фотография Лушева 1860-е годы
Музей-квартира Ф.М. Достоевского, Москва

Расчет

Если 4 раза в год, по 6 листов в три месяца.
Печать, брошюров‹ка› и проч. — 100
Бумага: 80 экзем‹пляров› — 6 листов
800 60
4000 300

Итого, все 400
С публик‹ацией› и проч. 500

Цена — 50 к.
Уступк‹а› — 37½ к.
1000 эк‹земпляров› даст —375
4

1500
500 стоимость
Даст 1000 доходу

Расчет 1½ листа в месяц, в формате «Гражданина», но не более 3000 строк.
Печать и брошюровк‹а› — 25 — 30
Бумага: 320 экз‹емпляров› — 6
3200 — 60
4000 — 75

Итого —105
Объявление —125

№ — 10 к.
1000 экземпляров за вычетом книгопрод‹авцам› — 75
4000 э‹кземпляров› —300
125
175

Бум‹ага› 8000 экз‹емпляров› — 150. 8000 экз‹емпляров› № себе— 225
7200
Себе 2700
4500

Если цена № 15 к. — 12 к. чист‹ых›, 1000 эк‹земпляров› — 120
3000 — 360

Если цена подписки 150 к.
С пересыл‹кой› 175 — 1 — 35 к.
1000 эк‹земпляров› — 1350
4000 — 5400

При 4000 подписч‹иков› себе в год 1500, чистого барыша до 4000

Цена подп‹иски› 145
С перес‹ылкой› 2
Если один лист в месяц
Типография, брошюровка, объявл‹ения› — 75
Бумага — 60
135

4500 экземпл‹яров›
Если 10 коп. — 80
4
320
около [200] барыша
Если 15 к., 120
4
480
135
355

Если 6000 экз‹емпляров›, то себе 175

900—12
5
4500—60

480
175
305

1½ листа в месяц
бумага для 4000 э‹кземпляров› — 75
Печать и брош‹юровка› 60— 75
Итого —150
Объявл‹ения› — 50
Всего —200

300 экз‹емпляров› подп‹иска› 5,250

Отдельная продажа 1800
7050 Изд. 2400
2400
Прибыль 4650 — при 4000 экз‹емпляров›
За роман 3000
Итого 7650 чист‹ого› дохода при романе

Роман в 20 листов — в 2-х частях —

24 — 6

240 — 60 Если 6000 эк⟨земпляров⟩ изд. — 300

2400 — 600 1450

3600 — 9000 Валов⟨ое⟩ 10500

4000 эк⟨земпляров⟩ —10 000 3600

Печатать, переписка, объявл⟨ения⟩ — 500 Чистой приб⟨ыли⟩ до 7000

Итого, роман —1500 (maximum)

по 2 руб.

Чис⟨того⟩ бары⟨ша⟩ — 50

Валовое —6000

Чист⟨ой⟩ приб⟨ыли⟩ —4500 //

Не от всякого (человека) можно обидеться. //

Дневник леченья в Эмсе, 1874 г.

Четверг, 25 *июня*. В 7 часов утра, в сильный дождь в первый раз пошел на источник — Кессельбрунен; два⟨?⟩ стакана. Хоть и прояснилось, было довольно ветрено к вечеру и свежо. Кажется, успел простудиться, на ночь кашлял и в груди хрипело. Ночью кошмарные сны (Голицын, брат, Аня).

Вот уже дня четыре довольно сильный геморрой (кровотечение). Желудок порядочно.

Пятница, 26. День дождливый и переменный. Больше кашлял сухо. К вечеру даже заболела грудь (грудная верхняя доска).

Засыпаю с вздрагиваниями. Спал без дурных снов. Желудок туг, но язык чище, чем когда-нибудь. (NB, оба дня, несмотря на ненастье, много хожу).

Хрипота при вдыхании сильная.

27, 28, 29 ⟨июня⟩. Все дни дождливые, иногда только проглядывало солнце. От сырости, вероятно, мне хуже, кашель усиливается, преимущественно к ночи и бывает даже сухой. Желудок переменный, больше склонность к запору. Ходил 29-го к доктору и объяснил ему состояние желудка. Назначил пить вместо Кессельбрунена Кренхен, по *три* стакана. (NB, пьющих Кренхен, как я заметил, гораздо меньше, чем больных, пьющих Кессельбрунен).

30 ⟨июня⟩. В первый раз ходил пить Кренхен; несмотря на барометр, со вчерашнего дня подвинувшийся к ясной погоде,— облачно и даже небольшой дождь, хотя тепло и мягко. С 29 на 30 ночью в груди моей хрипело с сильным звуком, как в самое худое время прошлой зимой. Кашляю, впрочем, гораздо меньше, чем прошлой зимой. Но все-таки слишком много, сравнительно с облегченными днями болезни даже и в Петербурге.

Вздрагиваний в эту ночь не было. //

Среда, 1-е июля. Погода великолепная и жарко. Вчера очень много ходил, всходил на горы, устал и ноги болят. Хрипота в груди не прекращается. Запор. Язык очень хорош. Ходил в баню. Вечером опять слишком много ходил и устал.

Четверг, 2 июля. Хрипота в горле еще сильнее. Хоть и нет особого позыва на кашель, но кашляю, чтоб только отхаркнуться, скопленье же

материи такое, что, замечаю, мне труднее дышать, чем прежде. Погода прекрасная, но утром в семь часов над городом лежало целое облако тумана и таяло от восходящего солнца.

В 7 часов было только 14 град⟨усов⟩ в тени Реом⟨юра⟩. (NB, не от бани ли, или и не от большой ли ходьбы по горам и усталости у меня усилилось в груди хрипение?) Запор продолжается. В час до полудни было 24 град⟨уса⟩ Реомюра в тени. К вечеру позыв на кашель усилился, и раздражение в горле весьма сильное, хрип, а к утру на другой день даже видимо труднее дышать.

Пятница, 3 июля. После Кренхена как бы стало лучше и разошлось скопление материи в груди; но все еще порывами кашель. Наклонность к желчи, язык, весьма до того чистый, немного пожелтел. Хочу просить *настоятельно* у доктора об увеличении приемов Кренхена, и главное, с молоком. День сегодня великолепный и жаркий, барометр на beau temps, но как будто с позывом уклониться капельку назад, к переменному.

NB. Все последние три дня как бы некоторое утомление и даже боль в ногах. Приписываю решительно чрезвычайной моей ходьбе в эти три — четыре дня и, главное, в горы — может быть, сильное движение вредно и груди.//

Суббота, 4 июля. Выпросил у доктора пить Кренхен 2 раза в день, утром 3 стакана, а вечером 2, на 6 унц⟨ий⟩ Кренх⟨ен⟩ 2 унц⟨ии⟩ молока.

Суббота, 11 июля. Вообще как бы легче, но припадок, бывший в среду, усилил скопление материи в груди. Со вчерашнего же дня, т. е. с пятницы (10-го) испортилась погода, была гроза, а сегодня, в субботу утром дождь. Сырость и скопление мокроты с усилением кашля — это неизменно. Что-то скажет следующая неделя Кренхена? И будет ли наконец конечная польза.

Воскресенье, 19 июля. В начале недели лихорадка 2 дня, и дня три потел. С пятницы пот уменьшился и даже перестал. Доктор, в четверг, решил прибавить еще стакан Кренхена, по утру. Итак, по утру 4 стакана, а вечером два. Очень подробно осматривал грудь: везде все зажило, кроме в двух местах: внизу спереди и сзади в спине. Действительно, при кашле там ощущаю даже боль.

Зато всю неделю *видимо* дышать легче; несравненно меньше прежнего хрипит в груди, и вот уже три дня кашель решительно уменьшился. Даже при вставании утром нет кашля (NB, замечательно, что это началось разом с 4-го стакана Кренхена). Даже от папироски почти не щекочет в горле. Доктор накинул еще неделю к прежнему сроку. Итак, оставаться мне здесь по теперешнему расписанию примерно до 30 июля нов⟨ого⟩ стиля. Доктор в таком случае ручается за успех лечения.— Пациенты же говорят, что при таком долгом катарре, как мой, хотя можно получить огромное облегчение, но с одного курса ни за что не вылечишься *радикально*. Надо же приехать на будущий год, на второй курс вод, и тогда уже можно надеяться на *радикальное* излечение. (Все отправления превосходны. Аппетит//чудесный, сплю прекрасно. Физические силы есть. Раздражительности даже меньше. Одним словом, все *п о к а пошло хорошо*.)

Среда, 22 июля. Вчера ровно три недели минуло как я пью *Кренхен* (всего 3 недели, а Кошлаков велел пить шесть недель). Кашель и перхота заметно уменьшились и уменьшаются все более и более *с каждым днем*. Отправления физические превосходны. Потовыде⟨ление⟩ ночью сильно уменьшилось, но не прошло: аккуратно каждую ночь меняю по одной рубашке. И однако сил не теряю нисколько. Вчера был день с дождями,

ЛЮБА ДОСТОЕВСКАЯ — ДОЧЬ ПИСАТЕЛЯ
Фотография, 1876 г.
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

сегодня ветрено и довольно сыро, хотя светит солнце; несмотря на то, кашель и хрипота видимо уменьшаются. Не худо бы как-нибудь дотянуть до 5 недель Кренхена. Главная перемена, что *перхота горла* видимо уменьшается; даже папироска перестает раздражать.

Суббота, 25 июля. Вчера и сегодня (равно как отчасти и 3-го дня) было сыро, дожди в промежутках с солнцем, и туманы по утрам, как вчера и особенно сегодня. Сырость отозвалась на груди: хрипоты больше, из чего ясно, что больные места еще далеко не зажили. Правда, перхоты меньше (хотя есть, н⟨а⟩прим⟨ер⟩, вчера) — и дышать все-таки свободнее, чем прежде. Все отправления очень хороши и даже сил чувствую в себе гораздо больше, чем когда приехал сюда. //

Если оставаться до 2-го августа (воскресенье), то хозяйке придется заплатить

со всем	—35 талеров
Еда 12 дней	—12 талеров
Вина	— 3 т⟨алера⟩ 20 грош⟨ей⟩
Табаку на	— 7 т⟨алеров⟩ 5 талер⟨ов⟩
Белья	6 т⟨алеров⟩ 5 тал⟨еров⟩
Доктор	6 т⟨алеров⟩
Мелочи	3 т⟨алера⟩ //

72 или с экономией 70 т⟨алеров⟩

Сказка, рассказанная мне Федей 4 сентября 74 г. в Старой Руссе, поутру за чаем.

«Был дом, до потолка, как береза*. С жильцами и вдруг попадаются волк и арап. Они вошли в дом и всех съели».

Феде *три* года и *полтора месяца*.

NB. Сказку эту он сам сочинил, на основании слышанных им сказок, разумеется. Но все же сочинил. Тут замечательны слова: *жильцы* и *попадаются*. Он, стало быть, уже знает вполне, что такое жильцы. Но еще любопытнее, что он знает слово *попадаются* и так вполне усвоил себе значение его. //

* т. е. такой большой.

«Московские ведомости», № 225, 74 года. Сентября 9 (воскресный лист). В статье «*Народное образование*» приведен с похвалою подлейший ультразападнический отзыв Новгородского земства о том, что, чем скорее в учительских семинариях оторвется учащийся от народа, тем лучше, и что, чем полнее будет разобщенность и разорванность с народом «во имя цивилизующего влияния науки», — тем будет отраднее.

13 сент⟨ября⟩ 74 ⟨г.⟩ Драма. В Тобольске, лет двадцать назад, вроде истории Иль⟨ин⟩ского. Два брата, старый отец, у одного невеста, в которую тайно и завистливо влюблен второй брат. Но она любит старшего. Но старший, молодой прапорщик, кутит и дурит, ссорится с отцом. Отец исчезает. Несколько дней ни слуху ни духу. Братья говорят об наследстве. И вдруг власти: вырывают из подполья тело. Улики на старшего (младший не живет вместе). Старшего отдают под суд и осуждают на каторгу. (NB. Ссорился с отцом, похвалялся наследством покойной матери и прочая дурь. Когда он вошел в комнату и даже невеста от него отстранилась, он, пьяненький, сказал: неужели и ты веруешь. Улики подделаны младшим превосходно.) Публика не знает наверно, кто убил.

Сцена в каторге. *Его* хотят убить.

Начальство. Он не выдает. Каторжные клянутся ему братством. Начальник попрекает, что отца убил.

Брат через 12 лет приезжает его видеть. Сцена, где *безмолвно* понимают друг друга.

С тех пор еще 7 лет, младший в чинах, в звании, но мучается, ипохондрит. объявляет жене, что он убил. «Зачем ты сказал мне?». Он идет к брату. Прибегает и жена.

Жена на коленях у каторжного просит молчать, спасти мужа. Каторжный говорит: «Я привык». Мирятся. «Ты и без того наказан»,— говорит старший *.

День рождения младшего. Гости в сборе. Выходит: Я убил. Думают, что удар.

Конец: тот возвращается. Этот на пересыльном. Его отсылают. [Клеветник пр] Младший просит старшего быть отцом его детей.

«На правый путь ступил!»

КОММЕНТАРИИ

Стр. 349. *Фельетон «С.-П⟨етербургских⟩ ⟨ведомостей⟩»*...—В «С.-Петербургских ведомостях», 1874, № 289, 20 октября, был опубликован фельетон «Отзыв француза о русских» в разделе: «Недельные очерки и картинки. Золотая середина. Газета русского мира для желающих. № 8». Цикл этих статей шел за подписью: Незнакомец (псевдоним А. Суворина). Достоевский предполагал статьи Незнакомца публиковать на страницах «Гражданина».

В фельетоне приводились «отрывки из одной французской газеты» якобы французского путешественника, встречавшего русских в Женеве и Цюрихе. Отрывки сопровождались комментариями Незнакомца.

Стр. 349. *Вяч. Печаткину.*— См. стр. 347.

Стр. 349. *Припадки.*— Запись припадков опубликована (с некоторыми пропусками) в кн.: «Письма Ф. М. Достоевского к жене». Предисл. и примеч. Н.Ф.Бельчикова. М.—Л., 1926, стр.350. Запись приводится в связи с публикацией письма Достоевского к А. Г. Достоевской 16/28 июня 1874 г., в котором Достоевский также подробно рассказывает о своей болезни. См. также стр. 366.

Стр. 349. *...после перерыва в 5½ месяцев*...—26 февраля 1873 г. Достоевский писал М. П. Погодину: «Вы спрашиваете про мое здоровье. Может быть, вы слышали, что я эпилептик. Средним числом у меня припадок раз в месяц и уже много лет, с Сибири, с тою разницею, что в последние два года мне надо, чтоб войти после припадка в нормаль-

* *В подлиннике*: младший.

ное состояние,— *пять* дней, а не три, как было все чуть не двадцать лет. И вот странность: пять уже месяцев прошло с тех пор как у меня был последний припадок... Остановились» («Письма», IV, стр. 299).

В январе 1873 г. Достоевский говорил о своей болезни с Вс. Соловьевым: «Он сказал мне, что недавно с ним был припадок.

—Мои нервы расстроены с юности,—говорил он.—Еще за два года до Сибири, во время разных моих литературных неприятностей и ссор, у меня открылась какая-то странная и невыносимо мучительная нервная болезнь. Рассказать я не могу этих отвратительных ощущений; но живо их помню; мне часто казалось, что я умираю, ну вот право — настоящая смерть приходила и потом уходила. Я боялся тоже летаргического сна. И странно — как только я был арестован — вдруг вся эта моя отвратительная болезнь прошла, ни в пути, ни на каторге в Сибири и никогда потом я ее не испытывал — я вдруг стал бодр, крепок, свеж, спокоен... Но во время каторги со мной случился первый припадок падучей, и с тех пор она меня не покидает. Все, что было со мною до этого первого припадка, каждый малейший случай из моей жизни, каждое лицо, мною встреченное, все, что я читал, слышал,— я помню до мельчайших подробностей. Все, что началось после первого припадка, я очень часто забываю, иногда забываю совсем людей, которых знал хорошо, забываю лица. Забыл все, что написал после каторги; когда дописывал „Весы", то был должен перечитать все сначала, потому что перезабыл даже имена действующих лиц...» («Воспоминания о Ф.М. Достоевском Всеволода Соловьева». СПб., 1881, стр. 10).

Младший брат писателя, А. М. Достоевский, также указывал, что падучую Достоевский получил не в детстве и дома, а в Сибири. «В молодости,— рассказывает он,— Достоевский оставлял „записки" — „сегодня со мной может случиться летаргический сон, а потому не хоронить меня (столько-то) дней"» («Новости и Биржевая газета»), 1881, № 37, 9 февраля. См.также: «Die Krankheit Dostojewskys. Eine ärtzlich-physiologische Studie... von Dr. Tim. S e g a l o f f». München, E. Reinhardt, 1907 (Grenzfragen der Literatur und Medizin in Einzeldarstellungen. Hrsg. von Dr. S. Rahmer, H. 5); «В. М. Бехтерев о Достоевском».— «Русская литература», 1862, № 4, стр. 312—451. Публикация статьи Бехтерева, где болезнь Достоевского определяется как особый вид эпилепсии (полиэпилепсия).

Стр. 350—351. *Печать. Расчет 1 1/2 листа в месяц, в формате «Гражданина»*...—Эти подсчеты могли быть начаты в начале апреля 1874 г., когда Достоевский сложил с себя тяготившее его редакторство в «Гражданине» и обдумывал издание «Дневника писателя» в виде самостоятельного периодического издания, о чем он «с таинственным видом» рассказал метранпажу М. А. Александрову: «Мы опять с вами что-нибудь будем печатать ‹...› журнал не журнал, а что-нибудь в этом роде...» («Ф. М. Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 годах».—В кн.: «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников», т. II. М., 1964, стр. 233). Через полтора года «Дневник писателя» будет выходить один раз в месяц, выпусками или номерами, в объеме от полутора до двух листов.

Стр. 353. *Роман в 20 листов*...— Имеется в виду «Подросток». Метранпаж «Гражданина» М. А. Александров рассказывает: «Анна Григорьевна сказала мне ‹...›, что Федор Михайлович ‹...› давно задумал роман, писать который он был не в силах при своих редакторских обязанностях в „Гражданине"» (см. «Достоевский в воспоминаниях современников», т. II, стр. 233). О романе, задуманном Достоевским еще в период редакторства, рассказывает и В.В. Тимофеева, корректор журнала: «Я пишу теперь одну вещь»,— говорил ей Достоевский (В. В. Т и м о ф е е в а (О. П о ч и н к о в с к а я). Год работы с знаменитым писателем.— Там же, стр. 176).

Стр. 353. *Дневник леченья в Эмсе*...— Опубликован в кн.: «Письма Ф. М. Достоевского к жене», стр. 351—353 как примечание к письму Достоевского к А. Г. Достоевской 17/29 июня 1874 г. из Эмса и в примечании А. С. Долинина к письму Достоевского к А. Г. Достоевской 20 июля 1874 г. («Письма», III, стр. 331—332). Дневник совпадает с некоторыми описаниями хода лечения в Эмсе, сделанными Достоевским в письмах к жене.

Стр. 353. *Ходил 29-го к доктору*...— Петербургский врач Я. Д. Бретцель, дал Достоевскому рекомендательное письмо к доктору Орту в Эмсе. В архиве Достоевского имеется также адрес доктора Фрериха в Берлине, записанный 22 июня 1874 г. В письме к А. Г. Достоевской из Эмса (июнь 1874 г.) Достоевский упоминает «это светило науки немецкой», у которого он был с визитом в Берлине («Письма», III, стр. 102). В Эмсе Достоевский «пошел к доктору Орту (Бретцелеву), а не к Гутентагу (Фрерихсову)».— Там же, стр. 104. Возможно, «Дневник леченья в Эмсе» Достоевский вел по указаниям врачей.

Стр. 354. *Кошлаков.*— Дмитрий Иванович Кошлаков (1836—1891) — известный петербургский врач, терапевт.

Стр. 355. *Сказка, рассказанная мне Федей*...— Впервые опубликована в примечаниях к письму Достоевского А. Г. Достоевской 1/13 июля 1874 г. См. «Письма Ф. М. Достоевского к жене», стр. 349.

В письмах к жене Достоевский описывал разговоры детей, их игры (см., например, письма из Старой Руссы 18, 19, 20 декабря 1874 г.— «Письма», III, стр. 143—146).

В письмах из Эмса он писал: «Благодарю тебя за известие о детях и об их словечках и поступках. Это меня ужасно радует, занимает и веселит» (письмо к А. Г. Достоевской 6 июля 1874 г.— «Письма Ф. М. Достоевского к жене», стр. 116). Достоевская вела записи разговоров детей.

Стр. 355. «*Московские ведомости*», *№ 225 74 года. Сентябрь 9...*— 9 сентября, понедельник. Номер озаглавлен: «Повоскресный лист». Достоевский имеет в виду обозрение в разделе «Земская хроника» под заглавием «Народное образование», где приводятся материалы из отчетов различных губерний о состоянии школ и вновь организуемых учительских семинарий. Предлагалось школу, в которую принимались только молодые люди из крестьян, разделить пополам. Одну половину оставить в Колмове, а другую перевести в Новгород. Внимание Достоевского могли привлечь следующие строки: «На возражение о неудобствах перевода семинарии в шумный Новгород, вследствие чего, по мнению иных, явилась бы для воспитанников трудность приурочиться впоследствии к сельской жизни учителя, было высказано следующее: «Куда бы ни был помещен крестьянский юноша с воспитательною целью, он все равно вытесняется из своей семьи, чем, конечно, порывается и градация его познаний с изменением и самых взглядов на жизнь, которая принимает более определенные формы под цивилизующим влиянием науки, и чем более будет это удаление, тем выше будет и его развитие».

«Если не ошибаемся,— писал обозреватель,— в этом несколько туманном красноречии выразился тот взгляд на учительскую школу, по которому она не должна поддерживать вокруг своего питомца искусственно народную обстановку и по которому близость учителя к народу выражается не платьем его и не обувью, а знанием потребностей его и любовью к делу. Этот взгляд и был принят собранием».

Вопрос о народных школах, об учителях этих школ был одним из злободневных вопросов того времени, неоднократно обсуждавшихся в периодической печати 1870-х годов. Возможно, не без участия Достоевского, особенно интересовавшегося вопросами народного образования в России, в «Гражданине» им также уделялось серьезное внимание, о чем редакция оповещала читателей в программе журнала. Например, в газете «Сын отечества», 1875, № 62, 18 марта, в объявлении от редакции «Гражданина» печаталось сообщение: «Для народных учителей (всех сословий) и для всех народных училищ, без различия ведомств, а также для священников и диаконов, обучающих бесплатно в народных и сельских училищах, редакция понижает подписку на год с восьми до шести рублей.

В статьях под заглавием „Народная школа" будут помещаемы: обзоры хороших и полезных книг для школы, учеников и учителей, известия о ходе народной школы в России, рассказы о быте этой школы, письма народных учителей, оценка дурных книг, указания на нужные книги и учебные пособия и т. п.» См. также «Гражданин», 1874, № 45, 11 ноября, где была напечатана статья «О народном образовании в России» с примечанием от редакции: «Эта статья написана духовным лицом. Она представляет результат *практических* наблюдений и соображений. Помещая ее, в видах всестороннего разъяснения важного вопроса,—мы, однако же, оставляем за собой право сделать несколько замечаний там, где личные мнения почтенного автора будут резко отличаться от наших».

В нескольких номерах «Гражданина» печаталась статья Н. Страхова «Обучение народа» (по поводу статьи «О народном образовании» гр. Л. Н. Толстого в «Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исках⟩», сентябрь, 1874).—«Гражданин», 1874, № 48, 2 декабря; № 50, 16 декабря.

Стр. 356. *13 сент⟨ября⟩ 74 ⟨г.⟩ Драма ∞ ступил!* — Первый набросок сюжета «Братьев Карамазовых».

VIII. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ (1874—1875)*

Memento. «С.-Петербургские ведомости», (перечень замечательного) апреля вторник 30 об английской книге Аткинсона о русском искусстве.

Мая 1-го, среда, № 118, о волостном писаре *Пинской* губернии *Борисовского уезда*, высекшем бабу (розог!) (NB. Не смеют прикоснуться к подлым волостным судам (даже, чтоб ограничить пьяный произвол). Свободы истинной, а не номинальной! К черту республику, если она деспотизм!) (убийство девочки ребенка), незаконной дочери, мать которой вышла замуж за крестьянина Новградволынского уезда, деревни Сербовской слободки. Из ревности (увел на гумно, задушил и искусал зубами). В «Русском вестнике» 74 ⟨г.⟩ № 4, апрель в статье Петра Петрова о Франции интереснейшие подробности о Ледрю-Роллене. Тип фокусника, промышляющего либерализмом.

Memento с 1 мая 74 ⟨г.⟩

NB. В майские прусские (германские) законы (73 ⟨г.⟩).—Все назначения в духовные должности подчиняются контролю правительства. Дисциплинарная власть (юрисдикция) епископов над низшим духовенством подчиняется контролю правительства. Будущие католич⟨еские⟩ священники обязаны пройти курс в светских школах. Суд *по церковным делам* (королевский суд) учреждается впредь из членов, назначенных правительством, и на рассмотрение этого суда поступают дела по поводу майских законов и *всякие церковные дела вообще* (NB. Дело сумасшедших).

Смотритель тюремного замка Макаров.

Воспитатель малолетних преступников Гасабов.

1874 ⟨г.⟩

24 марта состояло наличных

У Анны Григ⟨орьевны⟩		— 27
У меня		— 15
Миша должен принести		— 20
у меня		—200
Вексель		— 70
Базуновских		— 61
За продажу в редак⟨ции⟩	— до	40
Итого		433

26 марта. *Наличных.*

у Ан⟨ны⟩ Григ⟨орьевны⟩		550
	и	17
у меня	—	71
Итого		638

* *Бо́льшая часть тетради занята записями к роману «Подросток», которые опубликованы.*

28 марта *было* —71
Отдал портн‹ому› —25
За рубашки —14
Складчина — 3
Мелочи, извозч‹ику›,
табак и баня — 3 50 к 71
Итого —45 50 к 45
Итого в кошельке — 25 50

29 ‹марта›. Паше — 10 Итого, 29 марта —13 в кармане
Покупки и мелочи — 2
12

30 и 31 марта. Покупки, таб‹ак›, извозчик —4
Няне и Лизав‹ете› —3
На водку —1
8

В карман‹е› —5
Взял у Анне Григор[ьевне] —10//
К 4-му апреля у Ан‹ны› Григ‹орьевны› —407 (кроме 14).
Всего было 26 мар‹та› —63
4 апр‹еля› (получено с почты —18).

От 4-го до 9-го апреля Украдено у меня — 8
Взял у Анне Григорьевне —10
и еще взял —10

Из них куплено чаю, табаку, портмоне, гостинцы, вино, мелочи —
9 апреля в кармане у меня 9

10 апреля получено 61 р. 25 к. от Базунова.
Отдано А‹нне› Г‹ригорьев›не —50.
11 р. 25 к. оставил у себя.
Куплены игрушки, табак, гостинцы, закуски, извозчики, в театр, 3 р. взяты доктору.
К 14 апреля *у меня 11 р. 75 к.*

19 апреля взял у Анны Григорьевны —15
Баня, табак, чай, гостинцы, покупки и проч.
К 21-му в кармане *у меня* — со всеми взятыми деньгами, в остатке —14 с копейками

До 23 ‹апреля›. Parfumerie, перчатки — 4
Табак и проч. — 2
Итого, в кармане к 23-му
Калугину 5 руб., взято у Анны Григорьевны — 8//

23 апреля получено мною от книж‹ек› — 125
Да своих до 7
Итого, *у меня* 132

У Анны Григорьевны за вычетом всех расходов к 23-му оставалось в руках — 219
Да у Ив‹ана› Гр‹игорьеви›ча в руках — 100
Итого 319
132
Всего 447

ФЕДЯ ДОСТОЕВСКИЙ — СЫН ПИСАТЕЛЯ
Фотография Ю. Штейнберга, 1873 г.
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

Собственные же деньги у Анне Григорьевне, от подписки на акции, *в счет не входят*.

От Миши получено —10		447	
		10	
		457	
С 23 ⟨апреля⟩ по 3 мая истрачено Анной Григорьевной		— 90	
Да выдано мне		— 25	
Итого, истрачено		—115	
Итого, у Анне Григорьевне в руках 3 мая		—114	
Ив⟨аном⟩ Гр⟨игорьевиче⟩м отдано		— 25	
	Итого	139	
Остается у Ив⟨ана⟩ Гр⟨игорьевича⟩		— 75	
	Итого	214	у Анны Григорьевны

Итого, в остатке у меня 3 мая — 175

У меня же было	—132	
да взято у Ан⟨ны⟩ Гр⟨игорьевны⟩	—25	
Итого	157	

Поездка в Москву, покупка рубашки и расход здесь с приезда —82//

Всего же в доме *наличных* денег *3 мая* у Ан⟨ны⟩ Гр⟨игорьев⟩ны

с Ив⟨аном⟩ Григорьев⟨ичем⟩	— 214
да у меня	— 75
Итого	289
Получено от Некрас⟨ова⟩	—2000
было	— 139 (без Ив⟨ана⟩ Гр⟨игорьевича⟩)
да у меня	— 75
	2214

NB. Книги в Эмской библиотеке прочитать, если будет время.
G. Sand. Césarine Dietrich. Journal d'un voyageur pendant la guerre.
Erckmann-Chatrian. Histoire d'un homme du peuple.
Belot. L'article 47.

G. Sand. La confession d'une jeune fille.
Erckmann-Chatrian. Waterloo.
A. Dumas. Affaire Clemenceau.
Proudhon. La révolution sociale démontrée par le coup d'Etat du 2 Décembre.
NB. *Musset Alfred.* La confession d'un enfant du siècle.
Flaubert. Madame Bovary.
Octave Feuillet. Le roman d'un jeune homme pauvre.
Belot. Le drame de la rue de la Paix.
Femme de feu.
A. Dumas-fils. L'homme-femme.
Belot. Madame Giraud, ma femme.
NB. } Paris en Amérique.
} о романах Zola.

За Ив‹ана› Григ‹орьевича› — 75
У Ан‹ны› Григорьев‹ны› наличных — 139
Дано ей — 1300
Итого 1439

Расход
Тришину — 240
Для Каширевой — 100
Гойжевскому — 195
Билет внут‹реннего› зай‹ма› — 122
Выкуп векселя — 58
За квартиру — 25
6 дней еды — 18
Мелкие покупки — 38
796

1439
796
643

Отдано долгов:
Тришину долгу — 220
Кашпер‹евым› — 181
Гойжевск‹ому› — 200
Вещи — 5
Печаткину — 659
— 112
771
360 долгу‹?›
75 Ив. Гр.
44 Наб‹?›
512

8 мая у Ан‹ны› Григ‹орьевны› 644
У меня 675
1319

1319
512
1831

800000 | 365 2191 | 24 3 в 2 минуты
730 2191 216 91 30 августа
700 31 725 у А‹нны› Г‹ригорьевны›
365 100 у меня
2920
431
325

550
365
185

6 февр⟨аля⟩ — 70 10 октября и А⟨нне⟩ Г⟨ригорьевне⟩ —6½ остается
10½
6
86½

12 февр⟨аля⟩ у Ан⟨ны⟩ Г⟨ригорьевны⟩ — 36//

Печать — 37 руб. Бумага для 2000 экз⟨емпляров⟩ 4⅓ — 35 на каждую тыс⟨ячу⟩ по 3.

Если 2 раза в год по 12 листов,
40 экз⟨емпляров⟩ — 6
400 — 60
8 8
3200 —480
Печать —240
Обертка, переплет — 25
Пуб⟨ликация⟩ — 75
Все 820 или 800
Цена 75 к. с 1000 экз⟨емпляров⟩ 600
3
1800
Чистого барыша — 1000
Если 4000 расх⟨од⟩ — 1000
Приход — 2400
Чист⟨ого⟩ бар⟨ыша⟩ — 1400
с 1000— 750
3
2250
800
1450
2
При 2-х тысячах всего 2900
По 1-е —750 чист⟨ого⟩ бар⟨ыша⟩
При 4000 экз⟨емпляров⟩ — 750
4
3000
1000
2000 чист⟨ого⟩ бар⟨ыша⟩//

Если 4000 экз.
В расход 550
Приход валов. 1500
500
950=3800//

Описывать все сплошь одних попов,
По моему и скучно и не в моде;
Теперь ты пишешь в захудалом роде,
Не провались, Л⟨еско⟩в!

АЛЕША ДОСТОЕВСКИЙ — СЫН ПИСАТЕЛЯ
Фотография, 1870-е годы
Музей-квартира Ф.М.Достоевского, Москва

Второстепенность и мелочность «взглядов Петра».
— Флот (для одной Швеции).
— Петербург — перемещение центра грубое.
— Забыл и *совсем не понимал* идеи веры и православия.
— Народ как податный материал.
— Раскольники (лишь бы платили деньги).
— Чины (обратились же в то же дворянство, но только слегка⟨?⟩ подточенное. Как бы не сознавали, что делали).
— Совершенное отсутствие экономического чутья в идее помещики и все его слуги с уничтожением частных хозяйств и личности. Идея, достойная персидского шаха.
— Развратник и нигилятина. Понятие о чести и шпаге.
— Изверг — сыноубийца.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 359. *...об английской книге Аткинсона.*—Имеется в виду статья «Английская книга о русском искусстве и русских художниках» в «С.-Петербургских ведомостях», 1874, № 117, 30 апреля о книге английского критика Аткинсона «Художественное путешествие по северным столицам Европы».

Стр. 359. *...о волостном писаре.* — В «С.-Петербургских ведомостях», 1874, № 118, 1 мая была напечатана корреспонденция из Борисовского уезда Пинской губернии о произволе в волостных судах. По неизвестной причине была наказана розгами по приказу волостного писаря (нижний воинский чин) молодая крестьянка. Об убийстве девочки сообщалось в корреспонденции «Киевлянина».

Стр. 359. *В майские прусские (германские) законы (73 ⟨г.⟩).*— В «Гражданине», 1874, № 23, 10 июня, была напечатана статья: «Борьба государственной власти с церковною в Пруссии (Новые прусские церковные законы)». «Пруссия открывает новую эру—порабощения церкви государством»,—писал автор статьи Кир Заруцкий и далее: «... майские 1873 г. ⟨...⟩ законы выставляются обыкновенно лишь условиями для признания римской церкви государством ⟨...⟩», они «представляются нарушением всех тех понятий о государстве и свободе ассоциаций и личности, до коих дошла ныне цивилизация. Но союзники князя Бисмарка, прусские старокатолики, объявили их согласными и с духом христианской общественности, и с историей отношений католической церкви к государству». Мнение «Гражданина» об этом было изложено, указывает автор статьи, в отчете С.-Петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения 1873—1874 гг. Отчеты о заседаниях этого общества в 1873 г. писал Достоевский. Очевидно, статья Кира Заруцкого в «Гражданине» появилась по заказу Достоевского и Т. Филиппова.

Стр. 359. *Макаров ∞ Гасабов.* — Запись этих имен, очевидно, сделана Достоевским в связи с желанием посетить вместе с А. Ф. Кони колонию малолетних преступников, расположенную за Охтой, по дороге на Пороховые заводы. «Достоевский желал, чтобы я свез его туда, и внимательно приглядывался и прислушивался ко всему, расспрашивая о мельчайших подробностях быта питомцев» (А. Ф. К о н и. Встречи с Ф. М. Достоевским.— «Вестник литературы», 1921, № 2 (26), стр. 8. Кони приглашал Достоевского посетить арестантское отделение малолетних в Тюремном замке 8 мая 1874 г. (письмо А. Ф. Кони к Достоевскому 7 мая 1874 г.— В кн.: Л. П. Гр о с с м а н. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского, стр. 226). 26 декабря 1875 г. Кони приглашал Достоевского заехать к нему в Министерство юстиции с тем, чтобы утром 27 декабря вместе с сенатором Ковалевским, председателем общества колонии, отправиться в арестантское отделение. Посещение состоялось 27 декабря 1875 г. (А. Ф. К о н и. Собрание сочинений, т. 8. М., 1969, стр. 38).

Стр. 359. *За продажу в редак⟨ции⟩.*— В «Гражданине» помещались объявления о продаже во всех книжных магазинах романа «Идиот» с указанием: «Подписчики „Гражданина", выписывающие роман через редакцию, за пересылку ничего не платят» («Гражданин», 1874, № 15, 15 апреля; № 19, 13 мая) или: «В редакции „Гражданина" продаются следующие новые книги — „Бесы". Роман Ф. М. Достоевского. Цена за три тома 3 р. 50 к. „Идиот" (по той же цене)» («Гражданин», 1874, № 39, 30 сентября).

Стр. 360. *23 апреля получено мною от книж⟨ек⟩...*— К 1873 г. А. Г. Достоевская относит начало ее общей с Достоевским деятельности по изданию его сочинений, которую потом она продолжала в течение 38 лет. Это позволило Достоевским через 10 лет избавиться от долгов и освободиться от всех перекупщиков векселей. Многочисленные подсчеты Достоевского в записных книжках связаны с этим изданием сочинений. Первые объявления об особой продаже сочинений Достоевского появились в 1873 г.: «Поступил в продажу во всех книжных магазинах роман: „Бесы" Федора Достоевского. В трех частях, три тома. Цена три руб. пятьдесят коп. Склад в Петербурге, у автора, Измайловский полк, 2-я рота, № 14. В Москве, в книжном магазине Соловьева, на Страстном бульваре. Гг. книгопродавцы пользуются уступками» («Московские ведомости», 1873, № 57, 8 марта).

Стр. 361. *Получено от Некрасова — 2000.*— Очевидно, вскоре после полученного от Достоевского согласия передать новый роман в «Отечественные записки» Некрасов выдал писателю аванс (см. «Письма», III, стр. 147).

Стр. 362. *Тришину.*— Сохранилась расписка Достоевского о том, что он занял у И. Л. Тришина 150 рублей, «сроком от нижеписанного числа на три месяца», в чем и подписался «июня дня 1874 года» (число не указано) (ЛБ, ф. 93, I.3.43). В декабре 1874 г. Достоевский занял у Тришина 50 рублей «сроком от вышеписанного числа на три месяца» (ЛБ, ф. 93, I.3.44; I.3.45 — то же с зачеркнутым текстом). В январе 1876 г. Достоевский занимал у И. Л. Тришина 200 рублей серебром сроком на три месяца. Расписки всегда подписывались: «Отставной подпоручик Федор Михайлов Достоевский» (ЛБ, ф. 93, I. 3.47).

В 1877 г. Достоевские занимали у Тришина сроком на два месяца 300 рублей серебром (12 февраля). Расписки подтверждались ручательством А. Г. Достоевской: «В верности платежа ручаюсь, жена отставного подпоручика Анна Григорьевна Достоевская» и обязательством Пуцыковича уплатить долг через два месяца (ЛБ, ф. 93, I.3.49).

Стр. 362. *Для Кашпиревой.*— 3 апреля 1873 г. Софья Андреевна Кашпирева, жена Василия Владимировича Кашпирева, издателя журнала «Заря», просила Достоевского уплатить ей часть долга (ПД, ф. 100, № 29739, ССХІб. 6).

Стр. 362. *Гойжевскому* — Николай Адольфович *Гойжеевский* просил Достоевского об уплате денег по векселю (ПД, ф.100, № 29670. ССХІб. 3). В феврале 1873 г. об уплате денег по векселю Н. А. Гойжевскому и согласии его заменить старый вексель новым напомнил Достоевскому В. В. Чехович (ПД, ф. 100, № 29835, ССХІб.13).

IX. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ
(1875—1876)

1875
Припадки.

22 сентября ⟨1875 г.⟩ из сильных (но не из самых), в ночь, под утро, в 6 часов пополуночи, после трехмесячного перерыва. Полнолуние. Тугость. Легкая г⟨орлов⟩ая кровь, очень сильный прилив к голове. Раздражительность.

Октяб⟨ря⟩ 13 (понедельник) утром, во сне, в 7 часов, не так сильный.

Января 26 ⟨1876 г.⟩. Понедельник, утром, во сне, в 7 часов, из довольно сильных, [полнолуние] (1-я четверть луны).//

12 февраля деньгами — 576 р. ⟨дневник расходов⟩.//

Купить книги: Беляева «Крестьяне на Руси». //

С 24 октября 75 года. *Библиограф⟨ические⟩ справки.* «Голос», № 294—1875 г.— Статья о Servition de liste u servition de division.//

1875. От 5-го ноября «Москов⟨ские⟩ ведомости» ([Че] О египетском наследстве (Черняев).

От 6-го ноября «Голос». Фельетон из Берлина, о нигилятине в русских школах.

«Дневник писателя»

От 8-го ноября. Пятница *. В среду был у к⟨нязя⟩ Мещерского Черняев. «У нас всего 6 400 000 патронов, и так как порох в металлических трубках, то химически разложился (sic) и стрелять нельзя. Ружей по новой системе у нас всего только 70000, а из всех других стрелять *нельзя*». Я сказал, что союз трех сев⟨ерных⟩ держав сделает то, что Турцию не разделят, а каждая будет беречь ее, и останется каждая одна к другой во вражде (через турецкие дела). А Англия меж тем [кон] займет-таки Египет тоже, чтоб беречь его, а уж раз займет, то и не выйдет, Черняев вдруг заметил: «А нам что за дело, что Англия займет Египет, и пусть ее!» (sic).

Черняев тоже уверял, что перевооружение России назначено окончить к 1889 году (sic).

Хлестаков по крайней мере врал-врал, да все же хоть капельку да боялся во время вранья, что вот его возьмут да и вытолкают. Современные Хлестаковы не боятся и врут с полным спокойствием.

---

* *Под строкой:* Суббота

Наша консервативная часть общества не менее говенна, чем всякая другая. Сколько подлецов к ней примкнули, Филоновы, Крестовский, поэт //с своей поэмой. Граф Сальяс с своим легкомыслием, генерал злой дурак. Грязные в семействе Авсеенки и Крестовские — Фадеев с своим царем в голове.//

Все спокойны, все самолюбивы, и уж, кажется, одно это должно бы мучить вечным беспокойством. Напротив, современный самолюбец не трепещет за себя, как он вошел, как он стоит, хорошо ли он сказал. Нынче *все спокойны* и всякий уверен, что все принадлежит ему одному. А нет, то он и застрелится.

Папа, простите меня, 27 лет, и я ничем не проявил. Я застрелюсь. Это еще хорошо, тут какая-то гордость. А другой просто стреляется из-за того, что он не так богат, как Овсянников. Для чего ж и жить, как не для гордости?

Если не религия, но хоть то, что заменяет ее на миг в человеке. Вспомните Дидро, Вольтера, [Руссо], их век и их веру... О какая это была страстная вера. У нас ничего не верят, у нас tabula rasa. Ну хоть в Большую Медведицу, вы смеетесь — я хотел сказать хоть в какую-нибудь великую мысль.//

Фантастическая идея *Ордена чести* вместо дворянства (в виде юмористической поправки идей Фадеева насчет купцов).

Но семинарист действует [гуртом] всем гуртом. Семинарист всегда в гурте. Это скотина стадная *.

Рассказ Некрасова о последних днях Решетникова (революционеры, старого Гаврилу) в параллель с изящным Авсеенко — Юхотский плакал, обтянутая ручка, фойе и деликатес.

Бездарная средина (они гнездятся... и т. д.).
Граф Толстой. Письмо Тургенева. Ноябрьская книжка «Русского вестника» (смот⟨ри⟩ «Русский мир», № 216).

NB. Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов (по-видимому значительное, познакомиться). Детска⟨я⟩ колония за пороховыми заводами. NB. Справиться.

«Голос». Воскресенье, 9-го [октября] ноября 75.

«Болезненные произведения». Но самое здоровье ваше есть уже болезнь. И что можете знать вы в здоровье?//

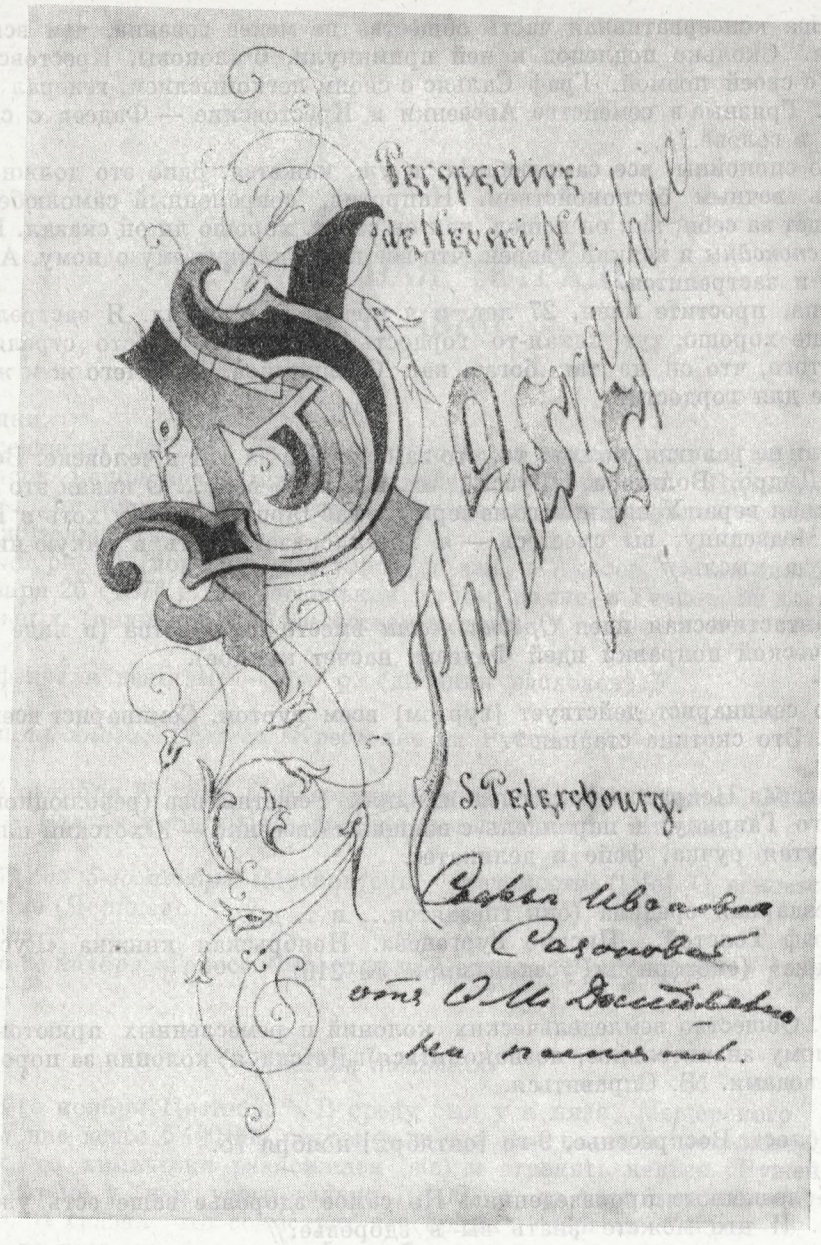
«Голос». Понедельник 10-го ноября. Фельетон. О сумасшествии двойника. Голядкин.

Любовь к России.— Как ее любить, когда она дала такие фамильи Сосунов, Сосунков, надо переделывать в Сасунова и Сасункова, чтоб никак не напоминало о сосании, а напротив напоминало бы о честности.

Человек, который рад проползти из Бадена в Карльсруе на карачках (на руках и на ногах), чтоб только сделать своему литературному сопернику неприятность. Человек, который сидит у себя и употребляет свое

---

* *Над строкой и под ней:* лицо, существо



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ДОСТОЕВСКОГО С. И. САЗОНОВОЙ НА ОБОРОТНОЙ СТОРОНЕ ФОТОГРАФИИ Н. ДОССА 1876 г.:
«Софье Ивановне Сазоновой от Ф. М. Достоевского на память»
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ДОСТОЕВСКИЙ
ФОТОГРАФИЯ Н. ДОССА, ПЕТЕРБУРГ, 1876, С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ПИСАТЕЛЯ С. И. САЗОНОВОЙ

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

время, чтоб выдумывать, какие он скажет оскорбительные словечки, встретясь с таким-то и таким-то, как повернется к ним, как обидит их.

Ce n'est pas l'homme, c'est une lyre * (о Ламартине).

NB. В Симбирске, на памятнике Карамзину один из барельефов изображает Карамзина, читающего Александру I-му свою «Историю», оба в древних костюмах, т. е. голые, по крайней мере на $^{9}/_{10}$ **.

Из письма Гоголя с того света о спиритизме и чертях, ссылка на Послание к Римлянам, глава II, стих 9.

NB. «Русский мир» сам признал себя на 5 рублей поплоше перед прочими газетами. Но [это] он говорит, что это в видах пропаганды, если так, то есть надежда, что на следующий год он будет предлагаться даром, а еще на следующий год так даже с приложением от редакции по 10, а может и по пятнадцати рублей на подписчика,— только чтоб читали мнения и догадки боевого генерала Черняева.//

Юбилей Тургенева, телеграмма из Петербурга от писателей, такие-то и такие-то и Д⟨остоевский⟩ последний, но лишь по сочувствию к таланту, а не к лицу.

«Русский мир» — это как человек, который сердится в потемках, «зачем не пылки, зачем не пылки?»

...Но почему г-н Тургенев взял путешествие на карачках в Карльсруе именно на себя? Я нигде не упомянул, что говорю про него, и почем знать, может быть, нашлись и еще готовые проползти? Что же до последующих объяснений г. Т⟨ургене⟩ва, то думаю, что на них мне отвечать неприлично, ибо уж если человек приписал себе раз карачки, то он не мог и отвечать на это иначе как [с взвизгиваниями] в состоянии нервическом, в котором бегают по комнате, бьют стену кулаком, громко взвизгивают и плачут в голос, так что будят соседей. В таком состоянии человек может написать бог знает что, и как же ему отвечать?

Заграничный выкормок. Русский — заграничный выкормок.

— Левиты, семинаристы, это — это нужник общества.

Миговое дело (минутное в смысле).//

«Московск⟨ие⟩ ведомости», № 291, 14 ноября, пятница, статья «Литературная кунсткамера», о «Подростке».

«Москов⟨ские⟩ ведомости», № 292. Воскресенье. Politische Correspondenz. Опровержение сенсационной телеграммы «Русского мира» *** об остановке отпуска провианта Австрии в Черногорию. «Русский мир» решительно захотел подписчиков, принимают публику за какой-то Ташкент и штурмуют ее самым беспардонным манером.

Основная идея и всегда должна быть недосягаемо выше, чем возможность ее исполнения, н⟨а⟩пр⟨имер⟩ христианство.

---

* Это не человек, это лира (*франц.*). *См. также стр. 421.*

** *На полях слева:* !!!

*** *Первоначально:* «Русского вестника»

Нелепость весьма часто заключена не в книге, а в уме читающего*.

А не понимаешь ты не оттого, что [я] не ясен писатель, а оттого**, что неразвиты, тупы твои способности. Тупы и неразвиты.

«Гражданин», № 46, 16 ноября: Известия о папах (с папиросками и не хотящих учить читать).

«Московские ведомости», № 296, 20 ноября. Известия о нашей внешней хлебной торговле (одесский доклад). И статья Джона Лемуана («Débats») об английской политике, Египте и Суэцком канале.

Князь Светозаров — эта благодетельная тупица.

Люди из бумажки. Княжна Мери. Человек со вкусом этого не может читать без скуки.
Бедненькие, миленькие, маленькие.//

Теперешнее поколение — плоды нигилятины 60-х годов. Это страшные и отвратительные плоды.
Но их очередь придет. Подымается поколение детей, которые возненавидят своих отцов.

«Московские ведомости», № 297, 21 ноября.
1) Извлечение отзывов из всех важных английских газет о покупке акций Суэцкого канала.
2) Об обязательном обучении (из Петербурга).

«Русский мир» удешевил газету.

А Балда приговаривал с укоризною,
Не гонялся б ты, Кузьма, за дешевизною.

Об удивительном слоге, которым теперь пишут, особенно в провинциальных газетах. См. выдержки Порецкого из «Киевского телеграфа» («Гражд⟨анин⟩», № 47, 23 нояб⟨ря⟩. Набрать выдержек в таком духе и в каждом № «Дневника» приводить курьезами, как нынче пишут, для искоренения и осмеяния.

Да и что может сказать этот сухощавый духом*** (но не телесно), но не телом человек? Хотя и толстый телом человек?

«Русский мир» — приют всех бездарностей и оскорбленных самолюбий.

Лгушка.

Он у меня обедал, я его кормил.

Столоверчение. Бунт столов в Министерстве народного просвещения.//

О том, что «Московск⟨ие⟩ ведомости» первая у нас политическая газета.

---

* *Первоначально:* приходит не от автора, а от того, что она сидит в уме читающего.
** *Первоначально:* что сам туп
*** *Первоначально:* умственно

«Московские ведомости», №301, середа, 26 ноября. Из брошюры «Pro Nihilo» * отрывки и передовая статья на эту тему.

«Голос», 26 ноября, № 327
«Голос», 27 ноября, № 328 } Дело Овсянникова

Наш либерализм даже ** ретроградeн, за него Станислава дают, другое дело славянофильство: какие суровые требования! Как он ненавистен рутине, норовящей наделать великих дел шутя или нашаромыжку. Либералов сажают в министерства, чтоб были, так сказать, à la hauteur ***

Семинарская редакция: что за вседовольство, что за всеблаженство.

Спи, честный труженик, танцевал с стаканом в руке, притопывая, и осмеивал в офицерских виршах то, грязи от подошв чего не стоил. ****

«Голос», 28 ноября, № 329 — дело Овсянникова.

(Записочка одного застрелившегося.)

Трем из них одна рубаха,
Остальных спасает бог.
Что ж возможно кроме аха *****
Здесь воскликнуть,— разве ох!

«Голос». Суббота, 29 ноября, № 330. Дело Овсянникова.

«Московские ведомости», № 303, 28 ноября. Передовая статья о Герцеговинском восстании.//

Раз кто-то раздавил эту физиономию каблуком, да и ушел, так и осталось в этой физиономии нечто как бы раздавленное на всю жизнь. ******

Un homme heureux qui n'a pas l'air content. *******

О придуманности и ненатуральности общества сострадания к животным (человеколюбивого) или общества сострадания к крупным скотам, 15 руб. с извозчика, умерщвлять собак хлороформом.

«Голос», № 331, 30 ноября. Дело Овсянникова.

Специализация доктор⟨ов⟩, так что не знаешь, кого позвать: полечиться, выколотый глаз, Соколов, немытые руки, папироска.

«Голос», 1-е декабря. Дело Овсянникова и статья «Indépendance Belge» о перемене карты Европы, признанная за сумасшествие. Но никогда, может быть, Европа не была ближе к именно такому перевороту и переделке территории, *как в наше время* (распространить).

---

* «Из-за ничего» (*лат.*).
** даже — *над строкой.*
*** на высоте *(франц.).*
**** *На полях слева:* !!!
***** *Первоначально:* Что ж, друзья, я кроме аха здесь воскликну — разве ох!
****** *На полях слева:* Здесь!!!
******* Счастливый человек с недовольным видом (*франц.*).

О учителях российской словесности (до классицизма — ври что угодно) — составляли карьеры.

Наш чиновник — олицетворенное ничегонеделание. В Дрездене за эти деньги и какая услужливость с достоинством. У нас ломание над публикой без достоинства. Дайте же ему поломаться-то. Почтальоны железнодорожные.

Отсылка [ком] Министерством иностр⟨анных⟩ дел денег Герцеговине 12 ноября, а мы-то делали предложения. Jonung.

Воспоминания о Заседаниях комитета.//

«Голос», 5 декабря. Пятница. Реферат об здании для хранения редких и драгоценных вещей в Лондоне, с выкачиванием воздуха из главных подвалов. Тот же №. Зверство доктора над девушкой, которая застрелилась ⟨...⟩ Сарданапал. (Смотри «Голос», фельетон Ларош.)

Танцы. Замужняя женщина и танцы. Менуэт как объяснение в любви. Кадриль.

Что такое танцы? Весенняя повадка животных, только в нравственно разумном существе *.

В нем, может быть, и много внутреннего ума, но наружного — никакого.

Выскажет что-нибудь, только взглянешь на него или с соседом переглянешься.

А сядет написать, то весь свет удивит. И вот это г⟨осподин⟩ с умом более внутренним, чем наружным...

В «Биржевых» от 7-го декабря, воскресенье, в фельетоне Суворина, смешной парадокс об Овсянникове: что если б он и не был виноват в поджоге, то все равно его за прежние безнаказанные грехи надо обвинить теперь в поджоге.//

Самое первое стремление дипломата это, разумеется, иметь как можно меньше *врагов* и как можно больше друзей. Дипломат, друзья всегда враги, а потом друзья. Итак — важнее врагов, чтоб уж ближе был переход к друзьям.

Но, боже мой, я перед ним виноват, а стало быть, я должен ему отмстить **.

«Голос», понедельник, 2 декабря, № 339.

Дело драки на улице учительниц, кандидата математических наук и Лимберга.

Осуждение девицы М. за неприличную позитуру и за нарушение тишины на улице, девица В.—речь в суде о беззащитности бессильных женщин, тогда как девица М. верхом сидела.

«Гражданин», № 49, 7 декабря. Об Овсянникове.

«Дым», о *красоте*, Потугин, ругательство на Россию, красота Белинского ***.

---

* *На полях слева:* Бал

** *На полях слева:* Здесь !!!

*** *На полях слева:* Бал

Тургенев и Виардо, переводил Гоголя, «Вий», хотел под стол залезть.

Потугин именно самородок, на которого сам злится. Потугин — это сам г. Тургенев. Ошибка в том, что Потугин семинарист, семинарист меньше бы и точнее говорил.

Красота, вспомните лакейские ливреи маркизов и маркиз, падающих на носки (Казанова).

Сконфузил юношу, хищное животное, единобрачие. *А воспитательные дома?* Юноша-то и говорить бы не стал, не только что плакать, соврал Потугин.
(Тургенев и Писарев.)//

«Непочтительный Коронат».
Весь комизм мальчишки командующему дяде. *Ложь*. Подлизывание к юношеству позор. *
Байрон. Каин. Ложь — ложь со времен французской революции.

Идут мужики и несут топоры, что-то страшное будет (вероятно, это красота, по-вашему?).
А если долго нас помещики душили?

О г-же Стечкиной — восстановление права литературной собственности (как о рекламе).

У Тургенева — костюм Чурилы, а ваши фалдочки, прикрывающие ваше заднее место, а стеклышко в глазу, а лакеи-маркизы, походка Чурилы и ваша походка, ляшки.

В прекрасном народы страшно ошибались. Барельеф Карамзин и Александр Павлович **.

Вы выпродали имение и выбрались за границу, тотчас же как вообразили, что что-то страшное будет. «Записки охотника» и крепосгное право, а вилла в Баден-Бадене, на чьи деньги, как не на крепостные выстроена?

Девица Стечкина, чувство меры нарушено, неделикатно так выставляться с самой собою, конец вашей повести и какой-нибудь современный вопрос.
Пусть я паду в битве, как не в меру. Исступление уродливого самообожания с самой уродливой неделикатностью и с самой уродливой самовыставительностью. **

Статья. 1) Потугин, Тургенев — (красота).
Цивилизация.
2) Цивилизация, откинув религию, тем самым признала смерть свою, *ибо* должна нести в себе рабство — хотя бы в виде *пролетариата* и обоготворение прав собственности.
3) Религия же это все разрешает *
(NB. Каким образом? Собственное достоинство пролетариата и свобода духа! без плотоядности собственника).

---

* *На полях слева:* Здесь!
** *На полях слева:* !

(NB. Трудно сказать, как бы это Христом разрешилось. Обоюдная скорбь друг за друга смягчила бы и капитал и возвысила бы пролетариат.)

Виновно же католичество римское и протестантское. Катков (та же ли вера у нас, как у римлян, тот ли Христос, Христос, которому понадобились иезуиты). И наконец торжество восьми мильонов пролетариата и петролея.

Ложь с начала столетия. Ложь в журналах, ложь еще в Каине и ложь-то и хвалилась.

Каин — причина: Байрон хромой.

Направление Лермонтова — причина: урод, кочергу ломал*.

NB. NB. NB. NB. NB. Политическая статья. О [сос] Франции и о мнимой состоятельности Германии.

Скоро умрут несколько представителей Европы. Мы накануне. А главное не надо забывать 8 миллионов пролетариев. К разрушению примкнет половина Франции**.

Немцы не могли бы уничтожить Францию. Уничтожить Париж, расстрелять пролетариев. Выкупить землевладения и оставить у немцев. Но это не в силах Бисмарка.//

«Непочтительный Коронат». Плотоядность молодежи. Да ведь вы сами того хотели. Чтоб никакого духа, вы истребили бога.— Но и без бога надо быть гуманным, любить человечество.— Но на кой черт я буду гуманен.

Я хочу, чтоб весело, весело, весело, чтоб со мной спали, и резать и резать, чтоб есть слабого сильным.

Скажут: вам стыдно это.— Почему? А мне наплевать на вас.

NB. Смотри ноябрь «Русский вестник». Кружок в Цюрихе.

NB. Гуманность есть только привычка, плод цивилизации. Она может совершенно исчезнуть.

Либерализм дурная привычка***.

С уничтожением крепостного право кончилась (не закончилась) реформа Петра и петербургский период. Ну и sauve qui peut.****

На минуту наступит американизм.

Народ идет. Вот идеалы которого осмеял Потугин.

Кончив внутренний период: а между тем надо быть готовым. Папа. Император немец.

В Германской империи внутреннее неустройство заставит их, для единения, броситься на Францию или на Россию (как Наполеон на Крым).**

В Германской империи идей столь же мало, как и во Франции. Во Франции по крайней мере коммунистические, а в Германии лишь: да здравствует немецкая гордость.//<...>

---

* *На полях слева:* !

** *На полях слева:* Война

*** *На полях слева:* Здесь

**** спасайся, кто может (*франц.*).

«Новое время», № 325. Суббота, 13 декабря 75. Биография Погодина.

Благоговейное замечание Тургенева в «Дыме», что Раштадт в 1862-м году был еще союзною крепостью. Да пусть его.

В «Дыме» Литвинов, жалкая роль, сам не верил искренности побега и говорил себе, что это в романах, да в Симбирской губернии от скуки,— а когда Ирина отказалась, первый на нее разъярился. Даже страсти нет плотской. Ч⟨ерт⟩ знает что такое. Его бы надо реально и обличая выставить, а у Тургенева идеально — и вышло дрянь (этакий тип выставляют реально, т. е. обличая)*.

В повести «Собака» совсем не умеет выводить рассказчиков, не знает быта. Никто не говорит в обществе: милостивый государь мой, и никто не говорит: бежал, такие лансады делал, что у Наполеона первая танцовщица, которая в день его ангела танцует, не догнала бы.
NB. Очень выделанно и придумано. Так не говорят.//

В «Дыме» Тургенева заметно страшное падение художественности. Он не знает России. Что за люди? Что за лица? Что за Губарев, что за женщины с новейшими машинами? Все сочинено.

Журнальная литература вся разбилась на кучки.⟨...⟩ И издают.

«Биржевы⟨е⟩ ведомости», № 344. Воскрес⟨енье⟩. 14 декабря. Фельетон Незнакомца — заключение об Овсянникове и краткая история Училища правоведения (40 лет, открытие в 35-м году).

«*Голос*», *№ 345*. Воскрес⟨енье⟩, 14 декабря.— В передовой статье несколько хороших слов о наших среднеазиатских (военных) делах и о необходимости увеличения войска. ⟨...⟩

«Голос», 15 декабря, № 346. Сообщение судьи Клокачева по делу Лимберга и Морозовой (неприличная позитура! До позитуры ли при столь высоких вопросах!)

Речь Спасовича (окончание)**.

Художественностью пренебрегают только лишь необразованные и туго развитые люди, художественность есть главное дело, ибо помогает выражению мысли выпуклостию картины и образа, тогда как без художественности, *проводя лишь мысль*, производим лишь скуку, производим в читателе незаметливость и легкомыслие, а иногда и недоверчивость к мыслям, неправильно выраженным, и людям из бумажки. ***
Одна образованная поповна и Седельце. Г-н Тургенев похож на эту образованную поповну. Замечание о Раштадте. Ну и пусть его, какое

---

* *Над строкой*: этакий ∽ обличая
** *Эта фраза написана на полях слева.*
*** *На полях слева:* !

мне дело! Какое нам всем до этого дело? Да и какое дело до этого хотя бы кому бы то ни было?

О хищных животных, единобрачие. Тургенев в упоении выдумал. У нас воспитательный дом. Мать, положим, может кормить грудью, но лишь до той степени, в какой это не противоречит ее гражданским обязанностям.

«Дон Жуан» Байрона, Посвящение, строфа X.

Главное, это направление — современное западничество (а все-таки оно современное западничество, как ни называй его)...— чрезвычайно потворствует лени: мы дескать *непримиримые*, мы стоим в стороне (т. е. ничего не делаем). А так как при этом и почет, то Россия и осталась в течение 20 лет на одни свои [слов] силы.

О подлецы! вы все только смеялись и всех позорили. Это так легко. Вы необразованы, вы ничего не понимаете.

Направление! Мое направление то, за которое не дают чинов.

...Тут просто драка была, а кандидат прав просто наказывал за буянство, пьянство и бесчинство,— стало быть, со стороны Лимберга драка была пьяная, а со стороны кандидата облагороженная.

Судья Клокачев — продался и больше ничего.//

Встреча со студентом Медицинской академии, просящим милостыню. Мнение го⟨мена?⟩, дом Фридрихса (живут цыганами).

300-рублевые стипендии от казны *всем* русским студентам, с тем однако, чтоб обязательно прослужили потом 4 года казне на каком угодно поприще, по своему желанию.

Направление, так сказать, сплетническое.

Не могут не определиться *лучшие люди*, в смысле сознателей правды народной,— не могут, потому, что человеку паче всего нужно то, перед чем преклониться.

Потугин. Выставка лондонская. Закон народонаселения: и потому глупенький Потугин сердится на Россию за то, что в ней всего 65 милл. народу, а не 165. Через 50 лет будет 165 милл., и увидите сами, что мы будем, может быть, первые на выставке. Это ясно, как дважды два. Это закон. Не воля государя выстроила железные дороги, а они сами выстроились. Именно сами, как бы ни казалось, что по чьей-нибудь воле. Все происходит от известных законов человеческой природы. Они неизменны, а потому отрицать в русском народе способности и радоваться, что немцы выше нас умом, могут только ничего не знающие русские барчонки за границей.

Притом же мы на выставку не могли ведь поставить наше политическое единство (т. е. народную идею государства) или нашу веру. [выр.] Это тоже выработанная вещь. Политическое единство Германия, например, приобрела лишь 5 лет назад, ну а мы его выработали раньше ее многими веками.

И ⟨...⟩ на русский народ.

Литвинов — надо было отметить и показать, что он сам больше всех виноват, и лицо комичное, из разряда Пироговых, а не патетичное.//

Он ей показал, как султан князю Меньшикову, в шарабане место подле себя в 53 году, но если б она села на место, он первый был бы несчастен, и если б не улизнул от нее с первой станции, то единственно по недостатку характера. Зато ночью бы улизнул наверно. Характеры сплошь неясные и выдуманные. Г-н Тургенев слишком мало знает действительность (из повести «Собака») и много сочиняет наобум.

Специальности врачей, специализировались,— один лечит нос, а другой переносицу. У одного все от болезни матки *.

История, как Лиля сломала ручку.

В русском человеке (большей частию) из простонародья нужно отвлекать красоту от наносного варварства. Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую насевшую грязь и возьмет бриллианты. (У нас же народ теория, у любителей его до сих пор, да так и останется.) Впрочем, о щекотливых предметах заговаривать не стану.

История Лимберга и Морозовой.

Конспект номера **
1) Направление. Болезни.
— Итак, доктора.
— «Непочтительный Коронат» (особенно Головлята).
— В русском человеке отвлекать (иначе ложь).
— Лимберг и Морозова.
— Медицинский студент Академии.
— Перечитать «Дым».
— Политика.
Приюты. Больницы и проч. ***

Ап. Григорьев. Эта вечно декламирующая душа.

Эмс. Обедня в Эмсе, и мошенник, спрятавшийся под престолом у Спаса на Сенной.//
«Голос», № 348. Скверная реклама об детских изданиях Вольфа. Присяжный поверенный Языков о роли литературы в деле Овсянникова.

Где же было добыть деятелей для такой огромной реформы, вот и явились [деят] Филоновы.

Газета. Реклама. Стечкина, Цебрикова, чем наполнить. Признание девицы, обе ножки, со мной и не то делали. Преимущественно для барышень, не умеющих выйти замуж, да-с, и нет-с. **** Воображения, фантазии нет. Реклама чем безнравственна? Не безнравственнее откр⟨ыт⟩ых

---

* *На полях слева:* !
** Конспект номера — *на полях слева.*
*** Приюты. Больницы и проч.— *справа.*
**** *На полях слева:* Реклама

плеч, груди, танцев. А впрочем, чем безнравственнее, тем больше разойдется. Фантазии нет, а то бы разбогатеть можно. И разбогатеть даже не умеют,— дома терпимости (Гром). Некрасов.

Фантазии и воображения нет в писателях.

Прозаичность духовенства.

Об русской гордости: Гоголь, Островский, я думаю, что государственные люди (Потемкин и проч.). Немцы поправили. Экономия. Огромность значения поправляла (Потемкин).
Великий Пушкин — без гордости.

Семинаристы, как status in statu,— вне народа.

На людей слабых умом сильно действует чувство местности и привычки. Г-н Тургенев, в романе «Дым», пишет о городе Раштадте (и главное, так серьезно). Какое мне дело до города Раштадта, отошел он или нет куда-нибудь, хоть бы провалился, так все равно.

В России мы чувства местности не имеем. Ну что такое, н⟨а⟩прим⟨ер⟩, Владимир? и зачем его знать, а Костромы так даже и стыдимся. Но только что русский переедет в Европу, так [тотчас] тотчас же он и местен, и гнездлив, ах, и Раштадт.//

«Русский вестник». Ноябрь, 75. Борьба дима с аристократией. Слова Платона о тиранах. Тираны происходят из демократии (стран⟨ица⟩ 13). NB. Это свежие люди; это первое наблюдение над человеком в обществе.
Древнегреческие тираны. Асса, требующий 300 000. Михайловский сердится.

NB. Семинарии надо поскорее возвысить до гимназий, т. е., так сказать, обратить в гимназии, уже и потому, что тем уничтожится рассадник нигилятины (см. «Внутр⟨еннее⟩ обозрение» Елисеева, «От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩», декабрь). Смешные проекты Елисеева для возрождения духовенства (два попа: требник и учительный).
Читал «От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩»*. (Михайловскому.) Мне рассказывали компетентные люди, что Тюильри сожжено частным образом, каким-то шалуном, подобравшим шайку, без ведома коммунаров. Но что же бы это значило?.. Не [лишайте] лишайте исторического факта его величавости, страх (разрыв с историей, разрыв навеки, и это при падении коммунаров)**. Это коммуна, раненная насмерть, поднявшая голову и крикнувшая в последний раз: вот так исчезнете не только вы, но и следы ваши и история ваша. А вы хотите непременно их сделать невинными вроде героев Августа Коцебу. Разве они могут *происходить*. Они должны приходить самостоятельно со всем новым.

Жаловаться: вот, дескать, как с нами поступили (расстреляли коммунаров, декабристы)— на то шел, да ведь ты сам то же бы сделал — не глупо ли кричать: О как меня мучили. Грустно // не это, а то, что не умиротворишь и миром ни за что не кончишь. Да и невозможно примирение ни за что, и — и нежелательно. (Ибо лишь на основании Христа

---

* Читал «Отечественные записки» — *на полях слева.*
** *На полях слева:* Война

примирение возможно.) А тут на экономическом расчете, след. чем скорее, тем лучше, только бедные наши внуки... а может даже и дети. И уж, конечно, не прейдет этот род и увидит этот божий гром хоть кто-нибудь из теперь живущих.

Но судьи смотрят ужасно прозаично: для него драка по зубам или за волосы есть просто драка по зубам и за волосы, и больше ничего.

Или взять, что Овсянников отвечает за всю эпоху. Но Овсянников лицо мелкое, комическое, хотелось бы, чтоб было величественнее. К тому же эта эпоха и всегда была и будет, хотя часть людей всегда будет восставать против. И хорошо, восставайте, но не делайте несправедливостей: «Мне нравится, что Овсянников за всю жизнь свою наказан» (Суворин). Меры нет, как у г-жи Морозовой.

Вот вы найдете это ужасно ретроградным, потому что не совпадает с общим мнением. Вы любите общее мнение и волочитесь за ним: место злачное и доходы. Вы как прежние сенаторы. Я с общим мнением согласен.

Обще-отвлеченный либерализм: мало натаскали денег Спасовичи, издатели и проч.

А что Спасович взял с общества страхового. Ведь не мало, наверно Тургенев за «Дворянское гнездо» или Толстой за «Детство» и «Отрочество» взяли дешевле. А может, и за все собрание-то сочинений взяли дешевле.//

Каин, Байрон хром. Смеялся над Вордсвортом за таможню. Оранжевые цвета. Отдал ли бы свою аристократию. Удивительно, что Пушкин отказался так скоро. Лермонтов. Байрон хром, будь его нога пряма — он был бы спокойнее, Лермонтов гнусен. Самолюбие. Стечкина. Реклама. Газета «Реклама».

Сабуров и Андриянова. Украл 30 000 без всякого чувства дворянской чести.

14-ое декабря было диким делом западнического уродливого, зачем мы не лорды? Русский царь играл тоже в эту игру (с Екатерины начиная). Но Екатерина была гениальна, а Александр — нет. [Т] Освободили ли бы декабристы народ? Без сомнения, нет. Они исчезли бы, не продержавшись и двух-трех дней. Михаилу, Константину стоило показаться в Москве, где угодно, и все бы повалило за ними. —Удивительно, как этого не постигли декабристы*. Необразованность, потребность впутаться, мерзавца, как Пестель, считать за человека,— то же и теперь: члены Земледельческого клуба. Меж тем с исчезновением декабрист⟨ов⟩ — исчез как бы чистый элемент из дворянства. Остался цинизм: нет, дескать, честно-то видно не проживешь. Явилась условная честь (Ростовцев)— явились поэты.

Это до того опоганило, что, когда раскусили Белинского,— все повалило за ним, до того, что даже теперь, насильно, хотят видеть *сверху* то же самое, что при прошлом царствовании.

И, однако же, личность Николая.//

Он ей указывает (после всех-то комически-мелких потуг, [беж] увозить иль не увозить?) великолепно, как султан Абдул-Меджид Меньшикову на место подле себя в шарабане, на место на железной дороге.

---

* *На полях слева:* !!! *Несколько ниже:* Здесь

И этому ли вместе с Потугиным решать судьбу России под русским деревом в Баден-Бадене?

Молчите, вы не компетентны, вы недоросли русской жизни и комические дурачки.

И тогда все будут «des (hommes) heureux, qui n'ont pas l'air content».

И тогда все обратятся в счастливых, но недовольных, des hommes heureux, qui n'ont pas l'air content.

Il était humble et hautain comme tous les fanatiques*.

Il avait la réligion de ses fonctions et il était espion, il l'était espion comme on est prêtre. Это был шпион без всякой злобы, il l'était espion comme on est prêtre**.

Ces gens-là, quand ce n'est pas de la boue, c'est de la poussière***.

«Голос». Суббота. 20 декабря, 75, № 351.

Замечание отца Герасима *против* Осинина на счет *вздутого* соглашения Боннского съезда с восточною церковью (NB).

И в телеграммах. Числа, окончательно положенные Национальн⟨ым⟩ собранием о выборе депутатов и сенаторов, и распущении Национ⟨ального⟩ собрания.

Политика.

Политическая идея о Франции не в выборе Собрания, а вообще в ее положении. Ибо Собрание может что-нибудь с самого первого шага решить, и вдруг явится министр и скажет, что это решение не согласно с намерениями и планами маршала спасти Францию,— и Национальное собрание тотчас же отменит решение, а если не отменит, то сочтется *за бунт* и его раскассируют. //

Студент ищет места швейцара. «Голос». Воскресенье, 21 декабря. ⟨...⟩//

«Московск⟨ие⟩ ведомости», № 324. Суббота, 20 декабря. Об изменении прав дворянства (передовая).

О спиритизме. Отчет опытов *Менделеева.*//

«*Незнакомец*» говорит: «Истинная скорбь не выражается в пошлых фразах, придуманных на досуге, [и пр] не выражается оценка человека в тех речах, которые обыкновенно говорятся над его могилой». О какая книжная и маленькая мысль! Знаете, г. Незнакомец, что истинная скорбь выражается весьма и весьма часто в самых пошлых фразах и обрядах, а речи над могилами так еще очень любят (смерть матери, проповедь св. Барнила и все плакали). Вы этого еще не знаете, г. Незнакомец!

«Биржевые ⟨ведомости⟩». Воскресенье, 21 декабря. //

Суворину.— Я вам скажу, что ваш либерализм есть ремесло; или дурная привычка. Сама собою эта привычка не дурная, но у вас она обратилась в дурную. Вы скажете, что, напротив, не ремесло, а что вы были согреты чувствами и т. д. А я скажу, что ничем вы не были согреты, а просто-запросто отправляли выгодную профессию, и что вообще нам далеко до нагревания...

Острота. Рюрик, Синеус, Трувор и Погодин — очень [непочтен] дурная.

---

* Он был смиренен и высокомерен, как все фанатики *(франц.)*.

** Он набожно относился к своим обязанностям, и он был шпионом, как бывают священником *(франц.)*.

*** Эти люди были сделаны если не из грязи, то из пыли *(франц.)*.

А о судье Клокачеве вам предрешать нечего. Это устрашение. Тут все в факте: сидела ли верхом. Докажите, что этого не было. Но это может решить лишь (суд) высшая инстанция суда и т. д.

А насчет *удовлетворения* в письме г-на Морозова, то не вам бы говорить (фельетон о прыжке с Исаакиевского собора).

Сравнение [Незнакомца с Булгариным]. Либерального фельетона с бывшим булгаринским: та же самая крепкая опора сзади.

Незнакомцу. Потому что нельзя себе позволять иных выражений (вроде репутации Потехина) и вы знаете, почему.

— Почему?

— Я вам скажу. Потому что все мы обязаны быть людьми порядочными, а порядочный человек такого отношения к другому человеку позволить себе не может. А если на случай и не захочет продолжать быть порядочным ([там] почему-нибудь тяжело станет), то все же хоть видимо мы должны воздержать себя, из уважения к порядочности, если только хотим принадлежать к цивилизации. Не хотите — другое // дело. Тогда и делайте, что хотите, [тогда] но на такие желания частных лиц общество имеет полицию, которая и ограждает его.

Всегда должна быть мерка порядочности, которую мы должны уважать, даже если и не хотим быть порядочными.

(Стечкиной)*

Аристотель. «Русск⟨ий⟩ вестник». Статья Куторги. Ноябрь. Тирания есть монархия, имеющая в виду только пользу монарха (в противоположность монархии, имеющей в виду пользу всеобщую), олигархия есть правление, имеющее в виду лишь пользу богатых (в противоположность правления аристократов, в смысле *лучших* людей), и, наконец, демократия есть правление, имеющее в виду лишь пользу неимущих ([в противополо]** об общественной же пользе не заботится никто из них).

Смотри заложенные страницы в статье.

Мнение и убеждение «*Дневника писателя*»***: Нам всего ожидать от народа: он только даст нам лучших людей. Но для того нужны условия, при которых мог бы дать народ лучших людей. Петр создал лучших людей из дворянства и из доблести людей, подходивших снизу. Из службы, наконец, а всех остальных людей связал податью.

Теперь идея Петра раздвинута бесконечно, и уже от народа требуют лучших людей. Но надобно, чтобы народ был в состоянии их выставить.

(Кто руководители? И потерпит ли народ руководителей? Перед *образованием* он должен склониться. Но сочтет ли за образование. Приобретет лишь знание.) //

Примет ли он это за образование или за приобретение знания. Прав ли Аксаков? Аксаков бесспорно прав. Идеал в любви.

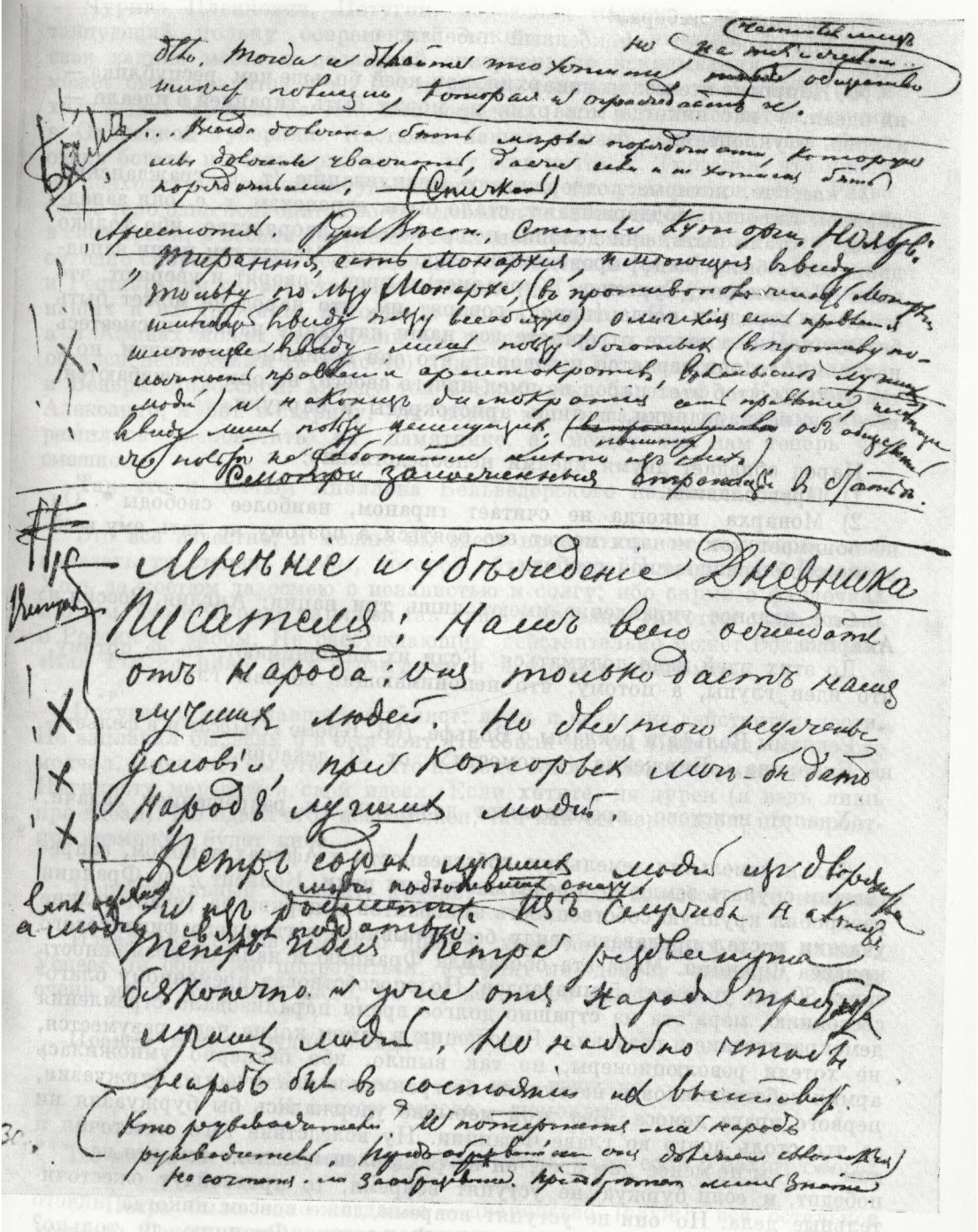
У него должны явиться руководителями не Потугины и *успокоенные современные либералы* с своей ленивой программой: переводить буквально с французского. Напротив, народ, при первых лучах образования, тотчас увидит теперь, до чего дошли копиисты и во что они обратились (т. е. дворянство, вельмож⟨и⟩ и петербуржцы).

---

* *На полях слева:* Бал

** *Под строкой:* политич

*** *На полях слева:* Вступл⟨ение⟩. *Ниже повторено:* Вступл⟨ение⟩



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К «ДНЕВНИКУ ПИСАТЕЛЯ»

Записная тетрадь, 1876

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Успокоенный либерал!
Теперь царствует успокоенный либерал.

NB. Напротив отеческая монархия, при коей больше, чем республика — их идеал. У нас никогда монархия не может быть тиранией в идеале — а лишь в уклонении.

У нас: те, которые поддерживают цивилизацию (т. е. гражданский порядок Европы), поддерживают, стало быть, европеизм, т. е. они западники. А стало быть, они должны поддерживать дворянство, ибо только дворянство было [подо] проводником европеизма. Между тем наши западники (Незнакомец, Тургенев, Журналист) и проч. Говорят и уверяют, что стоят за народ, и когда [народ] говорят им, что народ не может быть без личности, а вы-де отвергаете все наши народные начала и смеетесь над ними, то они сердятся и говорят, что они истинные народники, но с тем только, чтоб этот народ не имел ничего своего, но они // ошибаются, ибо они не народники, а лишь аристократы и барчуки.

Народ обладает двумя идеями непосредственно:
1) Православием.
2) Монарха никогда не считает тираном, наиболее свободы *. Он не понимает, как монарх может его бояться, а поэтому не дать ему всей возможной гражданской свободы.

Свое цельное управление имеют лишь три нации: Англия, Россия и Америка (?)
До этих идей надо додуматься. Если их не понимают, то не потому, что идеи глупы, а потому, что непонимающие головы глупы.

Рекламы Вольфа и рекламы о Вольфе. (NB. Кроме «*Голоса*» и в фельетоне Суворина. «Биржевые ⟨ведомости⟩» от 21 декабря.)

Хвалят неистово, представляют дело как бы разрешением задачи.

Солон измельчил земельную собственность в Афинах законом, запретившим скупать землю беспредельно в одни руки. Конвент // во Франции раздробил крупную собственность эмигрантов и церкви на [учас] мелкие участки и стал продавать ввиду беспрерывного тогдашнего финансового кризиса Франции. Мера эта обогатила Францию и дала ей возможность через 80 лет уплатить 5 мильярдов. Но, способствовав временному благосостоянию, мера эта на страшно долгое время парализовала стремления демократические и раздавила Революцию в самом корне, чего, разумеется, не хотели революционеры, но так вышло, ибо безмерно умножилась армия собственников и наступило безграничное владычество буржуазии, первого врага демоса. Без этой меры не удержалась бы буржуазия ни за что столь долго во главе Франции. Ну вследствие того ожесточил и дим **. Тем не менее дим идет, он не раздавлен и кончит тем, что все *** победит, и если буржуа не уступят вовремя, то произойдут ожесточительные дела. Но они не уступят вовремя, даже совсем никогда ничего не уступят ****, и вот что ожидает Францию... Францию ли только?
Тираны. Бонапартисты. Коммунизм. Политик Бисмарк.

---

* *На полях слева:* Здесь. *Ниже повторено:* Здесь
** *Первоначально:* Тем не менее дим идет
*** Все — *над строкой.*
**** Даже ∽ не уступят — *над строкой.*

Чурила Пленкович, Потугин, падающие маркизы, маркизы-лакеи, танцующий польку современный Алкивиад *, закрывший фалдочками свои задние места и делающий скверненькие вскидывания,— вам это может быть нравится и вы это находите красивее, чем у Чурилы (да и ходил [не] Чурила не так, как переделал его в былине потом мужик в Олонецкой губернии. Костюмы наших князей известны, они были очень богаты и очень красивы),— тут есть нечто, г. Тургенев, что никак не подходит под какой-нибудь общий закон, вот уже спокон века. Разве голое тело одно подходит, а во что одевался человек, то, быв очаровательным в свое время, в весьма скорое потом становится омерзительным. Разумеется, одно скорее, другое медленнее. [Но] Фалдочки и фраки времен Империи и Реставрации скорее стали скверными, чем костюмы // древних князей наших и их дружины, которые и теперь хороши. Но для нас хороши, а в Афинах может быть были бы забракованы и осмеяны. Повторяю, остался незыблемым (в красоте) лишь костюм Бельведерского Аполлона и Венеры Милосской. Между тем в Симбирске барельеф — Карамзин и Александр, и вот в старину, уж верно, это казалось красивым, коль решились увековечить на памятнике, а между тем нам теперь уж смешно.

Так что и костюм Аполлона Бельведерского не всегда хорош.

Это все известно, и можно бы здесь пропустить, но я говорю, чтоб показать ту степень злобы, которой объяты г-да Потугины на Россию. Хоть за костюм да осмею с ненавистью и солгу; ибо скрыв о фалдочках и о том, что и Чурила наряжен так лишь в деревне, Потугин сказал ложь о России из злобы. Не рассуждающим действительно может показаться: «Как Россия ниже всех стран даже и в красоте костюма».

Потугин и заплакавший нигилист: ложь и незнание действительности. Не заплакал бы, если б и был сбит. Не сбили же вы Писарева, он просто молчал. Нигилист бы ответил, что не надо вовсе семьи и кормить птенцов. Нигилисту мерещится свой идеал. Если хотите, не дурен (я ведь лишь про идеал). Но идеал этот невозможен, так как он мерещится, но, вероятно, возможно будет иное.

Непочтительный Коронат, красив?— Но иным кажется, что красив.

Идеал нигилистов высшего полета, хотя не нынешних и не наших. Успеет ли общество поправиться. Уступят ли демосу—конечно, много, очень много уступить надо, но [в] зато всем спасение. //

Правды извне трудно ожидать ⟨...⟩

Семинарист, как вам известно,
И в этом смысле — демократ.

Но может ли семинарист быть демократом, даже если б захотел того?

У Петра было одно создание — дворянство [служ], все остальное лопнуло. Теперь и дворянство порешили, что же осталось—ничего. Теперь славянофилы и западники могли бы примириться: и те и другие ждут всего лишь от одного народа; но славянофилы верят в народ потому, что допускают в народе свои начала, а западники соглашаются верить в народ единственно под одним условием: чтоб не было у него никаких своих начал. А потому драка продолжается. Но драка дракой, а любовь

* *На полях слева:* Бал

любовью, и почему дерущиеся за волосы не могут любить друг друга. Напротив это очень *...

Честность и искренность нашего общества в высшем смысле, честность нашего юношества, идея и идеал прежде всего, вера в идею. Земные блага лишь потом. В этом наше общество сходно с народом, и это его пункт соединения с народом. В народе много подлецов, но и подлец не говорит: так и надо, а воздыхает и чтит добродетель. А если есть изверги, то народ осуждает их. Если юноша говорит: так и надо, обожаю подлость, то потому лишь, что считает это за истину, а не иначе, если бы он не считал его за истину, то не пошел бы за ним, несмотря даже на то что многие из них увлекаются простым честолюбием.

Овсянников, нажива, с матер⟨инск⟩ой колыбели, но ведь он *мужик*, и нажива ему много значила. «Идея» Подростка.

Страшный толчок ожидает общество: дорога в Сибирь, соединение с Сибирью, торговлю можно вызвать в 10 раз, а в бесплодных степях земледелие, усиленное скотоводство и даже фабрики. Россия, соединенная дорогами с Азией, скажет новое слово, совсем новое. Теперь лишь начинается.

Китай.

Обратил внимание на статью «Голоса». //

Идея Мальтуса о геометрической прогрессии населения без сомнения неверна; напротив, достигнув известного предела, население может даже совсем останавливаться. La population reste stationnaire**, тут, конечно, многообразные причины (так что при другом социальном положении и во Франции могло бы еще двинуться вперед население), но тем не менее, кажется, будет вернее всего последовать аксиоме, правда, еще недоказанной, но лишь предрешаемой, именно: что территория может поднять ту численность населения которая лишь сообразна с ее средствами и границами, а далее la population restera stationnaire. Эта аксиома ждет, может быть, всю Европу. Таким образом, многоземельные государства будут самые огромные и сильные. Это очень интересно для русских.

Образование начинается лишь позже с известной густоты населения. Да и вся цивилизация. Тут должны быть твердые научные [выводы] правила. Но способствует и характер народа: у немцев прежде образование, а потом уже политическая мысль, а у русских наоборот.

Начинается этот зуд разврата...

Война есть повод массе уважать себя, призыв массы к величайшим общим делам и к *участию* в них (песни солдатские и народные)***. (Будьте беспристрастны, выслушайте) Вы [такого] // другого образа участия масс на *равной* ноге с интеллигенцией (управляющей массой по праву) не найдете для *высших дел* (для участия в высших делах). Кроме войны — везде царствуют ум, наука, сметка, талант, а масса беспрекословно должна слушаться, т. е. жертвовать своей инициативой. Война вдруг возводит всех — и уже не интеллигенцией, а великодушием. Правом умереть за выгоды отечества, всех, самые низшие возвышаются до самых высших

* *На полях слева*: Вступл⟨ение⟩. *Несколько ниже:* Вступл⟨ение⟩ Здесь
** Население остается неизменным (*франц.*).
*** *На полях слева:* Война. *Несколько ниже повторено:* Война.

и становятся им равными как человеки. Кроме войны, я никак не вижу проявлений для массы, ибо везде талант, ум и лучшие люди. Массе иногда остается лишь бунт, чтоб заявить себя. Иногда и заявляет, но это неблагородно и мало великодушия. Образование, чего нет у народа, богатство, протекция *. Умирать вместе — это соединяет. О, другое дело гражданская усобица **.

Как ни уравнивай права революциями, но до этого удовлетворения не доровняешь.

Я вас не считаю честным литератором, г. Су⟨вор⟩ин.

Он не то что глуп, но в нем не так много ума.

Критик Михайловский, цитующий в статьях своих стихи своего патрона Некрасова.

Знаете, я бы этого не делал.

В «Русск⟨ом⟩ мире», № 262, среда, 24 декабря 75. Статья В. С⟨оловьева⟩ обо мне.

«*Дым*». Вот такой-то господин едет в вагоне и осуждает всех, и решает, что все это дым. Мне досадно, что ему дано это право. Он хуже всех и не имеет тут слов. Даже если б себя осуждал, но себя осуждать он и не думает.

Автор должен был поставить в надлежащем свете, автор этого не сделал. //

В «Московск⟨их⟩ ведомостях». Декабрь. Среда 24, № 328. Об Овсянниковск⟨ом⟩ деле и роли печати — превосходная передовая статья.

Известие о монахах, задушивших девицу Верещагину ***.

«Голос». Четверг, 25 декаб⟨ря⟩, № [30] 356. Известие из «Киевского телеграфа» о таинственном убийстве в Умани. Лом. Павлуша.

(Гамлеты и Дон Кихоты.)

Такое ораштадтение бывшего даровитого русского писателя.

Тургеневу недостает знания русской жизни *вообще*. А народную он узнал раз от того дворового лакея, с которым ходил на охоту («Записки охотника»), а больше не знал ничего.

Сколько формы французского романа вошло к вам, г. Тургенев?

Был на бале детск⟨ом⟩ и проч. в [худож] Клубе художников 26. Елку не застал. Горы. Дети. Очень беззастенчивы, богато одеты, Петрушка, характер его. Медведь с кружкой на герцеговинцев свидетельствует, кроме замысловатости и несомненного остроумия, о постоянном желании клуба веселить посетителей. Давка, солнца, толпа (достать воздуху) ****. Живая картина, ослы. (Устройство буфета, слуги.) Люди, боящиеся говорить *oui et non*. Общество не компетентно. Если б каждый знал, сколько в сердце его простодушия, искренности, добрых и великодушных чувств,— то если б захотели все, то осчастливили бы всех. Теперь каждый думает:

* Образование ∽ протекция — *над строкой*.
** Умирать ∽ усобица — *на полях слева*.
*** *На полях слева:* Здесь
**** *На полях слева:* Бал

А ну // как меня назовут дураком? Попробуйте заговорить, и человек потеряется, пропадет и зверски на вас посмотрит [А между тем, если] Правда, для того, чтоб не казаться дураками, зевают и говорят, что скучно, от боязни, что их сочтут за дураков, если они что похвалят и если б они рискнули сказать, что им весело. Это, конечно, умно, но это штука старая, а стало быть оглупела. Вот первый ее выдумавший был умен. Но если б знали все эти господа, как они вдруг сделались бы умнее и умны в полном смысле слова, если б они вдруг захотели стать простодушными, искренними и любовными. Какие бы сокровища ума, таланта и остроумия открылись бы у иного генерала совсем неожиданно. Чиновник. Искусство, *Петрушка* (Горб⟨унов⟩: не ходит). Неужели на фарфоровых чашках золотой век? Танцы, женам не танцевать. Толкается молодое поколение (*не все*, но очень многие. Конечно, это свобода, но...). Остальные вежливы, и публика превосходна. Описание танцев, вертящих польку*, костюмы (Потугин. Костюмы, Чурила Пленкович, Александр и Карамзин). Я потому, что перечел «Дым». Несколько слов о «Дыме» (ходких). Молодое поколение. Павлуша, цельные люди.

Колония малолетних (сестра без места).

Господи, что [эт] было в Содоме? Младенцы в колыбелях, яслях. Истреблен род сей. Ты ищешь виновных.

Человек простил Маргарите — Фауст.

Иов у бога.

...Для себя, свои права; для людей, права людей. В этом разница между словом Христа и словом социализма.

Колония. Одним словом, тут царит отчасти Шиллер, но это прекрасно (тут *несколько* иронически вообще о колонии, NB.).

Добрые люди дали возможность мне это видеть. Добрые и истинные граждане.

К тому же жить там мало — вдруг все исчезнет!

Коронат — да не клевета ли это на молодых людей? Неужели они до такой степени грубы, глупы и тупы? //

Я Горбунову, положим, одному художнику (и уж вполне художнику) об Александринке.

О где те водевили, когда один пролез под стол, а другой его вытащил из-под стола.

(А теперь Мертвая петля.)

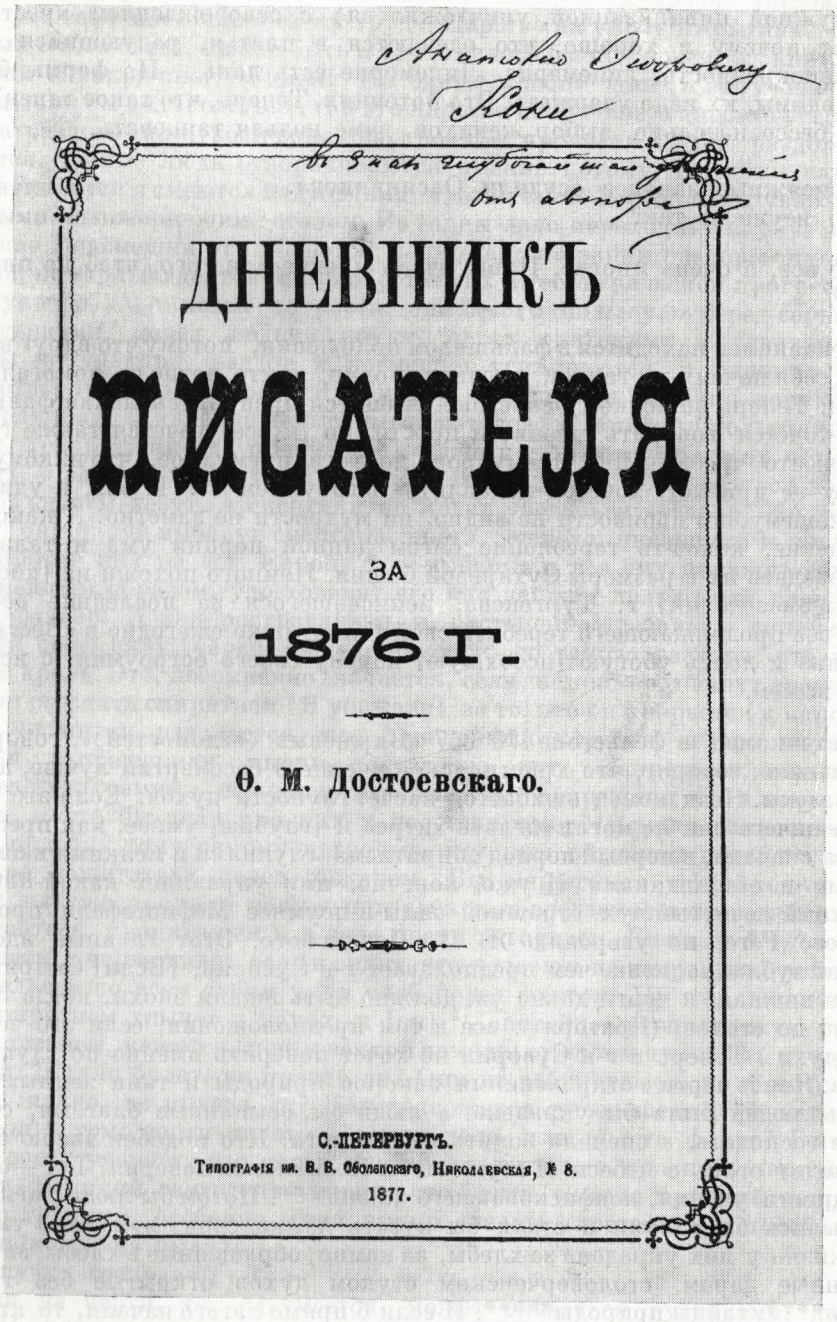
Пойдемте Петрушку.

Толкаться (и воспитывает в молодом поколении чувство свободы), но, например, драться кулаками было бы еще свободнее **. Мне всегда казалось, что у нас только форма и составляет цивилизацию и не будь формы — все бы на бале передрались, потому что мы не имеем внутренней потребности уважать в другом человека, как это все еще есть и продолжает быть в Европе, а что нас этому научили лишь механически, хотя

---

* *Над строкой:* обыкновенно танцует маленький, или юнкер, или инженер всегда или

** *На полях слева:* Бал. *Несколько ниже:* «Петерб⟨ургская⟩ газета»



«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ ЗА 1876 г.» (СПб., 1877)
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ДОСТОЕВСКОГО А. Ф. КОНИ
«Анатолию Федоровичу Кони в знак глубочайшего уважения от автора»
Обложка
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

всегда оставалось: grattez le russe *. Но неужели дворянин, хотя бы с наружной цивилизацией, уничтожил⟨ся⟩ с освобождением крестьян.

Вот почему и хорошо, что одеваются в платья, радующийся вид. Тут неискренность, лицемерие. Лицемерие есть дань... Но формы были необходимы, их надо удержать. Это потенция. Теперь, что такое танец? веселит бессознательно, выбор женихов, даме нельзя танцевать.

Присяжные заранее осудили Овсянникова.
Но неужели так?

Не все, а очень многие. Пишу очень многие для того, чтоб не писать все. //

Незнакомец находится в фальшивом положении, потому что вдруг вообразил себя почему-то гением, и главное один: никто ровно не помогал ему в этом. Теперь во всяком фельетоне слышится препротивненькая фальшь: [все] хочется говорить игриво и просто, но [и все] хочется также говорить нечто чрезвычайно премудрое, до того премудрое, что никому и в голову не прийдет, хочется подавлять остроумием **. И вот, к удивлению нашему, ни игривости не видно, ни мудрости не заметно. А какое-то таращение, какое-то теребление богом данной порции ума и таланта, чтоб раздать их в размеры Сухаревой башни. Немного похожи на [последние произведения] г. Тургенева, исписавшегося за последние десять лет и все продолжающего теребить свой талантишко ежегодно в «Вестнике Европы» и доить убогую [иссохшую] корову своего остроумия, с иссохшим вымем.

Незнакомец в фельетоне № 357 «Биржевых ⟨ведомостей⟩», говоря о спиритизме, говорит, что христианское учение о бессмертии лучше, а тут *духи глупы*. Незнакомец ошибается насчет глупости ду́хов. Если это черти, то ничего они не могли сделать хитрее и [глубже[умнее, как представиться сначала, в первый период спиритизма, глупцами и мелкими насмешниками и обманщиками. И уже, конечно, ими управляет какой-нибудь огромный нечистый дух, страшной силы и поумнее Мефистофеля, прославившего Гете, по уверению Я. П. Полонского. Этот главный адский дух поглубже политик, чем предполагает г-н Суворин. [Если] Спиритизм штука важная, и черти давно уж должно быть ждали эпохи, когда люди дойдут до столов. (Повторяю: все в том предположении, если это черти, т. е. духи.) Теперь и г-н Суворин не хочет поверить именно по глупости духов. Явись черти с откровениями законов природы и тайн земных — и жизнь людей была бы украдена, а люди бы, осыпанные благами, стали бы не тосковать, а сначала вопить от восторга: Кто подобен зверю сему, он сводит огонь с небеси. И неужели бы Незнакомец поверил? Тут — о безотрадности учения, конфисковавшего жизнь ***. Потом бы люди загнили, покрылись бы язвами и стали бы кусать языки свои, в муках, увидя, что жизнь у них украдена за хлебы, за камни, обращенные в хлебы, за возвещенные даром, столоверченским стуком духов открытые без труда лишь ****, тайны природы*****. И если б прямо с этого начали, то кто бы устоял. Я думаю, и г. Суворин подался бы сначала и закричал: Кто подобен зверю сему? Но черти хитрые, им надо не того царства, которое легко

---

* Поскоблите русского (*франц.*).

** *Позднее вписано над строкой:* Смотр⟨и⟩ фельетон «Бирж⟨евые ведомости⟩» № 357

*** И неужели бы ∞ конфисковавшего жизнь — *между строк.*

**** без труда лишь — *между строк.*

***** *Над строкой:* Они бы познали тогда, что счастье не в счастьи, а в его достижении

и нечаянно устроилось, а им надо такого, которое бы прочно устроилось и само за себя постояло без их труда. Царство на уме и открытиях, сообщенных с того света, может быть и провалилось бы под конец. Вскинулись бы люди и закричали: «Гнием! Не одним хлебом жив [будет] человек», и перестали бы волхвовать. И так это царство непрочное, а царство устроенное на раздоре или, возможно, на крови — прочнее. А уже раздор начинается. Умные люди отворачиваются именно потому, что духи глупы, отворачиваются и смеются над людьми, чрезвычайно достойными уважения и умными,но поверившими столам. Из толпы дело переходит в науку, разъединение и насмешки усиливаются, начи//нается браньи раздоры сильные. Но чтоб не терять адептов, а приобретать их в геометрической прогрессии, духи употребляют новые хитрости: они бесстыдно пасуют перед серьезно неверующими, перед людьми науки, перед критиками и ревизорами. Сеансы не удаются, раздор и насмешки усиливаются, а рядом с тем, чуть отвернутся ревизоры, то в кругу оставшихся истинно верующих вдруг начинаются явления немыслимые (фотограф в Париже). Столы пляшут, стучат, говорят, иногда прекрасно и даже подымаются на всех четырех ножках, а затем приходят тени из ада [в виде про]. Сомневаться невозможно, адепты лезут, а скептики не могут убедиться: раздор. Но черти хитры: они вдруг выберут скептика, врага, ученого, писавшего и кричавшего против них на всю Европу *,— выберут и все ему покажут самым любезнейшим образом, удостоверят его как дважды два; новый скандал, новый раздор. И так растравливая и постепенно развивая сильней и сильней свою силу, черти дойдут, наконец, до такого раздора, что начнется и кровь. Это, несомненно, начнется, если, например, начнут внешним образом стеснять спиритизм [Я убежден] за то, что он прорвется к народу. Тогда он мигом разольется, как зажженный керосин, и все зажжет. Каждая запрещенная мысль, тотчас же, чуть запрещена, ставится на пьедестал самими же запретителями. Не запрещали бы Страуса и Ренана, и кто бы знал про них у нас, например? Всякая запрещенная мысль подобна тому самому петролею, которым обливали полы и столы Тюильри зажигатели перед пожаром. Вы запрещаете такую-то мысль, значит вы уже пролили чашку петролея в оберегаемое вами здание: не беспокойтесь, пропитается и в свое время загорится. Люди не ** // хотят это видеть, а черти видят ясно и видят, что нельзя и не запрещать; в самом деле человек со всем своим умом слаб перед фактом. Ну что, например, если спиритизм хлынет в народ, и [он] $^{9}/_{10}$ перейдет в спиритскую веру за отсутствием, кажется, почти всякой помощи от своих духовных руководителей. Жалко будет, не правда ли? Они не взбунтуются, но ведь будет жалко, жалко, не правда ли? Как задержится просвещение, развитие... Вся беда в том: черти ли это в самом деле, или просто фокус? Гоголь с того света уверяет, что черти. Он прислал письмо, дразнить чертей не следует. Великий святитель уверил, что черти ужасно трудный вопрос, ужасно трудный, особенно, если прямо сказать (поставить вопрос), что черта никогда не бывало.

Я шучу, господа. //

Если не черти, то, разумеется, может оказаться пустяками, даже жаль. Но если это черти, то действуют они до того хитро, что даже можно полюбоваться.

А пойдут все брат на брата, а раздором лишь укореняется идея. Чем так твердо укрепилось лютеранство и разные секты в Европе, тем, что за них была кровь пролита.//

---

* *Над строкой:* умна ревизионная ком‹иссия›

** *Под строкой:* Белинск‹ий›. Ведь почем вы знаете, может быть, даже и этот гаркнувший среди залы капитан был убежден, что он либерален и действует прогрессивно.

Насчет цензуры — три вещи запретить, остальное запрещать опасно и невыгодно.

Духовные руководители, попы, отказывающиеся учить. Поп-требник и поп-проповедник Елисеева.

Не беспокойтесь, черти свое дело знают...
Только вот, черти ль это...
Вот у нас, например, сколько уж перессорились и обидели один другого из-за спиритизма.

А тут вдруг: открывается вам электрический телеграф (если б он не был открыт), рой там-то: найдешь клад или найдешь залежи каменного угля (огонь с неба, особенно если вырубят леса). Так ведь это было бы слишком просто. Чем гадка религиозная идея спиритизма: кража вашей свободы, и они говорят, что это сошествие духа святого! Никогда бог не позволит сделать такой ужасной вещи (шутки) с человеком. А между тем сначала адепты были бы наверно, закричали бы и завопили, сказали бы: // конец материальным нуждам, теперь лишь духовная жизнь! [Но] И кричали бы, и были бы адепты, и какие бы умные люди это кричали бы! А и не заметили бы, что духовной жизни уж больше нет: украдена, иссяк источник, ибо источник духовной жизни — есть труд и [свободная мысль] свободное исследование накопленных богатств, имеющих целью [отда] и идеалом: [отдать все ближним] не свою плоть, а [плоть своего] счастье ближнего.

Хотя бы из мертвых воскрес, и того не послушают. Ужасная истина. Фома.

И потому черти говорят глупо и загадочно и, главное, не говорят *ничего нового*,— и в этом огромный ум! Вот так умники! Правда, они смеются и лгут, но ведь на то они черти! Только, черти ли? Если не черти, то, конечно, [выйдет, что не] выйдет безмерная глупость. Это в духовной стороне спиритизма. Другое дело опыт: тут еще никто, кажется, ничего не может сказать. В самом деле, если б дело было решенное, не собирались бы исследующие комиссии (Менделеев).

Есть ли черти? Никогда не мог представить себе сатаны. Иов. Мефистофель. Сведенборг: Дурные люди, ...о Сведенборге. // Преступники: система наказаний лишением воли. Гнусность каторжных работ и веселость работ attrayant'ных *. Содержание преступника, скажут, выйдет лучше житья на воле и человек поскорее сделается преступником, чтоб не жить в иной адской жизни на воле?
Но то-то и есть, что лишение свободы есть самое страшное истязание, которое почти не может переносить человек. Я это видел (Орлов), они не боялись ни плетей, ни сквозь строя. Одно лишь лишение свободы ужасно. Вот на этом принципе и должна быть построена система наказаний, а не на принципе истязаний.//

Меня уверяли, что будет неясно: что такое «Дневник» — разъясню, что такое — «Дневник».

Повар отрубил руку дворнику. «Голос». Воскресенье, 28 декабря, № 357.

---

* привлекательных (*франц.*).

Насчет рассказов Кони и Ковалевского об обидах от околодочных. Тут никто не виноват, тут нравы.

Мак-Магон. Честный солдат, храбрый солдат, но все это, чтоб не сказать, что он умный солдат. Вот про умного-то и никто не говорил. Вся политика любовь к родине. Разгонит собрание. Чревата будущность. Республика необходима. Все династии необходимо должны быть врагами Франции и упрочивать свой авторитет. Наполеон. Честный Шамбор. Республика — единственное спасение от Коммуны. Соседи всего более ненавидят друг друга, но Наполеон связался бы с коммунарами.— Покоя нет. Будущность чревата. Что-то недоделанное в мире. 〈...〉

До Христа и не перестанет война, это предсказано.

Если только это черти: вот как бы только это узнать повернее. * // Не могу представить сатану.—

изображения в поэмах.

У Иова; это потому, что ты дал ему. Не слыхали ль вы этот *голос*, господа? Не раздается ли он и теперь. Социализм, Прудон. Какой вековечный голос!

«Голос». 28 декабря, № 357. Воскресенье. *Письмо Потехина.* (NB. Ждать ответа Суворина.)

Если б когда исчезла земля, конечно Библия. Все характеры. Читать детям *.

Это критика по натуре, или еще лучше *через натуру*.

Я даже не верю ненависти «Голоса» к «Биржевым 〈ведомостям〉», бывших «Отеч〈ественных〉 зап〈исок〉» к бывш.

Это люди ** скорой, но непрочной ненависти (в [противоположность] pendant [быстрой] вечной великорусской доброте: Пушкин)***. Люди **** с прочной ненавистью очень высоко ценились при своем появлении (Сильвио, Герой нашего времени), так ценились наравне с иностранцами (Котлубаями и проч.) и не русскими людьми и которых уважать надо, хоть только потому, что они не русские.

У нас все можно сделать (NB, рассказы Кони и проч. Известие о [приста] судебном приставе, взыскавшем 1000 р. «Голос», № 358. Понедельник). Уличи их, они начнут лгать, что никогда и ничего не было. Кассиры бегут с кассами... Никакой чести, никакого понятия о долге. Как можно тут жить и можно ли жить?

«Голос», № 358. Застрелился священник. Начальство не обратило внимания. Да и чего обращать: там сон и покой. //

Всем хочется казаться благородными. Делать подлость с благородством... *****. Это бы еще хорошо, значит все же [ценят] боятся благо-

---

* *На полях слева:* Здесь
** *Над строкой:* Мы все
*** *На полях слева:* Вступл〈ение〉
**** *Над строкой:* Типы
***** *На полях слева:* Бал

родства, [все же] коли прибегают к нему. И «лицемерие хорошо, [раз нет] потому что это есть дань, которую платит порок добродетели».

«*Голос*», ‹*№*› *358*. Статья об вотчинной записи (заметка на статью Маркова) (*позволяется* в государственных крестьянах делиться на подворные участки по желанию $^2/_3$ голосов [сельского] общества сельского. Высочайший указ 24 ноября 1866 года). //

Во Франции до сих пор свирепствует псевдоклассицизм *. Франция подалась в эпоху реставрации, тогда как Германия и Англия явились более неподатливыми. В революцию всякая трикотеза называлась матерью Гракхов.

Благочинный доносил о беспутном желании, но консистория не обратила внимания. Экая ревность по вере, подумаешь **.

Североамериканские штаты начали с твердого упора реформатского***. Но дух исчез, а доказательство, между прочим, сильное распространение спиритизма. Но развитие народов и дальнейшая жизнь их обусловливаются лишь тем, во что верует народ, что считает идеалом добра и истины. Французы ухлопали свою веру ради энциклопедии и до сих пор давят бесправных людишек по праву. Ничего не вышло. Мы еще можем // надеяться! Народ у нас еще верует в истину... если только наши «батюшки» не ухлопают нашу веру окончательно.

Писатели-аристократы, писатели-проприетеры. Лев Толстой и Тургенев — проприетеры ****.

Полевой поместил (приложил) в своей истории литературы картинку дома Тургенева в Баден-Бадене. Какое отношение имеет дом Тургенева в Баден-Бадене к русской литературе? Но такова сила капитала.

«*Голос*», *№ 359*. Статья о невозможности преподовать закон божий учителям (NB, конечно, нельзя учителям, черт знает чего наскажет, тут дело убеждения, но где же наши священники? Брюхо, пища, и «Голос» говорит по необеспеченности.) «Голос» говорит, что попы не могут проповедывать, ибо не обеспечены *****. Но это не то. Обеспечить их надо, но желательно бы было в них видеть и подвиги самоотвержения, ибо где же их увидим?

(и без нигилизма и без закона божия можно преподать самое скверненькое вольномыслие).

А между тем 10 попов на юге отказались.

Поп застрелился, а что будет дальше, в монастырях? Есть они, есть, и я знаю таких, но надо, чтоб их было больше. Надо, чтоб не замирала в них мысль. Есть такие (положим, и того довольно, что есть).

А тут проекты Елисеева. //

Программа 1-го №
— Доктора.
— Бал.
— Колония.

---

* *На полях слева:* Политик‹а›
** *На полях слева:* Попы
*** *На полях слева:* Спиритизм
**** *На полях слева:* Капитал
***** *На полях слева:* Попы. *Несколько ниже повторено*: Попы

В том же 359 № «Голоса» *заседание покровительства животным*. Оно прекрасно, потому что имеет нравственно-воспитательную цель и привьется к обществу непременно. Мужики бьют по глазам. Сидит на телятах (гадко). Фельдъегерь в 37-м году, в затылок — это гаже. Тогда не могло существовать общество *. [Теперь] А теперь может, потому что теперь никого не бьют в затылок; или бьют? Женщина и четверо детей просят. Грудные на руках, с ручкой ходят. Или забивают жен в волостях, а тут собираются о том, чтоб бродячую собачку, ежели надо умертвить, то как-нибудь хлороформом! *Все прекрасно, и хлороформ прекрасен, но как бы это сделать в меру и в равновесие со всем.* А тут как подумаешь о птенцах воспитательного дома, и сравнишь судьбу их с собачками с хлороформом. Мужик сострадателен, про мужика скажу, что он научит даже членов отдела, но есть моменты, когда он теряет терпение. Я не про затылки одни говорю. Ну вспомните Антона Горемыку. Вспомните факт, что вывел в поле детей и всех заморозил.

Тоже и корм скоту: вот // их лошадей продают по 2 руб., потому что кормить нечем. А коли самим вдобавок нечего и есть?//

И потому все прекрасно, а потому как бы это все в меру устроить..? А впрочем, нравственно-воспитательная цель, и действительно так, действительно так, да здравствует общество.

А мужик, как читали лет пять назад, осужденный в 15 р. штрафу, да и 10 р. страшно за мгновение нетерпения.

Собака умирает без сознания. Это не гильотина и приготовление к ней (6 недель) ([Victor] смотр⟨и⟩ бессмертн⟨ое⟩ произвед⟨ение⟩ Victor Hugo), не виселица — в тех странах, где так особенно процветают общества покровительства животных.

И вообще последний вывод: Ясно, что общество имеет предел своей деятельности, тот забор, о который оно наткнется и остановится. Этот забор — есть нравственное состояние общества, крепко соединенное с социальным устройством его, способствующим делу. Когда общество само станет нравственнее, то само будет более любить животных и станет гуманнее **. Вот тогда-то и надо преследовать жестоких, вязать у них *руки* и перевоспитывать их по возможности — потому что они жестоки будут уже не имея извинений или мало имея их. Если же не иметь того в виду [и идти] теперь и идти напролом на забор, карать сплошь [кулаком вводя нравс] жестоких, то это значит кулаком вводить нравственность, а стало быть стукаться лбом о забор. А посему да уцелеет чело общества и да здравствует общество, ибо нравственно-воспитательная цель (смотри выше). //

«Голос», № 359. Вторник, 30 декабря.

Статья: Заграничные известия. Поставлены числа сроков французских выборов в Сенат и в Палату депутатов.

16 янв⟨аря⟩— выбор делегатов для избрания сенаторов.

30 января — выбор сенаторов.

20 февраля — палаты депутатов. Вероятно нового стиля?

Тацит, бунт легионов в Панонии, солдат — мим, Вибуленус, плакал и рыдал неподдельно, отдайте брата, а брата и не было***. Всю жизнь молчал и раз сыграл комедию — выразил всего себя, того только и надо было. Это был актер.

---

* *На полях слева:* !!! Непременно !!!

** *На полях слева:* Непременно !!!

*** *На полях слева:* Тут

NB. По поводу театра: что такое актер, Vibulenus. Актером родятся. Vibulenus ничего не мог получить и власти не искал. У Тацита объективно и не объяснено. У нас тотчас же бы закричали; непонятно, но непонятность от своего ума, тупости, да то, что у нас считается понятным, наворачтают вздору, и кто: первейшие!

Типы бывают вековечные. А [вы] у вас одно лишь: среда заела. (...tout autres que Dieu ne les a faites et qu'elles ne sont réellement) *.

1793 год, это было время матерей Гракхов.
У меня есть Тацит этого года. Quai des Augustins. //

Иванища вредны.

Но как странно: мы, может быть, видим Шекспира. А он ездит в извозчиках, это, может быть, Рафаэль, а он в кузнецах, это актер, а он пашет землю. Неужели только маленькая верхушечка людей проявляется, а остальные гибнут (податное сословие для подготовки культурного слоя). Какой вековечный вопрос, и однако он во что бы ни стало должен быть разрешен.

Чтение для детей Щербинской. «Голос», см. ниже.

Только одна середина кричит; теперь деньги, а не талант, только одна середина боится и отчаивается, а, наконец, кончает уважением и преданностию. Порядочный человек не может разделять этих мыслей**.
Сабуров.
А порядочных, может, более, чем мы думаем. Вот этот фельетонист, если б его подкупил Овсянников, взял бы он 50 000 или не взял. Может быть, не взял бы, зная, что это может профильтроваться, открыться. Ну, а если так дать, что ни за что бы не открылось? Знаете, что, может быть, не взял бы. Он фанфарон, он плут, он Vibulenus, а пожалуй, не взял бы. Значит, кроме плутовства и актерства, есть и благородство. Да есть и, может, гораздо больше, чем мы думаем ***.

Лермонтов, дурное лицо, в зеркало ****. Байрон — жалкая хромоножка. Обеспеченность чести и личности. Кроме анекдотов о Кони — о избитом ученом извозчиком: «Ничего не будет!» и уехал. Не жаловался чиновник. Да и что же бы он сделал, когда сорвал каску?
А кстати, чем обеспечена честь и чем заменить дуэль? Лучше всего не иметь чести — как преподавало начальство в 30-х — 40-х годах. Но если привозили шпагу, то привозили и Европу. А дуэль вовсе не глупость: те, // которые отрицают ее, излагают только мысль, но *не завершившуюся*, а дуэль есть факт с начала века. Генералы же, говорившие о том, что шпага дана вам для защиты отечества, не знали или забывали о том, что те, которые обнажали ее для защиты своей чести, те-то и сумели стоять честно перед врагом, а люди спокойные и Пироговы оказались только интендантами и «скептиками».

Как 8-е сентября
Мы за веру и царя и т. д. и т. д.

---

* совсем иные, чем их создал бог и каковы они на самом деле (*франц.*).
** Набережная Августинцев (*франц.*).
*** *На полях слева:* Вступление. Бал. Все подерутся
**** *На полях слева:* Здесь

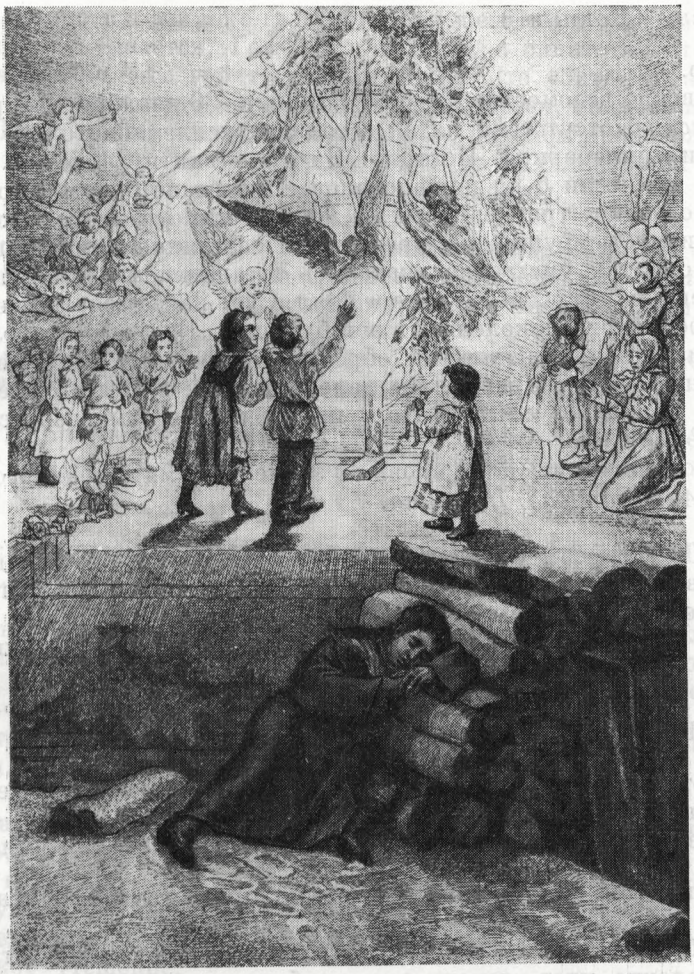


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЕЛКЕ»
Рисунок В. В. Часовникова
«Живописное обозрение», 1885, т. II, № 51

Елка, ребенок у Рюккерта, Христос, спросить Владимира Рафаиловича Зотова.

Те, которые не имели крестов на шее или по крайней мере в петлице, те в случае опасности, разумеется, погибали бесследно, но [уже] таков был закон природы, и никто не жаловался. Не то *теперь*. Кресты не спасут вас, ничто не спасет *. Вдруг оказывается на гуляньи на ваших взрослых девиц: освидетельствовать их...

Положим, он был жестоко наказан.

Но в Москве тоже **.

В «Русск⟨ом⟩ мире» верх невероятности.

Да это у меня с натуры!

А если б они были с изъяном?

Извозчик и т. д.

---

* *На полях слева:* Необеспеченность личности

** *На полях слева:* Здесь

Церковь — Кони и т. д. //

Ab ovo.

«Московские ведомости», № 329. Вторник, 30 декабря. Корреспонденция «*Теймс*» об отсутствии пятен в солнце с усилением холоду на земле.

Извозчик бил барина. История. Барин — вид профессора. Не жаловался. Но что, если б он пожаловался. Ничего не будет. Порют у себя жен. Ведро водки, три целковых.— *Дали власть самосуда.* Но если они были так измяты и унижены крепостным состоянием умственно, то как же вдруг они так умственно оказались трезвыми, что им дан самосуд. Самосуд вещь не текущая, не теперешняя. Суд, как идея, выше мужика, выше современного поколения, в нем будущее. Будущее не должно портиться и мараться, иль уж так обречено поколение? Широкий взгляд, согласен, но тяжело. Правда, мы далеко живем, в Петербурге. Посекут бабу, ведь крика не услышим Но у нас мужики и сами дерутся...

Почему не кликнуть клич вновь по земле на память великого русского человека *Алек⟨сандра⟩ Пушкина.*

Почему в «Голосе», у которого 15 000 подписчиков, не открыть такую подписку в двух строках, возобновляемых в 1-е число каждого месяца.

В газете «Голос» открыта постоянная подписка на памятник Пушкина, впредь до восполнения необходимой для сооружения памятника суммы.

Почему всем другим газетам не выйти *с ручкой*: мы, дескать, настолько ретроградны.

Кто этот подписал 1 копейку Лермонтову, почему его имя не объявлено, если он сам его выставил. Il faut avoir le courage de son opinion *, и имя его запомнила бы вся Россия. Запомнила же Греция имя Ферсита.

Это милостыня постоянная, постоянно протя//нутая ручка стыдила бы наших дураков.

Может быть, многие хотели бы дать, но не знают, куда дать. Теперь новое поколение идет, теперь, может быть, и дадут.

Студентов 117 — не внесших плату за слушание курса. Семинаристы, бедные люди. А где же дворяне?

!Крушение вагонов!

Крушение поездов с вагонами (рекрутов) есть дело государственное, а не одних только акционеров той дороги, где происходит несчастье. Да и не одних акционеров: если б акционеров, то еще можно бы примириться. Их много, они набивают карман, значит мне приятно, что они набивают карман из государственной идеи, что прибавляются капиталисты, и хоть у меня сломана нога, а все-таки мне приятно: способствовал-де *ногой* набивке карманов капиталистов. Но тут совсем и не о [капиталистах] акционерах дело, а просто о нескольких торжествующих жидах, христианских и нехристианских, вот этих-то я не могу перенести, и мне грустно.

Голубев? Сначала я негодовал на Незнакомца.

Как они ни вертелись перед судом (т. е. их адвокаты, а все-таки мне было неприятно).

Ведь до чего ж это дойдет? сказал Салтыков.

Но теперь нет, теперь я это оправдываю, т. е. не то оправдываю, что Голубева обидели, именно Голубева. Какое мне // дело до Голубева?

* Надо иметь мужество для собственного мнения (*франц.*).

Громкого Голубева, широко-газетного Голубева! Нет мне до него дела. А как он ни называется, Голубев или иной, а сидит там этот человек, или эти человеки, что губят сотнями рекрут (те убиты (3) а 65 *только* сгорели!). Какое мне дело до того, как он называется, Голубев или Неголубев? Тут Голубев был не лицом, а символом, началом произвола, эгоизма, рабского подобострастия и нахальнейшего из нахальнейших отношения ко всем, которые не имеют *специальной* защиты.

Я говорю специальной за⟨щиты⟩.

«Русский мир», 1-е января. Корреспонденция из Самары в «Совр⟨еменных⟩ известиях» о вбитии кола в мертвеца. Присяжные *оправдательный* приговор. Такие приговоры укореняют лишь предрассудки.

Местная печать. Газета «Сибирь». Справиться в «Отеч⟨ественных⟩ записках» («Профанны») (? в «Гражданине») и проч.

Тацит, Annales Liv. I LVII, Car chez ces Barbares le plus déterminé est celui sur lequel on compte le plus *. Bismark (сказано про Арминия). Верно до сих пор.

Tibère: il versait l'amertume sur ses meilleures actions ** (Тацит, Liv. I стр. 189).

Островский и Шекспир, а было время, когда этому поверили, впрочем всего один человек поверил, да и то, как говорят, сам автор. Но ведь верилже, ведь было же произнесено слово Шекспир, и вдруг такое иссякание.

Надутости в Гусеве хватило бы на двух Авсеенок, виноват, на пол Авсеенки.

Нет такого прекрасного, чтоб не нашлось еще прекраснее, и нет такого дрянного, чтоб не нашлось еще дряннее ***.

Едет извозчик.

— Хуже твоей лошади, должно быть, нет.

— Нет, есть и хуже.

Великое утешение.

Лексикон Березина. «Достоевский был редактором „Русского мира", чем окончательно уронил себя в публике» ****. Сим объявляю, что я никогда не был редактором «Русского мира» и в почтенной газете сей не участвовал и что почтенному издателю это померещилось. Я знаю, впрочем, что это известие принадлежит одному из [его] сотрудников издания, [почтенному г. В. З⟨ото⟩ву] тому самому, про которого еще в 60-х годах мне рассказывали, что он и на извозчике едет-то книжку читает, до того торопился он, не теряя минуты, приобретать всякие познания. Писатель, впрочем, сей далеко не пошел. [Но] Напротив, излишнее приобретение слишком уж всяких познаний, может быть, произвело некоторый (временный) беспорядок в уме его и рассудке, и № в этакую-то минуту я и подпал под перо его. Желаю ему доброго здоровья.

Отделение критики. Отчего почти никогда не пишут об архитектуре?// Ибо надобны хоть какие-нибудь да познания (классический век. Ионический ордер. Колонна — изображает собой тело цветущего и краси-

---

* ибо у этих варваров пользуется наибольшим доверием тот, кто сильнее всех (*франц.*).

** Тиберий: даже лучшие его действия были омрачены горечью (*франц.*).

*** *На полях слева:* Бал

**** *На полях слева:* О направлении

вого молодого человека, а колонна коринфского ордера — стройное девичье).

Чем я уронил себя. Я был год редактором «Гражданина» и, приняв журнал с 1000 подписчиков, через год оставил его с тремя тысячами. Вот уже признак, что не уронил себя в публике. А если хотите в чем уличить меня, то пусть найдут хоть строчку, подписанную мной, неблагородную. Это славянофильское-то направление неблагородное? Его могли назвать всем, чем угодно, но только не бесчестным, г. читающий на извозчиках. Так же точно в «Новом времени» изменили за деньги. Статья Льва Толстого, про него ни слова, а мне польза. Нет, напротив, Лев Толстой напечатал лишь самую суть своих убеждений, а я лишь роман, поэму, образный вымысел *. А почему вы знаете мое направление (не я пришел, а «Отеч⟨ественные⟩ записки» взяли моего духу). Знаете, г. либерал, что я либеральнее вас. Или вы думаете, что славянофилы не либеральны? Но вы все до того отвлеченно, до того витаете в пространстве и в облаках, а напротив, если б мы были где-нибудь при Тиверии или Меттернихе, то вас поощряли бы, давали бы вам кресты, и толстые журналы ваши каждый месяц шлепались бы на нас, как... Другое дело славянофилы; эти требуют многого, и они непримиримы [их]. Они требуют твердых оснований. Их при Тиверии или Меттернихе их бы всегда не любили [больше], цензура и подозревала, и крестов не давали бы... Да и не возьмут они их сами за убеждения... Там дело чистое, убеждениями не торгуют. Вот что, г-н [Нез.]. Не понимаете вы, что говорите. И так и не будете понимать этого множество лет. //

Возьмите отчет об Обществе пропаганды, к которому я имел несчастье принадлежать, там слишком ярко обозначено, как я умел себя держать, не поддаваясь на выгоду. Не Федора Достоевского вам упрекать в перемене убеждений.

Но вы скажете, теперешний Достоевский и тогдашний не то **, но, приняв убеждения [славяно] иные (христианские и несла⟨вя⟩нофильские) и соединясь по возможности с нашим народом (еще в каторге я почувствовал разъединение с ним, разбойник многому меня научил) [я несколько], но я нисколько не изменил идеалов моих и верю, но лишь не в коммуну, а в царствие божие [В этом я поспорю не только с вами]. Вам меня не понять, и потому я не объясняюсь точнее, но знайте, что я все-таки «либеральнее вас» и даже гораздо. [Вам] Ибо даже либерализм таких, как вы, есть бессмысленное ретроградство. Я принадлежу частию не столько к убеждениям славянофильским, сколько к православным, т. е. к убеждениям крестьянским, т. е. к христианским убеждениям ***. Я не разделяю их вполне — их предрассудк⟨ов⟩ и невежества не люблю, но люблю сердце их и все то, что они любят. Еще в каторге.

Не у подписчиков, а упал в глазах честных людей [ну этого рассужд], т. е. что подписчики «Гражданина» принадлежат к разряду бесчестных. Но такого рассуждения я уже не допускаю совсем.

Он может отрицать во мне всякое дарование (этот почтенный человек), но находить в строках, писанных мною, что-нибудь, чем бы я мог унизить себя...

Но у нас не Тиверий и не Меттерних, и мы, слава богу, еще очень ды шим//

---

* Нет, напротив ∽ вымысел — *на полях слева*:
** *На полях слева:* О направлении
*** *На полях слева:* в поле вернее

О цензуре.

Мы неограниченная монархия и, может быть, всех свободнее. Таких народов (т. е. сходных), как мы, только три. При таком могуществе императора, мы не можем не быть свободны. Подконец *.

Тирания и свобода.

Наполеон III употреблял силы на укрепление династии, а мы нет.

И как этот мужик Марей трепал меня по щеке и гладил по головке. Я это забыл, т. е. не забыл, а только в каторге припомнил **.

Эти воспоминания дали мне возможность пережить в каторге.

Я потому это все написал, что мне все это, наконец, надоело.

Но довольно же, довольно, хотя это именно относится к «Дневнику», потому что это все волновало меня.

Он к людям на праздник приходит угрюм,
К гробам их подходит с улыбкой.

NB. Под престолом у Спаса ***.

Павлуша.

Елка. Мальчик.

Я начинаю с рассказов неестественных и фантастических. (Я к ним ездил — подождите, в два места, на бал и в колонию.)

Мальчик с ручкой.

Елка в клубе.

Танец. Танцы замужних.

Поездка в колонию.

Все об детях, все об детях. [Разговоры] А об Овсянникове.

Разговоры об случаях обеспеченности. Вагоны, полицейские истор<ии>. Голубев.

Направление.

Критика.

Политика.

(Страхи перед провинциальной печатью.)

Ничего не делают.

Новые поколения.

Гусев. Павлуша.

Коронат. Филонов.

Народ. Дворянство.

1) Доктора. Заседания покровительства животным.

Будущее России;
будущее Европы. Война

Об народе — волк.//

Вл. Зотов. Я любовался такою ученостью, но я никак не предполагал таких чувств ко мне.

Ви-ишь! И тронул мне концом пальца угол дрожавшей губы (животинку-то остановил) ****.

---

* *На полях слева:* ! непременно !

** *На полях слева:* Непременно

*** *На полях слева:* ! Бал !

**** *На полях слева:* Здесь

Белинский в каторге,— я благоговел.
Некрасов (повесить в избе Белинского).

Кстати: люди книжные. Елисеева проект о 2-х попах.

Американская дуэль; какая низость, какая мерзость! *

Дуэль. В человеке, кроме гражданина, есть и лицо. Судья судит гражданина и иногда совсем не видит лица. А потому всегда возможно впечатление этого невидимого лица, которое остается только с ним, и судья ничего в нем не увидит. Даже закон не предусмотрит всех тонкостей. Но отнять лицо у гражданина и оставить только гражданина нельзя: вышло бы нечто хуже коммунарского стада.

Есть преступления и впечатления, которые не подлежат земному суду. Единый суд — моя совесть, то есть судящий во мне бог; но это совсем уж другое **.

Дочь Жорж Занда выходила замуж, был муж (не дрался), у Белинского: да каких же вы детей хотите от ваших подлых, вонючих браков? Но дочь Жорж Занда краснела за мать.//

Вступл⟨ение⟩. Безмерное самолюбие и самомнение не есть признак чувства собственного достоинства.

«Овсянников на скамье подсудимых». Овсянников виноват бесспорно, но этот жар гражданский, возросший не в размерах. Было множество дел, которые могли возбудить жар гражданский, но они прошли бесследно, их не хотели даже заметить, но тут миллион. [Сколько жар] Тут и не нахальство Овсянникова, жар гражданский не обидится и нахальством. А миллион, просто миллион — вот в чем беда. Дескать, миллион у Овсянникова, зачем [же] не у нас. Дави Овсянникова.

Как смеют у него быть миллионы, зачем не у нас, дави Овсянникова.

У нас сейчас есть Лёв Толстой,
Сей Лев породы царской.

Два чрезвычайно странные стиха, и против которых никто не протестовал. Напечатано в декабрьской книге «Русского вестника», в которой объявлено публике о продолжении сотрудничества графа Льва Толстого.

Или — два чрезвычайно глупые стиха. Осмеливаюсь [об] думать, что, сделав это замечание, нисколько не посягаю на великое значение великого [таланта] дарования графа Льва Толстого. Напечатаны эти два странные стиха в декабрьской книге «Русского вестника», в котором и т. д. Но тут не реклама, тут наивность. Тем [особен] и замечательно.

Граф Лев Толстой — конфетный [талант] талант и всем по плечу.//

Вступл⟨ение⟩. Эх, боже, да зачем же и жить, коли не для гордости.

Республика уже тем одним необходима Франции, что только одна она может избавить Францию*** от двух бед, которых она всего больше боится : от войны, возмездия Германии, которую одна лишь республика не [пред] рискнет предпринять, и от коммунизма, ибо [соседи] республиканцы соседи коммунарам, а политические соседи всегда враги друг другу даже и [в дружбе] во время дружбы, и т. д. Это необходимо объяснить.

---

* *На полях слева:* Здесь !!!
** *На полях слева выше и ниже этой строки:* Надо!
*** *На полях слева:* Надо. Политика

«Голос», № 4. Воскресенье. Характерное убийство в Семенове Нижегородской губернии (в противуположность Павлуше, которому не померещится). Нужно наблюдать природу человека во всех ее видах. Я люблю тех, которым мерещится.

Там же из Вятки насчет тяжбы крестьян с Калининым.

О сокращении водки в Самаре и корреспонденция из Парижа о политических делах (для точности).

Но и в самом свирепствовании против Овсянникова слышалось не негодование против миллионов, а скорее поклонение миллионам. Не придали бы им в таком случае такой суеверной важности.

«Московские ведомости», № 3. Продолжение Политического обозрения Европы (подробнее чем где-нибудь выяснены факты). // .

Э-эх, зачем же и жить, как не для гордости! Я ухватил это простодушное восклицание, редко, но все же задум[авшегося]ывающегося [раз] иногда человека.

Типично и характерно. Вся эпоха!

И кто боится социалистов, коммунистов и коммунаров — все они ничем не пожертвуют для пользы общей, никто.

О пожертвуют сначала, впопыхах, как стадо баранов, но единственно, чтоб не отстать от других, т. е. из гордости и тщеславия, но мигом опомнятся и разграбят и разгромят друг друга во что хватит силы.

И потому, хотя коммунизм наверно будет и восторжествует, но мигом провалится. Утешения, впрочем, в этом немного.

Для него другое племя надо.

Идеал коммунизма и христианства.

«Овсянников на скамье подсудимых!» В Париже больше бы настучали и поскорее бы забыли. Легкомысленны? Нет, больше со вкусом. Да и жизнь наша не так скоро разгорается. Народ и мужики массой стали знать и разговаривать об Овсянникове лишь в конце процесса.

Народ — не все извозчики. А может, и несправедливо? Задумывались из них иные *.

Как можно? Присяжные, гласный суд. Э-эх, задумывался он [но], и уж не хая гласного суда и не сомневаясь, а так об жизни: «Был, дескать, человек, и вот!» И уж если б нуждался Овсянников в баранках и калачах, то сколько б ему натащили. Я не смеюсь. Ужасно прощает народ, и не один простой народ. Этого нет нигде. Жан Вальжан, Германия, все свидетельствуют. О, пока у разбойника нож в руках, он с ним борется, не прикроет его, выдаст и отыщет, но чуть изобличен — прощает. Каторга. Отказ от общества, от мира, от свободы. //

Ничему не удивляться есть уже разумеется признак глупости, а не ума.

Воспитатели, независимый вид. Я любил бы этот вид собственного достоинства гораздо более, если бы в нем было более простоты... и в самом деле достоинства, а то — **

Необычайная беззастенчивость, но мало ласковости. Я ведь не говорю ласкательства. Ласковость есть только искренность, и ласковым может

* *На полях слева:* Потугин

** *На полях слева:* Это ! Непременно ! Это !

быть даже самый порочный ребенок... и взрослый преступник. Но взрослый преступник больше видал, чем малый ребенок, он более ценит доброе, чем этакой ребенок? Этот видел лишь мир вверх ногами, в новом виде и свете.

Все проедены самолюбием и даже не исключая писателя Григория Данилевского, Л—ки.

«Голос» о действиях в Средней Азии, новое поражение Автобачи Скобелевым.

Дон Кихот, люди из киселя. Несколько тысяч убитого неприятеля и 1 уб⟨итый⟩ из наших. Эривань. Славны бубны за горами (вставить в мнение об увеличении наших средств в Туркестане). Кауфман все ездит.

О духовенстве, о проекте требника и проповедника. Свящ⟨енник⟩ Переверзев семерых детей, в том же «Голосе».

«*Голос*». Вторник, 6-го января, № 6.

Казалось бы, достаточно в Туркестане трех рот вместо 27 000. Послать 5 человек на ханство, и они «молодецки» исполнят дело. //⟨...⟩

Отрицание необходимо, иначе человек так бы и заключился на земле, как клоп. Отрицание земли нужно, чтоб быть бесконечным. Христос, высочайший положительный идеал человека, нес в себе отрицание земли, ибо повторение его оказалось невозможным. Один Гегель, немецкий клоп, хотел все примирить на философии и т. д.

«Гражданин», № 1. Петербург. Летопись. Крушение поездов*. Мелкие людишки — выходи из вагона, выноси на рельсы, если б не было кому заступиться, да и ничего не выйдет. Голубев. Дороги, да ведь это дело народное, общее ⟨...⟩ О Петр Великий, того ли ты хотел. Но, конечно, того! Конечно, того! Ибо должен же был ты понимать, если ты был гений, что дело [тем] именно тем, а не чем другим должно было кончиться. Но все-таки за что же жена, дети мои должны погибать на поездах, а если [если] я крикну, что они погибли, то тотчас же является надлежащая власть, не простая, а государственная, и вас кладут на платформу станции, и поезд трогается, и начальник станции сует вас, кто бы вы ни были, со всеми горестями и обидами вашими, в каталажку до следующего утра...Черт возьми! Никогда еще ничего подобного не было на Руси! //

Банкротство консервативной партии, бойцы были Катков и Леонтьев— устарели. Н. Данилевский, написав правильную книгу «Россия и Европа», уехал наслаждаться ботаникой вместо того, чтоб стать бойцом за правду. Славянофилы в Москве исчезли. «Русский мир», позор бессилия и неумения вести дело.

Похороны генералов, 6 медных пуговиц. Что было при жизни **. Бархатные подушки, ордена. Заронить по себе мысль, оставить доброе воспоминание, звук.

«С.-П⟨етербургские⟩ ведомости», 7-го января № 7. Статья о всеобщей военной повинности в Японии. Манифест микадо (в высшей степени любопытный) и ***.

---

* *На полях слева:* И это *Несколько ниже:* Необеспеченность!!

** *На полях слева:* Бал

*** *На полях слева:* Китай, политика

— отзыв об одной брошюре о том, что будет весной 1876 года. Враки «С.-П⟨етербургских⟩ ведомостей», ибо, без сомнения, республика, если устроится, имеет силу отразить Германию. Нападение отражается лишь единством. Враг отражается лишь согласием.

У нас цивилизация началась с разврата *.

Всякая цивилизация начинается с разврата. Жадность приобретения. Зависть и гордость. Развратом взяла реформа Петра Великого.

«Московские ведомости». Января 6, № 5. Заявление на станции Воронеж (из газеты «Дон»). Ростов Донск. Воронежск⟨ой⟩ дороги. (Перечень событий прошлого года.)

Делай, что угодно и, может быть, даже совсем не от небрежности, лености, равнодушия или свинства, а поживут еще даже и из насмешки. В вагоне г⟨... ⟩ чистят ли? Да и так доедут? Доедут, Ив. Серге⟨ич⟩? **

— Доедут, батюшка Сергей Иваныч, почему ему не доехать.

Улыбается Ив. Серг. А всамдели не чисти, вот посмотрю-ка я. //

Да и что мне в Голубеве? Г-на Голубева я [не знаю] совсем не знаю; я говорю лишь об идее и потому назовем его Воробьевым. Итак, Воробьев бунтует, Воробьев обижается, Воробьев разбойничает... ***

Лембке Розенбаума.

Но Воробьев уходит, хочется побунтовать и Подворобьеву, чиновнику помельче.

Да этаким манером «их сколько хошь извести можно», как говорил в мировом суде гусиный гуртовщик про гусей, когда извозчик переехал умышленно колесом его гусю [горло] длинное его горло.

Злоба на железнодорожные порядки наши нарастает все сильнее и сильнее.

Искусственное возбуждение социализма есть (и у нас),— наши юноши уже 30 лет идут (за это) в ссылку за эти бредни. Ибо если там, в Европе, и вопрос, то у нас бредни. У нас много своих социальных вопросов, но совсем не в той форме и совсем не про то. Во-вторых, у нас ужасно много совсем нового и непохожего против Европы, а в-третьих, у нас есть древняя нравственная идея, которая, может быть, и восторжествует. Эта идея— еще издревле понятие свое, что такое честь и долг и что такое настоящее равенство и братство между людьми. На Западе жажда равенства была иная, потому что и господство было иное.

Извозчик — *перочинным ножом*. Зараза беспорядка. Я его видел.

Бал, собирались радоваться, нет, не радуются, да и только.

Бриллианты *.

Костюм выше, красота.

Показаться красивее. Значит показать, как я понимаю красоту, как я развит, как я это усвоил.

Нет, на бал ехать женщине задача.

Потугин говорит, что любит Россию. Ну, вздор. Нас-то не надуете. //

---

* *На полях слева:* Бал

** *На полях слева:* ! Необеспеченность!

*** *На полях слева:* Необеспеченность

Бал, генералы поумнели... *
Но это очень, очень трудно.
Тип Петрушки.

Вуйки, не выйдете замуж.

Петрушка с вставками (театр живое дело).

Процесс Овсянникова. Осудить балы.
А сколько бы веселых —

Да... если б капуста росла,
Огород бы был, конечно!
Что говорить.
Мы разошлись.

Кажется, актер Григорьев 2-й (карикатуривший купцов, но весьма недурно) позволял себе иные вставки (с чьего разрешения не знаю).

Портниха может только оглуплять еще больше *.
Дома — едят. Долги.
Пищеварение есть [пор] та дань...

— Да поймите вы гораздо лучше... Ваше превосходительство.
О рекламах, о «Котенке Киске».

Нет, скорее Собрание полетит, чем Мак-Магон **.
Да и Франция всегда, во всю историю своей революции (кроме 1-го собрания 89-го года) не уважала собрания, ею же выбранные, и всегда предпочитала и поддерживала всех, кто взнуздывали ее собрания, и разгоняли их, продукты же этих собраний, конституции и законы, ими изданные, все летели к черту (не уважала Франция свои собрания). Бунтовщиков же, захватывавших власть, всегда слушалась. Так и теперь: [собр] разлетится собрание, но солдат останется.

«*Голос*». Четверг, 8 генваря, № 8. Разбор «Котенка Киски», работнику нужна только грамотность.

Жизнь скучна [для ну] без нравственной цели, не стоит жить, чтоб только питаться, это знает и работник. Стало быть, надо для жизни нравственное занятие. //

Либералы. Они связали себя как веревками и, когда надо высказать свободное мнение, трепещут прежде всего: либерально ли будет? Все трепещут, все до единого и выкидывают иногда такие либерализмы, что и самому страшному деспотизму и насилию не придумать.
Главное, что у нас либералы совершенно не знают иногда, что либерально, что нет.

Война. Парадокс. Нет, война лучше теперешнего положения общества.— Я в смысле, чтоб не на ферботе *** ее.

Бал. Подерутся. Петербург. Газета о драках в Москве, их можно назвать славянофилами, только практически они поверили, что можно, на-

---

* *На полях слева:* Бал
** *На полях слева:* Политика !
*** Verbot (*нем.*) — запрет.

ДОСТОЕВСКИЙ
Гравюра В. Н. Масютина, 1927
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

конец, сбросить европейские формы, что это уже позволяют, что это хорошо.

Чичиков — формы любит и Сквозник-Дмухановский, и он [од] знает, что эта форма хороша, хотя в домашнем быту он кулачник,—и хороша именно тем, что на него не похожа. Он любит и уважает ее за это. Вообще в бале много идеала. Это хорошо, чем идеальнее, тем лучше, но идеал не полон.— *Если б простодушие.* Молодежь танцует, а взрослые играют в благородство.

«Голос». Четверг, № 9. Января 9. Известие о Чихачеве, директоре Русского общества. 1) О том, что министр путей сообщения — крайнее неудовольствие — за сокрушенный поезд с рекрутами. 2) Известие о *жене*, вытащенной из вагона начальником станции (он считает себя всевластным, он настолько дерзок и необразован, что считает себя тут компетентным). 3) О краже из кельи архимандрита Виктора 180 000 р. //

Господи, благодарю тебя за лик человеческий, данный мне. (В противуположность самоубийцам.) *

---

* *На полях слева:* Вступл⟨ение⟩

Вы чувствуете, что это (мир, звезды) не выше вашей мысли, и за это счастье чувствовать это вы обязаны лишь вашему лику человеческому.

Вступл⟨ение⟩. Желательно к нашим батюшкам «еще и до прибавки жалованья прибавилось духу».

Я никогда не мог понять смысла, что лишь $^{1}/_{10}$ людей должны получать высшее развитие, а что остальные $^{9}/_{10}$ служат лишь матерьялом и средством. Я знал, что это факт и что пока иначе невозможно и что уродливые утопии лишь злы и уродливы, и не выдерживают критики. Но я никогда не стоял за мысль, что $^{9}/_{10}$ надо консервировать и что это-то и есть та святыня, которую сохранять должно. Эта идея ужасная и совершенно антихристианская.

Г. В. З⟨отов⟩ есть навьюченный книгами человек.

Но у него подконец все смешалось, и потому и обнаружилась неясность.

Когда появились «Бедные люди», г-н В. З⟨отов⟩ уже гремел в литературе, писал «Дочерей Карла Смелого», романы, повести, все это прошло бесследно, а я вдруг славу: г-ну В. З⟨отову⟩ тогда же стало завидно, и вот он мне и отмщает теперь известием, что я родился в 1818-м году. «Русский мир» унизил себя. У меня таких врагов много за ту внезапную славу. Он говорит мне про неясность (не подтверждая ничем, ни одним примером). На это я сделаю лишь одно замечание: неясность происходит не всегда от писателя, а от того, что у самого читателя [у] в голове [иногда] не ясно. Г-н В. З⟨отов⟩ есть навьюченный книгами человек, но теперь у него смешалось, вследствие чего и могла обнаружиться неясность. Ныне, впрочем, даже гордятся непониманием: человек смотрит на произведение художника и вдруг гордо говорит: я не понимаю, и проходит мимо [не считают]. Но непонимание сие, опять-таки может и весьма часто, происходит не потому, что непонятен художник, а потому что ты туп... Разумеется, сих резких слов я не отношу прямо к г. В. З⟨отову⟩, а утверждаю лишь, что у него неясно. //

Он, что говорится, навьюченный книгами человек. Вот от этой-то навьюченности могла * подконец образоваться некоторая неясность. Так что подконец у него уж все (у него) смешалось. Я лишь о происхождении неясности.

Некоторые произведения мои. «Слабое сердце» (самое первоначальное) [и написанное] помещено [одним] в последнем моем периоде моей литературной деятельности, гораздо позднейшем.

Правда, он может сказать с презрением: ну не все ли равно, когда вы родились? Так-то оно так, но все же для аккуратности.— Неряшество.

Маленькая страничка, и столько ошибок.

Говорю, разумеется, в самом почтенном для него смысле, но все-таки он из навьюченных.

Лексикон. И если в остальных статьях такая же неясность, то нельзя хорошо заключить об издании Березина, но полагаю, что издание все же лучше, и вот почему: статья г-на В. З⟨отова⟩ есть статья пристрастная (завистливая). Почему же не сказать, наконец, правду? Я серьезно хочу написать мои записки, но уже написать с полной правдой, но до сих пор боялся затронуть самолюбия (г. В. З⟨отов⟩, я никогда не имел удовольствия быть с ним знакомым).

Но почему же, наконец, не написать?

---

* *Первоначально:* Вот отчего в его способностях и могла.

Этот г. В. З⟨отов⟩ писал бесчисл⟨енные⟩ драмы. Все это прошло бесследно, протекло, как вешние воды, но лишь без пользы сих последних, ибо не напоило скудного поля нашей беллетристики. Вот тогда-то и появились «Бедные люди». Я знаю, что появление их уязвило и потрясло множество самолюбий, ибо «Бедными людьми» я сразу стал известен, а они протекли, как вешние воды... С тех пор некоторые люди (в литературе) ужасно не полюбили меня, хотя я вовсе не знал их лично. Кстати, г. В. З⟨отов⟩, я никогда не имел удовольствия —

Я серьезно хочу написать мои заметки. Кстати, г. В. З⟨отов⟩. *Я никогда* не знал и не имел удовольствия быть с ним хоть сколько-нибудь знакомым.

Я, конечно, употребляю слово «навьюченный» [употр] в самом почтенном для него смысле..., так сказать, в виде ученого..., так сказать, говоря как бы об ученом. Так что подконец у него все это и смешалось.

«Слабое сердце» к 60-м годам.

Тогда как к самому первоначальному периоду, к сороковым годам.

Но ведь если эти люди (Зотовы) стбят того, за мелкую тридцать лет продолжающуюся зависть. Но через эту ненависть сами они ведь не станут талантливее.

И уже одно то должно бы их было удержать, что через эту ненависть сами они не станут талантливее. //

Ф. И. Тютчеву, напротив, казалось «Преступление и наказание» выше. Я горячо защищал свое мнение.

У Виктора Гюго бездна страшных художественных ошибок, но зато то, что у него вышло без ошибок, равняется по высоте Шекспиру. Писатель не без таланта. Впрочем, Пушкин мог сказать это. Что за страшный вид лирическое французское стихотворение!

Иезуиты — война. Т. е. да будет брат, или будь всем брат, или голова долой (ou la mort). Бесконечная разница *.

Вагоны (хоть что-нибудь).

Общество сострадания животным.

Извозчик, бивший барина (ничего не будет!)

Тургенев. Собака. Этюд мистическо⟨го⟩ в человеке.

В Потугине: славянофилы и западники могли бы помириться.

Война.

И все. О спиритизме после.

Гамма.— Но неужели вы думаете, что гибель этих 200 человек не производит на народ омерзительно-вредное влияние своим цинизмом: все делать с деньгами можно, все сила ломит, все деньги купит, только в том правда и есть. Овсянников на скамье подсудимых.//

«*Московские ведомости*», *января 10*, *№ 8*.

Обозрение за прошлый год (суды) и проч.

Дело об оскорблении врачебно-полицейским надзирателем Федором Ивановым дворянки Розенфельд (освидетельствование честной женщины). Приговорен в исправительное заведение на 2 г. 9 мес. Подробности о крушении поезда с новобранцами **.

«Голос». 11 января, № 11. Воскресенье.— Фельетон Гаммы по поводу самоуправства железнодорожных компаний.

---

* *На полях слева:* Война

** *На полях слева:* Здесь

Status in statu.

О если б это (Литвинов, султан Абдул) — был психологический этюд. Порисоваться думал над бедным существом. Зверская жестокость.

Чем кончатся случаи с керосиновыми лампами. Ни одной газеты нельзя прочесть без... дети горят, взрослые...
полы и проч.
более предохранительное и несгораемое.

Нет, война благороднее.

«Московск⟨ие⟩ ведомости». Января 14, № 12.
— Проповедь против спиритизма.
Корреспонденция из Петербурга об обязательном обучении.
— Передовая статья из Петербурга об обязательном обучении.
— Передовая статья о бессарабском земстве, запретившем латинский язык в женской гимназии.

«Голос». Пятница, 16-е января. О падении наших курсов за границей с беглым исчислением причин.

Славянство и роль России alma mater. Отзыв Божидаровича. ⟨...⟩

Да здравствует великорус, но пусть он больше думает о себе.

Победить великодушием. Война.

Россия со времени того, как вошла в состав Европы, ущербу Европе не нанесла, а лишь вся служила Европе нередко в страшный ущерб самой себе. Надо признаться, что вступление наше ⟨в⟩ Европу во многом сбило нас с толку, с настоящего понимания своих целей, и до того, что теперь, может, уж и не возвратиться к настоящему пониманию.
Будущее России ясно: мы будем идти, может быть, без войны с Германиею — будем идти до тех пор, пока бросится к нам устрашенная Европа и станет молить нас спасти ее от коммунаров. Станет не молить, а требовать: ибо-де вы спасаете и себя, должны // спасти и себя. И тут мы, может быть, слишком наглядно в первый раз увидим, как мы не похожи на Европу и как разны у нас наши сущности... [так] и какую мы до сих пор сделали политическую ошибку, столь рабски записывая себя европейцами. А у коммунаров будущность. Это единственная европейская идея, имеющая там будущность; консерватизм.
Но об этом в следующ. Рос⟨сия⟩, о войне, о Китае.

Статья «Голоса». ⟨...⟩

Не увлечемся сейчас в войну.
Я говорю о будущности, более или менее отдаленной, ну так в $^1/_4$ столетия —

Не было бы России, обратились бы в жалкую армяно-григорианскую ересь.
Много ли выиграла Россия.
Даже европейские ее окраины стали не так крепки с начала нынешнего столетия, чем были они в конце прошлого.

Окончательная программа. Колония, Батюшки.

Спиритизм. Черти. Цензура.
О покровительстве животных.
О покровительстве людям.
Живио и славянство. Статьи «Голоса».
Обещание о войне. Березин.

Спиритизм — обращение камней в хлебы и умерщвление идеи и духа.

О покровительстве людям.

Не говорю водка, но что-то носится.

Вагоны — неужели не имеют влияния.

Ничего не будет.

Курьер — это одна из картин моего детства.
Марей. Картинка из детства, я об ней не думал, т. е. не забывал я, но раз, потом, долго спустя — о какое, мне снятся, и часто — и вдруг вспомнился Марей, право, иные детские картинки дают возможность посмотреть совсем иначе. //

Ничего не будет.
...Хлестнул лошадь и уехал
Разумеется городовой...
И как это странно: где городовой.
А вот только вот сейчас прошел. О полиции
2 мильона сколько-то раз, но...

Покровительство животным. Книжность и непрактичность в излишнем и спешащем жаре.
Я еще давно читал о страшно приговоренн⟨ом⟩ извозчике.

Я только хотел бы отметить идеальность и неналаженность нашего общества в каком бы то ни было практическом применении. Увы, мы были на 200 лет отучены от всякого дела, от опеки, в которую были взяты; и теперь только тем и спасаемся, что рабски копируем с иностранного, несмотря даже на явную неприложимость иностранного к нашей земле (о славянофилах).

Кстати, расскажу анекдот из моего юношества.
Фельдъегерь. Вот бы тут проповедовать гуманность. Главное ведь это не картина, а даже символ. В самом деле: он варвар, что так настегал лошадей, но ведь каждая плеть его была вызвана колотушкой ему же в спину, без колотушек этих он бы не стегал. Повторяю: это не картинка из воспоминаний, а символ, символ, вырезать на печати обществу, что картинка действительная, клянусь. Научите сначала быть с людьми гуманными, и тогда русский человек поймет, что надо быть гуманным и со скотами. Но теперь уж нет того, это в 37-м году — правда 37-й год далеко, но так ли это? Впрочем суды, барина нет, не берут ли, что хотят. И не посеется ли бесправица.

Поклонение деньгам, носятся грубые идеи, уничтожающие веру. В пожар крестьяне отстаивают кабаки, а не церкви. Вагоны,—[мальчик], перочинный нож. Да и мы сами, наши дочери в полицию.
Ничего не будет.

Надо кореннее браться за дело или сообразоваться с положением дела. Самарск⟨ий⟩ голод, и собака от хлороформа.

Ничего не будет.

Тем не менее дай бог идее всякого счастья. Тем более, что русский мужик гуманен. Марей.

Теперь нет фельдъегеря? Вы думаете? Положим, я вам уступлю фельдъегеря, хотя про себя знаю, что он только в новом мундире и никуда не пропал. Но вместо фельдъегеря есть что-нибудь еще хуже, есть зелено вино, есть 200-миллионный побор с вина и тут же рядом самосуд.

Есть еще кроме этого беспорядок идей, материализм — что вы [народ] думаете, не влияет Воробьев? Какие же тут гуманные идеи прививать. //

Спиритизм, *Березин*.

Иная наша либеральная газета есть именно тот напрасно поторопившийся капитан, забравшийся на средину в московском бале и гаркавщий на национальном наречии. [Увы] Бедненький! Он ведь в самом деле думает, что он — Европа. Милостивый государь, вы лишь капитан, а не либерал, вы национальны, и вас выведут. Выведут, милостивый государь, выведут! [Скоро, очень скоро, подождите].

Растет то *поколение*, которое сменит вас и неминуемо вырастет. Оно сидит теперь еще в 5-м классе гимназии, но оно подрастет и придет, и следа вашего тогда не останется.

Вы, вы только мешаете [либерализму] доброму делу.

Скоро будет. Уже подрастает поколение, которое будет гуманно, человечно и великодушно.

Библия принадлежит всем, атеистам и верующим равно. *Это книга человечества*. Если когда-нибудь исчезнет весь род человеческий

Кроме того у нас есть великая школа богословия, это наша обедня, открытая для всех.

Что есть молитва? Молитва есть возношение ума.

Ну кто из нас, например, силен в догматах.

Даже и специалисты-то наши в этом случае не всегда иногда компетентны. И потому предоставим специалистам.

И рвется печать, обличая железные дороги, а те-то там смеются, а те-то смеются.

Марей.

Общество покровительства животным.

Что же до [уме] забот об хлороформе, то мужику это покажется пока совсем непонятным, может быть даже смешным, что всего хуже. А на случай поймет, то укажет вам на своих самарских ребятишек, умерших с голоду у иссохших грудей матерей их, пока здесь господа сходились и рассуждали о хлороформе. Нет, ему пока еще не до хлороформа. А между тем я сам за хлороформ, не следует умирать идее! Я только [невпопад] хотел сказать, только и торопиться [слишком] не следует, не то книжно выйдет и мужик не поймет.

1) Перочинный нож.

Каска и профессор.

2) Сначала надобно хоть капельку тут положить порядка. //

Что-то носится, бесправие, мужик чем-то остервенен.

А над всем мамон ⟨...⟩, а главное все ⟨...⟩ вдруг поклонились.

Пусть это не Голубев; я не буду употреблять слово Голубев, г-н Голубев чист [и безгрешен], как голубица, и безгрешен, но зато Воробьев виноват! Какой еще Воробьев, кто такой? Не знаю кто, господа, и мне все равно, но есть такой Воробьев, который кутит и буянит, гноит товары.

Неужели вы думаете, что не проникло в народ, ведь он видит же, что можно сделать с деньгами.

Хлороформ. Не обращать прекрасную мысль в книжное дело и пощадить и мысль и себя.

Ведь главная мысль общества какая: наверно, не столько собачки [и коровки], сколько люди, огрубевшие, негуманные, полуварвары, ждущие света. Вы их осветить хотите, привив им гуманность даже к животным, не так ли? Так не лучше ли заняться прежде их положением и по крайней мере вникнуть: готовы или не готовы они обстоятельствами к восприятию вашей прекрасной проповеди. Будьте же погуманнее.

Но люди гуманны, я знаю это с самого детства, и опять-таки расскажу один детский анекдот.

№ 19 января. Мнение В. В. Гр⟨игорье⟩ва. Отменили везде в школах телесное наказание, прекрасно: но чего же *между прочим* достигли? Того, что в поколении * нашего юношества явилось много страшных трусов, боятся малейшей физической боли и до того, что при малейшей опасности, угрозе, или физическом страдании ** иные сейчас вешаются. [Тому много примеров] Стали страшно невыносливы ***.
Действительно всего вернее объяснить несколько подобных случаев с нашими юношами единствен⟨но⟩ трусостью. Но странная однако точка зрения на предмет.

№. Выгонят его из 4-го класса гимназии и — куда ему деться? Прямо идет в народ. Ныне ужасно много идет в народ и действует // успешно — не прежними утопиями и социальными [нел] нелепостями, которые народу были непонятны и смешны, а прямым призывом к бунту: «не надо, дескать, платить подати», и кончено. Это народ понимает.

Восточная (турецкая) пословица. Если ты направляешься к цели, начнешь дорогой **** останавливаться, чтоб [бросать] швырять камнями во всякую [пристающую к тебе] лающую на тебя собаку, то никогда не дойдешь до цели.

«Голос». Воскресенье. Дальнейшее об участи Перова. № 18, 18 января.

---

* *Над строкой:* нашем
** *Над строкой:* трудных уроках, экзаменах
*** *Над строкой:* тотчас падают духом, стреляются и вешаются
**** *Первоначально:* станешь

Закончу одною знаменательною и забавною турецкою пословицею, отчасти идущею к делу.

Библия. Эта книга непобедима. Эту книгу не потрясут даже дети священников наших, пишущие в наших либеральных журналах.

У нас уже был опыт, во что обратились [сжатые] идеи, сжатые в то время, когда в университете шагистика, и как уродливо они потом отрыгнулись.

Дай бог всем здоровья. Кстати, беда, если вы больны, доктора наши прекрасны, но все специализировались — нос, а другой переносицу.

Голубев, да еще с такими подробностями душевных и духовных движений его [да еще с министр.] перед оскорбленным министром. Но я переменил взгляд, пусть Голубев невинен и чист, как слеза, зато Воробьев виноват, зато преследуйте Воробьева.

Кто Воробьев? Я не знаю, мифическое лицо, но чрезвычайно сильное лицо. //

Животные. А чтоб «образить», огуманить, так сказать, русского человека.

Вся беда моя в том, что я в этих чертей никак не могу уверовать, так что даже это уж и жаль: слишком ведь они [не] умны.

Свистунов и Назимов. О декабристах.

Счастье не в счастье, а лишь в его достижении.

Ну какое кому дело до того, когда вы родились, и не все ли это равно? Я [согласен] с этим готов согласиться, но все же для аккуратности и хотя бы для слова лексикона. А то подумают и т. д.

...Отнятие всей личной и духовной свободы у людей, умерщвление личности. В этом смысле спиритское учение есть учение страшное. Никакой сатана, кроме настоящего, не мог бы придумать ничего подобного.

Над русским народом стоят две вещи вместо фельдъегеря — водка и мамон, каким образом водка займет место фельдъегеря?

Она грубит и скотинит его и нищает его. Пьяному не до сострадания не только к животным, но даже к детям своим.

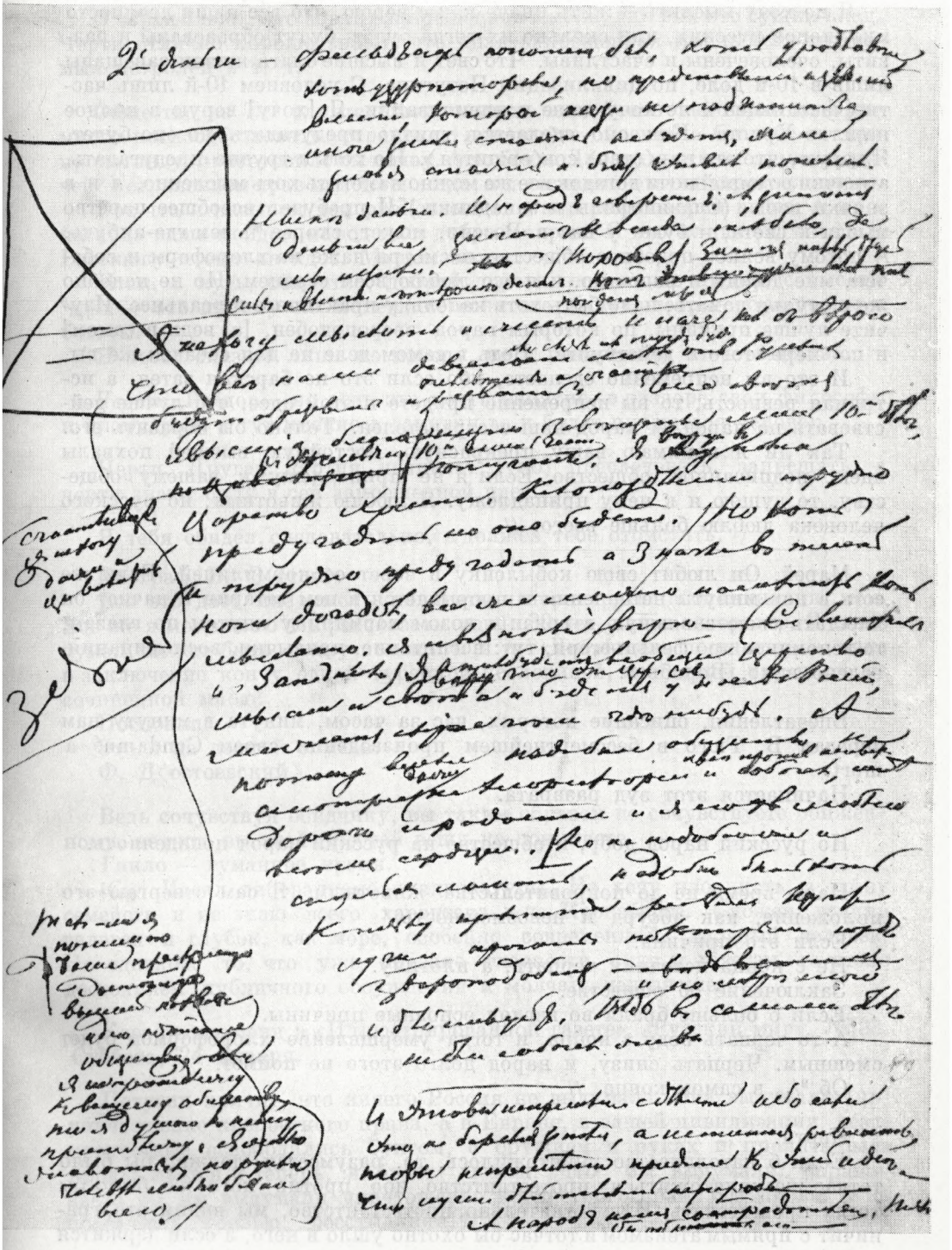
Отравляет водкой источник будущей силы, [силе впредь] нищета, и нравственное состояние нового поколения.

Литератор Аполлон Григорьев. //

Образить словцо народное: дать образ, восстановить в человеке образ человеческий. «Образить [его] человека», «ты хоть бы образил себя», говорят, напр имер, долго пьянствующему. Слышано от каторжных.

2-е, деньги — фельдъегерь понятен был, хоть уродливое, хоть узурпаторское, но представление известной власти, которой нельзя не подчиниться, иначе земля стоять не будет, иначе земля стоять не будет, и это все понимали.

Ныне деньги. И народ говорит: А, значит, деньги все, значит и всегда так было, да мы не знали. [ны] (Воробьев). *Значит*, никакой другой силы и власти нет, кроме денег. Вот это всего труднее, коли так пойдет мысль.



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К «ДНЕВНИКУ ПИСАТЕЛЯ»

Записная тетрадь, 1876

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Я не хочу мыслить и жить иначе как с верою, что все наши девяносто миллионов русских, или сколько их тогда будет, будут образованы и развиты, очеловечены и счастливы. Что свет и высшие блага жизни завещаны лишь в 10-й доле, по цивилизации Потугина. С условием 10-й лишь части счастливцев я не хочу даже и цивилизации. Я [хочу] верую в полное царство Христа. Как оно сделается, трудно предугадать, но оно будет. Я верую, что это цар⟨ство⟩ сов⟨ершится⟩. Но хоть и трудно предугадать, а значки в темной ночи догадок все же можно наметить хоть мысленно, я и в значки верю. (Славянофилы и западники.) И пребудет всеобщее царство мысли и света, и будет у нас в России, может, скорее *, чем где-нибудь. А потому всякое подобное общество, несмотря даже на хлороформ и собачек, мне дорого и радостно, и я его люблю всем сердцем. Но не надобно же и стулья ломать, надо быть хоть капельку практичнее и реальнее. Изучите лучше причины, по которым народ звероподобен, [а ведь в самом] и по мере того и действуйте. Ведь в самом деле не для собачек же вы.

И это вы непременно сделаете, ибо если это не барская затея, а истинная ревность, то вы непременно придете к этой идее, что лучше действовать на народ. А народ наш сострадателен. Только бы образить его.

Так ли я понимаю вашу прекрасную, достойную высшей похвалы идею, подписанное общество. Если я не принадлежу к вашему обществу, то душою я к нему принадлежу. Я люблю животных, но русского человека люблю больше всего. //

Марей. Он любит свою кобыленку и зовет ее кормилицей. Если же есть в нем минуты нетерпения и прорывается в нем татарин и начнет он хлестать свою завязшую в грязи с возом кормилицу кнутом по глазам, то вспомните про фельдъегеря, тут: воспитание, привычки, воспоминания, зелено вино, Воробьев.

Впечатления, описание которых, час за часом, минута в минуту нам передал В. Гюго в бессмертнейшем произведении своем Condamné à mort.

Начинается этот зуд разврата.

Но русский народ добр, и общество на русский народ понадеялось.

Наше время не до покровительства животным. Я сам отвергаю это положение, как абсурд и невозможность.

Если это причина.

Не с конца источник черпать, а плотину.

Заключение об обществе.

Если б больше брали во взгляд основные причины.

А то черпать воду с конца, и тогда умерщвление хлороформом будет смешным. Черпать снизу, и народ долго этого не поймет.

Об $^{9}/_{10}$ в самом конце. //

Черти.

Если б католичество уничтожилось, то, разумеется, должно бы было тотчас же уничтожиться протестантство, ибо против кого же было бы тогда протестовать. И действительно, протестантство, мы видим это, граничит с прямым атеизмом и тотчас бы охотно ушло в него, а если держится до сих пор в виде религии, то *единственно* оттого, что до сих пор еще *протестует*, т. е. борется и воюет против св. Папы.

---

* *Над строкой:* и все прочие в основат

О черти знают, что значит запрещенная мысль, для них это сущий клад. Черти отлично хорошо знают, что иная запрещенная мысль есть тот самый петролей и т. д.

Общество из 750 влиятельных членов, если б оно захотело хоть немного поспособствовать устранению причин, то облегчило бы себе и свою пропаганду, приготовило бы почву. А то бочка Данаид—как вы думаете, ручей? Устранением прав мамона и жида, православного или неправославного.

Вот что я называю тем равновесием, о котором говорил выше. А пропаганда ваша пойдет, народ наш добрый народ. Я это слишком изведал. Расскажу и еще анекдот. Марей, поляк.

Итак, в путь, общество, доброй дороги, огуманить людей, с высоты $^{9}/_{10}$-х — это никому не помешает, если все будут добры образованы и богаты.

Я хотел сказать лишь по поводу, но я ревностный член общества.

Черти. Раздор,—но ведь это почти занятие, в раздоре свои философы и премудрые, а тут именно в занятии-то и будет нуждаться человек.

Черти. Другая партия начинает [уко] преследовать, запрещать, а черти знают силу в сей запрещенной идее.

Я тебя обидел, следовательно, я должен тебе отомстить. //

Биограф В. З⟨отов⟩.

Все это дает мне мысль написать литературные воспоминания мои. Все же я могу кое о чем рассказать, ровно 30 лет, как я литератор. Я давно думал, может быть, стану помещать и в «Дневнике», по главам, а пока в заключение кончу одной турецкой пословицей, настоящей турецкой, не сочиненной мною:

Пословица.

Это я на всякий случай.

Ф. Д⟨остоевский⟩.

Ведь сочувствуя обидчику, вы таким образом не сочувствуете обиженному, неужто вы этой простой вещи не понимаете.

Гнило — гуманное время.

[См] Идеал либерализма и адвокатуры. Не хочу проникать в тайну семейств и не знаю всего характера г-на Кронеберга. Сложен всякий человек и глубок, как море, особенно современный, нервный человек. Но однакож то, что уже предано гласности, суду и газетам, то стало достоянием публичного обсуждения и молчать нельзя же.

Клевета на меня в «Иллюстрированной газете». «Русский мир», №123. Суббота, 24 января.

Потугин кричит, что ничего Россия не выдумала. Она выдумала [кр] уничтожение крепостного права, а в Европе, в вашей цивилизации, везде крепостные освободились бунтом, с оружием в руках и пролита была кровь; льется и теперь, и будет литься. Что мы выдумали? спрашиваете вы, мы выдумали уничтожение крепостного права без крови. А вы бросаетесь грязью, бесстыдники! //

«Голос», 24, 25, 26, 27 января. Дело Марии Кроненберг.

«Голос», 28 янв⟨аря⟩, № 28, дело Кронеберг.

«Московск⟨ие⟩ ведомости», № 25, 27 января. (О церковных старостах.)

«Биржевые вед⟨омости⟩», № 31. Воскрес⟨енье⟩, 1 февраля. Суворин о Кронеберге.

Суворин. Есть неискренность и декламация (ругая почти за каждый его фельетон и ужасно любя читать его фельетоны).

Программа. Дело Кронеберг. (Мысль Поб⟨е⟩д⟨о⟩н⟨осцева⟩: осрамлена на век. Моя мысль: одно слово о том, что не стоит *семья*, чтоб ее сохранять за злодейство, и что это клевета на семью.) (О том, что ходил к Суворину.)

— Ответ «*Петербургской газете*» (об «Иллюстрированной газете» Зотова, клевета).

?— Потугин и красота.

?— Гений чистой красоты.

— Китай, Япония. Подымчивость наций Средней Азии.

— Славянофилы и западники.

— Клевета на меня в «Иллюстрированной газете». «Вешние воды».

NB.NB.— (Непременно описать два-три приключения; *походить* кое-где.)

— Анекдот о перестановке голов.

— Извозчик, избивший профессора.

— Марей.

?— (Славянство и роль России. «Голос», 16 января. Пятница.)

Непременно.— О том, что *война* лучше теперешнего положения общества.

— О том что Мак-Магон полетит.

— Петрушка и Горбунов.

— *Павлуша* («Голос», № 4) и убийство монашенок.

— Об американской дуэли и вообще о дуэли.

— Vibulenus.

NB. NB.— О местной печати. Пересмотреть газеты непременно. Крики Михайловского в «От⟨ечественных⟩ записках» (декабрь).

? — Памятник Пушкину, памятник Лермонтову (подписал 1 копейку. Кто он?)

— La population reste stationnaire [Поли]. Опыт (фантазия) о будущих политических судьбах Европы.

— О декабристах.

(Смотр⟨и⟩ в начале отметок.) //

NB. ? (С Ивановой о пансионе.)

— О том, зачем Михайловский сердится на отзывы о сожжении Тюильри.

— О специальности врачей.

— Потугин. С уничтожением крепостного права кончилась петровская реформа (книга Победоносцева). — Народ идет, что-то скажет? (См. заметки *вначале.*)

— Барон Дельвиг, укравший часы в Москве. «*Москов⟨ские⟩ ведомости*» № *32, февр⟨аля⟩ 4.*

— О провинциальной прессе. Хочет ли и *надо ли* правительству развитие провинциальной прессы.

— Университетские города (Шрам и проч.).

— О ноте держав султану. «Москов⟨ские⟩ вед⟨омости⟩», февр⟨аля⟩ 4, № 32.

Коллективность как начало вмешательства и хозяйства Европы в турецкие дела. ⟨...⟩

Предсказание.

Фарисей. «Олонец⟨кие губернские⟩ вед⟨омости⟩».

⟨...⟩
Мы должны только жить для себя, не пугайтесь этого: жить для себя у великоруса значит жить для других.
⟨...⟩
Словечко Побед⟨оносцева⟩ о паспортах.

С Вас⟨илием⟩ Вас⟨ильевичем⟩ Григорьев⟨ым⟩ поговорить о провинциальной печати и об наших восточных окраинах. О славянстве.

Спасович. Ce n'est pas l'homme c'est une lyre. * Это о Ламартине. Но и о всяком поэте, о всяком художнике. Физиология и психология поэта как лгуна. Это ему за талант. И, так сказать, plus de noblesse que de sincérité. ** — Vibulenus.

Фейерверк и Жемчужников.
О Базунове.

Люди на балу — выше типов Шекспира. Растление могло соскочить мгновенно. К. Аксаков. Народ будет такой же и так же растлен, он дойдет до этой же черты. Хотя, конечно, всего должно ожидать от народа. Хотя ожидающие всего от народа, тем самым отвергают Петра и его реформу.

Ответ «Биржевым ⟨ведомостям⟩». Бал, лучше Шекспира. Отчего не бросить *благодушный* упрек людям. Это не превознесенье людей перед народом. Это только слово об их испорченности и что, в сущности, они прекрасны.
А народ и публика один // и тот же. Только народ, пожалуй, перейдет еще этот фазис разврата и лжи. Он и сам развратен и лжив, но не так еще, а теперь будет *так*, с цивилизацией ***. Так ли это по-вашему? Я бы желал ошибиться или чтоб вы мне сказали что-нибудь утешительнее. А если с ним это и случится, то давайте-ка способствовать вместе, чтоб обошлось дело легче и прямее к цели. Вы мне протягиваете руку, ну и пойдемте вместе. Микроскопическим действием, как герой, выкупавший на волю. А насчет Шекспиров и Гомеров, то искусство, без сомнения, ниже действительности. (Художник и синтез взгляда его: типы и проч.) И если б *особь* каждая могла проявиться вся, но она не может, ибо мысль изреченная есть ложь.
У меня много надежд, что народ отстоит свой облик и не начнет цивилизацию с разврата. Пусть через этот фазис переходили мы.

Цивилизация испортит народ: это ход дела, в котором рядом с светлою и спасительною идеей вторгается столько ложного и фальшивого и столько скверных привычек, что разве в поколениях впереди взрастут светлые семена, а ложь и мрак будут на первом плане. Сами же мы пропили нашу цивилизацию, начали с разврата, и лишь очень долго спустя у нас стал толк. Нестеров, кавалергард, освещение — это все, как в Европе, но разве это кавалергарды?

Или ограничиться лишь беглой заметкой Авсеенке; насчет *возможности* сцены в бардаке, две барыни, истинный факт, а две девицы, осмотренные в своей невинности?

NB. *Визит к Петрову.* Древности Петербурга осмотреть. Статья.

---

* *См. стр. 370.*
** больше благородства, чем искренности (*франц.*).
*** *На полях слева:* К. Аксаков

Алексеевский равелин.— Ростовцев, Филиппов. Кончил раздумье. Мечтал об имевших детей. Чья это кровь? Филиппов *бежать* (фехтовальщик перерубил).

Зачем к «Дневнику писателя»? * Как зачем? Мне это снится до сих пор.

В «Петер<бургской> газете» оценка Авдеева взята буквально из *«Голоса»*, безо всякого обозначения. В том же № ругательство на Гамму.

«Ан<на> Каренина». Герои. Эти люди до странности не интересны.

Да моя болезненность здоровее вашего здоровья, доктор и больные. //

«Голос». Суббота, 7 февр<аля>, № 38. О сибирском университете и о деле капитана (раздражение, начальство с подчиненными, выставляют язык). Декабристы, зачем мы не лорды.

Один из местных Вагнеров, выражение «Голоса».

О балете «Дон Кихот».— О Дон Кихоте.

Прекрасное в веке: Пиквик, «Notre Dame», «Misérables». Первые повести Жорж Занда, лорд Байрон (хромая нога), Лермонтов, Тургенев, «Война и мир», Гейне, Пушкин.

Вальтер Скотт. Вальтер Скотт не лигитимист, а [вел] осмысленное, высшее сердечное примирение после ненависти к прошлому. «Notre Dame» не то, ненависть и т. д. (Музыка.)

Наши концессьонеры; да ведь вы же, свиньи, учите Вальтер Скотту детей ваших.

Поэт: И меж детей ничтожных мира и т. д. Я боюсь только, чтоб господин Спасович не принял это на себя.

Обида. Густав Христианович. Он занимал звено в машине, да ведь эти звенья ничтожность? Да и вовсе не надо, чтоб они были *ничтожности* и делали хорошо. Пусть делают дурно или как-нибудь, но они живут и составляют машину. Была бы машина.

Какая ошибка! И это у нас, где первым делом сомнения нет о власти.

Но у нас и наивности (Николай<?>). Требовали чести, честности и хорошего исполнения, не имели ни малейшего понятия об условиях, что хорошего никак быть не может, кроме единичных явлений, а целое никуда не годится.

И нечего дивиться, что они даже не подозревали, как надо делать, когда сами отрицатели были еще глупее, делали еще хуже (декабристы).

«Писаная бумага» — т. е. французская конституция, Мак-Магония.

«Русский мир», № 38 (воскресенье, 8). 1) Полетика и Кущевский. 2) О картинах Брюллова в Академии, *Потугин*. 3) Выписки из «Московских ведомостей» о североамериканских ходячих мнениях насчет Камчатки.

У нас можно быть врозь, можно ужасно ругаться за убеждения, но столько искренности в желании добра и теплой веры в обществе, в юном поколении *. Вы ругаете всех, «все проваливается», но уж самая жаль и уныние свидетельствуют о горячем желании вашем устройства общего дела. Согласны ли // в определении *общего дела*? Куды! Из-за этого-то и драка, но все хорошо.

---

* *На полях слева:* Здесь

Не наступит ли пора взаимного понимания (не взаимного восхваления). Острите, смейтесь, шутите, но искренно идущего к благородной цели отметьте как идущего к благородной цели.

Меня все встретили приветливо, кроме... (бордель), всем угодил *. А ведь это не хорошо? Нет, хорошо. Все ищем общее благо, деремся, но все мы люди хорошие. Славяноф⟨илы⟩ и западник⟨и⟩. Кончился петровский период с уничтожением крестьян, и, кажется бы, примириться, так нет же, война продолжается. Вздор. Потугин. О Потугине и его бреднях. О Тургеневе. Я перечел.

Февраль.
— Об Зотове. «Иллюстрированная газета».
— Вопрос о художественности разрешается просто: худо иль лучше написать. Прекрасный человек, но не сумеет выразить мысль.

— Два процесса. Спасович, поэт, Vibulenus.
— В крепости.
— «Губернские ведомости».
— Война, Марей и проч. О сибирск⟨ом⟩ университете.
— О бардаке. В. Зотов.

Обида. Христиан Христианович.

О Базунове.

Общество вспомоществования бедным ученикам при 5-й гимназии. «Голос», № 40, 9-го февраля.

[Нет ничего] Есть у нас повсеместное честное и светлое ожидание и желание добра, *общего* дела, ничего обособленного, кастового. Если же и встречается, то непременно и всеми презирается. Для народа наступила эпоха подвергнуться такому же точно разврату мысли, как у нас в петровский период (я не то что гадаю, я верю, а потому это для меня важно). Но, конечно, не в той, так сказать исторической форме, как у нас, а в несколько другой, но разврату, как и у нас, ибо мы приняли благодеяния света в виде разврата. И потому наступает огромный новый период для народа и русской жизни.
Тем не менее будет *единицами* серьезное принятие и — дело будет сделано. //

Спасович. Ce n'est pas l'homme c'est une lyre. Это воскликнуто было с глубоким плутовством, т. е. как бы в виде самой высшей хвалы, а между тем, что смешнее, как походить на лиру.
В народе адвок⟨ат⟩ нанятая совесть, т. е. подкупленная не одними деньгами, либерализмом, славой, поэзией (лирством).

Как же я без капиталу, и вот лира загремела; да не талант. «Семейное, семейное» и т. д. Стоит ли семейство-то, не клевета ли? Тут истязание. Меленск⟨?⟩ король.

Святыня семьи, Спасович, но по этой аргументации лучше и не вчинать дела [святыня], потому что, если надо всегда оправдывать отцов. Отцы против детей — другое дело (Бутлеров).

---

* *На полях слева:* Здесь

Девочку наказали два раза: и розгами, и в школе, и невестой, и в замужестве навсегда.

Вы у ней, может быть, отняли отца.

Есть дела, которым трудно выходить на гласный суд. Человек принадлежит обществу. Принадлежит, но не весь.

Муж с женой, они в раздражении друг на друга, он меня обнимал, она сладострастна, но она мне сама сказала: почему ты так уверен в моей верности?

Что вы на это скажете? Где.

Это шутка. Можно ли, можно ли мои слова. Вы у ног моих...

Г. судья, если мне напоминают такие слова, то это не принадлежит суду, это дело любви (целовал ноги).

Но, однако, позвольте, в этот момент вы сознались ей в подозрениях ваших.

— Г. судья, опять так и т. д.

— Но, безумные, зачем же вы вышли (но они безумцы. Есть водевиль К мировому!)

А если притянул их прокурор?

Человек принадлежит обществу. Принадлежит, но не весь.

Есть места в моем сердце, которые очевидно не может понять судья. Я не о праве говорю. А просто бесполезно, потому что ни судья, ни присяжные их не поймут.

И так Кронеберга было не надо и щадить 〈?〉

Я тебя родил.—Ответ Франца Мора. Рассуждение этого развратного человека я считаю правильным.— А не знаете, так справьтесь. Шиллер ведь так давно писал, да и драма так давно не дается на сцене.

Белинский. Поэт — это ведь как б〈....〉.

Нравоучение составлявшие — не одна, дескать, отзывчивость, а глубоко нравственное чувство, выработавшийся взгляд и способность *управлять своею отзывчивостью*. Но как согласить это, например, с адвокатом. А тут вдруг: c'est une lyre.

Какое бы великое призвание: защищать невинного. Но как бы ни было велико, все-таки бессмысленно и страшно грубо. Стало быть, оно хорошо лишь тогда, когда адвокат убежден в невинности, или если знает, что виноват, но знает, что надо пощадить. Да если б просто милостыни просил, и то хорошо.

Но так ли на деле: нет, я убежден, если б я не был убежден, то — и проч. Кто поверит?

Особенно, если гонорар — я уже знаю, что это не Спасович, ибо он не взял гонорара.

Комические и несерьезные лица актера, почему в Англии актер не считается джентльменом, не серьезным человеком.— Человек — актер. Vibulenus.

Актеры в жизни. У англичан идеал реализм, положительное и проч.

C'est une lyre — ... И так легок на подъем душою.

И так гуманнейший человек и либерал, а как пришлось защищать дранье... И так драть? C'est une lyre.

Ребенок не узнал отца. Да как же бы он его узнал? Дети в этих летах всегда забывают, после долгого отсутствия. Неужели г. Спасович этого не знает. На детей за это сердиться нечего.

Ребенок принял дурные привычки, но кто в них виноват? Дурное воспитание у Комба, дранье дома, и незнание отца, что в носу струпья. //

Людовик 17-й. Этот ребенок должен быть замучен для блага нации. Люди не компетентны. Это бог. *В идеале* общественная совесть должна

ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К ИНСЦЕНИРОВКЕ РОМАНА ДОСТОЕВСКОГО «ИГРОК»

Картина маслом В. И. Козлинского. Москва, 1958

Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

сказать: пусть погибнем мы все, если спасение наше зависит лишь от [заму] замученного ребенка,— и не принять этого спасенья. Этого нельзя, но высшая справедливость должна быть *та*. Логика событий действительных, текущих, злоба дня, не та, что высшей идеально-отвлеченной справедливости, хотя эта идеальная справедливость и есть всегда и везде единственное *начало жизни, дух жизни*, жизнь жизни. //

Кто определит, спрашивает Спасович, сколько ударов должен нанести отец, чтоб не судили его за излишек, за эксцесс (дался этот эксцесс!). Эксцесс, отступление, необразованные люди любят иностранное словечко и считают, что прибавили силы и серьезности выражению, даже красоты.

Как кто определил? Да само же сердце отца должно определить. Христос, обнимая детей, определил, как на них надо смотреть. Сами вы, г. Спасович, должны знать, где предел ударов, если у вас бьется что-нибудь sous la mamelle gauche *.

Вам ведь что надо? Вам надо, чтобы присяжные не могли осудить Кронеберга как истязателя, и, во-вторых, как отца. [Ну и] Но он и не мог быть осужден как отец, на власть отца и не нападали и нельзя нападать. Как истязатель — дело другое. [Но тут есть] Вы вот доказали, что он и не истязал, правда, тут есть и признание Кронеберга, что он бил строго, с излишком, бил в раздражении. И признанием этим все сказано. Г. Кронеберг сам считает это за несчастье. Но и тут Кронеберг, по закону, как вы подвели, не мог быть осужден. Чего же вам больше, г. Спасович.

Нет, вы лира, и вам надо больше. Вам надо не *одно* только оправдание подсудимого, но и оправдание поступка внутри человека совестью, вам надо извратить общественную совесть, чтоб блистательнее была победа, а то как〈ого〉 же вам без ней и толку? И потому вы махаете через край, вы стремитесь доказать, что так и надо, [что ребенок] образ ребенка, кричащего: «Папа, папа!» вам кажется чуть не смешным. Вы на маленького ребенка публично клеветали, что нельзя не драть, клеветали,— потому что семи лет нельзя воровать деньги. Сами говорите, что это от причин, от слуг, от Комба, от Женевы, от того, что [Кронеберг] отец по целым дням не дома, а в то же время утверждаете, что действительно ребенок виновен и Кронеберг прав〈1 нрзб〉. Вам истязание кажется добрым делом, *не было, дескать, ничего*. И из чего вы бьетесь, извращая совесть человека? Ведь вы и без того знаете, что клиент ваш безответствен, что оказывается истязания (сломанной ноги, что ли) не было, что его не накажут, нет, вам надобно даже и жалость к ребенку искоренить и непосредственное чувство бедной Титовой осмеять, офальшивить? Но ведь это излишне. То-то «лира». //

То есть:

Во-первых, вы доказали, что это не истязание — это главное, и что нельзя судить отца за превышение власти,— и довольно с вас. Но вам надо истребить [перед читателями] в сердце слушателя самый образ девочки, кричащей «папа, папа». Ничего, дескать, это все пустяки, так надо. Это-то и есть настоящая гуманность. Нет, вы этого не истребляйте, это называется гуманность, человеколюбие, любовь, сердце человеческое, не посягайте на это из роскоши торжества вашего.

О вы скажете: я сам говорил, что Кронеберг не педагог, что он плохой отец и разом нельзя требовать и т. д.

Говорили-то вы говорили, но, во-первых, как вы говорили? Сказав, не вывели следствия, утаили его, а следствие прямое, несправедливость власти такого отца и главы 〈?〉, а во-вторых, забыли про то или скрыли то, что раз сказав, что он не педагог, что девочка была заброшена и что

---

* в груди слева (*франц.*)

она безответственна,— тем самым и потому-то и ужасно впечатление, произведенное таким отношением к ребенку,— именно тем самым, именно потому-то. Тут несправедливость, тут неправда! От кого несправедливость и неправда — все равно, пусть даже ни от кого, а судьбой, да так и есть, но ведь *жалко*, *жалко*, но вам именно *жалость-то и надо искоренить* — для полной победы! Вы говорите: не жалко, взгляните на ее щеки, это-де принесло пользу,— итак, сечь, даже неумеренно — нехорошо.

— принадлежит, но не весь.

Но раз вытащили и что же нам делать.

Святость семьи —

Это кощунство. Семья слишком свята, чтоб взводить на нее клевету. Семья не может держаться жестокостью. Наказывать нельзя (до предела разум⟨еется⟩), ну до сломания ноги (и Спасович согласится), но жалеть, что семья должна стоять на несправедливости к ребенку (ибо ребенок* безответственен и виноваты развратители) и жалеть, что ребенка оскорбили и измучили,—должно во всяком случае. А вам самую жалость надо искоренить для полноты торжества. Лира, подлинно вспомнишь Белинского.

Я не могу судить отца, я не могу нападать на Кронеберга, хотя жалеть я вправе; но раз это дело вытащено,— и я должен судить его. Не касаюсь отца, души его, убеждений, я тут некомпетентен, но факт уже публичен, его уже вытащили, и он стал делом совести, я хочу судить на основании данных, сказанных самим г. Спасовичем. //

Зачем вы смешиваете вашу задачу: оправдать клиента, который во всяком случае неуязвим на государственном суде (если не сломал ногу), с моим судом, с нашим человеческим гуманным? Оставьте нам этот суд, не плюйте на человеколюбие, не порочьте ребенка в гадком месте речи** (а в другом сами признавая, что он безответствен и что *не так* надо исправлять его). Нам жалко, что вы *истязаете* ребенка в речи вашей, потому что за него некому заступиться. К чему вам ее щеки? ее здоровье? Нам жалко его, оставьте нам нашу жалость. Ваша задача и без того ведь достигнута, [отец оправдан] отца невозможно осудить юридически (чего же вам более? Лира!).

Я вам скажу: мало того, его не совсем возможно осудить и по суду человеческому: пусть несправедлив его взгляд на воспитание (плохой педагог, как вы говорите), пусть он [не вполне] не исполнил задачи отца и не понял, что он тогда только имеет власть (в совести своей, разумеется, сам себе судьей), когда исполнил свои обязанности; но я знаю и то, что нельзя судить человека семейного за всякий момент его в жизни, мало ли что бывает в семействе. (Мне говорил человек потрясенный: я люблю моих детей, и дети мои знают и любят меня, но я сам бросился и чуть не убил их раз, такой был момент, если б меня не удержали.) Я понимаю, что семейную жизнь нельзя раскрывать за каждый шаг, не я и раскрыл, не я вытащил все это на вид. Мало того, Кронеберг признал дочь, хочет сделать ей все,— он ошибся, одним словом, я даже в совести моей готов быть осторожным. Но я его оставляю — [но я], а сужу лишь вас! Не нападайте на основное, не извращайте, не смейтесь над святыней, не говорите парадоксов, б⟨....⟩.

Талант.

---

* *в оригинале:* ребенка

** *Над строкой:* когда [1 нрзб] вашу опорочить

Я помню Lamartin'a, выходившего к депутациям, критика ⟨?⟩, лира.

C'est lyre. Прием был тот, что он будто бы похвалит, ценя его лирой, а между тем сам знает, что едчайшим образом смеется над ним, потому что ничего нет глупее, как приравнять к лире.
Депутацией.
Тронула лиру и запела.

Но лира хорошо еще, просто глупо, но есть и еще черта, это капитал.
Спасович, услуги. Кони больше нравился.
И вообще
Адвокат, какое величие и какая дрянь.
Я возьму последнюю речь. Дело Кронеберга.— Прутья, характерные пункты.
Человек обществу — не весь. Девочку осрамил.

Отца оскорбили. Я не знаю души его. В семействе муж и жена едины: лизал мои ноги. Нельзя семейство[если] публично, если только не сломали рук⟨у⟩ иногда.
На то общественная совесть, развитие.
Но [извр] если гласно, то я могу заняться, но извращение совести, лира.
Прослежу речь лиры.
Так ли стенограф «Голоса»
Эксцесс — отбыл урок, позволю заметить.

Рубцы от палок, скоро проходит, жжет, неужто не истязание. (Сквозь строй.)
И далее, над девочкой, в испуге —
Смешно судить за чернослив, конечно, один чернослив, или, лучше сказать, чернослив тут равняли банковым билетам. Но ведь трогательно, за чернослив нельзя.
Главное долго об ребенке.
Семья, святость семьи, не кощунствуйте, не подтасовывайте. Это дело другое. Два дела разные. Семья свята, но и жалость и справедливость также святы, как и семья, и если б так вышло, что семья должна стоять на безжалостности, то не стоило и быть * семье. Все счастье, что это не так. Семья (идеал ее и отношения, начала гуманности, святые, добрые чувства). Сокруши ребра, но тому, который понимает, я сам оправдал бы г. Кронеберга юридически и, может быть, много унес бы мыслей благоприятных ему в сердце моем, но оставьте мне и жалость мою.

Вы говорите: ее не испугаешь, она «шустрая». (Каково словцо.) (Словцо, выпадающее из лиризма.) Вы почему знаете и для чего вам это надо? Довольно того, что перед вами ребенок, кто за него заступится?
Ведь в другом процессе вы бы сейчас *на среду*. А тут среду слишком вскользь.

NB. Теперь о девочке, даже и о невесте бесславие. И о г. Кронеберге (жесток). А, может быть, вовсе не жестокий, нервный, больной — великодушный даже, он не эгоист, он дрался за чужое дело, призывая ⟨?⟩ что-то ⟨?⟩ о божестве. Он бешен, вспомните Семейную хронику,— он *дурной педагог*.

NB. Лира! Да лира ли только, нет и слава, как же без капиталу.

---

* *Над строкой:* стоять.

Содержание №.
Меня все встретили.
Но ведь в мелочах-то и дело.— Смотреть в целом согласились.
Процесс занимал меня.
Война и бордель.

Меня тревожили *погода* и *медведь* (предсказание).

...так как клиенту угрожало слишком страшное наказание за истязание, то г-н Спасович не мог не употребить всех *средств*, ему предоставленных. «А ну как не оправдают». И потому он принужден был искоренить самую жалость в сердцах, подшутить над ребенком — «шустрая, дескать», выставить тайный порок ее (как будто бы и не об семилетней говорит и как будто не знает, что телесное истязание усиливает этот порок), сравнивать чернослив с банковыми билетами, опозорить кого же: ангела божия, мало того: вывесть и показать, как она испорчена, как научилась притворяться, наконец, заговорить о святости семьи.

Но пусть провалится все, если истязание; г. Спасович [был] достаточно красен, но все долой, он поклонился розге... Таков талант и таковы обязанности адвоката... все отчего... Да эти дела нейдут на суд. Но однако же какие идут? Перелом ноги, синяки? Где же предел? *Мальчик и лебединые перья*. Доктор бил мальчика, но жалость, жалость.

Оставьте же и тут жалость, не смейтесь над // драньем ребенка и над исступленными криками: «папа! папа!» Не выводите на позор ребенка, не заставляйте его заученно-испуганно кривляясь говорить: je pas voleuse, menteuse *, лицо и целовать руки... Или это было уже так необходимо? Может быть, нет? Плевать на жалость-то бы не надо было, давить и иронически смеяться над самым истинным, чистым чувством не следовало бы все-таки (Прекрасная Елена). Нет, тут была и лира, и талант. Оставьте жалость. Одним словом, нечто неразрешимое.

Принужден был доказывать, что не было истязания, тогда как сам не знает, как определить его и сводит к определению о переломе костей.

Или, может быть, лира? О златострунная! Вот эта-то златострунность... и т. д.

Неужто вы не знали, что память четырехлетнего исчезает через год, а через $1^1/_2$ наверно. Скажут: эти выводы г. Спасовича не опасны, всем известен закон природы детей, да, но в целом опасно; тут вдохновенное лицо, чувство истины, жар правды,— все это в целом созидает известное и окончательное впечатление.

Зачем разъединять сердце отца с детьми? Пусть г. Кронеберг и не разъединится, но вообще это правда, и [мо] должно наверно разъединиться. Что-то такое останется навсегда, что-то будет долго во взаимных взглядах недоговоренного (разумеется, взяв нервность сторон).

[Сдру] Этих процессов не надо, но, с другой стороны, кто же заступится за дитя? Ведь жалко, жалко!

Даже ведь, может быть, позорили ее будущее.
Il en reste toujours quelque chose**.
Может быть, все сердце его обливалось слезами, когда он принужден был обижать ребенка и несть такой вздор... или нет? Или это только иг-

* я не воровка, не лгунья (*франц.*).
** Всегда что-нибудь остается (*франц.*).

рала лира? — Я думаю, что лира. Если б Спасович защищал противную сторону, лира подсказала бы ему противуположные аргументы, а он с таким же жаром пустился бы их расписывать.

[Талант, талант!] Вот что значит иметь талант! Talant oblige*. //

Талант. Говоришь не то что против себя, а распинаешься и хвалишь то, о чем до того всю жизнь не думал, или проклинаешь в другом такие пороки, которые в самом нем с ног до головы. Скажут, смешно так рассуждать. Да я и не про то: мне жар этот, этот жар-то излишний в таких случаях, то есть все, в чем можно было бы обойтись и без такого усилия жару,— это-то вот противно! Ибо чувствуешь, что тут уж перестала правда, что человек заигрался, что это лира звучит. Ибо лишнее и в правде — ложь.

Глаза в огне, лицо горит,
Сам плачет и мы все рыдаем.

Убить жалость и вот она. Она шустрая — вот ее щеки — вот ее пороки — вот эксперт Суслова должна показывать о пороках. Но ведь это ребенок, безответственный... (Замечательно, что красные щеки и пороки друг другу противуречат, но в целом впечатление.) Но этого мало, как глубокий психолог надо произвесть отвращение, и жалость исчезнет, тайные пороки —

Помилуйте, да ведь за это-то истязали! Это-то и мучило отца.

Согласен, но ведь не должно смущать Сп⟨асови⟩ча, который прежде всех и всего знает, что 7-летняя девочка во всем этом безответственна.

Разговор тогда же записанный.

Все же нам никак нельзя без капиталу. Это чтоб капиталу нашего решиться, это нам никоим образом невозможно, [ибо как же мы тогда будем] [сами останемся]. Уж, видно, маменьке так и придется пребыть... [потому что никоим образом] и не дам, потому что-таки невозможно, чтоб нам самим без капиталу.

Это чтоб нам без блеску, эффекту, это нам никоим образом невозможно. Да, без блеску вы будете правы, а с излишним блеском все будет несправедливо.

Нет уж как же нам без блеску. Все же нам без блеску невозможно, потому что нам, если без блеску, то это никак нельзя. Все же нам без этой самой лиры невозможно. //

Талант, да во всем нужен талант, даже в направлении.

Суетливое, соблазнительное зрелище, нецеломудренное зрелище.

Дело Кронеберга.
Принадлежит, но не весь.
И не поймет судья.
Нецеломудренное зрелище.
Но, однако, кто же заступится за малых сих.

Где истязание кончается, у г. Спасовича сломанная нога: но — послушаем г. Спасовича, обратим внимание.

Я, признаюсь, только бы г-на Спасовича и стал писать, как бы новый фазис мне представился в адвокатстве.— Были аблокаты, были подковырники-клещи [язык], читал я на языках и проч. Но вот г. Спасович назначен от суда (снял шляпу). Но г. Спасович взялся защищать, он должен был защищать. Сильное наказание. *Все* средства. Но кто такой по преимуществу г. Спасович? *Vibulenus*.

* Талант обязывает (*франц.*).

О биографии его ни слова. Он блестящий адвокат, талант. Признаюсь, по речи — Кони — духу времени кадит. Но вообще вопрос о таланте — талант, бл⟨..⟩ство, Белинский, c'est une lyre и как же нам без капиталу, — все вместе сошлось и в то же время самая святая цель: оправдать.

Но рассмотрим всю речь: я хочу показать, какие трущобы могут иногда ждать человека, какие извращения чувств и понятий,— разумеется, для святейшей цели, так что выслушаете нелепость, возмутитесь, а потом вдруг подумаете: «А что ж бы он стал делать? Нет тут не одни ягодки! Не даром...» И подконец: Нет уж тут лира пересолила, в адвокатике *.//

...Final:

А все оттого, что подняли вопрос.

Не юрист я, а все-таки эти вопросы не должны бы подниматься.

И опять-таки: кто же защитит малых сих? Разве закон переменить, не в Сибирь, а выговор или опеку.

Но посягать на семью.

Нельзя, нельзя — но опять-таки: «папа, папа!»

Знаете что: семья, если на «*папе*», то лучше бы и не стоять ей. Ведь это клевета на семью.

Не знаю, как разрешить.

Но главное, главное зачем г. Спасович даже «папу, папу» хотел задавить в наших сердцах, жалость сокрушить.

Привыкли мы к этому за ним ⟨?⟩

И сюда тотчас... //

Ведь «Голос» не может отрицать, что *раздвоенность* человека (статья К. Аксакова в «Братской помочи») есть гибель человека, но он заступается за раздвоенность, думая, что это либерально. //

О войне — мечи на орала.

Хвала войне.

Париж — и окраины восточные (Славяне). Nota держав, см. вначале.

Жить для себя у великоруса жить для других.

А после всего Потугин.

Значение Тургенева.

В. Зотов. Клевета. Неясность в голове читателя.

О губернской печати. Бордель.

Высокое образование мужика.

Народ пройдет через разврат.

Коли наплыв новых слов, значит и наплыв новых понятий.

Ответ на клевету Зотова. //

Талант и при направлении необходим. Талант есть способность сказать или выразить хорошо там, где бездарность скажет и выразит дурно.

Сим исчерпывается весь вопрос о художественности и направлении.

Мне ответят, не весь: что станете вы делать с художественным произведением, в котором нет направления и верной мысли? На это я отвечу, что в истинно** художественном произведении, хотя бы оно толковало о других мирах, не может не быть истинного направления и верной мысли. Об этом поговорим еще. А как же г. Спасович? Вот отрицаете же вы истинное направление и верность мысли в его защитительной речи, а между тем кричите, что он талант.

То-то и есть, что речь неталантлива. Пересолил и отсюда новый закон: *Как только* художник захочет отвернуться от истины, тотчас же станет бездарен и потеряет на ту минуту весь свой талант.

* *На полях слева:* Лира пересолила

** *Над строкой:* всяком

Стенографы «Голоса»,— я думаю, какую бы ни взять стенографию, ту или другую, «Голос» по средствам своим может держать хорошего стенографа.

Меня все приняли. Это хорошо.
Бал, «Биржевые ⟨ведомости⟩», не превознесение перед народом.
Все приняли.
Скорая, но непрочная ненависть до того комична.
Нечего ссориться, хорошие мы люди, у нас честн⟨ое⟩ разделение в идеях [я кор].
Славянофилы и западники. Петровск⟨ий⟩ период.
Бал — прекрасные (см. Зеленую книжку) *.
Любители народа. Теория.
К. Аксаков. Народ перейдет разврат.
Ибо кто не верит в красоту народа, тот ничего в нем ⟨не⟩ понимает**. Не в сплошную красоту народа, а в то, что он уважает как красоту. К тому же в нем свет и мрак вместе. Свет, положительная сторона его такова, что научит нас и возродит весь мир. Мрак таков, что мы, испорченный народ, необходимо должны прийти с излечением. Chanci de nous peut profiter ***.
Но я бы желал, чтоб не с разврата начал народ****. //

Спасович. Дело это покончено, делу этому месяц.
(Ложь в адвокатах, в суде.)

Базунов — принимают за американизм.
Хотя американизм⟨у⟩ можно поучиться.

Заплатить столько — воля ваша, нельзя воротиться. Разве дать двадцать на сто.

Любители народа, почти все, смотрят у нас на народ, как на теорию, и ровно никто его не любит таким, каким он есть. Напротив даже, если то на ферботе *****. Не смею утверждать.

У нас началось с разврата. Чувство рыцарской чести вбивалось палкой. Когда же дошли до того, что Ермолов сказал, отчего же мы не лорды, то ответ на вопрос сей последовал 14 декабря. Что такое 14 декабря? Бунт русских помещиков, пожелавших стать лордами, тем не менее к ним примкнуло все великодушное и молодое.

Война. Потребность перехвалиться перед другим в великодушии.
Скажут — хвались в науке и проч.

Заявить личность есть [самосо] [потр] самосохранительная потребность. //

Я убежден, что судьей Европы будет Россия. Она придет к нам с коммунизмом, рассудить ее. И Россия решит вовсе не в пользу одной стороны. Ни одна сторона не останется довольна решением.

---

* *На полях слева:* Чудный край через Алтай
** *На полях слева:* Со словечками
*** Прегнивший навоз после нас может быть полезен (*франц.*).
**** *На полях слева:* Я Макара. Лев Толстой Каратаева. *Несколько ниже:* Вот сущность словечка фальшь
***** Verbot (*нем.*) — запрет.

Все в будущем столетии.

Сильных держав не будет, все силы будут разрушены междоусобной борьбой демоса с высшими (у нас и высших-то не будет). — Надо быть России готовой. Почему Россия так будет сильна, об этом потом.

Восточные окраины и Сибирь.

В ближайшем будущем Европа: междуусобная борьба и численность прогрессивно идущего населения.

Папа — предводитель коммунизма. ⟨...⟩

О Базунове. Американизмы. Наши американцы: Оболенский, Овсянников, Надеин. Бывший помещик, генерал.
Кряж оседлых помещиков.

50 лет. Известный цикл идей. Не знаю, почему именно я должен представить, что это духи, если не умею объяснить. Наша университетская комиссия во всяком случае не компетентна и если собралась, то неизвестно зачем. Если даже все члены ее убедятся, что это не фокусы, а особые необъяснимые явления, то они не сознаются, потому что побоятся Европы: точно Европа на них *обращает* внимание (непременно).

Если даже и выше моих средств к объяснению, то...

Новая поэма. Две великие идеи бунта и смирения, оба требуют подвига, великолепный материал, показатели своего и оригинального укажете нам дорогу. Le courage de son opinion *.

О выборах в Париже. Мерило народа не то, каков он есть, а то, ⟨что⟩ считает прекрасным и истинным, по чем вздыхает и т. д.

Про Марея — о животных. Разум и вера исключают одно другое.

О спиритизме. Un mot de Сеченов. Фома и математическое убеждение. Фома. Он прибег бы к самой логической и необходимой мысли при сем всегда рождающейся. Если я не имею сил и средств объяснить это, то еще не значит, что оно не может быть объяснено. *Строго.* Даже математика. Как вы думаете, математика убедила бы Нероновых мучеников? ⟨...⟩

Будь братом ou la mort. //

Доходили ли у нас до обмороку-то (адвокаты), хотя и рассказывали что-то про это. Но плакали, кажется, наверно. «Проливали слезы»**. Хорошо, если он так убежден. Это утешительно даже для человечества. Ну а если притворяется? Уж как тогда грустно, потому что ведь очень может быть, что притворяется (за интерес). И подумать только, что за деньги, как грустно (ну а если не за деньги, то, конечно, почтенно).

И вот под покровом такой несокрушимой и необходимой пользы — какой разврат!

---

* Мужество своего мнения (*франц.*).
** «Проливали слезы» — *над строкой.*

Давайте подвига, безмерного, невозможного, но инициативы, *собственного своего слова* — никакого.

О том, что народ наш был отучен Петром от всякого дела. *Не для себя.* Если б для себя, то и для всех. А теперь земства спеться не могут. Мировые посредники жалование будут брать. 200-летняя отвычка от дела.

— взятка, так что служба обращалась не в дела, а в обделывание делишек.

Мое предсказание. Гамбетта — республика. Враги — соседи. Но хорошо ли это? Вряд ли коммунизм не пойдет на сделки. *Папа* на сделки. К России обратятся. Россия служила Европе. Но, верно, к тому времени мы, отученные двумя столетиями от всякого дела, будем самостоятельны и рассудим иначе. И тут: отучены от всякого дела. Петр. Гамбетта.

Замечательно, что на этот раз землевладельцы захотели республики, хорошо ли? Папа. Все это гадание. <...>

Убиты: какие телеграммы из Парижа?

Принадлежит, но не весь. Личность, мы можем знать из частного, человек на столько касается общества, остальное угадываем, но есть то, об чем мы и понятия составить не можем, и это в *каждом человеке.* Да иначе он не был бы такою конкретною особью, личностью. //

Правда, кто же заступится за маленьких? Этот вопрос так и остался неразъясненным. Не можем же мы поверить, что истязание начинается со сломанной ноги. Святость семьи.

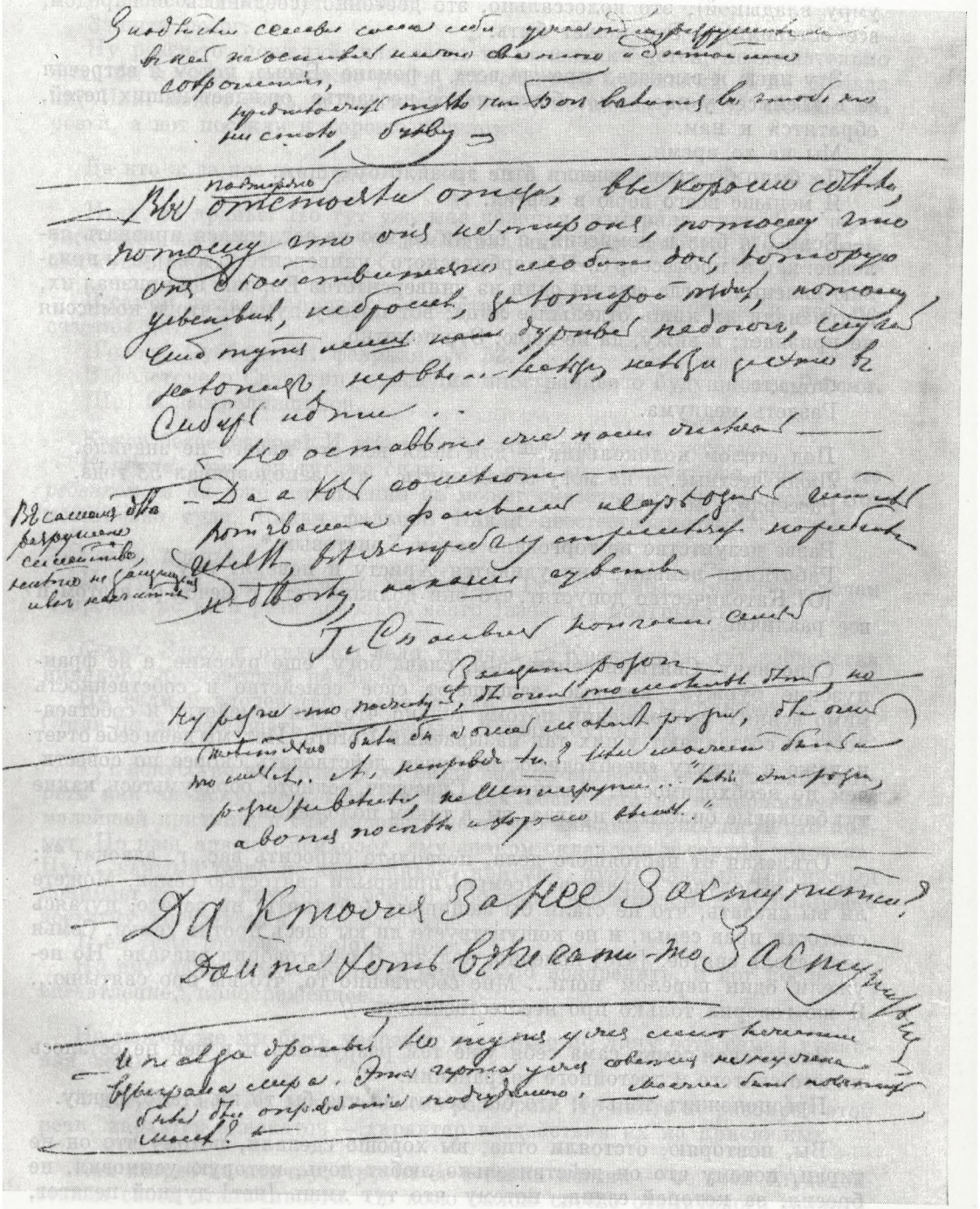
Лира, капитал.
Но жалость-то нам эту оставьте!
Да-с, а клиента-то сошлют?
Правда.
И вот до чего был доведен талантливый адвокат. Он должен кончить святостью семьи.

Но в чертей веровать не хочу: это было бы слишком глупо и слишком грубо.
(Колокольчики, факт как бы не существовавший.)

Спасович... Тут нужно или потоньше формулировать, что значит по закону истязанье, или судить при закрытых дверях или ничего не делать и не судить совсем, если только не сломана нога... Не знаю, не знаю, я не юрист, но что-то тут надо сделать. А я только хотел об роли адвоката поговорить. Вот мы их осуждаем за то, что куши берут. Иногда недаром деньги берут.

Гамбетта (коммунары). Потому что они правы. Гамбетта загадка.

...Католичество, вдруг провозгласившее огромную идею непогрешимости, другими словами всемирного владычества (хорошую или дурную все равно), но задачу колоссальную, идею древнего Рима, и это именно в то время, когда объединенная Италия обратилась в такое маленькое буржуазное королевство (греческое) по буржуазному шаблону свободы и прав человеческих.— Как хотите, а раздавленное умирающее существо, слабое, как мелкое насекомое,— и вдруг с такими претензиями (не сдаюсь,



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К СТАТЬЕ О ДЕЛЕ КРОНЕБЕРГА ДЛЯ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Записная тетрадь, 1876

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

умру владыкой), это колоссально, это достойно (соединюсь с народом, все оставили).— Это может быть.

Эту идею я высказал прежде всех в романе «Бесы», потом я встречал ее в «Теймсе» у нас,— но, боже, какое несчастье ожидает наших детей, обратятся к нам.

Мы не то время.

Да было бы смешно, если б не грозило будущим.

Я меньше всего верю в чертей. //

Если б я был в комиссии, я бы ни за что не согласился признать явление: как я, профессор С.-П⟨етербургского⟩ университета, и вдруг я признаю явления, когда еще ни один из университетов Европы не признал их, а признали их лишь отдельные лица; вот почему думаю, что и комиссия не признает; и вижу, да не верю. Это понятно.

Фома.

Раздеть медиума.

Под столом колокольчик,— для меня все это ничего не значило.

Люди честные, я не могу заподозрить, а я заподозривал 53 года.

Рассердил медиума.

Разве иезуитство не торговало телом Христовым *.

Работники наивны, они удивятся Христу и поверят ему.

[О] Католичество допустят, что они должны идти с мечом (а в этом и все различие).

Спасовичу. Святыня семьи. Мы, слава богу, еще русские, а не французские буржуа, которые защищают свое семейство и собственность мимо всяких соображений, потому только, что они семейство и собственность и составляют у них так называемый l'ordre. Нет, мы даем себе отчет и даже в минуту «необходимости» будем действовать скорее по совести, чем по необходимости. Полноте, г. Спасович, полноте, образумьтесь, какие тут банковые билеты!.. правда, вы в таком положении.

Отвлекая от настоящего дела, позвольте спросить вас, г. адвокат **: все ли вы случаи тиранства [семьи] прикрыли святостью семьи. Можете ли вы сказать, что не стали бы защищать (обвинять) ни за что, пугаясь святости прав семьи, и не кощунствуете ли вы здесь против семьи. Семья дело столь святое, [что] конечно, нельзя. Я сам говорил вначале. Но неужели один перелом ноги... Мне собственно то, что вы про святыню... Я же говорил только про неестественность. //

Злодейская семья сама себя уже тем разрушила, и в ней не осталось ничего святого и достойного сохранения.

Предположить только, что бог велит во что бы то ни стало, букву.

Вы, повторяю, отстояли отца, вы хорошо сделали, потому что он не тиран, потому что он действительно любит дочь, которую усыновил, не бросил, за которой ездил, потому что тут лишь [нет] дурной педагог, случай, наконец, нервы... Нельзя, нельзя за это в Сибирь идти...

— Но оставьте же нам жалость.

— Да, а коль сошлют...

Вот вам и фальшь, и серьезный, честный человек, как ястреб, устремляется на ребенка, на девочку, на наши чувства.

---

* *На полях слева:* Война

** *На полях слева:* здесь.

Г. Спасович кончает семьей.
Защита розог.
Ну розги-то, пожалуй, для очень-то маленьких детей, но желательно было бы и очень маленькие розги, для очень-то маленьких. А не правда ли? Или, может быть, и розги не велики, не шпицрутены... «Какие это розги, а вот посекли и хорошо вышло».

Да кто ж за нее заступится? Дайте хоть в печати-то заступиться.

Итак, за дранье? Но тут уж, мне кажется, взыграла лира. Эта черта уж совсем не нужна была бы для оправдания подсудимого. Может быть, польстить массе?

В самом деле, разрушено семейство, никто не защищен и все несчастны *. //
«Голос». Суббота, 21 февраля, № 52.
В фельтоне о Сванетии, суждение иностранцев о будущности России.
[Пр] О застрелившихся.

Какое бесчеловечие! И кто мог бы защитить этого ребенка.
Конечно, отец, он тут же сидит, но ведь ему нельзя: его *судят* с *его ребенком*, и он уже естественно не может сказать ни одного слова. Вот постановка суда. Какая фальшь! Какая неестественность **.

Розги, дранье.
Но тут уж, мне кажется, пересолил. Тут уж лира. Лира-то впрочем и прежде во всей речи довольно часто [звенела] поигрывала.

Семья. Здесь я отвлекаю дело от дела г. Кронеберга, тут злодейства никакого произведено не было.
Но если б злодейство, такое однако же, которое ускользает от суда. Стали бы вы защищать такую семью? Лучшие буржуа и не существовали.

Тут искусство изумительное, выше всякой похвалы, если только смотреть как на искусство. Каждое из этих обвинений не выдерживает ни малейшей критики, и сам адвокат знает, что каждый присяжный это поймет. Но наш адвокат-психолог, ему знаком склад ума и сердца человека. Пусть каждый тезис не выдерживает критики, пусть каждый присяжный понимает это —// ничего! не боюсь! Ибо знаю, что в целом, в группировке достигну впечатления, подействует.
Il en reste toujours quelque chose.***
Но ему даже самую жалость надо было искоренить, и вот последнее впечатление, прибереженное...

Не можем же мы быть уверены, что битье по лицу есть самая гуманная вещь.

Я погубил мой №, заняв его весь разбором. Но никто не разбирал этой речи, характер адвокатов — характер воздействия их на присяжных.

Как ястреб на птичку, крутит ее в своих когтях — со всем блудодействием своей отзывчивости. Со всею силою своего отзывчивого таланта.

Он был поставлен в такое положение. Он должен был пожертвовать ребенком, он ее бесчестит, ставит на позор: «Кража, привычки, чернослив...»

---

* *Эта фраза написана на полях слева.*
** *На полях слева:* Он ее признал, он ее сыскал, он сдил за ней, нашел, усыновил.
*** *См. стр. 427.*

Ему бы прямо сказать: вот что закон полагает истязанием. Не примените же к Кронебергу...

Но это была бы страшная ошибка. Ему этого мало, самую жалость искоренить. //

Но ребенок рос не в доме. Эти существа вторгаются в душу, когда выросли с нами. [Но и]

О как бы он распространялся о страдании этой девочки и расписывал, если б был ее защитником. Нет, как хотите, а тут что-то грустное.

Не трогайте, не обижайте малых сих.

В этом слове «шустрая» как бы презрение ко всем ее страданиям.

Дотрагиваться до лица — не предрассудок, а всегда бесчестие и страшная обида. Что лицо человека есть образ его личности, духа, достоинства.

Водевильничать, повеселить присяжных. Папы, дескать. Все это старые дурные манеры (приемы). Это когда-нибудь выведется, внове еще у нас.

Ведь сам же Кронеберг говорил, что больно, зачем же вам непременно, чтоб не больно, а чтоб не сочли за истязание. Но об истязании лишь после речь, а главное дело жалость искоренить, чтоб не было: «папа, папа!» Таким образом начало сделано, дело передано с ненужными // подробностями и даже весело.

Или начнут подличать, или грустно умрут, складывая ручки к богу.

Аграфена — верх искусства, он только прикоснулся, и осталось: воровка, научила девочку, это всякий подумает, дискредитировать свидетеля. Нет, это уже верх ловкости. Этого мы бы с вами не выдумали, читатель.

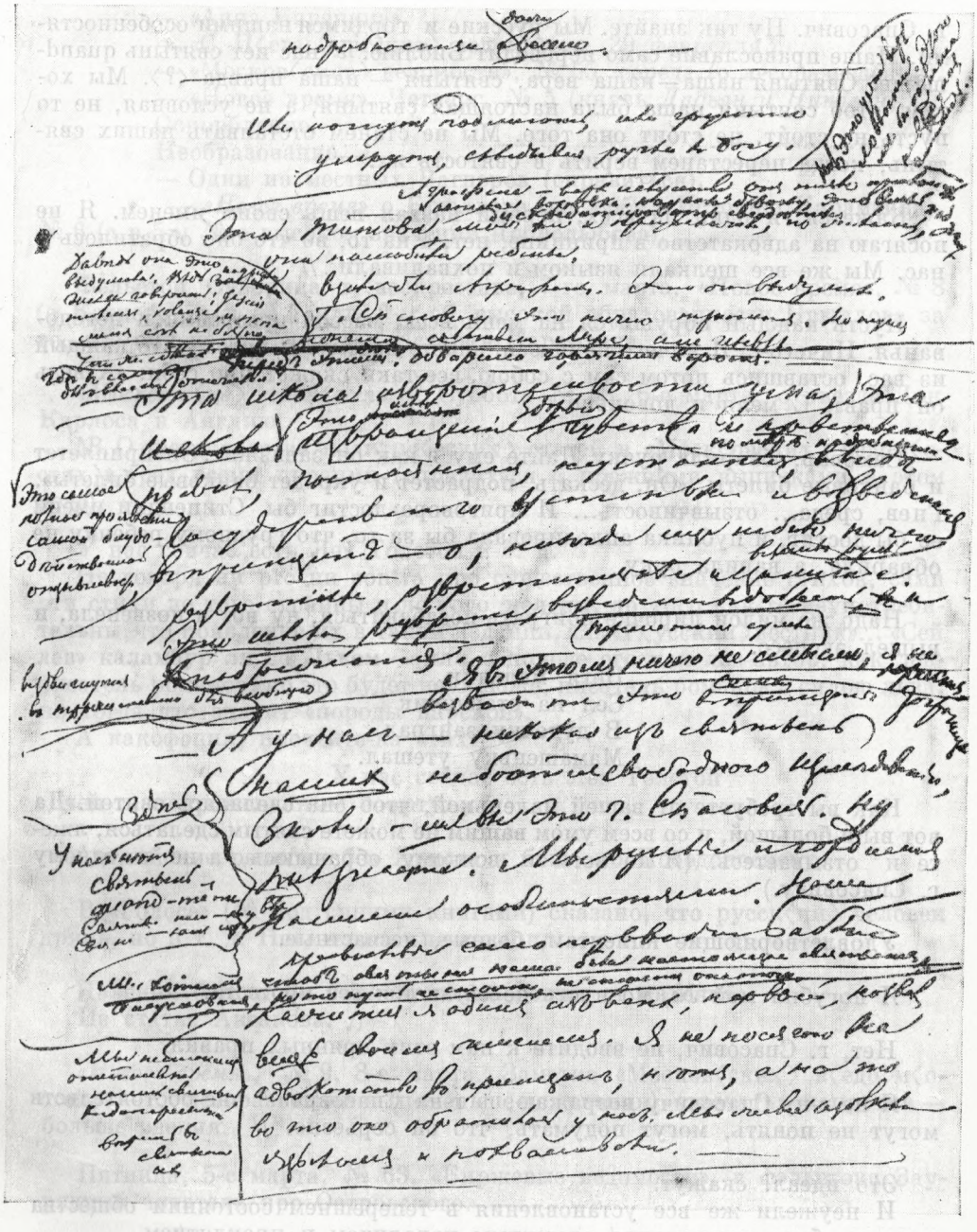
Эта Титова, может, и преувеличила, но, жалость, она полюбила ребенка. Взяла для Аграфены. Это она выдумала. Г. Спасовичу это ничего не значит. Но тут собственно лира, а не человек.

Да ведь она это выдумала. Ведь [заставили же ее] подбили говорить: «Je suis menteuse, voleuse, и папа меня сек не больно». Что же сделалось? Где в самом деле власть отеческая?

Перед этим: ножки 〈?〉 обварила горячим варом. Эта школа изворотливости ума. Это самое полное проявление самой блудодейственной отзывчивости, это [искал] извращение здорового чувства и нравственных правил, постоянная, неустанная, по мере надобности, в виде государственного установления, и возведенная в принцип — о, никогда еще не было ничего развратнее, развратительнее и циничнее в земле русской. Это школа разврата, возведенная в доблесть [в] и воздвигнутая [в] торжественно для всеобщего подражания. Переметные сумы.

Я в этом ничего не смыслю, я не юрист.

Семья. Возводите это в принципы заграницей. А у нас — никакая из святынь наших не боится свободного исследования, знали ли вы это,



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К СТАТЬЕ О ДЕЛЕ КРОНЕБЕРГА ДЛЯ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Записная тетрадь, 1876

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

г. Спасович. Ну так знайте. Мы русские и гордимся нашими особенностями. Наше православие само переводит Библию. У нас нет святынь quandmême. Святыня наша—наша вера, святыня — наша правда (?). Мы хотим, чтоб святыня наша была настоящая святыня, а не условная, не то́ пусть не стоит, не сто́ит она того. Мы не станем отстаивать наших святынь, когда перестанем верить в святость их.

Кажется, я один из всех, первый назвал вещь своим именем. Я не посягаю на адвокатство в принципе, нет, а на то, во что оно обратилось у нас. Мы же все щелкали языком и похваливали. //

Пусть каждый обрушится на меня всею массой презрения и негодованья. Ничего-с! Я ничего не боюсь, знаете почему? А потому что каждый из вас, оставшись потом сам с собою, все-таки скажет про себя: «А ведь он прав». С меня и довольно.

Самовар, обварила ручку. Дайте ему и как он завизжит. Он приплетет и банковые билеты. «Он, дескать, подрастет и украдет банковые билеты». Гнев, среда... отзывчивость... И приговора достиг бы. Стипендии имени ее бы достиг, и публика аплодировала бы за то, что грудному ребенку не обварила, а варила руку.

Надо же милой лирочке поиграть-позабавиться, ну вот и позвенела, и вышел эксцесс.

Петя мальчик
Сел на стаканчик
В дудочку заиграл
Мамашеньку утешал.

Как вы требуете от вашей маленькой, чтоб она сделалась святой. Да вот вы и большой, и со всем умом вашим не можете святым сделаться, лжете и отзываетесь. (Я ко всем и всякому обращаюсь, а не к одному г. Спасовичу.)

Удовлетворяющие клиентам, бедные, несчастные.

Я погубил мой №, но пусть не останется без протеста.

Нет, г. Спасович, не вводите к нам этих дрянных правил.

Я не г-ну Спасовичу возражаю, а г-на Спасовича * вне обстоятельств могут не понять, могут подумать, что он серьезно. //

Это идеал! скажут.

И неужели же все установления в теперешнем состоянии общества должны быть непременно одержимы параличом и проклятием.

Перед социализмом стыдно!
Мы не золотого века хотим, а только чтоб быть почестнее!
Потому что есть всему мера и всему черта.

Март.— О войне и о Европе.
— Об анонимных письмах.
— О распределении читателей по губерниям, выводы.

---

* *В оригинале:* г-ну Спасовичу

— «Анна Каренина».
— «С.-П⟨етербургские⟩ ведомости», 29 февр⟨аля⟩.
— «Москов⟨ские⟩ ведомости», № 55, середа (о лесоразведении).
— «Новое время». Четверг, № 5 (князь *Дадьян и Николай*).
Оскорбление.
Необразование.
— Один из местных Вагнеров (справиться).
— «*Новое время*» о Брюллове (не любил Историю Карамзина), № 6 (а в 5-м № о высоком значении Добролюбова).

Фельетон Суворина в воскресенье, 7-го марта. «Новое время», № 8 (о Каткове), а в № 7 или 6-м об высокой образованности Брюллова за то, что ему не понравилась История Карамзина.

«*Московск⟨ие⟩ ведом⟨ости⟩*». Суббота № 58, 6-е марта, о въезде Дон Карлоса в Англию.
NB. О превосходстве политич⟨еских⟩ статей в «Моск⟨овских⟩ ведом⟨остях⟩» пред всеми прочими (справиться с прежними выписками в этом роде).

У нас сейчас есть Лев Толстой и т. д.
Не говоря ни pro ни contra про существенное значение стихов, сами эти стихи до того странны и до того неясны, до того как-то неупотребительны, что появление их в таком издании, как «Р⟨усский⟩ вестник»... «Сей лев» каламбур ли со Львом — или о породе его как лев-автор, как лев-писатель романов, но это будет неуклюже, писатель романов с силою льва, но тогда что значит «породы царской».
А какофония, прочтите-ка стих:

У нас сейчас есть Лев Толстой

с чем-то непрожеванным во рту.

Английские религии без Христа и бога, по Победоносцеву.

В «Голосе» (№ под синими книгами) сказано, что русск⟨ий⟩ человек дрянь, но и т. д. Нет, я этого не говорил.

Явления бегают за наукой, наука бежит от явлений.
Из статьи Аксакова. //

«*Новое время*», № 9, 8-е марта. Заметка «Москов⟨ских⟩ в⟨едо⟩м⟨остей⟩» — о лесоразведении (поменьше-де рвения) отвечать: напротив — больше рвения.

Пятница, 5-е марта, № 63, «Биржевые ведомости», в фельетоне Заурядный читатель про Островского.

Что лучше: добро или зло? Решение ему человечество. *Главное*.
⟨...⟩ Земледелие в упадке, беспорядок. Например, лесоистребление ⟨...⟩ Фет: о выпахивании. Признак: тогда усаживается что-нибудь твердо, когда твердо стоит земледелие (NB, ни того, откуда придет земледелие, с чем связано,— мы не разбираем). Тогда явятся и лучшие люди. Откуда явятся? Дворянство ли, семинаристы ли, или сами собой из землетрясения выскочат.
Откуда же внешний толчок придет — война.
О войне вообще.
Затем Европа и, может, об окраинах.

NB. Герцеговинцы. «Новое время» по «Москов‹ским› ведомост‹ям›», № 12. Статья Суворина о плюсовой литературе.

Сыскать историю.

О святом Ниле Сорском и о *собственности*. «*Новое время*», 8-е марта, № 9.

«*Голос*». Вторн‹ик›, 9 марта, № 69. О ловле рыбы в Ильмене (купчишки, государственное дело, как же без капиталу. О движении русских войск в Средн‹ей› Азии. Английские газеты).

В «Нов‹ом› времени» о петербургс‹ких› чиновниках (гигиена из журн‹ала› «Здоровье»).

Сход‹ить› в Академию, в маг‹азин› Овчинникова, в воспитательный дом, в подвальные этажи *.

Война иногда лучше мира: ввернуть встречу Ильи со каликою Иванищем.

(Олень, басня Езопова).

Люди лучшие: и неужто таков закон, чтоб всегда были Иванищи — среда. Откуда возьмутся. //

Встреча с 104-летней старушкой.

— (Оставь на погляденьице)

— (Пятны на солнце)

— (О паспортах, вредящих производительности в России, передовая «Москов‹ских› ведом‹остей›», № 59. Воскресенье, 7 марта, NB). Отыскать замечание Победоносцева о паспортах (паспорт защита).

Паспорт зависит от общины и от воли ее, а община связана лишь всего более финансовой круговой порукой.

Сохранить общину с входом и выходом свободным, по крайней мере до известного времени.

«*Гражданин*» *от 7 марта* (о переводе Библии вновь с еврейского на славянский).

О том, что Россия постоянно мила для Европы. И уж, *конечно*, реформа Петра послужила гораздо больше в пользу немцев, чем русских (см. выше).

«Новое время», № 3 («Гражд‹анин›», 7 марта)—выписки из «Молвы» **: письмо крестьянина о телесном наказании. NB. Подделка. Телесное наказание розгами, по всей вероятности, прекратится не ранее как с совершенным истреблением лесов Европейской России,— т. е. значит продержится по крайней мере еще лет пятнадцать. Ибо, кажется, совершенное исчезновение деревьев последует все же не ранее 15 лет, несмотря даже на крики газет, что нельзя стеснять, что будем с медведями.

Побольше бы чувства, сердца, да действительного,— а не то чтоб только в литературе.

Перечитать материал.

— Старушка, 104 года.

— Гадание в карты, валет.

---

* *На полях слева:* Здесь

** *В оригинале описка:* Москвы

— Лизавета Кузьминична и дрезденская мадонна.
— Нянюшка Алена Фроловна.
— Генерал — высунул язык.
(Лизавета Смердящая.)
— Илюша и Иванище.
— Спиритический сеанс 13 февр⟨аля⟩. О Фоме Неверном.
— Язык в зеркале.
— Если есть какие идеи на Западе, то они лишь социальные, коммунистические (новая вера, новые основания нравственные, старые отвергнуты, напрасно Н. М⟨ихайловский⟩ сердится за то, что атеисты). [Но есть]

«Голос», № 70, среда, 10 марта, из Америки о среднеазиатском вопросе.

«Голос», № 71, 11 марта, четверг, известия о сечениях, о Куперникe и проч.
Строгая статья о спиритской комиссии. //

«*Новое время*», ⟨№⟩ 12, 11 марта. Четверг. Литературное обозрение (бестолковщина). О плюсовых идеалах. Там же: мнение о герцеговинском вопросе всех газет («Московские ведомости»).

«Что такое лучшие люди?» и т. д. (Слова, которыми начать статью) или «Вред или польза войны?» Какая дичь вопроса и т. д.)

Программа peut être *, «Новое время», № 13, пятница, 12 марта (о восточном вопросе — смешное решение). О спиритизме и о том, что он глубже лекции Менделеева и что глубина его лежит в шатании современных людей и т. д. А не современных? Так ли это, как вы думаете? Тут искание нравственного успокоения при потере религии — и вот *где настоящая глубина*. А успокоиться и не шататься не так-то скоро можно. В чем лучшее и что лучшее, вот вопрос. То же «Новое время» о плюсовых людях... Где их взять? Где хорошие люди? [Где идеалы] Хорошие люди соприкасаются с идеалами. Во Франции — в «Misérables». В твердой Англии — Диккенс, идеал его слишком скромен и незамысловат. В наше время поднялись вопросы: хорошо ли хорошее-то? Хорошо ли, например, терпение и смирение Христово? Как должно устроиться равенство людей,— через любовь ли всеобщую, утопию, или через закон необходимости, самосохранения и опытов науки. Но в Евангелии же предречено, что законы самосохранения и опыты науки ничего не отыщут и не успокоят людей. Что люди успокаиваются не прогрессом ума и необходимости, а нравственным признанием [кра] высшей красоты, служащей идеалом для всех, перед которой все бы распростерлись и успокоились: вот, дескать, что есть истина, во имя которой все бы обнялись и пустились действовать, достигая ее (красоту). Как требовать от литературы нашей идеала положительного: с Петра народ на фербанте, а в нас самих мы разуверились. Белинского спасли будущие грезы: науки и новых оснований. Я сказал, что ждать от народа, от православия. Я указал на Тургенева и проч. Но это лишь попытки, [намеки] намеки. Возможнее рисовать реальные фигуры страдальцев от внутреннего недоумения. Увы, я всю жизнь писал это. Существуют, правда, типы Каратаевых,— но это лишь народ. Существует семейство, изображенное Львом Толстым. Но семейство это преходит. Что же вы подразумеваете под плюсовыми достижениями. Вы не в состоянии будете объяснить это. Потугин. *Взгляните*

* возможная (*франц.*).

на Потугиных,— вам поневоле придется остановиться на литературе *Дела*. Но у них потому и талантов нет, что дело еще не разъяснено и что оно пока еще лишь мечта.

Свалившийся и придавивший кирпич («Бесы»).

Идолище.

Шатание наше от вторгшейся к нам Европы, а если уж Европа шатается, то как не шататься нам. //

Кстати о спиритизме. Сеанс 13-го февраля. Отвращение от чертей. Факиры. Чудо, тайна. Масоны.

Вопрос герцеговинцев. Славяне. Византия. Православная империя.— Славяне и их отношение к нам.— Война. Война вообще. Война носится в воздухе, в будущем, дети наши. Все европейские недоумения должны решиться даже в нынешнем столетии.

Глубокая тишина царила в Европе, когда Фридрих Великий и проч. Папа — и проч. Франция. Она не выжила. Она носит идею — коммунизм. Она была обманута христианством, утомилась и отвергла его, отвергнув завоевателей. Теперь она хочет сама решить и хочет делиться. Но делиться нельзя,— то устроиться разумно, научно и человеколюбиво, любя друга друга, работая и живя друг для друга — и будучи крепки один другим. Одним словом, та же церковь, религия, храм, но без Христа. Забыли только, что все это утопия. Не знают, хлебом ли одним. Научно, без религии,— но человек не захочет отдать своих стеснений за хлеб,— возможности нет представить разрешение. Между тем начинена вся Европа. И дети наши увидят. А не пойдет ли папа. Я говорил в романе «Бесы». Тогда все рухнет об Россию. Вот тут мы должны быть целы и выставим православие.

Потому что спиритизм отвечает огромной массе людей, как и легкомысленно верующих, так и праздных на чудеса, так и просто глубоко верующих (Прибыткова).

У нас ученые вряд ли найдут столько храбрости, чтоб подтвердить явление.

Не возрастет ли и не очистится ли наше православие в представителях и предстоятелях его в борьбе с этим учением. //

Разговоры со столом, как с интеллигентным лицом, отвратительны, ибо грубы. Человек, стыдящийся поверить будущей жизни, преклоняется перед несколькими звуками и верит!

Явление подымающихся столов — надо проверить. Любопытно тоже, почему, если это духи, они так слабы, капризны, непременно стол, при таких условиях раздражают душу и нервы.

Древняя трагедия — богослужение, а Шекспир отчаяние. Что отчаяннее Дон Кихота. Красота Дездемоны только принесена в жертву. Жертва жизни у Гете. Но этого мало: обществу надо действительного счастья и моленья,— плюсовые ли типы Шекспира. Шекспир наших времен тоже вносил бы отчаяние. Но во времена Шекспира была еще крепка вера. Теперь же все действительно хотят счастья. Надо всем науки. Но наука еще захватила так мало людей. Общество не хочет бога, потому что бог противоречит науке.— Ну вот и от литературы требуют плюсового последнего слова — счастья. Требуют изображения тех людей, которые счастливы и довольны воистину без бога и во имя науки и прекрасны,— и тех условий, при *которых все это может быть, т. е. положительных изобр⟨ажений⟩*.

Если хотите, человек должен быть глубоко несчастен, ибо тогда он будет счастлив. Если же он будет постоянно счастлив, то он тотчас же сделается глубоко несчастлив.

Афоризм Прутк⟨ова⟩. (Счастье не в счастьи, а лишь в достижении.)

Чувство гармонии природы, как у Гете.

Математическое верование самое трудно уверяющее. Фома уверовал потому, что желал уверовать. [Ст] Я не желал уверовать и не поверил. Стуки (машинкой, и одно подозрение, хотя я и никого не мог заподозрить) не действовали на мое сердце, ровно на звон под столом и поднятие и проч. (надо проверить). Но если б я желал уверовать, дело было бы иначе. Я, впрочем, не видел высших тайн: факир не торжественность и мальчишество чудес. Повесть в Париже — все смеются. Осужден мировым судьей.

Спиритизм — какая глубокая чья-то насмешка над людьми, изнывающими по утраченной истине, и тут кто-то говорит: постучите-ка в стол, и мы вам, пожалуй, ответим, что вам делать и где ваша истина. //

«Наше общество шатается». Это легко лишь сказать, но в дисгармонию его никто не хочет вникнуть. Старые писатели даже и не понимают, критики тоже.— Молодой человек собирается и читает Евангелие, другой изобретает религию, проповедует нигилистам, бежит в Америку, [женщина] жена его, слушает курсы. Все это исключения, скажете вы? Так ли? А где же ваше не исключение-то ⟨...⟩ эти присяжные поверенные? (Куперник) Шатаются! Да ведь самая эта шатость есть чрезвычайное знамение. На чем же вы думаете они установятся? На науке? А где же установилось что-нибудь на науке? В Европе держатся и лепятся еще на старых отживающих началах, а другая половина людей кричит, что надо прочь эти начала, и ужасно шатается и т. д. (земледелие, NB).

Дело это далеко не решено.

Шекспир поэт отчаяния. Где примирение. [В] Было в вере, но вера утрачена, в чем же, где этот муравейник? Не у масонов ли? Право, мне мерещилось всегда, что у них какая-то тайна, адово разумение, [но такая-то] тайна муравья. Но такая тайна равносильна обращению человека в муравья, коли дан разум. Да и человек не захочет муравьиного гнезда. Предположится наукой найденный муравейник. Потребуются лишения, условия, ограничения личности. Для чего я стану ее ограничивать. Для хлеба. Не хочу хлеба, и взбунтуется. И еще долго пройдет, когда встанет человек. *Я хочу не такого общества* *, *где бы я не мог делать зла, а такого именно, чтоб я мог делать всякое зло, но не хотел его делать сам* (выписка из «Подростка», ⟨из⟩ Атеизма). Смотри Кайданов.

Из любви к человечеству? Кстати в Англии вера без бога, в человечество. Но ведь это то же самое.

Слушайте: выписка из *Атеизма* не то ли самое?

Один человек, который следит за этим, рассказывал мне, что в Англии есть веры (секты) и т. д.

Выписка о воспитательности протестантизма и о встрече Дон Карлоса.

NB. Словечки в синих книгах.

Дон Кихот: Полон чистою любовью
Верен сладостной мечте —

* *Ниже под строкой:* научного

И тут вдруг Николай и Дадьян.

Тогда поездка была важным делом, тогда не было железных дорог.

Несчастливость и одна мысль об том, что он искоренит, это ее убило задолго до железной дороги, обошедшей втрое на версту, или до откупов.

Кончить *войну*. Этими словами о зле. Да ведь вы проповедуете братоубийство. Может быть, нет. Это только жертва жизнию. Когда будет рай. Видите ли, рая не будет, но будет наука! Вот видите ли, я не хочу муравейника. NB (Зло) //

Вопрос герцеговинский, так как он стал, Россия, разумеется, не сможет разрешить без объявления войны, но к тому не пришло время.

[Чту] Английская секта. Не верят в бога, но чтут как бывшую веру [в] человечества. Это действительно есть обоготворение и обожание человечества, удивительная любовь, я был прав. Атеизм, любовь и грусть.

«Московск〈ие〉 ведомости», март 4, № 56 *. Передовая по поводу брошюры Чихачева, много вздору.

«Московские ведомости» (бесспорно самая основательная из наших политических газет) говорят, что, пока Россия и Пруссия в дружбе и занимаются своим делом,— не будет столкновения. Но уж одна эта постановка вопроса намекает лишь на *пока*, следственно не отрицает худого *во времени*. Весь же вопрос в том: когда это время будет. Восточный вопрос переменил центр тяжести, он не в Париже, не в entente cordiale **, и даже не в Англии. Семя его перелетело вихрем обстоятельств на берлинскую ниву, и что же в том, что он глубоко еще закопан в земле: природа возьмет свое, и зерно даст росток.

Восточный вопрос теперь в Берлине, да и все теперь таится и гнездится в Берлине. Приписывают же «Москов〈ские〉 ведомости» даже и установление республики Бисмарку.

Удайся республике установиться и дать благосостояние, и вот на нее и закричат тогда французы: зачем же, дескать, сильная республика не хочет возобновить наши потери. И вот опять [в] правительство принуждено будет объявить войну, чтоб утвердиться, именно чтоб показаться твердым и доказать, как оно твердо и сильно. Все это произойдет по логике вещей. А коммунизм — и чтоб отвлечь общество от страху и грустных мыслей.

Эта боязнь Германии возмездия от Франции есть пока гарантия нашего мира (т. е. нашего с Германией).

Мне говорили, *что Кириллов* не ясен. Я бы вам рассказал про Малькова. Недоконченные типы. Текущая жизнь, слово Гончарова. *Придавленные камнем* из «Бесов» и т. д.

Искреннее.

Маршал Себастьян. Теория превосходная, т. е. что французу ни в каком случае не надо желать быть англичанином, а каждому надо быть в своем виде.— К Потугину.

---

* *На полях слева:* Здесь

** сердечный союз (*франц.*).

Война и будущие идеи Европы. Коммунизм. Падение Бисмарка. Папа. Россия — оплот — все фантазия. Правда ли, что у нас ружей мало? Правда ли, что еще под ⟨?⟩ Черным морем в 3 в 4 миллиона?

Роман. *ОТЦЫ И ДЕТИ.*
Мысли:
— мальчик сидит в колонии для малолетних преступников, ненавидит всех и ждет *, когда объявятся его родные (князья и графы). Любит правду.

Муж убил жену, но видел девятилетний сын; скрыли труп в подполье. Отец и сын обнимаются и трепещут. Сын любит отца, но отец видит, что сын поражен и мучается смертью матери. Оба пока принимают меры спрятать и спрятаться. (Вроде как в «Преступлении и наказании».) Наконец, отец решается предать себя для правды и для сына и для *правды перед сыном*. Перед преданием обнимает сына поминутно (продолжается несколько дней) и все спрашивает [себя] его: будешь или нет любить правду, честь и проч.? Он предает себя для того, чтоб сын продолжал любить его потом, хоть память его. Сыну не говорит, что идет предавать себя, но сын уж это понимает. Идут вместе предавать. Отец доносит на себя, а сын свидетелем.

Отец, оставшись вдовцом после жены, узнает, что сын его *не его*, а от любовника. По крайней мере подозревает. Заводит ночью, оставляет где-то на улице на морозе, а сам бежит от него. Потом не может найти.

Дети, бежавшие сами от отца.

Дети, в толпе, одолевающие неправду, одерживают победы, торжествуют и т. д.
NB. Тип мечтателя (смотри в старых книжках). //

Мальчик три дня у Спаса под престолом.

Американская дуэль двух гимназистов за Льва Толстого.

Мальчик (отрок) сокрушитель женских сердец и знаток женщин.

NB. Для жены важно лишь то, чтоб муж оставался ей верным *на деле*; мечты же его о других идеалах и женщинах не могут смутить ее нисколько. Самая радикальная измена мужа в мечтах (н⟨а⟩пр⟨имер⟩, влюбился) значит для жены — ничто сравнительно с самой крошечной изменой на деле (в случае какого-нибудь совсем случайного и *нечаянного* совокупления с какой-нибудь летучей женщиной, которая побыла минуту и ушла навеки).

Баня. Аполлонова нога.

Вся история Кронеберга в эпизоде романа, и с Сусловой, свидетельствующей о пороках девочки.

Митрофания. И кричит адвокат исступленно—либерально-заимствованно и ударяет по сердцам исступленно-либеральным-заимствованным.—Не жена, а Прокопия или Агаф⟨они⟩я.

Отцы и дети. Рассказ Феди о *Крымске* и о своем брате. В Фребелевской школе и новейшие учительницы возбуждают на него целую бурю: стыдят его за ложь, срамят перед товарищами (возбуждая в них же дур-

* *Над строкой:* (мечтает)

ные инстинкты ненависти), подвергают насмешкам, возбуждают в нем стыд и ненависть — и приводят его к отчаянию и к падению *. Тут отец Кронеберг и т. д.

Жемчужников и «Богородица».

Семейство. «Из-за трех целковых». Смерть с этими словами. Память вдовы, детей.

...Мечтатель, у него сын, которым он мало занимается физически, но духовно (иногда) воспламеняет его. Жену только воображает, что сжег (мачеха, мальчик), но, когда еще он воображал, принесли ее с оторванными ногами (железоконная дорога). Она умерла, *прося у него прощения (по-русски).* //

Реальность и истинность требований коммунизма и социализма и неизбежность европейского потрясения. Но тут наука — вне Христа и с полной верой. Должны быть открыты такие точные уже научные отношения между людей и новый нравственный порядок — (нет любви, есть один эгоизм, т. е. борьба за существование) — науке верят твердо. Массы рвутся раньше науки и ограбят. Новое построение возьмет века. Века страшной смуты. [Деспотизм за кусок] [Все св] А ну как все сведется лишь на деспотизм за кусок. Слишком много отдать духа за хлеб.

Если любить друг друга, то ведь сейчас достигнешь. Чтоб любить друг друга, нужно бороться с собой,— говорит церковь. Атеисты кричат: измена природе. Бремена тяжкие, тогда как это лишь наслаждение. А затем римская церковь прибавила: не рассуждать, слушаться и будет муравейник. Науку приняли за бунт.

Папе стоит сказать: да, друзья мои, вы братья **, но если вас не хотят братья, то ведь мир нелеп.

Коммунизм произошел из христианства, из высокого воззрения на человека, но вместо *самовольной любви*, не любимые берутся за палки и хотят сами отнять то, что им не дали не любившие их. В этом виновна римская церковь. Человечество хоть с отвращением повиновалось ей, но до науки. Она восстала, [а энц] и, когда наступило время, энциклопедисты стали проповедовать людям и всему миру, что она настала и что можно обойтись без церкви и без Христа. Тогда последовала революция, она довольствовалась очень малым, но потом социализм.

Наука в нашем веке опровергает все в прежнем воззрении. Всякое*** твое желание, всякий твой грех произошел от естественности твоих неудовлетворенных потребностей, стало быть их надо удовлетворить. Радикальное опровержение христианства и его нравственности. Христос-де не знал науки. Непременная потребность новой нравственности (ибо единым хлебом не будет жив человек).—Собственность, семья, уверяют они, держалась лишь на старой нравственности. Закон необходимости **** или закон любви? Но закон науки не устоит, не стóит того хлеб. А приняв закон любви, придете к Христу же. Вот это-то и будет, может быть, второе пришествие Христово. Но пока чтó перенесет человечество?

Мы увлеклись и нафантазировали, но знайте, что все это случится, или по крайней мере начнет случаться, при нас. Как падут Бисмарки. Все застанется врасплох: Россия, православие. Посм⟨отр⟩ите, что такое православие. Герцеговинцы, решения газет и проч.

---

* *На полях слева:* с Ольхиным

** Ниже над строкой: ou la mort

*** *Над строкой:* Все это

**** *Под строкой:* науки

Ждать смирения, т. е. победить зло красотою моей любви и строгого образа воздержания и управления собою.

Распаль в палате. О любви к ближнему.
Все ваши проклятые вопросы верны. Смирение вовсе не сила!
Все пороки ваши лишь от обстоятельств и от среды. А потому прочь эту среду и создать новую во имя науки.

Правда, наука только лишь начинается. Нет бога, потому что отыскать его негде (г. Шкляревск. рука).
Заметьте №, тут прямо учение об уничтожении воли и уменьшении личности человеческой. Вот уж и жертва людей науке.

Наука есть дело великое, но всего человечека она не удовлетворит. Человек обширнее своей науки. Это Евангелие. //

«Новое время», № 15. «Церковно-обществ⟨енный⟩ вестник» о спиритизме.
«С.-П⟨етербургские⟩ ведомости» об священнической одежде.

«Голос». Воскресенье, 14 марта, № 74. *Монструозность сообщений.*
— Политика.
— Литературн⟨ая⟩ критика
— и разные случаи.

«Московск⟨ие⟩ ведомости», № 65 (13 марта), передовая статья о герцеговинцах.

«Биржевые ⟨ведомости⟩», № 72. Воскресенье. О Купернике.

Большой разлад в спиритизме. Сомнения нет, что скоро прочтем в газетах взаимные обвинения.

Длинная рука в Париже. Желающие веровать — уверуют, не желающие будут смеяться.

По утру 15-го программу. Войну пересмотреть.

Вместо красоты людей в типах красота *правил*, и дурной человек, делающийся вдруг прекрасным в обороте жизни при наитии нормальных, естественных чувств. Это христиански — хорошо.
Если же литература обратная (Дела), то, разумеется, ничего не будет, как ни старайтесь.
«Пострадать хочу!»

В «*Голосе*», 15 марта, № 75. Хвалебный гимн целости и зрелости французской республики. Но забыли, что республика вечно будет в подозрении. И что у президента в голове (которого так чтит армия, с удовольствием замечает «Голос») ни одной политической мысли в голове кроме j'y suis et j'y reste *. Да и вечно суждено быть тому во Франции, что каждое правительство прежде всего должно заботиться о своем водворении и укоренении и, стало быть, лишь $^1/_2$ сил своих может употребить на Францию, а остальное все на себя. Тут пример Наполеона III-го. //

«Голос», № 75. Смотр⟨и⟩ отмеченные *чертой* места. Мы наиболее сочувствуем республике, потому что сочувствуем свободе. Кто наиболее может быть свободен, так это мы. У нас нет спору о власти... Власть могла бы дать у нас все льготы... И если до сих пор что мешает [сему] тому, то это, без сомнения, наш европеизм.

---

* я — здесь и здесь остаюсь (*франц.*).

У нас настоящий свободолюбец должен быть наиболее монархичен. Вот наша сила политическая, и мы должны на нее опереться, чтобы употребить ее в дело.

Гамме: Не имея идеалов, т. е. не имея добрых желаний, каким образом мы можем стать честны,— у меня же есть шанс, а вы шансу не оставляете. Надеюсь, вы на мое возражение не рассердитесь.

Гамме. Читал о Купернике прежде *. Читал «Голос» (о пучке фактов), читал о плюсовых. Все о древней литературе (богослужение). О новейших, об литературе отчаяния, об общечеловеческой правде Льва Толстого. Выноска. О Дон Кихоте. О Шекспире, *Диккенсе*. «Misérables» (единственный идеал), у Диккенса — не идеал, у нас — «Отрочество», у Тургенева — «Дворянское гнездо».— Романы *Дела*, к сожалению, не удались.

Прекрасное в идеале недостижимо по чрезвычайной силе и глубине запроса. Отдельными явлениями. Оставайтесь правдивыми. Идеал дал Христос. Литература красоты одна лишь спасет. Где наши лучшие люди. Читал анекдот о Розене. Читал о факирах и принце Вельском. Читал о спиритах. Правда отношений, где критериум: была вера. Затем разные гуманные чувства —все из веры вышли. Затем неправда — правдой.

[Старушка]

Читал № «Голоса».

Много о герцеговинцах. *О войне.*

Республика. Коммуна. Все начинено. Закон необходимости и закон Христов. Церковь протестантская, выписка,— и богослужение атеистов. Лучшие люди. Проклятые вопросы. А потому не может быть литературы. И потому [пишут] могут писать лишь литераторы, еще верующие в вековечный порядок. Шатающиеся—да, но шатание это не временное, не одно русское.

Старушка.

Значит, план тот: что и как читал: одно за другим **. 16⟨го⟩, завтра утром, *о лучших людях* и о *войне* — приискать.

Читал о спиритизме, о священнических одеждах, читал о въезде Дон Карлоса.

Шекспир еще при Христе, тогда разрешалось, теперь же не разрешимо и обратилось в литературу. Тревожили отчаяние, вопросы.

Шекспир еще при Христе. Тогда разрешалось. Теперь не разрешимо и вновь выступило. Гамлет. Дон Кихот. Проклятые вопросы (смотр⟨и⟩ выше). Не знают, что правда, что нет. Богослужение в Англии. У нас пишут те, которые верят (выписка о протестантах). Лучшие люди, дворянство, были,— выступят лучшие люди откуда-то, что-то скажут, с чем-то придут. Дело, Писаревы хотели поскорее решить, но не удалось, да и мало таланту. На Западе, у безмерно талантливых писателей, у Жорж Занда, тоже не удалось.

Офицера Дружинина. Вот уж подлинно идея, попавшаяся Иванищу.//

Во Франции желание жить и коммунизм с богослужением.

Отделаться одной, так сказать, научно-экономической необходимостью, кроме задачи найти разрешение муравейника, ведь вы потребуете

---

* *Над строкой.*

** *На полях слева:* Здесь

жертв, а согласится ли на них личность человека. Без богослужения нельзя, я богослужение, в самом широком смысле. *Атеизм и богослужение человечеству.*

Выгодой не возьмешь, надо богослужение.

Куперн⟨ик⟩ стрелял для эффекта, так, для внушения ямщику, для эффекта.

Вот вы увидите, что дело кончится пустяками, а впрочем, дело забавное.

Всякая нравственность выходит из религии, ибо религия есть только формула нравственности.

Калика Иванище судит о Христе, о нелепости того, что он заплакал, воскрешая Лазаря.

Старушка. Если этот факт рассказать художественно, т. е. вдохновился бы им великий художник, то могла бы выйти прехорошенькая картинка, с мыслию, с умением и даже с «проклятыми вопросами», но под обаянием картинки вы не побоитесь проклятого вопроса.

Кроме проклятых вопросов — есть наши вопросы тоже проклятые. Наприм⟨ер⟩. Откуда к нам придут теперь лучшие люди? Дворянство ли, народ ли (Фадеев), но в народные идеалы не верят многие и не знают их, даже говорят, что лучше совсем не надо идеалов.

(полунаука, Россия, полунаука).

Калика-Иванище есть средина, полуобразование, Калика-Иванище ученый, литератор,— он пишет о чем угодно. (О Христе, заплакал, как пример решений.)

Да откуда он узнал, что «надо немцев бить».
О войне, нет эта война мне не дается.
Но вот суждение о войне.
В следующ⟨ий⟩ раз о войне, о Европе.
Роль дворянства, Фадеев, идеал.

Иванище теперь решает, а прежде решали сильные и лучшие. Скажут, что пусть и теперь решают лучшие люди. Да так и есть, и за ними всегда окончательное слово, но Иванище многого не понимает, оттого много смуты.

Сакс, имеющий возможность знать (и по уму и по гуманности своей), во что обратится для нее этот шаг. //

1) Гамма.
2) Читал * [в «Молве» письмо о розгах].
О Дон Карлосе, маршал Себастьян.
3) О [князе Дадьяне, Митрофании], об одеждах священников.
4) О факирах.
О Калике-Иванище (полуобразование).
5) О Куперник — 3.
6) О титуле королевы Виктории, серьезно свидетельствующем о серьезности опасений (уж мотивированный тем титул).
О спиритизме (все) — 9 + 4.

---

* *На полях слева повторено* читал

Читал о пучке фактов — 5.
7) Читал о плюсовой литературе — 10.
(коммуна)
О герцеговинцах
и о европейских делах.
Слышал о старушке.
11) О краже австрийского посланника.
Кайданов
12) Война.
13) Старушка, пучок[ми] Езопов, Куперник, пучок фактов.—О спиритизме.— Калика-Иванище.— О войне — и закончить Европой слегка.
Иванище ли это говорил, или Илья.
Москва 3-ий Рим
Петерсон — 5.
6-е — коммунизм и Европа.
О { войне / герцеговинцах.
Вера атеистов протестантов.
Читал-де о титуле, об одеждах священников.
Калика Иванище и спиритизм.
Выкачивать воздух. Решение научное в противуположность нравственному: не воруй.

Мне кажется, литература нашего периода кончилась. Гадательная литература утопистов (Дела) ничего не скажет и не найдет талантов.
Опять на народные силы, когда народ, как мы, твердо станет (но когда это будет), он проявит своего Пушкина.

А затем что-нибудь рассказать.
Сегодня я [встре] сделал довольно любопытную встречу.

Война. У нас много казенных понятий, так и о войне.

Иванище всегда любит и наклонен произвести скорее окончательное решение.

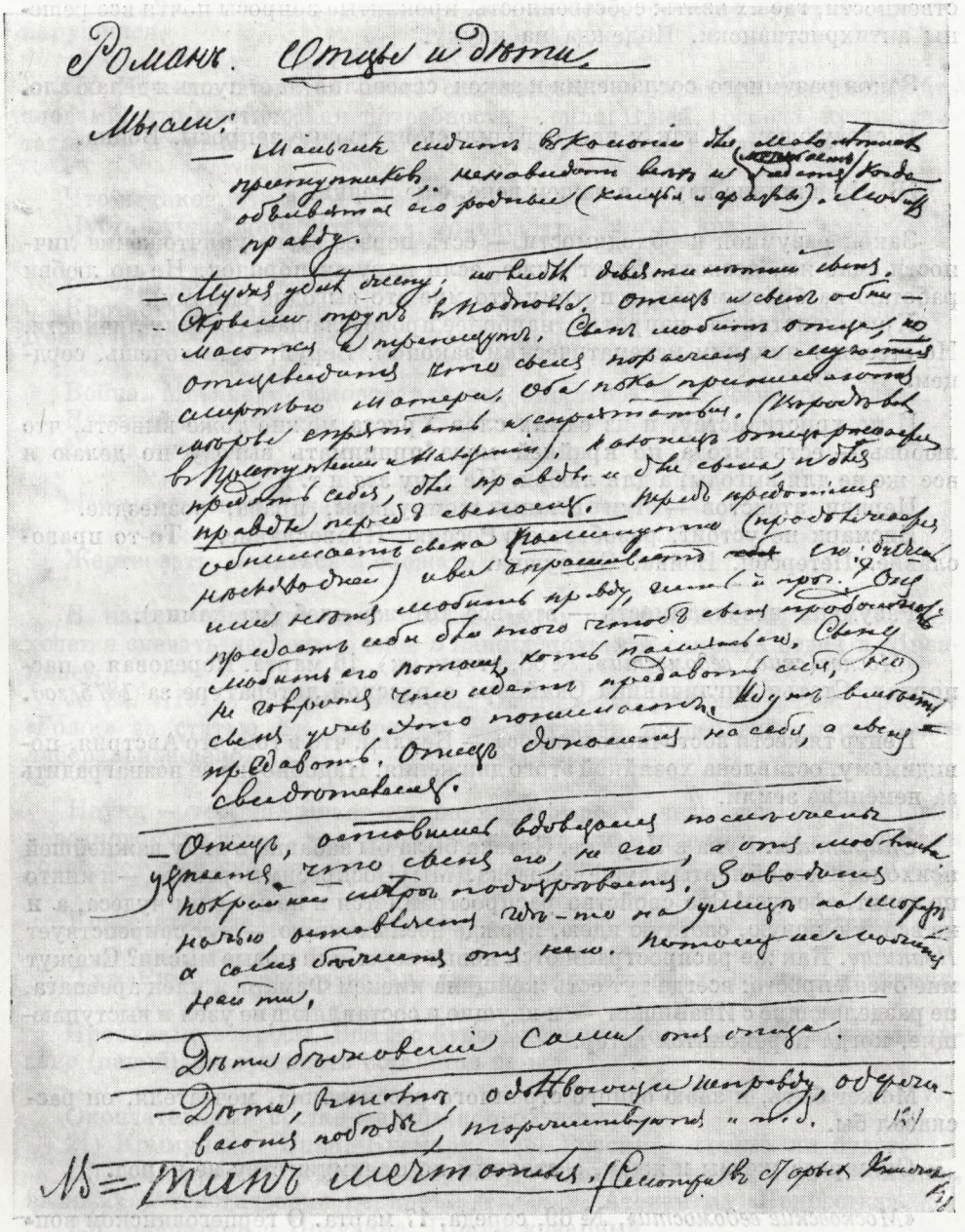
Литература *Дела* это, так сказать, аристократическая литература образования — [бредн] хотя и об народе,— это только бредни господ и госпож о всеобщем равенстве и проч.

Подойдет ли весь человек под рассудок и под выводы науки. Захочет зло делать и сам оставить самовольно церковь атеистов *.
Атеизм из «Подростка».

Союз всех властей против католичества. 1-е) война.
2) Обозрение, Мак-Магония, Гамбетта — соседи.
3) Папа. Союз всех властей против католичества.
4) Пойдет в коммунизм. Коммунизм. //

Происхожден⟨ие⟩. Коммунизм. От падения победителей. Демос — раздробление собственности. Римская церковь.— Коммунизм, даст ли разум нравственные законы, захочет ли человек жить без моления. Церковь атеистов. Знает ли наука натуру человека. За хлеб захочет ли отдать жертвы. Значит, все еще теория. Правее всех утописты. У них все же закон любви. Атеизм из «Подростка». Луи Блан и Распали — и раздраженные коммунары. Зачем у нас Михайловский. Это закон. Католическая церковь

* *На полях слева:* Коммунизм



Романъ. Отцы и дѣти.

Мысли:

— Мальчикъ сидитъ въ колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, ненавидитъ всѣхъ и (мечтаетъ) ждетъ когда объявятся его родные (князья и графы). Любитъ правду.

— Мужъ удалъ жену, но видѣлъ девятилѣтній сынъ. Скрыли трупъ въ подполье. Отецъ и сынъ обнимаются и трепещутъ. Сынъ любитъ отца, но отецъ видитъ что сынъ пораженъ и мучается смертью матери. Оба пока принимаются мѣры спрятать и спрятаться. (Вѣроятно въ Преступленіи и Наказаніи). Наконецъ отецъ рѣшается предать себя, для правды и для сына, и для правды передъ сыномъ. Передъ предателемъ обнимаетъ сына [illegible] (продолжается нѣсколько дней) и все спрашиваетъ ~~[illegible]~~ его: будешь ли нѣтъ любить правду, гнѣвъ и проч.? Онъ предаетъ себя для того чтобъ сынъ продолжалъ любить его потомъ, хоть [illegible]. Сынъ не говоритъ что идетъ предавать себя, но сынъ уже это понимаетъ. Идутъ вмѣстѣ предавать. Отецъ доноситъ на себя, а сынъ свидѣтельствуетъ.

— Отецъ, оставшись вдовцомъ послѣ сына, узнаетъ что сынъ его, не его, а отъ любовника. Покрайней мѣрѣ подозрѣваетъ. Заводится ночью, оставляетъ гдѣ-то на улицѣ на морозѣ, а сама бѣжитъ отъ него. Потому не можетъ найти.

— Дѣти бѣжавшіе сами отъ отца.

— Дѣти, вмѣстѣ, одолѣвающіе неправду, одерживаютъ побѣды, торжествуютъ и т. д.

№ — типъ мечтателя. (Смотри въ старыхъ книжкахъ)

ПЛАН НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО РОМАНА ДОСТОЕВСКОГО «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Записная тетрадь, 1876

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

может сделать последнее блудодеяние. А между тем нужны понятия нравственности, где их взять: собственность, проклятые вопросы почти все решены антихристиански. Надежда на науку.

Закон разумного соглашения и закон своеволия: т. е. пусть я делаю зло.

В следующем № как у нас отразились плюсовые запросы. Война.

NB. Но влияние науки в нашем веке, еще щенки.

Закон разумной необходимости — есть первее всего уничтожение личности (мне же, дескать, будет хуже, если нарушу порядок. Не по любви работаю на брата моего, а потому что мне это выгодно самому).

Христианство же, напротив, наиболее провозглашает свободу личности. Не стесняет никаким математическим законом. Веруй, если хочешь, сердцем.

И по христианству, и из самих слов Христа можно тоже вывесть, что любовь — есть выгода, по крайней мере принимать выгоду, но делаю я все же не для выгоды, а для любви. Не хочу *зла* и т. д.

Церкви атеистов — Луи Бланы, коммунары, права, возмездие.

Бисмарк не устоит, разобьется о Россию. Православие.— То-то православие. Петерсон. Война. Старушка.

Разумная необходимость — это все тот же хлеб (из камня).

«*Москов⟨ские⟩ ведомости*», № 68, вторн⟨ик⟩, 16 марта. Передовая о паспортах. Статья англичанина Скайлера о русской литературе за *1875 год*.

Центр тяжести восточного вопроса — Берлин, что в том, что Австрия, повидимому, оставлена хозяйкой этого движения. Надобно же ее вознаградить за немецкие земли. //

Спиритизм. Рука в Париже. Сказка была бы забавна в виду важнейшей психологической черты в душе человека. [Мы] Воскресим мертвого,—и никто не верит, «фокус»! Это свойство распространяется и не на одни чудеса, а и на всякую новую, светлую идею, прежде неслыханную,— тут свирепствует *Иванище*. Как же распространяются новые веры или новые мысли? Скажут мне очень просто: всегда тут есть женщина именем Фамарь и член ареопага, не разделяющие с Иванищем — и идущие и составляющие узел и выступающие, когда переменится ветер.

Может быть, я знаю одного странного рассказчика, мечтателя, он рассказал бы.

От народа же мы и ждем, а столицы по преимуществу не народ.

«*Московские ведомости*», № 69, середа, 17 марта. О герцеговинском вопросе, о мнении «Русского мира» о военных гимназиях и о петербургских газетах.

Захочет ли Европа делить Турцию. Ведь нет. След., придется герцеговинцам покориться. Я не говорю, что это хорошо (напротив, ужасно дурно для герцеговинцев). Я только говорю, что так будет. Во всяком случае, центр тяжести этого вопроса в Берлине, [а не где-ниб] да и всех вопросов, кажется.

То-то и есть, что Иванищи-то, кажется, и управляют, а не Ильи Муромцы.

Буржуа, Бисмарк, и никто-то не понимает друг друга и на то проповедуют мир, надолго мир в Европе, и нет, дескать, никаких мотивов, чтоб он нарушился.

№. Церковь атеистов после спиритизма *. Спиритизм же заключить словами, что мистическая потребность — сила. С ней, господа, нужно считаться — и тут об английской церкви, потребн⟨ость⟩ молиться.

Что ж такое, что воры остаются.
Пусть лучше воры остаются, только, чтоб они не крали. //

Богородице.
Кроткой молельщице за людей. «Скорой заступнице и помощнице». Дон Карлос — что за фигура. Вот единица.

Война. Мнение «Московск⟨их⟩ вед⟨омостей⟩» и «Русск⟨ого⟩ мира».
Военный и штатский.
Война лучше.

Математическим доказательствам трудно верить.

Жертвовать, молиться и обожать.

В нашем обществе мало поэзии, мало пищи духовной. Кстати, мне хочется сказать несколько слов о наших поэтах и открыть отдел в «Дневнике»...
№ 21. «Новое время», 20 марта. Опять за истребление лесов. Дразнят «Голос» за статью Ев. Маркова. Да неужели истребление лесов такое либеральное дело.

Наука — теория. Знает ли наука природу человеческую? Условия невозможности делать зло — искореняют ли зло и злодеев?—И не явится ли голос, который скажет, хочу иметь возможность делать зло, но... и т. д.

Константинополь православен, а что православное, то русское.

Тут Рим восторжествовал, тут восторжествовал Julian Отступник.

Проклятые вопросы. Все это будет, конечно, гораздо деликатнее высказано (папой), но сущность останется та же.

Окончательный состав мартовск⟨ого⟩ номера.
21) Коммунизм. Папа, Бисмарк, *зло*. Россия — готова ли будет.
22) Дон Карлос. Въезд. Сир Лауренс. Английский народ. Протестантизм, выписка. Атеистическая церковь. *Моление*. Атеизм из «Подростка».
23) Боборыкин о Потугине. Прием коварный.

Читал (кратко). Австрийск⟨ий⟩ посланник 24, 25, 26.— Война. //

Читал преедкую статью о тайносоветническом направлении умов в высшей России.

После атеизма Версилова, любовь и грусть.

---

* *На полях слева:* Здесь

Нет, бога слишком трудно искоренить. Моление и жертва. Преклонение. Об этом, кажется, не знает наука. Нет, если что устроится, то, может быть, не похожее на идеи теперешних коммунаров, да и жрецов науки. Да и дай бог.

Католики — пойдут в народ.
Их бы не следовало раздражать Бисмарку.

Граф Шамбор, капельку смешное, но не карикатурное смешное, а почтенное смешное, как в Дон Кихоте.

Дон Карлосу. Тогда к нему власти засылали узнать косвенно, чтобы он сказал, если б впустить его в Мадрид, и не даст ли какой-нибудь программы. Но он надменно отклонил всякую мысль о переговорах, даже не признавая в засылавших воюющей стороны и именуя их сплошь революцией. Сжато, полусловом, но, однако ж, ясно, он дал знать, что «король сам знает, что ему надо тогда делать» и [только] больше ничего не сказал. От него тотчас, разумеется, отстали, а в скорости позвали короля Альфонса. Затем он стал расстреливать своих генералов, и, надо отдать справедливость, были до последнего верны ему.

Англичанин выслушал его [хладнокровно] важно и, нисколько не тронутый, тотчас ответил //(вопросы религиозные в Англии были всегда и постоянно самым важным делом к величайшему удивлению всех цивилизованных русских).

Он сумел подхватить его смертельную черту, его законченность на земле, по которой он повинен смерти. Этот Доббель, кажется, не имеет здравого понятия о православии, а судит о нем так, как они судят, например, о России. Но какова же духовная нищета, когда, признав безобразие протестантизма, он хочет его поддерживать за *его воспитательность*, в сущности за отворенные настежь ворота и за страшную его незаконченность. Все это объясняется взглядами и чувствами настоящего западного человека, ставящего на первый план утилитаризм, нечто как бы похожее на тех государственных людей, атеистов всех стран и народов, выговаривающих премудрые изречения вроде таких, что бога нет и вера вздор, конечно, но религия нужна для черного народа, потому что без нее его не сдержать. Оставив всякий вопрос о религии,— какая, однако же, неискренность лежит в основах того общества [в котором] и какое отчаяние в правильное развитие людей, когда возможны такие [вопросы] фразы государств⟨енных⟩ людей-атеистов и такие *откровенные* статьи об утилитаризме протестантизма (Доббель), который глуп и дик, но который надо *поддерживать*, потому что, что же станется без того с человеком и с обществом. Это одна из форм... *

В самом деле, здорово ли то общество, где такие суждения. И искренни или глубоко неискренни такие убеждения, как о протестантизме Сиднея Доббеля. Как он тут искренен **, но все это граничит как бы с каким-то отчаянием.

[И, однако, в том же обществе сам]***(Я нарочно беру самое характерно-твердое, Англию) есть глубоко — [наивные] и искренние вещи. Вот что мне рассказывал человек компетентный и следящий об одной секте в Англии.

Какое отчаяние, какие похороны человечества, какое нездоровое ощущение, но потребность, потребность моления, преклонения: слез, жертв, служения. И это вполне, по-видимому, крепко созрело в Европе те⟨пе⟩рь. Нет, состояние Европы страшное, и какой мир впереди.

---

* *На полях слева:* Неприлично мудрецу препираться с юношей

** *Над строкой:* себя, разумеется, стало быть он ⟨1 нрзб⟩

*** *Над строкой:* но ⟨1 нрзб⟩ прежде всего Европой.

Атеизм *.

Повторяю, весь вопрос праздных людей в том, что все это далеко, а пока живи, пей, ешь и веселись и не думай об душе, так рассуждают и католик, и революционер.

Купец.

Нет, те, коим принадлежит высокая забота о человечестве и о его будущем, тем принадлежит власть, кто бы они ни были, а от других отымать. Но этого не хотят знать в Европе.

Коммунизм [Англия], папа, Дон Карлос. Англия **, дающая убежище после крови и резни и на которую логично рассчитывал Дон Карлос, отвергавший всякие переговоры со своими противниками, все это доживает век свой.

Шамбор. Инквизиция. Фронд⟨ирующие⟩ друзья.

Генералов расстрелял.— Мадридское правительство. В манифесте его Богородице, уехал, обещал воротиться.

Въезд его был весьма характерен.

Себастьян.

Все это так и теперь.

Война. Конечно, все это либерально, но вряд ли так, не спокойно ли больше, чем либерально?

Конечно, изворотливая робость может быть либеральна, т. е. главное на поле же сражения ***. К чему, дескать, [ист] я буду истреблять моего ближнего, и не лучше ли расковать мечи на орала, и прогрессивнейше [уд] сдается, если удерет **** с поля битвы, но присвоение чужой собственности даже, может быть, уж и не либерально (может быть, даже и не так либерально. А впрочем, трудно [и тут сказать] решить.

Мысль прогрессивная и либеральная,... но на поле битвы это было бы уж слишком изворотливо. А офицера может навести на мысль, что искушали... Вдруг придет в голову офицеру после такой либеральной в вашем роде мысли, зато ****

Так что восточный-то вопрос, т. е. вопрос об объединении православия (и более ничего), нам бы никому сдавать не следовало. //

Состав апрельского номера.

— Чурила.

— Сборник казанский.

— Иванище.

— Спиритизм.

— Мечтатель.

— Герцеговинцы (1) и вост⟨очный⟩ вопрос.

Смотри *лист простой* бумаги.

Где лучшие люди. Юрий Самарин, не спавший ночь от статьи Васильчикова. «Новое время», № 24, вторник, 23 марта, взамен того полные робкой изворотливости ⟨...⟩ купчишки, фадеевские дворяне без чести и совести, сосущие Россию.

Война.

Заметьте, что мы их, бесспорно, станем, наконец, сами презирать за их бедность, несмотря на то, что сами виновны в их бедности, по жестокости и подлости нашей, которая, несомненно, умножится в мирное время.

---

* *На полях слева:* Попытку церкви истинной ⟨?⟩

** *Под строкой:* протестант ⟨?⟩

*** *Над строкой:* но не на поле же сравнен...

**** *На полях слева:* Здесь

Сластолюбие вызывает сладострастие, сладострастие — жестокость.

Война ⟨...⟩

Вы скажете, что и кроме войны есть много великих идей для воспитания и испытания человеческого. Правда, но когда еще они дойдут и не затемнятся ли, напротив, в мирной жизни с капитализацией, бесчестием, подлостью. Тогда как тут они неминуемы сами собой. Жизнь высшего общества, обособление давнишнее, и, кажется, знают о России даже менее, чем знают о ней иностранцы и лорд Редсток.

У нас кстати лорд Редсток. Обратил. Где бедные? (Мечутся). Капля в море, капля отравы. Уничтожают данный церковью образ и ищут своего. Христос в кармане. Секты трясучек, Миклениума ⟨?⟩. Похоже на спиритов. Но у Редстока не вертят и не пророчествуют. Грубость развития общества *. А если так, так и новая группа. Правда ли, что он хочет ехать в Москву. Чем он кончит: оснует какую-нибудь хлыстовщину **. Не смейтесь и не презирайте: хлысты глубоки, глубже, чем известные, праздным умом принесенные законы о благодати. Мы надеемся, что наше духовенство на этот раз не будет поддерживать молельню еретика. Может быть, вся сила его обаяния в том, что он лорд и проповедует не «хлопску веру», как называли нашу веру магнаты Западного края, когда за нее в прошлом и запрошлом столетии мучили народ, а барскую, «чистую». Замечательно, что вся наша печать как бы игнорирует лорда Редстока, подымать такие факты кажется ей или мелочным, или почему-то нелиберальным.

Юрий Самарин. Кто же остался? Консервировать нечего. Многие поражены: ищут бедных, чтоб помогать им, хотят раздать имущество. Так и должно быть, так всегда бывает в начале всякой гуманной силы.

Чернышев ***. Появляются молодые люди с чрезвычайно странными особенностями. Они входят к вам и просят, чтоб их выслушали, присылают статьи. Я бы мог привести несколько примеров. Странно то, что многие как откуда-то с неба упали. Казалось бы, общее либеральное направление должно бы было все обобщить. Напротив, начинают толковать совсем об другом. [Неож].

Не наступает ли неожиданное поколение, отвергающее отцов, смеявших⟨ся⟩ над духовным развитием и не имевших сами никакого. Во всяком случае все это рознь.

А коли так, вот все-то, которые заботятся о будущем, о целом, о всех, и вырвут власть и получают обаяние. Вспомните, что я говорил выше о социалистах.

Ничто не смущает этих обособленных, ничто не сближает их. Они факт. стоят рядом друг с другом, и каждый ничего кроме себя знать не хочет и не видит на свете. Грустно, хотя оптимизм бросившейся в народ молодежи не даст ли противоположные плоды? Я выставляю *лишь* факт.

А впрочем, все это могут быть лишь единичные явления, но почему не принять к сведению. Об этом, *может быть, еще и поговорим.* //

Утилитаризм мнений. Да, пожалуй, и утилитаризм. Мы очень торопились и очень мало жили практически и стыдимся многих самых естественных вещей, потому что они не подходят под теорию. ⟨...⟩

«Голос», четверг, № 85, 25 марта. Отчет назначенной над спиритизмом комиссии.

---

* *Над строкой:* в некоторых из этих сект завелись чрезвычайно грубые мысли
** *Над строкой:* или всемирной и древнейшей секты хлыстов
*** *На полях слева:* Здесь

от автора.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ

ЗА

1876 Г.

Ѳ. М. Достоевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія им. В. Ѳ. Оболенскаго, Николаевская, № 8.
1877.

«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ ЗА 1876 г.» (СПб., 1877) С НАДПИСЬЮ ДОСТОЕВСКОГО: «ОТ АВТОРА»

Титульный лист

В пояснительной помете А. И. Крамского — сына художника (здесь же) указывается, что книга была подарена И. Н. Крамскому А. Г. Достоевской, срезавшей при этом предназначавшуюся ей дарственную надпись Достоевского, оставив только его подпись.

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

Отчет медиумич⟨еской⟩ комиссии: надобно воздержаться от неумеренного употребления литературных красот.

Являются молодые люди, отпор, идея, вытащенная на улицу *.

Рядом с ужасами о идущих в народ, несомненно, замечается явление совершенно обратное и противуположное — бессердечности, сухости и глумления.

Своих отцов мелких—безбожников или барышников, хапуг и тиранов, фанфаронов **, право на бесчестье.

О я всегда [надеял] предчувствовал, что им противны стали отцы их.

Кстати, я как нарочно читал весь месяц ужасно много странного. Читал об обществе добродетели, читал о Кудернике ⟨?⟩ и долго ломал голову, как разрешить этот психологический случай и кажется разрешил его, но об этом несколько не стоит говорить, читал о герцеговинск⟨ом⟩ вопросе. Ташкент ⟨?⟩. Читал, как у австр⟨ийского посланника⟩, читал, наконец, в «Русском мире».

Читал отчет о спиритизме.

Все это одного безумия люди.

Положительно заверяю «Новое время», что таких людей еще много и даже в наше время еще, может быть, увеличилось. Но не в том дело, что они есть, а как они судят, а с Юрием Самариным мы лишились твердого и глубокого мыслителя, и вот в чем утрата.

Они смеялись над верой своего народа, считая себя за народ.

Ирония сколь

К тому же [она] ведь она скажет же ему и знает, что скажет: я вас люблю, к чему лукавить, так ведь за это он должен же заплатить, женщина не отдается без жестокости.

Во всей нашей молодежи страшное брожение, начиная с подростков, и в самых различных смыслах *. Куда это доведет. Разрушаются [где] семейные гнезда самими отцами, и ничего другого не могло выйти.

А так как молодежь чиста, светла и великодушна, то и не может она [кроме разве великосветской] *** так прямо начать жизнь с цинизма и разврата, а напротив начинает с жертвы, с отпора, с великодушных стремлений, и не виновата же она в том, что в стремлениях этих не видно ни толку, ни связи, ни конца, ни начала...

...Много ли было страдавших *душою Белинских*?

Я много читал газет.

Это глумление с цинизмом и насмешкой не могло не произвести отпора Мне кажется, так и должно было быть.

Memento

— Написать Юшкову в *Казань*.

---

* *На полях слева:* Здесь

** *Над строкой:* Либерализм веч

*** *Над строкой:* но здравомыслящим

— Отвечать Симбирской библиотеке.
— Всем ли послано?
— Брат Коля?
— Заехать к Полонскому.
— Справиться у Соловьева о клевете «Иллюстр⟨ированной⟩ газеты» (Зотов?)
— Написать заслуженному профессору.
— У Смольного монастыря в Дегтярном переулке (близ какого-то бульвара) дом Яникова, Федор Иван⟨ови⟩ч Красовский, прусский подданный. С В. В. Григорьевым поговорить 1) о провинциальной печати и 2) о наших азиатских окраинах (будет ли справедлива мысль о китайцах?)
— Общество вспомоществования бедным ученикам при 5-й гимназии.
— Где Митрофания?
— В воспитательный дом.
— Не забыть Момбелли.

Март * 1) Момбелли
Написать: Алчевской
— Перетолчину
— Заслуженному профессору.
— Экз⟨емпляр⟩ Вас. Вас. Григорьеву.
— Отто.
— Петерсону.

Странно ничего не сказать, например, о герцеговинцах [презрительный и высокомерный тон отчета не хорош].

Мысль самая великодушная и либеральная, но не знаю хороша ли на поле битвы в самом пылу сражения, ибо после такой мысли остается лишь повернуться и препрогрессивно удрать с поля битвы.

Но нехорошо, если наши офицеры провозгласят и на поле битвы, даже и ни в коем случае не может быть либерально. Да и никогда не простит нам Европа нашего европеизма, не хочет она нас совсем. //

В апрельск⟨ом⟩ №. Непогрешимость Папы и русск⟨ие⟩ насильствен⟨ные⟩ общин⟨ы⟩. Ю. Самарин. *Высшее* единение людей, чем бы мы отличались от Европы.

Славянский комитет и его цель. Герцеговин⟨а⟩.
Война.
Просители молодые люди, передающие друг другу, где им дали, валеты, шантажники, Павлуша, юнкерские училища и т. д.

— Чурила.
— Казанский сборник.
— Иванище.
— Спиритизм.
— Мечтатель.
— Воспитательн⟨ый⟩ дом или что-нибудь сенсационное.

Авсеенко. Будущая архитектура домов, нет дров и проч. Уничтожение личности, переход в стадность. ⟨...⟩
— Что такое собственность?
— Старая дева.
— Подполье.

---

* *Ниже:* Февраль

Авсеенке

2. Вздыхаете же вы, что народ перенес крепостное право с таким глубоким терпением, не отстранился и не проклял царя.

1. Вам хотелось только напасть на меня (клика).
Нападали прошлый год, извращали рассказ о повешенной. Не было ума в литературе до Писемского.

Я бы не отвечал, но извращение моих слов про народ я не могу простить.
Главное потому, что в «Русский вестник».

...И потом напыщенно учит меня: почему мы должны надеяться ⟨на⟩ народ?
Да ведь это вы у меня же взяли.

О погружении в народ собственных пустых сосудов.
У кого на голове пустой сосуд. //

Далее Авсеенко говорит: Дело в том, что до сих пор народ не дал нам идеала деятельной личности.
— Как? И это после *слов ваших* (см. [отм] отметку стр. 370).
Так вы только видите кулаков и мироедов?
Если б не было пустого сосуда, я бы вам сказал, что вы бесстыдник.

Я не хочу унижаться ни до одного ругательного слова, но «Русскому вестнику» стыдно бы было писать, в приложении ко мне, о пустопорожних сосудах («Преступл⟨ение⟩ и наказан⟨ие⟩» и пр.).

Я полагал бы, что обо мне можно бы выразиться иначе.

Русская деятельность пассивна. Но до реформы Петра окраины были крепче, колонизация сильнее.
Путаница понятий наших об добре и зле (цивилизованных людей) превосходит всякое вероятие.

Разве «Русскому вестнику» не приходилось бороться. Да в 63-м году решение о пользе? Или нигилятина.

Есть совершенно святые, частные ли это случаи (няня Алена Фроловна), или общего свойства всему народу?

Вы с народом не встречались.

Вы все говорите про веру, считая ее ни во что. *Да* это все.

Пьянство, распутство, неудержимость, но рядом с этим другие факты, не как исключения, а *как общее правило*, — вот где главное. Взгляд на преступление (народный) и проч.

Народ. Он развратен, но взгляд его не замутился, и, когда надо бывает, решить: что лучше? его ли развратные поступки или то, что есть правда народная (т. е. выработанные понятия о добре и зле), то народ не отдает своей правды. О, есть понятия, выработанные и ошибочно, но до первого столкновения (большого) с действительностью. NB. Так, например, неурядица *1612 года* кончилась же нижегородским решением. Я беру это лишь как бы для аналогии.

«Народ спас государство?» Неужто пассивно? Нет, тут надо деятельности, ведь он был связан. И пружина только отпор дает.

Тогда и политические наши вопросы понимались, может быть, лучше, чем теперь (герцеговинцы, восточный). Петр нового ничего не сказал в русской политике. Напротив, после Петра был дурной перерыв русской политики. Затем Екатерина, а затем хоть бы к окраинам России. //

Вы не достойны говорить о народе,— вы в нем ничего не понимаете.— Вы не жили с ним, а я с ним жил.

Ваши понятия о культуре не превышают перчаток и карет.

«*Окраины России*». Высший смысл этой книги совпадает с древним пониманием народа о своем значении. 3-й Рим Москва, а 4-го не будет.

Я за роман («Подросток») не в претензии, в «Русском вестнике», конечно, могли не читать, не знать моего романа.

Что мы несем из Европы? Пред чем народ должен бы был преклониться? Нет, отнюдь не нравственные начала, пред которыми надо преклониться, а во-первых и главное,— образованность, расширение, горизонта, умножившееся и усиленное пониманием своей идеи через сопоставление с западноевропейским миром, историческое понимание древнего мира, потребность порядка.

Само собою разумеется, что обладают всем этим из наших западников не вы, г. Авсеенки, и не *только образованность несем*. Склад же жизни европейской и порядок ее современный нам никак нельзя *копировать*, как требует Потугин (буржуа и разложение Европы). А нравственные начала наши тоже нельзя отдать. Но знакомство с древними идеалами и с новейшими вынесете народу через образованность, через расширение горизонта, и найдутся пути новые к новому нашему будущему складу и порядку. В чем эти новые задачи. В всеслужении человечеству. Мы несем образованность [и во] во всей широте этого слова и вот все, что мы принесли. И это не мало. Это толчок к всемирному значению России.

Нравственные же вещи Европы нельзя копировать; мстительность, возмездие, жестокость, честь рыцарская — все это очень плохо. Вера их хуже нашей. Гуманность же, которую вы столь цените, без сомнения, ниже нашей (взгляд народа на преступника, прощение и забвение обид, широкое понимание исторической необходимости, — это у нас лучше, чем на Западе). Бунт парижан 93 года — это не гуманность. Гуманные начала даны в нашей вере, и эти наши начала лучше. Если есть скверность, то есть и святое рядом. Вот чему надо удивляться и перед чем надо благоговеть, что народ это вынес. Если же народ развратен, то потому, что он был прикреплен, лишен самодеятельности, был податною единицею.

Вы утверждаете, что чуть народ проявит деятельность, то сейчас он кулак. Это бесстыдно. Это неправда. Няня, переход через Волгу в «Семейной хронике» и сто миллионов других фактов, деятельность самоотвержения, великодушия. Множество множеств. Что вы в вашем Петербурге видели, *кроме перчаток*.

Воспринятие всемирной древней культуры латинской и древнегреческой, но и только.

Если у Victor'a Hugo понимание мирской необходимости. //

Спросят: откуда видно такое значение России? Конечно, из православия, потому что православие именно это повелевает и к тому ведет: «будь на деле братом и будь всем слуга». Как Франция была державой христианнейшей и католической, так Россия всегда православною. Образованность уже была нам полезна тем, что как мы ни оторваны от народа, а например, в политической идее понимают нашу служебную роль Европе, то есть человечеству. Весь вопрос в том: поймем ли мы вполне *пути к тому*. В мартовском дневнике — я [говор] высказал опасения, что мы понесем кровь и железо.

Православие — штундизм пусть! Нам именно надо заявить себя связанными государственно с православием. Это все, что мы имеем.

Древняя Россия была деятельна политически, окраина, но она в *замкнутости своей готовилась быть не права*, обособиться от человечества, а через реформу Петра мы само собою сознали всемирное значение наше. Скажут, так ведь это же от цивилизации, а не от народа? Гораздо расширились, и это вовсе не ⟨от⟩ соприкосн⟨овения⟩ с европейск. Сила была в свойствах русск. *

А я отвечу, что если б не было такого народа, как русский, то ни от какой реформы мы бы не расширились,— [а] стали бы англичанами, немцами. А теперь мы расширились, и неужели реформа вышла случайно. Нет, из народных же начал. Но если мы теперь расширились, то еще с начала нынешнего столетия чувствовалось слишком мелочное приложение сил, то есть один культурный слой действовал, а теперь расчеты разбиты, и народ непременно войдет как деятельное лицо. Подождите поколение и увидите, сколько привнесет народ в нашу деятельность.

Понимал ту драгоценность. Это был⟨о⟩ правосл⟨авие⟩ чистая истина вне истин⟨ы⟩ просв⟨ещения⟩ **.

Разврат есть неправдивость поступков сознательная, грязь в семействе.

Бесспорно, глупейшего из писателей.

Лаврецкий есть фигура русская. Пьер там и хорош, где черты русские,— князь Болконский тоже.

Рыцарские понятия о чести,— но они не всегда христианские, понятия о законе,— но [пр много слишком кары, узость взгляда.— Понятие о государстве? У нас высшее. Деловитость? У нас умели делать дело. У нас перестали уметь с Петра, но только на культурный период, когда высший слой учился, а народ был закреплен в невежестве. В древнем мире нашем деловитость была,— но тощие средства, малая густота населения, отчужденность от мира других народов (бывшая причиною предрассудков). Замкнутость России, из которой рвалась она,—но умели окраины блюсти и соблюсти государство, единство, торговлю, колонизацию. Но с реформой деятельность народная прекратилась через наложенную опеку и заменилась на 200 лет деятельностью государственною. Тут много было плачевного. //

(Восточный вопрос)

Наше назначение быть другом народов. *Служить им, тем самым мы наиболее русские. Все души народов совокупить себе.*

Но реформа не вела к подражанию и к копированию. Великий Петр уверен был, что мы *превзойдем*. Нужна была образованность, состоящая в

* Гораздо ∽ русск. — *сверху над предыдущей фразой.*
** Понимал ∽ просв⟨ещения⟩ — *над всем абзацем.*

знании миров других народов, в сообщении с ними, в служении им, в знании древнего мира, раздвинута безмерно идея политическая. Не выдумана новая, ибо у нас уже была, какой и не выдумать, а лишь раздвинута. Несем православие Европе,— православие еще встретится с социалистами. Но не об том хочу теперь говорить. Все это еще спорно и требует разъяснения,— а что бесспорно — это значение наше быть другом народов, другом людей, другом ума человеческого. Зачем преследовать штундистов?

Мы принесем народу необходимость образования sine qua non.

Народ наш не пассивен. Он терпел не как [скот] скот. В деле раскола он не поддался же. Но раскольники же слуги царя. Он не хотел разрывать государства бунтом против помещиков. Что из того, что он сделал это, не решая на сходках. Чувство было в покое в народе.

Что же культурного-то, по-вашему, мы принесли народу: перчатки, кареты.

Кроме образования, науку, которая там выработалась раньше, всем *миром* Европы и на которую так польстился Петр. (Зато у нас государственное единство.) У немцев-то без земли, а у нас-то с землею. Что же, неужели мы это сделали пассивно? Нет, скажете вы, мы сделали это по-европейски. Если б по-европейски, мы бы не отдали без боя, мы сделали по-русски, сознав себя русскими. Вот почему я и говорю: воротили ее русскими. В этом и надежда. А не на кареты и на перчатки.

Природа дала нам страшные силы у себя дома и слабость на нападение.

Я вам не говорю о православии ничего [хотя это все] хоть в сравнении с католичеством, выработавшим иезуитство, и с кваканием протестантизма, но государство, но освобождение народа с землею.

Созидается общество началами нравственными. В нравственных началах вы ничего народу не принесете лучшего (ибо у него православие, а у вас ничего. Он не знает привилегий) *. Одну науку? — Но наука не созидает одна общества (социализм).

Гуманность. Это нам из Европы-то нужна была гуманность? Она нужна была для таких, как все вы, нанимавших швейцаров и читавших Руссо, нужно для всех оторвавшихся, а народу не надо. Он прощал. Прочли бы Андрея Критского, и довольно. //

Есть грязь, но народ не одобряет свое злое, а мы злое считаем за доброе. Может быть, есть вещи дурные, за которые он стоит миром. Но это лишь предрассудки.

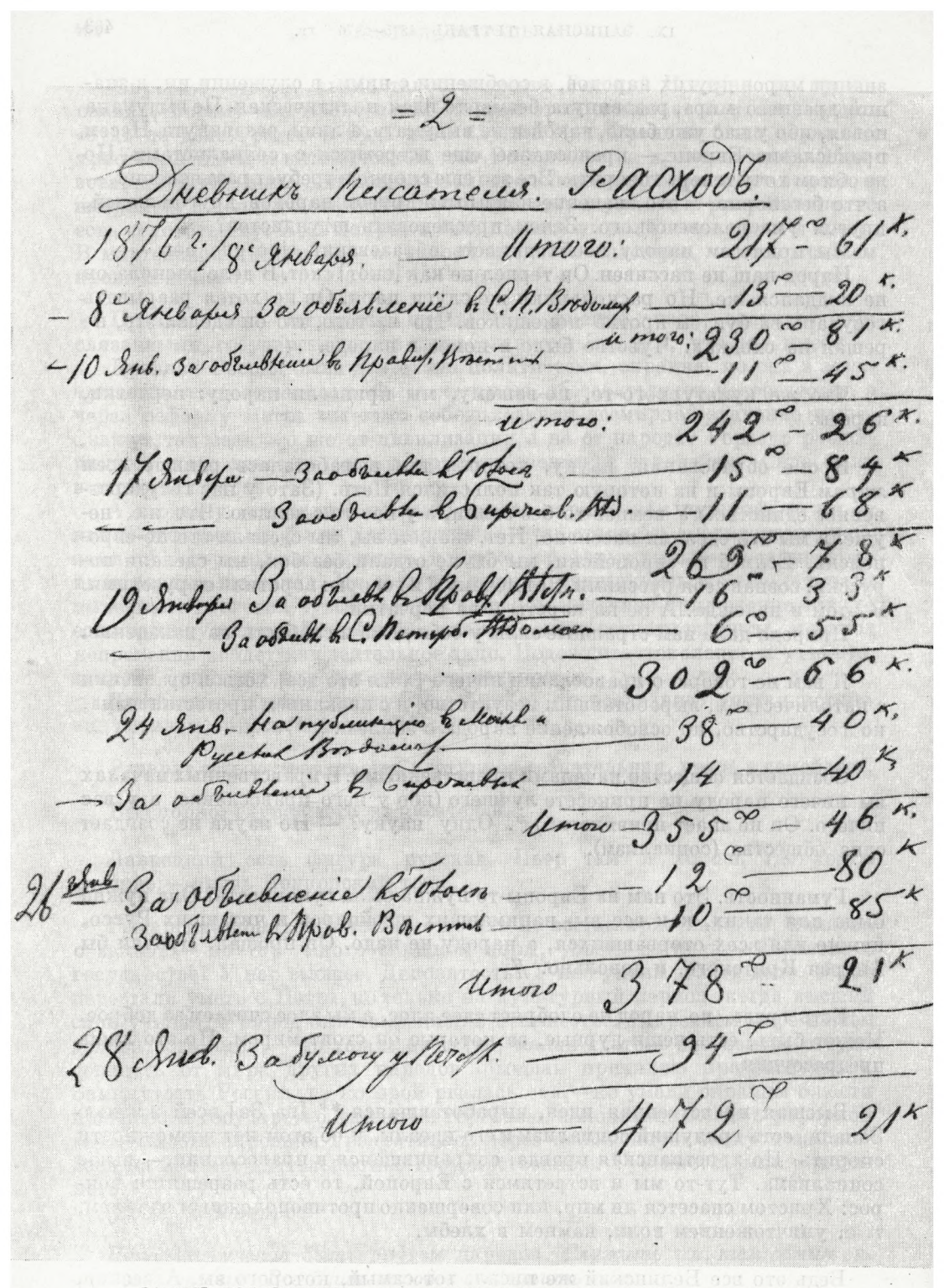
Высшая нравственная идея, выработавшаяся ** [на За] всей жизнью Запада, есть грядущий социализм и его идеалы, и об этом нет возможности спорить. Но христианская правда, сохранившаяся в православии,— выше социализма. Тут-то мы и встретимся с Европой, то есть разрешится вопрос: Христом спасется ли мир, или совершенно противоположным началом, т. е. уничтожением воли, камнем в хлебы.

Ведь это все Белинский же писал, тот самый, которого вы, Авсеенко, еще так недавно унижали. Но у Белинского была правда и его заблуждение. а у вас и правда выходит заблуждением.

---

* (ибо ∞ не не знает выхода) — *над строкой.*

** *Первоначально:* оставшаяся



=2=

Дневникъ Писателя. Расходъ.

1876 г./8 Января. — Итого: 217 — 61 к.

— 8 Января За объявленіе въ С.П. Вѣдомостяхъ — 13 — 20 к.

Итого: 230 — 81 к.

— 10 Янв. За объявленіе въ Правит. Вѣстникѣ — 11 — 45 к.

Итого: 242 — 26 к.

17 Января — За объявленіе въ Голосѣ — 15 — 84 к.

— — За объявленіе въ Биржев. Вѣд. — 11 — 68 к.

269 — 78 к.

19 Января За объявл. въ Правит. Вѣстн. — 16 — 33 к.

— За объявл. въ С. Петерб. Вѣдомости — 6 — 55 к.

302 — 66 к.

24 Янв. На публикацію въ Москв. и Русскихъ Вѣдомостяхъ — 38 — 40 к.

— За объявленіе въ Биржевыхъ — 14 — 40 к.

Итого 355 — 46 к.

26 Янв. За объявленіе въ Голосѣ — 12 — 80 к.

За объявленіе въ Пров. Вѣстн. — 10 — 85 к.

Итого 378 — 21 к.

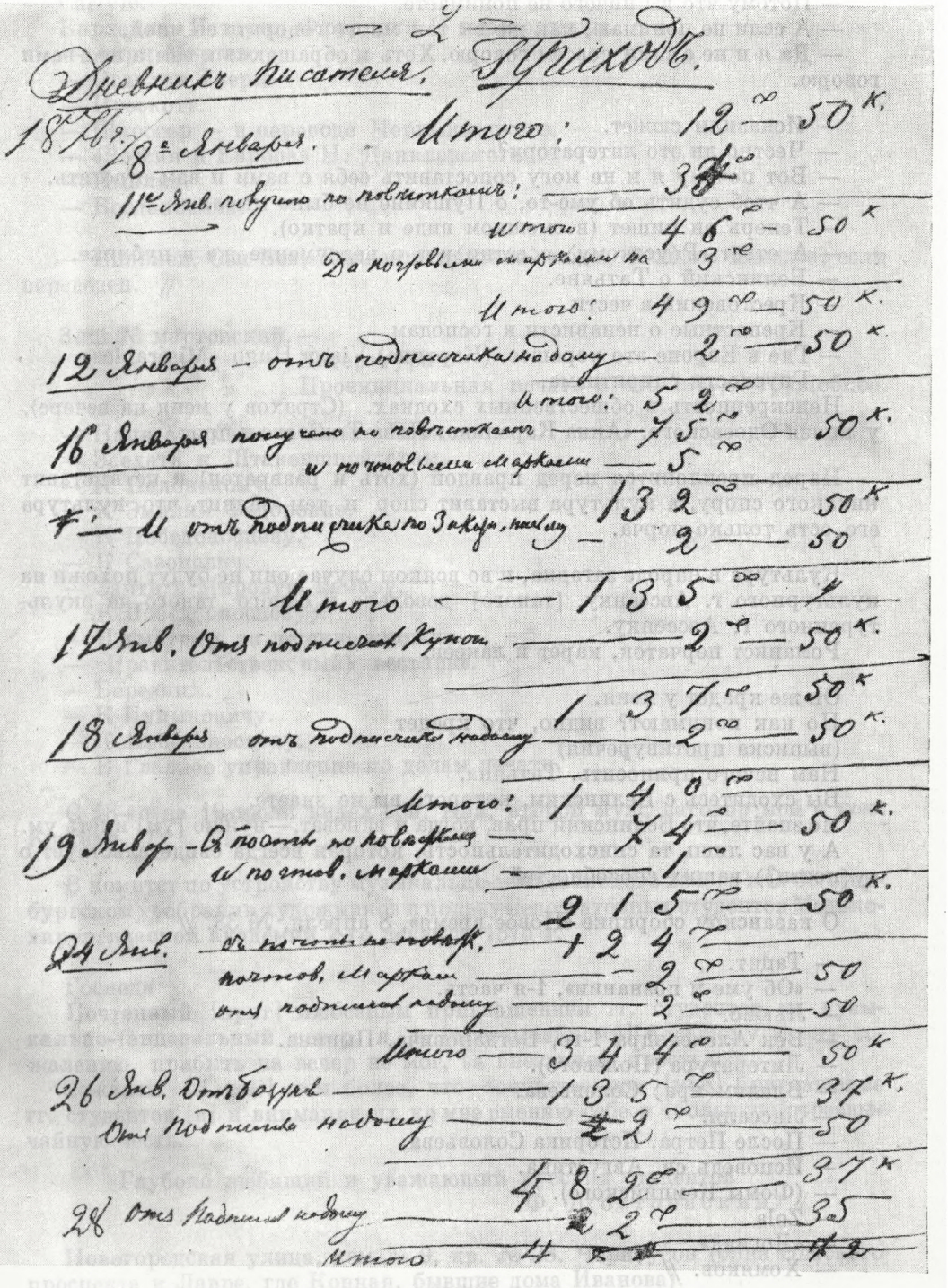
28 Янв. За бумагу у Печатн. — 94

Итого 472 — 21 к.

ЗАПИСЬ ДОСТОЕВСКОГО РАСХОДОВ ПО ИЗДАНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Записная тетрадь, 1876

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва



ЗАПИСЬ ДОСТОЕВСКОГО О ДЕНЕЖНЫХ ПОСТУПЛЕНИЯХ ОТ РАСПРОСТРАНЕНИЯ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Записная тетрадь, 1876

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

— Потому что вы ничего не понимаете.
— А если не понимаю, как же вы так много говорите со мной.
— Да я и не с вами совсем говорю. Хоть и обращаюсь к вам, а не с вами говорю.

— Исказили сюжет.
— Честно ли это литератору?
— Вот почему я и не могу сопоставить себя с вами и вам ответить.
— А чтоб судить об уме-то, о Пушкине не было мысли.
— Теперь он пишет (в смешном виде и кратко).
— А ответ «Р⟨усскому⟩ в⟨естни⟩ку» и недоумение же в публике.
— Белинский о Татьяне.
— Крестовский в чести.
— Крепостные о ненависти к господам.
— Где в Европе это хорошее. (Картина). Vistor Hugo «Misĕrables».
— Гнусности спиритизма.
Неискренность в общественных сходках. (Страхов у меня на вечере), у князя Одоевского, «Анна Каренина» Льва Толстого и проч.

Народ преклонится перед правдой (хоть и развратен) и не выставит никакого спору, а культура выставит спор и тем заявит, что культура его есть только порча.

Культура в народе загадка, и во всяком случае они не будут похожи на культурного г. Авсеенку, [такого] довольно и одного такого на окультуренного г. Авсеенку.
Романист перчаток, карет и лакеев.

Он же крадет у меня.
Но как понимают? видно, что крадет
(выписка противуречия)
Нам нечего приносить. Татьяна.
Вы сходитесь с Белинским, которого вы не знаете.
Но знайте, что Белинский прав, когда и виноват,—нужно [ум] иметь ум.
А у вас лишь та снисходительность, которая всегда свидетельствует о ту⟨пости?⟩ ваших способностей. //

О казанском сборнике «Новое время», 8 апреля, № 38. //

— Тацит.
— «Об уме и познании», 1-я часть.
— Льюис.
— Век Александра 1-го, Богдановича, Пыпина.
— Литература (Полевого).
— Владим⟨ира⟩ Соловьева.
— Лассаля.
— После Петра. Историка Соловьева.
— Исповедь св. Августина.
— (Фомы Кемпийского).
— Zola.
— «Логика».
— Хомяков. //

Не забыть нужные книги: «Обычное право» книга Е. Якушкина.
«Histoire de l'origine des découvertes et des institutions humaines».
K. Ramèl—Plon.

La Chire familière et galante. Charpanter

Carlyle.
Карлейль: История Фридриха II и революции.
— Анри Мартен.
— Огюстен Тьери.
— Прескотт.
— Шлоссер — в переводе Чернышевского.
— «Россия и Европа» Н. Данилевского.
— Пыпина.
— Богдановича.

— Вильмен, Сен-Бев, Тэна критические этюды, Юлиана Шмидта, если переведен. //

3-ий № мартовский.—
Литература
Провинциальная печать и что-нибудь трущобное.

— Написать Соне и Елене Павловне.
— Заехать к Штакеншнейдерам.
— К Полонскому.
— К Эмилии Федоровне.
— К Победоносцеву.
— К Сазонович.
— Зайти в Мировую камеру.
К Побед⟨оносцеву⟩.
— Посмотреть на детские книжки.
— «Правительствен⟨ный⟩ вестник».
— Березин...
— К Пуцыковичу.
— К Победоносцеву.
— В Главное управление по делам печати.

С 18-го на 19 июля видел сон, Аня, второй муж, заговор мой с нею. Кошмар. //

В комитет по устройству музыкально-танцевального вечера в С.-П⟨етербургском⟩ собрании художников в пользу недостаточных студентов Медико-хирургической академии 2-го декабря 1876 г.

Господа
Почтенный [приг] любезным приглашением гг. студентов на музыкально-танцевальный вечер, я, к [чрезвычайному] большому моему сожалению, прибыть на вечер не мог, за внезапною простудой.
Сожалею [о том] тем более, что сочувственное [мне] приглашение гг. студентов [в] и внимание их ко мне вменяю себе в [большую] чрезвычайную честь.

Глубоко любящий и уважающий русских студентов
Ф. Д⟨о с т о е в с к и й⟩ //

Новогородская улица, дом № 9, кв. № 28. Черноусов (близ Невского проспекта к Лавре, где Конная, бывшие дома Иванова).

На углу Кирпичного переулка и Мойки, дом № 7, кв. 13, Головины.

Юлия Денисовна Засецкая, Невский проспект, против Николаевской, дом № 100.

Елена Андреевна Штакеншнейдер, на углу Озерного переулка и Знаменской, дом № .

Конст⟨антин⟩ Ник⟨олаевич⟩ Бестужев-Рюмин, Знаменская, дом № 38.//

Мать на [новой] обводной Канаве — № 141, близ завода Дурдина (бумажная прядильня). Акулина Арефьевна Елисеева — 50.

Г-жа Бергман — Большая Кон⟨ная⟩, дом № 6/16, 10 кв.

Анна Павловна Философова.— Близ Поцелуева моста, на Мойке, дом № 94.

На углу Фонарного переулка и Фонтанки, дом Воронина, г-жа Карнович.

Капитолина Валерьяновна Назарьева, Николаевская, № 29, кв. 25.
Ольга Афанасьевна Антонова, Моховая, № 26, кв. 24.

Назарьевой, Николаевская, № дома 29, кварт. 25.

Иннокентий Константинович Ончуков. Угол Невского и Надеждинской ул., д. Яковлева, № 1/96, кв. № 45.

Петр Николаевич Полевой. Надеждинская, № дома 7, кв. 12.

Августа Павловна Сазонович. На углу Фонтанки и Нового переулка (между Обуховским и Семеновским мостами), дом 77, кварт. 32.

NB. Шпалерная, № 18, кв. № 9. Владимир Соловьев.

Владимир Соловьев.— На углу Гороховой и Мойки, у Красного моста, в гостинице Соболева.

Софья Александровна.
Александр Николаевич Аксаков, Невский проспект, близ Малой Морской, дом № 6. Гадяч.

В. И. Ламанский. 3-я рота Измайловского полка, дом № 11, квартира 4.

Халевитская и Розова, Невский проспект, дом № 80, кв. № 20.

Любовь Христофоровна Хохрикова, начальница телеграфной станции по Шлиссельбургскому тракту.

Вс. Серг. *Соловьев*. Старый Петергоф, близ станции железной дороги, против Николаевской богадельни, дача № 7 Авенариуса.

Тертий Иванович Филиппов, Кирочная, дом № 17 (почта на углу Надеждинской).

Студентка Долганова, Кавалергардская улица, дом № 6, квартира № 9. Пески (NB, просит работы, на руках маленький брат и сестра).

Елисей Георгиевич Левченко,— угол Пантелеймоновской и Литейной, дом Мурузи, кв. № 11.

Невский пр., д. № 59, кв. 4. Лурье Софья Ефимовна.

Алексей Елисеев. Марфа Алексеева. Подольская улица, в Семеновском полку, дом Я. Ковалева. //

Адресы.

Няня Прохоровна. В 6-й роте Измайловского полка, дом № 22, кварт. № 7.

Вс. Соловьев. Офицерская, дом № 57, кварт. 8 (на углу Литейного проспекта рядом с домом дешевых квартир).

Ковалевский (Владимир Онуфриевич) (Круковские NB.). На углу 4-й линии и Малого проспекта, дом Лихонина.

Полонский. На углу Ивановской и Кабинетской (Владимирская) дом Гуро.

А. Н. *Плещеев.* В Троицком переулке, у пяти углов, дом № 27, кварт. 30.

Рудин. На Гребецкой (Ямской), дом Тулякова (где банк), кв. № 47.

Константин Иванович Иванов. На Поварской (или в Поварском переулке), близ Владимирской, дом № 13.

Эмилия Федоровна. Петербургская сторона, Съезженская улица, дом Данилова (ближе к парку, рядом с Свечным заводом Бородулина). //

Виктор Петрович *Клюшников.* Невский проспект, у Знаменья, дом Кохендорфа (журнал «Кругозор»).

Н. Н. Страхов. У Торгового моста, дом Стерлигова, вход с Канавы, по парадной, № кв. 19, 5-й этаж.

Николай Петрович Вагнер, на Васильевском Острове, между 12-ю и 13-ю линиями, по Большому проспекту, дом Ботмана.

Штакеншнейдеры. Фурштадтская, дом № 12, на углу Церковного переулка.

Анатолий Федорович *Кони,* в доме Министерства юстиции в Малой Садовой.

Выборгская сторона, Симбирская улица, дом Черной (Черновой), каменный дом, 3-й этаж, не доезжая клиники 3-й дом. *Эмилия Федоровна.*

Александр Федорович Отто. Стремянный, № 10.

Цензор Ратынский. Надеждинская, 38.

Н. А. Момбелли. Угол Вознесенского проспекта и глухого переулка, дом Паля, № 2, кв. № 28 (2-й подъезд по переулку).

Дом Катнера, № 1 с Малой Морской, близ Исаакия. Лебедев, цензор.

Мечтатель.

Великий инквизитор и Павел.

Великий инквизитор со Христом.

В Барселоне поймали черта.

Тайный совет, кн. Д. Обол⟨енски⟩й, три звезды на фраке, встреча с учительницами, дело в части, бежавший сумасшедший.

Идея воспитания для нашего общества.
— Но мы сами для нее не созрели.
— Хвалимся быть европейцами.
— ⟨...⟩
— Дорастим православие и свободу народностей.
Греки — Архипелаг.

Долги 11-го ноября 75	
Печаткину	— 263 р.
Алонкину	— 425
Мебель	— 140
Варгунину	— 156
	987

— Как Над⟨еи⟩ну? Сколько для Москвы и проч.

— Рассылка знакомым.

— О купцах в Пассаже.

— № в

— Об заграничной корреспонденции.

— Об отсылке газетам провинциальн⟨ым⟩.

Даже самая глупость иных альфонсинкиных разъяснений усиливала правдоподобие. //

Честным человеком быть всего выгоднее.

⟨...⟩ явится пресса, а не литература.

Спирит. Несуществующий факт (с платком) важнее всего, что вы можете сказать, все вы вместе.

КОММЕНТАРИИ

Отрывки из этой тетради были опубликованы: 1) Н. Ф. Бельчиковым в статье «Тургенев и Достоевский (Критика „Дыма“)».— «Литература и марксизм», 1928, кн. 1, стр. 63—94 (ряд отрывков о полемике Достоевского с Тургеневым по поводу «Дыма» и некоторые другие); 2) С. С. Борщевским в книге «Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы». М., 1956, стр. 289—290 (о «Непочтительном Коронате» Щедрина).

Записная тетрадь заполнялась с сентября, а систематически — с ноября 1875 г. по апрель 1876 г. Содержит, главным образом, записи и наброски к «Дневнику писателя» за январь — март 1876 г.

В тех случаях, когда заметки и наброски записной тетради представляют собой черновые записи, использованные в тексте «Дневника писателя», это, как правило, в примечаниях не оговаривается, но дается ссылка на соответствующую страницу «Дневника писателя».

Заканчивая январский номер «Дневника писателя» 1876 г., Достоевский писал: «Но вот, однако же, я исписал всю бумагу, и нет места, а я хотел было поговорить о войне, о наших окраинах; хотелось поговорить о литературе, о декабристах и еще на пятнадцать тем по крайней мере (...) Одним словом — многое приходится отложить до февральского номера» (XI, 173).

В настоящей записной книжке содержатся заготовки и наброски для глав «Дневника писателя», посвященные как перечисленным, так и многим другим темам,— которые либо остались неосуществленными, либо были осуществлены Достоевским не в январе, а значительно позднее, в последующих книжках «Дневника писателя». Таковы темы «о войне», «о наших окраинах», об «Анне Карениной» и т. д.

Стр. 366. *Купить книги*: *Беляева.*— Книга историка-славянофила Беляева (1810—1873) «Крестьяне на Руси» вышла в Москве в 1859 г.

Стр. 366. *«Голос», № 294—1875 г.— Статья...*— В «Голосе», 1875, № 294, 24 октября, Достоевского могла заинтересовать передовая статья об отношении русской и иностранной пе ати «к нашей так называемой революционной пропаганде». Признавая серьезное влияние революционных идей на русскую молодежь, а не только на «неразвитых простолюдинов» и «недоучившихся юношей», газета стремилась указать на возможные средства борьбы с этими идеями. Наиболее реальным из этих средств либеральная газета считает «возрождение и организацию здоровых общественных сил» на поприще «крепкой деятельности гражданина», т. е. известные шаги в сторону введения конституционного строя. В статье упоминаются К. Маркс, Лассаль, Бебель, В. Либкнехт. Хождение в народ газета рассматривает как попытку «воспитать народ» к «социальной революции».

Стр. 366. *1875. От 5-го ноября «Москов(ские) ведомости»...*— В «Московских ведомостях», 1875, № 282, 5 ноября, в сообщении из Москвы от 4 ноября говорилось о речи премьер-министра Великобритании Дизраэли на банкете у лондонского лордмэра. Говоря о судьбе бывших турецких владений, Дизраэли упомянул «о значительности английских интересов на Востоке». Сообщая об одобрении этого заявления английской печатью, газета писала: «Неужели так уж подписано в книге судеб, что Египет должен быть непременно английским? Неужели Россия, Австрия, Италия, Франция, Испания, Греция — все эти страны, лежащие вокруг исторического бассейна Средиземного моря, — так уж и не имеют никаких интересов в этом вопросе, и голос их не должен ничего значить в виду решения английских политиков?»

Стр. 366. *От 6-го ноября «Голос». Фельетон из Берлина...*— Имеется в виду статья «Русская школа, Письмо из Берлина» в «Голосе», 1875, № 307, 6 ноября, без подписи. Первое письмо было напечатано в № 265, 25 сентября. В этих двух статьях корреспондент излагал содержание чтений в берлинском педагогическом кружке о постановке школьного дела в России. Автор этих чтений, по словам корреспондента, прожил в России около 10 лет в качестве учителя. Во втором письме, заинтересовавшем Достоевского, корреспондент пересказывает содержание второго чтения о «распространении революционной пропаганды в русской школе». Признавая, что «несмотря на (...)энергическую, почти десятилетнюю деятельность министерства», гимназия в России не могла «оберечь учащееся в ней юношество от гибельного влияния революционной пропаганды», референт доказывал, что основную вину за это несут «Московские ведомости» Каткова и Леонтьева, которые устремляли «все свои усилия единственно к тому, чтобы произвести совершенную смуту в понятиях о настоящем значении классических и реальных общеобразовательных училищ, возбудить дух партий в русской школе и, таким образом, не дать установиться в России правильной училищной системе». В доказательство этих выводов референт ссылался на свои беседы с посещавшими Берлин русскими педагогами. Основной тезис референта — защита реального образования.

Стр. 366. ... *Черняев.*—Михаил Григорьевич Черняев (1828—1899), генерал, участник завоевания Средней Азии, с 1871 г. издавал (вместе с полковником В. В. Комаровым) консервативную газету «Русский мир», выступавшую против военных реформ. В 1876 г. по приглашению сербского правительства стал главнокомандующим сербской армии в войне Сербии против Турции и своим неумелым руководством привел сербскую армию к капитуляции. Высмеян Салтыковым-Щедриным в «Современной идиллии» (в образе генерала Редеди). Достоевский был лично знаком с Черняевым и много писал о нем в «Дневнике писателя» (см. XIII, по указателю).

Стр. 367. *Хлестаков по крайней мере врал-врал...*— Ср. XI, 145.

Стр. 367. *Филоновы.*— Андрей Григорьевич Филонов (1831—1908), педагог-реакционер, защитник классического образования, в 1873—1883 гг. инспектор 4-й петербургской прогимназии, автор ряда учебных руководств, выдержанных в казенно-благонамеренном духе. В 1875 г. Филонов произнес речь, в которой призывал школьников выдавать начальству своих товарищей, виновных в тех или иных нарушениях. Выступление Филонова вызвало полемику (см. «Голос», 1875, № 296, 26 октября, «Гражданин».

1875, № 44, 2 ноября, стр. 1060—1062; № 46, 16 ноября, стр. 1112). На эту речь Филонова и намекает здесь, по-видимому, Достоевский.

Стр. 367. ... *Крестовский*... — Всеволод Владимирович Крестовский (1840—1895), писатель; был в 1860-х годах сотрудником «Времени», автор романа «Петербургские трущобы» (1864—1866), в котором рисовал петербургское «дно»; с конца 1860-х годов выступил с рядом «антинигилистических» романов («Панургово стадо», 1869, «Две силы», 1874, и др.). В 1876 г. в газете «Русский мир» (№ 62) была напечатана его историческая повесть «Деды» из времен Суворова.

Стр. 367. *Граф Сальяс*...— Имеется в виду, очевидно, граф Е. А. Салиас де Турнемир (1842—1902), исторический романист, автор романа «Пугачевцы» (1873—1874).

Стр. 367. ... *Авсеенки*...— Василий Григорьевич Авсеенко (1842—1913), писатель-беллетрист и критик; автор консервативно-охранительных романов из великосветской жизни, печатавшихся в «Русском вестнике» Каткова. Достоевский посвятил полемике с Авсеенко ряд страниц «Дневника писателя», 1876 г. (см. далее).

Стр. 367. ... *Фадеев с своим царем в голове*.—Ростислав Андреевич Фадеев (1824—1883) — генерал, консерватор-крепостник, сотрудничал в газете «Русский мир», автор книги «Русское общество в прошлом и настоящем» (СПб., 1874), в которой защищал дворянские права и сословные привилегии. См. стр. 315—316.

Стр. 367. *Все спокойны, все самолюбивы*... — Ср. XI, 145.

Стр. 367. ...*Овсянников*.— См. стр. 475—478.

Стр. 367. *Если не религия, но хоть то, что заменяет ее*...— Запись эта получила развитие в гл. I «Дневника писателя», 1876 г., январь (XI, 146).

Стр. 367. *Фантастическая идея Ордена чести*...— Достоевский имеет в виду, по всей вероятности, мысль Фадеева о предоставлении крупным купцам дворянских прав, изложенную в его книге «Русское общество в прошлом и настоящем»: «...в России следовало бы облегчить по возможности переход в дворянство крупным купцам, остающимся купцами. По нашему мнению, было бы совершенно согласным с современными потребностями предоставить им право просить о возведении в дворянство детей, обеспеченных значительно недвижимою собственностью; почетных же граждан, владеющих капиталом определенной величины, сравнять с дворянами во всех правах. Таким образом, богатое купечество наследственное перейдет всецело в привилегированный слой общества, как и следует по духу этого учреждения; вне русского высшего класса останется только мелкое купечество...» («Русское общество в прошлом и настоящем», стр. 87—88). Указанная книга Фадеева имелась в библиотеке Достоевского (Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому, стр. 42).

Стр. 367. *Рассказ Некрасова*...— В связи с публикацией «Подростка» в «Отечественных записках» Достоевский в 1875 г. часто встречался с Некрасовым. Очевидно, во время одной из этих встреч Некрасов и рассказал ему о «последних днях» Ф. М. Решетникова, умершего в 1871 г.

Стр. 367. ... (*революционеры, старого Гаврилу*)...— Намек на известные стихи Дениса Давыдова из его «Современной песни»:

А глядишь: наш Мирабо/Старого Гаврилу/За измятое жабо/Хлещет в ус, да в рыло.

Стр. 367. ...*Юхотский*...— Герой великосветского романа В. Г. Авсеенко «Млечный путь», печатавшегося в «Русском вестнике» (1875, №№ 10—12; 1876, №№ 4—7) и вышедшего отдельно в 1876 г. в Москве; Достоевский дал уничтожающую характеристику этого романа и его героя в апрельском номере «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 251).

Стр. 367. *Граф Толстой* ∞ *«Русский мир», № 216*). — В указанном номере «Русского мира» (8 ноября 1870 г.) помещен обзор «Русские журналы» Вс. С. (В. С. Соловьева). В конце этого обзора автор излагает содержание письма Тургенева по поводу смерти поэта А. К. Толстого (напечатано в «Вестнике Европы», 1875, т. 6, № 11, стр. 432—434; приведены три выдержки из письма). Далее Вс. С. Соловьев излагает содержание там же помещенного (стр. 435—440) некролога А. К. Толстого, написанного М. М. Стасюлевичем, и выражает пожелание, «чтоб люди, близкие покойному поэту, не откладывали собирание материалов для его биографии и чтоб труд этот выпал на долю человеку, способному совершить его достойным образом» (стр. 2).

В ноябрьской книжке «Русского вестника» Достоевского также заинтересовал некролог А. К. Толстого (стр. 393—411, подпись: А — В. Г. Авсеенко). Н. Ф. Бельчиков полагает (см. указанную выше статью «Тургенев и Достоевский (Критика „Дыма“)», что Достоевский должен был обратить внимание на упоминание в некрологе Потугина, одного из персонажей романа «Дым»: «Граф Толстой менее всего напоминал тех почитателей народности, которые, по выражению Потугина в „Дыме“, обращаются к народу словно пустые сосуды: влейся, мол, в нас живая вода. У графа Толстого в его так называемых народных произведениях в характерную народную речь и в народные образы облекалась обыкновенно собственная мысль, собственное чувство» (стр. 398—399). Эти слова некролога Толстого явились одним из побудительных толчков к ряду последующих заметок Достоевского о «Дыме» и авторе этого романа.

Стр. 367. *Общество земледельческих колоний* ∞ *ноября 75*.— В «Голосе», 1875, № 310, 9 ноября, напечатан краткий отчет о деятельности Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за октябрь 1875 г. В отчете сообщается, что «число воспитанников в колонии общества (за охтенскими пороховыми заводами) простиралось

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ «БЕЛЫЕ НОЧИ»

Рисунок М. В. Добужинского, 1922

Местонахождение оригинала неизвестно (воспроизводится с фотографии)

лишь до 48, хотя и положено иметь их 70», а также, что «состояние здоровья (воспитанников) было очень неудовлетворительное».

27 декабря 1875 г. Достоевский вместе с А. Ф. Кони посетил колонию малолетних преступников. См. январский номер «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 158—167).

Стр. 367. *«Голос». Воскресенье, 9-го ∽ Голядкин.*— В «Голосе», 1875, № 311, 10 ноября, помещен фельетон «Новости иностранной литературы» (без подписи), посвященный книге английского психиатра А. Уинтера «Области, сопредельные с умственным расстройством, и другие статьи по тому же предмету» (A. W y n t e r. The Borderlands of insanity and other allied papers. L., 1875) и двум романам Жорж Санд — «Фламаранд» («Flamarande». P., 1875) и «Два брата» («Les deux frères». P., 1875). Как пишет корреспондент, А. Уинтер доказывает, что «черта», отделяющая здравый рассудок от умственного расстройства, чрезвычайно тонка <...> В известном состоянии сознания человек может находиться в постоянной борьбе с самим собою и с подстрекательствами двойника совершить или сказать то, что претит его природе в нормальном состоянии». Эти выводы английского психиатра заинтересовали Достоевского своей близостью к картине психологического состояния Голядкина в повести «Двойник».

Стр. 367. *Сосунов, Сосунков.*— Возможно, имеется в виду присяжный поверенный Евгений Филиппович Сосунов (или чиновник Лесного департамента Александр Петрович Сосунов, 1833—1907).

Стр. 370. *Человек, который рад проползти из Бадена в Карльсруэ на карачках.*— Имеется в виду И. С. Тургенев (в «Бесах» писатель Кармазинов, образ которого является карикатурой на Тургенева, говорит, что он сидит «уже седьмой год в Карльсруэ» и «там, в Карльсруэ, закроет глаза свои».— «Бесы», ч. II, гл. 10).

Стр. 370. *Ce n'est pas l'homme, c'est une lyre...*— Эти слова о Ламартине цитируются в газете «Московские ведомости», 1875, № 287, 10 ноября, в изложении второй части «Мемуаров Одилона Барро», как пример характеристики Ламартина, данной Барро. Ср. XI, 197.

Стр. 370. *В Симбирске, на памятнике Карамзину...*— Памятник Н. М. Карамзину в Симбирске был открыт в 1875 г. Описание его см. в воспоминаниях Н. Крылова «Из далекого прошлого» («Вестник Европы», 1900, № 5, стр. 167—168). Характерно, что мемуарист также иронизирует над украшающими пьедестал барельефами, где изображен «голый Карамзин» (стр. 167).

Стр. 370. *Из письма Гоголя с того света о спиритизме...*— Ср. XI, 174. В газете «Голос», 1876, № 6, 6 января, напечатаны «Московские заметки» (без подписи), в значительной своей части посвященные спиритизму. Автор высмеивает «одного из представителей московского интеллекта», который, обратившись в медиума, «беседует с духом Гоголя», причем «Гоголь диктует ему вторую часть „Мертвых душ“ по той рукописи, которую сжег он». О том же пишет А. Л. в «Биржевых ведомостях», 1876, 17 января («Московские письма»), из статьи которого можно понять, что речь идет о редакторе «Московских ведомостей» — М. Н. Каткове. Вероятно, запись Достоевского находится в связи с этими заметками.

Стр. 370. *...Послание к Римлянам, глава II, стих 9.*— «Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых иудея, потом и эллина».

Стр. 370. *NB. «Русский мир» сам признал себя на 5 рублей поплоше...*— В «Русском мире», 1875, 9 ноября, было помещено объявление о подписке на 1876 г., причем сообщалось, что подписная плата на год снижается с 16 до 10 рублей.

Стр. 370. *Юбилей Тургенева...*— Юбилей Тургенева (40 лет литературной деятельности) собирался отметить в 1876 г. Общество любителей российской словесности при Московском университете. Однако Тургенев двумя письмами 3 декабря/21 ноября 1875 г. секретарю Общества и редактору журнала «Вестник Европы» (см. «Вестник Европы», 1876, № 1, стр. 430; Т у р г е н е в, т. XV, стр. 164—165) отказался от празднования юбилея. Ввиду этого поздравительная телеграмма, о которой пишет Достоевский, по-видимому, не была отправлена.

Стр. 370. *... статья «Литературная кунсткамера о „Подростке“».*— Статья «Литературная кунсткамера. Письма к издателю, V» («Московские ведомости», 1875, № 291, 14 ноября, подпись: «Странник») представляет собой отклик на некролог В. С. Курочкина, помещенный в «Петербургских ведомостях» (1875, № 224), в котором была дана высокая оценка В. С. Курочкина как редактора-издателя «Искры». С реакционных позиций отрицательно характеризуя «Искру», автор статьи в «Московских ведомостях» говорит о сочувствии «Искры» к Парижской Коммуне, выраженном в №№ 13—21 за 1871 г. Порицая демократическую публицистику и ее пристрастие к «европейскому социализму», которого «знать не хочет Европа», автор в конце статьи сравнивает ее с героем «Подростка», который в пансионе «стыдится» своей матери и «бегает» за французом Тушаром.

Стр. 370. *«Московские ведомости», № 292 ∽ Опровержение ∽ телеграммы «Русского мира»...* — Сообщение, которое имеет в виду Достоевский, гласит: «В опровержении депеши, полученной газетою „Русский мир“ из Рагузы от 11-го ноября, будто бы Австрия отказалась доставлять в Черногорию запасы хлеба для собравшихся туда 65 000 герцеговинских беглецов и что вследствие того грозит неизбежный голод, венская

„Politische Correspondenz" официально сообщает, что австрийское правительство уже довольно долгое время и правильно доставляет хлеб для беглецов в Черногорию, что эта помощь доставляется безвозмездно и до сих пор не было никакого распоряжения о прекращении оной» («Московские ведомости», 1875, № 292, 16 ноября).

Стр. 371. «*Гражданин», № 46, 16 ноября. Известия о попах...*— В корреспонденции «Священники не хотят учить закону божию в народных школах» (подпись «Сумец») сообщалось о «более 10 священниках, формально отказавшихся в Харьковской губернии от обучения закону божию в школах». Корреспондент призывал духовные власти воздействовать на таких священников и напомнить им об их обязанности. О попах «с папиросками» Достоевский писал в той части очерка «Маленькие картинки» (1874), которая была вычеркнута им из окончательного текста по настоянию цензора И. А. Гончарова (см.: «Из архива Ф. М. Достоевского. Письма русских писателей». Ред. Н. К. Пиксанов. М., 1923, стр. 17—18; «Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома», VII. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 38—39).

Стр. 371. «*Московские ведомости», № 296, 20 ноября, ∽ одесский доклад.*— В этом номере в сообщении из Москвы помещено изложение «Докладной записки о причинах упадка одесской торговли и средствах к ее поднятию», представленной в Совет торговли и мануфактур его Одесским комитетом. В записке указывалось, что с конца 60-х годов на заграничных рынках Россия в области торговли хлебом начала встречаться со все более увеличивавшейся конкуренцией Америки. Авторы записки выражали убеждение, что Россия «окончательно утратила свое значение в хлебной торговле, что ей приходится снизойти на второй план и что даже тут она может сохранять место только под условием напряженных усилий».

Здесь же под названием «Г. Джон Лемуан о восточной политике Англии» напечатан перевод статьи Лемуана в парижском «Journal des Débats» о «Новом повороте британской политики на Востоке». Лемуан порицал Англию за ее желание захватить Египет и Суэцкий канал и писал, что нет причин, которые помешали бы в ответ на это России захватить Константинополь, Франции — Бельгию, Германии — Голландию и т. д.

Стр. 371. «*Московские ведомости», № 297, 21 ноября.*— В корреспонденции из Москвы газета писала: «На захват Англией Суэцкого канала следует смотреть не просто как на торговую сделку, а как на событие политическое, первостепенной важности». В подтверждение этого газета приводила ряд отзывов из английских газет («Times», «Daily News», «Morning post» и др.), заинтересовавших Достоевского.

В корреспонденции «Из Петербурга», помеченной 18 ноября, газета сообщала о том, что «в сферах правительственных» и «в среде нашего городского общества» оживленно обсуждается вопрос об обязательном начальном обучении. В связи с этим газета ставила вопросы о программе обязательного обучения и материальном обеспечении народных училищ.

Стр. 371. «*Русский мир» удешевил газету.*— См. стр. 474.

Стр. 371. *См. выдержки Порецкого из «Киевского телеграфа»...*— Выдержки эти приводятся в статье «Отголоски несообразные (из современного обозрения)».— «Гражданин», 1875, № 46, 23 ноября, стр. 1125. Автор статьи в «Киевском телеграфе» высмеивал тех, которые «в нашу тяжелую годину хлопочут о развитии художественности и эстетичности убогой русской литературы», так как за «пышным нарядом» скрываются «глубокие раны, болячки». Порецкий приводит «жемчуга красноречия»: «общие общественные интересы», «фокус пожеланий», «тоска безделья» и т. д.

Стр. 371. *Столоверчение.*— Запись эта связана с темой о спиритизме, отразившейся в различных местах настоящей тетради.

Стр. 372. «*Московские ведомости», № 301, середа, 26 ноября.*— Передовая, которую имеет в виду Достоевский, посвящена вышедшему в Швейцарии памфлету бывшего прусского дипломата графа Арнима «Pro Nihilo», направленному против Бисмарка. В памфлете, отрывки из которого приведены в передовой, Арним доказывал, что Бисмарк из личного соперничества добивался его увольнения со службы pro nihilo.

Стр. 372. *Дело Овсянникова.*— Отчеты о судебных заседаниях по делу Овсянникова печатались в газете «Голос», 1875, начиная с № 327, 26 ноября и до № 351, 20 декабря 1876. Одновременно отчеты печатались во всех других крупных газетах. Дело Овсянникова слушалось в Петербургском окружном суде с 25 ноября по 6 декабря 1875 г. Крупный петербургский купец и подрядчик-миллионер, торговец мукой, коммерции советник С. Т. Овсянников был обвинен в умышленном поджоге сгоревшей 2 февраля 1875 г. паровой мельницы, на Обводном канале в Петербурге, принадлежавшей другому миллионеру — В. А. Кокореву и арендованной у него Овсянниковым. Как было установлено на суде, поджог мельницы был выгоден Овсянникову и должен был принести ему большую прибыль. Овсянников был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Сибирь, а его сообщники — купец Левтеев и сторож Рудометов — к каторжным работам (на 8 и 9 лет).

Дело Овсянникова привлекало к себе широкий общественный интерес. В руках следствия оказался список чиновников интендантства, получивших от Овсянникова крупные взятки. Дело о взяточничестве в интендантстве было замято, так как в нем, по-видимому, были замешаны высокопоставленные лица, но слухи об этом все же проникли в публику (см. «Дневник Д. А. Милютина», т. I. М., 1947, стр. 193; А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 1. М., 1966, стр. 37—45.

Процесс Овсянникова, на протяжении почти целого месяца не сходивший со страниц петербургских газет, находился в центре внимания прогрессивной общественности. «Овсянниковское дело успело уже состариться. Оно имеет свою историю, свою литературу»,— писал о нем фельетонист «Голоса» вскоре после вынесения приговора («Голос», 1875, № 345, 14 декабря; «Листок», подпись: Гамма — Г. К. Градовский); в фельетоне приводится стихотворение «некоего непризнанного поэта», посвященное «подвигам» Овсянникова. Г. З. Елисеев писал после окончания процесса: «Процесс Овсянникова был, по нашему мнению, самый замечательный из всех процессов со времени введения у нас судебной реформы» («Отечественные записки», 1875, № 12, стр. 314).

Достоевский упоминает об Овсянникове в октябрьском выпуске «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 438).

Стр. 372. (*Записочка одного застрелившегося*).— Достоевского заинтересовала заметка в «Голосе», 1875, № 329, 28 ноября. «Вчера мы сообщали краткое известие о застрелившемся в Александровском парке молодом человеке, теперь можем добавить, что покушавшийся на самоубийство оказался елисаветградским мещанином Александром Афанасьевым, 23-х лет. В кармане его платья найдена записка следующего содержания: „Я уже убил не одну и погубил многих; я разбойник и жить на свете не могу. А ф а н а с ь е в“. 26-го ноября Афанасьеву была сделана операция извлечения пули, и доктора надеются на его выздоровление».

Стр. 372. «*Московские ведомости*», *№ 303, 28 ноября.*— Передовая в этом номере газеты была посвящена восстанию в Боснии и Герцеговине. Газета заявляла о поддержке Россией требований восставших и о необходимости предоставления автономии всем христианским провинциям Оттоманской империи.

Стр. 372. *Un homme heureux...*— Ср. XI, 147.

Стр. 372. ...*Соколов*... — Возможно, Достоевский имеет здесь в виду Н. И. Соколова (1844—1899), известного врача, профессора частной патологии и терапии Петербургской военно-медицинской академии.

Стр. 372. «*Голос*», *1-е декабря.* ∽ *о перемене карты Европы*...— В «Заграничных известиях» в «Голосе», 1875, № 332, 1 декабря, приведена статья из газеты «Journal de St. Pétersbourg», в которой в ответ на сообщение бельгийской газеты «Indépendance Belge» о готовящемся будто бы с участием русской дипломатии «совершенном преобразовании Европы в территориальном отношении» говорится, что утверждение «Indépendance Belge» — «нездоровая пропаганда» и что «переделыватели карты Европы» вышли из моды. В заключении обозреватель ссылается на берлинский официоз «Nord-Deutsche Allgemeine Zeitung», где сказано: автор статьи «имеет полное право поступить в дом умалишенных» (стр. 1).

Стр. 373. *Отсылка* [*ком*] *Министерства иностр*⟨*анных*⟩ *дел денег Герцеговине*...— В общем собрании членов Общества попечения о раненых и больных воинах обсуждался вопрос об оказании пособий жертвам восстания в Боснии и Герцеговине. Как сообщил 28 ноября председатель Общества, сенатор, генерал-лейтенант И. М. Гедеонов, общество назначило в сентябре в помощь жертвам восстания 10 000 рублей и открыло дальнейший сбор пожертвований. Через посредство Министерства иностранных дел общество просило разрешить отправку уполномоченного в Черногорию для распределения пособий и помощи раненым. По докладу Гедеонова собрание членов общества приняло решение выделить в помощь герцеговинцам еще 25 000 рублей. Уполномоченным общества был избран князь П. А. Васильчиков («Голос», 1875, № 332, 1 декабря). Здесь же газета сообщала о заседаниях петербургского отдела Славянского благотворительного комитета 12 и 19 октября. Среди членов общества, принимавших участие в обоих этих заседаниях, упомянут Достоевский. По-видимому, Достоевский полагал, что правительство более энергично действовало в вопросе помощи герцеговинцам, чем Славянский комитет.

Стр. 373. *12 ноября. Воспоминания о Западном комитете.*— Возможно, что запись относится к сообщению в «Голосе», 1875, № 314, 13 ноября, о сборе средств в пользу герцеговинцев, осуществлявшемся швейцарскими благотворительными комитетами. В № 313, 12 ноября, подобных сообщений нет.

Стр. 373. «*Голос*», *5 декабря.* — В «Голосе», 1875, № 336, 2 декабря, сообщается о докладе К. Е. Маевского (на заседании Общества архитекторов в Петербурге), посвященном устройству «лондонского дома для хранения ценных редких вещей и документов». Чтобы воспрепятствовать злоумышленникам, сообщала газета, «из кладовых дома с помощью особой помпы выкачивается весь воздух».

В том же номере перепечатана заметка из газеты «Новости» о самоубийстве в Петербурге девушки-акушерки Куколевской. Воспитанная «в глухой провинции», Куколевская решила «посвятить себя на такой труд, который был бы существенно полезен обществу». Для сдачи экзаменов и получения диплома она приехала в Петербург, где познакомилась и сошлась с доктором М. А. К—гом, обманувшим ее, отобравшим у нее деньги и пытавшимся выгнать Куколевскую из квартиры, где они до этого жили вместе.

Стр. 373. *Сарданапал* ∽ *Ларош*а.— Фельетон Г. Ларош «Музыкальные очерки» о постановке оперы А. Фоминицина «Сарданапал» (на сюжет трагедии Байрона) в Мариинском театре.— «Голос», 1875, 26 ноября.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ «БЕЛЫЕ НОЧИ»

Рисунок М. В. Добужинского, 1922

Местонахождение оригинала неизвестно (воспроизводится с фотографии)

Стр. 373. *Танцы. Замужняя женщина и танцы.*— Ср. XI, 152.

Стр. 373. *В «Биржевых» ∽ парадокс об Овсянникове...*— А. С. Суворин писал: «Общественное мнение обвинит г. Овсянникова не за то дело, которое привлекло его на скамью подсудимых, а за всю его деятельность, за всю его жизнь‹...› Прокуратура заслуживала бы благодарности и в том случае, если бы г. Овсянников был невинен в поджоге, ибо она подвергла необходимой ешитимии человека, незаслуженно пользовавшегося известным почетом, и заставляла других быть осмотрительнее и честнее» («Биржевые ведомости», 1875, № 337, 7 декабря, фельетон Незнакомца «Недельные очерки и картинки»).

Стр. 373. *«Голос», понедельник, 8 декабря, № 339.*— В этом номере было перепечатано сообщение из «Недели» о деле, слушавшемся 3 декабря в Петербурге. Происшествие состояло в том, что коллежский регистратор Лимберг, будучи пьяным, стал приставать на улице к народной учительнице Морозовой и ее приятельнице, учительнице Викторовой, но был задержан и избит кандидатом математических наук Ковальским. На суде «г-жа В‹икторо›ва в волнении и с негодованием, почти задыхаясь, говорила судье о плачевном положении у нас женщин, которых всякий нахал считает себя вправе оскорблять, надеясь на их... беззащитность». При допросе свидетелей городовой заявил, что он «застал Лимберга лежащим на земле, а М‹орозо›ва, будто бы, сидя на нем верхом вместе с К‹оваль›ским, била его». Судья приговорил М‹орозо›ву к четырехдневному аресту «за неприличную позитуру и нарушение тишины». Лимберг и К‹оваль›ский были приговорены к аресту на 5 дней и штрафу, первый — 20, второй — 10 рублей» (стр. 2).

Стр. 373. *«Гражданин», № 49, 7 декабря.*— В этом номере напечатана обширная статья «Дело Овсянникова» (стр. 1174—1180). Вслед за ней изложен «Приговор по делу Овсянникова» (стр. 1180). Газета писала: «Овсянников был 17 раз под судом и всегда был оправдаем. Овсянников был любимый подрядчик военного министерства почти полвека, Овсянников был царем петербургской биржи. Овсянников был осыпаем милостями и наградами». Далее газета намекала на соучастие в аресте Овсянникова Кокорева и высших чиновников интендантского ведомства военного министерства (стр. 1175—1176). См. также стр. 475.

Стр. 373. *«Дым», о красоте, Потугин...*— Настоящая заметка открывает ряд записей к неосуществленной полемической статье, направленной против Тургенева, которую Достоевский, по-видимому, собирался включить в состав январского номера «Дневника писателя», 1876 г. (см. об этом указанную выше статью Н. Ф. Бельчикова «Тургенев и Достоевский (Критика „Дыма")».— «Литература и марксизм», 1928, № 1, стр. 63—94).

Как видно из ряда последующих заметок (см. стр. 374, 376 и др.), возражения Достоевского вызвала, в частности, та ироническая характеристика художественного идеала русских былин (направленная против славянофилов), которую дает Потугин в XIV главе «Дыма», ссылаясь при этом на былину о Чуриле: «И идет молодец частой, мелкой походочкой, той знаменитой „щепливой" походкой, которою наш Алкивиад, Чурило Пленкович, производил такое изумительное, почти медицинское действие в старых бабах и молодых девках, той самой походкой, которою до нынешнего дня так неподражаемо семенят наши по всем суставчикам развинченные половые, эти сливки, этот цвет русского щегольства, это пес plus ultra русского вкуса. Я это не шутя говорю: мешковатое ухарство — вот наш художественный идеал» (Тургенев, т. IX, стр. 237).

Стр. 374. *Тургенев и Виардо, переводил Гоголя...*— Ср. XI, 362.

Стр. 374. *Потугин именно самородок...*— Намек на следующие слова Потугина в XIV главе «Дыма»: «а наш брат самородок „трень-брень" вальсик или романсик, и, смотришь, уже руки в панталоны и рот презрительно скривлен: я, мол, гений. И в живописи то же самое, и везде. Уж эти мне самородки!» (Тургенев, т. IX стр. 230—231).

Стр. 374. *Красота, вспомните лакейские ливреи маркизов и маркиз (Казанова).*— Достоевский имеет в виду описание костюма дворянина середины XVIII в., которое содержится в напечатанном во «Времени» отрывке из мемуаров Казановы («Заключение и чудесное бегство Жака Казановы из венецианских темниц (Пломб). (Эпизод из его мемуаров)».— «Время», 1861, № 1. Здесь упоминаются «кошелек» (для волос), «белые чулки», «кружевная рубашка», «плащ», «шляпа с золотыми испанскими кружевами и белым пером» (стр. 173).

Стр. 374. *Сконфузил юношу, хищное животное...*— Достоевский имеет в виду рассказ Потугина о его разговоре с юношей — «нигилистом» о единобрачии и о происхождении человека. См. «Дым», гл. XIV (Тургенев, т. IX, стр. 235). К этому эпизоду «Дыма» Достоевский несколько раз возвращается дальше.

Стр. 374. *«Непочтительный Коронат».*— Одноименный рассказ Салтыкова-Щедрина был напечатан (в качестве XVI очерка цикла «Благонамеренные речи») в «Отечественных записках», 1875, № 11, стр. 231—266. В этом же номере на стр. 173—230 были помещены главы 5—7 третьей части «Подростка». Посвященный глубоко волновавшей Достоевского теме молодого поколения (но решавший ее в совсем ином, чем Достоевский в «Подростке», революционно-демократическом духе) рассказ Щедрина вызвал пристальное внимание Достоевского, см. ряд полемических замечаний на страницах на-

стоящей тетради. См. об этом в кн.: С. С. Борщевский. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы, стр. 289—292. Здесь же указано, что отзвуки этих полемических замечаний имеются в тексте январского выпуска «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 145).

Стр. 374. *Байрон — Каин.* См. далее.

Стр. 374. *Идут мужики и несут топоры...* — Эти пародийные «стихи, должно быть сочиненные каким-нибудь прежним либеральным помещиком», Достоевский вложил в уста Степана Трофимовича Верховенского в «Бесах» (ч. I, гл. 1, IX).

Стр. 374. *...долго нас помещики душили?* — Начало стихотворения, ставшего революционной песней, популярной в 1860-х годах; печаталось неоднократно с 1861 г. в нелегальных и заграничных революционных изданиях. С наибольшей вероятностью приписывается В. С. Курочкину (в прошлом приписывалось также и А. А. Григорьеву).

Стр. 374. *О г-же Стечкиной...* — Л. Стечкина, начинающая писательница, автор рассказа «Первая гроза» («Русский вестник», 1875, № 7, стр. 354—412), который был напечатан с сокращениями, сделанными редакцией журнала без согласования с автором. Это вызвало протест Стечкиной во имя восстановления «права литературной собственности» («Русские ведомости», № 182, 22 августа; «Голос», № 233, 24 августа, и др.). Редакция «Русского вестника» ответила Стечкиной в специальной заметке «Литературный куриоз» («Русский вестник», 1875, № 9, стр. 510—515). В ответ Стечкина опубликовала обширную статью (3 1/2 газетных полосы) «Восстановление права литературной собственности», напечатанную в виде специального приложения к № 344 газеты «Голос» (1875, 13 декабря) и имевшую характер саморекламы.

Стр. 374. *У Тургенева — костюм Чурилы...* — См. стр. 478.

Стр. 374. *Вы выпродали имение...* — Слова эти обращены к Тургеневу.

Стр. 375. *... и петролея.* — См. XI, 178.

Стр. 375. *Каин — причина...* — Эти отрывочные заметки получают развитие в дальнейших записях, проясняющих их смысл.

Стр. 375. *«Непочтительный Коронат».* — См. стр. 478.

Стр. 375. *NB. Смотри ноябрь «Русский вестник». Кружок в Цюрихе.* — Достоевский имеет в виду рассказ А. Незлобина «Кружок (из записок социал-демократа)». — «Русский вестник», 1875, № 11, стр. 348—392. Рассказ является грубой карикатурой на русскую революционную молодежь.

Стр. 376. *«Новое время», № 325 ∽ Биография Погодина.* — В указанном номере (13 декабря) помещен краткий некролог М. П. Погодина (стр. 2, без подписи), содержащий основные биографические данные о нем.

Стр. 376. *Благоговейное замечание Тургенева в «Дыме»...* — «Дым», гл. XVIII (Тургенев, т. IX, стр. 270).

Стр. 376. *...говорил себе, что это в романах...* — Достоевский имеет в виду размышления Литвинова, готовящегося уехать с Ириной (гл. XXIV «Дыма»). «Литвинов очень серьезно размышлял обо всем этом: решимость его была сильная, без малейшего колебания, а между тем, против его воли, мимо его воли, что-то несерьезное, почти комическое проступало, просачивалось сквозь все его размышления, точно самое его предприятие было делом шуточным и никто ни с кем никогда не бегивал в действительности, а только в комедиях да романах, да, пожалуй, где-нибудь в провинции, в каком-нибудь чухломском или сызранском уезде, где, по уверению одного путешественника, людей со скуки даже рвет подчас» (там же, стр. 305).

Стр. 376. *«Милостивый государь мой».* — Обращение это несколько раз встречается в повести «Собака» (см. Тургенев, т. IX, стр. 124).

Стр. 376. *...бежал, такие лансады делал...* — У Тургенева: «А какие скачки, какие лансады по саду задавал! Кажется, самая первая танцорка, что у императора Наполеона в день его ангела пляшет,— и та за мной бы не угналась» (там же, стр. 138).

Стр. 376. *...женщины с новейшими машинами.* — Достоевский имеет в виду Матрену Семеновну Суханчикову, одну из отрицательных героинь «Дыма», которая утверждает, что для своего освобождения женщины должны «запастись швейными машинами и составлять общества».

Стр. 376. *«Биржевы‹е› ведомости», № 344. Воскрес‹енье›. 14 декабря. Фельетон Незнакомца...* — В фельетоне Суворина «Недельные очерки и картинки» освещаются последние судебные заседания и приговор по делу Овсянникова (см. стр. 475—478). Особенно резко осуждаются защитники обвиняемых. Вторая половина фельетона посвящена празднованию сорокалетия Училища правоведения, которое «внесло свою долю пользы русскому обществу».

Стр. 376. *«Голос», № 345. Воскрес‹енье›. 14 декабря.* — В передовой этого номера говорилось, что беспорядки в Средней Азии указывают на «крайнюю недостаточность численного состава наших войск в Туркестанском военном округе». В этом же номере «Голоса» помещена речь адвоката В. Д. Спасовича по делу Овсянникова. Спасович выступал на этом процессе как защитник интересов страховых обществ «Якорь» и «Варшавское», в которых была застрахована подожженная Овсянниковым мельница.

Стр. 376. *«Голос», 15 декабря, № 346.* — В судебной хронике этого номера газеты было напечатано решение мирового судьи Клокачева по делу Морозовой, Лимберга и Ковальского. См. стр. 478.

Стр. 377. *«Дон Жуан» Байрона. Посвящение, строфа X.*— Как видно из дальнейших записей («смеялся над Вордсвортом за таможню»), Достоевский имеет здесь в виду стихи не из X, а из VI строфы посвящения к «Дон Жуану»:

За труд платили вам, но только ль деньги плата?
И Вордсворт место ведь в акцизе получил.
(Перевод Г. Шенгели)

Стр. 377. *Тут просто драка была...*— См. стр. 478.

Стр. 377. *Судья Клокачев...*— Судья по делу Лимберга и Морозовой (см. стр. 478).

Стр. 377. *Потугин. Выставка лондонская.*— Достоевский полемизирует со следующими словами Потугина в «Дыме»: «Посетил я нынешнею весной Хрустальный дворец возле Лондона; в этом дворце помещается, как вам известно, нечто вроде выставки всего, до чего достигла людская изобретательность(...) Ну-с, расхаживал я, расхаживал мимо всех этих машин и орудий и статуй великих людей; и подумал я в те поры: если бы такой вышел приказ, что вместе с исчезновением какого-либо народа с лица земли немедленно должно было бы исчезнуть из Хрустального дворца все то, что тот народ выдумал,— наша матушка, Русь православная провалиться бы могла в тартарары, и ни одного гвоздика, ни одной булавочки, не потревожила бы, родная; все бы преспокойно осталось на своем месте, потому что даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут — эти наши знаменитые продукты — не нами выдуманы» (гл. XIV. Тургенев, т. IX, стр. 232—233).

Стр. 378. *Он ей показал ∽ место подле себя...*— См. «Дым», гл. XXV («Он вскочил в вагон и, обернувшись, указал Ирине на место возле себя»).

Стр. 378. *...как султан князю Меньшикову.*—А. С. Меньшиков (1787—1869), главнокомандующий русской армией и флотом, бездарный военачальник. 15 февраля 1855 г. отстранен от должности. В феврале 1853 г. Меньшиков был отправлен Николаем I в качестве чрезвычайного посла в Турцию, где он вел переговоры с султаном Абдул-Меджидом и его министрами. Один из эпизодов этих переговоров (окончившихся в мае 1853 г. разрывом дипломатических отношений между Россией и Турцией) и имеет в виду Достоевский (см. Е. В. Тарле. Крымская война, т. I. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1944, стр. 113—152).

Стр. 378. *... Лиля...*—Дочь Достоевских Любовь Федоровна (1869—1926); в 1875 г. ей исполнилось шесть лет.

Стр. 378. *В русском человеке ∽ да так и останется).*— Ср. XI, 184—185.

Стр. 378. *История Лимберга и Морозовой.*— См. стр. 478.

Стр. 378. *«Голос», № 348.*— В этом номере (17 декабря) напечатана пространная заметка рекламного характера о книжном магазине М. О. Вольфа, которому, по словам газеты, «принадлежит честь образования у нас детской литературы» (стр. 3). Здесь же в судебной хронике пересказ выступления 5 декабря на суде по делу Овсянникова присяжного поверенного Языкова (защитника одного из обвиняемых — Левтеева). В этом выступлении Языков порицал печать за то, что она высказывает свое мнение о виновности подсудимых до окончания судебного разбирательства, и просил присяжных не основывать свое мнение на предвзятых суждениях репортеров.

Стр. 378. *...Филоновы ∽ Стечкина...*— См. стр. 471—472 и 479.

Стр. 378. *Цебрикова.*— Мария Константиновна Цебрикова (1835—1917), писательница демократического направления, печатавшаяся в «Отечественных записках» в 1870-е годы; активная поборница женского равноправия, много писала и по педагогическим вопросам, выступая с критикой старой системы воспитания и реакции в области образования; автор «Детских рассказов» (1875), «Записок гувернантки» (1875) и др.

Стр. 379. *«Русский вестник» ∽ Борьба дима с аристократией.*— Достоевский имеет в виду статью М. С. Куторги «Борьба демократии с аристократией в древних эллинских республиках перед персидскими войнами» («Русский вестник», 1875, № 11, стр. 5—61). Куторга цитирует следующие слова Платона из его сочинения «О государстве»: «Тирания выходит только из демократии, а не из какого-либо другого правительства, ибо крайняя вольность перерождается в сильнейшее и необузданное рабство» (стр. 12—13).

Стр. 379. *Древнегреческие тираны.*— Заметка эта связана с чтением указанной статьи Куторги.

Стр. 379. *Асса, требующий 300 600.*— Смысл этой записи расшифровать не удалось.

Стр. 379. *Михайловский сердится.*— Полемические записи по адресу Н. К. Михайловского в данной записной тетради, по всей вероятности, связаны не со статьями Н. К. Михайловского, а с личными встречами Достоевского и Михайловского в редакции «Отечественных записок», которые могли иметь место в 1875 г., в период печатанья в журнале романа «Подросток». Именно в «Подростке» (ч. III, гл. 7) Версилов в разговоре с Аркадием упоминает о сожжении Тюильри во время Парижской Коммуны, причем событие это толкуется Достоевским в символическом плане — как выражение разрыва Коммуны со старым миром и проявление разрушительных сил, свойственных, по Достоевскому, грядущей социальной революции, которая подготовляется в Европе.

Как видно из последующих записей (см. стр. 418 и др.), Михайловский возражал Достоевскому, полагая, что сожжение Тюильри не было результатом обороны Парижа от версальцев, но явилось простой случайностью. Достоевский же защищает мысль, которую он развивал в «Подростке».

Кроме того, как видно из заметки на полях (стр. 379): «Читал „От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩"», Достоевский здесь и далее откликается на «Записки профана» Михайловского, опубликованные в «Отечественных записках», 1875, № 12, стр. 278—299. Эта глава «Записок профана» (XVIII. «Разные разности») должна была привлечь внимание Достоевского уже потому, что в ней Михайловский упоминает о Достоевском: возражая на утверждение П. Ч. (П. П. Червинского — автора напечатанной в «Неделе», 1875, № 44, 2 ноября, стр. 1427—1439, статьи «Отчего безжизненна наша литература?»), что «гордость наша погибель, а наше спасение в деревне», Михайловский сопоставляет взгляды П. Ч. со взглядами Достоевского, который «давно уже» сказал: «Власы спасут себя и нас» (Михайловский имеет в виду слова Достоевского по поводу некрасовского Власа в «Дневнике писателя», 1873 г.— XI, 41). Статья Михайловского должна была вызвать интерес Достоевского и по другой причине: Михайловский говорит здесь об Авсеенко и его романе «Млечный путь», о местной печати, о книге Е. И. Якушкина «Обычное право», о Белинском и касается ряда других тем, которые Достоевский, как видно из настоящей тетради, намеревался затронуть в «Дневнике писателя», 1876 г.

О взаимоотношениях Достоевского и Михайловского см. также в кн.: А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. Л., «Советский писатель», 1963, стр. 9—14.

Стр. 379. *...(см. Внутр⟨еннее⟩ обозрение, Елисеев, «От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩», декабрь).*— Первая половина «Внутреннего обозрения» указанного номера «Отечественных записок», 1875, № 12, стр. 300—328, посвящена вопросу о причинах ухода семинаристов из семинарий в университеты и лицеи. Одной из причин Г. З. Елисеев считал «невозможность совместить свои идеалы с званием священника». Елисеев указал на необходимость следующих реформ: «1) Уничтожить те безразличные для существа духовного звания отличия, которые теперь многих отклоняют от него. 2) Выдвинуть на первый план просветительскую деятельность духовенства и этим поднять его значение в обществе. 3) Для этого поставить приготовление к духовному званию или, что то же, духовную школу совсем на другие основания». Как «единственное средство возвысить наше духовенство» Елисеев предлагал «ввести в нем разделение труда, предназначив одну часть духовенства для исправления треб, другую — исключительно для просветительской деятельности». Вторая половина статьи Елисеева посвящена процессу Овсянникова.

Стр. 379. *Читал «От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩». (Михайловскому).*— См. выше.

Стр. 380. *Или взять, что Овсянников отвечает за всю эпоху...*— Достоевский откликается здесь, по-видимому, на следующие слова Незнакомца (А. С. Суворина) о деле Овсянникова: «Это современная история в лицах и биографиях, полный курс истории. Это история винного откупа со всею его жестокою обстановкою, с миллионами жертв, проклятий, плача и разврата ⟨...⟩ Это история грабежа казны, народных сил и денег ⟨...⟩ Это история рубля...» («Биржевые ведомости», 1875, № 330).

Стр. 380. *«Мне [не] нравится, что Овсянников за всю жизнь свою наказан» (Суворин).*— См. стр. 475, 476, 478.

Стр. 380. *...как у г-жи Морозовой.*— См. стр. 478.

Стр. 380. *А что Спасович взял с общества страхового.*— Речь идет о гонораре Спасовича за представительство интересов страховых обществ в деле Овсянникова. См. стр. 475—478.

Стр. 380. *Сабуров...*— Вероятно, имеется в виду Андрей Александрович Сабуров (1837—1916), статс-секретарь; впоследствии член Государственного совета.

Стр. 380. *Он ей указывает...*— По поводу эпизода в «Дыме» Тургенева.

Стр. 380. *...Абдул-Меджид...*— Абдул-Меджид (1823—1861), турецкий султан с 1839 г., в 1853 г. вел переговоры с русским чрезвычайным послом кн. А. С. Меньшиковым, предшествовавшие открытию военных действий. См. стр. 480.

Стр. 381. *...под русским деревом...*— См. «Дым», гл. I (Тургенев, т. IX, стр. 143—144).

Стр. 381. *«Голос». Суббота. 20 декабря, 75, № 351.*— В этом номере газеты напечатан отчет о заседании 11 декабря 1875 г. Общества любителей духовного просвещения. На заседании обсуждались решения конференции, происходившей в Бонне и посвященной проблеме сближения между старокатолической и православной церквами. Вопреки мнению профессора Осинина преподаватель Петербургской духовной семинарии иеромонах Герасим отрицательно отнесся к предложенному старокатоликами проекту соглашения, видя в нем уступки «католическому воззрению, исторически сложившемуся на Западе».

Стр. 381. *И в телеграммах.*— В телеграмме из Версаля от 30 декабря сообщалось: «Национальное собрание в сегодняшнем заседании окончательно назначило: выборы делегатов на 16-е января, сенаторов по департаментам — на 30-е января, депутатов — на 20-е февраля и собрание обеих палат — на 8-е марта 1875 года». Обостренный инте-

рес Достоевского в эти дни к вопросам французской политики связан с конфликтом между республиканскими партиями во французском Национальном собрании и президентом-монархистом маршалом Мак-Магоном. Конфликт этот находился в центре внимания русской печати (см. передовые «Голоса», № 344, 13 декабря и № 348, 17 декабря).

Стр. 381. *«Голос». Воскресенье, 21 декабря.*— В «Голосе», 1875, № 352, 21 декабря, Достоевского заинтересовало объявление: «Студент желает получить место швейцара. А. Д. С. Офицерская ул., д. № 13, кв. № 21».

Передовая этого же номера посвящена состоявшемуся 18 декабря утверждению царем южного направления Симбирской железной дороги (Нижний Новгород — Тюмень через Екатеринбург). Газета горячо одобряет это решение.

Стр. 381. *«Московск⟨ие⟩ ведомости», № 324. Суббота, 20 декабря.*— Передовая этого номера посвящена опубликованному правительством узаконению, расширявшему права дворянства. Узаконение это отменяло требование о несении дворянином государственной службы как предварительном условии, дающем дворянину право на участие в делах дворянских собраний. Отныне, по словам газеты, дворянин становился «правоспособен в кругу деятельности своего сословия уже по тому самому, что он дворянин, безо всяких условий кроме образования».

В том же номере под названием «Медиумизм в России» помещен отчет о публичной лекции Д. И. Менделеева, который ознакомил слушателей с протоколами заседаний комиссии, созданной при Петербургском физическом обществе для изучения спиритизма. Работа комиссии показала необоснованность и вздорность утверждений спиритов.

Стр. 381. *«Истинная скорбь не выражается в пошлых фразах...»*— Слова Суворина в связи со смертью М. П. Погодина в «Недельных очерках и картинках».—«Биржевые ведомости», 1875, № 351, 21 декабря.

Стр. 381. *Рюрик, Синеус, Трувор и Погодин...*— Там же.

Стр. 382. *А о судье Клокачеве...*— Часть III указанного фельетона Суворина, озаглавленная «Женщины и судья», посвящена делу Лимберга и Морозовой (см. стр. 478). Суворин высмеивает мнимую «стыдливость» судьи Клокачева, который, считая поведение Морозовой «неприличным», в то же время не постеснялся раскрыть в протоколе, опубликованном им в «Голосе», ее полное имя. В конце фельетона Суворин сообщал, что муж Морозовой послал Клокачеву письмо, в котором требовал, чтобы судья извинился перед его женой. Клокачев же представил это письмо в полицию и настаивал на высылке мужа из столицы на том основании, что он будто бы угрожал ему дуэлью. Градоначальник оставил жалобу судьи без последствий.

Стр. 382. *...(вроде репутации Потехина).*— См. стр. 485.

Стр. 382. *Аристотель. «Русск⟨ий⟩ вестник».*— Достоевский приводит со своим комментарием слова Аристотеля («Политика», III, 5, 4), которые в переводе М. С. Куторги читаются так: «Тирания есть монархия, имеющая в виду только пользу монарха, олигархия — пользу богатых, а демократия — пользу неимущих; об общественной же пользе не заботится никто из них» («Русский вестник», 1875, № 11, стр. 44).

Стр. 382. *Нам всего ожидать от народа...*— Ср. XI, 181—187.

Стр. 382. *Прав ли Аксаков?*— Ср. XI, стр. 185.

Стр. 384. *Рекламы Вольфа ∽ кроме «Голоса» и в фельетоне Суворина.*— В своем очередном фельетоне «Недельные очерки и картинки» («Биржевые ведомости», 1875, № 351, 21 декабря) Суворин одобрительно характеризовал ряд детских изданий Вольфа и писал, что Вольф «мог бы занять первенствующее место между русскими издателями, если бы он почаще поручал составление книг людям знающим и талантливым».

Стр. 384. *Солон измельчил земельную собственность в Афинах...*— Изложение земельной реформы Солона содержится в названной выше статье М. С. Куторги («Русский вестник», 1875, № 11, стр. 32—36).

Стр. 384. *Полетика* Василий Аполлонович (ок. 1825—1888) — либеральный журналист, горный инженер и промышленник, сотрудник «С.-Петербургских ведомостей» и «Северной пчелы», издатель «Биржевых ведомостей» в 1874—1879 гг.

Стр. 385. *Чурила Пленкович...* — См. стр. 478.

Стр. 385. *...барельеф — Карамзин и Александр...*— См. стр. 474.

Стр. 385. *Нотугин и заплакавший нигилист...*— См. стр. 478.

Стр. 385. *Семинарист, как вам известно...*— Перефразировка двух стихов из «Родословной моего героя» А. С. Пушкина. У Пушкина:

Я мещанин, как вам известно.
И в этом смысле демократ.

Стр. 385. *У Петра было одно создание ∽ многие из них увлекаются простым честолюбием.*— Ср. XI, 181—183.

Стр. 386. *Страшный толчок ожидает общество...* — См. выше (о передовой «Голоса» 21 декабря 1875).

Стр. 386. *Война есть повод массе уважать себя...*— См. стр. 499.

Стр. 387. *Критик Михайловский, цитирующий ∽ Некрасова.* — Поводом к этой

записи явились, по-видимому: 1) «Записки профана» в «Отечественных записках», 1875, № 9, стр. 88—128, где Михайловский цитирует из «Современников» Некрасова:

Бывали хуже времена,
Но не было подлей... (стр. 89);

2) «Записки профана» в «Отечественных записках», 1875, № 12, стр. 278—299, где Михайловский цитирует из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» стихи о Белинском и Гоголе:

Ой люди, люди русские,
Крестьяне православные!
. . . . . .
Их книги прочитать.

Стр. 387. *В «Русск⟨ом⟩ мире», № 262 со статья В. С⟨оловьева⟩ обо мне.*— В «Русском мире», 1875, № 262, 24 декабря, напечатан обзор «Русские книги» В⟨севолода⟩ С⟨оловьева⟩, в большей своей части посвященный романам «Старые гнезда» Шеллера-Михайлова («Дело», 1875) и «The way we live now» («Как мы теперь живем») А. Троллопа («Русский вестник», 1875). Уже начало этого обзора должно было заинтересовать Достоевского, так как автор на первой странице цитирует «Скупого рыцаря» и рассматривает «власть золота» как основную черту времени, причем указывает, что слова пушкинского героя произносит теперь не «старый рыцарь», а «вчерашний мелочный торговец, сегодняшний концессионер железной дороги» (стр. 1). В основных мыслях обзора видно непосредственное влияние соответствующих страниц «Подростка». В конце обзора Соловьев пишет:

«Утрировка и карикатура теперь неуместны. Легкое подсмеиванье и подтруниванье над действительным злом, тенденциозное искажение действительности и рядом с этим— выдуманные, обвешанные театральными блестками фигуры несуществующих героев — являются и нелепыми и вредными. Нам не до смеха и не до маскарадов,— нам нужно громкое, проникнутое состраданием слово мыслящего наблюдателя, относящегося к окружающей жизни не с злорадством, не с презрением и насмешкой, а с чувством глубокого сострадания. Только такое слово и может принести пользу, только оно и может натолкнуть нас на разгадку того, что так поражает своим появлением и распространением. Только жадно прислушиваясь к этому слову, мы в состоянии будем, уяснив себе настоящее наше положение, найти какой-нибудь выход из окружающего мрака, из бесплодного метания, в котором треплются и отрываются наши последние силы, наши последние честные чувства. У нас есть такой наблюдатель, говорящий с нами именно о том, что нужно, и тем тоном, каким нужно. Стоит внимательно и беспристрастно вслушаться в речь его, стоит вглядеться в область общественных явлений, которую он перед нами открывает, чтобы понять и оценить его значение в современной литературе как глубоко искреннего и замечательного толкователя самых характеристичных и печальных явлений нашей эпохи. Мы говорим о Ф. М. Достоевском, окончание нового романа которого должно на днях выйти в последней книге „Отечественных записок“. В течение года толки газетных критиков не были особенно благоприятны этому роману; но дело в том, что на романиста пока нападали только за внешнюю сторону его произведения, да указывали на некоторые подробности этого, во всяком случае, глубоко задуманного и многое затрагивающего романа. Мы думаем, что, перечтя его с начала до конца, следует отнестись к нему иначе».

В письме к Вс. С. Соловьеву 28 декабря 1875 г. Достоевский писал: «Статьи ваши в „Русском мире“ читаю постоянно и №№ эти аккуратно покупаю. Порадовался за независимое положение ваше в этой газете. Самый последний фельетон ваш читал с особенным удовольствием. Очень занимательно и понятно,— что для теперешних читателей самое важное» («Письма», III, стр. 199).

Стр. 387 *В «Московск⟨их⟩ ведомостях». Декабрь. Среда 24, № 328.*— В передовой статье этого номера говорится о значении дела Овсянникова: «Оно ярко осветило некоторые стороны нашего быта; оно показало в подробностях систему наших интендантских порядков; оно еще раз раскрыло перед публикой деятельность наших банков; процесс вызвал некоторые вопросы об адвокатуре и возбуждает некоторые вопросы о печати; наконец, он показал в блистательном виде нашу „юстицию“».

О роли печати газета писала: «Иные ⟨...⟩ из наших периодических изданий обращают ⟨...⟩ гласность, с одной стороны, в какую-то побочную обвинительную инстанцию для человека, подпавшего суду, с другой — в балаганное упражнение для потехи невзыскательных слоев „почтеннейшей публики“». Газета протестовала против суждений печати (до вынесения приговора) о подсудимых и о свидетелях, а также против опубликования списков присяжных, решающих дело. Протест «Московских ведомостей» вызвали также недоброжелательные отзывы прессы о подсудимых «более видного общественного положения».

Стр. 387. *Известие о монахах...*— В том же номере газеты было напечатано сообщение из «Воронежского телеграфа» о том, что 18 декабря в Острогожском окружном суде должно было рассматриваться «дело о послушниках Котове и Вележеве и о иеродиаконе Алимпии, обвиняемых в задушении (в здании монастыря, в келии) девицы Верещагиной».

Стр. 387. «*Голос*». *Четверг, 25 декаб*‹*ря*›, *№ [30], 356.*— В этом номере излагается сообщение газеты «Киевский телеграф» (из Умани) о грабеже в доме уманского домовладельца Филипповича. Одним из грабителей оказался бывший ученик училища садоводства, родственник богатого местного землевладельца (Павлуша). Накануне он был в гостях у Филипповича. Во время грабежа Павлуша ломом раскроил голову кухарке, очевидно, узнавшей его, а «его сотоварищи, по-видимому, боясь, что Павлуша их выдаст, убили его этим же ломом и бежали. Преступников открыть не удалось». Газета называла всю эту историю «загадочной».

Стр. 387. (*Гамлеты и Дон Кихоты*).— Возможно, что заметка эта является откликом на статью А. М. Скабичевского «Наша современная беззаветность» («Отечественные записки», 1875, № 10, «Современное обозрение», стр. 153—193); раздел II статьи посвящен пересмотру тургеневской трактовки образов Гамлета и Дон Кихота.

Стр. 387. *...ораштадтение...* — от названия города Раштадт. См. стр. 376, 379.

Стр. 387. *Был на бале детск*‹*ом*› *в* [*худож.*] *Клубе художников 26.*— Об этом бале в «Голосе», 1875, № 356, 25 декабря было напечатано объявление: «26-го декабря, в пятницу, в петербургском собрании художников, назначен большой детский праздник „елка“ с бесплатными подарками для детей, акробатами, фокусниками, двумя оркестрами музыки, горами, электрическим освещением и проч. и проч. Елки петербургского собрания художников много уже лет славятся своим прекрасным устройством. По всей вероятности, и нынешняя елка не будет хуже прежних и доставит своим маленьким посетителям немало удовольствий. Не худо заблаговременно запастись входными билетами». Описание бала Достоевский дал в январской книжке «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 149—153).

Настоящая запись о елке в клубе художников и разговоре с И. Ф. Горбуновым получила дальнейшее развитие в наброске к январской книжке «Дневника писателя», не вошедшем в окончательный текст и опубликованном А. С. Долининым в «Ученых записках Лен. гос. педагогического института им. М. Н. Покровского», т. IV, вып. 2. Л., 1940, стр. 314—315. Возможно, что Достоевский отказался от помещения в «Дневнике писателя» подробного рассказа о елке и разговоре с Горбуновым, так как елка эта была описана Суворинym (и притом с описанием выступления Горбунова) в «Биржевых ведомостях», 1876, № 17, 18 января. Такой вывод можно сделать на основании слов Достоевского: «Елку и танцы в клубе художников я, конечно, не стану подробно описывать; все это было уже давно и в свое время описано, так что я сам прочел с большим удовольствием в других фельетонах» (XI, 149).

Стр. 388. *Колония малолетних...*— См. стр. 474.

Стр. 388. *Коронат...*— См. стр. 478.

Стр. 388. *О где те водевили, когда один полез под стол...*— Достоевский иронически цитирует (неточно) слова одного из персонажей «Театрального разъезда» Гоголя: «...поезжайте только в театр: там всякий день вы увидите пиесу, где один спрятался под стул, а другой вытащил его оттуда за ногу» (Гоголь. Полн. собр. соч., т. V. Изд-во АН СССР, 1949, стр. 154).

Стр. 388. ... «*Мертвая петля*».— Комедия Н. Потехина, поставленная в 1875 г. на сцене Александринского театра и имевшая шумный успех.

Стр. 388. *Толкаться ∞ даме польза танцевать.*— Ср. XI, 151—152.

Стр. 390. *...grattez le russe.*— Начало французской пословицы: grattez le russe et vous verrez le tartare (поскоблите русского и вы увидите татарина). Эта пословица дважды встречается в произведениях Достоевского: в «Подростке» (VIII, 475) и в июньском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 317).

Стр. 390. *Незнакомец ∞ духи глупы.*— Фельетон Суворина («Недельные очерки и картинки».— «Биржевые ведомости», 1875, № 357, 21 декабря, подпись «Незнакомец») представляет собой краткий обзор нашумевших событий 1875 г. (споры о спиритизме, дела Струсберга, Овсянникова, смерть П. М. Леонтьева и др.).

Суворин писал: «Я того мнения, что лучше веровать в будущую жизнь по христианскому учению, чем по учению спиритов, ибо те духи, которые вызываются медиумами, обнаруживают столь большую глупость даже младенчество, что нет никакого желания после смерти уподобиться этим глупцам». Здесь же Суворин приводит часть стихотворения Я. П. Полонского «Старые и новые духи» («Неделя», 1875, № 52, 26 декабря), где Полонский отдает предпочтение перед «новыми» духами, тревожащими умы спиритов, «старому» духу:

...Недаром он
Слыл Мефистофелем на свете,
Недаром Фаусту служил;
Печать он времени носил
И обессмертил имя Гете.

Запись представляет собой черновой набросок к главе о спиритизме январского номера «Дневника писателя», где Достоевский полемизирует с утверждением Суворина, что «духи глупы» (не называя его по имени) и ссылается на слова Полонского о Мефистофеле (XI, 174—178). См. также возражение Полонского, направленное против этого места «Дневника писателя», в его письме к Достоевскому 4 февраля 1876 г. («Из архива

Достоевского. Письма русских писателей». Под ред. Н. К. Пиксанова. М.— Пг., 1923, стр. 76).

Стр. 392. *Поп-требник и поп-проповедник Елисеева.*— См. стр. 481.

Стр. 392. *А тут вдруг: открывается вам электрический телеграф — а не на принципе истязаний.*— Ср. XI, 175—178.

Стр. 392. *...(Орлов)...* — Каторжник, описанный Достоевским в «Записках из Мертвого дома» (ч. I, гл. IV «Первые впечатления»).

Стр. 392. *«Голос». Воскресенье, 28 декабря, № 357.*— В заметке, заинтересовавшей Достоевского, сообщалось о том, что повар, рубивший мясо, попал по руке дворнику и отрубил ему всю кисть.

Стр. 393. *...Кони...*— Достоевский пользовался советами А. Ф. Кони и его связями в судебных кругах, обсуждал с ним интересовавшие писателя судебные процессы, в частности, процесс Кронеберга, о котором говорится в данной тетради, стр. 417. Ср. воспоминания А. Ф. Кони о Достоевском (А. Ф. К о н и. Собр. соч., т. 6. М., 1968, стр. 406—473).

Стр. 393. *...Ковалевского...*— Скорее всего, Достоевский имеет здесь в виду не либерального государственного деятеля Евграфа Петровича Ковалевского (1790—1866) и не его брата—путешественника и писателя Егора Петровича (1811—1868), а сына первого из них, Михаила Евграфовича (1829—1884), сенатора и судебного деятеля, основателя С.-Петербургской земледельческой колонии для малолетних преступников.

Стр. 393. *Мак-Магон.*—См. стр. 481—482. Ср. XI, 229—230. Достоевский внимательно следил за политической деятельностью Мак-Магона с самого момента избрания его президентом Франции в 1873 г. и тогда же дал его характеристику в статьях «Иностранные события», напечатанных в «Гражданине» в сентябре—декабре 1873 г. (XIII, 367—419).

Стр. 393. *«Голос». 28 декабря, № 357.*— В этом номере помещено письмо защитника Овсянникова, присяжного поверенного П. А. Потехина с протестом против «неправильных и оскорбительных толков» в газетах о его роли в процессе Овсянникова и обстоятельствах его частной жизни (см. стр. 481). Потехин заявляет, что, несмотря на оскорбительный характер многих статей, он до окончания дела не считает себя вправе на них отвечать. Речь идет о фельетонах А. С. Суворина (Незнакомца), в которых Потехин обвинялся в пристрастном и недобросовестном ведении дела и где ему предлагали «удалиться с честью» из петербургского совета присяжных поверенных, пока его товарищи сами не забаллотировали его вследствие его замаранной репутации (см. «Недельные очерки и картинки» в «Биржевых ведомостях», 1875, № 330, 30 ноября; № 337, 7 декабря, и № 344, 14 декабря).

Стр. 393. (*«Голос», № 358. Понедельник*).— В «Голосе», № 358, 1875, 29 декабря, перепечатаны из «Биржевых ведомостей» факты о поборах судебных приставов в Ковенской губернии. Один из них взыскал с крестьян деревни Т., отстоявшей на расстояние 20 верст от уездного города, за разъезды 1600 рублей, другой при взыскании с крестьян 16 рублей в пользу помещика взыскал в свою пользу 240 рублей, и т. д.

Здесь же газета сообщает (из «Киевского телеграфа»), что в Переяславском уезде, в селе Цыблях «застрелился священник, о. Иван Андреевский», что «благочинный доносил в консисторию о грязной жизни покойного год назад, но консистория не обратила никакого внимания».

Стр. 394. *«Голос», <№> 358. Статья о вотчинной записи...*— Имеется в виду статья «Владенная запись», подписанная инициалами: П. Ш. (П. В. Шумахер?),— возражение на статью Е. Маркова «Владенная запись (Заметка из житейской практики)».— «Голос», 1875, № 334, 3 декабря. В отличие от защитника общины Маркова, П. Ш. считает, что крестьянам должно быть предоставлено право «раздела мирских земель на подворные участки и продажи подворных участков». Он выступает против всяких «принудительных правительственных мер» в этом вопросе. Исправляя ошибку Маркова, П. Ш. приводит текст высочайшего указа 24 ноября 1866 г., статья четвертая которого предоставляла обществам государственных крестьян право, по согласию двух третей их членов, разделить мирской надел на подворные участки.

Стр. 394. *Полевой поместил картинку дома Тургенева в Баден-Бадене.*— См. П. Н. П о л е в о й. История русской литературы в очерках и биографиях. Изд. 2. СПб., 1874, стр. 739. «Вилла Тургенева в Баден-Бадене». Это издание «Истории литературы» Полевого было в библиотеке Достоевского.— См. Л. П. Г р о с с м а н. Семинарий по Достоевскому, 1922, стр. 36.

Стр. 394. *Голос», № 359.*— В «Голосе», 1875, № 359, 30 декабря, обращалось внимание на «печальное состояние преподавания в народных училищах губернии закона божия» и указывалось, что вину за это нельзя «взваливать на наше совершенно необеспеченное и бездействующее сельское духовенство». Газета сообщала о решении земства ходатайствовать о предоставлении в известных случаях учителям (которым это было запрещено) права преподавать закон божий.

Стр. 394. *Поп застрелился...*— См. выше.

Стр. 394. *...проекты Елисеева.*— См. стр. 481.

Стр. 395. *...заседание покровительства животным.*— Во «Внутренних новостях» газета сообщала, что 28 декабря в городской думе состоялось торжественное собрание

российского общества покровительства животным, созванное в связи с празднованием «юбилея первого десятилетия со времени основания общества». Газета публикует отчет о заседании общества под председательством князя А. А. Суворова. На заседании была оглашена благосклонная резолюция Александра II на доклад министра внутренних дел Тимашева о деятельности общества. В январском номере «Дневника писателя» (гл. 3) Достоевский воспользовался настоящей и следующими заметками об обществе покровительства животным (XI, 167—173).

Стр. 395. *Фельдъегерь в 37-м году...*—Ср. XI, 168—171.

Стр. 395. *...бессмертн⟨ое⟩ произвед⟨ение⟩ Victor Hugo...*— Достоевский имеет в виду «Последний день приговоренного к смерти» (ср. XI, 444).

Стр. 395. *«Голос», № 359.*— В «Заграничных известиях» в «Голосе», 1875, № 359, 30 декабря, сообщалось, что во Франции «избирательная кампания находится в полном разгаре», и назывались даты предстоящих выборов в сенат и палату депутатов.

Стр. 395. *Тацит, бунт легионов в Паноний, солдат — мим, Вибуленус...*— Рассказ Тацита, который имеет в виду Достоевский, содержится в гл. 22—23 первой книги его «Анналов». См. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Л., «Наука», 1969, т. I, стр. 18—19.

Стр. 396. *Типы бывают вековечные.*— Ср. XI, 175.

Стр. 396. *У меня есть Тацит этого года.*— Достоевский имеет, по всей вероятности, в виду следующее латинское издание: Taciti Opera, ex recens. G. Ch. Crollini, editio secunda, curante F. Ch. Exter. Biponti. 1792. 4 vol.

В дошедшем до нас списке книг библиотеки Достоевского зарегистрированы два других издания Тацита: «Тацит в изложении В. Д. Донна. Пер. С. К. Брюлловой (Сборник древних классиков для русских читателей». СПб., 1876); Oeuvres complètes de Tacite, traduites en français... par J. L. Burnouf. P. Hachette, 1865. См. Л. П. Гроссман. Указ. соч., стр. 29 и 42.

Стр. 396. *Иванища вредны.*— Как видно из ряда последующих записей (см. стр. 440, 449), имеется в виду Калика Иванище, персонаж былины «Илья Муромец и Идолище», с которой Достоевский мог ознакомиться по сборникам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга.

Стр. 396. *Но как странно ∽ должен быть разрешен.*— Ср. XI, стр. 173.

Стр. 396. *Чтение для детей Щербинской.*— Имеется в виду «Чтение для детей», сочинение Ольги Щербинской. СПб., 1875. См. уничтожающую рецензию на эту книгу.— «Голос», 1876, № 8, 8 января, «Библиография».

Стр. 396. *Сабуров.*— См. стр. 481.

Стр. 396. *Как 8-е сентября.*— Начало напечатанной впервые Герценом (в «Полярной звезде» на 1857 г., кн. 3) севастопольской песни, в сочинении которой принимал участие Л. Н. Толстой (см. Л. Н. Толстой. Полное собр. соч., серия I, т. 4. М.—Л., ГИХЛ, 1932, стр. 424—425). 8/20 сентября 1854 г.— дата сражения при Альме.

Стр. 397. *Елка, ребенок у Рюккерта, Христос...*— Достоевский имеет в виду стихотворение немецкого поэта Ф. Рюккерта «Христос одинокого ребенка» («Des fremden Kindes heiliger Christ».—См. F. Rückert. Gedichte, 1-ter Theil, 19. Auflage. Frankfurt a. M., J. D. Sauerländer's Verlag, 1876, S. 77—80). Сюжетом этого стихотворения Достоевский воспользовался в рассказе «Мальчик у Христа на елке» («Дневник писателя», 1876, январь — XI, 154—158).

Стр. 397. *...спросить ∽ Зотова.*— О В. Р. Зотове см. стр. 488.

Стр. 398. *«Московские ведомости», № 329. Вторник, 30 декабря.*— Достоевский имеет в виду не № 329, а № 332 (30 декабря). В этом номере газета сообщала о заметке из «Times» о «наблюдениях над Солнцем, из которых видно, что в настоящую минуту на нем нет никаких пятен» и о «совпадении отсутствия солнечных пятен с понижением температуры на поверхности земли» (стр. 2).

Стр. 398. *...подписал 1 копейку Лермонтову* — ср. XI, 352.

Стр. 398. *Крушение поездов с вагонами (рекрутов)...*— В «Голосе», 1876, № 1, 1 января, помещено сообщение из Одессы о крушении и пожаре поезда с 400 уманскими и змиевскими новобранцами на пути из Елисаветграда в Одессу, близ станции Борщи, на тилигульской насыпи. Крушение произошло из-за снятых по распоряжению дорожного мастера четырех рельсов, подлежащих замене. Пострадало 120 человек, из них 3 были убиты, 63 сгорели, 54 ранены. В передовой № 4, 4 января, газета вновь возвращалась к этому факту, требуя установления «правильной юридической ответственности железных дорог перед обществом и частными лицами». В этом же номере была напечатана корреспонденция из Елисаветграда о подробностях тилигульской катастрофы. Этому посвящена также передовая № 17 «Голоса» (17 января) и многочисленные корреспонденции и статьи в других газетах за январь 1876 г. (см. «Московские ведомости», 1876, № 2 и № 3, 3 и 4 января и др.). См. также январский номер «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 171).

Стр. 398. *Голубев?* — Виктор Федорович Голубев (? — 1907), управляющий Орловско-Витебской железной дороги, приказавший освободить от пассажиров лично для себя вагон первого класса и по ошибке высадивший из купе министра народного просвещения Д. А. Толстого, а затем (когда он узнал, с кем имеет дело) публично унижавшийся перед ним. Случай этот был описан А. С. Сувориным в одном из его фельетонов в «С.-Петербургских ведомостях» 22 июня 1873 г. В ответ на фельетон Суворина Голубев

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «ИДИОТ»
Рисунок (свинцовый карандаш) С. М. Шор, 1950-е годы
Собрание художницы, Москва

опубликовал во всех крупных газетах протест, обвиняя Суворина в клевете. 24 октября 1874 г. дело по обвинению Голубевым Суворина и редактора «С.-Петербургских ведомостей» Э. Ватсона разбиралось в суде, который оправдал Суворина и Ватсона. См. Незнакомец (А. С. Суворин). Орловская легенда.—«Очерки и картинки», кн. I. СПб., 1875, стр. 120—135. Ср. XI, 172.

Стр. 399. «*Русский мир*», *1-е января*.— В указанном номере (1876, № 1) в отделе «Внутренняя почта», в корреспонденции из Самары, сообщается о том, что в самарском окружном суде 4 декабря 1875 г. слушалось дело о крестьянках Васильевой, Петровой, Прохоровой и Михайловой, которые ночью разрыли могилу женщины, «считавшейся при жизни колдуньей», так как верили, что она насылает на них голод и другие беды, и вбили в труп осиновый кол. Присяжные вынесли им оправдательный приговор.

Стр. 399. *Газета «Сибирь»*.— Еженедельная газета, выходившая в Иркутске в 1873—1887 гг. Редактором-издателем ее в 1875—1877 гг. был В. И. Вагин.

Стр. 399. ...(«*Профаны*»)...— Имеются в виду «Записки профана», очерки Н. К. Михайловского, печатавшиеся в «Отечественных записках» в 1875—1877 гг.

Стр. 399. ...(*сказано про Арминия*).— Достоевский имеет в виду следующие слова Тацита: «У варваров, в ком больше дерзости, тот и пользуется бóльшим доверием и, когда поднимается народное движение, берет верх над всеми другими» (Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Л., «Наука», 1969, т. I, стр. 33; см. далее стр. 36.

Стр. 399. *Островский и Шекспир, а было время, когда этому поверили...*— Намек на стихотворение А. А. Григорьева «Искусство и правда. Элегия — ода — сатира» («Москвитянин», 1854, № 4, отд. VIII, стр. 76—82), в котором Григорьев сопоставлял две «правды» — «старую» (Шекспир в исполнении Мочалова) и «новую» (театр Островского).

Стр. 399. *...и вдруг такое иссякание.*— Этот отрицательный отзыв об Островском мог быть вызван комедией «Волки и овцы», напечатанной в «Отечественных записках», 1875, № 11, стр. 5—126, или первым действием комедии «Бедные невесты», напечатанным в сборнике «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины». Изд. Петербургского отдела Славянского комитета. СПб., 1876, стр. 49—72.

Стр. 399. *...в Гусеве...*— Александр Федорович Гусев (1842—1904), профессор Казанской духовной академии, автор обскурантских религиозно-философских статей, печатавшихся в «Православном обозрении» и направленных против материалистических тенденций естествознания второй половины XIX в. В 1875—1876 гг. здесь печаталась его статья «Джон Стюарт Милль как моралист» (1875, №№ 1, 3, 8 и 9, 1876, № 6).

Стр. 399. *Лексикон Березина. ∽ потому, что это все волновало меня.*— Настоящие записки, направленные против биографической заметки В. Р. Зотова о Достоевском, помещенной в «Русском энциклопедическом словаре» И. Н. Березина (отд. II, т. I, вып. V, тетрадь 2, стр. 475. СПб., 1875), представляют собой первоначальный набросок III раздела третьей главы январского выпуска «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 179).

Стр. 399. *...г. В.З⟨отo⟩ву...*— Владимир Рафаилович Зотов (1821—1896), реакционный писатель и журналист, плодовитый драматург; с 1873 г.— секретарь редакции «Голоса»; с 1863 г.— редактор «Иллюстрированной газеты» (1863—1873; 1876; в 1873—1875 гг. выходила под названием «Иллюстрированная неделя»); сотрудник «Энциклопедического словаря» Березина, где поместил статью о Достоевском.

Стр. 400. *Статья Льва Толстого...*— Имеется в виду статья Л. Н. Толстого «О народном образовании», которая была напечатана в 1874 г. в «Отечественных записках», № 9.

Стр. 400. ... (*не я пришел, а «Отеч⟨ественные⟩ записки» взяли моего духу*).—Достоевский объясняет в этих словах причины появления «Подростка» в «Отечественных записках». Анализ действительных причин появления романа Достоевского на страницах журнала см. в комментариях А. С. Долинина и Е. Н. Дрыжаковой к «Подростку».— Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 8. М., Гослитиздат, 1957, стр. 629—630.

Стр. 400. *Возьмите отчет об Обществе пропаганды...*— Достоевский имеет в виду изданный в 1875 г. Э. Л. Каспаровичем в Лейпциге сборник «Общество пропаганды в 1849 г. Собрание секретных бумаг и высочайших конфирмаций» (первое издание официальных материалов по делу петрашевцев).

Стр. 401. *...мужик Марей...*—См. «Дневник писателя», 1876 г., февраль, гл. первая, III (XI, стр. 187—191).

Стр. 401. *Ви-ишь! И тронул...*— Ср. XI, 189.

Стр. 402. *Некрасов* (*повесить в избе Белинского*).— Достоевский имеет в виду стихи Некрасова о Гоголе и Белинском из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках...

Стр. 402. *Елисеева проект о 2-х попах.*— См. стр. 481.

Стр. 402. *Американская дуэль...*— Самоубийство, определяемое по вынужденному жребию.

Стр. 402. *У нас сейчас есть Лев Толстой...*— Стихи из пятой песни поэмы Д. Аверкиева «Тоска по родине» («Русский вестник», 1875, № 12, стр. 810).

Стр. 402. *...в которой объявлено публике о продолжении сотрудничества графа Льва Толстого.*— Такого объявления в указанной книжке «Русского вестника» нет.

Стр. 403. «*Голос*», *№ 4. Воскресенье.*— В этом номере помещены:

1) Сообщение из Семенова Нижегородской губернии о деле по убиению келейниц, разбиравшемся в окружном суде. Две старухи, жившие в Оленевском ските, были убиты с целью ограбления тремя сообщниками при пособничестве одной крестьянки. «Особенно из подсудимых выделялся так называемый Христофорка, здоровый мужчина лет 35-ти. Корча из себя человека уже бывалого в судах, он держал себя чрезвычайно нахально и рассказывал о том, как он резал женщин, с таким видом, который показывал, что для него ремесло это очень обыкновенное». По его показанию, «убитых уложили честно, накрыли, посыпали пеплом, пропели „Святый боже", чтоб не мерещились, и стали искать, что надо. Всё разломали, взяли вещи и денег 18 тысяч рублей».

2) Корреспонденция из Вятки о разбиравшемся 5 декабря в Вятском окружном суде деле. Земля была захвачена мещанином Калининым у крестьян починка Алешинского вопреки сенатскому указу 1858 г. Тем не менее, с помощью сената и полиции впоследствии Калинин добился пересмотра дела и признания своих прав на эту землю, что вызвало крестьянские волнения, подавленные с помощью войск. Суд приговорил

13 наиболее активных крестьян как «подстрекателей» к 6—9 месяцам тюремного заключения.

3) Корреспонденция из Самары о принятом в городской думе 2 декабря постановлении сократить в 1876 г. число питейных заведений с 159 до 28.

4) Корреспонденция из Парижа от 7 января (подпись: К. Р.) о конфликте республиканцев и монархистов в только что разошедшемся Национальном собрании (заседавшем в 1871—1875 гг.) и о новых выборах. Газета высказывала твердое убеждение, что «Франции безусловно необходимо, для упрочения настоящего порядка вещей, послать в обе палаты исключительно одних республиканцев», способных противодействовать монархическим устремлениям Мак-Магона.

Стр. 403. *...в противоположность Павлуше...*—См. стр. 484. Достоевский противопоставляет убийцу из народа, не утратившего религиозной веры, убийце из «образованных слоев».

Стр. 403. «*Московские ведомости*», *№ 3.*— Передовая «Московских ведомостей», 1876, № 3, 4 января, является продолжением обзора «событий минувшего года», начатого в предыдущем номере. Обозреваются события политической жизни Франции (борьба монархистов, бонапартистов и республиканцев в Национальном собрании, его роспуск и предстоящие выборы); Англии (рост авторитета консервативного министерства Дизраэли, отказ Гладстона от политической деятельности, усиление английской колониальной экспансии); Италии (упрочение монархии после объединения Италии; борьба папы против нового порядка); Испании (восстановление династии, непрекращающаяся борьба карлистов против Альфонса XII); Соединенных Штатов (предстоящие президентские выборы, 100 лет войны за независимость); Японии (поворот страны к европеизации и введению буржуазной цивилизации; обострение отношений с Китаем и Кореей).

Стр. 404. «*Голос» о действиях в Средней Азии...*— В «Голосе», 1875, № 6, 6 января, помещено сообщение из Намангана, перепечатанное из «Туркестанских ведомостей», в котором рассказывается о победе Скобелева 12 ноября 1875 г. при Балыкчи над главными силами кипчаков под начальством Валихана-тюри. По сведениям газеты, в Балыкчи в это время находился автобача — главный предводитель кипчаков. Неприятель потерял убитыми более 2000 человек, в то время как потери Скобелева составляли 1 убитого, 8 раненых и 2 контуженных.

Стр. 404. *Кауфман...*— Константин Петрович Кауфман (1818—1882) — генерал-адъютант, с 1876 г.— командующий войсками Туркестанского военного округа и туркестанский генерал-губернатор. Командовал русскими войсками в Средней Азии.

Стр. 404. *О духовенстве, о проекте требника и проповедника.*— См. стр. 481.

Стр. 404. *Свящ⟨енник⟩ Переверзев...*— В том же номере «Голоса» помещена заметка: «Нам сообщают о следующем необыкновенном явлении: Орловской губернии, Малоархангельского уезда, в селе Успенском, жена священника Переверзева произвела на свет семерых детей, которые вскоре и умерли».

Стр. 404. «*Гражданин*», *№ 1. Петербург. Летопись.*— В «Петербургской летописи» в «Гражданине», 1876, № 1, 5 января, говорится: «Страшное несчастие на Одесской железной дороге, в котором до 200 человек убитых и раненых смертельно, из числа 400 новобранцев, имело последствием отправление на место происшествия из Петербурга комиссии для расследования катастрофы, под начальством генерал-лейтенанта Серебрякова ⟨...⟩ Все общество крайне озабочено вопросом: будет ли наконец что-нибудь сделано с железнодорожным начальством или и это дело будет передано, как множество подобных дел, воле божией?» См. стр. 398, 486.

Стр. 404. *Н. Данилевский, написав* ∞ «*Россия и Европа*»...— См. стр. 515.

Стр. 404. «*С.-П⟨етербургские⟩ ведомости*», *7 января, № 7.*— В этом номере напечатано сообщение о том, что «в Японии был издан в минувшем году закон об общесословной воинской повинности, сходный в основных положениях своих с новейшими европейскими уставами по тому же предмету». Газета помещает в связи с этим прокламацию микадо от 21 ноября 1875 г., в которой микадо порицает «феодальную систему управления, тяготевшую над Японией более тысячи лет» и выражает желание, чтобы отныне «весь народ составлял войско».

В том же номере газета возражает автору вышедшей в Париже анонимной брошюры «Франция и Германия будущею весною», который доказывал, что Германия готовится к новой войне против Франции и что единственное средство для французов отразить нападение — всемерно содействовать упрочению республиканского строя. «Германия, в настоящее время, не имеет никакого интереса, никакой надобности воевать с Францией»,— пишет газета. Автор корреспонденции считает также, что в разбираемой им брошюре республике необоснованно приписывается «универсально-оборонительное свойство, которым она вовсе не обладает».

Стр. 405. «*Московские ведомости*». *Января 6, № 5.*— В указанном номере перепечатано сообщение из газеты «Дон» о том, что «17-го декабря в жалобной книге станции Воронеж было сделано следующее заявление: „Г. инспектору Козловско-Воронежско-Ростовской железной дороги: дети мрут на Козловско-Воронежско-Ростовской железной дороге не от одних морозов. Сегодня в почтовом поезде № 3, отправившемся из

Воронежа в 4 часа 25 минут, в вагоне III класса № 403 угорели мальчик гимназист и девочка; их едва привел в чувство доктор Майзель, который публично заявил, что девочка безнадежна. Причина — смрад в вагоне, от которого бежали даже взрослые пассажиры"».

В этом же номере газеты в передовой дается перечень законодательных актов и правительственных распоряжений прошлого (1875) года, в частности, по ведомству путей сообщения. Газета указывает на то, что многие важные вопросы (уменьшение числа несчастных случаев, ответственность дорог за сохранность грузов) остались нерешенными.

Стр. 405. *Да и что мне в Голубеве?*— См. стр. 398, 486. Ср. XI, 172.

Стр. 405. *Потугин говорит, что любит Россию.*— См. «Дым», гл. V (Тургенев, т. IX, стр. 173).

Стр. 406. *Вуйки...*— Ср. XI, 150: «Вуйками я называю тех девиц, которые до тридцати почти лет отвечают вам: „вуй да но"».

Стр. 406. *...Григорьев 2-й...*— Петр Григорьевич Григорьев (ум. 1854 г.), актер Александринского театра и водевилист, автор многочисленных фарсов и водевилей, из которых особым успехом пользовался фарс «Филатка и Мирошка соперники» (СПб., 1833).

Стр. 406. «*Голос». Четверг. 8 генваря, № 8.*— В «Библиографии» этого номера «Голоса» помещен уничтожающий разбор книжки О. Щербинской «Чтения для детей» (СПб., 1875), в частности, повести «Котенок Киска». Здесь же рецензент протестует против «спекуляций на детские души» М. О. Вольфа и других издателей, видя их в предпраздничных «зазываниях» (т. е. рекламе,— ср. стр. 384 и 482). Из повести Щербинской «Катя» приведены рассуждения героя: «Хорошему ремесленнику довольно только быть грамотным. На что ему грамматика, все части света, вся древняя, средняя и новая история?..»

Стр. 406. *Либералы ∽ что либерально, что нет.*— Ср. XI, 147.

Стр. 406. *Бал ∽ а взрослые играют в благородство.*— Ср. XI, 150—152.

Стр. 406. *Газета о драках в Москве...*— Как видно из соответствующего окончательного текста в «Дневнике писателя», Достоевский имеет в виду сообщение московского корреспондента «Петербургской газеты», 1876 г., № 5, 8 января, о скандалах на праздниках в Москве. См. XI, 150.

Стр. 407. «*Голос». Четверг, № 9. Января 9.* В этом номере имеются следующие сообщения:

1) «Газета „Биржа" пишет из Одессы, что директор Русского общества Чихачев получил по телеграфу уведомление от министра путей сообщения с выражением крайнего неудовольствия по поводу крушения поезда с новобранцами».

2) Сообщение «С.-Петербургских ведомостей» о происшествии 26 декабря 1875 г.: начальник станции Альма на Лозово-Севастопольской дороге насильно вытащил из вагона пассажирку (ошибочно принятую служащим этой станции за бежавшую жену). См. XI, 172.

3) Из «Русских ведомостей» — известие о краже в Москве 1 января 1876 г. из кельи архимандрита о. Виктора денег и о находке 184 254 рублей, составляющих часть украденной суммы. Здесь же сообщается, что похититель — крестьянин Динабургского уезда Александр Иванович Варнас, 27 лет, еще не обнаружен. Достоевского могло заинтересовать то обстоятельство, что деньги были спрятаны в щели пола в трактире, что давало основание для сопоставлений с поведением Раскольникова.

Стр. 407. *Господи, благодарю тебя ∽ лику человеческому.*— Ср. XI, 146.

Стр. 408. *Я никогда не мог понять ∽ ужасная и совершенно антихристианская.*— Ср. XI, 173.

Стр. 408. *Г. В. З⟨отов⟩...*— О В. Р. Зотове и полемике Достоевского с ним см. стр. 399 и 488. Ср. XI, 179.

Стр. 408. *...навьюченный книгами человек.*—Перифраз изречения из книги Кабалы о глупом книжнике: «Он подобен ослу, навьюченному книгами».

Стр. 408. «*Слабое сердце*»...— Повесть опубликована в 1848 г.

Стр. 409. *Ф. И. Тютчеву, напротив, казалось...*— Ср. письмо Достоевского к Х. Д. Алчевской из Петербурга 9 апреля 1876 г. «Victor Hugo, которого я высоко ценю, как романиста (за что, представьте себе, покойник Ф. Тютчев на меня даже раз рассердился, сказавши, что „Преступление и наказание" (мой роман) выше „Misérables", хотя и очень иногда растянут в изучении подробностей, но, однако, дал такие удивительные этюды, которые, не было бы его, так бы и остались совсем неизвестными миру)» («Письма», III, стр. 206).

Стр. 409. *Писатель не без таланта.*— Достоевский, по-видимому, цитирует отзыв Пушкина о В. Гюго на память, допуская неточность. В статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая"» Пушкин называет Гюго «неровным» и «грубым». В другой заметке, которая в полном виде не была известной Достоевскому, так как была напечатана в собрании сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова лишь в отрывках (см. Сочинения Пушкина, т. I. СПб., 1855, стр. 297—298), Пушкин называет Гюго «поэтом и человеком с истинным дарованием» (Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII. Изд-во АН СССР, 1949, стр. 141; там же, т. XI, стр. 219).

Стр. 409. *Гамма.*— См. ни ке.

Стр. 409. *...гибель этих 200 человек...*— См. стр. 398, 486.

Стр. 409. «*Московские ведомости*», *января 10, № 8.*— Передовая этого номера посвящена обозрению деятельности в 1875 г. судебных и земских учреждений. Среди наиболее нашумевших судебных процессов здесь упомянуты процесс игуменьи Митрофании (1874 г.), кассационная жалоба которой разбиралась в 1875 г. в Сенате, дело Овсянникова, дело Коршунова, похитившего в Московском учетном банке 28 000 рублей, дело о подлогах биржевого маклера Вальтера, похитившего 400 000 рублей и скрывшегося с ними за границу и т. д.

Здесь же в «Судебной хронике» сообщается о разбиравшемся 10 января в Московском окружном суде деле надзирателя Московского военно-полицейского комитета Ф. Иванове, который на улице стал делать жене дворянина А. Розенфельда «неблагопристойные предложения», а затем потребовал ее в квартал.

В отделе «Железные дороги» газета перепечатывает сообщение «Вестника железных дорог» о подробностях тилигульской катастрофы (см. стр. 398, 486).

Стр. 409. «*Голос*», *11 январь, № 11.*— В фельетоне этого номера Гамма (Г. К. Градовский) писал о неограниченном самоуправстве железнодорожных компаний: «Это какие-то *государства в государстве*, это своего рода откупа с откупными порядками; это новые конституционные державы, но только с конституциями совсем особого характера и значения <...> Конституция <...> наших железнодорожных компаний знает только права и не ведает никаких обязанностей».

Стр. 410. *...(Литвинов, султан Абдул)...*— См. стр. 481.

Стр. 410. *Чем кончатся случаи с керосиновыми лампами.*— Достоевский имеет в виду участившиеся пожары, о которых имеется много сообщений в январских газетах. Так, в «Голосе», № 9, 9 января, напечатано сообщение из Кишинева о местном театре, сгоревшем «от непогашенной лампы». В «Голосе», № 12, 12 января, сообщается о несчастном случае с Софьей Гладковой, которая уронила керосиновую лампу и получила сильные ожоги. Внимание Достоевского к «случаям с керосиновыми лампами» (в сложной ассоциации с пылающим Парижем времен разгрома Коммуны) отразилось в январском номере «Дневника писателя» (XI, 178).

Стр. 410. «*Московск<ие> ведомости*». *Января 14, № 12.*— В указанном номере внимание Достоевского привлекло «Слово на 12 января 1876 года, говоренное в церкви имп. Московского университета профессором богословия, протоиереем Н. А. Сергиевским». Автор этого «Слова», выступая против спиритизма, вместо «опытов познания сомнительных, прельщающих и погубляющих» призывает верующих обратиться к «откровению премудрости, указанному Христом».

Корреспонденция «Из Петербурга» в этом же номере посвящена обязательному начальному обучению. Газета напоминает, что вопрос этот, поднятый в прошлом году, не получил разрешения, и излагает прения в Педагогическом обществе об обязательном начальном обучении.

В передовой газета протестует против вторжения земских учреждений в области, им «неподведомые» (ограничивая их деятельность вопросами местного хозяйства, в узком смысле слова), обрушивается на Бессарабское губернское земское собрание, поднявшее вопрос о введении латинского языка в Кишиневской женской гимназии без разрешения земства. Газета защищает классическое образование.

Стр. 410. «*Голос*». *Пятница, 16 января.*— В передовой этого номера поднимается вопрос о причине падения курса рубля на 10% в 1875 г. Главной причиной газета считает повышение учетного процента государственным банком, вызвавшее «суматоху на нашем денежном рынке» и «путаницу заграницей».

Стр. 410. *Отзыв Божидаровича.*— Имеется в виду Г. С. Веселитский-Божидарович, член международного комитета, образованного в Париже, для сбора и оказания помощи семействам участников герцеговинского восстания, бежавшим от преследования турок. В «Листке» «Голоса», 1876, № 11, 11 января, Гамма (Г. К. Градовский) сообщает, что Веселитский-Божидарович — «русский по рождению и воспитанию», приехал в Петербург, где «играет <...> роль петербургской новинки» и что «у него по три, по четыре приглашения на вечер». Очевидно, Достоевский около 16 января встречался в Петербурге с Божидаровичем и беседовал с ним на темы о России и славянстве; беседа эта, по-видимому, явилась толчком для размышлений, отразившихся в последующих записях.

Стр. 410. *Россия со времени того, как вошла в состав Европы...*— Запись связана с одной из центральных политических идей Достоевского, нашедшей впоследствии развитие в «Дневнике писателя», 1877 г. Ср. XII, 50.

Стр. 411. *...обращение камней в хлебы...*— Ср. XI, 175. О значении этого символа у Достоевского см. в статье: А. С. Долинин. К истории создания «Братьев Карамазовых». Сб. «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». М.— Л., Изд-во АН СССР, 1935, стр. 17—18, 74—75.

Стр. 411. *Окончательная программа.*— Отсюда и далее наброски к статьям «Дневника писателя».

Стр. 411. *О покровительстве людям.*— См. стр. 412—416.

Стр. 411. *Марей.*— См. стр. 401, 488.

Стр. 411. *Я еще давно читал о страшно приговоренн⟨ом⟩ извозчике.*— Ср. XI, 172.

Стр. 412. ...*перочинный нож.*— Ср. XI, 172.

Стр. 412. ...*Воробьев...*— т. е. Голубев. См. стр. 486.

Стр. 413. *Что-то носится...*— Ср. XI, 171 («Носится как бы какой-то дурман повсеместно, какой-то зуд разврата...» и т. д.).

Стр. 413. *Пусть это не Голубев...*— См. стр. 398, а также стр. 486.

Стр. 413. *19 января. Мнение В. В. Гр⟨игорье⟩ва.*— Василий Васильевич Григорьев (1816—1881), востоковед, профессор С.-Петербургского университета, монархист-консерватор; в 1874—1880 гг. редактор «Правительственного вестника» и начальник Главного управления по делам печати. По свидетельству А. Г. Достоевской, писатель в 70-е годы «с особенным удовольствием беседовал» с Григорьевым («Воспоминания А. Г. Достоевской». Под ред. Л. П. Гроссмана. Л., 1925, стр. 155). Григорьев имел определенное влияние на взгляды Достоевского по восточному вопросу, изложенные в «Дневнике писателя» (см. об этом в примечаниях А. С. Долинина: «Письма», III, стр. 298).

Стр. 413. *«Голос». Воскресенье. Дальнейшее об участии Перова.* — В «Голосе», 1876, № 15, 15 января, была помещена заметка об убийстве в Петербурге в ночь на 14 января 35-летней мещанки А. Перовой, после которой осталось двое незаконнорожденных сыновей — сирот. Убийца — любовник Перовой, мастер типографии Щербаков затем покончил с собой. 16 января газета вернулась к этому происшествию с целью «обратить внимание общественной благотворительности на несчастных детей, оставшихся ⟨...⟩ круглыми сиротами», без куска хлеба. 18 января газета сообщает, что директор 5-й петербургской гимназии известил редакцию о том, что старшему сыну убитой учащемуся гимназии Александру Перову, по решению общества вспомоществования нуждающимся ученикам, будет оказана необходимая помощь, которую общество не может, однако, оказать младшему, 9-летнему, мальчику «по несостоянию его в числе учеников 5-й гимназии». Достоевский касается убийства Перовой и судьбы ее детей в январском номере «Дневника писателя», 1875 г. (XI, 148).

Стр. 414. ...*«образить», огуманить, так сказать, русского человека.*—Ср. XI, 167.

Стр. 414. *Вся беда моя...*— Ср. XI, 174.

Стр. 414. *Свистунов и Назимов. О декабристах.*— Петр Николаевич Свистунов (1803—1889), декабрист, член Северного и Южного обществ; в 50-е годы — деятель по крестьянскому вопросу; автор статей в «Русском архиве» 1870—1871 гг. Михаил Александрович Назимов (1801—1888) — декабрист, член Северного общества (см. о них «Лит. наследство», т. 59, стр. 194, 474). Ср. XI, 173.

Стр. 414. *Счастье не в счастье...*— Ср. XI, 176.

Стр. 414. *Ну какое кому дело. ∽ А то подумают и т. д.*— Ср. XI, 179.

Стр. 414. ...*Отнятие всей личной и духовной свободы ∽ не мог бы придумать ничего подобного.*— Ср. XI, 175.

Стр. 414. *Над русским народом ∽ даже детям своим.*— Ср. XI, 170—171.

Стр. 414. *Образить словцо народное...*— Ср. XI, 167.

Стр. 414. *2-е, деньги...*— Ср. XI, 171—173.

Стр. 416. *Марей. Он любит свою кобыленку...*— Ср. XI, 168.

Стр. 416. *Впечатления, описание которых ∽ передал В. Гюго...*— Ср. XI, 444.

Стр. 416. *Черти.*— Эта и последующие записи о «чертях» представляют черновые наброски к разделу о спиритизме в январском выпуске «Дневника писателя». Ср. XI, 176.

Стр. 417. *Общество из 750 влиятельных членов...*— Имеется в виду Общество покровительства животным. См. стр. 486. Ср. XI, 173.

Стр. 417. *Биограф В. З⟨отов⟩.*— См. стр. 399, 488.

Стр. 417. *Ведь сочувствуя обидчику...*— Эта и следующая записи связаны с размышлениями Достоевского над делом Кронеберга.

Стр. 417. *Клевета на меня в «Иллюстрированной газете». «Русский мир», № 23 ∽ 24 января.*— В указанном номере «Русского мира» в обозрении Вс⟨еволода⟩ С⟨оловье⟩ва «Современная литература» дается отпор «клевете» на Достоевского в «Петербургских письмах», помещенных в «Иллюстрированной газете» (1876, № 3). Автор «Петербургских писем», говоря о декабрьской книге «Отечественных записок», удивляется,— пишет Соловьев,— появлению на его страницах слабых произведений; «что касается, говорит он, романа Достоевского, то он напечатан, очевидно, только в уважение к имени его автора». Автор «Петербургских писем» ссылается на отзыв Михайловского, который якобы «категорически заявил» в том же журнале, что редакция осуждает «прискорбную манеру» «инсинуаций и клевет на молодое поколение, сделавшуюся любимым коньком» последних произведений Достоевского. Соловьев приводит подлинный отзыв Михайловского «о странной мании Достоевского делать из преступных деяний молодых людей, немедленно после их раскрытия, исследования и тему для романов», и уличает рецензента «Иллюстрированной газеты» в клевете.

Соловьев заявляет также, что Достоевский «к молодому поколению» «постоянно и неизменно относится с любовью». «Автор „Петербургских писем“ в „Иллюстрированной газете“,— заканчивает Соловьев,— от себя выдумал, будто редакция „Оте-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «ИДИОТ»
Рисунок (свинцовый карандаш) С. М. Шор, 1950-е годы.
Собрание художницы, Москва

чественных записок" и г. Н. Михайловский оклеветали и печатно оскорбили Ф. М. Достоевского, и что Ф. М. Достоевский, несмотря на эту клевету и оскорбление, продолжал печатать свой роман в „Отечественных записках"».

Стр. 417. *Потугин кричит...* — Ср. «Дым», гл. XIV (Тургенев, т. IX, стр. 233).

Стр. 417. «*Голос*» ∞ *Дело Марии Кроненберг.*— Дело о Кронеберге, обвинявшемся в истязании своей семилетней дочери, слушалось в первом отделении Петербургского окружного суда 23 января 1876 г. Отчет об этом деле, закончившемся оправданием Кронеберга, публиковался в «Голосе», 1876, №№ 24—29 24—29 января (5—10 февраля). Изложение и анализ дела Кронеберга Достоевский дал в главе второй февральской книжки «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 191—215). Достоевский здесь подробно разобрал речь защитника Кронеберга — В. Д. Спасовича, которую он рассматривал как типичный образец либерально-адвокатской казуистики. Речь эта дала писателю материал для создания речи адвоката Мити — Фетюковича — в «Братьях Карамазовых».

Стр. 417. «*Московск⟨ие⟩ ведомости*», *№ 25, 27 января.*— В указанном номере помещена статья (за подписью: Р.) «К вопросу о контроле церковных сумм». Автор статьи сообщает, что протоиерей московского Никитского собора А. Никольский собрал церковных старост своего ведомства и сообщил им указ Синода о контроле над церковными старостами и обязательной каждомесячной проверке церковных сумм, взяв с них подписку о подчинении этому указу. В передовой газета указывала на важность вопроса, поднятого в статье Р., и требовала строгого контроля над деятельностью церковных старост, которые до этого были, по словам газеты, единоличными, «безотчетными распорядителями церковных капиталов».

Стр. 417. «*Биржевые вед⟨омости⟩*», *№ 31. Воскрес⟨енье⟩, 1 февраля.*—Фельетон Незнакомца (А. С. Суворина) «Недельные очерки и картинки» в этом номере «Биржевых ведомостей» посвящен делу Кронеберга. «В деле г. Кронеберга,— писал Суворин,— присяжные должны были принять в соображение немало мотивов, выяснившихся на

следствии и в речи защитника. Судя по тому, что подсудимый сам говорил на суде, он человек искренний, и если жестоко обращался с дочерью, то единственно потому, что хотел ее „исправить". Средство для этого выбрано безобразное, варварское, внушающее сильное отвращение, но присяжные не имели никакого основания считать подсудимого злодеем или нравственным уродом, которого можно терпеть только в Сибири. Оправдав его, они поступили разумно».

Стр. 418. *Мысль Поб⟨е⟩д⟨о⟩н⟨осцева⟩...*— Имеется в виду Константин Петрович Победоносцев (1827—1907), реакционный государственный деятель, с 1880 г. по 1905 г. обер-прокурор Синода, один из вдохновителей политики Александра III 1880-х—1890-х годов. Достоевский познакомился с Победоносцевым в 1872 г., в последующие годы встречался с ним и находился с ним в постоянной переписке. Победоносцев стремился активно влиять на Достоевского. В начале 1876 г. Победоносцев подарил Достоевскому свою книгу «Исторические исследования и статьи» (см. ниже). Победоносцев прислал Достоевскому выписку из книги С. Доббеля «Мысли об искусстве, философии и религии» (Л.П.Гроссман. Жизнь и труды Достоевского, стр. 242—245), которой Достоевский воспользовался в мартовском выпуске «Дневника писателя» (XI, 238—239).

Стр. 418. *Ответ «Петербургской газете»...*— В «Петербургской газете», 1876, № 5, 8 января, в фельетоне (А. Д. Курепина?) «Листки из дневника Ивана Александровича Хлестакова» содержались насмешки над объявлением Достоевского об издании «Дневника писателя». Подобные же насмешки газета продолжала помещать и дальше (см. № 13, 20 января, «Дневник писателя», подпись «Шапка-невидимка»). В № 23, 3 февраля, газета поместила стихи за подписью: О. Др. (Д. Д. Минаев) «Ф. Достоевскому по прочтении его „Дневника"»:

Вот ваш «дневник»... Чего в нем нет?
И гениальность, и юродство,
И старческий недужный бред,
И чуткий ум, и сумасбродство,
И день, и ночь, и мрак, и свет.

О Достоевский плодовитый!
Читатель, вами с толку сбитый,
По «дневнику» решил, что вы —
Не то художник даровитый,
Не то блаженный из Москвы.

В № 24, 4 февраля, газета поместила обширную редакционную статью «Кабинетные моралисты (по поводу Дневника писателя Ф. М. Достоевского)». Признавая, что «Дневник» «г. Достоевского написан с пошибом огромного таланта», автор статьи в то же время считает, что, кроме рассказа «Мальчик у Христа на елке» (который газета целиком перепечатывает в этом же номере), весь «Дневник» свидетельствует, что писатель «вовсе не знает современного общества». «Все ⟨...⟩ его претензии тенденциозного свойства,— говорится в статье,— служат новым доказательством, что ум г. Достоевского имеет болезненные свойства и что умосозерцания его служат наглядною картиною, до каких смешных абсурдов может договориться человек, который берется обвинять современное общество, вовсе не имея о нем понятия...» Ссылаясь в подтверждение этого на заметки в январском выпуске «Дневника» 1876 г. о самоубийствах среди молодежи и о елке в клубе художников, автор статьи писал в заключение: «Говорите, говорите, г. Достоевский, талантливого человека очень приятно слушать, но не заговаривайтесь до нелепостей и лучше всего не отзывайтесь на те „злобы дня", которые стоят вне круга ваших наблюдений, а дарите нас произведениями художественной правды, образец которой мы встречаем в главе „Мальчик у Христа на елке"». Достоевский ответил «Петербургской газете» в начале февральского номера «Дневника» (XI, 180).

Стр. 418. *...об «Иллюстрированной газете»...*— См. стр. 492.

Стр. 418. *«Голос», 16 января.*— См. стр. 491.

Стр. 418. *Павлуша...*— См. стр. 388, 489.

Стр. 418. *Крики Михайловского в «От⟨ечественных⟩ записках» (декабрь).*— См. стр. 480.

Стр. 418. NB (*С Ивановой...*)— Елена Павловна *Иванова* (1813—1868), сестра А. П. Иванова, мужа сестры Достоевского Веры Михайловны.

Стр. 418. *О том, зачем Михайловский сердится на отзывы о сожжении Тюильри.*— См. стр. 481.

Стр. 418. *С уничтожением крепостного права кончилась Петровская реформа...*— Ср. XI, 181.

Стр. 418. *...(книга Победоносцева).*— Имеются в виду «Исторические исследования и статьи» К. П. Победоносцева (СПб., 1876). Книга эта открывается обширной работой по истории крепостного права — «Исторические очерки крепостного права в России

XVII и XVIII столетия» (стр. 1—229). Об отношении Петра I к крепостному праву здесь говорится: «...в законодательстве Петра относительно крепостного права новостью была только форма учреждения, а сущность его осталась в прежнем виде» (стр. 122). Петр, по мнению Победоносцева, не был ни противником, ни поборником крепостного права, он смотрел на него как на существующий факт и стремился использовать его в соответствии с нуждами государства (стр. 116—127).

Книга Победоносцева была в библиотеке Достоевского (см. Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому, 1923, стр. 39).

Стр. 418. *Народ идет, что-то скажет?*— Ср. XI, 183—187.

Стр. 418. *Фарисей. «Олонец⟨кие губернские⟩ вед⟨омости⟩».*—Заметка, вероятно, вызвана помещенным в «Олонецких губернских ведомостях», 1876, 31 января, № 8, стр. 85—87, «воззванием о пожертвованиях на сооружение часовни над могилою Фаддея блаженного», где описывается жизнь почитаемого местной церковью блаженного Фаддея, жившего при Петре I и, по повелению царя, находившегося под полицейским надзором.

Стр. 419. *...Жить для себя у великоруса значит жить для других.*— Мысль эта получила дальнейшее развитие в «Дневнике писателя», 1877 г., и в речи Достоевского о Пушкине 1880 г. Ср. XII, 389.

Стр. 419. (*...Ив⟨ана⟩ Г⟨ригорьеви⟩ча*).—Имеется в виду брат жены писателя, Иван Григорьевич Сниткин.

Стр. 419. *Словечко Побед⟨оносцева⟩ о паспортах.* — «Плакатом 1724 года положено основание паспортной системе, доныне в главных началах сохраняющей обязательную силу; от того времени понятие о беглом человеке получило формальную определенность, слившись с понятием о человеке беспаспортном» (К. Победоносцев. Исторические исследования и статьи, стр. 130).

Стр. 419. *Вас⟨илием⟩ Вас⟨ильевичем⟩ Григорьев⟨ым⟩...*— О В. В. Григорьеве см. стр. 492.

Стр. 419. *Спасович.*— См. стр. 479, 497. Ср. XI, 197.

Стр. 419. *...Жемчужников.*— Имеется в виду, по всей вероятности, поэт Алексей Михайлович Жемчужников (1821—1908), один из авторов стихотворений Козьмы Пруткова. На какой факт биографии Жемчужникова намекает Достоевский, установить не удалось.

Стр. 419. *О Базунове.*— Александр Федорович Базунов (ум. 1899) — книгопродавец и издатель, издавал ряд произведений Достоевского, в его магазине принималась подписка на «Дневник писателя», 1876 г. В январе 1876 г. Базунов обанкротился и внезапно уехал за границу, захватив часть подписных денег. См. об этом письмо Достоевского к В. К. Абазе 3 февраля 1876 г. и примеч. А. С. Долинина к этому письму («Письма», III, стр. 203 и 356); ср. сообщение о бегстве Базунова.— «Голос», 1876, № 33, 2 февраля.

Стр. 419. *Люди на балу ∞ разве это кавалергарды?* — Ср. XI, 183—187.

Стр. 419. *Отчет «Биржевых ⟨ведомостей⟩».*— Имеется в виду фельетон Суворина о детской елке в клубе художников в «Биржевых ведомостях», 1876, № 17. См. стр. 484.

Стр. 419. *...Авсеенке...*— О В. Г. Авсеенко см. стр. 472.

Стр. 420. NB. *Визит к Петрову.*—К. М. Петров (р. 1836), учитель, корреспондент Достоевского (см. «Жизнь и труды Достоевского», стр. 241), его неизданное письмо к Достоевскому 20 января 1876 г. хранится в ЦГАЛИ.

Стр. 420. *Алексеевский равелин — Ростовцев, Филиппов ∞ бежать...*— В этих отрывочных записях зафиксированы воспоминания Достоевского о пребывании в Петропавловской крепости и о процессе петрашевцев, которыми он, по-видимому, хотел воспользоваться в февральском выпуске «Дневника писателя», 1876 г. Яков Иванович Ростовцев (1803—1860) был членом следственной комиссии по делу петрашевцев; о его столкновении с Достоевским на допросе см. рассказ О. Ф. Миллера со слов Достоевского («Биография, письма и заметки», стр. 106—107). См. также Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев. М., «Наука», 1971, стр. 241—262. Павел Николаевич Филиппов (1826—1855) — петрашевец. Как можно предположить на основании данной записи, он предлагал Достоевскому совместную попытку побега.

Стр. 420. *В «Петерб⟨ургской⟩ газете» оценка Авдеева взята буквально из «Голоса»...*—Имеется в виду заметка в «Петербургской газете», 1876, № 24, 4 февраля, «Похороны Авдеева». Большая часть заметки состоит из дословного повторения некролога М. В. Авдеева из газеты «Голос», 1876, № 33, 2 февраля, без ссылки на эту газету. В частности, из «Голоса» заимствована оценка литературной деятельности Авдеева.

Стр. 420. *В том же № ругательство на Гамму.*— Имеется в виду напечатанная в «Петербургской газете» эпиграмма на Гамму (Г. К. Градовского), за подписью О. Д. (Д. Д. Минаев):

«Гамме, ставшему писать безграмотные стихи (см. № 32 «Голоса»)

Его и проза даже — сфера
Несоразмерной чепухи,
А он — он начал вдруг стихи
Писать без смысла и размера.

Что ж? Не смущает ныне нас
Уж никакая небылица:
Заговорила как-то раз
И Валаамская ослица...»

Здесь осмеяны стихи Гаммы «Плач на развалинах юбилея (посвящается „Московским ведомостям“)», вошедшие в его фельетоны в «Голосе», 1876, № 32, 1 февраля. В фельетоне и в стихотворении Гаммы содержатся резкие нападки на консервативные «Московские ведомости» и редактора этой газеты — Каткова, а также на петербургские реакционные газеты «Русский мир» и «Гражданин».

Стр. 420. «*Анна Каренина*».— Упоминается в «Дневнике писателя» впервые в апреле (XI, 251).

Стр. 420. *Да моя болезненность здоровее вашего здоровья...*— Заметка эта, по всей вероятности, связана с отзывом о январском номере «Дневника писателя» в «Петербургской газете», где утверждается, что «ум г. Достоевского имеет болезненные свойства».

Стр. 420. «*Голос*». *Суббота, 7 февр⟨аля⟩, № 38.*— Редакционная статья этого номера «Из жизни и с натуры (очерки провинции)» обсуждает возможность открытия университета в Сибири. «Сопротивляться созданию университета в Сибири, в частности в Иркутске, значит,— пишет газета,— совершенно отрицать, что край может иметь какую-нибудь будущность». Газета утверждает, что «мы, несомненно, быстро шагаем по пути гражданственности», и выражает надежду, что «сибирские самодуры едва ли долго устоят под наплывом цивилизующих начал, неразрывно связанных с открытием высшего учебного заведения».

В том же номере в корреспонденции из Петропавловска сообщается, что 26 января во временном военном суде разбиралось дело о капитане Хомякове, человеке «безупречной нравственности», любимом солдатами, который посмел подать полковнику Суворову рапорт, обличавший последнего во всевозможных злоупотреблениях. Не входя в рассмотрение сути дела, суд признал подачу рапорта оскорблением, поскольку была нарушена субординация, и присудил капитана Хомякова к заключению в крепости на один год и четыре месяца.

Стр. 420. *Один из местных Вагнеров, выражение «Голоса».*— В заметке, помещенной в «Голосе», 1876, № 38, 7 февраля, сообщается: «Газета „Сибирь“ говорит, что в Иркутске появились спириты. Один из местных Вагнеров ⟨намек на пропагандиста спиритизма, петербургского профессора Н. П. Вагнера⟩ доказывал на днях реальность спиритических явлений собственными исследованиями, которые он имел случай производить в начале пятидесятых годов, вместе с одним духовным лицом и купчихой».

Стр. 420. *О балете «Дон Кихот».*— М. Петипа поставил в Большом театре в Петербурге в 1871 г. балет «Дон Кихот», который с большим успехом шел в 1875—1876 гг. в частности, утром 10 февраля 1876 г. («Голос», 1876, № 38).

Стр. 420. *И меж детей ничтожных мира...*— Цитата из стихотворения Пушкина «Поэт» (1827). Ср. XI, 195—197.

Стр. 420. *Густав Христианович.*— См. стр. 497; это же, по-видимому, лицо именуется Христианом Христиановичем. Кого Достоевский имел в виду, установить не удалось.

Стр. 420...(*Николай*)...— Имеется в виду Николай I.

Стр. 420. ...*Мак-Магония.*— Ср. XI, 229—230.

Стр. 420. «*Русский мир*», *№ 38* (*воскресенье, 8*).— В указанном номере в разделе «Судебная хроника» сообщается, что 6 февраля в Петербурге у мирового судьи разбиралось дело по обвинению в клевете дворянина Ивана Кущевского отставным подполковником Василием Полетикой, издателем «Биржевых ведомостей». В № 49 газеты «Сын отечества» в статье «Сочинительница» описаны проделки некоего Неулетики, управляющего заводом в Барнауле, который «бесчеловечно грабил народ» и, «награбив сотни тысяч в Сибири», приехал в Петербург и сделался издателем газеты. Полетика предъявил обвинение редактору-издателю «Сына отечества» И. Успенскому. Автором статьи был Кущевский, который согласился «примириться» с Полетикой только в том случае, если он перепечатает в своей газете рассказ «Сочинительница», признает, что «все, рассказанное про Неулетику, случилось именно с ним» и печатно извинится перед Кущевским «за причиненное ему беспокойство своим несправедливым обвинением в клевете».

В том же номере, в разделе «Петербургские известия», газета сообщает, что в Академии художеств выставлены две картины К. П. Брюллова. Одна из них («Всадница») описана подробно. Отмечая свежесть красок, свободу и естественность фигур, автор заметки приводит слова тургеневского Потугина, называвшего Брюллова «пухлой ничтожностью»: «не приписывая этих слов самому автору „Дыма“, смеем сказать, что они всего скорее могут быть отнесены к лицу их произнесшему».

В заметке «Владивосток» газета пишет, что, отстаивая свое право на контрабандную торговлю спиртом с чукчами, американцы считают бесполезными и несправедливыми все мероприятия русского правительства по ее преследованию. Американцы предлагают продать им Камчатку.

Стр. 420. *Куды! Из-за этого-то и драка...*— Ср. XI, 181.

Стр. 421. *Меня все встретили приветливо...*— Ср. XI, 180—183.

Стр. 421. *Февраль.*— Эта и следующие записи представляют один из первоначальных планов февральского номера «Дневника писателя», 1876 г.

Стр. 421. *Об Зотове. «Иллюстрированная газета».*— Имеется в виду, по всей вероятности, «Иллюстрированная газета», 1876, № 7, 15 февраля. В. Зотов (редактор газеты) резко отрицательно отозвался здесь о первом выпуске «Дневника писателя»: «Достоевский доказал уже свою неспособность быть хорошим фельетонистом еще во время своего редактирования „Гражданина". Самый язык его не отличается необходимой для этого легкостью, а, напротив, полон тяжеловесными оборотами и неуклюжими, часто грубыми выражениями. Остроумия в нем нет ни малейшего. Многие мысли до того странны, что могли явиться только в болезненно-настроенном воображении».

Непосредственным поводом для этого высказывания, видимо, послужило «Одно слово по поводу моей биографии» в первом выпуске «Дневника писателя» (XI, 179). В конце «Петербургских писем» (так называется постоянный раздел «Иллюстрированной газеты») В. Зотов с раздражением отвечает на критические замечания писателя.

Стр. 421. *Христиан Христианович.*— См. стр. 496.

Стр. 421. *«Голос», № 40, 9-го февраля.*— Имеется в виду сообщение о том, что при пятой петербургской гимназии в Коломне образовано общество «вспомоществования нуждающимся ее ученикам». Капитал общества составился «из взносов действительных и почетных его членов, а также из пожертвований других благотворителей».

Стр. 421. *Есть у нас ∽ дело будет сделано.*— Ср. XI, 182.

Стр. 421. *Спасович. Ce n'est pas...*— Эта и ряд следующих записей представляют наброски к главе второй февральского номера «Дневника писателя», 1876г., посвященной процессу Кронеберга и защитительной речи В. Д. Спасовича по этому делу (XI, 191—215). См. также стр. 493.

Стр. 422. *Людовик 17-й ∽ жизнь жизни.*— Достоевский имеет в виду Людовика XVII (сына Людовика XVI), умершего в 1795 г. в возрасте 10 лет в тюрьме Тампль, где он содержался после казни родителей.

Стр. 424. *...пусть погибнем мы все, если спасение наше зависит от замученного ребенка...*— Запись эта представляет один из первых подступов Достоевского к кругу идей, развитых в главе «Бунт» «Братьев Карамазовых». Она отчетливо вскрывает связь этого последнего романа Достоевского с «Дневником писателя» и его публицистикой 1870-х годов на темы «текущей злобы дня».

Стр. 428. *Глаза в огне, лицо горит...*— Этими стихами Грибоедова («Горе от ума», д. IV, явл. 3; в тексте Грибоедова: «глаза в крови») Достоевский, по-видимому, намеревался воспользоваться в характеристике Спасовича в февральском номере «Дневника писателя».

Стр. 428. *Талант, да во всем нужен талант...*— Ср. XI, 195.

Стр. 429. *Ведь «Голос» не может отрицать ∽ либерально.*—В газете «Голос», 1876, № 67, 7 марта, был напечатан очередной фельетон Гаммы (Г. К. Градовского) «Листок», автор которого упрекал Достоевского в противоречивости его взглядов. Сопоставив первый и второй выпуски «Дневника писателя» 1876 г., Градовский пишет: «У одного и того же писателя на расстоянии одного месяца мы встречаемся с двумя, резко противоположными мнениями по поводу народа ‹...› Из своего действительного или мнимого противоречия Достоевский выгораживается тем, что приглашает нас судить „народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать". Народ, видите ли, ужаснейшая дрянь на деле, но зато идеалы у него хороши. Но, ведь, отсюда недалеко и до нравоучения: пусть лучше идеалы будут дурны, да действительность хороша».

Достоевский открыл мартовский номер «Дневника писателя» (XI, 216—217) возражениями на упрек Градовского.

Еще раньше, говоря о народе в февральской книжке «Дневника писателя» (XI, 183), Достоевский предупреждал, что читателя может смутить противоречие между его словами о том, что «народ наш груб и невежествен, предан мраку и разврату» (в январском номере «Дневника» — см. XI, 171), и мнением о народе славянофила К. С. Аксакова, выраженном в статье «О современном человеке» (статья эта была посмертно опубликована в сборнике «Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины». Изд. Петербургского отдела Славянского комитета. СПб., 1876, стр. 241—288; Достоевский был членом комиссии по подготовке этого сборника). Аксаков писал здесь: «Народ, понявший высокий смысл общины и взявший ее как начало,— есть народ славянский и преимущественно русско-славянский народ, образовавший у себя „мир" еще до христианства» (стр. 259). «Есть русский народ, верующий в высокое начало общины, народ, который должен сказать миру слово жизни и разума» (стр. 265). В февральском номере «Дневника» Достоевский ставил задачей устранить противоречия между суждением о народе в январском номере «Дневника» и приведенными словами Аксакова.

В настоящей заметке Достоевский имеет в виду другое место из статьи Аксакова, относящееся не к России, а к Западу, который Аксаков в славянофильском духе рассматривает как средоточие эгоистического, личного начала, враждебного началу братского единения и любви: «Если бы все человечество на всем земном шаре отказалось

от всех народных и других нравственных общественных условий, от высших связей веры, обратилось в разрозненные единицы, в эгоистические личности и составило одну всеобщую сделку, основанную на эгоистическом расчете каждого, тогда это была бы всеобщая смерть жизни на земле. Механическое начало условности восторжествовало бы беспрепятственно и все человеческое общество обратилось бы тогда в машину. Ум в человеке обратился бы в смысл, служащий для материальных улучшений, изобретений, и органического живого осталось бы в человеке только его физическая грубая сторона. Человек стал бы ненужен миру, бесполезен на земле» (стр. 265).

Стр. 429. *Народ пройдет через разврат.*— Ср. XI, 182.

Стр. 429. *Ответ на клевету Зотова.*— См. стр. 399, 488, 497.

Стр. 429. *Талант и при направлении необходим.*— Эта и следующая записи представляют собой наброски к разделу II второй главы февральского выпуска «Дневника писателя».— Ср. XI, 195—198.

Стр. 430. *Меня все приняли ∽ Но я бы желал, чтоб не с разврата начал народ.*— Ср. XI, 180—187.

Стр. 431. ...*Оболенский*...—Имеется в виду, вероятно, князь Дмитрий Александрович Оболенский (1822—1881), в 1870—1872 гг. товарищ министра государственных имуществ, член Государственного совета, автор книги «Хроника недавней старины» (СПб., 1876).

Стр. 431. ...*Овсянников*...— См. стр. 475, 476, 478.

Стр. 431. ...*Надеин*.— М. П. Надеин, народник, книгопродавец, владелец «Книжного магазина для иногородних»; после банкротства А. Ф. Базунова (январь 1876 г.) Достоевский перенес в магазин Надеина городскую подписку на «Дневник писателя».

Стр. 431. *Наша университетская комиссия*...— Имеется в виду созданная при С.-Петербургском университете комиссия по расследованию явлений спиритизма.

Стр. 431. *О выборах в Париже.*— Имеются в виду выборы во французскую Палату депутатов, имевшие место в феврале 1876 г.

Стр. 431. ...*Сеченов*.— И. М. Сеченов был в 1876 г. избран и утвержден профессором С.-Петербургского университета и в мае переехал из Одессы в Петербург (см. об этом: И. М. Сеченов. Автобиографические записки. М., 1907, стр. 159; Х. С. Коштоянц. Сеченов. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1945, стр. 158; см. там же, стр. 99 об отношении Достоевского к Сеченову). Достоевский упоминает имя Сеченова в фельетоне «Последняя страничка» (1879 г.— XIII, 476). Другой отзыв Достоевского о Сеченове — см. «Письма», III, стр. 259). В библиотеке Достоевского был основной труд Сеченова «Рефлексы головного мозга» (см. Л. Гроссман. Указ. соч., стр. 48). В данной заметке Достоевский намекает, по-видимому, на материалистические убеждения Сеченова и его вражду к мистицизму, ярко проявившиеся в полемике Сеченова и К. Д. Кавелина в 1872—1873 гг.

Стр. 431. *Фома и математическое убеждение.*— Ср. XI, 243—244 (Фома здесь, как и ниже, Фома Неверный).

Стр. 431. *Будь братом ой la mort.*— Ср. XI, 232.

Стр. 431. *Доходили ли у нас до обмороку-то* (*адвокаты*) *∽ конечно, почтенно*).— Ср. XI, 195.

Стр. 432. *О том, что народ наш был отучен Петром от всякого дела.*— Ср. XI, 187.

Стр. 432. *Мое предсказание.*— Достоевский имеет в виду главки «Мечты о Европе» и «Сила мертвая и силы грядущие» в мартовском выпуске «Дневника писателя» (XI, 226—234). На изложенные в них «мечтания» о «близком будущем Европы» писатель ссылается в апрельском номере «Дневника» (XI, 267). О Гамбетте — лидере французских буржуазных республиканцев в Палате депутатов — Достоевский не раз писал в «Гражданине» в 1873 г. и в «Дневнике писателя», 1877 г. (см. XIII, по указателю).

Стр. 432. *Принадлежит, но не весь.*—Эта и последующие три записи связаны по содержанию с главой второй февральской книжки «Дневника писателя», посвященной делу Кронеберга (см. XI, 209—210, 212, 214—215).

Стр. 432. ...*Католичество, вдруг провозгласившее огромную идею непогрешимости ∽ Это может быть.*— Ср. XI, 230—234.

Стр. 434. *Эту идею я высказал прежде всех в романе «Бесы»*...—Достоевский имеет в виду слова Шатова: «Рим обоготворил народ в государстве и завещал народам государство. Франция в продолжение всей своей длинной истории была одним лишь воплощением и развитием идеи римского бога и, если сбросила наконец в бездну своего римского бога и ударилась в атеизм, который называется у них покамест социализмом, то единственно потому лишь, что атеизм все-таки здоровее римского католичества» (ч. II, гл. I.—VII, 207). Однако следует отметить, что более полно круг идей, выраженный в предыдущей записи (о папстве, «оболгавшем» истинного Христа и предавшем его «за царства земные»), был изложен Достоевским не в «Бесах», а раньше, в романе «Идиот» (ч. IV, гл. 7.— VI, 478—479). Ср. XI, 233—234.

Стр. 434. *Если б я был в комиссии*... — Эта и следующие заметки — наброски к главке о спиритизме в мартовском номере «Дневника писателя». Ср. XI, 243—244.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «ИДИОТ»
Рисунок (свинцовый карандаш) С. М. Шор, 1950-е годы.
Собрание художницы, Москва

Стр. 434. *Спасовичу. Святыня семьи.*— Эта и следующая записи относятся к последним главкам февральского номера «Дневника писателя» о деле Кронеберга. Ср. XI, 214—215.

Стр. 435. «*Голос*». *Суббота, 21 февраля, № 52.*— Редакционная статья «Свободная Сванетия» содержит сочувственный пересказ статьи Л. Шнейдера «Das freie Svanetien», опубликованной в берлинском журнале «Preussische Jahrbücher», и книги французского публициста Рафаэля Берновиля «La Souanétie libre», вышедшей в Париже в 1875 г. Особенное одобрение газеты вызвала вступительная глава книги Берновиля, озаглавленная: «Современная Сванетия и ее будущность». Французский публицист указывает здесь на великое будущее России: «В нашей стареющей Европе будущность кажется принадлежит только одной нации — русской» (стр. 2).

Стр. 438. *Март.— О войне и о Европе.*— Настоящая запись представляет первоначальный план мартовской книжки «Дневника писателя». Темой «О войне», которой Достоевский намеревался коснуться еще в январе 1876 г., писатель воспользовался впоследствии во второй главе июньского номера «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 316—322).

Стр. 439. «*С.-Петербургские ведомости*», *29 февр⟨аля⟩.*— В газете «С.-Петербургские ведомости», 1876, № 59, 29 февраля, интерес Достоевского вызвал «Воскресный фельетон» П. Д. Боборыкина. В фельетоне в связи с решением правительства об ограничении числа официальных юбилеев указано, что в России «есть сфера деятельности, где юбилеями не только не злоупотребляли, но даже пренебрегали». Эта сфера—литература. Перечисляя ряд писателей, не удостоившихся юбилея, Боборыкин называет Тургенева, Гончарова, Григоровича, Достоевского, Некрасова и др. О Достоевском

Боборыкин пишет: «Не думал стушевываться и умолкать Ф. М. Достоевский, человек ‹...› более 25 лет неустанно работающий, человек с тяжелыми испытаниями, достойный сочувствия за прежние заслуги, какие бы он в настоящее время странные идеи ни проводил в своих романах. Просто даже не верится, что ни один из наших даровитейших романистов не удостоился простого обеда у Дюссо, данного кружком почитателей или собратов».

Стр. 439. *«Москов‹ские› ведомости», № 55, середа (о лесоразведении).*— В указанном номере «Московских ведомостей», 1876, № 55, 3 марта, внимание писателя привлекла заметка А. Зиссермана «К вопросу о лесонасаждениях». Автор предлагает ряд мер по их охране: «Нужно ‹...› обставить дело так, чтобы население видело особое покровительство, оказываемое лесоразведению». В районах, «крайне нуждающихся в лесах» (Ставропольская губерния, область войска Донского, Кубанская и отчасти Терская), автор считает нужным выплачивать за насаждение леса премии.

Стр. 439. ...*(князь Дадьян и Николай).*— В «Новом времени», 1876, № 5, 4 марта, в разделе «Среди газет и журналов» приводятся извлечения из статьи П. К. Мартьянова «Князь Дадиан, флигель-адъютант императора Николая I», опубликованной в журнале «Древняя и новая Россия» (1876, № 3, стр. 290—297). Князь Дадиан, командир эриванского гренадерского полка, «за лихоимство и употребление солдат в работы вместо крестьян лишен чинов, дворянства, выдержан три года в каземате и сослан на житье в Вятку». Согласно рассказу очевидца, Николай I во время церемониального марша на Мадатовской площади в Тифлисе вызвал к себе полковника князя Дадиана и в присутствии «генералов, штаб- и обер-офицеров» лишил его флигель-адъютантского звания.

Стр. 439. *Один из местных Вагнеров...*— См. стр. 496, 636.

Стр. 439. *«Новое время» о Брюллове ∽ № 6 (а в 5-м № о высоком значении Добролюбова).*— В «Новом времени», 1876, № 7, 6 марта, в разделе «Среди газет и журналов» отмечено, что автобиография Ф. К. Солнцева «Моя жизнь и художественно-археологические труды» («Русская старина», 1876, № 3, стр. 617—644) содержит несколько рассказов о К. П. Брюллове, с которым Солнцев был «однокашником по академии». Внимание Достоевского привлекло следующее суждение Солнцева, приведенное газетой: «Что Брюллов был человек очень развитый, а не только специалист своего дела, видно из того, что когда талантливый художник писал свою „Осаду Пскова“, то для выполнения задуманной картины читал „Историю“ Карамзина, но эта „История“ ему не понравилась».

В предыдущем номере газеты (1876, № 6, 5 марта) в разделе «Среди газет и журналов» в заметке А. С. (А. Суворина) излагается содержание статьи «Об иностранной беллетристике в русском переводе», опубликованной в газете «С.-Петербургские ведомости» (1876, № 63, 4 марта). Автор статьи одобрительно отзывался о литературно-критической деятельности Дружинина, напоминал его призывы «к чтению Босвеля, Джонсона, Гольдсмита и Крабба» и резко осуждал «Современник» и «Русское слово». По мнению либеральной газеты, именно эти журналы были повинны в том, что с начала 60-х годов наблюдался «упадок вкуса и понятий литературной критики. Художественный русский роман уступил место тенденциозному ‹...› Решетников, Успенский, Левитов, Слепцов провозглашены заместителями Тургенева, Льва Толстого и Гончарова».

Как указал Суворин, эти рассуждения подчинены в статье «С.-Петербургских ведомостей» задачам рекламы иностранных романов, выпускаемых в Петербурге под общим названием «Для легкого чтения». По этому поводу Суворин замечает: «Реклама — рекламою, но полагаем, что для русской критики чтение сочинений Добролюбова несравненно полезнее, чем апология Босвеля».

Номера газеты указаны Достоевским неточно.

Стр. 439. *Фельетон Суворина в воскресенье, 7-го марта. ∽ «Новое время», № 8 (о Каткове).*...— Достоевский имеет в виду фельетон Незнакомца (А. С. Суворина) «Недельные очерки и картинки» в «Новом времени», 1876, № 8, 7 марта, в котором говорил об упадке изданий М. Н. Каткова — «Русского вестника» и «Московских ведомостей». Обращаясь к Каткову, Суворин писал: «Стремитесь, Михаил Никифорович, снискать себе уважение „петербургской печати“, ибо дни вашей славы не только сочтены, но и сданы в архив... „Моск. вед.“ делаются смешным органом чего-то такого, чему и названия не приищешь. Громы утихли, молния не сверкает, чувство иссякло».

Стр. 439. *«Москов‹ск›ие ведом‹ости›». Суббота, № 58, 6-е марта, о въезде Дон Карлоса в Англию.*—В заметке «Переезд Дон Карлоса в Англию» приводится текст помещенного в «Gazette de France» письма претендента на испанский престол Дон Карлоса, с которым последний обратился «к своим французским друзьям», отъезжая из Булони. Здесь же приведено свидетельство корреспондента французской газеты «Temps» и опубликованное в «Times» 7 марта письмо члена английского парламента сэра Эдуарда Уаткина, о том, как Дон Карлос был встречен англичанами в Фогстоне. По свидетельству корреспондента, его встретили шиканьем и свистками, а по свидетельству Уаткина — «почтительным молчанием». «...Ни один народ ‹...› внезапно очутившийся лицом к лицу с главным актером кровопролитной и братоубийственной войны,

не выказал бы столько вежливости, сколько выказало оной громадное большинство фогстонской публики».

В мартовском номере «Дневника писателя» Достоевский начальный раздел второй главы («Дон Карлос и сэр Уаткин») посвятил Дон Карлосу, воспользовавшись при этом цитируемым им письмом Уаткина (XI, 234—238).

Стр. 439. *У нас сейчас есть Лев Толстой...*— См. стр. 488.

Стр. 439. *Английскив религии бев Христа...*— Ср. XI, 241—243 («Лорд Редсток»). Как видно из настоящей записи, упоминаемый Достоевским в «Дневнике писателя» «наблюдатель» — Победоносцев.

Стр. 439. *В «Голосе» ∽ Нет, я этого не говорил.*— См. стр. 497.

Стр. 439. *Из статьи Аксакова.* — См. стр. 382, 497. Ср. XI, 184.

Стр. 439. «*Новое время*», *№ 9, 8 марта ∽ о лесоразведении...*— В указанном номере в разделе «Среди газет и журналов» содержится полемика со статьей А. Зиссермана о лесоразведении, напечатанной в «Московских ведомостях» (см. стр. 500). «И в России и за границей все толкуют теперь об истреблении лесов и об облесении,—пишет газета.— Как водится, скорее всего проектируются меры карательные. Далее всего идут по этому пути „Московские ведомости"». Газета замечает: «Несколько менее усердия не мешало бы. Конечно, истребление леса вещь дурная, но если мужика за каждое срубленное полено будут судить как государственного преступника, то полагаем, что на постройку одних тюрем придется истратить большую часть лесов».

Стр. 439. *Пятница, 5-е марта, № 63,* «*Биржевые ведомости*» *∽ Заурядный читатель про Островского.*— В фельетоне «Мысли по поводу текущей литературы», подписанном «Заурядный читатель» (А. М. Скабичевский), главное внимание уделено критике комедии А. Н. Островского «Богатые невесты» («Отечественные записки», 1876, № 2). По мнению фельетониста, для комедии характерно «полное отсутствие рельефности характеров и нравов русской жизни ‹...› перед нами жизнь словно не русская, не московская, а бог весть какая-то». Особенно резко осуждается попытка Островского создать образ положительного героя Цыплунова: «В этой комедии,— пишет Скабичевский,— Островский вздумал испытать силы свои совсем на несвойственном ему жанре. Добродетельные герои, нравственные возрождения — все это такие предметы, которых ему следовало бы избегать всеми силами».

Стр. 439. *...Фет: о выпахивании.*— Заметка связана с чтением статьи А. А. Фета «По вопросу о личном найме» («Русский вестник», 1876, № 1, стр. 408—441). Фет полемизирует со статьей либерального экономиста А. А. Головачева «Проект положения о найме рабочих и прислуги» («Отечественные записки», 1875, № 6) и высказывает ряд возражений против «социалистической» теории «будущего золотого века» (стр. 409), полагая, что классовое неравенство является естественным и вечным законом общественной жизни. «Если бы вся вселенная покрылась алюминиевыми фаланстерами,— пишет Фет,— то никакая, даже крепостная власть не заставила бы русского крестьянина жить в нем» (стр. 411—412). Попутно Фет говорит о различных способах ведения помещичьего хозяйства, о том, что отдача земли в аренду крестьянам неизбежно ведет к тому, что «через три, четыре севооборота» «земля выпахана до невозможности, то есть станет, что называется у крестьян, запольною, и они же станут обегать ее» (стр. 420).

Стр. 440. NB. *Герцеговинцы.* «*Новое время*»...— В «Новом времени», 1876, № 12. 11 марта, в разделе «Среди газет и журналов» дан обзор газетных материалов о событиях в Герцеговине. В обзоре отвергается выжидательная, пассивная позиция «С.-Петербургских ведомостей» и резко осуждается газета «Биржа», которая видит единственный выход в немедленном занятии Боснии и Герцеговины австрийскими войсками: «Подобное предложение, быть может, будет по душе венским капиталистам и торгашам, заинтересованным в скорейшем получении уплат по своим просроченным векселям от туземных купцов; но легко себе представить сюрприз южных славян, когда им вместо хотя грубого, но наивного феодализма турков, предложат утонченно полицейскую систему австрийцев».

Отвергнув также позицию «Голоса», газета присоединяется к мнению «Московских ведомостей», которые «считают все мечты о турецких реформах чистейшей нелепостью» и требуют немедленного удаления турецких войск из Боснии и Герцеговины.

Стр. 440. *Статья Суворина о плюсовой литературе.*— Имеется в виду статья «Литературные очерки (Общий взгляд на современную литературу)» в «Новом времени», 1876, № 12, 11 марта, подписанная: Фауст Щигровского уезда (псевдоним С. А. Венгерова), ошибочно приписана Достоевским редактору газеты А. С. Суворину.

Статья начинается с возражений «благонамеренным прогрессистам», которые жалуются «на современную жизнь и людей вообще» и на «грустное положение литературы наших дней в частности», так что «минорный тон этот заражает весь литературный оркестр и в результате получается одно нытье». Включая в понятие литературы все виды печатного слова, в том числе в особенности газеты, автор считает, что «наша печать» активно вмешивается во все конкретные вопросы жизни, требующие общественного обсуждения.

На долю литературной критики остаются литературные фельетоны, привлекающие внимание публики. При этом «дух глумления, столь излюбленный прежде, мало-помалу исчезает и заменяется большим уважением к чужим мнениям». Из этого де-

лается вывод, что «отсылать нас к прежним образцам и вменять нам в обязанность следовать им»,— т. е. следовать традициям критической деятельности Белинского, Добролюбова и Писарева,— «анахронизм и анахронизм вредный».

Что касается беллетристики, автор признает, что по отношению к ней «все упреки в вялости, безжизненности, несоответствии своему назначению, повторении задов и указывании на прошлое — действительно справедливы». Причины этого в том, что художественная литература уже не является орудием общественной борьбы, а «служит только барометром и больше ничего». «Если что-нибудь не бездарно в современной художественной литературе,— то это сатира». Винить литературу в бледности положительных идеалов и положительных героев нельзя, потому что типы Рудиных, Лаврецких, Базаровых уже надоели и никого не увлекают. «Пока политическая жизнь не бросит нового источника движения в русское общество, до тех пор литература вообще и беллетристика преимущественно не может выйти из своего настоящего положения». Между тем, видеть «цель в самом факте отрицания и борьбы со старыми понятиями» уже нельзя — «теперь все это истрепалось»,— «одним отрицанием не проживешь, нужно что-нибудь плюсовое», должна «наступить пора положительных идеалов, а их-то и нет», потому что «поля для них нет», хотя силы есть.

Требование «плюсовой» литературы, выдвинутое в этой статье, настолько задело внимание Достоевского, что он в записной тетради еще несколько раз возвращается к этому вопросу. См. стр. 441.

Стр. 440. *О святом Ниле Сорском и о собственности. «Новое время», 8-е марта, № 9.*— Имеется в виду рецензия на книгу «Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей» (СПб., 1876), подпись: А. С—н (Суворин), опубликованная в «Новом времени», 1876, № 8, 7 марта, в разделе «Библиографическая беседа». В рецензии приводятся данные об огромных доходах монастырей и церквей, в частности, о Ниловой пустыни: «Заметим, что автор рассматривает решительно все доходы, не упуская и мелких, например за перевоз богомольцев в Ниловой пустыни, за ночлег и постой в монастырских гостиницах и подвалах, за купание богомольцев в речке, принадлежащей монастырю».

Нил Сорский, как известно, был противником монастырской собственности. Внимание Достоевского, очевидно, вызвал контраст между его проповедью и тем, что один из самых богатых монастырей России приумножал свои капиталы именем этого святого.

Дата и номер газеты указаны Достоевским неточно.

Стр. 440. *«Голос». Вторн⟨ик⟩, 9 марта, № 69. О ловле рыбы в Ильмене...*— В корреспонденции из Старорусского уезда Новгородской губернии сообщается о ловле рыбы в озере Ильмень и впадающих в него реках петербургскими купцами. Корреспондент указывает, что «самый лов производится противузаконно и клонится к тому, чтоб совершенно лишить рыбы это замечательно рыбное место». Автор сетует на то, что старорусские крестьяне не смеют и думать, что они являются законными владельцами вод и рыбы Ильменского бассейна. За лов невинным способом для домашнего обихода арендаторы взимают с крестьян плату.

В том же номере газеты в разделе «Заграничные известия» опубликовано большое политическое обозрение, посвященное успехам русского оружия в Средней Азии, в частности, присоединению к России Кокандского ханства. Комментируя опасения английских газет «Daily News» и «Times», что присоединение Кокандского ханства к России может угрожать английскому господству в Индии, газета заявляет: «Россия никогда не питала замыслов завладеть Индией».

Стр. 440. *В «Нов⟨ом⟩ времени» ∞ из журн⟨ала⟩ «Здоровье».*—Имеется в виду напечатанная в «Новом времени», 1876, № 7, 6 марта, в разделе «Среди газет и журналов», заметка, излагающая содержание статьи А. Зиссермана «О некоторых болезненных припадках, вызываемых службой чиновников и о способах их предупреждения» («Здоровье», 1876, № 34, стр. 103—105). В статье выделяются два рода болезней — неправильное кровообращение и расстройство нервной системы. «Автор,— пишет газета,— дает множество гигиенических советов: в карты не играть, табаку не курить, сидя не писать, летом путешествовать по Швейцарии, вино пить самое лучшее и т. д.». Выводы Зиссермана «основаны на легком недоразумении. Чиновники, имеющие средства, далеко не утомляют себя работою, а те, которые из-за куска насущного хлеба корпят по целым дням в канцеляриях, без сомнения, вышеозначенным гигиеническим советом не воспользуются».

Стр. 440. *...ввернуть встречу Ильи со каликою Иванищем.*— См. пояснение Достоевского на стр. 449.

Стр. 440. (*Олень, басня Езопова*).— У Эзопа есть несколько басен, где героем является олень (см. «Езоповы басни», пер. С. Волчкова. СПб., 1815, стр. 171—197, 309, 348, 350). Скорее всего, Достоевский имел в виду знаменитую басню «Пьющий олень» (стр. 42) — об олене, который гордился своими рогами, но запутался из-за них в чаще и был подстрелен охотником.

Стр. 440. *Встреча со 104-летней старушкой.*— Встреча эта, к которой Достоевский возвращается в ряде последующих записей (см. стр. 449 и др.), описана в рассказе «Столетняя», вошедшем в мартовский выпуск «Дневника писателя» 1876 г. (XI,

217—222). А. Г. Достоевская писала: «Рассказ „Столетняя" основан на действительном случае, со мной происшедшем» (Л. П. Гроссман. Указ. соч., стр. 64).

Стр. 440. *(О паспортах...*— Передовая статья газеты «Московские ведомости», 1876, № 59, 7 марта, посвящена вопросам развития внешней торговли. Осуждается паспортная система, которая, по мнению газеты, снижает производительность труда и товарооборот: «Массы населения, благодаря паспортной системе, находящейся в тесной связи с финансовой круговой порукой, прикреплены у нас не к тем местностям, где труд их был бы особенно производителен ‹...› Облегчение тягостных стеснений, лежащих ныне в наших рабочих силах, без сомнения, не замедлило бы отразиться на увеличении размеров внутреннего производства и отпуска излишков его за границу».

Стр. 440. *Отыскать замечание Победоносцева о паспортах...*—См. стр. 419, 495.

Стр. 440. *«Гражданин» от 7 марта...*— Имеется в виду статья «Духовная литература», опубликованная в газете «Гражданин», 1876, № 10, 8 марта. В статье рассматривается первая книжка журнала «Православное обозрение» за 1876 г., в которой поднимается вопрос о необходимости нового пересмотра и исправления славянского текста Библии и приводятся суждения как противников, так и сторонников нового перевода.

Стр. 440. *«Новое время», № 3 («Гражд‹анин›», 7 марта)...*— В газете «Новое время», 1876, № 3, 2 марта, в разделе «Среди газет и журналов», с осуждением констатируется, что в крестьянском быту еще применяются телесные наказания розгами и приводится по этому поводу отрывок из письма, подписанного «Крестьянин» и опубликованного в «Молве» под названием «Голос из деревни» (1876, № 9, 29 февраля). В газете «Гражданин», 1876, № 10, 8 марта, перепечатан из «Нового времени» тот же отрывок из письма «Крестьянина». Заметка комментируется в «Гражданине» следующим образом: «Отрывок этот нельзя не считать замечательным явлением. Это — первый протест со стороны „образованных" и „развитых" членов крестьянского общества, первое известие о существовании таковых именно членов в составе сельских сходов, это новое обстоятельство, которое следует, может быть, принять во внимание при рассмотрении вопроса о настоящем положении крестьянского самоуправления и крестьянского суда».

Как и в предыдущем случае, номер «Гражданина» указан Достоевским неточно.

Стр. 441. *Лизавета Кузьминична и дрезденская мадонна.*— Возможно, что здесь имеется в виду не Сикстинская мадонна Рафаэля, а дрезденская копия с мадонны Г. Гольбейна.— См. «Идиот», ч. I, гл. VI (VI, 69). Лизавета Кузьминична — очевидно, дрезденская знакомая Достоевских.

Стр. 441. *Нянюшка Алена Фроловна.*— Ср. XI, 256—257.

Стр. 441. *(Лизавета Смердящая.)*— См. «Братья Карамазовы», кн. III, гл. II (IX, 99).

Стр. 441. *Илюша и Иванище.*— Ср. стр. 440.

Стр. 441. *Спиритический сеанс 13 февр‹аля›.*— 14 (а не 13) февраля Достоевский присутствовал на спиритическом сеансе у А. Н. Аксакова, на котором присутствовали также Н. С. Лесков, П. Д. Боборыкин, Н. П. Вагнер, А. М. Бутлеров и др. (см. «Жизнь и труды Достоевского», стр. 245; «Гражданин», 1876, № 9). О впечатлении, произведенном на него этим сеансом, Достоевский говорит во второй главе апрельского номера «Дневника писателя», 1876 (XI, 272—273).

Стр. 441. *...напрасно Н. М‹ихайловский› сердится за то, что атеисты).*— Имеется в виду отзыв Н. К. Михайловского о «Бесах». См. «Литературные журнальные заметки».— «Отечественные записки», 1873, № 2, стр. 322—323.

Стр. 441. *«Голос», № 70, среда, 10 марта...*—В этом номере редакционная статья «Голос из Америки» о среднеазиатском вопросе рекламирует изданную в Нью-Йорке анонимную брошюру «Россия и Англия в Средней Азии. Проблема» («Russia and England in Central Asia. A problem»), которая призывает установить между Англией и Россией «полное согласие». Газета с одобрением указывает, что автор брошюры находит предосудительными «измышления английской печати относительно мнимых посягательств со стороны России на Индию», и в заключение пишет: «Если интересы торговые, общественные и литературные долгое время сближали оба эти государства в Европе, те же интересы могут создать союз их в Азии ‹...› Нигде в Европе английская литература не ценится так высоко, как в России».

В разделе «Внутренние новости. Хроника» сообщается о работе комиссии по рассмотрению так называемых «медиумических явлений», которая была создана в мае 1875 г. Физическим обществом при Петербургском университете и должна была продолжать работу до мая 1876 г. Комиссия наблюдала явления, на которые указывали ей спириты А. Н. Аксаков, А. М. Бутлеров и Н.П. Вагнер. «Спиритизм не вынес трезвого взгляда науки,— от так называемых „медиумических явлений" не осталось ничего, кроме простого фокусничества». Однако Аксаков, Бутлеров и Вагнер выразили протест против деятельности комиссии и отказались оказывать ей содействие, после чего комиссия прекратила свою работу. В заключение сообщается, что Д. И. Менделеев, «обладающий обширной эрудицией в области положительных наук», намерен прочесть публичную лекцию в Петербурге и в Москве о спиритизме и издать по этому поводу

специальную брошюру. «Это в значительной мере должно ослабить праздный интерес общества к медиумическим явлениям и неуместный спиритический бред некоторых газет, беззастенчиво позволяющих себе говорить об этом предмете со смешной претензией на авторитет и ученость, чем, разумеется, до неприличия обнаруживается полный недостаток того и другого».

Достоевский отозвался на отчет комиссии и лекцию Менделеева в «Дневнике писателя» за март и апрель 1876 г. (XI, 243—244 и 272—278).

Стр. 441. *«Голос», № 71, 11 марта...*— Газета приводит извлечение из «Современных известий», 1876, № 66, 9 марта, в котором сообщается, что в уездном городе Симбирской губернии один из выборных деятелей уездного учреждения в пьяном виде высек розгами своего коллегу. Экзекуция была произведена по приговору «суда», устроенного в присутствии, где пьяный чиновник изображал председателя, а взятые с базара мужики — его товарищей, обвинителя и защитника.

В том же номере в разделе «Внутренние новости. Хроника» газета сообщает, что присяжный поверенный московского судебного округа Л. Куперник отвергает появившиеся в газете известия (№ 64, № 70: ср. также «Новое время», 1876, № 13, 12 марта) об обвинении его в том, что он якобы «стрелял в ямщиков по дороге из Чернигова». «Стрелял ли Куперник по ямщикам или не стрелял,— замечает газета,— покажет следствие и суд; но что известие о стрельбе по ямщикам не „утка", в этом, кажется, не может уже быть сомнения. Пусть же Куперник не удивляется, почему „журналистика следит за каждым его шагом"». Достоевский откликнулся на эпизод с Куперником (о котором далее несколько раз упоминается в данной тетради) в мартовском выпуске «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 234).

Стр. 441. *«Новое время», ‹№› 12, 11 марта.*— О литературном обозрении этого номера «Нового времени» см. стр. 501 (там же разъяснен термин «плюсовые идеалы» и охарактеризована позиция газеты в герцеговинском вопросе).

Стр. 441. *...«Новое время», № 13, пятница, 12 марта...* — Передовая статья этого номера газеты «Отношение русского общества к славянам» обращает внимание на телеграмму из Рагузы о перемирии, которое заключили вожди герцеговинского восстания с турецким главнокомандующим для того, чтобы вступить в переговоры с губернатором Далмации. Газета считает, что решение вожаков восстания вызвано «угрожающим положением, которое заняли европейские державы и особенно Австро-Венгрия после ноты Андраши». На первый план в статье выдвигается «славянская идея». Эта идея должна, по мнению газеты, объединить все славянские народы. «Россия ‹...› первая пробудила в славянах плодотворное в будущем значение своего племенного достоинства», она «сделала из принципа национальности их политическое знамя». В газете подвергается резкой критике политика турецкого правительства, к которому восставшее население потеряло «всякое доверие»; население это смотрит на свое положение как на «чистейшее рабство», поэтому восстание, по утверждению газеты, неизбежно снова «вспыхнет в непродолжительном времени с несравненно большим ожесточением». Газета предлагает Турции во имя «благоразумия» предотвратить восстание, удовлетворяя «хотя по частям» требования «христианского населения Турции». Это компромиссное решение, предлагаемое газетой, Достоевский и характеризует как «смешное решение».

В том же номере газеты в разделе «Листок» сообщается, что комиссия для исследования медиумических явлений прекратила свою деятельность, и цитируется заключительная часть статьи «Голоса» 11 марта, извещающей о намерении Д. И. Менделеева прочесть публичную лекцию о спиритизме и издать по этому вопросу брошюру. Полемизируя с «Голосом», газета пишет: «Нисколько не сомневаясь в больших знаниях Д. И. Менделеева, мы, однако ж, не думаем, чтобы его лекции и брошюры могли „в значительной степени" ослабить действительно праздный интерес общества к медиумическим явлениям. К сожалению, тут дело заключается вовсе не в ученых доказательствах, как бы они ни были вески. Оно лежит гораздо глубже и охватывает современного человека, который ни на чем еще не установился окончательно, который еще шатается во всех направлениях и потому падок на всякие увлечения, особенно если последние находят себе поддержку в ученых».

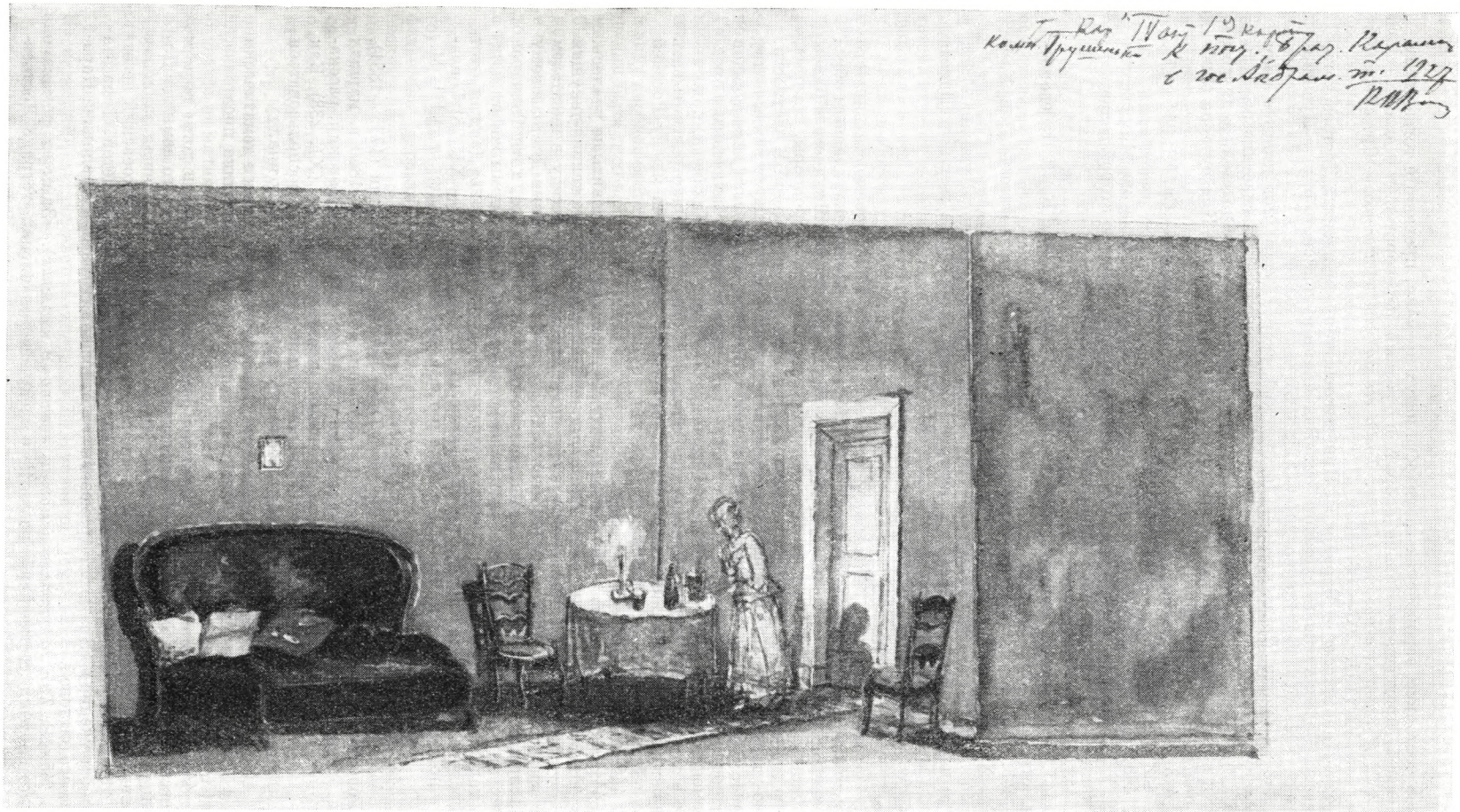
Стр. 441. *Я сказал, чтб ждать от народа, от православия. [Я указал на Тургенева и проч.*— Достоевский имеет в виду главу «О любви к народу. Необходимый контакт с народом» в февральской книжке «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 183—187).

Стр. 442. *Свалившийся и придавивший кирпич* (*«Бесы»*).— См. «Бесы», ч. I, гл. I (VII, 26).

Стр. 442. *Сеанс 13-го февраля.*— См. стр. 503.

Стр. 442. *Вопрос герцеговинцев. Славяне. Византия.*— Эти и следующие заметки представляют наброски к разделам IV («Мечты о Европе») и V («Сила мертвая и силы грядущие») первой главы мартовской книжки «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 226—234).

Стр. 442. *Глубокая тишина царила в Европе...*— Ср. XII, 152. Приводимая фраза заимствована из учебника истории Кайданова (см. И. К. Кайданов. Учебная книга всеобщей истории, ч. III. СПб., 1841, стр. 315: «Пред кончиною Фридриха Великого царствовала во всей Европе тишина; но она была обманчива, потому что



«КОМНАТА ГРУШЕНЬКИ». ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К ИНСЦЕНИРОВКЕ «БРАТЬЕВ КАРАМАЗОВЫХ»
Акварель К. С. Петрова-Водкина, 1927
Постановка Государственного академического драматического театра, Ленинград
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

внутреннее состояние европейских государств и дух времени, противный тогдашнему порядку вещей, предвещали Европе скорый и грозный переворот»).

Стр. 442. *Я говорил в романе «Бесы». Тогда все рухнет об Россию.*— Ср. «Бесы», ч. II, гл. I и VI (VII, 203—208, 303).

Стр. 442. *Прибыткова* — Варвара И. Прибыткова, корреспондентка Достоевского, автор повести «Болезнь нашего времени» (см. «Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома», VII. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 109).

Стр. 443. *Афоризм Прут⟨кова⟩.*— Достоевский, скорее всего, мог иметь в виду один из следующих афоризмов К. Пруткова: 1) «если хочешь быть счастливым, будь им» (1854); 2) «никто, по Сенекину сказанию, не может оказать добродетели в другом случае, как в несчастии» (1860).— См. Полное собрание сочинений К. Пруткова (Библиотека поэта. Большая серия), 1949, стр. 105 и 118.

Стр. 443. *Математическое верование самое трудно уверяющее.*— Ср. XI, 244 и 273.

Стр. 443. *...Куперник...*— См. стр. 504.

Стр. 443. (*выписка из «Подростка». ⟨из⟩ Атеизма.*—Выписка из «Подростка» (ч. III, гл. VII), которую имеет в виду Достоевский, приведена им во второй главе мартовской книжки «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 241).

Стр. 443. Смотри Кайданов.— См. стр. 504.

Стр. 443. *Один человек, который следит за этим...*— Речь идет о К. П. Победоносцеве. См. стр. 494. Ср. XI, 240.

Стр. 443. *Выписка о воспитательности протестантизма и о встрече Дон Карлоса.*— Ср. XI, 237 и 238—239. См. стр. 500—501.

Стр. 443. *Полон чистою любовью...*— Двустишие из стихотворения Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный». Достоевский цитирует это стихотворение в романах «Идиот» (ч. II, гл. VII—VI, 222) и «Бесы» — ч. II, гл. VI (VII, 281).

Стр. 444. *...Николай и Дадьян.*— См. стр. 500.

Стр. 444. *Английская секта.*— Ср. XI, 240—243.

Стр. 444. *«Московск⟨ие⟩ ведомости», март 4, № 56.*— Передовая статья этого номера газеты «Московские ведомости», 1876, № 55, 4 марта, посвящена, главным образом, брошюре «известного ученого, путешественника и географа» Чихачева «Шансы мира и войны», изданной в Париже. В статье выделяются те места брошюры, которые, по мнению газеты, содействуют разъяснению восточной политики России. В частности, приведено утверждение Чихачева, что русские не угрожают английскому владычеству на Востоке. «Точно так же убедительно опровергает Чихачев все тревоги насчет видов России относительно Оттоманской империи». Газета полемизирует с Чихачевым в оценке «современного положения Франции и Германии» и опровергает Чихачева, полагавшего, что в случае войны между Францией и Германией Франция может рассчитывать на поддержку России. «В современной Европе никакого антагонизма между Россией и Германией не предусматривается».

Стр. 444. *...Кириллов...*— в «Бесах».

Стр. 444. *...про Малькова.*— Кого имел в виду Достоевский, установить не удалось.

Стр. 444. *Текущая жизнь, слово Гончарова.*— Приписывая выражение «текущая жизнь» Гончарову, Достоевский имел в виду, по-видимому, свою беседу с писателем (см. «Письма» т. III, стр. 206), а также письма Гончарова, адресованные Достоевскому 11 и 14 февраля 1874 г. с отзывом о «Маленьких картинках». Однако, хотя Гончаров в этих письмах и противопоставляет сложившиеся и устоявшиеся формы жизни жизни, еще только складывающейся, самого выражения «текущая жизнь» (эпитет этот у Достоевского встречается впервые в «Дневнике писателя», 1873 г.— XI, 78) Гончаров здесь не употребляет (ср. И. А. Гончаров. Собрание сочинений, т. VIII. М., 1955, стр. 456—461).

Стр. 444. *Придавленные камнем из «Бесов».*— См. стр. 504.

Стр. 444. *Маршал Себастьян.*— Франсуа Орас Бастьен Себастьяни (1775—1851), наполеоновский генерал, участник похода Наполеона I в Россию, с 1840 г. маршал Франции. Анекдот о маршале Себастиани, который имеет в виду Достоевский, рассказан во второй главе мартовского номера «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 238). Как видно из настоящей записи, Достоевский первоначально намеревался воспользоваться этим анекдотом для полемики с «западническими» убеждениями Потугина.

Стр. 445. *Война и будущие идеи Европы.*— Эта и следующие записи тематически связаны с IV—V разделами первой главы мартовского номера «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 226—234).

Стр. 445. *Роман. Отцы и дети.*— Замысел романа на тему «Отцы и дети» возник у Достоевского в начале 70-х годов. Как частичное осуществление этого замысла Достоевский рассматривал роман «Подросток» (см. XI, 147—148). Настоящая записная тетрадь свидетельствует о том, что после завершения «Подростка» Достоевский не отказался от мысли о новом воплощении замысла о конфликте отцов и детей. Тема эта получила отражение в «Братьях Карамазовых» в отношениях Федора Павловича Карамазова и его сыновей.

Стр. 445. NB. *Тип мечтателя (смотри в старых книжках).*—Замысел романа о «мечтателе» получил дальнейшее развитие в следующей записной тетради Достоевского.

Стр. 445. *...Сусловой...*— Аполлинария Прокофьевна Суслова (1840—после 1916), писательница и педагог, в 1863—1865 гг. была близка с Достоевским; автор мемуаров «Годы близости с Достоевским» (Ред. А. С. Долинина. М., 1928). Может быть, Достоевский имел здесь в виду ее младшую сестру Надежду Прокофьевну Суслову-Эрисман (1843—1918), одну из первых в России женщин-врачей. См. о А. П. и Н. П. Сусловых работу А. С. Долинина «Достоевский и Суслова».— «Ф. М. Достоевский». Статьи и материалы, сб. II. Под ред. А. С. Долинина. М.— Л., 1924, стр. 153—258.

Стр. 445. *Митрофания.*— Игуменья Митрофания (баронесса П. Г. Розен), героиня нашумевшего судебного процесса 1874—1875 гг., была обвинена судом в подделке векселей на огромные суммы и в подлоге завещания (см. о процессе Митрофании: А. Ф. К о н и. Собр. соч., т. I, стр. 64—73). Достоевский упоминает о Митрофании в «Подростке» (VIII, 476).

Стр. 445. *Рассказ Феди.*— Имеется в виду, вероятно, племянник Достоевского, Федор Михайлович (1842—1906), пианист, ученик А. Г. Рубинштейна.

Стр. 446. *С Ольхиным.*— Павел Матвеевич Ольхин, преподаватель и директор курсов стенографии, который рекомендовал Достоевскому в качестве стенографа А. Г. Сниткину, его будущую жену, свою ученицу.

Стр. 446. *Жемчужников...*— См. стр. 495.

Стр. 446. *Реальность и истинность требований...*— Эта и ряд последующих записей связаны по содержанию с мартовским номером «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 226—234).

Стр. 447. *Распаль...*— Франсуа Венсен Распайль (1794—1878), французский врач и публицист, участник революций 1830 и 1848 гг., левый республиканец; в 1864 г. выслан из Франции, вернулся в 1869 г. В 1876 г. Распайль был избран в Палату депутатов, первое заседание которой после выборов открыл он (как старейший по летам депутат). В речи, напечатанной в газете «Голос», 1876, № 61, 1 марта, Распайль заявил, что после выборов для Франции начинается «новая эра, приветствованная громадным большинством при всеобщей подаче голосов. Перед этим могущественным голосом отчизны все партии должны стушеваться и умолкнуть ‹...› Предадим забвению наши внутренние бедствия, забудем все наши разногласия ‹...› это предписывает нам родина».

Стр. 447. *«Новое время», № 15.*— «Новое время», 1876, № 15, 14 марта, в разделе «Среди газет и журналов» отвечает на иронические замечания «Биржевых ведомостей» по поводу того, что «Новое время» признало за спиритами право «воюющей стороны». Газета ссылается на статью Т. Световой «Спиритизм в России» («Церковно-общественный вестник», 1876, № 29, стр. 5—6), где утверждается, что «спиритизм ‹...› обнаруживает притязание быть в одно и то же время и наукой и религией».

Стр. 447. *«С.-П‹етербургские› ведомости» об священнической одежде.*— Имеется в виду передовая статья «С.-Петербургских ведомостей», 1876, № 72, 13 марта, «Об улучшении быта духовенства». Газета подчеркивает значение «достойных деятелей». Полемизируя с теми, кто выступает за уничтожение традиционных норм деятельности и быта священников, в частности их одежды, газета пишет: «если эта „особая одежда“ не представляет особенных удобств и красоты и слишком заметно выделяет пастыря в обществе (что многим, по той или другой причине, режет глаза), то заключает в себе то великое преимущество, что не меняется в условиях того или другого слоя общества с требованиями моды и одинакова как для сел, так и для самих центров».

Стр. 447. *«Голос». Воскресенье 14 марта, № 74. Монструозность сообщений.*— Заметка Достоевского относится, по-видимому, к фельетону Гаммы (Г. К. Градовского) «Листок» в этом номере «Голоса» и к ряду хроникальных заметок. Подзаголовки фельетона характеризуют «монструозность» его содержания: «Прощание с медиумическими явлениями.— Слезы генералов от спиритизма гг. Аксакова, Бутлерова и Вагнера.— Ужасы, распространяемые гигиенистами.— Не существует ли гигиена только для банкиров и концессионеров? — Аптечный вопрос». В том же номере «Голоса» — сообщения о различных фактах убийства и грабежа, о трех самоубийствах (в том числе о самоубийстве во Владикавказе 13-летнего гимназиста) и даже о том, что «в маскараде кто-то кому-то откусил палец».

Стр. 447. *«Московск‹ие› ведомости», № 65 (13 марта)...*— Передовая статья этого номера в связи с вопросом о Герцеговине затрагивает деятельность «Христианской лиги на помощь христианам Турции в Англии». Газета одобряет решение лиги созвать в Лондоне на митинг «всех, кто желает спасти ‹...› борцов-христиан от тирании» и приветствует «патрона лиги» Росселя и ее секретаря Фарлея. Далее газета говорит, что Англия оберегала интересы своих капиталистов, имеющих крупные капиталы в Турции и получающих «лихвенные проценты с помощью системы, угнетавшей христиан».

Стр. 447. *«Биржевые ‹ведомости›», № 72.*— «Биржевые ведомости», 1876, № 72, 14 марта, в статье «Наброски и недомолвки», подписанной псевдонимом: Буква (И. Ф. Василевский), затрагивается «история» Л. Куперника (см. стр. 504). Автор с негодованием отмечает упорство, с каким Куперник отказывается от своих поступков.

Стр. 447. *В «Голосе», 15 марта, № 75.*— Передовая статья этого номера «Голоса», 1876, № 75, 15 марта, приветствует победу буржуазных республиканцев во Франции

на выборах 1876 г.: «Франция приступила к практическому опыту республиканского правления, самому серьезному из всех опытов, какие она делала до сих пор» (это место, по-видимому, и было отмечено Достоевским). Имея в виду президента республики монархиста Мак-Магона и главу правительства Дюфора (которые со свирепой жестокостью расправлялись с защитниками Парижской Коммуны), газета пишет: «Французская республика находится ныне в распоряжении людей самых благонадежных в политическом отношении ⟨...⟩ Против всяких насильственных потрясений обеспечивает страну президент республики». В статье говорится далее: «Упрочение ныне устроившегося образа правления во Франции, республиканского только по форме, но с учреждениями, возможными в любой монархии — это вопрос об обеспечении спокойствия не только самой французской нации, но и всей Европы».

Последний раздел статьи посвящен партии левых республиканцев и ее главе — Л. Гамбетте; газета успокаивает «консервативные слои политического мира», напоминая, что Гамбетта горячо предан «порядку» и «ни малейшим образом не может быть заподозрен в каких-нибудь сочувственных связях ⟨...⟩ с коммуналистами».

Стр. 448. *Читал о Купернике...*— Эта и ряд следующих записей намечают программу мартовского номера «Дневника писателя», 1876 г., как она представлялась в это время (15 марта 1876 г.) Достоевскому. В программе перечислены основные факты, отмеченные Достоевским на предыдущих страницах настоящей записной тетради и частично затронутые в «Дневнике». Далее отражена работа Достоевского над мартовским номером «Дневника писателя».

Стр. 448. *Читал анекдот о Розене.*— В «Отечественных записках» № 2 и № 3 начали публиковаться «Записки барона А. Е. Розена». Розен Андрей Евгеньевич — декабрист (см. «Лит. наследство», т. 59, стр. 196).

Стр. 448. *Офицера Дружинина.*— Александр Васильевич Дружинин (1824—1864), литературный критик, беллетрист и переводчик, редактор «Библиотеки для чтения» в 1850-е годы, по своим общественно-политическим взглядам — либеральный западник, противник Чернышевского. В молодости служил на военной службе. Достоевский упоминает здесь его имя, по всей вероятности, в связи с его повестью «Полинька Сакс». См. ниже.

Стр. 449. *...Купер⟨ник⟩...*— См. стр. 504.

Стр. 449. *Старушка.*— Имеется в виду рассказ «Столетняя» (XI, 217—222).

Стр. 449. *...Фадеев...*— См. стр. 472.

Стр. 449. *...даже говорят, что лучше совсем не надо идеалов.*— См. стр. 497.

Стр. 449. *Сакс, имеющий возможность знать...*— Достоевский имеет в виду героя повести А. В. Дружинина «Полинька Сакс» (1847), который предоставляет жене, увлеченной другим, свободу решения своей судьбы. Получив от мужа развод и выйдя замуж за ветреного и недалекого человека, Полинька сознает, что всегда любила первого мужа, не понимая этого, и вскоре умирает.

Стр. 449. *Читал [в «Молве» письмо о розгах].*— Имеется в виду заметка «Голос из деревни» за подписью: Крестьянин, опубликованная в «Молве», 1876, № 9, 22 февраля. Анонимный автор выдвигает «средство подвинуть народное образование» вперед, а именно — «избавление лиц сельского состояния, кончивших курс в народном училище, от телесного наказания».

«Телесное наказание в сельском быту имеет то же значение, что в городском или образованном лишение прав состояния,— пишет автор,— на наказанного розгами смотрят как на зачумленного. Он не может быть избран ни в какую общественную должность, лишается права голоса на общественных сходах и при малейшей в чем-нибудь ошибке или самом небольшом проступке ⟨...⟩ приговаривается к наказанию розгами почти всякий раз. А как легко попасть под наказание розгами, тому много было примеров в разных корреспонденциях. Стоит сказать неосторожное слово против сельского старосты или старшины на сходе или не согласиться с их предложениями или обнаружить небольшое злоупотребление, в особенности в отношении мирского сундука,— и можно быть вполне уверенным, что это не пройдет безнаказанным со стороны этих сил: старшин и сельских старост. А как все это скорее может сделать человек образованный и развитый, то, в таком случае, он чаще прочих рискует попасть под наказание».

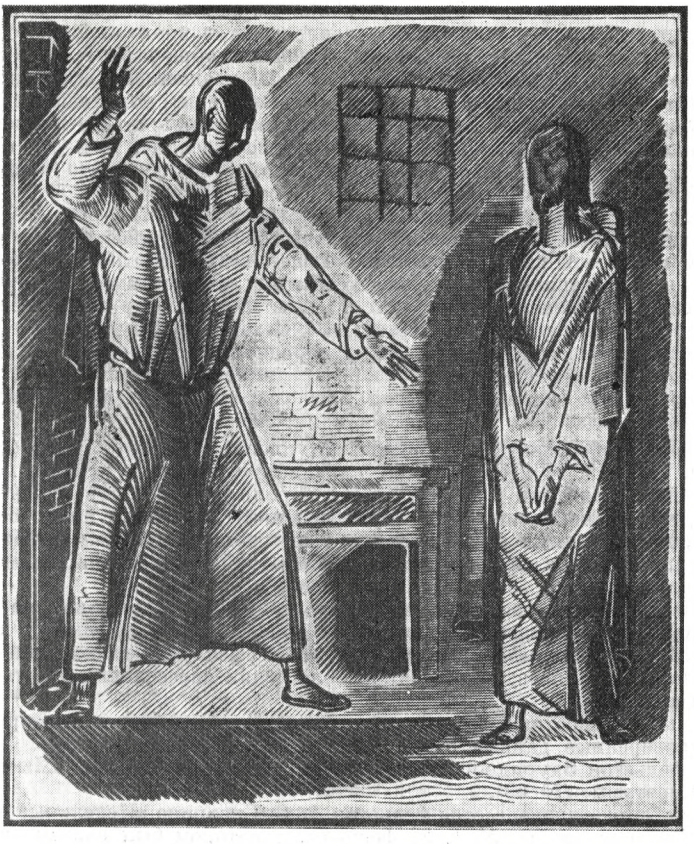
Заметка обратила на себя внимание общественности, она цитировалась и комментировалась в газетах «Новое время» (1876, № 3, 2 марта) и «Гражданин» (1876, № 10, 8 марта). См. выше об откликах Достоевского на эти комментарии.

Стр. 449. *О Дон Карлосе, маршал Себастьян.*— См. стр. 506.

Стр. 449. *О [князе Дадьяне, Митрофании], об одеждах священников.* — См. стр. 500, 507.

Стр. 450. *Кайданов.*— См. стр. 504.

Стр. 450. *Петерсон.*— Николай Павлович Петерсон (р. 1844), педагог, ученик и последователь философа-самоучки Н. Ф. Федорова; 6 марта 1876 г. Петерсон, живший в это время в г. Керенске Пензенской губ., обратился к Достоевскому с письмом, к которому приложил отрывок из своей статьи (ее отказался напечатать «Справочный листок района Моршанско-Сызранской железной дороги») с просьбой о нем высказаться. Это сочинение в духе идей славянофильства, посвященное вопросу об ассоциа-



«ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ». ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Гравюра А. Д. Гончарова, 1929

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

циях, заинтересовало Достоевского; оно частично цитируется в мартовском номере «Дневника писателя», 1876 г., без указания имени автора (XI, 223—224). См. о Петерсоне в примечаниях А. С. Долинина: «Письма», IV, стр. 347 и 349.

Стр. 450. *Атеизм из «Подростка».*— См. стр. 506.

Стр. 450. *Луи Блан...*— Об отношении Достоевского к Луи Блану ср. IV, 55 и XI, 134—135. В 1846—1848 гг. Достоевский читал «Историю десяти лет» Луи Блана («Жизнь и труды Достоевского», стр. 53).

Стр. 450. *...Михайловский.*— См. выше.

Стр. 452. *«Москов‹ские› ведомости», № 68, втор‹ник›, 16 марта.*— Передовая статья указанного номера характеризует проект нового закона о паспортах, выработанный специальной комиссией под председательством государственного секретаря Д. М. Соловьева. Газета считает, что «наша паспортная система требует не просто „облегчений": для нее желательна коренная реформа». Паспортная система тормозит «промышленное движение», «задерживает успехи народного благосостояния»; «свобода передвижения есть первое условие успешного экономического развития страны, а пока существует круговая порука, община не может допустить ни совершенно беспаспортных отпусков своих членов, ни облегчений в выдаче паспорта».

Газета сообщает, что в последнем номере английского журнала «Athenaeum» под общим заглавием «Continental Literature in 1875» помещен «ряд статей, посвященных обзору почти всех европейских литератур за истекший год». Отчет о русской литературе написан Евгением Скайлером, переводчиком «Отцов и детей». Приводятся отзывы Скайлера о произведениях Л. Толстого, Достоевского, А. К. Толстого, Н. И. Костомарова, В. Крестовского (Н. Д. Хвощинской), П.И. Мельникова и Д.В.Аверкиева. Наибольшее внимание уделено Л. Толстому и Достоевскому.

Оценивая «великий роман» Толстого «Анна Каренина», Скайлер пишет: «Великое достоинство графа Толстого заключается в силе нравственного анализа, он показывает нам как каждое лицо представляет собою смешение добра и зла ‹...› Аналитическая манера автора превосходна ‹...›».— «С большим уважением» отзывается Скайлер о «Пасынке» (т. е. «Подростке») Достоевского, «находя в нем появление сильного таланта, но сожалея, что цельности впечатления мешают любовь автора к эпизодам, затемняющим главный сюжет, и слишком длинные рассуждения». 18 марта газета «Новое время» (1876, № 19) осмеивала «Московские ведомости» за то, что «Подросток» был в них ошибочно назван «Пасынком».

Стр. 452. «*Московские ведомости*», *№ 69, среда, 17 марта.*— В указанном номере газеты в разделе «Последняя почта» приводятся сообщения иностранных газет «Politische Correspondenz», «Allgemeine Zeitung», «Times» и других относительно переговоров о перемирии в Герцеговине и о последних событиях, связанных с герцеговинским восстанием. Здесь же в разделе «Петербургские газеты» дан обзор выступлений «Голоса», «Русского мира», «Биржевых ведомостей», «С.-Петербургских ведомостей» и «Нового времени» по вопросам современной международной и внутренней жизни и прежде всего о положении в Герцеговине. В обзоре критикуется выступление «Голоса», выразившего надежду на создание комиссии для разрешения герцеговинского вопроса: «Люди мрут от голода, а им рекомендуют комиссию!»

С одобрением обозреватель отмечает выступление «Русского мира» (№ 60) против бюрократии, которая, «к несчастью для славянства», «протянула свою мертвую руку в сферу внешней политики и играет главную роль в герцеговинских делах». Газета утверждает, что не комиссии, не циркуляры и ноты, а только вывод всех турецких войск из Герцеговины и Боснии может привести к положительному решению конфликта. Если Турция не даст согласия на вывод своих войск, то ее необходимо принудить хотя бы и силой оружия.

В «С.-Петербургских ведомостях» газету привлекло указание «на медленность в окончательном освобождении крестьян от обязательных отношений: остается еще таких 29%». В этой связи «Московские ведомости» высказывают «желание о скорейшей реформе податей и налогов; о возможном облегчении переселения крестьян, получивших малые наделы».

«Биржевые ведомости» критикуются за помещение случайных материалов, содержащих непроверенные данные, от которых газета вынуждена потом отказываться, а также за фельетон Заурядного читателя (А. М. Скабичевского) «Мысли по поводу текущей литературы» (№ 63).

В конце обзора опровергается фельетон А. С. Суворина «Недельные очерки и картинки» в «Новом времени», № 1, 29 февраля, в котором был назван консервативно настроенный гласный полтавского земства Л. М. Позен вместо однофамильца, уже умершего М. П. Позена, находившегося в оппозиции к правительству.

В том же обзоре «Петербургские газеты» излагается мнение «Русского мира» (№ 58) о военных гимназиях: «Русский мир» считает ошибочной военно-учебную реформу, заменившую кадетские корпуса военными гимназиями. «Жалеть о порядках, царствующих в прежних кадетских корпусах с их исключительно плац-парадными занятиями,— говорится в «Русском мире»,— вряд ли кто станет; но что их следовало только улучшить, дать им более современное направление вместо того, чтобы упразднять и заменять военными гимназиями... это тоже едва ли подлежит сомнению». Военные гимназии, по мнению «Русского мира», не смогут воспитать «хороших офицеров»; от них «можно ожидать тех либеральствующих офицеров, которые о своем деле говорят с некоторыми пренебрежениями».

Стр. 454. NB. *Церковь атеистов после спиритизма.*— Запись о порядке расположения соответствующих разделов (I—III) второй главы мартовского номера «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 239—244). В окончательном тексте «Дневника» раздел о спиритизме (III) следует после раздела о «Церкви атеистов» и протестантских сектах в Англии (конец I и II разделов).

Стр. 454. *Богородице. Кроткой молельщице за людей ∞ Дон Карлос.*— Ср. XI, 235.

Стр. 454. *Война. Мнение «Московск ‹их› вед‹омостей›» и «Русск‹ого› мира». Военный и штатский.* —«Военным» органом Достоевский называет здесь «Русский мир», «штатским» — «Московские ведомости».

Стр. 454. *№ 21 «Новое время», 20 марта.*— В указанчом номере газеты в разделе «Среди газет и журналов» цитируется и в иронических тонах комментируется большая статья Евг. Маркова «Истребление лесов», опубликованная в газете «Голос», №№ 78 и 79, 18 и 19 марта. Это было второе выступление «Нового времени» за короткий период с критикой тех, кто выступал против истребления лесов (стр. 501). Достоевский решительно высказался против истребления лесов,— тема, которую он впоследствии затронул в «Дневнике писателя», июнь 1876 г. (XI, 320).

Стр. 454. *...тут восторжествовал Julian Отступник*— Ср. XI, 231.

Стр. 454. *Сир Лауренс.*— Вероятно, Достоевский ошибочно назвал так сэра Э. Уаткина. Ср. стр. 500—501 и XI, 237.

Стр. 454. *Боборыкин о Потугине.*— В «С.-Петербургских ведомостях», 1876, №№ 75, 82 и 89, 16, 23 и 30 марта, напечатаны три статьи П. Д. Боборыкина о спири-

гизме под общим заглавием «Ни взад — ни вперед». Имя Потугина в них не упоминается. В первой из этих статей Боборыкин пишет (№ 75), что он присутствовал вместе с Достоевским и Лесковым на медиумическом сеансе на квартире А. Н. Аксакова. Возможно, что о Потугине Боборыкин говорил в личной беседе с Достоевским.

Стр. 455. *Дон Карлосу.*— См. стр. 500.

Стр. 455. *Этот Доббель.*— См. стр. 494.

Стр. 456. *Состав апрельского номера.*— Начиная с этой записи, в записной тетради идут заметки к апрельскому номеру «Дневника писателя», 1876 г. Из пунктов настоящего плана с главами апрельского выпуска «Дневника» совпадают лишь два: «Спиритизм» (XI, 272—278) и «Герцеговинцы (1) и вост<очный> вопрос» (XI, 264—267). К темам, названным в плане: «Чурила», «Сборник казанский», «Иванище», «Мечтатель», относятся заметки на ряде страниц настоящей тетради.

Стр. 456. *Где лучшие люди. Юрий Самарин, не спавший ночь...*— В газете «Новое время», 1876, № 24, 23 марта, в разделе «Листок» сообщается об обстоятельствах смерти публициста-славянофила Ю. Ф. Самарина (умер 19 марта 1876 г.). Корреспондент вспоминает о «недавнем характерном случае» из жизни Самарина, показывающем, «до какой степени этот человек болел народными нуждами, до чего близко принимал он к сердцу все, что касалось настоящего и будущего России»: Самарин не спал целую ночь, прочтя в февральском номере «Отечественных записок» 1876 г. статью князя В. Васильчикова «Чернозем и его будущность»; всю ночь ему «мерещилась страшная картина безводной и безлесной пустыни, в которую превращается наша средняя черноземная полоса России от постоянного, ничем не останавливаемого уничтожения лесов».

В конце мартовского номера «Дневника писателя» Достоевский, ссылаясь на «Новое время», полностью приводит этот «чрезвычайно характеристический рассказ». По поводу замечания газеты: «Много ли у нас найдется людей, которые теряют сон в заботах о своей родине?» — Достоевский пишет: «Я думаю, что еще найдутся и, кто знает, может быть теперь, судя по тревожному положению нашему, еще больше, чем прежде. Беспокоящихся людей, в самых многоразличных смыслах, у нас всегда бывало довольно, и мы вовсе уж не так спим, как про нас утверждают» (XI, 246).

Стр. 456. *...фадеевские дворяне...* — Эти слова нашли отражение в начальной главке апрельского выпуска «Дневника писателя» (XI, 248).

Стр. 456. *Война.*— Ср. XI, 267—271.

Стр. 457. *Чернышев.*—Кого имел здесь в виду Достоевский, установить не удалось. Эта и ряд следующих заметок о молодежи представляют наброски для раздела IV («Единичные явления») второй главы мартовского выпуска «Дневника писателя» (XI, 244—246).

Стр. 457. *«Голос», четверг, № 85, 25 марта.*— В указанном номере под названием «От комиссии для исследования медиумических явлений» газета публикует отчет о деятельности этой комиссии, в котором сообщаются сведения о встречах комиссии с медиумами — братьями Петти и г-жой Кайр, о способах изучения медиумических явлений, об участии в работе комиссии свидетелей-спиритов Аксакова, Бутлерова и Вагнера. Работа комиссии была прекращена в связи с тем, что спириты-свидетели, опасаясь разоблачения, прекратили 4 марта встречи комиссии с медиумами.

Достоевский высказал свое «разочарование» отчетом комиссии в мартовском номере (XI, 243—244) и вновь вернулся к нему в апрельском номере «Дневника писателя» (XI, 273). Стремясь связать тему о спиритизме с более широким вопросом об «обособлении» — о нравственной неудовлетворенности, духовном разброде и исканиях русского общества, Достоевский считал недостатком работы комиссии то, что она не заинтересовалась причинами общественного успеха спиритов и распространяемых ими учений. См. также стр. 503—504.

Стр. 458. *Являются молодые люди...*— Ср. XI, 245.

Стр. 458. *...читал о К...*— Возможно, имеется в виду Куперник. См. стр. 504.

Стр. 458. *Во всей нашей молодежи так и должно было быть.* Ср. XI, 245—246.

Стр. 458. *Написать Юшкову в Казань.*— Н. Юшков писал Достоевскому из Казани 20 января 1876 г. (см. «Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома», VII, М.— Л., Изд-во АН СССР, стр. 124). Ответное письмо Достоевского Юшкову неизвестно.

Стр. 459. *Отвечать Симбирской библиотеке.*— Письмо Симбирской библиотеки к Достоевскому и его ответ неизвестны.

Стр. 459. *Всем ли послано?* — Подразумевается, по-видимому, «Дневник писателя», но, может быть, и отдельное издание «Подростка», вышедшее в феврале 1876 г.

Стр. 459. *Брат Коля?* — Николай Михайлович Достоевский (1831—1883), младший брат писателя, архитектор; жил в это время у сестры Александры Михайловны, с которой Достоевский был в ссоре из-за наследства тетки А. Ф. Куманиной.

Стр. 459. *Заехать к Полонскому.*— Ср. письмо Достоевского к Полонскому 4 февраля 1876 г. («Письма», III, стр. 203), где Достоевский сообщает: «К вам собираюсь месяца три, но все разные хлопоты, доходившие до *мучений*, мешали».

Стр. 459. *Справиться у Соловьева...*— Имеется в виду Всеволод С. Соловьев.

Стр. 459. *С В. В. Григорьевым поговорить...*— См. стр. 492.

Стр. 459. *Где Митрофания?* — См. стр. 507.

Стр. 459. *Не забыть Момбелли.*— Николай Александрович Момбелли (1823—1902), петрашевец, один из наиболее видных участников движения, входил (вместе с Достоевским) в организованное Н. А. Спешневым тайное революционное общество. Достоевский встречался с ним и в 70-е годы (см. «Жизнь и труды Достоевского», стр. 203).

Стр. 459. *Написать Алчевской.*— Христина Даниловна Алчевская (1843—1918), деятельница по народному образованию, автор книги «Передуманное и пережитое» (1912); в марте 1876 г. трижды обращалась к Достоевскому с письмами по поводу «Дневника писателя»; Достоевский отвечал ей 3 марта и 9 апреля 1876 г. («Письма», III, стр. 204—208).

Стр. 459. *Перетолчину.*— Письмо Достоевского к Перетолчину неизвестно.

Стр. 459. *Отто* — Александр Федорович Отто (Онегин. 1840—1925) в марте 1876 г. посетил Достоевского по поручению Тургенева с просьбой (основанной на недоразумении) вернуть Тургеневу несуществующий долг в 50 талеров (см. А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 217—219; «Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев». Переписка. Ред. И. С. Зильберштейна. Л., 1928, стр. 133—137).

Стр. 459. *Петерсону.*— См. стр. 504.

Стр. 459. *Казанский сборник.*— См. стр. 514.

Стр. 459. *Авсеенке.*— Начиная с этого места, в записной тетради следует ряд заметок, направленных против критика «Русского вестника» В. Г. Авсеенко (см. о нем стр. 472). Заметки эти являются набросками к первой главе апрельского выпуска «Дневника писателя» (ср. XI, 246—264), где Достоевский отвечает Авсеенко на его статью о рассказах П. И. Мельникова-Печерского в мартовском номере «Русского вестника» 1876 г. («Опять о народности и о культурных типах». Подпись «А.», стр. 362—387). Авсеенко выступил в этой статье против взглядов Достоевского на народ, изложенных в февральском выпуске «Дневника писателя». «В февральском выпуске своего Дневника,— пишет Авсеенко о Достоевском,— он много говорит о народе и о предстоящей нам необходимости погрузить в него свои пустые сосуды» (стр. 366). Возражая Достоевскому (во взглядах которого, как прозрачно намекает Авсеенко, он усматривает близость с народниками—стр. 365), критик «Русского вестника» противопоставляет народу «европейски образованное меньшинство», «культурный слой», понимая под ними, главным образом, дворянство. В то время как народ способен лишь на «стихийные идеалы» и до сих пор не выделил из своей среды «деятельной и энергической личности», «образованное меньшинство», прошедшее школу европейской культуры, по мнению Авсеенко, «вобрало в себя из народа все, что в его стоячей культуре было жизненного и нравственного, и ему, то есть меньшинству, предстоит переработать эти начала в горниле своей собственной культуры» (стр. 376). Авсеенко сочувственно цитирует в заключение статью «Очерки текущей литературы» из газеты «Новое время», 1876, № 19, 18 марта, автор которой (С.А. Венгеров), в противовес Достоевскому, пишет, что «вся программа настоящего времени» для 1870-х годов «исчерпана одним словом: Европа» (стр. 387).

Стр. 460. *Нападали прошлый год, извращали рассказ о повешенной.*— Достоевский имеет здесь в виду газетные статьи Авсеенко (А. О.) «Очерки текущей литературы», посвященные «Подростку» («Русский мир», 1875, №№ 27 и 55), и его же статью «Литературное обозрение» в «Русском вестнике», 1876, № 1, стр. 496—508 (см. о них в кн.: А. С. Долинин. Последние романы Достоевского М.—Л., 1965, стр. 253—254). Авсеенко, в частности, писал по поводу эпизода с «повешенной» (Олей) в «Подростке»: «В „Подростке" есть подробности, возмущающие образованное чувство, есть грязности, по нашему мнению, решительно непозволительные в литературном произведении. О них приходится тем более пожалеть, что они вовсе не вызваны требованиями так называемого реализма; напротив, факты и сцены наиболее неприличные в этом романе наименее близки к действительной жизни, наименее реальны. Для примера укажем хотя бы на эпизод о бедной девушке, объявившей в газетах, что ищет уроков (в первой части романа); приключения, какие пришлось испытать этой девушке, решительно невозможны в действительной жизни и совершенно ненужны в романе» («Русский вестник», 1876, № 1, стр. 507).

Стр. 460. *Не было ума в литературе до Писемского.* — Достоевский возражает здесь на утверждения, содержащиеся в статье Авсеенко «Комедия общественных нравов (Комедии, драмы и трагедии А. Писемского)» («Русский вестник», 1874, № 10, стр. 883—922), которая была направлена против демократизации литературы и театра. Начиная с Гоголя русская литература и театр, по мнению Авсеенко, будто бы встали на роковой путь: «с появлением комедий Гоголя, театр наш покидает интеллигентный слой и опускается, в лице лучших и талантливейших писателей, в темное царство взяточников, свах и самодуров <...> С поворотом литературы и театра к изображению жизни народа и демократических слоев общества Авсеенко связывал утрату ими «внутреннего содержания», пренебрежение к высоким идеям, стремление к «грубому, нечистоплотному и отталкивающему жанру». Ответственность за эти мнимые грехи он возлагал на Гоголя, Белинского (которого не называл по имени) и вообще на «лите-

ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ». ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»
Гравюра А. Д. Гончарова, 1930
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

ратуру сороковых годов» (стр. 888, 892). Достоевский гневно опроверг эти утверждения Авсеенко в апрельском выпуске «Дневника писателя» (см. XI, 249—253).

Стр. 460. *О погружении в народ собственных пустых сосудов.*— Авсеенко писал: «Мы подразумеваем, что вся путаница, в которой увязли многие кричащие теперь о погружении в народ собственных пустых сосудов,— произошла от неправильной постановки вопроса, от смешения двух вещей, которые вовсе не должны быть смешиваемы» («Русский вестник», 1876, № 3, стр. 370). Народ, по мнению Авсеенко, не чужд «стихийных добродетелей», но сознательные и деятельные «идеалы» он должен заимствовать у «европейски образованного меньшинства» (стр. 375—376).

Стр. 460. *Далее Авсеенко говорит: Дело в том, что до сих пор народ не дал нам идеала деятельной личности,*— Эти слова Авсеенко полностью процитированы Достоевским в «Дневнике писателя» (XI, 247. Ср. «Русский вестник», 1876, № 3, стр. 372).

Стр. 460. *Как? И это после слов ваших* (*см.* [*отм*] *отметку, стр. 370*).— Достоевский имеет в виду слова о народе, которые также приведены им в «Дневнике писателя» (XI, 247).

Стр. 460. *Да в 63-м году решение о Польше? Или нигилятина.*— Достоевский имеет в виду ту непримиримо реакционную позицию, которую «Русский вестник» в 1863 г. занял по отношению к польскому восстанию и революционным представителям русской молодежи.

Стр. 460. ...(*няня Алена Фроловна*)...— Ср. XI, 256—257.

Стр. 460. *Взгляд на преступление* (*народный*)...— О народном взгляде на преступников как на «несчастных» Достоевский писал в «Дневнике писателя», 1873 г. (XI, 11—22).

Стр. 461. «*Окраины России*».— Достоевский имеет в виду книгу Ю. Ф. Самарина «Окраины России», вып. 1—3. Прага, 1868; Берлин, 1871. О значении окраин и «областного нового слова» ср. XI, 282—284.

Стр. 462. *Няня, переход через Волгу в «Семейной хронике».*— Ср. XI, 256—257.

Стр. 462. *В мартовском дневнике — я [говор] высказал опасения, что мы понесем кровь и железо.*— Достоевский имеет в виду заключительные слова первой главы мартовского выпуска «Дневника писателя»: «И не пойдем ли мы ⟨...⟩ усмирять врага Европы и ее порядка тем же самым железом и кровью, как и князь Бисмарк? О, тогда, в случае такого подвига, мы уже смело могли бы поздравить себя *вполне европейцами*» (XI, 234).

Стр. 462. *...штундизм.*— Вопросу о штундизме Достоевский впоследствии посвятил один из разделов (II.«Миражи. Штунда и редстокисты») первой главы январского выпуска «Дневника писателя», 1877 г. (XII, 10—12).

Стр. 462. *Бесспорно, глупейшего из писателей.*—Эти слова, по-видимому, относятся и к В. Г. Авсеенко.

Стр. 463. *У немцев-то без земли, а у нас-то с землею.*— Ср. это рассуждение Достоевского о крестьянской реформе 1861 г. с соответствующим ему местом в окончательном тексте «Дневника писателя» (XI, 263).

Стр. 463. *Гуманность.*— Ср. XI, 258—263.

Стр. 466. *Исказили сюжет.*— См. стр. 512.

Стр. 466. *Белинский о Татьяне.*— Достоевский имеет в виду девятую статью Белинского о Пушкине (Полн. собр. соч., т. VII. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 480—502). В пушкинской речи 1880 г. Достоевский, исходя из своих почвеннических» идеалов, дал иную интерпретацию образа Татьяны и народности этого образа.

Стр. 466. *...у князя Одоевского...*— Достоевский мог иметь здесь в виду не только литературный салон В. Ф. Одоевского, но и отрицательное изображение им большого света в повести «Княжна Мими» (1834).

Стр. 466. *...«Анна Каренина» Льва Толстого...*— С января 1876 г. в «Русском вестнике» возобновилось печатание «Анны Карениной». В январе — марте 1876 г. в журнале были напечатаны 3-я и 4-я части и начата 5-я часть. Говоря об изображении у Толстого «неискренности в общественных сходках», Достоевский мог иметь в виду, в частности, описание разговоров гостей на свадьбе Левина и Кити (ч. V, гл. V.— «Русский вестник», 1876, № 3, стр. 332—337).

Стр. 466. *Романист перчаток, карет и лакеев.*— Ср. XI, 251.

Стр. 466. *О Казанском сборнике...*— В статье «Литературные очерки» («Новое время», 1876, № 38, 8 апреля, стр. 1—2), подпись: Фауст Щигровского уезда (С. А. Венгеров), главное внимание уделено роману А. К. Шеллера-Михайлова «Хлеба и зрелищ» и «провинциальному литературному сборнику» «Первый шаг» (Казань, 1876). Автор полемизирует с напечатанной в сборнике статьей Литератора-обывателя (К. В. Лаврского) «Литературное обозрение», восхваляющей провинциальную печать.

Резкой критике в газете подвергаются также «Без вины виноватые» П. Филонова, «Сцены из жизни города Крапивинска» Е. Красноперова, «Дома и в больнице» В. Португалова. Другие произведения сборника «Первый шаг» отмечаются автором с одобрением, например, путевые очерки «От Новочеркасска до Казани» Г. Н. Потанина и «Путевые заметки по нижегородскому Поволжью» А. С. Гациского. Особый интерес, по мнению автора, представляют опубликованные в сборнике «Воспоминания казанского студента» Л. О. (того же К. В. Лаврского).

Стр. 466. *Тацит.*— Об интересе Достоевского к Тациту см. стр. 395—396, 399, а также стр. 486, 487.

Стр. 466. *«Об уме и познании»...*—Это сочинение французского философа и социолога И. Тэна в переводе Н. Н. Страхова (СПб., 1872) имелось в библиотеке Достоевского (см. Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому, стр. 45).

Стр. 466. *Льюис.*— Достоевский имеет в виду, по всей вероятности, книгу английского философа-позитивиста Д. Г. Льюиса «Физиология обыденной жизни», русский перевод которой (изд. 2-е. М., 1876) имелся в библиотеке писателя (см. Л. П. Гроссман. Указ. соч., стр. 47).

Стр. 466. *...Богдановича, Пыпина.*— Имеются в виду сочинения: М. И. Богданович. История царствования императора Александра I и России в его время, тт. I—VI. СПб., 1869—1871. А. Н. Пыпин. Общественное движение в России в царствование Александра I. СПб., 1871 (первоначально печаталось в «Вестнике Европы» 1870—1871 гг.).

Стр. 466. *Владим⟨ира⟩ Соловьева.*— Вероятно, имеется в виду подаренная автором Достоевскому и имевшаяся в библиотеке писателя магистерская диссертация Вл. Соловьева «Кризис западной философии. Против позитивистов». М., 1874 (см. Л. П. Гроссман. Указ. соч., стр. 45).

Стр. 466. *Лассаля.*— В библиотеке Достоевского имелся т. I Сочинений Ф. Лассаля в русском переводе В. Зайцева. СПб., 1870 (см. Л. П. Гроссман. Указ. соч., стр. 39).

Стр. 466. *После Петра ∞ Соловьева.*— Имеются в виду те тома «Истории России» С. М. Соловьева, которые посвящены послепетровской эпохе (к 1876 г. вышли тт. XVII—XXVI).

Стр. 466. *Исповедь Св. Августина.*— «Исповедь» Августина в то время на русский язык переведена не была; в 1876 г. вышло новое латинское издание ее (A u g u s t i n u s. Confessiones, ed. K. v. Raumer, Gütersloh, 1876).

Стр. 466. (*Фомы Кемпийского*).— Имеется в виду книга средневекового мистика Фомы Кемпийского (1380—1471) «О подражании Христу». В библиотеке Достоевского имелся перевод этого сочинения, сделанный К. П. Победоносцевым (СПб., 1869) — (см. Л. П. Г р о с с м а н. Указ. соч., стр. 45).

Стр. 466. «*Логика*».— В библиотеке Достоевского имелась «Логика» М. Владиславлева (СПб., 1872) (см. Л. П. Г р о с с м а н. Указ. соч., стр. 43).

Стр. 466. *Хомяков.*— В библиотеке Достоевского был т. I Полного собрания сочинений А. С. Хомякова. М., 1861 (см. Л. П. Г р о с с м а н. Указ. соч., стр. 45). О высокой оценке Достоевским Хомякова см. XII, 398, XIII, 351).

Стр. 466. «*Обычное право*».— Книга Е. Якушкина (вып. I. Материалы для библиографии обычного права) вышла в Ярославле в 1875 г. Книга эта имелась в библиотеке Достоевского (см. Л. П. Г р о с с м а н. Указ. соч., стр. 42).

Стр. 467. *Карлейль: История Фридриха II и революции.*— Достоевский имеет в виду сочинения английского историка Т. Карлейля: 1) «История Фридриха II» («History of Frederick II». L., 1858—1865; 2) «История французской революции» («French revolution, a history». L., 1837).

Стр. 467. *Анри Мартен.*— Анри Мартен (1810—1883), французский историк, автор многотомной «Истории Франции» («Histoire de France». P., 1833—1836, 4-me éd. 1855—1860), а также книги «Россия и Европа» («La Russie et l'Europe». P., 1866), которая могла интересовать Достоевского.

Стр. 467. *Огюстен Тьери.*— Огюст Тьери (1795—1856), французский историк. Из произведений Тьери на русский язык до 1876 г. были переведены «Рассказы о временах Меровингов» (СПб., 1848 и 1864) и «История завоевания Англии норманнами» (СПб., 1858 и 1868).

Стр. 467. *Прескотт.*— Уильям Прескотт (1796—1859), американский историк; в библиотеке Достоевского была его «История царствования Филиппа II, короля испанского», тт. I—II. СПб., 1858 (см. Л. П. Г р о с с м а н. Указ. соч., стр. 38).

Стр. 467. *Шлоссер — в переводе Чернышевского.*— Достоевский имеет в виду «Всемирную историю» Шлоссера в переводе Н. Г. Чернышевского и В. А. Зайцева (тт. 1—18. СПб., 1861—1869). Об интересе Достоевского к «Всемирной истории» Шлоссера свидетельствует счет книжного магазина Базунова от 29 августа 1860 г. («Жизнь и труды Достоевского», стр. 116).

Стр. 467. «*Россия и Европа*» *Н. Данилевского.*— Книга вышла в Петербурге в 1871 г. (до этого печаталась в виде отдельных статей в журнале «Заря» 1869 г.). Отзыв Достоевского об этом сочинении см. «Письма», II, стр. 181.

Стр. 467. *Пыпина. Богдановича.*— См. стр. 514.

Стр. 467. *Вильмен.*— Анри Франсуа Вильмен (1790—1870) — французский критик, историк литературы и либеральный государственный деятель; автор «Cours de littérature française», «Tableau du XVIII siècle» (1828—1830) и др. На русский язык некоторые его статьи были переведены в «Московском телеграфе» и других журналах 30-х годов.

Стр. 467. *Сен-Бев.*— Шарль Огюст Сен-Бев (1804—1869) — французский критик, поэт и романист. В русском переводе некоторые его критические статьи печатались в русских журналах 30—40-х годов.

Стр. 467. *Тэна критические этюды.*— Достоевский имеет в виду сборник статей И. Тэна «Essais de critique et d'histoire» (P., 1858).

Стр. 467. *Юлиан Шмидт.*— Юлиан Шмидт (1818—1886), немецкий критик и историк литературы. На русский язык до 1876 г. были переведены две его книги: 1) «История французской литературы со времен революции 1789 г.» (тт. I—II. СПб., 1863—1864) и 2) «Обзор английской литературы XIX столетия» (СПб., 1864).

Стр. 467. *...Соне...*— София Александровна Иванова, в замужестве Хмырова (1846—1907), любимая племянница Достоевского, дочь его сестры Веры Михайловны (1829—1896).

Стр. 467. *...Елене Павловне.*— Е. П. Иванова (1813—1863), невестка сестры Достоевского Веры Михайловны.

Стр. 467. *...Штакеншнейдерам.*— Андрей Андреевич (1802—1865) и Елена Андреевна (1836—1897) Штакеншнейдеры. В доме Е. А. Штакеншнейдер, хозяйки известного литературного салона, Достоевский часто бывал в последние годы жизни, а с братом ее, талантливым юристом советовался по судебным вопросам. См. А. Г. Д о с т о е в с к а я. Воспоминания, стр. 256; Е. А. Ш т а к е н ш н е й д е р. Дневник и записки. М.— Л., «Academia», 1934, стр. 454—465 (и по указателю).

Стр. 467. *К Полонскому.*— Яков Петрович Полонский (1820—1898), поэт, в 60-е годы печатался в журналах Достоевского, позднее встречался с ним и находился в переписке. 4 февраля 1876 г. Полонский прислал Достоевскому восторженное письмо по поводу прочтенного им первого выпуска «Дневника писателя», 1876 г. («Из архива Достоевского. Письма русских писателей». Ред. Н. К. Пиксанова. М.— Пг., ГИЗ, 1923, стр. 75—77). В этом письме Полонский отозвался и на упоминание в «Дневнике

писателя» его имени. Ответ Достоевского Полонскому 4 февраля 1876 г. см. «Письма», т. III, стр. 203).

Стр. 467. *Сазонович.*— Имеется в виду Августа Павловна Сазонович, писательница, автор статей и воспоминаний о декабристах, напечатанных в «Русской старине», 1886 г., и «Русском архиве», 1888 г. Письмо А. П. Сазонович к Достоевскому (без даты) хранится в ИРЛИ (см. «Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома», т. VII, Изд-во АН СССР, 1957, стр. 116).

Стр. 467. *«Правительственный вестник».*— Официальная правительственная газета, выходившая в Петербурге в 1869—1917 гг.

Стр. 467. *Березин* — Илья Николаевич Березин (1819—1896), профессор турецко-татарской словесности в Петербургском университете, издатель «Энциклопедического словаря». См. стр. 399, 488.

Стр. 467. *В Главное управление по делам печати.*— Достоевскому, вероятно, нужно было заехать туда в связи с изданием «Дневника писателя» (см. «Жизнь и труды Достоевского», стр. 239).

Стр. 467. *...Аня...*— Анна Григорьевна Достоевская, жена писателя.

Стр. 467. *В комитет по устройству музыкально-танцевального вечера...*— Черновой автограф письма; опубликован А. С. Долининым: «Письма», III, стр. 253. О вечере см. объявление в «Голосе», 1876, № 333, 2 декабря.

Стр. 470. *Мечтатель.*— См. стр. 590—591.

Стр. 470. *Великий инквизитор и Павел. Великий инквизитор со Христом.*— В этих заметках можно видеть одно из первых отражений замысла «Легенды о великом инквизиторе».

Стр. 470. *Тайный совет, кн. Д. Обол⟨енски⟩й.*— Как можно думать, данная заметка представляет собой запись сюжета (или анекдота) о «бежавшем сумасшедшем», выдававшем себя за князя и тайного советника Д. Оболенского (см. стр. 498).

Стр. 470. *Как Над⟨еи⟩ну.*— Имеется в виду М. Н. Надеин (см. стр. 498). Смысл записи: сколько экземпляров «Дневника писателя» нужно отдать в магазин Надеина для рассылки городским подписчикам, сколько послать в Москву и т. д.

Стр. 470. *Даже самая глупость альфонсинкиных разъяснений.*— В романе «Подросток» (ч. II, гл. 9 и ч. III, гл. 2.— См. VIII, 286—290; 441).

X. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ
(1876—1877)

8 апреля 1876 г. Четверг.

8-е апреля. Барон Родич, очень может быть, сказал вождям о нашей политической несостоятельности безо всякой злобы, а совсем наивно, искренно веруя в истину своих слов. В самом деле (должен был он думать) — ведь Берлин нас русским никогда не даст; если Берлин нас и проглотит, то доест лишь наши немецкие земли да, пожалуй, слишком уж цивилизованных славян-чехов, которые могут впоследствии превратиться в немцев. Нам же за это отдаст турецких славян. Одним словом, уж, конечно, Берлин теперь — владыка восточ⟨ного⟩ вопроса, а не кто другой, а Россия пусть занимается Средней Азией и Берлин ее в том поощряет. О, конечно, Константинополь Берлин нам не отдаст, но ведь это еще, во 1-х, далекое дело, а, во 2-х, мы и сами, пожалуй, впоследствии как-нибудь возьмем Константинополь. Ну а Россию надобно огра//ничить и, кроме того, России нас Берлин никогда не выдаст, вот в чем весь пункт. А коли так, то, стало быть, Россия не может воевать ни с нами, ни с Турцией за славян, а стало быть я и прав, что так сказал. Пусть русские обижаются, это ничего. Погорячатся и привыкнут. Главное, их надо отучить от восточного вопроса строгостью. Таким образом, соглашение великих восточных держав уже к тому одному полезно, что им совершенно уничтожается восточный вопрос и становится берлинским вопросом. К тому же у России, как говорят, и средств нет вести вопрос иначе, у ней мало ружей, у ней много еще неустроенного, так что она ни в каком случае горячиться не может, а коли так, то почему же мне было не высказать вождям того, что я высказал? //

Ну а вы-то, культурные-то вы люди, укоряющие народ, хороши вы во всем? *

О Потугине (не забыть).

И о том, что писатели народны (Тургенев, Гончаров) и проч.

Милорд Георг,— и который лет 50 с лишком составлял отраду русских лакеев.

«Голос», № 103 **. На «Московские ведомости». Письмо Офросимова на жалобу Рюмина о безбожии школ.

Где наши лучшие люди? Всплывут во время опасности. Над этою сиротскою неумелостью ***.

---

* *На полях слева*: Авсеенке

** «Голос», № 103 — *на полях слева.*

*** *На полях слева*: Лучшие люди

Он говорит, что надо было вселять культурою гуманность в помещиков. Нанимали учителей из Швейцарии, но почему же, о легкомысленный мальчик, сами-то они все с бою отдали, не освободили народ с землею, а без земли. Ведь они освободили у нас с землею не [по тем] в подражание культурным европейцам, а потому что сознали в себе, с царем во главе, русских людей и сделали по *русской правде*.

Там злоба, а не гуманность. //

«Московск⟨ие⟩ ведом⟨ости⟩», № 91, 13 апр⟨еля⟩. О *язычестве* в Германии из немецких газет и проч.

Ну а культурные-то люди у нас теперь твердо сплочены, как вы думаете? Имеют они свою крепко сознанную основу, свою твердую мысль? Не в разброде ли они, напротив, после крестьянского погрома, как муравьи в развороченном муравейнике?— И не учат разве одно, что все разрушить, и что чем хуже, тем лучше, а другие, что они даже и физически, породой выше крестьян.

Золотушный, подагрик — он, видите ли, кровью лучше.

(Помещик на железной дороге).

А вы что понимаете в строгом голосе славянофилов?

Крадут то у Белинского, то у славянофилов.

Да будь вы самый *навьюченный книгами*, вы и то не будете значить, потому что мысли нет. //

Что в Европе-то есть хорошего? (картина) *.

«*Голос*» — 13-го апреля — похвала Авсеенке.

Состав № апрельского.

— Высунутый язык.

— Авсеенке.

— О войне.

— Спиритизм.

— Мечтатель.

Ответ на мнение о нехарактерности русской истории (Фауст Щигровского уезда), напротив: удельный период, период нашествия и проч.

— Будущая архитектура домов, нет дров и проч. Уничтожение воров. Переход в стадность. ⟨...⟩

«Голос», 15 апр⟨еля⟩. Четверг. О китайской истории франко-прусской войны...

Какая верная мысль! Таких мыслей можно написать сколько угодно, и пишутся они, потому что не понимается сущность дела. Так и вы *: сущности не понимаете, вот вам и доказательство: вы говорите, что народ русский подъял царство...и вдруг на обороте, что все качества его пассивные, значит вы ни на той, ни на другой странице ничего не поняли из того, что сами написали про русский народ. Да и теперь не понимаете, да и никогда не поймете. Тут жупел. //

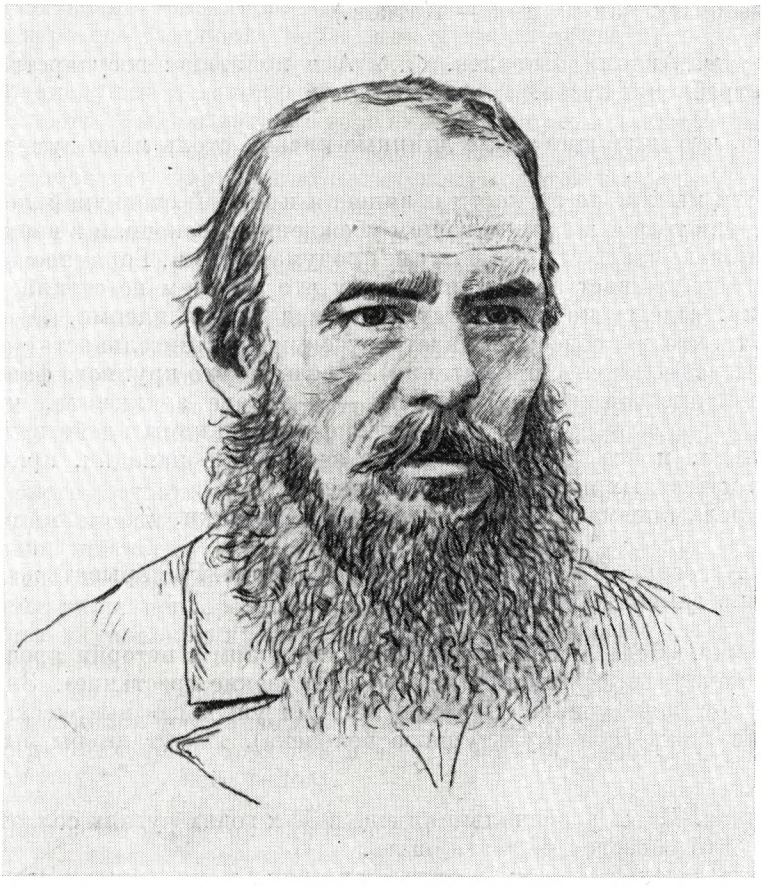
«*Новое время*», 15 апреля. Передовая о герцеговинцах, № 45.

План статьи о герцеговинцах.

Война. Австрия, не даст ее Пруссия, справедливость барона Родича. Без того можно бы было образовать отдельное новое княжество из Боснии и Герцеговины и гарантировать Австрии, что славянские маленькие кня-

---

* *На полях слева*: Авсеенке



ДОСТОЕВСКИЙ
Рисунок (перо, карандаш) Л. Е. Дмитриева-Кавказского, 1880
Был подарен художником писателю
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

жества не соберутся во что-нибудь крупное ⟨...⟩ Но барон Родич и неспособность к войне России? «Русский мир» об *изворотливой робости*. Не либерально. О войне.

«Новое время», 15 апр⟨еля⟩, № 45. О неприглядности русской истории для романиста, в статье «Фауст Щигровского уезда». «Новое время». Замечание князю Мещерскому «Церковно-общественного вестника» о недостаточности жалованья духовенству. Насчет лорда Редстока.— Корреспонденция об обиде раскольнику в Пензе: что это за шалыгон бросил образа. //

Зачем у них трогать молельни и церкви? Неужто еще продолжается подобный закон?

Белинский о Татьяне. Крестовский, Фадеев, гимназисты, убившие мужиков *. Может быть, это случайные прыщи и наросты. Так ли, не генерические ли явления? Социалисты. Да, но есть критики Авсеенки. Нет-с, я разочаровываюсь в Авсеенках. Авсеенки — я вам скажу, что это такое.

* *Первоначально*: ямщиков

(Консервативная партия — Катков.)

Авсеенке. Ананий Яковлев. ⟨...⟩ А в политике: государственная ли вещь истребление лесов.

Жаль, что пишущие такие длинные письма столь мало думают.

Все эти мысли, по легкости обвинения и по той очевидной легкости, с которою они тотчас же стали вашим убеждением (вскочили в ваше убеждение),— показывают, что они вовсе не продуманы вами. Горячность же ваша тоже не заслуживает симпатии, потому что она вам не стоила никакого страдания, вследствие малого думания над этими идеями. Любопытнее все⟨го⟩ то, что вы совсем не знаете русскую действительность (ибо предполагали возможность напечатания). После такого крупного факта незнания самой простой действительности — я вправе заключить, что вам и русский человек и русское православие мало знакомы в действительности и деятельно, и все это лишь старые застарелые нападки, принятые на слово из известных целей или наклонностей.
16 апреля письма и перечитать статью Авсеенки. //

Final Авсеенке. Я рад, что я забыл об Авсеенке. Вымарывать же некогда. Надо будет заменить чем-нибудь.

Авсеенке. «Ведь любой австрийский жандарм в истории представляет высшие начала просвещения, чем ее славянские крестьяне». Знаете эти слова — вот ваше учение. Скажете нет? Да уж когда вы русский народ поставили ниже себя (культурного человека), так стали бы вы щадить славян? //

Авсеенке. Иные военачальники еще в 30-х годах ругали солдат такими словами, что совестно было слушать.
Пестель засекал людей: (вот что заставляют меня делать!) Это говорил один деятель; не хочу я марать его имя, хоть он и в могиле.
Авсе⟨енке⟩. Были Одоевские.
Victor Hugo — историческая необходимость (Louis XVII) не необходимость, а неминуемость, это я пойму с хищным типом хищного народа французского.

Авсеен⟨ке⟩. *А*, не беспокойтесь это не восклицание (а!), а только заглавная буква имени.

Авсеен⟨ке⟩. Для чего же они не освободили своих крестьян. Правило крови и железа не наше.— А ведь это самые важные вопросы.

Народ развратен, но у него религия, там идеалы и начертание *. Не зная догматов, он // знает (в большинстве) святых своих жития (я не розню от народа 12 мильонов раскольников), Там, где кончается религия, начинаются лишь мечтанья. В мечтаниях и вы проводите время. В «Анне Карениной». Ведь вы не поймете. В. С. (его слова). Гражданский брак. Я говорил с ним; какой добрый и интеллигентный малый и как невинно развращен.

Ведь это все равно, что говорить, что вся наша вера дурна, потому что монахи убивают друг друга.*

Из «Голоса», № 105, 16 апреля... «Позаботились ли мы» и т. д.

---

* *На полях слева*: Авсеенке

Нет, мы не позаботились, это ниже нашего культурного аристократизма, а вера его «хлопьска вера», как у панов польских вера русского народа. Но паньска вера была все-таки католическая, у нас барская вера атеизм, равнодушие и холодный, прискучивш⟨ий⟩ разврат, возведенный в нравственность. Мы, напротив, о вере народа и о православии имеем каких-нибудь полсотни либеральных анекдотов или глумительных рассказов, как поп исповедует старуху или как мужик молится и проч., // а больше ничего не знаем. И вы ничего не знаете, критик. Если б вы знали, и действительно понимали то, что вы написали о вере «спаявшей Россию» и проч., то вы не поглумились бы над народом за пятницы, за посты *, за Флора и Лавра и не стали бы вы ставить вашу глупенькую культуришку (которой нигде нет подобной в Европе по низости уровня знаний), а под пятницами, жупелами и под грязным народным невежеством усмотрели все-таки чистую веру, огонь религии, Христа *настоящего*, всепрощающего и вселюбящего (его понял народ, несмотря на пятницы), на Богородицу, скорую заступницу и помощницу,—одним словом, обоготворение любви, кротости и смирения, [в] служения всем, как слуги, и веру, что [пом] из этого-то добровольного состояния слуги и выйдет свобода, равенство и братство для всех. Одним словом, вы бы рассмотрели, что [ваша жизнь] [народная жизнь] ваша жизнь, пустая отрицательная, полная пыхтения, литературных//мелких ненавистей и [завистей] завистей, а народная жизнь полна сердцевины, силы, непосредственности и мысли, а вот ее-то вы, стремясь в нее с вашею глупенькою культурою, и хотите уничтожить. О маленькие, о ничтожненькие!

Знает же народ Христа своего потому, что во много веков перенес много несчастий и в последнем горе своем слышал об этом Христе от святых своих, тогдашних представителей и веры и народа, работавших для него и положивших ** за него голову.

Не презирайте веру народа! Впрочем хотя, презирайте: это вам прилично.

Вот ваша статья и все ваши мысли вышли из продолжающегося презрения к русскому народу,сохраняющемуся упорно в культурных классах (и чем дальше тем хуже) с реформы Петра и с закрепощения // крестьян, окончательно происшедшем тоже при Петре. *Вы*, в сущности, оставшиеся крепостники без крестьян.

Вы хоть и не презираете веру народа на словах, но тут же, *нравственно*, ставите ее ниже культуры.

Ведь наша русская жизнь ***, несмотря на 200-летнее подражание Европе, в главнейших функциях своих оставалась вполне своеобразною, но вам, кучке жалких перчаточников, хочется «подогнать» Россию, согнуть ее в бараний рог и сделать культурною. Это все от презрения к России и к народу.

Я вам возражаю еще и потому, что возражаю лицу собирательному, ибо таких, как вы, много еще, даже Потугину, вместе с вами, хотя Потугин перед вами царь по таланту, [и] несмотря на то, что слишком уж наивно невежествен. Потугиным я займусь потом, а [вы все] вам мимоходом прибавлю, что вы невежественнее и Потугина. Не // улыбайтесь с презрением, читая это: если вы и прочли несколько книг (немного, однако ж), то

---

* *Выше между строк*: обозвав его чуть не — —
** *Первоначально*: клавших
*** *На полях слева*: Авсеенке

все же не обладаете способностью усвоения смысла их. Это, так сказать, навьючение себя книгами, а не чтение. Итак, я отвечаю как лицу собирательному.

Отвечайте: да, и не «Русскому вестнику»: «Р⟨усский⟩ в⟨ест⟩ник» сам все это знает, хотя и напечатал статью Авсеенки, но есть действительно бесчисленное число таких же Авсеенок. — Я сам в вагоне. Красный нос.

В чем же их культура, чем они тщеславятся? Перчатками. Я докажу его.

Я никогда не верил гнусной (практической и хищной) идее, что только верх образован, я хочу и верую, что у нас будет этот социальный порядок, что и мужик будет понимать великую мысль (через православие)*, которая так великолепно и стройно заключает множество великих мыслей, которые уже оно заключает в себе. //

Вы не ходите, вы растлите.

Он иногда высказывает суждения и, так сказать, мысли, ну и там все, [ост] как и у всех, но он часто сбивается *.

Вы говорите, что привлекательно⟨сть⟩-то народа исчезает и тотчас же является в форме мироеда и самодура *. А няня? Несчастный, вы это не видели. (А в нашем обществе нет мироедов и самодуров?)

Вы требуете, чтоб там все были святы?

Да ведь вы дикие после этого.

Как вы думаете, пассивная или *активная деятельность отдать свои четыреста рублей?* Вы скажете, что это не русское, а это культурное? Да ведь в народе нет культуры.

Перчатки — это не порок, это слабость.

Перчатки — оставьте их. Мы и так за них дорого платим. Да и надеваем-то их большею частию сами не зная зачем. //

И знаете ли, почему освободили народ с землей? А вот именно потому, что преклонились перед *народной правдой*. Вам это непонятно? Ну когда-нибудь поймете.**

Вы скажете, суды и новы⟨е⟩ *** законы, поряд⟨ок⟩, власти, последовавшие за освобождением крес⟨тьян⟩. Не точь ли в-точь мы скопировали их с европейских, вот точь-в-точь, как велели Потугины. Но ведь все, что взято из Европы, в сущности, не привилось, а держится, лишь кое-как соединяясь с народным обычаем, и получило далеко не европейскую форму. А иное так просто оказалось вздором и до сих пор лишь вредит и ждет лишь, пока народ выскажет свой полный взгляд на дело,— тогда и переродится по-своему. У нас уже многое в этом роде так случилось. Знаете ли, потому и освободили с землей, потому и произошли реформы нынешнего царствования, и хоть многое неудовлетворительно, но все же лучше, чем выписанное прямо с немецкого.

А знаете ли, почему произошли реформы нынешнего царств⟨ования?⟩

Эти реформы не удовлетворительны, но они не внешние, они соответствуют внутренним желаниям нашим. И как теперь народным силам развязали руки, они и выкажутся.

Вам, как факиру,— росток в 18 дюймов в 20 мил.

А знаете ли (выше). //

Образование: полное примирение, совершенное беспристрастие рядом с полным сознанием и своей нравственной правды (православие).

---

* через православие — *вставлено позднее.*

** *На полях слева*: Авс⟨еенке⟩

*** и новы⟨е⟩ — *над строкой.*

Стань всем слуга.
Разумеется, мы не отдадим им нашей земли, мы должны сохранить свой русский тип, а стало быть, сохранить землю под собою.

И не славянской только семьи.
Из православия,— из которого выйдут все разрешения.

Мы представим изумительное зрелище народа без захватов. Мы не станем поляка обращать в русского, но когда поляк или чех захотят быть действительно нашими братьями, мы [действ] дадим автономию, ибо и при автономии не разрушится связь наша, и они будут тянуть⟨ся⟩ к нам, как к другу, к старшему брату, к великому центру.

Великое дело любви и настоящего просвещения. Вот моя утопия! //

Прочтите биографию Петрова, при великом таланте — какая добросовестность, какое изучение искусства, неслышное, невидное, ради долга, все это тихо и неизвестно, и вы не удостаиваете обратить внимания* — русское, некультурное, кулаки, мошенники! **

Крестовск⟨ий⟩. Честь, берущая свое достоинство в слепом соблюдении известных наружных форм, а не черпающая его из внутренней потребности души человеческой **. //

Окончательный состав апрельского №.
1) Авсеенке с обширностью.
Кстати о славянстве.

2) Спиритизм.
3) Мечтатель (его биография).
4) Надо бы герцеговинцев.
5) Откуда явятся [русские] лучшие люди?
6) И о войне.

18 апреля, просто; Авсеенко и Мечтатель, без спиритизма.
Мечтатель, приезд и отец, но война, и спиритизм,— все от Мечтателя. //

«Голос», № 108. Понедельник. Джон Тиндаль о спиритизме.

Final — Авсеенке: Любить всех ***, [царст] установить царство мира и славы божия, на основании народных православных начал.
— Да ведь этого нет, крикнут мне, это утопия.
— Давайте стараться, сомкнемтесь, пойдемте вместе, давайте руки, положим головы.
У Победоносцева, аще в девятый час.
Андр⟨ея⟩ Критского. //
Прочтите «Канон» Андрея Критского и просветитесь. Народ много таких молитв знает, а не знает, так слушает.

Я спрошу у Крестовского, у писателя, как он не видит, что он кругом виноват. Если и вправду, что его оскорбили,— все-таки виноват?

Скажут: Скучно говорить об этом, на свете все это говорено и переговорено. Но на свете все переговорено, а нового очень мало. И если пятьдесят

* *Первоначально*: не обращаете внимания
** *На полях слева*: Авс⟨еенке⟩
*** *Над строкой*: конечно, не Тернера

раз сказать, отчего не сказать в 51-й. Ведь и об чем другом заговорите, все тоже окажется, что в 51-й. Про иные же вещи не старо говорить и в 501-й.

Это не перо, это молитва, к этому надо иметь сострадание.

Дуэль,— приняв букву, мы расширили способность к дурным поступкам. //

Так что наука вовсе не составляет какого-нибудь существенного и непримиримого различия между обоими классами русских людей, т. е. между простонародьем и верхним культурным слоем, и [говорить об] выставлять науку как главное и существенное различие наше от народа, повторяю, совсем нейдет к теперешней речи— и неверно, а различие искать надо совсем в другом.

Швейцары, потом их стали нанимать прямо в швейцары.

Стыдиться своей грязной веры, хлопьска вера.

Освоб⟨од⟩или народ по народным началам. Если б как европейцы, то на пролетарском основании, как остзейские немцы. У нас многое из Европы не принялось, а переделывалось своеобразно.

Что это активный или пассивный поступок, г. Авсеенко?

Расширение взгляда. Расширение взгляда должно состоять в направлении нашей образованности.

Другое дело, если б народ сопротивлялся * обучению науке, и даже по принципу какому-нибудь, по каким-нибудь там началам своим народным, так что нам приходилось бы предпринять подвиг вступить с ним в огромную и опасную борьбу, так сказать в крестовый поход [предпринять]. Но ведь этого нет совсем, народ жаждет науки, из народа, бывали примеры, выходили даже своего рода // самоучки европейской науки, и народ не гнушался ими, а напротив хвалил их. Может быть, вы уж так глубоко ставите иные омерзительные предрассудки народные, плод глубокого его невежества, но ведь еще совсем не доказано, что народ так глубоко стоит за них, а с другой стороны, предрассудков в нашей интеллигентной среде совсем не меньше, чем у народа, и даже найдут⟨ся⟩ гораздо злокачественнее его собственных предрассудков, иногда даже совсем невинных.

Все это слова, тут не швейцары, а тут наука, которую вы в самом начале устранили из речи, а наука и все. Но ведь тогда вы собственную культуру и собственный подвиг ваш необыкновенно умаляете. Тогда вы уже совсем почти не выше народа. Это дело каких-нибудь десятков лет весьма малых, и увидите, что из народа явится чрезвычайно много научных деятелей, и тогда народ сравняется с вами. Где же ваше преимущество и чем вы гордитесь. Мой помещик, так тот прямо и откровенно объявил, что он телом выше народа, что его тип изменился перед народом. //

Если я сказал, что демос спокоен, то именно в том смысле, что он не может быть не спокоен при таком несомненно демократическом настроении общества, журнального плутовства, фальши в обвинении противников, даже клеветы.

Много фальши в обвинении, но такое направление несомненно хорошо.

Это инстинктивное обращение к народу и ожидание от него многого. Теперь не буду говорить. Отложу, чтоб сказать в целости. Но я сказал дурно про общество. О шатании. Но ведь в конце я от него же и жду спасения. Это спасение в расширении идеи русской. Меня поймают: нельзя про такое общество говорить так дурно, как я. Но говоря дурно, я и ценил, может, больше многих. Жду спасения в расшир⟨ении⟩ идеи русской. Я объясню

* *Над строкой*: 20 лет

это потом. Не от цивилизации расширение, а от соприкосновения с Европой самостоятельно создавалось в русском. Не оттудова мы взяли его, ибо оно противоположно европ⟨ейской⟩ идее, и нигде там нет ничего бескорыстнее нашего демократа [и мы, может быть, гораздо остервенелее стоим за них, чем народ за свои]

Но пока о шатании [право], *гадливость* опр.
Но женщины потребуют статьи, а не беглых слов. Сами они...
И если есть теперь ошибки, то это неспроста, гарантия, что вылечат. Недуги временные.
Да вот хоть черта этого расшир⟨ения⟩ демокр⟨атии⟩ общества.

Я никогда не отступлюсь от своих слов, если не изменю убеждений. Мы несомненно больше народа одарены, например, самолюбием, болезненным и ипохондрическим, гадливостью к людям, мрачною ненавистью, цинизмом, жаждой безличности, рядом с ненасытною жаждою славы, самого пустозвонного самолюбия, страстью к известным привычкам и болезненною робостью перед собственным мнением бросить эти привычки и т. д. и т. д., всего никак не исчислишь *. Мы видим доблесть в даре *одно худое видеть*, тогда как это одна лишь подлость, но об этом потом, но прибавлю словцо об женщинах. Я сказал выше, что в женщинах наша надежда.

А все наши чувства чести, [либерализма], все наши шаткие понятия долга, гуманности — разве не предрассудки и не на предрассудках основаны. Разве не было чести в древней России? Возвратясь из Европы, мы приняли новые формулы, стали необыкновенно шатки, трусливы и безличны, а про себя циничны и сплошь нигилисты. Разумеется, я говорю // лишь про тех, которые живут и думают. Остальные же наживаются и не знают, для чего живут на свете.

Уж как грязен, как нечист народ в своих семейных началах. Потому-то я и сказал, что воздыхает, а этого не поняли **.

Шатость мысли соединяется почти с младенческим неразумением.

Народ развратен; но дело в том, что он свое злое не считает за хорошее, а мы свою дрянь, заведшуюся в сердцах и в уме нашем, считаем за культурную прелесть и хотим, чтоб народ пришел у нас учиться ⟨...⟩ //

Красота богов и идеала, они являются прямо обнаженные, но не боги и не идеал этого не вынесут. У обыкновенных, текущих людей красота условна. И тогда только очищается чувство, когда соприкасается с красотою высшей, с красотою идеала. Это соприкосновение с красотою идеала есть и в былинах наших, и в сильной степени. Там есть удивительные типы Ильи Муромца [и удивительн.] и фантастического Святогора и проч. Потугин отлично об этом знал, но ему надо было оплевать народ русский за его безвкусицу, сделать смешным, возбудить к нему презрение и отвращение, и вот он выдернул картину прошедших мод и современной блестящей дамы, показал, какую глупую шляпку одевала ее маменька в 20-х годах ([Все р] т. е. дело шло про Чурилу, но все равно значение то же). Потугин только забыл взглянуть на себя и на то, как он сам был одет и в чем всю жизнь находил прекрасное. //

Важное. Заключительные слова Авсеенки («Новое время»), № 52.
Ответ на это в том, что вы считаете народные начала и православие его за пустяки, а мы нет. Напротив, за все, что только может быть важно. Вот

* *На полях слева*: Женщины
** *На полях слева*: Евг⟨ений⟩ Онегин

почему народ для вас лишь неизвестный странник и ждать от него мысли и образа ирония, а для нас он есть все и единственная надежда, потому что обладает всем, а именно православием и нравственностью православия, хотя и в стихийном лишь виде. Вот почему для нас народ не странник только неведомый, а и руководитель, и что бы ни ждало его, какие бы мучения и колебания ни стерегли его на дороге, он хоть и уклонится, может быть, временно, но никогда не собьется с пути, потому что то, что он несет // с собой, т. е. православие и выходящие из него начала, слишком ценны и вески и пропасть ни в каком случае не могут, да и самих несущих уберегут, так что, если мы примкнем к нему даже теперь, то спасемся с ним вместе сами.

Кто же считает православие за глупость и проч., тому слова мои непонятны.

Короче, вы никогда не [были ру] понимали народа, а все время его презирали, [поло] никогда вы не понимали православия и не были православными, [и даже] а потому не можете и ценить его, наконец, может быть уж давно вы не русские, а лишь выродившийся уродливо продукт реформы.

Может быть, из обманывающегося, но глубоко гуманного чувства, а вы и в правде-то вашей негуманны, так что самые заблуждения Белинского, если у него только есть они, выше вашей правды, да и всего, что вы натворили и написали. //

Мечтатель. Раз он вынес позорную ругань от начальника за небрежность.— Неужели же вы думаете, что я бы мог жить, если б не мечтал. Да я бы застрелился, если б не это. Вот я пришел, лег и намечтал.

Я вам расскажу одно впечатление моей первой юности, сказал он с грустным лицом.

Нет, я не очень презираю себя. У меня бывает столько великодушных идей, которые меня так очищают. Смешные. Смеется один.

Про отца.

Выдумывает. Но это, кажется, не выдумал.

Он — он спился, он не вынес. Я мечтатель, я выношу. Я бы вынес. //

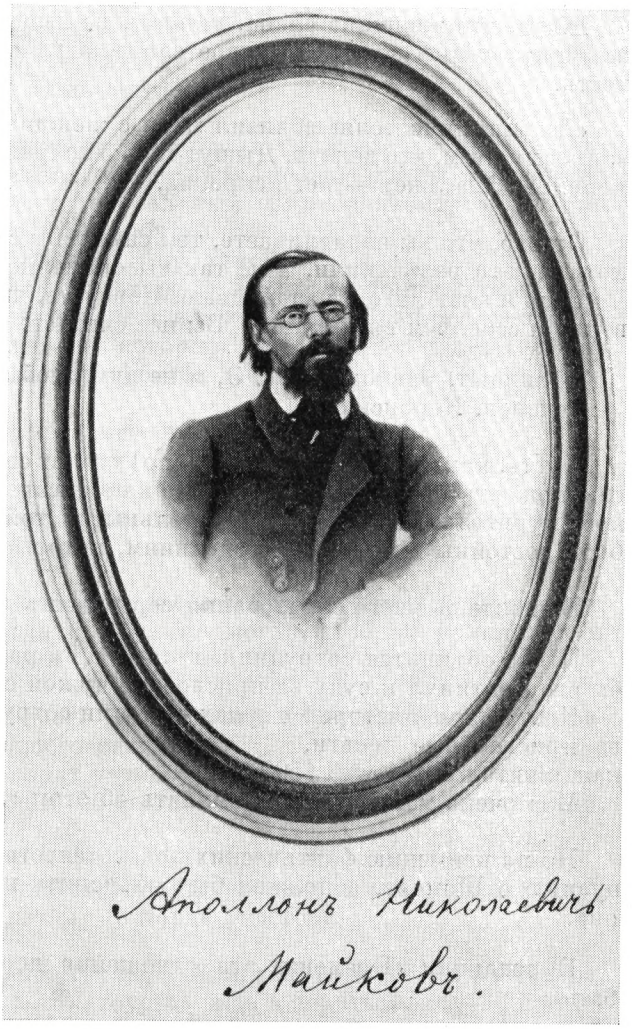
Спиритизм. Ну две случайности, и того довольно, для разрушения веры, потому что я не хочу верить. Совершенно обратно с теми, которые хотят верить, гадание в карты.

Спиритизм. [Ком] Победоносцев. Но почему не говорить. Общественное зло. Комиссия с пружинками. Не поняла общественного зла. Главное бы утилитарную цель преследовать, а теперь, кто вам поверит (с точки зрения одного лишь мелкого плутовства. Даже не заблуждения, не желания заблудиться). У Майкова нет пружинок. Я сам у Вагнера 7 раз, нет, я не отбивал сам, не налегал пальцем.

Комиссия не домыслилась до самого простого факта(церебрации———)

Когда я пошел к Аксакову,— странное ощущение нехотения верить Учтивость возмутила меня (два имени, год ссылки). Под столом органчики. Фома. Математичес⟨кие⟩ доказательства. Подробно впечатление неверия или, лучше сказать,— нехотения верить.

Ничтожность культуры. Сеченов. Жажда чудес. Неизменность понимания. Христианство // и восточные чудеса.



А. Н. МАЙКОВ
Фотография, 1870-е годы
Из коллекции А. Г. Достоевской с подписью ее рукой
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

Гипотеза чертей, Керонский, Майков. Я хотел было рассердиться. Нет, это дело ждет исследований дальнейших, сражаться водвореи⟨ем⟩ не образования, а возбуждени⟨ем⟩ высших интересов — чем праздность. Дух низок. Неужели так трудно подымать дух человеческий. Средина, буржуазия пришла, капитал, купцы.

А ведь я только верю, что спиритизм — явление, не объяснимое одними только проведенными под столом пружинками и непомерною глупостью занимающихся им.

Фома. Убеждение математическое. Оно ничто. Убеждение нравственное важно. Но если убеждены, то какая низменность нравственного чувства, какая низменность нравственного запроса. // А между тем как будто и противуречит низменности. Подъем в запросах, в женщинах особенно. Желание участвовать бескорыстно для дела, для молитвы. Пишут письма, учатся, читают, вникают, требуют разъяснений. Подъем женщины у нас не подвержен никакому сомнению. Мужчины и были шатки, теперь же пуще развратились стяжанием, цинизмом.*

* Мужчины ∽ цинизмом — *над строкой.*

Жаль, что женщина слаба, *устает*, не выносит разочарования. Ценят все более свежее чувство, живое слово, а главное и выше всего искренность.

«Дневник писателя» сблизил меня с женщинами. Я получаю письма и вопросы: о том, что делать. Дышут такою искренностью, глубоко серьезное явление. Она лжет — нет искренна. ⟨...⟩

Оттого, что вы надавливаете, тем самым вы себя и обманываете. Ну вот хоть бы это разъяснили, а не так высокомерно без подробностей.
Ведь я знаю, что я надавливаю. Поверьте, что есть гораздо более недоверия к себе, чем вы думаете. Вы нас считаете за очень простых дураков.

Отрицают, равнодушные. Э, я не думал об этом.
Сеченов. Керонский.

Пусть, как жена Щапова, она [спо] утолит свою грусть и разочарование самопожертвованием и любовью. Не как Писарева, но и та и другая одинаково мучительные явления. Мучительные по той участи, которой обе могли быть достойны и по тем благодеяниям, которые могли бы излить на свет.

В жажде высшего образования серьезность. //

Пусть объявится сотрудник, которого он разорил, или такой, который бы его притянул к суду за присвоение чужой собственности.
Брат не имел историй в судах с своими сотрудниками и с сотрудницами за присвоенные деньги,
как я читал в газ⟨ете⟩ 1500.
Мне очень неприятно напоминать об этом г. Благосветлову.

Но по неимению фактических доказательств, чтоб опровергнуть инсинуацию о Щапове, я должен был объяснить источник, из которого идет она.

В редакции «Времени» эти отношения держались высоко, грязи не было.

Брата никто не мог потребовать к себе.

Потом я читал, как собственник-социалист писал хвалебные вещи о возвышении цены квартир.

Это не слог М. М. Достоевского в обращении с людьми. Слово ер-с он никогда не употреблял. Это не был подобострастный семинарист, начинающий делать карьеру, и наглый, и бесстыдный, когда ее сделает.

«Время» помещало статьи Щапова осторожно, и я наверно знаю, что не особенно за ними гонялось. Напротив, я очень помню, что Щапов сам приносил и предлагал свои статьи редакции. //

Щапов был без твердого направления деятельности. Щапов был человек не только не выработавшийся, но и не в силах выработаться.

«*Дело*» в деле чести не авторитет.

Что ж он был ласков с теми, которым делал добро, и особенно с теми, кому делал добрее, как бывают в таких случаях всегда сострадательные и деликатные люди.

Справиться с матерьял⟨ом⟩.
Расширить взгляда своего он никогда не мог, европейского образования не имел и бродил в нем лишь ощупью.

Сделали бы это многие, даже из наживших капитальные дома [с кв] своим либерализмом? даже из тех, может быть, не сделали бы, которые до того прославились потом своим либеральным направлением, что нажили из-за него капитальные дома в Петербурге.
Ну не нелепость ли это? Взываю к публике.
Деньги вперед,— это будет согласнее со всеми воспоминаниями и со всеми свидетельствами о том, как велось и издавалось «Время» и какой тон был в редакции, свидетельствами, которых, повторяю, и теперь можно набрать довольно, если очень понадобится, несмотря на 14-летний срок.

Сущностью передачи этих двух мировых поэтов* //

Это лебезнятничество — не желая давать ему в руки денег.
Я не узнаю в этом разговоре брата, а потому заключаю, что и все не так происходило.

«Время» издавал не я, в денежные расчеты брата я никогда не входил, но я уверен и знаю,— никогда и быть не могло, чтоб он уклонялся от уплаты под разными предлогами.

Спиритизм.— Не то поражает, что они этим удовлетворились, а поражает низменность уровня нашего развития.
Спиритизм. С духами говорят учтиво, да еще на французском языке, как будто они какое-то высшее общество. Право, в сумме впечатлений, может быть, было и это.

Не реальному, а идее, одна сторона треугольника менее суммы двух прочих, тут и не верить-то нечему (о лорде Редстоке).

Христос — 1) красота, 2) нет лучше, 3) если так, то чудо, вот и вся вера, засим уже проповедь Иоанна Златоуста, аще в девятый час — помните.
Обратно теперь математические доказательства, чуть волосок и неверие (без поднятия духа и умиления).

Это уже восторг, исступление веры, всепрощение и всеобъятие. Крепко обнимемтесь, поцелуемтесь и начнем братьями.
Где, смерть, твое жало, где, аде, победа? (9-й час занялся, если ты был Нерон глумитель.) Хоть иерарх берет на себя разрешение почти как бы невозможное, но это от проникновения духом Христа, объявившего проклятие блудникам и тут же простившего блудницу, и то и другое верно.

Ничтоже сумняшеся.

Ну поколеблете вы эту веру позитивистическими доказательствами?

Ведь я знаю, что выше этой мысли *обняться* ничего нет; что вы мне с вашим позитивизмом дадите мне взамен. Тогда пойду за вами, когда дадите мне лучшее. А пока от вас еще этого не видно. Вы только головы рубили и еще хотите рубить...

---

* *На полях слева*: Замечат.

И вдруг низменность спиритизма, постучать. Нет, тут же низменность общества. Где же весь этот реализм, позитивизм, студентские движения, куда все это делось.

Скажут: что вы, ведь это только уголок. Да, но в этот уголок все сбежалось, *всякое*. //

Страница 31.

Апрель. *Глава первая*. 1) Идеалы растительной стоячей жизни. Кулаки и мироеды. Высшие господа, подгоняющие Россию. 2) Культурные типики. Повредившиеся люди. 3) Сбивчивость и неточность спорных пунктов. 4) Благодетельный швейцар, освобождающий русского мужика. *Глава вторая*. 1) Нечто о политических вопросах. 2) Парадоксалист. 3) [За умершего]. Опять только одно словцо о спиритизме. 4) За умершего. //

«*Новое время*», № 56. О спиритизме.

Почему все русские, культурясь в Европе, даже министры, даже с императрицы ⟨начиная⟩ всегда примыкали к тому слою европейцев, который был либерален (к левой стороне) и сам отрицал *свою же культуру*? * Не сказалась ли в этом русская душа, которой европейская культура была всегда, с самого Петра, ненавистна и сказывалась бессознательно даже чуждою русской душе. Мало того, те, которые были наиболее русские чуть⟨ем⟩. Вот почему мы и примкнули к революционерам, желавшим свое же разрушить. Об России же заключили по ошибке, тогда как в России мы естественно должны бы были стать, напротив, консерваторами, ибо порядок русский был иной и обратно противуположный, но мы сочли одинаково варварским. Белинский, например, по страстно увлекавшейся натуре своей, примкнул прямо уже к социалистам, отрицавшим уже весь порядок Европы, и если и прилагал то же к России, то лишь не зная ее. И действительно, он мало или, лучше сказать, предрассудочно понимал Россию и чрезвычайно мало знал ее. Знал Россию фактически, хотя ужасно многое постигал инстинктом, предчувствием.

Надо заметить, что весь европ⟨ейский⟩ порядок он прилагал прямо к России, не задумываясь о различии, и вот в этом его различие с славянофилами. Кроме того разница с славяноф⟨илами⟩ та, что не в народе обновл⟨ение⟩.

Он видел только порядок. Но народ любил, и только вся разница его с славянофилами состояла в том, что он не возлагал на народ надежд обновляющих [сам], тогда как славяноф⟨илы⟩ не только видели самостоятельные обновляющие начала в народе, но уже проницали и те пути, которыми может пойти возрождение России в народном духе. Путям этим Белинский не верил, а главное, мало их и изучал. Да и славянофилов-то, кажется, мало читал. Как бы в отчаянии он стал ожидать всемирного уже обновления от начинавшегося социального движения в Европе и страстно увлекся им. Тем не менее серьезностью своего отрицания цивилизации совпал, отрицая Европу, соприкоснулся с славянофилами, хотя и с другого конца. Чтоб пояснить это любопытное явление русской жизни, прибавлю, что Белинский был несравненно консервативнее русский, чем Гагарины. Тем не менее, примкнув к *крайней левой*, бессознательно выказывал крайне русского, и уж гораздо тем самым близок стал к славянофилам, чем те наши тогдашние западники, которые до того боготворили Запад перед Россиею, что перешли в католичество (к правой стороне).

Такие западники действительно были: именно из высших помещиков.

---

* *На полях слева*: Авсеенке

Они и теперь есть. Эти уже совершенно* стали не русскими, а европейцами, но характеристическая** черта их, по которой их всегда можно было знать, это та, что, примыкая в Европе и становясь европейцами ***, они тотчас же примыкали к край⟨ней⟩ правой, т. е. теряли уже последнюю русскую черту, теряли русское чутье. Те же, повторяю, которые примыкали к левой, к крайней левой Европы,— те все сплошь оказались и заявили себя тем самым русскими, отрицавшими европейскую культуру и имевшими к ней природное отвращение. Белинский, например. Но сказаться русским еще было мало: отрицая Запад, они не знали, что они русские и третировали себя еще ниже Запада. Этот слой продолжается до сих пор, они-то и суть западники в противоположность славянофилам, которые выжили в себе потребность и сознательно научились не отрицать Россию.

Займемся ими.

Шатость их и т. д.

— Социализм.

— Православие.

Здесь остановлюсь, ибо длинная тема, успеем. Но что принесли из Европы. Политическ.

Славянофилы, которые отрицали западную цивилизацию, взятую как идеал России ****.

Если же они и об России так заключали, то это потому, что еще тогда об России было им некогда думать, решали вопросы иные. Думали об России славянофилы.

Миллер провозгласил славянофильское учение народным. А я выдумал примирить славянофилов с запад⟨ника⟩ми. На первый раз даю тезис.

Если б они больше были знакомы с Россией, то стали бы славянофил⟨ами⟩. Но до сих пор это незнакомство продолжается. Слав⟨янофильское⟩ учение до сих пор неизвестно, хотя к нему примкнут.

Говорят про русских в Европе европейцы, что все они сплошь революционеры, между тем они революционеры только в Европе, и если бы сумели отнестись к себе сознательно, то в России эти революционеры должны бы стать консерваторами (причина — малое знакомство с Россией). Они и Россию принимают за ту же Европу.

Ибо православие даже менее обрядно, чем штундизм. Кончат посудой. Редсток тоже.//

Какую несем драгоценность народу.

«Новое время», 24 апреля. Суббота, № 54. О пьянстве Щапова.

Несем идею высшую чем только прожить (см. laissez-faire)

Какую [и] несем драгоценность? И скажут народы: нет, их идеал лучше. Православный [народ] Христос лучше, чем тот, который согласился в Испании на инквизицию. А почем вы знаете, понимал ли это Петр. [В великой душе]. Если и не понимал вполне, то [чувств] предчувствовал, в великой душе должны были быть и великие предчувствия. Жаль, что судьба должна была дать ему слишком грозную душу. Антокольский и белоручка Петр.

Кончить проповедью Златоуста: Аще в 9-й час и т. д.

---

* *Выше между строк*: все западники к правой — становились немцами. Все к левой — остались русскими, многие к славяноф⟨илам⟩.

** *Над строкой*: любопытно, что скорее к католичеству, чем к лютеранству

*** *Над строкой*: напротив, все те, на которых цивилизация действовала разрушительно, разрушая в них русское

**** Славянофилы ∞ России — *сверху и сбоку на развороте двух листов.*

Сильное №. Вот почему славянофильство кажется учением как бы эгоистическим, т. е. что спасут мир русские. Да, но с другого конца, не вбирая в себя личность, а напротив, признавая все личности, но лишь *указывая идеал* (всемирной души, *женской*).

Письмо помещика — эта молодежь недоумение. Они должны бы были быть славянофилами, т. е. всепримирением брать, а не проповедовать, что чем хуже, тем лучше, и будь моим братом или голову долой. Так же *Тернер* и *Янышев* только недоумение.

Православие, государственность, но православие-то и есть вера, про которую сказано: не знаете, какого вы духа.

В моей идее: во мне драгоценность и спасение человечества, думает немец, неужели нет? Не во мне, а в идее моей, думает русский, будь всем слуга, все признай хорошее, единение. Вот моя *личность* (трезвость нужна) — гражданин света.

Г. Тернер говорил, как иностранец.

От⟨ец⟩ Янышев чиновник.

Обязанность русского та. //

Майский №	Игуменья Митрофания	
Ответы на письма	* Спиритизм 1).	Византийская история.
Каирова ⟨...⟩	2) Женщины.	Крайняя левая.
	* Воспитательный дом, аффект.	Драгоценность народу.
Левая.	* Женщины.	Спиритизм.
Демос доволен.	* Письмо о идущих в народ ⟨...⟩	Женщины.
Аффект. Воспитательный дом.		Воспитательный дом, аффект.
Женщины.	* Мечтатель.	1) Мечтатель.
Спиритизм.	* Язык и отец.	2) Каирова.
Драгоценность.	Крайняя левая европейцев.	
Расширение.	* Шатанье людей. Драгоценность народу. Политическая, если будет что-нибудь.	

«Голос», 28 апрел⟨я⟩. Смерть унт⟨ер⟩-офицера Данилова.

Юбилей Петрова (еще прежде около 25 числа).

Дело Каировой. Заключение в «Новом времени», № 60, пятница, 30 апреля.

Аффект! Помилуйте, все так можно сказать, каждое впечатление аффект. А кто знает границу (какие такие эксперты?), где можно положить нормой, что уж за этой чертой аффект безответствен. Да всякое приключение аффект! Восход солнца — аффект, взгляд на луну — аффект, да еще как! Наклонность // к лунатизму значит.

Обварила ручку ребенку, значит аффект, надоел очень, нервы расстроил. (В семье, дескать, пьяницы были: да у кого не было в семье пьяниц.)

Главное, ученье о среде. Есть ведь черта среды.

Кто жалеет губителя, тот не жалеет жертву. Дойдем до того, что не только оправдывать будем, но хвалить. «Протестовала, дескать».

Купила заранее бритву. Как же необдуманно? Без аффекта, обдуманно. «Нет, не нанесла ударов» (присяжные). Кто же их нанес? Домой. «Она сама себя высекла».

* *Слева помета*: ? *и* + [*крестик*].

У нас журналы хвалят такой приговор.
Всегда будут протестовать во имя здравого смысла.

Что такое за эксперты в душе человеческой?
Какая такая эта наука, которой можно выучиться в университете? Не много ли приписывают? Наше предрассудочное невежество непросвещенной и отвыкшей от рассуждения толпы и средины.

В системе уголовных наказаний:
Извержение из общества всем миром (единственное наказание, хоть без истязаний) и непременное возвращение в общество, если будет достоин, чтоб не оставлять души в отчаянии,— вот принципы, которые надо бы принять непременно. Другое дело их организация — это великий будущий труд. Но думаю, что два эти принципа разрешил как русский человек.

Удаление от общества необходимо для *правды общественной.*

«Новое время», № 64, вторник, 4 мая.
Буйство Иероглифова у Базунова. //

Г-н Григорович, представлявший собою об⟨учившегося⟩ * русскому мужику иностранца. (Сей иностранец в русской народной жизни, считавшийся некоторое время за русского.) Точно так он теперь и искусству.

«Новое время» № 66, 6-го мая, о женском вопросе.

Штундизм (прозелитизм). «Новое время» от 12 мая, ждет хлыстовщина и тогда обессилит.

NB. Контингент священников и монахов. Убеждения. Тернер и Янышев.

Когда с попов сословность слезет, тогда уничтожатся и секты, и атеизм, ибо контингент атеистов все-таки дает духовенство.

Сословность — отвлеченность, социализм.

Петр Великий. Великие души не могут не иметь великих предчувствий. Петр не мог не быть западником, но вряд ли он был в таком тесном смысле, как петербургский западник или иезуит Гагарин. И если б увидал славянофилов, наверно бы их понял, взял бы Хомякова и Юрия Самарина и сказал бы, вот птенцы моего гнезда, хотя, по-видимому, они и против меня говорили. //

Этот аристократ был в высшей степени русский аристократ, т. е. не гнушавшийся топора. Правда, он топор брал в двух случаях, и для кораблей и для стрельцов.

Империя, после турков, должна быть не всеславянская, не греческая, не русская — каждое из этих решений не компетентно. Она должна быть православная,— тогда и все понятно.

К шатанию. Тернер.
С православием мы выставляем самую либеральную идею, какая только может быть, общение людей во имя общения с будущими несогласными нам.

---

* *Первоначально*: научившегося

Каирова.— Но присяжные могли это вынести, зная твердо, что не могут дать другого решения. Русские самый терпеливый народ в свете, а русские присяжные заседатели в особенности. Наши присяжные все вынесут, даже Утина. Довольно бы было и одного прокурора Случевского. Кстати: г. Утин начал свою речь с благодарности прокурору за то, что защитил Каирову. Г-н Утин не захотел только быть вполне оригинальным, а то бы ему следовало, выслушав блестящую защитительную речь прокурора, прямо начать обвинять Каирову. Я не думаю, чтоб присяжные очень удивились.

Но или она была в аффекте, или поступила так, «как бы мы все поступили». Что ж, надо всем быть безумными? Безумие, то и похвально? *

Развязн⟨ость⟩ и безум⟨ие⟩, вероятно, в натуре. Этого не было, но по газет⟨ам⟩ отчасти получается именно это впечатлен⟨ие⟩. Утин.

Милосердия сколько угодно, но не хвалите поступок: назовите его злом.

«Наконец, надо быть милосердным» (не по одной обязанности). Жалеть Каирову и смеяться над Великановой — не значит проявить милосердие.

Ручки-ножки — чудовищное слово! Самое обыкновенное слово. // [Да ведь вс] //

Наши поверенные и заседатели (и суд, кажется, тоже) предполагают кажется, что когда идут резать, то бывают хладнокровны.

Кто жалеет обидчика, тот не жалеет обиженного.

Застань Великанова Каирову и порежь ее бритвой, и мне сдается, что, кроме грязи и каторги, она ничего бы не добилась на суде, в своем ужасном качестве законной жены *

Возлюбила много. Я уверен, что г. Утин чрезвычайный христианин, но, однако, Христос вовсе не о такой любви выговорил свои вечные слова, и такая инсинуация несколько гадка. Несмотря на то, что простил во храме (пред страданием) и такую любовь, [но] но такую любовь, про такую любовь он прямо сказал: иди и впредь не согрешай. **

Да ведь вы же сами сказали, что Великанов человек невозможный *** и что факт любви Каировой всего пуще свидетельствует о ее безумии. Как же вы удивляетесь после того словам Великановой: ручки-ножки. С невозможным человеком и жить невозможно. Ну раз говорят ⟨2 нрзб⟩ реви потом

Великанова расположилась в чужой квартире. Я понял лишь, что Великанова расположилась у своего раскаявшегося // мужа, который ее же и призвал. Но ведь ниоткуда не следует, что Великанова рассчитывала, что Каирова заплатит и по ее приезде. Я так понял, что как только приехала Великанова, то и квартиру оставила за собой. Тут ей трудно было распознать, кто платит: муж или Каирова? Муж звал к себе, значит муж и квартиру оставил за собой, тем более, что Каирова удалилась, и муж уверил, что Каирова удалилась.

Но Великанова через две недели играла. Для чего это замечание? Или г. Утину жаль, что ее не зарезали? Нельзя сказать, что Великанова

---

* *На полях слева*: Утин

** Несмотря ∽ не согрешай — *над строкой.*

*** *Над строкой*: до того

мало вынесла: она вынесла чувство смертного страха, страдания. Вообще минута не совсем была привлекательная. Мне вот жалко, что Каирова сидела 10 месяцев, но за что же я стану бранить Великанову? И сказать, что она одна пострадавшая,— слишком сильно. А в вину Великановой нельзя ставить. Выбросила падчерицу. Девочка спаслась чудом из 4-го этажа, неужели это оправдает мачеху? «*Новое время*», № 73, 13 мая.

Я только робко осмеливаюсь сказать, что зло надо было назвать злом, а не подвигом.

Каирова, все эти бритвы могут быть очень симпатичны. Не люблю всех этих любвей без долгу. Ложь и фальшь. Противно. Т. е. не любви, а все, что из этого выводят, и факты, бог с ними, все грешны, а я не судья.

Воспитательный дом (падчерица из окна) *. Обваренная ручка из самовара. Воспитательный дом — долг. Аффект страшное слово. Среда заела — неужто избавляет от долга. Но в долге больше блаженства, чем весело жить с интрижками, имея под боком воспитательный для последствий. Но еще блаженные с интрижками, блаженны. Эти страстные натуры — самоубийцы.

Конечно, весело дать роспуск всем своим способностям и, так сказать, насладиться жизнью. Я помню симпатичный план писателей французских 40-х годов, которые предлагали учредить, так сказать, сатурналий, чтоб возвратить все отнятое у тела долгими веками монашества. Ужасно странно и то, что эти же писатели изображали монашеское житье и монаха не иначе, как в виде жирных красных парней с бутылкой в руке, с клубничным перемигиванием с как⟨ой⟩-нибудь красоткой, так что трудно представить, что такое у человечества было отнято. Правда, было несколько аскетов во всех землях и во все века, но ведь так немножко.

Карикатуры бесспорно заслуженные. **

Начало романа. Мечтатель. Два критика. Но я не вправе писать роман: за мной две статьи. Но я не буду писать, о чем обещал. Скажу лишь про русских европейцев *левой* и *правой*. О идущих в народ (письмо). И что мы несем народу? Расширение мысли. Православие. Кстати, Те⟨р⟩нер. (Самарин. Речь Миллера).— Каульбах и проч. Константинополь и православие. (О шатости же и почему народ выше — до другого раза.)

Еще о спиритизме.

О женщинах.

Читал письмо о барышн⟨е⟩, кончив⟨шей⟩ самоубийством. Нет высшего сознания жизни, т. е. сознания долга и правды, что единственно составляет счастье. И как она устала, о как она устала, какое матерьяльное понимание в счастьи, распределение денег. Придут *быть*. *Как противно.*

Через христианст⟨во⟩, напротив, сознал⟨и⟩ многие, что в душе правы, в христианстве действительно сознали, что в нравств⟨енном⟩ долге идея.

Воспитательный дом ***. Вознаграждение детей образованием, профессией, правами, поднятием духа (а то их презирают, они стыдятся, оттого дурные). Любовь к отечеству.

Да, но соблазн для законных. Правда, вы законные, из 4-го этажа, ручка из-под самовара.— Но возвысить идею и о законных. Государству надо

---

* *На полях слева цифра* 6, *обведенная кружком.*

** *На полях слева цифра* 5, *обведенная кружком.*

*** *На полях слева*: Воспитательн⟨ый⟩ дом

понять, что дети принадлежат не одним отцам. Проповедывать мысль о взаимных тяготах.

Отучать от науки, от гражданств.

длинным периодом чинных генералов и запрещенных книг с умом неприготовленны⟨м⟩, без познаний. //

Войди в дом мой. Все это прекрасно.— Может быть, мечта? Какая же мечта, если наши присяжные не признают преступления.

Но зато Каировы ненавистны.

Утин. Кощунство. Если б он наивно сказал, было бы только невежество и грубое понимание Христа — и более ничего. Но г. Утин тут же прибавил: если б не кощунственно. Значит сам знает, что это не подходит. К чему же сказал? Конечно, захотелось пошутить над своей же клиенткой Каировой,— плоская шутка, дурного вкуса, но присяжные все вынесут.

В самом деле, давайте мечтать. Почему государству не дать им полного образования. Убыточно? Нет выгоднее, больше деятелей.

Неужели невозможна мысль расширения мысли о детях как о гражданах. Обязательность образования. Об этом поговорим. А теперь laissez-faire. Промышленность сама сделает дело, даст хлеб ⟨...⟩— Общую бы деятельность направить в новую сторону, государственную, общественную, православную ⟨...⟩ [Но] О шатости поговорим после, // потом. Я обещал * сказать, чем народ лучше нас, ибо в народе нет шатости. Но это в другой раз. А теперь лишь о правой, левой.

Очищается место, приходит жид, становит фабрику, наживается, тариф — спаситель отечества. Да ведь он себе в карман! Нет: он дал хлеб работникам. И вот и все. А государство поддерживает жида (православного или еврейского — все равно) всеми повинностями, тарифами, узаконениями, армиями. И вот и все **. Не такова мысль русская, мысль *православия*. Будь свободен, но неси тяготы всех. Люби всех и тебя любить будут (не из-под палки). Станови хоть и сам. Детей не отнимают у отцов, но пусть отцы проникаются мыслью общения. Детей вместе. Разрушить семейство нельзя. Польза. Прекрасные. *Всеобщий долг* (а не клубничка). ⟨... . Время шатания. *И т. д. Правой, левой.*
«Новое время», № 74, 14 мая. Пятница. // ⟨...⟩

В том же № «Нового времени», № 74, из немецкой брошюры о второстепенности Бисмарка.
Можно ответить какому-нибудь «великому русскому», сделав выписку о Бисмарке, что «иначе вы даже с Бисмарком не сравняетесь».

«Москов⟨ские⟩ ведомости», № 119, мая 13. Статья о *чешских переселенцах на Волыни, о нашем шатании* (как пример). Предоставление им веры и языка из либерализма для того-де, чтоб избежать нелиберального шовинизма.

«Москов⟨ские ведомости⟩», № 119, мая 13. В той же статье о чехах

---

* *Первоначально*: хотел
** *На полях слева*: 153. Здесь *Несколько ниже*: Тернер

свидетельство о том, что наше духовенство и не почесалось обратить чехов, *желавших* присоединиться к нашей церкви. *

«Новое время», № 76. Убийство двух девочек в Киеве в университетском ботанич⟨еском⟩ саду.

Аффект, девочки. Аффект, ребенок, столкнутый из окна.//

Что ж, твердо вы уверены, что не существует такой черты, за которую нельзя переходить в аффекте. Все от среды.
Милосердие — другое дело, но не развращайте народ, не называйте зла нормальным состоянием. **

Для чего не изнасиловать девочек и т. д.
Еще теперь стыдятся и отговариваются аффектом, но скоро перестанут стыдиться. Присяжные поверенные, как Утин, намекают на будущее. Прав, права, так и следует.

«Московс⟨кие⟩ ведом⟨ости⟩», № 120, суббота. Корреспонденции о пощечине Ратькову-Рожнову. ⟨...⟩
О Каировой. Об унт⟨ер⟩-офицере Данилове, о Петрове.
О том, что столкнула падчерицу.

В чем свобода? В том ли, чтоб предаться всем возможным течениям или овладеть собой и своими стремлениями?***//

Застрелившийся в Останкине учитель. «Моск⟨овские⟩ вед⟨омости⟩», № 122, 17 мая.
Каирова. //
Был в воспитательном доме, [сидящи] все дети матерей, сидящих на ступенях дач и точащих бритвы на своих соперниц** **. Искривленья пошлых чувств; сами не зная, надо ли убить или не надо.— По-моему, если б она наверно знала, что убьет, было бы лучше по твердости понятия и решения, тогда как, зная ненаверно, выходило одно лишь баловство, из амбиции, из сладострастия. из ненависти.Что вы думаете, что я это презираю? Нет, я знаю, до чего это может довести, безначалье вне вас, в внешнем законе (ибо общество есть закон, не говоря уж о казенном законе) и безначалии внутри вас, но все же *это грех*, не говорите, что так и *надо*, не провозглашайте *безответственность*.—Но о воспитательном я потом ⟨...⟩

Но наша шиллеровщина мне нравится.

Дети общие.//

Каирова и воспитательный дом.
Аффект.
Письмо о молодежи в народ. Правой, левой. Колебания. Левой — ближе к славянофилам Белинский и Боборыкин. Боборыкин о моем лиризме. Да ведь отрицая же себя. А ты не только отрицая, но еще веруя, что послужил и европейскому человечеству. Об этом в следующем №.
О женщинах.
Спириты.

⟨...⟩ О чехах, о православии.

---

* *На полях слева*: Семинаризм
** *На полях слева*: зде⟨сь⟩ Утин
*** *На полях слева*: Каирова Утин
**** *На полях слева цифра* 3, *обведенная кружком.*

Тернер.— Пусть католич⟨еские⟩ церкви на Невск⟨ом⟩ просп⟨екте⟩ так и остаются, но чехи. Обратить их надо.

Драгоценность народу.

О женщинах.

Спасение от образования и от женщин.

Спириты.
Возьмите вопросы о ⟨...⟩ лесоистреблении, шатании, в народе покамест нет, об этом после (и потом, что несем народу), а пока лишь соображение: правой-левой, но Белинский не знал России, об этом потом, а теперь корреспонденту о молодежи, оптимизм, пройдет пора шатания, образование, женщины.
Спиритизм.
Сами излечатся от народа.

Космополит. Так как я вижу, что нет космополита, кроме русского, стало быть это существенная черта русского, вот его и особенность.
Духовное единение. Православие. Взамен матерьяльного единения, силой католичества, римского единения.

А славянофилы-то и космополиты уж и начинают с того, с уничтожения исключительно русской идеи, сравнительно со славянством. Но ведь славянство лишь первое собирание. Оно расширится на всю Европу и мир как христианство. Вы смеетесь над православием, а вот редстокисты, увидите, кончат-таки тем, что будут плясать около чана и есть каждый из своей чашки, штундисты тоже. Это свойство человеческого.— Я очень рад, что написал это. Может быть, очень близкие потомки доживут до этого и вспомнят.

Но не уничтож⟨ение⟩ России, а смирение мысли России.//

*Воспитательн⟨ый⟩ дом.**
Когда будет тот первый момент, когда эти дети узнают, что они *не обыкновенные дети.* Должно быть, и нет момента, с 1-го мгновения от нянек. Узнают, что они *хуже всех.* Почему? Это (уж долго спустя), но не очень: потому-де, что отец твой и мать бесчестные. Почему бесчестные?
Чувства. Средина и бездарность подла. Верхушка.
Злодейство или благородство, или и то и другое вместе. Вот где героя романа взять. У Victor Hugo — enfant trouvé**, сыщик.—*Конечно*, все эти бритвы на лестницах симпатичны, но...

Чистота не мешает, особенно у нас, особенно у детей. Или стушеваться в ничтожество. Но не превозносить. *Везут гроб.* Почем вы знаете, взгляд, слово не вредило ли? и проч.

Зло — злом
...Надобно было уничтожать причины преступлений (среду). Но не в одних причинах преступление, не в среде.
Не уничтожайте личность человека, не отнимайте высокого образа борьбы и долга. Об этом много еще будем говорить.

Петр Великий хлопотал о ближайшей пользе, но мы не знаем его предчувствий.

---

* *На полях слева цифра* 1, *обведенная кружком.*
** подкидыш *(франц.).*

Н. Н. СТРАХОВ
Фотография, 1860-е годы
Из коллекции А. Г. Достоевской с подписью ее рукой
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

В жизни его мечтательн⟨ость,⟩ ригоризм ⟨?⟩, с вопросами философскими он не мог быть знаком.*

Средства определяют обстоятельства дела. Червонный валет или отец, укравший для голодного ребенка.**

Беспрерывно говорит: любила как свое творение? Да что же она из него сотворила. Детские слова.

Судя по такой защите, вот что может померещиться публике, что будь на месте Каировой Великанова, то каторга, тогда как, может быть, было бы не так.

Может быть, глубокое христианство внушило г-ну Утину эту мысль, а вышло совсем не то. Это юнкерская мысль. Юнкера действительно полагают, что Христос, говоря о том, что возлюбила много, подразумевал вот именно эту самую клубничку.

---

* В жизни ∽ знаком — *над строкой.*
** *На полях слева*: Речь Утина

Эта ночь, это точение бритвы тяжело.

К тому же почти наверно можно сказать, что она не знала, что делала. Т. е. аффекту я не верю ни на грош, да и никто, я думаю, но не знала, кончит ли? Раскольников, опустивший топор. Правда, гадко. Но все же возбуждает глубокое сострадание. Но Утин разрушил все, перешагнул меру. Он сказал, так должно. Самое-то падение человека возбуждает сострадание. Что ж, ведь она была не жена. Корреспондент-то прав, никакого удержу. (выписка) * Это все равно, что так должно.

Бремена тяжкие. Правда, ее оправдали и оправдали бы наверно, но зато она мучилась.— Может быть удовлетворено чувство справедливости.

Но ведь тот же Великанов, столько вравший, мог не соврать, что платит он или что теперь платит он, а что постель его.

Родится, бьется, кричит, заявляет право существования, как будто и имеет его. А его в нужник.

А тут еще явится адвокат, что возлюбил много, я не про господина Утина теперь говорю. А кстати, если б убила Великанова — каторга.//

Один столбец политики. Султан.

Православие и славянство. Константинополь как столица России не мыслим, а Константинополь как столица православия должен. Православие и Россия как старший элемент его.

«Голос», № 138, среда, 19 мая**. Об «Идиоте» — в ответ L, на его рецензию «Парадоксалиста», [кусо] У вас, господа, вместо сердца кусочек чего-то казенного.

То, что нет преступления,— есть один из самых грубых предрассудков и одно из самых развращающих начал.

Рассказ Алчевской насчет мальчика, зарезавшего за 10 000.

Воспитат⟨ельный⟩ дом. Известно, что приобретаются ужасно сложные идеи у младенцев, и процесс этот неуловим. Так что нам нечего гордиться нашим умом. *Каспар Гаузер.****//

Слова Велика⟨новой⟩ ручки-ножки.

Да у вас, господа, в семействе, несмотря на всю вашу благовоспитанность, не бывало таких слов.

Фальшь преследую.

Но г. Утин расходился и похвалил преступление.

Если уж блистать гуманностью, то можно бы быть гуманным и к Великановой (да и смешон, груб этот прием).

Политика****. Мурат. Франции дорого продать. Рано. Мешает многому Австрия.

Константинополь, что ж, столица греков, надо раздробить, ибо с славянами передерутся,— без России не обойдется.

Столица православия. — Великорус.

Беспорядки в Турции, в которых Англия, не зная, что делать, вероятно, примет свою традиционную политику поддержки Турции изо всех сил. Но эта политика невозможна без союза с Францией. Придется

---

* (выписка) — *над строкой.*

** «Голос» ∞ 19 мая — *на полях слева.*

*** *На полях слева цифра* 2, *обведенная кружком.*

**** *На полях слева повторено*: Политика

соблазнять Францию. Решение Франции все значит. Найдется ли во Франции голова, чтоб суметь подороже продать себя.*

Захочет ли Бисмарк отступиться от того, чтоб восточный вопрос очутился в Берлине. //

Аплодисмент.— Суд не может не быть для определения, что зло, что добро, для единства мысли и определ⟨ения⟩. Наказание же может быть изменено.

Удалять других обязано, исправлять, переделать трудом, желают страдать.

Кто знает, впоследствии, ты не прав, брат наш, иди от нас. Пусть принимают его в другой общине или в другом даже народе. Но и это и все смешно фантастичны.

Расписание 21, 22 ⟨мая⟩ — Утин.
23—24 — Среда.
25 — Воспитательный дом.
26—27 — Рассказ Алчевск⟨ой⟩ и пр.
28 — 2-й корреспондент. Молодое поколение. Начало и Турция.
29 — Турции конец.

Демос. Даже в Англии, даже в Америке вы найдете склад общества более обособленный, более аристократический, чем у нас. Я только про шатость и что несем с собою и т. д.

Да и все почти г. Утин преувеличил, я не желаю говорить худое; сна слишком несчастна. Возлюбила много. Если бы отнесся к делу гуманнее, то был бы обдуманнее, был бы обдуманнее, не сказал бы такую глупость. А кстати юнкера.**

От избытка юнкерских (казарменных) сил при взгляде на женщину.

Юнкеров, гимназистов, кадетов.

Так что как бы оправдал. Это кажется у них (подкрепляет) от излишних избытк⟨ов⟩ юношеских сил.

И старших надзирательниц, говорящих даже по-французски.***

Воспитательн⟨ый⟩ дом. Тяжеловесность. L — насчет войны.

Я⟨:⟩ просто что не стоило сохранять.

Наказание. Почем знать, может быть, суд решит, ты виновен, брат, и он обнимется с нами. //

NB. *Правой-левой*, или в самом высшем свете, или в нигилистах — одно *явление*.

Воспитательный дом. Дуня, ножка, хоть бы мать ей за это. И с каким благоговением вы смотрите на эту грудь, няню, любовь — за их материнское чувство, и — какое омерзение Каирова. Нет, в нашем обществе еще много сантиментальности и ложных понятий (ложных взглядов).

Мне взгляды эти ясные баб понравились, точно они *своих* ведь держут. Матери.

Май

Глав⟨а⟩ первая. 1) [Отрывок из письма] Из частного письма. 2) Областное новое слово. 3) Суд и г-жа Каирова. 4) Г-н защитник и Каирова.

---

* *На полях слева:* Рано!

** *На полях слева*: Утин

*** *На полях слева цифра* 4, *обведенная кружком и*: Воспит⟨ательный⟩ дом

5) Г-н защитник и Великанова. *Глава вторая.* 1) Нечто об одном здании. Соответственные мысли. 2) Одна несоответственная мысль. 3) Несомненный демократизм. Женщины.

Женщины.

Воспитательный дом. Другой корреспондент. Демос. Демос (Алчевск⟨ая⟩). Об шатании нашем. Об нем поговорить, я обещал, что несем, а теперь лишь мысль сообщу: правой, левой. В правой-левой, по Боборыкину.

Шатость, которой нет в народе, несмотря даже на Киликинскую волость. Что несем, несмотря на шатость, а теперь лишь правой-левой.

Где мои спириты? Наобещали слишком. //

К нашему шатанию. «Новое время», № 82. Суббота, 22 мая 76. Выписка из «Церковно-общест⟨венного⟩ вестника» о штундизме и Редстоке.

NB. Неученое, грубое неверие лучше ученого тонкого.

NB. Киликинская волость. Оренб⟨ургской⟩ губ⟨ернии⟩.

К нашему шатанию. О том, что боимся наказывать преступника. Преступление есть болезнь (будто бы), Суворин. Обиженная дама у Палкина. Полицейские боятся потерять свое достоинство. Били и толкали городового. Чуть не били и толкали участкового пристава (помощника).

Убийство двух девочек в Киеве.

К шатанию. Тернер. И о «Церков⟨ном⟩ общ⟨ественном⟩ вестник⟨е⟩», похвала Редсток⟨у⟩, за бога неверующим. //

Июньский №.

Ответ критикам L. Преступление и наказание. Рассказ Алчевской и проч. Женщины.

Ответ корреспонденту о демосе (в народ). Киликинская волость.

[Правой-левой]
[Турция, роль России] Шатание.
Роль России.
Memento. Заехать к князю Голицыну.

Почему умерла Писарева? Утомила бабочная специальность. Ехала получить образование, расширить мысль и втюрилась в бабки. Усталость, апатия. Живая натура. Не вытерпела и разочаровалась. Прокляла.

27 мая (8 июня) умерла Жорж Занд, великое, прекрасное имя.

«Новое время», № 88. Суббота, 29 мая, биография Жорж Занд.

В том же № наши газеты о востоке, о войне и о взятии Константинополя.

Карамзин. Шидловский.

Жорж Занд. Моя юность. «Фауст» Губера. «Ускок». Училище. Человеколюбие! Венеция. Социализм. Жорж Занд прежде всего в нашей ссылке. Человечество.//

Мать.
Была собственница.

По обыкновению всех до единого социалистов, отрицающих собственность вообще, но владеющих сами хоть какою-нибудь собственностью— Victor Hugo, Herzen, Ж. Занд и проч., тогда было не то, это впоследствии пошел ряд обучившихся русскому мужику писателей.

Заронить прекрасное в душу. Она не знает. Картины, Мадонна. Егор Занд, не верила.— Нечто честное, твердое, не отдам идеи.

Идеалистка по преимуществу.
Обучившиеся русскому мужику иностранцы.
Страна святых чудес.

С тех пор явился сор людей дрянных, мы дрянь, так и все пусть дрянь. Почему же мы дрянь? Великого нет ничего, а стало быть, захотеть, и можно стать великим. Буржуа
Осталась тогда одна поэзия, затем уничтожилась всякая наука, и пошли железнодорожники.

Тогда было время беззаветной веры в великое.

Любила аристократию, но основала на совершенстве души человеческой, с которой являлась гордо, не в виде юмора, не в виде Белкина, Горио, или ⟨1нрзб⟩ а прямо ставила цариц.

«Жанна». Шекспир.

Женщины должны плакать и носить траур.

Взяла у нас всего более русской силы (общечеловечности).
Кончить *расширением мысли.*
Нет союзников, все против нас, но *знамые последствия были бы.** Освободили свой народ, освободили бы и другой. Освободители. И у себя бы поставили твердо мысль. Не все ⟨...⟩ банки. Говорю потому, что если не теперь, то очень скоро *придем к толку.*//

Это был поэт буржуазного отложения социального (образованного). Народ не имел поэта. Не облагорожено, без прекрасного.
Кажется, Ж. Занд высказала всю свою мысль до 50-х годов,— прекрасные позднейшие произведения уже не несут в себе какого-нибудь нового слова.
Считали себя выше Христа.
В героинях нет смирения, но есть жажда добровольной жертвы, подвига.

Что значила для Белинского? Общ⟨?⟩ поэт во Франции не то, что у нас. Это несет на все человечество. Такой была поэзия 19-го века во Франции.

Глава 1-я. [1) Смерть Жорж Занда. 2) Несколько слов о Жорж Занде. Глава вторая. 1) Мой парадокс. 2) Вывод из парадокса. 3) Восточный вопрос. 4) Утопическое понимание истории. 5) Опять кое-что в
Опять о женщинах]

«Церковн⟨ый⟩ вестн⟨ик⟩». Редсток.
Лучше грубый атеизм, чем ученый. Кончат атеизмом, а если нет, то станут трясучками и особые чашки.

* *На полях слева*: Здесь

Религия не одна только форма, она все. От отца к сыну атеисты действовали как православные. Вы относитесь свысока к православию. Гибер, архиепископ парижский.

Но какое комическое [над] заявление: Мы-то вот не сумели удержать веру в бога, так хоть Редстоку не препятствуйте. Сами признаются.

Васильев у Редстока.

Либеральное православие.

(На августовский № все соединить вместе и статью о *двоеженстве священников*. И вечный счет доходов.)

«*Новое время*», № 90. Понедельник, 31 мая.*

Статья еретическая из «Церков‹но-› общест‹венного› вестника». О двоеженстве. //

Будущие идеи
Июль — август

Русское самодержавие. Об обеспеченности самодержавия. Все свободы разом и все земские соборы, потому что слишком обеспечена власть. Только у нас одних. Наша своеобразность.— Могло бы быть и теперь, но держится еще наше общество. Не понимает [су] оно сущности русской, ибо оторвались от почвы. Декабристы (западники). Славянофилы *ведут к истинной свободе* примиряя.

Всечеловечность русская. Наша идея. Всечеловечен. Казалось бы, расплылся. Но нет. Он тем-то и в высшей степени единица.— Слить эту статью с драгоценностью, *которую несем* народу.

«Москов‹ские› вед‹омости›», № 134. Воскресенье.

Билетник, выживает старого ветерана. Сообщено «Московск‹ими› вед‹омостями›» из «*Недели*» (*по сему поводу рассказ Маши*).

NB. Я сказал в майском № о демократизме. В том ли демократизм, чтоб поддерживать разврат без удержу и отпугивать капиталы, руки и ум от земли. Вместе с тем истреблять и леса, ибо крестьяне истребляют с остервенением ‹...›—Митрофанушка, все ему няньки, кормят его до боли в желудке, смерть причиняют.

Отвлекают примирение с народом. Он, дескать, эксплуатирует его. Да неужели они не понимают, что будь только деньги у капиталиста, так он и среди всякой бесправицы доведет до эксплуатации. След., если кого наши либералы и преследуют, так это только честных помещиков, земледельцев, которые среди народа могли бы послужить к его же силе и просвещению. // О не [смущайте] развращайте народ бесправицей. Наше время вроде смутного времени при междуцарствии. Скажут мне: А что же вы кричали про народ и пели ему дифирамбы? Вот [признал] признаете же его собакой и канальей? Врете вы, я же его и люблю, коли хочу спасти от разврата, а вы-то вот и губите, *было бы у вас либерально. Стало быть, вы эксплуатируете народ, развращая его, для либерального вида ваших газет.* Что будет с Россией без лесу? Положение хуже Турции. ‹...›

О том, что литературе (в [нашем веке] наше время) надо высоко держать знамя чести **. Представить себе, что бы было, если б Лев Толстой,

* *На полях слева*: «Нов‹ое› врем‹я›»
** *На полях слева*: Идея

Гончаров оказались бы бесчестными? Какой соблазн, какой цинизм и как многие бы соблазнились. Скажут: «если уж эти, то... и т. д.»
То же и наука.

NB. [Стр.] Это бы по поводу Струсберга и процесса банка в Москве.//

Восточный вопрос. Православие, драгоценность народу. Всем слуга. Это от православия. Православие не католицизм (различие), не лютеранство (гимн победе), не секты (чашки, и сегодня меня возьмут на небо), а в православии всем слуга, всех утешает, всем помогает, все личности сохраняет, а не глотает, не будет фабрик. Всеслужение всем — расширение взгляда, драгоценность народу ⟨...⟩. //
Но идея не созрела. Славяне не понимают. Она лишь в России. И потому мы должны лишь служить славянам и облегчать их участь, а там как они хотят: примкнут или нет к федерации, все равно.
Федерация всех славянских земель, но Константинополь русский (знамя). Столица православия.

«*Новое время*». Четверг, 10 июня, № 100
Приведена в Политическом обозрении моя фраза о «ключе в шкатулке у кн. Бисмарка», но так, как будто это сказал не я, а кто-то другой. Иметь в виду.

«*Новое время*», № 103. Речь Робера учительницам (народным) в училище Максимовича, [при] на выпускном экзамене.//

Одно из сравнений. Тарантул, забежавший ночью в спальню. Его не поймали. Piccola bestia. Флоренция. Пренеприятное ощущение было спать в этой комнате. Впросонках, во сне, грезилось.

Смерть Аполлона Григорьева, рассказать факт.

Ж. Занд — не мысль, Жорж Занд— убеждение. Благородная натура, художник, не лишенная ошибок.
Литература — знамя чести.

Правой-левой. Ап. Григ⟨орьев⟩ о Белинском (к славянофил⟨ам⟩).

Кстати об Аполл. Григорьеве.

Константинополь, расширение взгляда, православие (не охраняем нашу личность, но отдаем ее).
(см. в син⟨их⟩ книжках)

Политическая статья.

Ответ на письмо.
Самоубийцы (дочь Герцена). Боятся ли — самоубийцы? Тоска, надо скорее русскому русской жизни, русской мысли, дочь Герцена. Паук во Флоренции. Ekkov. Ответ на письмо (о Каировой).
Дочь Герцена.

Спиритизм.—«Церковно-обществ⟨енный⟩ вестник».

Оскорбление дамы у Палкина. ⟨...⟩

Письмо самоубийцы.//

Ekkov — дайте я с собой сделаю, а только чтоб не со мной делали. Защитить кого-нибудь. Он и не думает об этом.

Жорж Занд. Типы. Потребность жертвы и личность в типах. Тем и спаслась, не то запуталась бы. Она основывала свой социализм на нравственном чувстве, а не на муравьиной необходимости. Сама не зная, была христианской (типы, личность).

NB. Нет нравственного удовлетворения, а есть мертвая необходимость, открытая наукой. Чтобы уничтожить личность, выдумали среду, законы и воображают, что личность подчинится этим законам.

Запросы ее и требования, личность, и никто кроме нее не был.

⟨Она основывала⟩ св⟨ой⟩ соц⟨иализм⟩ на потребности нравственного обновления человечества сообразно с ростом и развитием человеческого, гражданского и политического. Ж⟨орж⟩ З⟨анд⟩ не мысль, а убеждение. Убежден⟨ия⟩ ее были величайш⟨ею⟩ верою. В типах потребн⟨ость⟩ жертв и развит⟨ие⟩ личности. После Христа. Позднейш⟨ие⟩ выводы *науки.*

И потом *

О расширении взгляда.

(NB и заключить: все это еще 1000 раз повторить и объяснить надо.)

Она принадлежала к недовольным судьбами революции 93 года (не хотела [быть] признать в буржуазии идеала).

Не единым хлебом жив человек. На потребности жертвы.

Эта наша, хотя ее и отвергли Сенковские и Булгарины.

Пьянствовала с Леру — у Ледрю-Роллена разврат — самая чинная, мать семейства, курятник и даже собственница.

Особенно хороши девушки. [Я]

Кончилась к 50-м годам. Я говорю только про мысль. Художественность продолжалась.

Наша. Значила у нас. Насколько вошла в нашу ссылку.

Она не знала христианства. Лежит проклятие.//

Не гуманности нам учиться у западных поэтов, но *расширению мысли и тому, что у них прекрасно и здорово.*

В позднейшем было много, с чем можно не согласиться.

Но г. Тургенев все-таки рано потерял благоговение.

Стыдился очень-то хвалить.

— Жорж Занд.

— Расширение мысли, в Твери Робер.— Литература — знамя чести. Тарантул.

— Политическая (Скоро готовиться, и война была бы — *кстати.*) NB (когда к войне готовы бывают?)

— Правой-левой.

— Аполлон Григорьев.

— Самоубийцы — ответ на письмо. Дочь Герцена.

— Ответ на письмо: *зачем Утину.* О зле и добре, *о черте, о среде.* Есть или нет преступление.

* *Справа цифра*: 2

Объявлена война *. Я не мой парадоксалист, но иногда лучше. Конечно, хорошо, если мир не будет нарушен, но quand même, вынося даже побои, как у болгар,— не хорошо. Россия страшно сильнее у себя дома. Если те раскатают Турцию, что несомненно, то дадут ли им что-нибудь приобресть. (Австрия) — Россия. Столица православия. Константинополь — гибель России, а как столица православия нет.

Семянников — июнь 15 и марта 3 всего 2 р. 70 к.
Кехрибарджи — июнь 25 3 р. 75 к.
В Твери Робер
Здесь Ekkov.— Дочь Герцена, письмо самоубийцы.**
Piccola bestia.
Селин — Прачков.
Рагозин — сердце.//

В Твери Робер.
Константинополь — столица православия.
Расширение взгляда состоит в том, что мы не в себя живем, как Англия, и не в себе считаем достижение целей,— а в всеобщей родственности и концепции.***

Сохранить единицы славянские, единя их в одном православии **,

Взгляд русский составился в том, что мы православны, но это узость — стаканы и ложки раскольников, через реформу деятельное православие. Извинение и примирение со всеми мыслями Европы. О Европе мы можем теперь, после двух веков, заключить, что христианством они не взяли, хотят взять наукой, социализмом. Отрицание христианства не во гнев Н. Михайловскому. У нас [в] православие, но главное единение. Единение, во-первых, в уничтожении ложек и стаканов. Во-вторых — в родственности с европейскими идеями, в-третьих — нежелание политического захвата, способность мирить.

Столица православия — вот наша идея, чего же боится Европа.
— Россия останется в России, но станет государем Константинополя как хранительница православия.

Здесь. 29 июня.//
Надо заметить, что если Европа и смотрит на славян в настоящее время так бесчувственно, то именно через Россию, потому что русские тоже славяне.

Писарева, естеств⟨енные⟩ науки, великие мысли, целое земли, а не специальности, учиться краске для выделки ситцу (все равно не то, так другое), Писарева, акушерство, что дало душе, сердцу, жаждущ⟨им⟩ вопросам, цинизм *необразованных* людей, долбивших свою специальность из хлеба.
Великая идея, питать ее будет, останется же, затоскует (педагогический экзамен).

Воззвание. Помощь славянам. Европа помогает — пришла и потом; необходимо *полное* университетское образование, чтобы умирить волнение. Подъем слишком серьезен, и только в самой высшей науке столько серьезности, чтоб усмирить волнение.

* *На полях слева*: Политика
** *На полях слева*: Самоубийцы
*** *На полях слева*: 153

Писарева.— (Я кроме того, что было напечатано в «Н⟨овом⟩ вр⟨емени⟩», не знаю про Писареву.)

Герцен.

Письмо застрелившейся.

Объявление, что до августа.

Как отговаривалась. Педагогические курсы, не найдется ничего под оборотом медали, затоскует.

А права, которые дает образование, завоюются сами собою.

В служении человечеству не нашла удовлетворения из книжного мира, из книжных отвлеченных убеждений.//

Глава первая. 1) Выезд за границу, нечто о русских в вагонах, 2) [Нечто о петербургском [Баден-Баден] баденбаденстве] [3] О воинственности немцев. 4) Самое последнее слово цивилизации.
Глава вторая. 1) Идеалисты циники. 2) Постыдно ли быть идеалистом? 3) Немцы и труд. Непостижимые фокусы. [Остроумие] Об остроумии.
[Глава третья] 1) Русский или французский язык? 2) На каком языке говорить столпу своей родины? *
Глава 4-я. 1) Что на водах помогает: воды или хороший тон?
2) Один из облагодетельствованных современной женщиной.
3) Детские секреты.
4) Земля и дети.
5) Оригинальное для России лето.//
На август темы.
О том, что русский мужик народ вовсе не так сквернословен (сквернослен), как изображали его Гоголь (заплатанный ⟨...⟩) и генералы командиры солдат в 40-х годах.

Рассказ батюшки Ив. Румянцева о *Сесицком*, ругателе и зуботыке (исправник).

[Гоголь [был] великорусского народа совсем не знал.]//

Состав августовск⟨ого⟩ №.

NB. *К с т а т и.* Письмо Рагозина. Пробить сердце.— Вот глубокое рассуждение, ибо что такое пробить сердце? Привить нравственность, жажду ** нравственности. Умом же ни до чего не дойдешь.

NB. Кстати о Селине (профессоре киевском) и его диссертации о том, что мы вступили в совершенную неизвестность.

NB. Письмо неизвестного о спиритизме. (Колебание частиц в организме.)

---

* *Первоначально*: отцу Отечества ?
** *Первоначально*: потребность

ASSOCIATION LITTÉRAIRE INTERNATIONALE

PRÉSIDENT D'HONNEUR : **M. VICTOR HUGO**

COMITÉ D'HONNEUR :

Allemagne

MM. Berthold Auerbach.
Edward Hallberger.
F.-J. Cotta.
Paul Heyse.

Amérique du Nord

MM. George Bancroft.
H.-W. Longfellow.
R.-W. Emerson.

Amérique Latine

MM. Rafael Saldivar.
Torrès Caicedo.
Manuel Peralta.

Angleterre

S. A. R. le Prince de Galles.
Mlé. Alfred Tennyson.
J.-A. Froude.
Anthony Trollope.
R.-H. Horne.
B. Disraeli Lord Beaconsfield.
W. E. Gladstone.
Mac Cullagh Torrens
Leslie Stephen.
Blanchard Jerrold.
Edward Jenkins.

Autriche

MM. Johannes Nordmann.
Joseph Unger.
Louis Speidel.
Joseph Bayer.

Belgique

S. M. Léopold II, Roi.

Brésil

S. M. Pedro d'Alcantara, Empereur.

MM. Joachim Manuel de Macedo.
le Vicomte de Rio Branco.
Barao de Penalva.

Danemarck

M. Holz.

Espagne

MM. de Rancès, marquis de Casa Iglesias.
Emilio Castelar.

France

MM. Jules Grévy, président de la République.
Frédéric Thomas.
Auguste Maquet.
le Comte Ferdinand de Lesseps.
Edmond About.
Emmanuel Gonzalès.
Jules Simon.
le Baron Taylor.

Hongrie

MM. Maurice Jokay.
Jean Arany.

Italie

MM. Mauro Macchi.
Cesare Cantu.
Andrea Maffei.

Pologne

M. Kraszewski.

Portugal

S. M. Don Luis de Bragance, Roi.
M. da Silva Mendès Leal.

Russie

MM. Fédor Dostojewsky.
le Comte Léon Tolstoï.
Ivan Tourguenefe.

СПИСОК ПОЧЕТНЫХ ЧЛЕНОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ АССОЦИАЦИИ, 1878

Русскую литературу в ассоциации представляли Достоевский, Толстой и Тургенев.

Председателем ассоциации был Виктор Гюго

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

NB. Прочесть Потулова о спиритизме.

NB. Письмо Порецкого (рассердился).

NB. Русские за границей не порядочного тона. Порядочный тон заключается в искренности и честности. Этого нет, потому что интеллигенты русские безнравственны.

За границей и преступники — нравственнее (Zola — la belle Lise).

Селин о потере идеала с нашествия Наполеона.

«*Полная неизвестность*». У нас, может быть, и рады бы верить, да не знают чему.

Отчего Писарева устала и отравилась: не нашла требований духу. Множество женщин идут и оборот медали.

Колонизация Крыма. «Московск⟨ие⟩ ведомости». Правительство должно. Кроме того, что укрепит окраину. ⟨...⟩

В Германии говорят, что мы не готовы к сражению (про военное министерство), про офицеров. (Ба! где это я читал о ворующих офицерах). Это они вздор,— думал я про себя.//

Орангутанг.— Если он будет, так как же в 2000 лет он ничего не выдумал, ну хоть арифметику. Но он ничего не выдумал, не только арифметики, но даже и слова, чтоб выразить свою думу. А разве это естественно: уж коль есть дума, то непременно природа дала бы и слово.

Нет общего дела, и потому все разбилось на личности.

Параллель семьи социальной. Брак, association libre (esclave)* Zola и брак по Христу, где esclave немыслимо.

Отчего же реальным миром до сих пор управлял лишь идеал? Идеал жертвы всех 1000 миллионов Ротшильда, сравнительно с чувством самосохранения реалистов.

Piccola bestia.

Демократизм один остался за нами (при безнравственности). Но это народное начало ласкало.

Но вместо аристократии лучшие люди. Кто же у нас лучшие люди? Сами установятся.//

Состав августовского №.

1) О Зола и проч. (Я так и знал, что закричат о парадоксах.)
2) Победон⟨осцев⟩ о Герцене.
3) О спиритизме (мое гадание в карты).
4) Эмс, Путешествие в Эмс, дорога, ⟨...⟩ наплевал, озера — добродушие немцев: was suchen Sie? ** Характер немца, дама pour hommes, любопытнейшая черта. Русский и дочь (враждебные взгляды) — не засмеялись.

---

* Свободное товарищество (рабство) (*франц.*).
** Что вы ищете (*нем.*).

(NB. Описание моего весеннего приключения в части.) В 71-м году настроение немцев в Дрездене. Графиня Кушелева-Безбородко, обругавшая немцев.

— Описание обедни в Эмсе и проч.

5) О славянах Европа — венец человечества — туркам все позволила. (Мысль как далека от дела в человечестве!)

Смерть Ап. Григорьева. Женщины, по Страхову.

Высунутый язык.

— Крым («Москов⟨ские⟩ ведомости»).
— Немецкий нищий (дал 1 марк⟨у⟩). Баба с резедой.
— Смерть провинции или нет?
1) Лизавета Смердящая (попробовать).
— (Антоний Римский).
— Не высказывая свою мысль до конца!
— Письма Куриленкова насчет пропадающей корреспонденции по железным дорогам.

Письмо Левитского об адвокате Чигиренцеве, продавшем дело своего клиента его противнику. (Право на бесчестье, москов⟨ский⟩ капитан.)

Мало нравственности. Сравнение с заграничными: тут нет заведомого злодейства, тут и в злодеях убеждение в чести и честность. У нас же не только нет честности, но и мысли об ней. Безнравственно прямо. Голый разврат эгоизма, не стыдящийся своей скверной наготы и боящийся только палки, но и той не боящийся. Это все картины интеллигентного необразованного общества. Но сохраняется и высшая интеллигенция, но страшно подумать: все седые, все 40-е годы. А новые — в новых один цинизм, разделись догола, и ведь не для развратного удовольствия разделись (Руссо) — совсем нет, безо всякой мысли, просто как дикие, как скоты. Собака грызет кость, другая ворчание. Вот эмблема: стащить кость и сгрызть ее одному. Дикие! дикие! Орангутанг.

Письмо Сафонова о подравшихся офицерах. Право сильного, освящаемое обществом, право мести. Личность не обеспечена (раздраженный Карлов). Общество правил нравственности не имеет. Из Европы, стало быть, ничего не принесло, а хоть есть индивидуумы высокой чести, но так как они влияния не имеют, то их придется считать *пока* за частные случаи, не успевшие сплотить из себя гражданского общества. *

Все это потому, что нет общего дела и разбилось на личности.— И есть общее дело, но не видно оно всем. Точки зрения разбились по личностям. У немцев есть и общее. Объединенная Германия.

— В смысле [славы] славы и чести немцев: вот, дескать, каковы мы, немцы. А пуще своя буржуазия. Выработалась она живым делом и дорогá.

NB. Прочесть очерк Лебедева в «Новом времени».//

Состав августовского № **.

Ибо главная нелиберальность Карлова в том, что он военный.

Взять из Герцена, из «Станкевичев⟨а⟩ круга» для возражения Селину.

Два возражения «Биржевым ведомостям» [Фраза Герцена] (Баден-Баден, Константинополь).

---

* *На полях слева*: NB

** *Над строкой цифра*: 3

«Вы подражаете тем, которые на Россию начали уже смотреть, как на Баден-Баден» (фраза Герцена). Это нисколько не обеспечивает будущего, но делает его [очень] крайне *возможным*.

Чтоб узнать, что такое лучшие люди.

Лучшие люди. Вопрос о лучших людях и ставить нельзя: всякая сила хотя бы и дурная. Но что, в самом деле, лучшие люди? Просто честный человек, христианин. Стало быть, завидовать нечему. Но надо, чтоб и аристократ уважал такого, надо настроить так общественное мнение.

Лучший человек и всегда был так, но не там, где аристократы. Сильные люди. Не сильные лучшие, а честные. Честь и собственное достоинство только сильнее всего. (Вставить о русских в Эмсе, нет собственного достоинства.)

Вот в Берлине я видел орангутанга.

Параллель семьи христианской и социальной. Красота христианской семьи. *Парадокс.* Да, но когда это будет, в действительности другое. [Нет] Но идеал. *Парадок*⟨*с*⟩.Нет, уж пусть лучше идеалы дурны, да действительность хороша.— Но принцип, принцип выше и т. д.

Война теперь была бы для нас не совсем вредна, по крайней мере не вполне вредна. ⟨...⟩ Она бы сдвинула и сблизила много разъединенных сил и многому дала бы новый толчок.

Талант, да во всем нужен талант, даже в направлении.

У нас уже был опыт, во что обратились идеи, сжатые в то время, когда в университетах вместо науки завелась шагистика, и как уродливо эти идеи потом отрыгнулись.

Потому что женщина есть большая власть. //

Состав август⟨овского⟩ №*.

Это что у меня враги-то? Да честный человек с тем и живет, чтоб иметь врагов.

У честных врагов бывает всегда больше, чем у бесчестных.

Закрываться, фыркать и мстить другому за свое ничтожество.

Парадоксалист. У нас всякому врачу надо сказать: врачу, исцелися сам.

— Помилуйте, да он публикует вот, что лечит от секретных болезней, так ведь это будет неучтиво.

Непременно о русских, говорящих по-французски (см. 5) и учащих детей **. Какая старая тема (орудие выражения мысли). Иностранные языки ужасно полезны, но не иначе как, когда заправился на русском. Тоже в классических языка⟨х⟩ — никакой пользы без русского языка. А русский язык именно в загоне,— и по-французски мыслить научится и будет *международный межеумок*, каких у нас [на] уже довольно.

---

* *Над строкой цифра*: 4.

** *На полях слева*: Здесь *Несколько ниже:* Это уже в Эмсе

Эмиграция дворянства, Крым — [см] земледелие (см. 7).

И лежит на постели, как узел.

Он горд и незыблем
Обшмыга. } встреча с русским

Быстро раздражаются. *Всякий*-то хочет отмстить кому-то за свое ничтожество.*

Всякий должен иметь право на землю **. У нас это народное начало. Декабрист Якушкин. Мы ваши, а земля наша. Собственн⟨ость⟩ — святейшая вещь: личность. Но до известного предела. Немецкие бароны, отдельные государи сплотились же в государство. Безграничную собственность можно сравнить с баронством. У них пролетарии. Но эта безграничность неправильна. Собств⟨енность⟩ должна быть ограничена. Но у нас и на Западе! Полное уничтожение собственност⟨и⟩ ужасно.

Не надо бояться неестественностей социальных. Коммуна Парижская — вредна, потому что бунт и насилие. Лучше позволить по частям охотникам. Что неестественно в этих мечтаниях, то уничтожится само собою, и [чере] чем скорей, тем лучше. Лучший акробат (вверх ногами) кончит же тем, что пойдет как все на ногах.//

Итак:
— Эмс, дорога, все анекдоты. Англичанка, мнение Страхова.
— Смерть Аполлона Григорьева.
— Описание моего весеннего приключения в части.
— Эмс, дети все.— Газетная комната. Турция и Европа и проч.
— Крым, мне⟨ние⟩ «Моск⟨овских⟩ вед⟨омостей⟩».
— Парадоксалист.
— Zola. «От⟨ечественные⟩ записки» и «Биржев⟨ые⟩ ведом⟨ости⟩».
— Пересмотр переписки. NB. Сюда же о Герцене. (О смерти Писаревой.) Сюда же. Смерть провинции или нет?

Церковь в Эмсе. Похвала «Церковно-обществ⟨енного⟩ вест⟨ника⟩» о штундизме Редстока.
— Спиритизм.//

— *Эмс. Картинки.*
— Спящая торговка булками.
— Дети. Совещающиеся три девочки и мальчик. Девочка с сироткой. Купающиеся дети.
Мальчик, идущий в школу. Громкий хохот детей. Дети грудные с нянь-ками. Танцующие дети русских на музыке. Разодетые дети.
— Нищая старуха с резедой. Больная, опирающаяся об стену. Нищий, прессованный, с зубом и с узелком. Положили засушить в книгу, так что уже теперь ходит профиль, а не человек.
— Служение в церкви.
— Толкающиеся русские.
— Немецкая честность, украла грош на землянике.
— Кушанье, чем дальше, тем хуже.
— Соседка. Греческие дамы.
— Картина Эмса перед закатом солнца.

* *На полях слева*: Русск
** *На полях слева*: Собств.

— Сквернейшие товары, осматривающий их император Вильгельм.
— Девушка у источников.
— Толпа у источников.
— Русские не могут иметь хорошего тона. Нет нравственности.
— Адвокат Гагаринцев. Свободные установления тогда хороши, когда они у людей себя уважающих, а стало быть, и долг свой, долг гражданина. Человек же русский не имеет никакой веры — по профессору — потерял всякий идеал и веру в него в начале столетия — ошибочно шел, как, н⟨а⟩прим⟨ер⟩, декабристы, человек русский потерял всякое к себе уважение. Но заботится о декоруме. Ревниво боится за себя. Лжет беспрерывно. Совести не имеет никакой.

Адвокаты наши станут, наконец, так бессовестны, что решительно станут невозможны; к бессовестному не пойдут, а совестливых или тех, которые себя считают такими, станет так немного и они так будут изыскиваемы, что поневоле станут дороги.

У нас именно потому, что всякий потерял всякую веру, а стало быть, всякий взгляд, так дорога обличительная литература. Все, которые не знают, за что держаться, как быть и кому верить, видят в ней руководство. И хоть это руководство лишь отрицательное, но именно его-то нашим и надо, тем им и сподручнее,— и потому что [начи] явись кто с положительным идеалом, они же первые, озлобясь, отвернутся, весь порок их заговорит, защищая себя, и они с цинизмом осмеют, а отрицательное ни к чему не обязывает, а напротив дает руководство скалить зубы над всем и даже над самым хорошим. А это легко и мило. Скалит зубы человек и думает, что исполнил долг добродетели.

Ланн. Не далеко, Арминия жену взяли. Тацит.

На музыке.

Из почтамта сам прислал письмо.

Самое высшее джентльменство уметь понять шутку, наш [иног] поймет (наш очень широк), но обидится: не на меня ли, дескать, он клонит. Сам подгоняет себя к обиде.//

Эмс.

Палкинские; благослови их бог, пусть пошалят.

Эмс. Нашла 20 марок.

Немцы в русской церкви.

Англичанка вдруг забежала не в то место, которое назначено для женщин, а для мужчин. Не успели скрыть от нее. Всплеснула руками.//

О грязн⟨ых⟩ выходках. Авсеенко.— Грязь в душах.

Две девицы, попавшие в часть исследовать девственность.

У источника Геба. Она очень была недурна собою два года назад, но теперь решительно обращается в немку.

Русской женщине некому подражать, да и незачем. А станет кому подражать, то ступит на самую дурную дорогу.*

Что-нибудь теплое, дети, что за счастье ребенок.

Засушенный, цивилизация. Здесь довольны, не замечают подымающейся тучи.

---

* *На полях слева*: Страхову

У нас недовольны, не верят себе. Лучшие люди.
(Анекдот в части. Их 10 000.)
Лучшие люди.
Что нас *ожидает*? Мнения перепутались.
Глава 3-я. Парадоксалист, путаница мнений.

Лучшие люди познаются высшим нравственным развитием и высшим нравственным влиянием.

Слово *Я* есть до того великая вещь, что бессмысленно, если оно уничтожится. Тут не надо никаких доказательств, всякое доказательство несоизмеримо. Мысль, что *Я* не может умереть, не доказывается, а ощущается, ощущается, как живая жизнь. Палец мой живет, и я не могу отрицать, что он существует. Точь-в-точь и я: раз сказав: я есмь, я не могу допустить себя, что *я не буду*, не могу никак.

Всякий должен иметь право на землю, хотя бы ее обрабатывали и другие (умереть в саду) (душных фабрик не надо). Наш атеизм есть только разъединение с народом, оторванность от земли. Если б вы сидели на земле и ее обрабатывали, вы бы верили в бога.//

Подробнейшая программа август⟨овского⟩ № (короче).

Глава 1-я — Сдав №, сел в вагон. Отдохнуть. Увы! в Эмс, а не туда— (стихи Рылеева). Уголок. Вижу больше, чем вы. В вагоне, чтоб не быть с русскими, газеты.

О русских особенно за границей. [М] Знал такого-то. Меняет взгляды и проч.

Развернул газеты, «Биржевые ⟨ведомости⟩». Не в «Биржевых ⟨ведомостях⟩» дело, а Баден-Баден.

Понес кару, зачем высказался. Говорить отрицательн⟨ыми⟩ недомолвками лучше.

О вост⟨очном⟩ вопросе («Биржев⟨ые ведомости⟩»). Я не держусь мнений Грановского. Краткий, но сильный разбор Грановского. (Злобу патриота принять в соображ⟨ение⟩.)

«Биржев⟨ые ведомости⟩». Баден-Баден. Но идеал всегда восторжествует. [Литерату]

Это все по поводу «Биржевых ⟨ведомостей⟩», до «Биржевых ⟨ведомостей⟩» мне нет дела, но собственно и «Биржевые ⟨ведомости⟩» меня повеселили. Литературная нечестность. Ну да что уж.

Киреев. [он] Вост⟨очный⟩ вопр⟨ос⟩ всегда народен. Но он будет именно народен, когда искренно славяне и православие.

[Немцы в вагонах лучше] Война и уверенность в ней. Разговор людей необразованных. О войне. Отрицал. Графиня Кушелева. Робкая изворотливость. Ружья *. Банкиры. Немцы в вагонах лучше. Больше товарищества, ухода друг за другом. Кондукторы. Was suchen sie?

История с англичанкой. Не засмеялись. Грязь. [Это по] В «Подростке» находил Ав⟨сеен⟩ко грязь. [Это после то] Это в рассказе-то матери. Неправдоподобность, но это снято с истинного происшествия. Это после-то сыщика и двух девиц. Это после-то повторившейся в Москве истории с дамой, на Сенной две дамы. Возвестил, что «Русский вестник» поправлял мою грязь. [Это] Я не отвечал. Этого не было. Из каких источников. Став-

* Ружья — *выше между строк.*

рогин (неверующий, и торжество живой жизни, укор одного грязного поступка). Грязь ли англичанка. Лучше всех англичанка и т. д. Кстати: взял брошюру о подчинении женщины. Написана хорошо. Промахи Миля. Вовсе не враждебная женщине. Но вдруг проскочило, что англичанка лучше. Неправда, полячки, француженки. Закон природы, что своя русская должна нравиться больше. Типы [Самое]. Русская женщина лучше всех.

Кстати: издал Аполлон⟨а?⟩ Григорьев⟨а?⟩. Знают ли, как он умер? Смерть его. Женщина.

Впрочем и было, на что глядеть из окна вагона, и было о чем думать. Земледелие, земледелие. Декабрист Якушкин.

Глава 2-я. *Эмс. Многоязычная толпа. Уединение.*

Опять русские. Французский язык *. Немцы, англичане — идут по делу,— русский оглядывается, comme il faut. [Собс] Нет и не может быть собственного достоинства. (Было у отрицателей. Частные случаи и т. д.). Почтамт. Прислал письма. Какой бы русский чиновник [Описание Эмса]. В ⟨1 нрзб⟩ и оставить 5 pf. Лермонтов памятник. Русские в церкви. Немцы вон. Редсток, протестантизм.

— Описание Эмса. Скверные товары. Старухи и засушенный старик и все. Ключ. Девушки. Музы. Здешние работницы. Наша бы служанка ужаснулась.

— Читальня. Турецкий вопрос. «Московск⟨ие⟩ ведомости». Крым. «Москов⟨ские⟩ вед⟨омости⟩» всех лучше, впрочем, рискованны. Крым. Отрадно, что Россия так встала и жертвует. Что говорят про пожертвования Англии? Правда ли? Укоряют. Любопытно узнать цифру. Да и про Австрию кричат о многих миллионах гульденов. Это любопытно.

— 5 ⟨ер⟩ым одна рубаха.

— [О лучших людях.] Опять русские. Собственного достоинства нет. Нет дела. О лучших людях.

— Описание приключения в части.

— Дети, все о детях. //

Глава 3-я. Разговор с парадоксалистом. Я сказал, что он был мечтатель. Я объясню, какого рода были его мечты.

— А ведь я был два раза влюблен.

Глава 4-я. Ответ на переписку (NB. Уже в Петербурге.) Дочерью Герцена заключить, а начать с Селина. Дуэль.

Селину *важнейшее* **: Утратилось соединение с народом ***, это правда, но (статья Герцена) началась потребность соединиться с ним снова только двумя путями: через Европу (Белинс⟨кий⟩) и славянофилы — (смотри статью: «Мой парадокс» в июне) — иначе не явились бы декабристы и Белинский, с одной стороны, и славянофилы, с другой. С той и другой стороны было самое наивное изучение народа, открывали тайны и законы его, его начала (и тем сами засвидетельствовали о происшедшем после Петра разрыве). Изучение [было] народа было искреннее и добросовестное. Об русском народе спорили (Белинский и славянофилы), решали дело, как быть и на каких основаниях соединиться с ним. Декабрист Якуш-

---

* Французский язык — *выше между строк. На полях слева повторено*: Французский язык

** *На полях слева*: Селину

*** *Выше над строкой*: Идеал

кин искренно удивлялся, что не мог потрафить ему.— Прямо можно сказать, что все наступившие затем споры и разногласия западников и славянофилов имели сущностью и главной темой задачу: *на каких началах и основаниях воспроизвести вновь соединение с народом.* А что это соединение было утрачено,— об этом уж никто не спорил.

Но согласитесь, что до 12-го года соединение с народом шло бессознательно: никто не дорожил им, и никто не хлопотал о нем. Напротив, все европейское и тогда выше ставили, хотя от многих русских привычек и вкусов никак не могли отказаться и даже до стыда ими не дошли (см. мемуары Екатерины, баня). Но *стыдиться* этих вкусов начали действительно с 12-го года. Но в то время начинается забота и тоска о соединении с народом (славянофилы и западники) (NB. Одно и то же соединение, но разные пути). Начал Пушкин, и так продолжалось [чуть не] до освобождения крестьян. Избранные тосковали и укрепили свою идею тоски в обществе. Но в параллель шла страшная масса неизбранных средины. Те, считая себя сливками образованности, продолжали все больше и больше стыдиться народа. Наше время есть та точка, когда и в средину уже начинает проникать тоска избранных по соединению с народом. Когда поймут идею и воспоследует соединение.

Землевлад⟨ение⟩. Работник на фабрике — дети не в душных подвалах. Как же частная-то собственность? Не знаю. Собственники должны сделать уступки. У нас общинное землевладение.

Чтоб этот засушенный нищий и эта старуха не протягивали руки на старости. Братство.//

Стелловский. Этот замечательный литературный промышленник кончил тем, что сошел с ума и умер.

Послесловие (или в Эмсе. А еще *приписка* в августе *потом*, какая случится)⟨...⟩

Страхов. [Не гов] Англичанка совершенная женщина. Не говорю, откуда выписка и чья, потому что не имею времени разобрать брошюру.

В части. Я считаю это приключение мелким, но и мелкое имеет иногда свою мудреную сторону.

Piccola bestia.

Землевлад⟨ение⟩. Землевладение теперь, после крестьянской реформы — хаос. (Законы о рабочих.) Едва только устанавливается. Когда и на каких основаниях сложится, это загадка. Будущие землевладельцы будут *лучшие люди* (хотя об лучших людях еще поговорю), а теперь прежнее дворянство грозит превратиться в пролетариат, в опасный пролетариат.— Когда установится землевладение, тогда только и явится у нас порядок. (Желательна связь с общиной будущих землевладельцев.) //

3-я ⟨глава⟩.

[После] С французского языка начать 3-ю главу, с уединения и затем местоположение, римляне. И затем место историческ⟨ое⟩. Объявлена война, Вильгельм и проч., дети. Англичанка, засушенный. Землевладение. *Словечки.* (Может быть, приключение в части.)

Глава 4-я, ответ г. Селину и проч.

Дурной признак, когда перестают понимать иронию, аллегорию, шутку. Упадок образования, ума, признак глупости. *Корреспондент,* мудрец с заметками. Бал — точно я хвалю бал. Если не бал, то попойки. А тут сдерживает что-то капитана. Порок — дань добродетели. Перифраза

мудреца, дурак. Кто же не знает, что добродетель унижена, но добродетель никогда не платит дани, а если согласится, то она не добродетель. Она принуждена бывает. Но дело в том, что тут факт: как ни торжествует порок, но отчего ж он не становится выше ее. Порочные люди всегда кем-то принуждаемы говорить, что добродетель все-таки выше и все-таки молятся добродетели. Этот факт первой величины и ужасной глубины, факт из неразрешимейших, — вдумывались ли вы в него?

Буквы ѣ не умеют ставить.

Дети. — Дети. La population reste stationnaire* — ошибка Мальтуса. Дюма-fils.//

Европейская дипломатия, вступаясь за славян.
Россия дала залоги миролюбия.
Piccola bestia.
Халаты, моя идея о Константинополе.
Размеры Баден-Бадена.
Фюрстен Липпе-Доминальд ⟨?⟩
Павшие офицеры.— Изувеченные.
Разочарование. Марк⟨ов⟩. «Вест⟨ник⟩ Европы».

Молодые люди просят работы.
[Ответ Селину] NB. Правда ли, что было народное движение. Ответ Селину. Прачков — о дуэли, Рагозину, Герцену.
Сентябрьский №.

О *чиновниках*, что для кого сделано, они для России или Россия для них. *Петр Великий* помещик. Идеалист.

Франция уничтожена, ее нет в Европе.
Союз (10 миллионов французов в данный момент отказываются быть французами и защищать свою родину).

Ответы на письма.

NB. Перечень курьезов за месяц (NB, завожу отдельную рубрику). «Голос» и pronunciamento.
«Вестник Европы». С иронией о провозглашаемой нашей *зрелости* (ослы!), но всякое доброе единение есть уже зрелость, а вы проповедуете разъединение. Мало того: единение есть высочайшая зрелость, *последнее* слово ее. Французы черт знает что отдали бы за единение.

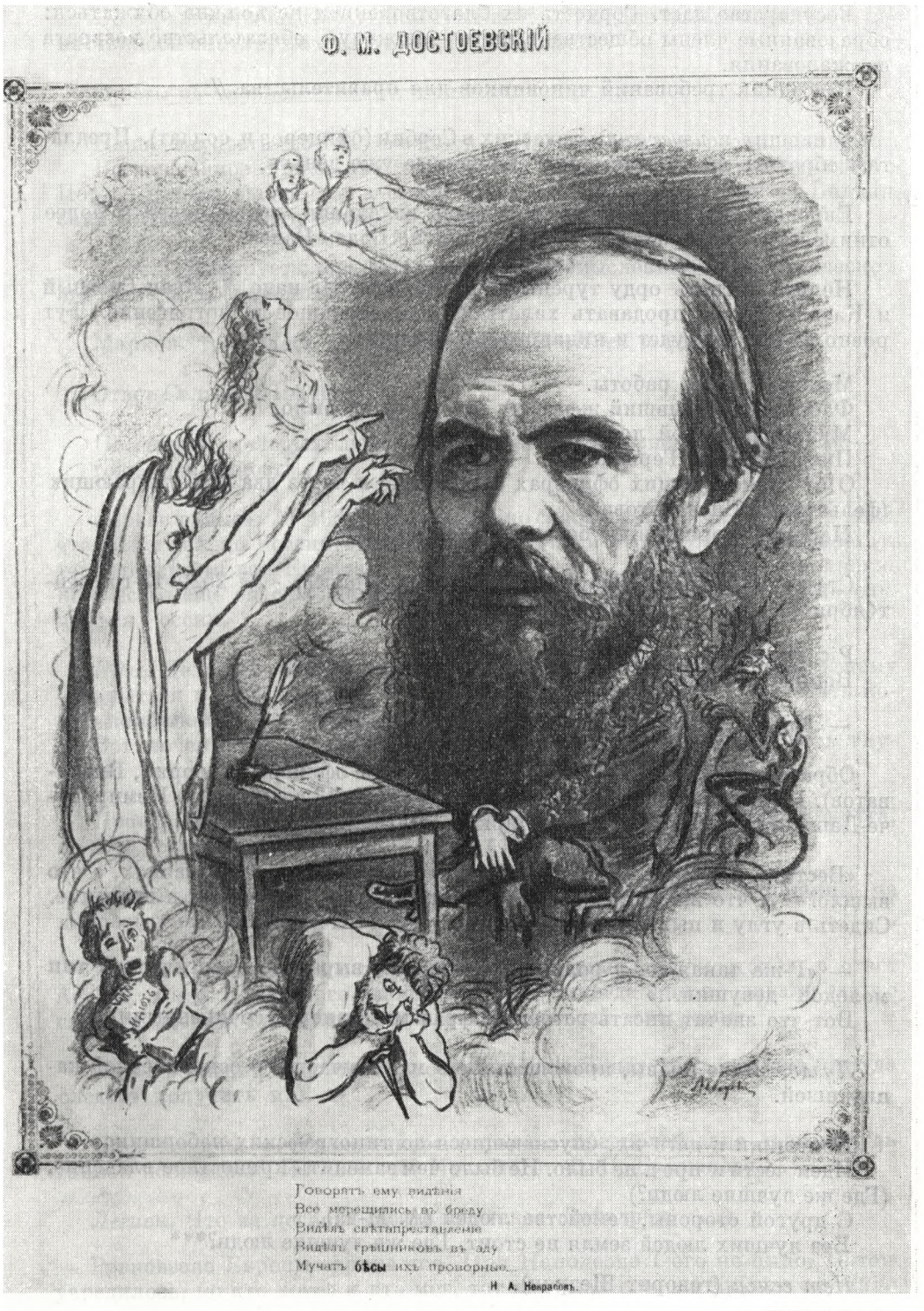
Единственно возможное слово России о Константинополе: Да, он нейтрален, но нейтральность эта под *моим* покровительством. Константинополь международный город, значит вечная драка за него и не кончен восточный вопрос. Константинополь русский.**

Россия дала залоги такого миролюбия, какого не представляет почти вся ее история.

Письма: Приищите работу, уроки. Если вы добрый человек. Труднее, чем вступить па престол. Проект общества. Частное. Казенный миллион.

---

* Население остается постоянным (*франц.*).
** *На полях слева*: Баден-баденство



ДОСТОЕВСКИЙ—АВТОР РОМАНА «БЕСЫ»

Рисунок А. И. Лебедева. «Карикатурный альбом современных русских деятелей». СПб., 1879

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Государство даст. Гордость их благотворением не должна обижаться: образованные члены общества выйдут — пожалуй, обязательство возврата из жалования.
Рассадник требований чиновников для правительства.//

О павших и *изувеченных* русских в Сербии (офицеров и солдат). Предлагаю обратить на это внимание. Собранные уже деньги.

Европейская дипломатия, вступаясь за славян, все и более и более отнимает у нас наше обаяние на славян. Баден-Баден.

Нельзя выгнать орду турецкую из Европы. Не надо. * Иван Грозный и Казань. Будут продавать халаты. (Будет страшное-де потрясение.) Тут ровно ничего не будет и никакого потрясения.

Молодые люди, работы.
Фабричный, убивший жену, ну где бы то ни было.
Мужик на пегой лошади.**
Письма семьи Герцена.
О[б] пьянствующих офицерах в Белграде и через два дня умирающих (фельетоны Висковатова).
Насчет Суворина и грубости нападок на него.

Статьи Маркова, «Вестника Европы», «Голоса», № 252, 12-го сент⟨ября⟩.

Piccola bestia.
Вопрос о дуэли.

— Князь, я не верю вашей наружности и т. д.

Обратная минута, минута сомнений. Пьяные офицеры (Суворин, Висковатов). Поднялась ли Россия, или нет? («Голос», 12 сентября, о Немировиче-Данченко). Статьи высшие: Маркова и «Вестника Европы».

«Вестник Европы»: Было и при кандиотах и при гостях-славянах, а что вышло?— А что же было дурного? Почему дурно собираться в единение. Сидеть в углу и пыхтеть: как мы умны, о как мы умны! //

— «Г-жа такая-то, в роли молодой вдовы, выразила энергический тип молодой девушки...»
Вот что значит писать готовыми фразами (наперед сочиненными).

Дуэль, дикие нравы, происшествие в мае в участке с оскорбленной капитаншей.

Помещики и дети их, спускающиеся до типографских наборщиков.
Идеи чести и проч. не было. Не было чем заменить крепостное владение. (Где же лучшие люди?)
С другой стороны, семейства людей (А. М-ча).
Без лучших людей земля не стоит. Где же лучшие люди?***

Нет семьи (говорит Щедрин).

---

* *На полях слева*: Порядок
** Нельзя ∽ лошади — *отчеркнуто слева фигурной скобкой, у которой стоит* NB.
*** Дуэль ∽ Где же лучшие люди — *отчеркнуто слева фигурной скобкой, у которой стоит* NB.

Во Франции общество — коммуна и буржуа. Две ясные партии. У нас не явилось партий, хаос. Нужны лучшие люди.

Ответы на письма.

Наша глупость всегда скажется. (Краевск⟨ий⟩ о pronunciamento.)
Восторженное признание королевства Милана. Тут протест против Порты, против status quo и против всех притязаний Австрии на Балканский полуостров. Это именно в русском духе. Ура!

Макс *. Цитирует слова Марлинского (бессмысленные) об историческом выстреле и восхищается ими.

Марков **. «Голос», № 249, сентября 9. «*Идея и цифры*»

Ответ Селину (Прачков).

Посещение молодых людей — офицеров, в сравнении с народом — тоже искренность.//

«Новое время», № 196-й. Чрезвычайно слабая передовая статья о том, что заяви только Россия о своем бескорыстии и что не будет приобретать территорий, то вся Европа будет за нее. Вздор. *Независимые* славянские княжества еще опаснее Европе: она понимает, что они будут всегда слушаться России.

Идея. Дело не в равновесии Европы теперь: [теп] нечего России к нему обращаться и ему угождать, а надо смело нарушить его *** и создать новую комбинацию двух или трех сил. Германия и Россия.
Вот почему вопрос: кто позволит взять Константинополь, есть глупость.

Правда, два огромные соседа всегда кончат тем, что съедят друг друга, но когда еще это будет. (Англия будет ссорить.)

«Новое время», № 196 [Протест] Согласие комиссии скупщины на королевский титул.

А в № 195 цитуется о том, как «М⟨осковские⟩ ведомост⟨и⟩», в ответ Agence Russe Краевского, заявляют, что никогда они не давали такого глупого мнения, как выдумал Краевский в своей телеграмме.

NB. Краевский просто с глупости (*не без тайных денег, конечно*, откуда следует получить их).

Но я говорил о «Гражданине», которого предполагаю на чьем-нибудь тайном жалованьи. На чьем же? Ну хоть от Ф. П. Баймакова.

Легион. Что за легион? Нечто штатское. Эскадрон. ⟨...⟩

Равновесие Европы отрицается. При Наполеоне I его не было. Потом учредилось, но кто хотел и кто мог, тот нарушал его, а к другим служило

---

* Макс — *на полях слева.*
** Марков — *на полях слева.*
*** *В автографе*: ее

для придирок. Я уже писал: смел с лица земли империю. России надо быть самостоятельною. Мы от того верили в равновесие, потому что не верили в нашу самостоятельность или, лучше сказать, в серьезность нашей самостоятельности. Мы преклонялись перед Европой. Теперь эмансипация наша от Европы наступает.

«Вестнику Европы». Остроумие есть дар — долговязое положение. Отрицаете, а не знаете, что сказать. Зайцев. Вы не похожи на прежних — Белинского, Герцена. Вы — торгующие либерализмом и выходящие в 1-е число. Старые — песок сыплется, [либера] выродились из прежнего в нечто либерально-пресмыкающееся. Туда же острить. Ах вы парикмахеры!

Я не скажу, что у вас нет ума: обыденный ум у вас есть, но повыше чего-нибудь у вас действительно нет. Вы средина.

Либерально-западническая партия, желающая как можно меньше самостоятельности для России.

Остроумие есть дар, и если вы его не имеете, зачем вы пускаетесь?

«Вестник Европы». На чувстве, а не убеждении — ребенок, дай барин грош ради Христа (стр. 351), и ребенок умирает, а нищий делает взлом.— (Вагнер как бестолков.) «Не знаем, с кем воевать». «Нельзя желать войны. Кто же войны желает, но освободить надо». С кем воевать? [Уч] Глубокомысле‹нный› вопрос, а у самого откусят нос.

Какая забота о магометанах: что будет, если казанский татарин пожертвует? Поблагодарят его, пожертвование примут и будут на его счет успокоены, что он не предан фанатизму и проповедь мусульманская до него не коснулась. И отчего вы так заботитесь об татарине или кавказце. Понятно: вы хотите // выставить, что единоверчество есть ретроградство, фанатизм, и что мы нашего татарина начнем в отмщение за славян живого жечь? Зачем же вы извращаете факты? А еще о полицейско-сыскном порядке заговорили. Злобные инсинуации. Либерально-пресмыкающиеся.

А славяне действительно за веру избиты, как райя, поганая райя. Перейди они в магометанство, и они тотчас же бы стали равными,— вот посоветуйте!

«Еще более возвышенный, чем единоверие». Почему еще более возвышенный? Единоверие, т. е. [вера в] общая вера в то, что в Евангелии сказано Христом окончательное слово развития человеческого *. Вера заключает в себе все гуманности и все самые возвышенные точки зрения, а люди Евангелия красивее вас. Почему же мне жалеть о 12 000 избитых и в то же время не жалеть (гораздо больше), что избиты они за лучшее свое дело и качество, за христианство и за веру в Христа.

А пуще всего то, что так и народ относится, а вы этого не можете понимать.

Факт, как бы вам он не нравился.

---

* *На полях слева*: Фактическая точка

Garibaldi: la république avant la France.*

Воевали две равносильные державы, и не пришел бы помогать Гарибальди. Но кончился Наполеон и настала республика, и Гарибальди пришел помогать молодой республике и республиканцам.

Спросим себя, что вышло из всех тех зрелостей и стали ли мы зрелее? Конечно, стали. Если бы мы не встречали Палаецкого и Кондиоре, то играли бы в карты. Позвольте же нам порадоваться, что мы не играем в карты. Вы хотите, чтоб все застыло в величествии, чихнуть не позволяете, живая жизнь. Почему же не зрелее. Ведь вот читали же «Вестник Европы». И чем это дурно, что // мы, может быть, несколько преждевременно порадовались своей зрелости? Да это со всеми народами, во всех народах, это живая жизнь.

Франция не то сделала для Италии. Заметьте себе, что тут ничего не сделал Франции и Наполеон. Что Франция очень-таки не сочувственно смотрела потом на подвиги Гарибальди и сказала «Jamais» **. Франция очень покойна была в то время.

Разве стало считать себя более зрелым, чем прежде? Это смешно. Общество было недовольно Наполеоном. Эпоха смешанная, а в первую революцию Франция, основанная во Франции, гордилась собой и действительно считала себя зрелее. А уж при Наполеоне-то первом как гордились собой все, $^2/_3$ или даже $^3/_4$ его царствования, до тех пор, пока буржуазное восхищение поддалось наконец разочарованию, а вместе с тем и проснулись подавленные революционные силы.

Просто педант, жалкий учитель, аттестат зрелости. Да тут совсем другое. [Кто не] Вам кажется умирать легче (вот «Вестник Европы» издавать, конечно, более ваше дело). Пусть легче, но ведь кто не может более легкого, тот не сделает и более тяжелого. Если мы считаем жертву за славян долгом нашим, то в результате воспитываем в себе хотя чувство долга. Вы же прямо предлагаете перейти к мелочной работе внутреннего совершенствования, но где вы найдете чувство долга к тому, если не воспитаете долг прежде. Одно без другого не выйдет. Совершенствов⟨ание⟩ человека, как и нации, есть цельная органическая работа. Вы говорите, что вы не осуждаете пожертвований, но вы хотите, чтоб мы жертвуя не чувствовали никакого удовольствия. Да у вас никакой жизни не выйдет. Глупый, тупой учитель. Пустышка. Вы, пожалуй, скажете, что боитесь, чтоб мы, удовлетворяясь подвигами, не сложили рук на дальнейшее. Но какой// же дурак это сделает, и что за глупая мысль. Но именно тут-то [коп] и родится, усилится и умножится чувство долга к дальнейшему. Иначе оно и не приходит, как постепенною жизнью. Вам бы хотелось, чтоб мы не радовались на себя, не чувствовали бы упоения: но тогда не было бы совсем и жертв. И сидели бы на месте и играли в карты, как играли все нынешнее столетие *** перед этим. Жизнь иначе не делается, как так. Опасения же ваши за аттестат зрелости столь наивны, что странно представить, как могло быть истрачено столько бумаги и чернил на такие пустяки. Пропись.

Культурные и мистическ⟨ие⟩ верования.

Я вам ни одного мистического верования еще не дал.

Вы считаете человеколюбие выше.

Это потому, что вы в зуб не знаете вопроса. Я православие определяю не мистической верой, а человеколюби⟨ем⟩ и этому радуюсь.

Там блудница и тайна, а у нас нет ее.

---

* Гарибальди и республика прежде Франции (*франц.*).

** Никогда (*франц.*).

*** *Первоначально*: двести лет сряду

Этот воз нравоучений либерально-пресмыкающ⟨егося⟩.

Остроумие.

Сколько глупости у нас, *выгнать турок из Европы. Константинополь наш.*
Молодые люди работы

Нет, лучше я не подам. Тут чем хуже, тем лучше. Их расплодится больше, [а толь] и тогда государство увидит, что надо их всех сделать богатыми, и уничтожит нищих и т. д.
Но пока я буду думать, как тяжело в желудке или засыпать на холоде, дам в последний раз, а потом уж буду рассуждать о принципах. — Вы скажете, что такого дурака не будет, да ведь вот вы же говорите. Обыкновенный ум признаю.

А между тем при всей высоте их ролей, сколько ведь низостей-то!
Вот знали, кого привесть в пример. Трудно представить себе, до какой степени способны дать себе аттестат зрелости и восхищаться собой европейские народы. До того, что и не замечают, сколько в них гадкого.//

13-го сент⟨ября⟩.
«Новое время», № 195. Похороны Раевского, из Тамбова секта очищенцев. *Адрес* николаевцев.
Протест «Моск⟨овских⟩ ведомост⟨ей⟩» против бессмысленной телеграммы «Голоса».
«Голос», 12-го сентября,— сомнения и проч. «Вестник Европы».

Крот. А развились ли мы. Как же нет? (выше слово доказательств точных, не спрашивайте же и с нас). Получилось все то, что можно получить*. Райские птицы еще не летают. Это правда, да ведь их никто и не ждал, но общество стало серьезнее, стало податливо и стало знакомиться с известным циклом идей и политических воззрений, а не играть в карты и слушать либерально-пресмыкающуюся спокойную, самодовольную наставительную болтовню. Вы вот про зеркало говорите, нет вот тут-то в зеркало смотрятся, так смотрятся. Иначе откуда бы взялся такой воз нравоучений праздных и никуда ненужных? Ну кому в голову придет, что аттестат зрелости сделает нас равнодушными? Апатия напротив сделает нас равнодушными.

Вы скажете, что нет никакой зрелости в пожертвованиях, в служении и в умирании **. Нет, позвольте заступиться, есть и значительная. Прекрасно, если такое чувство обхватит всех: лучше равнодушной апатии и эгоизма или карт, или сивухи, француженок и проч. И хоть те не перестали, но все же уменьшились. Пробили всех идея и чувство, значит доросли до идеи и до чувства. Это есть некоторая и даже значительная степень зрелости, и почему же не порадоваться ей. Похвалиться нельзя ими что ли? Да почему же нельзя? Вы-то не хвалитесь что ли (в зеркало). Вот беда, если мы так и останемся и дальше не пойдем.

Позвольте вам сказать, что Франция ровно ничего не сделала для Италии. Тут Наполеон и политик⟨а⟩ (отчасти после Орсини). Страшно влияет иной раз этакая личная психологическая штучка. Была бы другая политика, вышло бы другое. А Франция и шевельнулась бы. [Это не зн] [Потом]

---

* *На полях слева*: Крит
** *На полях слева*: Атт⟨естат⟩ зрел⟨ости⟩

Это не значит, что там нет сторонников, работников, буржуа. Большинство любит идею подчинения [Франции] Италии, даже республик⟨анцы⟩ смотрели на Гарибальди, а потом Jamais. И все-таки я не думаю, чтоб это было так трезво. Какой еще уморительный пример насчет Гарибальди.//

NB. Сперва о зрелости, а потом о единоверии о татарск⟨ой⟩ [татар о] церкви и православии пишет Дост⟨оевский⟩.
Остроумие.

Уничтожены ли у нас где-нибудь инородцы в пользу великорусов. Вот ведь охота такой казенщиной пробавляться.

Отделить судьбу мистическую от гражданской. Тут речь вовсе не о [вере] том, об чем вы думаете.
Хотя элемент веры очень важен в народе. Здесь же, в настоящем случае, элемент веры в живой жизни, есть честь, совесть, человеколюбие, источник всего — Христос. Что ж вы что ли лучше Христа?
Я вам не представлял ни одной мистической идеи.

Да, конечно, с одной стороны...
Но если взять с другой стороны.
Что лучше: с одной стороны и с другой стороны, или наивный Вагнер?
Вы fruits secs*. Вы не Грановск⟨ие⟩

Что вот, дескать, все увлеклись, но один остановит.
Аттестат зрелости, давали лишь писатели, а сочувствие к кандиотам все же было искренное.

Чего же вам хочется? Чтоб потылицей жертвовать — что ль. Не увлекаться, без поэзии. Нет, вы отнекиваетесь. Так чего же? А вот чтоб не забыть, что все-таки мы не зрелы и в гордости оставить дела, которым у нас самих и т. д.
Да кто ж это забудет, какой дурак!

Театр. Опера. Все в восторге.— Опера оперой, но не забыть, что у нас есть вопрос о полиции,— или бал — не забыть грамотност⟨и⟩.— Да не забудем, все в свое время! Но вы скажете, это нейдет, не то, //
несоизмеримо.
Ну в школе сидят, но не забыть, что есть больше.
Ну на Бородинском поле,— и это хорошо, что вы так сражались, но не забудьте, что есть много гражданских дел.

Казенный либерализм.

Шаблонное человеколюбие, либерально-пресмыкающееся направление.

«Угрюмые тупицы» либерализма.

Главное. Теоретическое отношение к делу, т. е., если хотите, даже и не теоретическое, а просто — лениво домашнее, тут мысли нет, тут шаблон.

Насчет же политической зрелости я не виноват, если вижу ее лишь в народном чувстве (присутствие и возможность этого чувства есть очень важный факт и результат зрелости) и еще пущей, может быть, в том, что и из интеллигентного класса многие сошлись и чувством и делом с народом.

---

* сушеные фрукты *(франц.)*.

Касательно же сознательного отношения к делу,— то журналистика не очень отличалась. Одни лишь «Московские ведомости» на высоте зрелости отношения к делу,— а из прочих я бы назвал немного, очень немного газет серьезных, а чтоб всегда им верил, то почти ни одной.

Орсини, а еще вернее будущее опекунство. Франция и романские племена. Тьер. Вспомните, что Франция очень верна своим историческим преданиям.

И когда потом Кавур стал продолжать свое дело, а Гарибальди захватил Неаполь,— думаете ли вы, что Франции это было приятно, да и не то, что Наполеону, а Франции?

А знаменитое *Jamais!* (Не помните?) //

Франция уж не любит благодетельствовать даром. Захват. Наполеон I. А у нас бескорыстие. Вам это указывали, тыкали пальцем, да вы не обращаете внимания на православ⟨ное⟩ дело. Вот тем-то и хороша эта формула, что в ней бескорыстие. На дипломатов наших будет иметь влияние.

И опять: «Франция больше сделала» *. Но ведь с Сербией не кончено. Но движение народное все же благонадежнее, чем расчет политики Наполеона III.

Воображаете, что они аттестат зрелости и забудут. Главное: все это фантастично, все это не так, как в жизни делается. Старые, неисправимые идеалисты.

Пуганая ворона куста боится.

Думаю тоже, что и немцев нельзя в очень уж большой скромности и воздержности упрекнуть. Разве вот англичан? те так скромны, так приниженны, можно даже сказать.**

Вот аксиома: никогда не будет такого момента (такого состояния вещей), чтоб Константинополь не был чей (чьим)-нибудь (не принадлежал кому-нибудь). Это аксиома. Ее нужно заметить. — Даже и теперь могла бы быть (в фантазии разумеется) такая комбинация, при которой одной силе достался бы Восток, а другой Запад, и кто против этих двух сил? Я не говорю, что это будет или должно быть, я против такого решения, я говорю только, что факт этот мог бы быть.

Рутина блаженствует, и вдруг является Напо//леон, Бисмарк, чудо, но опять привыкают, опять блаженствуют, и вдруг опять комбинация, опять чудо. Характеристика простоволосых в том, что они при каждой комбинации считают все дело законченным, является слово: равновесие (никогда не бывшее) и проч.

Пока существовала Казань, [буду] нельзя было предсказать, кому будет принадлежать Европейская Россия: русским или татарам?

Мы благодарим татар, и что же далее?
Что вы хотели сказать? Вы что-то хотели сказать?

Вы насчет зрелости. Эта фраза в последнее время стала производить неприятное впечатление, вы за нее и ухватились... Да кто же думает, что совершенно созрели и что *надо* остановиться. Какому глупцу придет на ум эта мысль. А потому какому педанту... пришло в голову порисоваться.

---

* *На полях слева*: Франция
** *На полях слева*: Англичане

О том, что турки всячески нарушали перемирие и переводили свои войска из одного места в другое.

«Н⟨овое⟩ в⟨ремя⟩», № 197*, 15 сент⟨ября⟩. Совр⟨еменные⟩ известия. *Восточные дела.* Корреспонденция «Теймса» из Вены.

Бедные наши солдаты, бедные наши севастопольцы, с Георгиями, старые майоры, санитарные отряды и походные церкви,— все это социалисты и коммунисты! Уроды и уродки! Однако ж они могут достигнуть *некоторой* цели. Михаил Григорьевич, бедный социалист.

Вот слова «*Москов⟨ских⟩ ведом⟨остей⟩*» о социализме и избиении социалистами болгар, № 234 (14 сентябр⟨я⟩).

Передовая.

Равновесия Европ⟨ы⟩ не существовало. Правда, дипломатическое давление Европы [бывало и] в пользу прав и обязанностей равновесия бывало иногда весьма сильно для иных держав... Но это были овечки. Для волков же ни разу закон не был писан. Я только замечу, что волком в нынешнем столетии Россия ни разу не была, а все овечкой, правда добровольной и рыцарской овечкой, но все же овечкой. //

«Московс⟨кие⟩ ведом⟨ости⟩» лучшая из газет. Остальные желтороты. Желтороты даже и седые из газет. Нравится, что вот и я еще сужу о политике, да еще о каких делах-то. [Особенно] Есть мелкие черты желторотости: называть английского первого министра премьером (вероятно, так его называют по-английски). Когда ⟨...⟩ Дизраэли сделали виконтом Биконсфильдом,— это был у нас чуть не праздник для газет. Подумать, что иные нарочно писали об Англии, чтоб употребить выражение лорд Биконсфильд. Да и вообще иностранные собственные имена возбуждают у нас обаяние. Ну как сравнить, например, по величию благозвучия такие собственные имена, например, лорд Дарби, лорд Сомерсет, Герезон Давоншир — [или] с Нарышкиным, Репниным. В сравнении с такими именами, как, например, Салтыков, Плещеев, князь Козловский, Ростовский, Кутузов, уступают решительно. Сомерсет, так уж и слышно, что он Сомерсет. Это нечто важное. Ну а что такое наше русское имя. Монтано, например, как грациозно, и строго и грациозно. А тут Иванов. Куприянов,— фу, как неблагозвучно.

Что тут такое? Любование ли тем, что он премьер, а не просто первый министр, подшучивание ли над этим (только вряд ли?), фамильярность ли маленькая газеты с английским министерством (ну, это очень может быть) или просто невиннейшая из похвальб, что вот, дескать, и я знаю, что в Англии первый министр называется не первым министром, а премьером.

И в самом деле: когда он пишет «премьер», то это увеличивает в нем чувство собственного достоинства, как будто и он премьер или по крайней мере на высоте событий и уж, конечно, понимает теперь всю политику.

[А если не премьер, так около премьера вертится]

Биконсфильд.

Биконсфильд, ⟨Д⟩израэли романист, верно сам сочинил, какая прелесть. А если и была такая земля, и проч.

Конечно, это все доказательства ** ничтожные (о политической желторотости газет). Но ведь параллельно с тем и все остальное. //

Аттестат-то созрелости, пожалуй, дадим: почему махонькую не пропустить, погорячимся.

---

* *Повторено сбоку*: «Нов⟨ое⟩ врем⟨я⟩», № 197.

** *Первоначально*: заметки

Сомерсет — и вдруг в сравнении с тем Стасюлевич. Какое неблагозвучие!

Бородинск⟨ое⟩ поле, вы умираете, но это всего легче, гораздо труднее обратить внимание на свои гражданские несовершенства, на изучение края.*

— Не замай, барин, обратили внимание, дай только здесь-то дело кончить, не мешай.

Я ничего и не говорю и даже не желаю мешать. Я отойду в сторону подальше, в ретирадное место, откуда и буду делать мои наблюдения пад этим весьма, впрочем, легким делом, но я лишь боюсь, что вы возгордитесь, дадите себе аттестат зрелости, тогда как...

— А на нас-то не изволите посмотреть, мы бы вот сейчас ударили.

Нет, я лучше удалюсь в сторону и оттуда буду сочувствовать.

—Да дай пожить-то, барин. Ну, попразднуем маленько, не без этого, а потом и дальше пойдем. Да и нигде, нигде так не делается, чтоб не попраздновать маненько.— Мы ли хвалимся. Французы-то, звона, на весь мир как хвалятся! А англичане-то! А немцы-то.

Но о французах именно и пишет и даже в пример подает. Освобождение Италии. Какое странное понятие о факте!

Константинополь. Вернее всего, что его оттягает Англия, т. е. все будет поддерживать Турция, ее либерализм, величие, необходимость и независимость, а как дойдет до крайнего момента и как увидит, что нельзя больше, то возьмет и займет его. Она даже начала: Египтом и Безикской бухтой. Так что России придется иметь дело уже с Англией, а у Турции, полагаю, она никогда не решится занять Константинополь.

Черняев, Египет, «Москов⟨ские⟩ ведомости».

Я оставил без ответа, ибо что можно тут отвечать, [нуж] чтоб отвечать, нужно начинать ужасно сначала, а в ином обществе и при иных вопросах это не только неудобно, но даже неприлично.

У нас способнейшие люди не понимают восточного вопроса. //

2) Кто боится тарантула: не думаю, чтоб биржевые жиды и бессердечные дипломаты. Честные люди, они тверды, но нельзя не бояться. Война хоть и добро. У нас сомне⟨ния⟩ в офицере, в движении общества. Желторотость газет.

№. 1) Может пустяки, а может страшное и радикальное потрясение политическое.

Piccola bestia. Умирают от тарантула вовсе не часто.

Стушевался.

1) Piccola bestia.
2) Слова, слова, слова!
3) Комбинации и комбинации.
4) Халаты и мыло.

1) Застарелые люди.
2) Кифо-Мокиевщина.
3) [Все то же] Продолжение предыдущего.
4) Статья Кифо-Мокиевщина.

Страхи и опасения.

— К Масленникову. //

---

* *На полях слева*: Бородино.

[довольно же было подвернуться] [Сергей Никитич Колонтаров]
[ну там спрятались бы куда-нибудь]
Халаты и мыло
Веские слова.
Об народе они пробавлялись сотней анекдотов, [ужасно] ужасно их веселивших, чему я свидетель,— за тупейшим нередко непониманьем того, что сквозит и тих⟨о⟩ светит в простоте его смиренной. //

Текущее:
Перечесть в книге написанное (о дуэли, например).
Потом письма и проч. //

Лучшие люди. *Главное.* Где лучшие люди? Мы не остались при сословии и предрассудке, а лишь при идеале. Литературный идеал демократ. Народный — идеал доброго человек⟨а⟩ лучше. К тому же принципы вроде учение свет. [Вы вы]. Все вместе в высшей степени демократично, — заметьте себе это. Чиновники, сделанные Петром (идеал хорошего человека не удержали), никому в голову не придет, что статский советник и действ⟨ительный⟩ дается за совершенство нравственное, тогда как, в строгом смысле, так и должно бы быть, да и при установлении так и рассчитывали, это несомненно (им хотели заменить род, местничество; местничество где-то изображено вроде подавленного чудовища и на место его явились чистые ангелы — регистратор, надворный и статский советники). По крайней мере, чин определялся вселять столько уважения, а носящий его определялся до того с достоинством соблюдать его, чтоб и общество и народ признал его за все самое лучшее. Но не так. Восторжествовал демократизм. Но ведь это лишь идеал, а в действительности... Но начало чести... [и т. д.] 200 лет прививки, кроме того *человек есть человек*: высший идеал простить и величием невозмутимости своей, спокойствия своего при обиде — невольно покорить. Но когда еще люди будут таковы? Между тем закон // прямо требует идеала: прости. И не соображает ответа: но ведь я ношу шпагу, где же честь, иначе цинизм и вам же, обществу же вред. Но ведь простить из идеала только свято, а простить из цинизма, из срама, из цинизма эгоизма, т. е. трусости,— подло. Но есть законы, говорит закон. То-то и есть, что нет.
Неуловимость сильнее всего.
Карлов, собаки. Ну какой мировой судья —
На детей, на жену (которое ⟨?⟩ общество всегда поддерживает. Письмо корреспондента).
Да, корреспондент прав, и этого нельзя вынести. Общество начнет вас презирать и не уважать. Восстановить себя можете, лишь сами убив.

Окончательный конспект сентяб⟨рьского⟩ №.
— Слушали проекты каких-то немцев — а не мой. Piccola bestia. Халаты. Восточн⟨ый⟩ вопрос. Египет. Черняев. Константинополь наш, равновесия нет. Новый фазис политики (двойни).
— «Вестник Европы» (весь ответ).
— [Селину] Рагозину.
— [Селину] О дочери Герцена.
— Селину. О дуэли и Печорин.
— Последняя страничка о событиях. //

«Современные известия» воруют у меня, только пишут глупо. «Новое время» в восторге, № 198, 16 сентября.

О, «Вестник Европы» говорит, что он не хочет мешать народу, и однако движение народа ему ужасно противно. Это Грановск⟨ий⟩, после статьи

своей увидевший движение народа именно в том смысле, в котором он отрицал его.

Кандиоты. Это дело делается инстанциями: сначала кандиоты, потом гости-славяне, потом встреча броненосца,— почему всему этому не быть.

Мы созрели,— никогда этого не будет. Если б и явились этакие чудаки, то сейчас подле явились бы другие, и нигде как в России: дух отрицания, дух сомнения. Более как в России нигде, а вы выставляете Францию.

Основание в Европе — две силы.

Англичанин кажется скромным? Или немец: в самом деле вот смиренный-то человек, а скромность-то какая! а недовольство-то собой какое, начиная с Бисмарка и Рихарда Вагнера до Ревельского...*

Остроумие. И если вам бог не дал, то нечего и решаться на остроты. Почтенное навьюченное нравоучениями существо.

Статьи восточные из «Вестника Европы» полезны для ума, но... видите ли, я более люблю — уж лучше кончу. //

Европейскому равновесию повинна одна Россия.

Вы идеалисты 40-х годов, но вы устарели и обратились в нечто хотя и весьма почтенное, но навьюченное целым возом устарелых неподходящих готовых нравоучений, ненужных, первобытных, до того [устарелых], что даже стыдно читать. А впрочем, тут, может быть, просто ленивое отношение к делу, нечто либерально-пресмыкающееся по шаблону.

Уступает Белинско⟨му⟩ Грановск⟨ий⟩. Ну кто испугался за то, что мы дальше не пойдем, потому что изгордимся и успокоимся? И кто может принимать это за серьезное и глубокомысленное? А впрочем, вы, может быть, и в самом деле испугались, от вас это станется.

Изучите православие, это не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, вполне вот те живые силы, без которых нельзя жить народам. В нем даже мистицизма нет,— в нем одно человеколюбие, один Христов образ.

Это

Я не отрицаю в вас ум, но ум, конечно, не по мерке русскому движению и восточному вопросу.

О конечно; статьи восточные из «Вестника Европы» полезны для ума, но... но уж лучше я тут кончу.

Да отчего же и не похвалиться? Ведь нас все так ругают, и сами мы так себя 30 лет сряду ругаем **.

Признайтесь, что вы хотели сострить — а? Но видите ли: остроумие есть, во-первых, дар природы и... а впрочем, я тут прерву: к чему прикасаться к наиболее щекотливым пунктам. Раздражен. Я бы желал... чтоб обращались лучше, не то и мы сумеем ответить.

Погибнете под вашим ворохом (возом) либеральных нравоучений и проч.

---

* *На полях слева*: Немец. Англич⟨анин⟩

** *На полях слева*: Аттестат зрелости

...Многие люди, ординарные умом и отсталые, но по ограниченности своей считающие себя на высоте движения.

Вы оказались не на высоте движения, вы его не понимаете. Это не меньшее, это наибольшее. Тут встреча наша с народом: оказались неспособны мыслить, правильно чувствовать, неспособны ни на что решиться. //

Главнейшее.

«Новое время», *№ 201*, воскресенье, 19 сентября. Статья: «Что делать?» С английского «Daily News». Программа английских либералов.

Важнейшее. 22 сентября, «*Голос*». Мнение «Journal des Débats» об обществ⟨енном⟩ мнении России, также легко возбуждается, как и потушается. Ввернуть в ответ «*Вестн⟨ику⟩ Европы*» в месте *о критянах* и проч.

За единоверие или не за единоверие.
Да помогите просто.
Ведь стоите же вы за татар.
Тот за веру, тот за то, что они
свободу, а все слабым, угнетенным и избиваемым. //
Важнейшее.

Если б они были настолько развиты, чтоб драться за свободу. — А оказались бы до того забиты, что уже и не мечтали бы о свободе, а просто выли бы над своими ребятишками, у которых мучители отрезывали по одному пальчику каждые пять минут, чтоб продолжить их мучения в глазах отцов (так же было), то на вас вдруг нападет холодность; нет, они не возвысились до понятия о свободе, сего единственного блага людей, а посему я и удержу мои пять руб. в моем портмоне. Ваше-то понимание [то], ведь плечи христианские, а? как вы думаете? А потому нечего вам стоять *фертом* перед народной формулой, но православие дело.

Удаляться на печь.

Никогда не удостоют вникать в реальную правду вещей, а удаляются в свои теоретические определения, сделанные когда-то на великой сходке Гер⟨?⟩, Одоевск.⟨?⟩, а между тем оказавших⟨ся⟩ в *иных случаях* страшной близорукостью и несправедливостью.

Неопытность ведения дела — вот что у нас есть.

Вы хотите, чтоб не так уж слишком, чтоб поменьше *.

Именно теперь, именно в эту минуту английские и немецкие органы печати советуют нашему правительству приняться за укрощение поднявшегося русского духа. Но это уже, конечно, другое, вы самому обществу советуете, чтобы оно поукротилось. //

«*Новое время*», четверг, 23 сент⟨ября⟩, № 205, прокламация софитов в Константинополе из газеты «Temps».

Вы сердитесь на рубрику, положим это ваше дело,— но почему разбирать, та, дескать, причина, по которой жертвов⟨атель⟩ благороден, а та нет. Народ просто жертвует.

Находить вероисповедную нетерпимость в русском человеке грешно, просто грешно.

Мало ли не скопилось обвинений на голову русского человека. Это стыдно.

---

* *На полях слева:* Здесь

В. Н. АНДРЕЕВ-БУРЛАК ЧИТАЕТ «РАССКАЗ МАРМЕЛАДОВА»

Фотография 1880-е годы

Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

Final

Если б это только было из раздражительности вашего самолюбия: дай-ка, дескать, скажу умнее всех, то это было бы в высшей степени простительно.

Человеку ненаходчивому ужасно нравится отличиться.

Но так как вы действительно верите в эти свойства (не отрицайте, вы верите), то это только показывает ваше жалкое незнание и проч.

Вредн⟨ая⟩ теоретичност⟨ь⟩, вредное распространение ложных идей. Седые греховодники против русского народа.//

Единоверие

№. Искать причины помощи не допускает Евангелие. Просто получай, самарянин.

А если раз допустить причину помощи,— то сейчас же войдете в ум и рассуждение, нет достаточной причины, нет, ему помочь, он не любит свободы — сего первого блага людей.

Почему вы хотите похерить историческое требование, сохранившееся в живой жизни, и подставить вместо того другую, книжную и несравненно более сбивчивую, ошибочную и низшую мысль.

Не говоря уже о том, как смешно пробовать сдвинуть стену. Ведь не сдвинете. Западнические Кифы Мокиевичи.

А что если б слон родился из яйца.

А что если б не было истории, а стало быть не было ни православия, ни единоверия, тогда помогали для более высшей мысли, для свободы — сего первого блага людей.//

Единоверие.

Самарянин, тому и учит Евангелие, чтоб не смотреть на веру.

Вместо веры себя, но у вас хуже.

Но раз вы поставите рубрику, свобода —сие первое благо, то болгарам уж не *помогу* (а черногорц⟨ам⟩).

Ведут к церковным вопросам и т. д. Но приложимо ли это в данном случае хоть сколько-нибудь?

Аттеста⟨т⟩. *Аттестат зрелости.* Что за стариковское педантство!

Final. Вы отпетые, нынче наступает время не то.

Самобичеванье в нашем обществе. //

Октябрь

Заметки.

Заметки. Комитет для вспомоществования вдовам и сиротам павших на войне и пожертвования [пр] по следующему адресу: Сергиевская, дом № 17 (от 11 утра до 1 часу). Всего поступило по 1-е октябр⟨я⟩ (6258) руб. (смотр. «Новое время», № 214, суббота, 2-ое октября).

Шариат — духовный и нравственно-юридический кодекс у мусульман. Истолкователи шариата духовенство, и оно проповедует войну против христиан («Русский мир», 2 октября).

Октябрьский № (первоначальная программа).

4 элемента.

1) О вспомоществовании молодежи.
2) Ответ на письма.
3) Рассказ.
4) Восточн⟨ый⟩ вопрос (в самом конце).

Сначала:

О том, что такое лучшие люди. Чин и богатство (помещики), потом купцы. [Помещики кончились (дворяне)]

У народа свои идеалы. Протащились (и в лучших). Много аттестатов. (Идеалы разные, сбивчивость, путаница, Печорин.)

Кончились помещики, кончились лучшие люди. Реформы, ⟨...⟩ купцы. (Мелькает талант, образование, но главное *деньги*); чин *хочет пасовать*, придворные. Народ молчит (разврат и его тронул). Народные идеалы. Проповедь социализма (оттого успех, что нет идеала лучших). [по]

Помощь славянам как раз подоспела (помещичество и семейство разрушается). В России загадка.

(Струсберг, Полянский, позорно плачут.)

— Герцена дочь.
— Бродяги. Пауперизм.
— С образом из окна.
— Лучшие люди.//

Текущее — октябрь.

Текущее для *окт⟨ябрьского⟩* №.

Молодежь.— Поверка лошадей. [Околоточный] Участковый пристав,

справляющийся: нет ли служивших в военной службе,— толчок в обществе и на бирже.

Переписка *. Редакция издания (Гайдебуров) не находя удобным (NB, по всей видимости, слово *удобным* означает цензурно-возможным и проч.).

Общество. Идеи, от которых иду (аксиомные):
1) Положительная польза в том, что получатся образованные люди. Умножение интеллигентной силы.
2) Уменьшение интеллигентного пролетарства, *бегства в народ*. Укрепление семейного начала.
3) Они *отдадут*.
4) Вера в молодые силы, в их благородство.
5) Надежда на будущее единение. У них своя alma mater. Чувство общей благодарности, укоренение принципов и правил, уже самими ими выведенных из жизни, а не преподающих в школе в виде обязательных формул и проч.

По университетским городам, но с сохранением общего единения.

В народ. Валеты. Бродяги, близость к мошенничеству, разъединение, дурные элементы.— *Неисчислимо больше дурного, чем хорошего для государства*. За 500 000 можно бы устранить. Много ли 500 000 для такого блага? //
Единение молодежи и прием его *нравственного единения* и правил от воспитателей прямо от вольного общества.
И обратно знакомство и общества и государства (в лучших представителях его) с молодежью, с обществом**. Узнание, что винить и что [простить], извинить. Справедливость. Выгоднее броненосца или поповки, берущей не 500 000, а четыре миллиона (хотя и поповки необходимы).

Не может быть столкновений общества с правительством. Уже в самом обществе могут быть и непременно будут элементы [из прав] пожелания добра правительству, еще высшие и сильнейшие, чем сами чиновники от правительства.

Общество. Я мог наговорить вздору, хотя я еще и не представляю плана, но основные мысли (аксиомы), из которых я выхожу,— *безошибочны*, я верю в это.— А во вздоре меня всегда могут поправить те, которые понимают это лучше меня.

Броненосец, тут я вижу такую *броню*.***
Обществ. Некрасов, ушедший от отца. //

Много скандалу — и никакого результата. Везде биржевая игра, все биржевики (высшие правители России) ****. Бюджет и финансы хорошо, но что стоит гривенник, за то дают рубль. ⟨...⟩ Купцы ⟨...⟩ Без образования, без развития, мамон, разбогатевшие мужики.
Лучшие люди *****. Где теперь и что такое теперь лучшие люди. Чи-

---

* Переписка — *на полях слева*.
** *На полях слева*: Главное
*** *На полях слева*: Броненосец
**** *На полях слева*: Струсб⟨ерг⟩
***** *На полях слева повторено*: Лучшие люди. *Несколько ниже*: Без лучших людей земля не стоит

ны — пали, [пос] дворянство пало. Все форменные установки лучшего человека — пали. Остались народные идеалы (юродивый, простенький, но прямой, простой. Богатырь Илья Муромец, тоже из обиженных, но честный, правдивый, истинный). В обществе хоть и профессор, хоть и ученый, талант, но чтоб честный и истинный. Понятно, что надо бы такому мировоззрению удержаться в народе,— единственное наше спасение. Но если будут почитать купцов, мамону. Эти борятся, эти хотят [у] осилить народное мировоззрение. Были бы денежки, были бы сижки. Огромные народные потрясения, вроде войны, были бы спасительны.

Война бывает каждые 25 лет. Не останавливают ее ни развитие, ничего. Значит, нормальное состояние.*

Простейшее соображение: если и перемирие для возможности конгрессов на 6, 5, 3 месяца или 6 нед⟨ель⟩ (все равно),— то, положим, военные действия и все эти демаркационные линии будут строго определены. Ну а резня болгаров, продолжающаяся. Ведь // для России это все то же? (NB. Смерть в Петербурге 4 октябр⟨я⟩ крещеного солдата татарина, от двух его бывших единоверцев татар, разумеется, за то, что он окрестился.) *Вот вам пример шариата под носом.* Так если это в Петербурге, то как же уберечь болгар,— которые *там*, у себя, т. е. у турок? (О солдате татарина см. «Новое время», № 218, среда, 6 октября.)

Аксиома *

Нам надо всегда знать и помнить и быть убежденным, что в решительных общемировых вопросах Россия, если пожелает сказать свое слово или провести свое мировоззрение самостоятельно,— всегда встретит против себя *всю* Европу, без исключения, и что, *в строгом смысле слова*,— у нас *в Европе нет и никогда не будет союзников.*

Лучше бы разделиться Европе на две силы, на германскую и всеславянскую (Англия в стороне) **. Тогда бы и кончено, и обе силы могли бы ужиться вместе, решительно друг другу не мешая (перемена карты Европы окончательная и радикальная).

Устранение романского племени. Мог бы разве только соединить Папа. Остальные // европейские народики— могли бы процветать в мелких отдельностях. Но политически две бы только силы.

Конечно, это мнение о «Вестнике Европы» сделано для старинного древнего «Вестника Евр⟨опы⟩», а не теперешнего, издающегося под редакцией г. Стасюлевича, конечно к тому же*** совсем в другом формате, и совсем не на *той* бумаге, *но*... да и бумага совсем не та.

× совсем в другом формате, да и бумага совсем не та, но...

«Москов⟨ские⟩ ведомости». Проповедь соф⟨т⟩ов по шариату («Москов⟨ские⟩ ведом⟨ости⟩», октября 5, № 253)****.

Для нашего общества нынешнее лето — это целый курс в университетск⟨ом⟩ факультете.*****

«*Голос*». *7 октябр⟨я⟩*, *№ 277*. Статья Ларош, похвала «Вестнику Европы», «будем жертвовать лучше на школы».

---

* *На полях слева*: Война
** *На полях слева*: Война. Здесь. Главное NB.
*** *На полях слева*: «В⟨естник⟩ Евр⟨опы⟩»
**** *На полях слева*: Шариат
***** *На полях слева*: Факультет

Без этого, как вы говорите, *бездеятельного* (?!) неопределенного чувства, не будет жертвы и на школы. Какая глупенькая мысль, какая маленькая мысль, прямолинейная мысль. Старое г⟨..⟩но.

«Голос» запел было в унисон благородному порыву, потому что не расходятся №№, а в фельетонах у него и L и мыслете. Откуда вы возьмете восторги на школы, при нашей бирже, без жертв кровью (милитаризм! Осел!). //

*См.**

Можно ли теперь *затушить народное* движение в пользу славян, и не было ли бы гораздо большей опасности, если не удовлетворить народ, в который уже прорвались сведения о страдании славян. См. «Москов⟨ские⟩ ведом⟨ости⟩», 6 октябр⟨я⟩, № 254, среда. Письмо к издателю.

Еще о *Константинополе.*

«Новое время» от 3-го октября, № 215. Статья из провинции, накануне решения восточного вопроса. Газета печатает ее как образец чисто русских взглядов на славянское дело.— Опять Константинополь общее место, нейтральный (и Игнатьев, и Данилевский, и образцы взглядов — все). Да есть ли толк в этих головах! Может ли, приготовлен ли Константинополь к тому, чтоб быть нейтральным, ничьим. *Вольные города* выживали свою форму сами длинною жизнью, а здесь что можно сотворить *из ничего.* Ибо что такое Константинополь — огромная масса магометан. Центр — магометане, к ним примкнут евреи, армяне и даже славяне — против греков. Начнется война за преобладание, точь-в-точь то же, что и теперь в Турции.//

Греки не могут не потребовать большей свободы. Турки не смогут не начать избивать их как теперь, и как сильнейшие. Патриарх поссорится за Софию, за христианство. Поссорятся за способности. Греки способнее, хитрее и образованнее турок, турки же сильнее массой. Но греки не могут уже смотреть на них как на господ, ибо турки потеряли авторитет калифатства.

Да и все греки (Афины) будут с греками константинопольскими заодно.**

Война и резня (славяне, может быть, за турок), придется гарнизон поставить международный. Хорош вольный город с международным гарнизоном. Будет даже не общее место, а гнилое место.

Само собою кончится тем, что заведутся для порядка англичане и присвоят себе все.

Международный гарнизон в Дарданеллах тоже удивителен. (А интригто: каждый начальник гарнизона к себе тянет. Ведь необходим общий губернатор, не правда ли, кто же его будет ставить, по выбору турки.)

Чуть война с Россией, и Европа запирает России Дарданеллы! Да неужели нам вечно сидеть взаперти, не видать моря!

Константинополь наш, должен быть наш и больше ничей (Поццо ди Борго). Смотри статью Соловьева «Восточный вопрос».

Чтоб овладеть морем, нужно взять проход в море раз навсегда.

Сейчас после того вторая статья: *Европа и две силы.* Франция—нация вымершая и сказала все свое. Да и французов в ней нет. Ибо — социалисту и народу — работнику — все равно. Буржуа — все равно. Бонапартисты перейдут к немцам. Легитимисты — труп, остаются республиканцы, идеальная république, название без тела.//

---

* *На полях слева*: Здесь важное

** Да и все ∽ заодно — *на полях слева.*

Важная страница.
О Молчалине.*

Глупая статья «Русского мира», против статьи «Голоса» о помощи турецкому капитану (перешедшему в христианство).

Православие не разъединяющий, а напротив всесоединяющий мотив. Это «рубрика», по которой к нам примкнет весь Балканский полуостров, не только с славянами, но и с греками и с Константинополем.

Россия в Крымскую войну не бессилье свое доказала, *а силу*. Тогда можно было так говорить *для реформ* будущих, но теперь дело *иное* и надо сказать правду **. Несмотря на *гнилое* состояние вещей, вся Европа не могла нам ничего сделать, несмотря на затраты и долги ее в тысячи миллионов.

Да и внутреннее состояние наше крепче, как нигде ***. Самодержавие. Европейский взгляд на него у царей (ограждаются гвардиями) и будущий поворот его на русскую почву, т. е. все свободы, ибо *не боятся* (как на Западе) народа и подданных.//

Аполлон Григорьев.
Просят переводов.⟨...⟩
Я готов, это прямая обязанность христианина. Но status in statu, не надо усиливать, сознательно усиливать, но я вовсе не о том, я о великой идее.

«*Новое время*», № 224, вторник, 12 октября.

О Струсберге и его *великой идее*. И известие прослушали мухи, медовые духи,— путей сообщения.

— Я пострадал от доноса, а вы нет.****

— За это вас не только не оштрафуют, но даже в теперешнюю минуту беспорядочной подымчивости и криков: «в Сербию!» или «За славян!»— дадут вам же самим крест за умеренность и аккуратность.

За это дают отличия, за умеренность и аккуратность!

— А если вы не любите России, то я и не стану утверждать, что вы ее любите. Это уж извините! Я хочу остаться свободным не только с той, но и с другой стороны. Мой девиз за правое дело, а кто не прав, пусть сам на себя пеняет.

Вам хотелось сказать умнее всех, а между тем это у вас не вышло.*****

«Новое время», № 226 — четверг.— «Приказание Лофтусу отправиться в Ливадию, не означает ли полное бессилие Англии?»

Держите карман. Вот она вам задаст бессилие!******

«Journal de Pétersbourg». Газета для лакеев.

«*Московские ведомости*», четверг, № 262. Струсберг о банкирах (великая идея).

Великая ли идея? От вашей великой идеи кто-нибудь должен страдать. (Лучшие люди.)

Тут статья «Голоса», 7 октября, Лароша, похвала «Вест⟨нику⟩ Европы».

---

* *На полях слева*: Здесь
** *На полях слева*: Обособление. Токарев. Доктора. Бар⟨ыня⟩, мне отвечающая.
*** *На полях слева*: Здесь !
**** *На полях слева*: В случае «В⟨естник⟩ Евр⟨опы⟩». *О доносе*
***** *На полях слева*: «В⟨естник⟩ Евр⟨опы⟩»
****** *На полях слева*: Бессилие Англии

Станем сбирать на школы. Не будет и школ без этого *бездеятельного чувства*. С великими идеями Струсберга.//

Струсберг. Начиная с слезливо-кающихся негодяев до взаправду * непонимающих, почему они негодяи.

«*Московские ведомости*», № 263, 14 октября. Передовая о конгрессе рабочих в Париже, возрождение социализма, параллель с восточным вопросом. *Великолепное сравнение.*

«*Московск⟨ие⟩ ведомости*». Тот же № о красном кресте (Токарев). Сепаратизм врачей. Обособление. Ему надо начать отличаться.

«*Москов⟨ские⟩ вед⟨омости⟩*», тот же №. О продаже женщин и детей *в Константинополе*.— Лофтусы дозволили, студенты в Пеште в честь Турции. Шатание в мире.

Шатание, рады, что накинулись на Струсберга.**
Члены совета не смотрели: да и все так у нас всегда смотрят.

«Новое время». Суббота, 16 октября, № 228.
Тосты *Кетчера*.***
Глупо № общество. Прямолинейность. Так как я заимствую, то должен сказать: Суворина. Много выражений погибло. Друг у друга. *Стушеваться*. (Молчалин. Треугольная ранка. Замер на шпаге, как стрекоза, но был строг.)
Шекспир погибает по глупости.

«Биржевые ⟨ведомости⟩» от субботы 16 («Нов⟨ое⟩ врем⟨я⟩», 17 окт⟨ября⟩).
О вреде взятия Константинополя и пр.

Об адвокатике Норейке.

«Нов⟨ое⟩ вр⟨емя⟩» — газету, которую я читаю не всегда с большим удовольствием, но успех которой показывает, до какой степени надоел «Голос», тщащаяся что-то сказать «Биржев⟨ым ведомостям⟩». //

Никогда [действительность] фантазия не может выдержать сравнения с действительностью.
Щедрин.
Это я знал.
1) Две смерти. Дочь Герцена. Холодный мрак и скука.
Мачеха.
2) Потом из окна с образом.
Смиренное самоубийство. Мир божий не для меня. Как-то потом долго думается.
О сумасшедших.

— Бродяги. Пауперизм.— Слухи про университет. Верить этому.
— Переводов? Оставляет угрызение совести.
— Кто будут наши лучшие люди? Те, кто понимают, в чем состоит счастье.— В богатстве? В нравственной свободе? ⟨...⟩

---

* *Первоначально*: серьезно
** *На полях слева*: Струсберг
*** *На полях слева*: «Новое вр⟨емя⟩». Кетчер

— Потушить христианство опасно. Про Россию думают, что слишком легко все с ней сделать (западники). Между тем все идет по своим законам. Статья Ларома. На школы. Сепаратизм врачей.

— Обособление. Токарев, доктора. Барыня, мне отвечающая. Целого нет в верхней оболочке. Опять-таки целое в народе.

— О Константинополе. Об Англии. Все тащут, вот бы и мне.

— О Лофтусе. Да, держите карман.

Стелловский, Аполлон Григорьев (лучшие люди, одни деньги).
Но тут еще поэты, а то Стелловские.
Я прежде гражданств.

и: последние известия.

С образом — и как сметь так много думать о себе?
Подала дама.

№. Слова и словечки.

Англия на этот раз драться не будет *. Помяните. Но она займет все места, которые ей надо и которые надо бы, чтоб Россия заняла прежде нее, и уж из этих мест ее не выживете. А драться, нападать, мешать, как в 54-м году, она этот раз не будет.

«Новое время», № 229. Фельетон (Полянский).**
17 октября, воскресенье.
«Петербург⟨ская⟩ газета». Воскрес⟨енье⟩. 17 октябр⟨я⟩. *О мачехе.*

Что командор велик — мысль тяжела, не из зависти к командору — а по своему суду самого себя, что сам клубничка.
Но он не клубничка.
Отразить храбростью.

Я попробовал образец критики.
Такой критики давно не слыхано. Мне хотелось пошалить.//

Струсберг все-таки лучше Овсянникова. Овсянниковы — испорченный народ.
Пушкин — этот главный славянофил России.

Не проходило 25 лет в сложности — и не проходило поколения у какого бы то ни было народа Европы без войны, и это с тех пор, как запомнит история, так что прогресс и гуманность — одно, а какие-то законы — другое ***. Тем не менее идеал справедлив. Да и сказано самим идеалом, что меч не прейдет и что мир переродится *вдруг* чудом. Но зато сказано, что вторичное явление идеала будет встречено избранными лучшими людьми, составу которых будут способствовать все прежние лучшие люди ****.

Если он действительно лучший человек, то вот он теперь, когда он потерял все привилегии лучшего человека,— вот он теперь и останется лучшим человеком, вот он теперь и будет хранить честь и совесть *****.

---

* *На полях слева*: Важное
** *На полях слева*: Струсберг
*** *На полях слева*: Война
**** *На полях слева*: Лучшие люди
***** *На полях слева*: Дворянство

Душа восстала против прямолинейности явлений.*
Как бы явиться исполнительницей приказаний Европы («Нов⟨ое⟩ время», 20 октября).**

Хоть и с Владимиром на шее, но мужик, но только развращенный. Овсянников вышвыривающий...***

Все бы это сделали мы все точно так же, но попалось то все, что хвалилось собою и выдавало себя за лучших, считало себя и прочило. В это же лето рядом сказали и России — чего она требует ****.//
Эту войну народ объявил. Le peuple c'est moi.*****

Или по прямолинейности ей сообщенных взглядов или не вынесла прямолинейности, а душа потребовала более сложного.*

«Голос», 20, среда. Статья Жемчужникова. Возразить короче и энергичнее. (Мешаете.)

Как не стыдно говорить Жемчужникову о сознании, народ гораздо больше и лучше вашего знает то, что он делает, потому что у него сверх ясного ума еще сердце есть, а [вот] у вас только старенький, сбивчивый отвлеченный либерализм, который вдобавок еще оказывается бессердечным либерализмом. Посмотрите: народ помогает славянам, чтоб помочь несчастным, болея сердцем (и таким он всегда был сострадательным и всегда готов бывал отдать и кровь и жизнь несчастному, а не с неба это упало только в прошлом году, как вы пишете). Вам же до сердечного боления за славян, до действительного сочувствия (нам, интеллигенции) — дела нет, потому что вы это считаете последним делом (почти презираете — т. е. живую-то жизнь, самое первое и главное дело), а у вас, напротив, самым первым делом и на первом плане — мертвый принцип, дескать, так в Европе по принципу гуманности, то и мы должны также. Вот этого-то сознания вы и требуете, чтобы он сознал, что это, дескать, гуманнее и мы, так сказать, облагородились и к Европе приблизились, а между тем у народа гораздо больше знания, потому что он не только знает, но и чувствует! Вот вам пример: такие, как вы, Жемчужниковы, европейцы, люди принципов, освобождали крестьян не из-за того, что им тяжело было, не думаю (о, не говорю про исключения), а оттого, что принцип крепостничества был осужден в Европе. Неужели не так? В огромной массе желавших освобождения было именно так.
Книжные вы люди, ослы, навьюченные книгами.
О русских, павших в сражении при Кревете.******

«Московск⟨ие⟩ ведом⟨ости⟩», среда, № 268, среда, финал передовой статьи.//

Общество вспоможения устроится, я верю.
Верю потому, что для меня разрешился вопрос, кто наши лучшие люди*******.

---

* *На полях слева*: Дочь Герцена
** *На полях слева*: Народ и пресса
*** *На полях слева*: Купечество
**** *На полях слева*: Струсберг
***** Народ — это я (*франц.*). *На полях слева*: Война
****** *На полях слева*: Война
******* *На полях слева*: Лучшие люди

Солдат идет умирать. Пусть есть что-нибудь и лучше. Важно не то. Важна решимость души их. Он видит, что это лучшее и непременно захочет лучшего, до положения жизни. До подвига.*

Книжные люди! Забыли даже, как живут живою жизнью и живете по книгам.

Неужели вы думаете, что он не сознает?
И что лучше: сознать или сделать.

Вы дешево купили себе ваши убеждения и прямолинейность.
Что за дешевизна!

Передовая.— О самодержавии как о причине всех свобод России. (NB . Тут-то и разница во взглядах русских иностранцев и русских-русских. По-иностранному тирания, по-русски — источник всех свобод **.//

NB. Отчаянное положение Черняева — интриги.

Картинка. Это не народ. Шваль.

«Новое время», № 234, 22 октября.
«Биржевые ведомости», 21 октября.

Младо и старо. Не от врагов *** пали славяне, а своими раздорами. Людишек, как Полетика Неулетика.

Конспект. Жемчужников
Школы.
Полетика. Черняев.
Сербы.
Лучшие люди.

В «Русском мире» защищают⟨ся⟩ сербы и артиллер⟨ия⟩, тогда как всем известно, что они бежали. Деликатность Черняева (о дуэли не писали, о давлении министров не писали). А «Биржевые ⟨ведомости⟩» упрекают, что Черняев клеветал на серб⟨ов⟩.
См. «Нов⟨ое⟩ время», № 234.

1) Не гений («Н⟨овое⟩ вр⟨емя⟩»). Но стать во главе движения всей Европы — есть гениальное прозрение. И [дается тут] такая задача удается только гению ****.
Новое слово — ну сделайте — так, умирающий от зависти Полетика *не сделает* гениально, если он честолюбец, гениально и если он всеславянин. По военному же отношению наши штабные не найдутся, а с отказавшейся артиллерией и Суворов повернул бы назад.— Имя Черняева теперь принадлежит истории и не умрет никогда, а г. Полетика исчезнет бесследно.//
Кто бессмертен? — г. Краевск⟨ий⟩ бессмертен.

Вместо того, чтоб усилить армию русским контингентом, ему не высылали русских, а к Новоселову ****. Но не только русских, а и патронов. Министры затеяли ссору в последний момент. Дуэль. Мы слышали прежде,

---

* *На полях слева:* Лучшие люди
** *На полях слева*: *Передовая*
*** *Первоначально*: врагами
**** *На полях слева*: Черняев

чем *все* действия Черняева парализуются. *Князь* же Милон не принимает отставки министра, произведшего *измену отечеству* в артиллерии на другой день. Это сербские политические головы, ссоры славян, недостойных независимости. Мы народу, а не этой швали помогаем. Им нужна голова и крепкая рука. Славянам нужен император.

Русских ненавидели. Токарев попал в такт с этой ненавистью (Токарев и Черняев).

Токарев должен был показать Черняеву и сербам вообще легкомыслие их поведения. Сюзерен.

Черняев, подняв русских, мог взять Константинополь — (Россия была готова).*
А Токаревы и сербы воспротивились, тогда как это было на руку нашему правительству. Дело бы кончилось без объявления войны, а Россия имела право *сама* воевать, ибо воевала же Англия открыто.
Если б чиновники (Карцов и Токарев) поддержали Черняева, то Россия вошла бы как решающая свысока под конец и предписывающая условия. //
Черняев действовал не один. Он имел огромный *совет* русских офицеров (уезжали с голоду, из разочарования).

Но сербы трепетали за их славную будущность и, главное, от личного раздражения к Черняеву.

Чиновник возвестил при этом Европе, что русский народ в разладе с своим царем, чего быть не могло. К чиновнику примкнули и чиновничьи журналы, «Голос», «Journal de St. Pétersbourg» и под конец, в необыкновенно низкой статье, даже у нас небывалой, «Биржевые ведомости».

[Долго ж] Напрасно пророчут «Биржевые ⟨ведомости⟩», «Пет⟨ербургская⟩ газета») кару за Черняева**. Нет уж, теперь фазис другой. Напротив, «Биржевые ⟨ведомости⟩» найдут поддержку в редакции. Все, что было против движения — ⟨...⟩ все подлое, все червонные валеты — все теперь рады несчастью Черняева.

Турки уступили,— теперь они рассердятся за то, что уступили, и отмстят. Нам надо держать саблю вон из ножен. Все или ничего от Турции. Если же мы уступим, то нам *поневоле* придется на следующий же год воевать. Кроме того, шариат, и не только Кавказ и Средняя Азия, но и наши татары задурят. Это будет толчок в мусульманстве. Уничтожением великоруса расшатались границы. ⟨...⟩ //

Министр Николич. Способность убить предводителя своего народа накануне решительной битвы **.
Черняев возродил все славянское дело — вот что сделал Черняев, Черняев, можетбыть, неразумен, с дурным характером, но он гений. Если б он был поумнее (не гений), то он бы подлизался к Николичу, но он их обошел. Ординарный ум это непременно бы сделал. Черняев не нашел нужным сдерживать свою раздражительность, может быть заносчивую, мелочную, но он не нашел, слишком веруя в свои силы.
⟨...⟩
Даже до выстрела в предводителя своего народа, и это в самый решительный момент борьбы, [когда смерть].

---

* *На полях слева*: Черн⟨яев⟩
** *На полях слева*: Черняев

«*Новое время*», № 235. Суббота, 23 октября. Выписки из всех газет *за Черняева.*//

Здесь.

— Порядок.
— Герцен.
— С образом.
— Черняев и реакция (все).
и вдруг:
— С чиновничеством совпадают и Жемчужников и *школы.*
Final — Лучшие люди. Штрусберг. ⟨...⟩.

NB. Лучшие люди, дворянин, семинарист. Купец есть лишь развратный мужик. ⟨...⟩ Самое еще лучшее было в нем — любовь к колоколам и к дьяконам. Но есть свой высший Владимир на шее и обед, родня с баронами. Наконец в народе идеалы.*

Теперь я увидал, что такое лучшие люди, по крайней мере они будут, народ хочет, чтоб они были и проч. Нынешнее лето лучшие люди определились.

NB. Отметка NB

В статье моей о Черняеве, может быть, много неверного и по слухам, но в целом и *по существу* своему она верна.//

Славянское дело во что бы то ни стало должно было начаться, 3) т. е. перейти в *деятельный фазис*, а его *никто не хотел* начинать в этом смысле. Начал Черняев.

4)** Скажут начал вовсе не ради славянского дела, а из честолюбия. Из гениального прозрения. Поверил в силу и в потребность славянского дела, иначе бы не взялся за него, особенно если честолюбцы, потому что честолюбцы в таких случаях любят бить более наверную.

Но оставим эту щекотливую тему о честолюбии.

[Ник] Министр.— Выстрел в предводителя своего народа ***. Затем в последовавших за тем битвах артиллерия уже была взбунтована и милиция дралась скверно (нарушено было доверие к генералу). Легли русские. А «Русский мир» говорит про недостаток и патронов — про патроны-то мы давно уже слышали.

5) Черняева можно сравнить разве с Гарибальди, человеком простодушнейшим до странности, а тоже может быть очень честолюбивым. Но непременно гениальным. Но Гарибальди не сам начал, а пошел по инициативе Кавура, а Черняев сам начал. (Объединение Италии. Объединение славян.) Правда, уж то, что Гарибальди примкнул к Кавуру, показывает его гениальность. Жемчужников бы не примкнул. Когда Гамбетта к Тьеру,—то *это* выше поставило его, чем инициатива в воздушном шаре.

Правда, Гарибальди только пошел за Кавуром, а Черняев все сам начал, но...****//

Защитник⟨и⟩ как дипломаты требовали *всего.* Это ложная тактика. Самая бы лучшая тактика, что они *обыкновенные* люди *****.

Дух русский был выше сербов. Они узнали теперь, что такое доблесть и какие есть люди. Из русской крови, за них пролитой, вырастет и их доблесть — не сейчас, конечно. Теперь начнутся пререкания. За-

---

* *На полях слева*: Короче
** 4) — *на полях слева.*
*** *На полях слева*: Черняев
**** Правда ∽ начал, но...— *на полях слева.*
***** *На полях слева*: Штрусберг

висть. Интеллигенция ихняя будет бранить русских, наговорит, что через нас и все несчастье вышло, но явится, как всегда бывает, реакция мнений. Сербы вспомнят о русских, убиенных *за них*. Они станут благословлять нас и удивляться нам.

«Петербургск⟨ая⟩ газета», № 208. Пятница, 22 октябр⟨я⟩ великолепно ответила «Биржевым ⟨ведомостям⟩».*

Опять дипломатия. Опять *пенки снимать*. А болгары-то, болгары — что с ними теперь будет. Игнатьев.

Конференция. Говорят о конференции великих держав да еще в Константинополе. Вот уж совершенно бы лишнее. Россия не должна уступать. Небось, не вызовут. Вызовут тогда, когда действия России покажутся уж слишком опасными. А теперь какой-нибудь француз будет говорить о своем согласии или несогласии и возражать России; очень нужно его согласие. Константинополь обратится в гнездо интриг **. Австро-Венгрия смела говорить, что Россия ее боится. Да Россия не боится и всего их союзу, т. е. Франции, Англии, Австрии и Турции вместе. Теперь она с ними одна разделается, только бы мы остались в дружбе с Германией.//

При // этом условии всякая война для нас несравненно выгоднее, потому что мир слишком дорого стоит. Поэтому если войну, то вести уж такую, чтоб уж все разом было кончено.

После таких проповедей шариата им надо пищи, и вдруг подчинение России. Надо пищи, и вот болгары, Тимур.

для доказательств⟨а⟩, что русский царь не мог же запретить, у нас есть столько пекущихся о несчастных, приличная роль после ультиматума.

Газета — чтоб умеренно не хвастливо //

Реакция тотчас же ухватилась у нас за несчастие. Сербы, «Черняев-де — не достоин [своего] дела, которое натащил на себя». Не гений.

— Нет, гений («Петербург⟨ская⟩ газета» Гарибальди ***) и проч.

О сербах и интригах великолепная статья. «Москов⟨ские⟩ ведом⟨ости⟩», № 270, октябр⟨ь⟩ 22.

Бритые подбородки — с строгими и злобными взглядами за беспорядок.

Много комического, если б попал туда иной чиновник тайный или действительн⟨ый⟩ тайный, то на Черняева с строгостию. Вот около них-то и группировались недовольные министерством. Реакция и у нас.

«Русский мир». Суббота, 23, № 260, отвергает все известия тревожные.

«Биржевые ⟨ведомости⟩», № 293.— Суббота, 23 окт⟨ября⟩. Бессмысленность и неблагородство.

Программа

Вот это, что сейчас, о войне.

О Черняеве, о слухах, подробнее ****, а «Русский мир» то опровергает, то сам не верит.

Но из всего ясно. что интриги министров и высшей интеллигенции. (Две Сербии.) Раздражение против русских *****. Мы говорили уже об этом. Но степень мелочности ужасающая. Прав мой художник, сказав, что действительность превышает всякое воображение. Накануне битвы, предводителю народа и т. д., патроны, Новоселов. Токарев. Чиновничество ⟨...⟩

---

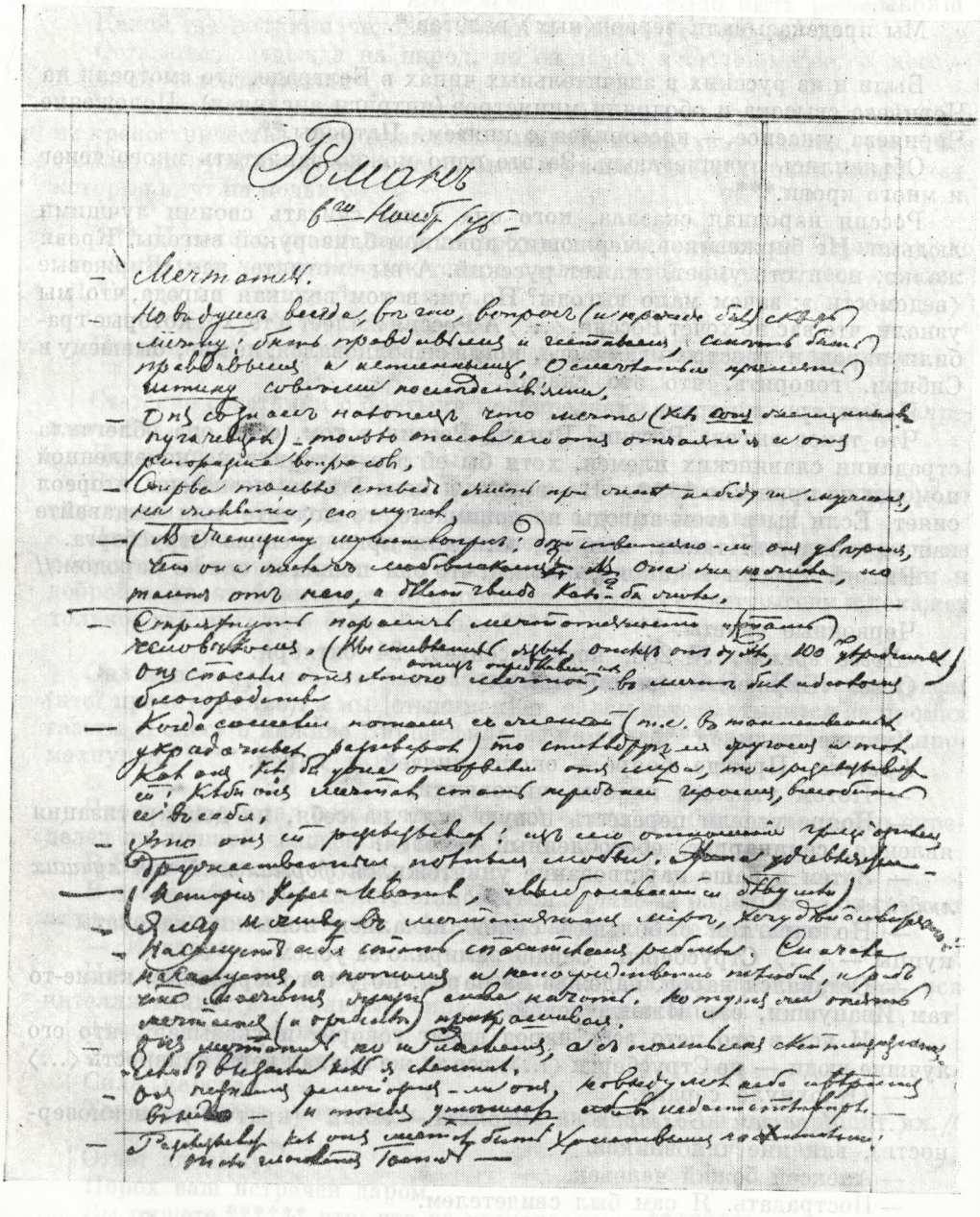
* *На полях слева:* Черняев

** *Выше над строкой:* Дряни.

*** Гарибальди — *над строкой.*

**** Подробнее — *над строкой.*

***** Раздражение ∞ русских — *над строкой.*



НАБРОСКИ НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО РОМАНА «МЕЧТАТЕЛЬ»

Записная тетрадь, 1876

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Лучшие люди, червонн⟨ые⟩ валеты, и уж подконец Жемчужников и школы.

Мы предсказывали червон⟨ных⟩ валетов *. //

Были и из русских в значительных чинах в Белграде, что смотрели на Черняева свысока и ободряли министров (интриги англичан). Положение Черняева ужасное,— поссорился с князем. Патроны.**

Объявились лучшие люди. За это одно можно заплатить много денег и много крови.***

Россия народная сказала, кого она хочет считать своими лучшими людьми. Не биржевиков, меряющих аршином близорукой выгоды. Крови жалко, но пусть умрет, скажет русский. А вы смотрите, как «Биржевые ⟨ведомости⟩»: зачем мало выгоды? Но уж в том великая выгода, что мы узнали, что вас не хочет Россия. ⟨...⟩ А Россия жалеет и те⟨х⟩, которые грабили народ и расстреливали его, когда он волновался, не мне, бывшему в Сибири, говорить, что это сказки.

Найти *прием* короче.

Что такое выгода России? Выгода России в том, если она облегчила страдания славянских племен, хотя бы ей это материально немедленной помощи не принесло ****. Но великая идея России вознесена, и ореол сияет. Если вы в этом выгоды не понимаете, то молчите или издавайте ваш журнал для таких, как вы, или для приверженцев Струсберга.

Выгода России в таком, наконец, что она пошла за одно с народом.//

Червонные валеты. ****

«*Новое время*», № 236, воскрес⟨енье⟩, 24 октября.

Ответ «Биржевым ⟨ведомостям⟩».

Лучшие люди. *****

Кратко. Прежде бояре — около князей и царей.

— Потом указаны классы, чиновники.

— Бояре успели перевесть новую силу на себя, но демократизация явления, семинарист, обособленный человек.

— Затем в наше царствование уничтожился *формальный чин лучших людей.*

— Но зато тем с большей силою начались попытки, адвокаты — купцы — ⟨...⟩ Струсберги. Сердце замирало за успех.

— Оставался народ, надежда на народ, но у него юродивые, какие-то там Иванушки, сам Илюша герой.

— И вот в это лето весь народ вдруг говорит и указывает, кто его лучшие люди — не Струсберги ⟨...⟩, все та же полная веры наивность ⟨...⟩

— Отдохнуло сердце.

⟨...⟩ *И затем Болгария и Черняев — гений* (кратче до неимоверности), влияние чиновников.

— Алексей божий человек.

— Пострадать. Я сам был свидетелем.

— Жажда подвига, что деньги, лучше духовный подвиг. Спрашивают, где христианство, вот оно тут.

С Кавказа//

Наших здешних «штатских военных».

---

* Мы ∞ валетов — *на полях слева.*

** *На полях слева*: Развитие

*** *На полях слева*: Лучшие люди

**** *На полях слева*: «Биржевые ⟨ведомости⟩»

***** Лучшие люди — *на полях слева.*

«Поднять дело славянства и поставить его именно на теперешнюю точку... т. е., чтоб оно уж *непременно* должно было быть решено».

Какой же великий человек велик в глазах его лакея.

Оставалась надежда на народ, но он лежал в косной массе. У него — Алексей человек божий*.

Но нынешним летом — он показал, чтб для него лучшее дело. Выйдя из крепостничества, не поддавшись разврату и сивухе — сказал, чтб такое считает он лучшим делом, а стало быть и указал своих лучших людей, тех, которые идут на подвиг.

7)** И если б знали наши петербургские нападчики на Черняева, до какой степени *невозможно* уж теперь сделать, чтоб народ от него отказался! Тн они не напали бы на него.

Но они еще не верят, потому и не понимают народного движения.

Статские советники с бритыми подбородками и с теми, которые — *запретить* ***.

Петербург‹ские› полководцы.

Все эти военные пока еще штатские и выдумывают порох, которого еще не нюхали, и хотят порох выдумать, его не нюхавши.//

Люди науки, но люди науки не исчерпывают всего. Никакой наукой не составите общества, если нет благородного матерьяла, живой жизни и доброй воли, чтоб жить честно и любовно. Наука укажет выгоду и докажет только, что выгоднее быть честным.****

Они пишут про нас, что разграблен Велингтон плем‹?›. Польские графы (кто? правительство), а мы [стыдимся], т. е. вся печать стыдится за промах газеты «Голос» о наживе Биконсфильда, но «Голос» вовсе еще не так промахнулся.*****

Что народ указал нам лучших людей — это так бесспорно.— Но определен ли лучший человек наукой?

В Европе выгода — у нас жертва.

В последнее время начало становиться *жутко* за народ: кого он считает за своих лучших людей. ‹...› Адвокат, банкир. Интеллигенция.

— И вдруг —

Несомненно, что к народному воззрению должны примкнуть *все*, вся интеллигенция, все сильные мира, около царя стоящие.

Демократизм не испугает.

У нас нечему пугаться.

Сила царская

Такому народу могут быть даны все свободы,— он не нарушит их.//

Ответ анониму.

Порох ваш истрачен даром.

Вы пишете ****** что: что не раскаиваетесь.*******

Нет, я бы поступил на вашем месте лучше, я бы [раскаял]— просто не стал обижать, тем более анонимно.

---

* *На полях слева*: Лучшие люди

** 7) — *на полях слева.*

*** *На полях слева*: Черн‹яев›

**** *На полях слева*: Лучшие люди

***** *На полях слева*: Позор. Извин‹ения›. Шувалов

****** *Первоначально*: говорите

******* *Первоначально*: раскаиваетесь.

Только забыли, что таких мошенников почти все.

Купец. Правда, жертвует, но европеец (Владим⟨ир⟩ на шее) даже и не жертвует *.//

Октябрь

Глава первая. 1) Простое, но мудреное дело. 2) [Неск.] Несколько заметок о простоте и упрощенности. 3) Два самоубийства и 4) Приговор.

Глава вторая. 1) Новый фазис восточного вопроса. 2) Черняев. 3) Лучшие люди. 4) О том же.

Текущее. Октябрь — ноябрь ⟨1876 г.⟩

Осмотреть старый материал сюжетов повестей (из романа, «Дети», Девушка с образом).

О статье С. Соловьева по восточн⟨ому⟩ вопросу (в арх⟨иве⟩).

Анна Петровна Борейша надзирательница помощн⟨ица⟩ смотрительни⟨цы⟩ в доме предварительного содержания преступников.

Управляющий торговлей полковник Федоров.

Адвокат Корниловой Мостич, Кирочная, дом № 8, кв. 15.

Корнилова.— Как будто воля не моя была, а чья-то уж чужая (когда выбросила в окно). Я было идти в участок совсем не хотела, а как-то сама пришла.

Степан Корнилович Корнилов в экспедиции заготовления государств⟨енных⟩ бумаг (черпальщик, лет 30) //

Ноябрь

Текущее:
1-е ноября — Коля.
Корнилова — *Фукс.*
У нотариуса с Соковнин⟨ым⟩.
2-е ноября — Быков.
Ответ анониму.
Ответ Россеку.

Ноябрь

1) Статью поязвительнее об нашей русской доброте. «Слаба, не выдерживает». Англия вдруг что скажет,— ни царь, ни Горчаков, ни придворные, ни пресса — все добры ужасно. Пусть Англия нас похвалит, и мы ей все отдадим, может быть и славян.

2) О Константинополе *непременно.*

Тот не русский, который не признает нужды завладеть Константинополем (Царьград). Достойны ли мы к решению восточного вопроса, если мы так смешно понимаем его. Славяне и русские в будущем. ⟨...⟩

Франция в будущем (ничто).

3) Главная ошибка в политике России это то, что ее задачи такие *умеренные.*

4) О том, что содержание семейств славян вообще, укрывающихся в Сербии и Черногории, должна бы теперь, еще до объявления войны

---

* *На полях слева*: Лучшие люди. Лучш⟨ие⟩

(и даже будет ли война или нет), взять на себя Россия. Это непременно должно быть после высочайших слов в Кремле о *геройской борьбе славян за правое дело*. Чтоб *сделать честь* этим словам [мы должны], Россия должна послать славянам хоть миллион для прокормления. Манифестация твердая перед Европою (ввиду зимы). Поручить славянским комитетам, имеющим своих распорядителей и представителей.//

5) Femme cosaque — удивляем Европу. Но у нас еще не установилась жизнь, мы только что начинаем жить.

6)* Колоссальная пощечина в воздухе: да и что ж делать, коли эту щеку нельзя не бить (исключая народ).

7) *Но трактаты (Парижский, 1856) опровергаются лишь *фактическим* опровержением, т. е. войною, без войны же не изменяются и имеют, напротив, страшную живучесть.

8) *Четверг, 4-го ноября, № 247, «Новое время». Младенческая статья о восточном вопросе **. Владение Константинополем решено лишь с *флотской* точки зрения и решено бессмысленно. Но владение Константинополем важно и с других точек зрения, например, хоть бы с той, что тот славянский народ, который первый овладеет Константинополем, и *придавит* собою все остальные племена Балканского полуострова, а во-вторых, то, что начнется вражда греков с славянами. А потому, чтоб не было вражды ни греков с славянами, ни славян между собою, и не было бы поэтому ни *измен* общему славянскому делу, ни *предательства* его Англии,— потому и нужно, чтоб Константинополь достался в руки сильной посредствующей державы, до того сильной, что с нею спорить уж нельзя будет, а потому ей и достанется *опека* (самая благодетельная) над освобожденными славянскими племенами. И, главное, чтоб Россия тут одна была, а Германию вмешивать нечего.

NB. Статью о Константинополе поместить *непременно* (всегда любопытно.)

Дело Англии, говоря à la longue*** во всяком случае отчаянное: ведь славяне, хоть и будут облагодетельствованы Англией, а все-таки притянутся к нам, там, дескать, наш корень и наш центр. Так что Англия лишь сохранит их для нас: *Единение* славян с нами дело, решенное историей. А Константинополь?

Если же грекам отдать Константинополь, то в православии водворится огромная схизма ****, вследствие отделения уже не одних болгар, а всех славян от вселенской *единящей* патриархии из-за политического противоречия грекам, владеющим Константинополем *****.

1) и мы потеряем славян, 2) так как мы не захотим же отделиться от вселенской церкви, 3) нам отнюдь нельзя допускать ссор греков и славян; нам мириться надо, для того взять Константинополь и положить себе в карман.

Начать статью так: Вопрос о Константинополе считается несвоевременным, мечтательным, но в нем понимание (сущность) разрешения всего восточ⟨ного⟩ вопр⟨оса⟩ и т. д.*****

---

* *Цифры стоят на полях слева.*
** *На полях слева*: «Новое время».
*** в итоге *(франц.)*.
**** *На полях слева: Константинополь.* Здесь.
***** *На полях слева*: Констант⟨инополь⟩

Заважничал, корову купил, русизм, более русская, а и по-русски не говорит. В Петербурге от поколения к поколению, дети растут, камер-юнкеры, а в Россию не едут будущие наши правители. Лови Петра с утра.

Посади свинью за стол и т. д. Русский характер. Перейти предел. Фотий. Платон Зубов разве не Пугачев. В наше время адвокаты, писатели и проч.

Лови Петра с утра и т. д. Т. е. все к сроку, искусство или так, или инстинкт сердечный именно поймать мгновение, попасть в точку, не опоздать и не упредить, ни раньше ни позже. Таково и мы объявили решение (т. е. высочайшие слова и проч.). И свой восторг не износился и не разочаровался и врагов облили холодной водой именно в потребную минуту. Еще далее,— и они решительно бы презирать нас стали за бессилие: такой большой колосс, и [так слаб] такие глиняные ноги, так слаб. (Глиняные ноги народ русский.) Уже банкиры предложили, говорят, недостойные условия для займа денег России («Новое время», № 249, 6-е ноября). А теперь все в точку. [Лови. Лови Петра с утра, а ободн.] Опоздали бы, и восторг русский износился бы, и Европа смотрела бы на наш грозный (но поздний шаг) как на выходку отчаянную припертого к стенке человека. Подлинно высшее правило жизни: *ловить точку*. Лови Петра с утра и проч.

Роман
6-го ноября, 76 //

Мечтатель.

Но в душе всегда, вечно, вопрос (и прежде был) сквозь мечту: быть правдивым и честным, сметь быть правдивым и истинным. Осмелиться принять *истину* со всеми последствиями.

Он сознал, наконец, что мечта (как *сон* женщины в «Пугачевцах») — только спасала его от отчаяния и от ригоризма вопросов.

Сперва только стыд жить при жене не будучи мужем, *на жаловании*, его мучил.

NB. Женщину мучает вопрос: действительно ли он уверен, что она жила с любовником? NB. Она же *не жила*, но таит от него и делает вид как бы жила.

Стряхнуть паралич мечтательности и стать человеком. (Выставленный язык, отказ от дуэли, 100 р. украденных).

Он спасался от этого мечтой,* в мечте был идеалом благородства.

Когда сошелся потом с женой (т. е. в таинственных украдочных разговорах), то стал вдруг ее другом, и так как он как бы уже оторвался от мира, то и рассказывает ей: как бы он мечтал стать перед ней героем, влюбить ее в себя.

Это он ей рассказывает: из сего отношения грациозные, дружественные, полные любви. Жена удивляется — (история Карла Иванов⟨ича⟩ и выбросившейся девушки).

Я лгу и живу в мечтательном мире, хочу действительного.

Насилует себя стать спасителем ребенка. Сначала насилует, а потом и непосредственно полюбил, и рад, что может жизнь снова начать. Но тут же опять мечтает (и о ребенке) прикрашивая.

Он мечтатель, но не идеалист, а с полным скептицизмом.

Если б вы знали, какой я скептик.

Он не знает, религиозен ли он, но выдумал небо и верит *в него* — и тем *утешает* себя в недостатке веры.

---

* *Над строкой:* отец, определивш⟨ий⟩ их

Рассказывает, как он мечтал быть Христовым посланником: так глаголет господь.//

Самое *бытие* есть наслаждение, единственное (но бытие не вечно, я бегу этого вопроса и затыкаю уши мечтами).

Натура художественная (говорит ему жена), но ничего не пишет. Игривое и грациозное объяснение его, почему он не пишет.

Между тем отношения между женою и им все больше закрепляются. Она любит его ужасно.

А параллельно идет действительная жизнь (NB. придумать) и его втягивает и ее. Он все *портит*, всякую действительность мечтами.

Но и не *портит*, а делает ее, да так еще, как не един из людей, [дода] но доделав, не привязывается к делу, а как будто с плеч долой, оставьте в покое и — мечтать.

Страсть к жене. Жена обманывает его ложным романом, чтоб возбудить ревность. Он чувствует страдание, но отпускает ее. Хочет убить себя.

Она открывается ему во всем, и в любви, *и что верна была*, и берет его как он есть.

Но он убивает себя (одна из болезней века).//

Завитки. Завитки — это заигравшаяся ложь. ([по] Соединить с посади свинью за стол). Зубов, Пугачев (сел на престол).

Скобелев, наказующий кнутом (то же «*Новое время*», «Русская старина»), *Шарнгорст*, *Набоков* и водокачка — Ростовцев за дверью и проч.

NB. Соединить это и с корову купил.

О Корниловой. Я из *любопытства* был у ней.

Корову купил— соединить Кокодосом, готовящимся поступить в Госуд⟨арственный⟩ совет (процесс отчуждения от России, в Петербурге, где все более и более, от поколения к поколению не знают России).

О Мещерском и его очерках.

NB. Лес и безлесье — справиться о тексте закона у Ник. Петр. *Семенова**.

Социалисты чтут христианство в идеале. (Хоть и ругают его, развить. NB. Далее Христа в нравственном отношении ничего не сказали.) Но нечтут в действии, деятельны. Ибо если б все деятельно были христианами, то ни одного социального вопроса не было бы поднято. Были бы подняты вопросы экономические, кухонные, например лесу нет и простору нет. Поневоле коммунизм, исчезновение семьи и проч. Были бы христиане, уладили бы все. Но *невозможно* быть христианами пока всем, возможны лишь отдельные случаи. (Может быть, эти отдельные случаи ведут и сохраняют *таинственно* людей.) Невозможно, может быть, и по законам каким-нибудь законам природы человеческой, н⟨а⟩прим⟨ер⟩ война каждые 25 лет**.

Передовая. Ноябрь***. О самодержавии как о причине всех *свобод*

---

* *На полях слева*: Лес.

** *На полях слева*: Социализм и христианство. Война каждые 25 лет.

*** Передовая. Ноябрь — *на полях слева*.

России. NB. Тут-то разница во взглядах русских-иностранцев и русских-русских: по-иностранному — тирания, по-русски — источник всех свобод. Таким образом, если правительство (если б только это было мыслимо) чуть-чуть забоится своих *подданных*, то оно тотчас станет не русским и не национальным. Со стороны главы правительства это невозможно, а потому и все свободы.//

Возьмите энтузиазм, окружающий беспрерывно царя и царское слово. *Сами русские не дадут* не только укорениться, но даже и появиться беспорядку *в случае самых полных свобод*. В этом случае Россия может быть самая свободная из наций*. Вот русское понимание самодержавия.

Война, Прудон, человечество не хочет войны, и однако же каждое 25-летие. (Буржуа, хочет мира, работники. Человечество так дурно устроено, что не может не *поддерживать* свое дурное зданье мечом). Великодушие в войне, в мире — жестокость.

Спиритизм**. Нелепость теорий и неопровержимые факты. Научное исследование — самая нормальная дорога, но надо других исследователей: на ни *необразованны*. Тот же Менделеев, например, или исследуя, не в силах буд[учи]ет отрицать *факт*, то в случае добросовестности и *не пошлости*, непременно перейдет в спиритизм с самой дурной его стороны, не остановится на пороге.
Оттого что необразованны.

Наши специалисты могут быть *людьми науки*, но они необразованны (устраняю все личности, Менделеевых и проч.).

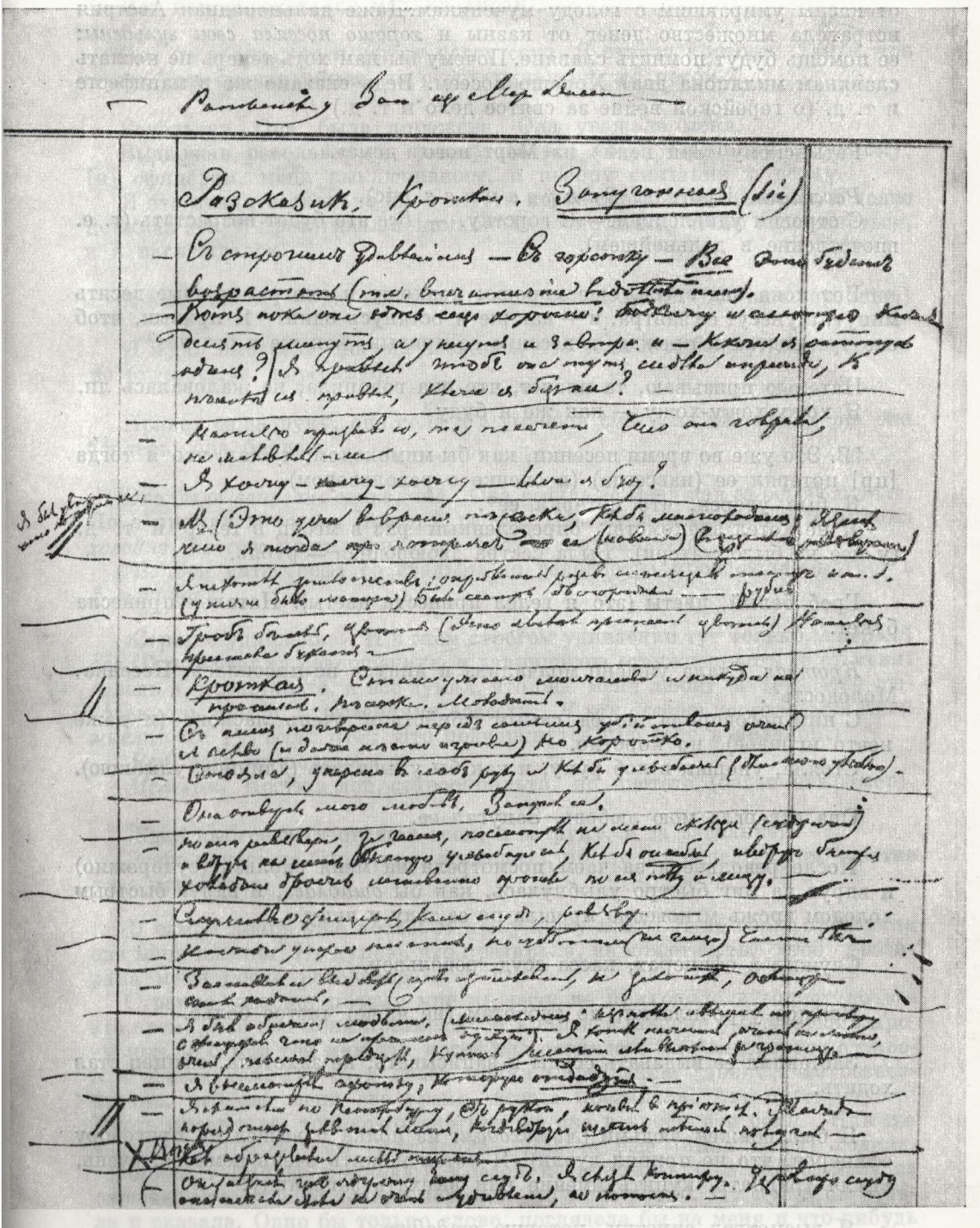
Это не Фауст, не Гумбольдт—ученые с мировой мыслью и мировым обобщением; это маленькие техники и ремесленники.

Для всеобщего успокоения нужно систему великих держав превратить в систему двух сил; ибо остальные три силы — мираж***.

Мак-Ивер****. Необыкновенно благородный тон. Простодушие военное. Высокий доблестный дух. Выписка об истязаниях наших пленных. Языки рвали веревками. Каково матерям русским о пропавших без вести. Старуха обугленная. Наши туркофильские газеты. Если б они служили за деньги, то не могли бы предать лучше. Но сколько бы они получили денег?
Англия богата. Расхолодить энтузиазм — вот их цель была. [При] После неудачи дела они набросились на Черняева. Обманывали его телеграммами. Главное — глупая цель отвлечь энтузиазм общества *теперь* и после слов царя. Да, если б за деньги, то никогда бы не могли они заработать более фунтов стерлингов. *Но мы не знаем их целей*. Но хотя ревность их и достойна *оплаты*, но выказали они замечательно мало ума. И это такие газеты, которые расходились в 15 000 экземплярах. Странно и удивительно.
Я не верю, чтоб они брали деньги, но если деньги им дороже всего, то, конечно, они дали маху. //
О том, что вся Англия вела с нами войну все лето, посылала флоты и проч. А мы, при несомненном добром сердце царя, не послали ни гроша

---

* *Выше над строкой*: этой точки
** *На полях слева*: Спирит⟨изм⟩
*** *На полях слева*: 2 силы
**** *На полях повторено*: Мак-Ивер



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К РАССКАЗУ «КРОТКАЯ»

Записная тетрадь, 1876

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

от казны умиравшим с голоду мученикам. Даже дальновидная Австрия истратила множество денег от казны и *хорошо посеяла свои гульдены*: ее помощь будут помнить славяне. Почему бы нам хоть теперь не послать славянам миллиона два? Хорошо посеем. Ведь сказано же в манифесте и т. д. (о геройской войне за святое дело и т. д.) //

Ратынскому «Зап⟨иски⟩ из Мерт⟨вого⟩ дома».

Рассказик. Кроткая. *З а п у г а н н а я* (sic).
С строгим удивлением.— С горстку. — *Все* это будет возрастать (т. е. впечатление в дальнейшем).

Вот пока она здесь, еще хорошо: подхожу и смотрю каждые десять минут, а унесут ее завтра, и — как же я останусь один? Я привык, чтоб она тут сидела и прежде, к песенке ее привык, как же я без нее?

Наталью призываю, та плачет, что она говорила, не жаловалась ли.
Я хожу-хожу-хожу — как же я буду?

NB. Это уже во время песенки, как бы мимоходом; я знал, что я тогда [пр] потерял ее (навсегда) (в сценке с револьвером).
Я был уверен, что потерял ее*.
Я не хотел знакомств: определенный раз в месяц в театр и т. д. (у нее не было матери). Была сестра двоюродная — рубль.

Гроб белый, цветы (это я велел принести цветы). Наталья принесла букет.

Кроткая. Стала ужасно молчалива и никуда не просилась. Песенка. Молодость*.
С ним поговорила перед самым убийством очень ласково (и даже нечто игривое), но коротко.
Стояла, уперши в лоб руку, и как бы улыбалась (длинною улыбкою).

Она отвергла мою любовь. Запугал ее.

После револьвера, за чаем, посмотрела на меня скользя (судорожно) и вдруг на миг быстро улыбнулась, как бы *ошиблась*, и вдруг быстрым холодом дрожь мгновенно прошла по ее телу и лицу.

Служил в офицерах, касса ссуд, револьвер.

Каждое утро платил, по субботам (не чаще) чистое белье.

Заставлял ее выдавать ссуды и записывать, не захотела, офицер стал ходить.

Я был обижен людьми (*мимоходом*: из полка я вышел по приговору офицеров, что не принял дуэли). Я хотел нажить очень немного, очень, тысяч тридцать, купить имение или выехать заграницу.

Я высмотрел сиротку, которую *отдадут*.

Я скитался по Петербургу, с рукой, ночевал в приютах. Жажда порядочности захватила меня, когда вдруг шесть тысяч получил.

---

* *Дважды отчеркнуто слева.*

Вот как образовался мелкий тиран.

Она не знала, что я держу кассу ссуд. Я сказал контору. Узнав про ссуду, она сначала была не очень удивлена, но потом.//

Револьвер. Она была поражена. Она уважала меня.
Выдержав револьвер, я отмстил за все моему мрачному прошлому, [и] офицерам, меня выключившим, и позору скитания и всему.
Я это понял несколько дней спустя после сцены с револьвером. Я долго понимал это. Я протягивал понимание нарочно на год, чтобы наслаждаться, и я наслаждался.

Я был виноват — да, но меня довели, меня довели. (Это он в середине.)

Я ждал выстрела, но мне казалось, что если я побежду, то выстрела не будет (т. е. пересилю).

Привел ее за руку, она села и с вызовом смотрела на меня, но она боялась, она боялась.

Она была *запугана* еще в доме. Она вышла за меня как за освободителя. Но я принял холодно. Ложный расчет! (NB. Хотели продать.) Я принял *холодно, но сам* промышлял: вот буду в клубнике-то.
NB. Вся катастрофа со свадьбы до револьвера произошла быстро, в 5 месяцев.

«Строгое удивление». И в этом строгом удивлении тут только, *в первый раз* (*!*) я постиг ту совершенную и давнишнюю отчужденность ее от меня! А ведь я, представьте, я все думал, что она меня любит и терзается любовью ко мне и угрызениями совести. *Я как деспот наслаждался этой мыслью все 1½ года.* (NB. Это подчеркнутое про себя и мельком.)
Все, чего не понимал я.
Мельком. Костюм мой, старое пальто, но чистота (белье например).

Ждал выстрела (и отмщал всем, и за руку, и за изгнание).
Этого ничего не было (т. е. в мыслях), но это все сидело в том чувстве того мгновения.

В самом конце уже после: Я хожу-хожу-хожу: Я не знаю, презирала она меня или нет! Не думаю, что презирала, не может быть, чтоб презирала меня после револьвера!
Странно ужасно: почему мне ни разу не приходило в голову во все это время, что она меня презирает. Я в высшей степени был уверен в противном до самой той минуты, когда она поглядела на// меня тогда с *строгим удивлением*. Тут-то я сразу понял и презрение, [понял] что безвозвратно, что она меня все время, всегда презирала. Ах, пусть, пусть! Пусть презирала, только-только как же она в гробу, а я один! Как же я один? Пусть бы презирала. Давеча еще [была жива] ходила, говорила... [Но не понимаю] Совсем не понимаю. Она *выбросилась* из окошка. Это я знаю, теперь мертвая. Это тоже верно. Ну пусть бы встала и сказала. Одно бы только слово, поглядела бы на меня и что-нибудь сказала. Одно, одно... [За это всю жизнь.] Я опять позвал Лукерью. Я теперь не отпущу Лукерью... [ни за что]. Она много с ней говорила. Вот уж 6 часов как хочу сделать и все не соберу в точку мыслей.
Она теперь в гробу, в зале. Я все хожу. Я хочу себе уяснить это, это вот как было.— Я просто расскажу, расскажу, как сам понимаю.

Я далеко не литератор и наплевать. В том-то и ужас, что я все понимаю.

Это, если хотите знать, т. е. если с самого начала брать,— в чем...

... Она ко мне приходила закладывать вещь, чтоб публиковаться в «Голосе»*,— гувернантка, дескать, в отъезд.—

Принесла образ.

Что я был выгнан за дуэль,— она это все узнала.

Песенка, в неделю раз, все слабее. Я вдруг заметил. Встал, вышел, (захотелось выйти), но дошел лишь до конца переулка. На улице загляделся — собака, лошадь, или поговорил с кем, стал задыхаться, воротился, прошел по комнате, сел, взял за ручку: «Скажи мне что-нибудь» (что-то глупое, потому что у меня дух захватывало). Вдруг с строгим удивлением (я ужасно удивился), но вдруг все прошло, и я так и рухнул к ногам ее, целовал ей ноги.— [С ней при] Я кажется не много говорил, я только прямо сказал ей, что повезу ее в Булонь, купаться в море. Я таял от любви к ней. *С ней припадок***.

Ричард Молейир. О, я люблю поэтов, с детства, с детства. Я оставлен был один в школе, по праздникам (никогда прежде о школе), с товарищами я был не товарищ, меня презирали. Мне только что прислали 3 целковых, и я тотчас же побежал купить «Фауста» Губера, которого никогда не читал.

Я есмь зло, которое творит добро. Вечером я купил лакомства, но мне стыдно было, — потом я все говорил, — она молчала (вскользь все), т. е., я вам скажу, она вовсе от меня не отворачивалась. Ей тяжело было со мной, это правда. Я это видел. Ох, да! но я думал, что все перенесла! Но вовсе не отворачивалась. И так три недели. И главное, в последний день я рассмешил ее, рассмешил уходя.

Она отвергла мою любовь. Это пусть! Это пусть, но пусть она оживет, пусть она того хоть офицера любит, а я буду сзади, с другого тротуара смотреть.

Когда я обвенчался, я ввел ее в дом, гордясь своим превосходством.

Портрет Папы, в Эрмитаже.//

Пусть бы подошла и упала передо мной молча, и мы тут же бы обнялись, тоже молча.

Я видел, что она начала меня любить. Но она как бы забыла о существовании.

Она так и *позабыла* о моем существовании.

Зачем я ей не рассказал мою жизнь? Но мне стыдно было. Я очень целомудрен. И *горд*. Не-е-ет! Тут что-то другое, а я не целомудрен и [не] не горд. Впрочем, не в названии, а я только не сказал и дурно сделал.

Она поцеловала меня (я думал, через силу).

Ведь она готовилась, она чемодан укладывала.

---

* *Вверху страницы:* о том, что вот, дескать, гувернантка так и так согласна и на отъезд и уроки давать на дому.

** *На полях слева*: Я есмь зло, это объяснил ей. Она: Я понимаю.

Мне нравилась идея, что вот мне уже сорок один год, а ей нет шестнадцати, эта идея мне нравилась. Потому что ей не было 16.

Купил Шекспира. Спросила меня: что такое компромисс? Я отвечал.

В тот раз она опять проспала на диване, одетая, и еще два дня, а потом я молча купил железную кровать и ширмы и поставил в другой комнате.

Она сначала выходила выдавать (заклады). Но одной даме выдала даром. Ссора.
Она спросила меня о дуэли.

Я вставал ночью и ломал над нею руки и плача и в радости говорил: «Все же она жива... тут... [Она] Я сделаю, я все сделаю, и она увидит, еще есть время». Она спала и не догадывалась, что я стою. Коечка ее маленькая, железная, дешевая, я 3 целковых всего на толкучке дал.

Я теперь Лукерью не отпущу, *она мне все расскажет.*

Мелькающие фразы непременно в конце: «Я хотел перевоспитать характер». *Последняя фраза*: «*Нет, однако же, как же теперь быть*».

Взять тон оскорбленного? Взять или нет? Или высокомерно спокойного? Мелькали даже мысли. Зачем мелькали, они всегда были при мне.

По мере того как она укоряла, я нарочно был строг с закладчиками.

После выстрела. Я встал победителем, я был горд, это было нехорошо: (гордиться). А ведь я добр, я добр, но вот так изломан. Я захотел ей отмстить.— Захотел или нет? Была мысль.

Все это тогда, когда душа была в *трущобах унижения*, все это сложилось во мне, чтоб отмстить... вот такому какому-нибудь существу, т. е. не отмстить (я добр), а так, дать знать (*это я ей говорил, после объяснений*). NB.

Когда захочет сказать что-нибудь умное, то вдруг *слишкоп наивно* покажет лицом, что хочет сказать что-нибудь умное. Слишком поспешно. Так и видно, что она ужасно ценит и ум и ужасно во многое верует, что незыблемо. Молодость. (Это я ей говорил *после объяснения.*)

Знаешь, я боюсь твоей интеллигенции, т. е. я всегда подозревал интеллигенцию, быв уверен все это время, но занят был этим вздором, а теперь. //

Дорог аршин. Откормленные поросята.

Пожертвования сократились, но тут-то бы правительству два мильона. Посеять.

После Мак-Ивера и Краевского.

«Новое время» о франц⟨узском⟩ языке, № 254. Четверг, 11 ноября. Из «Р⟨усского⟩ архива» о французском языке (корову купил).

Россия служит принципам великодушия, бескорыстия и человеколюбия. Что же видим в Европе. И так человечество разделилось на две части.

«Новое время» от 12 и 13 и «Русск⟨ий⟩ мир» — о Черняеве. *

Во всяком случае ни г. Полетика, ни г. Краевский не обладают значительным умом. [или] Даже и просто умом. Это наконец [вы] [объяснилось] выяснилось настолько, что теперь об этом уже можно произносить утвердительно. Теперь это уже можно сказать утвердительно.

У Андрея Алек⟨сандровича⟩ (нападки на Черняева) я хочу верить не от злобного сердца, а [для] чтоб доставить оригинальность газете. Другой из них (Полетика) действительно может быть завидовал; зачем не он, при его богатстве, освободил Сербию!

«Москов⟨ские⟩ вед⟨омости⟩» и «Русский мир» — 13 ноября.
«Москов⟨ские ведомости⟩», 12-го. Все это я предсказал об избиении Болгарии и об англичанах, которые захватят Константинополь и *станут* совращать славян. Подтвердилось.

Веселит Божид. Воскресенье, 14 марта. 2 миллиона от правительства голодным. Уж и так допустили в Болгарии.

«Новое время», 14 ноября, № 257. О свободе проливов и не надо Константинополя. Что такое *свобода проливов*? Когда надо, ведь их же запрут, чем они обеспечены?//

Memento memento. «Русский мир», «Новое время», от 14-го ноября. О *каперстве*, о [взимании] двойной гильдейской пошлине в виде жертвы отечеству.
Крейсерство позволительно, каперство нет. Вздор,—не только каперство, но и бомбардировки Одессы непозволительны. Совершенно те же *башибузуки*. У турок разрывные пули. Непременно будут. Употреблять ли и нам. Нет, стыдно, бесчестно, лучше поплатимся временным страданием, но уж зато *обязанность* наша тогда человеческая взять гарантии и меры, чтоб уж впредь *не воевала такая страна, как* Турция, ни с кем и никогда, потому что эта страна не понимает: почему воспрещаются разрывные пули.

А Франции лучше бы не к выставке готовиться, а к вообще (NB. «Новое время», № 258, 15 ноября).

В том же № «Нов⟨ое⟩ время» о воровстве в дворянском сословии и проч.

История восточного вопроса есть история [вопро] нашего самосознания. В статье «Нов⟨ого⟩ врем⟨ени⟩», 16-го, № 259 (в фельетоне), сказано, что если б собственные интересы указать, то было бы гораздо больше одушевления в народе. Кому ведь какой интерес? У нас именно народ интересуется высшей идеей помощи братьям — выше интереса, и это вовсе не идеально, как говорите вы европейским языком. Это идеально в Европе, потому что там нет ни одного народа, который бы поставил интерес *братьев* выше собственной выгоды, и потому там это идеально, а у нас реально.
Последняя окрошка европейничанья. Наши идеи возьмут верх.

---

* *На полях слева*: Черняев

| История вопроса (опять то же «Новое время»). Пустословие разбирать, из-за каких причин мы связаны с восточным вопросом — из благодеяний или из *собственной защиты*. Наш народ всегда хочет *быть одушевлен высшею мыслью*. Loftus республик⟨а⟩ — да пусть их.

Я Полонск⟨ому⟩.

У нас в премудрости цари хотят решать сообща с народами. L — еще перешли [сильн] //

Нам и нельзя было не объявить войны (Лев Полонский, не благодеяний).

Это правда. //

Затянулось дело, началось словоизвержение 1) высшая идея благодеяний и всегда в этом. Но народ наш вряд ли на выгоду подымется, высш⟨ее⟩ чувств⟨о⟩ благодеяний и Царьград.

2) Что такое Царьград. Новое слово миру славян и проч.//

Loftus, республика да пусть их, сильнее нет нашей республики — народ в единении с царем. Лев Полонск⟨ий⟩. «Благодеяние полезно и нам»,—да это и всегда было известно, доброе всегда добрый плод приносит и даже во сто крат, и нечего тратить бумаги и чернила на эти старческие определения. Говорил же я взять Константинополь.

Но есть *свое* у каждого народа: наш вот не пойдет из-за такой выгоды, которая еще в небе летает, воевать Босфор, а за славян пойдет *.—Награды не требуют, умирают (у Мещерского — встречают добровольцев молча и что дашь) (У англичан же непосредственные интересы, и они пойдут). У них торговля, у нас что-то другое. Вы думаете станут купцами, переменятся, поумнеют. Не дай бог. У нас другая идея. У них товар, у нас другое. Мы скажем свое слово. Тут проявилось нечто действительно национальное и народное.

Вам это претит.

«*Новое время*», 260 №, говорится именно о том, что у России нравственные интересы в воен⟨ном⟩ вопросе пересилили матерьяльные.

Еще раз. О том, что с Турцией нельзя ни о чем уговариваться — взять под опеку.

Отдать опеку Англии — изменить 4-м векам нашей политики.

Письмо Юркевича. От пошатнувшейся семьи, чтоб он непременно считал своих родителей лучшими. А они не внушали даже ему долго многое выносить, по примеру того, как и все выносят, для других и для ближних.

Тут не балы: *эти же балы* прежде не доводили до сего.

Эти еще вешаются, а если б взрослый был: Эх, пойду в подлецы! Добрым-то знать хуже, не слушали, дескать, меня, малодушие; сейчас просит награды.//

Так же и насчет всякого нравственного долгу, сейчас можно приискать нравственную лазейку, чтоб освободить себя.

В одной тюрьме с наставницами грубы.— А они в народ. Убеждения наши, дескать, не те, просто ругаться от тоски хочется, и освобождают себя от всякого стеснения.

Я не в народ идущих только виню, а все племя, за грехи отцов. Да и не отцов. Разрушилось нечто прежнее, modus in rebus**. Теперь надо

* *На полях слева*: «Новое время», № 259.

** порядок вещей (*лат.*).

создать другое. Всякий выход хорош. ⟨...⟩ Сами придут, уважая себя, и других заставят себя уважать. А потому война не за хапугу, а за благодеяние наиболее кстати, ибо тут есть за что уважать (и тут же перейти на Л. Полонского).

У этого существа (гимназиста) каждую минуту все оканчивается. Ему легко умирать, потому что слишком малоценное оставляет.

Нынче (при гуманностях) имеют право жить люди подлые, т. е. остаются в живых болезненные средней силы (mens sana*). И пусть эти болезненные даже героичны и великодушны (лично), не беспокойтесь, зато так раздражительны, самолюбивы, что в следующих поколениях народят подлецов. Правда, в течение долгого срока излечатся племена в высшие. Но зато все будут прибывать вновь и вновь слабые и т. д. на очень долгое время, в продолжение многих столетий.**

«*Домашняя беседа*». Объявление: этот язык. Это я называю твердостью. Так говорит *человек*, твердо убежденный в своей силе и в своем успехе. Вот бы дипломатии перенять такой язык, чем вилять-то. А впрочем, с Россией почти так точно и говорят (смот⟨ри⟩. Среда, 17, «Русск⟨ий⟩ мир». Объявление о «Домашней беседе»).

Strepito belli propelentur artis***.
Письма ко мне: Приищите место.//

Глава первая.
Кроткая. Фантастический рассказ.

От автора.
1) Кто был я и кто была она?
2) Брачное предложение.
3) Благороднейший из людей, но сам [то ему] же и не верю.
4) Все планы и планы.
5) Кроткая бунтует.
6) Страшное воспоминание.
Глава вторая.
1) Сон гордости.
2) Пелена ⟨спадает⟩ вдруг упала.
3) Слишком понимаю!
4) [Всего] Только пять минут опоздал.
[Убила не себя, а меня.]

Объяснение.//

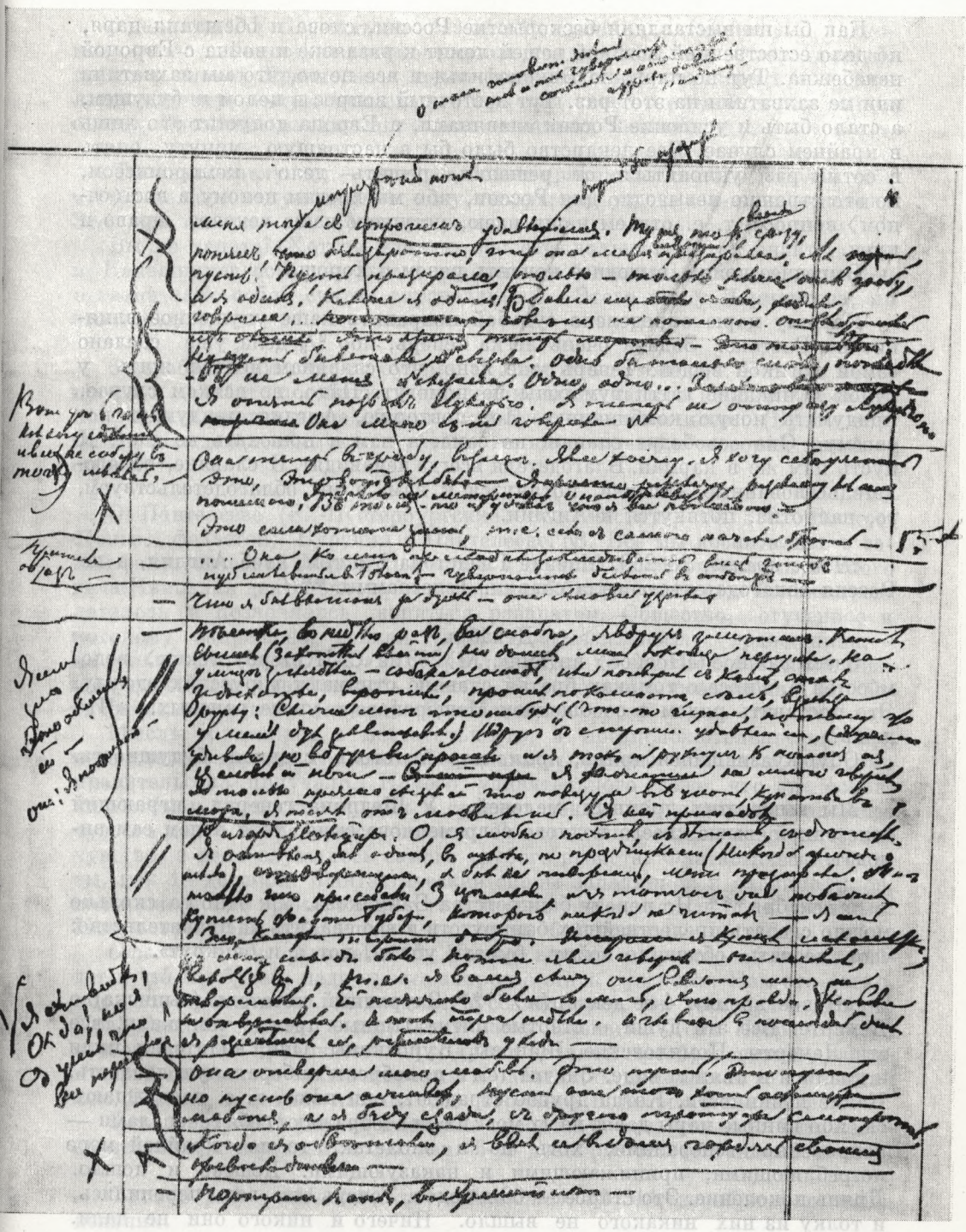
«Моск⟨овские⟩ вед⟨омости⟩», № 296. Книга об употреблении евреями христианской крови. Цена 2 руб. *По Садовой у Кораблева.*

«Новое время» о Солсбери 19 нояб⟨ря⟩, № 262 ****.
Маркиз Солсбери, его поездка (см. выше Россия добродушно уступает, Салтыков, способен, способен).

«Москов⟨ские⟩ ведомости», № 296, о каперстве.
Там же письмо К. М. из Парижа о французских настроениях *против* нас.

---

* здоровое тело (*лат.*).
** *Первоначально:* на многие столетия.
*** Грохот войны разгоняет искусства (*лат.*).
**** «Новое время» ∽ 262 — *на полях слева.*



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К РАССКАЗУ «КРОТКАЯ»

Записная тетрадь, 1876

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Как бы ни выставляли бескорыстие России, слова и обещания царя, но дело естественной логикой вещей ломит к развязке и война с Европой неизбежна. Тут не царь, не Биконсфильд и все не то, что мы захватили или не захватили на этот раз. Тут восточный вопрос в целом и будущем, а стало быть и усиление России славянами, а Европа допустит это лишь в крайнем случае. Все лекарство было бы в настоящую минуту опять в сотый раз уклониться от решения, решить дело компромиссом, но это страшно невыгодно для России, ибо мы вредим целому в вост⟨очном⟩ вопросе, т. е. отдаем нашу идею, уступаем наше вековое право и проч.

Выгоднее война, выгоднее кончить разом и хорошо.

Нашему царю определено судьбой поправить наше упущенное влияние на Востоке. Задача очень легка теперь, ибо $^2/_3$ дела уже сделано самой логикой вещей. Теперь уже ясно, что славянам нельзя жить у турок и никакие гатти гумагоны не помогут. Надо, во всяком случае, придумать новую комбинацию. Но, повторяю, Англия придумает по-своему. Она освободит славян, но сама, а нам и понюхать не даст. И пусть нам же в карман. Благодетеля всегда ненавидят. И славяне, облагодетельствованные Англией, потянутся к нам, а мы облагодетельствуем, то, напротив, потянутся к Англии.

«*Новое время*», № 263. Мнение Гладстона * о том, чтоб Англия, а не Россия облагодетельствовала славян. Телеграммы. **//

Декабрь

Здесь важное («Нов⟨ое⟩ вр⟨емя», №⟩263 из «С.-П⟨етербургских⟩ ведом⟨остей⟩». Гирса о том, как братья славяне отнимают у русских одежду. Это поставить рядом с сообщением Мещерского о уносе раненых: «Что дашь?»

Обуржуазившаяся дрянь, *кроме народа*, столь славная будущность.

Мы выше этих дрянных мелочей. У Щедрина генерал, играющий селезенкой, выше своего подлого современного сына, хотя в нем сам виноват.

5 декабря***. По поводу банкротства Баймакова. Уж одно то сколько можно сделать прелестнейших банкрутств и все свалить на правительство: «вот, дескать, объявило войну, бумаги упали, вот я и банкрут».

«Новое время», 4-ое декабр⟨я⟩****. Заурядный читатель (выписка) о Демерте. Все эти души — стертые пятиалтынные прежде чем жили, все эти Демерты, Помяловские, Щаповы, Курочкины. Они, видите ли, пили и дрались в пьяном виде. Значит тем и приобрели либеральную доблесть. Какие невинности. Когда другие страдают, они пьют, т. е. наслаждаются, ибо винные пары давят на их мозг и они воображают себя генералами — непременно генералами, хоть не в эполетах, то по крайней мере истребляющими, принижающими и наказующими. Дешево и пошло. Дрянь поколение. Это старое — 60-х годов. Теперь они все перепились, и толку из них никакого не вышло. Ничего и никого они не дали. Но да здравствует молодежь современная.

---

* *Над строкой*: Итак
** *На полях слева:* Я говорил
*** 5 декабря — *на полях слева.*
**** «Новое время», 4-ое декабр⟨я⟩ — *на полях слева.*

6 декабря *. У Лермонтова сказка о Калашникове. Белинский, подконец совсем лишившийся русского чутья (талантливейший из западников), думал в словах Грозного: я топор велю наточить навострить — видеть лишь издевку, лютую насмешку тигра над своей жертвой, тогда как в словах Грозного именно эти слова означают милость.

Ты казнь заслужил — иди, но ты мне нравишься тоже, и вот я и тебе честь сделаю, какую только могу теперь, но уж не ропщи — казню. Этот лев говорил сам со львом и знал это.

Вы не верите? Хотите удивлю вас еще дальше? И так знайте, что и Калашников остался [хоть] доволен этой милостью, а уж приговор о казни само собой считал справедливым. Этого нет у Лермонтова, но это так. //

6 декабря... «Мы что-то будем», «Из нас что-то выйдет». Вот что мерещится и двигает способную к движению часть нашего народа. От своих пророков и поэтов наше общество требует страсти и идеи. (Будем чистыми.) Жаждем осмыслить и узнать великую идею, к которой мы способны.**

О Пантелееве («С.-П⟨етербургские⟩ вед⟨омости⟩», № 336. Воскрес⟨енье⟩, фельетон). Буренин о Пантелееве. NB. Все мы воспитались в самой фантастической бездеятельности и в двухсотлетней отвычке от всякого дела. Чиновная деятельность была формулой бездеятельности. Только предлагалось и позволялось заняться развратом. Общество, отученное и которому запрещена всякая [дея] *самодеятельность* гражданина,— не только не сложилось, но и разложилось до заразы собою даже низших слоев. Не выработалось ничего. Выработались совершенно фантастические характеры [явили] (Пантелеев).

Мысль обратилась в мечтательность, в предположительность. (Ничего удивительного, что явились социалисты рьянее западных, там само правительство приучало.) Ничего удивительного тоже, что эти социалисты были крепостники, как в средних веках, ибо потеряли малейшее чувство долга и гражданственности. Гуляли лишь мысль и эстетическое чувство, а дело слушалось самого грубого эгоиста. Фантастические факты, как 14 декабря. Фантастические споры западников и славянофилов, начавшиеся в то время, когда и те и другие уже перестали быть русскими. Новая эра царя-освободителя, но пока беспорядок.

Ответ: Pensée universelle***. Прежде всяких вопросов, что́ из нас выйдет и что́ мы будем, надо просто-запросто стать русскими. Нам это легко, ибо если пропали мы, то остался русский народ. Он весь цел и здоров! Ура! Гнилому гнить, а здоровому жить. Спешите. Лови Петра с утра, а ободняет, так провоняет. Так и думал великий преобразователь, взглянувший на Россию таким широким и работящим помещиком (обративший всю Россию, в [одно] как бы одно огромное помещичье хозяйство).

6-го декабря. Я хотел в дневнике говорить о том, что надо быть самостоятельными и русскими людьми. 6-го декабря. Настеганные бараны. //

7 декаб⟨ря⟩ — «*Москов⟨ские⟩ ведомости*», № 314, декабря 6-го, понедельник.

В статью отовсюду: О романе «Что делать» в разборе «Revue des deux Mondes».

---

* 6 декабря — *на полях слева.*

** *На полях слева*: Все вообще

*** Всеобъемлющая мысль (*франц.*).

7 декабря. Коммунизм! нелепость! Ну можно ли, чтоб человек согласился ужиться в обществе, в котором у него отнята была бы не только вся личность, но даже и возможность инициативы доброго дела. Вместе с тем снято было бы и преследовалось насмешкой даже малейшее ощущение в сердце вашем чувства благодарности, без которого не может и не должен жить человек.

〈...〉

Коммунизм мог явиться в конце только прошлого царствования, в котором завенчана была Петровская реформа и когда русский интеллигентный человек дошел до того, что за неимением занятия [на] стал цепляться за все бредни Запада и, не имея *опыта* жизни для критической поверки, сразу применил французину к себе, досадуя на русских, зачем из них ничего нельзя сделать. Пролетарии у французов. Кстати, правда ли, что у нас опять поднимается вопрос об общинном хозяйстве.

«Нов〈ое〉 врем〈я〉», вторн〈ик〉, 7 декабр〈я〉, № 280.*

Уничтожьте у нас общину, и народ тотчас же будет у нас развращен] в одно поколение и в одно поколение доставит собой материал для проповеди социализму и коммунизму. Например, мы легкомысленнейшим образом проповедуем уничтожение общины, одну из самых крепких, самых оригинальных и самых существенных отличий сути народа.

NB. Уничтожат общину — порвутся последние связи порядка. Если в высшем обществе порядок разорван, а нового не дано, но по крайней мере было утешение, что народ в порядке. *Каком ни есть*, но порядке, ибо осталась связь и крепчайшая: общинное землевладение. Но разорвут и эту связь — и что тогда? Нового еще нет, ничего не взошло (да и посев был ли?), а старое с корнем вон,— что же останется? Пропадем как мухи. Теперь идти в народ смешно и только жалко, ну а тогда будет не смешно ведаться с общиной. 〈...〉 //

«Новое время» № 281.

О «Ревизоре», совсем не понятом Боборыкиным, и о Краевском, исключенном из Слав〈янского〉 благ〈отворительного〉 комитета, отзыв «Биржевых 〈ведомостей〉», сказать непременно.

Несколько уродливых мнений (18 столет. прод. у Запада).

Пантелеев, дочь, от Сохи Андреевны.

Главная педагогия — это родительский дом.

Буренин — требует современных типов в литературе, большего вникновения в жизнь (Пантелеев). В то же время в «Голосе» ряд статей о критике и искусстве. А только что появившееся замечательное произведение искусства, моя повесть, о ней ни слова.

Журналы наши —монстры, форма западная, листы наполняются механически**. Мнения и политического почти не нашлось. Между тем — тут факты — все это сорится. Группировать; экономические факты, нравственные факты, освещать, сортировать, не фантазируя и не мудрствуя лукаво, но на основании данных, древний летописец и т. д. Все делается рабски, мы рабы, не научились быть самостоятельными. Нет самостоятельности. Заметьте, что наш либерализм и наша даже *красnота* именно тем характеризуется, что преследует всякое зарождение на Руси самостоятельности. И это с самого начала нашего либерализма,

---

* «Нов〈ое〉 врем〈я〉» ↄ № 280 — *на полях слева.*

** *На полях слева*: Здесь

с Белинского, с Герцена. Они только мелкое либеральничанье, но в главном самые страшные консерваторы и есть. Status quo — красные отрицают все, но рабски неоригинальны. Отрицание же всего — потому что//дешево достается, не требуя малейшего изучения, две-три науки, атеизм и коммунизм (ибо у нас никогда не было социализма, его прямо разрешили формулой коммунизма и примером интернациональной коммуны) не требуют никакой науки и школы. Неученый может даже не прочесть, а услышать от товарища и уж (искренно и чистосердечно) презирает всех. Кругом них рабское молчание, и сочувствующих и несочувствующих. Последнее хуже, потому что рабское и трусливое молчание (тут за молодежь).

Прибавьте бродяжничество и толпу, но и это без инициативы, и это слишком старо.

NB. Меня всегда поддерживала не критика, а публика, кто из критики знает конец «Идиота» — сцену такой силы, которая не повторялась в литературе. Ну а публика ее знает... и т. д.

Буренин, разбирая Григоровича и Потехина («Нов⟨ое⟩ вр⟨емя⟩», № 283), перешел к Решетникову по поводу народных романов. А «Записки из Мертв⟨ого⟩ дома», где множество народных сцен, — ни слова. В критике «З⟨аписки⟩ из Мерт⟨вого⟩ дома» значат, что Достоевский обличал остроги, но теперь оно устарело. Так говорили в книжн⟨ом⟩ магазине, предлагая другое, ближайшее, *обличение* острогов.

NB Гнилое племя, которое не может жить без пощечины, тоскует без пощечины, и даже если их и удовлетворить, то они тогда будут очень огорчены и начнут давать пощечины своим друзьям и самоубежденникам.

NB. Сущность их сатиры в том, что во всяком хорошем поступке приискать подлеца. Тем и удовлетворяются, долг исполнили.

Одна из характернейших черт русского либерализма — это страшное презрение к народу и взамен того страшное аристократничание перед народом. (И кто же? Каких-нибудь семинаристов.) Русскому народу ни за что в мире не простят желания быть самим собою. (NB. Весь прогресс через школы предполагается в том, чтоб отучить народ быть собою.) Все черты народа осмеяны и преданы позору. Скажут, темное царство осмеяно. Но в том-то и дело, что вместе с темным царством осмеяно и все светлое. Вот светлое-то и противно: вера, кротость, подчинение воле божией. Демократы наши любят народ идеальный*, [к кот] в отношении к которому тем скорее готовы исполнить свой долг, чем он никогда не существовал и существовать не будет.

Самостоятельный склад наш, самостоятельный склад понят⟨ий⟩ о власти.//

Анна П⟨етровна⟩ Борейша. Аристократы направления, называющие тварями надзирательниц.

NB. «Московск⟨ие⟩ ведомости», № 316 (передовая). — Все наши журналы, чуть началась конференция, как бы ропщут и жалуются, что «вот, дескать, все не верят России, тогда как Россия заявила, что она не хочет приобретений» и т. д. Смешно удивляться поведению Европы, смешно

---

* *Первоначально*: отвлеченный.

роптать, но всего смешнее винить Европу в этом случае. Да что бы Россия ни говорила, тут, в таком деле на слово никто не поверит. Ведь Россия все же хочет занять Болгарию, и хоть бы она там три года стояла и ничего не взяла (а Европа этому не поверит), то влияние на славян окажет своим могуществом,—а это для Европы хуже победы и завоевания. Славяне увидят, что Россия сильнее, на своем настояла и *подкладочную сущность* парижского трактата разорвала,— и вот в будущем у ней приобретена нравственная сила в Балканском полуострове, когда будет кончаться восточн⟨ый⟩ вопрос. А ведь Англия же знает, что он когда-нибудь кончится. Ну вот и не надо этого Европе, вот и ревность, вот и ненависть, вот и нелепый проект бельгийского занятия.— Но ведь это все же неестественно: Россия не может отрекаться от самой себя.

Ergo. Результат: России нужно надеяться на свой меч, а не на дружбу Европы и на занятии настоять силой, объявив и продолжая объявлять, что ей ничего не надо, кроме гарантии реформ для славян, никаких завоеваний для себя.

Отказ Германии от Парижской выставки: какая страшная враждебность, многознаменательная враждебность.

О лучше б я им не сказал.
О лучше б я про себя таил.
Про себя таил, сам не знаю что.*

Заметьте тоже, что общество это (московское, грибоедовское) не лучше, не хуже никакого и что такие общества всегда и *бывают* везде (мы не говорим должны быть).

«Ревизор» — Кювье. //

Тот черномазенький, он турок или грек. Все мировоззрение, все чувства этого мелко-желчного человека в этом выражаются.
Наталья Дмитриевна — (которого убил Карлов).

В противоположность Алеко.

NB. Алеко — убил. Сознание, что он сам не достоин своего идеала, который мучает его душу. Вот преступление и наказание. (Вот сатира!)

Пушкин кричит про Чацкого: «Но кому это он все говорит, это непростительно!». Напротив, напротив, он не мог бы иначе, это художественно, и он вполне себе верит. В своем мирке. Всего только хвост спереди. Только Грибоедов выставил Чацкого положительно, тогда как надо бы отрицательно.

Доволен Чацкий малым. *Свежо предание, а верится с трудом*, — т. е. он не замечает, что и теперь точно то же. Не в той форме, не в том мундире — вот для него уж и разница. Мелко плавает. Основной сущности зла не понимает.

Но вот Алеко убил, что ж вы думаете, он будет кричать, пойду искать по свету. Карету мне, карету. Дескать, люди виноваты, *не я*. Или, лучше сказать, Москва виновата. Нет, Алеко остается.

Новейшая сатира тем бесплодна, двусмысленна и даже вредна, что не умеет или не хочет сказать, чего хочет. Напротив, над всем противупо-

* О лучше ∞ не знаю что — *отчеркнуто слева фигурной скобкой.*

ложным обличаемому ею злу тоже смеется и приравнивает к тому же знаменателю. К чему она так делает? *Боится краснее себя.*

13 декабря. Понед⟨ельник⟩. *Программа декабр⟨ьского⟩ дневника.*
1) Год кончен. О цели издания.
2) Сатира, Чацкий, «Ревизор», Алеко — Щедрин.
3) Три науки: атеизм, социализм и коммунизм, ученый дом.
4) О Корниловой.
5) О девочке.

У нас сатира. У нас скорее * литература дала положительное, чем сатиру. Наши сатирики не имеют положительного идеала в подкладке. Идеал Гоголя странен; в подкладке его христианство, но христианство его не есть христианство.

Сатира последнего времени несвободна, боятся красных.//

«Московск⟨ие⟩ ведом⟨ости⟩», № 318, суббота. Замечательнейшая статья «Моск⟨овских⟩ ведом⟨остей⟩» об осенней демонстрации 6-го декабря. Они правы: очень может быть, что кому-то надо грозить Европе коммунизмом, идущим из России, и остервенять Европу против России. Статья «Journal des Débats». Действительно, странное совпадение.

Турок — молодец против овец, а против молодца и сам овца.

NB. Остроты Чацкого не остроты, а дерзости. Да так и должно быть: он преследует не сущность дела, а лишь лица, бранится с ними и говорит им личности.

NB. У Островского как-то начали было смешиваться положительные стороны жизни с сатирой. Из сего последовало лишь общее недоумение и непризнание Островского критикой даже доселе.

NB. *Тот*, чьей волей [поя] могли появиться великие произведения Гоголя в русском языке. (Как Кювье.) С мелкого городка до высочайших петербургских учреждений.

Эта наивность, не замеченная Грибоедовым, т. е. Грибоедовым вместе с Чацким, считавшаяся (обоими) за заслугу или добродетель. О, другое дело, если б Грибоедов вывел эту драгоценную черту мелкого характера как художник, сам сознавая ее мелочь и комизм, но выводящий ее как реальную правду... Но тогда все положительное в типе Чацкого должно бы было исчезнуть, а Грибоедов выводил прямо, торжественно положительный тип страдальца не от себя, а от общества, почти идеал человека, которому бы надо быть (или по крайней мере молодого человека). Рассмотрим же, что это за такая положительность.

У нас сатира боится дать положительное **. Островский хотел было. Гоголь ужасен, но Грибоедов дал. Весь Чацкий (и уродство комедии). Затем *Алеко*, и потом *новая сатира*, боятся сказать, чего хотят (подразумеваемая мерзость «Jour⟨nal des⟩ Débats»). Почти правда. Вот эту положительную сторону русской самостоятельности мы и хотели выразить нашим изданием. Приветствовали движение года, примолкнул либерализм, старики.

— Самостоятельные начала (войны). Община.

---

* *Выше над строкой*: Пантелеев
** *На полях слева*: Здесь. Конспект

— О войне что сказать Россия должна? [Реш] Война решит перемену направления.

— Затем о деле молодежи. Замечания на *интригу* «*Моск⟨овских⟩ вед⟨омостей⟩*» и о настеганных баранах. Но энтузиазм. Вот этому-то энтузиазму и нужен исход.

— Корнилова —

— и девочка.

Сатира наша, высказавшись положительно, боится потерять свое обаяние, боится, что скажут ей: «А так вот что у вас в подкладке, немного же»*.

NB. Гоголь по силе и глубине смеха *первый в мире* (не исключая Мольера) (непосредственного, безотчетного, и это бы надо нам, русским, заметить).

NB. Это бахвальство Гоголя и выделанное смирение — шута.

NB. Аристократа поляка, разделившего на песью кровь и барскую. ⟨...⟩

Вообще либерализм и сатира*: «О, если б мы захотели**, то такой бы идеал воздвигли, что весь мир бы засиял, и озарился светом я, но... нам не дают сказать, а потому— а потому мы только зубоскалим».

NB *Алеко*. Разумеется, это не сатира, а трагедия. Но разве в сатире не должно быть трагизма? Напротив, в [в] подкладке сатиры всегда должна быть трагедия. Трагедия и сатира две сестры и идут рядом, и имя им обеим, вместе взятым: *п р а в д а*.

Вот это бы и взял Островский, но силы таланта не имел, холоден, растянут (повести в ролях) и недостаточно весел, или, лучше сказать, комичен, смехом не владеет.

Островскому форма не удалась. [Сравнит] Островский хоть и огромное явление, но сравнительно с Гоголем это явление довольно маленькое, хотя и сказал *новое слово*: реализм, правда, и не совсем побоялся положительной подкладки.

Этот ничтожный слепорожденный пшик нашей жизни (тот, кого убил Карлов).

NB. — Гоголь. И рядом с гениальным ореолом выставилась чрезвычайно противная фигурка.

Прежняя сатира не могла и не умела указать своего положительного идеала, а новейшая, хоть и не умеет тоже, но и *не хочет*. Напротив, если б умела и могла, то была бы несчастна. //

«Москов⟨ские⟩ ведомости», № 321. Вторник. Настеганные бараны. Пештская газета. Неопровержимо доказанная политическая интрига в демонстрации 6-го декабря.*

---

* *На полях слева:* Здесь

** *Над строкой:* могли

Программа

— Корнилова.
— Девочка.
— Прошел год. Об идее и цели издания.— Самостоятельность, ибо все самостоятельное подвержено сомнению, возьмем теперешний вопрос восточный, он крепче всего, ибо кроется в началах народных.
— Мы живем в дикое время. 6-го декабря.
— Прекрасное и высокое.
— Пантелеев, сложили характеры, нет автора, была повесть.

Удивляются, что Европа не верит России, но почто перебирать. Высшая идея (шотландский профессор), ибо если б это в России было заявлено, то слова эти были бы подвержены осрамлению. Община (несколько кратких слов). Коммунизм. 6-го декабря.

Пантелеев — нет автора,— *
но либерализм отрицает положительное разъяснение Пантелеевых. Разъяснение—это наша несамостоятельность. Но либерализм хочет несамостоятельности и презирает народ.— Европейничание (колоссальная пощечина).

Сатира (не откровенна).

Я хочу кончить о литературе. Скорее положительные пробы **, чем сатира. «Дворянское гнездо» — пробы далеко не узнанные, но много принесшие. Наша литература дала больше положительных типов, чем отрицательных, ибо сатира — не имеет подкладки.

Между тем мы имеем гениального Гоголя.

И, однако, мы имеем такого сатирика, как Гоголь.Что же за причина, что общество осталось неудовлетворено?

Та, что сатира не может выставить положительного типа.

Мало того: сама его не имеет (не умеет сказать) и тем породила страшное замешательство в обществе (ибо «Мертвые души» были популярнейшею вещью), возник спор.

Новейшая сатира и не хочет пощечины, [мерзавца] предположение мерзавца.

Островский,— но он мало сказал.

Указывать начали на Грибоедова. Да.

Это наивное время все сказало,— Чацкий положительный тип. Алеко.— Я хочу вести критику, разберу «Горе от ума».***//

«Новое время», № 289. Заметки об архитектурных занятиях для женщин.

О, и Гоголь думал, что понятия зависят от людей (кара грядущего закона), но с самого появления «Ревизора» всем хотя и смутно, но как-то сказалось, что беда тут не от людей, не от единиц, что добродетельный городничий вместо Сквозника ничего не изменит. Мало того, и не может быть добродетельного Сквозника.

В «Горе от ума» увлек блеск, сатира на Москву, а глубины никакой.

NB. Чацкий: *А вам на что?* Глупее ничего нельзя и представить.

---

* *На полях слева:* Типы и явления
** *Первоначально:* типы
*** *На полях слева:* в январск⟨ом⟩ №

NB. Не выставлено психологическое оправдание любви Софьи к Молчалину, не намечтала ему качеств.

Пишут, мы охладели к вост〈очному〉 вопросу. Это неправда: народ не охладел, адресы искренние и проч. Интеллигенты охладели или, лучше сказать, реакция.*

Тут дело ясное: считать ли дело славянское — органически русским, в политическом отношении, например, равным лишению морей, границы 12 года, Киев, Смоленск, Петербург, Крым и Кавказ, *или* только забавой русских. Вот в постановке вопроса народностей и национальностей вопрос о Востоке, о восточных христианах слился в народном понятии не в одно человеколюбие и не в одну политическую задачу (как преимущественно в головах нашей интеллигенции), но, преимущественно и на первом плане, в *вопрос* о судьбах восточного христианства, т. е. в вопрос о судьбах православия, т. е. в вопрос о Христе и о служении ему, о подвиге служения ему.— Вот что я подчеркиваю и указываю. Это идея моя, никто не указывал на это, но это так, и это истина. А зная это, мы должны признать, что восточный вопрос, русский по преимуществу, национальный, народный и *всегда популярный*. В народе даже сложилось понятие, что Россия для того только и живет, чтоб хранить христианство. Вникните, в этом вопросе мелькают, например, такие черты, что старообрядцы тотчас же соединяются с русскими в желании жертвы, между тем они отлично знают, что и все эти славяне — еретики. Ключ всем разрешениям.//

В поэзии нужна страсть, нужна *ваша идея*, и непременно указующий перст, страстно поднятый. Безразличие же и реальное воспроизведение действительности ровно ничего не стоит, а главное — ничего и не значит. Такая художественность нелепа: простой, но чуть-чуть наблюдательный взгляд гораздо более заметит в действительности.

«Москов〈ские〉 ведом〈ости〉», № 322. В передовой: ненавистные о русских отзывы в «Débats» и «Liberté».

«Развлечен〈ие〉». Жрать, да спать, да гадить, да сидеть на мягком.

Для вас пиши вещи серьезные,— вы ничего не понимаете, да и художественно писать тоже нельзя для вас, а надо бездарно и с завитком. Ибо в художественном изложении мысль и цель обнаруживаются твердо, ясно и понятно. А что ясно и понятно, то, конечно, презирается толпой, другое дело с завитком и неясность. А мы этого не понимаем, значит тут глубина. (NB. Повесть «Пиковая дама» — верх художественного совершенства — и «Кавказские повести» Марлинского явились почти в одно время, и что же — ведь слишком немногие тогда поняли высоту великого художественного произведения Пушкина, большинство же наверно предпочло Марлинского.)

Нынче все силы чугунные (и убеждения чугунные, должно быть).

Обязанность не знать высшей цели и жизни вечной, а заменить ее любовью к человечеству, переданная этой несчастной с совершенно неразъясненным вопрос〈ом〉: для чего же я буду любить человечество? и проч.

Отсутствие бога нельзя заменить любовью к человечеству, потому что человек тотчас спросит: для чего мне любить человечество?

---

* *На полях слева:* Здесь

РАССКАЗ «КРОТКАЯ»
Издание на голландском языке
Амстердам, б. г.
Обложка

У иных могут быть не только убеждения, но и что-нибудь еще чугунней.

Мы настолько же русские, насколько и европейцы, всемирность и общечеловечность — вот назначение России.

Действ⟨ительно⟩, несем в своем зародыше какую-то сущность общечеловека, и впредь так будет, и народ развившись такой будет. И чем сильнее* мы разовьемся в национальном русском духе, тем сильнее отзовемся и европейской душе, примем ее стихии в нашу и породнимся с нею духовно, ибо вот это всечеловечность, и... и, может быть, и им, европейцам, стали бы полезны, сказав и им наше русское особое слово, котор⟨ое⟩ они еще, разбившись насильственно на секты ⟨?⟩, еще не слыхали. Наша способность языка, понимания всех идей европейских, сердечное и духовное ее усвоение — все это, чтоб разрозненные личные народные единицы соединить в гармонию и согласие, и это назначение России. Вы скажете это сон, бред: *хорошо, оставьте мне* этот бред и сон.

Я объявляю—*пока еще без доказательств*, что любовь к человечеству — немыслима, [совсем] непонятна и *совсем невозможна* без совместной веры в бессмертие души человеческой. Пусть пожмут плечами мудрецы наши, но эта [аксиома] истина мудренее их мудрости, и, я верую, [впоследствии] непременно станет когда-нибудь аксиомой во всем человечестве.

Англичанин прежде всего старается быть [и остаться] англичанином и сохраниться в виде англичанина, и любить человечество не иначе, как в виде англичанина.

---

* *Над строкой:* Таким образом

Как-то не хватает тех связей, которые соединяют человека с жизнью, как-то слабее и ничтожнее становится он.

Приговор — примут за положительное учение, которое так и надо. Пожалуй, может случиться, что прямо последует ему.

Между прочим (и, положим, некстати) заявляю, что перестают понимать юмор и шутку. Это очень худой признак — признак упадка умственных способностей в поколении, надо ждать всего от подростков, в них надежда.

Посмотрите на великоруса, он господствует, но похож ли он на господина, какому немцу, поляку не принужден он был уступать. Он [у] слуга. А между тем, тем-то — переносливостью, широкостью, чутьем своим он и господин. Идеал его тип великоруса Илья Муромец. //

Повесившийся мальчик... * Конечно, подражательное. Но что-то глубоко эгоистическое, нервно самолюбивое, страшно стремящееся к разъединению вырастает в будущем поколении. Связующее оказывается все больше и больше слабым, давления не выдерживающим. *Обособление*, обособляющиеся— что ж, так и должно быть. Мы, кажется, дошли до самой последней степени разъединения с народом.— Пример 6-е декабря. **

Либерализм, сатира играют в прятки. ***

Мы ассимилировались, совоплотились с ними (с Европой).

Буренин ****. Не поймут первые. Нельзя судить, не разъясняя мысль, а вот мысли-то и не поймут, не желая согласиться. Пантелеев так ясен. Отвлеченность. Теперь только началось накопление практического умения. Но плод еще далеко, и общество глубоко не созрело для разъяснения себя самого себе же самому. А разъяснителей слушать не будут.

В этом смысле чрезвычайно замечательна судьба нашей сатиры. Нет подкладки. Либерализм отвлеченный и стал аристократизмом, стал не демократичен и чем дальше, тем больше разрывает с народом. В сатире предположение мерзавца. «Débats». Кстати: слова ректора.

Великое слово. Точки прикосновения с Европой еще не остались. И к чему бояться славянщины, национальности? Мы в высшей степени породнимся с Европой именно, когда станем национальными и перестанем скитаться по Европе международными межеумками без уважения.

Герце⟨н⟩. *****

Да и любовь, по-ихнему, есть выгода, добро я делаю для своей выгоды из самосохранения (в высшем смысле и так-то, как будто это что опровергает в самостоятельности существования идеи любви). Я люблю в крайнем случае потому, что меня любят. Но как вселить любовь к всему человечеству как к одному лицу. Из расчета, из выгоды? Странно. Почему мне любить человечество? А как у меня вдруг явится расчет другой. Скажут фальшивый. А я скажу, а вам-то какое дело — // я и сам знаю, что фальшивый, но ведь фальшивый-то в общем, в целом, а пока я и очень, очень могу проявиться своеобразно, для личности, для игры, по личным чувствам. Проявил же Наполеон I, а ведь уж наверно в идее ничего не лежало из

---

* *На полях слева:* Здесь.
** *На полях слева:* Здесь 6-е дек⟨абря⟩
*** *На полях слева:* Сатира
**** *На полях слева:* Буренин
***** Герце⟨н⟩ — *на полях слева.*

любви к человечеству. Впрочем, эта идея возбудит спор, и я оставляю себе разъяснить ее в дальнейшем, но здесь скажу лишь, что идея любви к человечеству есть одна из самых непонятнейших идей для человека как идея. Нам явлен был лишь великий идеал в форме чувства. Возможность ясна: идеал был и есть. Но от этого не легче. А главное, при отсутствии идеи бессмертия.

Одна из самых непонятнейших идей для человека как идея, она явилась раз лишь в форме воплотившегося бога, в объективном образе— неразъясненная, (а породившая) и укрепившая собою лишь чувство.

6-е декабр⟨я⟩. *Эти бы* с презрением. Не виноваты ли семьи. «У нас нет семьи»,— вспомнилось мне слово одного из наших [сати] талантливейших сатириков, сказавшего мне это.

6-е декаб⟨ря⟩. У меня был проект для них, и, если только помогут обстоятельства, то я [когда-нибудь] (непременно) его изложу.

Либ⟨ерализм⟩. Сатира *. И если б им позволено было все говорить, то они, может быть, были бы страшно огорчены.

Сатира наша, н⟨а⟩пример, она и не молчит, она пишет и прекрасно пишет, но — как будто она сама не знает, что вам ответить.

А найдется либеральнее меня. Правда, это рассуждение лишь временное, но пока сосредоточивалось в преследовании всякой самостоятельности России, таким образом перешло в аристократизм.

Либеральное наше европейничанье **. Разрыв с народом. Презрение к народу (это демократов-то). Они идут в народ, народ их бьет, и вот они враги народу и презирают его. Он, дескать, ни на что неспособен. Изучать правду народную не хотят. Примеров тысячи и десятки тысяч, и они ужасают своею распространенностью. [При] [и своими]. //

Еще на днях Боборыкин в своей лекции об Островском заявил о том, что у нас не могло быть исторической драмы, ибо не было исторических характеров. (Лекции бездарные. Автор говорил, например, что от драматурга требуется верность истории, тогда как тут же имел пример и сам цитовал его, что у Шекспира не было верности истории, а лишь верность *поэтической правде*. Верностью поэтической правде несравненно более можно передать об истории нашей, чем верностью *только* истории.) И что ж, другой журнал, доселе называвший лекции Боборыкина пустыми, тотчас же похвалил их, как он сказал о том, что в России не может быть драмы (другое дело-де в Англии). Аплодируют Конради и проч. и проч. (см. «Новое время», № 293, 20 декабря). Таким образом, сами не замечают, что, отделяясь все далее и далее от народа, становятся аристократами и образуют касту и уже не мыслями только, а действием! Ибо, разорвав совсем с убеждениями и духом народа, образуют явно status in statu с презрением к низшим, к необразованной черни, к черной кости. «Хлопьска вера». Потом захотят сохранить свой раскол, свою касту, захотят удержать в государстве свое первенство, свою власть. [Принуди.] Образованный не захочет заседать с мужиком, потому что они разных воззрений и образования. Захотят себя гарантировать, оградить, и неужели они не понимают, что действительно к тому идет, к тому клонит? //

Все это сбудется мало-помалу, теперь более, чем прежде, потому что прежде разнились лишь в мыслях и духе, а теперь уже сталкиваются практически. И возненавидят одни других. Образуется вроде нового феодального права. И эти-то считают себя либералами, демократами!

«Новое время», № 293, 20 декаб⟨ря⟩. «Москов⟨ские⟩ ведом⟨ости⟩».

---

* Либ⟨ерализм⟩. Сатира — *на полях слева.*

** *На полях слева:* Здесь

Удивления бесплодные о том, какое, дескать, чудо, что Турция всем приказывает, а все слушают. Праздная болтовня. *

А потому сатира наша оставляет одно лишь недоумение и [да] еще способствует даже шатанию мысли, а не то, что утверждает ее. **
Такой вид, как будто, высказавшись положительно, боится потерять свое обая⟨ние⟩. Сатира не определен⟨на⟩. Обязана пахнуть своей подкладкой.

[Я не говорю про высших сатириков. У низших же] Кроме того, тут даже просто может быть маленький либеральный расчетец,— дескать, если я скажу мою мысль, то такая-то клика, нашего же либерального лагеря, найдет ее слишком умеренной и примирительной, и меня освищут. При этом хорошо, если освиставшие будут ловки. Между тем, если и освиставшие выскажут свою мысль, то с ними случится то же самое.

У нас забыты все доблести наших добровольцев, и люди, позорные люди, битые, но нажившиеся, у которых в сердцах никогда не было ни одного порыва, кричат лишь о их пьянстве и позорном поведении. (Летающие пощечины, [сам] сладость самоунижения.)⟨...⟩

Иные («Голос») въехали [в] (закопались) в ложное перед Россией положение, сами не зная из-за чего, из какой-то бестолковщины, другие («Биржевые ⟨ведомости⟩») прямо сердятся на современное положение (застой), выставляя идеал богатства и богатых свиней. Но а свинье надо самоуважения, хотя в некоторых случаях, несмотря на то, что это невероятно. Без некоторого самоуважения и богатым не будешь. Потеря [чести, цин.] народной чести ведет потерю и личной чести, деньги за сапог, и будет царство мошенников. Унижаться перед Турцией во что бы ни стало, только чтоб мир. //

Если отсутствие высшего смысла в бессмертии, то и гражданского. Развратились. Вряд ли годно поправиться.

Весь православный Восток должен принадлежать православному царю, и мы не должны делить его (в дальнейшем на славян и греков). ***

В славянском вопросе не славянство, не славизм сущность, а православие. //

Декабрь

Глава первая

1) Опять о простом, но мудреном деле.
2) Запоздавшее нравоучение.
3) Голословные утверждения.
4) Кое-что о [юношах] молодежи.
5) О самоубийствах и высокомерии.

Глава 2-я

1) Анекдот из детской жизни.
2) Разъяснение об участии моем в издании будущего журнала «Свет».
3) На какой теперь точке дело.
4) По поводу одной пословицы. Словечко об «ободнявшем Петре». //

---

* *На полях слева:* «М⟨осковские⟩ ве⟨домости⟩».
** *На полях слева:* Сатира
*** *На полях слева:* Здесь

[Январь. Стр.]
Община

1) Недоумение (декабрь). Первое разъяснение недоумению [Европ.]. Национальное наше начало и есть всеобщность.

2? * *Штунда*, наша демократия, обратятся в хлыстовщину.

2. * Фома Данилов [Великая идея. Великие блудницы] герой и всякий русский.

3. * Солдат и Марфа.

О передаче великой идеи. Великие блудницы.

Движения нет в народе. Да разве в характере нашего народа эти движения.

Крит. 4. Идеалисты и реалисты. Цветы с пониманием природы лучше обличения взяточничества.

Расчет. Литке.

4. «Кроткая». «Новое время».

Социализм, разрушение, и на другой день.

Январь 1877 //
Дневник писателя

Стрюцкие и община.

Община и европеизм **. Европеизм ополчается *** на [народные] европейские начала. Гонение на национальную партию.

NB. Община держит человека у земли. У нас страсть к бродяжничеству и к приключениям. Отделите каждого к своему клочку, и он все заложит и продаст ⟨...⟩ (Свели лесок.) Дайте власть,—не справитесь. Лучше держать в узде, в общине. В самоуправлении же могли быть сделаны изменения.

Недоумения ****. Аксиома (последняя строчка декабр⟨ьского⟩ №). Европействующие. Русские европейцы от роду. Это и есть их национальность. Вот первое разъяснение недоумения.

«*Новое время*», 31 декабря. *Среди газет и ж⟨урналов⟩* из «Русского мира» о продаже «Голоса» турецкому посольству.

«Новое время», 31 декабр⟨я⟩. Пятница. *О Фоме Данилове*, унтер-офицере, замученном за веру кипчаками.

NB. О том, как великая идея передается таким душам, которые, повидимому, и подозревать невозможно, что они заняты высшими идеями жизни: Фома-мученик, Влас, Жан Вальжан.

Основная ошибка нашей критики. Вот уже 30 лет мы прямо поставлены на самую низкую степень понимания дела в глазах Европы и настоящего просвещения. Наши консерваторы не возражали. Киргизы, сами думали, что это так неважно. Направление, ярлык портит автора. Добрые и полезные человечеству чувства, но тут a priori решается, что такое добро и что полезное. Описание цветка с любовью к природе гораздо более заключает в себе гражданского чувства, чем обличение взяточников, // ибо тут

---

* *Цифры стоят на полях слева.*
** *На полях слева:* Община
*** *Над строкой:* поддерж⟨ивает⟩ общину
**** *На полях слева* Здесь

соприкосновение с природой, с любовью к природе. Кто не любит природы, тот не любит и человека. Тот не гражданин и т. д.— Это в виде прибавления к критике.

Корнель и революция.

«Московск⟨ие⟩ ведомос⟨ти⟩», 31 декабря, 76. Передовая, письмо Екатерины II к Цимермон и толки заграничной прессы о русских революционных движениях (valet rouge — червонные валеты). Анекдот об англичанине, стрелявшем русских добровольцев.

Повреждения ума, а не сердца, Кирилловы, [Кир] богочеловек, человекобог, необразованность от ничегонеделания. Непонимание современного человека. «Новь».

«Новое время», суб⟨бота⟩, 8 января (№ 310?),— фельетон Стасова Об идеале и реализме. Любовь к человечеству. Идеал видит в слове, это важнее. Репины — дураки, Стасов хуже.

NB. Сознание и любовь, что, может быть, и одно и то же, потому что ничего вы не сознаете без любви, а с любовью сознаете многое (яблоко писанное) — и проч.

Зато казенщина; Артемьева, Диккенс.

NB. Тирада об том, что чем более мы будем национальны, тем более мы будем европейцами (всечеловеками). Тогда-то, может быть, создастся этот тип в первый раз, которого теперь нет и который только в мечтах у всех русских самых даже противуположных направлений (славянофилы, националы, красные и проч.). Пора перестать стыдиться своих убеждений, а надо высказать их.

NB. Ошибка ума, а не сердца и проч.

Сатира (Щедрин) самое свое европейство уничтожающие. //
NB. Идея. Заразить душу своим влиянием. Влас. Виктор Гюго.

NB. Пусть славяне будут накормлены нами или европейцами, все равно, только бы были накормлены. Иначе шовинизм. Совсем неправда, и нет шовинизма, ибо желал бы я, чтоб славяне были накормлены и облагодетельствованы лишь русскими, вовсе не шовинизм, ибо я вовсе не для выгод и не для тщеславия России желаю этого, а для выгод славян. Всякое отвоевание, хотя бы и кормом славянам, Европою от нас, будет им же́ во вред. Да и есть хлеб [животный] телесный и хлеб духовный.— Славяне-европейцы суть поляки, суть чехи, суть сербы, высшей интеллигенции.

А желать накормить славян, конечно, хорошо,— обратиться к Европе тоже недурно и проч. Как желает иной школяр — (прямолинейность).

Ор. Миллер, соединивший в себе славянофильство с европейничаньем.

Христианство есть доказательство того, что в человеке может вместиться бог. Это величайшая идея и величайшая слава человека, до которой он мог достигнуть.

Яблоко. Любя яблоко, можно любить человека. Французы, без вкуса, roman⟨?⟩, Victor Hugo. Реализм, фотография. Фотография на себя не похожа — и проч.

Искусство. Стасов, Репин. *

Литке, расчет (Мольтке). Неверие в народное движение. Пошел цинизм. Народ наш не кричит, не демонстрирует (стоял у Аничкова дворца). Пошел цинизм. Крахи, паразиты. Кровь хороша. Сатирики.

92-я страница «Нови».
Наша демократия так же древня, как и Россия, а у тех с 89-го года (мысль Мещерского). Ответ автору «Нови».

Штунда. Драгоценный сосуд. Обратятся в хлыстовщину. //

Солдат, замученный за веру, с другой стороны, солдат с дочерью.
Разврат. Что кого поглотит?
С уничтожением общины.
Разврат в высшем сословии. Штунда. Отрицают народное движение. Разорвали с народом. Редсток. К ним примкнули европействующие. К деспотизму. Мы свободны с начала русской земли. Европействующие хотят 〈...〉 разврата. Но есть уже сильно〈е〉 ядро *сознающих.* [Сатир] Хотя у европействующих литература. Сатира. Подкладки нет. Нечего было бы сказать. *Новь* — вот тайная мысль автора. Вот вам и Потугин! Вот подкладка сатиры Потугина. Нам нечего волноваться революцией, ибо мы уже 1000 лет как свободны.
Общечеловек. Россия новое слово. В том-то ее и национальность.
Речь шотландского ректора.

Высшее общество расшаталось и оглупело. И какие у него радости: comtesse такая-то (а за спиной дураками зовут друг друга). Напакостил такому-то.

То, что мне писали по поводу бессмертия души. И вообще пишут с вопросами. Высших убеждений, цели нет.

Идеализм и реализм.

Червонные валеты и проч. Выписка из октябрьского дневника о том, как восторжествует *цинизм.*

Отрицают движение. Что же не кричал народ? Стало быть, не было движения.

К подвигу унтер-офицера Максимова пресса отнеслась сухо. Не нашего, дескать, мира. Эк что, защищать христианство (Грановск〈ий〉. Крестовые походы. Общечеловеческое. А христианство не общечеловеческое. Эх свиньи). Хотя бы честность и сила духа должны были поразить сердечно: этот *унтер-офицер есть воплощение народа*, с его незыблемостью в убеждении, и растленного нашего общества, с другой стороны.

Январь

— Говори Христа бога моего, говори!
— Ну Христа бога моего.
— А хоть ты и не веришь, хоть ты и говоришь с улыбкой (да только с доброй), так Христос тебя и простит — и тебя и меня. Сам сказал: хулу на меня прощу, лишь на Духа хула не прощается.
— А что такое Дух?
— А Дух то,что теперь между нами и почему у тебя лицо стало добрее, то почему бы плакать захотел, потому что у тебя дрожали губы,— врешь, не гордись, дрожали,я видел, и Дух то, что тебя из Америки привело в этот день вспомнить елку Христову в родительском доме. Вот это Дух.

* Искусство. Стасов, Репин — *на полях слева.*

— Ну и пусть.
— Ее только нет, вот что худо.
— А знаешь, отец, славный ты малый, вот что! //

Некрасову

— Живи-то со мной по дружбе.
— Трудно ужиться-то с тобой, вот что.
— С тобой и супруга не ужилась. (NB. Супругу ревнует к мировому посреднику.)
Баба. Что ты, Савельич, дурак.
— Ангел он, ангел!
Так ведь я, Харитовна, и говорю ему, ровно ангелу.
— Ан ангел-то меня за это в рожу бы побил. //

Опрятность может быть свойством и прирожденным, наследственным. Но чаще всего приобретается опытом и долгими годами как необходимость в борьбе за существование. //

Слова и поговорки.

Мечталка.
Самая маленькая мысленочка.
Молчалин—это не подлец. Молчалин—это ведь святой. Тип трогательный.

Бытие только тогда и есть, [в] когда ему грозит небытие. Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие.

Вы приобрели много знаний не по уму, так что за недостатком-то ума и не знаете, как справиться с этими знаниями.

Смотрит так, как будто не понимает того, о чем думает (идиот).

Ассимиляция (совоплощение) (хлыщ). Ав⟨густ⟩. Языков (добровольцы, бальничары, дремадолит). Бельлетристика — Бельлетрика.

Этакие дела надо делать вполне, а не для красы (т. е. благодеяния).

Все они одна другой лучше, но ни одной хорошенькой.

Мы любим и желаем новых женщин прежде всего в образе высокочеловечественном, а не в образе, потерявшем всякий смысл человеческого, в образе чего-то мечущегося и угорелого (у Мещерского в его письме о Сербии, казачка — Лист и бомбардирующая меня письмами).
Лови Петра с утра, а ободняет, так провоняет.

Какая разница между демоном и человеком? Мефистофель у Гете говорит [я есть часть] на вопрос Фауста: кто он такой: я часть той части целого, которая хочет зла, а творит добро. Увы! человек мог бы отвечать, говоря о себе совершенно обратно: «Я часть той части целого, которая вечно хочет, жаждет, алчет добра, а в результате его деяний — одно лишь злое». //

Критические замечания. Zola.

Мне разбирать некогда, ну возьму первое попавшееся, ну вот в «Le ventre de Paris».
«Le ventre de Paris», стран. 30 о капусте и моркови (натянутый восторг).
(Это не искусство; бросается и не знает уж, что сказать.)

Стран. 34. Florent человек, бежавший из Кайены, и будто бы до того запутался в пяти улицах между привезенными в телегах легюмами, что не нашел дороги и прохода. Все это вздор, все это картины преувеличенные (вот, дескать, как я описываю капусту!)— Глупости!

Живописец *Клод*. Это не человек. Этот вечный восторг смешон. Это восторженные фигуры Кукольника в его драмах, как [художн] «Доминикино» цаца, ляля. Только те говорили о Рафаэле, а эти о капусте.

Florent умирает с голоду и с гордостью отвергнул помощь честной женщины. Zola считает это подвигом, но в этом сердце нет братства, какой же он республиканец. Возьми от нее помощь и воздай другим от избытка благодарного сердца,— вот и будет рай на земле.

Главное: все это неверно, все это преувеличено, а потому далеко не réalité, а потому нельзя (не след бы) плевать на Жорж Занд.

Вывеска. Он будет описывать каждый гвоздик каблука, через четверть часа, как солнце взойдет, он будет опять описывать этот гвоздик при другом освещении. Это не искусство. Скажи мне одно слово (Пушкин), но самое нужное слово. А то кидается во все стороны и тащит 10 000 слов, [но] и все не может высказать, и это с самым полным самодовольствием, но пощади же и меня.

Увертюра «Тангейзера».

Это, дескать, любовь к природе. Нет, это любовь к своей собственной болтовне и уверенность в своих писательских совершенствах.

А все набывает день, т. е. прибывает.

Если не сияющий, то маслено-радостный взгляд (у Майковых).

И поглядела на него с строгим удивлением.

Дамы? Ну дамы, разумеется, одна другой лучше, только хорошеньких нет ни одной. Ну, а хорошенькие есть? Нет, хорошеньких нет ни одной!

Г. А〈всеенко〉 — самое тупейшее литературное существо из всех населявших русскую литературу.

Женщины ужасно щекотливы? А вы пробовали щекотать?
Стрюцкие — рвань, сапожники пропили, мастеровые и проч.
Tout Paris pour Chimène a les yeux de Rodrigue *.

Н. Н. С〈трахов〉. Как критик очень похож на ту сваху у Пушкина в балладе «Жених», об которой говорится:

Она сидит за пирогом
И речь ведет обиняком.

Пироги жизни наш критик очень любил и теперь служит в двух видных в литературном отношении местах, а в статьях своих говорил *обиняком*, по поводу, кружил кругом, не касаясь сердцевины. Литературная карьера дала ему 4-х читателей, я думаю не больше, и жа〈ж〉ду славы. Он сидит на мягком, кушать любит индеек и не своих, а за чужим столом. В старости и достигнув 2-х мест, эти литераторы, столь ничего не сделавшие, начинают вдруг мечтать о своей славе и потому становятся необычно обидчивыми. Это придает уже вполне дурацкий вид, и еще немного, они уже переделываются совсем

* Весь Париж смотрит на Химену глазами Родриго (*франц.* — известное выражение Буало).

в дураков — и так на всю жизнь. Главное в этом самолюбии играют роль не только литератора, сочинителя трех-четырех скучненьких брошюрок и целого ряда обиняковых критик по поводу, напечатанных где-то и когда-то, но и 2 казенные места. Смешно, но истина. Чистейшая семинарская черта. Происхождение никуда не спрячешь. Никакого гражданского чувства и долга, никакого негодования к какой-нибудь гадости, а напротив, он и сам делает гадости; несмотря на свой строго нравственный вид, втайне сладострастен и за какую-нибудь жирную грубо-сладострастную пакость готов продать всех и все, и гражданский долг, которого не ощущает, и работу, до которой ему все равно, и идеал, которого у него не бывает, и не потому, что он не верит в идеал, а из-за грубой коры жира, из-за которой не может ничего чувствовать. Я еще больше потом поговорю об этих литературных типах наших, их надо обличать и обнаруживать неустанно. //

— Слесарек-то придет, чайку напьется, а полковник-то пойдет да сядет там в карты и проиграет.
— Дура.
— От дуры слышала.
— Только-то и умеешь, слышала от других.
— А вы против начальства говорите, которое нас здесь призревает.

— Полковник-то опоздает, а слесарек-то прежде придет.
— Вот ты сказала, что бог справедлив, ан вот и нет. *

— Еще когда-то его (полковника) придавит, а этот коленку сшиб.
— А зато он, может, в раю будет, а полковник-то нет. Во аде будет.
— Это за то, что карету-то нанял.
— Это в каком же таком раю.
— Эх ты, глупая, мне-то пускай за то, что я верой не верую, а тебя-то за что: вот ты веруешь, а ведь и ты без кофею?
[Тебе то за что?] [Я за тебя]
— А это мне за тебя же страдать пришлось. Зато я в раю буду.
— [Небось в раю будешь?] Это за кофей-то.— И буду, на зло тебе буду. Это за то, что кофею-то не напилась? Да, за то, что не напилась.

— Еще когда-то будешь, а теперь сиди без кофею.— Оно хоть правда, что без кофею, да все же не серди ты меня, Прохоровна, отстань, злой язык человеческий.
Дура, от дуры слышала.

— Эх вы, бабушка, поподчивали бы гостью, заварили б нового.
Один воздух-синь. Это все узнали.

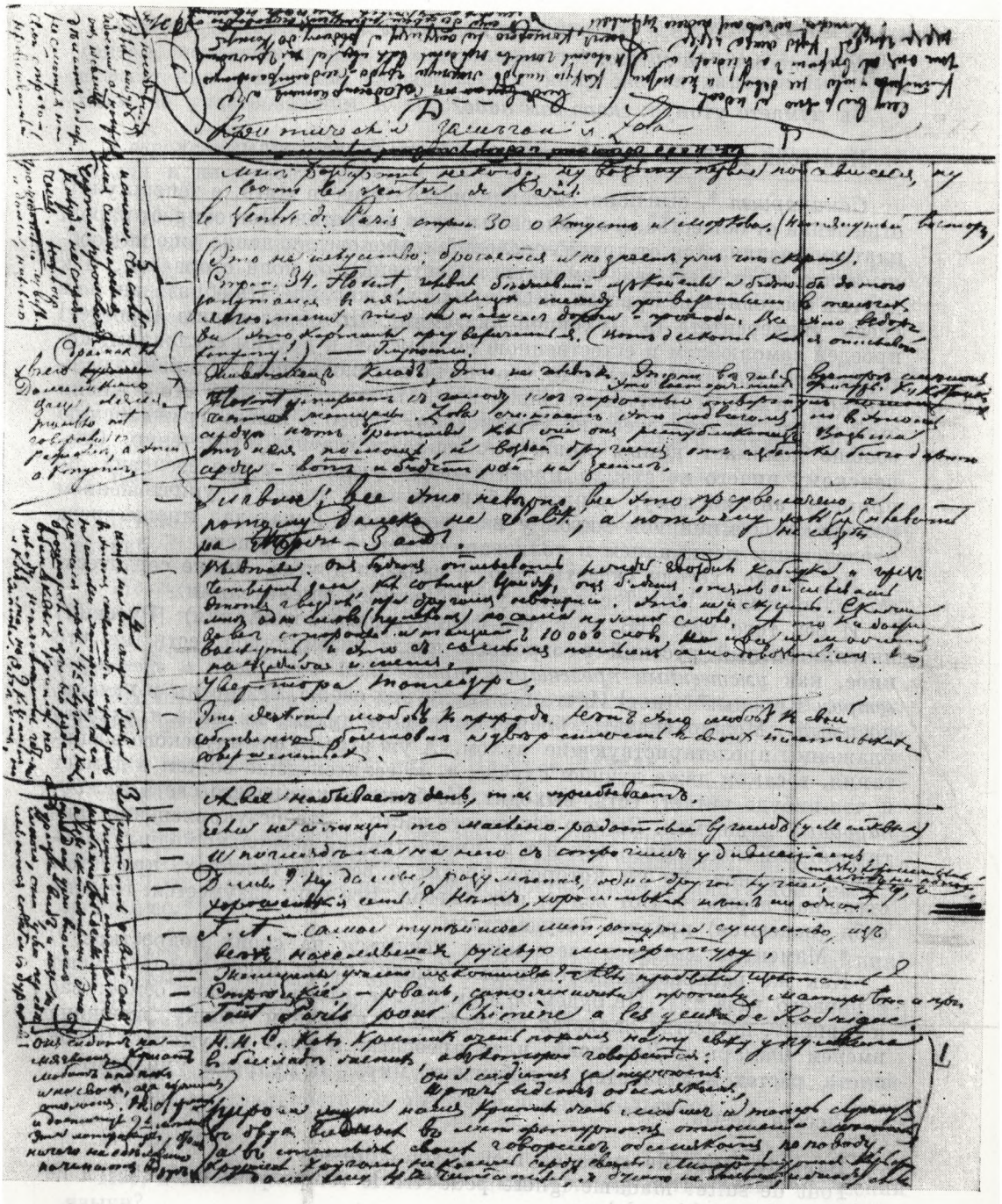
Лукерьюшка, *понимала я* это так.
— Ты-то внизу, во аде, а я на тебя буду сверху глядеть.
Все это один разговор.

Он по крайней мере писал так, что читать можно было, а ведь другой, чтоб самую крохотную мысленочку провести, целый воз сена привезет.

А насчет слогу, то очень многие у нас полюбили писать с [каким] [самым] каким-то даже [обильным] надменным многословием. Какое мне дело до публики, я мысль провожу. В старину по крайней мере писали так, что читать можно было,— ну, Белинский, например, а ведь нынче иной, чтоб только самую крохотную мысленочку провести, целый воз сена [сперва] привезет сначала. //

---

* *На полях слева:* Слесарек



КРИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО
О РОМАНЕ ЗОЛЯ «ЧРЕВО ПАРИЖА» И О Н. Н. СТРАХОВЕ

Записная тетрадь, 1877

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Слова и поговорки

Пора костям на место.

Вы думаете утонул: *скоро вам надо?*

Или если не были несчастны, то не были и счастливы.

Семинарист *, сын попа, составляющего status in statu, а теперь уж и отщепенца от общества, а казалось бы, надо напротив. Поп обирает народ, платьем различается от других сословий, а проповедью давно уже не сообщается с ними. Сын его, семинарист (светский), от попа оторвался, а к другим сословиям не пристал, несмотря на все желание. Он образован, но в своем университете (в Духовной академии). По образованию [проедет] проеден самолюбием и естественною ненавистью к другим сословиям, которые хотел бы раздробить за то, что они не похожи на него. В жизни гражданской он многого внутренне, жизненно не понимает, потому что в жизни этой ни он, ни гнездо его не участвовали, оттого и жизнь гражданскую вообще понимает криво, лишь умственно, а главное отвлеченно. Сперанскому ничего не стоило проектировать создание у нас сословий, по примеру английскому, лордов и буржуазию и проч. С уничтожением помещиков семинарист мигом у нас воцарился и наделал много вреда отвлеченным пониманием и толкованием вещей и текущего.

Вы, верно, хотели сказать одно, а сказали другое. Вы не сердитесь, это случается... [толь] с очень уж большими мыслителями.

И без того уже (NB, т. е. без французского воспитания) [Русский] интеллигентный русский в огромном числе экземпляров, есть не что иное, как *умственный пролетарий, пришедший через бонн и гувернеров ветром* Европы.** [нет] Нечто без земли под собою, без почвы и начала, носимый. Можно сказать: блаженны нищие духом, но нельзя сказать блаженны пролетариствующие духом. А уж этот-то французского воспитания, в самом даже лучшем случае, т. е. если он даже об чем и думает и что-нибудь читает, есть, выходит, не более как высшего света *международный* межеумок. Вы его встречаете часто *. Это безукоризненно гантированный молодой человек и т. д., проглотивший несколько модных увражей... аржанов, но ум которого бродит в вечных тенебрах, при этом страшная дерзость. Вот вся от них выгода. Все они, разумеется, готовят себя (надеются) править государством.

* Маменьки высшего света могут тешиться на своих подростков. //

Как же распространяются новые мысли, когда вашу мысль осмеют с первого раза ***. Не будем об этом беспокоиться. Ареопаг осмеет вас и освищет, но всегда является где-нибудь, в невидном уголку, женщина именем Фамарь и Дионисий, член ареопага, и идея не умирает (в ход идет), растет и множится и побеждает мир... а мудрецы умолкают.

Piccola bestia. ****

Baptiste, tout de suite ce mot à son adresse.

Tout de suite? Madame ignore peut-être le temps qu'il fait, c'est à ne pas mettre un chien dehors.

Mais, Baptiste, vous n'etes pas un chien. *****

---

* *На полях слева:* Семинарист

** *На полях слева:* I

*** *На полях слева:* II Премудрость

**** *На полях слева:* Здесь III

***** Батист, тотчас же передайте ему эту записку.— Тотчас? Госпожа, быть может, не знает, какая стоит погода. Собаку на улицу не выгонишь. — Но, Батист, вы ведь не собака (*франц.*).

Султан даровал [амнистию] полную амнистию всем болгарским инсургентам, исключая шефов и зачинщиков всех [деятельно] участвовавших в восстании действием. Спрашивается, кому же он даровал амнистию? Всем не участвовавшим в восстании?

Современный человек. И мстит за все обиды, которые никто ему не сделал и не думает делать. *

Я-то дурак, да и родом так, а вы... и т. д. **
Вот тот выезжает на любвеобильности.
Любвеобильность хорошая вещь, но ведь можно и заездить клячу***.
«Journal des Débats». О, как обидно ему, что Конста⟨нтино⟩поль будет наш. Он жалуется, «Journal des Débats».

У них главная и первая складка, их сущность, их главная черта — в том, что существующее теперь будет вечно продолжаться. Умы их робки. О, он вольнодумничает, ему хоть сейчас коммуна, а на самом деле считает все эти камергерства незыблемой стеной. Тут много лакейского.

Как не казаться ему, что тут des pentureux ****

Жизнь хороша, и надо так сделать, чтоб это мог подтвердить на земле всякий. //

Женщины.— Которые выразились даже в наших нетвердых идеалах. Татьяна — и друг.

У стояния была (т. е. молилась). *****

Это была натура русского священника в полном смысле, т. е. матерьяльная выгода на первом плане и за сим — уклончивость и осторожность.

Эка важность корову купил — Прачков. ******
Опричь Машеньки. Супротив Мих⟨айловского⟩ театра.

Во Франции пролетарии без земли, а собственники насильщики ⟨?⟩ земли. Братства нет, спокойствия во владении землею нет, тихой радости нет. И [ре] в результате получаются собственники французской земли, а не дети ее. *******

Скорей не будет 1-го числа, чем «Вестника Европы». Коли «В⟨естник⟩ Е⟨вро⟩пы» не вышел, то, значит, 1-го числа не было. Или:
«Вестник Европы» не вышел — ну, значит, 1-го числа не (будет) было. ********

Единственно возможное слово России о Константинополе: Да, он нейтрален, но нейтральность эта под *моим* покровительством.

Пустышка.

Нет, в самом деле, на каком же языке *я пойму* латинский и греческий языки?

---

* *На полях слева:* В повесть Некрасов⟨у⟩ *Чуть ниже:* Некрасову IV, V
** *На полях слева:* Некрасову
*** *На полях слева:* Здесь
**** картины (*франц.*).
***** *На полях слева:* VI
****** *На полях слева:* VII
******* *На полях слева:* VIII
******** *На полях слева:* IX

Это какой-то господин, имеющий вид негосподина. *

Без копейки и рубля не будет.

«Голос» имеет вид дурака, которому дан голос. //

Порядок: Казань и Каз⟨анская⟩ бож⟨ья⟩ матерь.
Иван Грозный. Молодые люди, ищущие труда.
Галерея стариков наших; их надо перешевелить. **
Фабричный, убивший жену (ну где бы то ни было), и извозчик (пегая лошадь) в Москве о своей покойнице жене и проч.

Князь, я не верю вашей наружности, я всегда считаю, что ваша наружность есть ваш физический недостаток, а не нравственный, наружностью вы не джентльмен, а душою джентльмен. ***

Злобных песен русский народ не слагал. Он поет, например, «Барыню», но с веселостью, а не с негодованием. (В «Барыне» больше веселости, чем негодования.)

Мы перегнали. Да я с вами и не равнялся. ****

Либерально-пресмыкающееся издание (Стасюлевич).

NB. Христос есть бог насколько Земля могла бога явить. *****

И скуп как копейка.

Ты всего-то из банной мокроты зародился, сказали бы ему, как говорили, ругаючись, покойники из Мертвого дома (а ведь половина, должно быть, теперь уж покойнички), когда хотели обозначить какое-нибудь бесчестное происхождение. ******

Чем больше вы удаляетесь от «фактицизма», тем лучше.
И богатый человек, и в мундире, а все-таки опоздает, а слесарек-то и бедненький, а идет да идет.

Вот ты сказал, что бог справедлив, ан вот и нет — богатый всегда прежде богатеет.

Ах ты, Прохоровна, да он, может, на погибель свою поскакал, а этот хоть и упал, да тем самым, может, его бог сохранил, честный, дескать.
А все-таки он коленку сшиб.
А за то он в рай попадет. //

Счет припадков.
За 1873 г.

— 20 апреля
— 4 июня
— 1-го августа
— 3-го и 19-го ноября
— 27 декабря

---

* *На полях слева:* X
** *На полях слева:* Здесь
*** *На полях слева:* XI
**** *На полях слева:* XII
***** *На полях слева:* XIII
****** *На полях слева:* XIV Чацкому, если б его сослали.

1874	*1875*
28 января	4 января
16 апреля	19 января
13 мая	8 апреля
27 июня	4 июля
15 июля	
8 октября	
18 октября	
2 8 декабря	

Припадки

1875 год, 29 сентября, из сильных (но не из самых), в ночь, под утро, в 6-м часу пополуночи, *после 3-месячного перерыва*. Полнолуние. Тугость. Легкая г⟨орлова⟩я кровь. Очень сильный прилив к голове. Раздражительность.

Октября 13. Утром, во сне, в 7 часов, не так сильный.

1876 г. *Января 26*. Понедельник утром, во сне, в 7 часов, из довольно сильных, 1-я четверть луны.

Апреля 30, в пятницу, утром, во сне, в 7-м часу, из довольно сильных. Прилив крови к голове. Грусть и ипохондрия. Послед⟨няя⟩$^1/_4$ луны. Перед тем сильно расстроил нервы длинной работой и многим другим.

Мая 7-го, в 9 часов утра, довольно сильный, но слабее предыдущего. Очень долго не приходил в сознание. Мало выдавленных пятен. Не столько поражена голова, сколько спина и ноги. ⟨...⟩

Мая 14-го, утром, во сне, в 7-м часу. Довольно сильный. Мало выдавилось крови, болят больше ноги, отчасти и поясница. Болит // и голова. ⟨...⟩ — Сильная раздражительность.

Июня 6-го, из средних, утром, во сне, болела поясница.

Июня 13-го, утром, в 9-м часу, во сне, из средних, болит голова. ⟨...⟩ NB. Небывалое еще учащение припадков.

Августа 11-го, утром, в Знаменской гостинице, после [дороги] дороги по приезде из Эмса, из средних.

Августа 19, утром, из средних, сильно разбил члены.

Октября 10-го, утром, в 10-м часу, во сне, довольно сильный. Раздражительность. День ясный и морозный. 1-й день холодный.

15 ноября, в 10 час⟨у⟩, утром, во сне. День ясный и мороз. Очень усталое состояние. Очень туго соображение, [каж] из довольно сильных.

1-е февраля, во сне, в 10-м часу утра. День ясный, и *начался* мороз. Очень усталое состояние. Фантастичность. Неясность, неправильные впечатления, разбиты ноги и руки. Из довольно сильных. ⟨...⟩

19 февраля припадок довольно значительный.

26 февраля припадок довольно значительный.

17 марта припадок из значительных. Сильная перемена погоды. Начало ущерба луны. //

Слова и поговорки

Язык-то не лопатка, знает, что сладко.

На грош амуниции, да на рубль амбиции. = Чацкий.

Сам как блоха, а возится как соха.

Обшлепница.

Международный межеумок.

Безукоризненно гантированный молодой человек, проглотивший множество модных увражей, но ум которого [продолжает блуждать] бродит в вечных тенебрах, а сердце жаждет всю жизнь одних аржанов. Но в каких тенебрах не блуждал его ум.

Обе фразы принадлежат двум нашим критикам (Дружинина и Авсеенко). С страстью к аржанам. Тот прежде дела умирает от соображения, что, дескать, век мой короток, все равно ничего не успею сделать. Соображение неправильное, и видно, что человек оторвался, от человечества оторвался. Что ж такое, что ты начнешь дело, да не кончишь его. Другие за тебя докончат, и Петр не кончил дело, а разве, разве что начал.

Делай дело так, как будто ты век собираешься жить, а молись так, как будто сейчас собираешься умереть.

Конца краю нет.

(У нас так можно сказать: все что либерально, то и дрянно, то и пагубно.)

А у вас (у Ларошa) вместо сердца — какой-то казенный кусочек (кусочек чего-то казенного) (нечто казенное) и т. д. L *.

Народ злой, изо всех сил злой.

— А вы злы, вы изо всех сил злы. //

— А они думают, что я за сапог (деньги) спрятал (т. е. украл).

...Чтобы служить связывающей идеей, около которой все бы единилось.

Не единым хлебом жив человек. То есть человек, если только он человек, и сытый не успокоится, а накормите корову, и она будет спокойна так же, как и иной либерал, купивший, наконец** на свой либерализм собственный дом. Г. Благосветлов (достигнувший своего дома).

Человек ограниченный (Белинский), который не в состоянии разглядеть в виноватом невиноватого, а в ином и праведном виновного. Уж у него, кого признал праведным—вечно праведен, а злодеем, тот вечно злодей. Книжки и женщины—книжки. ***

Он какой-то скучный? Да, какой-то несчастный. ****

Принадлежит к нашему умственному пролетариату. Можно сказать— Блаженны нищие духом, но трудно сказать блаженны пролетарии духом. ****

И уж как они тогда гремели и [сверкали] сверкали (т. е. славились).

У нас не науки, а до сих пор все еще «научки»,— как говаривал в старину один редактор, издатель ежемесячного журнала, когда у него еще существовали отделы и рубрики и одна из них под названием «науки и художества»: «Ну вот повестица, ну //там критичка, ну „научки" тоже — вот и номерок составился — хе-хе-хе...»

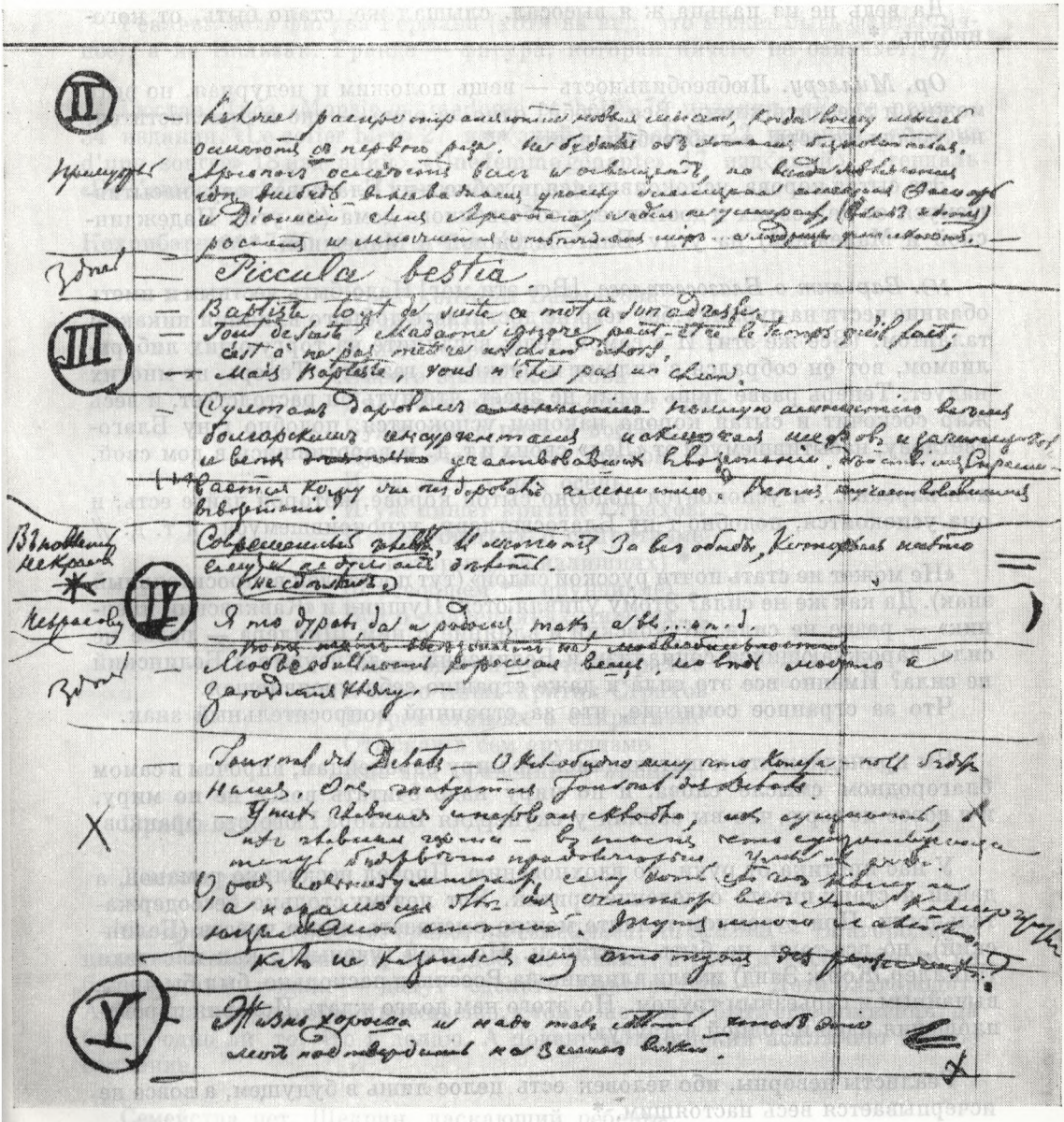
---

* *На полях слева:* XVI

** *Выше над строкой:* пример

*** *На полях слева:* Здесь Чацкий

**** *На полях слева:* !!!



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К «ДНЕВНИКУ ПИСАТЕЛЯ»
Записная тетрадь, 1877
Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Многие из наших писателей о народе так и остались обучившимися русскому мужику иностранцами. *

Вы, господа, вы — все величины серьезные и собою довольны. Я же в сравнении с вами — трость, колеблемая ветром, и где уж мне быть собою довольным! **

И сколько тут обозначилось силы духа, которого у него, соломенного человека, никогда не будет. **

* *На полях слева:* !!!
** *На полях слева:* Здесь

Да ведь не из пальца ж я высосал, слышал же, стало быть, от кого-нибудь. *

Ор. Миллеру. Любвеобильность — вещь положим и недурная, но ведь можно и заездить клячу. Все [люби] одно да одно — оно и присластится, не любовь то есть, а любвеобильность. **

Эта сытая корова, успокоившаяся подобно г-ну Благосветлову, насытившемуся от дел своих и достигшему собственного дома (на углу Надеждинской и Манежной) на углу Благонадежной и Манежной. ***

NЗ. Варьант о Благосветлове. [Все эти мог] Надо быть честным и иметь обаяние чести на публику, без чего не достигнете доброго влияния никаким талантом. [Все же эти] И в самом деле: взгляните на торгующих либерализмом, вот он собрался с силами и рискнул газетку. Теперь не многих надует. Теперь разве лишь дурак не знает, что чуть он растолстеет, и весь жар соскочит и сытая корова наконец успокоится, подобно г-ну Благосветлову, насытившемуся от «Дел» своих и т. д. и воротившись в дом свой.

или варьант... и успокоится подобно сытой корове, которой дайте есть, и она успокоится, подобно г-ну Благосветлову, успокоившемуся и т. д. //

«Не может не стать почти русской силой» (тут поставлен вопросительный знак). Да как же не сила? Этому удивляются! Пушкин и «Кавказский пленник» — разве не сила, Жуковский и влияние с ним Шиллера — разве не сила, зарождающийся социализм и Белинский — да неужто и Белинский не сила? Именно все это сила и даже страшно себя проявившая.
Что за странное сомнение, что за странный вопросительный знак.

Вы принадлежите к шатающимся по миру европейцам, впрочем в самом благородном смысле слова, и по миру надо считать вовсе не по миру, и я вовсе не верю, что вы заняли у скупердяя Виктора Гюго сто франков.

У нас критика от руки, по вдохновению. Прочел несколько романов, а давай я стану писать отделение критик. Вот почему столько бессодержательности. При огромном таланте можно высказать много чувств (Белинский), но все-таки не быть критиком. Но этюд (ученый!), как писатели (Шиллер, Жорж Занд) имели влияние на Россию и насколько, был бы чрезвычайным и серьезным трудом. Но этого нам долго ждать. История перевоплощения идей из одной в другую.

Реалисты неверны, ибо человек есть целое лишь в будущем, а вовсе не исчерпывается весь настоящим. *

В одном только реализме нет правды.

Фотография и художник.

Зола просмотрел в Ж. Занде (в первых повестях) поэзию и *красоту*, что гораздо реальнее, чем оставлять человечество при одной только грязи текущего.

При одной только «жизненной правде» ([по мне] правде, по мнению Зола), из которой нельзя извлечь никакой мысли.

---

* *На полях слева:* !!!
** *На полях слева:* Здесь
*** *На полях слева:* Торговля либерализмом

Реализм есть фигура Германа (хотя на вид, что может быть фантастичнее), а не Бальзак. Гранде — фигура, которая ничего не означает. //

Гюстав Дроз «Monsieur, madame et bébé» 74 издания. «Entre nous»— 34 издания. «Le colier bleu» 27 изд⟨аний⟩ Babolain. 22 издания, «Autour d'une source» 18 изд⟨аний⟩. «Une femme gênante» 17 изд⟨аний⟩. Стендаль «De l'amour» в 17 лет — 11 экземпл⟨яров⟩.

Кехрибарджи. 7.40, с почты 4 р. 40 к.

Крах конторы Баймакова
Баймаков⟨а⟩ и Лури
В лад созрели
Вместе зрели оба Кова
Два банкрутства — будут три!
Будет три и пять и восемь
Будет очень много крахов
И на лето и под осень
И уж пишет критик Страхов.
В трех статьях о спиритизме
(из которых две излишних) *
(о всеобщем ** ерундизме)
Все о гривенниках лишних.

Лишь один пророчит Страхов
и всего лишь критик Страхов
В трех статьях о спиритизме
Отыскав в сем ерундизме
Два-три гривенника лишних.

Прибавление

Достоевский

Он прав: *Без детей ни брака, ни семейства, ни жизни.*— Благородного подвига жаждут, ни бог, ни судьба не пошлет, а дети и неспособного на благородный подвиг — дадут сделать благородное.— Дети благородят. А без благородного не проживешь, к тому же могут быть еще сомнения: да благородно ли то, что я делаю. А подвиг материнский исключает всякое сомнение.

Семейства нет. Щедрин, ласкающий ребенка.

Самоубийство мальчика
(экономические причины)

Вопьюсь в вас

3 мая вечером
— ценностей — 137
— деньгами — 303
440 р.

---

* *На полях слева:* А одно
** *Первоначально:* и о нашем

Расчет 29 мая

3 мая оставалось [деньгами] всего		440 р.
С 3 мая прибыло за «Дневник»		258
Да за книги		66
	Итого	764 р.
		526
		238 р.
	Да Тришинск.	400
	Итого	638
	Прибыло	254
	Да за книги	15—60

Взято мною	30 р.	6 июня	907 р. 60
Переезд, покупка од‹ежды›	60 р.	Расход	168
Нянька, житье, покупки	52	Итого	739 р.
Издержки	142	И. Г.	250
			989
		[А.Н.]	50
			1039
		Вещи	175
		От Распопова	25
			1239
			+3 от подпис ч‹иков›
		Итого, 16 июня	1242
			142
			1100

3-го июля, в Петербурге, после общего счету в итоге 715 р.
Из них я беру себе 50 р.
В Слав‹янском› б‹лаготворительном› ком‹итете› 25

			715
Квар‹тира›	76		151
	151	Итого	564 р.

Письма к Ане.
Воскресенье 18/30 июля
Трава Yanthium spinosum от водобоязни,
Дорого стоят детишки, / Анна Гигорьевна, да, / Лиля да эти* мальчишки./— Вот она наша беда!
NB. В виду.
Расход Анн‹ы› Григорьев‹ны› и по купчей и приход от Мамочт. и Надеина.

Было (с расходом по купчей)		— 514 р.
Да приход (с 3 июля по 17-е августа)		— 77 р.
17 августа итого		591 р.
		256
	Итого:	335 р.

17 августа	— 335	
	113	
Зак‹лад›	12	
	462	
	221	
3 сент‹ября›	241	

* *Первоначально*: оба

18 сент‹ября›	481 + 5 р. = 486
Печаткину	240
Квар‹тира›	76
Триш‹инск›	30
Кровать	5
	351

№. №. №.

16 декабря. Всех ‹подписчиков› —*133*
Из них возобновляющ‹иеся› — 59
Совсем новых — 74

Расчет 5 декабря

Наши долги — Примерн‹о› *полные*

Плещееву до 750 р. Приготовил	250
Печаткину по векселю. Срок 24 декабря	110 р.
Варгунину остаток долга	156 р.
№. (Алонкину 425)	
Об‹щество› вз‹аимного› кред‹ита› 20 января	500 р.
Тришину	540
Заклады	260
Печаткину	262
К Оболенскому (по ноябрьской № *не* включительно)	144
Долги	1972 р.
Расходы	320 р.
	2292 расходы
За объявления	325
	2617 р.

Предполагаемые покупки

Себе	50 р. *
На покупку лам‹пы›, зерк‹ала›, стол‹а›, скатерт‹и›, нож‹ей›, Ан‹не› Григ‹орьевне›.	120
Зубы или покупки	150
	320

На объявл‹ения› в «Н‹овое› вр‹емя›»	— 75
в «Р‹усский› м‹ир›»	— 60
«С‹анктпетербургские› в‹едомости›»	— 30
«Прав‹ительственный› ве‹стник›»	— 50
«Голос» 7 об‹ъявлений›	— 50
«Бир‹жевые› вед‹омости›» 5 об‹ъявлений›	— 60 р.
	325

Уменьшенные долги

Печаткину	162 р.
Оболен‹скому›	144
Заклады	100 **
Объявления	325
Покупки	320
	1061 1061
	440 400

Итого 1501 р. [Итого 1461 р.] //

5 декабря. 10 часов пополудни — находится итого 1390 р.

Если получено от Исакова	9—90
От подписчика	6—90
От Николича и Кузьмина	89
	1495 р.—80 к.

* Исправлено из «100»
** Исправлено из «260»

10 декабря после разных трат остается всей суммы 165 р.
Да в виду имеются от заклада 150 р.

20 декабря — после расчету осталось 13 р.
Еще извести 100 р.

Итого 113 р.

NB. (Вещи не заложены)
31 декабря 148 р. 70 к.
Касса 611 р. 50 к.
148 — 70
611 — 50

Всего 760 20 к.

9 января 77 ⟨г.⟩ при взятии еще 100 рублей из кассы, всего с получкой и растратами в остатке 65 руб.
— А касса 900 р. 60 к.
NB. Вещи *не* заложены.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 517. *8 апреля 1876 г. Четверг.*— В этот день появилось в газетах сообщение о речи барона Г. Родича (1813—1890), с 1870 г. австрийского штатгальтера (наместника) Далмации, обращенной к вождям герцеговинского восстания.

Стр. 517. *Барон Родич очень может быть ∽ было не высказать вождям то, что я высказал?* — См. «Нечто о политических вопросах» в апрельском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 265).

Стр. 517. *Ну а вы-то, культурные-то вы люди,∽ хороши вы во всем.*— См. главу «Сбивчивость и неточность спорных пунктов» в апрельском «Дневнике писателя» (XI, 254).

Стр. 517. *О Потугине...*— См. стр. 374, 377 и др.

Стр. 517. *И о том, что писатели народны (Тургенев, Гончаров) и проч.*— См. «Культурные типики. Повредившиеся люди» в апрельском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 249—250).

Стр. 517. *Милорд Георг ∽ отраду русских лакеев.*— В «Дневнике писателя» есть упоминание о «Повести о приключении аглинского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики Луизы», изданной Матвеем Комаровым в 1782 г. и с тех пор переиздававшейся ежегодно большими тиражами вплоть до 1918 г.

Стр. 517. *«Голос», № 103. На «Московские ведомости». Письмо Офросимова на жалобу Рюмина о безбожии школ.*— В газете «Голос», 1876, № 103, 14 апреля, помещено «Письмо рязанского земского деятеля» Ф. С. Офросимова, в котором он защищается от обвинений, выдвинутых против него «Московскими ведомостями», 1876, № 66: «В № 34-ом „Голоса" помещен составленный мною отчет о прениях, бывших в рязанском очередном губернском земском собрании по поводу обвинения, возведенного исправляющим должность губернского предводителя дворянства Рюминым на воспитанников Александровской учительской семинарии в безнравственном и антирелигиозном направлении. Этому моему отчету редакция „Московских ведомостей" посвятила две статьи». Письму Офросимова в «Голосе» предшествует редакционная заметка «Земские известия», в которой Офросимов берется под защиту, а Рюмин осуждается.

Стр. 518. *Он говорит, что надо было вселять ∽ и сделали по русской правде.*— См. главу «Благодетельный швейцар, освобождающий русского мужика» в апрельском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 262—263).

Стр. 518. *О язычестве в Германии...*— Имеется в виду статья в «Московских ведомостях», 1876, № 91, 13 апреля, «Язычество в Германии по изображению балтийской лютеранской газеты», излагающая содержание статьи «Язычники (pagani) в Германии» из газеты «Latweeschu Awises». Орган латышской лютеранской церкви считает «язычеством» введенный с 1 января 1876 г. в Германии закон, уравнивающий церковный и гражданский браки и все другие виды записей гражданского состояния.

Стр. 518. *Ну а культурные-то люди у нас ∽ Крадут то у Белинского, то у славянофилов.*— См. главу «Культурные типики. Повредившиеся люди» апрельского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 252—253).

Стр. 518. *Что в Европе-то есть хорошего?* — См. главу «Благодетельный швейцар, освобождающий русского мужика» в апрельском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 262—263).

Глубокоуважаемому
Ивану Сергеевичу
Аксакову
на память
от автора

БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ.

РОМАН «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» (СПб., 1881) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ДОСТОЕВСКОГО И. С. АКСАКОВУ:
«Глубокоуважаемому Ивану Сергеевичу Аксакову на память от автора»
Шмуцтитул
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

Стр. 518. *«Голос» — 13-го апреля — похвала Авсеенке.*— У Достоевского ошибка. «Похвала» Авсеенко содержится в «Голосе», 1876, № 103, 14 апреля, в статье Л. «По поводу заметки г. Кавелина о Ю. Самарине» («Вестник Европы», 1876, апрель). В «Голосе» говорится о статье Авсеенко в «Русском вестнике» «Опять о народности и культурных типах» (1876, март), с одобрением приведено следующее утверждение: «Все прекрасное, что мы замечаем в нем ⟨народе⟩ и что наша литература, к ее великой чести, приучила нас любить в нем, является только на степени стихийного существования, замкнутого, идиллического быта или пассивной жизни. Как скоро выделяется из народа деятельная и энергичная личность, очарование, по большей части, исчезает, и чаще всего индивидуальность является в непривлекательной форме мироеда, кулака или самодура». Эту же цитату из статьи Авсеенко Достоевский приводит в апрельском «Дневнике писателя», 1876 г., в главе «Идеалы растительной стоячей жизни. Кулаки и мироеды. Высшие господа, подгоняющие Россию» (XI, 247).

Стр. 518. *Состав № апрельского ∽ Переход в стадность.* — Из этого плана апрельского «Дневника писателя», 1876 г., не были осуществлены первый и последний пункты.

Стр. 518. *«Голос», 15 апр⟨еля⟩. Четверг. О китайской истории франко-прусской войны.*— Имеется в виду следующее сообщение «Голоса», 1876, № 104, 15 апреля: «Британскому музею принесена в дар китайская история войны между Францией и Германией в восьми томах». Авторы Ван-Тау и Чанг-Цунг-Лианг.

Стр. 518. *Ответ на мнение ∽ да и никогда не поймете. Тут жупел.*— См. «Идеалы растительной стоячей жизни...» в апрельском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 246—248).

Стр. 518. *«Новое время», 15 апреля. Передовая о герцеговинцах, № 45.*— Имеется в виду передовая в газете «Новое время», 1876, № 45, 15 апреля, «Какой выход из настоящего положения восточного вопроса?» Автор ее считает необходимым реальное улучшение положения турецких христиан и утверждает, что, в то время как Россия только нравственно заинтересована в этом, Австрия будет противиться созданию большого независимого славянского государства на Балканах даже с риском войны с Россией.

Стр. 518. *План статьи о герцеговинцах.*— Не была осуществлена, по-видимому, из-за слишком резкой критики Достоевским балканских славян.

Стр. 518. *«Новое время», 15 апр⟨еля⟩, № 45. Замечание князю Мещерскому «Церковно-общественного вестника» о недостаточности жалованья духовенству.*— В «Новом времени», 1876, № 45, 15 апреля, в обзоре «Среди газет и журналов» приводится ответ «Церковно-общественного вестника» «Гражданину», но о недостаточности жалованья духовенству в этом обзоре ничего не говорится.

Стр. 519. *Насчет лорда Редстока.*— Английский религиозный проповедник, учивший, что грехи человека прощаются всякому истинно верующему. Редсток появился в Петербурге в 1874 г. и собрал в среде столичной аристократии довольно значительное число последователей. По приглашению Ю. Д. Засецкой Достоевский присутствовал у нее на беседах Редстока. Свое отношение к Редстоку Достоевский высказал в «Дневнике писателя» (XI, 241—243; XII, 10, 12).

Стр. 519. *Белинский о Татьяне.*— Имеется в виду статья Белинского из цикла «Сочинения Александра Пушкина»; о Татьяне в оценке Белинского Достоевский сказал позднее в своей пушкинской речи (XII, 381—385). См. также стр. 514.

Ананий Яковлев.— Главное действующее лицо в драме А. Ф. Писемского «Горькая судьбина» (1858).

Стр. 520. *Пестель засекал людей.*— Это утверждение не соответствует действительности.

Стр. 520. *...с хищным типом...*— Разделение людей в жизни и в литературе на два типа — хищный и смиренный — развивалось в русской критике А. А. Григорьевым и от него было усвоено Достоевским.

Стр. 520. *Для чего же они не освободили своих крестьян.* — См. главу «Благодетельный швейцар, освобождающий русского мужика» в апрельском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 262).

Стр. 520. *Правило крови и железа не наше.*— Имеется в виду крылатая фраза Бисмарка: «Великие вопросы времени решаются не речами и постановлениями, а железом и кровью», произнесенная 30 сентября 1862 г. в прусском парламенте.

Стр. 520. *Народ развратен, но у него религия ∽ некультурное, кулаки, мошенники.*— См. апрельский «Дневник писателя», 1876 г. (XI, 246—264).

Стр. 523. *Прочтите биографию Петрова...*— Возможно, что имеется в виду статья «О. А. Петров» в «Новом времени», 1876, № 48, 18 апреля, о знаменитом певце Осипе Афанасьевиче Петрове (1807—1878). Автор статьи пишет об интересе к музыке и пению, проявившемся еще в детстве артиста, и упорстве, с каким отдавался он изучению любимого искусства. Может быть, Достоевский имел в виду биографическую справку о Петрове в «Голосе» 1876, № 108, 19 апреля, помещенную в связи с бенефисным его выступлением в «Жизни за царя», назначенным на 21 апреля.

Стр. 523. *Крестовск⟨ий⟩. Честь, берущая свое достоинство ∽ души человеческой.* В «Голосе», 1876, №№ 90—95, напечатан судебный отчет о слушавшемся в Петербургском военно-окружном суде «деле о прикомандированном к главному штабу поручике запасного эскадрона лейб-гвардии уланского его величества полка Всеволоде Крестовском, обвиняемом в нанесении, с обдуманным заранее намерением, обиды действием присяжному поверенному Соколовскому». Всеволод Владимирович Крестовский (1840—1895), поэт и реакционный беллетрист, в 1868 г. поступил на военную службу и занялся писанием истории своего полка. Соколовский выступал в бракоразводном процессе Крестовского на стороне его жены, и Крестовский счел себя оскорбленным некоторыми выражениями адвоката.

Стр. 523. *Окончательный состав апрельского №.*— Из перечисленных далее пунктов плана апрельского «Дневника писателя», 1876 г., не были осуществлены 4-й и 5-й.

Стр. 523. *Мечтатель...*— Так Достоевский называет одного из постоянных персонажей «Дневника писателя» «парадоксалиста», появляющегося сначала в апрельском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 267—272), а затем в июльско-августовском (XI, 364—381).

Стр. 523. *«Голос», № 108. ∽ Джон Тиндаль о спиритизме.*—В «Голосе», 1876, № 108, 19 апреля, публикуется рецензия на русский перевод книги Д. Тиндаля (1820—1893), английского физика и известного популяризатора физических знаний, «Очерки из естественных наук». В рецензии подробно пересказывается статья Тиндаля «Духи и наука», в которой разоблачаются шарлатанские проделки спиритов.

Стр. 523. *Любить всех установилось ∽ давайте руки, положим головы.*— Эта запись не вошла в апрельский «Дневник писателя», 1876 г.

Стр. 523. *У Победоносцева...*— Какое посещение Достоевским Победоносцева имеется в виду — неизвестно.

Стр. 523. *Андр⟨ея⟩ Критского.*— Андрей Критский (ум. в 712 г.), архиепископ о. Крита, проповедник и церковный поэт-гимнолог. Особенно известен был его «Великий покаянный канон».

Стр. 524. *Это не перо, это молитва...*— См. апрельский «Дневник писателя», 1876 г. (XI, 251).

Стр. 524. *Так что наука вовсе не составляет ∽ искать надо совсем в другом.*— См. апрельский «Дневник писателя», 1876 г., главу «Сбивчивость и неточность спорных пунктов» (XI, 254).

Стр. 524. *Швейцары, потом их стали ∽ в направлении нашей образованности.*— См. апрельский «Дневник писателя», 1876 г., главу «Благодетельный швейцар, освобождающий русского мужика» (XI, 261—263).

Стр. 524. *Другое дело, если б народ ∽ нет ничего бескорыстнее нашего демократа...* — См. главу «Несомненный демократизм. Женщины» в майском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 306).

Стр. 525. *Но женщины потребуют статьи...*— Фраза эта вошла в главу «Одна несоответственная идея» майского «Дневника писателя», 1876 г., в которой говорится о самоубийстве Писаревой (XI, 303—305).

Стр. 525. *Красота богов и идеала ∽ и в чем всю жизнь находил прекрасное.*— Имеется в виду рассуждение Потугина в романе Тургенева «Дым», глава XV.

Стр. 525. *Заключительные слова Авсеенки...*— Имеется в виду последняя фраза из обширной цитаты, которую приводит «Новое время», 1876, № 52, 22 апреля («Литературные очерки. Народность и национальность») из статьи Авсеенко в «Русском вестнике» (март, 1876): «И вдруг нам говорят, что мы должны идти за этим странником, который сам еще не выбрал дороги, что мы должны ждать мысли и образа от этой загадки, от этого сфинкса, не нашедшего еще для себя самого ни мысли, ни образа! Разве это не ирония!»

Стр. 525. *Ответ на это в том, что вы считаете ∽ а лишь выродившийся уродливо продукт реформы.*— См. апрельский «Дневник писателя», 1876 г., «Сбивчивость и неточность спорных пунктов» (XI, 257—258).

Стр. 526. *Мечтатель. Раз он вынес ∽ Я мечтатель, я выношу. Я бы вынес.*— Наброски неосуществленного романа «Мечтатель».

Стр. 526. *Спиритизм. Ну две случайности ... оно ничто. Убеждение нравственное важно.*— Эти заметки послужили подготовительным материалом для апрельского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 272—278).

Стр. 526. *Победоносцев.*— Здесь упоминается, очевидно, в связи с тем советом, который он дал Достоевскому. Не называя его фамилии, Достоевский упомянул об этом в апрельском «Дневнике писателя»: «Некоторым из друзей моих я тогда же сообщил об этом сеансе; один человек, суждением которого я глубоко дорожу, выслушав, спросил меня, намерен ли я описать это в „Дневнике“? Я ответил, что еще не знаю. И вдруг он заметил: „не пишите“» (XI, 272).

Стр. 526. *Комиссия с пружинками.*— В отчете комиссии, присутствовавшей на спиритическом сеансе у А. Н. Аксакова 14 февраля 1876 г., упоминались «мелькнувшие в темноте кринолинные пружинки»; эти слова повторены в апрельском «Дневнике писателя» (XI, 273).

Стр. 526. *...у Вагнера...*— Николай Петрович Вагнер (1829—1907), профессор зоологии и сравнительной анатомии Петербургского университета, убежденный сторонник спиритизма, организатор выступлений в России иностранных медиумов. По-видимому, на каком-то из спиритических сеансов у Вагнера присутствовал Достоевский.

Стр. 526. *Когда я пошел к Аксакову...*— На медиумическом сеансе у А. Н. Аксакова 14 февраля 1876 г. присутствовали Достоевский, Лесков, Боборыкин, Вагнер, Бутлеров и др. Описание этого сеанса помещено в «Новом времени» в статье «Спиритические подвиги» (1876, № 2, 1 марта).

Стр. 528. *Пусть, как жена Щапова...*— В «Новом времени», 1876, № 86, приводилась выдержка из «Внутреннего обозрения» «Отечественных записок», 1876, № 5, май, стр. 186—194 второй пагинации, автор которого Г. З. Елисеев построил характеристику О. И. Щаповой на основе присланного ему А. П. Щаповым «Воспоминания», написанного после смерти его жены: «Ольга Ивановна Щапова, урожденная Жемчужникова, представляла собой редкий экземпляр женщины, прежде всего, по своему самоотвержению и силе характера. Она познакомилась со Щаповым незадолго до его последней болезни в Петербурге в доме покойного профессора Жиряева и увлеклась им. Узнав, что Щапов сильно болен, лежит одинокий в клинике, что он высылается в Иркутск, она пошла и сделала ему предложение соединить свою судьбу с его судьбою. Напрасно родные и знакомые отклоняли ее от этого шага, указывая ей на отсутствие всяких определенных средств к жизни, на дикий характер Щапова пьяного, на его страшную болезнь. Храбрая девушка ничего не хотела слышать: решилась и поехала с Щаповым. В течение десяти лет жизни с ним ей пришлось перенести много физических лишений и болезней, еще более перестрадать нравственно, но она твердо донесла свой крест до конца и умерла со словами любви на устах к человеку, которому отдалась. „Ты один для меня ближе, роднее всех для меня!" — говорила она в своих предсмертных муках Щапову. Ольга Ивановна Щапова умерла 13 марта 1874 года».

Стр. 528. *Не как Писарева...*—Об акушерке Писаревой, покончившей самоубийством, Достоевский прочел в фельетоне «Нового времени», 1876, № 85, 26 мая, «Из жизни и судебной практики», в котором приводилось ее предсмертное письмо. О ней говорится в майском «Дневнике писателя» (XI, 303—304).

Стр. 528. *Пусть объявится сотрудник ∽ уклонялся от уплаты под разными предлогами.*— См. апрельский «Дневник писателя», главу «За умершего» (XI, 278—281).

Стр. 528. *Мне очень неприятно напоминать об этом г. Благосветлову.*— По-видимому, Достоевский предполагал, что автором некролога А. П. Щапова в журнале «Дело» (апрель, 1876, стр. 149—160 второй пагинации) был Г. Е. Благосветлов; в действительности его написал С. С. Шашков.

Стр. 530. *Апрель. Глава первая ∽ За умершего.*— Оглавление апрельского «Дневника писателя», 1876 г.

Стр. 530. *«Новое время», № 56. О спиритизме.*— Имеется в виду статья Н. Летанина «Первая лекция г. Менделеева о спиритизме» в «Новом времени», 1876, № 56, 26 апреля. В лекции Менделеев разоблачил обманы и проделки медиумов.

Стр. 530. *Почему все русские, культурясь в Европе ∽ они и Россию принимают за ту же Европу.*— Этот текст в переработанном виде вошел в июньский «Дневник писателя» в главу «Мой парадокс» (XI, 317—322).

Стр. 530. *...чем Гагарины.*— Имеется в виду Иван Сергеевич Гагарин (1814—1882), русский дипломат, друг Чаадаева и ученик Шеллинга, в 1842 г. принявший католичество, а в 1843 г. вступивший в орден иезуитов. В своей обширной литературной деятельности Гагарин выступал как сторонник подчинения православной церкви Ватикану.

Стр. 531. *Миллер провозгласил славянофильское учение народным.*— Имеется в виду статья О. Ф. Миллера «Ю. Ф. Самарин. Опыт характеристики», напечатанная в «Неделе», 1876, №№ 19, 23, 26, позднее перепечатанная в сборнике «Славянство и Европа. Статьи и речи Ореста Миллера. 1865—1877 гг.» СПб., 1877, стр. 130—192.

Стр. 531. *«Новое время», 24 апреля, Суббота, № 54. О пьянстве Щапова.*— Здесь, в отделе «Среди газет и журналов», приводится выдержка из некролога Щапова, напечатанного в «Деле», 1876, апрель, стр. 149—160 второй пагинации: «Часто в своей душной комнате, наполненной едким дымом сигары, окруженный пустыми бутылками от рома, шкаликами и полуштофами, пьяный Щапов, в своем засаленном халате, истерически рыдал, проклиная водку, проклиная бурсу и академию, которые ничего полезного не сделали для него, проклиная все, что ненавидела его страстная душа. В эти минуты на него невозможно было смотреть без слез и страха и трудно было успокоить его. Часто Щапов доходил до того состояния нервной раздраженности и безотчетного страха, которое непосредственно предшествует белой горячке. В это время он писал обыкновенно своему приятелю, медицинскому студенту пятого курса, Россову, лаконическую записку: „Россов, у меня что-то вроде „delirium tremens". Россов являлся и скоро поправлял его"».

Стр. 531. *Антокольский и белоручка Петр.*— Имеется в виду статуя Петра I (1872) работы М. М. Антокольского.

Стр. 532. *Майский №. Игуменья Митрофания.*—По-видимому, в майском номере «Дневника писателя» Достоевский предполагал написать об игуменье Митрофании, героине нашумевшего судебного процесса. См. стр. 507.

Стр. 532. *Смерть унт⟨ер⟩-офицера Данилова.*— В газете «Голос», 1876, № 117, 28 апреля, сообщалось о судьбе одного из участников военных действий в Средней Азии, унтер-офицера Фомы Данилова, в ноябре 1875 г. взятого в плен кипчаками и за отказ принять мусульманство расстрелянного по приказанию Булат-хана. Подробности его смерти стали известны только в апреле 1876 г. после дознания, произведенного генерал-майором Скобелевым. О Фоме Данилове Достоевский написал позднее в январском «Дневнике писателя», 1877 г. (XII, 13—17); упоминается Данилов и в «Братьях Карамазовых».

Стр. 532. *Юбилей Петрова.*— См. стр. 634.

Стр. 532. *Дело Каировой. Заключение в «Новом времени», № 60, пятница, 30 апреля.*— В этом номере «Нового времени» было напечатано продолжение судебного отчета по делу Каировой, которая нанесла тяжелые раны любовнице своего мужа. Начало отчета в № 59. «Заключение», конец отчета — в № 62.

Стр. 532. *Аффект! Помилуйте ∽ необходимо для правды общественной.*— См. майский «Дневник писателя», главу «Суд и г-жа Каирова» (XI, 284—288).

Стр. 533. *Буйство Иероглифова у Базунова.*— В «Судебной хронике» «Нового времени», 1876, № 64, 4 мая, напечатано сообщение о том, что Александр Гиероглифов устроил скандал в книжном магазине Базунова, обругав его приказчиков нецензурно и разбив стекла в двери. Александр Степанович Гиероглифов (1825—1901) в 1875—1877 гг. редактировал журнал «Пчела», в связи с этим изданием у него были деловые отношения с книжной торговлей А. Ф. Базунова.

Стр. 533. *Г-н Григорович ∽ точно так он теперь и искусству.*— С начала 1860-х годов Д. В. Григорович почти прекратил литературную деятельность, работая секретарем Общества поощрения художеств.

Стр. 533. «*Новое время», № 66, 6-го мая, о женском вопросе.*— Статья «Женщина и наука» о значении «женского вопроса», сочувственно касающаяся специального женского образования.

Стр. 533. *Штундизм (провелитизм). «Новое время», от 12 мая...*— В «Новом времени», 1876, № 67, 7 мая, перепечатаны сведения из газеты «Киевлянин» о распространении и истории штундизма на Украине.

Стр. 533. *...иезуит Гагарин.*— См. стр. 636.

Стр. 533. *...взял бы Хомякова и Юрия Самарина...*— Заметку о «Юрии Самарине» см. в мартовском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 246).

Стр. 534. *Каирова.— Но и присяжные могли это вынести ∽ А в вину Великановой нельзя ставить.*— См. майский «Дневник писателя», 1876 г., главу «Г-н защитник и Каирова» (XI, 288—293).

Стр. 534. ...даже *Утина.*— Евгений Исакович Утин (1843—1894), адвокат, либеральный журналист и критик, постоянный сотрудник «Вестника Европы», выступал защитником Каировой.

Стр. 534. *...прокурора Случевского.*— Владимир Константинович Случевский, прокурор окружного суда в Петербурге; выступал обвинителем по делу Каировой.

Стр. 535. *Выбросила падчерицу.*— «Новое время», 1876, № 73, 13 мая, сообщало в отделе «Городская хроника» о Екатерине Корниловой, выбросившей из окна четвертого этажа свою падчерицу, шестилетнюю девочку. О деле Корниловой и участии в нем Достоевского см. стр. 648—649.

Стр. 535. *Я только робко осмеливаюсь ∽ Эти страстные натуры — самоубийцы.*— См. майский «Дневник писателя», 1876 г., главу «Г-н защитник и Великанова» (XI, 294—298).

Стр. 535. (*Самарин. Речь Миллера*).— По-видимому, Достоевский имеет в виду речь О. Ф. Миллера в собрании Славянского комитета 11 мая 1876 г., в которой много говорилось о значении Самарина как славянофильского деятеля.

Стр. 535. *Каульбах.*— Вильгельм Каульбах (1805—1874), немецкий живописец, автор картин и фресок на исторические и религиозные темы.

Стр. 535. *Читал письмо о барышн⟨е⟩, кончив⟨шей⟩ самоубийством.*— Имеется в виду самоубийца Писарева. См. стр. 636.

Стр. 535. *Воспитательный дом.*— Заметки, связанные с посещением воспитательного дома для подкинутых детей в Петербурге, в котором Достоевский был в начале мая 1876 г.

Стр. 536. *Утин. Кощунство ∽ но присяжные все вынесут.*— См. главу «Г-н защитник и Великанова» в майском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 297).

Стр. 536. «*Новое время», № 74, 11 мая. Пятница.*— В «Новом времени» 1876, № 74, 14 мая, отчет: «Во вчерашнем заседании общества для содействия русской торговле и промышленности известный уже читателям г. Гриневич сделал доклад о „действительных" причинах упадка нашего сельского хозяйства и внутренней торговли. Докладчик особенно остановился на порядках юго-западного края, лично ему известных».

Стр. 536. *В том же № «Нового времени», № 74 ∽ из немецкой брошюры о второстепенности Бисмарка.*— «Новое время», 1876, № 74, 14 мая, перепечатало из «С.-Петербургских ведомостей» приведенную там выдержку из немецкой брошюры о Бисмарке: «Князь Бисмарк, правда, великий человек, но он представляет из себя тип второклассного величия, благодаря противоречиям его характера».

Стр. 536. *«Москов‹ские› ведомости», № 119, мая 13. Статья о чешских переселенцах.*— В корреспонденции «С Волыни» в «Московских ведомостях», 1876, № 119, 13 мая, говорится о положении чехов, переселившихся на Волынь из Австрии. Автор сетует на то, что недостаточно делалось усилий, чтобы содействовать их переходу из католичества в православие.

Стр. 537. *«Новое время», № 76. Убийство двух девочек.*— «Новое время», 1876, № 76, 16 мая, сообщало о том, что в киевском ботаническом саду 10 мая найдены задушенными две сестры Богуславские 10 и 11 лет, одна из них изнасилована.

Стр. 537. *Корреспонденция о пощечине...*— «Московские ведомости», 1876, № 120, 15 мая, поместили корреспонденцию из Нижнего Новгорода, в которой сообщалось, что управляющий пароходством общества «Самолет» Ратьков-Рожнов получил пощечину от Шрейдера, уволенного из общества за служебные злоупотребления.

Стр. 537. *О Каировой.*— См. стр. 637.

Стр. 537. *Об унт‹ер-офицере› Данилове.*— См. стр. 637.

Стр. 537. *...о Петрове.*— См. стр. 634.

Стр. 537. *Застрелившийся в Останкине учитель.*— Имеется в виду сообщение в «Московских ведомостях», 1876, № 122, 17 мая, о самоубийстве Г. М. Холмогорова, имевшего звание сельского учителя и служившего в правлении Московско-Рязанской железной дороги. Достоевского могла заинтересовать в этом сообщении записка самоубийцы: «застрелился потому, что не умею грабить», и объяснение автора заметки, что Холмогоров «имел странный характер и называл всякие побочные средства к жизни грабежом».

Стр. 537. *Был в воспитательном доме ∽ Но о воспитательном я потом.*— См. «Нечто об одном здании. Соответственные мысли» в майском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 298—302).

Стр. 539. *Судя по такой защите ∽ если б убила Великанова — каторга.*— См. «Г-н защити‹ни›к и Великанова» в майском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 294—298).

Стр. 540. *Один столбец политики. Султан ∽ Россия как старший элемент его.*— См. «Утопическое понимание истории» в июньском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 324—330).

Стр. 540. *«Голос», № 138, среда, 19 мая. Об «Идиоте» — в ответ Z, на его рецензию «Парадоксалиста».*— Имеется в виду статья в «Голосе», 1876, № 138, 19 мая, «Литература и жизнь», автор которой утверждал, что в апрельском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 267—271), в рассуждениях выведенного там Достоевским «мечтателя»-«парадоксалиста» изложены взгляды на войну и ее полезное общественное воздействие самого Достоевского и в них есть совпадение с «мыслями князя Мышкина» («Идиот») о смертной казни.

Стр. 540. *Рассказ Алчевской насчет мальчика, зарезавшего за 10000.*— В дневнике Х. Д. Алчевской говорится: «Рассказала я ему историю преступления К.» (см. Х. Д. Алчевская. Передуманное и пережитое. М., 1912, стр. 78).

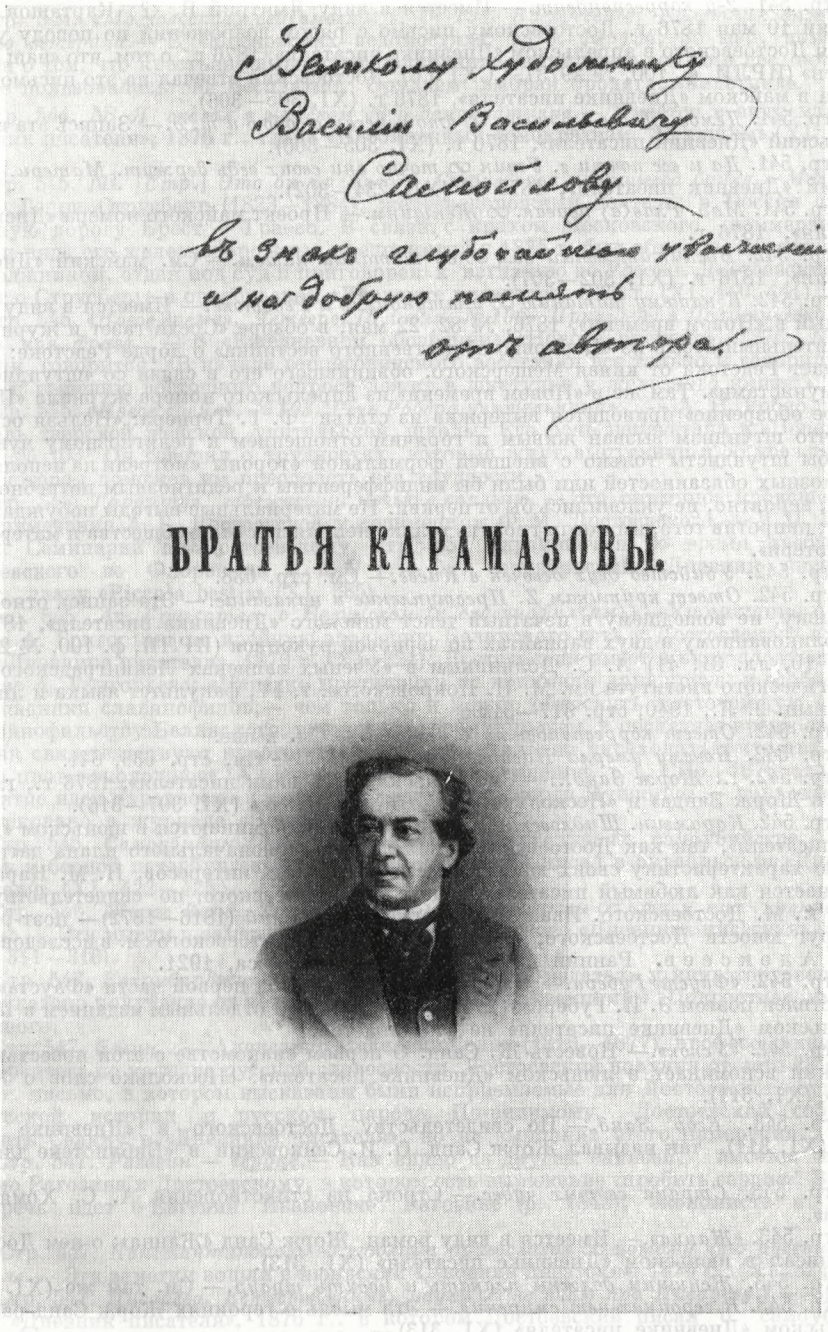
Стр. 540. *Каспар Гаузер.*— Каспар Гаузер (1812—1833), ребенок-подкидыш, происхождение которого осталось неизвестным. Обнаруженный в 1828 г. в Нюрнберге, Гаузер почти не умел говорить, попытки дать ему образование окончились неудачно. В 1833 г. он был убит неизвестным лицом.

Стр. 540. *Мурат.*— Мурад V, турецкий султан с 30 мая по 31 августа 1876 г., возведенный на турецкий престол в результате дворцового переворота, вскоре он сошел с ума и был смещен.

Стр. 540. *Константинополь что ж ∽ Восточный вопрос очутился в Берлине.*— См. июньский «Дневник писателя», 1876 г., «Утопическое понимание истории» (XI, 327—328).

Стр. 541. *Расписание 21, 22 ∽ Турции конец.*— Предположительное расписание работы над майским «Дневником писателя», 1876 г. Из намеченных здесь пунктов не были осуществлены в майском «Дневнике писателя» следующие: «Среда», «Рассказ Алчевск‹ой›», «Турция».

Стр. 541. *Рассказ Алчевск‹ой›...*— Эта запись, по-видимому, разъясняется Х. Д. Алчевской в ее воспоминаниях. Под 20 мая 1876 г. Алчевская записала в своем дневнике: «На вопрос его, как относится Харьков к „Дневнику писателя“, я отвечала, что первые три номера были встречены хорошо, но последний вызвал протест, и я указала ему на место, где сказано, что демос наш доволен, а со временем ему будет еще лучше. „А много этих протестующих господ?“ — спросил он. „Очень много!“— отвечала я. „Скажите же им,— продолжал Достоевский, — что они именно и служат мне порукой за будущее нашего народа. У нас так велико это сочувствие, что, действительно, невозможно ему не радоваться и не надеяться“» (Х. Д. Алчевская. Передуманное и пережитое, стр. 78).



РОМАН «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» (СПб., 1881) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ДОСТОЕВСКОГО В. В. САМОЙЛОВУ:

«Великому художнику Василию Васильевичу Самойлову
в знак глубочайшего уважения и на добрую память от автора»

Шмуцтитул с наклеенной фотографией Самойлова

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Стр. 541. *2-й корреспондент.* — Имеется в виду Дмитрий В. ⟨?⟩ Карташов, приславший 10 мая 1876 г. Достоевскому письмо с рядом возражений по поводу утверждения Достоевского в апрельском «Дневнике писателя», 1876 г., о том, что «наш демос доволен» (ИРЛИ, ф. 100, № 29737, ССХІ б 6). Достоевский отвечал на это письмо Карташова в майском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 305—306).

Стр. 541. *Демос. Даже в Англии ∽ что и несем с собою и т. д.* — Запись эта вошла в июньский «Дневник писателя», 1876 г. (XI, 305—306).

Стр. 541. *Да и все почти г. Утин ∽ точно они своих ведь держут. Матери.* — См. майский «Дневник писателя», 1876 г. (XI, 234—302).

Стр. 541. *Май. Глав⟨а⟩ первая. ∽ Женщины.* — Проект майского номера «Дневника писателя», 1876 г.

Стр. 542. *Воспитательный дом ∽ об шатании нашем.* — См. майский «Дневник писателя», 1876 г. (XI, 302—307).

Стр. 542. *К нашему шатанию ∽ о штундизме и Редстоке.* — Имеется в виду приведенный в «Новом времени», 1876, № 82, 22 мая, в обзоре «Среди газет и журналов» положительный отзыв из «Церковно-общественного вестника» о лорде Редстоке; автор защищает Редстока от князя Мещерского, обвинившего его в связи со «штундистами и коммунистами». Там же в «Новом времени» из апрельского номера журнала «Православное обозрение» приводится выдержка из статьи Ф. Г. Тернера: «Нельзя оспаривать, что штундизм вызван живым и горячим отношением к религиозному чувству. Если бы штундисты только с внешней формальной стороны смотрели на исполнение религиозных обязанностей или были бы индифферентны к религиозным потребностям, то они, вероятно, не уклонились бы от церкви. Не материальные выгоды побуждали их к тому; напротив того, им могли грозить только неприятности от общества и материальные потери».

Стр. 542. *Убийство двух девочек в Киеве.* — См. стр. 638.

Стр. 542. *Ответ критикам Z. Преступление и наказание.* — Эта запись относится к отрывку, не вошедшему в печатный текст майского «Дневника писателя», 1876 г., и опубликованному в двух вариантах по черновой рукописи (ИРЛИ, ф. 100, № 29460. ССХб. 10, лл. 31, 41) А. С. Долининым в «Ученых записках Ленинградского гос. педагогического института им. М. Н. Покровского», т. IV, факультет языка и литературы, вып. 2. Л., 1940, стр. 317—318.

Стр. 542. *Ответ корреспонденту о демосе...* — См. выше.

Стр. 542. *Почему умерла Писарева? ∽ Прокляла.* — См. стр. 636, 641.

Стр. 542. *... Жорж Занд...* — См. июньский «Дневник писателя», 1876 г., главки «Смерть Жорж Занда» и «Несколько слов о Жорж Занде» (XI, 307—316).

Стр. 542. *Карамзин. Шидловский.* — Эти имена не упоминаются в июньском «Дневнике писателя», так как Достоевский отказался от первоначального плана дать подробную характеристику своих юношеских литературных интересов. Н. М. Карамзин упоминается как любимый писатель родителей Достоевского, по свидетельству его брата, А. М. Достоевского. Иван Николаевич *Шидловский* (1816—1872) — поэт-романтик, друг юности Достоевского; о его влиянии на Достоевского см. в исследовании: М. П. Алексеев. Ранний друг Достоевского. Одесса, 1921.

Стр. 542. *«Фауст» Губера.* — Первый русский перевод первой части «Фауста» Гете осуществлен поэтом Э. И. Губером (1814—1847) и вышел отдельным изданием в 1838 г. В июньском «Дневнике писателя» не упоминается.

Стр. 542. *«Ускок».* — Повесть Ж. Санд. О первом знакомстве с этой повестью Достоевский вспоминает в июньском «Дневнике писателя»: «Несколько слов о Жорж Занде» (XI, 311).

Стр. 543. *Егор Занд.* — По свидетельству Достоевского в «Дневнике писателя» (XI, 311), так называл Жорж Санд О. И. Сенковский в «Библиотеке для чтения».

Стр. 543. *Страна святых чудес.* — Строка из стихотворения А. С. Хомякова «Мечта».

Стр. 543. *«Жанна».* — Имеется в виду роман Жорж Санд «Жанна»; о нем Достоевский писал в июньском «Дневнике писателя» (XI, 313).

Стр. 543. *Женщины должны плакать и носить траур.* — См. там же (XI, 313).

Стр. 543. *В героинях нет смирения.* — Эта мысль о героинях Жорж Санд развита в июньском «Дневнике писателя» (XI, 313).

Стр. 544. *Гибер, архиепископ парижский.* — Жозеф Ипполит Гибер (Gibert, 1802—1886), архиепископ парижский с июля 1871 г., позднее кардинал, сторонник соглашения церкви с государством по вопросу о светской школе.

Стр. 544. *«Новое время», № 90. ∽ Статья еретическая ∽ о двоеженстве.* — Статья в «Церковно-общественном вестнике», выдержка из которой приведена была в «Новом времени», 1876, № 90, 31 мая; в ней доказывалось, что запрещение брака овдовевшим православным священникам устарело.

Стр. 544. *Будущие идеи ∽ которую несем народу.* — См. «Дневник писателя» (июль — август), 1876 г.

Стр. 544. *«Москов‹ские› вед‹омости›», № 134. Воскресенье. Билетник выживает старого ветерана.*— В «Московских ведомостях», 1876, № 134, 30 мая, помещена заметка о том, что крестьяне выживают полковника, купившего землю и лес, которым раньше пользовались они бесплатно. Орудием выбран бродяга, «билетник».

Стр. 544. *NB. Я сказал в майском № о демократизме.*— Имеется в виду майский «Дневник писателя», 1876 г., глава «Несомненный демократизм. Женщины» (XI, 305—307).

Стр. 545. *NB.* [*Стр.*] *Это бы по поводу Струсберга и процесса банка в Москве.*— Бетель Генри Струсберг (1823—1884), железнодорожный деятель; в России строил железную дорогу Брест — Граево. В связи с крахом Московского коммерческого банка и ряда его железнодорожных предприятий в 1875 г. был объявлен несостоятельным должником, отдан под суд и приговорен к изгнанию из России. Достоевский упоминает о Струсберге в октябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 440, 441).

Стр. 545. *«Новое время». Четверг, 10 июня, № 100. Приведена в Политическом обозрении моя фраза...*— В «Ежедневном обозрении» «Нового времени», 1876, № 100, 10 июня, говорится: «В начале герцеговинского восстания все только и говорили, что „ключ к решению восточного вопроса лежит в шкатулке у железного князя“».

Стр. 545. *«Новое время», №103. Речь Робера учительницам...*— А. Н. Робер, преподаватель тверской женской учительской школы. Его речь напечатана в «Новом времени», № 103. Он говорил о трудностях, которые ждут выпускниц и об убеждении— силе, которая поможет им преодолеть все трудности.

Стр. 545. *Тарантул, забежавший ночью в спальню.* — Это «истинное происшествие» (см. примечания А. Г. Достоевской к сочинениям Ф. М. Достоевского. — Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому, стр. 65), случившееся во время пребывания Достоевского во Флоренции в 1869 г. — См. сентябрьский «Дневник писателя», 1876 г., главу «Piccola bestia» (XI, 385).

Стр. 545. *Ап. Григ‹орьев› о Белинском (к славянофил‹ам›).*—Упоминание о точке зрения А. Григорьева на идейную эволюцию Белинского есть у Достоевского в июньском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 321); Достоевский имеет в виду следующее замечание А. Григорьева: «Нередко противники не понимали друг друга, в особенности же западники славянофилов,— чем только и можно объяснить жесточайшую вражду к славянофильству Белинского, вражду, которая, впрочем, в последнее время его жизни, как свидетельствуют некоторые его письма, начинала переходить в чувство совершенно противоположное» (А. Григорьев. Сочинения, т. I, СПб., 1876, стр. 488— «Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина»,— первоначально опубликовано в журнале «Время», 1861, № 3).

Стр. 545. *Самоубийцы (дочь Герцена).*— О двух случаях самоубийства — Лизы Герцен и бедной петербургской швеи — Достоевский писал в октябрьском «Дневнике писателя» (XI, 422—425).

Стр. 546. *Жорж Занд. Типы. Потребность жертвы ∽ что у них прекрасно и здорово.*— Эти мысли и заметки вошли в текст июньского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 311—316).

Стр. 547. *Кехрибарджи...*— П. Е. Кехрибарджи, издатель и книготорговец, в записи указано получение от него денег за проданные экземпляры «Подростка», им напечатанного.

Стр. 547. *Селин...*— Александр Иванович Селин (1816—1877), профессор киевского университета по кафедре русской словесности. Достоевский получил от него 28 января 1876 г. письмо, в котором высказаны были неприемлемые для Достоевского суждения о русской истории и русском народе. По-видимому, Достоевский собирался ответить Селину в «Дневнике писателя», но не выполнил этого намерения.

Стр. 547. *Рагозин — сердце.*— Как видно из других записей, имеется в виду письмо Рагозина к Достоевскому, в котором есть выражение «пробить сердце». Возможно, речь идет о Евгении Ивановиче Рагозине (р. 1843), экономисте и журналисте.

Стр. 547. *Константинополь — столица православия ∽ потому что русские тоже славяне.*— Эти заметки вошли в июньский «Дневник писателя», 1876 г. (XI, 324—330).

Стр. 547. *Писарева. Естеств‹енные› науки ∽ не знаю про Писареву.*) — См. майский «Дневник писателя», 1876 г., в котором Достоевский писал о самоубийстве Писаревой и его причинах (XI, 302—304).

Стр. 548. *На август темы.*— В августовском «Дневнике писателя», 1876 г., о сквернословии и о Гоголе Достоевский не писал.

Стр. 548. *...заплатанный...*— В первом томе «Мертвых душ» Гоголя: «А! заплатанный, заплатанный! — вскрикнул мужик. Было прибавлено и существительное к слову заплатанный, очень удачное, но не употребительное в светском разговоре, а потому мы его пропустим».

Стр. 548. *Рассказ батюшки И. В. Румянцева...*— Иоанн Румянцев, священник Георгиевской Благовещенской церкви в Старой Руссе; у него Достоевский снимал дачу в 1872 г. (см. о нем: А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 157—160).

Стр. 548. *Письмо Рагозина.*— См. выше.

Стр. 548. *Кстати о Селине...*— См. выше.

Стр. 550. *Прочесть Потулова о спиритизме.*— Николай Михайлович Потулов, исследователь русского церковного пения; по-видимому, в его письме к Достоевскому, полученном 7 февраля, содержались какие-то суждения о спиритизме.

Стр. 550. *Письмо Порецкого (рассердился).*— О Порецком см. стр. 194, 330—331. Письмо это неизвестно.

Стр. 550. *Русские за границей не порядочного тона ∽ русские безнравственны.*— Эта заметка относится к июльско-августовскому «Дневнику писателя», 1876 г. (XI, 334—336).

Стр. 550. *Селин о потере идеала...*— См. стр. 641.

Стр. 550. *Отчего Писарева устала...*— См. стр. 636.

Стр. 550. *Колонизация Крыма.∽ у нас на либеральность.*— Эти заметки относятся к тексту июльско-августовского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 334).

Стр. 550. *В Германии говорят ∽ думал я про себя.*— Заметка к июльско-августовскому «Дневнику писателя», 1876 г. (XI, 336—337).

Стр. 550. *Орангутанг.— Если он думает ∽ то непременно природа дала бы слово.*— Эта заметка связана с впечатлением, которое произвел на Достоевского впервые им увиденный в Берлине, в «Aquarium», живой орангутанг (см. «Письма», III, стр. 218).

Стр. 550. *Но вместо аристократии ∽ Сами установятся.*— Запись использована в октябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 433—436).

Стр. 550. *Состав августовского №.*— Из намеченных в этом плане пяти тем не вошли в состав июльско-августовского «Дневника писателя» две: 1) О Золя и проч. и 3) О спиритизме (мое гадание в карты).

Стр. 551. (*NB. Описание моего весеннего приключения в части.*) — Имеется в виду двухдневное пребывание Достоевского под арестом на гауптвахте на Сенной 21—22 марта 1874 г. по приговору Петербургского окружного суда за опубликование в «Гражданине», 1873, № 5, без разрешения дворцовой цензуры статьи «Киргизские депутаты». Это «описание» не появилось в тексте «Дневника писателя». Рассказывает А. Г. Достоевская: «Вернулся из-под ареста Федор Михайлович очень веселый и говорил, что превосходно провел два дня! Его сожитель по камере, какой-то ремесленник, целыми часами спал, а мужу удалось без помехи перечитать „Les misérables“ Виктора Гюго,— произведение, которое он высоко ценил.

— Вот и хорошо, что меня засадили,— весело говорил он,— а то разве у меня нашлось бы когда-нибудь время, чтобы возобновить давнишние чудесные впечатления от этого великого произведения!» (А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 185).

Стр. 551. *В 71-м году настроения немцев в Дрездене.*— Эта запись была использована в июльско-августовском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 338).

Стр. 551. *Графиня Кушелева-Безбородко, обругавшая немцев.*— Эпизод этот вошел в июльско-августовский «Дневник писателя», 1876 г. (XI, 339), где Кушелева-Безбородко названа — графиня К.

Стр. 551. *Описание обедни в Эмсе...*— По-видимому, имеется в виду следующее обстоятельство, о котором Достоевский писал жене из Эмса: «...я встретил Елисеева(...) Он хотел здесь, по случаю приезда священника, склонить его торжественно отслужить молебен за успех черногорского оружия (была телеграмма о большом сражении и победе черногорцев) и склонял меня уговаривать Тачалова (священника). К обедни сам не пошел, а я Тачалову сказал, но тот благоразумно уклонился под предлогом, что известие о победе еще недостаточно подтвердилось (и правда...)» («Письма», III, стр. 233, 21 июля/2 августа 1876 г.).

Стр. 551. *Смерть Ап. Григорьева.*— Достоевский узнал о выходе «Сочинений А. Григорьева, т. I. СПб., 1876», в издании Н. Страхова, скорей всего, из «Литературных очерков» Фауста Щигровского уезда (С. А. Венгерова), напечатанных в «Новом времени», 1876, (№ 135, 15 июля). Как понятно стало Достоевскому из пересказа «Предисловия» Страхова к этому изданию, последний не коснулся обстоятельств, ускоривших смерть А. Григорьева,— его запойного пьянства, долговой тюрьмы и пр.

Стр. 551. *Женщины по Страхову.*— Н. Н. Страхов. Женский вопрос. Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины»: СПб., 1871,— сброшюрованный оттиск статьи Страхова в журнале «Заря» (1870, кн. 2, критика, стр. 107—144). Брошюру эту Достоевский взял с собой, отправляясь из Петербурга в Берлин и, далее, в Эмс, 5 июля 1876 г. Страхов писал, что «женский вопрос» в России «явление отчасти привозное, отчасти сочиненное», и разрешение его видел не в уравнении прав женщины, а в исполнении ею обязанностей матери и жены. Достоевский разошелся со Страховым в оценке положения русской женщины. В июльско-августовском «Дневнике писателя», в главке «Один из облагодетельствованных современной женщиной» (XI, 368—369), Достоевский, не упоминая Страхова и не называя его книгу, приводит из нее восторженный отзыв об англичанках (см. «О подчинении женщины» — XI, 368), против которого выступает с защитой и апологией русской женщины.

Стр. 551. *Крым.*— См. выше.

Стр. 551. *Лизавета Смердящая (попробовать).*— По-видимому, упоминание об одном из персонажей будущего романа «Братья Карамазовы».

Стр. 551. (*Антоний Римский*).— Антоний (1067—1147), по месту рождения про-

званный Римлянин, православный святой; в его житии рассказывается, что он приплыл по морю на камне в Новгород, где основал монастырь.

Стр. 551. *Взять из Герцена, из «Станкевичева круга» для возражения Селину.*— См. последний абзац из главы XXV «Былого и дум», в котором Герцен выражает свою веру в русскую молодежь: «Но что же доказывает все это?—Многое, но на первый случай то, что немецкой работы китайские башмаки, в которых Россию водят полтораста лет, натерли много мозолей, но, видно, костей не повредили, если всякий раз, когда удается расправить члены, являются такие свежие и молодые силы. Это нисколько не обеспечивает будущего, но делает его крайне *возможным*» (А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. IX. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 46).

Стр. 552. *Лучшие люди. Вопрос о лучших людях ∽ и собственное достоинство только сильнее всего.*— Программа главы «Лучшие люди» в октябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 434—436).

Стр. 552. *Вставить о русских в Эмсе, нет собственного достоинства.*— Запись к главе «Выезд за границу. Нечто о русских в вагонах» в июльско-августовском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 333—336).

Стр. 552. *Вот в Берлине я видел орангутанга.*— См. стр. 642.

Стр. 552. *Параллель семьи христианской и социальной [Нет] Но идеал.*— Заметки к главе «Земля и дети» июльско-августовского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 376—378).

Стр. 552. *Нет, уж пусть лучше идеалы дурны, да действительность хороша.*— На эту фразу из статьи Градовского (Гаммы) в «Листке» газеты «Голос», 1876, № 67, Достоевский возражал в мартовском «Дневнике писателя», 1876 г., в главке «Верна ли мысль, что „пусть лучше идеалы будут дурны, да действительность хороша"?» (XI, 216—217). См. стр. 497.

Стр. 552. *Война теперь была бы для нас не совсем вредна ∽ и многому бы дала новый толчок.*— См. главку «Парадоксалист» в апрельском «Дневнике писателя» 1876 г. (XI, 267—271).

Стр. 552. *Непременно о русских ∽ каких у нас уже довольно.*— См. «Русский или французский язык?» июльско-августовского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 357—359).

Стр. 553. *Всякий должен иметь право на землю ∽ Полное уничтожение собственност‹и› ужасно.*— См. «Земля и дети» в июльско-августовском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 376—378).

Стр. 553. *Декабрист Якушкин. Мы ваши, а земля наша.*— В «Записках» И. Д. Якушкина рассказывается, как он предложил своим крестьянам освободить их без земли: «Я собрал их и долго с ними толковал; они слушали меня со вниманием и, наконец, спросили: „Земля, которою мы теперь владеем, будет принадлежать нам или нет?" Я им отвечал, что земля будет принадлежать мне, но что они будут властны ее нанимать у меня.— „Ну так, батюшка, оставайся все по старому, мы ваши, а земля наша"» («Записки Ивана Дмитриевича Якушкина». Лондон. Вольная русская типография. 1862, стр. 35. Записки декабристов. Выпуск первый).

Стр. 553. *Эмс, дорога, все анекдоты ∽ Смерть провинции или нет?* — Набросок плана первых двух глав июльско-августовского «Дневника писателя», 1876 г.

Стр. 553. *Англичанка, мнение Страхова.*— См. стр. 642.

Стр. 553. *Смерть Аполлона Григорьева.*— См. стр. 642.

Стр. 553. *Описание моего весеннего приключения в части.*— См. стр. 642.

Стр. 553. *Крым, мне‹ние› «Моск‹овских› вед‹омостей›».*— См. стр. 642.

Стр. 553. (*О смерти Писаревой*). — См. стр. 636.

Стр. 553. *Похвала «Церковно-обществ‹енного› вест‹ника›» о штундизме...*— См. стр. 640.

Стр. 553. *Эмс. Картинки ∽ Кушанье чем дальше тем хуже.* — Заметки, предназначавшиеся для июльского «Дневника писателя», 1876 г., и не введенные в его текст. О своих наблюдениях над детьми в Эмсе Достоевский писал жене: «...когда гуляю все останавливаюсь у детей и любуюсь ими или заговариваю. Останавливаюсь и у маленьких годовых ребят — все воображаю в каждом Лешу...» («Письма», III, стр. 229, письмо 18/30 июля 1876 г.).

Стр. 553. *Соседка. Греческие дамы.*— В первом письме к жене из Эмса 21/9 июля 1876 г. Достоевский сообщал: «...переехав, я тотчас наткнулся на неприятность: эту комнату рядом (мою третьегодняшнюю) и отделенную от теперешней моей лишь запертою дверью, заняли две дамы, мать и дочь, кажется из Греции, говорят по-гречески и по-французски, но можешь себе представить,— они говорят без умолку, особенно мать, но не то что говорят, а кричат буквально, и главное без умолку, ни одной секунды перерыва. В жизнь мою я не встречал такой неутомимой болтливости, и однако мне надо будет работать, читать, писать — как это делать при такой беспрерывной болтовне?» («Письма», III, стр. 220).

В следующем письме, 25/13 июля Достоевский сообщал жене, что «греческих чечеток — соседок не вынес» и сменил номер (см. «Письма», III, стр. 222).

Стр. 554. *Девушка у источников.*— См. главу «Немцы и труд. Непостижимые фокусы. Об остроумии» в июльско-августовском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 352—354).

Стр. 554. *Арминия жену взяли. Тацит.*— Тацит в «Анналах» сообщает, что во время третьего похода римского полководца Германика против германского племени херусков в 15 г. н. э. он взял в плен Туснельду, жену Арминия (Германца), вождя херусков.

Стр. 554. *Англичанка вдруг забежала не в то место, которое назначено для женщин.*— Об этом Достоевский сообщил жене в письме 21 июля 1876 г. (см. «Письма», III, стр. 218—219).

Стр. 555. *Всякий должен иметь право на землю ∽ вы бы верили в бога.*— См. главу «Земля и дети» в июльско-августовском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 376—378).

Стр. 555. *Глава 1-я — Сдав №, сел в вагон ∽ Глава 4-я ответ г. Селину и проч.*— Подробный план-конспект июльско-августовского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 333—384).

Стр. 555. *Отдохнуть.*— В июльско-августовском «Дневнике писателя» объясняется, что цель поездки в Эмс не отдых, а лечение (XI, 333).

Стр. 555. *Увы! в Эмс, а не туда — (стихи Рылеева).*— В июльско-августовском «Дневнике писателя» (XI, 333) говорится о желании вместо Эмса поехать на юг России, на Украину, и приводится цитата из поэмы Рылеева «Войнаровский».

Стр. 555. *В вагоне, чтобы не быть с русскими, газеты.*— См. «Дневник писателя» (XI, 333).

Стр. 555. *Понес кару, зачем высказался ∽ недомолвками лучше.* — Имеется в виду статья Б. в «Биржевых ведомостях», 1876, № 182, 4 июля, «Наброски и недомолвки», в которой опровергается предложенное Достоевским в июньском «Дневнике писателя», 1876 г., решение восточного вопроса, предполагающее присоединение Константинополя к России. Вывод автора статьи таков: «...г. Достоевский — отвлеченный мечтатель‹...› но крайне плохой, наивный политик, который чем более старается одобрить и утешить, тем более зловещею иронией звучат его слова в применении к реальным данным».

Стр. 555. *Краткий, но сильный разбор Грановского.*— Имеется в виду изданная за границей и приписывавшаяся Т. Н. Грановскому брошюра «Восточный вопрос с русской точки зрения 1855 года». Лейпциг, 1861. Разбору этой книги Достоевский посвятил главы «Идеалисты-циники» и «Постыдно ли быть идеалистом?» июльско-августовского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 342—350).

Стр. 555. *Киреев.*— Николай Алексеевич Киреев (1841—1876), отставной штабротмистр лейб-гвардии конного полка, лидер петербургских славянофилов, один из самых деятельных членов славянского благотворительного общества. В 1876 г. организовал отправку добровольцев в Сербию, затем сам вступил в сербскую армию под именем Гаджи-Гирея. Убит при штурме турецких позиций под Раковицами. Сообщение о смерти Киреева появилось в газетах 11 июля 1876 г. («Новое время», 1876, № 131, 11 июля. Телеграмма Черняева 7 июля 1876 г.). О Кирееве неоднократно упоминается в «Дневнике писателя» (XI, 348, 389; XII, 13, 43, 220).

Стр. 555. *[Немцы в вагонах лучше] ∽ О войне.*— Ср. XI, 336—338.

Стр. 555. *Графиня Кушелева.*— См. стр. 642.

Стр. 555. *В «Подростке» находил Ав‹сеенко› грязь. ∽ Это в рассказе-то матери.*— Статья Авсеенко за подписью: А. О., о романе «Подросток» напечатана в газете «Русский мир», 1875 г., №№ 27 и 55, под названием «Очерки текущей литературы. Новогодняя книжка „Отечественных записок“. Чем отличается роман г. Достоевского, написанный для этого журнала, от других его романов, писанных для „Русского вестника“.—Нечто о плевках, пощечинах и т. п. предметах». По мнению Авсеенко, в романе Достоевского показана «вся та грязь, которая накопляется в подпольях». Этот враждебный отзыв критика относится к главам I—V первой части романа, в которых нет «рассказа» матери, но есть эпизод посещения Софьей Андреевной Аркадия в пансионе Тушара.

Стр. 555. *Возвестил, что «Русский вестник» поправляет мою грязь.*— Имеется в виду статья в «Русском вестнике», 1876, № 1.

Стр. 556. *Кстати: взял брошюру «О подчинении женщины» ∽ Русская женщина лучше всех.*— См. стр. 642.

Стр. 556. *Кстати: издал Аполлон‹а?› Григорьев‹а?› ∽ Смерть его.*— См. стр. 642.

Стр. 556. *Декабрист Якушкин.*— См. стр. 643.

Стр. 556. *Нет и не может быть собственного достоинства.*— См. главу «Выезд за границу. Нечто о русских в вагонах» июльско-августовского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 335).

Стр. 556. *Почтамт. Прислал письмо. Какой бы русский чиновник.*— См. главу «Немцы и труд. Непостижимые фокусы. Об остроумии» в июльско-августовском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 354—355).

Стр. 556. *Лермонтов памятник.*— О статском советнике, пожертвовавшем одну копейку серебром на памятник Лермонтову в Пятигорске.— См. XI, 352.

Стр. 556. *Редсток...*— См. стр. 634.

Стр. 556. *Описание Эмса.*— Брошюра А. Гирштorна «Эмс и его целебные источники». СПб., 1874, имелась в библиотеке Достоевского (см. Л. П. Гроссман. Семи-

нарий по Достоевскому, стр. 46). О ней упоминается в главе «Что на водах помогает: воды или хороший тон?» июльско-августовского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 364).

Стр. 556. *Здешние работницы.*— О быстроте, ловкости и точности работы женской курортной прислуги говорится в главе «Немцы и труд. Непостижимые фокусы. Об остроумии» июльско-августовского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 352—354).

Стр. 556. «*Московск⟨ие⟩ ведомости*». *Крым.*— См. стр. 642.

Стр. 556. *Отрадно, что Россия так встала и жертвует.*— См. главу «Постыдно ли быть идеалистом?» в июльско-августовском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 348).

Стр. 556. *Опять русские. Собственного достоинства нет.*— См. стр. 644.

Стр. 556. *Описание приключения в части.*— См. стр. 642.

Стр. 556. *Глава 3-я* [*Глава 3-я*]. *Разговор с парадоксалистом... А ведь я был два раза влюблен.*— См. главу «Один из облагодетельствованных современной женщиной» июльско-августовского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 370).

Стр. 556. *Ответ на переписку* (*NB. Уже в Петербурге*).— В июльско-августовский «Дневник писателя» не вошло.

Стр. 556. *Дочерью Герцена закончить, а начать с Селина.*— О самоубийстве дочери Герцена Достоевский писал в главе «Два самоубийства» октябрьского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 424) и в главе «О самоубийстве и высокомерии» декабрьского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 492—494). См. стр. 641. О Селине — см. стр. 641.

Стр. 556. «*...Мой парадокс*»...— Глава в июньском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 316—321).

Стр. 556—557. *Декабрист Якушкин искренне удивлялся, что не мог потрафить ему.*— См. стр. 643.

Стр. 557. (*...мемуары Екатерины, баня*).— Имеется в виду следующий эпизод из «Записок» Екатерины II, характеризующий нелюбовь Петра III ко всему русскому. «В среду вечером я должна была идти в баню в дом к Чоглоковым, но накануне Чоглокова пришла ко мне в комнату и, увидав великого князя, который сидел у меня, сказала ему от имени императрицы, чтобы он также сходил в баню. Надо заметить, что баня и все русские обычаи и местные нравы были не только неприятны великому князю, но он их просто ненавидел. Он начисто объявил, что не пойдет в баню» («Записки Екатерины II, императрицы России». Перевод с французского. Второе издание. Лейпциг, 1876).

Стр. 557. *Стелловский.*— Федор Тимофеевич Стелловский (ум. 1875), издатель, заключавший с писателями и композиторами кабальные договора на право издания их сочинений. С Достоевским Стелловский заключил в 1866 г. договор, по которому он за 3000 рублей получал право издания всех уже опубликованных произведений писателя; сверх того Достоевский обязан был представить к 1 ноября 1866 г. новый роман, в противном случае Стелловский получал право перепечатывать бесплатно все последующие произведения Достоевского.

Стр. 557. *Страхов ∽ разобрать брошюру.*— См. стр. 642.

Стр. 557. *В части.*— См. стр. 642.

Стр. 557. *С французского языка ∽* (*Может быть приключение в части.*) — Неосуществленный план расположения материала в июльско-августовском «Дневнике писателя», 1876 г.

Стр. 557. *Вильгельм...* — Вильгельм I (1797—1888), король прусский, с 1871 г. император германский.

Стр. 557—558. *...дети.* — *Дети. ∽ Ошибка Мальтуса. Дюма-fils.* — См. главу «Детские секреты» июльско-августовского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 372—376). Александр Дюма-сын (1824—1895), французский романист и драматург.

Стр. 558. *Халаты, моя идея о Константинополе.*— См. главу «Халаты и мыло» сентябрьского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 397—399).

Стр. 558. *Павшие офицеры.*— *Изувеченные.*— О сборе средств в пользу семейств русских добровольцев, павших в войне с турками, говорится в главе «Комбинации и комбинации» сентябрьского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 396).

Стр. 558. [*Ответ Селину*]...— См. стр. 641.

Стр. 558. (*10 миллионов французов ∽ и защищать свою родину*).— См. «Детские секреты» в июльско-августовском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 375).

Стр. 558. «*Вестник Европы*». *С иронией ∽ отдали бы за единение.*— Имеется в виду «Внутреннее обозрение» в сентябрьском номере «Вестника Европы», 1876, стр. 351—354, с которым Достоевский полемизировал во второй главе сентябрьского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 399—414).

Стр. 558. *Единственно возможное слово ∽ Константинополь русский.*— См. «Комбинации и комбинации» и «Халаты и мыло» в сентябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 392—399).

Стр. 560. *О павших ∽ Собранные уже деньги.*— См. стр. 645.

Стр. 560. *Европейская дипломатия ∽ у нас наше обаяние на славян.*— См. «Комбинации и комбинации» в сентябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 392—395).

Стр. 560. *Нельзя выгнать орду турецкую из Европы ∽ не будет и никакого потрясения.*— См. «Халаты и мыло» в сентябрьском «Дневнике писателя», 1876 (XI, 397—399).

Стр. 560. *Иван Грозный и Казань.*— О походе Ивана Грозного на Казань и присоединении Казанского царства к Московскому государству говорится в главке «Халаты и мыло» сентябрьского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 397—398).

Стр. 560. *Будут продавать халаты.*— Фраза эта вошла в текст главки «Халаты и мыло» сентябрьского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 398).

Стр. 560. ...*«Вестника Европы»*...— См. стр. 645.

Стр. 560. ...*«Голоса»*...— В «Голосе», 1876, № 252, 12 сентября, в фельетоне «Листок» Макс (Б. М. Маркевич) дал резкий разбор очерков или, как он их называет, «Путевых воспоминаний» Вас. Ив. Немировича-Данченко. Приведены самонадеянные и претенциозные высказывания Немировича-Данченко: «В моих словах вы найдете отголосок не одной какой-нибудь губернии, а всего востока Европейской России». «С полной уверенностью я могу сказать, что́ думает русский народ». Маркевич оспаривает его право на такие утверждения.

Стр. 560. *Статьи высшие: Маркова и «Вестника Европы».*— Имеются в виду ссылки в статье Макса («Голос», 1876, № 252, 12 сентября) на статью Е. Маркова «Идея и цифры» и «Внутреннее обозрение» «Вестника Европы» (1876, сентябрь).

Стр. 560. *«Вестник Европы» ∽ О как мы умны!*—См. сентябрьский «Дневник писателя», 1876 г., главу «Страхи и опасения» (XI, 410).

Стр. 560. ...*при кандиотах и при гостях-славянах*...— Имеются в виду проявления сочувствия в русской журналистике по отношению к восстанию кандиотов, жителей острова Крит, в 1866—1868 гг. и в связи с московской этнографической выставкой в мае 1867 г., на которой присутствовали общественные деятели из среды австрийских и турецких славян.

Стр. 560. *Без лучших людей земля не стоит. Где же лучшие люди.*— См. стр. 511.

Стр. 560. *Нет семьи (говорит Щедрин).*— Эта мысль Щедрина (он не назван) приведена в декабрьском «Дневнике писателя», 1876 г., в главе «Кое-что о молодежи» (XI, 489—491): «„Да семейства у нас вовсе нет“,— заметил мне недавно, возражая мне, один из наших талантливейших писателей» (XI, 490). Достоевский встречался с Щедриным в сентябре или октябре 1876 г., о чем Достоевский писал в октябрьском «Дневнике писателя», 1876 г., в главе «Два самоубийства» (XI, 422—423).

Стр. 561. *Во Франции общество ∽ Нужны лучшие люди.*— См. главу «Лучшие люди» октябрьского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 433—436).

Стр. 561. *Восторженное признание королевства Милана.∽ именно в русском духе. Ура!* — Милан IV Обренович (1854—1901), князь сербский (1868—1882), в турецко-сербской войне сначала сам руководил военными действиями, 12 августа передал командование генералу Черняеву. Надеясь поднять престиж Милана, Черняев провозгласил его королем сербским. «...16 сентября, в 11 часов утра, вся армия при пушечной пальбе провозгласила князя Милана королем Сербии» («Новое время», 1876, № 189, 7 сентября). Однако реального значения это провозглашение Милана не имело, так как ни одна из великих держав не признала его королем; добиться такого признания ему удалось только в 1882 г.

Стр. 561. *Макс. Цитирует слова Марлинского ∽ и восхищается ими.*—В «Листке» «Голоса», 1876, № 252, 12 сентября, в статье Макса (Б. М. Маркевича) приведены слова Марлинского: «Чтоб верно судить о каком-нибудь событии, надо, чтоб оно отдалилось от нас на исторический выстрел».

Стр. 561. *Марков. «Голос», № 249, сентября 9. «Идея и цифры».*— Статья Евгения Маркова «Идея и цифры (Ответ на вопрос: готовы ли мы?)»; в ней давалось следующее обоснование готовности русского народа к войне за освобождение балканских славян: «Чтобы верно оценить, что может сделать русская сила при данном бюджете и при данной численности войска, нужно вспомнить изумительную выносливость, терпеливость и спартанскую умеренность, которые отличают русский народ и русское войско от всех других народов и войск Европы». И далее: «Русский человек страшно силен пассивною силой, а она в большей части случаев сто́ит всякой активной. Русского человека ничем не удивишь и ничем не испугаешь; в сущности, ему и терять-то почти нечего».

Стр. 561. *Ответ Селину (Прачков).*— См. стр. 641.

Стр. 561. *«Новое время», № 196-й ∽ что они будут всегда слушаться России.*— В передовой «Нового времени», 1876, № 196, 14 сентября, говорилось: «Пусть только Россия громко и открыто заявит, *что она не имеет никаких видов к увеличению своей территории*, но, внимая призыву своих единоплеменников и в виду доказанной невозможности оставить их под игом мусульман,— она требует, *чтобы Европа вняла желанию этих провинций и не препятствовала провозглашению их независимости от Турции*».

Стр. 561. *Идея. Дело не в равновесии ∽ есть глупость.*— См. «Слова, слова, слова!» в сентябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 390—392).

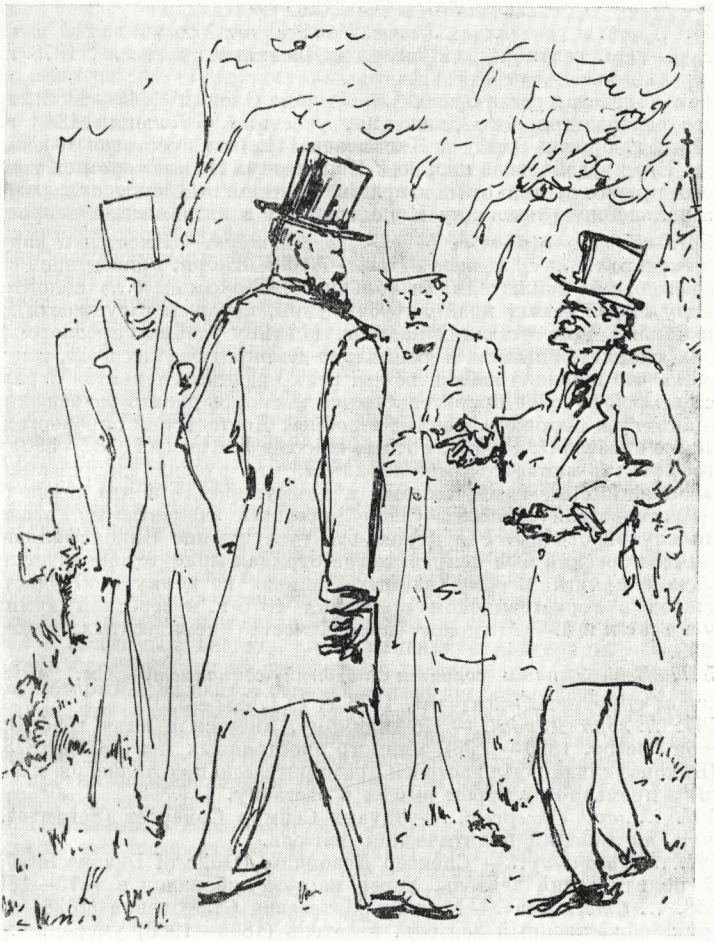


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»
(В МОНАСТЫРСКОМ САДУ)
Рисунок (тушь, перо) Б. Ф. Рыбченкова, 1932
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

Стр. 561. *Согласие комиссии скупщины...*— В «Новом времени», 1876, № 196, 14 сентября, сообщалось: «Белград 12-го (24-го) „...С радостию даем мы комиссии скупщины наше согласие на заявление, сделанное несколько дней назад нашим народным войском, когда оно провозгласило нашего светлейшего князя Милана Обреновича первым сербским королем“».

Стр. 561. *А в № 195 цитируется ∽ откуда следует получить их.*— В «Новом времени», 1876, № 195, 13 сентября, приводится опровержение, помещенное в «Московских ведомостях», по поводу сообщения «Международного телеграфного агентства» (принадлежавшего А. А. Краевскому) о протестах против провозглашения Милана королем сербским.

Стр. 561. *Но я говорил о «Гражданине», которого предполагаю на чьем-нибудь тайном жалованьи. На чьем же? Ну хоть от Ф. П. Баймакова.*— Федор Петрович Баймаков (1831—1907), владелец банкирской конторы, арендатор в 1875—1877 гг. «С.-Петербургских ведомостей».

Стр. 564. *Адрес николаевцев.*— «Новое время», 1876, № 195, 13 сентября, перепечатало из «Русского обозрения» адрес, отправленный городской думой г. Николаева Александру II, в котором говорилось о готовности встать на защиту «престола и чести дорогого нам отечества».

Стр. 564. *Протест «Московских ведомостей»...*— См. стр. 647.

Стр. 564. *«Голос», 12 сентября.*— См. стр. 646.

Стр. 564. *Крот. А развились ли мы. Как же нет? ∽ умирают от тарантула вовсе не часто.*— См. сентябрьский выпуск «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 385—414).

Стр. 564... (*отчасти после Орсини*).— Феличе Орсини (1819—1858), граф, деятель итальянского освободительного движения, участник революции 1848 г. в Италии. 14 января 1858 г. бросил бомбу в Наполеона III, был арестован и казнен 13 марта того же года. Его предсмертное письмо к Наполеону III, в котором он требовал отказа французского правительства от поддержки реакционных сил, оказало несомненное влияние на дальнейшую политику Наполеона III в итальянском вопросе.

Стр. 567. *«Н⟨овое⟩ в⟨ремя⟩», № 197, 15 сентября.*— Имеется в виду следующее сообщение венского корреспондента «Times» 7/19 сентября, приведенное в «Новом времени»: «За немногими исключениями большинство русских ⟨...⟩ волонтеров принадлежит к числу людей самых крайних убеждений, которым в сущности мало дела до России или Сербии, но считающих настоящую войну удобным предлогом для осуществления своих славянофильских и социально-демократических идей, так что довольно правдоподобно, что желание избавиться от этих вредных элементов играло роль в готовности, с которой русское правительство согласилось давать разрешение своим подданным на поездку в Сербию и участие в войне». Достоевский опровергал в сентябрьском «Дневнике писателя», 1876 г., в главе «Piccola bestia» (XI, 387—390) утверждение английского премьер-министра Биконсфильда, что русские добровольцы в Сербии являются «социалистами, коммунистами и коммунарами» и что таков был замысел русского правительства: «сплавить» «разрушительные элементы» из России и добиться спокойствия внутри страны. Разумеется, это утверждение Биконсфильда было демагогией, но и Достоевский был неправ, когда отрицал присутствие «русских социалистов» в сербской армии. Сводку данных, далеко не полную, об участии русских революционеров в герцеговинском восстании 1875 г. и сербской армии см. в кн.: В. Богучарский. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912, стр. 277—293.

Стр. 567. *Бедные наши солдаты ∽ бедный социалист.*— См. «Piccola bestia» в сентябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 387—390).

Стр. 567. *... лорд Дарби...*— По-видимому, имеется в виду граф Эдуард Генри Стенли Дерби (Derby, 1826—1893), министр иностранных дел (1874—1878) в кабинете Дизраэли (Биконсфильда); был настроен примирительно по отношению к России и из-за разногласий с премьер-министром вышел в отставку.

Стр. 567. *... лорд Сомерсет...*— Эдуард Сеймур Сомерсет (Somerset, ок. 1506—1552), герцог, английский политический деятель.

Стр. 567. *... Девоншир...*— Спенсер Девоншир (Dukc of Devonshire 1833—1908), английский политический деятель, лидер партии либералов в 1875—1880 гг.

Стр. 568. *... Стасюлеевич.*— Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826—1911), публицист, историк, общественный деятель, издатель (1866—1908) умеренно-либерального журнала «Вестник Европы».

Стр. 568. *... начала Египтом и Бевикской бухтой.*— К 1876 г. Англия стала фактическим собственником Суэцкого канала, выкупив в 1875 г. у хедива Исмаила-паши долю Египта в суэцких акциях; экономически Египет был закабален своей денежной задолженностью по кредитам, полученным от Франции и Англии; в 1876 г. хедив должен был согласиться на создание контрольной комиссии, организованной Англией и Францией для обеспечения платежей по долгам европейским кредиторам. В Безикской бухте на малоазиатском побережье Турции недалеко от входа в Дарданелльский пролив с юга находилась английская эскадра под командованием адмирала Горнби.

Стр. 568. 1) *Piccola bestia ∽ Страхи и опасения.*— Проект оглавления сентябрьского «Дневника писателя», 1876 г., осуществленного в этом виде, но с прибавлением заключительной пятой главки.

Стр. 568. *К Масленникову.*— Очевидно, имеется в виду К. И. Масленников, к которому Достоевский обращался в связи с делом Корниловой, осужденной впоследствии (15 октября 1876 г.) Петербургским окружным судом к двум годам и восьми месяцам каторги, с последующим вечным поселением в Сибири. В октябрьском «Дневнике писателя», 1876 г., в главе «Простое, но мудреное дело» (XI, 414—420) Достоевский оспаривал правильность приговора, утверждая, что Корнилова совершила свое преступление (выбросила шестилетнюю падчерицу в окно) в состоянии невменяемости. К. И. Масленников, служивший в 1875 г. в департаменте Министерства юстиции в непосредственном подчинении у А. Ф. Кони, тогда вице-директора этого департамента, прочитав октябрьский «Дневник писателя», 31 октября 1876 г. написал Достоевскому письмо, в котором удостоверил его, что «описанное им до мельчайших подробностей верно действительности, и предложил свои услуги помочь несчастной,если только Федор Михайлович действительно желает ее спасения» (К. Масленников. Эпизод из жизни Ф. М. Достоевского.—«Биография, письма и заметки», стр. 103 третьей пагинации). Масленников советовал Достоевскому обратиться к прокурору Петербургской судеб-

ной палаты с просьбой разрешить ему свидание с Корниловой. Два письма Достоевского 5 и 26 ноября («Письма», III, стр. 249—251 и 252—253) были ответом на это письмо Масленникова. В письме 5 ноября Достоевский сообщал ему, что был у прокурора Э. Я. Фукса, и тот разрешил ему посещать Корнилову. Впечатления от личной встречи с Корниловой и разговора с ней подтвердили убеждение Достоевского в невиновности осужденной. 12 декабря 1876 г. Масленников сообщал Достоевскому в письме (ЛБ, ф. 93, II, 6.63), что приговор по делу Корниловой кассирован и дело будет рассматриваться вновь. В статье «Эпизод из жизни Ф. М. Достоевского» Масленников рассказывает, имея в виду свое письмо 11 декабря 1876 г. (ЛБ): «Впоследствии, узнав, что дело с Корниловой назначено было к слушанию в конце декабря 1876 г., я немедленно написал об этом Федору Михайловичу, который под заглавием „Опять о простом, но мудреном деле“ воспроизвел в декабрьском нумере „Дневника“ почти дословно письмо ко мне от 5 ноября, добавив к нему ‹...› тонкий и глубокий анализ душевного состояния Корниловой во время совершения преступления и после осуждения. Высокохудожественное произведение Федора Михайловича произвело настолько сильное действие на петербургское общество и на присяжных, что даже председательствовавший, в резюме своем, предупреждал последних не поддаваться влияниям „некоторых талантливых литераторов“, а обсуждать дело „по своему крайнему разумению“»(Биография, письма и заметки», стр. 108 третьей пагинации) (см. XI, 475—482). 22 апреля 1877 г. Достоевский присутствовал на вторичном разбирательстве дела Корниловой в окружном суде. В апрельском «Дневнике писателя», в главе «Оправдание подсудимой Корниловой», Достоевский сообщил, что «после длинной речи председателя присяжные удалились и менее чем через четверть часа вынесли оправдательный приговор, произведший почти восторг в многочисленной публике» (XII, 124). Очень высокую оценку проницательности Достоевского и его роли в деле Корниловой дал А. Ф. Кони. Он писал: «Мысль о возможности осуждения *действительно* умственно больного человека тревожила и волновала его до крайности. „Дневник писателя“ за 1876 год содержит в себе пламенные страницы, посвященные защите Корниловой, обвинявшейся в выкинутии из окна своей маленькой падчерицы. Целым рядом доводов о влиянии беременности на умственное расстройство, о том извращенном процессе мыслей, который вызывается беременностью, он доказывал неправильность приговора и заявлял, что суд и присяжные ошиблись, что Корнилова не должна, не может быть наказана. Строки, которыми он приветствовал оправдание ее, дышут самой горячею, захватывающей радостью и справедливой гордостью человека, одиноко поднявшего голос против совершавшейся ошибки...» («Достоевский как криминалист».— «Неделя», 1881, № 6, стр. 215).

Стр. 569. ... *сквозит и тихо светит в простоте его смиренной.*— Перефразированная цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...»:

Что сквозит и тайно светит
В наготе его смиренной.

Стр. 569. *Лучшие люди* ᔓ *То-то и есть, что нет.*— См. главу «Лучшие люди» октябрьского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 433—436).

Стр. 569. *Окончательный конспект сентяб‹рьского› № ᔓ Последняя страничка о событиях.*— Из этого плана не были осуществлены: Селину (см. стр. 641). О дочери Герцена — см. в октябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 423—424). «О дуэли и Печорин» — вообще не было включено в «Дневник писателя».

Стр. 569. «*Современные известия» воруют у меня* ᔓ «*Новое время» в восторге...*— Имеется в виду следующее место в обзоре «Нового времени», 1876, № 198, 16 сентября, «Среди газет и журналов»: «„Современные известия“ в весьма горячо написанной статье „Два слова о настоящей эпохе“» доказывают, что при настоящем положении русского общества, мыслителю легко проследить степень развития разных классов, из которых состоит это общество или скорее народ, разглядеть признаки, указывающие, где более сохранился дух древней Руси, ее стойкость, доблесть, здравое суждение и вместе с тем понятие о чести народа, о чести России, и которые из классов, напротив, погнулись, растеряли доблести русские».

В этой статье «Современных известий» действительно повторяется мысль, высказанная Достоевским в июльско-августовском «Дневнике писателя», 1876 г., в главе «Постыдно ли быть идеалистом?» (XI, 346—350).

Стр. 570. *Кандиоты.*— См. стр. 646.

Стр. 571. «*Новое время» ᔓ Программа английских либералов.*— В «Новом времени», 1876, № 201, 19 сентября, помещен пересказ статьи «Что делать?» из английской газеты «Daily News», излагающий замысел английских либералов, которые «берутся за устройство независимости славян с целью создать из них оплот против России». «Daily News» с самого своего основания поддерживала политику партии либералов и Гладстона, особенно в восточном вопросе в 1875—1878 гг.

Стр. 571. «*Новое время», четверг* ᔓ *Прокламация софтов...*— Имеется в виду сообщенная в газете «Gaulois» и перепечатанная в «Новом времени», 1876, № 205, 23 сентября, корреспонденция из Константинополя о том, что софты выпустили прокламацию,

в которой требуют превращения Сербии, Черногории и Молдаво-Валахии в обычные турецкие вилайеты, возвращения Кроатии, Черноморского побережья, возмещения Россией убытков и невмешательства Европы во внутренние дела Турции. *Софты* или *Софтá* — так в Турции назывались слушатели медрессе (духовных училищ),— наиболее фанатично и реакционно настроенные представители турецкого национализма.

Стр. 573. *Октябрьский № ∽ Восточный вопрос.*— Из этой, как называет ее Достоевский, «первоначальной программы» в октябрьский «Дневник писателя» вошел только последний пункт, остальные были заменены другими темами.

Стр. 573. *О том, что такое лучшие люди ∽ значит нормальное состояние.*— См. главы «Лучшие люди» и «О том же» в октябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 433—441).

Стр. 573. *Струсберг...*— См. стр. 641.

Стр. 573. *...Полянский...*— Директор-распорядитель Ссудного коммерческого банка в Москве, один из обвиняемых по делу Струсберга. См. стр. 641.

Стр. 573. *Герцена дочь.*— См. стр. 641.

Стр. 573. *С образом из окна.*— Сообщение в городской хронике «Нового времени», 1876, № 215, 3 октября: «В двенадцатом часу дня, 30-го сентября, из окна мансарды шестиэтажного дома Овсянникова, № 20, по Галерной улице, выбросилась приехавшая из Москвы швея Марья Борисова. Борисова приехала из Москвы, не имея здесь никаких родственников, занималась поденною работою и последнее время часто жаловалась на то, что труд ее скудно оплачивается, а средства, привезенные из Москвы, выходят, поэтому устрашилась за будущее. 30 сентября она жаловалась на головную боль, потом села пить чай с калачом, в это время хозяйка пошла на рынок и едва успела спуститься с лестницы, как на двор полетели обломки стекол, затем упала и сама Борисова. Жильцы противоположного флигеля видели, как Борисова разбила два стекла в раме и ногами вперед вылезла на крышу, перекрестилась и с образом в руках бросилась вниз. Образ этот был лик Божией Матери — благословение ее родителей. Борисова была поднята в бесчувственном состоянии и отправлена в больницу, где через несколько минут умерла». Об этой кроткой самоубийце Достоевский писал в главе «Два самоубийства» октябрьского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 424—425); эта же «бедная молодая девушка» послужила прототипом для героини повести «Кроткая», напечатанной в ноябрьском «Дневнике писателя», 1876 г.

Стр. 574. *Выгоднее броненосца или поповки ∽ (хотя и поповки необходимы).*— Поповка—тип броненосца, спроектированного и построенного по идее и под руководством вице-адмирала А. А. Попова (1821—1898) и названного по его имени. Всего было построено две поповки: «Новгород» (1873) и «Вице-адмирал Попов» (1875), предназначенные для защиты Днестровского лимана и Керченского пролива. Круглая в плане форма корабля позволила поставить на нем очень сильную броню и артиллерию, но круглая форма и большое количество двигателей (шесть) очень сильно снижали скорость, устойчивость и точность стрельбы. «Поповки» широко обсуждались в современной печати («Поповка, сборник статей о круглых судах». СПб., 1875) и были признаны неудачным экспериментом талантливого кораблестроителя. По проекту А. А. Попова был построен в 1877 г. первый русский броненосец «Петр Великий».

Стр. 574. *Некрасов, ушедший от отца.*— О жестокости и самодурстве отца Некрасова Достоевский знал из рассказов самого поэта, о чем писал в ноябрьском «Дневнике писателя», 1877 г.: «Он говорил мне тогда со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме...» (XII, 347).

Стр. 575. *Простейшее соображение ∽ как же уберечь болгар.*— См. главу «Новый фазис восточного вопроса» в октябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 428—429).

Стр. 575. *NB. Смерть в Петербурге ∽ «Новое время», № 218, среда, 6 октября).*— В указанном номере «Нового времени» 1876 г. помещено следующее сообщение о том, что найден тяжело раненный ножом Михаил Гейбадулин, фейерверкер 1-ой гвардейской пехотной артиллерийской бригады. Убийцы — двое солдат-татар, его сослуживцев.

Стр. 575. *«Москов‹ские› ведомости». Проповедь соф‹т›ов по шариату...*— В передовой «Московских ведомостей», 1876, № 253, 5 октября, приводится из «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» пересказ проповеди, раздававшейся в печатном виде в г. Филиппополе, в которой турки призывались к истреблению христиан или к принуждению их платить харам в случае отказа присоединиться к магометанству.

Стр. 575. *«Голос» ∽ Статья Лароша...*— «Голос», 1876, № 277, 7 октября. В статье L (Ляроша) «Литература и жизнь» сочувственно пересказывается содержание «Внутреннего обозрения» «Вестника Европы», в котором утверждается, что «полное забвение своих внутренних вопросов и интересов, исключительное увлечение внешнею политикою — признак наступающей реакции». L утверждает, что не война, а внутреннее развитие должно быть главной заботой России: «А делом этим, прежде всего, должно стать наше внутреннее развитие ‹...› которым мы давно портим кровь себе и ближнему, но для которого мы все еще недостаточно приучились нести неудобства, тягости и жертвы. Пусть наши кошельки, наконец-то открывшиеся на дело общее, гражданское, на дело славян, не закроются и не оскудеют, когда придется жертвовать

на наши школы, когда придется вспомнить о горестном положении наших дорог, об эпидемии пожаров, о тысяче бед, все еще тяготеющих над Россией...»

Стр. 576. *Письмо к издателю.*— Очевидно, имеется в виду «Письмо к издателю» («Московские ведомости», 1876, № 254, 6 октября), подпись: С. Б., в котором рассказывается о сборе средств для славян, произведенном по собственной инициативе крестьянами Липовской волости Елецкого уезда Воронежской губернии, после того как автор письма рассказал им «о зверствах турок над христианами».

Стр. 576. *Еще о Константинополе. «Новое время» от 3-го октября, № 215.*— Имеется в виду следующее место в статье «Накануне разрешения восточного вопроса»: «Для успокоения торговых интересов Англии и Франции Константинополь с своим округом мог бы образовать нейтральный город, с правами, выработанными на конференции великих держав. Укрепления Дарданелл должны быть разрушены или заняты смешанным гарнизоном держав, подписавших Парижский трактат, за исключением Турции».

Стр. 576. *Опять Константинополь ∽ должен быть наш и больше ничей...*— См. главу «Самые подходящие в настоящее время мысли» в мартовском «Дневнике писателя», 1877 г. (XII, 71—76).

Стр. 576. ... *Игнатьев...*— Николай Павлович Игнатьев (1832—1908), граф, государственный деятель и дипломат, в 1864—1877 гг. русский посол в Турции, один из вдохновителей и организаторов русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Стр. 576. ... (*Поццо ди Борго*) *∽ Смотри статью Соловьева «Восточный вопрос».*— Карл Андрей Поццо ди Борго (1764—1842), граф, русский дипломат; о статье С. М. Соловьева «Восточный вопрос» говорится в рецензии Дельта-Ми («Новое время», 1876, № 246, 3 ноября) на «Древнюю и новую Россию», 1876, №№ 1—10, где она была напечатана. В ней приведен разговор Николая I с Поццо ди Борго в тот момент, когда русские войска уже заняли Адрианополь: «Ввиду такого положения дел Николай Павлович велел спросить Поццо ди Борго, *что делать, если упорство султана заставит овладеть Константинополем?* (курсив рецензента.— *И. С.*). Поццо отвечал, что все зависит от обстоятельств взятия этого города: если султан в порядке отступит в Азию, то с ним можно договариваться, предложить ему мирные условия, и, если согласится, восстановить его в Константинополе. Если же он погибнет и турецкая империя разрушится, тогда: принявши военное положение, самое способное заставить уважать русскую политику, император может пригласить главные государства Европы, под его председательством, распорядиться некоторым образом судьбою страны, которую его величество освободил своим оружием и которую желает возвратить цивилизации и правительству благоустроенному; при этом Россия должна получить Константинополь, оба берега Босфора, Дарданеллы и остров Тенедос. Константинополь можно сделать вольной гаванью; город получит самоуправление; но в нем будет русский гарнизон, который будет давать России, так сказать, молчаливое влияние. Слабому государю отдать Константинополь нельзя, потому что тут будет постоянно борьба между русским и английским влиянием».

Стр. 576. *Сейчас после того вторая статья ∽ название без тела.*— См. главу «Примирительная мечта вне науки» в январском «Дневнике писателя», 1877 г. (XI, 18—20).

Стр. 577.— *Аполлон Григорьев.*— См. стр. 642, 644.

Стр. 577. *О Струсберге.* См. стр. 641.

Стр. 577. *И известие прослушали мухи...*— «Новое время», 1876, № 224, 12 октября, перепечатало из газеты «Биржа» следующую заметку:

«Почуяли мухи
Медовые духи.

Нам сообщают, что в настоящем году в институт инженеров путей поступило 60 воспитанников из раввинских училищ! ‹...› То ли будет дело, когда не только подрядчики, но даже и инженеры будут из наших; начальники отделений из наших ‹...› словом, везде мы и наши».

Стр. 577. *«Новое время», № 226 — четверг. ∽ она вам задаст бессилие!* — Заметка в «Новом времени», 1876, № 226, 14 октября, в отделе «Среди газет и журналов»: «Предложение английскому послу при русском дворе отправиться в Ливадию не есть ли знак полного бессилия Англии на европейском континенте, бессилия тем более чувствительного, что о континентальном могуществе Англии иронически относится даже сам Бисмарк, заметивший, по словам газеты „Daily News“, что Англия не принимается в соображение европейскими политиками».

Стр. 577. *«Московские ведомости», четверг, № 262. Струсберг о банкирах ∽ страдать.*— См. выше.

Стр. 577. *Тут статья «Голоса», 7 октября, Лароша...*— См. стр. 650.

Стр. 578. *«Московские ведомости», № 263, 14 октября. ∽ Великолепное сравнение».*— Имеется в виду передовая статья, в которой сообщается о рабочем конгрессе в Париже 2—10 октября 1876 г., первом конгрессе, собравшемся после подавления Парижской Коммуны и обсуждавшем преимущественно экономические проблемы рабочего движения. Передовая «Московских ведомостей» проводит «параллель» между этим «возрож-

дением активного социализма во Франции» и «баши-бузуками, свирепствующими в христианских провинциях Турции». Социалисты на конгрессе отсутствовали, в принятых решениях отрицалась политическая борьба; конгресс высказался против социализма, за экономическую борьбу.

Стр. 578. *«Московск⟨ие⟩ ведомости». Тот же № о красном кресте ...*— Сообщение от Главного управления общества попечения о больных и раненых воинах перепечатано из «С.-Петербургских ведомостей» «Московскими ведомостями», 1876, № 263, 15 октября: «Главное управление ввиду нападок на Токарева пригласило профессоров Корженевского, Склифосовского и Богдановского и просило их высказать по этому предмету свое откровенное мнение». Мнения профессоров разошлись: Склифосовский согласился с мнением князя Мещерского, другие два нашли только частные недостатки в постановке дела, но все указали, что «только лицо компетентное в деле санитарной помощи может устранить неустройства, происходящие от непонимания дела...»

Стр. 578. *О продаже женщин и детей в Константинополе.*— Передовая «Московских ведомостей», 1876, № 267, 19 октября, утверждала: «Англия, захватившая в свои руки морскую полицию под предлогом преследования торговли невольниками, покровительствует в Турции гнусной продаже христианских женщин и детей».

Стр. 578. *Лофтусы дозволили...*— Сообщение из венской «Fremdenblatt» перепечатано в «Московских ведомостях», 1876, № 263, 14 октября, о том, что лорд Лофтус, английский посол в России, едет в Ливадию, чтобы «осветить политическое положение, представить русскому правительству те пункты, до которых не дозволит коснуться Англия».

Стр. 578. *...студенты в Пеште в честь Турции.*— Сообщение в «Московских ведомостях», 1876, № 262, 14 октября: «Пешт. 25/13 октября. Полиция нашлась вынужденною запретить факельное шествие, которое собирались совершить мадьярские студенты в честь Турции». К этому сообщению редакция «Московских ведомостей» сделала примечание: «Хороши студенты!»

Стр. 578. *«Новое время». Суббота, 16 октября, № 228. Тосты Кетчера.*— Имеется в виду следующее место в «Московском фельетоне» «Нового времени», 1876, № 228, 16 октября, об обеде памяти Грановского: «... Встает г. Барсов и предлагает выпить: — За молодежь нашего времени! В ответ на это г. Кетчер торжественно объявил, что „за гниль“ он пить не станет».

Стр. 578. *Стушеваться.*— О происхождении этого слова и о первом его появлении в литературе см. главу «История глагола „стушеваться“» в ноябрьском «Дневнике писателя», 1877 г. (XII, 297—300).

Стр. 578. *Треугольная ранка.*— Слова Лауры в «Каменном госте» (сцена II) Пушкина:

И кровь нейдет из треугольной ранки...

Стр. 578. *Замер на шпаге, как стрекоза, но был строг.*— Перефразированные слова Дона Гуана из «Каменного гостя» (сцена III):

Наткнулся мне на шпагу он и замер,
Как на булавке стрекоза,— а был
Он горд и смел...

Стр. 578. *«Биржевые ⟨ведомости⟩» от субботы 16 ∽ О вреде величия Константинополя и пр.*— В «Новом времени», 1876, № 229, 17 октября, пересказана статья из «Биржевых ведомостей», в которой утверждалось, что после победы над Турцией Константинополь должен быть отдан славянам.

Стр. 578. *Никогда [действительность] ∽ как-то потом долго думается.* —См. «Два самоубийства» в октябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 422—425).

Стр. 578. *Кто будут наши лучшие люди? ∽е рвонных валетов и христианская.*— См. «О том же» в октябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 436—441).

Стр. 579. *Стелловский...*— См. стр. 645.

Стр. 579. *Англия на этот раз драться не будет ∽ она этот раз не будет.*— По-видимому, эта запись должна была войти в октябрьский «Дневник писателя», 1876 г.

Стр. 579. *«Новое время» ∽ (Полянский).*— Имеются в виду «Воскресные беседы» Русского (псевдоним романистки и журналистки С. И. Смирновой) в «Новом времени», 1876, № 229, 17 октября, в которых говорилось об одном из героев процесса Струсберга: «Образец такого болезненно-развитого человека представляет для меня один из героев банкового процесса, бывший директор лопнувшего банка — Полянский».

Стр. 579. *Что командор велик ∽ отразить храбростью.*— Попытка истолкования психологии Дона Гуана («Каменный гость» Пушкина).

Стр. 579. *Струсберг все-таки лучше Овсянникова ∽ испорченный народ.*— Этого сопоставления нет в октябрьском «Дневнике писателя», 1876 г., хотя в нем упоминаются обе эти фамилии. Об Овсянникове см. стр. 481, 483 и др.

Стр. 580. *Не проходило 25 лет ∽ хранить честь и совесть.*— См. главу «Лучшие люди» в октябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 433—436).

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» (АЛЕША)

Рисунок (тушь, перо) Б. Ф. Рыбченкова, 1932

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

Стр. 580. *Душа восстала против прямолинейности явлений.*— См. главу «Два самоубийства» в октябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 424).

Стр. 580. *Как бы явиться исполнительницей приказаний Европы...* — Имеется в виду следующая заметка в «Новом времени», 1876, № 232, 20 октября: «Теперь несколько странно и смешно читать ядовитые фразы „Pester Lloyd'a", направленные против России. Он замечает, что Россия двинется нескоро, что она явится не иначе, как в качестве „исполнительницы" решений Европы...»

Стр. 580. *Хоть и с Владимиром ∽ Овсянников вышвыривающий...*— См. главу «О том же» октябрьского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 438).

Стр. 580. *Или по прямолинейности ∽ душа потребовала более сложного.*— См. главу «Два самоубийства» в октябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 424).

Стр. 580. «*Голос*», *20, среда. Статья Жемчужникова.*— Статья Алексея Жемчужникова «Русское общественное движение (Письмо к редактору)» напечатана в «Голосе», 1876, № 290, 20 октября. Автор считает, что патриотический подъем настроения в русском обществе в связи с защитой балканских славян является случайной вспышкой и что в целом уровень общественного сознания много ниже, чем в начале 1860-х годов. Основную задачу общества Жемчужников представляет себе следующим образом: «...Возбуждение и укрепление народного сознания — вот в чем заключается главная задача нашего времени ⟨...⟩. Чем строже будем мы относиться к собственной личной и гражданской чистоте, тем существеннее окажется наша помощь славянам и тем достойнее окажемся мы нашего исторического призвания».

Стр. 580. *О русских, павших в сражении при Кревете.*— «Новое время», 1876, № 202, 20 сентября, сообщало: «Делиград 18(30) сентября. Кревет 17-го сентября. Вчера тимокско-моравская армия перешла в наступление и атаковала турок одновременно на всех главных пунктах⟨...⟩. Бой длился весь день с 6 часов утра до 6 вечера. Движение началось со стороны Дьюниша и Креветской высоты, занятой ночью нашими войсками. Здесь командовал непосредственно сам генерал Черняев ⟨...⟩ Кревет, у которого бой был особенно жесток и где сосредоточились главные силы неприятеля, занят нами и укрепляется ⟨...⟩ В этом кровавом бою русские офицеры подавали пример

своею неустрашимостью и храбростью, вследствие чего потери в офицерах особенно значительны. Убиты: капитаны Палибин, Соколов, Салов, Левашов и Маен; поручики: Панкратов, Костин и Срезневский».

Стр. 580. *«Московск‹ие› ведом‹ости›», среда, № 268, среда, финал передовой статьи.*— Передовая «Московских ведомостей», 1876, № 268, 20 октября, писала о русском ультиматуме Турции, предлагающем в двухдневный срок приостановить военные действия и принять условия перемирия: «Пора решающих событий приближается. Русская земля готова на дело судеб божиих...»

Стр. 581. *Отчаянное положение Черняева — интриги. ∽ Реакция у нас.*— См. главы «Новый фазис Восточного вопроса» и «Черняев» октябрьского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 427—433).

Стр. 581. *«Новое время», № 234, 22 октября. «Биржевые ведомости», 21 октября.*— В обзоре «Нового времени», 1876, № 234, 22 октября, «Среди газет и журналов» было высказано возражение против статьи В. А. Полетики в «Биржевых ведомостях», 1876, 291, 21 октября: «г. Полетика уверяет, что „под диктовку Черняева писались фельетоны[1], в которых сообщалось, что „сербские солдаты отъявленные трусы, что они прячутся в кусты и сами себе отстреливают пальцы левой руки, чтобы избегнуть сражения и перечислиться в лазареты"».

Стр. 581. *В «Русском мире» защищают‹ся› сербы и артиллерия ∽ Черняев клеветал на серб‹ов›.*— В том же обзоре (см. предыдущее примечание) «Новое время» указывало, что «Русский мир» отрицает бунт сербской артиллерии и части пехоты — событие, горячо комментируемое московскими газетами.

Сообщение об отказе сербской артиллерии повиноваться Черняеву во время решающего сражения сербо-турецкой войны было помещено во всех русских газетах. Так, «Московские ведомости», 1876, № 267, 19 октября, напечатали телеграмму своего белградского корреспондента: «Землин, 30(18) октября. Роковое свершилось: Дюнишские высоты вчера утром взяты турками, которые сосредоточили здесь огромные силы. Сербская артиллерия отказалась драться и очистила Дюнишские высоты, вообще отказывая в повиновении, несмотря на увещания Черняева, против которого собственно она восстала. Турки атаковали Дюниш, и лишь одни русские защищали эту позицию, за это половина их и легла там». Вскоре это известие было опровергнуто, и тот же белградский корреспондент сообщал («Московские ведомости», 1876, № 271, 24 октября); «Землин 4 ноября (23 октября). Известия о мятеже сербской артиллерии против Черняева оказываются много преувеличенными, они вышли главным образом из английских источников».

Стр. 581. *...о дуэли не писали...*— В русской печати появились слухи, позднее оказавшиеся ложными, о том, что Черняев вызвал на дуэль сербского военного министра. О причинах конфликта между ними сообщали «Московские ведомости» (1876, № 270, 22 октября), излагая телеграмму белградского корреспондента «Times»: «После провозглашения в Делиграде князя Милана королем сербским, военный министр Николич отправился в лагерь со специальной миссией ‹...› Что делал военный министр в лагере, неизвестно, но достоверно, что по возвращении в Белград г. Николич представил князю доклад о том, „что он видел и слышал в лагере", а князь препроводил копию этого доклада Черняеву, который в ответ потребовал увольнения министра».

Стр. 581. *Не гений...*— В том же обзоре (см. предыдущее примечание) «Новое время» писало о Черняеве: «В последнее время Черняев, быть может, совершил немало ошибок, но на его месте не растерялся бы разве гениальный человек. А Черняев, конечно, не гений: это храбрый боевой генерал, сделавший много с ничтожными средствами».

Стр. 581. *Вместо того, чтоб усилить ∽ не высылали русских, а к Новоселову.*— Генерал-майор С. К. Новоселов (1812—1877) принимал участие в сербо-турецкой войне в качестве командующего одной из трех армий, на которые были разделены сербские войска.

Стр. 582. *Карцов...*— А. Н. Карцов, русский консул в Белграде.

Стр. 582. *Министр Николич* — сербский военный министр.

Стр. 583. *«Новое время», № 235. Суббота, 23 октября. Выписки из всех газет за Черняева.*— «Новое время», 1876, № 235, 23 октября, приводит высказывания в защиту Черняева следующих газет: «С.-Петербургские ведомости», «Петербургская газета», «Сын отечества», «Биржа»,— все они возражают «Биржевым ведомостям» и статьям Полетики в них.

Стр. 583. *Порядок...*— План октябрьского «Дневника писателя»,1876 г., не вошла в него тема Жемчужников и школы.

Стр. 583. *№3. Лучшие люди ∽ лучшие люди определились.*— См. «О том же» в октябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 436—441).

Стр. 583. *Но Гарибальди не сам начал, а пошел по инициативе Кавура...*— Мнение Достоевского совпадает здесь с буржуазно-либеральной точкой врения на зависимость деятельности Гарибальди от инициативы Кавура. На самом деле Гарибальди поддерживал Кавура только потому, что считал Пьемонтское королевство и его премьер-министра Кавура реальной силой, вокруг которой быстрейшим образом могло произойти объединение Италии.

Стр. 583. *Когда Гамбетта к Тьеру ∽ чем инициатива в воздушном шаре.*— Гамбетта, министр внутренних дел в правительстве народной обороны, созданном в ночь на 4 сентября 1870 г. после свержения Наполеона III, вылетел 6 сентября на воздушном шаре из осажденного немцами Парижа для организации сопротивления немцам; вновь созданные им французские армии четыре месяца выдерживали натиск превосходящего численностью и боевой подготовкой противника. В политической биографии Гамбетты этот период является наиболее яркой страницей. См. «Дневник писателя», 1877 г. (XII, 234 и 272). Однако Достоевский считает, что поддержка Гамбеттой его недавнего противника Тьера в Национальном собрании в 1871—1873 гг. против монархического большинства собрания была проявлением еще большей политической прозорливости.

Стр. 584. *«Петербургская газета», № 208. Пятница, 22 октябр‹я› великолепно ответила «Биржевым ‹ведомостям›».*— См. «Новый фазис восточного вопроса» октябрьского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 429).

Стр. 584. *Конференция.*— Имеется в виду международная конференция участников Парижского трактата 1856 г. для обсуждения положения на Балканах. Идею этой конференции выдвинули Александр II и Горчаков во время переговоров в Ливадии с английским послом Лофтусом в конце октября 1876 г. Тогда сообщения о плане созыва этой конференции проникли в печать. Конференция открылась в Константинополе 11 декабря 1876 г., соглашение, почти достигнутое на ней, было сорвано англо-турецкими интригами.

Стр. 584. *О сербах и интригах великолепная статья.*— Передовая статья «Московских ведомостей», 1876, № 270, 22 октября, утверждала, что причиной раздоров между сербским правительством и генералом Черняевым были интриги английского консула в Белграде Уайта.

Стр. 584. *Прав мой художник ∽ всякое воображение.*— См. «Два самоубийства» в октябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 423).

Стр. 586. *Ответ «Биржевым ‹ведомостям›».*— В отделе «Среди газет и журналов» «Новое время», 1876, № 236, 24 октября, отвечает на статью Полетики в «Биржевых ведомостях», в которой он требует от сербских правителей отчета: «Где наши добровольцы? Кто будет отвечать за них перед Россиею? Давайте нам виновных!»

Стр. 588. ... *«Дети»...*— В марте 1878 г. Достоевский писал: «замыслил и скоро начну большой роман, в котором будут много участвовать дети» («Письма», IV, стр. 6). Но, по-видимому, замысел этот появился у него гораздо раньше.

Стр. 588. *О статье С. Соловьева по восточн‹ому› вопросу...*— См. стр. 651.

Стр. 588. *Анна Петровна Борейша.*— См. стр. 661.

Стр. 588. *Адвокат Корниловой ∽ черпальщик, лет 30.*— См. стр. 648—649.

Стр. 588. *1-е ноября — Коля.*— Имеется в виду письмо, которое Достоевский отправил 1 ноября 1876 г. брату Николаю Михайловичу Достоевскому в ответ на поздравление с днем рождения, полученное от него 28 октября 1876 г. (см. «Письма», т. III, стр. 248—249 и 373).

Стр. 588. *Корнилова—Фукс.*— См. выше.

Стр. 588. *У нотариуса с Соковнин‹ым›.*— Николай Михайлович Соковнин был связан с Достоевским деловыми отношениями по взысканию с наследников издателя Стелловского денег, неуплаченных последним Достоевскому. Соковнин упоминается в неопубликованном письме адвоката В. И. Губина, поверенного Достоевского, 13 мая 1874 г. (ИРЛИ, ф. 100, № 29685). Данная запись связана с письмом Соковнина, в котором он предлагал Достоевскому встретиться у нотариуса. Письмо помечено 1/13 ноября, год не указан, но очевидно 1876 г., а не 1873 г., как указано в «Бюллетенях рукописного отдела Пушкинского Дома», вып. VII. М.— Л., 1957, стр. 118 и повторено в «Описании рукописей Ф. М. Достоевского».

Стр. 588. *2-е ноября — Быков.*— По-видимому, это пометка о получении письма историка литературы П. В. Быкова 30 сентября 1876 г. из Екатеринослава (ИРЛИ, ф. 100, № 29655. ССХI, б. 3), в котором напоминалось об автобиографии, обещанной Достоевским Быкову. По сообщению П. В. Быкова, которое, однако, не имеет других подтверждений, в конце января — начале февраля 1877 г. Достоевский посетил его: «Он просидел у меня долго, рассказывал поспешно с отступлениями, волнуясь при воспоминаниях о страданиях, перенесенных в Сибири, и в столице, и в семейной жизни. Я едва успевал записывать» (П. В. Быков. «Силуэты далекого прошлого». М.— Л., 1930, стр. 56).

Стр. 588. *Ответ анониму.*— Возможно, что Достоевский имел в виду ответить в ближайшем (ноябрьском) номере «Дневника писателя» на анонимное письмо, помеченное «Петербург, 30 октября 1876 г.» (ИРЛИ, ф. 100, № 29949 ССХI б. 15), в котором содержится отзыв о сентябрьском «Дневнике писателя». Письмо это, написанное неизвестной читательницей, характерно для настроений русской молодежи 1870-х годов. «Наш удел, видно — смиренномудрие. Отложив в сторону гордость и нарушая данное слово, я опять надоедаю вам ‹...› Ну, можно ли вам не сказать: о уста сладкоглаголивые и медоточивые! Хотя бы и по поводу вашего последнего „Дневника“. Нет, меня то удивляет, что, говоря высоким слогом, пройдя жизни довольно суровую школу,

вы остались таким „мягкоречивым". (Я вполне уверена, что это не осуществление пословицы: мягко стелет.) Любовь к отечеству — дело хорошее, но у вас, у вас, она доходит до слепого обожания. Меры — хорошие при Иоанне, теперь не только не годятся, просто немыслимы: сами же говорите, что нас окружает целая стая волков. Ваш взгляд на силы России — изумителен: он поражает своею уверенностью, и как нечто смелое может заставить поверить вам на слово. И откуда только у вас такая твердость и любвеобильность? Не вами я интересуюсь, а процессом мысли, приходящей к такому выводу; и не желаю знать (не имею права на это) тайн *вашей* жизни, а хочу выискать *истину* общечеловеческой жизни. Вот была я на лекции Градовского об идеалах нашего общества. Пошла потому, что вопрос такой важный, самый существенный, был и будет, пока земля и с ней люди будут существовать. ⟨...⟩ „Что-то" говорит одно, жизнь и быт — обстоятельства — говорят другое. Или так: „Исполняй только честно те обязанности, которые налагает на тебя жизнь".

Да разве жизнь налагает на нас обязанности, а не опять те же обстоятельства? Неужто древняя „истина" с веками все более и более закутывается в свои покровы, и никто не в силах увидать ее соответственно и прекрасно? Сумбур, сумбур! Да иначе и быть не может. Желала бы я увидеть хоть одну голову, удостоенную откровения» (ИРЛИ, ф. 100, 29949, ССХІ. б. 15).

Стр. 589. *...после высочайших слов в Кремле ...* — Александр II произнес в Кремлевском дворце 29 октября 1876 г. речь (о ней Достоевский упоминает в февральском «Дневнике писателя», 1877 г.— XII, 51), в которой объявил о твердом решении России вести войну: «Вам уже известно, что Турция покорилась моим требованиям о немедленном заключении перемирия, чтобы положить конец бесполезной резне в Сербии и Черногории. Черногорцы показали себя в этой неравной борьбе, как всегда, истинными героями. К сожалению, нельзя того же сказать про сербов, несмотря на присутствие в их рядах наших добровольцев, из коих многие поплатились кровью за славянское дело ⟨...⟩ На днях должны начаться совещания в Константинополе между представителями шести великих держав, для определения мирных условий. Желаю весьма, чтобы мы могли прийти к общему соглашению. Если же оно не состоится,— и я увижу, что мы не добьемся таких гарантий, которые обеспечивали бы исполнение того, что мы вправе требовать от Порты, то я имею твердое намерение действовать самостоятельно и уверен, что, в таком случае, вся Россия отзовется на мой призыв, когда я сочту это нужным и честь России того потребует. Я уверен также, что Москва, как всегда, подаст в том пример. Да поможет нам бог исполнить наше святое призвание» («Правительственный вестник», 1876, 30 октября).

Стр. 589. ...трактаты *∽ имеют, напротив, страшную живучесть.*— Неосуществленная программа ноябрьского «Дневника писателя», 1876 г.; Достоевский поместил в нем свою повесть «Кроткая».

Стр. 589. *Четверг, 4-го ноября, № 217, «Новое время»: Младенческая статья о восточном вопросе.*— Статья в «Новом времени», 1876, № 247, 4 ноября, «Несколько мыслей по разрешению восточного вопроса». Автор предлагает, чтобы Константинополь был передан Болгарии, так как не считает обладание проливами вопросом общеевропейского значения.

Стр. 589. *Владение Константинополем решено ∽ разрешения всего восточ⟨ного⟩ вопр⟨оса⟩ и т. д.*— См. главу «Самые подходящие в настоящее время мысли» мартовского «Дневника писателя», 1877 г. (XII, 71—76).

Стр. 590. *Лови Петра до утра.*— Эту пословицу см. в последней главе декабрьского «Дневника писателя», 1876 г. «Словечко об „ободнявшем Петре"» (XI, 502—504).

Стр. 590. *Русский характер ∽ разве не Пугачев.*— Для подтверждения своей мысли о том, что в русском характере сильнее всего проявляется стремление перейти за предел как в добре, так и в зле,—Достоевский упоминает Фотия, П. Зубова и Пугачева.

Фотий (Петр Никитич Спасский) (1792—1838), архимандрит, выдвинувшийся благодаря поддержке Аракчеева и графини А. А. Орловой-Чесменской в последние годы царствования Александра I, вдохновитель ряда реакционных правительственных мероприятий. Фотий соединял с показным благочестием и аскетизмом (он носил на теле вериги) ловкость в придворно-политических интригах и умело использовал свое влияние на религиозно настроенных женщин петербургского высшего общества. При жизни Фотия распространялась легенда о его «праведности», «святости». Сведения о жизни и деятельности Фотия Достоевский мог почерпнуть из первых публикаций о нем, появившихся в журналах 1875—1876 гг. (Е. К а р н о в и ч. Архимандрит Фотий, настоятель новгородского Юрьева монастыря.— «Русская старина», 1876, №№ 7 и 8; И. М о р о ш к и н. Архимандрит Фотий.— «Русская старина», 1875, № 10).

Платон Александрович Зубов (1767—1822), фаворит Екатерины II, получил в 1789 г. звание графа, после смерти Потемкина назначен генерал-фельдцейхмейстером, новороссийским генерал-губернатором и начальником Черноморского флота. При Павле I Зубов был в опале, имения его были конфискованы в казну, а сам Зубов выслан за границу, но в 1800 г. возвращен; принял деятельное участие в заговоре

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» (СМЕРДЯКОВ)

Рисунок (тушь, перо) Б. Ф. Рыбченкова, 1932
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

против Павла. Первая в русской печати подробная биография Зубова появилась в «Русской старине» (1876, №№ 8, 9, 11, 12).

Стр. 590. *Уже банкиры предложили ∽ для займа денег России.*— Сообщение в «Новом времени», 1876, № 249, 6 ноября, в отделе «Среди газет и журналов»: «С.-П‹етербургские ведомости›» говорят: «Россия не может рассчитывать на помощь деньгами извне. Новейшие предложения о внешнем займе, сделанные заграничными капиталистами, были отвергнуты министром финансов, как несогласные с достоинством кредита такой державы, как Россия».

Стр. 590. *Роман ∽ «Мечтатель» ∽ (одна из болезней века).* — Наброски неосуществленного романа.

Стр. 590. *‹Как сон женщины в «Пугачевцах»› ...*— Имеется в виду роман Е. А. Салиаса «Пугачевцы» (1874).

Стр. 591. *Скобелев, наказующий кнутом.*— Имеется в виду эпизод из воспоминаний полковника А. К. Граббе о бунте военных поселян в 1831 г. Приводится в «Новом времени», 1876, № 249, 6 ноября, в отделе «Среди газет и журналов» по публикации в журнале «Русская старина», кн. XI, 1876, стр. 513—536, где рассказано, как И. Н. Скобелев, «инвалид, писатель», руководил наказанием преступников 1-го разряда, осужденных к кнуту.

Стр. 591. *О Корниловой.*— См. стр. 637, 648—649.

Стр. 591. *О Мещерском и его очерках.*— Имеются в виду корреспонденции В. П. Мещерского, печатавшиеся в его журнале «Гражданин» и позднее изданные под названием „Правда“ о Сербии. Письма». СПб., 1877.

Стр. 591. *Семенов* — Николай Петрович Семенов (1823— 1904) принимал деятельное участие в разработке «крестьянской реформы» 1861 г., член редакционных комиссий, служил в министерстве юстиции, с 1868 г.— сенатор; занимался также ботаникой. Достоевский поэтому и хотел обратиться к нему за справкой по лесному делу.

Стр. 592. *Война, Прудон, человечество ∽ в войне, в мире жестокость.*— См. главы «Не всегда война бич, иногда и спасение» и «Спасает ли пролитая кровь» апрельского «Дневника писателя», 1877 г. (XII, 100—105).

Прудон здесь упоминается как автор трактата «Война и мир. Исследование о принципе и содержании международного права» (1861), вышедшего в русском переводе в 1864 г.; фраза: «человечество не желает больше войны» — последние слова этой книги. Взгляды Прудона на войну, ее причины и значение очень противоречивы, что было отмечено автором первой большой статьи о книге Прудона в русской журналистике де Молинари («Русский вестник», 1861). Большая работа о Прудоне П. Д. Боборыкина «П. Ж. Прудон» печаталась в «Вестнике Европы» (1875, №№ 3, 5, 7—12). Об этой книге Прудона и откликах на нее в русской печати см.: Б. Э й х е н б а у м. Лев Толстой. Книга вторая. Л.— М., 1931, стр. 284—317.

Стр. 592. *Спиритизм ∽ это маленькие техники и ремесленники.*— Эти записи не были использованы. В «Дневнике писателя» к теме спиритизма Достоевский более не возвращался.

Стр. 592. *...Менделеев ...*— О Д. И. Менделееве в связи с его участием в комиссии по расследованию природы спиритизма Достоевский говорит в «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 177—178, 272, 275—278).

Стр. 592. *...Гумбольдт ...*— Очевидно, имеется в виду Александр фон Гумбольдт (1769—1859), выдающийся немецкий географ и естествоиспытатель, основоположник научного страноведения; для его деятельности как ученого характерен широкий охват материала и уменье его синтезировать.

Стр. 592. *Мак-Ивер.* О брошюре Мак-Ивера Достоевский мог прочесть в «Новом времени» № (255 12 ноября 1876 г.), где в отделе «Среди газет и журналов» сообщалось: «... Вот что пишет *англичанин* (курсив редакции «Нового времени».— *И. С.*), полковник Мак-Ивер, в брошюре своей, посвященной Гладстону: „О генерале Черняеве, главнокомандующем сербской армией, скажу, что одно присутствие этого человека внушает почтение и восторженное чувство (admiration) всем его окружающим. Тем, кто знает его, я не имею нужды объяснять, что он храбрый офицер, искренний христианин и друг верный; но не знающим его скажу, что не знаю, кто бы в наше время был личною храбростью и благородством геройства выше этого славного, преданного борца за сербское дело“».

Мак-Ивер — английский полковник, добровольно вступивший в сербскую армию во время сербо-турецкой войны. Сначала он командовал кавалерийским эскадроном, а затем был назначен начальником всей сербской кавалерии.

Стр. 592. *Наши туркофильские газеты ∽ то, конечно, они дали маху.*— В «туркофильстве» Достоевский подозревал «Голос» и «Биржевые ведомости», выступавшие за мирное, по возможности, разрешение балканского кризиса и предостерегавшие от войны.

Стр. 594—597. *Рассказик ∽ но занят был этим вздором, а теперь.*— Эти записи являются первоначальными набросками к повести «Кроткая», напечатанной в ноябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 443—475).

Стр. 596. *Я есмь зло, которое творит добро.*— Перефразированные слова Мефистофеля из «Фауста» Гете; в тексте повести «Кроткая» их приводит рассказчик: «Я — я есмь часть той части целого, которая хочет делать зло, а творит добро».

Стр. 597. *«Новое время» о французском языке, № 254. Четверг, 11 ноября.*— «Новым временем», 1876, № 254, 11 ноября, из «Русского архива» (октябрь, 1876) перепечатана заметка П. И. Бартенева об употреблении французского языка для деловой переписки в русских министерствах при Александре I.

Стр. 598. *«Новое время» от 12 и 13 и «Русск⟨ий⟩ мир»— о Черняеве.*— «Новое время», 1876, № 255, 12 ноября, перепечатало из «Русского мира» письмо русского добровольца, служившего в сербской армии, в котором опровергаются сообщения «Голоса» о самодурстве Черняева: «В вчерашнем нумере газета „Голос“ нашла возможным напечатать заявление, будто бы от подполковника Шрейдера, Унковского и Лаврентьева, что их главнокомандующий не отпускал в Россию, а на изъявленное ими несогласие оставаться в Сербии запретил им выдавать из Парочина подводы, так что они 180 верст шли пешком и несли на себе вещи».

Стр. 598. *Во всяком случае ни г. Полетика ∽ при его богатстве освободил Сербию!*— См. стр. 654.

Стр. 598. *«Москов⟨ские ведомости⟩», 12-го. ∽ Об англичанах, которые захватят Константинополь и станут совращать славян.* — В передовой «Московских ведомостей», 1876, № 290, 12 ноября, говорится о протестантских миссионерах из Англии, которые внушают разоренным и обездоленным болгарам, что причиной их бед является их принадлежность к православию, а не к протестантизму.

Стр. 598. *«Новое время», 14 ноября, № 257. О свободе проливов ∽ чем они обеспечены?*— В передовой статье «Нового времени», 1876, № 257, 14 ноября, говорится: «Нам нужен свободный, обеспеченный морской путь на юге, который ни одна держава в мире не могла бы закрыть нам ни в мирное, ни в военное время: словом нам нужна свобода Босфора».

Стр. 598. *Memento, memento ∽ О каперстве...* — В «Новом времени», 1876, № 257, 14 ноября, приводится высказывание «Русского мира» в пользу каперства (т. е. захвата торговых судов противника), если Англия не признает «принцип полной неприкосновенности частной собственности во время войны».

Стр. 598. *...о [взимании] двойной гильдейской пошлины...*— По-видимому, Достоевский имеет в виду сообщение в «Городской хронике», в «Новом времени», 1876, № 257, 14 ноября, о решении комиссии при Петербургской купеческой управе «установить на один год, на случай войны, дополнительный сбор с здешних купцов, именно по 265 руб. с первой гильдии, по 30 руб. со второй гильдии».

Стр. 598. *Крейсерство...* — В «Новом времени», 1876, № 257, 14 ноября, приводится заметка из «Кронштадтского вестника», доказывающая законность крейсерства и незаконность, «несовременность» каперства, имеющего «характер организованного и патентованного морского разбоя».

Стр. 598. *А Франции лучше бы не к выставке готовиться...* — Имеются в виду сообщения об отказе Германии и ряда других европейских государств от участия во Всемирной парижской выставке 1878 г. («Новое время», 1876, № 258, 15 ноября).

Стр. 598. *В том же № «Нов⟨ое⟩ время» о воровстве в дворянском сословии и проч.*— В «Городской хронике» сообщается об арестах «шубников», воровавших верхнее платье из передних: «Замечательно, что в последние годы все чаще и чаще в среде вори-

шек стали попадаться субъекты из привилегированного сословия. В прошедшем году, например, были задержаны два генеральских сына, из коих отец одного служит предводителем дворянства в недалекой от Петербурга провинции, а отец другого занимает также довольно видный административный пост. В нынешнем же году выступил на сцену сын капитана, попавшийся на двадцатой краже».

Стр. 598. *История восточного вопроса ∽ Вам это претит.*—Эта запись представляет собой полемику со статей Л. Полонского («Вестник Европы», 1876, № 11), в которой обосновывалась государственно-историческая и материальная заинтересованность России в проливах и предлагалось следующее разрешение восточного вопроса: «Полное освобождение балканских христиан от власти Порты и обеспечение нам свободы выхода из Черного моря; ликвидация европейской Турции; образование федерации балканских государств. Ключ от Черного моря находился бы не в наших руках, но в руках наших друзей. Это было бы совершенно для нас достаточно». Достоевский первоначально ознакомился со статьей Л. Полонского по фельетону «Нового времени», 1876, № 259, 16 ноября, «Полемические письма».

Стр. 599. *«Новое время», 260 №, говорится именно о том ∽ пересилили материяльные.*— В передовой «Нового времени», 1876, № 260, 17 ноября, говорится: «... участь славянского населения играет главную роль в требованиях России, а материальные интересы, которые, несомненно, существуют, отходят перед этим. главным, на второй план».

Стр. 599. *Письмо Юркевича. ∽ в продолжении многих ⟨столетий⟩.*— Достоевский получил письмо М. А. Юркевича от 11 ноября 1876 г. из Кишинева, в котором сообщалось о самоубийстве 12—13-летнего гимназиста. С правкой и значительными вычерками Достоевский напечатал это письмо в январском «Дневнике писателя», 1877 г., в главе «Именинник» (XII, 34—36), сюда же вошли и остальные записи, связанные с этим письмом.

Стр. 600. ... *Приищите место.*— В период издания «Дневника писателя» Достоевский часто получал письма с просьбой помочь в приискании работы. Трудно определить, каких адресатов имеет в виду данная запись. В ИРЛИ хранятся письма Генриха Глинского из Петербурга 13 ноября 1876 г. (ф. 100, № 29677, ССХІ б. 3), Александра Ивановича Норманского (ф. 100, № 29793, ССХІ б. 8) от 13 и 25 ноября 1876 г. и др.

Стр. 600. *Глава первая. «Кроткая» ∽ Убила не себя, а меня.*— Оглавление повести «Кроткая», в окончательной его редакции нет последнего заглавия.

Стр. 600. *«Моск⟨овские⟩ вед⟨омости⟩», № 296. Книга об употреблении евреями христианской крови.*— Следующее объявление помещено в «Московских ведомостях», 1876, № 296, 18 ноября: «Книга об употреблении евреями христианской крови для религиозных целей. Автор ее, за поднесение его высочеству государю наследнику цесаревичу, удостоен высочайшей благодарности. Книга эта заключает в себе 150 фактов об истязании и умерщвлении христианских младенцев, излагает учение этого гнусного обряда и цель его».

Стр. 600. *«Новое время» ∽ Маркиз Солсбери, его поездка...*— Имеется в виду поездка маркиза Роберта Салисбюри или Сольсбери (Salisbury) (1830—1903), министра по делам Индии в кабинете Дизраэли (с 1874 г.) в качестве уполномоченного представителя Англии на конференцию великих держав в Константинополе, открывшуюся 11 декабря 1876 г. «Новое время», 1876, № 262, 19 ноября, в передовой пишет, что целью поездки Солсбери по европейским столицам является желание заставить европейские державы, особенно Австрию, поддержать антирусскую политику Англии в восточном вопросе.

Стр. 600. *...о каперстве.*— В передовой «Московских ведомостей», 1876, № 296, 18 ноября, говорится, что в случае войны с Англией из-за Турции России необходимо прибегнуть к каперству.

Стр. 600. *Там же письмо К. М. из Парижа...*— «Письмо к издателю» в «Московских ведомостях», 1876, № 296, 18 ноября, содержит обзор высказываний французской печати, обвинявшей Россию в завоевательных планах на Балканском полуострове.

Стр. 602. *«Новое время», № 263. Мнение Гладстона ∽ облагодетельствовала славян.*— В телеграмме из Лондона от 19 ноября в «Новом времени», 1876, № 263, 20 ноября, сообщается о речи Гладстона: «Гладстон полагает, что населяющие Турцию христиане предпочли бы помощь Англии помощи России».

Стр. 602. *Здесь важное ∽ отнимают у русских одежду.* — В «Новом времени», 1876, № 263, 20 ноября, приводится выдержка из корреспонденции Д. Гирса, напечатанной в «С.-Петербургских ведомостях», в которой говорится, что у русских добровольцев, уезжающих из Сербии на родину, требуют обратно военную форму, полученную ими при поступлении на службу в сербскую армию.

Дмитрий Константинович Гирс (1836—1886), писатель и журналист, сотрудник «Отечественных записок», за речь на похоронах Писарева выслан из Петербурга в 1868 г. В Сербию был послан специальным военным корреспондентом «С.-Петербургских ведомостей».

Стр. 602. *5 декабря. По поводу банкротства Баймакова ∽ вот я и банкрут».*— О банкротстве Баймакова было помещено следующее сообщение: «Вчера Ф. П. Баймаков объявил в коммерческом суде о несостоятельности „товарищества на вере

Ф. П. Баймаков и К°". Мы слышали, что пассив фирмы составляет 1 200 000 руб. Контора вчера была уже закрыта. С двух часов около конторы толпилась масса публики. Нам передавали, что в товариществе до 3000 вкладчиков по текущим счетам» («Биржевые ведомости», 1876, № 335, 4 декабря). Елисеев во «Внутреннем обозрении» «Отечественных записок» (1876, № XII) писал: «... так как у Ф. П. Баймакова все обороты были основаны на благородстве и никаких собственных капиталов не было, то крушение было неизбежно. Но г. Баймаков спокойно и светло смотрел в будущее, не верил возможности своего крушения. Ибо не допускал и мысли, чтобы правительство могло допустить рушиться его учреждение. Он смотрел на себя <...> не как на биржевого аферista, спекулянта и игрока, а как на благодетеля для людей с маленькими капиталами» (Г. З. Елисеев. Сочинения в двух томах, т. I. М., 1894, стр. 804).

Стр. 602. *«Новое время», 4-ое декабр<я>. Заурядный читатель ∽ Но да здравствует молодежь современная.*— «Новое время», 1876, № 277, 4 декабря, перепечатало из фельетона Заурядного читателя (А. М. Скабичевского) в «Биржевых ведомостях» характеристику Н. А. Демерта: «Это была <...> натура глубоко страстная, не теоретически только, но от всей души ненавидевшая все вековые неправды на Руси и, как все подобного рода русские натуры, несколько надломленная этими неправдами. Надломленность эта выражалась <...> наклонностью к кутежам, которые, учащаясь и удлиняясь с летами, перешли под конец его жизни мало-помалу в запой».

Николай Александрович Демерт (1835—1876), журналист и публицист демократического лагеря, один из ближайших сотрудников «Отечественных записок», с 1868 г. вел в этом журнале отдел «Внутренняя жизнь»; обзоры эти неоднократно вызывали цензурные репрессии против журнала.

Стр. 602. *...Шаповы...*— См. стр. 636.

Стр. 602. *...Курочкины.*— Василий Степанович Курочкин, поэт-сатирик и переводчик Беранже, Гюго, Барбье, создатель «Искры», лучшего русского сатирического журнала 1860-х годов. Его смерть была ускорена тяжелой борьбой с цензурой и, наконец, закрытием «Искры» в 1873 г., после которого он так и не смог по-настоящему оправиться. Как писал вскоре после его смерти П. Д. Боборыкин, после закрытия «Искры» «он выглядел совсем надломленным человеком. В нем осталась лишь тень того, что жило в нем в дни оны» («Из воспоминаний о пишущей братии».— «Биржевые ведомости», 1878, № 113).

Стр. 603. *6 декабря. У Лермонтова сказка о Калашникове ∽ Этого нет у Лермонтова, но это так.*— Имеется в виду статья Белинского «Стихотворения М. Лермонтова» (1841). По поводу приведенных Достоевским слов Грозного Белинский писал: «Какая жестокая ирония, какой ужасный сарказм! И мертвый содрогнулся бы от него в гробе!» (В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IV. М., Изд-во АН СССР. 1954, стр. 514).

Стр. 603. *О Пантелееве...*— В фельетоне В. П. Буренина («С.-Петербургские ведомости», 1876, № 336, 5 декабря) речь идет о процессе Колокольцевых, обвинявшихся в подделке векселей Н. Н. Пантелеева на сумму в 228 000 рублей. Отчет об этом деле, разбиравшемся 26—27 ноября 1876 г. в Петербургском окружном суде, печатался в газетах (см. «Биржевые ведомости», 1876, №№ 328—330, 27—29 ноября).

Николай Николаевич Пантелеев (1814—1874), штабс-ротмистр кавалергардского полка, оставивший по духовному завещанию более 900 000 рублей на выкуп крестьянских наделов временнообязанными крестьянами Порховского уезда Псковской губернии, его бывшими крепостными. Колокольцев и его жена управляли домами Пантелеева в Петербурге. Суд признал векселя фальшивыми, но оправдал подсудимых.

Стр. 603. *7 декаб<ря> «Московские ведомости» ∽ «Revue de deux Mondes».*—В фельетоне А. Ст.-Ф. (А. Стенбок-Фермор) «Отовсюду» в «Московских ведомостях», 1876, № 314, 6 декабря, имеется отклик на французский перевод «Что делать?» Чернышевского и на статью по поводу этого перевода в «Revue de deux Mondes». Роман оценивается отрицательно, и ему иногда дается очень странное толкование. Так, вопреки хронологии «дама в трауре», по мнению фельетониста,— это Польша после разгрома восстания 1863 г. См. М. П. Алексеев. Эмиль Золя и Н. Г. Чернышевский.—«Известия ОЛЯ АН СССР», 1940, № 2, стр. 93—96.

Стр. 604. *«Нов<ое> время», вторн<ик>, 7 декабр<я>, № 280. Уничтожьте у нас общину ∽ не смешно ведаться с общиной.* — Эта запись является откликом на статью П. Сок—ского (Соколовского) «Опыт с подворным владением в Великороссии и его результаты» в «Новом времени», 1876, № 280, 7 декабря. Автор пишет о появившихся у правительства намерениях заменить общинное землевладение подворным. Характеристика положения однодворцев, собственников земли в Тульской и Орловской губерниях, дается автором для доказательства опасности уничтожения сельской общины. Он заканчивает свою статью выводом: «Результаты личного владения в однодворческих селениях, находившихся в гораздо лучших условиях сравнительно с крестьянами, не оставляют ни малейшего сомнения в печальной участи крестьян в случае уничтожения общины. Противникам общины следует обратить особенное внимание на последствия этого первого значительного опыта с подворным владением в Великороссии». Автор статьи, заинтересовавшей Достоевского, — Павел Александрович Соколовский (1842 — ?), народник-экономист, исследователь истории и экономики русской

крестьянской общины. Позднее им был издан ряд исследований по русскому общинному землевладению: «Очерк истории сельской общины на севере России» (1877), «Экономический быт землевладельческого населения России и колонизация юго-восточных степей пред крепостным правом» (1878) и др.

Стр. 604. *О «Ревизоре», совсем не понятом Боборыкиным...* — Имеется в виду следующее суждение П. Д. Боборыкина о «Ревизоре», высказанное им в лекциях о русской драматургии: «„Горе от ума“ глубже и всестороннее захватывает жизнь нашего общества, чем „Ревизор“. Пороки, выставленные Гоголем, носят в себе несколько местный и временный характер. Стрелы „Ревизора“ несколько потупели для нас, между тем, как укоры, брошенные Грибоедовым своему обществу, сохраняют всю свою силу и для нашего. Действие в „Ревизоре“ менее реально и правдоподобно, более исключительно и вымышленно, чем действие в „Горе от ума“» («Новое время», 1876, № 281, 6 декабря).

Стр. 604. *...о Краевском, исключенном из Слав⟨янского⟩ благ⟨отворительного⟩ комитета...* — 7 декабря 1876 г. на заседании петербургского Славянского благотворительного комитета было внесено предложение исключить А. А. Краевского из состава комитета за его «антиславянскую деятельность» (имелось в виду высказывание Краевского и его газеты «Голос» в пользу мирного разрешения восточного вопроса). Исключен Краевский не был.

Стр. 604. *...Буренин — требует современных типов* ∽ (*Пантелеев*). — См. стр. 660.

Стр. 604. *А только что появившееся* ∽ *о ней ни слова.* — По поводу «Кроткой», напечатанной в ноябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. Достоевский сделал эту запись, видимо, еще до того, как мог прочитать в «Биржевых ведомостях», 1876, № 341, 10 декабря, очень сочувственный отзыв Заурядного читателя (А. М. Скабичевского) «Мысли по поводу текущей литературы. „Кроткая“, фантастический рассказ г. Достоевского». После подробного пересказа повести сказано: «Главное достоинство этой повести в психическом анализе, в той массе поразительных противоречий, какие раскрываются перед вами в натуре героя ее. Перед вами рисуется характер весьма оригинальный, эксцентрический в своем роде, но не лишенный правдоподобия. Девушка очерчена бледнее, характер ее выдается менее рельефно, и психические процессы ее мало выяснены».

Стр. 605. *Буренин, разбирая Григоровича и Потехина* ∽ *где множество народных сцен...* — Имеются в виду «Литературные очерки» В. Буренина («Новое время», 1876, № 283, 10 декабря), в которых после разбора романов Григоровича («Рыбаки» и «Переселенцы») и Потехина («Около денег») называются «талантливые работы» Слепцова, Левитова, Николая Успенского, Глеба Успенского и Решетникова, но «Записки из Мертвого дома» не упоминаются.

Стр. 605. *Анна П⟨етровна⟩ Борейша* — помощница смотрительницы женской тюрьмы в Петербурге. Достоевский с нею познакомился в связи с интересом к судьбе Корниловой (см. стр. 648—649). Об А. П. Борейше он упоминает в декабрьском «Дневнике писателя», 1876 г., в главе «Опять о простом, но мудреном деле» (XI, 480—481).

Стр. 605. *№ «Московск⟨ие⟩ ведомости», № 316* ∽ *никаких завоеваний для себя.* — В передовой «Московских ведомостей», 1876, № 316, 9 декабря, говорится в связи с Константинопольской конференцией и различными проектами разрешения судеб славянских народов Турции: «Речь идет о занятии турецких провинций австрийскими, французскими, итальянскими войсками, наконец, швейцарскими стрелками и бельгийской жандармерией. Итак, все государства Европы по очереди приглашаются улаживать восточные затруднения. Устраняется только Россия, и она должна в видах примирительности и уступчивости безропотно отойти в сторону и отдать дела Востока в руки своих противников...»

Стр. 605. *...чуть началась конференция...* — Константинопольская конференция великих держав собралась 11 декабря 1876 г., по предложению Англии, для мирного разрешения конфликта между Турцией и славянскими народами Балканского полуострова.

Стр. 606. *...подкладочную сущность парижского трактата разорвала...* — Парижский мир был заключен 30 марта 1856 г. между Россией и воевавшей против нее коалицией держав (Францией, Англией, Сардинией и Турцией), при участии Австрии и Пруссии. Парижский мир гарантировал целостность и независимость Турции. Россия уступила часть Бессарабии с Измаилом. Проход военных кораблей всех стран, кроме Турции, через Босфор и Дарданеллы был запрещен. Черное море было нейтрализовано, в него был запрещен доступ военных кораблей всех стран (в том числе и России), и Россия обязалась срыть все укрепления по берегам Черного моря. Последние два пункта Парижского мирного договора были отменены Лондонской конференцией 1871 г. «Подкладкой» Парижского договора Достоевский считал полное устранение России от вмешательства в разрешение славянского вопроса на Балканах.

Стр. 606. *...проект бельгийского занятия.* — В итоге работы Константинопольской конференции к 22 декабря державы выработали обширную программу требований к Турции; в их число входило учреждение особой международной наблюдательной комиссии, которая должна была бы выработать специальный судебный устав для христианского населения Европейской Турции; в распоряжении этой комиссии должен был бы находиться отряд из бельгийцев или итальянцев, численностью в 4000 человек.

Стр. 606. *Отказ Германии от парижской выставки...*— См. стр. 658.

Стр. 606. *Заметьте тоже, что общество это ∽ любви Софьи к Молчалину, не намечтала ему качеств.*— Заметки эти являются материалом к намеченной для декабрьского «Дневника писателя», 1876 г., главы 2. «Сатира. Чацкий. „Ревизор". Алеко — Щедрин». В декабрьский «Дневник писателя» эта глава не вошла; из всей этой широко взятой темы Достоевский вставил в январский «Дневник писателя», 1877 г., только замечание о «неопределенности» современной сатиры (XII, 28).

Стр. 606. *«Ревизор» — Кювье.*— Достоевский поясняет эту запись на стр. 607. По его мнению, Гоголь по жизни маленького городка в «Ревизоре» восстанавливает всю социальную структуру николаевской монархии, так же как известный французский палеонтолог Жорж Кювье (1769—1832) по отдельной кости восстанавливал весь костяк вымерших животных.

Стр. 606. *Тот черномазенький, он турок или грек.*— Слова Чацкого («Горе от ума»).

Стр. 606. *Наталья Дмитриевна...*— Персонаж «Горя от ума» Грибоедова.

Стр. 606. ... *Алеко.*— Герой поэмы Пушкина «Цыганы».

Стр. 606. *Пушкин кричит про Чацкого...*— Достоевский имеет в виду суждение Пушкина о Чацком в письме к А. А. Бестужеву: «Все, что говорит он, очень умно. Но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело и не метать бисера перед Репетиловыми и тому под.» (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений т. X. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 122).

Стр. 606. *Свежо предание, а верится с трудом.*— Слова Чацкого («Горе от ума»).

Стр. 606. ...*Пойду искать по свету. Карету мне, карету.*— Слова Чацкого («Горе от ума»).

Стр. 606. *Новейшая сатира ∽ Боится краснее себя.*— Речь идет о Щедрине.

Стр. 607. *13 декабря. Понед⟨ельник⟩. Программа декабрьского дневника ∽ О девочке.* — Из этой программы в декабрьском «Дневнике писателя» были реализованы только пункты 1-й (XI, 499—502) и 5-й (XI, 494—498).

Стр. 607. *«Московск⟨ие⟩ ведом⟨ости⟩», № 318, суббота. Замечательнейшая статья «Моск⟨овских⟩ ведом⟨остей⟩» ∽ Действительно, странное совпадение.*— Так оценил Достоевский передовую «Московских ведомостей», 1876, № 318, 11 декабря, посвященную революционной демонстрации 6 декабря 1876 г. в Петербурге на Казанской площади. Демонстрация эта была первым политическим мероприятием созданной в том же году «Земли и воли». Об этой демонстрации подробно рассказывает Г. В. Плеханов, который был одним из ее организаторов, и произнес на ней горячую речь.— «Русский рабочий в революционном движении. (По личным воспоминаниям. М.)» Катков в передовой старался представить эту демонстрацию, как и все русское революционное движение, «заграничной» интригой: «Мы не отрицаем, что ближайшие возбудители наших революционеров сами находятся под властью нелепых идей о всеобщем социальном перевороте, который будто бы они призваны произвести; но мы совершенно убеждены, что весь этот вздор не был бы сам по себе достаточен для того, чтобы поддерживать интерес игры, которая продолжается упорно и так настойчиво. Надо думать, и мы в этом совершенно уверены, что в игре замешано нечто более серьезное, и что нити главной интриги уходят за горизонт людей, одурманенных революционными идеями». Из этой статьи Каткова Достоевский взял и выражение «настеганное стадо» (см. стр. 608): «Труднее ли, дороже ли стоит нанять погонщиков, чтобы бросить на улицу настеганных баранов», и повторил его в декабрьском «Дневнике писателя», 1876 г., в главе «Кое-что о молодежи» (XI, 491). Однако в «Дневнике писателя» Достоевский, хотя и ссылается на «факты», приведенные в «Московских ведомостях», воздерживается от окончательных выводов.

Стр. 607. *Турок молодец ∽ и сам овца.*— См. декабрьский «Дневник писателя», 1876 г. (XI, 503).

Стр. 607. (*Как Кювье.*) *∽ до высочайших петербургских учреждений.*— См. выше на этой странице.

Стр. 608. *Затем о деле молодежи ∽ и нужен исход.* — См. «Кое-что о молодежи» в декабрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 489—491).

Стр. 608. *Корнилова.*— См. стр. 637, 648—649.

Стр. 608. ... *и девочка.*— См. главу «Анекдот из детской жизни» в декабрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 494—498).

Стр. 608. *«Москов⟨ские⟩ ведомости», № 321. Вторник ∽ 6 декабря.*— Имеется в виду перепечатанное «Московскими ведомостями», 1876, № 321, 14 декабря, сообщение будапештских газет: «Вот интересное доказательство, что безумная демонстрация 6 декабря перед Казанским собором входила *заранее в расчет*: в пештских газетах пророчески предсказаны были как время, так и место демонстрации в Петербурге». Согласно этому сообщению «Пештского Ллойда» (в корреспонденции из Петербурга от 1 декабря), говорится о готовящейся в Петербурге «гражданской народной демонстрации перед Исаакиевским собором и Главным штабом. Цель ее — поддержка славянского дела на Балканах». Подобное сообщение, конечно, не могло не подтвердить домыслы Каткова о «заграничной» интриге.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» (СМЕРДЯКОВ)
Гравюра В. Н. Масютина, 1923
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Стр. 609. *Прошел год ∽ в началах народных.*— См. главу «На какой теперь точке дело» в декабрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 499—502).

Стр. 609. «*Новое время», № 289. Заметка об архитектурных занятиях для женщин*— «Новое время», 1876, № 289, 16 декабря, писало: «Нам сообщают, что одним из наших архитекторов предпринимается ходатайство о разрешении ему устройства бесплатного женского архитектурного класса, задачей которого будет подготовление женщин к занятию при частных архитекторах должностей помощников и чертежников».

Стр. 610. *Пишут, мы охладели ∽ Ключ всем разрешениям.*—См. главу «На какой теперь точке дело» в декабрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 499—502).

Стр. 610. «*Развлечение» ∽ сидеть на мягком.*— Эта запись относится к ответу на статью Энпе, напечатанную в журнале «Развлечение», присланную, по-видимому, ее автором. Энпе осуждает самоубийцу, от лица которого написана глава «Приговор» в октябрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 414—420).

Стр. 610. *Повесть «Пиковая дама» ∽ предпочло Марлинского.*) — Повести А. Марлинского, принесшие ему большую популярность, начали печататься в журналах с 1830 г. До появления в печати «Пиковой дамы» Пушкина («Библиотека для чтения», 1834, № 3) были напечатаны следующие повести Марлинского: в 1830 г. «Испытание»,

«Вечер на Кавказских водах в 1824 г.», в 1831 г.— «Лейтенант Белозор», «Наезды»; в 1832 г.— «Амалат-бек»; в 1833 г.— «Фрегат „Надежда“».

Стр. 610. *Нынче все силы чугунные ∽ от подростков, в них надежда.*— См. декабрьский «Дневник писателя», 1876 г. (XI, 484—489), полемику о Энпе.

Стр. 611. *Мы настолько же русские ∽ оставьте мне этот бред и сон.*— См. главу «Мы в Европе лишь стрюцкие» январского «Дневника писателя», 1877 г. (XII, 23—24).

Стр. 612. *Обособление ∽ пример 6-е декабря.*— См. «Дневник писателя», 1876 г. (XI, 504).

Стр. 612. *Буренин ∽ Пантелеев...*— См. стр. 660.

Стр. 612. *Да и любовь, по-нынему ∽ и укрепившая собою лишь чувство.*— См. главу «Голословные утверждения» в декабрьском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 485—489).

Стр. 613. *У нас нет семьи ∽ сказавшего мне это.*— Имеется в виду Щедрин. См. стр. 646.

Стр. 613. *Сатира наша ∽ не знает, что вам отвечать.*— См. январский «Дневник писателя», 1877 г. (XII, 28).

Стр. 613. *Либеральное наше европейничанье ∽ считают себя либералами, демократами.*— См. последнюю главу декабрьского «Дневника писателя», 1876 г. «Словечко об ободнявшем „Петре“» (XI, 502—504).

Стр. 613. *Еще на днях Боборыкин ∽ не может быть драмы.*— Имеется в виду «Четвертая лекция П. Д. Боборыкина», отчет от ней помещен в «Новом времени», 1876, № 293, 20 декабря; в лекции есть такое суждение о русской истории: «... Наша история не изобилует драматическими личностями. Другое дело в Англии».

Стр. 613. *«Новое время», № 293, 20 декаб⟨ря⟩. «Москов⟨ские⟩ ведом⟨ости⟩». Удивления бесплодные ∽ праздная болтовня.*— Из передовой «Московских ведомостей» приведено в «Новом времени», 1876, № 293, 20 декабря: «И вот Турция, стоящая в качестве подсудимой пред Европой.— Турция, которая самим существованием своим обязана европейской дипломатии, в самом простом деле, не допускающем никакого разногласия ни в людях, ни в государствах цивилизованных, может противопоставлять свое veto совокупной воле всех великих держав! Возможно ли это?!»

Стр. 614. *А потому сатира наша ∽ то с ними случится то же самое.*— См. январский «Дневник писателя», 1877 г. (XII, 28).

Стр. 614. *У нас забыты все доблести ∽ во что бы то ни стало: только чтоб мир.* — См. последнюю главу декабрьского «Дневника писателя», 1876 г., «Словечко об „ободнявшем Петре“» (XII, 502—504).

Стр. 614. *Весь православный Восток ∽ не славизм сущность, а православие.*— См. главу «На какой теперь точке дело» декабрьского «Дневника писателя», 1876 г. (XI, 499—502).

Стр. 615. *Январь. Община. 1) Недоумение ∽ разрушение, и на другой день.* — Первоначальный план январского «Дневника писателя», 1877 г. (XII, 5—36); не были осуществлены пункты «Община», «Солдат и Марфа», «Идеалисты и реалисты», «Расчет Литке». Не откликнулся Достоевский и на отзыв «Нового времени» о его повести «Кроткая».

Стр. 615. *Фома Данилов...*— См. стр. 637.

Стр. 615. *... Марфа.*— Персонаж Евангелия.

Стр. 615. *Январь 1877. «Дневник писателя» ∽ Вот первое разъяснение недоумения.*— См. январский «Дневник писателя», 1877 г., куда вошли все намеченные в этих записях темы, кроме рассуждений об общине.

Стр. 615. *«Новое время», 31 декаб⟨ря⟩ ∽ О продаже «Голоса» турецкому посольству.*— «Новое время», 1876, № 302, 31 декабря, писало: «Дело в том, что турецкое посольство сочло возможным⟨...⟩ обратиться к редакции „Русского мира“ с предложением, которое, по словам этого лица, *постоянно* принималось с готовностью двумя поименованными им *большими петербургскими газетами* (одною русскою и одною немецкою). Нам именно предлагали напечатать статью из „Levant Herald'a“ за надлежащее денежное вознаграждение, подобно тому как это делается в других. При этом нам обязательно сообщали, с полной откровенностью, некоторые подробности об условиях, на каких указанные газеты соглашаются помещать турецкие статьи, корреспонденции и телеграммы».

Стр. 615. *О Фоме Данилове...*— В том же номере «Нового времени» сообщалось о сборе денег в пользу Фомы Данилова и о назначении его вдове пенсии по 120 рублей в год.

Стр. 616. *Кирилловы...*— Кириллов, персонаж романа Достоевского «Бесы».

Стр. 616. *«Новь».*— Роман И. С. Тургенева, напечатанный в «Вестнике Европы», 1877, кн. I, стр. 5—136, кн. II, стр. 465—580.

Стр. 616. *«Новое время», суб⟨бота⟩, 8 января (№ 310),— фельетон Стасова ∽ многое (яблоко писанное) и проч.*—Стасов в фельетоне «Прискорбные эстетики» («Новое время», 1876, № 310, 8 января) защищает Репина от критики, которой последний подвергся за свои отзывы о европейских художниках, приведенные Стасовым в статье журнала «Пчела» (в виде выдержек из писем Репина), и за новую картину «Садко в подводном царстве».

Стр. 616. *№. Тирада об том, что тем более ∽ а надо высказать их.*— См. главу «Мы в Европе лишь стрюцкие» в январском «Дневнике писателя», 1877 г. (XII, 24).

Стр. 616. *Миллер...*— См. стр. 636.

Стр. 616—617. *Яблоко ∽ Искусство. Стасов. Репин.*— См. стр. 197.

Стр. 617. *92-я страница «Нови».*— В январском «Дневнике писателя», 1877 г. (XII, 29), Достоевский указал, что на 92-й странице романа в 1-й книге «Вестника Европы» 1877 г. «есть 15 или 20 строк», в которых «сконцентрирован» ошибочный, по его мнению, взгляд Тургенева «на свой предмет». Имеется в виду следующая характеристика отношения Соломина к русской революции: «Он хорошо знал петербургских революционеров — и до некоторой степени сочувствовал им — ибо сам был из народа, но он понимал невольное отсутствие этого самого народа, без которого „ничего ты не поделаешь" и которого долго готовить надо да и не так и не тому, как те. Вот он и держался в стороне не как хитрец и виляка — а как малый со смыслом, который не хочет даром губить ни себя, ни других».

Стр. 617. *Ответ автору «Нови».*— Прямой полемики с «Новью» в «Дневнике писателя», 1877 г., нет.

Стр. 617. *Штунда ∽ Редсток.*— См. главу «Миражи. Штунда и редстокисты» в январском «Дневнике писателя», 1877 г. (XII, 10—12) и стр. 514, 634, 640.

Стр. 617. *Хотя у европействующих ∽ мы уже 1000 лет как свободны.*— См. январский «Дневник писателя», 1877 г. (XII, 27—29).

Стр. 617. *К подвигу унтер-офицера ∽ нашего общества, с другой стороны.*— См. январский «Дневник писателя», 1877 г., главу «Фома Данилов, замученный русский герой» (XII, 13—17).

Стр. 617. *Грановск⟨ий⟩. Крестовые походы.*— Достоевский имеет в виду слова, приведенные им в июльско-августовском «Дневнике писателя», 1876 г., в главе «Постыдно ли быть идеалистом?» (XI, 346) из приписываемой Т. Н. Грановскому книги «Восточный вопрос с русской точки зрения 1855 года», Лейпциг, 1861: «...век крестовых походов прошел; в наше время никто не подвигнется на защиту гроба господня, ⟨...⟩ никто не смотрит на магометан как на вечных врагов христианства».

Стр. 618. *Ав⟨густ⟩. Языков* — М. А. Языков (1811—1885) в это время жил в Новгороде, управлял Новгородским акцизным управлением; по-видимому заходил к А. Г. Достоевской, спрашивал о Ф. М. (см. «Письма», III, стр. 370).

Стр. 618. *...бальничары. ...*— Санитары в сербской армии.

Стр. 618. *Какая разница между демоном ∽ одно лишь злое».* — См. стр. 658.

Стр. 618—619. *Критические замечания ∽ в своих писательских совершенствах.*— Заметки о Золя и его романе «Чрево Парижа»; художник Клод — персонаж из этого романа.

Стр. 619. *«Доминикино» (1838).*— Драма Н. В. Кукольника.

Стр. 619. *Увертюра «Тангейзера».*—«Тангейзер» (1845), опера Р. Вагнера.

Стр. 619—620*Н. Н. С⟨трахов⟩ ∽ обличать и обнаруживать неустанно.*— Об отношениях Достоевского и Страхова см. А. С. Долинин. Ф. М. Достоевский и Н. Н. Страхов.— «Шестидесятые годы». М.— Л., 1940, стр. 238—254, а также стр. 16—23 настоящ. тома.

Стр. 619. ... *служите двух видных в литературном отношении местах.*— Н. Н. Страхов с 1873 г. служил библиотекарем юридического отдела Публичной библиотеки в Петербурге, а с 1874 г. состоял членом ученого совета Министерства народного просвещения.

Стр. 622. *Сперанскому ничего не стоило ∽ лордов и буржуазию и проч.*— В некоторых проектах государственных преобразований, составленных М. М. Сперанским, предполагалось учредить в России парламент — «независимое сословие народа» из двух палат, наподобие английского.

Стр. 622. *И без того уже ∽ (надеются) править государством.*— См. главу «Прежние земледельцы — будущие дипломаты» майско-июньского «Дневника писателя», 1877 г. (XII, 144—146).

Стр. 623. *Во Франции пролетарии ∽ собственники французской земли, а не дети ее.*— См. главу «Земля и дети» в июльско-августовском «Дневнике писателя», 1876 г. (XI, 376—378).

Стр. 624. *Либерально-пресмыкающееся издание (Стасюлевич).*— Имеется в виду «Вестник Европы».

Стр. 626. *А у вас (у Лароша) ∽ (нечто казенное) и т. д.* — См. стр. 650.

Стр. 626. *У нас не науки ∽ вот и номерок составился...* — По-видимому, имеется в виду Н. А. Некрасов; в «Современнике» был отдел «Науки и художества» с 1847 г. по 1858 г., с 1859 г. журнал стал делиться на два отдела с разной пагинацией каждый, причем первый отдел не имел названия, а второй назывался «Современное обозрение».

Стр. 628. *Золя просмотрел в Ж. Занде ∽ которая ничего не означает.*— Эти записи связаны, по-видимому, с впечатлениями от чтения романов Золя в Эмсе в июле 1876 г. и от статьи Вс. Соловьева в «Русском мире», 1876, № 189, «Ф. М. Достоевский и Эмиль Золя о Жорж Занд», присланной ее автором Достоевскому в Эмс. Золя был воспринят Достоевским отрицательно, читал он, по всей вероятности, роман «Чрево Парижа» (см. стр. 618—619). Жене он писал 15 июля 1876 г.: «...Взял Zola, потому что ужасно пре-

небрегал за последние годы европейской литературой, и представь себе: едва могу читать, такая гадость. А у нас кричат про Zolà как про знаменитость, светило реализма» («Письма»,III, стр. 225). С оттенком иронии упоминает Достоевский об Эмиле Золя в главе «Детские секреты» июльско-августовского «Дневника писателя», 1876 г., написанного в Эмсе: «У Zolà, так называемого у нас реалиста...» (XI, 375). После ознакомления со статьей Вс. Соловьева Достоевский с удовлетворением писал жене 26 июля 1876 г.: «Вс. Соловьев прислал мне ответ на мое письмо и статью свою в „Р. Мире“ об июльском „Дневнике“, наполненную самыми восторженными похвалами. Статья длинная. Пишет, что отрывки из нее перепечатало „Новое время“ и отозвалось с *величайшей похвалой*» («Письма», III, стр. 238). Подчеркнуто Достоевским.— *И. С.*). Статья Золя «Жорж Занд и ее произведения» («Вестник Европы», 1876, кн. 7, стр. 383—415) была напечатана им в серии «Парижских писем». Как указывает М. К. Клеман (Эмиль З о л я. Сборник статей. Л., 1934, стр. 266—304), именно с этого «Парижского письма» Золя о Жорж Занд началась в русской критике дискуссия о реализме и натурализме, закончившаяся установлением отрицательной точки зрения на Золя и натурализм в революционно-демократической и народнической критике.

Стр. 629. *Германн* — персонаж «Пиковой дамы» Пушкина.

Стр. 629. *Гюстав Дроз* (1832—?) — французский беллетрист, популярный поставщик легкого чтения.

Стр. 629. *Лишь один пророчит Страхов ∽ В трех статьях о спиритизме.*— Имеются в виду «Три письма о спиритизме» Страхова, напечатанные в «Гражданине», 1876, №№ 41—44, позднее перепечатанные в книге «О вечных истинах (Мой спор о спиритизме)». СПб., 1887.

Стр. 629. *Крах конторы Баймакова.*— См. стр. 660.

Стр. 629. *Лури* — банкирская контора в Петербурге, обанкротившаяся в 1876 г.

Стр. 629. *Он прав: без детей ∽ исключает всякое сомнение.*— См. стр. 646.

Стр. 629. *Вопьюсь в вас.*—Выражение, примененное впервые Достоевским к Щедрину в полемической статье «Опять „Молодое перо“» («Время», 1863, № 3, «Современное обозрение», стр. 148—163) (см. XIII, 309).

XI. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ*
(1880 — 1881)

Адресы

Гр. Толстая Большая Миллионная, дом Лобанова, 30, наискось Эрмитажа.

Е. А. Штакеншнейдер, Знаменская ул., 22.

Демидовский дом призрения трудящихся, № 106, по Мойке близ Литовского Замка. *Яковлев.*

Горбунов Ив. Ф—ч, Фонтанка, 113.
Аксаков — Невский проспект, № 6.

Анна Николаевна Энгельгарт. Садовая, Никольский рынок, Никольский мост, дом № 124 (Тона), в номерах Тона.

Бестужев-Рюмин, Бассейная, № 33.

Сабуровы (Андрей Александр‹ович› и Елисавета Владимировна). Кирочная, против Надеждинской, дом Кавос.

Тихомиров (Осип Тимофеевич), мещанин Павловского посада. Богородск. Московской губернии, Нижегородская железная дорога. Станция Павлово.

Савельев, Александр Иванович, Фурштадтская, № 30, кварт. № 2.

Орест Федорович Миллер, Эртелев переулок, дом № 2 (?).

Иван Сергеевич Аксаков, Москва, Спиридоновка, у Никитских ворот, дом Розанова.

Графиня Анна Егоровна Комаровская, Мраморный дворец **.

---

* Значительная часть записей этой, последней, тетради была опубликована в 1883 г. в книге «Биография, письма и заметки из записной книжки» (Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, СПб., 1883, т. I, стр. 356—375 второй пагинации). Эти записи давно и прочно вошли в научную литературу о Достоевском, некоторые из них широко известны. Поэтому в настоящем томе публикуются лишь неизданные записи из тетради 1880—1881 гг., а также те, которые ранее были напечатаны не полностью или неточно.

** *На полях слева:* В — в 5-м часу.

Николай Савич Абаза — Троицкий переулок, д. № 38. Вторник в 5-м часу.

Графиня Александра Андреевна Толстая, Зимний дворец. //

Юферов, Александр Николаевич, Знаменская, 29 №. Угол Бассейной. //

— Текущее.
— Отвечать Аничковой.
— Отвечать на вопрос о Фаусте. //

«Дневник» 1881.

Народные школы *. Два разряда народных школ, в одних только читать, *кое-как* писать (выучатся, будут писаря, очень немногие забудут) и три молитвы. И потом, другой разряд школ, для крестьян же, повыше. Второго разряда пока очень мало, но был бы первый разряд, и вот уже вы *породили силу*. Кто грамотен — тот уже двинулся, тот уже пошел и поехал, тот уже вооружен. И увидите, как через несколько лет у вас *уже сами собой* явятся уже школы для крестьян *повыше*: потребность вырастет, охота родится, и школы сами произойдут. А у нас все вдруг.

Все вдруг и с классицизмом (мысли мои насчет классицизма). Постепенность не была соблюдена вовсе. NB. У иностранцев *чувство долга*, у нас в семьях растление... и проч.

Классическая реформа. * Произвели классическую реформу отвлеченно. Главное, забыли, что мы не Европа.

За насаждение великой мысли спасибо Каткову и покойному Леонтьеву, ну а за применение мысли нельзя похвалить. Ввели дубиной. Чехи. Немецкий мальчик (долг) и русский (растленное семейство). Число часов постепенно возвышая из году в год. История, естественные, русский язык. Чтоб не было идей. Наберутся своих, тогда хуже.

История у нас дала бы духовные идеи. Духовные идеи у немецкого мальчика другие: его строй, его быт, его национальность. А у нас в семействах лишь растление. История бы спасла от растления и направила бы ум юноши хотя бы в мир исторический из *отвлеченного бреда* и *бурды*, составляющих духовный мир нашего общества. Одним словом, поступили не национально. (Наш мальчик развитее немецкого.) Регулировать только бы учителей словесности, чтоб не преподавали либеральных абсурдов. Пришло бы само собою. Нет культуры, пустое место. Культуры нет в прошедшем, а как сказалось указание в будущем, т. е. Европа с сознанием своего высочайшего русского назначения,— вы же ее и оплевали. Именно за русское назначение. Стыдно вам стало признать русскую самостоятельность. Я же не фантастически выдумал, а на духе православия.

Ах вы сени мои сени**. Анализ песни. Она вся в страсти. Только что потешила раз ⟨...⟩ Батюшка грозен. [Я за] Но еще намеревается потешить. Одни сын у отца, как предлог. Поэт не ниже Пушкина.

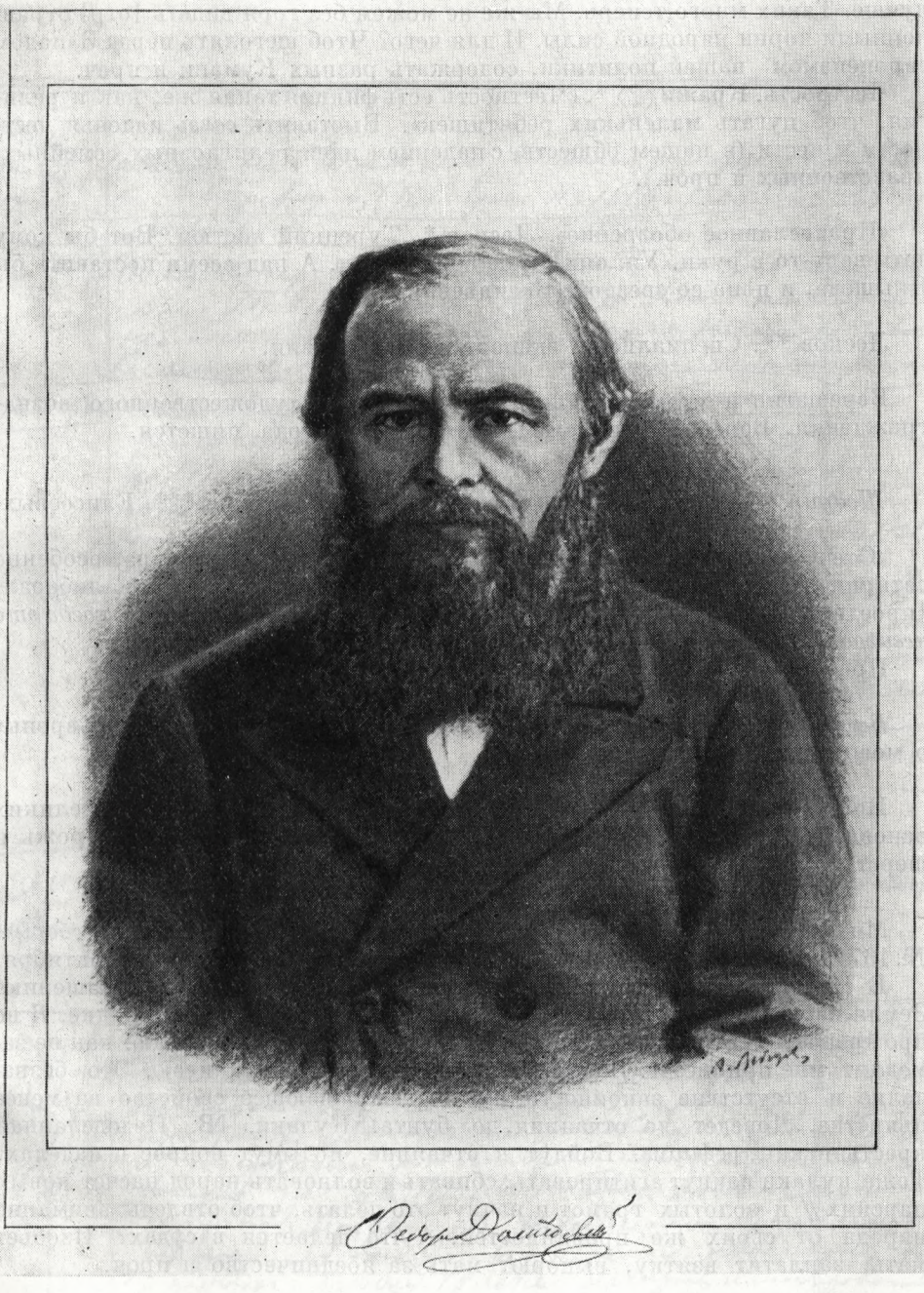
Верея ль-вереюшка. Во лузях. Вниз по матушке. Разбойнички.

Да хоть стыдите, хоть нет, не стыжусь, не хочу стыдиться, один сын у отца.

Глаза жидко-голубые со светом (светлые). //

---

* *На полях слева.*
** *На полях слева.*



ДОСТОЕВСКИЙ

Литография А. И. Лебедева с фотографии К. А. Шапиро, Петербург, 1879

«Осколки», 1881, № 6

Пьянство *. Пусть ему те радуются, которые говорят: чем хуже, тем лучше. Таких много теперь. Мы же не можем без горя видеть [отр] отравленными корни народной силы. И для чего? Чтоб щеголять перед Западом европеизмом нашей политики, содержать разных Кумани и проч.

Честность. Кражи〈?〉*. «Честность есть фикция такая же, как и религия, чтоб пугать маленьких ребятишек». Выставить *связь* паденья честности и чести (в нашем обществе с падением идей религиозных, семейных, нравственных и проч.).

«Православное обозрение». Лесков *. Турецкий костюм. Вот бы кому дать веру-то в руки. Уж они бы ее обработали. А над всеми поставить бы Янышева, и попа со звездой (Васильева).

Лесков **. Специалист и эксперт в православии.

Верещагин и художник *. Неравномерность художественного вознаграждения. Верещагин и роман, который три года пишется.

Щедрин * — всю свою стаю Глебовых, Михайловских***, Елисеевых.

«Отеч〈ественные〉 запи〈ски〉»*. Вас трепещет вся литература, особенно сатирического старца. Никто против него не посмеет: дескать, либерал, [проеден] проеден либерализмом.— Нет, вы полиберальничайте, *когда это невыгодно*, вот бы я на вас посмотрел.

Пробиваетесь прожеванными мыслями.

Всечеловек. Разъяснить в «Дневнике». «Страна» и «Вестник Европы» о моей речи. (Венок.)

Позаботился о вечном, а не о временно-утилитарном (для великих основных реформ). «Новое время», № 1664 и 1665. Сало возить, рожь и шерсть.

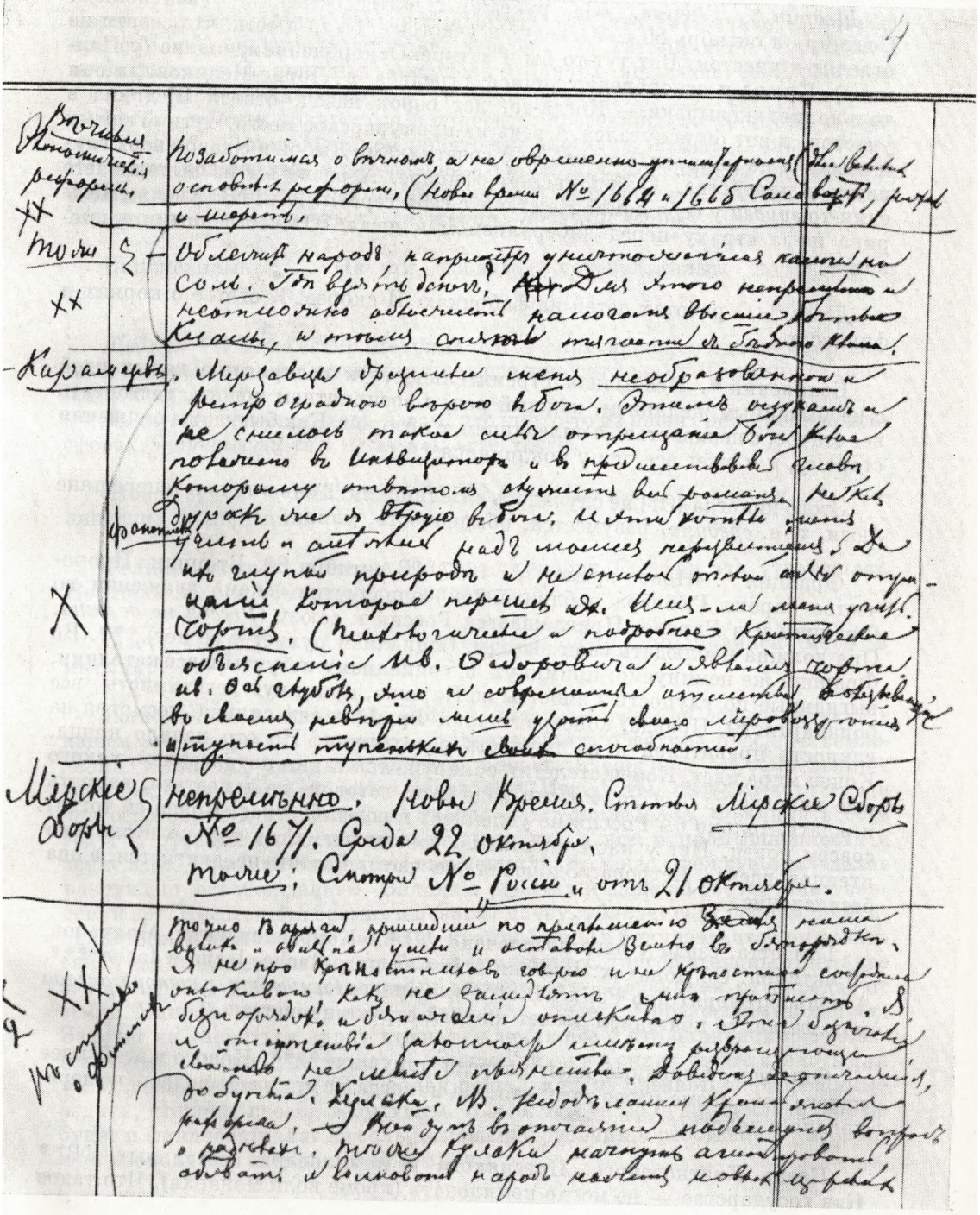
Мирские сборы *. *Непременно*. «Новое время». Статья «*Мирские сборы*». № 1671. Среда, 22 октября. *То же*: Смотри № «России» от 21 октября.

В статью о финансах *. Точно варяги, пришедшие по приглашению. Земля наша велика и обильна, ушли и оставили землю в беспорядке. Я не про крепостников говорю и не крепостное состояние оплакиваю, как не замедлят мне приписать. Я беспорядок и безначалие оплакиваю. Это безначалие и отсутствие законности имеет развращающее свойство не менее пьянства. Доведет до отчаяния, до бунта. Кулаки. NB. Недоделанная крестьянская реформа. Войдут в отчаяние, подымут вопрос о наделах. Тоже кулаки начнут агитировать, сбивать и волновать народ насчет новых царских // и золотых грамот и начнут это делать, чтоб отвлечь внимание народа от своих же провинностей. А что делается в судах? Изобьет мать, заплатит взятку, выпорют мать за ябедничество и проч.

〈...〉 *Примирение с поляками*. Франция, разрушающая себя окончательно в католичестве, ибо если не католичество, то должны были тотчас принять социализм. Они же не хотят ни того, ни другого. [Бу] Остался один буржуазный [либ] либерал с своими бессмертными принципами 89 года. Скудное содержание.

---

* *На полях слева.*
** *На полях слева:* NB. Здесь
*** *В автографе*; Михайловых. *Очевидно, описка.*



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К СТАТЬЯМ ДЛЯ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Записная тетрадь, 1880—1881

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Щедрин *. Очерки. «За рубежом». «Отеч⟨ественные⟩ зап⟨иски⟩». Сентябрь и октябрь 80 г. «Отведут в участок». То-то и есть, что совсем не отводят в участок. Вот тут-то бы и сатире. Оскорбление женщине (у Палкина). Кража и оскорбление личное, стрельба в Лорис-Меликова, а они только под козырьки.— Когда-то, лет сорок назад, отвели Щедрина в участок, и вот он испугался. А ведь на прокурорское место. Чуть «Тюрьму и ссылку» не написал. Разговоры с советниками Дыбой и Удавом верх глупости и лакейства. О берлинском офицере. А разве вы не выпячиваете сами-то *грудей* у себя дома? Не ставите себя героем. [Хв] NB. Хвалят Щедрина из-за страху перед либерализмом и даже «Отечественными записками».

Дети *. О работах детей на фабриках. И скорее. К статье о корнях и финансах.

Белинский *. Необычная стремительность к восприятию новых идей с необычайным желанием, каждый раз, с восприятием нового, растоптать все старое, с ненавистью, с оплеванием, с позором. Как бы жажда отмщения старому, и я сжег все, чему поклонялся **.

Этого никогда [Эт] не случалось с Белинским. Точь в точь и теперешние люди, т. е. *средина*, разумеется, обыденность, улица.

Франция *. «Новое время», № 1667, 28 октября 80. Вторник. Пророчество барона Гюбнера о ближайшем социалистич⟨еском⟩ движении во Франции и в Европе. Приглашается Россия к союзу (*Россия не должна*. Она должна наблюдать свои выгоды. Социализм рухнет у ее ног) ***. Во Франции же неминуемо; примкнут к социализму иезуиты и все католики, выгнанные по глупости Гамбетты из Парижа, примкнут легитимисты, все бонапартисты. Правда, консервативная Франция еще сильна, несмотря на глупость правителей и на глупость республики. Но это начало конца. Конец мира идет. Конец столетия обнаружится таким потрясением, какого еще никогда не бывало. России надо быть готовой, не двигаться, взирать и ждать, только бы Россия не увлеклась в союз. О ужас! Конец ей тогда, совсем конец. Нет у нас социализма, совсем нет. Есть только несколько птенцов гнезда Петрова. Здоровая же часть России не двигнется, а она бесчисленна.

Гамбетта, сзади у него позолочено. NB *. Корреспонденты. Молчанов, 29 октября. Об монахах. Все они и кто за них—lache, lache и lache****. А коль заговорят про Felix'a Piat и пыхтящего *Гамбетту, у которого сзади позолочено*, то почтением дышет каждая строка и запятая.

Финансы. Основные идеи впереди текущих*****. Нового в этой идее ничего нет, кроме разве того, что она никогда не прикладывалась (не переходила в дело). //

Казнь Квятковского, Преснякова и помилование остальных. NB! * Как государство — не могло помиловать (кроме воли монарха). Что такое

---

* *На полях слева.*
** *На полях слева:* Финансы
*** *На полях слева:* Непременно
**** Смейся, смейся и смейся (*нем.*).
***** *На полях слева. Отмечено* + +! (*крестиками*).

казнь? — В государстве — жертва за идею. Но если церковь — нет казни. Церковь и государство нельзя смешивать. То, что смешивают,— добрый признак, ибо значит клонит на церковь. В Англии и во Франции и не задумались бы повесить — церковь и монарх во главе. Мой разговор с Сидорацкой об университете. Ее восклицание.

К этому пункту придраться и спросить: пресеклись ли убийства и преступления *. Лорис-Меликов уничтожил ли злую волю? (Гольденберг.) Важно не количество, а настроение и упорство преступников еще никогда и нигде неслыханное, (Феликс Пиа хвалил), искренность. *Легкая работа.* Женщины — животность их служения. *Женский вопрос.*

Исплясанные **... На эти избитые, переболтанные, исплясанные темы.

Щедрин **. Тема сатир Щедрина это — спрятавшийся где-то квартальный, который его подслушивает и на него доносит; а г-ну Щедрину от этого жить нельзя ***.

NB. Вместо квартального о том, что никто-то из наших деятелей, во всех сферах, *в сущности сам не знает, чего хочет.*

«Новое время» о Финляндии **, № 1691. Пятница, 14 ноября. О финляндских претензиях.

Феликс *Пият* **. Феликс Пият это говорит, Рошфор это утверждает. Неужели же мы обманем их ожидания.

Газета «Порядок» **. Вот уж беспорядок-то, по крайней мере в мыслях. ⟨...⟩

Экономическая статья **. В экономической статье об *общей системе* в нашем министерстве финансов присовокупить о фатуме русского земледелия. Капиталы ушли на железные дороги. Разоренное же земледелие с освобождения крестьян всеми оставлено. Между тем *аксиома*: что там и благосостояние и финансы, где твердо стоит земледелие. Франция в 90-м году. С русских спрашивают чёрт знает что, а все, и промышленность и земледелие, зависят от густоты населения****. У нас прежнее земледелие разрушено освобождением. Закона о рабочих и даже об обозначении владений нет. Крестьянин срамит и позорит почву, убивает скот некормлением, пьянством, и не может (не видно по крайней мере в будущем), чтоб он возвысился над minimum'ом, который дает ему земля. С другой стороны отдельное землевладение // стоит отдельным элементом — *опричником* от народа, от земли. Манифесты по церквам. «Стало быть, будет». Неразрешимый вопрос. Захочет ли увериться народ, что не вся земля его и что опричники не должны быть? А если будет *по его* — сделает ли он и в силах ли что сделать для возвышения минимума? (Сведенная роща, 5 коп. за бревно.) Неразрешимые задачи, стоящие грозой в будущем. А меж тем — не будет земледелия, не будет и финансов (налог на соль, отношение рабочих к собственникам, большая свобода для переселений и проч.).

---

* *На полях слева:* NB!
** *На полях слева.*
*** *На полях слева:* NB. NB!
**** *На полях слева:* Финансы

Аристократ. Аристократизм манер русского мужика. //

Вольная р⟨усская⟩ Академия наук *. Проект русской Вольной Академии наук.

По поводу отвергнутого Менделеева, почему не завести нашим русским ученым своей Вольной Академии наук (пожертвования).

«Новое время» *. Статья В. П. о Менделееве.

«Вестник Европы» *. «В⟨естник⟩ Европы» «полезен для ума». Это давно уже сказано. Но имея в виду такую прекрасную цель, можно, мне кажется, и не служить с такой буквальностью ⟨друг⟩ой цели **.

Можно бы, кажется, и пренебречь другую-то цель, по крайней мере не следовать ей *** с такою уж буквальностью.

Все нигилисты****. Нигилизм явился у нас потому, что мы *все нигилисты*. Нас только испугала новая, оригинальная форма его проявления. (Все до единого Федоры Павловичи.) Слово Аксакова про Горбунова. Напротив, у Суворина аплодировали глупости народной и солдатской.

Комический был переполох и заботы мудрецов наших отыскать: откуда взялись нигилисты? Да они ниоткуда и не взялись, а все были с нами, в нас и при нас («Бесы»). Нет, как можно, толкуют мудрецы, мы не нигилисты, а мы только на отрицании России хотим спасти ее (т. е. стать в виде *зоны*, аристократами, над народом, вознеся народ до нашего // ничтожества). (Речь Победоносцева в Киевской духовной академии.) Сравнение нигилизма с расколом (Уманца). Да раскол много пользы принес.

Беспрерывные жалобы, что не оживляется общество (комично) *****.

Гончаров *. Да и невозможно все упомнить. Вот, например, на празднике Пушкина в Москве, кажется, уже перечислены были все его достоинства, выведено было все, за что ему поставили памятник, а все-таки забыли одно чуть не самое важное достоинство, т. е. что он был учителем нашего Гончарова Ивана Александровича. И если бы не напомнил об этом сам Иван Александрович в письме, потом всюду напечатанном к Обществу любителей русской словесности, так бы об этом достоинстве Пушкина никто и не упомянул бы.

«Новое время» Си⟨..⟩ли *, № 1712, вторник, 2-е декабря. Телеграмма из Парижа о том, что в Théâtre des nations социалисты из райка вы⟨...⟩лись на публику. Мы, дескать, бедные, а вы богатые, вот вам. Не в том дело, что Рошфора и Феликса Пиа слушают всего 2000 человек, а в этом настроении национального четвертого сословия против богатых (рассказы Анны Николаевны)******. Вот элемент, из которого все выйдет. Что спасет тут псевдоклассическая республика? (Начали обливать нечистотами, т. е. понятно чем.)

Кавелину *. Да когда кончатся, наконец, эти барины (свысока на народ).

---

* *На полях слева.*
** *Первоначально:* другим-то целям.
*** *Первоначально:* преследовать ее
**** *На полях слева:* NB, + + !
***** *На полях слева:* NB, + + !!!
****** *На полях слева:* NB!!

Сами говорите, что это старые темы, что их теперь нет, и только лишь притронулись к спору, опять начинаете на эти же темы, т. е. отрицаете духовные свойства русского народа *.

Вы никогда не видали красного цвета, а я вам буду говорить о нем.

Я скажу: Алексей человек божий — идеал народа, а вы сейчас скажете: а кулак.

Мужики вас не избили по освобождении, а сейчас сошлись с вами, а во Франции бедные с⟨...⟩т из лож на богатых. //

Церковь, церковность **.

Мировые посредники первого призыва. Да что бы они значили, если б не встретили доверчивости народной.

Вы все посредникам, а народ-то и забыли.

Все в юности народы такие — как это легкомысленно, глупо.

Значит, вы даже не понимаете и тут, об чем говорите.

Все элементы одинаковы, да не так распределены.

Оттого разные вещи, предметы и личности.

Не от омерзения удалялись святые от мира, а для нравственного совершенствования. Да, древние иноки жили почти на площади. Инок Парфений ***.

Да уж одно ношение жажды духовного просвещения есть уже духовное просвещение.

Вы скажете, что на Западе померк образ Спасителя? Нет, я этой глупости не скажу. (Стр. 447.)

Стр. 448. Помилуйте, если я [хочу —] по убеждению, неужели я человек нравственный. Взрываю Зимний дворец, разве это нравственно ****.

Совесть без бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного.

Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения? Проверка же их одна —Христос. Но тут уж не философия, а вера, а вера это красный цвет ****.

Дельцами бывают только люди нравственности сомнительной. Да откуда вы все это взяли? (Мамон) ***.

Сожигающего еретиков я не могу признать нравственным человеком, ибо не признаю ваш тезис, что нравственность есть согласие с внутренними убеждениями. Это лишь *честность* (русский язык богат), но не нравственность. Нравственный образец и идеал есть у меня один, Христос. Спрашиваю: сжег ли бы он еретиков,— нет. Ну так значит сжигание еретиков есть поступок безнравственный *****.

Совесть, совесть маркиза де Сада! — это нелепо.

Нравственен ли поступок журнала «Вестник Европы», клеветавшего на меня ***. //

Инквизитор уж тем одним безнравствен, что в сердце его, в совести его могла ужиться идея о необходимости сожигать людей. Орсини тоже. Конрад Валленрод тоже ***.

---

* *На полях слева:* + + !!

** *На полях слева.*

*** *На полях слева:* Кавелину

**** *На полях слева:* Кавел⟨ину⟩

***** *На полях слева:* №. + + + !!

Добро — что полезно, дурно — что не полезно *. Нет, то что любим. Все Христовы идеи оспоримы человеческим умом и кажутся невозможными к исполнению. Подставлять ланиту, возлюбить более себя. Помилуйте, да для чего это? Я здесь на миг, бессмертия нет, буду жить в мою [ж⟨...⟩]. Нерасчетливо (английский министр). Позвольте уж мне знать, что расчетливо, что нет.

Государство создается для средины **. Когда же это государство создаваясь говорило: я создаюсь для средины. Вы скажете, что так делала история. Нет, всегда вели избранные. Ведь вы пред этими мужами. И тотчас после этих мужей середина, действительно, это правда, формулировала на идеях высших людей свой серединненький кодекс***. Но приходил опять великий или оригинальный человек и всегда потрясал кодекс. Да вы, кажется, принимаете государство за нечто абсолютное. Поверьте, что мы не только абсолютного, но более или менее даже законченного государства еще не видали. Все эмбрионы.

Общества слагались вследствие потребности ужиться. Это неправда, а всегда вследствие великой идеи **.

Не в пустыню бегут (от французских гувернеров прошлого столетия) **

Церковь — весь народ — признано восточными патриархами весьма недавно в 48 году, в ответе папе Пию IX.

Подставить ланиту, любить больше себя — не потому, что полезно, а потому, что нравится, до жгучего чувства, до страсти **. Христос ошибался — доказано! Это жгучее чувство говорит: лучше я останусь с ошибкой, с Христом, чем с вами ***.

Вы говорите **: Да ведь Европа сделала много христианского помимо папства и протестантства ***. Еще бы, не сейчас же там умерло христианство, умирало долго, оставило следы. Да там и теперь есть христиане, но зато страшно много извращенного понимания христианства. //

Поступок нравственный, но не идея **.

Нравственно только то, что совпадает с вашим чувством красоты и с идеалом, в котором вы ее воплощаете **.

Поведение его (да и то лишь общее), положим, честно, но поступок не нравственный **. Потому еще *нравственное* не исчерпывается лишь одним понятием о последовательности с своими убеждениями,— что иногда нравственнее бывает не следовать убеждениям, и сам убежденный вполне сохраняя свое убеждение, останавливается от какого-то чувства и не совершает поступка ****. Бранит себя и презирает умом, но чувством, значит совестью, не может совершить и останавливается (и знает, наконец, что не из трусости остановился). [То что] Это единственно потому остановился он, что признал остановиться и не последовать убеждению — поступком более нравственным, чем если б последовать. Засулич — «тяжело поднять руку пролить кровь»,— это колебание было нравственнее, чем само пролитие крови.

Мутная волна *****. Это я после Карамазовых-то мутная волна? А вы, небось, светлая? Ах если б вам какой анекдотик. Прибегать к кайме, чтобы запачкать. Президент украл яблоко ******.

---

* *На полях слева:* !! № !!!!

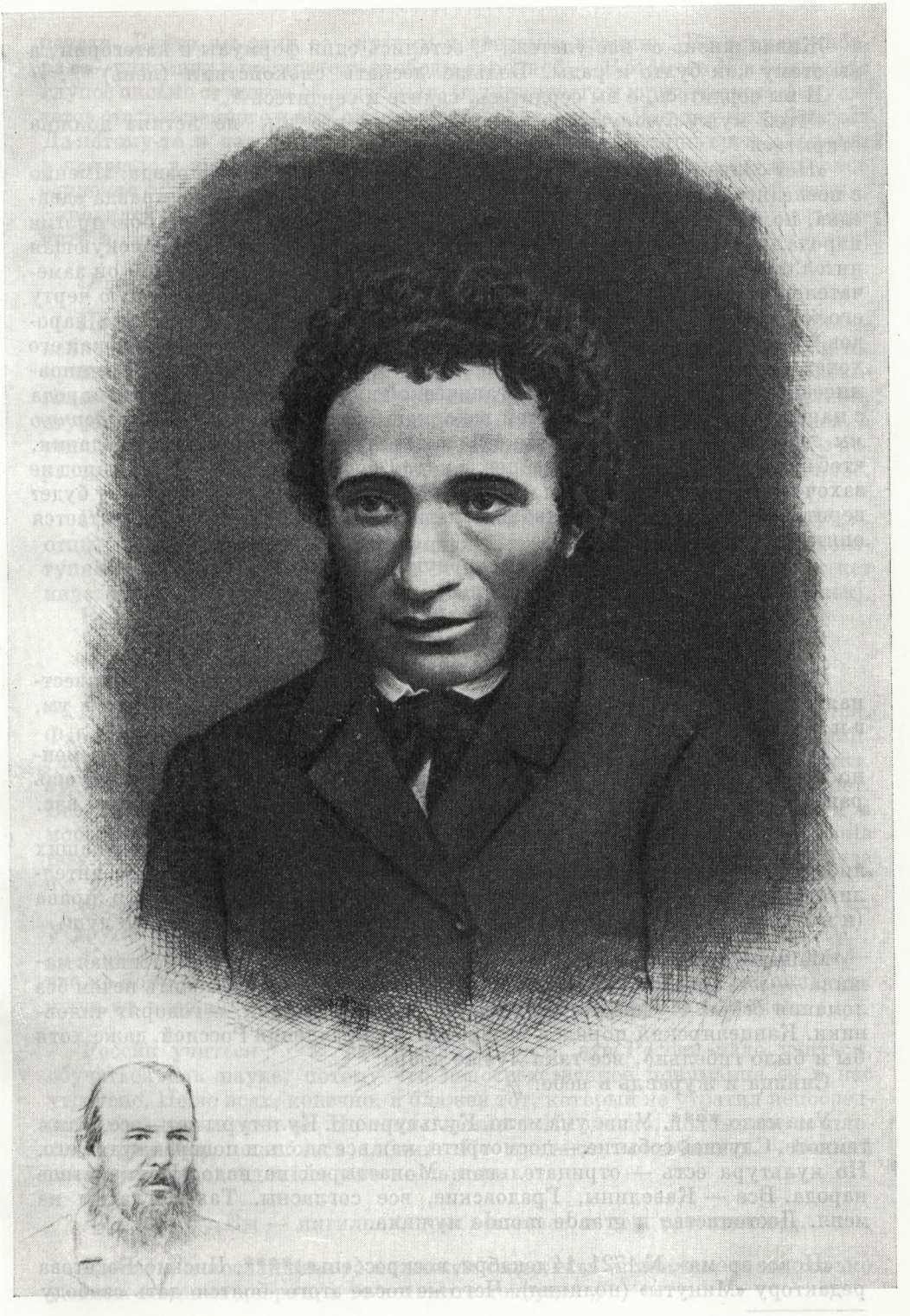
** *На полях слева*: Кавелину

*** *На полях слева:* !! № !!!!

**** *На полях слева:* № !!!!! *Выше в начале абзаца* №!

***** *На полях слева:* «Вестник Европы».

****** *На полях слева:* + + !!



ПОРТРЕТ ПУШКИНА С ПОРТРЕТОМ ДОСТОЕВСКОГО В РЕМАРКЕ

Офорт Л. Е. Дмитриева-Кавказского, 1880

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Живая жизнь от вас улетела *, остались одни формулы и категории, а вы этому как будто и рады. Больше дескать спокойствия (лень) **. //
И вы сердитесь, о вы сердитесь, сидите и сердитесь *.
«Чтоб мужу-бую умудриться». Муж-буй это вы, но истина должна открыться *.
«Нет славянофилов и западников *как партий*» *. Это неправда. Именно в последнее время образовались в партии.— Славянофильство правда едва-едва, но западничество — это партия во всеоружии, готовая к бою против народа, и именно политическая. Она стала над народом как опекующая интеллигенция, она отрицает народ, она, как вы, спрашивает, чем он замечателен, и, как вы, отрицает всякую характерную самостоятельную черту его, снисходительно утверждая, что эти черты у всех младенческих народов ***. Она стоит над вопросами народными: над земством [над], так как его хочет и признает народ; она мешает ему, желая управлять им по-чиновнически, она гнушается идей органической духовной солидарности народа с царем и толкует о европейской вздорной бабе, [которую] (*Бабу вздорную мы эту*) и, конечно, только для себя зовет эту бабу, для увенчания здания, чтоб быть похожими на европейцев, *а народ опять скуем*. Ибо, если народ не захочет промежуточной бабы между собой и царем, а все по-прежнему будет верить, что он — дети, буквально дети, а царь — отец, то ведь остается опять сковать народ.

Бабу вздорную мы эту,
Из Европы...
Подведем... к ответу,
А народ опять скуем.

Вот ведь ваши идеалы! Как же вы не партия? Разве не с вами известная сила? И кому, кому в руку вы работаете — заходило вам это в ум, г-н Кавелин?
В 1-й № ****. Идеал красоты человеческой—русский народ. Непременно выставить эту красоту, аристократический тип и проч. Чувствуешь равенство невольно: немного спустя почувствуете, что он выше вас.

Крепостное право! **** Презрительное отношение к народу в наших либералах (и во всех) в Кавелине, н⟨а⟩прим⟨ер⟩, и возвеличение интеллигентной зоны — [ей ос] есть следствие и остатки крепостного права (и в Кавелине, например), даже в тех людях, у которых и не было душ.

Машина важнее добра ****. Правительственная административная машина — *это все, что нам осталось*. Изменить ее нельзя, заменить нечем без ломания основ. Лучше уж мы сами сделаемся лучшими,— говорят чиновники. Канцелярский порядок воззрения и управления Россией, даже хотя бы и было гибельно, все-таки лучше добра.
Синица и журавль в небе. //

Ума мало ****. У нас ума мало. Культурного. Культуры нет—все, как в темноте. Случись событие,—посмотрите, как все вдоль и поперек судят его. Но культура есть — отрицательная. Монастырей не надо. Наука выше народа. Все — Кавелины, Градовские, все согласны. Так согласны на меня. Достоинство и grande monde мужика.

«Новое время», № 1721, 14 декабря, воскрес⟨енье⟩****. Письмо Бекетова редактору «Минуты» (полиция). Чего же после этого боятся дать свободу

---

* *На полях слева:* Кавелину
** *На полях слева:* + + !!
*** *На полях слева:* !!! ××× !!! Непременно
**** *На полях слева.*

печати. Дайте мы сами ее окрутим и введем в границу. Во всяком либерале—чиновник и попиратель свободы народной.— В этом же № в фельетоне глупое письмо студента об отделении медицинского и юридического факультетов отестественного и ист⟨орико⟩-филологического.«Что-де у них общего?» Да потому-то и надо общение, что медики и юристы—лишь специальности и что мало в них духа науки, образования, культуры. Было бы духовное единение студентов, вошел бы и в медиков и в юристов высший смысл науки. Зародился бы вопрос по крайней мере. А вы хотите их еще больше разъединить и специальностью *необразованной* сделать. Vivat будущий чиновник!

«*Русь*», № 5. О студенческой истории. И хорошее и пошлое.

Нет культуры *. У нас нет культуры, за двести лет пустое место. Объяснение читателям, что такое культура. Ни науки, ни развития, ни чести, ни лучших людей (14 классов, legion d'honneur**). Стукаемся в темном месте головами, какой хотите вопрос — и мы тотчас пропали. Школы, нигилизм, студенты, увенчание здания или надежды на народ — изо всего деремся, а решить не можем. Есть семинаристы — явились с // аттестатом волчьим, с корыстью. Есть благодушные — Кавелин. Польский вопрос. Женский вопрос.

Градовский, Исаакиевский собор — отцы. Да откуда же они возьмутся, отцы. Теперь решили — конституцию! Будут учреждения, будет конституция, будет и все. Покойно. Да откуда же оно возьмется все, если нет ничего (кроме возвышающихся над народом и нацией аристократишек).
Бекетов, студент — стукание лбами.

Кавелин — крепостник — (первая часть его ответа).

Передовая *. Всеобщая бедность. Ничего не покупают. Купцы жалуются. Фабриканты сокращают. Рубашки. Ресторан. Книги. Выкупные прожили. [пов]. Теперь еще валят леса, но скоро все и вся обратится в мошенника, зуд, аппетит капитана Копейкина. Землевладение крякнуло, труда нет. Без труда. Голодные *** высшие, не низшие, а высшие обратятся в мошенников. Повлияет политически. Жажда внешней перемены. Tabula rasa. Всякий говорит все-таки лучше будет, чем теперь. Финансы, Абаза и т. д.
(Вся надежда на народ, так не подрывайте корни народные.) — У других на увенчание здания.
Копейкин, дворянская честь, дворянская шпага, привитая Петром,— все по боку. А тут западники стали на внешнем изменении. Механически ждут от внешних форм спасения. Это последнее слово западников. //

России учиться *. У нас дошло до того, что России надо учиться, обучаться как науке, потому что непосредственное понимание ее в нас утрачено. Не во всех, конечно, и блажен тот, который не утратил непосредственного понимания ее. Но таких немного. И, однако, положение-то плохое, понимали, сшиблись лбами. Не продают, озлобились.— Всякий такой уже не западник и уже не партия.

Кавелину *. Вы — нигилист, тем комичнее и тем трогательнее.

Дескать, и посланника-то не можем содержать прилично, разве только у самых высоких дворян, а то возьмите консула. //

---

* *На полях слева.*
** почетный легион (*франц.*).
*** *Над строкой:* Ведь

Статья Н.Б. в «Руси»,№ 5*. Да культура есть, но родилась, отрицая целое и воротясь к народу в самом малом меньшинстве. Остальные же окультурены отрицательно. (Кстати: почему Петру необходимо было закрепостить народ, чтоб получить образованное сословие?) Освободили крестьян отвлеченно, русского мужика не только не понимая, но и отрицая, жалея его и сочувствуя ему как рабу, но отрицая в нем личность, самостоятельность, весь его дух. (Кавелин.)

*Проект**. Что до меня,то я *почти* уверен, что проект его не будет принят, несмотря на то, что он сверх абсурда заключает в себе и несомненные достоинства, например хитрость и веселость.

Мужик *. Как муха в патоке. Это уже не беспорядок, это отчаяние беспорядка. //

Проект *. Так что воротившаяся ледя, приставая к мужу, невольно будет способствовать игре восточного вопроса в нашу пользу.

Имея в виду лишь одну веселость Европы.

Катать Гамбетту как союзника.

Молодых членов посольства, умеющих танцевать.

«*Русь*» *. В ответ «*Слову*»: мы зовем к сознанию. Да тут именно такое проклятое дело, что нужно *все* сознать, а не что-нибудь только. Ибо сущность дела лежит именно в особенностях характера русского народа. А если до этого коснулись,— надо знать все. Не то как раз придете к заключению Гамбетты в разговоре с г. Молчановым, корреспондентом «Нов⟨ого⟩ времени», в том самом разговоре, который заканчивается криком г. Молчанова: Vive Гамбетта!

Молч⟨анов⟩.

Гамбетта.

Вот вся наша западническая партия [кри] говорит то же самое, что и Гамбетта: не миновать, дескать, общего пути, ибо все народы... одинаковы. — Ну разве не то говорит г. Кавелин?

Передовая.— А земский-то грех! Не дадут они вам финансов. Мужик, пьянство, бессудность: пропадай все, буду и я кулаком. Правды нет. Восток. Азия. Железные дороги, живем для Европы. Экономия, 4 вместо 40; прибедниться, сесть на дорожке. Петр Великий сделал бы.

Министр финансов, внутренних дел, иностранных дел — и... и... западничество.

Нет культуры. Н. Б. Есть культура, но отрицающая вашу,— не смешивайте. Она грядет. Она заговорила.

Да, нет культуры. Искали нигилистов. Градовский, кафедра Исаакиевского собора.

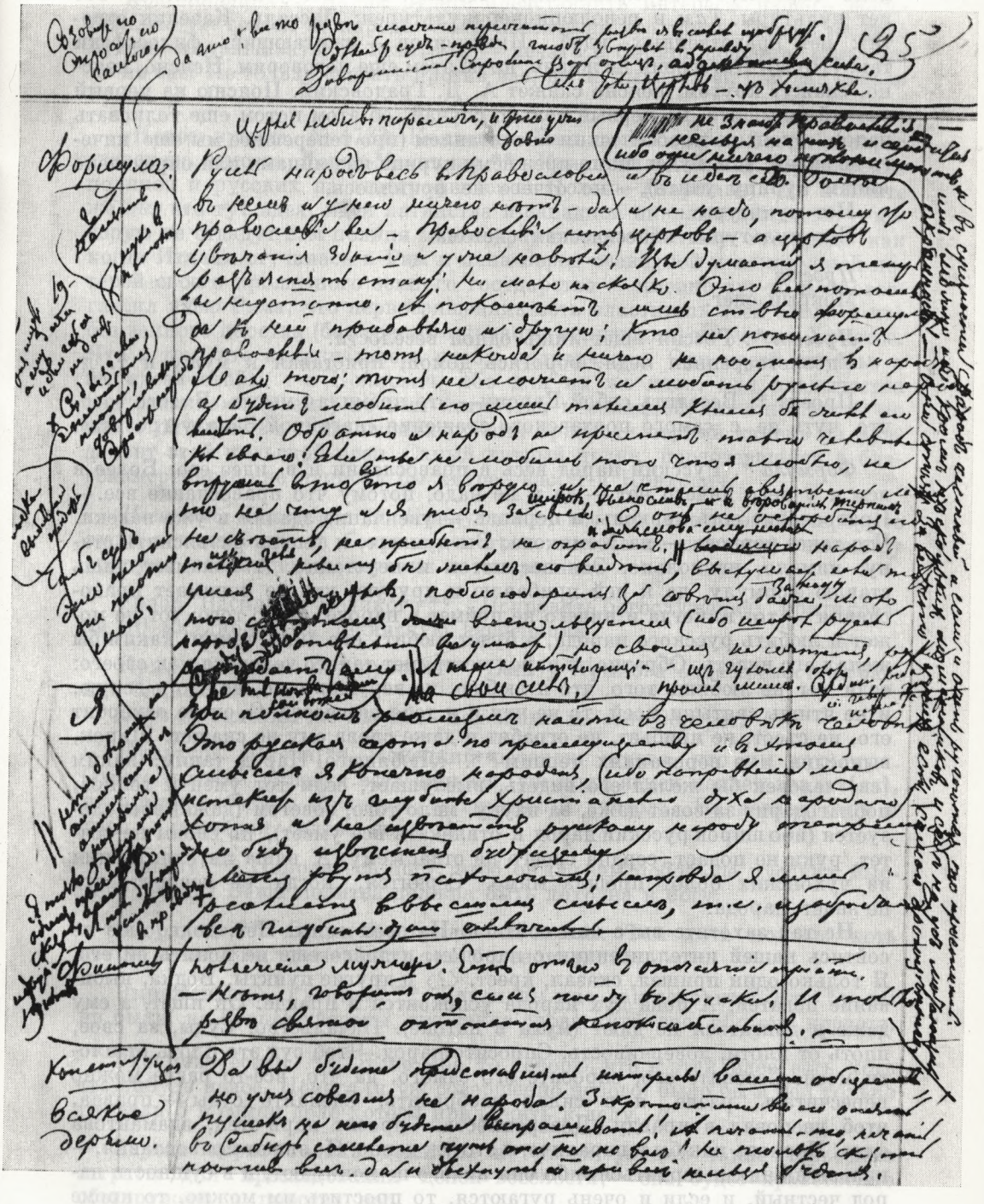
Да где же взять отцов?

Завелся, к сожалению, Кавелин. //

Кавелин *. О, не такой нигилист, которого нужно повесить. Разбор Кавелина: нет, дескать, самостоятельности России. Красный цвет, Аксаков; прочесть в классе прокламацию: да если вопросы чести, пользы перепутались.

Передо мной стоял гимназист. Зарезать отца или спасти ребенка — одно и то же. Чума, Языков: Ах кабы все умерли! Все перепуталось и серьезнее, чем вы думаете, ибо они честнее отцов и переходят прямо к делу. Вы в классе прочтите прокламацию насчет чести, долга, а он вас (Аксакова) спросит, что такое честь, что такое долг. Еще хорошо,

* *На полях слева.*



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К СТАТЬЯМ ДЛЯ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Записная тетрадь, 1880—1881

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

коль спросит, а то промолчит.— Почему это все у нас так? А вот нет культуры. *Там* и революционер культурен: Лассаль. Кавелин ответит: нет нравственных идей. Инквизитор — сжигающий, философски так. [Но об] Категории не жизнь, но об этом еще поговорим. Неясно, неясно, скажут кругом, неясно скажет А. Д. Градовский. Поясню на первый случай (слышите, на первый только случай, об этом потом еще толковать надо) — поясню классическим воспитанием (про теперешнее мы еще ничего не знаем, т. е. будет ли по-прежнему курица над яйцами или определено яйцам курицу учить),— но отчего не принялось.

Нет культуры.

Нет культуры: классическая система.

Проект

Мокрый снег.

Проект *. Россия ищет лишь одной веселости.

Удовлетворенная ледя, воротясь домой, приставая к мужу и т. д.

Проект *. Веселить собой Европу— это премилая мысль. Вместо того, что чуть не с самого полтавского сражения «нагайкой Западу грозить».

Формула *. Русский народ весь в православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет — да и не надо, потому что православие все.— Православие есть церковь, а церковь — увенчание здания и уже навеки. Что такое церковь — из Хомякова. Вы думаете, я теперь разъяснять стану: нимало, нисколько. Это все потом и неустанно. А покамест лишь ставлю формулу, да к ней прибавлю и другую: кто не понимает православия — тот никогда и ничего не поймет в народе. Мало того: тот не может и любить русского народа, а будет любить его лишь таким, каким бы желал его видеть. Обратно, и народ не примет такого человека как своего: если ты не любишь того, что я люблю, не веруешь в то, во что я верую, и не чтишь святыни моей, то не чту и я тебя за своего. О, он не оскорбит его, не съест, не прибьет, не ограбит и даже слова ему не скажет. Широк, вынослив и в верованиях терпим **. [Любящего] Народ таким, каким [св] человек бы желал его видеть, выслушает, если тот умен и толков, поблагодарит за совет даже, за науку, мало того, советом [даже] воспользуется (ибо широк русский народ и отвлекать все умеет), но своим не сочтет, руки не подаст, сердца своего не отдаст ему. А наша интеллигенция из чухонских болот прошла мимо. Сердится, когда ей говорят, что не знает народа.

Не так захотите вы с ним сойтись. На свои силы. Нет, долго еще не сойтись нашей интеллигенции с народом, и долго еще не понять ей его. Я только один пришел, сказал, крест. ⟨?⟩ и другие пункты. Водка, выбивание податей. А пока дух народа успокоится в правде. Он ищет, а ему даже и двигаться не дают (муха в патоке). Начальство. Суды, за свое, плоть от плоти, доверчивость. Спросите народ. Чтоб суд это плоть от плоти моей. Созовите его, спросите его самого, да что, всё-то разве можно пересчитать, разве я в силах изобразить. Сделайте суды — правда, чтоб уверовал в правду. Доверенность. Спросит царь-отец, адамантова сила. Церковь как бы в параличе, и это уж давно. Не знают православия,— нельзя на них и сердиться, ибо они ничего не понимают, и в сущности народ честный, и если и очень ругаются, то простить им можно, то кроме нескольких мошенников и себе на ус мотающих окраинцев — они стоят за все, что у них есть самого драгоценного.

---

* *На полях слева.*

** Широк ∽ терпим — *над строкой.*

Конституция *. Да вы будете представлять интересы нашего общества, но уж совсем не народа. Закрепостите вы его опять! Пушек на него будете выпрашивать! А печать-то — печать в Сибирь сошлете, чуть она не по вас! Не только сказать против вас, да и дыхнуть ей при вас нельзя будет. //

«Новое время», № 1733, Коялович. Речь де Роберта в Твери и адрес тверского земства Лорис-Меликову **. Коялович о Польше. Примирение поляков и русских на этнографической Польше (Варшава). Да поймите же вы, что тут идея, идея латинства и западной цивилизации, идея —которую не отдадут вам поляки за этнографическую Польшу. Это вроде как когда Италия стучалась в Рим и папа перед очевидной и неминуемой потерей своего крошечного земного государства — именно тут-то и провозгласил идею Рима, что первосвященник есть властитель всей земли и что без земного царства (без третьего дьявола искушения) не устоит Христос. Что в том, что поляки теперь слабы политически. Они идеей сильны, а вы идеей слабы, г-н Коялович, ибо для их же идеи, для владычества над славянами (всеми) во имя латинства и западной цивилизации — во имя этой идеи, вы сами, своими руками принесли первый камень на фундамент этой польской идеи. Самый хитрый поляк, переодевшийся в благонамеренного, не написал бы хитрее вас, г-н Коялович.

Невинный Петербург **. Придумывают все это, конечно, в Петербурге люди невиннейшие (а боярыня смотрит, ничего не смыслит), но снизу орудуют всеми делами кулаки и чиновники.

Голос Василия Великого **. Исправить богослужение: критиковали 10 миллионов на текинскую экспедицию.

Крылов «Свинья под дубом» **. Есть у Крылова одна прелестная басня. Свинья и т. д.
Ведь не захотим же мы быть похожими на этот портрет. //

Культура. Школа **. Немецкий ребенок: оттого, что мы культура. Оттого мы всех умней и всех сильнее (уж коли немец начнет хвалиться), не армия победила Францию, а школьный учитель. На взгляд отца и сына — гимназия святое дело. //

Юрьеву **. Помолитесь богу, чтоб он дал вам побольше русских мыслей. [Я зн.] Ваша молитва должна быть доходна к богу.

«Порядок» **. Орган беспорядочной мысли. Там хоть молись, хоть нет — ничего не произойдет, тем более порядка.

Выражен⟨ия⟩. Ругатели **. Зачем вы мне так говорите? Кто бы вы ни были, но будьте уверены, что такие слова ниже вас, ибо они клевета.

Экономич⟨еская⟩ **. Я не про то говорю, что в этой идее есть хоть что-нибудь новое. Нового (и уж совершенно нового) было бы в ней только то, если б в самом деле хотели приложить к делу. //

Европа верит только деньгам, и, когда увидит такие серьезные затраты для преследования целей веселости,— она будет нравственно обезоружена и простит нас.

Проект **. Соловьиные языки, сигары в 130 р. сотня от Фейко (у Фейка есть такие сигары).

---

* *На полях слева*: Всякое дерьмо.
** *На полях слева.*

Но тут есть какая-то мысль. Он действительно что-то хотел сказать. Тем не менее нельзя понимать ее за нечто целое и законченное, а лишь за эмбрион, из которого действительно можно что-нибудь сделать. Взять мысль, по крайней мере.

Кокотливых дам.

Певицы, Патти...

Астрономы, академики, отдыхающие от трудов своих. Этому судну можно дать имя [какого-н] ак⟨адемика⟩ Веселовского (кого-нибудь из наших наиболее бездействующих академиков).

— которого-нибудь из наиболее бездействующих (отдыхающих) наших русских академиков.

Экономич⟨еская⟩ *. Кроме того что ⟨не⟩чего ** поставить на месте зоны (журавль в небе) — кроме того и тайный советник не захочет.

Проект *. Едет в открытом море, пароходы, пароходики, спасательные лодки, в случае чего-нибудь, ну чего-нибудь.
Нападение корсаров, холостыми зарядами, борт, визг, крик и вдруг турки оказываются молодыми кавалерами с цветами, новостями, сплетнями. //

Администрац⟨ия⟩ *. Нельзя без лучших людей, факт тот, что не так создаются лучшие люди, не так определяются и не так заявляются.

Проект *. Я почти уверен, что он принят не будет, по крайней мере в настоящем виде.
кокетливых дам, [кокот] затем кокотливых дам (но с достоинствами, наприм⟨ер⟩ любящих искусство или политику). Но чтоб колотил, это разве в тайне, у ⟨1 нрзб⟩ «Ливадии».

Может быть, судно с социальным оттенком, как наши журналы для социалистов и коммунаров, для смягчения их суровости веселостью. Тут жалование, девы и проч.

Проект *. Нет-нет, а какую-нибудь деревеньку из Восточной Рум⟨?⟩ и пристегнут к Болгарскому княжеству, лет в пять по деревне, и цель России будет таким образом достигнута.
А главное, брать веселостью, невинностью, соловьиными кашами.

Проект *. Да и идея не новая: тип идеи дан в Ливадии и в круглых поповках, так что Европа, по крайней мере, осталась уверена, что они предприняты для преследования целей веселости, тогда как мы, конечно, строили их совершенно серьезно.

«Новое время», № 1737. О земствах (выписка из «С.-П⟨етербургских⟩ ведомостей»). //

Проект *. В пять лет по деревеньке, с вознаграждением Австрии за каждую деревеньку княжеств⟨ом⟩ *** — вот, стало быть, цели России и достигнуты.

---

* *На полях слева.*
** *Первоначально:* некого
*** *Первоначально:* государством

NB. *Финансы* *. Прибедниться, сесть на дорожке, шапку перед собой положить, грошиков просить, куда уж тут секретарей посольства в Европу посылать.

Есть у Крылова одна прелестная басня об одной свинье.

Проект *. Месяца на четыре в году отдых, la Russie se reccuisse. Отдых и необходим, чтоб не наскучить беспрерывностью, хорошего, дескать, понемножку.

Финансы *. Да и у [каж] кого же нет звезды (?) (нет двух звезд).

Финансы *. Чиновники. Ведь все это журавли в небе. Нет лучше хранить синицу. И хранят синицу.

Раздвинуться-то нельзя (администрация), тут принципы. Нельзя впускать посторонние элементы.

Почему земские учреждения обращаются по духу своему в административные и претят народу?

Проект *. А главное, главное, возрастет наш рубль. Ибо Европа, видя нашу невинность, почувствует к нам доверие, а доверие родит рубли тотчас же.

3 пункта. 1) Совершенно иное отношение администрации к земле, чем было до сих пор.

2) Совершенно иной взгляд на Россию, как не на европейскую только державу, но самостоятельную и азиатскую.

3) Совершенно иной взгляд на самую администрацию и реформы к ней.

Что и это иметь в виду, напротив одно только это иметь в виду. //

Азия *. Что Россия не в одной только Европе, но и в Азии, и что в Азии может быть больше наших надежд, чем в Европе.

Заглавие «Свинья» *. Одной подходящей свинье.

Финансы *. Как это сделать? Не знаю. Петр Великий сделал бы. Важен принцип. То-то и дело, что не знаем, как и приступить-то. У нас вот, по поводу дефицита в 50 мильон⟨ов⟩ за текущий год, тотчас же предложили сокращение армии на 50 000 челов⟨ек⟩. Именно, именно, попали в точку: денежки-то у нас истратят (у нас ли не истратить), так что и не увидишь их, а армии-то все-таки пятидесяти тысяч солдат все-таки уже не будет.

Другие рекомендовали сократить армию даже разом наполовину (катай-валяй, благо либерально!). Да к чему наполовину, не лучше ли всю сократить, // а завести на ее место национальную гвардию, благо сего либерального европейского учреждения (уже и в Европе отжившего) у нас еще не было. А там и мобиль завесть. Редакторы либер⟨альных⟩ журналов станут полковниками и дивизионными командирами,— прелесть! [Не] То-то и есть, что не знаем, как экономить. Не солдат сокращать на целых 50 000 челов⟨ек⟩, а мошенничество в управлении солдатом и проч. (Администрация. Но тут принцип.)

В крайнем случае не только можно бы 50 000, но и сто тысяч сократить на время, в видах непреложнейшей пользы от экономии, но ведь куда

---

* *На полях слева.*

пойдут денежки-то, вот вопрос. Мало ль пустых и переполненных карманов ждут их в свои бездонные пропасти.

«Руси». И проч.* У нас либеральнее (чем завершение здания). У нас прежде всего народ спросить и только народ.

Он скажет все своему отцу, а там... и т. д.

Проект *. Откровенность, прямота и уже чистая, высшая невинность. Сим победиши. //

Финансы *. Освобождение, землевладение. 20 000 верст железных дорог, рабочий вопрос, вопрос земель, уживется ли аналогичная собственность рядом с общиной,— все это вопросы и требуют еще финансов. Да капитал любит спокойствие внешнее и внутреннее, не то прячется. Да мы и капиталистами-то не умели быть: мы знали только один ломбард. А тут вдобавок вдруг 20 000 ⟨верст⟩ железн⟨ых⟩ дорог,— что в Европе в полвека выстроились, а у нас вдруг. Да какое тут спокойствие, какое тут движение капиталов. Надо выждать. А Россию гонят: все потому-де что мы не европейцы, что не увенчано здание, мало ли криков.

И потому финансисту надо стоять, так сказать, вне времени и пространства и взять идею вечную и незыблемую... (для корней).

Финансы *. Журавль в небе. Ну что такое ваше земство, когда мы сами не знаем, каким ему быть, народным или чиновничьим? Вам смешно, а что коли вдруг решат и положат уже твердо и непреложно, что быть земству народным, самим собою, развяжут крылья, и что коли вдруг это народное-то в самом деле земство уже само, уже без всякого давления из высших сфер пожелает стать чиновничьим земством и само потянет к тому **. Не [то] даром же два столетия развивался вкус, и вы хотите, чтоб мы нечто твердое и стоющее променяли на эти загадки, на эти шарады, на этих журавлей в небесах. Нет, мы лучше сами исправимся и т. д. Синица.

Проект *. Ces dames... Под покровом своей красоты и невинности. (Морской воздух, пищеварение.)

*Проект**. И Россия встретит [их] врагов как ces dames под покровом своей [нищеты и] невинности, невинности и нищеты. Ну зачем они пойдут тогда, чтоб разорять // соломой крытые хаты, о полно, ведь они европейцы, они образованны. Ведь сказал же один наш профессор, что русский не может быть великодушен и иметь благородные чувства, потому что он необразован ***. А потому, как же я не заключу обратно, что Европа и европейцы не могут не быть великодушными и не иметь возвышенных чувств, потому что они образованны?

Ну а Польша тогда? [Ну как эт] А окраины?

Ну как это-то тогда, при невинности-то?

Это ты бросаешься в каждую мелочь! Да может тогда и польского вопроса совсем не будет. Все эти наши окраины, все это мелочь,— надо следить за главным, за существенно главным.

Гм. Да главное, пожалуй, у него и правда. Т. е. я не скажу, боже избави, и какой глупый, смешной проект, но... в нем что-то есть... что-то хитрое и практическое.

---

* *На полях слева. Ниже:* Начало

** *На полях слева:* Расширит возмож.

*** *На полях слева:* Проект

Я *почти* уверен, что его не примут нигде и везде засмеют, если только удостоят смеха, но в соображение — о, в соображение, может быть, примут. Именно цели-то веселости преследовали, когда все так хмуро и мрачно.

Окраины, все это вздор, все это мелочи и с другого боку, все мелочи. ⟨...⟩ Россия-де в Европе, и мы европейцы, и преследуем цели веселости. А более никогда и ничего, вот и все.

Я уверен, что он одумается, что от глупых слов своих об окраинах он откажется. При составлении проекта он просто забыл об окраинах и разгорячился, когда его застали врасплох, но в идее его все-таки есть нечто и т. д., т. е., конечно, его проект вздор, а какой смешной.

И в веселости идея, и в невинности идея, и во всем вместе — идея. //

Но... Идея веселости и идея невинности это, так сказать, уже указание или даже пророчество некоторой высшей политики. Конечно, у него глупо, и он ничего не сумел выразить, но... Я уверен, что проект его и т. д. Я почти уверен...

Финансы *. «*Страна*». Научить народ его правам и обязанностям. Это они-то будут учить народ его правам и обязанностям! Ах мальчишка! (Цинизм, отчаяние, правды нет, пьянство — что было бы с народом, если б у него не было религии? А что было бы? тогда бы начали учить его правам и обязанностям. Да он бы удавился!)

Финансы *. Освежите этот корень,—душу народную. Это великий корень. Этот корень начало всему.

А Россию-то подгоняют: почему это она не Европа! да как это она не Европа? Решено, наконец, и разрешен вопрос: оттого-де, что не увенчано здание. И вот все до единого кричат об увенчании здания. Механические успокоения всегда [мод] легки и приятны. Оттого-де, что не увенчано здание, оттого Россия и не Европа, а стало быть нечего вдумываться и нечего тревожиться: увенчать здание, и станет Россия сей же час в Европе. Главное и приятное в этих механических успокоениях то, что [заботиться] думать ни о чем не надо:

Мы верно уж поладим,
Коль рядом сядем,

наладила Сорока Якова. А что коль вы в музыканты-то еще не годитесь? Обвинять-то, отрицать-то вы годитесь, говоря что угодно. А дай-ка вам самим что-нибудь сделать: господи, что это будет! Говорильня-то будет, в этом // сомнения нет. Но из белых жилетов выработается лишь сия говорильня, а дела все-таки не будет, вот кричат о сокращ⟨ении⟩ 50 000. Выработался тип говоруна. Выходит, например, сановник и говорит собравшимся подчиненным: господи, что иной раз говорит! Сядет перед вами иной передовой и ведущий и тоже начнет говорить: ни концов, ни начал, дурман. Часа полтора говорит. Этот тип выработался. Этот тип народившийся еще не затрагивали. Много не затронула еще художественная литература наша и проглядела. Ужасно отстала. Все типы тридцатых, сороковых (и много-много [шес] начала шестидесятых) годов.

Финансы *. Тогда только, когда дух народа успокоится в правде и видя правду.

Проект *. Ведь рано или поздно, а к этому должно прийти, т. е. к веселости и невинности, иначе съедят. Не за европейцев, а за татар нас

* *На полях слева.*

Европа принимает. Затей с нами войну Бисмарк... — Бисмарк? Никогда: мы ему нужны для Франции.

— Э, вздор какой! Ну да, положим, нелепость, пусть нам Бисмарк объявит войну: кто будет его первым союзником? Тот же Гамбетта, та же Франция... [Если] уверяю тебя.

Финансы *. И... поворачивать к оздоровлению корней, тут сеять деньги, тут удобрить. Иначе...

Да что же тут нового? (засмеются). Да нового тут, пожалуй, нет ничего, кроме разве одного, но об этом скажу уж в конце статьи... А теперь к делу.

Где же корни? Да, например, самый народ и душа его.

Вот корень, самый первый и самый драгоценный.

Дайте ему свободу движения и внедрите в душу его, что правда есть в русской земле и что высоко стоит ее знамя... и многое, чего даже и не ожидаешь, не видишь и не предполагаешь, совершится, и финансы ваши пойдут по маслу...

Бог и царь ее держат. Не заслоняйте от народа царя. //

Финансы *. Как прочли им.., Коль читают, значит что-нибудь будет.

Превратные мысли: даром возьмем.

Явятся только комиссии для сокращения комиссий.

Пусть станет нам [до] самим дорог рубль — и вы увидите, как он тотчас же станет дорог и на европейском рынке и подымется ему цена в один миг, и безо всяких внешних займов **.

Податная система (изменения). Все это очень полезные, положим, лекарства, но механические, пора начать и с других, высших.

Россия вся для себя, а не для Европы.

Россия хоть и в Европе, но Россия и Азия, и это главное, главное.

Крутые меры, крутые решения. Угрюмая экономия.

Да восточный вопрос разрешится сам собою ***. В сущности восточный вопрос для нас теперь и не существует. Мы решим его вдруг, в грядущие времена, выберем минутку такую в Европе, в роде франко-прусской войны, и когда притом сама собой затрещит Австрия. Потому что там тоже все решится само собой, помимо всех соображений и всех Бисмарков. Только бы нам не ввязываться, о, только бы нам не ввязываться, т. е. спасать порядки и проч. Трещите себе, валитесь,— а мы тем временем станем твердо и остановим волну именно тем, что стоим твердо. Только стоим. И тем только, что мы стоим, что мы есть, и спасем европейское человечество! Но эту басенку мы еще поясним впоследствии. Что радикальные потребны тут лекарства.

[Но] Сами запросятся в чиновники и станут тянуть к тому.

Да вы-то кто? Разве вы не дети чиновников и не внуки их? //

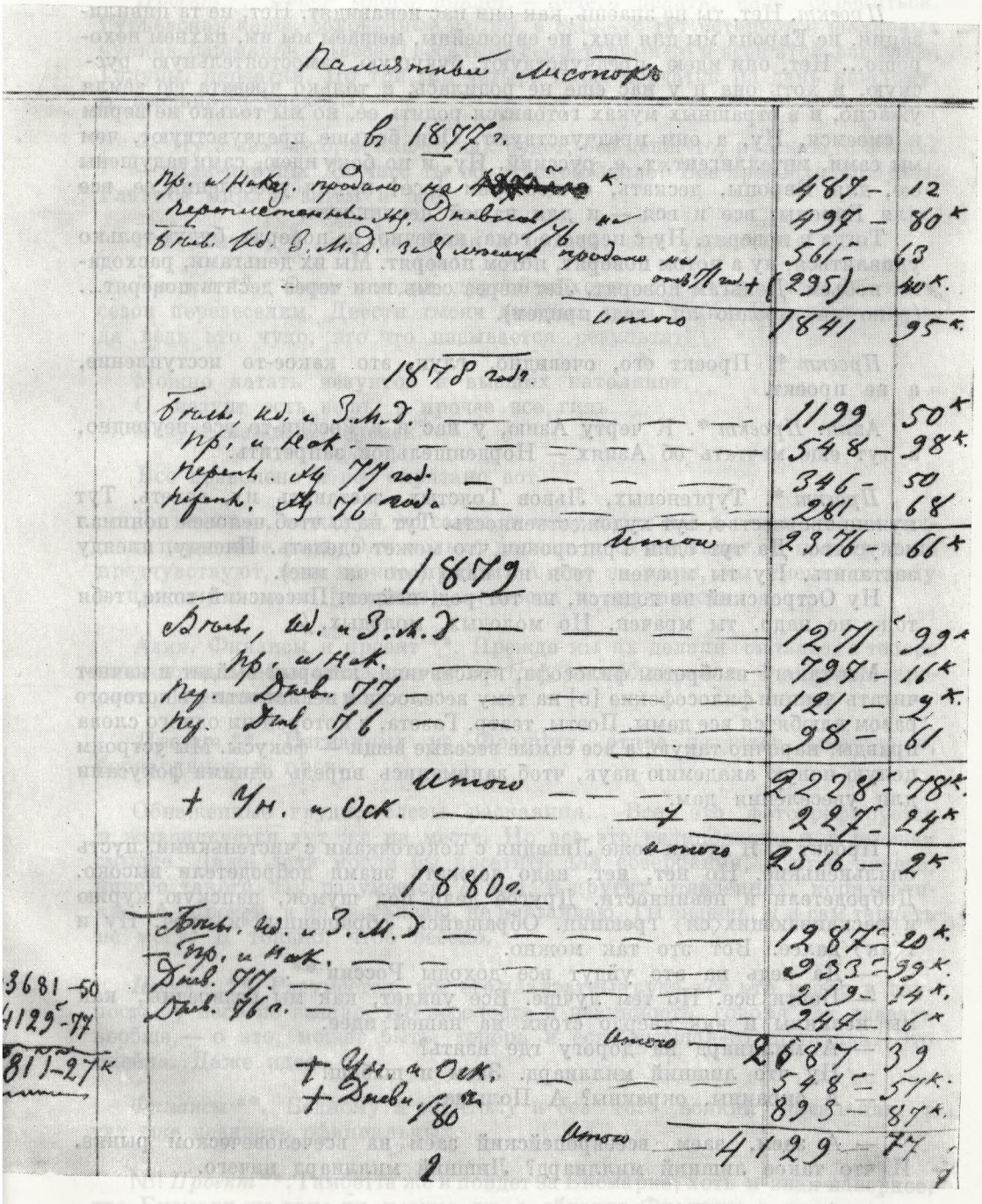
Финансы *. К оздоровлению корней —это можно приступить, и определить даже на то миллион-другой в год — на том ревизию устроить, комиссию составить для исследования способов к оздоровлению корней и подкомиссию для собрания сведений, а так чтобы все бросить и только о корнях думать, нет это нельзя.— Ибо теперь нечто, а тогда в ничто въедем.

---

* *На полях слева.*

** *На полях слева:* Финансы

*** *На полях слева:* Азия



Памятный листокъ

въ 1877 г.		
Пр. и Наказ. продано на ~~[illegible]~~ к.	487 –	12
Перепечатанные Ж. Дневника 76 на	497 –	80 к
Бѣлов. Ид. З. М. Д. за 8 мѣсяцъ продано на	561 –	63
отъ 76 год. +	(295) –	40 к.
Итого	1841	95 к.
1878 годъ		
Бѣлов. Ид. и З. М. Д.	1199	50 к
Пр. и Нак.	548 –	98 к.
Перепеч. Ж. 77 год.	346 –	50
Перепеч. Ж. 76 года	281	68
Итого	2376 –	66 к
1879		
Бѣлов. Ид. и З. М. Д.	1271	99 к
Пр. и Нак.	797 –	16 к
Пер. Днев. 77	121 –	2 к.
Пер. Днев. 76	98 –	61
Итого	2228 –	78 к.
+ Ун. и Оск.	227 –	24 к
Итого	2516 –	2 к
1880 г.		
Бѣлов. Ид. и З. М. Д.	1287 –	20 к.
Пр. и Нак.	933 –	99 к.
Днев. 77	219 –	14 к.
Днев. 76 г.	247 –	6 к
Итого	2687	39
+ Ун. и Оск.	548 –	57 к.
+ Дневн. 80 г.	893 –	87 к.
Итого	4129 –	77

3681 – 50
4129 – 77
811 – 27 к

ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО О ДЕНЕЖНЫХ ПОСТУПЛЕНИЯХ
ОТ ПРОДАЖИ ОТДЕЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ РОМАНОВ И «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Записная тетрадь, 1880—1881

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Проект. Нет, ты не знаешь, как они нас ненавидят. Нет, не та цивилизация, не Европа мы для них, не европейцы, мешаем мы им, пахнем нехорошо... Нет, они идею предчувствуют, будущую, самостоятельную русскую, и хоть она и у нас еще не родилась, а только чревата ею земля ужасно, и в страшных муках готовится родить ее, но мы только не верим и смеемся. Ну, а они предчувствуют. Они больше предчувствуют, чем мы сами, интеллигент, т. е. русский. Ну, и по боку идею, сами задушены ею, для Европы, дескать, существуем [все] и для увеселения ее, все для Европы, все и вся — и для нашей невинности.

Тогда и поверят. Ну с первого года, конечно, не поверят, будут только удивляться, ну а потом поверят, потом поверят. Мы их деньгами, расходами побьем. Деньгам поверят. Лет через семь или через десять поверят... (рано ли, поздно ли, ведь придем).

Проект *. Проект его, очевидно, глуп, это какое-то исступление, а не проект.

Азия. *Проект* *. К черту Азию, у нас и в России-то все неурядно, а тут еще мечтать об Азиях — Норденшельдов запретить.

Проект *. Тургеневых, Львов Толстых, заставить их, велеть. Тут нужно творчество, тут художественность. Тут надо чтоб человек понимал искусство. Да тут один Григорович что может сделать. Плеяду, плеяду заставить. Ну ты мрачен, тебя не надо (это он мне).

Ну Островский не годится, не тот род, нейдет, Писемский тоже, тебя тоже не надо, ты мрачен. Но молодых, молодых. //

Мы такого изобретем философа, красавчика, который выйдет и начнет читать лекции философские [о] на тему веселости и невинности и в которого разом влюбятся все дамы. Поэты, театр. Газета, в которой ни одного слова правды, нарочно такую, а все самые веселые вещи — фокусы. Мы устроим целую новую академию наук, чтоб занимались впредь одними фокусами для увеселения дам.

Проект *. Я думал тоже Ливадия с кокоточками с чистенькими, пусть опальненькие. Но нет, нет, надо держать знамя добродетели высоко. Добродетели и невинности. Другое дело под шумок, папскую курию и раскаивающих⟨ся⟩ грешниц. Обращайся, обращенные и проч. Ну и т⟨ак⟩ далее. Вот это так можно.

— Да ведь на это уйдут все доходы России **.

— Почти все. Но тем лучше. Все увидят, как мы безвредны, как мы невинны и как твердо стоим на нашей идее.

— А миллиард на дорогу где взять?

— Ну что лишний миллиард. Заем и шабаш!

— А окраины, окраины? А Польша...

— А заем, заем, всеевропейский заем на всечеловеческом рынке. И что такое лишний миллиард? Лишний миллиард ничего.

— А армию сокращать, по мере водворения доверия и сокращать до минимума, до ничтожества. Денежки-то и найдутся. Да и чего ты боишься? Разве я не читал, что и теперь уже пишут, что ее можно наполовину сократить и что ничего не будет,— это теперь-то, теперь, когда все нас съесть хотят и у каждого камень за пазухой. //

---

* *На полях слева.*

** *На полях слева:* [Проект]

Проект *. Денег много пойдет,— нечего делать, надо скрепиться. Гурьевская каша, соловьиные языки, а сколько тут истопчется шелковых чулков, башмаков — [весел] веселыми секретарями-то и всей этой фишелью. Галуны, перчатки. По три, по четыре пары перчаток на день каждому. А высшие-то расходы?

— Ну а земля-то, земля-то как будет, без денег-то, русская-то земля?
— Как-нибудь. Да чего ты об русской земле? Все превосходно будет. Главное мир, а затем и все.

Все явится, и деньги явятся и подати, еще увеличатся!

Проект **. Один входит, другой выходит, тысяч сто, али двести в сезон перевеселим. Двести тысяч веселых умов дадим Европе в сезон, да ведь это чудо, это что называется результат!

Можно катать иезуитов и высших католиков.
О, иезуит есть вещь, а прочее все гиль.
Иезуит важный человек.

Все позволено и все спрятано вот.

Да ведь это, пожалуй, то самое, к чему ведут нас в газетах наши русские передовые умы. Они только дальше носа не видят, а потому и не предчувствуют, куда можно прийти. А идя за ними, мы именно к тому и придем, т. е. к [изъявив] веселости и невинности.

Азия. Финансы и проект **. Прежде мы их делали сильнее, а теперь они нас сильнее, и кто ж как не мы тому способствовали. Францию возродили, Германию... и т. д.

Проект **. Изгнанных из Франции отцов иезуитов, капуцинов, бернардинов и проч.

Обнаженные груди, слезы раскаяния... Все это фотографируется и живописуется тут же на месте. Но все это великолепно и в высшем смысле. Даже леди могли бы посетить для созерцания, и чтоб ничего, ничего такого. Ну разумеется // там, в других отделениях, коридорчики... А впрочем, я не настаиваю, не настаиваю. Ты знаешь, я и сам терпеть не могу. Я только, чтоб весело.

Проект **. Разумеется, все его квадратные суда все это вздор и глупость, у него не вышло. Но веселость и невинность, говоря так сказать вообще,— о это, может быть, теперь и есть высшая-то политика. Это идейка. Даже идея.

Финансы **. Бедному и забитому и без того всякий начальник, а тут еще двадцать официальных.

№! *Проект* **. Гамбетта же и пойдет за Бисмарка, хоть и зная наверное, что Бисмарк же рано ли, поздно ли, а обратит Францию в ничтожество, да сверх того зная наверно, что если кто на всем свете пожалеет Францию и мог бы не дать ее обратить в ничтожество, так это Россия, и все-таки на Россию с Бисмарком пойдет (предчувствие, что Россия — носитель какой-то новой идеи).

---

* *На полях слева*: [Проект]
** *На полях слева.*

Проект *. Сибирь и всю Азию на откупа жидам, американцам, англичанам, можно даже гарантировать пять процентов. Остров Новую Землю подарить Норденшельду за то, что шведам открыл Сибирь 300 лет после Ермака.

Проект *. Разумеется на судна должны приглашать наши европейские посольства, а для того усилить состав их особенно блестящими молодыми секретарями. Секретарей изготовлять в Петербурге, а для того основать в Петербурге еще два-три лицея с французским и английским, с танцеванием и фехтованием и проч. Завести кафедру умеренного либерализма и проч. А главное денег, денег и денег. Взять у народа.

〈...〉 Все лучшее разбить по участкам и отдавать на откуп, или если никто ничего за них не даст, то просто отдать в эксплуатацию // с гарантией 5 процентов. Все жертвы пусть будут принесены, только б нам избавиться от этого хлама.

Финансы *. Хоть обеспечена правда-то была бы ему (народу). [Из] И он больше бы дал вам. Несравненно. И знаете, он больше бы даже и выпил. Две рюмки в день (при обществах трезвости). Вы смеетесь.

Оздоровить. Это главный корень. Научить правам и обязанностям. Ах мальчишки.
Азия.
Не в том дело, чтоб приступить к оздоровлению корней, а в том, чтоб взять это за единственную задачу нам.
Суровая, угрюмая экономия...

Пусть дефицит, пусть даже банкротство.
Если это серьезно, то можно бы даже сократить армию, правда не более как на $^1/_{10}$-ю долю. Но сокращать не придется. Пойдут поступать сильнее.
Не в экономии дело, а в принципе экономии.

Как все книжно, свысока. Простодушно писать не умеют. Гордятся очень, тон берут не тот. Покровительствуют, учат, опекунами смотрят, в облако [ва] славы своей замыкаются.

Финансы *. Где уж мне равняться с нашими финансистами (NB. Вот только б не сочли они себя, с моих слов, в самом деле финансистами.)

Чтоб он в свой суд уверовал, чтоб он в представительство свое мировое уверовал и признал бы его за свое, [за в] за плоть от плоти своей и за кость от костей своих. Как сделать это? Умники пишут: надо научить народ его правам и обязанностям. (Ах, шалуны, ах мальчишки! Это они-то будут учить народ его правам и в особенности его обязанностям). Поучитесь у него прежде, судари, спросите его мнения, и он сам вам укажет, чего ему надо.

Проект *. Проект мечтателя, *сумбуриста*. //

Проект. Главное *.
— Твой проект сатира.
— Какая сатира? Я в самом деле.
— Да вот «в самом-то деле» самые лучшие сатиры и выходят.
— Так ты думаешь, за сатиру примут?

* *На полях слева.*

— Очень может быть.

— На кого? На что? О, если б только они знали, как я искренно.

Проект *. (В начале)— Женщины, женщины, главное женщины, потому что женщины всем орудуют. Нынче век женщин повсеместно. Женский век, говорю тебе. И вот, во-первых, во всей Европе первая женщина это уже, конечно, ледя.

— Кто такая?

— Ледя́, ледя́! Английская ледя́. Другие произносят леди, но я произношу ледя́. И даже с ударением на я. Более подходит к русскому языку. Ну одним словом, так хочу. Итак, ледя...

Финансы. Азия *. Восточный вопрос. Как мы там ни ввязывайся, а мы с Австрией, пока она с Германией вкупе, ничего не сделаем, несмотря на все их наглости. Они, может быть, того только и ждут, чтоб мы рассердились.

Программой финансов *.

— Оздоровление народа.

— Россия — Азия.

— Экономия.

— Уничтожение аристократизма, петербургского взгляда на народ и на Россию и смирение перед нею.

Проект *. Соловьиные языки, которые, должно быть, ужасная скверность, но сказано языки, так языки. Можно достать и воробьиных и вороньих и уверить, что соловьиные. //

Проект *. Деревеньку болгарскую причислят, вот и цели наши восполнились.

Других ведь целей в восточном вопросе у нас и нет. Ведь не Константинополь же [у нас] мы думаем завоевывать!

Финансы. Финал *. Сокращение 50 000 армии. Не заведете, сквозь пальцы промелькнут. А нам войско нужно, ух нужно, что бы там ни говорили *очень* умные люди, ну да на эту тему потом.

Денежки-то у нас промелькнут сквозь пальцы, и не увидим, а пятидесяти-то тысяч уж мы никогда опять не заведем, если раз их похерим (с такими же принципами), на эту дорогу вступать опасно. То есть, видите ли, оно бы и можно, ух можно, но с тем только, если б знать наверно, что не промелькнут денежки сквозь пальцы. А как это знать наверно? Только тогда и узнаем наверно, когда вступим на окончательную, «на суровую, на угрюмую экономию, на экономию в духе и силе Петра, если б тот захотел экономить». //

Петербург ничего, а народ все.

Финансы. Даже водки выпивают больше, а ведь только с финансовой точки теперь и хочу смотреть. Спросите народ о нуждах его и перво-наперво безо всякого посредства интеллигенции. О ее нельзя устранить, она скажет много умного, но пусть она скажет потом. Ведь они дети, со слезами, восторгом и любовью.

Финансы *. Мужик... Что у него в волости правда, что у него в суде правда, в земстве. Что правду любят и чтят начальники и проч.

---

* *На полях слева.*

NB. *Просвещение.*

Финансы *. Кроме 3-х еще тысяч сколько угодно.— Да что же вы? Да это не только министр финансов, но и внутрен⟨них⟩, но и иностран⟨ных дел⟩— все вместе ничего сделать не могут, если б даже и захотели поверить вашей галиматье. Тут сложившаяся действительность, тут два века истории, не ломать же их. Да это совсем и не финансовая мера, которую вы предлагаете.

— Это я знаю, что не финансовая, но не ждите и финансов. В моей статье нет ничего нового, кроме того, что не прилагалось.

Свинья.

И сколько бы пришло в народ.

Оздоровление корней, [кроме того] размеры сил, в ней только затраты, которые бы можно употребить на оздоровление корней.

Азия *. Совсем это не значит изменять просвещению и пойти ретроградным путем (не соваться *столь* к Европе, ибо это сование страшно дорого стоило нашим финансам. Освободили [Фр.] Европу от Наполеон⟨а⟩, войны, созидали там силы, теперь от них же миллион войска содержим. А то что даже забыли об России).

Спасали царей.

Азия *. Мы еще больше сделаем для Европы потом. Мы именно пригодимся ей в самый решительный для нее момент. А теперь что: втюримся до того, что за Папу, или спасать царей. //

А впрочем, эта тема (о народе) так велика, что где мне ее и исчерпать. Счастлив буду, если хоть капельку понятного сказал об этом первом и главном пункте оздоровления России.

Финансы *. Чиновники: Вы думаете, что мы гнилы, увидите, как мы крепки. Нет, мы еще выстоим. Еще простоит здание с нами, по простой механической инерции простоит. Ну а рухнем, и падение будет великое [но потрясение может со]. Но пока стоим. А вы что нам покажете взамен. Мы нечто, а вы ничто. А вас пример Европы, ваше страстное желание и любовь к народу, о которой вы столько толкуете и которая, бог знает, еще есть ли у вас? А ну как запроситесь сами в чиновники?

[Савельев]

На мартовск. №

Бестолковейшая статья «Нов⟨ого⟩ времени» о Гамбетте и прочности республики.

№ 1748, 9 январ⟨я⟩, пятница.

Замечательн⟨ый⟩ № «Нов⟨ого⟩ времени».

Азия *. Азия, ошибка вначале, слишком долго ошибка продолжается.

Крылов *. Это очень хорошая басня, и неужели, неужели кто-нибудь из нас захотел бы походить на этот портрет?

Кавелин *. Он уже старец и *угасает* с самым полным незнанием народа русского и с презрением к нему.

Финансы *. Экономия. Даже банкрутства не боятся; только лишь мы пойдем самостоятельно, так тотчас же сами кредиторы наши почувствуют к нам уважение и не объявят банкрутства нашего, а будут ждать

---

* *На полях слева.*

и надеяться. Сами даже придут к нам с услугами и капиталы предлагать будут. Но мы не возьмем от них, довольно. //

О Европе, о политике нашей в Европе, жили для Европы, а не для себя. Восточн⟨ый⟩ вопрос. Момент, как в франко-прусскую войну.

«*Новое время*», № 1751 *. 12 января 81 г. Понедельник. Письмо студента А. Ф. (в «Новор⟨оссийском⟩ телеграфе») о правах студентов. *К сведению.*

«Москов⟨ские⟩ ведом⟨ости⟩» *, 1881 г., № 9, пятница, 9 января. Передовая о школах и о мнениях «Вестника Европы».

Финансы! * Вот что скажут 14 классов «как таковые», говоря философским языком. //

Фин⟨ансы⟩ *. Нет, пусть лучше мы станем как-нибудь добродетельны и смягчим кое-что сообразно с веяниями времени, но за то ничего не упустим.

Кавелину *. Подражательность равна у всех народов (и пятиалтынников все одних вам надают сдачи, так вы сердитесь, а тут народы все одинаковы). Этим только вы доказали, что хоть и много прожили, но мало приметили. //

Кавелину *. Вы говорите, что нравственно лишь поступать по убеждению. Но откудова же вы это вывели? Я вам прямо не поверю и скажу напротив, что безнравственно поступать по своим убеждениям. И вы, конечно, уж ничем меня не опровергнете.

Проливать кровь вы не считаете нравственным, но проливать кровь по убеждению вы считаете нравственным. Но, позвольте, почему безнравственно кровь проливать?

Если мы не имеем авторитета в вере и во Христе, то во всем заблудимся.

Нравственные идеи есть. Они вырастают из религиозного чувства, но одной логикой оправдаться никогда не могут.

Жить стало бы невозможно.

Каламбур: иезуит лжет, убежденный, что лгать полезно для хорошей цели. Вы хвалите, что он верен своему убеждению, т. е. он лжет и это дурно: но так как он по убеждению лжет, то это хорошо. В одном случае, что он лжет — хорошо, а в другом случае, что он лжет — дурно. Чудо что такое.

Кавелину *. На той почве, на которой вы стоите, вы всегда будете разбиты. Вы тогда не будете разбиты, когда примете, что нравственные идеи *есть* (от чувства, от Христа), доказать же, что они нравственны, нельзя (соприкасание мирам иным).

Кавелину *. Это очень ретроградно от вас, г-н Кавелин. Как это вы недосмотрели и так промахнулись. Что станет теперь говорить княгиня Марья Алексеевна.

Кавелину ...Конечно, это не научно, хотя почему бы и нет: огромный факт появления на земле Иисуса и всего, что за сим прошло, требует, по-моему, и научной разработки. А между тем, не может же погнушаться наука и значением религии в человечестве, хотя бы и в виду исторического только факта поразительного своею непрерывностью и стойкостью. Убеждение же человечества в *соприкосновении мирам иным*, упорное и постоянное, тоже ведь весьма значительно. Нельзя же ведь решить его одним почерком пера, [так как] тем способом, как вы решили про Россию, т. е. у всех младенческих народов и т⟨ак⟩ далее. //

Кавелину *. Т. е. у всех, дескать, народов в младенческом состоянии и проч. и проч. Это уж слишком была бы легка наука.

---

* *На полях слева.*

Это уже петербургская наука, русско-европейская...

Кавелину *. Иквизитор и глава о детях. В виду этих глав вы бы могли отнестись ко мне хотя и научно, но не столь высокомерно по части философии, хотя философия и не моя специальность. И в Европе такой силы атеистических *выражений* нет и *не было*. Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое *горнило сомнений* моя *осанна* прошла, как говорит у меня же в том же романе черт. Вот, может быть, вы не читали «Карамазовых»,— это дело другое, и тогда прошу извинения.

Финансы. Экономия *. Решительно, как прежние баре — помещики, без гроша тону задаем, по Европе кутим. Вот, дескать, смотрите, какие мы богатые и роскошные, и как за окно деньги умеем кидать. //

Впрочем, не гожусь я писать статьи чисто финансовые, вперед не буду.

Портрет свиньи.

Мы имеем уже твердые данные в распоряжениях последнего времени, что у нас не хотят походить на этот портрет. И прочь его, этот портрет, надоел уж он нам довольно и прежде.

И какое просвещение? В ваших душах мрак, а не просвещение. В ваших душах такие трущобы мрака, которые никакой луч не озарит. Кого же вы просвещать думаете, кого?

Тут понятно: потому что вы сами не просвещены, души ваши гладки, как яйцо, вы средина, вы дрянь, вы кричащие наиболее...

Заговор *. Научатся у лаптей, как вести себя, говоря царю правду, тогда как теперь... *в заговор против народа* (обратится ваше увенчание здания) *.

Не теперь... теперь бессознательно, но потом так выйдет самою исторической необходимостью.

Final (если место будет), не боясь сказал, дело гражданина. Я не получаю наград и не получу.— Две *партии* в *бою*, в настоящем организованном бою. Ложно, если говорят, что нет партий.

Ваше увенчание здания, про которое народ уже слышал и прямо окрестил названием: «Господчиной». //

Азия *. Ибо только от пренебрежения к Азии не замечали мы до сих пор ее для нас необходимости.

39, 50, 49, 48, 46, 41, 38, 31.

Final. Сам знаю, что не экономическая статья.

Я стою за принцип, что оздоровление корней выше забот [от] лишь об одном текущем. А там, как угодно.

Кавелин.

— Нравственных идей нет **.

— Ошибочное выражение.

— Доказать их умом нельзя, это правда,

— Но что они тем не менее есть — это опять-таки несомненно. //

---

* *На полях слева.*

** *На полях слева:* Кавелину

17 августа 80 Слова, словечки и выражения.

— Вы изолгались и избаловались.

— Не вяжу лыка или Грудовскому отвечать.

— Гр. Грудов. Кто-то хочет или Грудовых, но Грудовых, не Грудовых. Единственное Грудовых от Грудовых выходит что-то вроде порога, но слишком вульгарно и выходит откуда-нибудь из-за кулис на тротуар, что вовсе не соответствует фамилии г. Грудовых.

— Брат Грудовых первый бы скушал [illegible] за Грудовых и на этой одной фамилии сделал целое состояние (Грудовых г. Грудовых кто бы Грудовых дольше дисциплинарных если задохнутся одни?)

— Вот Грудовские — этим бы лягушек ручных импортировать.

— Голосок уж видно сама она за полушку будет. Оглянувшись вперед в поход по вашу полушку и безсознательно сама-бы себя позорить, имея должность быть вражда ваша.

— Один Грудовой отличался или выделялся за других Грудовых.

— Не вяжу лыка или Грудовскому отвечать.

— Пухлое, коротконогое, и всегда радостно самодовольное и мягкое ветрунье.

— Продукты Запутавшегося и заподлявшего Западнейшества.

— Завелась плесень от правительства нечистоты, подобно как вошь от нечистоты физической, а пиявицы от нечистой слабосильной.

— До чего человек возобожать себя (Лев Толстой)

— Единый один Бог Конторы, но Бог Единому Конторы. Не один Бог Единому, один Квадрат и в нем только много много кругов бесконечно. Но Бог Конторы не имеет Божьего сознания, ибо все Божье Единое в Конторе пространственно и время это одно без Конторы нет Божьего Единого Сознания, Но Бог Конторы достигает Сознания, имеет, но Бог Конторы это не никогда не придет. Единый, прошлый что Бог Конторы Бог Конторы это сам абсурд. Единый сознает Бога и имеет, но Бог Конторы Бог Конторы Единому Единому и Богу, что сам абсурд, но лишь Бог умел сказать.

— Сознание (сознание) Бога Конторы, не выходит или выходит Бог Конторы, Единый сознает Бога и имеет Конторы Бог Божьего сознания, но Бог Конторы одно сознание и Божественное самосознание. Ибо сознание Божественное не было бы и Конторы не было бы и Божественного, Божественного Бога Конторы, т.е. если Бога и Конторы другие, но [illegible]

«СЛОВА, СЛОВЕЧКИ И ВЫРАЖЕНИЯ»
Записная тетрадь 1880—1881
Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Идеи.
22 сент⟨ября⟩.
Общество распространения св. книг Ветхого и Нов⟨ого⟩ Завета. Перевод Чет⟨ьих⟩ Миней на английск⟨ий⟩ язык (на первый случай выбор).

№. Самоограничение и воздержание телесное для свободы духовной, в противуположность материальному обличению, беспрерывному и безграничному, приводящему к рабству духа.

Припадки 79—80 гг.
10 октября 78 г.
28 апреля 79 г.
13 сентября 79 г.
9 февраля 80 г.
14 марта 80 г.
7 сентября 80 г. Из довольно сильных, без четверти 9 часов, порванность мыслей, переселение в другие годы, мечтательность, задумчивость, виновность вывихнул в спине косточку или повредил мускул.
6-го ноября 80 г. Утром в 7 часов, в первом сне, но болезненное состояние очень трудно переносилось и продолжалось почти неделю. Чем дальше, тем слабее становится организм к перенесению припадков и тем сильнее их действие.
С 6-го февраля ⟨?⟩ * очень скоро началась оттепель, продолжавшаяся очень долго, почти две недели. После слишком ранней зимы, предпоследний же припадок 6-го сентября соответствовал тоже крутой перемене погоды после долгого и мягкого лета, на холод и дождь.

Слова, словечки и выражения
17 августа 80.

Вы изолгались и избарабанились.

Не всякому же Градовскому отвечать.

Гр. Градовск. это тот же Градовский, но в рассыпном виде.
Если б взять фельетон А. Градовского, вырезать из него все фразы порознь, положить в корзину и высыпать откуда-нибудь с крыши на тротуар, то вот и составится фельетон Г. Градовского.
Григ. Градовский *первый* выскочил заступиться за А. Градовского. В этой однофамильности есть нечто смешное. (Думал ли Г. Градовский, что все Градовские должны защищаться, если заденут одного?)

Оба Градовские — эти два Аякса русской литературы. «*Голос*» устыдил меня [что] за похвалу «*Берега*». Оставим «Берег» в покое, но вашу похвалу я, бесспорно, счел бы себе позором. Мне делает честь вражда ваша.

Один Градовский тотчас же вылетел за другого Градовского.

Не всякому же Градовскому отвечать.

Тугое, картофельное и всегда радостно самодовольное немецкое остроумие.

Продукт затупевшего и заподлевшего западничества.

* *В оригинале:* сентября

Завелась от нравственной нечистоты полетика, подобно как вошь от нечистоты физической, а плащица от нечистоты сладострастной.

До чего человек *возобожал* себя (Лев Толстой).

Если б в мире был конец, то был бы всему миру конец. Параллелизм линий, ⟨треугольник⟩ *, слияние в бесконечности, одна квадрильонная все-таки ничтожность перед бесконечностью. В бесконечности же ⟨параллельны⟩е * линии должны сойтись. Ибо все эти вершины ⟨треугольни⟩ков * все-таки в конечном пространстве, и правило—что, чем бесконечнее, тем ближе к ⟨параллельно⟩му, должно остаться. В бесконечности должны слиться ⟨параллельн⟩ые линии, но — бесконечность эта никогда не придет. Если б пришла, то был бы конец бесконечности, что есть абсурд. Если сошлись ⟨параллельн⟩ые линии, то был бы конец миру и геометрическому закону и богу, что есть абсурд, но лишь для ума человеческого.

Реальный (созданный) мир конечен, не вещественный же мир бесконечен. Если б сошлись ⟨параллельные⟩ * линии, кончился бы закон мира сего. Но в бесконечности они сходятся, и бесконечность есть несомненно. Ибо если б не было бесконечности, не было бы и конечности, немыслима бы она была. А если есть бесконечность, то есть бог и мир другой, на иных законах, чем реальный (созданный) мир. //

Украл — Ну что ж не нашли? Где найти, ведь он руки своей не оставил.

Вот как они душу свою хранят. Души своей не хранят.

Мятущаяся, но не логическая голова.

Сатана **. Твоя мысль была, конечно, наряднее, но я взял ее в ее наготе.

Дьякон у нас так громко и чисторечиво читает, и уж так хорошо и *словесно* у него выходит.

Позвольте к вам прислать *через несколько дней* за ответом. Позвольте к вам прислать *дней через несколько за ответом.*

Семинарист. Кто таков **. Семинарист проклятый, атеист дешевый. Русский либерал: аристократ проклятый, атеист дешевый. Над народом величается своим просвещением в пятак цены.

Изверг сердцем и умом.

Не всегда же мы грешны, напротив, мы же бываем и святы. [Иначе] И кто ж бы мог жить, если б было иначе.

Призывно **. И написать так оригинально и *призывно*, что книгу не хочется выпускать из рук. **

Мокрое горе **. Женское мокрое горе (т. е. слезы).

---

* *В оригинале геометрические знаки.*
** *На полях слева.*

«Горе от ума» (Гончаров) *. Комедия Грибоедова гениальна, но сбивчива. //

Подъезжая под Женеву,
У подножия креста
Встретил ** *он* Святую деву
Матерь господа Христа.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 670. *Щедрин — вею свою стаю Глебовых, Михайловских, Елисеевых.* — Достоевский, очевидно, имеет в виду единое отношение к его идеям, провозглашенным в «Речи о Пушкине», со стороны «Отечественных записок», возглавляемых Салтыковым. «Глебов» (видимо, Глеб Успенский) после первого благожелательного отклика на речь Достоевского, связанного с ярким впечатлением от ее устного произнесения, написал очередной очерк из цикла «На родной ниве», где полемизировал с Достоевским («Отечественные записки», 1880, № 7). В сентябрьской книжке журнала появилась статья Н. М. (Михайловского) «Литературные заметки», в которой он критиковал позицию Достоевского и отдавал предпочтение взглядам А. Д. Градовского, споривше го с ним. Достоевский не мог не заметить и иронии Щедрина по поводу проповеди смирения и служения Европе в известном разговоре «мальчика в штанах» и «мальчика без штанов» («За рубежом». — «Отечественные записки», 1880, № 9).

Стр. 670. *...сатирического старца.*— Салтыкова-Щедрина.

Стр. 670. *Всечеловек.*— В первой же книжке «Вестника Европы» (1880, № 6), вышедшей после Пушкинского праздника в Москве, по поводу речи Достоевского было сказано: «Всечеловечность может быть только результатом всей полноты национального развития, а о ней мы считаем непозволительным и говорить в настоящую минуту, когда народ остается без школ, общество без возможности самодеятельности, литература — без элементарных условий, которые дали бы ей право считаться истинным выражением своего общества и народа <...> Речь г. Достоевского построена на фальши, приятной только для раздраженного самолюбия. И к чему, в самом деле, явился этот всечеловек? Даже быть им не особенно лестно; лучше быть оригинальным русским человеком, чем этим безличным всечеловеком. Опять все та же гордыня под личиною смирения». Об этом же писала и газета «Голос» в обзоре июльских номеров журналов (1880, № 182, 3 июля).

Стр. 670. *«Страна» и «Вестник Европы» о моей речи.*— Политическая и литературная газета «Страна» представляла то же либеральное направление, что и «Вестник Европы». Ее редактором был Леонид Полонский, который в течение двенадцати лет вел раздел «Внутреннего обозрения» в этом журнале.

В «Вестнике Европы», 1880, № 10, была помещена статья А. Н. Пыпина за подписью В. В., посвященная специальному выпуску «Дневника писателя» с текстом речи о Пушкине. Рецензент называет это «событием довольно печальным», подчеркивает разницу между речью и ее печатным текстом, сравнивает сочинение Достоевского с «Выбранными местами из переписки с друзьями» Гоголя, говорит о союзе Достоевского с Катковым. «... Желательно, чтобы в будущих рассуждениях г. Достоевского не были забываемы элементарные исторические факты и не был совершенно отвергаем здравый смысл» (стр. 818). В следующей книжке «Вестника Европы» (№ 11) была напечатана большая статья К. Д. Кавелина в форме «Письма к Ф. М. Достоевскому». Выражая в целом общую точку зрения редакции, Кавелин обращался к Достоевскому с высоким уважением, что дало повод для редакционного примечания журнала, где мнение Кавелина об «искренности и глубине убеждений г-на Достоевского» квалифицировалось как его «личный взгляд» (стр. 431). Еще резче, чем «Вестник Европы», отзывалась о речи Достоевского газета «Страна». В № 85, 30 октября 1880 г., говорилось: «Не один г. Достоевский возводит в идеальное совершенство известную добродетель известного животного, не один он проповедует всяческое терпение, незлобивость, покорность каждому негодяю, какого вы встретите на жизненном пути». Через несколько дней тот же автор (подпись: А. В.) в № 87,6 ноября, выступил со статьей «Все тот же спор» по поводу «Письма» Кавелина. Высоко оценивая статью Кавелина в целом как самостоятельное теоретическое сочинение, автор не удовлетворен характером критики Достоевского, недостаточно, по его мнению, резкой. «Мы думали, что восторгами московской публики да небольшой журнальной перестрелкой окончится весь шум, возбужденный речью г. Достоевского. Оказывается, что мы грубо ошиблись. Оказывается, что „речь" действительно имеет мировое значение <...> На дворе ноябрь месяц, а мы все еще с этой речью не можем покончить».

---

* *На полях слева.*

** *Над строкой*: Видел

«Г. Кавелин смотрит на г. Достоевского и на его проповедь совершенно иначе. Он находит, что г. Достоевский „с его необычайным талантом, всегдашнею искренностью и глубоким убеждением, коснулся именно тех самых вопросов, которые назрели в умах и сердцах мыслящих людей в России и живо их затрагивают". По нашему мнению, в этом взгляде, справедливом по отношению к вопросам, совершенно несправедливое отношение к г. Достоевскому. Здесь он является пророком, призванным „глаголом жечь сердца людей", проповедником лучших идей времени, между тем как в действительности г. Достоевский просто аскетический мечтатель в смысле теоретическом и обскурант в смысле практическом, пророк невежества, катковщины, а потом смирения и лампадного масла. Быть гениальным талантом — дело очень хорошее, но употреблять свой большой талант во зло обществу — дело совсем дурное, и это последнее свойство писателя совсем не заслуживает сочувствия и уважения».

Стр. 670. *Позаботился о вечном, а не о временно-утилитарном (для великих основных реформ). «Новое время», № 1664 и 1665. Сало возить, рожь и шерсть.*— В «Новом времени», 1880, № 1664, 15 октября, сообщалось об аукционной продаже мяса, прибывшего из Оренбурга, о вздорожании ржаного хлеба в Петербурге и различных злоупотреблениях хлебных торговцев, о большом повышении цен на хлеб и дрова в Волоколамске. На другой день, в № 1665, газета писала (статья «Новый сюрприз»): «Давно ли патриоты своего отечества с гордостью говорили, что салом, хлебом, шерстью и другими сырыми продуктами мы завалим всю Европу, а на поверку выходит, что едва ли не благовременно подумать уже, как бы поднятием таможенных пошлин оградиться от наводнения этих продуктов из Европы».

Стр. 670. *«Новое время». Статья «Мирские сборы».*— В «Новом времени», 1880, № 1671, 22 октября, в большой статье «Мирские сборы» говорилось об огромных размерах мирских сборов, значительно превышающих налоги казенные: государственный податный сбор и земские денежные повинности. Подчеркивалось, что в связи с разнообразием предназначений мирских сборов размеры их трудно предусмотреть и ограничить, понятие «общественной надобности» очень растяжимо. Здесь — широкое поле для злоупотреблений. Малограмотные старшины и другие сельские и волостные заправилы пользуются этим самым беззастенчивым образом. Корреспондент газеты отмечает: «Таким путем, по известным нам уголовным делам о растратах, обнаружены были весьма многие совершенно незаконные мирские сборы с крестьян, которые лучше характеризовать названием поборов, так как они целиком шли в карманы старшин и старост. Поборы и растраты общественных сумм составляют в крестьянском экономическом быту хроническое, из года в год увеличивающееся зло...»

В газете «Россия», 1880, № 36, 21 октября, была напечатана статья на ту же тему: «Наши земские дела. Сессии очередных земских собраний Петербургского уезда». Сообщалось, в частности, что за полтора года «повинность увеличилась почти втрое, не говоря уже об обременении местных обывателей разными дополнительными негласными сборами».

Стр. 670. *В статью о финансах.*— Эта и следующие записи на злободневную тему о финансовом кризисе в России, широко обсуждавшуюся в прессе. Заметки эти нашли отражение в единственном (январском) выпуске «Дневника писателя», 1881 г. (см. «Главу первую»).

Стр. 670. *Примирение с поляками.*— В «Новом времени», 1880, № 1664, 15 октября, была напечатана первая половина статьи Н. К. «Маркиз Велепольский в шестидесятых годах» (окончание статьи — в № 11, 22 октября). Статья посвящена вышедшей на французском языке фундаментальной биографии известного польского государственного деятеля Велепольского, написанной Г. Лисицким. Автор подробно останавливается на попытках Велепольского произвести перелом в польско-русских отношениях на основе взаимопонимания двух родственных народов. «... Мысль Велепольского о единении двух национальностей осталась: так или иначе ей принадлежит будущее». «Новое время», № 1676, 27 октября, поместило статью «Настоящий момент польского вопроса», где сочувственно приводятся слова Н. И. Тургенева, цитированные А. Н. Пыпиным («Вестник Европы», № 10), о необходимости законодательного единства для всех частей империи.

Стр. 672. *Щедрин. Очерки. За рубежом. ∽ О берлинском офицере.*— Имеются в виду первые главы цикла очерков «За рубежом». Разговор автора в вагоне поезда с советниками Удавом и Дыбой — блестящая сатира на представителей «властей предержащих». Характерен, в частности, такой диалог: «Если же мы станем фордыбачить да не захотим по расписанию жить, то нас за это — в кутузку!— В кутузку,— подхватило эхо». По поводу «берлинского офицера» Салтыков замечает: «... самый гнетущий элемент берлинской уличной жизни — это военный. ⟨...⟩ Мне кажется, что Держиморда именно был бы таков, если б не заел его Сквозник-Дмухановский и он сам не имел бы слабости к спиртным напиткам. Когда я прохожу мимо берлинского офицера, меня всегда берет оторопь. ⟨...⟩ Не потому жутко, что я боялся, что офицер кликнет городового, а потому что он всем своим складом, посадкой, устоем, выпяченной грудью, выбритым подбородком так и тычет в меня: я герой!»

Стр. 672. *Чуть «Тюрьму и ссылку» не написал.*— Упоминая одну из частей книги Герцена «Былое и думы» («Тюрьма и ссылка»), Достоевский приписывает Салтыкову

излишне болезненное отношение к тому времени, когда он подвергся ссылке, хотя и на «прокурорское место». Тем более несправедливо упрекает он Салтыкова в том, что тема полицейских преследований и сыска имеет в его творчестве якобы биографические истоки.

Стр. 672. *Франция. «Новое время», № 1667 ∽ Пророчество барона Гюбнера...*— В «Новом времени», 1880, № 1667, 28 октября, в разделе «Ежедневное обозрение» сообщалось: «В австрийской делегации барон Гюбнер, бывший австрийский посол при дворе Наполеона III, произнес горячую филиппику против Франции». Он призывал Россию объединиться с Германией и Австрией против Франции, заявляя, что будущей весной Гамбетта станет президентом республики и под давлением левых сил примет социалистическую программу.

Стр. 672. *Молчанов, 29 октября.*— Парижский корреспондент «Нового времени», 1880, № 1668, 29 октября, неприязненно описывал группу молодежи («буржуазное золото»), шагавшую по улицам с криками «Vive la liberté». Достоевский упрекал Молчанова за сочувствие Гамбетте.

Феликс Пиа — редактор радикальной французской газеты «La Commune». «Новое время» называло его журналистом, «ежедневно проповедующим совершенно открыто цареубийство», и сообщало, что он пригласил Веру Засулич писать о развитии революционных идей в России (1880, № 1661, 22 октября).

Стр. 672. *Финансы. ∽ Нового в этой идее ничего нет.*— Достоевский имеет в виду либеральную идею о необходимости перестроить русскую экономику на европейский манер. «Нужна-де только европейская формула,— иронизирует он в «Дневнике писателя», 1881 г., — и все как раз спасено; приложить ее, взять из готового сундука, и тотчас же Россия станет Европой, а рубль талером».

Стр. 672. *Казнь Квятковского, Пресняков и помилование остальных.*— 4 ноября 1880 г. были повешены члены Исполнительного комитета «Народной воли» А. А. Квятковский и А. К. Пресняков, приговоренные к смертной казни по процессу «16-ти». Трем другим подсудимым (Ширяеву, Тихонову и Окладскому) смертная казнь была заменена пожизненной каторгой.

Стр. 673. *Лорис-Меликов уничтожил ли злую волю? (Гольденберг).*— Во время «процесса 16-ти» в «Правительственном вестнике», а затем и в других газетах печатались протоколы всех заседаний военно-окружного суда. В протоколе от 25 октября 1880 г. приводились, в частности, показания Г. Гольденберга, покончившего самоубийством в период следствия. «Желая разъяснить мотивы сего злодеяния,— говорилось в протоколе,— Гольденберг показал, что с 1873 года и по 1877 г. включительно социально-революционная партия к вопросу о цареубийстве относилась совершенно отрицательно. ‹...›С 1878 г. те же самые события, которые, так сказать, обострили характер революционного движения и способствовали выделению фракции „террористов", вызвали в то же время такое настроение, под влиянием которого мысль о цареубийстве встречалась сочувственнее, и о нем стали говорить, как о таком событии, которое могло способствовать целям революционным. ‹...› В 1878 году, с одной стороны, под влиянием напора общих текущих событий, а с другой — под влиянием удачных политических убийств мысль о цареубийстве еще больше стала вызывать сочувствия. ‹...› Под влиянием такой мысли находился он, Гольденберг, после совершения убийства князя Крапоткина. В марте 1879 года он, отправившись в Петербург, задался целью возбудить там вопрос о цареубийстве ‹...›». Далее Гольденберг рассказал про решения двух съездов «Народной воли» (в Липецке и Воронеже) о тактике революционного террора и подготовке к убийству царя.

Стр. 673. *Щедрин. Тема сатир Щедрина...* — Эта запись, опубликованная в первом томе посмертного Собрания сочинений Достоевского («Биография, письма и заметки» стр. 370), разумеется, была замечена Салтыковым-Щедриным. Отвечая на упрек Достоевского в беседе с Г. И. Успенским, он разъяснил подлинный смысл своей темы. «Вот Достоевский написал про меня, что, когда я пишу,— квартального опасаюсь. Это правда, только добавить нужно: опасаюсь квартального, который во всех людях российских засел внутри. Этого я опасаюсь» («Голос минувшего», 1913, № 2, стр. 235—236).

Стр. 673. *... Рошфор это утверждает.*— Рошфор, радикальный французский журналист, редактор «L'Intransigeant».

Стр. 673. *Газета «Порядок».* — В начале ноября печаталось объявление, что с 1 января 1881 г. в С.-Петербурге будет выходить новая ежедневная политическая и литературная газета «Порядок» под общей редакцией «Вестника Европы».

Стр. 674. *Вольная Р‹усская› Академия наук. ∽ «Новое время». Статья В. П. о Менделееве.*— В «Новом времени», 1880, № 1699, 19 ноября, в разделе «Мелочи» была помещена статья В. П. «Менделеев и академия» с эпиграфом из Грибоедова «А судьи кто?» Речь шла о вопиющем факте неизбрания Д. И. Менделеева в члены Академии наук. В «Ежедневном обозрении» редакция отмечала, что причина этого — национализм немецких профессоров. Достоевский иронически замечает по этому поводу, что следовало бы создать «Вольную Русскую Академию наук».

Стр. 674. *«Вестник Европы» ∽ «полезен для ума».*— Цитата из эпиграммы, приписывавшейся Пушкину.

Стр. 674. ... *у Суворина аплодировали.*— На домашних вечерах у А. С. Суворина И. Ф. Горбунов часто читал свои народные рассказы.

Стр. 674. «*Новое время*», *№ 1712, вторник, 2-е декабря. Телеграмма из Парижа...*— Здесь была напечатана телеграмма из Парижа от 1 декабря, сообщавшая, что во время представления в «Théâtre des nations» пьесы «Гарибальди», написанной бывшим гарибальдийцем Бордоном, «социалисты и демократы произвели страшную суматоху: собравшись в большом числе в верхней галерее, они начали обливать нечистотами публику, сидевшую в ложах и в партере. С появлением полиции, произведшей несколько арестов, беспорядок прекратился».

Стр. 674. *Кавелину.*— Достоевский полемизирует со взглядами Кавелина, изложенными в его открытом «Письме Ф. М. Достоевскому» («Вестник Европы», 1880, № 11). На стр. 446—447 журнала, в частности, говорилось: «Отрешение от мира, умерщвление плоти, духовное созерцание как высшее благо и высшее совершенство — представлялись издавна для жителей Востока единственным исходом из бед, напастей и треволнений земной жизни». Несколько ниже Кавелин заявляет: «Вы скажете, что от таких применений христианства к условиям ежедневной жизни и житейским нуждам помутился и померк в сознании западных европейцев божественный образ Спасителя, который учил, что царство его не от сего мира?»

Стр. 675. *Стр. 448* .. — Достоевский прочел здесь следующее рассуждение своего оппонента о нравственности. «Вы, может быть, найдете его ‹т. е. другого человека› ответ ошибочным, признаете, что он называет худым хорошее, и наоборот; но по своему чувству, по своему сознанию он будет нравственный человек». Достоевский категорически не принимает определения нравственности как верности своим убеждениям («это лишь честность»,— пишет он). Несообразным представляется Достоевскому сам вопрос о «нравственности» маркиза де Сада или Инквизитора.

Стр. 675. *Конрад Валленрод* — герой одноименной поэмы А. Мицкевича, одинокий борец, во имя свободы народа готовый действовать «ужасными средствами».

Стр. 676. ... *весьма недавно, в 48 году, в ответе папе Пию IX.*—В период революций 1848 года в ряде европейских стран папа Пий IX вынужден был согласиться на некоторые либеральные реформы, что отразилось в «Основном статуте светского управления церковного государства», принятом 14 марта 1848 г.

Стр. 678. «*Чтоб мужу бую умудриться*».— Строка из оды Державина «Вельможа»:

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться, —
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.

Стр. 678. «*Новое время*», *№ 1721, 14 декабря, воскресенье. Письмо Бекетова редактору «Минуты»*... — В этом номере «Нового времени» в разделе «Среди газет и журналов» напечатано письмо ректора Петербургского университета А. Н. Бекетова редактору газеты «Минута» по поводу статьи, опубликованной в этой газете, № 10, 11 декабря 1880 г. под заглавием «В нашем университете», подпись «Студент». В статье встречаются следующие выражения: «товарищи агитаторы», «невменяемые студенты», «представители положительной неблагонадежности», «положительно-вредные агитаторы», «десяток негодяев» и проч. Статья заканчивается фразою: «не следует, чтобы паршивая овца все стадо портила». Бекетов гневно упрекает редакцию за опубликование этого клеветнического письма, которое не могло быть подписано студентом, а, по всей вероятности, было сочинено самой газетой. Бекетов требует опубликования этого своего письма, заявляя, что в противном случае будет вынужден обратиться к министру внутренних дел. «Новое время» обрушилось на Бекетова за якобы проявленное им стремление ограничить свободу печати.

Стр. 679. *Кавелин — крепостник.*— Это суждение Достоевского связано, по-видимому, с тем, что в первой части «Письма» Кавелин пишет о тех чертах народа, которые не укладываются в его идеализированный облик, нарисованный в «Пушкинской речи».

Стр. 679. ... *капитана Копейкина.*— Персонаж «Мертвых душ» Гоголя.

Стр. 679. *Финансы, Абаза* ... — О финансовом кризисе в стране систематически писали все газеты. 5 ноября 1880 г. было объявлено, что новым министром финансов назначается А. А. Абаза.

Стр. 679. *Статья Н. Б. в «Руси», № 5.*— В газете И. С. Аксакова «Русь», № 5, напечатана статья, подпись Н. Б., «Нечто о XVIII веке». Там, в частности, говорилось: «Стихийное сознание народа скрыто в его недрах лишь на степени живучего инстинкта. На то у него и интеллигенция, чтоб путем личного сознания выяснить народный идеал. ‹...› Пока у нас не объявится истинное в прямом русском смысле земство — невозможно становится на Руси никакое хотя бы самомалейшее дело».

Стр. 680. *Проект.*— К этой теме относится ряд записей Достоевского, свидетельствующих о его желании в сатирическом жанре откликнуться на одно из популярных явлений современности. Приход к власти Лорис-Меликова породил надежды как у реакционеров, так и у либералов, посылавших новому правителю (и другим деятелям,

например, Победоносцеву, Каткову) многочисленные записки и проекты изменения экономического и политического положения в стране. «Фигура Лорис-Меликова,— пишет мемуарист,— и его туманная „программа" на первых порах и либералам, и реакционерам казались соответствующими их взглядам по вопросу о средствах и методах умиротворения страны. Это нашло свое выражение в огромном потоке проектов, записок, указывающих меры к исцелению недостатков нашего общественного строя». («Былое», 1918, № 4—5, стр. 154). В своем сатирическом «Проекте» Достоевский гротескно рисует наиболее ненавистный ему тип либеральных «прожектеров», готовых идти в услужение буржуазной Европе, пренебрегая не только национальной честью, но основными жизненными интересами России (см. ниже: «Веселить собой Европу — это премилая мысль». «Окраины — все это вздор ⟨...⟩ Среднеазиатские владения подарим Англии. А там какую-нибудь Киргизскую землю,— это просто забудем»). В этой записной тетради, как и в последнем выпуске «Дневника писателя», 1881 г., большое внимание Достоевского обращено на события в Азии и их роль для будущих судеб России.

Стр. 680. *Там и революционер культурен: Лассаль.* — Возможно, что Достоевский имеет в виду одно из основных положений статьи проф. А. Д. Градовского «Социализм на западе Европы и в России» («Речь», 1879, кн. 1—3): на Западе «... социализм долгою работою выдающихся умов и великих талантов возведен на степень особой науки, поэзии и религии. Со словом „социализм" соединяются представления о грандиозной фантазии Сен-Симона и Фурье, мистическом экстазе Пьера Леру, бурном красноречии Лассаля ...»

Стр. 682. *Что такое церковь — из Хомякова.*— Достоевский, видимо, хотел дать свою трактовку идеи церкви у Хомякова, прочитав в статье А. Д. Градовского «Тревожный вопрос» следующее: «Православие, как оно существовало, представлялось некоторою загадкой, формой без содержания, и только через много лет после петровской реформы сильный ум Хомякова пошел вглубь и открыл содержание православия. Но и он оставил нам только идеал» («Голос», 1880, № 188, 9 июля).

Стр. 683. *Речь де Роберта в Твери и адрес Тверского земства Лорис-Меликову.*— Одним из ярких примеров поддержки политики Лорис-Меликова со стороны провинциального дворянства и земских деятелей был приветственный адрес от тверского земства.

Стр. 683. *Кояловичо Польше.*— В «Новом времени», № 1733, 1880, 25 декабря, напечатано окончание статьи М. Кояловича «Новые явления в истории русско-польского вопроса» (начало в № 1725).

Стр. 683. *Это вроде как, когда Италия стучалась в Рим...* — Имеется в виду эпоха революции 1848 г. в Италии, когда народные массы требовали от папы Пия IX не только конституции, но и принятия активных мер для объединения страны и изгнания иноземных захватчиков.

Стр. 683. *Немецкий ребенок.*— Очевидно, «мальчик в штанах» — персонаж очерка Щедрина из цикла «За рубежом».

Стр. 683. *«Порядок».* — Об этой газете см. стр. 702.

Стр. 684. *... можно дать имя [какого-н] ак⟨адемика⟩ Веселовского...*— Достоевский, по всей вероятности, имеет в виду непременного секретаря Академии наук К. С. Веселовского. В газете «Новое время», 1880, № 1706, 26 ноября, была помещена статья «Новые выборы в Академии» по поводу избрания в академики астронома Баклунда (после того, как Менделеев был отвергнут). В статье говорилось: «Ведь вот г. Веселовский, непременный секретарь и не иностранец, а был же выбран в академики 33-х лет, когда он еще не написал своей посредственной книги „О климате России". Он тоже много обещал в будущем и если не оправдал надежд, то потому только, что он не астроном и не мог, как это будет в состоянии делать г. Баклунд, наблюдать за собой, как за восходящим светилом. В этом обстоятельстве и кроется картина того, что Веселовский так и не взошел как научное светило, нося в течение 27 лет звание академика. Зато как составитель и чтец фельдфебельских рапортов по части разного рода отчетов, в которых речь идет о предметах ему неизвестных, К. С. Веселовский не имеет себе равного...»

Стр. 684. *«Новое время», № 1737. О земствах (выписка из «С.-П⟨етербургских⟩ ведомостей»).*— В «Новом времени», 1880, № 1737, 29 декабря, в разделе «Среди газет и журналов» отмечалось: «Некоторое оживление, которым кое-где ознаменовались нынешние сессии земских собраний, возбуждает в „С.-Петербургских ведомостях" мысль, что земства возрождаются». Далее следует выписка.

Стр. 685. *У нас вот, по поводу дефицита в 50 мильон⟨ов⟩ за текущий год, тотчас же предложили сокращение армии на 50 000 челов⟨ек⟩.*— В «Ежедневном обозрении» «Нового времени», 1881, № 1741, 2 января, анализируются некоторые проблемы финансового положения в стране по данным государственной росписи доходов и расходов на 1881 г., опубликованной в «Правительственном вестнике» 31 декабря 1880 г. Из росписи следовало, что для покрытия расходов не хватает 50 356 665 рублей. В статье далее говорилось: «Трудно даже понять, почему военное и морское министерства как будто не хотят знать о бедствиях, постигших в нынешнем году Россию ⟨...⟩ Неужели сокращение армии на 50 000 человек ослабит Россию в политическом отношении? Мы глу-

боко убеждены, что постоянные дефициты и запутанные финансы ослабляют ее гораздо больше, чем если бы она сократила бы свою армию хотя бы наполовину. Правда, есть кабинетные стратеги, уверяющие, будто стоит сократить хотя одну дивизию, чтоб Европа сейчас же кинулась на нас и отняла Царство Польское. Но стоит ли спорить с подобными людьми».

Стр. 686. *Ведь сказал же один наш профессор.*— Очевидно, А. Д. Градовскпй, писавший в статье «Мечты и действительность» («Голос», 1880, № 4), в которой он полемизировал с Пушкинской речью Достоевского: «Теперь мы дошли до самого важного пункта в нашем разномыслии с г. Достоевским. Требуя смирения перед народною правдой, пред народными идеалами, он принимает эту „правду" и эти идеалы как нечто готовое, незыблемое и вековечное. Мы позволим себе сказать ему — нет! Общественные идеалы нашего народа находятся еще в процессе образования, развития. Ему еще много надо работать над собою, чтоб сделаться достойным имени великого народа». С этим утверждением Достоевский полемизировал в «Дневнике писателя» 1880 г.

Стр. 687. «*Мы верно уж поладим*».— Цитата из басни И. А. Крылова «Квартет».

Стр. 687. *Выработался тип говоруна.*— Об этом Достоевский подробно пишет в «Дневнике писателя». 1881 г. Один из подзаголовков главы первой — «Говорильня и говоруны».

Стр. 688. *Податная система (изменения).*— В это время в печати обсуждались возможные налоговые реформы (отмена подушной подати и соляного налога). Исследователь этой эпохи пишет: «Расстройство финансов в конце 70-х годов превратилось в постоянное и прогрессирующее явление. Общая сумма государственного долга возросла с 1,2 млрд. руб. в 1875 г. до 6 млрд. руб. в 1881 г.» («Министерство финансов 1802—1902 гг.», ч. I. СПб., 1902, стр. 454). Прямые и косвенные налоги, составлявшие 85% доходов бюджета, издержки русско-турецкой войны 1877—1878 гг. падали на плечи трудящихся. Крестьяне платили подушную подать, государственный и общественный земский сбор, оброчную подать, выкупные платежи. Они оплачивали почти полностью питейный и соляной акцизы. Сумма всех налогов и сборов превышала почти в три раза доходность крестьянского хозяйства (см. Ю. Я н с о н. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877, стр. 4, 32; М. И. Х е й ф е ц. Вторая революционная ситуация в России. М., Изд-во МГУ, 1963, стр. 24). 23 ноября 1880 г. Александр II подписал указ об отмене налога на соль.

Стр. 688. *Что радикальные потребны тут лекарства.*— Цитата из речи Репетилова в «Горе от ума» (действие 4, явл. 5).

> ...Тьфу. Служба и чины, кресты, души мытарства;
> Лахмотьев Алексей чудесно говорит,
> Что радикальные потребны тут лекарства,
> Желудок дольше не варит.

Стр. 690. ... *Норденшельдов запретить.*— А. Э. Норденшельд, известный шведский ученый, исследователь Севера. Газета «Новое время», 1880, № 1731, 21 декабря напечатала сообщение о пребывании Норденшельда в Петербурге: «... Он пробудет в нашей столице неделю. Целью его посещения служат переговоры об устраиваемой им в 1883 г. экспедиции на острова Сибирского океана, а также принятие мер по оказанию пособия к отысканию г. Сибирякова, отправившегося нынче осенью из Трамзе в устье Лены и, по-видимому, где-то зазимовавшего в дороге». В 1880 г. на русском языке вышла книга Норденшельда «Шведская полярная экспедиция 1878—1879 гг. Открытие Северо-восточного прохода».

Стр. 691. *О, иезуит есть вещь ...*— Перифраз известной реплики Репетилова («Горе от ума», действие 4, явл. 6): «Да! водевиль есть вещь, а прочее все гиль».

Стр. 694. *Бестолковейшая статья «Нов‹ого› времени» о Гамбетте и прочности республики.*— В «Новом времени», № 1748, 9 января 1881г. напечатана статья о Франции. «На муниципальных выборах во Франции 9-го и 16-го января республиканские партии победили монархические ‹...›. Нет сомнения, администрация много способствовала упрочению доверия сельского населения к республиканцам, еще более способствовало тому время. Десять лет хорошего управления, десять лет свободы, мира и благосостояния сами собою созидали республику. ‹...› Французская республика укоренилась в самом мощном слое, в простом народе; возможна ли реакция, если нет материала, нет сил для какой бы то ни было реставрации. ‹...› За Гамбеттой и его сотрудниками стоит теперь огромная армия исполнителей, почти в каждом городе, в каждой сельской общине».

Стр. 694. *№ 1748, 9 январ‹я›, пятница. Замечательн‹ый› № «Нов‹ого› времени».*— Как видим, критикуя статью о Франции, Достоевский положительно оценнвал другие материалы номера. Эта оценка, по-видимому, относится к редакционной заметке против газеты «Страна» в защиту «Руси» И. С. Аксакова, к большой корреспонденции о Скобелеве и событиях в районе Геок-Тепе (с картой Геок-Тепе и окрестностей). Внимание Достоевского, вероятно, привлекли «Литературные заметки» Буренина, где он резко критически отзывался о последних новеллах Боборыкина и о повести Г. Данилевского «Каменка», изображающей Пушкина в кругу декабристов.

Стр. 695. *«Новое время», № 1751, 12 января 81 г. Понедельник. Письмо студента А. Ф. (в «Новор‹оссийском› телеграфе») о правах студентов.*— В этом номере «Нового времени» сообщалось: «В „Неделе" напечатано письмо российского студента А. Ф., высказывающего несколько дельных замечаний по студенческому вопросу». А. Ф. скептически относится к борьбе за права студентов, считая, что права у всех одинаковы, а задача студентов — только учиться. «Нравственное же развитие университет может дать только теоретически и главная его цель — научить людей делать свое дело добросовестно».

Стр. 695. *«Московские ведомости», 1881 г., № 9, пятница, 9 января. Передовая о школах и о мнениях «Вестника Европы».*— Здесь напечатана статья о средней школе, полемически направленная против январской книжки «Вестника Европы». Автор издевается над «фельетонными педагогами», которые провозглашают «полное крушение существующей системы народного образования», подвергая критике «Правила для учеников гимназий». Катковская газета обвиняет журнал Стасюлевича в намерении подорвать религиозные и нравственные основы воспитания юношества.

Стр. 700. *«Горе от ума» (Гончаров).*— Статья И. А. Гончарова о «Горе от ума» «Мильон терзаний» была напечатана в «Вестнике Европы», 1872, № 3. Характеристика Чацкого в этой записи Достоевского в основе совпадает с тем, что он писал на эту тему еще в 1863 г. в «Зимних заметках о летних впечатлениях».

Стр. 700. *Подъезжая под Женеву.*— Контаминация строк из двух стихотворений Пушкина: «Подъезжая под Ижоры ...» и «Жил на свете рыцарь бедный ...»

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Все ссылки на произведения Достоевского даются по изданию: Ф. М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений. Под ред. Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева. Т. I—XIII. М.— Л., ГИЗ, 1926—1930 (указываются тома римскими цифрами и страницы — арабскими).

«Письма» — Ф. М. Достоевский. Письма. Под ред. А. С. Долинина. Т. I—IV. М.— Л., ГИЗ — Гослитиздат, 1928—1959.

«Биография, письма, заметки» (в текстах статей — Бгр. и указание на страницу второй пагинации).— Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, т. I. СПб., 1883. Биография, письма и заметки из записной книжки.

«Жизнь и труды Достоевского» — Леонид Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. М.— Л., «Academia», 1935.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград)

ЛБ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва)

Здесь хранятся записные книжки Достоевского:

I — ф. 93. I 2.6; II — ф. 93. I 2.7; V — ф. 93. I 2.8

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва)

Здесь хранятся записные тетради Достоевского:

III — ф. 212, оп. 1, ед. хр. 3; IV — ф. 212, оп. 1, ед. хр. 4; VI — ф. 212, оп. 1, ед. хр. 11; VII — ф. 212, оп. 1, ед. хр. 12; VIII — ф. 212, оп. 1, ед. хр. 13; IX — ф. 212, оп. 1, ед. хр. 15; X — ф. 212, оп. 1, ед. хр. 16; XI — ф. 212, оп. 1, ед. хр. 17

ЦНБ АН УССР — Центральная научная библиотека Академии наук УССР (Киев)

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ*

Составила и участвовала в подборе иллюстраций Г. Ф. Коган

I. ПОРТРЕТЫ ДОСТОЕВСКОГО

ЖИВОПИСЬ, РИСУНОК, ГРАВЮРА, ЛИТОГРАФИЯ

Достоевский. Портрет маслом В. Г. Перова, 1872. ГТГ — фронтиспис
Достоевский. Рис. Л. Е. Дмитриева-Кавказского, 1880. МД — стр. 519
Достоевский. В ремарке к портрету Пушкина. Офорт Л. Е. Дмитриева-Кавказского, 1880, МИИ — стр. 677
Достоевский. Литогр. А. И. Лебедева с фото К. А. Шапиро. Петербург. «Осколки», 1881, № 6 — стр. 669
Достоевский. Рис. (эскиз) В. Д. Фалилеева, 1921. МИИ — стр. 291
Достоевский. Грав. В. Н. Масютина, 1927. МИИ, стр. 407

Достоевский в группе «Русские писатели». Офорт И. Н. Крамского с портрета В. Г. Перова. Альбом 2-й передвижной выставки, 1873. МИИ — стр. 339

ФОТОГРАФИИ

Достоевский. Фото Щетинина. Увеличение по фото М. Б. Тулинова. Петербург, 1861. МД — стр. 175
Достоевский. Фото Н. Досса. Петербург, 1876, с дарств. надписью С. И. Сазоновой. ИРЛИ — стр. 368, 369

II. АВТОГРАФЫ ДОСТОЕВСКОГО

Обложка записной книжки. 1860—1862. ЛБ — стр. 129
Наброски к полемическим статьям против Чернышевского. Записн. кн., 1861. ЛБ — стр. 139
Наброски к неосуществленной статье о Пирогове (полемика с Добролюбовым). Записн. кн., 1861. ЛБ — стр. 147
Наброски Достоевского для объявления журнала «Время» на 1862 г. Записн. кн., 1861. ЛБ — стр. 157
Наброски к новой редакции повести «Двойник». Записн. кн., 1862. ЛБ — стр. 143
Список очередных дел на каждый день по журналу «Эпоха». Записн. тетр., 1864—1865. ЦГАЛИ — стр. 203
Наброски к полемической статье против М. Е. Салтыкова-Щедрина. Записн. тетр., 1864. ЦГАЛИ — стр. 211
Наброски к неосуществленным публицистическим статьям. Записн. тетр., 1864. ЦГАЛИ — стр. 245
Наброски к неосуществленным публицистическим статьям. Записн. тетр., 1864. ЦГАЛИ — стр. 249
Полемические записи об А. А. Краевском и наброски к повести «Крокодил». Записн. тетр., 1864. ЦГАЛИ — стр. 265
Страница записн. тетр., 1864—1865. ЦГАЛИ — стр. 217
Рисунки Достоевского в записн. тетр., 1864—1865. ЦГАЛИ — стр. 233

---

*Список условных сокращений

МИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва
ГЛМ — Государственный литературный музей, Москва
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея, Москва
ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР, Ленинград
ЛБ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва
МД — Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва
ЦТМ — Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

Подсчеты расходов по задуманному Достоевским периодическому изданию «Записная книга». Записн. тетр., 1865. ЦГАЛИ — стр. 223
Наброски к публицистическим статьям и к роману «Преступление и наказание». Записн. тетр., 1865. ЦГАЛИ — стр. 247
Конспект неосуществленной статьи «Социализм и христианство». Записн. тетр., 1865. ЦГАЛИ — стр. 253
Набросок к роману «Преступление и наказание». Записн. тетр., 1865. ЦГАЛИ — стр. 257
Наброски к повести «Крокодил». Записн. тетр., 1865. ЦГАЛИ — стр. 261
Наброски к неосуществленному роману «Брак». Записн. тетр., 1864—1865. ЦГАЛИ — стр. 271
Рисунок Достоевского в Записн. тетр., 1864—1865. ЦГАЛИ — стр. 277
Рисунок Достоевского в Записн. тетр., 1864—1865. ЦГАЛИ — стр. 281
Наброски к «Дневнику писателя». Записн. тетр., 1876. ЦГАЛИ — стр. 415
Наброски о деле Кронеберга для «Дневника писателя». Записн. тетр., 1876. ЦГАЛИ — стр. 433, 437
План неосуществленного романа Достоевского «Отцы и дети». Записн. тетр., 1876. ЦГАЛИ — стр. 451
Запись расходов по изданию и распространению «Дневника писателя». Записн. тетр., 1876. ЦГАЛИ — стр. 464
Запись о денежных поступлениях от распространения «Дневника писателя». Записн. тетр., 1876. ЦГАЛИ — стр. 465
Наброски неосуществленного романа «Мечтатель». Записн. тетр., 1876. ЦГАЛИ — стр. 585
Наброски к рассказу «Кроткая». Записн. тетр., 1876. ЦГАЛИ — стр. 593, 601
Критические записи о романе Золя «Чрево Парижа» и о Н. Н. Страхове. Записн. тетр., 1877 — стр. 621
Наброски к «Дневнику писателя». Записн. тетр., 1877. ЦГАЛИ — стр. 627
Наброски к статьям для «Дневника писателя». Записн. тетр., 1880—1881. ЦГАЛИ — стр. 671, 681
Записи о денежных поступлениях от продажи отдельных изданий романов и «Дневника писателя». Записн. тетр., 1880—1881. ЦГАЛИ — стр. 689
«Слова, словечки и выражения». Записн. тетр., 1880—1881. ЦГАЛИ — стр. 697

III. КНИГИ

КНИГИ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ ДОСТОЕВСКОГО

«Бедные люди». Первое отд. изд. СПб., 1847. С дарств. надписью В. Ф. Одоевскому. Шмуцтитул. ЛБ — стр. 135
«Братья Карамазовы». СПб., 1881. Первое отд. изд. с дарств. надписью И. С. Аксакову. МД — стр. 633
«Братья Карамазовы». СПб., 1881. Первое отд. изд. с дарств. надписью В. В. Самойлову. Шмуцтитул. ИРЛИ — стр. 639
«Дневник писателя за 1876 г.» СПб., 1877. С дарств. надписью А. Ф. Кони. Обложка. ИРЛИ — стр. 389
«Дневник писателя за 1876 г.» СПб., 1877, подаренный А. Г. Достоевской И. Н. Крамскому. Титул. лист с автографом Достоевского и пояснительной пометой А. И. Крамского, сына художника. МД — стр. 457
«Идиот» СПб., 1874. Первое отд. изд. С дарственной надписью Вс. С. Соловьеву. Шмуцтитул и титул. лист. ЛБ — стр. 347

Рассказ «Кроткая». Амстердам, б. г. Изд. на голландском языке — стр. 611

КНИГИ ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ДОСТОЕВСКОГО

«Стихотворения А. Майкова». СПб., 1858 с дарств. надписью автора Достоевскому. Шмуцтитул, вырванный из книги. ЛБ — стр. 187
«Стихотворения Н. Некрасова». СПб., 1873 с дарств. надписью автора Достоевскому. Шмуцтитул и титул. лист. Из собрания Ю. Г. Оксмана. Москва — стр. 333
«Стихотворения Я. П. Полонского». СПб., 1859 с дарств. надписью автора Достоевскому. Шмуцтитул, вырванный из книги. ЛБ — стр. 191

IV. ДОКУМЕНТЫ

Сообщение о принятии Достоевским с 1 января 1873 г. редакторства журнала «Гражданин». «Гражданин», 25 декабря 1872, № 34 — стр. 303

Объявление о подписке на журнал «Гражданин» на 1873 г. «Гражданин», 25 декабря 1872, № 34 — стр. 297
Список почетных членов Международной литературной ассоциации, в которой русскую литературу представляли Достоевский, Толстой и Тургенев. Список был прислан Достоевскому В. Гюго, 1878. Из коллекции А. Г. Достоевской, ЛБ — стр. 549

V. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ДОСТОЕВСКОГО

«Белые ночи». Рисунки М. В. Добужинского, 1922. Местонахождение оригиналов неизвестно — стр. 473, 477
«Братья Карамазовы». Легенда о Великом инквизиторе. Гравюры А. Д. Гончарова, 1929. МИИ — стр. 509, 513
«Братья Карамазовы». Рисунки (тушь, перо) Б. Ф. Рыбченкова, 1932. МД — стр. 647, 653, 657
«Братья Карамазовы». Грав. В. Н. Масютина, 1923. МИИ — стр. 663
«Идиот». Рисунки С. М. Шор (свинц. карандаш). 1950-е годы. Собр. художницы, Москва, стр. 487, 493, 499
«Мальчик у Христа на елке». Рис. В. В. Часовникова. «Живописное обозрение», 1885, т. II, № 51 — стр. 397
«Село Степанчиково и его обитатели». Рисунки В. А. Милашевского, 1935. МИИ — стр. 195, 199

VI. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО НА СЦЕНЕ

«Бесы». Эскиз декорации к спектаклю «Николай Ставрогин» в Московском художественном театре, 1913. Картина маслом М. В. Добужинского. ЦТМ — стр. 315.
«Бесы». Сцена из спектакля «Николай Ставрогин» в Московском художественном театре, 1913. Картина маслом М. В. Добужинского. Местонахождение оригинала неизвестно — стр. 321
«Бесы». Эскиз декорации к спектаклю «Николай Ставрогин» в Московском художественном театре, 1913. Местонахождение оригинала неизвестно — стр. 327
«Братья Карамазовы». «Комната Грушеньки». Эскиз декорации. Акв. К. С. Петрова-Водкина, 1927. Постановка Гос. акад. драматического театра, Ленинград. Собр. И. С. Зильберштейна, Москва — стр. 505
«Игрок». Эскиз декорации к инсценировке романа. Картина маслом В. И. Козлинского, Москва, 1958. Инсценировка не состоялась. ЦТМ — стр. 423
«Преступление и наказание». «Рассказ Мармеладова». Читает В. Н. Андреев-Бурлак. Фото, 1880-е годы. ЦТМ — стр. 572

VII. ПОРТРЕТЫ РОДНЫХ И ДРУЗЕЙ ДОСТОЕВСКОГО

А. Г. Достоевская. Фото Лушева. 1860-е годы. МД — стр. 351
Л. Достоевская — дочь писателя. Фото, 1876. МД — стр. 355
Ф. Достоевский — сын писателя. Фото, Ю. Штейнберга, 1873. МД — стр. 361
А. Достоевский — сын писателя. Фото, 1870-е годы. МД — стр. 364
М. Д. Исаева — первая жена Достоевского. Фото, нач. 1860-х годов. ИРЛИ — стр. 181
А. Н. Майков. Фото, 1870-е годы. Из коллекции А. Г. Достоевской. МД — стр. 527
Н. Н. Страхов. Фото, 1860-е годы. Из коллекции А. Г. Достоевской. МД — стр. 539

VIII. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

Омский острог. Акв. М. С. Знаменского, 1870-е годы. МД — стр. 163
Игральный зал курзала в Висбадене. Грав., 1870-е годы — стр. 235
Рулетка в Гомбурге. Грав., 1870-е годы — стр. 239
Сенная площадь в Петербурге (теперь площадь Мира). Фото В. С. Молчанова, 1958. ГЛМ — стр. 309

IX. КАРИКАТУРЫ

Достоевский — автор романа «Бесы». Рис. А. И. Лебедева. «Карикатурный альбом современных русских деятелей». СПб., 1879. МИИ — стр. 559
Сатирические отлики на полемику о телесных наказаниях в школе. «Искра», 1860, № 10; 1862, № 13— стр. 151, 153

ВСКРЫТИЕ ЯЩИКА С ЗАПИСНЫМИ ТЕТРАДЯМИ ДОСТОЕВСКОГО

Исторический музей, Москва, 6 февраля 1922 года. Председательствовал П. Н. Сакулин. Фото, МД — стр. 169

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составила Е. М. Львова

А.— см. Авсеенко В. Г.
А. В.— см. Введенский А. И.
А. Л. 474
А. С.— см. Суворин А. С.
А. Ф. 695, 706
А—и 208, 209, 239
Абаза Александр Аггеевич 679, 703
Абаза Василий Константинович 495
Абаза Николай Саввич 668
Абдул-Гамид II 540, 623, 638
Абдул-Меджид 378, 380, 410, 480, 481, 491, 651
Аванесов Рубен Иванович 47, 93, 94, 96, 121
Аввакум (Петрович) 292, 326
Августин (Аврелий Августин) 466, 515
Авдеев Михаил Васильевич 250, 276, 420 495
Авенариус, домовладелец 468
Аверкиев Дмитрий Васильевич 177, 180, 182, 185, 190, 193, 201, 202, 205—209, 216, 219, 234, 237—239, 242, 272, 402, 488, 509
Аврелий Марк 64
Авсеенко (псевд. А.) Василий Григорьевич 22, 55, 121, 296, 367, 399, 419, 459—463, 466, 472, 481, 495, 512—514, 517—525, 530, 554, 555, 619, 626, 634, 635, 644
Адамов 129 (?), 161
Аксаков Александр Николаевич 468, 482, 503, 507, 511, 526, 635, 636, 667 (?)
Аксаков Иван Сергеевич 190, 238, 251, 276, 279, 283, 334, 382, 633, 667, 674, 680, 703, 705
Аксаков Константин Сергеевич 419, 429, 430, 439, 497, 501
Аксаков Сергей Тимофеевич 426, 461, 514
Аксакова Софья Александровна 468
Александр I 312, 313, 317, 370, 374, 380, 385, 388,, 466, 482, 514, 656, 658
Александр II 17, 37, 76, 77, 111, 116, 188, 191, 482, 486, 582, 584, 587—589, 592, 602, 603, 647, 655, 656, 682, 688, 696, 702, 705
Александр III 53, 494, 659
Александр Тверской кн. 238
Александров Михаил Александрович 287, 329, 330, 338, 340, 357
Алексеев В. А. 25
Алексеев Михаил Павлович 238, 640, 660
Алексеев Никита Петрович 12
Алексеева Марфа 469
Алена Фроловна 441, 460, 503, 513, 514, 522
Алимпий 483
Алкивиад 385
Алмазов Борис Николаевич 235
Алонкин Иван Максимович 309, 319, 324, 347, 470, 631
Алчевская Христина Даниловна 30, 459, 490, 512, 540—542, 638
Альбертини Николай Викентьевич 136, 162
Альфонс XII 454, 489
Андраши Гиула (Юлий) 504
Андреев-Бурлак Василий Николаевич 572
Андреевский Иван 393, 394, 485
Андрей Критский 523, 635
Андриянова 380
Аничкова Анна Митрофановна (?) 668
Анна Иоанновна 167
Анненков Иван Александрович 346
Анненков Павел Васильевич 286, 490
Анненкова Ольга Ивановна — см. Иванова О. И.
Антокольский Марк Матвеевич 531, 636
Антонелли Джиакомо 235
Антоний Римлянин 551, 642—643
Антонова Ольга Афанасьевна 468
Антонович (псевд. Посторонний сатирик) Максим Алексеевич 18, 31, 42, 99, 101, 102, 104, 115, 122, 155, 168, 170, 209, 210, 240, 241, 251, 252, 254—256, 276—280, 282, 286, 288
Аракчеев Алексей Андреевич 656
Аристотель 312, 382, 482
Арминий 399, 487, 554, 644
Арним Гарри Генрих 372, 475
Архипович 470
Аскоченский Виктор Ипатьевич 140, 164, 335
Астафьева А. А., домовладелица 159
Аткинсон 359, 365
Ауэрбах Бертольд 204
Афанасьев Александр 476
Ахшарумов Николай Дмитриевич 177, 180, 185, 192, 193, 198, 201, 204, 206—208, 236, 251, 276, 277
Аш, домовладелец 182

Б. 555, 644
— бов — см. Добролюбов Н. А.
Бабиков Константин Иванович 202, 204, 208, 209, 216, 218, 237, 239, 242
Бажанов Василий Борисович 171, 188
Базунов Александр Федорович 178, 181, 182, 193, 219, 359, 360, 419, 421, 430, 431, 495, 498, 515, 533, 637
Базунов Иван Васильевич 178, 193

Баймаков Федор Петрович 561, 602, 629, 647, 659—660, 666
Байрон Джордж Ноэл Гордон 119, 168, 374, 375, 377, 380, 396, 420, 476, 479, 480
Баканин 130, 155, 161, 170
Баклунд Оскар Андреевич 704
Балакирев Иван Александрович 152,167
Бальзак Оноре де 543, 629
Балюра Тимофей Иванович 205
Бантыш-Каменский 285
Барбье Огюст 660
Барро Одилон 474
Барсов Елпидифор Васильевич 652
Бартенев Петр Иванович 597, 658
Бахтин Михаил Михайлович 9, 12, 84, 88, 89, 92
Бебель Фердинанд Август 471
Бекетов Алексей Николаевич 136, 162
Бекетов Андрей Николаевич 46, 136, 162, 678, 679, 703
Бекетов Николай Николаевич 136, 162
Бекетовы, семья 136
Бекон Рожер 175
Белинский Виссарион Григорьевич 21, 22, 28, 29, 40, 47, 51, 55, 56, 61, 64, 65, 79, 90, 91, 160, 289, 310, 312, 325, 328, 373, 380, 391, 402, 420, 425, 429, 441, 458, 463, 466, 481, 483, 488, 502, 512, 514, 518, 519, 526, 530, 531, 537, 538, 543, 545, 556, 562, 570, 603, 605, 620, 626, 628, 632, 634, 641, 660, 672
Бело Адольф 362
Белов Евгений Александрович 301, 303—307, 333, 337, 340—342, 345
Бельчиков Николай Федорович 93, 94, 121, 356, 470, 472, 478, 495
Беляев Иван Дмитриевич 180, 193, 366, 471
Бенардаки Дмитрий Егорович 185, 197
Бенедиктов Владимир Григорьевич 286
Беранже Пьер Жан 660
Бергман Август Александрович 181, 194
Бергман г-жа 468
Березин Илья Николаевич 399, 408, 412, 467, 488, 516
Берновиль Рафаэль 435, 499
Бестужев (псевд. Марлинский) Александр Александрович 561, 610, 646, 662, 663
Бестужев-Рюмин Константин Николаевич 468, 667
Бетховен Людвиг ван 198
Бехтерев Владимир Михайлович 357
Биконсфильд — см. Дизраэли Б.
Бисмарк Отто Эдуард Леопольд 109, 275, 301, 327, 330, 334, 364, 375, 384, 399, 444—446, 452, 453, 454, 475, 514, 536, 541, 544, 566, 569, 570, 574, 634, 638, 651, 688, 691
Благоева Вела (Виктория Живкова) 216
Благонравов Александр Федорович 81
Благосветлов Григорий Евлампиевич 285, 288, 528, 626, 628, 636
Благосветлов, неустановленное лицо 201, 216, 236
Блан Луи 450, 452, 509
Боборыкин Петр Дмитриевич 30, 213, 241, 439, 453, 439, 500, 503, 510, 511, 537, 542, 604, 613, 636, 657, 660, 661, 664, 706
Бобриков, домовладелец 183
Бобровский 304, 337, 341
Богданов И. 300—302, 332, 335
Богданович Модест Иванович 317, 466, 467, 514, 515
Богдановский 652
Боград Владимир Эммануилович 122
Богуславские, сестры 537, 542, 638, 640
Богучарский (Яковлев) Василий Яковлевич 648
Бокль Генри Томас 155, 170, 257, 279
Болдаков 308, 344
Болдарев 290, 326
Большаков С. Т. 517
Бомон Жан Батист Арман Луи Леонс Эли де 137, 140, 164
Бордоне Филипп Тусен 703
Борейша Анна Петровна 588, 605, 655, 661
Борисова Мария 86, 573, 578, 650
Борковский Карл 338
Бородулин, купец 318, 469
Борщевский Соломон Самойлович 94,95, 121, 124, 198, 278, 470, 479
Босвель Александр 500
Боткин Василий Петрович 64
Ботман, домовладелец 469
Бретцель Яков Богданович 357, 360
Бровкин Иван 128
Бродский Николай Леонтьевич 93. 169
Брюллов Карл Павлович 420, 439, 496, 500
Брюллова (рожд. Кавелина) Софья Константиновна 486
Буало (Депрео) Никола 619
Будаевский 180, 193, 201, 236
Буква — см. Василевский И. Ф.
Булат-хан 637
Булгаков 301, 302
Булгарин Фаддей Венедиктович 41, 52, 161, 382, 546
Буле де ля Мёрт Антуан Жак Клод Жозеф 191
Булкин 205, 238
Бунаев (псевд. П. Б.) П. 306, 307, 342
Бунаков Николай Федорович 201, 202, 205, 236, 238, 240
Бунтинг 324, 325
Бурдин Федор Алексеевич 237
Бурдо, домовладелец 182
Буренин (псевд. Z) Виктор Петрович 30, 292, 295, 325—328, 335—336, 603—605, 612, 660, 661, 664, 705
Бурсов Борис Иванович 6
Буслаев Федор Иванович 140, 164
Бутагов 301, 302
Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич 50, 116, 178, 179
Бутин Михаил Дмитриевич (?) 342
Бутлеров Александр Михайлович 46, 421, 503, 507, 511, 636
Бух, домовладелец 234
Быков Петр Васильевич 588, 655
Бэр Карл Эрнст 341
Бюргер Готфрид Август 126

В. В.— см. Пыпин А. Н.
В. Н. Д.— см. Немирович-Данченко Вас. И.
В. П. 674, 702
В. С.— см. Соловьев Вс. С.
Вагин Всеволод Иванович 487

Вагнер Николай Петрович 420, 439, 469, 496, 500, 503, 507, 511, 526, 562, 565, 636
Вагнер Рихард 570, 619, 665
Вадим — см. Салиас де Турнемир Е. А.
Валиханов Чокан Чингисович 155, 170
Валихан-тюри 489
Валленрод Конрад 675
Валуев Петр Александрович 17
Вальтер 491
Вамбери Герман 304, 337, 338
Ван-Тау 518, 634
Варгунин 318, 319, 324, 470, 631
Варнас Александр Иванович 490
Василевский (псевд. Буква) Ипполит Федорович 507
Василий Великий 683
Васильев Александр 128
Васильев Иосиф Васильевич 544, 670
Васильев Михаил 128
Васильева 399, 487
Васильчиков Виктор Илларионович (?) 455, 511
Васильчиков Петр Алексеевич 476
Ватсон Эрнст Карлович 487
Введенский (псевд. А. В.) Арсений Иванович 700
Вейнберг Петр Исаевич 190
Веласкес Диего Родригес де Сильва 87, 596
Вележев 483
Велепольский Александр Игнатий Иоанн 701
Великанов В. А. 534, 540
Великанова Александра И. 534, 535, 539, 540, 542, 637, 638
Венгеров (псевд. Фауст Щигровского уезда) Семен Афанасьевич 501, 512, 514, 518, 642
Верещагин Василий Васильевич 670
Верещагина 387, 483
Веселаго Феодосий Федорович 201, 236
Веселитский-Божидарович Гавриил Сергеевич 410, 419, 598 (?)
Веселовский Константин Степанович 684, 704
Виардо Луи 374, 478
Виктор 407, 490
Виктория I 449
Викторова 373, 376, 478
Вильгельм (Карл Фридрих Вильгельм) 273, 292, 327, 375, 554, 557, 645
Вильмен Анри Франсуа 467, 515
Виноградов Виктор Владимирович 334
Висковатов Павел Александрович 22, 335—337, 560, 646
Владиславлев Михаил Иванович 185, 198, 205, 206, 208, 209, 240, 515
Владиславлева Мария Михайловна — см. Достоевская М. М.
Войнаровский Андрей 644
Волконский, домовладелец 180
Волчков С. 502
Вольтер (Аруэ Франсуа Мари) 12, 37, 64, 367
Вольф Маврикий Осипович 268, 319, 378, 384, 480, 482, 490
Вольф 324
Вордсворт Вильям 380, 480
Воронин Иван Григорьевич 209, 240
Воронин, домовладелец 182, 468
Воронов Н., 239
Врангель Александр Егорович 15, 16, 190, 204, 205, 216, 234, 238, 242
Второв Николай Петрович 181, 194
Вундт Вильгельм Макс 207, 208
Вышеславцев Б. 121
Вяземский Петр Андреевич 329

Г. М. 286
Гаврилов И. Г. 184, 197
Гаврилов Михаил Гаврилович 127, 129, 130, 136, 161, 182
Гагарин Иван Сергеевич 530, 533, 636, 637
Гагаринцев 554
Гадяч, домовладелец 468
Гаевский Виктор Павлович 202, 236
Гайбургский 179, 193
Гайдебуров Павел Александрович 574
Гамбетта Леон Мишель 292, 326, 432, 450, 498, 508, 655, 672, 680, 688, 691, 694, 702, 705
Гамма — см. Градовский Г. К.
Гандаев 244
Гарибальди Джузеппе 150, 178, 179, 243, 273, 280, 563, 565, 566, 583, 584, 654, 703
Гасабов 359, 364
Гаузер Каспар 540, 638
Гациский Александр Серафимович 514
Гегель Георг Вильгельм Фридрих 17, 64, 99, 136, 162, 404
Гедеонов И. М. 476
Гейбадулин Михаил 575, 650
Гейбович Артемий Иванович 155, 170
Гейдельберг 293
Гейне Генрих 420
Генике 301, 335
Генслер Иван Семенович 301, 334
Герасим 381, 481
Герих 201, 204—208, 235, 238, 239
Германик 644
Герцен Александр Иванович 9, 17, 59, 61, 83, 86, 89, 113, 165, 167, 191, 197, 251, 289, 312, 325, 329, 486, 543, 545—548, 550—553, 556, 558, 562, 569, 571, 573, 578, 580, 583, 605, 612, 643, 645, 649, 650, 672, 701
Герцен Елизавета Александровна (Лиза) 59, 86, 545—547, 556, 569, 573, 578, 580, 641, 645, 649, 650
Герцен, семья 560
Гете Иоганн Вольфганг 65, 83, 88, 155, 168, 388, 390, 442, 443, 484, 542, 592, 596, 618, 640, 658, 668
Гибер Жозеф Ипполит 544, 640
Гиероглифов Александр Степанович 533, 637
Гизо Франсуа Пьер Гильом 162
Гильфердинг Александр Федорович 486
Гинтерлах Елена 181, 185, 194, 216, 218
Гинцбург Гораций Осипович 197
Гирс Дмитрий Константинович 602, 659
Гиршторн А. 556, 644
Глаголева, домовладелица 171
Гладков 305, 338, 340
Гладкова Софья 491
Гладстон Вильям Эварт 489, 602, 649, 658, 659
Гливенко Иван Иванович 93, 103
Глинка Михаил Иванович 302, 634

Глинский Генрих 659
Гоголь Николай Васильевич 10, 20, 36, 41, 45, 47, 79, 98, 116, 126, 136, 137, 154, 155, 158, 161, 162, 167, 168, 188, 196, 197, 259, 268, 279, 314, 366, 370, 374, 378, 379, 388, 391, 471, 474, 478, 483, 484, 488, 494, 512, 532, 548, 604, 606—609, 641, 661, 662, 679, 700, 701, 703
Гойжевский Николай Адольфович 318, 362, 365
Голеновская Александра Михайловна — см. Достоевская А. М.
Голицын 353, 542
Головачев Алексей Адриянович 171, 188, 202, 204, 237, 501
Головины 467
Головнин Александр Васильевич 17
Голубев Виктор Федорович 398, 399, 401, 404, 405, 412—414, 486, 487, 490, 492
Голубцова Мария Александровна 169
Гольбейн Ганс младший 87, 441, 503
Гольденберг Григорий Давидович 673, 702
Гольдсмит Оливер 500
Гольц-Миллер Иван Иванович 172, 189, 281
Гомер 80, 81, 419
Гончаров Андрей Дмитриевич 509
Гончаров Иван Александрович 28, 84, 109, 114, 119, 154, 284, 345, 444, 475, 499, 500, 506, 513, 517, 545, 632, 674, 688, 691, 695, 700, 705, 706
Горбунов Иван Федорович 301, 334, 388, 418, 484, 494, 667, 674, 703
Горбунов Николай Павлович 205
Горнби 648
Городецкий Сергей Митрофанович 169
Горский Петр Никитич 201, 236
Горчаков Александр Михайлович 588, 655
Гофман Эрнст Теодор Амадей 81, 82, 234, 272
Граббе А. К. 657
Градовский Александр Дмитриевич 682, 686, 698, 700, 704, 705
Градовский (псевд. Гамма) Григорий Константинович 12,75, 78, 115, 409, 420, 447—449, 476, 491, 495—497, 507, 508, 552, 643, 656, 678—680, 698
Гракхи Гай и Тиберий 159, 394, 396
Грановский Тимофей Николаевич 555, 565, 569, 570, 617, 644, 652, 665
Греков 290
Греч Николай Иванович (?) 272
Грибоедов Александр Сергеевич 72, 81, 85, 119, 171, 263, 428, 497, 577, 578, 606, 607, 609, 610, 618, 624, 626, 661, 662, 688, 691, 695, 700, 702, 705, 706
Григорий Палама 330
Григорович Г.— см. Григорьев А. А.
Григорович Дмитрий Васильевич 198, 242, 336, 395, 499, 533, 605, 637, 661, 690
Григорьев Алексей Львович 122
Григорьев (псевд. Г. Григорович) Аполлон Александрович 21, 36, 37, 90, 96, 98, 154, 168, 177, 185, 192, 193, 198, 201, 202, 204—208, 234—238, 277, 280, 378, 414, 479, 488, 545, 546, 551, 553, 556, 577, 579, 634, 641—644, 651
Григорьев Василий Васильевич 413, 419, 459, 492, 495, 512
Григорьев Иван — см. Долгомостьев И. Г.
Григорьев 2-й Петр Григорьевич 406, 490
Гринберг Фрида Израилевна 8
Гриневич 637
Громека Степан Степанович 150, 166
Гроссман Леонид Петрович 58, 94, 118, 121, 122, 169, 332—334, 342, 345, 364, 472, 485, 486, 492, 494, 495, 498, 503, 514, 515, 641, 644, 706
Грунильон г-жа 302
Губер Эдуард Иванович 542, 596, 640
Губин Василий Иванович 236, 655
Губонин П. И. 343
Гуд Томас 62
Гудзий Николай Каллиникович 169
Гумбольдт Александр 592, 658
Гуральник Уран Абрамович 121
Гуро, домовладелец 469
Гусев Александр Федорович 399, 401, 488
Густав (Христиан) Христианович 420, 421, 496, 497
Гутентаг 357
Гюбнер 672, 702
Гюго Виктор 30, 82, 85, 395, 403, 409, 416, 420, 441, 448, 461, 486, 490, 492, 520, 538, 543, 549, 615, 616, 628, 642, 660

Давоншир Герезон 567
Давыдов Алексей Иванович 131 (?), 161
Давыдов Денис Васильевич 367, 472
Дадьян Григорий 439, 444, 449, 500, 506, 508
Даль Владимир Иванович 339
Данилевский Григорий Петрович 188, 404, 576, 706
Данилевский Николай Яковлевич 20, 53, 66, 404, 467, 489, 515
Данилов Фома 82, 532, 537, 615, 617, 637, 638, 664, 665
Данилов, домовладелец 318, 469
Данилова Мария 326
Данилова 665
Данте Алигьери 86
Дарвин Чарлз 341
Дебу Ипполит Матвеевич 125, 155, 159
Дебу Константин Матвеевич 125, 155, 159
Девоншир Спенсер 566, 648
Декарт Рене (Ренат Картезий) 175
Дельвиг 418
Дельта-Ми — см. Мордовцев Д. Л.
Демерт Николай Александрович — 602, 660
Демидов, домовладелец 667
Демис (Мошарский) Л. Н. 177, 193, 197, 201, 216, 218, 236
Дерби Эдуард Генри Стенли 301, 333, 567, 648
Державин Гавриил Романович 678, 703
Джонсон Самуил 500
Дидро Дени 12, 113, 122, 367
Дизраэли Бенджамин (Биконсфильд) 471, 489, 567, 587. 602, 648, 659
Диккенс Чарлз 420, 441, 448, 616
Диоген 46, 144

Дмитриев-Кавказский Лев Евграфович 519, 677
Дмитриевский 338
Дмитрий Донской 190, 342
Дмитрий Самозванец 238
Доббель Сидней 454, 494, 511
Добролюбов (псевд. —бов; Т—нов) Николай Александрович 18, 26, 31—34, 36, 41, 53, 96—104, 106, 122, 140—142, 144—149, 152—155, 160, 161, 164—168, 170, 255, 278, 439, 463, 500, 502, 605
Добужинский Мстислав Валерьянович 315, 321, 327, 473, 477
Дол—ва М. 208, 239
Долганова, студентка 468
Долгомостьев (псевд. Григорьев; Игдев) Иван Григорьевич 45, 46, 177, 180, 182, 185, 192, 193, 204, 209, 234, 237, 263, 272, 280
Долгушин Александр Васильевич 70
Долинин Аркадий Семенович 16, 60, 87—89, 91, 93, 118, 193, 329, 357, 481, 484, 488, 491, 492, 495, 507, 509, 512, 516, 640, 665, 706
Донн Вильям Бодхем 486
Досс Н. 368, 369
Достоевская (по 1-му мужу Голеновская; по 2-му—Шевякова) Александра Михайловна 511
Достоевская (рожд. Сниткина) Анна Григорьевна 5, 7, 8, 10, 16, 20, 23, 24, 29, 74, 77, 93, 318, 319, 330, 338, 340, 341, 344, 346, 348, 350, 351, 353, 356—363, 365, 457, 467, 492, 495, 503, 507, 512, 515, 516, 527, 539, 630, 631, 641—644, 665, 666
Достоевская (по мужу Карепина) Варвара Михайловна 182, 194
Достоевская (по мужу Иванова) Вера Михайловна 189, 494, 515
Достоевская (по мужу Манасеина) Екатерина Михайловна (Катя) 182, 320, 324
Достоевская Любовь Федоровна 24, 29, 355, 357, 358, 378, 480, 630
Достоевская (по 1-му мужу Исаева) Мария Дмитриевна 10, 13—15, 39, 71, 105, 106, 126, 127, 129, 159, 171, 173, 175, 181, 188, 190, 198, 199
Достоевская (по мужу Владиславлева) Мария Михайловна 182 (?), 194, 544 (?)
Достоевская (рожд. Нечаева) Мария Федоровна 27, 640
Достоевская Софья Федоровна (Соня) 29
Достоевская (рожд. Дитмар) Эмилия Федоровна 128, 130, 132, 161, 182—184, 194, 197, 216, 287, 288, 318, 467, 469
Достоевский Алексей Федорович (Алеша) 24, 29, 357, 358, 364, 630, 643
Достоевский Андрей Михайлович 24, 27, 205, 357, 511, 640
Достоевский Михаил Андреевич 27, 640
Достоевский Михаил Михайлович 10, 15, 16, 20, 27, 37, 38, 43, 47, 49, 61, 96, 99, 103, 129—133, 136, 160—162, 171, 188—190, 194, 197, 199, 200, 234, 236, 238, 239, 242, 331, 333, 353 (?), 528—530
Достоевский Михаил Михайлович (Миша) 182, 320, 324, 325, 359, 361
Достоевский Николай Михайлович 127, 129, 161, 171, 183, 188, 189, 320, 324, 325, 459, 511, 588, 655
Достоевский Федор Михайлович (Федя) 445, 507
Достоевский Федор Федорович 24, 29, 355, 357, 358, 361, 445, 630
Драгоманов Михаил Петрович 144, 165
Дроз Гюстав 629, 666
Дружинин Александр Васильевич 12, 121, 448, 449, 500, 508, 626
Дрыжакова Елена Николаевна 488
Дудышкин Степан Семенович 136, 162, 166, 168, 186, 241, 286
Дурдин 468
Дуров Сергей Федорович 346
Духинский 246, 258, 276
Дюдеван, семья 402
Дюкро 338
Дюма Александр, сын 362, 558, 645
Дюссо 500
Дюфор Жюль Арман Станислав 508

Евреинов 216, 218
Екатерина II 380, 461, 557, 616, 644, 656
Елизавета, имп. 188
Елизавета Кузьминична 441, 503
Елисеев Алексей 469
Елисеев Григорий Захарович 52, 75, 379, 392, 394, 402, 476, 481, 485, 488, 636, 642, 660, 670, 700
Елисеева Акулина Арефьевна 468
Ермак Тимофеевич 692
Ермолов Алексей Петрович 430
Ефремов Петр Александрович 197, 345

Желябов Андрей Иванович 675
Жемчужников Алексей Михайлович 419, 446, 495, 507, 580, 581, 583, 586, 653, 654
Жемчужникова Ольга Ивановна — см. Щапова О. И.
Живкова Виктория — см. Благоева Вела
Жирарден Эмиль 180, 243, 273, 275
Жиряев Александр Степанович 636
Жуковский Василий Андреевич 628
Жуковский Юлий Галактионович 258, 279

Загуляев Михаил Андреевич 212, 213, 241, 267, 282
Зайончковская (рожд. Хвощинская; псевд. В. Крестовский) Надежда Дмитриевна 509
Зайончковский Петр Андреевич 92
Зайцев Варфоломей Александрович 45, 104, 251, 260, 269, 280, 281, 283, 514, 515, 562
Замысловский 318, 319
Занд Жорж — см. Санд Жорж
Зарубин Павел Алексеевич 209
Заруцкий Кир 359, 364
Засецкая (рожд. Давыдова) Юлия Денисовна 467, 634
Засулич Вера Ивановна 68, 69, 676, 702
Заурядный читатель — см. Скабичевский А. М.
Зиберт, домовладелец 129
Зильберштейн Илья Самойлович 8, 505, 512
Зименко Ардальон Васильевич 204, 205

Зиновьев Михаил Александрович 304, 337
Зиссерман Арнольд Львович 439, 440, 500—502
Зичи Михаил Александрович 346
Знаменский Михаил Степанович 163
Золя Эмиль 16, 82, 114, 119, 120, 362, 466, 550, 553, 618, 619, 621, 628, 642, 665, 666
Зотов Владимир Рафаилович 118, 204, 397, 399—401, 408, 409, 417, 418, 421, 429, 459, 486, 488, 490, 492, 497, 498
Зубов Платон Александрович 590, 591, 656, 657

Иван IV Грозный 560, 603, 624, 646, 656, 660
Иванов Александр Павлович 171, 189, 287, 494
Иванов Константин Иванович 318, 346, 469
Иванов Федор 409, 491
Иванов, домовладелец 467
Иванова Вера Михайловна — см. Достоевская В. М.
Иванова Елена Павловна 179, 193, 418, 467, 494, 515
Иванова (рожд. Анненкова) Ольга Ивановна 346
Иванова (по мужу Хмырова) Софья Александровна 51, 105, 171, 188, 467, 515
Игдев — см. Долгомостьев И. Г.
Игнатьев Николай Павлович 576, 584, 651
Иероглифов — см. Гиероглифов А. С.
Изабелла II Мария Луиза 294, 337
Извойников 266
Излер Иван Иванович 129, 161
Иловайский Дмитрий Иванович 77
Ильин Николай Николаевич 348
Ильинский 72, 73, 356
Иннокентий X 87, 596
Иоанн 301, 335
Исаев Павел Александрович 13, 126, 127, 159, 171, 189, 287, 320, 360
Исаева Мария Дмитриевна — см. Достоевская М. Д.
Исаков Яков Алексеевич 319, 631
Исмаил-паша 648
Ищенко 311

К.— см. Кулаков И.
К.— см. Кушелева-Безбородко
К. М. 600, 659
К. Р. 489
К. С. К. — см. Константинов С.
К—г М. А. 373, 476
Кавелин Константин Дмитриевич 52, 77, 78, 115, 498, 674—676, 678—680, 694—696, 700, 701, 703
Кавелина Софья Константиновна — см. Брюллова С. К.
Кавос, домовладелец 667
Кавур Камилло Бензо 100, 126, 141, 150, 152, 154, 161, 166, 170, 566, 583, 654
Казанова Жак 374, 478
Казанцев 302, 306, 307, 342
Каиров 532—541
Каирова 532, 533, 545, 637, 638
Кайданов Иван Козьмич 443, 450, 504, 506, 508
Кайр 511
Калатузов Василий Иванович 204, 205, 237, 238
Калинин 403, 488
Калиновский Д. И. 160
Каломейцева Александра Карловна 182, 194
Калугин 360
Камбек Лев Логгинович 267, 282
Кант Иммануил 107, 136, 162
Капнист Петр Иванович 182, 196
Каракозов Дмитрий Владимирович 341
Карамзин Николай Михайлович 27, 173, 262, 263, 269, 280, 370, 374, 385, 388, 439, 474, 482, 500, 542, 640
Карачоло Эриэта (Генриэтта), кн. ди Форино 183, 196
Карепина Варвара Михайловна — см. Достоевская В. М.
Карепина (по мужу Смирнова) Мария Петровна 182, 194, 544
Карл Смелый 408
Карлейль Томас 467, 515
Карлов 551, 569, 606, 608
Карлос Дон 109, 439, 443, 448, 449, 453—455, 500, 501, 506, 508, 510, 511
Карнович Евгений Петрович 656
Карнович 468
Карташев Дмитрий В. (?) 541, 640
Карцов А. Н. 582, 654
Каспарович Э. Л. 488
Катков Михаил Никифорович 22, 35—38, 45, 51, 53, 74, 97, 98, 103, 106, 126, 160, 162, 168, 172, 186, 251, 255, 256, 263, 276, 279, 282, 286, 304, 338, 375, 404, 439, 471, 472, 474, 496, 500, 520, 662, 668, 700, 701, 704, 706
Катнер, домовладелец 469
Катрфаж де Брео Жан Луи Арманд 283
Каульбах Вильгельм 535, 637
Кауфман Константин Петрович 340, 404, 489
Каченовский Владимир Михайлович 328
Кашин Александр Петрович 155, 170
Кашпирев Василий Владимирович 362, 365
Кашпирева Софья Сергеевна 362, 365
Квашнин-Самарин 267
Квятковский Александр Александрович 77, 672, 702
Кельсиев Василий Иванович 300—303, 329, 335
Кеплер Иоганн 314
Керонский 527, 528
Кетчер Николай Христофорович 578, 652
Кехрибарджи Платон Евгеньевич 547, 629, 641
Киреев Николай Алексеевич 555, 644
Кишенский Дмитрий Дмитриевич 302, 303, 305, 307, 330, 335—337, 340—344
Клейн 319
Клеман Михаил Карлович 666
Клокачев 376, 377, 382, 479, 480, 482
Клюшников Виктор Петрович 469
Княжнин (Ивойлов) Владимир Николаевич 90
Ковалев Я., домовладелец 469
Ковалевская (рожд. Корвин-Круковская) Софья Васильевна 117, 122, 469
Ковалевский Владимир Онуфриевич 469
Ковалевский Евграф Петрович 485

Ковалевский Егор Петрович 485
Ковалевский Михаил Евграфович 202, 365, 393, 485
Ковальский 373, 377, 478
Коган Галина Фридмановна 124, 707
Кожанчиков Григорий Фомич 319, 324, 347
Козлинский Владимир Иванович 423
Козлов Павел Александрович 316, 337, 345, 346
Козловский Петр Борисович 567
Кокорев Викентий Александрович 475, 478
Колбасин Дмитрий Яковлевич 12
Колокольцевы 660
Колонтаров Сергей Никитич 569
Колошин Сергей Павлович 180, 194, 201, 202, 204—206, 235, 236, 238
Комаров Виссарион Виссарионович 471
Комаров Матвей 632
Комарович Василий Леонидович 118, 121, 122
Комаровская Анна Егоровна 667
Комб 422, 424
Кондиоре 563
Кони Анатолий Федорович 234, 364, 365, 389, 393, 396, 398, 426, 429, 469, 474, 475, 485, 507, 648—649
Конради Герман 613
Константа Варвара Дмитриевна 171, 188
Константин Павлович, вел. кн. 55, 380
Константинов Н. 301, 335, 336
Коншина Елизавета Николаевна 93
Кораблев 600
Корвин-Круковская (по мужу Жаклар; псевд. Ю. О—ва) Анна Васильевна 204, 205, 238, 469
Корвин-Круковская Софья Васильевна — см. Ковалевская С. В.
Корженевский Ипполит Осипович 652
Корнель Пьер 616
Корнилов Иван Петрович 20, 323, 324, 348
Корнилов Степан Корнилович 588
Корнилова Екатерина Прокофьевна 70, 535, 578, 588, 591, 607—609, 637, 648, 649, 655, 657, 661, 662
Корф Николай Александрович 341
Коршунов 491
Косица — см. Страхов Н. Н.
Костенецкий Яков Иванович 345
Костин 654
Костомаров Николай Иванович 172, 189, 190, 296, 341, 342, 509
Котлубай Эдуард 393
Котов 483
Кохановская Надежда Степановна — см. Соханская Н. С.
Кохендорф, домовладелец 469
Кохнова Л. Ю. 308, 332, 345
Коховский Всеволод Порфирьевич 301, 335
Коцебу Август 63, 379
Кошкарев 204
Кошлаков Дмитрий Иванович 354, 357
Коштоянц Хачатур Сергеевич 498
Коэн Иосиф 243, 246, 274
Коялович Михаил Иосифович 201, 202, 235, 236, 272, 683, 704
Крабб Джордж 500
Краевский Андрей Александрович 26, 45, 104, 166, 196, 212—215, 241, 246, 263, 265, 267, 276, 278—280, 282, 317, 331, 561, 581, 597, 598, 604, 647, 658, 661
Крамской Анатолий Иванович 457
Крамской Иван Николаевич 339, 457
Крашивина Стефания — см. Лобода С. М.
Красноперов Егор Иванович 514
Красовский Федор Иванович 459
Крестовский Всеволод Владимирович 96, 154, 160, 185, 201, 206, 236, 258, 267—269, 282, 313, 367, 466, 472, 519, 523, 635
Крестовский В., псевд.— см. Зайончковская Н. Д.
Кроненберг (Кроненберг) Станислав 28, 30, 70, 73, 74, 117, 118, 417, 418, 421, 422, 424—438, 445, 446, 485, 492, 493, 497—499
Кроненберг Мария 28, 70, 73, 417, 422, 424—438, 493
Кропоткин Д. Н. 702
Круглов Александр Васильевич 329
Крылов Иван Андреевич 140, 474, 683, 685, 687, 694, 696, 705
Кузьмин 631
Куканов 216, 218
Куколевская 476
Кукольник Нестор Васильевич 619, 665
Кулаков (псевд. К.) Иван 302, 305, 306, 340
Кумани 670
Куманина (рожд. Нечаева) Александра Федоровна 182, 184, 194, 197, 287, 348, 511
Куперник Лев Абрамович 441, 443, 447—450, 458, 504, 506—508, 511
Курепин Александр Дмитриевич (?) 494
Куриленков 551
Курочкин Василий Степанович 374 (?), 474, 479, 602, 660
Курочкин Николай Степанович 154
Кусков Платон Александрович 122
Куторга Михаил Семенович 379, 382, 480, 482
Кутузов Михаил Илларионович 567
Кушелева-Безбородко 551, 555, 642, 644
Кущевский Иван А. 334, 420, 496
Кювье Жорж 606, 607, 662

Л. 634
Л. О.— см. Лавровский К. В.
Лаврентьев 658
Лавров Петр Лаврович 155, 168, 287
Лавровский (псевд. Л. О.; Литератор-обыватель) Константин Викторович 514
Лакордер Жан Батист 244, 274
Ламанский Владимир Иванович 181, 194, 468
Ламартин Альфонс Мари Луи 370, 419, 426, 474
Ламенне Гюи Фелисите 244, 274
Ламовский 238
Ланн 554
Ланский Леонид Рафаилович 89, 124
Ларош (псевд. L) Герман Августович 373, 476, 575—577, 579, 626, 650—651, 665
Ласенер Пьер Франсуа 159, 201, 235, 236
Лассаль Фердинанд 466, 471, 514, 680, 704
Лаубе 266
Лауренс Джон 453
Лебедев Александр Игнатьевич 559, 669
Лебедев 551

Лебедев Николай Егорович 469
Левашев 654
Левитов Александр Иванович 336, 500, 661
Левитский 551
Левтеев 475, 480
Левченко Елисей Георгиевич 468
Ледрю-Роллен Александр Огюст 269, 282, 359, 546
Лемуан Джон 371, 474
Ленин Владимир Ильич 60, 68, 91
Леонтьев Константин Николаевич 74, 107, 115, 122
Леонтьев Павел Михайлович 53, 404, 471, 484, 668
Леонтьев, домовладелец 318, 346
Лермонтов Михаил Юрьевич 75, 119, 312, 345, 371, 375, 380, 393, 396, 398, 418, 420, 556, 569, 573, 603, 644, 649, 660
Леру Пьер 546, 704
Лесков (псевд. М. Стебницкий) Николай Семенович 114, 216, 218, 241, 242, 250 (?), 259, 276, 363, 503, 511, 636, 670
Летанин Н. 636
Леткова-Султанова Екатерина Павловна 27
Либкнехт Вильгельм 471
Ливанов Федор Васильевич 332
Ливингстон Давид 333
Лимберг 373, 376, 378, 478—480, 482
Лисицкий Г. 701
Лисовский М. 177, 193
Литератор-обыватель — см. Лавровский К. В.
Литке Федор Петрович (?) 615, 617, 664
Лихонин, домовладелец 469
Личков (?) 305
Либанов, домовладелец 667
Лобачевский Николай Иванович 15
Лобода (псевд. Крапивина) Стефания Михайловна 308, 330, 332, 344
Лодыгин Василий 125
Ломовский 178, 193
Лопатин (псевд. М. Ю—н) Михаил Николаевич 202, 237
Лорис-Меликов Михаил Лориелович 76, 77, 672, 673, 683, 703, 704
Лоррен Клод 87
Лотце 239
Лофтус Аугустус Спенсер Уильям Фредерик 577—579, 599, 652, 655
Лохвицкий Александр Владимирович 239
Луганьян 201, 236
Лури 629, 666
Лурье Софья Ефимовна 469
Лурьянский 183
Лушев 351
Льюис Джордж Генри 466, 514
Любимов Николай Алексеевич 78, 81, 330, 332, 345
Людовик XVI 138, 497
Людовик XVII 73, 422, 424, 497, 520

М. 662
М—в А. 279
М—ч А. 560
Маевский К. Е. 476
Маен 654
Майзель 490
Майков Аполлон Николаевич 18, 20, 21, 35, 51, 96, 187, 190, 197, 234, 313, 329, 333, 337, 526, 527, 619
Майков 185
Майкова Анна Ивановна 20, 619
Макарий 317, 333
Макаров 359, 364
Мак-Ивер 592, 597, 658
Мак-Магон (герцог Мажента) Эдм Патрис Морис 109, 393, 406, 418, 420, 447, 450, 482, 485, 489, 496, 508
Маковский Илья Александрович 346
Макс — см. Маркевич Б. М.
Максимов Сергей Васильевич 301, 335
Максимов 617
Максимович 545
Мальков 444, 506
Мальтус Томас Роберт 183, 196, 197, 386, 558, 645
Мамай 212
Манасеина Екатерина Михайловна — см. Достоевская Е. М.
Маркевич (псевд. Макс) Болеслав Михайлович 561, 646
Марко-Вовчок Мария Александровна — см. Маркович М. А.
Марков Евгений Львович 316, 345, 394, 453, 485, 510, 558, 560, 561, 646
Маркович (рожд. Вилинская; псевд. Марко-Вовчок) Мария Александровна 98, 152, 167, 168
Маркс Карл 106, 170, 191, 471
Марлинский Александр Александрович — см. Бестужев А. А.
Марор 134
Мартен Анри 467, 515
Мартьянов Петр Кузьмич 500
Мартьянова, домовладелица 205
Марфа Посадница 280
Масленников К. И. 568, 648, 649
Масютин Василий Николаевич 407, 663
Медникова, домовладелица 317, 346
Мей Лев Александрович 125, 159, 160, 235
Мейлах Борис Соломонович 84, 92
Мельников (псевд. Андрей Печерский) Павел Иванович 509, 512
Менделеев Дмитрий Иванович 46, 381, 392, 441, 482, 503, 504, 592, 636, 657, 674, 702, 704
Меншиков Александр Сергеевич 378, 380, 480, 481
Меровинги 515
Меттерних Клеменс Лотарь Венцель 400
Мещерский (псевд. Сумец) Владимир Петрович 20, 51, 66, 108, 300—304, 328—330, 332, 334, 335, 337, 338, 340, 344, 366, 475, 519, 591, 599, 602, 617, 618, 634, 640, 652, 657
Милан IV Обренович 561, 582, 586, 646, 647, 654
Милашевский Владимир Алексеевич 195, 199
Миллер Орест Федорович 23, 58, 93, 195, 531, 535, 616, 628, 636, 637, 665, 667
Миллер, домовладелец 182
Милль Джон Стюарт 488, 556, 642
Мильтон Джон 490
Милюков Александр Петрович 45, 98, 126, 160, 177, 180, 185, 192, 193, 205—208, 264, 281
Милютин Дмитрий Алексеевич 475

Минаев (псевд. О. Д.; О. Др.; Обличительный поэт) Дмитрий Дмитриевич 51, 154, 160, 172, 190, 494, 495
Минин Козьма (Кузьма Минич Захаров-Сухорук) 68, 328, 342
Минон 675
Мирабо Оноре Габриель Виктор Рикетти 472
Митрофания — см. Розен П. Г.
Михаил Павлович, вел. кн. 55, 380
Михайлов Владимир Васильевич 9
Михайлов Михаил Илларионович 276
Михайлова 399, 487
Михайловский (псевд. Н. М.; Иван Непомнящий) Николай Константинович 6, 52, 59—69, 75, 78, 91, 92, 290, 292, 294, 295, 310, 325, 328, 333, 379, 387, 399, 418, 441, 450, 480—483, 487, 492, 494, 503, 509, 547, 670, 700
Мицкевич Адам 241, 286, 288
Мишле Жюль 246, 276
Молейир Ричард 596
Молешотт Якоб 155, 170, 280, 281
Молинари де Густав 657
Моллер 129, 130
Молчанов Александр Николаевич 672, 680, 702
Молчанов Виктор Сергеевич 309
Мольер (Поклен) Жан Батист 608
Мольтке Гельмут Карл Бернгард 617
Момбелли Николай Александрович 346, 459, 469, 512
Монтано 567
Монтескье Шарль 167
Мордвинов Николай Семенович 312
Мордовцев (псевд. Дельта-Ми) Даниил Лукич 46, 651
Морозов Андрей Васильевич 338
Морозов 382, 482
Морозова Феодора 326
Морозова 376, 378, 380, 382, 478—482
Морошкин И. 656
Мортар 274
Мочалов Павел Степанович 488
Мошарский — см. Демис Л. Н.
Мурад V 540, 638
Мурильо Бартоломе Эстебан 262
Мурузи, домовладелец 468
Мюссе Альфред де 362

Н. Б. 680, 703
Н. К. 670, 701
Н. М.— см. Михайловский Н. К.
Набоков Дмитрий Николаевич 591
Надеин Митрофан Петрович 319, 347, 348, 431, 470, 498, 516, 630
Назарьева Капитолина Валерьяновна 468
Назар-Эддин, 304, 334, 338
Назимов Михаил Александрович 441, 492
Наполеон I Бонапарт 50, 138, 191, 241, 313, 384, 489, 506, 550, 562, 563, 566, 576, 612, 694
Наполеон III 164, 243, 274, 275, 317, 337, 375, 376, 393, 401, 447, 479, 563, 564, 566, 648, 655, 702
Нарейко 578
Нарпенский Вл.— см. Поливанов
Нарышкин 567
Наумов 308, 344
Незлобии (Дьяков) Александр Александрович 375, 479
Незнакомец — см. Суворин А. С.
Нейшеллер 182, 287
Неклюдов 201, 236
Некрасов Алексей Сергеевич 574, 650,
Некрасов Иван Юльевич 305, 308 (?), 340
Некрасов Николай Алексеевич 20, 26, 28, 38, 56, 61, 66—68, 79, 82, 117, 119, 138, 164, 189, 242, 250, 323, 326, 327, 333, 336, 348, 361, 365, 367, 379, 387, 402, 472, 481—483, 488, 499, 574, 615, 616, 618, 623, 626 (?), 650, 665
Немирович-Данченко (псевд. В.Н.Д.) Василий Иванович 301, 305—308, 334, 335, 337, 340, 342, 345, 560, 646
Непомнящий Иван — см. Михайловский Н. К.
Нерон Л. Домиций 431, 529
Нестеров 419
Нечаев Сергей Геннадиевич 19, 60, 62, 63, 289, 290, 296
Нечаева Вера Степановна 121, 122
Никитенко 273
Никитенко Александр Васильевич 167
Никитченко—см. Никитенко
Николаевский 301, 334
Николай I 380, 420, 439, 444, 480, 496, 500, 506, 631, 651, 662
Николич 581—583, 654
Никольский А. 493
Нил 301
Нил Сорский 440, 502
Нильский Иван Федорович 330
Новоселов С. К. 581, 584, 654
Норденшельд Адольф Эрик 690, 692, 705
Норман 234
Норманский Александр Иванович 659
Ньютон Исаак 54

О. Д.—см. Минаев Д. Д.
О. Др.— см. Минаев Д. Д.
О—ва Ю.—см. Корвин-Круковская А. В.
Обличительный поэт — см. Минаев Д. Д.
Оболенский Дмитрий Александрович 431, 498, 516, 631
Овсянников Степан Тарасович 57, 367, 372, 373, 376, 378, 380, 386, 387, 390, 396, 401—403, 406, 409, 431, 472, 475, 476, 478—481, 483—485, 491, 498, 579, 580, 652
Овчинников 440
Огарев Николай Платонович 17, 59
Одоевский Александр Иванович 337, 520, 571 (?)
Одоевский Владимир Федорович 135' 180, 193, 466, 514, 571 (?)
Окладский Иван Федорович 77, 672, 702
Оксман Юлиан Григорьевич 333
Ольга N.— см. Энгельгард С. В.
Ольхин Павел Матвеевич 446, 507
Онегин Александр Федорович— см. Отто А. Ф.
Ончуков Иннокентий Константинович 468
Орлов 392, 485
Орлова-Чесменская Анна Алексеевна 656
Орсини Феличе 564, 566, 648, 675
Орт 353—355, 357
Осинин Иван Терентьевич 381, 481
Основский Нил Александрович 188, 199

Островский Александр Николаевич 10, 21, 28, 66, 98, 119, 136, 161, 194, 201, 202, 204, 208, 213, 235, 237, 238, 379, 399, 439, 488, 501, 607—609, 613, 690
Отрепьев Григорий 50
Отто (Онегин) Александр Федорович 459, 469, 512
Офросимов Ф. С. 517, 632
Охочекомонный — см. Щеглов Д. Ф.

П. Б.— см. Бунаев П.
П. Ч. — см. Червинский П. П.
П. Ш. — см. Шумахер П. В.
П—ва Л.— см. Папкова Л.
П—ч В—р — см. Пуцыкович В. Ф.
Павел I 118, 470, 516, 656, 657
Павлов Николай Филиппович 136, 152, 162, 167
Павлуша 387, 388, 401, 403, 418, 459, 484, 489, 494
Палаецкий 563
Палибин Н. А. 126, 127, 134, 159
Палибин 654
Палкин 299, 542, 545, 672
Паль, домовладелец 469
Пальмерстон Генри Джон Темпль 243, 273, 274
Панаев Иван Иванович 41
Панкратов 654
Пантелеев Леонин Федорович 189, 664
Пантелеев Николай Николаевич 603, 604, 607, 609, 612, 660, 661
Пантелеев 201, 236
Пантелеева 216, 218, 347
Папкова (псевд. П—ва) Л. 294, 302, 305, 335—337, 340
Парфений 301, 332, 675
Патти Аделина 684
Певцов Василий Герасимович 301, 335
Пелешевский В. 306, 308, 309, 342, 345
Переверзев 404, 489
Переверзева 489
Перетолчин 459, 512
Перикл 50, 138
Перов Александр 413, 492
Перов Василий Григорьевич фронтиспис
Перова А. 70, 73, 492
Персиньи Жан Жильбер 212, 241, 244, 275
Пестель Павел Иванович 380, 520, 634
Пестрина, домовладелица 125
Петерсон Николай Павлович 450, 452, 459, 508, 509, 512
Петипа Мариус Иванович 420, 496
Петр I 58, 96, 105, 110, 112, 187, 198, 258, 273, 283, 292, 293, 312—314, 316, 317, 326, 329, 342, 343, 346, 364. 375, 382, 385, 404, 405, 419, 421, 430, 432, 440, 441, 460—463, 466, 482, 494, 495, 498, 514, 521, 530, 531, 533, 538, 556, 558, 569, 603, 604, 626, 636, 672, 679, 680, 685, 693, 704
Петр III 185, 198, 201, 236, 645
Петрашевский Михаил Васильевич — см. Буташевич-Петрашевский М. В.
Петров К. М. 419, 495
Петров Осип Афанасьевич 204, 523, 532, 537, 634, 637, 638
Петров Петр 359
Петров 205
Петров-Водкин Кузьма Сергеевич 505
Петрова 399, 487
Петти, братья 511
Печаткин Вячеслав Петрович 216, 218, 318, 319, 340, 347, 349, 356, 362, 470, 631
Печаткин Евгений Петрович — 347
Печерский Андрей — см. Мельников П. И.
Пиа Феликс 672—674, 702
Пивоваров 318
Пий IX 97, 104, 125, 159, 235, 243, 244, 274, 294, 301, 317, 333, 334, 337, 375, 431, 432, 442, 445, 446, 450, 453, 455, 489, 676, 683, 694, 703, 704
Пиксанов Николай Кириакович 121, 475, 485, 515
Пилат Понтий 286
Пиотровский Игнатий Антонович 160
Пирогов Николай Иванович 34, 36, 50, 98, 101—103, 126, 140—142, 144—149, 152, 154, 160, 164—166, 396
Писарев Дмитрий Иванович 83, 104, 105, 151, 167, 170, 183, 196, 197, 251, 260, 276, 279, 281, 374, 385, 448, 502, 542, 547, 548, 550, 659
Писарева 25, 528, 535, 553, 635—637, 640—643
Писемский Алексей Феофилактович 77, 284, 330, 460, 512, 520, 634, 690
Платон 113, 379, 480
Плеханов Георгий Валентинович 662
Плещеев Алексей Николаевич 208, 238, 318, 469, 567, 631
Плотников Иван 128
Плотников К. Н. 335
По Эдгар Аллан 81, 82
Победоносцев (псевд. Энский; ZZ) Константин Петрович 24, 27, 51—53, 58, 59, 74, 75, 115, 330, 334, 342, 344, 346, 418, 419, 439, 440, 467, 494, 495, 501, 503, 506, 515, 523, 526, 550, 635, 647, 704
Погодин Михаил Петрович 51, 187, 189, 190, 198, 235, 300, 325, 328—330, 334, 335, 339, 344, 356, 376, 381, 479, 482
Пожарский Дмитрий Михайлович 328
Позен Л. М. 510
Позен М. П. 510
Полевой Николай Алексеевич 301, 333
Полевой Петр Николаевич 394, 466, 468, 485
Полетика Василий Аполлонович 420, 482, 496, 581, 598, 654, 655, 658, 699 (?)
Поливанов (псевд. Вл. Нарпенский) 204, 205, 237
Полонская Клара Натановна 124
Полонский Леонид (Лев) Александрович 599, 600, 659, 700
Полонский Яков Петрович 83, 96, 122, 160, 161, 182, 191, 202, 208, 219, 239, 329, 337, 345, 390, 459, 467, 469, 484, 511, 515, 516, 599
Полуектов, домовладелец 125
Поляков Б. Б. 134, 319, 324, 348
Поляков Василий Петрович 161
Полянский 573, 579, 650, 652
Померанц Григорий Соломонович 91
Помяловский Николай Герасимович 38, 602
Попов Андрей Александрович 574, 650
Попов Нил Александрович 318, 346
Попов Р. 335
Попов, домовладелец 177

Попов 272
Порецкий Александр Устинович 182, 183, 194, 196, 201, 202, 219, 236, 300, 302, 305—309, 328, 330, 331, 340—342, 344, 371, 475, 550, 642
Португалов Вениамин Осипович 514
Посторонний сатирик — см. Антонович М. А.
Потанин Григорий Николаевич 514
Потемкин Григорий Александрович 379, 656
Потехин Николай Антипович 216, 218, 242, 484, 605, 661
Потехин П. А. 382, 388, 393, 482, 485
Потулов Николай Михайлович 550, 642
Поццо ди Борго Карл Андрей 576, 651
Починковская О.— см. Тимофеева В. В.
Прац Эдуард 161, 197, 216, 218, 319
Прачков 547, 558, 561, 646
Прежевский 302
Прескотт Уильям 467, 515
Пресняков Андрей Корнеевич 77, 672, 702
Прибыткова Варвара Ивановна 326, 330, 442 506
Прибыткова, домовладелица 290
Пришвицын Иван 306, 341
Прохорова 399, 487
Прудон Пьер Жозеф 64, 144, 155, 170, 174, 186, 191, 362, 393, 592, 657
Прутков Козьма Петрович 46, 138, 154, 168, 272, 443, 506
Пугачев Емельян Иванович 301, 334, 472, 590, 591, 656, 657
Пуцыкович (псевд. В—р П—ч) Виктор Феофилович 300, 302—309, 328, 335—338, 340, 442, 344, 345, 365, 467
Пушкин Александр Сергеевич 7, 21, 33, 52, 58, 74—76, 78, 79, 85, 88, 107, 108, 115, 116, 119, 120, 154, 168, 172, 173, 189, 199, 241, 251, 286, 288, 313, 317, 371, 379, 380, 385, 393, 398, 409, 418, 420, 443, 450, 458, 466, 482, 483, 490, 495, 496, 506, 514, 519, 525, 543, 557, 570, 578, 579, 606—608, 610, 619, 623, 628, 629, 634, 652, 662, 663, 665, 668, 672, 674, 677, 700—703, 705, 706.
Пыпин (псевд. В. В.) Александр Николаевич 52, 61, 64, 164, 192, 210, 241, 250, 286, 290, 294, 325, 329, 466, 467, 514, 515, 700, 701

Р. 493
Рагозин Евгений Иванович 547, 548, 558, 569, 641
Раевский 564
Распайль Франсуа Венсен 447, 450, 507
Распе Рудольф Эрих 126
Распопов 630
Ратынский Николай Антонович 469, 594
Ратьков-Рожнов 537, 638
Раусен 155
Рафаэль Санти 54, 112, 260, 279, 316, 396, 503, 619
Рачинский Сергей Александрович 341
Ревиль Альберт 177, 193
Редсток Гренвиль 439, 456, 501, 514, 519, 529—531, 538, 542—544, 553, 556, 617, 634, 640, 644, 665
Рейслер 216, 218
Ренан Эрнст Жозеф 65, 66, 177, 185, 193, 206—208, 248, 276, 310, 391
Репин Илья Ефимович 616, 617, 664
Репнин кн. 567
Решетников Федор Михайлович 82, 367, 472, 500, 605
Робер А. Н. 545—547, 641
Роберт де 683, 704
Рогов Павел Игнатьевич (?) 301, 335
Рогов, домовладелец 182
Родич Габриель фон 517—519, 632
Розанов Иван Никанорович 169
Розанов, домовладелец 667
Розен Прасковья Григорьевна 449, 459, 491, 507, 508, 512, 532, 637
Розен 448
Розенбаум 405
Розенблюм Лия Михайловна 8—92, 118, 121, 124
Розенблюм Николай Германович 37
Розенгейм Михаил Петрович 242
Розенфельд А. 409, 491
Розова 468
Романович-Славатинский Александр Васильевич 317
Россек 588
Россель Вильям Говард 507
Россов 636
Ростовский кн. 567
Ростовцев Яков Иванович 29, 380, 420, 495, 591
Ротшильд Джеймс 550
Рошфор Виктор Генрих де 673, 674, 702
Рубинштейн Антон Григорьевич 194, 507
Рудин Александр Александрович 318, 469
Рудометов 475
Румянцев Иоанн (о. Иван) 548, 641
Русский — см. Сазонова С. И.
Руссо Жан Жак 12, 39, 180, 243, 244, 258, 279, 367, 463, 551
Руэ (Руэр) Эжен 273
Рыбников Павел Николаевич 486
Рыбченков Борис Федорович 647, 653, 657
Рылеев Кондратий Федорович 119, 173, 555, 644
Рюккерт Фридрих 118, 122, 397, 486
Рюмин владелец типографии 197
Рюмин 517, 632,
Рюрик 381, 482

С. Б. 576, 651
С—в Вс.— см. Соловьев Вс. С.
С—н А.—см. Суворин А. С.
Сок—ский П.— см. Соколовский П. А.
Ст.-Ф. А.—см. Стенбок-Фермор А.
Сабуров Андрей Александрович 380, 396, 481, 486, 667
Сабурова Елизавета Владимировна 667
Савельев Александр Иванович 667, 694
Савич 201, 236
Сад Альфонс де 246, 675, 703
Сазонова (рожд. Смирнова; псевд. Русский) Софья Ивановна 368, 369, 652
Сазонович Августа Павловна 467, 468, 516
Сакулин Павел Никитич 93, 169
Салиас де Турнемир (псевд. Вадим) Евгений Андреевич 176, 192, 301, 334, 367, 472, 590, 657
Салиас де Турнемир (рожд. Сухово-Ко-

былина; псевд. Евгения Тур) Елизавета Васильевна 212, 262, 280
Салисбюри Роберт — см. Сольсбери Р.
Салов 654
Салтыков Константин Михайлович 71
Салтыков (псевд. Н. Щедрин) Михаил Евграфович 19, 20, 26, 28, 31, 38, 40—44, 46, 51, 52, 57, 59, 61, 66, 67, 71, 75, 76, 78—81, 86, 89, 90, 92, 94, 95, 101, 104, 114, 119, 121, 122, 176, 186, 192, 193, 198, 209—211, 240, 241, 250, 252, 254—256, 276—279, 281, 282, 287, 292, 326, 332, 335, 374, 375, 378, 385, 388, 398, 401, 470, 471, 478, 479, 484, 560, 567, 578, 600, 602, 607, 613, 616, 629, 646, 662, 664, 666, 670, 672, 673, 700—708, 704
Салтыкова Елизавета Михайловна 71
Самарин Федор Дмитриевич 337
Самарин Юрий Федорович 304, 318, 455, 456, 458, 459, 461, 511, 513, 533, 535, 634, 636, 637
Самарский-Быховец Владимир Васильевич 178, 193
Самойлов Василий Васильевич 84, 639
Санд Жорж (Аврора Дюдеван) 41, 82, 119, 196, 361, 362, 402, 420, 448, 474, 542, 543, 545, 546, 619, 628, 640, 641, 665
Сарданапал 373, 476
Сартиж 274
Саруханян Евгения Павловна 159
Сафонов 551
Сведенборг Эммануил 392
Свистунов Петр Николаевич 414, 492
Светова Т. 507
Себастьяни (Себастьян) Франсуа Орас Бастьен 444, 449, 455, 506, 508
Селезнев, домовладелец 180
Селин Александр Иванович 547, 548, 550, 551, 556—558, 561, 569, 641—646, 649
Семенов Николай Петрович 591, 657
Семянников 547
Сенека 506
Сенковский Осип Иванович 546, 640
Сен-Симон Луи де Рувруа 107, 704
Сент-Бев Шарль Огюст 191, 467, 515
Сервантес де Сааведра Мигель 83, 85, 387, 404, 420, 442, 443, 448, 454, 484, 496, 508
Сергиевский Н. А. 410, 491
Серебряков 489
Серман Илья Захарович 124
Серов Александр Николаевич 177, 185, 192, 198, 201, 206—208, 235, 236
Сесицкий 548
Сеченов Иван Михайлович 46, 187, 198, 431, 434, 498, 526, 528
Сибиряков Александр Михайлович 705
Сидорацкая 673
Сикевич 204
Сильсфильд Чарльз 177, 182, 185, 192, 201, 204, 206—208, 235, 238, 239
Симон Жюль 159
Симонов Л. Н. 323, 324, 348
Симоновский, домовладелец 182
Синеус 381, 482
Скабичевский (псевд. Заурядный читатель) Александр Михайлович 439, 484, 501, 510, 602, 660, 661
Скайлер Евгений 452, 509, 510
Скарятин Владимир Дмитриевич 37, 38, 286, 288
Склифосовский Николай Васильевич 652
Скобелев Иван Никитич 591, 657
Скобелев Михаил Дмитриевич 404, 489, 637, 705
Скобельцын, домовладелец 125
Скотт Вальтер 420
Славинский Николай Евстафьевич 342
Слепцов Василий Алексеевич 500, 661
Случевский Владимир Константинович 534, 637
Смирнов 129, 155
Смирнов — см. Поливанов
Смирнова Софья Ивановна — см. Сазонова С. И.
Смуров Г. 207
Сниткин Иван Григорьевич 318—320, 346, 360—362, 495, 630
Сниткина Анна Григорьевна — см. Достоевская А. Г.
Сниткина (рожд. Мальтопеус) Анна Николаевна 319, 630, 674
Сниткина Елизавета Григорьевна 318
Сниткины, семья 347
Соболев 468
Соболева, домовладелица 182
Соковнин Николай Михайлович 588, 655
Соколов Нил Иванович 372, 476
Соколов Юрий Матвеевич 169
Соколов, кап. 654
Соколов 300
Соколовский Н. М. 177, 185, 193, 198, 204—206, 209, 237, 239
Соколовский (псевд. Сок—ский) Павел Александрович 604, 660, 661
Соколовский 523, 635
Сократ 46, 113, 262, 272
Соллогуб Владимир Александрович 345
Солнцев Федор Григорьевич 500
Соловьев Владимир Сергеевич 300 (?), 328, 331, 466, 468, 514
Соловьев (псевд. В. С.; С—в) Всеволод Сергеевич 300(?), 331, 336, 337, 347, 357, 387, 417, 459, 468, 469, 472, 483, 492, 493, 511, 520 (?), 665
Соловьев Д. М. 509
Соловьев Николай Иванович 185, 198, 206, 208, 216, 219, 238, 242, 246(?), 276, 300 (?), 331, 332
Соловьев Сергей Михайлович 13, 317, 341, 346, 466, 514, 576, 588, 651, 655
Соловьев 365
Солон 384, 482
Сольсбери (Салисбюри) Роберт 600, 659
Сомерсет Эдуард Сеймур 567, 568, 648
Сосунов Александр Петрович 367 (?), 474
Сосунов Евгений Филиппович 367 (?), 474
Соханская (псевд. Кохановская) Надежда Степановна 154, 168, 171, 172, 188, 190, 329, 330, 332
Спасович Владимир Данилович 28, 29, 80, 340, 376, 380, 419—422, 424—438, 479, 481, 493, 495, 497, 499
Спенсер Герберт 64, 65
Сперанский Михаил Михайлович 312, 622, 665
Спешнев Николай Александрович 512
Срезневский 654
Станкевич Николай Владимирович 551, 643

Стасов Владимир Васильевич 616, 617, 664
Стасюлевич Михаил Матвеевич 286, 472, 474, 568, 575, 624, 648, 665, 706
Стебницкий М.— см. Лесков Н. С.
Стелловский Федор Тимофеевич 199, 348, 557, 579, 645, 652, 655
Стенбок-Фермор (псевд. Ст.-Ф. А.) А. 603, 660
Стендаль (Анри Бейль) 629
Степанов Николай Александрович 45, 258, 268, 269, 279, 282
Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович 68, 91
Стерлигов, домовладелец 469
Стечкина Любовь Яковлевна 374, 378, 380, 382, 479, 480
Странник 370, 474
Страус — см. Штраус Давид Фридрих
Страхов (псевд. Косица) Николай Николаевич 10, 16—23, 35—37, 45, 46, 51, 53, 65, 89, 93, 96, 97, 99, 102, 103, 160—162, 168, 177, 181, 182, 185, 189, 190, 192, 193, 198, 200, 202, 204, 206, 208, 237, 255, 256, 263, 278—281, 283, 287, 300—309, 312, 316, 330, 332, 335, 338, 340—342, 344, 345, 358, 466, 469, 514, 539, 551, 553, 554, 557, 619—621, 629, 642—645, 665, 666,
Стрекалов 205, 238
Стронин Александр Иванович 340
Струсберг Бетель Генри 484, 545, 573, 574, 577—579, 583, 586, 641, 650—652
Стюар 180
Суворин (псевд. А. С.; А. С—н; Незнакомец) Алексей Сергеевич 25, 29, 30, 52, 53, 63, 301, 332, 356, 373, 376, 380—382, 384, 387, 390, 393, 398, 417—419, 439, 440, 478, 479, 481, 482, 484—487, 493—495, 500—502, 510, 542, 560, 578, 674, 703
Суворов Александр Аркадьевич 486
Суворов Александр Васильевич 255, 472, 581
Суворов, полк. 496
Судовщиков Е. 144, 165, 166
Сумец — см. Мещерский В. П.
Суслова Аполлинария Прокофьевна 13, 184, 193, 197, 507
Суслова (по мужу Эрисман) Надежда Прокофьевна 428, 445, 507
Сухово-Кобылин Александр Васильевич 254, 278
Сытнин Александр 128
Сытнин Михаил 128

Т. З.— см. Шелгунов Н. В.
Т—нов Н.—см. Добролюбов Н. А.
Талейран-Перигор Шарль Морис 191
Тамерлан 312
Тарапыгин 301, 335
Тарле Евгений Викторович 480
Тацит Корнелий 395, 396, 399, 418, 419, 421, 428, 466, 468, 487, 494, 495, 514, 554, 644
Тачалов 642
Телль Вильгельм 46
Тернер Федор Густавович 523, 532, 533, 535, 536, 538, 542, 640
Тиблен Николай Львович 125, 159, 184, 185, 197, 201, 202, 236
Тиверий 400
Тимашев Александр Егорович 486
Тимковский Константин Иванович 178, 193
Тимофеева (псевд. О. Починковская) Варвара Васильевна 332, 357
Тимур 584
Тиндаль Джон 523, 635
Титова Аграфена 424, 436
Тихомиров Осип Тимофеевич 667
Тихонов Яков Тихонович 77, 672, 702
Ткачев Петр Никитич 325
Токарев 577—579, 582, 584, 652
Токвиль Шарль Алексис Генрих Морис Клерель 162
Толиверова-Пешкова (по 1-му мужу Якоби) Александра Николаевна 337
Толстая Александра Андреевна 12, 667(?), 668
Толстой Алексей Константинович 286, 367, 472, 509
Толстой Дмитрий Андреевич 330, 486
Толстой Лев Николаевич 6, 9, 11—13, 16, 20—24, 49, 53, 65—67, 71, 77, 79, 84, 85, 88, 89, 109, 110, 114, 119, 137, 280, 301, 310, 311, 358, 380, 394, 396, 400, 402, 420, 430, 439, 441, 445, 448, 462, 466, 486, 488, 496, 500, 501, 509, 510, 514, 520, 544, 545, 549, 590, 657, 690, 699
Толстой Николай Николаевич 12
Томашевский Борис Викторович 104, 122, 706
Тон, домовладелец 667
Торчинский 201, 236
Тохтамыш 172, 190
Тредьяковский Василий Кириллович 577, 651
Трепов Федор Федорович 68
Тришин И. Л. 319, 324, 362, 365, 630, 631
Троллоп Антоний 483
Трувор 381, 482
Тулинов Михаил Борисович 129
Туляков, домовладелец 318, 469
Тур Евгения — см. Салиас де Турнемир Е. В.
Тургенев Иван Сергеевич 28, 52, 53, 66, 75, 77, 79, 84, 94, 98, 109, 114, 119, 121, 136, 155, 168, 182, 188, 194, 199, 201, 205, 213, 234—236, 238, 241, 242, 251, 254, 258, 276, 279, 286, 288, 299, 300, 328, 339, 346, 367, 370, 373—382, 384, 385, 387, 388, 390, 394, 403, 405, 409, 410, 416—418, 420, 421, 429, 441, 442, 448, 449, 453, 461, 462, 470, 472, 474, 478—482, 484, 485, 490, 491, 493, 496, 499, 500, 502, 504, 506, 508—510, 512, 517, 521, 522, 525, 546, 549, 609, 616, 617, 632, 635, 664, 665, 690
Тургенев Николай Иванович 701
Турунов Михаил Николаевич 181, 194
Туснельда 554, 644
Тьер Луи Адольф 212, 251, 276, 326, 566, 583, 655
Тьери Огюст 467, 515
Тэн Ипполит Адольф 466, 467, 514, 515
Тютчев Федор Иванович 30, 82, 88, 337, 341, 409, 490, 569, 649

Уайт 655
Уаткин Эдуард 454 (?), 500, 501, 510

Уинтер А. 474
Уманец Федор Михайлович (?) 674
Унгерн-Штернберг Карл Карлович 317
Унковский 658
Урусов, домовладелец 182
Урусова Евдокия Прокофьевна 326
Успенский Глеб Иванович 60, 75, 92, 119, 336, 500, 661, 670 (?), 700, 702
Успенский И. И. 496
Успенский Николай Васильевич 122, 336, 661
Устрялов Николай Герасимович 234
Утин Евгений Исакович 534, 536, 537, 539—541, 546, 637, 640
Утин Лев 177, 193
Ушаков 204
Уэльский, принц 244, 448

Фабрициус А. 239
Фаддей Блаженный 495
Фадеев Ростислав Андреевич 6, 301, 310, 311, 315, 316, 318, 332, 345, 367, 449, 455, 472, 508, 511, 519
Фалилеев Вадим Дмитриевич 291
Фарлей 507
Фатеев А. 182, 185, 194, 198, 206—208
Фауст Щигровского уезда — см. Венгеров С. А.
Федоров Николай Федорович 205, 218, 238, 239, 508
Федоров, полк. 588
Федорченко 234
Фейербах Людвиг 177, 192
Фейко 683
Фёлье Октав 362
Фермор Павел Федорович 155,170, 177, 193
Ферсит 398
Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич 287, 439, 501
Филипп II 64, 515
Филиппов Михаил Авраамович 192
Филиппов Осип Авраамович 177, 185, 192, 194, 198, 202, 204—209, 216, 219, 235, 238
Филиппов Павел Николаевич 29, 420, 495
Филиппов Тертий Иванович 51, 300—304, 329, 330, 335, 364, 468
Филиппов 181, 201, 236, 287
Филиппович, домовладелец 484
Филонов Андрей Григорьевич 378, 471, 472, 480
Филонов П. 514
Философова Анна Павловна 468
Фиркс Теодор — см. Шедо-Ферроти
Фишер Куно 209
Флобер Гюстав 305, 362
Фома Кемпийский 466, 515
Фоминицын А. 476
Фонвизин Денис Иванович 544
Фонвизина (рожд. Апухтина; во 2-м браке Пущина) Наталья Дмитриевна 36, 107
Фотий (Петр Никитич Спасский) 590, 656
Фребель Фридрих 445
Фрерих 357
Фридлендер Георгий Михайлович 31, 72, 93—122, 124
Фридрих Аугустенбургский 212, 213, 241
Фридрих Великий 442, 504
Фридрих II 467, 515
Фридрихс, домовладелец 377
Фукс Э. Я. 588, 649, 655
Фурье Шарль 6, 46, 50, 178, 311, 341, 704
Фуше Жозеф 191

Халабаев Константин Иванович 706
Халевитская 468
Халтурин Степан Николаевич 675
Хвощинская Надежда Дмитриевна —см. Зайончковская Н. Д.
Хейфец Михаил Исаевич 705
Хмырова Софья Александровна — см. Иванова С. А.
Холмогоров Г. М. 537, 638
Хомяков Алексей Степанович 244, 272, 275, 466, 515, 533, 637, 640, 682, 704
Хомяков, кап. 496
Хохрикова Любовь Христофоровна 467
Христиан Христианович — см. Густав Христианович
Христофорка 488

Цебрикова Мария Константиновна 378, 480
Целлер Эдуард 342
Циммерман Иоганн Георг 616

Чаадаев Петр Яковлевич 636
Чаев Николай Александрович 205, 209, 219, 238
Чанг-Цунг-Лианг 518, 634
Часовников Василий Васильевич 397
Чебакинский 183
Червинский (псевд. П. Ч.) Петр Петрович 481
Черенин Михаил Михайлович 178, 182, 193
Черная (Черновая), домовладелица 469
Черноусов 467
Чернышев 456, 511
Чернышевский Николай Гаврилович 12, 17, 31—34, 36, 37, 41, 43—46, 80, 96, 98—102, 104, 106, 116, 119, 121, 125, 126, 136, 139, 140, 150—152, 154, 158—162, 165—167, 170, 183, 197, 205, 251, 259, 262, 277, 279—282, 312, 331, 467, 508, 515, 603, 660
Черняев Михаил Григорьевич 366, 370, 471, 567—569, 574, 581—584, 586—588, 592, 598, 644, 646, 635—655, 658
Чехович В. В. 365
Чиальдини Энрико, герцог Гаэтский 280
Чигиренцев 551
Чингис-хан (Темучин) 190
Чихачев Петр Александрович 444, 506
Чихачев 407, 490
Чоглокова 645
Чумиков Александр Александрович 185, 197

Шаликова Наталья Петровна 330
Шалфеев Петр Петрович 301, 335
Шамбор Генрих Карл Фердинанд Мария Дьедонне д'Артуа 393, 454, 455, 511
Шапиро Константин Александрович 669
Шарнгорст Герман Иоганн Давид 591
Шатобриан Франсуа Рене 490
Шатриан Луи Шарль Александр 361, 362
Шашков Серафим Серафимович 636
Шевякова Александра Михайловна —см. Достоевская А. М.

Шедо-Ферроти (Теодор Фиркс) 180, 243, 273
Шейн 205
Шекспир Вильям 54, 80—83, 112, 125, 158, 159, 168, 193, 248, 276, 387, 396, 399, 409, 419, 442, 443, 448, 484, 488, 543, 578, 597, 613
Шелгунов (псевд. Т. З.) Николай Васильевич 295, 328
Шеллер-Михайлов Александр Константинович 483, 514
Шеллинг Фридрих Вильгельм Иосиф 636
Шенгели Георгий Аркадьевич 480
Шеншин Афанасий Афанасьевич — см. Фет А. А.
Шестаков И. А. 171, 189
Шидловский Иван Николаевич 205, 238, 542, 640
Шиллер Фридрих Иоганн Кристофор 73, 168, 388, 422, 537, 628
Ширяев Степан Григорьевич 77, 672, 702
Шитов 301
Шкляревский Александр Андреевич 308, 344, 345, 447 (?)
Шлоссер Фридрих Христофор 467, 515
Шмидт К. А. 335
Шмидт Юлиан 467, 515
Шнейдер Л. 435, 499
Шор Сарра Марковна 493, 499
Шпильгаген Фридрих 180, 181, 185, 194, 198, 204, 206—209, 237
Шпирлинг 212
Шрейдер, подполк. 658
Шрейдер 638
Штакеншнейдер Адриан Андреевич 467, 469, 515
Штакеншнейдер Елена Андреевна 9, 30, 467—469, 515, 667
Штейнберг 361
Шторх 305—308, 341, 342, 345
Штрандман Роман Романович 155, 170
Штраус (Страус) Давид Фридрих 198, 345, 391
Шувалов Павел Андреевич 587
Шумахер (псевд. П. Ш.) Петр Васильевич 485

Щапов Афанасий Прокофьевич 326, 342, 528, 529, 531, 602, 636, 660
Щапова (рожд. Жемчужникова) Ольга Ивановна 528, 636
Щеглов (псевд. Охочекомонный) Дмитрий Федорович 125, 159
Щедрин Н.—см. Салтыков (Щедрин) М.Е.
Щепанский Иван 338
Щербаков 492
Щербина Николай Федорович 154, 167
Щербинская Ольга 396, 406, 486, 490
Щукин 204

Эвклид 39, 64, 78
Эдельсон Евгений Николаевич 235
Эзоп 440, 450, 502
Эйхенбаум Борис Михайлович 657
Энгельгард (рожд. Новосильцева; псевд. Ольга N) Софья Васильевна 204, 205, 207, 238
Энгельгардт Анна Николаевна 667
Энгельс Фридрих 106, 191, 280
Энгиенский герцог (Луи Антуан Анри де Бурбон) 191
Энпе 610, 663
Энский — см. Победоносцев К. П.
Эрисман Надежда Прокофьевна — см. Суслова Н. П.
Эркман Эмиль 361, 362
Эркман-Шатриан — см. Эркман Э. и Шатриан Л. Ш. А.
Эсипов 327
Эсипова А. Н. 294, 327
Эсипова Е. А. 294, 327
Эфрос Наталья Давыдовна 8

Ю—н М.— см. Лопатин М. Н.
Юлиан Отступник 453, 510
Юнгдорф 290
Юнге (рожд. Толстая) Екатерина Федоровна 9
Юркевич Михаил Андреевич 599, 659
Юркевич Памфил Данилович 300, 302, 328
Юрьев Сергей Андреевич (?) 683
Юферов Александр Николаевич 668
Юшков Н. 458, 511

Языков Михаил Александрович 618, 665, 680
Языков 378, 480
Якоби Александра Николаевна — см. Толиверова-Пешкова А. Н.
Якоби Валерий Иванович 120
Яковлев Василий Яковлевич — см. Богучарский В. Я.
Яковлев, домовладелец 468
Яковлев 667
Якушкин Евгений Иванович 466, 481, 515
Якушкин Иван Дмитриевич 314, 337, 553, 556, 557, 643—645
Яников, домовладелец 459
Янсон Юлий Эдуардович 705
Янышев Иоанн Леонтьевич 532, 533, 670

Burnouf I. L. 486

Charpmter 466
Crollini G. Ch. 486

Exter F. Ch. 486
Guerlac O. 191

Hachette P. 486

L — см. Ларош Г. А.

Rahmer S., Dr. 357

Ramel-Plon K. 466

Raumer K. v. 515

Reinhardt E. 357

Segaloff Tim. 357

W. 304, 338

Z 541, 542, 599, 638, 640

Z — см. Буренин В. П.

ZZ — см. Победоносцев К. П.

УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДОСТОЕВСКОГО

Составила Е. М. Львова

«Бедные люди» 29, 47, 48, 135, 196, 199, 408, 409
«Белые ночи» 199, 473, 477
«Бесы» 5, 19, 22, 26, 27, 39, 42, 51, 55, 60, 61, 63, 66, 69, 70, 72, 79, 83, 93, 116, 274, 282, 289, 294, 295, 315, 321, 325, 327—329, 332, 333, 335, 347, 357, 365, 434, 442, 444, 474, 479, 498, 503, 504, 506, 555—556, 559, 616, 664, 674, 689
«Бобок» 26—27, 50
«Брак. (Современный человек)». Неосуществленный замысел романа 46—47, 271, 272, 283
«Братья Карамазовы» 5, 7, 12, 14, 24, 27, 28, 30, 39, 40, 55, 59, 63—65, 69—74, 78, 79, 81, 86, 93, 107, 108, 112, 114, 115, 117, 118, 121, 274—275, 332, 356, 358, 441, 470, 491, 493, 497, 503, 505, 506, 509, 513, 516, 551, 633, 637, 639, 642, 647, 653, 657, 663, 674, 676, 696

«Вечный муж» 5
«Вопрос о Пирогове». Неосуществленная статья 101, 102, 140—142, 144—149, 164—166
«Выставка в Академии художеств за 1860—1861 год» 120, 122

«Г. —бов и вопрос об искусстве» 18, 26, 32, 33, 41, 98, 99, 167, 168
«Гоголь и Островский». Неосуществленная статья 10, 98, 136, 161
«Господин Прохарчин» 199
«Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» 43, 276, 281, 282

«Два лагеря теоретиков» 26, 33, 36, 41, 96, 102
«Две заметки редактора» 61, 62, 340
«Двойник» 44, 47—51, 84, 93, 94, 96, 104, 121, 136—138, 140, 143, 162, 178, 179, 188, 200, 310, 367, 474
«Дети». Неосуществленный замысел романа 86, 588, 655
«Дневник писателя» 7, 10, 13—15, 22, 25—31, 35, 40, 70—74, 79, 81, 83, 84, 93, 94, 96, 97, 104, 105, 108, 110, 115, 119, 242, 274, 382, 392, 417, 494, 528, 659
«Дневник писателя» 1873 г. 6, 9, 19, 26, 28, 29, 45, 51, 61, 62, 108, 300, 302, 303, 307, 325—329, 331, 332, 335—338, 341, 344, 475, 481, 506, 513
«Дневник писателя» 1876 г. 9, 10, 12, 14, 25, 39, 52—59, 63, 64, 66, 67, 70, 72—74, 80, 86, 88—92, 94, 107—114, 117, 118, 120, 121, 197, 366, 383, 389, 401, 415, 420—438, 453, 455, 457, 462—465, 470—472, 474, 476, 478, 479, 481, 484, 486, 488, 490—499, 501, 503, 504, 506—516, 518, 523, 530, 532, 543—548, 550, 552, 555—558, 560, 568, 569, 572, 588, 606—609, 614, 615, 617, 622, 630, 638, 640—650, 652—656, 658, 661—666
«Дневник писателя» 1877 г. 9, 12, 25, 39, 51, 57—59, 66, 67, 69—71, 90—92, 108, 109, 111, 112, 114, 491, 495, 615, 627, 637, 651, 652, 655—659, 662, 664, 665, 689.
«Дневник писателя» 1880 г. 76, 77, 108, 109, 671, 681, 705
«Дневник писателя» 1881 г. 76, 77, 94, 108, 109, 114, 116, 668, 670, 671, 681, 700—702, 704, 705
«Дядюшкин сон» 188, 200

«Елка и свадьба» 199, 200

«Житие великого грешника». Неосуществленный замысел 69, 93

«Заметка от редакции» 307, 344
«Записки из Мертвого дома» 5, 10, 26, 30, 41, 44, 96, 108, 138, 155, 159, 168, 188, 193, 199, 200, 335, 347, 485, 594, 605, 661
«Записки из подполья» 22, 30, 39, 40, 44, 49, 51, 83, 104, 113, 188, 200
«Запуганная» — см. «Кроткая»
«Заседание общества любителей духовного просвещения» 330
«Зимние заметки о летних впечатлениях» 17, 26, 30, 31, 41, 44, 96, 200, 706
«Знакомство с Белинским». Недошедшая статья 51

«Игрок» 26, 200, 423
«Идиот» 5, 14, 24, 26, 30, 39, 43, 50, 53, 55, 66, 86, 87, 93, 107, 108, 164, 188, 197, 347, 365, 487, 494, 498, 499, 503, 506, 540, 605, 638
«Из подполья». Неосуществленный замысел 188, 200
«Из текущей жизни» 344

«Иностранные события» 308, 309, 345, 485

«Каламбуры в жизни и в литературе» 26, 104, 208, 239, 241, 279—280
«Кашкадамов». Неосуществленный замысел 104, 188, 200
«Книжность и грамотность» 26, 161, 168
«Крокодил» 10, 44—46, 93, 94, 104, 116, 189, 215, 241, 242, 246, 258—270, 276, 279, 280, 282
«Кроткая» 7, 10, 30, 45, 70, 86—88, 94, 108, 113, 118, 573, 578, 593—597, 600, 601, 604, 611, 615, 650, 656, 658, 659, 661, 664

«Маленький герой» 70, 199, 200
«Мальчик у Христа на елке» 70, 108, 118, 122, 397, 486, 494
«Мечтатель». Неосуществленный замысел романа 7, 94, 108, 117, 118, 506, 516, 523, 526, 532, 535, 585, 590, 591, 635, 657
«Молодое перо» 25
«Мужик Марей» 57, 108, 401, 411, 412, 416—418, 421, 431, 488, 491, 492

«Наши монастыри» 332
«Наши направления. (Западники, славянофилы и реалисты)». Неосуществленный замысел статьи 105, 234
«Некролог Н. И. Соловьева» 331, 332
«Некролог Ф. И. Тютчева» 341
«Необходимое заявление» 25, 42, 104, 105, 198, 202, 237, 240, 241, 251, 276—280
«Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» 26, 122, 282
«Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже» 104, 200
«Несчастный случай» — см. «Скверный анекдот»
«Неточка Незванова» 47, 70, 199, 200, 272 (?)

«О новых литературных органах и о новых теориях» 37
«Одна из современных фальшей» 62—63
«Опять „Молодое перо“» 25, 209, 240, 282, 666
«Ответ „Русскому вестнику“» 32, 35, 36, 160
«Ответ „Современнику“». Неосуществленный замысел статьи 105, 250—258
«Отцы и дети». Неосуществленный замысел романа 7, 69, 70, 72, 73, 94, 108, 117, 445, 451, 506
«Офицер и нигилистка». Неосуществленный замысел 104, 215, 242, 284—285, 288

«Петербургская летопись» 26
«Петербургские сновидения в стихах и прозе» 26, 166
«Подросток» 5, 6, 14, 19, 20, 22, 23, 25, 27, 39, 40, 47, 48, 52, 53, 60, 62, 63, 66—70, 72, 83, 87, 88, 93, 107, 108, 117, 121, 289, 325, 332, 346, 348—350, 357, 359, 370, 386, 430, 443, 450, 453, 461, 470, 472, 474, 478, 480, 481, 483, 488, 492, 506, 507, 509—512, 516, 555, 641, 644
«По поводу выставки» 62
«По поводу элегической заметки „Русского вестника“» 32
«Последние литературные явления» 26
Последняя страничка 498
Предисловие к «Процессу Лесенера» 159, 235—236
Предисловие к «Трем рассказам Эдгара Поэ» 81
«Преступление и наказание» 5, 6, 10, 14, 20, 22, 26, 30, 39, 40, 51, 53—55, 57, 70, 82, 85, 86, 93, 103, 104, 108, 122, 196, 200, 201, 243, 247, 257, 280, 282, 309, 328, 329, 333, 409, 445, 460, 490, 540, 542, 572, 640, 689
«Пьяненькие». Неосуществленный замысел 94, 104, 183, 196

«Рассказы Н. В. Успенского» 122
Речь о Пушкине 7, 58, 74—76, 78, 79, 107, 108, 115, 168, 199, 495, 514, 634, 700, 701, 703, 705
«Ряд статей о русской литературе» 32, 33, 96, 98, 159, 167, 168

«„Свисток“ и „Русский вестник“» 25, 32, 160
«Село Степанчиково и его обитатели» 40, 70, 188, 195, 199, 200
«Скверный анекдот» 41, 44, 94, 96, 138, 164, 188, 200, 280
«Слабое сердце» 199, 408, 409, 490
«Сон смешного человека» 39, 70—72, 107, 113
«Сороковины». Неосуществленный замысел 317, 346
«Социализм и христианство». Неосуществленная статья 7, 39, 40, 71, 105—107, 253, 591
‹Статья о Петре I›. Неосуществленный замысел 58
«Столетняя» 80, 108, 440, 448—450, 452, 502, 503, 508

«Тритон. (Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова и его друга)» 46

«Униженные и оскорбленные» 5, 7, 26, 44, 70, 96, 113, 161, 188, 200, 689

«Хозяйка» 188, 199, 200

«Честный вор» 199
«Чтобы кончить. Последнее объяснение с „Современником“» 42, 104, 239—241, 278, 280
«Чужая жена и муж под кроватью» 199, 200

«Щекотливый вопрос» 26, 32

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 5

ТВОРЧЕСКИЕ ДНЕВНИКИ ДОСТОЕВСКОГО 9

I. «ПРАВДА ЛИЧНАЯ И ОБЩАЯ». ИСТОКИ ЖАНРА «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» 13

II. ДОСТОЕВСКИЙ В ИДЕЙНОЙ БОРЬБЕ ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ . . 31

III. ЭСТЕТИКА. ТЕОРИЯ И ТВОРЧЕСТВО. 79

Статья Л. М. Розенблюм

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ ХУДОЖНИКА И ПУБЛИЦИСТА 93

Статья Г. М. Фридлендера

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ И ТЕТРАДИ ДОСТОЕВСКОГО

I. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1860—1862 гг. 125

КОММЕНТАРИИ 158

II. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1862—1864 гг. 171

КОММЕНТАРИИ 188

III. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ 1864—1865 гг. 201

КОММЕНТАРИИ 234

IV. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ 1864—1865 гг. 243

КОММЕНТАРИИ 273

V. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1864—1865 гг. 284

КОММЕНТАРИИ 288

VI. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ 1872—1875 гг. 289

КОММЕНТАРИИ 325

VII. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ 1874—1875 гг. 349

КОММЕНТАРИИ 356

VIII. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ 1874—1875 гг. 359

КОММЕНТАРИИ 364

IX. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ 1875—1876 гг. 366

КОММЕНТАРИИ 470

X. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ 1876—1877 гг. 517

КОММЕНТАРИИ 632

XI. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ 1880—1881 гг. 667

КОММЕНТАРИИ 700

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ 706

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ 707

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 710

УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДОСТОЕВСКОГО 725

В томе 95 иллюстраций и 1 вклейка

«Литературное наследство»

том 83

Утверждено к печати
Ученым советом Института мировой литературы
им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редактор *А. Т. Лифшиц*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технические редакторы *Л. Н. Золотухина* и *П. С. Кашина*
Корректоры *В. Г. Богословский* и *Т. А. Пономарева*

Сдано в набор 9/VII 1971 г. Подписано к печати 1/X 1971 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Бумага № 1. Усл. печ. л. 63,9.
Уч.-изд. л. 66,2. А-04167. Тираж 15 000. Тип. зак. 2596.

Цена 4 р. 58 к.

Издательство «Наука»
Москва К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

4 р. 58 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·